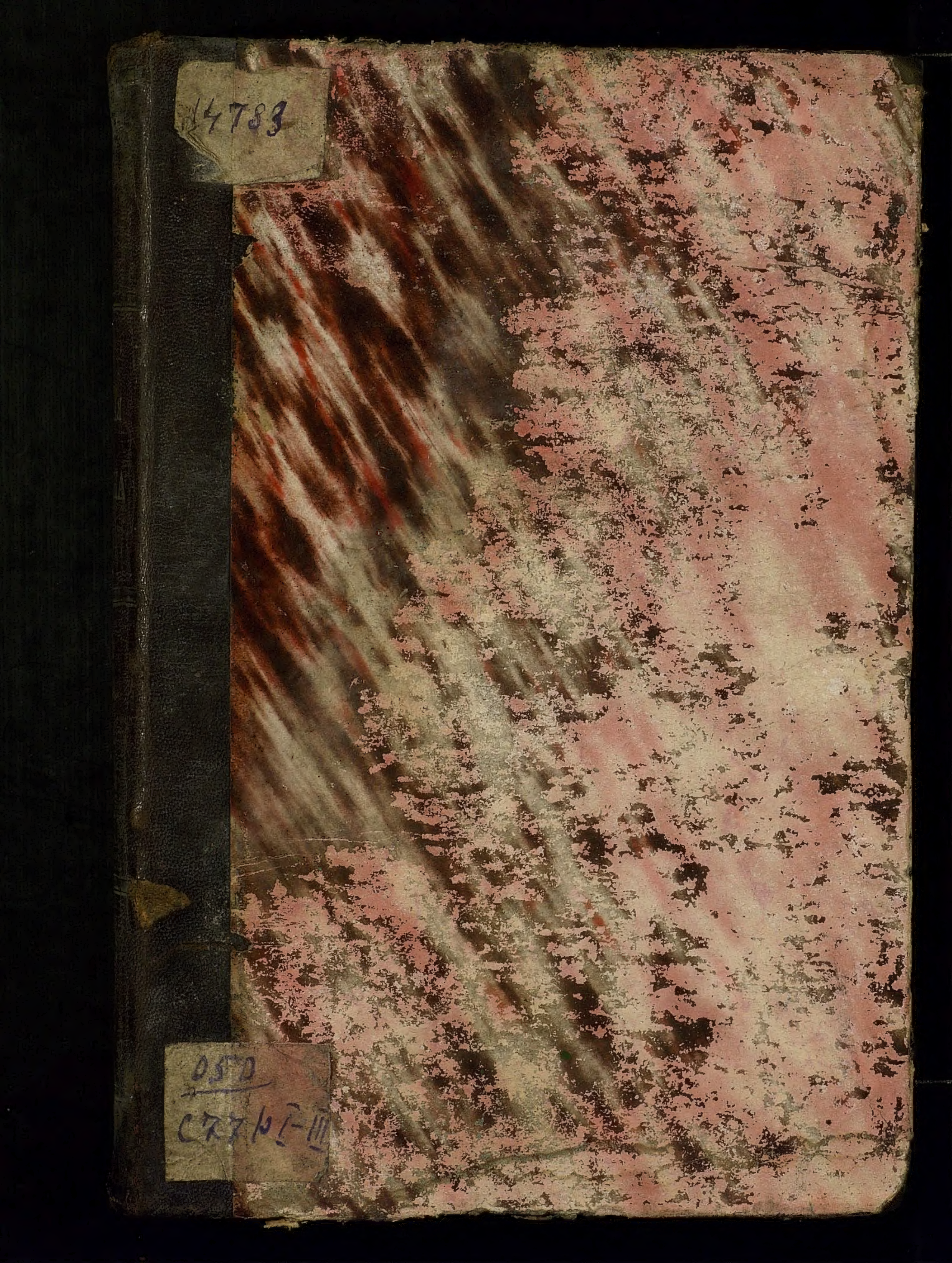
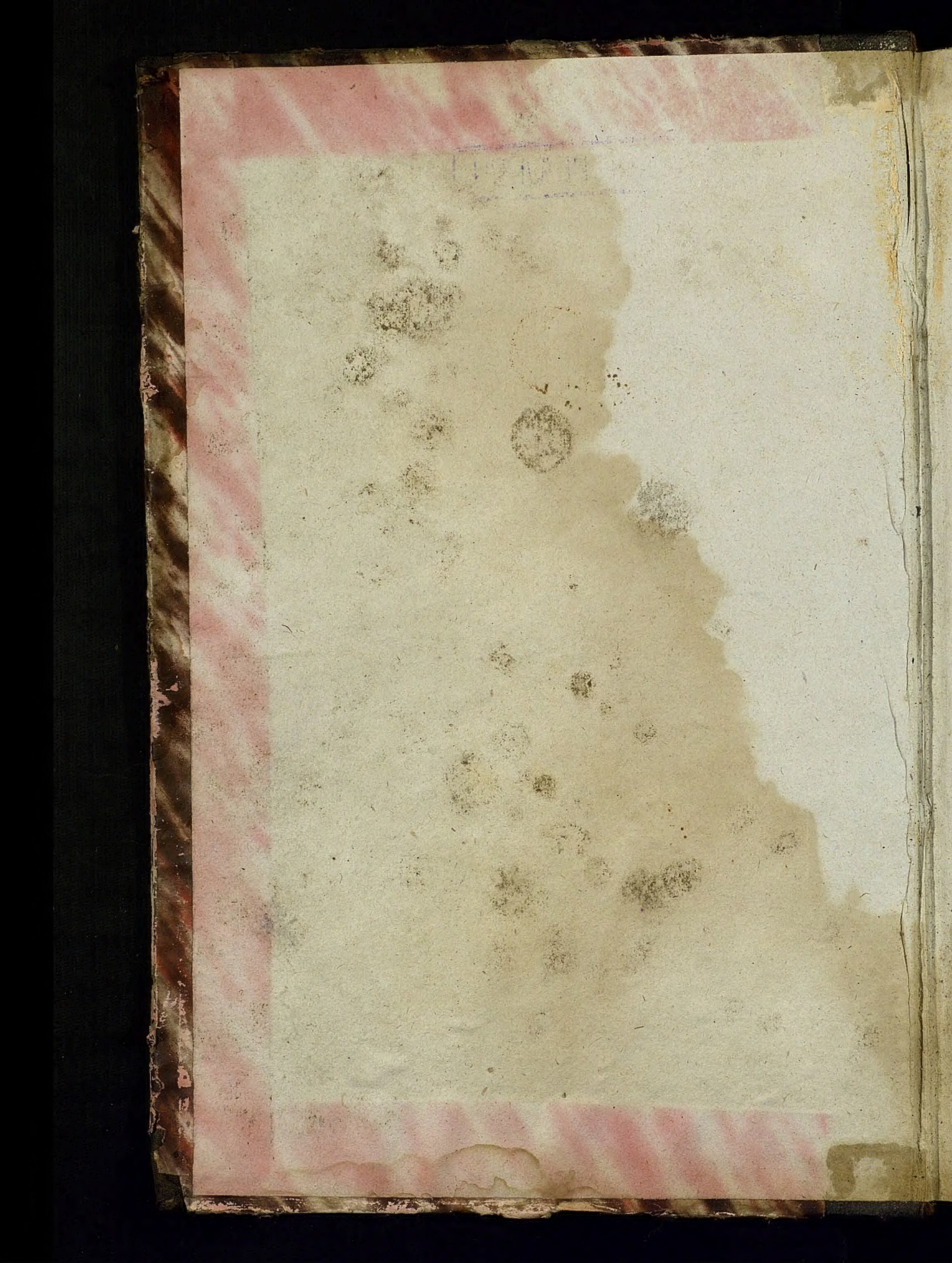

14783
05D
C77 №I-III

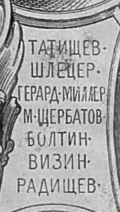
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1896.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

рис. К. Брожъ.

Дозволено цензурою. Спб., 22 ноября 1895 г. Тип. Высочайше утв. товар. „Общ. Польза" в. Подъяч. 39.

М. ЧАЙКОВСКІЙ.

МЕХМЕДЪ-САДЫКЪ-ПАША (ВЪ СТАРОСТИ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1896.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1896.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается перечень такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, Воробьева, Жмакина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы, 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго**, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать «**РУССКУЮ СТАРИНУ**» чрезъ редакцію «**Досугъ и Дѣло**».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ.

== Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, **Фонтанка, 145**. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. ==

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Екатерина Филипповна Татаринова и Александръ Петровичъ Дубовицкій.

V [1]).

Знакомство А. Дубовицкаго съ архимандритомъ Платономъ.—Прибытіе въ Петербургъ.—Продолженіе миссіонерской дѣятельности.—Разслѣдованіе полиціи.—Отъѣздъ Дубовицкаго въ Москву на жительство.—Сношенія его съ жителями селъ Горлово и Лепеги.—Неудачное сватовство.—Жизнь въ Москвѣ.—Обыскъ въ домѣ Дубовицкаго въ 1830 году.—Новое сватовство и женитьба.—Свиданіе съ архимандритомъ Платономъ и передача послѣднимъ дѣтей своихъ на воспитаніе Дубовицкому.—Послѣдствія такой передачи.—Вмѣшательство въ это дѣло митрополита Филарета.—Обыскъ въ домѣ Дубовицкаго въ 1833 году.—Показанія послѣдователей объ основахъ его ученія.—Ссылка и скитаніе Дубовицкаго по монастырямъ.—Лѣченіе кавказскими минеральными водами.—Просьба сына о помилованіи отца.—Освобожденіе.

Проѣзжая черезъ Ярославль, А. П. Дубовицкій совершенно случайно познакомился съ священникомъ каѳедральнаго собора, впослѣдствіи архимандритомъ Платономъ (Казанскимъ). По окончаніи курса въ Московской духовной академіи, онъ былъ профессоромъ Ярославской семинаріи и въ 1822 году рукоположенъ во священники къ каѳедральному собору.

---

[1]) См. «Русскую Старину» декабрь 1895 г.

Приглашенный Платономъ посѣтить его домъ и семейство, Дубовицкій, войдя въ комнаты, помолился, поздоровался съ присутствующими и, окинувъ глазами обстановку, сказалъ:

— Вотъ, ты хорошо живешь, а того и смотри, что похороны...

Платонъ пропустилъ сказанное мимо ушей, но жена его приняла слова эти къ сердцу и никогда ихъ не забывала. Съ другой стороны, посѣщеніе Дубовицкаго было памятно самому Платону по слѣдующему случаю: при входѣ гостя онъ внезапно раскрылъ Новый Завѣтъ и, къ удивленію и радости, увидѣлъ десятую главу Дѣяній Апостольскихъ.

— Не подумайте, ваше высокопреосвященство, — говорилъ Платонъ впослѣдствіи митрополиту Филарету,—чтобы я дерзнулъ отнести къ себѣ тѣ же качества, которыя Духъ Святый приписываетъ благочестивому Корнилію. Я окаяннѣйшій грѣшникъ, можетъ быть, и заблуждался при семъ случаѣ, можетъ быть, и Новый Завѣтъ раскрылся на вышеозначенномъ мѣстѣ случайно; но поелику всему этому я вѣрилъ въ простотѣ и принималъ все сіе отъ Бога, то, въ случаѣ нарушенія сего, я оставался бы передъ судомъ Его безотвѣтнымъ.

При такомъ нравственномъ настроеніи супруговъ религіозныя бесѣды Дубовицкаго такъ подѣйствовали на Платона и его жену, что они рѣшились перемѣнить жизнь мірскую на духовную: стали рѣже ходить въ гости и къ себѣ принимать, занимались молитвою и чтеніемъ нравственныхъ книгъ, ощутили потребность посѣщать тюрьмы и богадѣльни,—словомъ, получили сильное желаніе подчиниться водительству Духа Божія, какъ говорили тогда мистики.

Такъ велъ себя Платонъ около года, но потомъ вновь обратился къ свѣтской жизни и охладѣлъ къ «благодатнымъ прикосновеніямъ». Скоро онъ сталъ чувствовать упреки совѣсти, и по какому-то темному предчувствію утвердилась въ немъ увѣренность, что наказаніе Божіе не замедлитъ постигнуть его за оставленіе пути, указаннаго «человѣкомъ Божіимъ, ибо въ семъ понятіи,—говорилъ Платонъ,—принялъ я г-на Дубовицкаго». Предчувствія скоро сбылись, и наказаніе Божіе стало поражать его: то лишеніемъ близкихъ и кровныхъ, то другими случаями. Въ томъ же 1826 году, 12-го декабря, умеръ сынъ Платона, пяти мѣсяцевъ

отъ роду, а черезъ мѣсяцъ, 12-го января, скончался тесть его, лаврскій монахъ Варнава; въ 1828 году умеръ родной братъ Платона, штабъ-лѣкарь; 12-го марта 1829 года скончался другой сынъ, а черезъ мѣсяцъ послѣ него умерла и жена. Такимъ образомъ, слова, сказанныя Дубовицкимъ, повидимому, исполнились съ изумительною вѣрностью, и 5-го октября, того же года, Платонъ принялъ монашество. Онъ сознавался, что все происшедшее произвело на него поразительное впечатлѣніе.

«Поелику,—писалъ онъ митрополиту Филарету [1]),—архипастырское ваше ко мнѣ благорасположеніе даетъ мнѣ смѣлость какъ съ отцомъ моимъ говорить искренно, то осмѣливаюсь къ вышеупомянутымъ словамъ Дубовицкаго (сказаннымъ, повидимому, на-удачу, но исполнившимся съ разительною вѣрностью) привесть заключеніе нѣкоторой Богомъ просвѣщенной особы, вообще на всѣ слова и дѣйствія, изъ побужденія Духа Божія происходящія и какъ бы нечаянными кажущіяся. О, Боже!—говоритъ оная особа,—то, что кажется случившимся нечаянно, коль величайшимъ бываетъ дѣйствіемъ Твоего Промысла! Все то, что есть величайшаго въ духовной жизни, дѣлается какъ бы нечаянно,—слова, равно какъ и дѣйствія самыя Божественныя, совершаются безъ предразмышленія».

Платонъ сознавался, что хотя и не вѣритъ слѣпо всему чрезвычайному, но и не смѣетъ отвергать его. Не отвергалъ онъ способности предсказывать будущее и въ Дубовицкомъ, съ которымъ онъ, однакоже, не видался до переселенія на постоянное жительство въ Москву.

Остановившись на короткое время въ Ярославлѣ, А. П. Дубовицкій отправился затѣмъ въ Петербургъ, куда и прибылъ въ началѣ 1827 года. Онъ поселился почти на окраинѣ города, на Васильевскомъ островѣ, въ 24-й линіи, въ домѣ Михайлова. Прежде всего, онъ явился къ митрополиту Серафиму и открылъ ему, какъ отцу и архипастырю, свои религіозныя вѣрованія. Чистосердечное признаніе заставило Серафима измѣнить нѣсколько мнѣніе

---

[1]) Въ письмѣ 1833 года безъ мѣсяца и числа

о Дубовицкомъ, и онъ просилъ его побывать у Татариновой, съ цѣлью разузнать особенности ея ученія. Александръ Петровичъ исполнилъ порученіе митрополита, былъ нѣсколько разъ у Екатерины Филипповны, прямо и окровенно высказалъ свое мнѣніе объ этомъ союзѣ и, не раздѣляя убѣжденій Татариновой, прекратилъ съ нею всякія сношенія. Онъ замкнулся на Васильевскомъ островѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ дому и почти никого не принималъ.

Въ числѣ первыхъ лицъ, познакомившихся съ Дубовицкимъ, былъ уроженецъ города Либавы, живописецъ Александръ Павловичъ Будонъ, начавшій въ 1810 году службу въ полку Барклая-де-Толли, въ 1817 году вышедшій въ отставку и занявшійся рисованіемъ портретовъ. Въ 1827 году Будонъ поступилъ къ Александру Петровичу воспитателемъ его сына. Другимъ такимъ же воспитателемъ и учителемъ музыки былъ Иванъ Карловичъ Черлицкій, служившій въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ преподавалъ музыку и за то награжденъ былъ чиномъ титулярнаго совѣтника. Воспитательницею дочерей была по-прежнему дѣвица Екатерина Жерсонъ, жившая въ семействѣ съ 1821 года. Къ этой колоніи скоро присоединились чиновникъ 5-го класса Петръ Ивановичъ Русановскій и прибывшіе изъ селъ Горлова и Лепеговъ старые послѣдователи Дубовицкаго: дѣвица Анна Иванова и крестьянинъ Ермилъ Ивановъ. Въ должности кучера былъ пріѣхавшій изъ Скопинской Конно-Заводской волости крестьянинъ Ѳедоръ Хлапуринъ, а въ должности камердинера—престарѣлая дѣвица той же волости, Авдотья Гаврилова. Окруживъ себя прежними рязанскими послѣдователями, Александръ Петровичъ вытребовалъ изъ своего имѣнія нѣсколькихъ дѣвушекъ и мальчиковъ, взялъ на воспитаніе четырехъ постороннихъ малолѣтнихъ и сталъ внушать какъ имъ, такъ и всѣмъ взрослымъ особенности своего ученія.

При содѣйствіи Анны Ивановой и Ермила Иванова ученіе Дубовицкаго стало распространяться преимущественно среди низшаго класса населенія столицы и между солдатами. Послѣдніе собирались въ Московской части въ Казачьемъ пер. въ д. № 466, и большая часть ихъ была изъ Преображенскаго полка. По произведенному разслѣдованію оказалось, что общество это состояло подъ непосредственнымъ управленіемъ Дубовицкаго, изъ унтеръ-офицеровъ,

рядовыхъ и нестроевыхъ разныхъ полковъ. Собирались они въ разное время, безъ опредѣленія дней, довольствовались пищею и виномъ на счетъ основателя общества; читали Библію, Новый Завѣтъ и книги Св. Писанія. Все это были люди хорошаго поведенія и нравственности, переставшіе пить вино и предававшіеся молитвѣ. Число членовъ этого общества было велико, и въ одномъ Преображенскомъ полку ихъ насчитывалось человѣкъ до ста.

«Не входя въ пространное сужденіе,—писалъ генералъ-адъютантъ Шиповъ [1]),—что общество сіе, имѣющее въ началѣ своимъ предметомъ богоугодныя занятія, можетъ современемъ перемѣнить и правило, и цѣль, можно было замѣтить, что отвлеченныя занятія охлаждаютъ въ нихъ страсть къ военному ремеслу. Они теряютъ охоту къ исполненію должностей своихъ и дѣлаются слабыми въ управленіи ввѣренныхъ имъ частей, отчего начальство вынуждается отрѣшать ихъ отъ управленія оными, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается число людей довѣренныхъ и способныхъ».

Открытая правительствомъ дѣятельность Дубовицкаго между нижними чинами не ограничивалась этимъ. Сосѣди по дому, въ которомъ онъ жилъ, стали замѣчать, что къ нему собираются разнаго рода люди, и по этому поводу стали распространяться самые разнообразные толки. Одни говорили, что Дубовицкій развратникъ, другіе, что онъ скупецъ и въ то же время расточитель своего имѣнія; иные разсказывали, что онъ еретикъ, фанатикъ и, наконецъ, что онъ скопецъ, сторонникъ безбрачія и противникъ семейной жизни, разлучающій мужей съ женами.

Причиною послѣднихъ толковъ было слѣдующее обстоятельство:

А. П. Будонъ, рисуя портретъ дѣвицы Массъ, бывшей, какъ и онъ, послѣдовательницею ученія пастора Госнера, не задолго передъ тѣмъ высланнаго изъ Петербурга, часто бесѣдовалъ съ нею о религіи. Массъ была сговорена за одесскаго купца Бока, въ то время уѣхавшаго въ Лондонъ по коммерческимъ дѣламъ.

— Я не желаю выходить замужъ за Бока,—сказала однажды дѣвица Массъ,—потому что онъ человѣкъ не вѣрующій.

---

1) Въ запискѣ безъ мѣсяца и числа.

— Если женихъ таковъ,—отвѣчалъ Будонъ,—то, конечно, лучше не выходить, а ожидать другаго, болѣе достойнаго.

При этомъ Будонъ указалъ на Дубовицкаго, какъ на человѣка, съ которымъ она можетъ посовѣтоваться; но послѣдній не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта и просилъ ее положиться на волю Божію. Массъ такъ и сдѣлала; но спустя нѣкоторое время привела къ Дубовицкому свою сестру Шредеръ, не ладившую съ мужемъ и желавшую разойтись съ нимъ.

Будучи самою ревностнѣйшею послѣдовательницею Госнера, Роза Шредеръ вполнѣ предалась отвлеченной жизни, что́, конечно, не нравилось мужу и вызывало крупныя семейныя ссоры, доходившія до драки. Роза рѣшилась покинуть мужа, потребовала развода, но послѣдній не согласился и во избѣжаніе стыда намѣренъ былъ отправить жену навсегда за границу. Тогда дѣвица Массъ уговорила сестру сходить къ Дубовицкому и поговорить съ нимъ.

— Я не могу ничего посовѣтовать,—отвѣчалъ онъ;—дѣлай, что хочешь, я въ это не мѣшаюсь и не имѣю на то гласа Господня, потому что не знаю, въ какихъ отношеніяхъ ты съ своимъ мужемъ.

Роза разсказала ихъ подробно и объявила, что имѣла гласъ Господень на то, чтобы разойтись съ нимъ.

— Я, однако, не признаю этого,—сказалъ Дубовицкій, — и остаюсь нейтральнымъ.

Онъ совѣтовалъ ей жить по Евангелію и во всемъ слѣдовать ему. Между тѣмъ, ссоры съ мужемъ и угрозы его донести правительству о томъ, что она и нѣкоторыя изъ ея знакомыхъ продолжаютъ слѣдовать ученію высланнаго проповѣдника, окончательно разстроили семейное счастіе. 13-го сентября 1827 года, Роза Шредеръ ушла и дома не ночевала. На слѣдующій день ее нашли у пріятельницы Потъ и привели домой. Васильеостровскіе госнеровцы всполошились и, опасаясь преслѣдованія, сваливали всю вину на Дубовицкаго.

— Не мы причиною сего,—говорили они мужу Шредеръ,—а Дубовицкій врагъ женатаго состоянія.

Въ кругу иностраннаго купечества исторія эта произвела множество толковъ; всѣ приписывали настоящій случай вліянію Дубовицкаго, и старикъ Массъ ходилъ къ нему съ упрекомъ за совра-

щеніе дочерей. Обвиняемый отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, но распространившіеся по городу слухи заставили правительство обратить на нихъ вниманіе. 17-го октября начальникъ главнаго штаба И. И. Дибичъ писалъ А. Х. Бенкендорфу, что государь императоръ повелѣлъ произвести въ тайнѣ формальное слѣдствіе какъ о поступкѣ Шредеръ, такъ и о связяхъ Дубовицкаго[1]). Черезъ нѣсколько дней, служившій въ собственной Его Величества Канцеляріи коллежскій совѣтникъ Бектѣевъ, принимавшій участіе въ семействѣ Шредеръ, при письмѣ на высочайшее имя представилъ записку, въ которой говорилъ, что дальнѣйшія свѣдѣнія показываютъ, что Дубовицкій, слѣдуя богослуженію особеннаго рода, якобы соучаствуетъ въ распространеніи секты, имѣющей между прочимъ цѣлью, подъ видомъ исполненія словъ Св. Писанія, разлучать женъ отъ мужей, дѣтей—отъ родителей и внушать молодымъ людямъ и дѣвицамъ отвращеніе къ бракосочетанію. «Сверхъ того,—говорилъ Бектѣевъ[2]),—иные полагаютъ, что секта эта находится подъ заочнымъ управленіемъ высланнаго изъ Россіи, въ 1824 году, проповѣдника Госнера[3]), ищущаго преобразованія вѣры и сѣющаго плевелы въ сердцахъ слабыхъ, заблужденныхъ безмѣрнымъ чтеніемъ Библіи, безъ должнаго о ней понятія. Секта сія, по внушенію Госнера, имѣетъ еще то пагубное для нравственности правило, будто праведные не столько Христу пріятны, какъ кающіеся грѣшники. Слѣдовательно, предающіеся всякаго рода порокамъ и злодѣяніямъ должны надѣяться раскаяніемъ заслужить преимущество передъ безпорочными». Далѣе въ той же запискѣ говорилось, что, по вліянію Дубовицкаго, часть послѣдователей Госнера перешла къ Татариновой и поступила въ ея общество[4]).

Хотя во всемъ этомъ было не много правды, но слѣдствіе дѣятельно производилось, и Дибичъ потребовалъ отъ Синода подписку, данную Дубовицкимъ при освобожденіи его изъ Кириллова мо-

---

[1]) Отношеніе И. И. Дибича А. Бенкендорфу 17-го октября 1827 г. № 199.

[2]) Въ своей запискѣ, приложенной къ отношенію начальника главнаго штаба И. И. Дибича гр. Бенкендорфу отъ 17-го октября 1827 г. № 199.

[3]) Обвиненіе Дубовицкаго въ томъ, что онъ послѣдователь ученія Госнера, было несправедливо. Онъ началъ свою дѣятельность ранѣе Госнера и не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній.

[4]) Мы знаемъ только одного В. М. Попова.

настыря. Требованіе это удивило митрополита Серафима, къ которому Александръ Петровичъ весьма часто ѣздилъ, бесѣдовалъ подолгу и въ числѣ петербургскаго духовенства имѣлъ многихъ хорошихъ знакомыхъ [1]).

О такомъ знакомствѣ Дубовицкаго подтверждала и полиція. По ея донесеніямъ у Дубовицкаго ни съѣздовъ, ни сходбищъ никогда не было; образъ жизни проводилъ онъ въ молитвахъ и постѣ, по средамъ и пятницамъ ничего не ѣлъ. Въ домѣ его, кромѣ Будона, Черлицкаго и Жерсонъ, находились Дерптскаго (Юрьевскаго) университета студентъ Лиденбладъ и швейцарская уроженка Опперманъ. Живутъ они всѣ скромно, уединенно, и Дубовицкій самъ занимается воспитаніемъ дѣтей, часто ѣздитъ въ Невскую лавру къ знакомымъ ему монахамъ; къ нему ходитъ чаще другихъ экзекуторъ изъ Синода Шиллингъ и игуменъ Новгородскаго монастыря Меѳодій, когда бываетъ въ Петербургѣ. По справкамъ полиціи, А. П. Дубовицкій, въ разговорѣ съ хозяиномъ дома Михайловымъ, разсказывалъ ему и смѣялся, что къ нему приходила какая-то г-жа Шредеръ, говорила, что мужъ ее бьетъ, что ей несносно жить съ нимъ, и спрашивала совѣта, но Дубовицкій отвѣчалъ, что грѣхъ расторгать союзъ брака, и что это противно закону Божію. По заявленію полиціи, изъ послѣдователей Госнера никто у Дубовицкаго не бываетъ и хотя съ однимъ изъ подобныхъ, купцомъ Нотбекомъ, Александръ Петровичъ и знакомъ, но они почти не видятся другъ съ другомъ «и въ мысляхъ или набожности между собою связи никакой не имѣютъ» [2]).

Нѣсколько иное сообщали агенты тайной полиціи. По словамъ ихъ, участіе Дубовицкаго въ ссорѣ супруговъ Шредеръ было несомнѣнно, какъ несомнѣнна и принадлежность его къ сектѣ Татариновой. Хотя ихъ фантастическія мечты кажутся совершенно противными правиламъ и заблужденіямъ госнеріанцевъ, «но при изслѣдованіи настоящаго случая (ухода Шредеръ) оказывается, что изступленная часть послѣдователей Госнера, черезъ вліяніе Дубо-

---

[1]) Изъ письма оберъ-полиціймейстера Княжнина А. Х. Бенкендорфу, 2-го ноября 1827 года.

[2]) Записка полиціи отъ 25-го октября 1827 года. Мы знаемъ, однакоже, что Будонъ и Черлицкій были прежде послѣдователями Госнера.

вицкаго, начала прилѣпляться къ изувѣріямъ татаринцевъ. Сихъ послѣднихъ можно бы назвать моральными скопцами, ибо они проповѣдуютъ, что свѣтъ погруженъ въ гибели, и что посему должно противодѣйствовать размноженію рода человѣческаго. Отъ сего-то пагубное ихъ стремленіе расторгать браки и мѣшать заключенію оныхъ».

Такъ писалъ А. Бенкендорфу его директоръ особенной канцеляріи фонъ-Фокъ [1]) и присовокуплялъ, что по всѣмъ заключеніямъ Дубовицкій «есть опасный для общественнаго спокойствія человѣкъ, котораго и претерпѣнное наказаніе не могло исправить. Потому заключеніе его въ какой-либо монастырь, по усмотрѣнію духовнаго начальства, казалось бы мѣрою справедливою и кроткою».

Разногласія въ показаніяхъ городской полиціи и тайной заставили оберъ-полиційместера Княжнина лично провѣрить тѣ и другія показанія. Пользуясь тѣмъ, что лѣтъ двадцать назадъ онъ служилъ въ одномъ полку съ Дубовицкимъ, Княжнинъ отправился къ нему подъ предлогомъ желанія возобновить знакомство. Взаимныя объясненія привели къ слѣдующему: Дубовицкій удаляется отъ общества, посвятилъ себя Спасителю, помогаетъ бѣднымъ и больнымъ, и если даетъ наставленія, то единственно для отвращенія отъ пороковъ и направленія къ добродѣтели. Онъ почитаетъ церковь, признаетъ ея уставы и называетъ государя своимъ благодѣтелемъ. Живущіе у него въ домѣ Будонъ и Черлицкій были оба послѣдователями Госнера, но послѣ наставленій Дубовицкаго уклонились отъ него.

— Въ чемъ же вы находите теперь заблужденіе Госнера?— спросилъ Княжнинъ.

— Госнеръ,—отвѣчалъ Будонъ,—не признавалъ власти церкви и отвергалъ обряды ея, а Дубовицкій растолковалъ намъ важность обрядовъ и открылъ намъ свѣтъ истиннаго христіанства.

«Изъ словъ Дубовицкаго,—писалъ Княжнинъ [2]), я заключилъ, что онъ, уважая извѣстную Татаринову, какъ женщину добродѣтельную, недоволенъ людьми, ее окружающими, и потому удалился отъ нея».

---

[1]) Въ запискѣ 1827 года безъ мѣсяца и числа.

[2]) Генералу Бенкендорфу въ письмѣ отъ 2-го ноября 1827 года.

Благосклонные отзывы митрополита Серафима, архіепископа Филарета и генерала Княжнина спасли на этотъ разъ Дубовицкаго; Роза Шредеръ съ братомъ своимъ Александромъ Массомъ въ концѣ октября уѣхала за границу, и разговоры объ этомъ происшествіи прекратились, но не прекратился надзоръ за Дубовицкимъ, и, чтобы избавиться отъ него, онъ рѣшился уѣхать на жительство въ Москву.

Въ октябрѣ 1828 года Александръ Петровичъ купилъ двѣ большихъ лодки и поплылъ на нихъ въ первопрестольную столицу со всею своею колоніею. Съ нимъ отправились: Будонъ, Черлицкій, Русановскій, вдова Наталья Григорьевна съ сыномъ Ѳедоромъ Семеновымъ, дѣвица Анна Иванова, француженка Опперманъ, отставной матросъ 32-го флотскаго экипажа Артамонъ Алексѣевъ, крестьянинъ Ермилъ Ивановъ, кучеръ, женщина-камердинеръ, 8 человѣкъ крѣпостныхъ мужчинъ и мальчиковъ и 13 крѣпостныхъ дѣвушекъ. Плывя на лодкахъ, эти «люди Божіи» пѣли пѣсни и духовные стихи, молились и прославляли Творца. Въ Тихвинѣ всѣ исповѣдались и причастились Св. таинъ. Водой плыли до Сойминской пристани, а потомъ ѣхали на нанятыхъ подводахъ. Въ ноябрѣ 1828 г. Дубовицкій и его спутники прибыли въ село Богородское Московской губерніи, принадлежавшее Александру Петровичу. Здѣсь переселенцы прожили нѣсколько недѣль и совершали ежедневно установленныя молитвы: собирались въ одну комнату, пѣли стихи, сочиненные Дубовицкимъ, и при этомъ били себя рукою въ грудь или бедра.

«Здѣсь, — показывалъ Артамонъ Алексѣевъ, — видѣлъ я, что Дубовицкій носитъ на тѣлѣ вериги, сѣчетъ себя кнутами при преданныхъ ему», которые отъ того приходятъ въ изумленіе, считая «что самъ Господь съ сіе время осѣняетъ его невидимою благодатію и что побои ему не чувствительны; напротивъ же, когда почувствуетъ боль отъ веригъ, то снимаетъ съ себя оныя и употребляетъ лѣкарство».

На второй недѣлѣ великаго поста Александръ Петровичъ выѣхалъ изъ Богородскаго къ матери, въ село Етенкино Рязанской губерніи, оставилъ у нея дѣтей съ гувернанткою и учителями, а самъ съ небольшою свитою, въ которой находились Анна Иванова

и Ермилъ Ивановъ, направился въ села Горлово и Лепеги, къ своимъ старымъ послѣдователямъ. Остановившись въ послѣднемъ селеніи въ домѣ отца Ермила Иванова, Дубовицкій совершилъ моленіе, на которомъ присутствовало много мужчинъ и женщинъ: пѣли канты и усердно молились. Охотниковъ присутствовать на моленіи было много; одни шли сюда по невѣжеству, другіе потому, что Александръ Петровичъ щедро награждалъ своихъ послѣдователей, раздавалъ имъ деньги, шилъ платья и проч. Всѣ они кланялись ему въ ноги и цѣловали руки.

Изъ Лепеговъ Дубовицкій поѣхалъ въ Данковскій уѣздъ въ имѣніе помѣщика Аксенова и сдѣлалъ предложеніе его дочери. Когда узнали о томъ сосѣди, то совѣтовали дѣвушкѣ не выходить за него замужъ. Дубовицкій извѣстенъ былъ сосѣдямъ какъ основатель особой секты, какъ человѣкъ набожный, каждую недѣлю причащающійся Св. таинъ, носящій на тѣлѣ вериги, а потому намѣреніе его жениться всѣхъ удивило. Одинъ изъ хорошихъ знакомыхъ и пріятелей семейства Аксеновыхъ, разговаривая съ игуменомъ Богословскаго монастыря Рязанскаго уѣзда, слышалъ отъ него, что въ сектѣ Дубовицкаго не считается грѣхомъ соблазнить дѣвушку, основываясь на томъ, что Іисусъ Христосъ родился отъ Пресвятой Дѣвы Маріи и что сочетавшаяся бракомъ женщина въ отношеніи къ мужу не должна имѣть болѣе преимущества всякой другой и что разрѣшеніе отъ бремени въ дѣвствѣ сектанты считаютъ дѣломъ богоугоднымъ [1]). Все это, конечно, было передано матери невѣсты, и женихъ получилъ отказъ. Уѣзжая отъ Аксеновыхъ, Александръ Петровичъ оставилъ у нихъ на нѣсколько дней своего спутника Артамона Алексѣева, который, притворившись блаженнымъ, успѣлъ соблазнить двухъ горничныхъ, которыя, какъ онъ самъ показывалъ, поддались ему «яко мученицы» изъ одной слѣпой вѣры въ его святость [2]).

Возвратившись въ свое подмосковное имѣніе, Дубовицкій намѣренъ былъ завести школу для дѣтей, воспитывать ихъ въ духѣ своего ученія и поддерживать секту, основанную имъ въ Рязанской губерніи. «Мнѣніе общее о Дубовицкомъ и его сектѣ такое,—доно-

---

[1]) Донесеніе полковника Приклонскаго начальнику 2 округа корпуса жандармовъ 10 апрѣля 1829 г. № 68.

[2]) Показаніе Артамона Алексѣева.

силъ полковникъ Приклонскій [1],—что онъ въ себѣ заключаетъ двѣ противоположности ханжи, поселяющаго развратъ». По полученіи этого донесенія А. Бенкендорфъ сообщилъ московскому генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну резолюцію императора: «Заводить школы Дубовицкому не дозволять, объ Артамонѣ сдѣлать формальное слѣдствіе жандармскому офицеру вмѣстѣ съ земскою полиціею и о послѣдующемъ донести [2]. Самого же Дубовицкаго не упускать изъ вида ни на шагъ и чаще о немъ доносить [3]».

На основаніи этой резолюціи, въ концѣ октября 1829 года было донесено, что Дубовицкій пріѣхалъ въ Москву, купилъ себѣ домъ и приспособляетъ его для богослуженія и заведенія школъ [4]. Домъ этотъ, при осьми разныхъ строеніяхъ, былъ расположенъ между цвѣтникомъ къ улицѣ Шабаловкѣ и садомъ, занимающимъ пространство до самой Серпуховской заставы. Онъ постоянно надстраивался, пристраивался, и Дубовицкій разсказывалъ всѣмъ, что купилъ его близъ Донскаго монастыря потому, что въ немъ погребена его жена. Велъ онъ жизнь совершенно уединенную и, зная, что находится подъ надзоромъ полиціи, ѣздилъ нѣсколько разъ къ начальнику 2-го округа корпуса жандармовъ генералъ-лейтенанту Волкову, съ которымъ былъ давно знакомъ [5]. Онъ обращалъ вниманіе Волкова на странную несообразность ходившихъ о немъ слуховъ.

— Все сіе происходитъ отъ того,—говорилъ Дубовицкій,—что я веду жизнь совершенно уединенную, слѣдственно, немногимъ извѣстную, и люди гадаютъ обо мнѣ.

Имѣя порученіе слѣдить за поведеніемъ Александра Петровича, генералъ Волковъ былъ нѣсколько разъ у него, бесѣдовалъ съ нимъ и осматривалъ помѣщеніе. Онъ доносилъ, что Дубовицкій имѣетъ характеръ весьма тихій, сердце доброе, занятъ единственною мыслью спасенія какъ себя, такъ и окружающихъ. Подъ вліяніемъ этой мысли, онъ держитъ у себя прислугу изъ людей испытаннаго бла-

---

[1]) Донесеніе Приклонскаго 10 апрѣля 1829 г. № 68.

[2]) По Высочайшему повелѣнію Артамонъ Алексѣевъ былъ отправленъ въ Бобруйскъ въ безсрочные крѣпостные арестанты.

[3]) Отношеніе А. Бенкендорфа кн. Д. В. Голицыну 31 мая 1829 г. № 2177.

[4]) Отношеніе кн. Голицына А. Бенкендорфу 24 октября 1829 г. № 164.

[5]) Письмо генерала Волкова фонъ-Фоку 26 іюня 1829 г.

гочестія «и какъ съ таковыми качествами онъ не могъ собрать нужное ему число, то недостатокъ дополнилъ наемными людьми хорошей нравственности [1])».

По словамъ Волкова, дѣти Дубовицкаго воспитывались въ страхѣ Божіемъ, подъ личнымъ присмотромъ отца. Дочери были на рукахъ у гувернантки испытанной нравственности, имѣли учителя пѣнія и музыки; для сына ѣздилъ священникъ давать уроки латинскаго и еврейскаго языковъ, но не Закона Божія. «Кромѣ того надзираютъ за каждымъ ихъ шагомъ и словами. Напримѣръ, если бы они сдѣлали или сказали что-либо неприличное, для наблюдаемаго отцомъ ихъ благочестія, то имъ сейчасъ напоминаютъ, что они находятся въ присутствіи Божіемъ, который видитъ не только дѣйствія, но и самыя помышленія ихъ, а потому они должны всего остерегаться».

Подъ предлогомъ того, чтобы приготовить для дѣтей прислугу образованную, воспитанную въ страхѣ Божіемъ, Дубовицкій взялъ къ себѣ въ домъ шесть дѣвочекъ и столько же мальчиковъ, которые обучались Закону Божію, пѣнію духовныхъ стиховъ, рукодѣлію и мастерству. Узнавъ объ этомъ, генералъ Волковъ тотчасъ же отправился въ домъ Александра Петровича, и вотъ что доносилъ онъ по этому поводу:

«Домъ Дубовицкаго можетъ сравниться съ лучшимъ монастыремъ, ибо въ немъ царствуетъ благочестіе, совершенная тишина и строгій во всемъ порядокъ. Всѣ живущіе имѣютъ видъ кроткій и веселый, всякій охотно занимается своимъ дѣломъ, никто и никогда не употребляетъ горячихъ напитковъ и въ пищу мяса. Самъ же Дубовицкій въ постные дни не вкушаетъ даже ничего; рубашки носитъ изъ толстаго полотна, а на тѣлѣ желѣзныя вериги, очень часто бываетъ въ церкви и всякую недѣлю причащается Св. таинъ.

«Имѣнія за собою имѣетъ до 2.000 душъ и получаетъ значительный доходъ, изъ котораго часть употребляетъ на вспоможенія сокровенныя и другія богоугодныя дѣла. Разсмотрѣвъ таковую жизнь его, нельзя, кажется, не согласиться, что онъ точно долженъ быть преисполненъ духомъ истиннаго христіанина... Я не оставлю надъ нимъ моихъ наблюденій, буду стараться узнать дурныя его стороны,

[1]) Письмо генерала Волкова А. Бенкендорфу 12 сентября 1829 г.

равно вникнуть и въ правила воспитанія мальчиковъ съ дѣвочками. Теперь же, не имѣя еще въ виду ничего подозрительнаго въ образѣ ученія ихъ, я опасаюсь примѣнить оное къ тѣмъ школамъ, кои ему заводить запрещено».

Таинственность, которою окружалъ свою жизнь Дубовицкій, и упорные слухи, что онъ собираетъ къ себѣ дѣтей и распространяетъ между ними свое ученіе, заставили московскаго генералъ-губернатора кн. Голицына поручить состоявшему при немъ дѣйствительному ст. сов. Тургеневу и оберъ-полиціймейстеру Шульгину произвести нечаянный обыскъ въ домѣ Дубовицкаго.

14-го января 1830 года они исполнили порученіе, но не нашли ни училища и ничего клонящагося къ нарушенію правилъ вѣры или общественнаго порядка. Александръ Петровичъ заявилъ слѣдователямъ, что хотя въ домѣ его находится 6 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ, но какъ богатый помѣщикъ онъ, кажется, имѣетъ на то право; что дѣти эти обучаются Закону Божію, мастерству и пѣнію; что самъ онъ постную пищу употребляетъ съ юности и не считаетъ ее за святыню, а скоромную—за оскверненіе; что, бывая въ гостяхъ, употребляетъ ту и другую одинаково и прислугѣ своей приказалъ ѣсть скоромную за исключеніемъ постовъ и постныхъ дней [1]).

Такое объясненіе признано было на этотъ разъ достаточнымъ, и Дубовицкій вскорѣ послѣ осмотра его дома отправился въ село Глѣбово Рязанскаго уѣзда къ помѣщицѣ Лихониной. Лѣтъ двадцать тому назадъ онъ сваталъ Наталью Петровну Лихонину, но ему было отказано. Пріѣхавъ въ Глѣбово въ первыхъ числахъ февраля 1830 года, онъ прожилъ въ немъ около пяти недѣль, совершенно скрытно отъ сосѣдей и никому не показываясь. Онъ по цѣлымъ днямъ бесѣдовалъ съ дѣвицею Лихониною, которой теперь было около 45 лѣтъ отъ роду, и наконецъ былъ объявленъ женихомъ. Лихонина одна, безъ матери, отправилась въ Москву и поселилась у Дубовицкаго, который говорилъ, что послѣ праздника Пасхи они вмѣстѣ отправятся къ матери невѣсты, и тамъ будетъ совершено бракосочетаніе [2]). Получивъ объ этомъ донесеніе, императоръ Николай на-

---

[1]) Донесеніе дѣйств. ст. сов. Тургенева и генерала Шульгина, 21 января 1830 г.

[2]) Письмо генерала Волкова А. Бенкендорфу, 27 марта 1830 г.

писалъ: «смотрѣть, что послѣдуетъ». А послѣдовало вотъ что: проживъ до августа въ домѣ Дубовицкаго, Лихонина возвратилась въ домъ матери и сказала, что обвѣнчана, но гдѣ и когда? никто не зналъ и она не говорила. Причину разлуки объясняли различно: говорили, что она не пожелала принадлежать къ сектаторству; что разошлась съ Дубовицкимъ потому, что онъ заставлялъ ее исполнять черныя работы наравнѣ съ прислугою, такъ какъ это входило въ одно изъ правилъ его ученія и, наконецъ, что это ученіе состоитъ въ томъ, чтобы соблазнять невинныхъ дѣвушекъ и, проживъ съ ними нѣкоторое время, бросать ихъ [1]). Самъ Дубовицкій говорилъ, что, женясь на Лихониной, онъ не сошелся характеромъ и ошибся, думая найти въ ней только христіанскаго друга и помощника какъ въ воспитаніи дѣтей, такъ и по хозяйству. Но жившіе въ его домѣ, впослѣдствіи, показывали, что супруга Дубовицкаго уѣхала отъ него потому, что не пожелала «принять правила Закона Божія, въ нашемъ домѣ господствующія. Въ отношеніи обязанностей мужа къ женѣ по правиламъ Дубовицкаго пріятнѣе Богу, ежели они могутъ жить какъ братъ съ сестрою [2])». Говорили, что хотя Дубовицкій и причащается каждую недѣлю Св. таинъ, но дѣлаетъ это изъ одного лицемѣрія, что онъ никогда не глотаетъ ихъ, а уноситъ тайно къ себѣ въ домъ. Къ этимъ слухамъ присоединилось одно обстоятельство, которое имѣло вліяніе на послѣдующую жизнь Александра Петровича,—это принятіе въ свой домъ на воспитаніе дѣтей архимандрита Платона.

Въ 1829 году архимандритъ Платонъ былъ переведенъ бакалавромъ въ Московскую духовную академію; въ 1831 году онъ былъ назначенъ инспекторомъ духовной академіи и управляющимъ Дмитровскимъ Борисоглѣбскимъ монастыремъ, а въ 1832 году—Московскимъ Знаменскимъ монастыремъ. Съ этимъ назначеніемъ явилось у него непреодолимое желаніе ѣхать въ Москву. Не вмѣшивается ли тутъ какая-либо суетность, думалъ Платонъ, часто осуждалъ себя, смѣялся надъ собою, находя свое желаніе слишкомъ страннымъ; но

---

[1]) Отношеніе генерала Лесовскаго А. Бенкендорфу, 20 августа 1833 г.

[2]) Показанія жившихъ въ домѣ Дубовицкаго Бильова, Афимьи Ивановой, унтеръ-офицера Преображенскаго полка Степана Никитина и многихъ другихъ.

*

преодолѣть его не могъ и отправился въ первопрестольную столицу. Тамъ, прежде всего, онъ, конечно, побывалъ у Дубовицкаго по потребности побесѣдовать съ нимъ и посовѣтоваться о дѣтяхъ, которыя находились въ домѣ родственника его, діакона при Хатьковскомъ женскомъ монастырѣ. Платонъ нашелъ Александра Петровича еще болѣе кроткимъ, нежели видѣлъ его въ Ярославлѣ въ 1826 году.

— Въ немъ,—говорилъ Платонъ,—и во всѣхъ членахъ его дома нашелъ я кротость, смиреніе, преданность и любовь къ Искупителю, каковымъ описываетъ Его Исаія въ 53 главѣ; видна была любовь къ ближнему и сильное желаніе видѣть всѣхъ истинными христіанами. Замѣчательно между прочимъ было то, что когда они (жившіе въ домѣ) услышали, что я вѣрю истинѣ: Христосъ въ насъ, то отъ радости, всѣ бывшіе при томъ вдругъ сдѣлали знаменіе креста на себѣ. Мнѣ представлялось, что воистину Богъ съ ними обитаетъ. Находясь съ ними, какъ бы электризуешься кротостію и любовью къ Искупителю, готовъ бываешь раскрыть передъ Нимъ душу свою и невольно припоминаешь слова апостола Павла въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ (Глава XIV, ст. 24 и 25).

«Когда сказалъ мнѣ Дубовицкій,—писалъ Платонъ митрополиту Филарету,—что правительство имѣетъ за нимъ особенный надзоръ, тогда страхъ человѣческій, какъ морозъ, пробѣжалъ по моимъ членамъ. Впрочемъ, по пріѣздѣ моемъ въ монастырь, когда я помолился, не только страхъ сей прошелъ, но, къ удивленію моему, вопреки всѣхъ моихъ человѣческихъ удостовѣреній о хорошемъ воспитаніи дѣтей моихъ въ Хатьковѣ, по внутреннему убѣжденію открылось во мнѣ желаніе отдать г. Дубовицкому дѣтей моихъ и поелику совѣстно мнѣ было объясняться съ нимъ о семъ на словахъ, то я, сдѣлавъ записочку, положилъ оную въ карманъ».

Особой благости Божіей приписалъ архимандритъ Платонъ то, что когда онъ пришелъ съ запиской къ Дубовицкому, то тотъ самъ спросилъ, гдѣ находятся его дѣти? Платонъ отвѣчалъ, что дѣти его находятся въ хорошихъ рукахъ, у добрыхъ и набожныхъ родственниковъ, при самомъ лучшемъ надзорѣ, и имъ дается хорошее воспитаніе. Но Дубовицкій, къ великому удивленію говорившаго и не

зная его родственниковъ, утверждалъ, что дѣти находятся въ бѣдственномъ и пагубномъ положеніи и въ худыхъ рукахъ, и сказалъ, что изъ сожалѣнія къ ихъ участи и по любви къ Платону рѣшается взять ихъ къ себѣ.

— Желая тебя видѣть истиннымъ монахомъ, —прибавилъ Дубовицкій,—я сниму съ тебя всякую заботу и попеченіе какъ о настоящемъ ихъ положеніи, такъ и объ устройствѣ будущей ихъ судьбы.

Послѣ этихъ словъ Платонъ не считалъ нужнымъ скрывать своего желанія, показалъ Дубовицкому заготовленную имъ записку, и оба приняли этотъ случай за указаніе Промысла Божія. Но при этомъ Дубовицкій объявилъ Платону, что не можетъ взять дѣтей только на время, но что отецъ долженъ посвятить ихъ Господу и, отрекшись въ отношеніи къ нимъ отъ всѣхъ мірскихъ видовъ, отдать ему ихъ безъ возврата. Не скрылъ Дубовицкій и того, что, отдавая дѣтей своихъ въ руки человѣка для міра подозрительнаго, находящагося подъ надзоромъ полиціи, Платонъ можетъ подвергнуться бѣдствіямъ; что не только дружба и связь, но одни сношенія съ нимъ могутъ угрожать ему лишеніемъ чести и добраго имени. Дубовицкій совѣтовалъ ему прежде убѣдиться въ чистотѣ его намѣреній и въ томъ, что дѣти его будутъ возведены въ истинные члены живой, внутренней церкви Божіей, и тогда уже не отступать отъ союза съ нимъ, хотя бы это стоило ему жизни.

— Люди вѣка сего, —говорилъ Дубовицкій,—не судить меня хотятъ, а видѣть непремѣнно виноватымъ. Они не сдѣлаютъ такого заключенія: стало быть онъ не еретикъ, когда архимандритъ и учитель православнаго ученія, зная коротко его, имѣетъ съ нимъ связь, но, напротивъ, выведутъ совсѣмъ противное заключеніе, т. е., что онъ величайшій и опаснѣйшій еретикъ, когда архимандрита соблазнилъ и умѣлъ сдѣлать членомъ своей секты и ереси.

Такія ужасныя послѣдствія отъ союза и дружбы съ Дубовицкимъ, разсказанныя имъ самимъ, смутили Платона, и онъ долго не рѣшался передать дѣтей въ руки Александра Петровича, но затѣмъ, видя въ этомъ указаніе Промысла Божія, уступилъ настояніямъ его и передалъ ихъ.

При одномъ изъ представленій Филарету Платонъ самъ доло-

жилъ о томъ митрополиту. Филаретъ выразилъ свое недовѣріе къ чистотѣ вѣрованій и къ православію Дубовицкаго и совѣтовалъ взять дѣтей обратно къ себѣ, но архимандритъ просилъ позволенія оставить, говоря, что уже посвятилъ ихъ Господу.

«Обѣтовъ такого рода,—писалъ Платонъ митрополиту Филарету,—обязательность коихъ простирается не на однихъ обѣщающихъ, но на ихъ дѣтей и даже на потомство, много въ Св. Писаніи. Сюда принадлежитъ семейный обѣтъ Іоанадава, сына Рихавова, не пить вина со всѣмъ своимъ потомствомъ (Іер. гл. 35); обѣтъ Анны, матери Самуиловой, которая еще неродившагося сына обѣщала посвятить Господу, и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что произносившіе таковые обѣты имѣли внутреннее возбужденіе отъ Духа Божія.

«Что принадлежитъ до меня, на что мнѣ еще большихъ и яснѣйшихъ на сей предметъ указаній бдящаго о насъ Промысла! Цѣлое оныхъ, такъ сказать, сплетеніе усмотрите, высокопреосвященнѣйшій владыко, въ письмѣ семъ, и то одно, что духъ міра запятналъ (?) дѣтей моихъ въ столь раннихъ лѣтахъ, достаточною было для меня причиною искать для нихъ руководителей, посвятившихъ себя Господу. А когда Господь ясно указалъ мнѣ людей сихъ, то могъ ли я, не подвергая себя и дѣтей моихъ гнѣву Божію, отвергать столь чудную милость Божію? Расположеніе дѣтей моихъ совершенно согласно съ сими указаніями, какъ ваше высокопреосвященство увидите впослѣдствіи письма сего. Къ симъ указаніямъ осмѣливаюсь присовокупить и молитву мою о дѣтяхъ, безъ сомнѣнія не безъ воли Божіей родившуюся въ душѣ моей, которую, сжавъ сердце, открываю вашему высокопреосвященству, какъ отцу моему, коего судъ, безъ сомнѣнія, будетъ для меня отеческій. Съ самаго рожденія дѣтей моихъ молитва моя объ нихъ, между прочимъ, была слѣдующая:

«Господи! соблюди ихъ во имя Твое, научи ихъ творити волю Твою, научи ихъ нести крестъ Твой съ юности ихъ, сохрани ихъ сердца отъ заразы мірской, не даждь имъ ни богатства, ни славы мірской, но содѣлай ихъ только истинными христіанами».

«По смерти матери ихъ молитва сія была чище и пламеннѣе, такъ какъ, съ паденіемъ опоръ земныхъ, упованіе наше на Бога становится сильнѣе. Всѣ сіи указанія, и внѣшнія и внутреннія, поста-

вляютъ меня въ правѣ воспользоваться касательно дѣтей Божественнымъ совѣтомъ апостола Павла (посл. коринѳ. Гл. VII, ст. 37 и 38).»

Вотъ при какомъ внутренно нравственномъ состояніи Платонъ передалъ своихъ дѣтей Дубовицкому, но, по разлукѣ съ ними, онъ въ теченіе трехъ дней ощущалъ такую скорбь, какой до того никогда не испытывалъ. Слѣпая любовь къ дѣтямъ, опасенія, не встрѣтятъ ли они со стороны воспитателей жестокости и не попадуть ли на путь обольщенія, такъ сильно терзали сердце Платона, что онъ думалъ если и на томъ свѣтѣ такъ тяжки муки, то и этого уже довольно для грѣшника.

— Мало отрады приносила и молитва,—говорилъ онъ.—Наконецъ, въ четвертый день Господь послалъ мнѣ облегченіе, какъ будто тяжелый камень свалился съ груди моей. Недобрые слухи о г. Дубовицкомъ, иногда мною получаемые, и собственныя сомнѣнія, вырывавшіяся изъ души моей, и послѣ нерѣдко мучили меня; но всегда, по молитвѣ, Господь посылалъ мнѣ утѣшеніе и успокоеніе. Потомъ время отъ времени началъ я получать добрыя извѣстія о дѣтяхъ, объ ихъ перемѣнѣ къ лучшему, также и объ обращеніи съ ними воспитателей.

Разсказывая о пребываніи своихъ дѣтей у Дубовицкаго, архимандритъ Платонъ знакомилъ митрополита Филарета и со способомъ ихъ воспитанія. Когда одной изъ дочерей Платона, за дурное рисованіе, приказано было стать на колѣни и она не послушалась, тогда учительница приказала стать за нее на колѣни дочери Дубовицкаго.

— Такъ какъ Аннушка не хочетъ слушаться,—сказала она,—то ты, Сонечка, стань за нее на колѣни.

Сонечка исполнила приказаніе безпрекословно и это такъ подѣйствовало на ослушницу, что она тотчасъ же бросилась на колѣни и съ горячими слезами просила прощенія. Никогда не писавшія прежде отцу, дочери Платона стали писать ему письма, въ которыхъ откровенно высказывали свои дурныя привычки, просили его молитвъ объ исправленіи ихъ и говорили, что не слышатъ худыхъ словъ и не видятъ дурныхъ примѣровъ, какіе видѣли въ Хатьковѣ.

«Передъ отъѣздомъ своимъ на ревизію,—писалъ Платонъ ми-

трополиту Филарету,—я потребовалъ свиданія съ дѣтьми. По пріѣздѣ ихъ ко мнѣ, я услышалъ о томъ ужасномъ злѣ, въ которое вовлечены были мои дочери, живши въ Хатьковѣ, о которомъ я уже имѣлъ несчастіе докладывать вашему высокопреосвященству. При семъ извѣстіи потряслась вся моя внутренность, нѣсколько дней ходилъ я объятый какимъ-то ужасомъ. Сердечно скорбѣлъ о дѣтяхъ и вмѣстѣ ясно видѣлъ великую милость Божію ко мнѣ и дѣтямъ моимъ, ясно видѣлъ, что самъ Господь чуднымъ образомъ исхитилъ ихъ изъ рва погибели и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что лезвіе правосудія Его обращено на самое сердце мое».

Часто посѣщая дѣтей, Платонъ убѣдился въ перемѣнѣ нравственности ихъ къ лучшему, видѣлъ, что ихъ не притѣсняли, не наказывали и вообще воспитывали въ строго религіозномъ направленіи. Это направленіе привело ихъ къ тому, что Платонъ называлъ таинственными явленіями, близкими къ тѣмъ, что мы называемъ теперь явленіями спиритическими.

— Въ одно время,—говорилъ онъ,—меньшая дочь моя за упрямство лишена была чаю, а вмѣсто оного поданъ былъ ей хлѣбъ съ водою и оставлена одна въ комнатѣ. Возроптавъ на сіе, она сказала себѣ: жестоко съ нами здѣсь поступаютъ; въ Хатьковѣ съ нами такъ не поступали. Въ самое то мгновеніе, голосъ ли совѣсти раскрывшись, или ангелъ, ее охраняющій, или кто-либо изъ родственныхъ прешедшихъ въ тотъ міръ духовъ, столь сильно на нее подѣйствовалъ, что она ясно услышала позади себя ударъ по плечу и голосъ: ахъ! ахъ! вы тамъ были погибшія души и опять туда же стремитесь. О семъ случаѣ дочь моя и писала ко мнѣ и разсказывала лично при свиданіи. Сверхъ сего, покойная жена моя двукратно являлась, въ первый разъ г. Дубовицкому, прося, чтобы онъ взялъ дѣтей ея къ себѣ, тогда какъ я еще колебался сомнѣніями касательно сего предмета, бывъ обуреваемъ страхомъ человѣческимъ. Въ другой разъ явилась руководительницѣ дочерей моихъ и, не говоря ни слова, поклонилась ей до земли. Что не являлась мнѣ, сему причина можетъ быть та, что не отрѣшился еще я отъ чувственной любви къ ней.

Во второй половинѣ 1832 года митрополитъ Филаретъ при-

звалъ къ себѣ Платона и совѣтовалъ ему взять дѣтей у Дубовицкаго и вообще не входить съ нимъ ни въ какія сношенія.

«Требованіе вашего высокопреосвященства, — писалъ Платонъ,—на разрывъ моихъ сношеній съ Дубовицкимъ и то, чтобы я поберегъ дѣтей моихъ, сильно меня возмутило. Съ одной стороны, безусловная преданность вашему высокопреосвященству, не только какъ величайшему моему и дѣтей моихъ благодѣтелю, но паче какъ архіерею Божію и отцу моему, съ другой стороны—столь многократные опыты благихъ дѣйствій на меня и на дѣтей моихъ, бывшихъ отъ сношеній съ Дубовицкимъ, поставили духъ мой въ неизъяснимое противорѣчіе. Я предался страхамъ и смятеніямъ и почти отчаянной горести объ участи, предстоящей дѣтямъ моимъ. Но, не находя успокоенія въ разумѣ и боясь прибѣгать къ его разсчетамъ, которые по большей части бываютъ корыстные и потому невѣрные—я бросился съ молитвою къ всеблагому Искупителю и, хотя не скоро, получилъ успокоеніе».

Въ октябрѣ 1832 года Платонъ обѣщалъ прекратить всякія сношенія съ Дубовицкимъ, сына взять немедленно къ себѣ, а дочерей тогда, когда найдетъ надежное мѣсто для ихъ воспитанія[1]). Между тѣмъ Дубовицкій, какъ только узналъ о требованіи Филарета, тотчасъ же прислалъ Платону всѣхъ его дѣтей, которыя и прожили вмѣстѣ съ отцомъ, въ Сергіевскомъ посадѣ, цѣлый мѣсяцъ. Видя въ требованіи московскаго митрополита личное къ себѣ нерасположеніе и интригу, Дубовицкій, подъ вліяніемъ негодованія, написалъ кн. Голицыну письмо, наполненное самыми дерзкими выраженіями относительно Филарета.

«Хотя я и мало съ нимъ знакомъ,—писалъ Александръ Петровичъ,—но Господу угодно было раскрыть мнѣ его. Онъ есть недоносокъ... Его назначеніе велико, но онъ не умѣлъ и не хотѣлъ ему содѣйствовать. О! какъ ему трудно возвратиться паки въ милосердую утробу Божію. Для сего надо ему крѣпко поглупѣть, а онъ такъ уменъ и такъ много имѣетъ въ себѣ свѣта! но такъ мало свѣта животнаго! Ему надо сдѣлаться просту какъ ребенокъ, а онъ такъ

---

[1]) Письмо митроп. Филарета оберъ-прокурору Нечаеву, 15 апрѣля 1833 г. Арх. Синода, д. № 16988.

хитръ..., что перепугаетъ до смерти истиннаго младенца Іисусова. Ему надо сдѣлаться простымъ, не искусственною придворною простотою, но истинною простотою чадъ свѣта—тогда проницательное его око оборотится въ собственное сердце, а послѣднее, любовію растворенное, откроется ближнему. Куда онъ бѣдняжка залѣзъ, не на то его Господь прочилъ. О! какъ онъ бѣденъ со всѣми своими знаніями! Гдѣ ему смириться передъ людьми и Богомъ!.. Господь самъ токмо смирить его можетъ. Ученость и знанія его потребовали бы отъ меня на все доказательствъ, а я ничего не могъ бы сказать ему въ отвѣтъ, кромѣ слѣдующаго: сердцевѣдецъ мой видитъ, какъ онъ дорогъ моему сердцу, какъ люблю я его, потому что онъ самъ во мнѣ его любитъ. Если не повѣритъ сказанному мною во времени, то повѣритъ ему въ вѣчности,—вотъ ему и доказательства».

Записку эту, въ сущности свидѣтельствующую о сильномъ возбужденномъ состояніи писавшаго, князь Голицынъ передалъ митрополиту. По всей вѣроятности, Филаретъ не обратилъ бы на нее никакого вниманія, но Дубовицкій далъ списать съ нея копію, и она быстро распространилась по Москвѣ и, конечно, весьма много повредила какъ ему, такъ и архимандриту Платону.

Послѣдній, увлеченный показною стороною воспитанія и содержанія его дѣтей, во многомъ заблуждался. Платонъ безусловно вѣрилъ въ то, что видѣлъ, и не подозрѣвалъ, что воспитаніе шло совершенно инымъ путемъ, который раскроется впослѣдствіи, и что многое дѣлалось болѣе изъ страха, чѣмъ по убѣжденію. Тѣмъ не менѣе за время пребыванія дѣтей въ его домѣ, Платонъ находилъ въ нихъ большую перемѣну въ нравственномъ отношеніи. По установленному въ домѣ Дубовицкаго порядку, дѣти все начинали и кончали молитвою, отходя ко сну, исповѣдывали передъ отцомъ свои дурные поступки и ошибки, сдѣланныя въ теченіе дня, просили прощенія другъ у друга и молитвъ отца. Они читали священныя книги, выучили на память пространный катихизисъ митрополита Филарета, усвоили себѣ главные догматы вѣры. Подверженные частымъ болѣзнямъ во время жизни въ Хатьковѣ, дѣти, по словамъ Платона, значительно поправились теперь здоровьемъ, отучились отъ щегольства, роскоши и получили благочестивое направленіе.

Не желая оставлять дѣтей на произволъ судьбы и лишать воспитанія, Платонъ отправилъ ихъ опять въ Москву. Тамъ нанялъ квартиру за Донскимъ монастыремъ въ домѣ г-жи Голиковой и, поручивъ ихъ гувернанткѣ, взятой изъ дома Дубовицкаго, просилъ митрополита Филарета разрѣшить ему возвратить ихъ въ домъ Александра Петровича.

«Страшусь усумниться, — писалъ Платонъ [1]), — что самъ Богъ, хотящій всѣмъ спастися (спасенія?), привелъ ихъ на сей путь и если, несмотря на все сіе, я опять брошу ихъ посреди злаго міра, я буду тогда не отецъ ихъ, а ужаснѣйшій врагъ, дѣйствующій противъ нихъ заодно съ исконнымъ человѣкоубійцею.

«Ваше высокопреосвященство! умоляю васъ Искупителемъ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, любовію Его, распеншеюся за насъ, благословите, или, по крайней мѣрѣ, не возбраняйте мнѣ возвратить дѣтей своихъ въ домъ г. Дубовицкаго; не лишайте ихъ душевнаго счастія и не подвергайте отца ихъ страшному отвѣту на страшномъ судѣ Христовомъ.

«Изъ собственныхъ моихъ наблюденій и опытовъ, также отъ дѣтей своихъ и другихъ постороннихъ лицъ узналъ я, что г. Дубовицкій и всѣ домашніе его стараются ходить въ непрестанномъ ощущеніи присутствія Божія. Свято чтутъ и хранятъ установленія святой нашей церкви и ни въ чемъ отъ нея не отдѣляются. Все у нихъ подъ печатью видимыхъ благословеній Господнихъ. Нѣтъ въ домѣ ихъ ни суетности, ни бѣганья, ни шуму; но все въ порядкѣ, тишинѣ и любви, на лицахъ всѣхъ ихъ, даже рабовъ ихъ, отпечатлѣны миръ, спокойствіе и, что замѣчательно, малѣйшее душевное возмущеніе, страсть и разсѣянность тотчасъ обнаруживаются на лицѣ.

«Казанскій архіепископъ, высокопреосвященный Филаретъ, услышавъ отъ меня, что дѣти мои находятся въ домѣ г. Дубовицкаго, сказалъ мнѣ, что самъ Богъ послалъ таковаго воспитателя твоимъ дѣтямъ и лучшаго не найдешь; потомъ присовокупилъ, это истинный христіанинъ, не знаю, за что гонятъ его... Нѣкто давно ищущій Господа и очищенный уже мно-

[1]) Митрополиту Филарету въ письмѣ отъ 18 января 1833 г.

гими опытами, хотя посторонній свидѣтель жизни г. Дубовицкаго, но хорошо оную разгадывающій, сказалъ мнѣ, что такъ какъ діаволъ ничего не въ силахъ сдѣлать въ домѣ Дубовицкаго, то онъ воздвигаетъ на сторонѣ клеветниковъ, взносящихъ на него ужасныя хулы правительству духовному и гражданскому.

«Въ прошедшій великій постъ проѣзжалъ мимо здѣшней Лавры въ Москву знакомый мнѣ дворянинъ, твердый въ характерѣ, умный, проницательный, много знающій, тонко разсуждающій о духовныхъ предметахъ, но между тѣмъ вполнѣ привязанный къ міру и его славѣ. Онъ также, по слухамъ, жестоко порицалъ г. Дубовицкаго. По пріѣздѣ его въ Москву, кто-то познакомилъ его съ Дубовицкимъ. Нѣсколько свиданій переломили упорный характеръ и покорили гордый умъ. Въ обратный его проѣздъ нынѣшнею осенью, видѣлъ я его какъ обстрѣленною птичкою, довольно уже смирившимся. Также и онъ поздравилъ меня съ счастіемъ, что Господь послалъ дѣтямъ моимъ столь благочестивыхъ руководителей. Онъ съ глубокимъ чувствомъ удивленія отзывался о г. Дубовицкомъ и убѣждалъ насъ, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, удержались судить Дубовицкаго.

«Вотъ, ваше высокопреосвященство, случаи и причины, по которымъ я вошелъ въ сношеніе съ Дубовицкимъ. Свидѣтельствую передъ Господомъ, что если я здѣсь или увеличилъ что-нибудь, или сказалъ неправду, да судитъ меня Господь Богъ, да обличитъ меня на всемірномъ позорищѣ за ложь передъ архипастыремъ моимъ, и да лишитъ меня чести избранныхъ своихъ.

«Да совершаются Св. судьбы Господа надо мною!

«Съ полною сыновнею покорностью испрашивая у вашего высокопреподобія себѣ прощенія за дерзновенное мое открытіе того, что я видѣлъ и чувствовалъ, отъ глубины сердца умоляю васъ о милостивѣйшемъ по сему предмету рѣшеніи, которое осчастливитъ дѣтей моихъ и успокоитъ отца ихъ, находящагося въ мучительномъ состояніи, и предаю себя и дѣтей моихъ вашимъ святительскимъ благословеніямъ, архипастырскимъ молитвамъ и покровительству».

Не дождавшись отвѣта на это письмо и принявъ молчаніе за знакъ согласія, архимандритъ Платонъ отвезъ своихъ дѣтей обратно

къ Дубовицкому [1]). Узнавъ объ этомъ, Филаретъ 3-го марта 1833 года писалъ своему намѣстнику Антонію [2]). «Поручаю вамъ въ совершенной тайнѣ сказать архимандриту Платону слѣдующее: «я требовалъ черезъ ректора, и Платонъ далъ честное слово не быть въ сношеніи съ подполковникомъ Дубовицкимъ. Что-то заставило меня подтвердить ему сіе передъ отпускомъ его на сырной недѣлѣ въ Москву. Но онъ былъ съ нимъ въ сношеніи въ сіе время и вводилъ другихъ въ искушеніе, рекомендуя его имъ».

Искушаемый былъ недавно пріѣхавшій въ Москву оберъ-священникъ Василій Ивановичъ Кутневичъ. Познакомившись съ нимъ черезъ Платона, Дубовицкій особенно ухаживалъ за Кутневичемъ, надѣясь, конечно, пріобрѣсти въ немъ защитника, но на самомъ дѣлѣ нашелъ въ немъ обличителя. Черезъ него Филаретъ узналъ о поступкахъ Платона и просилъ его разсудить: можно ли вѣрить тому, кто не исполняетъ своего слова? «Если Платонъ,— говорилъ митрополитъ,—почитаетъ меня человѣкомъ, не заслуживающимъ довѣрія, и считаетъ возможнымъ не исполнять мои предписанія, то не надобно ли ему, чтобы избавить себя и меня отъ искушеній,—искать себѣ другаго начальника, котораго бы онъ признавалъ достойнымъ своего довѣрія и послушанія?» «Скажите ему,—прибавлялъ митрополитъ въ письмѣ Антонію,—что я говорю сіе къ благости Божіей, безъ малѣйшаго гнѣва, а только съ искреннимъ сожалѣніемъ о затруднительномъ положеніи, въ которомъ вижу его и себя въ отношеніи къ нему».

Филаретъ справедливо находилъ неудобнымъ, чтобы дѣти архимандрита и инспектора духовной академіи воспитывались у человѣка, на котораго подозрительно смотрѣло правительство, и которому воспрещено было заводить школы. Платонъ отрицалъ послѣднее и говорилъ, что ему достовѣрно извѣстно, что Дубовицкому не воспрещено воспитывать дѣтей. Тогда Филаретъ спесся съ генералъ-губернаторомъ и полученный отвѣтъ сообщилъ Платону, который, хотя и обѣщалъ взять дѣтей къ себѣ, но обѣщаніе не исполнилъ. 8-го марта 1833 года Филаретъ потребовалъ отъ Платона

---

[1]) Показаніе архимандрита Платона 30 мая 1833 года. Арх. Синода, д. № 16988.

[2]) «Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ Московскій». «Русская Старина» 1885 г., № 7, стр. 22.

подписку, что ни въ какія сношенія съ Дубовицкимъ входить не будетъ [1]. Платонъ сначала отказался исполнить требованіе, но потомъ далъ подписку весьма страннаго содержанія.

«Въ присутствіи Божіемъ,—писалъ Платонъ,—какъ бы теперь уже готовясь умереть и предстать нелицепріятному суду Христову, а потому страшась измѣнить истинѣ, изъ какихъ-либо видовъ человѣческихъ, свидѣтельствую безъ наималѣйшихъ упрековъ совѣсти, что отъ сношеній съ подполковникомъ Дубовицкимъ я не только не получилъ вреда какого-либо, но чуднымъ образомъ назидаюсь во спасеніе. Впрочемъ, во исполненіе воли его высокопреосвященства, даю обѣщаніе впредь удерживаться отъ частыхъ и слишкомъ открытыхъ сношеній съ Дубовицкимъ [2]).

Не отказываясь отъ тайныхъ сношеній, Платонъ объяснилъ необходимость ихъ тѣмъ, что по краткости времени и неимѣнію средствъ не могъ устроить дѣтей своихъ. Но, въ дѣйствительности, онъ находился подъ такимъ вліяніемъ Дубовицкаго, что даже рѣшился два раза причастить его Св. таинъ въ алтарѣ, при жертвенникѣ. Ясно было, что связь была настолько сильна, что разрыва ея можно было ожидать только съ переводомъ Платона въ отдаленное отъ Москвы мѣсто, и, по предложенію Филарета, онъ, 10-го марта, былъ назначенъ ректоромъ Нижегородской семинаріи. Платонъ умолялъ митрополита оставить его вблизи дѣтей и отказывался отъ всякихъ наградъ и отличій. Странное письмо это [3] еще болѣе убѣ-

---

1) Письмо Филарета С. Д. Нечаеву 15-го апрѣля 1833 г. Арх. Синода, д. № 16988. См. также «Русскую Старину» 1885 г., № 7, стр. 24.

2) Подписка Платона, данная 8-го апрѣля 1833 г.

3) «Дознавъ на другихъ и собственно на себѣ,—писалъ Платонъ Филарету,—что вы обращаете архипастырское ваше благоволеніе на труды и большіе и малые, и награждаете достойныхъ и полудостойныхъ, не смѣю причислять себя ни къ которому изъ сихъ разрядовъ по чувству своего недостоинства; не смѣю также исключать себя изъ круга вашего архипастырскаго благословенія. Можетъ, обозрѣніе нѣкоторыхъ семинарій, въ прошедшемъ году мною произведенное, и подастъ вашему высокопреосвященству случай вновь излить на меня архипастырскія ваши милости и представить меня къ какому-либо отличію. Знаю, что таковыя отличія надо принимать съ покорностью волѣ начальства, безъ всякаго суетнаго вниманія къ своимъ заслугамъ и къ самому отличію; надобно при семъ быть, такъ сказать, безгласною вѣшалкою, на которую пусть вѣшаютъ, что хотятъ. Но я нахожу себя совсѣмъ инымъ, вижу, что душа моя вся проникнута любочестіемъ, и я соб-

дило Филарета въ полномъ нравственномъ подчиненіи писавшаго Дубовицкому, человѣку, по мнѣнію его, весьма вредному. Мнѣніе

ственнымъ опытомъ дознал, что новыя почести и отличія не только не удовлетворяютъ и не насыщаютъ сего любочестія, но еще болѣе и болѣе раздражаютъ и воспламеняютъ оное. Бывъ священникомъ, я смиреннѣе думалъ о себѣ, нежели нынѣ; смиреннѣе думалъ о себѣ за три года, за два и за годъ передъ симъ. Всякая новая почетная должность, всякое отличіе приводили духъ мой непримѣтно въ совершенно непостижимое для меня самого, тонкое опьяненіе. Въ ослѣпленіи семъ отличія принималъ я за милость Божію и благодарилъ за оныя Господа, а возвышенія въ званія—за тяжкія бремена, на ношеніе коихъ просилъ у Него помощи. Но когда Господь въ свѣтѣ своемъ показалъ мнѣ, что еслибы такъ постепенно стали совлекать съ меня почести и званія, хотя бы безъ вины моей, какъ прежде налагали оныя, то природа моя содрогнулась отъ ужаса и мнѣ ясно представилось, что я вовсе тогда погибъ бы безъ особеннаго чуда Божія. Тогда бы осмѣлился я не отречься ни отъ дальнѣйшихъ отличій и высшихъ званій, когда бы благоугодно было Господу через различные кресты довести меня до такого смиренія, чтобъ я могъ сдѣлаться, по выраженію Ѳомы Кемпійскаго, подобнымъ грязи на улицѣ, которую всякъ можетъ топтать, какъ хочетъ, и когда бы въ состояніи былъ принимать хулу за похвалу, презрѣніе—за честь, обиду—за награжденіе и всякое бѣдствіе и злостраданіе—за величайшее отъ Бога мздовоздаяніе. При таковомъ расположеніи, еслибъ Богу угодно было, не смѣлъ бы отрекаться отъ почестей и отличій, но теперь, ясно видя, что лѣствица моего возвышенія есть лѣствица низведенія души моей до ада какъ могу осмѣлиться не отречься отъ почестей и высшихъ званій безъ погибели для души моей? Съ сердечною скорбію вспоминаю, что я и въ монашество поступилъ большею частію изъ честолюбивыхъ побужденій, и благодарю Господа, что, открывая сіе мнѣ нынѣ, ведетъ меня на покаяніе. Посему отъ глубины сердца умоляю ваше высокопреосвященство избавить меня отъ новыхъ отличій и почестей. Не знаю, какъ и нажитое доселѣ бремя грѣховное свергнуть съ души моей? Зло сіе такъ сильно и глубоко проникло мою душу, что я, прося ваше высокопреосвященство о сей существенной для себя милости, дѣлаю себѣ большое насиліе.

„Знаю, что развращенная моя природа и здѣсь можетъ поддѣлаться и вкрасться въ самое самоотверженіе, знаю и, находя себя столь слабымъ и непотребнымъ, ни мало за себя не ручаюсь. Но, сдѣлавъ все возможное съ моей стороны, мнѣ ничего не остается теперь дѣлать, какъ изъ глубины души моей вопіять ко Господу, дабы онъ очистилъ меня и просить архипастырскихъ вашихъ молитвъ.

„Послѣ всего мною сказаннаго, вы усмотрѣть изволите, сколько я недостоинъ не только новыхъ отличій, но и того, чѣмъ рука Господня, черезъ васъ, столь щедро наградила меня. Я не отказываюсь ни отъ какихъ трудовъ и, по мѣрѣ моей возможности, быть существенно полезнымъ для духовнаго юношества, готовъ служить изъ всѣхъ силъ моихъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ возмездій на теперешнемъ или подобномъ сему посту моему. Но, какъ милостивому архипастырю моему, открывая все сердце мое, не смѣю скрыть, что я отрекся бы и отъ всего, что имѣю, если бы не имѣлъ у себя дѣтей, а,

это раздѣлялъ и оберъ-священникъ В. И. Кутневичъ въ бытность свою въ Москвѣ, хорошо познакомившійся съ образомъ мыслей Дубовицкаго [1]). Тогда митрополитъ московскій рѣшился стать на оффиціальную почву и возбудить дѣло противъ Дубовицкаго.

Письмомъ отъ 15-го апрѣля 1833 года, Филаретъ просилъ оберъ-прокурора Синода С. Д. Нечаева довести до высочайшаго свѣдѣнія о сношеніяхъ Платона съ Дубовицкимъ и испросить повелѣніе: 1) произвести секретное дознаніе, не продолжаетъ ли Дубовицкій и нынѣ распространять свое ученіе; 2) архимандрита Платона вызвать въ Петербургъ и, для точнаго узнанія его образа мыслей и религіозныхъ воззрѣній, поручить допросить его нѣсколькимъ членамъ Синода при оберъ-прокурорѣ, и 3) уволить его отъ должности ректора Нижегородской семинаріи [2]).

2-го мая графъ Бенкендорфъ сообщилъ Нечаеву, что государь повелѣлъ привести въ исполненіе предположеніе митрополита, съ тѣмъ только измѣненіемъ, чтобы вызвать архимандрита Платона въ Петербургъ по дѣламъ службы и для испытанія его образа мыслей назначить лицъ по избранію самаго Синода, ректоромъ Нижегородской семинаріи назначить другаго благонадежнаго и вполнѣ достойнаго, а разслѣдованіе поступковъ Дубовицкаго возложить на графа Бенкендорфа [3]). Послѣдній сообщилъ генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну [4]) высочайшее повелѣніе, чтобы Дубовицкій немедленно возвратилъ дѣтей Платону, и «если дойдетъ до свѣдѣнія правительства, что онъ продолжаетъ имѣть у себя на воспи-

теперь все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы, употребляя силы свои на пользу чужихъ дѣтей, быть въ возможности и своимъ собственнымъ, какъ доставлять пропитаніе получаемыми мною доходами, не отнимая доли у бѣдныхъ, такъ, воспитывая себя самого для внутренняго богослуженія, имѣть отеческому сердцу утѣшеніе видѣть передъ глазами дѣтей своихъ и вспомоществовать вѣрою моею имъ къ тому же. Впрочемъ, какъ сіи мои желанія, такъ и себя повергая къ стопамъ вашего высокопреосвященства, съ глубочайшимъ почтеніемъ и сыновнею преданностью испрашиваю вашихъ святительскихъ молитвъ и благословеній“.

[1]) «Русская Старина» 1885 г., № 7, стр. 22.

[2]) Переписка Филарета съ С. Д. Нечаевымъ. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 121.

[3]) Письмо графа Бенкендорфа Нечаеву 2-го мая 1833 г., Арх. Синода, д. № 16988.

[4]) Въ отношеніи отъ 2-го мая 1833 г., № 2063.

таніи кого бы то ни было, то въ такомъ случаѣ съ нимъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ, какъ съ ослушникомъ».

Получивъ такое высочайшее повелѣніе и желая ближе познакомиться съ тѣмъ, что дѣлается въ домѣ Дубовицкаго, князь Д. В. Голицынъ поручилъ состоявшему при немъ полковнику, князю Ивану Ѳедоровичу Голицыну, собрать необходимыя о томъ свѣдѣнія. Развѣдыванія показали, что Дубовицкій ведетъ жизнь самую скрытную, и доступъ къ его дому сопряженъ съ такою трудностью, что, при входѣ къ нему каждаго посторонняго человѣка, Дубовицкій самъ первый выходитъ навстрѣчу и не иначе впускаетъ къ себѣ, какъ по собраніи точныхъ свѣдѣній о пришедшемъ. «По слухамъ же,—доносилъ полковникъ князь Голицынъ,—извѣстно, что въ домѣ есть огромные подвалы, и что, продолжая придерживаться секты Татариновой, слѣдуетъ всѣмъ ея правиламъ и едва-ли дѣйствительно не имѣетъ запрещенной ему школы для обученія дѣтей». Открыть это, по принятымъ Дубовицкимъ мѣрамъ, возможно было только при помощи полицейскихъ средствъ, на что самъ собою князь И. Ѳ. Голицынъ приступить не рѣшился. Получивъ же отъ генералъ-губернатора приказаніе сдѣлать внезапное посѣщеніе Дубовицкаго, полковникъ князь Голицынъ сдѣлалъ это въ ночь съ 9-го на 10-е мая при содѣйствіи мѣстнаго квартальнаго надзирателя Лакруа и добросовѣстномъ свидѣтелѣ, титулярномъ совѣтникѣ Синявинѣ.

Во избѣжаніе преждевременныхъ сигналовъ, князь Голицынъ окружилъ домъ солдатами и казаками и вмѣстѣ съ нѣкоторыми перелѣзъ черезъ заборъ, арестовалъ сторожа и нашелъ слѣдующее:

Обширное мѣсто, принадлежавшее А. П. Дубовицкому, все было обнесено деревяннымъ заборомъ. У входныхъ воротъ была караульня, въ которой находился безсмѣнно отставной солдатъ л.-гв. Преображенскаго полка Степанъ Никитинъ. Къ сему караульному былъ проведенъ отъ ограды колокольчикъ, отъ него другой—въ главный корпусъ дома, для извѣщенія хозяина о входящихъ къ нему на дворъ. Уничтоживъ дѣйствіе колокольчиковъ, князь И. Ѳ. Голицынъ разставилъ къ каждому изъ восьми строеній по часовому и приказалъ вести себя прямо къ Дубовицкому, котораго и нашелъ спящимъ. Онъ объявилъ ему, что генералъ-губер-

наторъ приказалъ произвести въ домѣ самый строжайшій обыскъ не исключая комнаты дочерей его.

Пораженный неожиданнымъ появленіемъ князя и его спутниковъ, А. П. Дубовицкій заявилъ, что старшая дочь его больна, очень слаба, и просилъ не усиливать ея болѣзни внезапнымъ появленіемъ въ столь необыкновенное время. Князь Голицынъ отказался исполнить просьбу отца и тщательно осмотрѣлъ все помѣщеніе.

Домъ Дубовицкаго со стороны Шабаловки представлялся въ видѣ двухъ-этажнаго, но съ трехъ прочихъ фасовъ, расположенныхъ въ саду, были надстроены двойные антресоли и устроенъ подвалъ съ окнами, что въ сложности можно было считать пятью этажами. Нижній этажъ былъ собственно подвалъ, обращенный въ жилыя комнаты и раздѣленный коридоромъ на всемъ протяженіи. По сторонамъ коридора было устроено большое число отдѣльныхъ комнатъ. Одна изъ нихъ была назначена для воспитанія мальчиковъ и, несмотря на ночное время, князь Голицынъ нашелъ въ ней за урокомъ сына архимандрита Платона; въ другой комнатѣ былъ литографный станокъ и нѣсколько напечатанныхъ анатомическихъ рисунковъ для сына Дубовицкаго Петра, находившагося въ Московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ. Въ третьей комнатѣ помѣщались учителя, разныя лица, жившія у Дубовицкаго, и управляющій; четвертую—занималъ безпаспортный, изъ духовнаго званія, Иванъ Павловъ. Прочія комнаты оказались частію пустыми, а частію были обращены въ кладовыя, для храненія съѣстныхъ припасовъ.

Бель-этажъ состоялъ изъ хорошо убранныхъ пріемныхъ комнатъ и отдѣленія, въ которомъ помѣщалась больная дочь Дубовицкаго съ гувернанткою Екатериною Жерсонъ. Внутреннее расположеніе антресолей было одинаково: широкій коридоръ и по сторонамъ его комнаты въ видѣ келій; въ верхнемъ антресолѣ была продолговатая, довольно большая комната, съ длиннымъ столомъ, какіе обыкновенно употребляются въ училищахъ, для размѣщенія учениковъ. Въ концѣ, въ южной части комнаты стояло «Распятіе» хорошей живописи, вышиною въ четыре аршина, и постель Дубовицкаго, на которой онъ и былъ найденъ спящимъ. Вообще видъ

этой комнаты представлялъ молельную, и въ ней найдено было двѣ книги: 1) «Братолюбіе», 2) «Открытіе волшебныхъ таинствъ» — напечатанное безъ одобренія цензуры.

При домѣ, на дворѣ, было два флигеля, изъ коихъ одинъ занятъ кухнею и людскими, а въ другомъ жила иностранка Анна Миллеръ, съ двумя дочерьми архимандрита Платона. Въ довольно обширномъ саду, примыкающемъ къ главному корпусу зданія, находились: оранжереи, домъ для помѣщенія садовниковъ, караульня, у садовой калитки пустой домикъ въ видѣ бесѣдки, домикъ, въ которомъ жили студентъ Леопольдъ Вейсъ съ семинаристомъ Василіемъ Сосиновскимъ, родомъ изъ поляковъ, и, наконецъ, домъ, гдѣ жили и воспитывались девять дѣвочекъ, съ надзирательницею ихъ, вдовою прапорщика Абакумовою. При посѣщеніи этого дома воспитанницы найдены сидящими вокругъ стола за уроками. «Наружность ихъ хотя и не доказываетъ большаго физическаго изнуренія,—доносилъ князь Голицынъ,—но и блеска свѣжести на лицахъ не замѣтно; большая часть ихъ отъ 15 до 17 лѣтъ. Церковное пѣніе ихъ протяжно, единообразно, тонами, выходящими въ носъ, весьма сходно съ пѣніемъ раскольничьимъ».

На вопросъ князя Голицына, почему онъ имѣетъ школу вопреки запрещенію и взятой съ него по Высочайшему повелѣнію подпискѣ, Дубовицкій отвѣчалъ, что подобнаго запрещенія ему объявлено не было и подписки онъ не давалъ. «Имѣя до 2.000 душъ,—говорилъ онъ князю Голицыну,—могъ, кажется, безбоязненно держать въ своемъ домѣ отъ 6 до 7 мальчиковъ и дѣвочекъ, обучающихся грамотѣ, при строгомъ и на истинно христіанской любви основанномъ надъ ними надзорѣ. Если столь малое число обучающихся въ домѣ моемъ лицъ можетъ быть названо школою, то изъ сего само собою слѣдуетъ, что всякій помѣщикъ, имѣющій въ домѣ своемъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, обучающихся вмѣстѣ грамотѣ, долженъ прослыть учредителемъ школы».

Дубовицкій говорилъ, что, обучая дѣтей грамотѣ, онъ имѣлъ въ виду только добро и нравственное ихъ воспитаніе.

— Однакожъ, — прибавлялъ онъ, — если школу принять за слово собирательное, то даже и двухъ учащихся дѣтей можно принять за школу, двухъ-трехъ солдатъ за войско, и въ такомъ случаѣ

*

сознаться должно, что и у меня есть школа. По свойственной мнѣ всегда къ правительству искренности, еще болѣе открыться ему долженъ, что и весь мой домъ есть точно школа благочестія и добронравія, школа, научающая каждаго, по мѣрѣ его способности, не наружной токмо, но внутренней, сердечной преданности и любви къ Богу, къ церкви, властямъ и законамъ. Вотъ, теперь чистъ я передъ Богомъ и передъ властью; высказалъ всѣ мои главные основные секреты. Судите меня, какъ хотите, и дѣлайте со мною, что хотите, или, прямѣе сказать, что вамъ Богъ позволитъ или попуститъ. Хотя и тяжело, однакожъ я на все согласенъ, да будетъ Его святая воля.

Дальнѣйшія розысканія князя Голицына привели къ тому, что въ домѣ Дубовицкаго жило 68 человѣкъ разнаго званія, возраста и пола [1]), причемъ воспитаніе малолѣтнихъ дѣвочекъ и мальчиковъ было самое суровое. Дочери архимандрита Платона, Екатерина 12 и Анна 11 лѣтъ, показали, что, поступивъ въ домъ Дубовицкаго, подъ надзоръ Анны Миллеръ, онѣ никогда не видали родственниковъ своихъ, живущихъ въ Москвѣ, потому что ихъ не допускали къ нимъ. Въ теченіе времени пребыванія у Дубовицкаго онѣ не были на исповѣди и не причащались Св. Тайнъ. Ихъ изнуряли постною пищею и побоями, каждодневно наказывали розгами и плетью, у которой концы съ смоляными шишками. Дубовицкій самъ не слѣдилъ за ихъ воспитаніемъ, рѣдко ихъ видѣлъ и на вопросъ, за что ихъ Миллеръ бьетъ, полученъ былъ отвѣтъ, что, по ея словамъ, онѣ недостойныя, потому что не въ Христовомъ

---

1) Въ домѣ Дубовицкаго, между прочимъ, жили: 1) Двѣ его дочери, 2) Сынъ Петръ (впослѣдствіи президентъ Императорской военно-медицинской академіи); 3) Сынъ и двѣ дочери архимандрита Платона; 4) Титулярный совѣтникъ Иванъ Карловичъ Черлицкій; 5) Отставной поручикъ Алек. Ив. Будонъ; 6) Отставной поручикъ Яковъ Григорьевичъ Баскаковъ; 7) Студентъ Леопольдъ Вейсъ; 8) Семинаристъ Василій Сосиновскій; 9) Гувернантка Екатерина Алексѣевна Жерсонъ; 10) Рижская мѣщанка Анна Ѳедоровна Миллеръ; 11) Тверской мѣщанинъ Петръ Антоновъ Бильовъ; 12) Прапорщица Наталья Григорьевна Абакумова; 13) Отставной унтеръ-офицеръ Степанъ Никитинъ; 14) Цеховой мѣщанинъ, изъ церковниковъ, Иванъ Павловъ; 15) Крестьянинъ Конно-Заводской Скопинской волости Илья Ивановъ и затѣмъ крѣпостные люди Дубовицкаго, мужчины и женщины, и малолѣтніе, какъ мальчики, такъ и дѣвочки.

духѣ и не въ соединеніи съ духомъ Дубовицкаго. Миллеръ, почти не зная русскаго языка, обучала ихъ Катехизису и едва-ли сама понимала его. Когда дѣвочки просили пить, то Миллеръ, подавая стаканъ, говорила, что онѣ будутъ бѣса пить, и онѣ отъ страха терпѣли жажду. Она твердила имъ, что если не будутъ «въ соединеніи вѣры съ Александромъ Петровичемъ, то придетъ къ нимъ единъ изъ святыхъ и раздеретъ имъ утробу».

Подобное же обращеніе было и въ отдѣленіи, состоявшемъ подъ надзоромъ прапорщицы Абакумовой. Она била своихъ воспитанницъ такою же плетью, бросала въ нихъ все, что попадало въ руки, даже стулья и скамейки. Крѣпостная дѣвочка, Екатерина 10 лѣтъ, со дня своего рожденія не только не была на исповѣди и у Св. Причастія, но и въ церкви была только одинъ разъ въ жизни, у всенощной. Она показала, что была сѣчена Абакумовой розгами дотого, что изъ нея текла кровь; такое наказаніе повторялось въ недѣлю три раза. Показаніе это подтвердили сѣкшая, по приказанію Абакумовой, родная сестра Екатерины, 16-ти-лѣтняя Аграфена Терентьева, и мѣщанская дочь, Пелагея Иванова, 15-ти лѣтъ.

Для сохраненія нравственности воспитывавшихся дѣвочекъ и въ предупрежденіе развитія пагубнаго порока молодости, по показанію Е. Жерсонъ, имъ надѣвали днемъ и ночью особыя панталоны, наглухо пришитыя къ камзолу, зашнурованному и запирающемуся замочкомъ; на ночь всѣмъ дѣтямъ завязывали руки на грудь особыми порукавниками, и они спали, какъ куклы. Дѣвочкамъ Законъ Божій преподавала Анна Миллеръ, а мальчикамъ— И. К. Черлицкій, студентъ Вейсъ и крѣпостной человѣкъ Григорій Матвѣевъ Воронцовъ. «Священники не допускались къ преподаванію потому,—говорилъ Дубовицкій, —что они мало образованы, и высшее понятіе о Законѣ Божіемъ не каждому изъ нихъ удобовразумительно».

Взрослымъ своимъ послѣдователямъ объяснялъ Св. Писаніе самъ Дубовицкій, и надо полагать, что очень убѣдительно, потому что въ самомъ непродолжительномъ времени заставилъ шесть человѣкъ иностранцевъ и иностранокъ отказаться отъ своего закона и перейти въ греко-россійскую церковь, причемъ самъ окрестилъ

ихъ [1]). Лица эти настолько предались его ученію, что добровольно подвергали себя вѣчному посту и затворнической жизни. Всѣ жившіе въ домѣ, не исключая иностранцевъ, не употребляли мяса, а въ посты—рыбы.

— Домъ Дубовицкаго,—говорила Миллеръ,—есть необыкновенный, и другаго подобнаго въ мірѣ нѣтъ.

Все строеніе приспособлено было къ образу жизни послѣдователей ученія Александра Петровича. Каждый помѣщался такъ, чтобы могъ наединѣ бесѣдовать съ Богомъ. Дубовицкій и всѣ жившіе у него собирались иногда въ большой гостиной или въ той комнатѣ верхняго этажа, гдѣ было Распятіе [2]). Тамъ происходили бесѣды, чтеніе священныхъ книгъ и моленіе, причемъ воспитанницы школы пѣли псалмы; иногда пѣніе сопровождалось игрою на арфѣ и на фортепьянахъ. Дубовицкій обходился со всѣми дружески, ласково, и всѣ въ домѣ назывались братьями и сестрами. Жители селъ Горлова и Лепеговъ часто пріѣзжали къ нему и оказывали особое уваженіе. Дубовицкій считался главою секты, и при совершеніи молитвы всѣ подходили къ его рукѣ. Дѣлалось это на томъ основаніи, что Дубовицкій выдавалъ себя за «Возрожденнаго» и называлъ себя Спасителемъ. Старшей дочери своей, Надеждѣ, онъ присвоилъ названіе Богоматери, а иностранкѣ Миллеръ—имя Маріи Магдалины. Вторымъ лицомъ послѣ Дубовицкаго считался бродяга изъ духовнаго званія, Иванъ Павловъ [3]). Во время молитвы тотъ и другой одѣвались въ бѣлыя рубахи, а Александръ Петровичъ сверхъ того являлся и въ веригахъ вѣсомъ до 30 фунтовъ.

---

[1]) Лица эти были: 1) Рижская мѣщанка и лютеранка Анна Миллеръ, поступившая сначала учительницею нѣмецкаго языка; 2) Отставной поручикъ Александръ Будонъ; 3) Студентъ Вейсъ, законоучитель двухъ мальчиковъ, изъ коихъ одинъ сынъ архимандрита Платона; 4) Иванъ Черлицкій, учитель пѣнія; 5) Екатерина Жерсонъ, гувернантка дочерей, бывшая католичка, и 6) Екатерина Опперманъ.

[2]) Спаситель изображенъ на немъ съ кровавыми знаками отъ ударовъ бича.

[3]) Церковническій сынъ, онъ жилъ сначала въ домѣ митрополита Филарета, потомъ въ Симоновомъ, а затѣмъ въ Чудовомъ монастырѣ. Получивъ увольненіе для поступленія въ одинъ изъ монастырей Петербургской, Тамбовской или Тверской губерній, онъ скитался по Москвѣ безъ дѣла и потомъ поступилъ къ Дубовицкому.

По увѣщанію Харитоніевскаго, что въ Огородникахъ, священника Константина Миляева, допрошенные показали, что Дубовицкій и его послѣдователи не признаютъ Сына Божія Богомъ, а Святую Дѣву Марію—Богоматерью. Дубовицкій говорилъ, что у Бога не можетъ быть Сына, а слѣдовательно, нѣтъ и Божіей Матери [1]). На этомъ основаніи дни Св. Пасхи не считались праздниками, и слова «Христосъ Воскресе!» не произносились; никто не христосовался, и недѣля Святой Пасхи проходила, какъ будніе дни, дѣти учились и работали.

По ученію секты, брачное сожительство считалось дѣломъ грѣховнымъ, и первымъ примѣромъ служилъ самъ Дубовицкій, разошедшійся съ женой. Изъ числа 68 человѣкъ, жившихъ въ домѣ Дубовицкаго, было только трое женатыхъ, но и тѣ держали женъ своихъ на сторонѣ. Всѣ послѣдователи секты раздѣлялись на три степени или разряда. Въ первомъ состояли крѣпостные люди, къ которымъ Дубовицкій имѣлъ слабое довѣріе,—это были ученики. Изъ нихъ удостоиваемы были, по мѣрѣ способностей и наклонности принять ученіе, во второй разрядъ, также подготовительный. Третій разрядъ, или высшій, былъ составленъ изъ людей приближенныхъ, преданныхъ Дубовицкому и знающихъ всѣ обряды и основы секты. Такихъ было девять человѣкъ [2]). Они чаще собирались вмѣстѣ; при совершеніи обрядовъ одѣвались въ бѣлыя одежды, сѣкли себя для умерщвленія плоти и кружились около чана съ водою до тѣхъ поръ, пока не падали отъ изнеможенія.

Дубовицкій все это отрицалъ. Онъ говорилъ, что школъ у него никогда не было и нѣтъ; что головой ручается за себя, дѣтей и всѣхъ живущихъ въ его домѣ, что они вѣрны церкви, государю, законамъ и всякой предержащей власти. «Конечно,—прибавлялъ

---

[1]) Василій Сосиновскій показалъ, что его заставляли выписывать статьи изъ книгъ: «Жизнь Якова Бема», «О таинственномъ жидѣ» и манускрипта о квіетистахъ, изъ коихъ онъ могъ только понять, что они отвергаютъ бытіе Матери и Сына Божія. Его отпускали со двора не иначе, какъ въ сопровожденіи довѣреннаго человѣка Дубовицкаго.

[2]) Лица эти были: поручикъ Будонъ, Екатерина Жерсонъ, Анна Миллеръ, титулярный совѣтникъ Черлицкій, мѣщанинъ Бильовъ, Иванъ Павловъ, старшая дочь Дубовицкаго, Надежда, мѣщанка Афимья Иванова и прапорщица Абакумова.

онъ [1]),—я не ручаюсь за странности, которыя можетъ быть могутъ показаться въ домѣ моемъ, особенно какими глазами смотрѣть будутъ, ибо странное для каждаго вездѣ можно найти».

Дубовицкій жаловался, что допросы князя Голицына были пристрастны; что однихъ онъ запугивалъ, другихъ ласкалъ обѣщаніемъ подарковъ, что онъ обвинялъ Дубовицкаго въ томъ, чего допрашиваемые не показывали, и заставлялъ ихъ прикладывать руки къ сочиненнымъ имъ самимъ показаніямъ.

— Мнѣ совершенно извѣстно,—говорилъ Александръ Петровичъ,—что въ допросахъ было много подчистокъ и поправокъ, приписокъ сверху рукою слѣдователя и другихъ произвольныхъ измѣненій.

Указывая на противузаконность поступковъ полковника князя Голицына, Дубовицкій обвинялъ его въ неисполненіи указа императора Александра I, отъ 8-го марта 1801 года, въ которомъ было сказано: «Если я хочу, чтобы преступленіе было обнаружено и получило должное возмездіе, то еще болѣе желаю, чтобы невинность находила въ томъ же самомъ законѣ и судѣ всѣ средства къ оправданію».

Основываясь на этомъ, Дубовицкій просилъ, чтобы по дѣлу его было произведено новое и формальное слѣдствіе, по правиламъ, въ законѣ установленнымъ, такъ, чтобы не былъ загражденъ ему путь къ необходимымъ объясненіямъ, которыхъ лично отъ него до сихъ поръ не требовали. «Законъ,—писалъ онъ князю Д. В. Голицыну,—не отнимаетъ способовъ къ оправданію и у такихъ преступниковъ, которые изобличены въ ужаснѣйшихъ злодѣяніяхъ». Онъ же, не зная, въ чемъ бы могло состоять его преступленіе, лишается, по слѣдствію князя Голицына, всякой возможности къ оправданію себя передъ правительствомъ.

— Если Дубовицкій,—говорилъ онъ про себя,—преступникъ, если онъ, какъ полагать надобно, по ночному въ домѣ его обыску, есть то лицо, на которое устремлены виды правительства, то почему же вмѣсто него страдаютъ другія безвинныя жертвы, и почему не благоволятъ потребовать отъ него всѣхъ къ дѣлу сему свѣ-

---

[1]) Въ письмѣ кн. Д. В. Голицыну отъ 23-го мая 1833 г.

дѣній. Всякое преступленіе должно быть изслѣдовано со всевозможною точностью. . . . .

Арестъ нѣкоторыхъ изъ жившихъ въ домѣ Дубовицкаго и допросы затянули дѣло и заставили его обратиться съ просьбою къ князю А. Н. Голицыну и просить его ходатайства объ освобожденіи невинныхъ, а въ особенности Ивана Павлова, человѣка, по словамъ Дубовицкаго, «высокой духовной жизни» и любезнаго его сердцу. Павловъ, какъ безпаспортный, былъ заключенъ въ тюрьму, и ему обрили половину головы. Это ужасало Дубовицкаго, и онъ просилъ кн. А. Н. Голицына вырвать эту невинную жертву изъ «челюсти злобы». Другая просьба заключалась въ томъ, чтобы разрѣшить ему ѣхать съ больною дочерью за границу, съ тѣмъ, конечно, чтобы избѣжать ожидающихъ его непріятностей. Зная, что князь А. Н. Голицынъ не пользовался теперь тою властью, какою пользовался при императорѣ Александрѣ I, А. П. Дубовицкій прибавлялъ: «Пишу къ вамъ это письмо [1], какъ обрекшемуся на служеніе Господу, и ежели, по нынѣшнимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, не можете вы быть орудіемъ явнымъ Его милосердія, то я увѣренъ, что вы никогда не отречетесь, по крайней мѣрѣ, какъ Никодимъ ночью, т. е. тайно, содѣйствовать и споспѣшествовать распространенію духа Христова на землѣ».

Отправивъ это письмо, Дубовицкій побывалъ у начальника 2-го округа корпуса жандармовъ генералъ-лейтенанта Лесовскаго, долго бесѣдовалъ съ нимъ, старался убѣдить его, что терпитъ невинно, и просилъ разобрать дѣло.

«Будучи радъ,—писалъ Лесовскій графу Бенкендорфу [2],—что случай сей доставилъ мнѣ возможность, безъ всякихъ домогательствъ, видѣть человѣка столь много подозрѣваемаго правительствомъ, я нарочито вступилъ съ Дубовицкимъ въ продолжительный разговоръ, увлекалъ его непримѣтнымъ образомъ въ сужденія о разныхъ предметахъ и, къ удивленію, нашелъ въ немъ человѣка весьма съ хорошими способностями ума, человѣка кроткаго, откровеннаго и не имѣющаго ни малѣйшей даже тѣни злокачественныхъ нравовъ, въ отношеніи къ вѣрѣ и правительству».

---

[1]) Въ письмѣ отъ «   » сентября 1833 г.

[2]) Въ докладной запискѣ 9 октября 1833 года.

Разсмотрѣвъ всѣ представленныя Дубовицкимъ бумаги, собравъ о немъ свѣдѣнія и часто бесѣдуя съ нимъ, Лесовскій явился его защитникомъ.

«Я съ своей стороны, писалъ онъ, не вижу въ Дубовицкимъ ни ереси, ни сектаторства, а нахожу его человѣкомъ честнымъ, прямодушнымъ, но, къ сожалѣнію, увлеченнымъ столь много фанатизмомъ вѣры, что, судя по тихой и почти затворнической жизни его, по кротости и благотворенію къ окружающимъ его, онъ дѣйствительно жаждетъ снискать спасеніе себѣ и, кажется, съ радостію готовъ вытерпѣть всѣ гоненія, дабы только по примѣру святыхъ, мучившихся за вѣру, угодить Богу и стать въ вѣчности на ряду съ ними! Конечно, по прежде бывшимъ о Дубовицкомъ мнѣніямъ можно думать, что онъ лицемѣръ, и благочестіе его только наружное, но нельзя сему вѣрить, ибо могъ ли онъ вытерпѣть личину притворства въ теченіе трехъ-лѣтняго нахожденія въ монастырѣ?»

По мнѣнію Лесовскаго, всего лучше доказываетъ въ немъ истиннаго сына церкви, покорнаго сына родительской власти, а слѣдовательно и правительству, та довѣренность, которая дана была Дубовицкимъ матери въ декабрѣ 1825 года. Въ этой довѣренности Александръ Петровичъ предоставлялъ принадлежащее ему имѣніе въ полное распоряженіе матери и просилъ у нея какъ милости назначить содержаніе ему и дѣтямъ и сохранить только въ цѣлости книги св. писанія, «дабы онѣ перешли къ потомкамъ его».

Къ сожалѣнію, защита генерала Лесовскаго оказалась безполезною для Дубовицкаго. Въ тотъ день, 9 октября 1833 г., когда Лесовскій отправлялъ свое письмо гр. Бенкендорфу, послѣдній писалъ князю Д. В. Голицыну [1]), что государь императоръ, имѣя въ виду, что Дубовицкій былъ уже въ монастырѣ за распространеніе своего ученія и нынѣ продолжаетъ его, находитъ, что онъ подлежитъ строгому наказанію. Поэтому Его Величество повелѣлъ отослать Дубовицкаго въ Соловецкій монастырь, имѣніе его взять въ опеку, а безпаспортнаго бродягу изъ духовнаго званія (Ивана Павлова), въ домѣ его найденнаго, судить за бродяжничество по законамъ.

По просьбѣ сенатора и шталмейстера Озерова, роднаго брата

---

1) Отношеніе гр. Бенкендорфа кн. Д. В. Голицыну отъ 9 октября 1833 г.

тестя Дубовицкаго[1]) и по ходатайству московскаго генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына, императоръ смягчилъ наказаніе и приказалъ отправить его въ одинъ изъ монастырей ближайшихъ къ Москвѣ въ Ярославской или Костромской губерніи [2]), а соучастника его, архимандрита Платона—въ Валаамовъ монастырь [3]).

---

[1]) Срав. «Русскій Арх.» 1894 г., № 6, стр. 190.

[2]) Письмо Бенкендорфа кн. Голицыну 1 ноября 1833 г.

[3]) О судьбѣ Платона мы можемъ сказать слѣдующее:

27 марта 1833 года выслушавъ въ правленіи Московской духовной академіи указъ объ опредѣленіи его ректоромъ Нижегородской семинаріи, архимандритъ Платонъ не могъ приступить тотчасъ же къ сдачѣ казенныхъ дѣлъ, такъ какъ многія книги были розданы студентамъ, разъѣхавшимся изъ академіи по случаю наступившихъ праздниковъ Св. Пасхи. Поэтому онъ отправился въ Москву, чтобы провести праздники въ Знаменскомъ монастырѣ и видѣться съ дѣтьми, жившими у Дубовицкаго. Къ послѣднему Платонъ ѣздилъ очень часто, просиживалъ цѣлые дни и двѣ ночи ночевалъ у него. По словамъ казначея Знаменскаго монастыря іеромонаха Константина, такое поведеніе архимандрита служило соблазномъ для братіи, тѣмъ болѣе, что на страстной недѣлѣ Платонъ два раза причащалъ Дубовицкаго Св. таинъ въ алтарѣ у жертвенника. Проживъ до 13-го апрѣля въ Москвѣ, Платонъ отправился въ Лавру, сдалъ тамъ казенныя дѣла и вещи и 19 апрѣля возвратился въ Москву для сдачи Знаменскаго монастыря. По окончаніи сдачи пробывъ въ монастырѣ еще пять дней, онъ 29 числа отправился въ Нижній-Новгородъ. По его словамъ, ранѣе отправиться онъ не могъ за разлитіемъ р. Оки и опасности переправы. «Я переправился черезъ Оку 2-го мая, показывалъ онъ, и отправившись съ одного берега въ 9-мъ часу утра, прибылъ къ другому въ 9 часовъ вечера. Далѣе верстъ 15 надобно было ѣхать съ большою трудностію и опасностію тѣми мѣстами, гдѣ Ока разливалась и оставила по себѣ ямы полныя воды. Потомъ, какъ наступила темная ночь, мы попали въ ровъ, изрытый среди дороги водою, гдѣ экипажъ засосало въ песокъ и для вытаскиванія онаго посылали за народомъ въ деревню».

4 мая Платонъ вступилъ въ новую должность ректора семинаріи, но затѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ и 30 мая подвергнутъ допросу въ присутствіи митрополита с.-петербургскаго Серафима, бывшаго митрополита грузинскаго Іоны и оберъ-прокурова Синода С. Д. Нечаева. Они нашли его виновнымъ въ избраніи Дубовицкаго своимъ духовнымъ наставникомъ, въ причащеніи его въ алтарѣ у жертвенника и полагали поручить Платона на нѣкоторое время надзору бдительнаго и искуснаго въ убѣжденіи архипастыря.

Государь не согласился съ мнѣніемъ митрополитовъ и приказалъ отправить его на жительство въ Валаамскій монастырь, съ воспрещеніемъ ему священнодѣйствовать. Наказаніе это не столько тяготило Платона, сколько скорбѣлъ онъ за своихъ дѣтей. Взятыя изъ дома Дубовицкаго, они вмѣстѣ съ гувернанткою помѣщены были на городской квартирѣ и переданы на попеченіе и присмотръ московскаго оберъ-полиціймейстера. Послѣдній не дозволялъ имъ видѣться съ семействомъ Дубовицкаго, что настолько огорчало Платона,

Между тѣмъ по первому распоряженію гр. Бенкендорфа о заключеніи Дубовицкаго въ Соловецкій монастырь, онъ былъ 29 октября, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника, отправ-

---

что онъ рѣшился обратиться къ оберъ-полиціймейстеру съ письмомъ и старался всѣми силами защитить ихъ воспитателя.

«При личномъ съ вами объясненіи,—писалъ Платонъ,—я на всѣ ваши вопросы касательно г. Дубовицкаго давалъ удовлетворительные отвѣты, защищалъ по чистой совѣсти невинность его поведенія, подвергалъ себя страшному суду Господа Іисуса, въ случаѣ ложнаго моего передъ вами свидѣтельства и, разставаясь съ вами, имѣлъ удовольствіе слышать и получить отъ васъ увѣреніе, что вы будете защитникомъ дѣтей моихъ и ихъ гувернантки. Но вотъ, къ величайшему моему прискорбію, получаю извѣстіе, что вы вовсе запретили дѣтямъ моимъ и гувернеркѣ ихъ даже входить въ домъ Дубовицкаго. Это для меня чрезвычайно тяжело. Вотъ въ продолженіе шести недѣль безпріютныя сироты мои другой разъ подвергаются жестокой скорби, и другой разъ отеческое сердце обливается кровью. Господи Іисусе Христе! молившійся за распинателей своихъ, даруй и мнѣ бѣдному силу молиться за оскорбляемыхъ дѣтей моихъ, не воздаждь имъ за обиду обидою, но по неизреченнымъ щедротамъ твоимъ отпусти имъ и ниспосли Твои милости и благословенія на нихъ и на дѣтей ихъ! Простите оскорбленному отеческому чувству! Если вы отецъ дѣтямъ, то поставьте себя на мѣсто мое, и дѣтей своихъ на мѣсто дѣтей моихъ, тогда и вы то же бы почувствовали».

«Осмѣливаюсь гадать, что вѣрно, по отъѣздѣ моемъ, получили новые невыгодные слухи о г. Дубовицкомъ, что опять перемѣнились къ моимъ дѣтямъ. Но я по совѣсти моей смѣло и дерзновенно, какъ бы теперь готовясь умереть и предстать страшному суду Господа Іисуса, утверждаю, какъ совершенно знающій во всѣхъ подробностяхъ образъ жизни г. Дубовицкаго и всѣхъ его домашнихъ, образъ ихъ мыслей и чувствованій, что въ ихъ домѣ и поведеніи не только нѣтъ ничего противнаго церкви и правительству, но дѣйствительно и существенно находится у нихъ все то, что только есть, по словамъ апостола Павла (къ Фил. IV, 8) истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достохвально, что только составляетъ добродѣтель и похвалу.—Этому я давнишній очевидный свидѣтель, и не просто свидѣтель, но ощущающій отъ союза съ симъ домомъ перемѣну въ сердцѣ и въ жизни и столько увѣренъ въ справедливости и невинности сего дѣла, что подвергаю себя всей строгости законовъ, если формальное слѣдствіе о г. Дубовицкомъ и живущихъ въ домѣ его откроетъ что-либо противное законамъ; подвергаю себя, говорю, всякой отвѣтственности, не только какъ человѣкъ, имѣющій связь съ людьми подозрительными (если это откроется), но и какъ безстыдный лжецъ и обманщикъ».

Послѣ этого письма дѣти отвезены были 19 мая къ священнику института дворянскихъ дѣтей Новскому. Найдя помѣщеніе ихъ неудобнымъ, Платонъ, проѣздомъ изъ Нижняго-Новгорода, просилъ митрополита Филарета передать временно дочерей въ Рождественскій дѣвичій монастырь до окончательнаго устройства ихъ у сестры, бывшей замужемъ за соборнымъ ярославскимъ священникомъ Николаемъ Сахаровымъ. Ссылка и лишеніе Платона

ленъ на почтовыхъ по пути къ Архангельску. «Прощаніе его при семъ случаѣ съ дѣтьми и домашними, — писалъ Лесовскій [1]), — было самое горестное и трогательное; послѣдніе такъ же, какъ съ отцомъ, разставались съ нимъ, а двѣ дочери находятся теперь въ отчаяніи; сынъ же Дубовицкаго, выпущенный изъ здѣшняго университета лѣкарь Петръ Дубовицкій, поѣхалъ провожать его до Ярославля».

Тамъ по распоряженію кн. Д. В. Голицына Александръ Петровичъ былъ остановленъ [2]) и затѣмъ отправленъ въ Санаксарскій монастырь Тамбовской губерніи Темниковскаго уѣзда [3]). Сообщая объ этомъ оберъ-прокурору Синода С. Д. Нечаеву и епископу тамбовскому, Голицынъ писалъ, что Дубовицкому не возбраняется видѣться съ дѣтьми, если онъ того пожелаетъ.

Санаксарская пустынь, писалъ С. Нечаевъ графу Бенкендорфу [4]), «находится не совсѣмъ въ выгодномъ для сей цѣли состояніи, какъ по близости къ г. Темникову, такъ и по малообразованности братіи, въ числѣ коей есть и слабые по жизни, да и самъ строитель оной,

---

всякаго содержанія поставили дѣтей его почти въ безвыходное положеніе по неимѣнію никакихъ средствъ къ существованію. Въ сентябрѣ 1833 года онъ обратился къ С. Д. Нечаеву съ просьбою о помилованіи, но, не получивъ его, подалъ 1-го мая 1834 года прошеніе на высочайшее имя. Платонъ просилъ помиловать такого преступника, который не по злонамѣренію, но единственно по чистому желанію истиннаго добра дѣтямъ своимъ, вошелъ въ сношеніе съ Дубовицкимъ. «Всемилостивѣйшій Государь!—писалъ Платонъ,— умоляю тебя со слезами изъ глубины души моей,—возврати несчастнаго отца къ несчастнымъ дѣтямъ, которыя еще въ младенчествѣ лишились матери своей, къ усугубленію горестной участи своей лишились теперь и отца и совершенно осиротѣли. Потеря матери ихъ не возвратна уже, а возвратить имъ отца достаточно одной всеавгустѣйшей воли твоей. Покрой твоею благостію ненамѣренное преступленіе мое, въ которое я вовлеченъ единственно заботою о дѣтяхъ своихъ».

Только черезъ два года послѣ этой просьбы и именно въ апрѣлѣ 1836 года Платонъ былъ переведенъ на испытаніе въ Сергіевскую пустынь близъ Петербурга и въ декабрѣ того же года было повелѣно употребить его на службу сообразно съ его званіемъ. Онъ былъ назначенъ настоятелемъ Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря, потомъ архимандритомъ Отроча монастыря въ г. Твери, Желтиковскаго монастыря, въ четырехъ верстахъ отъ этого города, и скончался въ 1866 году.

[1]) Графу Бенкендорфу отъ 4 ноября 1833 г., № 320.

[2]) Тоже отъ 8 ноября 1833 г., № 324.

[3]) Отношеніе кн. Голицына гр. Бенкендорфу 9 ноября 1833 г., № 515.

[4]) Отъ 4-го января 1834 г., № 4. См. также «Русскій Арх.» 1894 г., № 6, стр. 192.

будучи также невысокаго образованія, хотя по поведенію и могъ бы быть способенъ къ исполненію сдѣланнаго ему порученія, но по недавнему пребыванію въ должности строителя не имѣетъ еще потребной для сего опытности». Поэтому преосвященный тамбовскій полагалъ болѣе удобнымъ помѣстить Дубовицкаго въ Саровской пустыни, какъ наиболѣе удаленной на значительное разстояніе отъ селеній и имѣющей настоятелемъ опытнаго старца испытанной вѣрности и строгости жизни.

Кн. Д. В. Голицынъ и опекунъ дѣтей Дубовицкаго, сенаторъ Озеровъ, просили оставить его въ Санаксарскомъ монастырѣ, чтобы по близости его къ г. Темникову дать возможность дѣтямъ жить вблизи отца и видѣться съ нимъ; чтобы имѣть возможность лѣчить старшую дочь Дубовицкаго и, наконецъ, чтобы одинъ изъ опекуновъ дѣтей, г. Протасьевъ, жившій по близости Темникова, имѣлъ возможность наблюдать за воспитаніемъ ихъ.

Происшедшее разногласіе между кн. Голицынымъ и оберъ-прокуроромъ Нечаевымъ, обидѣвшимся, что безъ сношенія съ нимъ былъ избранъ Санаксарскій монастырь,—было причиною того, что государь приказалъ отправить Дубовицкаго въ Саровскую пустынь, куда онъ и прибылъ 15 марта 1834 года [1]). Здѣсь онъ прожилъ болѣе пяти лѣтъ и, несмотря на самые одобрительные отзывы монастырскаго начальства о поведеніи и образѣ мыслей Дубовицкаго, не имѣлъ никакой надежды на скорое освобожденіе. Попытка извѣстнаго намъ Ивана Павлова, успѣвшаго избѣжать заключенія, оправдать Дубовицкаго только вредила дѣлу. Приписывая несчастіе Дубовицкаго и свое интригамъ митрополита Филарета, Павловъ въ 1835 году написалъ на него безграмотный и самый постыдный пасквиль, съ эпиграфомъ, заимствованнымъ изъ стихотворенія Державина.

Пусть позлащенна мѣдь блистаетъ,
Но блещетъ ли она собой?
Пусть ухищреніе сіяетъ,

---

[1]) Подробности переписки по этому дѣлу желающіе найдутъ въ статьѣ священника Жмакина «Подполковникъ Дубовицкій», «Русскій Арх.» 1894 г., № 6, стр. 193—195. Къ этой же статьѣ отсылаемъ всѣхъ, кто пожелаетъ узнать подробности скитанія Дубовицкаго по монастырямъ.

Но чѣмъ?—лишь истины корой.
Повергни испытать въ горнилѣ,
Померкнетъ въ мигъ сіе свѣтило,
А злато завсегда ровно.

Павловъ старался доказать, что семейство Дубовицкаго благочестивое, о чемъ было заявлено и Филарету ректоромъ Московской духовной академіи; что радѣнія и пѣніе весьма полезны при молитвѣ и если пѣсни не нравятся Филарету, то потому только, что не Турчаниновъ ихъ составилъ [1]). Затѣмъ шло рѣзкое поношеніе дѣятельности митрополита Филарета и въ заключеніе Павловъ говорилъ: 1) Дубовицкій никогда не былъ сектантомъ и ни къ какой сектѣ не принадлежалъ; 2) Дубовицкій, «какъ словесное животное и довольно образованный дворянинъ, имѣетъ чувство здраво судить о вещахъ по ихъ свойствамъ и какъ самъ превратнаго понятія не имѣетъ, такъ никому (ничего) ложнаго не сообщалъ и (сообщить) не можетъ». Подобная защита, конечно, послужила скорѣе во вредъ, чѣмъ въ пользу Дубовицкаго.

Между тѣмъ въ 1838 году Петръ Дубовицкій, получивъ каѳедру въ Казанскомъ университетѣ, просилъ о переводѣ отца его въ Спасскій монастырь въ Казани, но вмѣсто того онъ былъ переведенъ сначала въ Седміезерскую пустынь, а затѣмъ въ Кизическій монастырь близъ Казани, куда и прибылъ 17 марта 1840 года.

Наступившая старость и болѣзни заставили Дубовицкаго просить уволить его къ минеральнымъ водамъ. Разрѣшеніе послѣдовало, и 11-го мая 1840 года онъ выѣхалъ изъ Кизическаго монастыря, въ сопровожденіи жандармскаго капитана Фойхта, который находился съ нимъ безотлучно во все время лѣченія и привезъ его обратно въ монастырь 14-го ноября. Фойхту поручено было слѣдить за образомъ мыслей и поступками Дубовицкаго, но, несмотря на предоставленную ему полную свободу, онъ не входилъ ни съ кѣмъ ни въ какія связи и даже чуждался общества.

«Что же касается до обнаруживаемаго имъ образа мыслей,—доносилъ Фойхтъ [2]),—то я долженъ сказать, что всѣ его помышле-

[1]) Священникъ Турчаниновъ былъ извѣстенъ, какъ составитель и издатель церковнаго пѣнія.

[2]) Въ рапортѣ исправляющему должность начальника 7-го округа корпуса жандармовъ, полковнику П. Ѳ. Львову, 23-го ноября 1840 г., № 19.

нія, въ кои проникнуть не трудно, по откровенному его нраву, не заключаютъ въ себѣ ничего страннаго и клонятся къ одному—къ свободѣ для соединенія съ семействомъ. Такое желаніе его весьма естественно потому, что, будучи отчужденъ, содержимъ въ монастырѣ и разлученъ съ милыми сердцу, въ лѣтахъ преклонныхъ, при разстроенномъ здоровьѣ, онъ не имѣетъ возможности видѣться съ сыномъ и дочерью, которые для излѣченія болѣзней находятся теперь на чужбинѣ, да и по возвращеніи будутъ имѣть постоянное мѣстопребываніе въ Петербургѣ».

Въ концѣ 1840 года Петръ Дубовицкій былъ единогласно избранъ профессоромъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи [1]). Заключенный отецъ просилъ сблизить его съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, знающимъ его болѣзненные припадки и могущимъ облегчить его страданія. Ссылаясь на то, что въ теченіе восьми лѣтъ, при самыхъ лучшихъ о немъ отзывахъ духовныхъ и гражданскихъ властей, онъ испытываетъ позоръ и подвергается злословіямъ, Дубовицкій говорилъ, что онъ прощаетъ своимъ врагамъ, гонителямъ и клеветникамъ, и желаетъ только свергнуть съ себя иго тѣхъ подозрѣній правительства, которыя столько лѣтъ отравляютъ его существованіе. Къ этому онъ прибавлялъ, что, получивъ отъ родителей имѣніе и желая передать его въ цѣлости дѣтямъ, онъ проситъ снять съ него опеку, ибо имѣніе его съ каждымъ годомъ разстроивается, такъ какъ опекунъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Озеровъ, хотя и родственникъ ему, но, занятый государственною службою, не можетъ имѣть хозяйственнаго надзора и мѣстнаго управленія [2]).

Сознавая, что по своей жизни не потерялъ правъ на свободу, Дубовицкій просилъ содѣйствія и участія тѣхъ лицъ, черезъ которыхъ можетъ дойти его просьба до монарха. «Во избѣжаніе утруждать и безъ того обремененнаго дѣлами государя, – писалъ Дубовицкій [3]),—отца нашего, обращаюсь къ правительству, въ лицѣ

---

[1]) Впослѣдствіи онъ былъ президентомъ Императорской военно-медицинской академіи.

[2]) Письмо А. П. Дубовицкаго Петру Өедоровичу Львову отъ 30-го декабря 1840 г.

[3]) Въ письмѣ ему же отъ 6-го января 1841 г.

коего прошу государя: сдѣлай милость, защити ты насъ съ моимъ семействомъ. Мы, живучи посреди міра, исполняя всѣ существенныя обязанности, не имѣя никакихъ связей и знакомствъ, не имѣемъ кромѣ Бога никакихъ покровителей, Его ради просимъ тебя (правительство), помоги ты намъ; мы не знаемъ къ кому обратиться, находясь въ полномъ смыслѣ слова по французской пословицѣ entre l'enclun et le marteau (какъ желѣзо между молотомъ и наковальнею)».

Почти одновременно съ этою просьбою было получено и донесеніе Фойхта, въ которомъ онъ писалъ, что Дубовицкій стремится единственно къ тому, чтобы жить и дѣйствовать въ духѣ православной вѣры, и тѣмъ содѣлаться достойнымъ благости Божіей. Фойхтъ свидѣтельствовалъ, что онъ ласковъ въ обращеніи съ каждымъ, кротокъ со своими служителями, охотно помогаетъ бѣднымъ, строгъ и твердъ въ отношеніи къ себѣ и вообще истинный христіанинъ, безъ ханжества и пустосвятости. По словамъ наблюдателя, Дубовицкій былъ искренно преданъ религіи, не обнаруживалъ ни мистическихъ понятій, ни какихъ-либо отступленій отъ догматовъ православной вѣры. «Напротивъ,—доносилъ Фойхтъ,—я замѣтилъ въ немъ строгое соблюденіе церковныхъ правилъ, почтительность властямъ и покорность волѣ монарха. Однимъ словомъ, осмѣливаюсь утверждать, что г-нъ Дубовицкій во всѣхъ отношеніяхъ вѣрный сынъ церкви, царя и отечества [1])».

Съ своей стороны, молодой Дубовицкій, находившійся въ то время со своими сестрами въ Парижѣ, писалъ графу Бенкендорфу, что, какъ профессоръ медико-хирургической академіи, не можетъ оставить Петербурга и просилъ сблизить съ нимъ отца. «Жестоко для чувствъ сыновнихъ,—писалъ онъ [2]),—помогая другимъ въ болѣзняхъ, быть лишену возможности облегчить страданія дрожайшаго ему родителя. Благоволите оказать намъ еще новую милость, исходатайствуйте у монаршаго престола освобожденіе ему. Кажется, его слишкомъ семилѣтнее монастырское пребываніе могло

---

[1]) Рапортъ капитана Фойхта полковнику Львову 23-го ноября 1840 года, № 19.

[2]) Въ письмѣ гр. Бенкендорфу 31-го декабря 1840 г., изъ Парижа. Срав. «Русскій Арх.» 1894 г., № 6, стр. 197.

уже довольно искупить вину его, еслибъ подлинно она была доказана, чего никогда не было. Напротивъ того, это самое монастырское пребываніе служитъ ему лучшимъ свидѣтельствомъ его образа жизни и мыслей. Тогда только я буду въ состояніи съ сердцемъ свободнымъ заниматься на поприщѣ, избранномъ мною. Одна надежда этого дѣлаетъ уже насъ счастливыми. Зная великодушіе вашего сіятельства, смѣло я съ сестрами моими къ вамъ прибѣгаемъ и просимъ оказать для насъ сіе величайшее въ жизни нашей благодѣяніе».

Графъ Бенкендорфъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ письму П. А. Дубовицкаго и, послѣ сношенія съ оберъ-прокуроромъ Синода, испросилъ высочайшее разрѣшеніе на переводъ Дубовицкаго-отца въ заштатный Николаевскій Перекомскій монастырь, въ 25-ти верстахъ отъ Новгорода. Это, конечно, не вполнѣ отвѣчало желаніямъ сына, и въ іюнѣ 1842 года онъ вновь обратился къ военному министру съ просьбою освободить отца и отдать ему на поруки. Блестящая репутація П. А. Дубовицкаго, какъ профессора медико-хирургической академіи, находившейся въ вѣдѣніи военнаго министерства, и постоянно одобрительные отзывы монастырскаго начальства о заключенномъ вызвали милость императора, и 26-го іюня 1842 года графъ Клейнмихель сообщилъ графу Бенкендорфу, что высочайше повелѣно освободить А. П. Дубовицкаго и отдать его на поручительство сыну [1]).

«Безпрестанно размышляя,—писалъ освобожденный Л. В. Дубельту [2]),—о постигнувшемъ меня испытаніи и стараясь разгадать подлинную причину таковой строгости правительства, я по совѣсти не чувствую себя виновнымъ ни передъ моими гонителями, ни передъ государемъ, умилосердившимся надо мною.

«Вашему превосходительству извѣстно изъ производившихся обо мнѣ дѣлъ, въ чемъ заключались взнесенныя на меня обвиненія; но вы не знаете, что ни одно изъ этихъ обвиненій не было мнѣ объявлено. Меня судили, не выслушавъ моихъ оправданій.

---

[1]) Отношеніе гр. Клейнмихеля къ графу Бенкендорфу 26-го іюня 1842 г. за № 1727.

[2]) Въ письмѣ отъ 1-го августа 1843 года.

«Теперь уже поздно оправдываться: очевидные факты моей правоты большею частью уже исчезли, многихъ друзей моихъ не стало на свѣтѣ; нѣкоторые изъ моихъ покровителей удалились отъ него (свѣта) навсегда; я пережилъ даже и моихъ враговъ. Да почіютъ они съ миромъ, да не имутъ срама за могилою!»

Такъ же снисходительно относилась къ своимъ судьямъ и Екатерина Филипповна Татаринова, получившая свободу шесть лѣтъ спустя послѣ А. П. Дубовицкаго.

Н. Дубровинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дѣло объ ограбленіи въ 1861 году анатомическаго театра Варшавской Медико-Хирургической академіи.

Обыски и аресты, производимые въ бывшемъ царствѣ Польскомъ органами русской власти въ періодъ послѣдняго польскаго мятежа, служили почвой для созданія разсказовъ, отличавшихся преувеличеніями, и легендъ, которымъ однако нерѣдко вѣрили даже люди серіозные и которыми иногда пользовались для прикрытія поступковъ, не имѣвшихъ съ политикою ничего общаго. Предлагаемое извлеченіе изъ подлиннаго архивнаго дѣла [1]) знакомитъ съ однимъ такимъ случаемъ, гдѣ виновникомъ былъ лишь простой служитель, сторожъ, а лицами довѣрившимися оказались люди, стоявшіе во главѣ Императорско-Царской Варшавской Медико-Хирургической академіи и главный директоръ Правительственной въ царствѣ Коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

6 октября 1861 года главный директоръ Коммиссіи, согласно энергичному представленію президента академіи, донесъ исправляющему должность намѣстника царства, что «наканунѣ означеннаго дня ночью девять казаковъ напали на кухню анатомическаго театра здѣшней Медико-Хирургической академіи подъ предлогомъ задержанія укрывавшихся тамъ подозрительныхъ людей, разграбили мѣдную посуду, стоимостью до 140 рублей сер., и избили нагайками сторожа помянутаго театра Хрусцилевскаго, подъ присмотромъ коего находилась означенная посуда».

Производство слѣдствія о разграбленіи театра было поручено состоявшему при главнокомандующемъ генералъ-майору маркизу Паулуччи, съ предписаніемъ ему «непремѣнно открыть виновныхъ въ томъ».

«Исполняя таковую волю» — рапортовалъ (14 октября) Паулуччи военному министру, временному главнокомандующему первою арміею — «я произвелъ слѣдствіе объ этомъ производствѣ, но участіе казаковъ въ преступленіи положительно опровергается открытымъ до сихъ поръ мною».

«Затѣмъ само собою на самого доносчика сторожа театра Владислава Хрусцилевскаго должно падать подозрѣніе, что онъ сдѣлалъ кражу вещей изъ кухни; и хотя обстоятельства дѣла не отвергаютъ возможности учиненія Хрусцилевскимъ означенной кражи, но какъ рѣшительно нѣтъ никакихъ слѣдовъ преступленія, исключая неявки по реестрамъ вещей, то и обвинить Хрусцилевскаго нельзя. При этомъ громоздкость

---

[1]) Архивъ Варшавскаго учебнаго округа, № 52, A, vol. 3: „Akta Kommissyi Rządowej Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, tyczące się Akademii Medycznej w przedmiotach administracyjnych. Od dnia 19 Października 1861".

покраденной посуды не безъ основанія возбуждаетъ вопросъ, что, кромѣ Хрусцилевскаго, должно быть еще нѣсколько лицъ, помогавшихъ выносить изъ театра и укрыть эти вещи; но и въ этомъ случаѣ весьма хорошо скрытые слѣды преступленія дѣлаютъ невозможнымъ указать на участниковъ.

«Вообще, характеръ происшествія таковъ, что, представляя преступленіе вполнѣ совершившимся и нравственно убѣждая въ виновности Хрусцилевскаго, въ то же время не оставило никакой нити для слѣдователя; только случай и умѣнье полиціи воспользоваться имъ могутъ раскрыть дѣло».

Паулуччи просилъ передать дальнѣйшее производство дѣла въ вѣдѣніе варшавской городской полиціи, указывая на то, что она, зная бытъ горожанъ и имѣя постоянныя сношенія съ ними, располагаетъ болѣе, нежели всякій военный слѣдователь, вѣрными средствами къ открытію виновныхъ. Дознаніе полиціи, дѣйствительно, вполнѣ подтвердило предположенія и догадки Паулуччи. Соотвѣтственно съ тѣмъ, главнымъ директоромъ Коммиссіи просвѣщенія отвѣтъ былъ полученъ совсѣмъ не такой, на какой разсчитывало начальство академіи, возбудившее судебное дѣло. Варшавскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій, въ своемъ отношеніи (16 января 1862 г.), сообщилъ директору:

«Участіе казаковъ въ означенномъ преступленіи положительно опровергается собранными свѣдѣніями» маркиза Паулуччи, которому первоначально было поручено произвести слѣдствіе, «и что, напротивъ, на Хрусцилевскаго падаетъ подозрѣніе, что онъ самъ сдѣлалъ кражу вещей». И «изъ представленнаго мнѣ нынѣ п. д. варшавскаго оберъ-полиціймейстера слѣдственнаго дѣла оказывается:

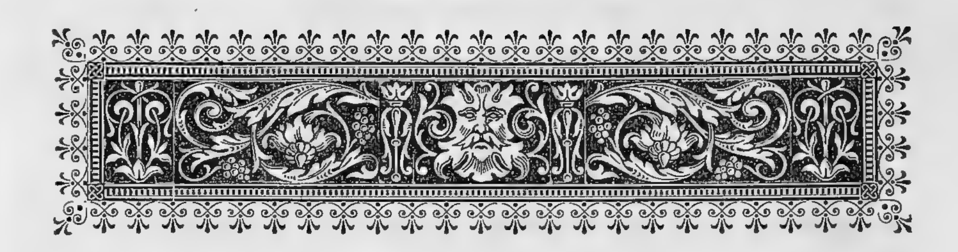
1) Хрусцилевскій собственнымъ сознаніемъ и показаніями допрошенныхъ уличенъ въ кражѣ вышеупомянутой посуды; въ вывезеніи оной изъ анатомическаго театра; въ продажѣ таковой по частямъ разновременно мастеру мѣдныхъ издѣлій Рейнфельду и котляру Шейнкесселю, сознавшимся на допросахъ въ покупкѣ означенной утвари. Пособниками въ развозкѣ и продажѣ были находящійся безъ службы лакей Шуцкій и отставной рядовой Галонзка. Впрочемъ, сей послѣдній, какъ видно изъ дѣла, случайно встрѣтивъ Хрусцилевскаго, пошелъ съ нимъ на Фурманскую улицу и по невѣдѣнію, что находившаяся уже въ квартирѣ еврея Парцовера ванна происходитъ изъ кражи, пособилъ положить оную въ дрожки и вмѣстѣ съ Хрусцилевскимъ и Шуцкимъ отправился на Гржибовскую улицу, гдѣ ванна продана Шейнкесселю. Въ соучастіи въ кражѣ обвиняется Хрусцилевскимъ умершій фельдшеръ больницы Младенца Іисуса—Красницій и подозрѣвается прикосновеннымъ смотритель зданія Медико-Хирургической академіи—Бурскій.

2) Казаки вовсе въ зданіи анатомическаго театра не находились. Извѣтъ на нихъ взведенъ Хрусцилевскимъ съ намѣреніемъ оправдать себя относительно пропажи посуды. Находившіеся же на спинѣ Хрусцилевскаго знаки будто бы отъ ударовъ нагайками, по собственному сознанію его, причинены ему тестемъ палкою.

«На основаніи обязательныхъ законоположеній, Хрусцилевскій за кражу и за продажу находившихся подъ его присмотромъ вещей, за оклеветаніе казаковъ въ похищеніи тѣхъ вещей и избитіи его нагайками и за составленіе подложнаго векселя съ подписью нѣкоей Гейдукъ на имя Войны, отъ котораго взялъ для продажи женское платье—подлежитъ отвѣтственности по опредѣленію уголовнаго суда. Равномѣрно, тому же суду подлежатъ пособники его и пріобрѣвшіе краденныя вещи. Вслѣдствіе сего, сдѣлано мною распоряженіе о сообщеніи подлежащему суду слѣдственнаго дѣла, о передачѣ въ вѣдѣніе онаго арестованными содержащихся при полиціи Хрусцилевскаго и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ».

Увѣдомляя объ этомъ, генералъ-губернаторъ обращалъ вниманіе главнаго директора на смотрителя академическихъ зданій Александра Бурскаго, какъ на лицо, самое нерадивое по службѣ. Начальству академіи, потомъ и Главной школы, къ коей была (1-го октября 1862 г.) присоединена академія, пришлось защищать Бурскаго отъ обвиненій въ соучастіи въ кражѣ. Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ. Бурскій былъ защищенъ; изъ остальныхъ большинство было также оправдано. Самого же Хрусцилевскаго уголовный судъ приговорилъ (10 сентября 1863 г.) «за кражу и обманъ» «на отдачу въ арестантскія исправительныя роты на 6 лѣтъ съ тѣлеснымъ наказаніемъ въ 80 ударовъ, а въ случаѣ невозможности вынесенія сего наказанія, на заключеніе въ рабочемъ домѣ на 9 лѣтъ, считая это съ 24 января 1862 года». За похищенныя вещи судъ присудилъ обвиненныхъ къ общему возврату въ пользу Главной школы 228 руб. 11³/₄ коп. Получить съ нихъ такую сумму, разумѣется, не представлялось возможности, и попечитель учебнаго округа, возвращая въ школу списокъ предметовъ, украденныхъ Хрусцилевскимъ, «цѣною въ 260 р. 53¹/₄ коп.», предложилъ (11 ноября 1867 г.) ея ректору исключить таковые изъ описи имущества Главной школы, «вмѣнивъ лицамъ, завѣдующимъ кабинетами, въ обязанность имѣть болѣе строгое наблюденіе за цѣлостью находящихся въ нихъ предметовъ, такъ какъ впредь отвѣтственность за утраченные предметы будетъ лежать на завѣдывающихъ кабинетами и музеями».

Дм. Цвѣтаевъ.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг.

ГЛАВА XIII [1]).

Пребываніе главной квартиры въ Горнемъ Студнѣ.

Расположеніе главной квартиры. — Гостепріимство главнокомандующаго. — Бивакъ князя Черкаскаго.—Бездѣйствіе интендантства.—Нареканія на товарищество Горвица, Грегера, Когана и К°. — Заявленія генерала Гурко.—Письмо генерала Столыпина. — Докладъ полеваго генералъ-контролера и записка князя Черкаскаго. — Совѣщанія у главнокомандующаго 14-го августа и 8-го сентября 1877 г.—Реквизиція.—Объявленіе по войскамъ о реквизиціи въ приказаніи и приказѣ.—Возбужденныя неясностью этихъ документовъ недоразумѣнія. — Жалобы со стороны военныхъ начальниковъ на мѣстное населеніе.—Записка полковника Дометти о положеніи бѣженцевъ. — Мѣры къ призрѣнію и размѣръ денежныхъ расходовъ на бѣженцевъ.

Черезъ три дня послѣ второй неудачи подъ Плевной войска, потерпѣвшія пораженіе, осмотрѣны были главнокомандующимъ. Полки сильно порѣдѣли, но и только. Солдаты, попрежнему, смотрѣли молодцами и готовы были къ новому бою. Было очевидно, что причины неудачи заключались не въ свойствахъ войскъ, а въ обстоятельствахъ внѣшнихъ и, главнымъ образомъ, въ неумѣломъ ихъ употребленіи. Великій князь остался чрезвычайно доволенъ осмотрѣнными войсками и рѣшился оставаться съ ними подъ Плевной въ ожиданіи подкрѣпленій, съ прибытіемъ коихъ вполнѣ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1895 года.

расчитывалъ овладѣть крѣпкими позиціями Османа-паши.

Для расположенія главной квартиры арміи избрано было селеніе Горній Студень, лежащее на сѣверной сторонѣ довольно глубокаго оврага. Императорская квартира, не успѣвшая соединиться съ квартирою главнокомандующаго въ Тырновѣ, не осталась въ Бѣлѣ, а перешла тоже къ Горнему Студню.

Великій князь главнокомандующій, со старшими чинами штаба, сталъ въ палаткахъ и киргизскихъ юртахъ. Обѣ квартиры были какъ разъ другъ противъ друга. Ниже дороги лежала бѣдная усадьба болгарина Петра Алексѣева Цвяткова, которую занялъ князь Черкаскій, запоздавшій пріѣздомъ въ Горній Студень. Домъ на этой усадьбѣ замѣнялся врытою въ землю землянкой съ печью, но безъ оконъ; соломенная ея крыша лежала почти на землѣ. Чтобы войти въ землянку, надо было спуститься по нѣсколькимъ ступенямъ, сбоку которыхъ, подъ той же крышей, была устроена завалинка. Эту темную и сырую землянку князь Владиміръ Александровичъ выбралъ себѣ для жилья; въ ней онъ спалъ, а на завалинкѣ проводилъ большую часть дня, пилъ чай, принималъ служебные доклады и довольно многочисленныхъ гостей. Во дворѣ той же усадьбы я разбилъ для себя форменную офицерскую палатку и въ жаркую пору дня укрывался въ небольшомъ плетневомъ сарайчикѣ, въ которомъ находились закрома съ хлѣбомъ. Въ другой палаткѣ помѣщался одинъ изъ начальниковъ отдѣленій гражданской канцеляріи, А. А. Жемчужинъ, а въ киргизской кибиткѣ—секретарь Краснаго Креста, П. В. Неклюдовъ.

Особенности нашей усадьбы заключалось въ томъ, что, будучи между обѣими главными квартирами, она имѣла удобныя съ ними сообщенія.

Главнокомандующій жилъ въ круглой киргизской юртѣ, внутри которой разбита была четыреугольная съ вертикальными боками палатка. Вслѣдствіе этого въ юртѣ, въ сегментахъ между ея стѣнками и полами палатки, образовались четыре помѣщенія сверхъ центральнаго въ самой палаткѣ. Первое у входа было прихожей, а сейчасъ направо кабинетъ, въ которомъ у ломбернаго стола стояли кресла для великаго князя и докладчика. Начальникъ штаба и помощникъ его, генералъ Левицкій, занимали тоже киргизскія ки-

битки, но попроще; всѣ прочіе чины — въ обыкновенныхъ офицерскихъ палаткахъ, а частью и въ болгарскихъ строеніяхъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главныхъ ставокъ, на расчищенной площадкѣ, красовался большой полотняный шатеръ, служившій столовою. Два раза въ день, къ завтраку и обѣду, по сдѣланному разъ навсегда приглашенію, собирались въ шатеръ начальники отдѣловъ полеваго штаба, ихъ помощники, адъютанты, чины, состоявшіе при главнокомандующемъ и, сверхъ того, много другихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ. Обыкновенно собиралось не менѣе 40 человѣкъ, а иногда бывало вдвое болѣе. Не помѣщавшіеся въ шатрѣ, въ хорошую погоду, садились вокругъ столовъ, разставленныхъ на свѣжемъ воздухѣ. То же самое повторилось потомъ и въ Боготѣ, куда главная квартира перешла въ октябрѣ мѣсяцѣ, но тамъ уже, конечно, никто не думалъ располагаться на воздухѣ.

Площадка, около ставки главнокомандующаго и шатра столовой, была центромъ сбора всѣхъ чиновъ штаба и лицъ, пріѣзжавшихъ съ донесеніями изъ другихъ отрядовъ или съ передовыхъ позицій. Здѣсь узнавались новости, передавались другъ другу личныя впечатлѣнія и свѣдѣнія, добытыя во время экскурсій въ ближайшія окрестности, и тутъ же можно было получить или отправить телеграмму. Въ десяти шагахъ отъ шатра стояла станціонная карета военно-походнаго телеграфа, безпрерывно получавшаго и отправлявшаго телеграммы.

Но изъ всѣхъ причинъ, собиравшихъ на площадку многолюдное общество, самою главною была возможность пользоваться столомъ у главнокомандующаго. Не будь этого, большинству пришлось бы голодать и наживать катарры желудка, сидя на консервахъ и холодныхъ закускахъ, или питаться у появившихся изъ Бухареста маркитантовъ, предлагавшихъ яства весьма сомнительнаго качества. Гостепріимство великаго князя было самое широкое и въ высшей степени радушное. Гофмаршалъ его, генералъ-маіоръ А. А. Галлъ, человѣкъ замѣчательно симпатичный и любезный, всецѣло посвящалъ себя исполненію воли пославшаго его и въ короткое время сдѣлался наипопулярнѣйшимъ человѣкомъ въ главной квартирѣ. Съ радушной улыбкой на красивомъ лицѣ и неизбѣжной трубой около уха, почтенный А. А. готовъ былъ выслушать каждаго

и каждому сдѣлать что-либо пріятное. Любилъ онъ также поговорить и пошутить съ молодежью, а потому, когда бы онъ ни появлялся, его сейчасъ окружали, и изъ собравшейся вокругъ него группы раздавались громкія рѣчи, которыя можно было разслышать на порядочномъ разстояніи, такъ какъ каждый старался говорить громче, чтобы быть услышаннымъ А. А., страдавшимъ глухотою.

Главнокомандующій на столъ для штаба не жалѣлъ средствъ и не только отдавалъ всѣ свои столовыя деньги по 10 т. руб. золотомъ въ мѣсяцъ, но еще немало передерживалъ изъ собственныхъ средствъ. Только перерывъ нашего кормленія во время перехода изъ Богота въ Адріанополь и потомъ совершенное прекращеніе стола въ Санъ-Стефано дали возможность генералу Галлу свести концы съ концами и не обременить великаго князя долгомъ.

Было ли дано какое-либо mot d'ordre въ началѣ обѣденныхъ собраній у главнокомандующаго — не знаю; когда я пріѣхалъ въ Плоэшти, то они шли уже заведеннымъ порядкомъ. Всѣ разговоры велись о мелкой злобѣ дня и разныхъ происшествіяхъ, но не о важныхъ военныхъ соображеніяхъ, что̀ могло бы повести къ весьма нежелательнымъ результатамъ. Съ устраненіемъ всякихъ интересныхъ, но жгучихъ вопросовъ, началось-было развиваться нѣкоторое, оправдываемое обстоятельствами, подхалимство, но и ему не дали развиться. Найдется не въ мѣру усердствующій, начнетъ вдаваться въ шокирующій тонъ, его сейчасъ и остановятъ не призывомъ къ скромности, что̀ было бы тоже неудобно, а просто какимъ-либо хлесткимъ и зачастую скабрезнымъ анекдотомъ. Главнокомандующій непрочь былъ выслушать подобный анекдотъ, а потому ихъ говорилось и придумывалось множество. Вмѣсто аттической, соль подносилась сѣрая и крупно-зернистая, и грубый комизмъ усугублялся иногда тѣмъ, что, приступая къ какому-либо безшабашному повѣствованію, разсказчикъ просилъ разрѣшенія у присутствовавшихъ за обѣдомъ духовныхъ особъ. Оно было нѣсколько сально, но зато безусловно не компрометтировало важные интересы и устраняло возможныя личности и неудовольствія. Сосѣдъ мой, Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ-отецъ, не любилъ участвовать въ подобномъ празднословіи, но находилъ, что оно извиняется обстоя-

тельствами и несравненно лучше умныхъ разговоровъ о матеріяхъ, вызывающихъ на размышленіе и дающихъ поводъ къ прискорбнымъ недоразумѣніямъ.

Если бывали интересныя донесенія изъ отрядовъ или получались какія-либо телеграммы обще-политическаго характера, то ихъ громко прочитывалъ, послѣ втораго блюда, полковникъ Газенкампфъ.

Въ теченіе іюля мѣсяца выяснилось много такого, что измѣнило существовавшіе прежде взгляды и должно было самымъ рѣшительнымъ образомъ повліять на будущія наши дѣйствія, заставя высшія военныя власти отказаться отъ прежнихъ своихъ воззрѣній, оказавшихся ошибочными, и перейти къ мѣрамъ болѣе цѣлесообразнымъ.

Главнѣйшею изъ этихъ причинъ была, разумѣется, неожиданная задержка со стороны Плевны, показавшая, что намъ на долгое время придется отказаться отъ движенія за Балканы и оставаться въ Сѣверной Болгаріи. Это прискорбное обстоятельство ослаблялось несомнѣннымъ убѣжденіемъ въ томъ, что Болгарія во всѣхъ ея частяхъ, посѣщенныхъ нашими войсками какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ Балканъ, изобиловала хлѣбомъ и скотомъ и предоставляла громадныя, подъ руками находящіяся, средства для продовольствія арміи.

Однако, одновременно съ этимъ, съ не менѣе положительною ясностью обнаружилось, что товарищество не принималось почти за устройство правильнаго довольствія войскъ и думало только о собственной наживѣ, захватывая направо и налѣво обильныя мѣстныя средства по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ для продажи ихъ въ тридорога казнѣ; что интендантство не проявляло никакой дѣятельности и чины его всюду отсутствовали, и что, вслѣдствіе того, войска вынуждены были жить средствами страны, добывая ихъ для себя самымъ примитивнымъ способомъ, не обращая никакого вниманія на гибельныя послѣдствія, могущія произойти отъ такого безсистемнаго истощенія края.

Факты эти были общеизвѣстны; о нихъ говорили всѣ причастные и непричастные дѣлу. Вмѣстѣ съ громкими нареканіями на

интендантство и товарищество, стали слышаться обвиненія и противъ мѣстнаго населенія, которое, видя безпорядочность въ способахъ пріобрѣтенія довольствія, выражало наклонность беречь свое добро, прикрываясь отчасти и законною отвѣтственностью за сохраненіе десятины, слѣдовавшей правительству, и требованія которой можно было ожидать въ недалекомъ будущемъ.

Жалобы на товарищество не могли не дойти до свѣдѣнія начальника полеваго штаба и интендантства, но они, какъ творцы знаменитаго контракта съ Горвицемъ, Грегеромъ, Коганомъ и К°, легко къ нимъ относились, а отъ интендантства особой дѣятельности и не предполагали, такъ какъ съ каждымъ днемъ должна была болѣе и болѣе развиваться работа контрагентовъ. Такимъ образомъ, частныя жалобы имѣли мало шансовъ на успѣхъ, а отъ оффиціальныхъ воздерживались, что́ мы и видѣли изъ разсказа о бывшемъ въ Тырновѣ совѣщаніи о продовольствіи войскъ 8-го армейскаго корпуса. Но, несмотря на это, лица, коимъ вѣдать о томъ надлежало, не были вовсе оставлены безъ оффиціальныхъ сообщеній и притомъ весьма серьезнаго содержанія. Начальникъ передоваго отряда, генералъ-лейтенантъ Гурко, подробно доносилъ о продовольствіи своего отряда и положительно заявлялъ, что люди отряда живутъ насчетъ турецкаго скота, брошенныхъ турецкими войсками запасовъ и получаемымъ отъ жителей въ небольшомъ количествѣ хлѣбомъ, и что «продовольствіе лошадей исключительно основано на средствахъ страны, такъ какъ средствъ этихъ было въ изобиліи». Изъ Тырнова, отъ 29-го іюня 1877 г. [1]), генералъ Гурко писалъ: «Живу насчетъ города, иду съ пяти-дневнымъ запасомъ сухарей и трехъдневнымъ фуража, въ видѣ неприкосновеннаго запаса на черный день, и буду жить насчетъ страны. Здѣсь громадный складъ зерна и двѣ мельницы, чтобъ его перемалывать. Въ Дряново и Габрово также имѣются громадные запасы; на первомъ наложены уже наши печати, въ Габровѣ же будутъ наложены сегодня и отданы подъ

---

[1]) «Передовой отрядъ»—статья бывшаго начальника штаба этого отряда, генерала Нагловскаго, напечатанная въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1891 г. Статья эта, несмотря на свою краткость и отрывочность, такъ какъ осталась неоконченною за неожиданною смертью ея автора, заслуживаетъ особаго вниманія и даетъ о послѣдней турецкой кампаніи поистинѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія.

охрану жителей. Въ Пляковѣ заготовленъ хлѣбъ для моего отряда. Все можно имѣть, но для этого надо имѣть интенданта, а мой пропалъ безъ вѣсти».

По времени, это авторитетное заявленіе генерала Гурко о богатствахъ страны, широкомъ пользованіи войскъ мѣстными средствами и о бездѣйствіи интендантства — было первымъ изъ оффиціально дошедшихъ до высшихъ властей арміи. За нимъ послѣдовало немало такихъ же донесеній изъ другихъ источниковъ. Продовольственный вопросъ сталъ злобою дня, занимавшею всѣхъ, кому были дороги интересы арміи и самой Россіи. Обсуждая его, одни говорили о необходимости радикально измѣнить установленные способы довольствія войскъ и немедленно покончить съ товариществомъ, а другіе, подтверждая негодность еврейской компаніи, видѣли главную суть дѣла не въ ея только устраненіи, а шли далѣе и настаивали на возможномъ охраненіи мѣстныхъ средствъ страны, которыми армія живетъ и еще долго можетъ жить, если только водворить въ ихъ расходованіи благоразумную и строгую экономію. Представителями этихъ мнѣній въ ближайшихъ сферахъ къ главнокомандующему были: перваго — полевой генералъ-контролеръ арміи, д. с. с. Борисъ Ивановичъ Черкасовъ, а втораго — князь Черкаскій. Оффиціальное положеніе обоихъ оппонентовъ дѣлало ихъ голоса весьма существенными, и замолчать ихъ представленія не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что генералъ-контролеръ вручилъ генералъ-адъютанту Непокойчицкому обширный докладъ по дѣламъ товарищества, а князь Черкаскій заявилъ о приготовляемой имъ запискѣ, въ которой намѣревался представить главнокомандующему и свои предположенія.

Въ виду такихъ заявленій, вопросъ о мѣрахъ обезпеченія продовольствія арміи рѣшено было подвергнуть подробному разсмотрѣнію на совѣщаніи у главнокомандующаго, въ присутствіи начальника полеваго штаба, князя Черкаскаго, д. с. с. Черкасова и интенданта Аренса. Совѣщаніе назначено было на 14-е августа.

Соображенія Б. И. Черкасова были изложены въ докладѣ отъ 12-го августа 1877 года, за № 314 [1]), а князь В. А. Черкаскій

[1]) Матеріалы Л. Н. Соболева, № 134.

представилъ свои мысли въ особой запискѣ, поданной въ самый день совѣщанія, т. е. 14-го августа. Начальникъ полеваго штаба и полевой интендантъ никакихъ записокъ не представили, а дѣлали свои замѣчанія словесно.

Доказавъ фактами очевидную неисправность товарищества еще въ Румыніи, генералъ-контролеръ заявлялъ, что, «съ переходомъ нашихъ войскъ черезъ Дунай, дѣятельность товарищества, казалось, вовсе прекратилась. Армія наша довольствовалась запасами интендантскаго транспорта, сухарями, имѣющимися въ обозѣ войскъ, хлѣбомъ, оставленнымъ турецкимъ правительствомъ и, наконецъ, сѣномъ и зерновымъ фуражемъ, собраннымъ съ турецкихъ полей. Отсутствіе услугъ товарищества на всемъ пространствѣ занятой нами территоріи, и притомъ въ такое важное время для нашей арміи, составляло нарушеніе контракта во всемъ его объемѣ, такъ какъ на основаніи § 3-го контракта товарищество обязано было устраивать по пути движенія войскъ и въ мѣстахъ ихъ остановокъ склады продовольствія и фуража—чего, какъ извѣстно, не было имъ исполнено ни на одномъ пунктѣ. Да и въ настоящее время, какъ увѣдомилъ меня полевой интендантъ 3-го августа 1877 г., хлѣбъ и другіе продовольственные продукты ставятся товариществомъ только тамъ, гдѣ это окажется возможнымъ».

Считая, по этимъ основаніямъ, совершенно справедливымъ признать товарищество неисправнымъ и нарушить съ нимъ контрактъ, полевой генералъ-контролеръ находилъ, что контрактъ утратилъ свою силу и по другимъ соображеніямъ, и во всякомъ случаѣ требовалъ капитальныхъ измѣненій. Такъ какъ въ Болгаріи не существуетъ ни торговыхъ фирмъ, ни биржъ, ни маклеровъ, т. е. ни одного изъ тѣхъ учрежденій, которыя должны по § 6-му контракта удостовѣрять дѣйствительность существующихъ на мѣстахъ слѣдованія и остановокъ войскъ цѣнъ, то интендантство и государственный контроль, повѣрявшій разсчеты съ контрагентами, не могли въ сущности признать правильными и законными цѣны, уплаченныя товариществомъ за продукты.

Переходя къ вопросу о томъ, какой способъ довольствія войскъ долженъ быть принятъ по расторженіи контракта съ товариществомъ, полевой генералъ-контролеръ склонялся въ пользу подряднаго съ

торговъ, какъ наиболѣе обезпечивающаго безостановочное довольствіе войскъ и интересы казны. Въ успѣхѣ торговъ онъ не сомнѣвался. До заключенія контракта съ товариществомъ являлись предложенія разныхъ хлѣбопромышленниковъ, которые, безъ сомнѣнія, отозвались бы и теперь. Кромѣ того, могли найтись подрядчики и между первостепенными агентами товарищества. Соревнованіе ихъ, при пріобрѣтенномъ уже опытѣ, могло повести къ болѣе выгодному опредѣленію цѣнъ.

Вообще полевой генералъ-контролеръ предлагалъ немедленное уничтоженіе контракта.

Князь Черкаскій выступилъ одновременно съ полевымъ генералъ-контролеромъ, но съ совершенно самостоятельнымъ заявленіемъ. Формулируя свои соображенія, представленныя имъ на совѣщаніе 14-го августа (всего 18 пунктовъ), онъ не касался ни неисправности товарищества, ни условій продовольствія арміи съ подряда. Онъ говорилъ о тѣхъ только средствахъ, которыя находились въ распоряженіи гражданскаго управленія и могли если не вполнѣ, то въ значительной степени обезпечить довольствіе арміи хлѣбомъ и фуражемъ, причемъ вновь развивалъ то же самое, что съ такимъ неуспѣхомъ было имъ предлагаемо еще мѣсяцъ тому назадъ, 11-го іюля, въ Тырновѣ.

Благо продовольственныя средства какъ сѣверной, такъ и южной Болгаріи оказывались весьма обильными, въ чемъ лично убѣдились и главнокомандующій съ чинами полеваго штаба, и начальникъ передоваго отряда, побывавшій за Балканами,—такъ къ самой широкой эксплоатаціи этихъ средствъ и слѣдовало прибѣгнуть немедленно, образовавъ для арміи запасы продовольственныхъ продуктовъ, собрать которые въ августѣ еще представлялось возможнымъ, но которые легко могутъ быть растрачены неправильнымъ хозяйничаньемъ войскъ и товарищества или и просто скуплены и заграблены послѣднимъ съ тѣмъ, чтобы потомъ, свезя ихъ въ свои магазины, продавать тому же интендантству по дорогой цѣнѣ. Поэтому, одновременно съ образованіемъ запаса продуктовъ, по мнѣнію князя Черкаскаго, слѣдовало тогда же, не теряя времени, съ полною точностью опредѣлить порядокъ довольствія войскъ хлѣбомъ и фуражемъ, подразумѣвая подъ этимъ порядкомъ указаніе

частямъ войскъ извѣстныхъ районовъ (въ то время всѣ наши войска были прикованы къ извѣстнымъ мѣстностямъ), въ которыхъ бы они и должны были пріобрѣтать всякаго рода жизненные продукты съ зачетомъ по продовольственнымъ листамъ или прямою покупкою на наличныя деньги.

Князь Черкаскій и Б. И. Черкасовъ главнымъ образомъ настаивали: на уничтоженіи контракта съ товариществомъ; на немедленномъ упорядоченіи способа довольствія войскъ хлѣбомъ и фуражемъ и на образованіи запаса продуктовъ. Каждая изъ этихъ трехъ мѣръ должна была повести къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Уничтоженіе контракта и упраздненіе товарищества освободило бы казну и край отъ огромныхъ денежныхъ потерь и затратъ и прекратило бы нахальную эксплоатацію народа массою темныхъ личностей, состоявшихъ агентами товарищества. Интендантство, укрывавшееся за товариществомъ, должно было бы выступить на арену дѣйствія и заняться тѣмъ дѣломъ, которое по закону лежало на его отвѣтственности.

Установленіе «съ строгою точностью порядка довольствія войскъ хлѣбомъ и фуражемъ» — должно было повести къ указанію войскамъ тѣхъ участковъ занятаго края, изъ которыхъ каждая воинская часть должна была, въ случаѣ надобности, получать необходимые ей продукты, чрезъ что̀ прекращались бы напрасное расхищеніе мѣстныхъ средствъ, захваты лишняго однѣми частями въ ущербъ другимъ, болѣе впереди стоявшимъ, или почему-либо запоздавшимъ, и, наконецъ, предупреждалось общее обнищаніе страны, въ которой предстояло намъ оставаться неопредѣленное время.

Наконецъ, образованіе запасовъ хлѣба и фуража, съ устройствомъ интендантскихъ магазиновъ для пріема реквизиціи — обезпечивало въ будущемъ продовольстіе арміи и давало возможность спокойнѣе относиться къ мысли оставаться въ сѣверной Болгаріи не только осенью, но и на зиму.

Первыя двѣ мѣры, касаясь самыхъ существеннѣйшихъ интересовъ арміи, затрогивали интересы огромнаго числа частныхъ лицъ, со стороны коихъ могли вызвать ропотъ и неудовольствіе. Можно даже было опасаться и возникновенія судебнаго процесса съ товариществомъ. Третья мѣра, крайне полезная по существу, была со-

вершенно безобидна; она оставляла въ сторонѣ всѣ частные интересы и не задѣвала ничьего самолюбія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла быть осуществлена только по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, и вся отъ нея польза была лишь въ будущемъ, тогда какъ первыя двѣ мѣры сразу производили коренное измѣненіе въ существующихъ порядкахъ, и результаты ихъ стали бы замѣтны немедленно.

Совѣщаніе 14-го августа рѣшилось лишь на заготовленіе запаса путемъ реквизиціи, сохранивъ не только товарищество, но и не установивъ порядка въ хаотическомъ разборѣ мѣстныхъ средствъ товариществомъ и войсками. Все существовавшее—успѣвшее уже оказаться никуда негоднымъ и вреднымъ—сохранено было въ полной неприкосновенности, и дано лишь согласіе на такую мѣру, которая могла имѣть послѣдствія въ будущемъ и то, впрочемъ, при желаніи интендантства воспользоваться собранными запасами.

Причинъ подобнаго рѣшенія было немало; одни изъ нихъ выставлялись на первомъ планѣ и высказывались громко какъ на самомъ совѣщаніи, такъ и впослѣдствіи, всякій разъ, когда заходила рѣчь объ этомъ эпизодѣ. Другія замалчивались, хотя, быть можетъ, онѣ-то и были самыми существенными.

Главнѣйшею причиною выставлялась несомнѣнная увѣренность войсковаго начальства въ томъ, что, съ прибытіемъ къ Плевнѣ румынской арміи и нѣкоторыхъ нашихъ войскъ, а также съ окончаніемъ операцій около Ловчи, наше положеніе скоро и кореннымъ образомъ измѣнится, и мы въ состояніи будемъ предпринять противъ Османа-паши самыя рѣшительныя мѣры. Предполагалось штурмовать Плевну, и увѣренность въ ея паденіи была настолько велика, что самый штурмъ предполагалось произвести 30-го августа, чтобы въ этотъ торжественный для Россіи день поднести новый побѣдный вѣнокъ августѣйшему имениннику и вождю русскаго народа. Съ паденіемъ Плевны всѣ неудобства продовольствія, ставшія столь замѣтными отъ временной задержки нашихъ войскъ на берегахъ Вида, прекращались сами собой — войска пошли бы впередъ, и районъ мѣстности для питанія арміи значительно бы расширился. На этомъ главномъ аргументѣ генералъ Непокойчицкій и утверждался, доказывая, что съ временными неудачами надо мириться и не ломать

изъ-за нихъ заведенные уже порядки, тѣмъ болѣе, что при быстромъ измѣненіи нашего положенія мы легко можемъ очутиться и безъ товарищества, и безъ новыхъ подрядчиковъ въ то самое время, когда арміи придется наступать.

Кромѣ того и предлагаемая система подрядовъ по округамъ или участкамъ вызывала противъ себя множество возраженій; она дѣйствительно была сложна, основывалась на однихъ гадательныхъ соображеніяхъ и въ сущности мало отличалась отъ столь хулимой дѣйствовавшей системы, ибо при новыхъ, какъ и при старыхъ порядкахъ, весьма много зависѣло бы отъ частныхъ лицъ, а кто ручался, что новые агенты, — которыхъ проектировалось набирать и между служащими товарищества, — будутъ лучше старыхъ и станутъ менѣе заботиться о своихъ выгодахъ, предпочитая имъ интересы арміи.

Самое богатство Болгаріи продовольственными средствами, очевидное для всѣхъ членовъ совѣщанія 14-го августа, обратилось ко вреду дѣла. Стоило ли затруднять войска пріурочиваніемъ ихъ къ извѣстнымъ районамъ, когда имъ въ самомъ скоромъ времени придется продолжать прерванное наступленіе, и на много ли—въ теченіе этого времени— истощится край отъ продолженія начатаго въ немъ безсистемнаго хозяйничанья?

Эти соображенія восторжествовали, и товарищество осталось неприкосновеннымъ; не согласились даже на частичное измѣненіе заключеннаго съ нимъ условія.

Роковыя событія послѣднихъ дней августа 1877 года общеизвѣстны. Они самымъ рѣшительнымъ образомъ разбили надежды военныхъ властей и показали несостоятельность ихъ соображеній, но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что надежды на благопріятный поворотъ военныхъ дѣйствій имѣли немало шансовъ на успѣхъ, и еслибы ихъ не было у лицъ, руководившихъ военными операціями, то лица эти не имѣли бы нравственнаго права оставаться во главѣ арміи. Можно, однако, поставить имъ въ упрекъ то, что они, согласившись начать войну съ меньшими силами, чѣмъ бы слѣдовало по ихъ собственнымъ предположеніямъ, не воспользовались урокомъ двухъ первыхъ сраженій подъ Плевной для немедленнаго усиленія арміи русскими войсками и заранѣе рѣшили

предпринять штурмъ турецкой позиціи до прибытія подкрѣпленій, удовольствовавшись лишь присоединеніемъ однихъ румынъ.

Съ другой стороны никакихъ серьезныхъ извиненій нельзя пріискать отказу въ немедленномъ упорядоченіи пользованія мѣстными средствами. Мало того, слѣдуетъ сказать, что мѣра эта не была принята по побужденіямъ низменнаго порядка. Начальникъ полеваго штаба и полевой интендантъ, отстоявъ существованіе товарищества, ими самими измышленнаго и навязаннаго арміи, не рѣшались поднять на него руку даже въ смыслѣ простаго прекращенія безобразій, производимыхъ его агентами. Охранивъ систему, они не хотѣли измѣнять и порядки, заведенные еврейскими контрагентами исключительно для своихъ выгодъ и въ прямой ущербъ казнѣ. Ставъ на эту точку зрѣнія, пришлось глядѣть сквозь пальцы и на самовольныя распоряженія военныхъ частей, которыя, ничего не получая отъ товарищества, все забирали изъ мѣстныхъ средствъ по собственному усмотрѣнію. Ограничить такія дѣйствія войскъ значило бы и ихъ окончательно возстановить противъ товарищества или, строго говоря, противъ установленной системы продовольствія арміи. Сторонниковъ товарищества въ арміи не было; всѣ открыто признавали, что оно рѣшительно ничего не дѣлаетъ, но прямаго похода на него не начинали, потому что изворотливые еврейскіе агенты не мѣшали войскамъ самимъ заготовлять для себя продовольствіе и охотно, въ обходъ закона и условій контракта, выдавали деньги вмѣсто отпуска припасовъ натурой.

Подводя затѣмъ итоги совѣщанію 14-го августа 1877 года, приходится вывести заключеніе, что на немъ все оставлено по-старому, и ничего не сдѣлано для улучшенія продовольствія войскъ въ тогдашнее трудное время, хотя это именно и было главнымъ предметомъ совѣщанія. Образованіе для арміи реквизиціоннаго запаса, на которое военныя власти согласились, ни къ чему интендантство не обязывало и даже, какъ увидимъ ниже, не стѣснило его впослѣдствіи въ отказѣ пользованія собраннымъ реквизиціей зерномъ.

Штурмъ Плевны не удался, но армія наша не отступила, а самоотверженно рѣшилась приковать себя на долгое время къ тѣмъ

*

самымъ мѣстамъ сѣверной Болгаріи, которыя уже занимала съ половины іюня. Тотъ же самый четыреугольникъ между Дунаемъ, Видомъ, Янтрою и Балканами долженъ былъ продолжать удовлетворять наши войска отчасти хлѣбомъ и сполна скотомъ и фуражемъ. Перспектива продолжительной стоянки на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, уже значительно истощенныхъ, снова выдвигала вопросъ объ упорядоченіи способовъ расходованія мѣстныхъ средствъ продовольствія и образованія изъ нихъ запаса.

Собиравшіяся гражданскимъ управленіемъ свѣдѣнія объ условіяхъ назначенія реквизиціи были уже получены по Систовскому и Тырновскому санджакамъ и со дня на день ожидались по Тульчинскому. Полагая возможнымъ ограничиться на первый разъ опредѣленіемъ реквизиціи съ первыхъ двухъ санджаковъ, князь Черкаскій 6-го сентября, на другой день по возвращеніи главнокомандующаго съ передовыхъ позицій подъ Плевной въ Горній Студень, доложилъ снова объ этомъ дѣлѣ, и для обсужденія его назначено было совѣщаніе на 8-е сентября [1]), когда и утвержденъ былъ подробный планъ реквизиціи.

Обсуждая на совѣщаніи реквизиціонный вопросъ, князь Черкаскій снова напомнилъ о сдѣланномъ уже имъ предложеніи насчетъ указанія войскамъ опредѣленныхъ районовъ для полученія мѣстныхъ средствъ. Принятіе этого казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что, согласно съ донесеніями губернаторовъ съ половины августа, т. е. со времени объявленія жителямъ о предстоящемъ сборѣ съ нихъ реквизиціи и необходимости сохранить въ наличности тѣ количества зерна, сѣна и соломы, которыя будутъ съ нихъ потребованы реквизиціоннымъ путемъ за деньги, — на практикѣ было уже нѣсколько нежелательныхъ столкновеній между войсками и жителями. Войска, приславъ въ какую-либо деревню своихъ заготовителей, требовали отдачи имъ всѣхъ находимыхъ у болгаръ запасовъ по вольнымъ цѣнамъ, а жители, ссылаясь на реквизицію, предлагали лишь то, что могли отдать и не по назначаемымъ войсками цѣнамъ, а по установленнымъ главнокомандующимъ.

Указаніе районовъ снова было отвергнуто, но вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Протоколъ этого совѣщанія напечатанъ въ IV выпускѣ «Сборника оффиціальныхъ распоряженій и документовъ по Болгарскому краю» (стр. 3—9).

военныя власти признали необходимымъ дать войскамъ нѣкоторыя общія указанія какъ о цѣли заготовленія реквизиціонныхъ предметовъ довольствія, такъ и о способахъ обезпеченія войскъ хлѣбомъ и фуражемъ. Въ этихъ видахъ отданы были по войскамъ дѣйствующей арміи приказаніе отъ 13-го и приказъ отъ 15-го сентября 1877 года [1]).

Оба эти распоряженія по арміи, сдѣланныя вслѣдствіе бывшаго 8-го сентября совѣщанія, имѣли цѣлью обратить вниманіе воинскихъ начальниковъ на лучшіе способы обезпеченія ввѣренныхъ имъ частей продовольствіемъ и ознакомить войска съ цѣнами и подробностями распоряженной реквизиціи, чѣмъ и устранить поводы къ повторенію бывшихъ уже по этому предмету недоразумѣній между войсками и населеніемъ. Однако, оба документа относительно реквизиціоннаго вопроса не только не дѣлали разъясненій, могущихъ предотвратить недоразумѣнія, но, напротивъ, содержаніемъ своимъ должны были повести прямо къ противному. Оба они дѣло реквизиціи излагали неточно и давали о немъ войскамъ превратное понятіе.

Говоря войскамъ о запрещеніяхъ, они совершенно умалчивали о дѣйствительныхъ льготахъ. При такихъ обстоятельствахъ, оба эти документа можно упрекнуть если не въ умышленномъ извращеніи фактовъ—на что нѣтъ никакихъ доказательствъ—то въ крайне неполномъ и неточномъ ихъ изложеніи.

Какъ только приказаніе и приказъ были отпечатаны и сдѣлались извѣстны войскамъ, стоявшимъ подъ Плевной, тотчасъ же обнаружились вредныя послѣдствія неудовлетворительности ихъ редакціи. Самая быстрота, съ какой появились заявленія воинскихъ начальниковъ, показываетъ, что заявленія эти вызывались исключительно содержаніемъ приказа и приказанія, а вовсе не результатомъ самихъ распоряженій, которымъ не было еще достаточно времени выясниться на практикѣ. Узнавъ о какихъ-то стѣснительныхъ распоряженіяхъ гражданскихъ властей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о жалобахъ гражданскаго начальства на самовольные поступки войскъ,

---

[1]) Приказы по арміи подписывались главнокомандующимъ, а приказанія—начальникомъ полеваго штаба.

войсковые начальники разразились, въ свою очередь, жалобами направленными противъ князя Черкаскаго. Распускались самые невѣроятные и нелѣпые слухи; говорили, напримѣръ, что болгарамъ запрещено продавать войскамъ что бы то ни было, такъ что нельзя было купить у нихъ ни овощей, ни овцы, ни курицы.

Приказаніе № 176 и приказъ № 159 подписаны 13-го и 15-го сентября, а напечатаны и разосланы были, вѣроятно, не ранѣе 17-го и 18-го. Прежде, чѣмъ печатные ихъ экземпляры были доставлены гражданскому управленію, до него уже дошли слухи о многочисленныхъ заявленіяхъ, вызванныхъ обоими документами, изъ прочтенія которыхъ нельзя было не убѣдиться въ крайне неудовлетворительной ихъ редакціи. Князь Черкаскій нашелъ необходимымъ немедленно же принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ прекращенію поводовъ неудовольствія и, не имѣя возможности лично объясниться съ начальникомъ полеваго штаба, сопровождавшаго тогда главнокомандующаго на передовыя позиціи, 20-го сентября послалъ разъяснительные циркуляры систовскому и тырновскому губернаторамъ. На другой день, 21-го, ген.-ад. Непокойчицкій прислалъ, съ передовыхъ позицій подъ Плевной, телеграмму, въ которой извѣщалъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами о жалобахъ войскъ на затрудненія по пріобрѣтенію продовольствія отъ жителей и просилъ принять мѣры къ устраненію недоразумѣній.

Такъ какъ всѣ распоряженія были уже сдѣланы, то князь Черкаскій воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы письменно изложить уже высказывавшіяся имъ словесно мысли по вопросу о продовольствіи арміи, и послалъ начальнику полеваго штаба письмо отъ 22-го сентября № 1150, которое и составляетъ вещественное, такъ сказать, доказательство тѣхъ усилій, которыя князь Черкаскій дѣлалъ, чтобы обратить вниманіе военныхъ властей и интендантства на необходимость установить довольствіе арміи изъ мѣстныхъ средствъ на наиболѣе раціональныхъ основаніяхъ.

Ссылаясь на посланный уже, по собственному почину, циркуляръ, устранявшій возникшія затрудненія въ покупкѣ фуража войсками на мѣстахъ въ той мѣрѣ, въ какой это зависѣло отъ гражданскихъ властей, князь Черкаскій указывалъ: «что чѣмъ шире войска будутъ пользоваться предоставляемою имъ возможностью

производить такую покупку, тѣмъ быстрѣе истощатся мѣстныя средства края и тѣмъ скорѣе наступитъ самая критическая для арміи пора».

Ни это письмо, ни личныя послѣ него объясненія завѣдывавшаго гражданскими дѣлами съ начальникомъ полеваго штаба не привели къ благимъ результатамъ; все оставалось по-старому, и никакихъ мѣръ къ упорядоченію довольствія войскъ принято не было. А между тѣмъ въ занимаемую нами часть Болгаріи, постепенно истощавшуюся, приходили все новыя и новыя войска. Правда, съ другой стороны продовольственный районъ нѣсколько расширился переводомъ кавалеріи генерала Крылова за р. Видъ, гдѣ лежали весьма богатыя всякимъ зерномъ, фуражемъ и скотомъ мѣстности, почти совсѣмъ не тронутыя войсками Османа-паши, занимавшими Плевну. Но и при этомъ, съ отправкой массы кавалеріи на лѣвый берегъ Вида, войска, въ томъ числѣ и кавалерія, поставленная въ чрезвычайно выгодныя условія,— по-прежнему оставлены были при прежней системѣ довольствія фуражемъ наличною покупкою.

Сборъ реквизиціи начался при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ. Войска ей не сочувствовали, такъ какъ до нея они вполнѣ хозяйничали въ краѣ по своему усмотрѣнію: косили сѣно, убирали турецкія поля, получали огромныя справочныя цѣны, а за продукты платили крайне дешево въ тѣхъ случаяхъ, когда платили, часто же добывали ихъ фуражировками безденежно [1]. Приготовленіе запаса для арміи не могло не вызвать протестовъ нѣкоторыхъ частныхъ начальниковъ частей, грозя имъ переходомъ къ довольствію натурою. Недовольно было и интендантство, которое заставили согласиться на реквизицію противъ воли и обязали еще учредить магазины для пріема реквизиціоннаго зерна. Кромѣ того, край былъ уже значительно истощенъ, и вблизи расположенія войскъ нашлось немало деревень, въ которыхъ всѣ запасы были уже выбраны и сами жители покупали для себя необходимое на сторонѣ, не имѣя даже и сѣмянъ на посѣвы.

Несмотря на это, гражданская администрація въ краѣ была уже

[1]) Приказаніе по арміи 13-го сентября 1877 г., № 176.

настолько сильно организована, что сборъ риквизиціи и сѣнокошеніе наемнымъ путемъ шли весьма успѣшно. и къ назначенному сроку, т. е. къ 15-му октября, громадный процентъ реквизиціонныхъ сборовъ былъ готовъ къ сдачѣ интендантству. Вотъ тутъ-то и обнаружилась если не злая воля, то полная несостоятельность этого учрежденія. Магазиновъ приготовлено не было, и интендантство положительно отказывалось принимать зерно и сѣно, или, принимая, обставляло пріемъ невозможными затрудненіями. Послѣдствія этого немедленно отразились на интересахъ гражданскаго управленія и самихъ жителей. Непріемъ зерна интендантствомъ велъ къ тому, что его надо было хранить болѣе долгое время, чѣмъ предполагалось, и не у самихъ жителей, а въ центральныхъ пунктахъ, куда оно свозилось жителями предварительно передачи въ казенные магазины и гдѣ нельзя было возложить на населеніе отвѣтственность за храненіе зерна. А между тѣмъ зерно могло слежаться, его надобно было перелопачивать [1]). И вотъ такимъ перелопачиваніемъ, волею-неволею, должны были заняться состоявшіе при гражданскомъ управленіи военные офицеры, между которыми были не только строевые, но и профессора. Никто изъ нихъ, поступая въ гражданское вѣдомство, не допускалъ и мысли очутиться въ подобномъ положеніи, и сборъ зерна, особливо перелопачиваніе его, и безпрерывныя пререканія съ низшими интендантскими чинами были для нихъ очень тягостны. Да и военное вѣдомство, отпуская своихъ отлично аттестованныхъ офицеровъ въ гражданское, не думало, что имъ придется посвятить себя подобной неблагодарной дѣятельности и не изъ необходимости, а вслѣдствіе нераспорядительности интендантства. Немало офицеровъ, вслѣдствіе такихъ несоотвѣтственныхъ порученій, оставили службу въ гражданскомъ управленіи.

Неудобства для жителей состояли въ томъ, что имъ не выдавали

[1]) Офицерамъ гражданскаго управленія, наблюдавшимъ въ округахъ за сборомъ реквизиціи, предоставлено было право нанимать въ помощь себѣ по одному свѣдущему человѣку изъ мѣстныхъ жителей съ платою отъ 30 до 50 руб. въ мѣсяцъ до окончанія операціи. Для окарауливанія магазиновъ назначалось не болѣе трехъ полицейскихъ съ платою по два франка каждому въ день. Перелопачиваніе производилось мѣстными жителями по наряду или наемными рабочими. Медленность интендантства значительно вліяла на увеличеніе накладныхъ расходовъ по реквизиціи.

денегъ за реквизицію и, кромѣ того, притѣсняли при пріемѣ. Поясню примѣромъ. Пріемы зерна и сѣна (убраннаго за плату) въ Никополѣ шли очень медленно; жители во множествѣ съѣзжались въ городъ и не могли сдать привезенныхъ запасовъ. Масса возовъ съ зерномъ и сѣномъ запружали улицы и обращали на себя общее вниманіе. Стали разспрашивать возчиковъ; оказалось, что лица, отъ которыхъ зависѣлъ пріемъ привезенныхъ крестьянами припасовъ, указывали имъ мѣстомъ сдачи цитадель, лѣпившуюся на высокой горѣ, доступъ къ которой былъ крайне труденъ. Впрочемъ, предлагался пріемъ и внизу, если съ каждаго воза будетъ уплачена извѣстная контрибуція, копѣекъ въ тридцать, кажется. Болгары не хотѣли платить, а можетъ быть у возчиковъ и не было на это никакихъ средствъ.

Разсказъ объ этомъ я слышалъ изъ двухъ источниковъ: отъ полеваго генералъ-контролера и полеваго казначея. Кто-то изъ нихъ, а можетъ быть и оба (д. с. с. Черкасовъ и Кидошенковъ, нынѣ почетные опекуны въ Москвѣ и Петербургѣ) передали объ этомъ полевому интенданту и говорили, что слѣдуетъ принять мѣры къ прекращенію подобныхъ безобразій. Д. с. с. Россицкій (замѣнившій тогда г. Аренса) благодарилъ за сообщеніе и обѣщалъ строго расправиться съ виновнымъ.

О реквизиціонныхъ сборахъ, генералъ Куропаткинъ въ своемъ сочиненіи, говоритъ:

«Что касается сбора зерна, то, благодаря дѣятельности лицъ гражданскаго управленія Болгаріею, сборъ его въ различныхъ городахъ велся успѣшно. Въ особенности обширные склады его были собраны реквизиціоннымъ порядкомъ, съ уплатою населенію около 4 р. за четверть въ Тырновѣ.

«Къ сожалѣнію, сами войска въ иныхъ случаяхъ были причиною, что эти склады не принесли всей возможной пользы. Еще пѣхотныя части охотно получали отъ интендантства, или прямо изъ складовъ съ записью въ фуражные листы, собранное съ населенія для фуражнаго довольствія зерно, но многія кавалерійскія и артиллерійскія части предпочитали сами довольствовать лошадей по справочнымъ цѣнамъ.

«Результатъ получился совершенно неожиданный: во время стоянки нашихъ войскъ въ сѣверной Болгаріи, дурное состояніе лошадей объяснялось трудностью, даже невозможностью доставать фуражъ, а съ уходомъ нашихъ войскъ за Балканы, собранное по весьма выгоднымъ цѣнамъ съ населенія большое количество зерна, въ особенности въ Тырновскомъ округѣ, пролежавшее въ складахъ (и, сколько извѣстно, частью попортившееся отъ недостатка зернохранилищъ), пришлось возвращать населенію».

———

Одновременно съ принятіемъ мѣръ о сборѣ реквизиціоннымъ порядкомъ предметовъ довольствія для войскъ, испрошены были окончательныя повелѣнія главнокомандующаго объ обезпеченіи участи болгарскихъ бѣженцевъ. Въ главѣ XI-й было объяснено, что для оказанія имъ первоначальной помощи, была отправлена изъ Тырнова особая коммиссія подъ начальствомъ л.-гв. Семеновскаго полка полковника Дометти, состоявшая изъ причисленныхъ къ гражданскому управленію штабъ-офицеровъ: Спокойскаго-Францевича, Ѳомина и Яганова; гвардіи штабсъ-капитана Карандеева и двухъ мѣстныхъ уроженцевъ—драгомана консульства въ Филиппополѣ г. Чалыки и священника Тилева, извѣстнаго патріота и страдальца. Окончивъ свои работы, коммиссія представила отчетъ въ Горнемъ Студнѣ 13-го сентября 1877 г. [1]). Отчетъ заключалъ въ себѣ весьма интересныя свѣдѣнія.

Первые забалканскіе бѣженцы были изъ городовъ Эски-Загра, Эни-Загра, Челпанъ, Казанлыкъ, Карлово, Калоферъ и изъ промежуточныхъ деревень. Они направлялись главнымъ образомъ на Шипку, Габрово, Дряново и далѣе къ Тырнову. Бѣженцы, распадаясь на двѣ группы—горожанъ и сельчанъ, — дѣлились сверхъ того на двѣ категоріи. Къ одной принадлежали несчастные, застигнутые турками врасплохъ; поспѣшно оставляя свои жилища, они не успѣли захватить что-либо изъ своихъ домовъ и явились къ намъ почти нищими. Другую категорію составляли тѣ, которые бросили свои дома не при внезапномъ появленіи турокъ, а вслѣдствіе дошедшихъ до нихъ слуховъ объ ужасахъ, производимыхъ мусульманами въ сосѣдствѣ. Эти люди забрали съ собою, что могли, и перешли Балканы, имѣя при себѣ, кромѣ денегъ, разный домашній скарбъ, подводы, лошадей, воловъ и даже домашній скотъ.

Коммиссія полковника Дометти на первыхъ же порахъ встрѣтила массу людей, преимущественно изъ незахватившихъ ничего съ собою, которымъ надо было помочь немедленно. Однимъ давали деньги, другимъ раздавали печеный хлѣбъ, покупаемый въ Дряновѣ

---

[1]) Копія отчетной записки полк. Дометти, поданной князю Черкаскому въ Горнемъ Студнѣ 13-го сентября 1877 г., за № 7, находится въ библіотекѣ Л. Н. Соболева, подъ № 149.

и Габровѣ. Всѣхъ воспользовавшихся такою помощью было 14.375 душъ, считая въ томъ числѣ и дѣтей.

Мало-по-малу началось и разселеніе бѣженцевъ. Бѣженцы, поселенные къ сѣверу отъ Тырнова, размѣщены были въ деревняхъ, лежащихъ вдоль рѣкъ Русицы и Янтры, гдѣ вблизи были большіе сѣнокосы, доставившіе хорошій заработокъ. Немало бѣженцевъ продвинулись еще дальше на сѣверъ и разселились въ Систовскомъ санджакѣ.

Въ городахъ селились горожане, въ деревняхъ—сельскіе жители. У многихъ бѣженцевъ изъ Казанлыка, Калофера и другихъ городовъ были родные и знакомые, у которыхъ они и пріютились, получая за услуги или за плату уголъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и пропитаніе. Городскія общества не оставались чужды къ страданіямъ пришельцевъ. Въ Тырновѣ, Дряновѣ, Севліевѣ, Ряховицѣ и Травнѣ, на счетъ общества отдѣлано было по нѣскольку брошенныхъ турецкихъ домовъ для помѣщенія въ нихъ на зиму вдовъ и сиротъ, не имѣвшихъ никакихъ средствъ къ заработкамъ. Имъ выдавали и топливо. Съ своей стороны славянскіе комитеты, чрезъ общаго ихъ агента А. А. Нарышкина, устроили въ Габровѣ и Тырновѣ пріюты для вдовъ и сиротъ на 300 чел. съ полнымъ содержаніемъ и раздавали ежедневно по 500 окъ (ока имѣетъ три фунта) печенаго хлѣба. Красный Крестъ, чтобы помочь женщинамъ, жившимъ до того ручнымъ трудомъ, устроилъ въ Тырновѣ мастерскую для шитья вещей, потребныхъ раненымъ и больнымъ.

Наконецъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ болгарское населеніе при побѣгѣ турокъ поживилось турецкимъ имуществомъ—захваченныя вещи, по настоянію мѣстнаго управленія, уступались бѣженцамъ.

Все вышесказанное относилось къ тѣмъ бѣженцамъ, которые не успѣли захватить съ собою обозовъ и скота. Имѣвшіе же это держались особо. Они оставались все время въ поляхъ, укрываясь въ шалашахъ и переходя съ мѣста на мѣсто, отыскивая кормъ для скота и все приближаясь къ горамъ, въ надеждѣ, при первой возможности, вернуться на родину.

Вообще, всѣ бѣженцы перебивались со дня на день, и положеніе ихъ было весьма тяжелое въ матеріальномъ отношеніи. Весь выигрышъ отъ бѣгства на сѣверную сторону Балканъ выражался

только отсутствіемъ страха за жизнь. Продовольствіе же было почти не обезпечено. На заработки имущіе кое-что бѣженцы шли неохотно — боясь потерять свои семьи, чему было довольно примѣровъ.

Съ сосѣдями бѣженцы жили не дружно. Недостатокъ продовольствія вынуждалъ ихъ къ добыванію его силою или кражею. Происходили столкновенія между бѣженцами и мѣстными жителями. Нерѣдко также мѣстные жители, спасая свои поля, наущали бѣженцевъ грабить сосѣдей. Такъ, жители Севліевскаго округа ходили грабить жителей Габровскаго и обратно; формируемыя бѣженцами шайки всегда находили главарей и проводниковъ изъ мѣстнаго населенія и подъ ихъ предводительствомъ производили грабежи, не останавливаясь даже передъ сопротивленіемъ властямъ.

Изъ оффиціальныхъ данныхъ, въ подтвержденіе сказаннаго, можно привести слѣдующее [1]): тысяча человѣкъ болгаръ Севліевскаго и Габровскаго округовъ напали на сложенныя въ поляхъ копны, принадлежащія крестьянамъ дер. Яларь (близъ Дрянова), и руками выщелушили ихъ. Владѣльцы бросились на грабителей, но тѣ, «побуждаемые сильнымъ голодомъ», ожесточенно защищались съ оружіемъ въ рукахъ и, только кончивъ свое дѣло, удалились. Нѣсколько человѣкъ, однако, попались. Ихъ было заарестовали, но на другой день, «сжалившись надъ отчаяннымъ положеніемъ голодныхъ женъ и дѣтей арестованныхъ, страдавшихъ въ открытомъ полѣ» — яларовцы отпустили пойманныхъ съ оставшеюся у каждаго въ рукахъ пшеницею, кукурузой, овсомъ. Черезъ нѣсколько дней нападеніе повторилось. Отъ пяти до шести сотъ болгаръ вновь (29 августа) стали опустошать кукурузники сел. Яларь. Мѣстный мюдиръ съ жителями, чипами полиціи и тремя жандармами напалъ на грабителей. Тѣ защищались палками и вызвали, со стороны жандармовъ, нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Въ свалкѣ болѣе ста человѣкъ было задержано, а одинъ изъ полицейскихъ (Минчо Иліевъ) раненъ въ голову. Задержанные показали, что они принуждены къ грабежу голодомъ и подстрекаются габровцами, которые и предводительствовали ими.

---

[1]) Вѣдомость происшествіямъ по Тырновскому санджаку съ 16-го августа по 1-е сентября 1877 г. Библ. Л. Н. Соболева, № 142.

По словамъ полковника Дометти, положеніе бѣглецовъ, коихъ, по его счету, въ половинѣ сентября 1877 г. было не менѣе ста тысячъ человѣкъ, было бѣдственное. Въ краѣ подобрались свободные запасы, все, что они привезли съ собою, тоже приходило къ концу.

Получивъ 13-го сентября докладъ полковника Дометти о положеніи бѣженцевъ, князь Черкаскій немедленно составилъ докладъ главнокомандующему и на другой же день, 14-го сентября, его высочество, въ виду того, что «съ наступленіемъ осени и зимы мѣстныя средства истощились, а самыя мѣры призрѣнія должны быть усилены, тѣмъ болѣе, что надежда на скорое возвращеніе бѣженцевъ за Балканы можетъ не осуществиться»—утвердилъ весьма радикальныя мѣры [1]).

Принятіе этихъ мѣръ, опредѣлившихъ значительную постоянную помощь бѣженцамъ со стороны правительства и мѣстнаго населенія, безъ сомнѣнія, имѣло добрыя послѣдствія. Источники пособія вполнѣ опредѣлились и были значительны, но затянувшееся сидѣнье подъ Плевной, отсрочивавшее надежды на скорую развязку дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на возможность скораго отправленія бѣженцевъ на прежнія ихъ мѣста, заставили князя Черкаскаго изыскать новые источники для увеличенія назначеннаго уже имъ пособія. Увеличеніе средствъ оказывалось тѣмъ необходимѣе, что численность самихъ бѣженцевъ, по мѣрѣ лучшаго ознакомленія съ ихъ разселеніемъ, представлялась значительно большею, чѣмъ прежде полагали.

Разсмотрѣніе донесеній губернаторовъ о финансовыхъ средствахъ страны показало, что въ мѣстныя казначейства стали поступать немалыя денежныя суммы, получавшіяся отъ выручки за продажу скота и движимаго имущества бѣжавшихъ турокъ, отъ арендной платы за ихъ мельницы, виноградники и разное имущество. Деньги эти вносились мѣстными общинами вообще подъ именемъ доходовъ съ частныхъ турецкихъ имуществъ, безъ всякаго указанія, кому онѣ принадлежатъ. Этими средствами князь Черка-

[1]) Докладъ отъ 14-го сентября 1877 г., № 68, о мѣрахъ къ призрѣнію бѣженцевъ-болгаръ въ Тырновскомъ, Систовскомъ и Рущукскомъ санджакахъ, напечатанъ въ «Сбор. офф. расп.» вып. IV, стр. 10–16.

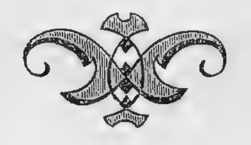
скій рѣшился воспользоваться для уменьшенія тяготы, выпавшей на долю систовскихъ и тырновскихъ болгаръ, и для возможнаго сокращенія расходовъ казны. Достигая этихъ двухъ результатовъ, въ то же время получалась возможность усилить вообще средства помощи бѣженцамъ.

Этимъ распоряженіемъ закончились мѣры, принятыя гражданскимъ управленіемъ арміи для обезпеченія положенія бѣженцевъ; свѣдѣній о произведенныхъ на это расходахъ, до окончанія войны, собрано не было, и, по неимѣнію нынѣ (1894 г.) въ Петербургѣ подлинныхъ дѣлъ гражданскаго управленія, трудно сказать, во что именно обошлась помощь, оказанная бѣженцамъ. Но, принимая во вниманіе, что правительство тратило въ мѣсяцъ до 35 тыс. руб. золотомъ; что расходы болгарскаго земства были не менѣе той же суммы; что бѣженцы въ большомъ числѣ оставались еще на сѣверной сторонѣ Балканъ до самаго Санъ-Стефанскаго договора и долѣе; что пособія, въ видѣ уборки хлѣба, сѣнокосовъ и выдачи доходовъ съ турецкихъ имуществъ равнялись, по меньшей мѣрѣ, тремъ стамъ тысячъ рублей и, наконецъ, что Красный Крестъ и славянскіе комитеты израсходовали на эту помощь не менѣе 50 т. р., можно сказать, что расходы казны и земства на бѣженцевъ только деньгами простирались по крайней мѣрѣ до 625 т. р. золотомъ, т. е. достигали до крупной цифры 2.500.000 франковъ.

Всѣ вышеприведенныя мѣры съ достаточною и несомнѣнною ясностью доказываютъ, что болгарскіе бѣженцы, явившіеся на сѣверную сторону Балканъ несчастными жертвами войны и варварства турокъ, были предметомъ серьезнаго вниманія гражданскаго управленія, и, для облегченія ихъ горькой участи, сдѣлано было все, что представлялось возможнымъ въ тогдашнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Собственноручныя письма князя П. А. Вяземскаго къ Д. П. Северину.

Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при баварскомъ дворѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитрій Петровичъ Северинъ родился въ Петербургѣ 21-го іюля 1792 года, былъ сынъ тайнаго совѣтника и сенатора. Воспитаніе онъ получилъ вмѣстѣ съ кн. П. А. Вяземскимъ, въ іезуитской коллегіи, и съ этихъ поръ началась ихъ дружба, не прерывавшаяся въ теченіе трехъ четвертей вѣка. Объ этой дружбѣ маститый поэтъ въ 1858 году напоминалъ Д. Северину [1]).

От дѣтскихъ лѣтъ друзья, преданьями родные
На опустѣвшемъ полѣ боевомъ,
Мы уцѣлѣвшіе отъ боя часовые,
Стоимъ еще съ тобою подъ ружьемъ.
Теченьемъ волнъ своихъ насъ время разлучило;
Когда же сердце въ насъ подернется тоской
И тѣнь вечерняя смѣняетъ дня свѣтило,
Мы окликаемся съ тобой.

Вспоминая годы воспитанія, кн. П. А. Вяземскій писалъ Северину [2]):

Лѣтами старики, но дружбой не дряхлѣя,
Съ тобой давно ея святаго юбилея
Отпраздновали мы завѣтные года... [3])
Давно сроднила насъ намъ вѣрная звѣзда...
Дѣтьми насъ патеръ Чижъ лелѣялъ въ черной клѣткѣ;
Но мы безпечные какъ соловьи на вѣткѣ,

---

[1]) Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго, т. II-й, стр. 301.

[2]) Тамъ же, стр. 362.

[3]) Писано въ 1861 году.

Встрѣчая пѣснями весну своихъ годовъ,
Любили мирный свой іезуитскій кровъ;
Тамъ жизни внутренней разсвѣтъ нашъ и начало,
Тамъ оперилась мысль, чутье тамъ чуствомъ стало,
Изъ просвѣщенныхъ рукъ наставниковъ-друзей
Запали въ нашу грудь, на жатву позднихъ дней,
Зародыши добра и любознанья сѣмя.
Счастливые года! безоблачное время!

Еще до поступленія въ іезуитскую коллегію, Д. П. Северинъ, имѣя 13 лѣтъ отъ роду, былъ по высочайшему повелѣнію опредѣленъ, 27 іюня 1805 года, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ студентомъ и уволенъ отъ занятій до окончанія наукъ. Въ 1807 году онъ переведенъ въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и въ 1809 семнадцатилѣтній юноша былъ командированъ въ распоряженіе сенатора И. И. Дмитріева, отправлявшагося на ревизію Рязанской и Костромской губерній. По возвращеніи изъ командировки, Д. П. былъ уволенъ изъ вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ, переведенъ въ департаментъ министерства юстиціи и въ 1810 году командированъ въ г. Архангельскъ, при отправленномъ туда по высочайшему повелѣнію чиновникѣ, для производства слѣдствія о злоупотребленіяхъ таможней нейтральной коммиссіи.

Въ 1811 году Северинъ опять перешелъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и 30 сентября 1812 года былъ опредѣленъ въ Мадридскую миссію канцелярскимъ служителемъ. Во время пребыванія императора Александра I въ Лондонѣ въ 1814 году Д. П. состоялъ при канцеляріи статсъ-секретаря графа Нессельроде, ѣздилъ нѣсколько разъ курьеромъ въ Мадридъ и Парижъ и принималъ участіе въ дѣлахъ Парижскаго конгресса. Въ 1815 году онъ находился при графѣ Каподистріи и былъ отправленъ курьеромъ въ Берлинъ къ императору Александру I, съ прелиминарными пунктами мирнаго трактата. Оставаясь при графѣ Каподистріи, Д. П. принималъ участіе въ путешествіи Александра I въ Москву и Варшаву (въ 1816 и 1817 гг.) и состоялъ въ свитѣ государя на конгрессахъ въ Тропау и Лайбахѣ (1820—1821 гг.). За участіе въ дѣлахъ конгрессовъ Северинъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, получилъ аренду на 12 лѣтъ въ Виленской губерніи.

Въ 1823 году, во время свиданія Александра I съ императоромъ австрійскимъ въ Черновицѣ, Д. П. состоялъ при графѣ Нессельроде и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ переговорахъ двухъ императоровъ въ Лембергѣ, сопровождалъ государя въ путешествіяхъ въ Пензу и Варшаву, и 2 іюня 1825 года произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ назначеніемъ камергеромъ двора Его Императорскаго Величества.

Вскорѣ послѣ вступленія на престомъ императора Николая и именно 22 августа 1826 года Д. П. Северинъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи, а 7 апрѣля 1836 года, съ производствомъ въ тайные совѣтники, онъ наименованъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Швейцарскомъ союзѣ. Въ мартѣ 1837 года ему повелѣно было быть чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворѣ Баварскомъ. Въ августѣ 1856 года Д. П. былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, спустя годъ принималъ участіе въ подписаніи брачнаго договора его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича съ Ольгою Θеодоровною, бывшею принцессою Баденскою, за что и былъ награжденъ брильянтовыми знаками ордена св. Александра Невскаго. Въ день бракосочетанія ихъ высочествъ Д. П. Северину пожалована украшенная брильянтами табакерка съ портретомъ ихъ императорскихъ высочествъ. Преклонныя лѣта и разстроенное здоровье заставили Д. П. искать отдыха, и въ іюлѣ 1863 года онъ былъ уволенъ отъ службы, а 24 января 1865 года скончался въ Мюнхенѣ на 72 году отъ роду.

Свыше 50-лѣтняя полезная служба Д. П. Северина тремъ императорамъ и отечеству всегда обращала на себя вниманіе. Онъ былъ человѣкъ истинно-русскій, любившій отечество всею силою своей души. Ни одно изъ замѣчательныхъ произведеній русскихъ писателей не ускользало отъ его вниманія. Все, что касалось Россіи и русскихъ, несмотря на долголѣтнее пребываніе за границею, возбуждало постоянное его вниманіе. Любовь къ родинѣ не ослабѣвала въ немъ до послѣдней минуты его жизни. Другъ Жуковскаго, кн. Вяземскаго, Дашкова, Блудова и другихъ выдающихся дѣятелей, Д. П. Северинъ въ молодости былъ членомъ извѣстнаго общества «Арзамасъ», въ которомъ и получилъ названіе «Рѣзваго Кота» [1]. Къ этому «Коту» и были адресованы, находящіяся въ распоряженіи «Русской Старины» многочисленныя письма Жуковскаго, кн. Вяземскаго и другихъ. Въ настоящей книжкѣ журнала помѣщаются нижеслѣдующія собственноручныя письма кн. П. А. Вяземскаго.

Ред.

---

[1]) Желчная характеристика Д. П. Северина, сдѣланная Ф. Ф. Вигелемъ, помѣщена въ его запискахъ, ч. V стр. 39—42 и 145.

Письма князя П. А. Вяземскаго.

1.

5 (17) января 1821 г. Варшава.

Здраствуй, мой малютка Северинъ сописьменникъ драгой, но скупословный. Благодарю за строки полученныя съ Соболевскимъ. Я все еще здѣсь сижу у моря и жду вашего обратнаго прилива или увѣренія, что вы черезъ Варшаву не проѣдете. Отъ жены получаю хорошія вѣсти: здѣсь дѣти здоровы.

Если, какимъ-нибудь образомъ столкнетесь съ Батюшковымъ, скажи ему, что онъ хуже всѣхъ карбонаріевъ въ свѣтѣ и чтобы онъ хотя уголемъ начертилъ мнѣ строку. Жуковскій въ Берлинѣ. Поздравь отъ меня Матусевича съ крестомъ; скажи поклонъ сердечный Крюднеру — le vivateur. Нельзя ли какимъ-нибудь средствомъ прислать мнѣ экземпляръ красноглаголанія Малиновскаго о вашихъ Троппавскихъ похожденіяхъ.

Прости. Обнимаю тебя отъ всего сердца и болѣе всего желаю тебѣ здоровья.

2.

30 января 1833 г.

Нельзя мнѣ теперь уже называть тебя: сописьменникъ драгой, какъ бывало въ старину, но письма въ сторону, дружба наша, надѣюсь, все по старинѣ. Очень радъ, что имѣю случай сказать тебѣ нѣсколько словъ и обнять тебя: растолстѣлъ ли ты и нужно ли мнѣ нѣсколько растянуть руки или держаться старой мѣрки и ты по прежнему: малютка-Северинъ. А у меня, братъ, пузо полезло впередъ, на головѣ лысина прочищается, дочь 18 лѣтъ и всѣ принадлежности, если не совершенной старости, то по крайней мѣрѣ du juste milieu. Горько, а дѣлать нечего. Вотъ и мы Петербургскіе жители жалѣемъ, что васъ нѣтъ. На бѣду нѣтъ и Карамзиныхъ, которые въ Дерптѣ и мы пришиты и въ особенности жена и дочь, къ обществу на живую нитку раутовъ и баловъ, а кровныхъ закожныхъ связей нѣтъ, да и не скоро гдѣ сыщешь ихъ въ Петербургѣ. Я увѣренъ, что здѣсь всѣ держатся другъ за друга холодомъ, то есть примерзнутъ и застынутъ вмѣстѣ. А кто придетъ со стороны и согрѣтъ еще какою-то теплотою, тотъ ни къ кому пристать не можетъ, пока самъ со временемъ не заклеится и не ососулится. Впрочемъ намъ грѣшно жаловаться и мы нашли въ обществѣ пріемъ довольно благопріятный. Я чуть было не нанялъ къ пріѣзду

семейства моего дома Коллерджи въ которомъ вы жили и я по милости вашей обрѣтался. Но онъ послѣ васъ очень запачкался и вздорожалъ. Я обошелъ всѣ комнаты съ воспоминаніемъ и признательностью къ прошедшему. Много съ тѣхъ поръ воды утекло и земли насыпано. Кажется вѣка прошли. Когда и гдѣ мы опять увидимся? Вотъ запросъ судьбѣ. Будемъ ждать отвѣта. У меня до тебя просьба полуофиціальная: сдѣлай одолженіе при случаѣ высылай мнѣ выходящія въ Женевѣ сочиненія по части экономіи политической, финансовъ, торговли и промышленности и во всѣхъ отрасляхъ ея. Подъ вѣдомствомъ моимъ издается при нашемъ департаментѣ Коммерческая газета и я желалъ бы раскормить ее какъ можно по жирнѣе. Мы станемъ высылать тебѣ деньги по мѣрѣ присылокъ книгъ. За недостаткомъ случаевъ дня отправленій отсылай пакеты свои къ ближайшимъ консуламъ нашимъ, которымъ циркулярно уже предписано доставлять въ департаментъ подобныя книги. А въ Женевѣ вѣрно выходятъ многія полезныя сочиненія по симъ предметамъ.—Что дѣлаетъ нашъ Галифъ и мой крестникъ или моя крестница? Если онъ живъ еще и видаешь его, кланяйся ему отъ меня.—На первый разъ послѣ долгаго молчанія довольно. Надобно поберечь желудокъ послѣ продолжительнаго истощенія. А если аппетитъ разыграется вотъ тебѣ въ запасъ письмо мое къ Жуковскому, которое нарочно не запечатано, во первыхъ изъ уваженія къ дипломатической особѣ Вашего Превосходительства, и во вторыхъ, чтобы угодить тебѣ, если захочешь еще меня покушать. Не равно пожелаешь продержать у себя по долѣе книги, такъ можешь, онѣ не къ спѣху, но тогда отправь къ Жуковскому одно письмо. Скажи мнѣ откровенно каково здоровье его. Mes hommages à Madame qu'elle voudra bien reconnaître pour ceux d'un ancien et très dévoué admirateur, qui lui est resté fidèle dans l'absence et ose compter sur un souvenir bienveillant de sa part.

Прощай, любезный другъ. До свиданія, если не съ глаза на глазъ, то по крайней мѣрѣ съ руки до руки. Жена моя тебѣ и любезной женѣ твоей посылаетъ дружеское и сердечное привѣтствіе. Нашъ домочадецъ Павлуша также всенижайше вамъ бьетъ челомъ.

3.

16 февраля 1833. С.-Петербургъ.

Вотъ еще письмо отъ меня и еще покорнѣйшая просьба переслать Жуковскому письмо и книгу: письмо немедленно, а книгу по праву транзитному можешь позадержать при себѣ на время и отправить ему послѣ.

Это наши Cent et un. Я надѣялся писать тебѣ сегодня болѣе, но

*

не то на умѣ и на сердцѣ. Третій изъ Карамзиныхъ Николай, отчаянно боленъ въ Дерптѣ, d'une hémorragie des poumons. Съ часа на часъ ожидаю отъ нихъ письма и не смѣю надѣяться. Получилъ ли ты письмо мое съ книгами къ Жуковскому? Онѣ отправлены были въ Парижъ.

Пока прости. Обнимаю тебя по старому. Жена моя тебѣ и твоей сердечно кланяется, а я цѣлую у нее ручки.

4.

26 марта 1833 г.

Опять прибѣгаю къ великой и богатой милости твоей, а именно въ третій разъ я прошу доставить Жуковскому письмо и книгу, а книгу по транзитному праву можешь попризадержать у себя. Не подумай, что это сочиненія Языкова безъ Ѣ—наго. Нѣтъ, это молодой человѣкъ съ большимъ талантомъ и въ особенности съ отмѣнною силою и вѣрностью въ выраженіи. Впрочемъ только то и славно, что вѣрно и потому много силы во вчерашней статьѣ Journal de St.Pétérsbourg о Турецко-Египетскихъ дѣлахъ. Пока прощай и дай похристосоваться съ тобою и съ госпожею повѣренной въ дѣлахъ. Хоть сегодня еще только Вербное Воскресеніе, но мое лобзаніе изъ далека и пока губы ко мнѣ протянете много времени пройдетъ. Жена моя васъ сердечно привѣтствуетъ. Богъ съ вами и съ нами! На всегда тебѣ преданный.

5.

2-го мая 1833 г. С.-Петербургъ.

И я, любезнѣйшій другъ, обрадовался письму твоему, какъ знакомымъ преданіямъ и, по слѣдамъ Державина, сказалъ:

Мила намъ добра вѣсть о нашей с т а р и н ѣ.

И тѣмъ милѣе, что эта старина по многимъ отношеніямъ безъ вѣсти пропавшая. Все не то, что было. И міръ другой, и люди кругомъ насъ другіе, и мы сами выдержали какую-то химическую перегонку. По порядку вещей все измѣняется и все старится, но постепенно и однообразно, такъ что и все кругомъ переморщилось, но по крайней мѣрѣ все знакомое.

А мы какъ-то перенесены, переброшены каждый отдѣльно на другую почву, въ другую атмосферу, ты въ Швейцарскую сырницу, я, напримѣръ, въ таможню, Батюшковъ въ желтый домъ, Жуковскій въ педагогическую сферу, а отъ нее въ руки докторовъ и хирурговъ. Смотришь на всѣ стороны и не только нѣтъ нигдѣ знакомыхъ впечатлѣ-

ній, но и не доищешься знакомыхъ воспоминаній. Не кому сказать ты, нечего назвать наше, не случится никакъ молвить: а помнишь бывало? Мы похожи на m-r et m-me Denis на балѣ, только имъ можно было отвести душу въ спальнѣ съ глаза на глазъ, а мы,—такъ и ночлегъ имѣемъ каждый на койкѣ своей по разнымъ сторонамъ. А весело бы намъ сойтись и взглянуть другъ на друга, мнѣ на твою сѣдину, тебѣ на мою лысину. Тутъ по неволѣ пришлось бы приняться за русскую привычку и почесать себѣ затылокъ. А бѣдная Екатерина Андреевна (Карамзина)! Послѣ долгихъ безпокойствъ и послѣ надеждъ чѣмъ кончилось, что она лишилась Николая. По письмамъ ея видно, что она переноситъ сей ударъ съ твердостью и покорностью, ей свойственными, не нельзя безъ глубокаго умиленія думать о ея горести. Ей не хотѣлось ѣхать въ Дерптъ, рѣшилась же на эту жертву изъ уваженія къ волѣ покойнаго Николая Михайловича, который всегда былъ намѣренъ довершить воспитаніе сыновей своихъ университетскимъ образованіемъ въ Германіи. За невозможностью исполнить сіе намѣреніе въ точности, она избрала приблизительное средство и рѣшилась на Дерптскій университетъ. Жена моя къ ней поѣхала. На дняхъ должна пріѣхать къ ней изъ Москвы и Мещерская, которая ѣхала на радость выздоровленія. Я писалъ Карамзиной о сердечномъ участіи, принимаемомъ тобою во всемъ, что близко ей. Теперь у меня большая просьба до тебя. Сперва вице-директоръ просилъ тебя о книгахъ: теперь отецъ проситъ о живыхъ книгахъ обоего пола. Мнѣ нужны и наставникъ для Картофеля Петровича и наставница для Рѣдьки Петровны, или говоря по-русски нужны мусье и мадамъ или мамзель. Объ обязанностяхъ ихъ и о томъ, что отъ нихъ требовать слѣдуетъ говорить теперь нечего, да къ тому же ты и самъ знаешь, въ чемъ онѣ состоять могутъ. Павлушѣ двѣнадцать лѣтъ: кромѣ необходимыхъ наукъ, входящихъ въ составъ образованія, свойственнаго сему возрасту, занимается онъ языками: французскимъ, нѣмецкимъ и латинскимъ. Можно довольствоваться на первый случай человѣкомъ, который и не былъ бы въ состояніи удовлетворить потребности сихъ трехъ языковъ, но съ другой стороны можно рѣшиться и на выборъ человѣка, который по способностямъ своимъ былъ бы выше степени нынѣ потребной. Я предпочелъ бы домашнее образованіе до семнадцати лѣтъ и потому радъ былъ бы имѣть при Павлушѣ наставника, который годился бы вплоть до того времени. Теперь главное дѣло знать, имѣешь ли на виду кого-нибудь на это мѣсто, или по связямъ своимъ можешь ли сыскать то, что мнѣ нужно, и въ такомъ случаѣ какія будутъ его требованія и условія. Мнѣ не желалось бы старика. Павлуша мой съ способностями, съ любовью къ ученію и съ хорошими качествами, но физически и умственно довольно мягокъ и сыроватъ, не даромъ прозвалъ ты его: Картофель Петровичъ. Надобно

при немъ человѣка возбудительнаго въ отношеніи къ тѣлу и къ уму. Швейцарцы, кажется, способны къ этому. Французъ слишкомъ вѣтренъ, нѣмецъ слишкомъ душенъ. Павлуша съ однимъ выдохнется, потому что онъ къ тому же и разсѣянъ, т. е. distrait, съ другимъ окаменѣетъ и заснетъ. — Мадамъ или мамзель, которая отвѣчала бы за мадамъ, должна также быть не стара, хорошо знать французскій языкъ, если не профессорски преподавать курсъ ученія дѣвическаго, то по крайней мѣрѣ быть въ состояніи слѣдовать и наблюдать за нимъ, быть хорошаго обхожденія, обращенія, разговора, такъ, чтобы и не въ классные часы быть примѣромъ и поученіемъ. Моей Надинькѣ одиннадцать лѣтъ, но она ума очень открытаго, живаго, съ большими способностями: къ тому же есть дочь шестнадцати лѣтъ и дочь восемнадцати, для коихъ также умная, образованная женщина очень нужна. Хорошо если она могла бы преподавать и нѣмецкій языкъ и музыку, т. е. фортепіано, хотя также не профессорски, а репетиторно. Ты окажешь мнѣ и намъ потомственно величайшее благодѣяніе, если успѣешь исполнить просьбу мою. Не сомнѣваюсь, что во всякомъ случаѣ примешь ее къ сердцу и сердцемъ займешься ею. Буду съ нетерпѣніемъ хотя и терпѣливо ожидать отвѣта отъ тебя. Къ Жуковскому не пишу, потому что Богъ знаетъ гдѣ искать его. А между тѣмъ вотъ книга къ нему, которою транзитно можешь пользоваться. Любезнѣйшей повѣренной въ дѣлахъ имѣю честь при нижайшемъ почтеніи поднести московскій гостинецъ. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Вяземскій.

P. S. Если будешь писать къ Жуковскому скажи, что посылаю ему табакъ съ Григоріемъ Гагаринымъ, который отправляется на пароходѣ 10-го мая.

Протоколы ничего не перемѣнили Матушевича, развѣ нѣсколькими бѣлыми нитками переплели волоса его. Онъ кажется здѣсь въ большой чести; англизированнѣе прежняго и выѣзжаетъ въ узкихъ штанахъ съ ленточками и съ бархотною трехъугольною шляпою.

6.

7 (19) октября 1836 (?) года. С.-Петербургъ.

Съ живѣйшимъ чувствомъ удовольствія и сердечнаго умиленія прочелъ я твое дружеское письмо отъ 8 (20) сентября. Оно меня порадовало надеждою увидѣться съ тобою; но по нѣкоторымъ справкамъ собраннымъ мною изъ вѣрнаго источника, я узналъ, что эта надежда или исполненіе этой надежды подвержено извѣстнымъ условіямъ, и что тебѣ дано только факультативное разрѣшеніе пріѣхать сюда по поводу Г-о Совѣта и по случаю оной земли, въ которой обитаешь

и которая больно и глупо колобродитъ съ нѣкотораго времени. Угомоните скорѣе этотъ Совѣтъ нечестивыхъ и возвратись въ объятія друзей, коихъ кругъ становится со дня на день тѣснѣе: кого вверхъ подняло такъ, что не достанешь, кого выбросило бурею, кто выключенъ изъ списка живыхъ, но все есть же еще нѣсколько рукъ цѣлыхъ и чистыхъ, напримѣръ Свѣтланы (Жуковскаго), которая дѣйствуетъ еще душою, совѣстью и умомъ, какъ во время оно. Напрасно пеняешь ты намъ, что мы тебя не навѣстили. Путешествіе наше было не прогулка удовольствія, а подвигъ скорби. Я не отходилъ ни на шагъ, ни въ право ни въ лѣво отъ прямой дороги. Я былъ въ двухъ шагахъ отъ Венеціи и не заглянулъ въ нее. Конечно старый другъ лучше Венеціи, но подобное отсутствіе любопытства можетъ тебѣ послужить если не оправданіемъ, то по крайней мѣрѣ объясненіемъ. Надѣюсь, что мое посѣщеніе впереди и что я въ гостяхъ у тебя отвѣдаю и твоихъ горъ и твоего сыра. Жестоко поступила со мною судьба. Путешествіе было всегда цѣлью моихъ желаній. Я рожденъ для путешествій. Надобно же было въ первый разъ исполниться этому желанію при такихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, съ умомъ и сердцемъ подъ тяжестью одной неотступной мысли, одной всеобъемлющей раны. Всѣ мои впечатлѣнія, всѣ мои воспоминанія, отзываются однимъ этимъ недугомъ. Впрочемъ и вся жизнь моя и вѣроятно уже навсегда сроднилась съ чувствомъ этой глубокой скорби. Въ ней одна настоящая истина моей жизни; все прочее бѣглыя ощущенія, которыя укорениться и дать плода не могутъ. Новыя скорби могутъ еще поразить меня, то-есть пуще растравить кровоточивыя язвы, но рѣшительно уже никакая радость не дотронется до моего сердца. Я недавно ѣздилъ въ Москву и разумѣется въ Остафьево, послѣ 5-ти лѣтняго отсутствія. Москва удивительно хороша и послѣ Рима любовался я ею. Дмитріевъ вовсе не перемѣнился. Какая славная старость сохранившая всю бодрость и все малодушіе молодости или даже и ребячества, потому что въ нашъ вѣкъ и молодость старѣе этого. Все занимавшее его прежде занимаетъ и нынѣ: то же благоволеніе къ людямъ и къ вещамъ, то-есть тотъ же интересъ. Ни что не остыло, не зачерствѣло. Онъ также горячо хлопочетъ о пріобрѣтеніи новой книги, также горячо сердится на портного за худую отдѣлку жилета, также усердно ловитъ промахи и неологизмы русскихъ журналистовъ, также чувствителенъ къ проявленіямъ пріязни друзей своихъ и съ тѣми же слезами говоритъ о друзьяхъ утраченныхъ. Особенно же въ русскомъ быту, гдѣ все такъ скоро изнашивается, мысль и чувство, онъ рѣдкое и уваженія достойное явленіе. Я передалъ твое порученіе Екатеринѣ Андреевнѣ. Она увѣрена въ пріемѣ, который ожидаетъ сына ея у тебя и нетерпѣливо ожидаетъ письма изъ Берна. Дай Богъ, чтобы это путешествіе оправдало надежды наши. Можно уповать, что время еще не ушло, но нужны многія и постоянныя

мѣры предосторожности, а трудно ихъ соблюдать безпечной и самонадѣянной молодости. Для пересылки «Современника» буду ожидать Совѣта отъ Совѣта. Это также современный вопросъ. Посмотримъ, что будетъ. А ты не имѣешь ли въ своемъ порте-фоліо чѣмъ подарить бы меня? Я хочу въ будущемъ году выдать родъ литературнаго и историческаго сборника, съ тѣмъ, чтобы на вырученныя деньги, на трудовыя съѣздить въ Маріенбадъ весною, если доживу до весны. Здоровье мое очень разстроено и нервы, желчь и гемморои крѣпко прижимаютъ меня. Мы въ старину съ тобою письмоборствовали. Помнишь ли какъ мы отдѣлали какого-то несчастнаго русскаго Ѳеокрита? Тряхнемъ стариною. А шутки въ сторону, у тебя въ бумагахъ должно быть много любопытнаго. Жена моя вамъ дружелюбно кланяется. Ожидаемъ васъ, — милости просимъ! Душевно тебѣ преданный.

7.

7 февраля 1838 г. С.-Петербургъ.

Давнымъ-давно начато у меня письмо къ тебѣ, а почему не кончено, много причинъ къ тому, но теперь нѣтъ времени ихъ исчислить. Во всякомъ случаѣ, не сердце тому виновато: это главное, и ты надѣюсь въ томъ увѣренъ. Это также главное. Сейчасъ узнаю, что ѣдетъ курьеръ въ Мюнхенъ и посылаю съ нимъ замѣчательную литературную новинку. Праздникъ очень хорошо удался. Болѣе двухъ сотъ гостей участвовало въ немъ и между прочими всѣ наши сановитости. Передъ обѣдомъ Уваровъ привезъ новорожденному [1]) орденъ Св. Станислава второй степени при весьма лестномъ рескриптѣ. Вотъ какъ все идетъ на бѣломъ свѣтѣ! Я думалъ, что въ первомъ письмѣ моемъ къ тебѣ поплачемъ вмѣстѣ о нашемъ незабвенномъ Дмитріевѣ. А вмѣсто того сообщаю о праздникѣ Крылову. Радость радостью, а слезы слезами. Какъ хорошо, что свидѣлся съ Дмитріевымъ предъ концемъ его, и что онъ погостилъ съ вами въ Петербургѣ и простился съ прахомъ Карамзина. Онъ точно въ свой послѣдній годъ на землѣ все свое земное довершилъ. Хочу написать мои воспоминаніи или наши воспоминаніи о немъ. Но мнѣ все нездоровится и голова не довольно свѣжа и бодра.

Живемъ по старому, по маленьку, ни хорошо, ни худо. Со стороны внѣшней болѣе хорошо, чѣмъ худо, но повторяю здоровіе мое плохо. Хотѣлось бы мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ упиться, умыться и освѣжиться и гдѣ-нибудь съ тобою встрѣтиться. Жуковскій отправляется съ Наслѣдникомъ въ европейское путешествіе. Вѣроятно и у васъ будутъ. Воскресные обѣды

[1]) И. А. Крылову.

идутъ по прежнему, и на нихъ тебя помнятъ и съ любовью вспоминаютъ. Несмотря на нашу зиму огненную и морозную пляшемъ и веселимся какъ бы ни въ чемъ не бывало.

Мои, слава Богу, здоровы и всѣ тебѣ нѣжно кланяются. Отыскалъ ли ты мою каменную харю? Сдѣлай милость сбереги ее. Цѣлую ручки у милой посланницы и обнимаю отъ всей души милаго посланника. Не плати мнѣ лихомъ за долгое молчаніе. Заколдованное перо мое очнулось. На дняхъ передамъ твоему Миллеру кое-какія наши литературныя новости. Другихъ нѣтъ достойныхъ вниманія, кромѣ газетныхъ, которыя передаются тебѣ Равалемъ (?). Вообще все обстоитъ благополучно. Великій князь попрежнему къ намъ благосклоненъ. Бываетъ у насъ и я удостоиваюсь иногда кушать его хлѣбъ-соль. Съ великою княгинею говоримъ о тебѣ. Здѣсь было прошелъ слухъ, что вы помѣняетесь мѣстами съ Бутеневымъ, по крайней мѣрѣ онъ самъ говорилъ мнѣ, что очень желалъ бы того. Но видно онъ возвращается къ своей чумѣ. Еще разъ обнимаю тебя.

Если Тютчевъ еще у васъ, дай прочесть ему нашу Крыловіаду. Да, сдѣлай милость, не забудь моей рожи ни мясной, ни каменной.

8.

6 (18) іюля 1838 г., Аша-Фенбургъ.

Я въ твоихъ владѣніяхъ, но когда овладѣешь ты мною или я тобою и гдѣ и какъ право не знаю. Я уже недѣли двѣ въ Киссингенѣ, а сюда пріѣхалъ на минуточку посовѣтоваться съ Вальтеромъ. Ожидаю его къ себѣ и пока пишу. Отъ него узнаешь лучше моего, что съ моимъ глазомъ дѣлается, и что съ нимъ будетъ. Пробуду въ Киссингенѣ еще недѣли три. А тамъ куда отправлюсь неизвѣстно. Много въ виду, и морскія купанья въ Англіи, или между нами будь сказано во Франціи, и Миланъ тянетъ меня къ себѣ не столько коронаціею, сколько оперою. Но все это таится еще во тьмѣ грядущаго. Между тѣмъ напиши мнѣ въ Киссингенъ, что ты дѣлаешь послѣ Царскаго отъѣзда. Я давно собираюсь писать къ тебѣ, но эта водяная жизнь никакъ не ладитъ съ чернильною. Не успѣваешь ни писать, ни читать. Только пьешь, да гуляешь, какъ говорилъ Блудовъ въ Карлсбадѣ. Въ Киссингенѣ общество довольно пріятное, но мѣстоположеніе не благопріятное, или не благовидное. Мало прогулки и прогулокъ. Все топчешся на одномъ мѣстѣ. На дняхъ былъ у насъ вашъ Король. Мы всѣ представлялись ему въ бальной залѣ, и я нашелъ, что онъ очень уменъ и говоритъ кстати. Мнѣ сказалъ онъ:— Je sais que Vous êtes un celèbre poëte. Чуть не отвѣчалъ я ему:—C'est m-r de Severin qui l'aura dit à Votre Majesté. При случаѣ скажи Его Ве-

личеству, что я очень тронутъ его вниманіемъ и въ самомъ дѣлѣ удивляюсь, какъ имя мое перековерканное сперва устами его гофмаршала, а тамъ собственнымъ слухомъ его могло возродить въ памяти его какое-нибудь далекое и бѣглое воспоминаніе о томъ, что случилось ему прочесть обо мнѣ. Изъ благодарности переведу одно изъ его стихотвореній и чрезъ тебя поднесу ему. Пока прости. Обнимаю тебя старою дружбою и прошу повергнуть меня къ ножкамъ любезнѣйшей посланницы.

P. S. Что дѣлаетъ ваша сопогорѣлая и . . . . . [1]) Тютчева? Въ Туринѣ ли она, или еще у васъ, и что слышно о здоровьѣ ея? Сдѣлай милость, если будешь мнѣ отвѣчать, скажи слово и о ней. А что дѣлаетъ моя каменная рожа? Выручилъ ли ты ее? Не забудь и сохрани меня для потомства.

9.

29 іюля 1838 г.

На дняхъ писалъ я къ тебѣ изъ Ашафенбурга съ Вальтеромъ, нынѣ пишу изъ Киссингена съ кн. Кочубеемъ, который проситъ у меня письма къ тебѣ. Сказать нечего, кромѣ того, что мерзнемъ и мокнемъ, и скучаемъ. Мало по малу старые знакомые разъѣзжаются, а съ новыми знакомиться не хочется. Здоровье довольно хорошо. Это главное, потому что мы здѣсь въ больницѣ, и о здоровьи только и думать надобно. Поклонись отъ меня гр. Екатеринѣ Тизенгаузенъ, и скажи ей, что жду обѣщаннаго письма. Долго ли онѣ у васъ пробудутъ, и когда и до котораго времени пробудутъ въ Петербургѣ? Попроси графиню продать мнѣ ея secret d'État qui m'interesse beaucoup.

Обнимаю тебя и цѣлую ручку у милой посланницы.

10.

28 мая 1848 г. С.-Петербургъ.

Тютчева поручила мнѣ переслать къ тебѣ прилагаемый пакетъ съ просьбою передать его брату ея. Тутъ записка Тютчева о нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ. Прочти ее. Государь былъ, сказываютъ, очень ею недоволенъ. Жаль что нельзя напечатать ее. А почему нельзя, право незнаю. Мы уже чрезъ-чуръ осторожны и умѣренны. Пользуюсь этимъ случаемъ—чтобы напомнить о себѣ, обнять тебя и переслать къ тебѣ также мой отзывъ на все что дѣлается въ вашей сумасбродной и бѣснующейся Европѣ. До чего мы дожили и до чего еще доживемъ? Стихіи безпорядка сильны и разнородны. А начала порядка

[1]) Одно слово не разобрано.

нигдѣ и не предвидишь. У насъ, слава Богу, все спокойно. И я надѣюсь и всѣ у насъ раздѣляютъ эту надежду, что мы этимъ спокойствіемъ не пожертвуемъ, чтобы вмѣшиваться въ чужія дѣла и тушить пожары въ сосѣдственныхъ домахъ, которые защищаются самими хозяевами. Мы уже достаточно испытаны благодарностью просвѣщенной Европы. Теперь посмотримъ какъ она управится съ собою безъ насъ. Наше дѣло сторона. Европа не стоитъ того, чтобы мы издержали для нее ни единаго мѣднаго гроша, ни единой капли русской крови. Мы именно сильны бездѣйствіемъ своимъ. Пока другіе изнуряются судорожными движеніями, мы въ тишинѣ зрѣемъ и крѣпнемъ болѣе и болѣе. Какъ тебѣ должно быть часто и грустно и тошно. Положеніе русскихъ представителей похоже теперь на положеніе человѣка трезваго по среди общества людей мертвецки пьяныхъ. Кто бурлитъ и сквернословитъ, кого рветъ, кто съ пьяну плачетъ и киснетъ въ уныніи. Нѣтъ ни одной свѣжей головы, ни одной бодрой и свѣтлой рожи. Поди объясняйся съ ними, толкуй имъ дѣло, вразумляй ихъ. Никто не въ силахъ ничего понять. Ты легко вообразить себѣ можешь какъ Тютчевъ теперь кипитъ и витійствуетъ. Съ начала какъ пошла эта перепалка событій одно другаго неожиданнѣе, я право боленъ за него, что онъ изнеможетъ подъ тягостью впечатлѣній и потрясающихъ ударовъ. Но теперь онъ обдержался и новое возмущеніе ему нипочемъ. Кланяйся отъ меня графу Прею и передай ему стихи мои на память о Петербургѣ. Цѣлую ручки милой жены твоей, которая надѣюсь, не совсѣмъ забыла отца Картофеля Петровича, а самъ Картофель Петровичъ погостилъ у насъ прошлымъ лѣтомъ и возвратился въ Константинополь. Жена моя сердечно васъ привѣтствуетъ, а я тебя обнимаю, во имя старой и постоянной дружбы.

11.

2 (14) октября 1849 г. Буюкдере.

Обнимаю тебя, любезнѣйшій другъ, изъ Буюкдере, и за неимѣніемъ времени написать тебѣ длинное письмо, посылаю описаніе одного дня здѣшняго бытія моего. Аѳинскій твой собратъ сказалъ мнѣ, что завтра отправляется къ вамъ и пользуюсь сею вѣрною оказіею, чтобы тебѣ напомнить о себѣ.—Смерть милой дочери забросила насъ сюда къ сыну, который здѣсь женился и счастливъ съ доброю, прекрасною и достойною женою, а теперь и съ дочкою, которую на дняхъ даровалъ имъ Богъ. Благодаримъ Бога за его счастіе, но новыя семейныя радости не залечиваютъ прежнихъ сердечныхъ ранъ. Мы думали провести здѣсь зиму, но теперь не знаемъ какъ рѣшатъ обстоятельства. Сиръ Стратфортъ Каннингъ своими происками можетъ быть выживетъ насъ отсюда и

прежде. Цѣлую ручки у милой жены твоей и рекомендую ей notre petite pomme de terre, то есть дочку знакомаго ей Картофеля Петровича. Жена моя обоихъ васъ нѣжно привѣтствуетъ.

Обнимаю тебя. Когда и гдѣ увидимся? Но во всякомъ случаѣ ужь не въ уютномъ и дружескомъ углу бѣдной нашей графини Нессельроде.

Благосклонное нѣкогда расположеніе ко мнѣ В. К. Михаила Павловича въ послѣдствіи нѣсколько измѣнилось или по крайней мѣрѣ не выражалось такъ явно и постоянно какъ прежде, но не менѣе того я о немъ сердечно жалѣю. Для тебя также очень чувствительны эти двѣ потери. Вотъ двѣ значительныя провалины по вершинѣ Петербургскаго общества. Если ты въ сношеніи съ Жуковскимъ передай ему вѣсть обо мнѣ. Незнаю куда забросили его политическія бури.

Еще разъ нѣжно обнимаю.

12.

24 апрѣля (6 мая) 1853 г. Дрезденъ.

Сердечное спасибо тебѣ, любезнѣйшій другъ, за твое дружеское письмо. Меня очень обрадовало, что стихи мои нашли въ тебѣ арзамасскій отголосокъ. Я теперь пишу уже не для публики, впрочемъ правду сказать, я никогда много о публикѣ не думалъ, а всегда болѣе писалъ для избранной и малочисленной аудиторіи. Но теперь въ виду у меня два-три слушателя и только. В. К. Михаилъ Павловичъ разсказывалъ, что Гумбольдтъ увѣрялъ его, что нѣкоторые древніе діалекты совершенно исчезнувшіе между людьми, сохранились отчасти только у попугаевъ въ лѣсахъ Новаго Свѣта. И мы съ тобою, да съ Блудовымъ, да пожалуй и съ Уваровымъ, принадлежимъ къ этому племени попугаевъ. Для другихъ наша рѣчь, наши воспоминанія, шутки, сѣтованія тараборская грамота. Я вашъ лѣтописецъ, вашъ запѣвало, а вы мои слушатели. Угоденъ я вамъ и съ меня довольно. Не бойся, я твою семью не приписываю къ нѣмцамъ ни хорошимъ, ни плохимъ. Хотя я никогда и не бывалъ дипломатомъ, но знаю que le pavillon couvre la marchandise и что въ душѣ твоей широко развѣвается Великороссійскій флагъ во всемъ своемъ величіи и въ полной красотѣ. Гдѣ ты—тамъ святая Русь, не только во имя или пожалуй еще не столько во имя Нессельроде, или пожалуй и Нессельрода, сколько во имя Дмитріева, котораго ты былъ питомцемъ какъ я былъ питомцемъ Карамзина. Впрочемъ мнѣ грѣшно трунить надъ нѣмцами. Это съ моей стороны неблагодарность. Я долженъ повинною головою очистить себя предъ ними и написать похвальную оду по крайней мѣрѣ въ честь Дрездена [1]), который меня пріютилъ,

[1]) Она написана и напечатана въ полномъ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго, т. II, стр. 52. Ред.

успокоилъ и даже убаюкалъ, такъ что я здѣсь почти ожилъ, началъ спать и тихо и благополучно провелъ около семи мѣсяцевъ. Сначала жили мы очень уединенно, бывалъ я только въ театрѣ, шатался по музыкальнымъ кабачкамъ, а теперь пустился даже и въ большой свѣтъ, и бываю въ твоей Баваріи у Гизе и любуюсь у нихъ попытками надъ титрюканіемъ (?) которое всѣмъ вскружило головы. Дней черезъ десять когда погода установится, думаемъ ѣхать въ Карлсбадъ, но не на богатырскій Шпрудельскій водопой, а на смиренный Шлоссбруннъ, который, кажется помогъ мнѣ прошлою осенью. Вѣроятно выдержу двѣ куры, чтобъ сдѣлаться настоящимъ пѣтухомъ. Въ промежуткахъ, если Богъ дастъ, навѣщу сына въ Карлсруэ или въ Баденѣ, съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой (у êtes vous mon vieux perroquet?) можетъ быть пущусь странствовать пѣшкомъ по незнакомой мнѣ Швейцаріи, а можетъ быть чего добраго, наткнусь гдѣ-нибудь и на тебя на берегу озера. Изъ Карлсбада напишу тебѣ обстоятельнѣе о своихъ поискахъ и авось устроимъ свиданіе съ тобою. Пока пришлю тебѣ мой портретъ очень удачно написанный здѣшнимъ живописцемъ-аматёромъ, прусскимъ каммергеромъ Витцслебеномъ. Мещерскіе и Лиза Карамзина отправляются заграницу въ теченіи мая. Незнаю свидимся ли гдѣ-нибудь съ ними.—Какъ я ни хвалюсь мирнымъ Дрезденскимъ житьемъ, а все таки и здѣсь не безъ грустныхъ заботъ. Здоровье нашей внучки Лизы Валуевой очень разстроено, а теперь при смерти Вѣра Голицына, сестра нашей невѣстки, которую ты видѣлъ въ Киссингенѣ. Marie отправилась къ ней въ Берлинъ, туда же пріѣхала изъ Парижа и Марія Столыпина съ мужемъ. Въ то же самое время умерла прошлаго года сестра ихъ Кочубей. Впрочемъ послѣднія вѣсти нѣсколько удовлетворительнѣе. Вашъ добрый Шредеръ въ ужасныхъ хлопотахъ. Въ его дипломатической Епархіи совершаются нѣсколько Августѣйшихъ браковъ, на которыхъ нужно бы ему присутствовать, а между тѣмъ долженъ онъ здѣсь ждать В. К. Марію Николаевну, которой пріѣздъ былъ уже разъ отложенъ. Шредеръ не имѣетъ еще извѣстія о выѣздѣ ея изъ Петербурга. Ты получаешь блаженную Сѣверную Пчелу и потому нечего говорить мнѣ тебѣ о подвигахъ Яковлева крестника Марина.

Много гадостей дѣлается на Святой Руси. Но за то прорываются и такія дѣла, которыхъ нескоро встрѣтишь въ другихъ краяхъ. Я очень озабоченъ теперь подвигами Меншикова. Какъ все это кончится? Эти мѣстности, Царьградъ, Іерусалимъ интересуютъ меня не только какъ и каждаго русскаго, но и какъ путешественника и паломника. По моему скудному разумѣнію въ негоціаціяхъ хотя будь онѣ ведены умнымъ и хитрымъ человѣкомъ каковъ Меншиковъ, но все успѣха намъ быть не можетъ.

Англичане за одно съ французами, всегда насъ переспятъ, потому

что турки имъ довѣряютъ, а намъ не вѣрятъ. Англія и Франція могутъ дѣйствовать и дѣйствуютъ на Турцію торговлею, такъ называемымъ просвѣщеніемъ, а мы не имѣемъ надъ нею этаго торговнаго вліянія. Мы можемъ налечь на нее только физическою силою. Слѣдовательно когда обстоятельства того требуютъ и нужно брать силою, а не словами. Не признается время удобнымъ для дѣйствія, то лучше смотрѣть сквозь пальцы, а не затѣвать преній, которыя кончатся побѣдою въ пользу противниковъ. Ты скажешь мнѣ, что я сажусь въ чужія сани и тоже пускаюсь напрасно въ дипломатическія пренія. Виноватъ! тебѣ и книги въ руки. Перейдемъ къ другимъ нейтральнымъ вопросамъ. Я здѣсь встрѣчаю вашу Мюнхенскую монументальную красавицу—ужъ не она ли служила моделью для статуи Баваріи?—Ты догадываешся, что говорю о Бассейтеймъ (?). Я до нее не досягаю, а смотрю на нее издали.

Жена моя тебѣ и твоей нѣжно кланяется, а я у нее почтительно цѣлую ручки. Сердечно желаю встрѣтиться съ тобою нынѣшнимъ лѣтомъ, а если Богъ помогъ бы, изгладить неблагопріятныя впечатлѣнія, которыя оставилъ въ тебѣ въ Киссингенѣ, de malheureuse mémoire, а пока іезуитски honny soit qui mal y pense. Остафьевски и Арзамасски тебя обнимаю.

13.

6 (18) мая 1853. Дрезденъ.

У меня до тебя покорнѣйшая, убѣдительнѣйшая просьба по передачѣ отъ невѣстки моей, а именно дозволить Кочубею, который къ тебѣ назначенъ, пріѣхать на время въ Берлинъ на смѣну ей при больной сестрѣ Голицыной. Ты вѣроятно знаешь, что Кочубей былъ женатъ на ихъ третьей сестрѣ. Жена Павла изнурилась хожденіемъ за сестрою и грустью, что разлучена съ мужемъ и дѣтьми. Нужно дать ей отдыхъ, а между тѣмъ не можетъ она рѣшиться оставить сестру одну. Ожидаютъ изъ Петербурга однаго изъ братьевъ Столыпиныхъ, а до пріѣзда пребываніе Кочубея при больной было бы истиннымъ благодѣяніемъ тобою оказаннымъ всему семейству, а слѣдовательно мнѣ и женѣ моей, потому что мы боимся за Marie, если при здоровьи своемъ вовсе не цвѣтущемъ, она продлитъ мучительное пребываніе свое въ Берлинѣ. Помоги намъ если можешь. Въ добромъ семьянинѣ я увѣренъ и если просьба наша касалась бы только его, то и не сомнѣвался бы въ её успѣхѣ, но не знаю что скажетъ Министръ и смиренно и нижайше прошу Его Превосходительство быть снисходительнымъ. На дняхъ писалъ я тебѣ и послалъ мою рожу. Надѣюсь, что всё до тебя дошло. Завтра отправляюсь въ Карлсбадъ. Напиши туда нѣсколько словъ poste

restante, и буде можно обрадуй насъ извѣстіемъ, что по милости твоей Кочубей въ Берлинѣ, а невѣстка наша въ Карлсруэ.

Нѣжно тебя обнимаю.

P. S. Во всякомъ случаѣ поручаю твоему благосклонному вниманію Кочубея нашего Царьградскаго сообывателя. Онъ очень любезный молодой человѣкъ, уже испытанный скорбью и довольно плохаго здоровья.

14.

26 сентября (8 октября) 1853 г. Венеція.

Пріятельница наша Тютчева должна быть въ твоихъ владѣніяхъ. Она писала намъ изъ Линдау, гдѣ гостила у брата, что будетъ въ Мюнхенѣ въ первыхъ числахъ октября. Сдѣлай одолженіе, передай или перешли ей прилагаемое письмо.—Удивишься ли ты получая письмо мое изъ Венеціи, или зналъ ты уже и прежде, что мы здѣсь? Меня прислали сюда купаться и ѣсть виноградъ, за болѣзнью его почти во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Я очень доволенъ здѣшнею, какъ называю я, безконечною жизнью, безмятежною, тихою и пробуду здѣсь еще недѣли двѣ или три. Я получилъ изъ Ольмюца разрѣшеніе провести зиму заграницею, и по всѣмъ вѣроятностямъ, проведу ее при сынѣ въ Карлсруэ. Но Мюнхенъ все еще лежитъ у меня на сердцѣ и на картѣ. Не могу только опредѣлить когда достигну этой желанной точки. На всякій случай скажи мнѣ слово о своихъ планахъ и когда по твоему лучше пріѣхать къ тебѣ въ гости, чтобы имѣть возможность согласовать мои удобства съ твоими. А у насъ гоститъ внучка наша Лиза Валуева, которую жена моя должна отвезти на русскую границу къ отцу ея, вѣроятно въ началѣ нашего ноября,—хотя ты вѣроятно уже знаешь моего Сергѣя Глинку, сирѣчь Русскаго ратника, ибо тебѣ одному, изъ нашихъ русскихъ заморскихъ представителей, русское слово не мертвая буква и ты одинъ получаешь Сѣверную Пчелу и даже Инвалидъ, но все-таки подношу тебѣ моего рекрута [1]), который въ переводѣ былъ даже завербованъ въ Times, а говорятъ, гдѣ-то и Нѣмецкою газетою. Пишу тебѣ подъ звономъ колоколовъ, которые нѣсколько отзываются Москвою—и подъ этимъ роднымъ впечатлѣніемъ нѣжно и братски тебя обнимаю.

Скажи мое почтеніе любезнѣйшей посланницѣ. Если будешь мнѣ скоро отвѣчать, пиши мнѣ въ Венецію au Consulat de Russie, если замедлишь—въ Вѣну въ наше посольство.

Душевно тебѣ преданный

P. S. Передай мой дружескій поклонъ Кочубею.

---

[1]) Пѣснь русскаго ратника.—См. Полное собраніе сочин. кн. Вяземскаго, т. II-й стр. 40. Ред.

15.

2 (14) декабря 1853 года. Миланъ.

Имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что сегодня или завтра надѣемся выѣхать изъ Милана и направляемъ стопы наши прямо къ Вамъ, но когда стопы наши или стопы лошадей донесутъ насъ къ Вамъ, это мнѣ неизвѣстно. Нигдѣ засиживаться не будемъ, за исключеніемъ необходимыхъ ночныхъ отдыховъ. Передай вѣсть объ насъ Тютчевой. Изъ Инспрука подамъ тебѣ голосъ съ тѣмъ, чтобы ты приказалъ приготовить намъ теплыя комнаты въ хорошей гостинницѣ въ Мюнхенѣ. Обнимаю тебя.—Въ Веронѣ видѣлъ я память о тебѣ—древнюю и новѣйшую исторію,—домъ, гдѣ ты и Вы конгресничали,—и радость нашихъ дней, который меня очень добродушно принялъ.

Душевно тебѣ преданный.

16.

31-го декабря 1853 г. (12 января 1854 г.). Карлсруэ.

Извини меня любезнѣйшій другъ, что еще не писалъ тебѣ съ пріѣзда моего сюда. Но первыми днями здѣшняго пребыванія овладѣли радости свиданія съ семействомъ, потомъ скучные хлопоты о домашнемъ своемъ устройствѣ. Наконецъ овладѣлъ мною піитическій бѣсъ и я по милости его провозился съ Нахимовымъ и Бебутовымъ[1]). Мнѣ хотѣлось явиться къ тебѣ на Новый годъ съ моимъ гостинцемъ. Вотъ здѣсь на лице объясненіе моего молчанія, оправданіе, а можетъ быть и обвиненіе, какъ ты разсудишь.—Благодаря Бога невѣсткѣ нашей лучше, но все еще не совершенно оправилась она и вѣроятно долго просидитъ дома. Мы порядочно устроились въ Hôtel d'Angleterre, рядомъ съ Павломъ. Карлсруэ мнѣ довольно нравится наружностью своею и внутренними качествами. Много простора для прогулокъ и привѣтливости въ жителяхъ, начиная отъ Герцогской фамиліи, которая приняла насъ очень милостиво, просто и ласково. Внучка Роза уже плясала на балѣ и еще есть нѣсколько баловъ впереди. По милости ея придется и мнѣ на нихъ дежурить при ней, потому что жена моя не хочетъ выѣзжать. До нынѣшняго дни изъ семейства Бергхольцъ, познакомились мы только съ M-lle Olga, которая была у насъ. Мы два раза къ нимъ заѣзжали, но къ сожалѣнію по болѣзни отца и другой дочери, не могли быть приняты. Надѣемся въ по-

[1]) Стихотвореніе безъ заглавія, посвященное описанію подвиговъ Нахимова и Бебутова. См. Полное собраніе сочиненій, т. II-й стр. 98. Ред.

слѣдствіи времени покороче сблизиться. Сегодня утромъ были мы при торжественномъ открытіи палатъ. Регентъ кажется очень умѣренно но съ приличіемъ и твердостью коснулся живаго и горячаго Фрейбургскаго вопроса. Наша эпоха совершенно вопросительный знакъ. Со всѣхъ сторонъ вопросы и ни откуда нѣтъ рѣшительнаго отвѣта. Каковъ французскій циркуляръ? Любопытно знать, что скажутъ и сдѣлаютъ въ отвѣтъ ему. Жена моя тебѣ и всѣмъ твоимъ сердечно кланяется: Je Vous prie de présenter aussi mes hommages et mes voeux à Vos dames.

Надѣюсь, что это письмо заключено будетъ въ портфёлѣ, который ты завтра раскроешь послѣ обѣда, и что мои поздравленія съ Новымъ годомъ и желанія всѣмъ здоровья и благополучія, тутъ же будутъ переданы по принадлежности сотрапезникамъ и сотрапезницамъ, собутыльникамъ и собутыльницамъ памятныхъ мнѣ дружескихъ твоихъ обѣдовъ. Дай Богъ, чтобы тотъ же портфёль принесъ на зубокъ новому году, что нибудь въ родѣ Башъ-Кадыкляра и Синопа.

Забылъ я поблагодарить тебя за твою шубу, которая была мнѣ очень понутру. Она служила мнѣ доброю тѣлогрѣйкою, какъ и дружба твоя отъ давнихъ лѣтъ служитъ мнѣ душегрѣйкою.

Душевно тебя обнимаю.

17.

15 (27) января 1854 г. Карлсруэ.

Я дерусь до поту чернилъ и крови [1]), только вы, господа дипломаты, меня не выдавайте и не оставьте меня въ дуракахъ. Скажи мнѣ искренно мнѣніе свое о моихъ новыхъ стихахъ. Мнѣ нуженъ чужой судъ. А то самому, когда запишешся и особенно когда волнуется желчь, нельзя себя хорошо провѣрить. Дай одинъ экземпляръ Кочубею.

Правда ли, что Алексѣй Орловъ пріѣхалъ въ Берлинъ. Сдѣлай одолженіе, дай мнѣ знать, если мой Нахимовъ явится въ Инвалидѣ. Сѣверную Пчелу здѣсь получаютъ. Мое почтеніе и нашъ сердечный привѣтъ всѣмъ любезнѣйшимъ твоимъ барынямъ.

Душевно тебѣ преданный.

18.

13 (25) марта 1854 г. Карлсруэ [2]).

Горчаковъ сообщилъ тебѣ, любезнѣйшій другъ, стихи мои на 1854 годъ и «Къ ружью!» [3]), а вотъ еще четыре новинки ему неизвѣстныя, ко-

[1]) Такъ въ подлинникѣ. — Къ этому времени относится цѣлый рядъ стихотвореній и статей, относящихся до восточнаго вопроса и войны нашей съ Турціею въ 1854 г. Всѣ они напечатаны въ Полномъ собраніи сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Ред.

[2]) Письмо это напечатано въ отрывкѣ въ Полномъ собраніи сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. X, стр. 117. Ред.

[3]) См. Полное собраніе соч., т. II-й стр. 103 и 38. Ред.

торыми можешь подѣлиться съ нимъ. Ты видишь, что я по примѣру твоему не унываю. Изъ газетъ знаю, что и ты въ пользу православныхъ нашихъ войновъ принесъ богатыя и звонкія риѳмы. Спасибо! надѣюсь, что и этому примѣру тобою данному послѣдуютъ твои собратья. Не знаю отъ того ли, что придаю себѣ бодрость рукопашными стихами моими, или отъ чего другого, но plus j'approche du terme et moins je le redoute. Хотя мы съ тобою новыхъ французовъ не любимъ, а все-таки воспитаніемъ и памятью, мы старые французы, и потому не удивишся ты цитатѣ моей изъ Chaulieu. Но въ самомъ дѣлѣ, нельзя отвергать руки Провидѣнія въ событіяхъ, которыя готовы совершиться предъ нами. Какъ люди не страстны, не злы, не безумны, а тутъ дѣйствуетъ сила свыше человѣческой. Она гонитъ, стремитъ противниковъ нашихъ. Куда? вѣроятно въ бездну, если только Богъ поможетъ намъ устоять и ни на какія уступки не потдаваться. Разумѣется, надобно намъ будетъ терпѣть; если вытерпимъ до конца, то неминуемо оттерпимся. Я говорю: русскій человѣкъ и заднимъ умомъ и заднимъ оружіемъ крѣпокъ. Мы никогда сразу не управимся. Дѣло французовъ вершки хватать. Наше выжидать и у моря ждать погоды.

А читали ли Вы Ваше Превосходительство, статьи ветерана 1812 года въ Journal de Francfort[1]) и угадали-ли, что это азъ грѣшный и недостойный кидаюсь въ борьбу не на животъ, а на смерть съ вашими политическими и кабинетными знаменитостями? У меня еще изготовлены нѣсколько подобныхъ статей и зачаты другія, которыя хочу всѣ вмѣстѣ отпечатать особою книжечкою. Знаю, что изъ того прока не будетъ и никого не вразумлю. Но каждому данъ здѣсь свой удѣлъ и свое орудіе. Мнѣ дано перо и валяй!—Мы всё поджидаемъ здѣсь, чтобы сдѣлалось теплѣе, а тамъ и пустимся въ путь и домой на Англо-Французскія ядра!

Семьею сердечно кланяемся всему твоему семейству. Пусть Кочубей положилъ бы на музыку мои пѣсни и пропѣлъ своимъ звучнымъ голосомъ.

Министръ Бибиковъ писалъ мнѣ,—что мои современныя замѣтки будутъ напечатаны по высочайшему повелѣнію. Не знаю напечатаны ли онѣ въ Инвалидѣ. Мнѣ сдается, что въ военной журналистикѣ нашей, есть оппозиція противъ меня. Стихи мои Нахимову посланные въ Инвалидъ перепечатаны въ немъ изъ Сѣверной Пчелы и безъ моей подписи. За то получилъ я отъ Нахимова милый, скромный отвѣтъ.

Душевно тебѣ преданный.

---

[1]) Статьи эти написаны кн. П. А. Вяземскимъ и напечатаны въ Полн. соб. его сочиненій, т. VI. Ред.

19.

8 (20) апрѣля 1854 г. Карлсруэ.

Вотъ мы доживаемъ здѣсь послѣдніе дни. На нѣсколько дней поѣдемъ къ своимъ въ Баденъ-Баденъ, покажемъ Рейнъ внучкѣ, а тамъ и въ Дрезденъ, гдѣ надѣемся съѣхаться съ Тютчевой и передать ей Лизу, чтобы отвести ее въ Россію. Сами, можетъ быть поѣдемъ недѣли на три въ Карлсбадъ, если повелитъ отецъ и командиръ Геденусъ. Въ іюнѣ если Богъ дастъ, будемъ въ Петербургѣ, чтобы познакомиться съ Непиромъ, а пока вотъ моя Кронштадская пѣснь [1]) и еще другая. Передай, сдѣлай одолженіе, по экземпляру и Кочубею и попроси его пропѣть: «Не помните» [2])? Я очень радъ и этимъ горжусь, что тебѣ нравятся мои ветеранскія письма. Слышу, что и въ Петербургѣ читаются онѣ съ удовольствіемъ. Хочется мнѣ собрать ихъ во едино, со многими другими, еще не напечатанными и тиснуть ихъ особою книжечкою. На дняхъ отправилъ я къ тебѣ шубу и еще разъ благодарю за дружеское теплое участіе. Вотъ при семъ и почтовая росписка. Надѣюсь, что здѣсь взяли съ меня всѣ деньги и что она тебѣ будетъ возвращена безденежно.

А вотъ и душевная и секретная просьба. Здѣсь слышно, что въ Петербургѣ работаютъ о перемѣщеніи Ѳегезика. Если мѣсто очистится, не можно ли будетъ распорядиться имъ въ пользу Павла. Здѣсь онъ стынетъ и уныаетъ въ бездѣйствіи и очень желалъ бы опредѣленія къ тебѣ. Хвалить мнѣ его не пристало. Но, надѣюсь, что не будешь имѣть случая раскаяться, если возьмешь его. Сдѣлай милость, подумай объ этомъ и напиши мнѣ съ Тютчевою, или въ Дрезденъ poste restante. Что ты на это скажешь. Дамы мои тебѣ и твоимъ усердно кланяются, прошу имъ передать и мой поклонъ въ земную.

Дай Богъ намъ скорѣе увидѣться въ Россіи прославленной и торжествующей. Я какъ и ты полонъ упованія. Нѣжно тебя обнимаю.

20.

29 ноября (11 декабря) 1854 г. Веве.

Титовъ обѣщаетъ мнѣ удовольствіе обнять тебя въ Штутгартѣ 5-го или 6-го. Дай Богъ! Завтра утромъ отправляемся туда съ принцемъ, до 4-го остановлюсь у сына въ Карлсруэ, и надѣюсь ко всенощной поспѣшить въ Штутгартъ.

Обнимаю, до свиданія.

Я очень радъ, что мои писанія и маранія тебѣ угодны.

---

[1]) См. «Матросская пѣсня». Полн. соб. сочиненій, т. XI, стр. 117. Ред.

[2]) См. Полн. собраніе сочиненій, т. XI, стр. 115. Ред.

*

21.

26 января (7 февраля) 1855 г. Веве.

Пользуюсь сею вѣрною оказіею, чтобы обнять тебя, дать тебѣ вѣсть о себѣ, что мы благодаря Бога, живы и почти здоровы, все еще вевействуемъ, и что я все еще проливаю чернила не на животъ, а на смерть. Надѣюсь, что ты уже получилъ изъ Лозанны три новыхъ письма ветерана; скоро получишь полное собраніе писемъ, а теперь на закуску или прикуску вотъ тебѣ стихи. Кажется вообще всѣ довольны нѣмецкою политикою, по крайней мѣрѣ судя по письму полученному мною сегодня отъ Титова. Говорятъ, что и твои Баварскія Фонъ-Ворота хорошо дѣйствуютъ. Можетъ быть; но я по простотѣ своей держусь въ политикѣ одного правила, и понимаю въ политикѣ одно: il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée. Особенно же когда разбойники лѣзутъ въ комнату съ угрозою. А до сей поры я въ нѣмецкой политикѣ того не вижу. Вижу, что все мало по малу дѣлаютъ уступки и угождаютъ разбойникамъ, а намъ даютъ совѣты и наставленія. Ни одна еще кошка не смѣла перейти на нашу сторону прямо и открыто. Боюсь болѣе Вѣны нежели Севастополя, и какъ я уже не разъ говорилъ, боюсь болѣе дѣятельности одного Горчакова нежели бездѣйствія другого.

Вотъ тебѣ моя политическая исповѣдь. Не взыщите Ваше Превосходительство и простите великодушно моему простодушью, а можетъ быть и простоумію, за которое право не стою, и радъ буду если ваша дипломатія докажетъ мнѣ, что я дуракъ.

Мы здѣсь озабочены и огорчены болѣзнью добраго Вульфа, адъютанта Принца. Онъ со дня на день заболѣлъ смертельно. Сегодня пробленулъ маленькій лучь надежды.

Если можно помоги M-elle Bartolomé передать одну брошюрку мою въ Италію. Мое нѣжнѣйшее почтеніе твоимъ дамамъ, а тебя обнимаю.

22.

6 ноября 1855 г. С.-Петербургъ.

Я виноватъ предъ тобою, или вѣрнѣе сказать долженъ казаться виноватымъ. Многое могъ бы я сказать въ оправданіе свое, но хочу, чтобы ты и безъ объясненій моихъ вѣрилъ мнѣ и судя по себѣ, ожидаю отъ тебя безусловнаго прощенія безъ посредства de cause atténuante.

Сердечно благодарю тебя, милый другъ, за письмо твое и поздравленія, хотя и слишкомъ лестныя для моего самолюбія. Твоя радость и

могу сказать, общее сочувствіе, которое встрѣтило мое назначеніе нѣсколько пугаютъ мою робкую душу, потому что эта радость и это сочувствіе возлагаютъ на меня большую отвѣтственность. Отъ меня чего-то ждутъ, это очень лестно, но еще страшнѣе. Впрочемъ для предупрежденія всякихъ недоразумѣній, спѣшу сказать тебѣ по совѣсти, что я очень люблю и уважаю своего министра. Онъ человѣкъ очень благонамѣренный и теплый къ дѣлу просвѣщенія. Надѣюсь будемъ дѣлать, что можно въ извѣстныхъ предѣлахъ и подъ опредѣленными условіями. Чѣмъ болѣе живешь, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что добро скоро сказывается, а не скоро дѣлается. А между тѣмъ добро все таки не сказка, а обязанность. Отъ исполненія обязанности, какъ ни будь она трудна, будь она даже не вполнѣ сбыточна, отказываться не должно. Не такъ ли? Въ твоемъ отвѣтѣ не сомнѣваюсь. Мы съ тобою люди стараго покроя, однокорытники, совоспитанники и сопитомцы Карамзина и Дмитріева. Они любили и понимали Россію и высоко почитали ея честь и свою. Въ Петербургъ возвратился я послѣ 4-хъ лѣтняго отсутствія, какъ въ пустыню, какъ на кладбище. Мертвыхъ нашелъ я много, а живыхъ своихъ очень мало. Домъ Карамзиныхъ разоренъ смертью и горемъ. Бѣдная Мещерская почти безпрерывно больна. Софьѣ Ник. лучше, но она безмолвный памятникъ того что было, не принимаетъ никакого участія въ жизни ея окружающей, и любитъ и страдаетъ молча. Аврора предана тихой, но можно сказать, ясной и кроткой печали. Блудовъ продолжаетъ жаловаться на свое здоровье, но однако же здравствуетъ, хотя старость и на немъ беретъ свое.

Дочь его Іоанна Славянъ и Востока бодрствуетъ духомъ и тѣломъ и проповѣдуетъ Святую брань. Раненому брату ея лучше, и кажется отправляется онъ за границу. За что же ты жалуешься, что тебя здѣсь забываютъ. Да за что тебя и помнить? Что ты сдѣлалъ! Вѣдь ты не поссорилъ правительство при коемъ находишся съ нашимъ правительствомъ? Пока еще баварцы не жгутъ нашихъ береговъ и городовъ. Подожди, если твой маіоръ отъ воротъ возвратится изъ Парижа подкупленный Гришкою Отрепьевымъ и пойдетъ на насъ, то и тебѣ дадутъ une fiche de consolation. Министерство ваше сердобольное и награждаетъ за неудачи. А жалѣю я, что тебя не послали въ Римъ, да и многіе здѣсь о томъ жалѣютъ. Надѣюсь, что твои милыя больныя совершенно оправились. Прошу передать имъ мое нѣжное почтеніе. Къ вамъ на зиму ѣдетъ К. Юсупова, очень милая и добрая женщина. Нѣжно тебя обнимаю.

23.

1855 г. [1]).

Complainte.

Sur l'air: partant pour la Syrie.

Partant pour la Crimée
Le jeune et beau Plon-plon [2]).
Jura devant l'armée
Avec beaucoup d'aplomb:
Qu'il aurait la victoire,
Ou bien qu'en noble preux,
Il teindrait la mer noire
De son sang généreux.

Napoléon-postiche
Lui qu'on voit aujourd'hui,
Se blottir dans sa niche
Quand on se bat pour lui,
Pour sa belle équipée
Donne au cousin Plon-plon,
Sa pacifique epée
Et son aigle en carton.

Va te mettre en campagne,
Lui dit-il, mon chéri!
Et bois force champagne
Tout comme à Satory [3]).
Quant à moi je m'engage
A réspirer le frais,
Fidèle à mon adage:
L'Empire c'est la paix.

Toi, qu'un peuple idolatre,
Toi, l'espoir du pays,
Qui connut Henri quatre
Et le grand roi Louis,
Va punir le barbare
Et réchauffe à tout prix
Le canard du Tartare:
Sébastopol est pris.

---

[1]) На письмѣ рукою Северина написано: отвѣчалъ 24 ноября (6 декабря).
[2]) Подъ этими словами подразумѣвается Жеромъ Бонапартъ.
[3]) Лагерь, гдѣ производились лѣтніе маневры.

Mais pris par la colique
Dans le feu des combats,
Le Prince Magnifique
Rend le sang par en bas.
De sa dissenterie,
Il fait, comme il l'a dit,
Hommage à sa patrie
Et se met vite au lit[1]).

---

[1]) (Подстрочный переводъ).

Жалобная пѣснь.

(На мотивъ «Partant pour la Syrie»).

Отправляясь въ Крымъ,
Юный красавецъ Плонъ-Плонъ
Поклялся передъ арміею,
Съ великою самоувѣренностью,
Что онъ добьется побѣды
Или же въ качествѣ благороднаго рыцаря
Окраситъ Черное море
Своею великодушною кровью.
Поддѣльный Наполеонъ,
Тотъ самый, что нынѣ, какъ видно,
Прячется въ свою конуру въ то время,
Когда изъ-за него воюютъ,
Ради этой чудной затѣи
Вручаетъ братцу Плонъ-Плону
Свою миролюбивую шпагу
И своего карточнаго орла.
Поди-ка, отправься въ кампанію,
Мой милый, говоритъ онъ ему,
И пей уйму шампанскаго,
Точь въ точь какъ въ Саторн.
Что до меня, то я обязываюсь
Прохлаждаться себѣ потихоньку,
Вѣрный моему изреченію:
«Имперія—есть миръ».
Ты, котораго боготворитъ народъ,
Ты, надёжа страны—
Что знавала Генриха четвертаго
И великаго короля Людовика—
Отправляйся покарать варвара
И какою угодно цѣною подогрѣй
Тартарову утку:—
Будто взятъ Севастополь.
Но, схваченный коликою,
Въ пылу сраженій,

Пользуюсь пріятнымъ случаемъ болѣзни Еремнина сына, чтобы тебѣ напомнить о себѣ и дать доказательство, что еще по нынѣшній день я живъ, и какъ не мучитъ меня крымская лихорадка, какъ говоритъ Александръ Булгаковъ, я все-таки не унываю и какъ Богъ послалъ, пострѣливаю припѣваючи. А вотъ и русскіе стихи на тотъ же случай [1]). Давно не писалъ я тебѣ, потому что велъ все кочующую жизнь. Но иногда имѣю о тебѣ вѣсти, благодаря пребыванію здѣсь принца Ольденбургскаго. Мы очень рады пребыванію здѣсь семейства его, которое такъ мило и привѣтливо. Да къ тому же имѣемъ отъ нихъ извѣстія изъ Россіи, и хотя онѣ не всегда радостны, но все не такъ возмутительны и язвительны какъ тѣ, которыя почерпаемъ изъ иностранныхъ газетъ. Думаемъ пробыть здѣсь еще недѣли двѣ, погостить нѣсколько дней въ Лозанѣ и Женевѣ, а послѣ кончить зиму пополамъ въ Карлслуэ и Штутгартѣ. Къ сожалѣнію моему я поздно пріѣхалъ въ Швейцарію и за винограднымъ леченіемъ не могъ объѣздить, обходить и облазить этотъ живописный край. Въ Бренѣ показывали мнѣ домъ, въ которомъ ты жилъ. Не привело же меня побывать въ Швейцаріи при тебѣ, а кажется выдержалъ ты въ ней порядочный карантинъ. Получилъ ли ты изъ Брюсселя мою брошюрку, которую поручилъ я выслать тебѣ? Изъ Женевской газеты вижу я, что она произвела въ Парижѣ sensation и что Форкадъ угрожаетъ разгромить меня въ Revue des deux mondes. Увидимъ, что будетъ. Дай её прочесть Перефелю. Я послалъ бы ему экземпляръ, но отсюда трудно и жду оказіи. Если соблаговолишь мнѣ отвѣчать скоро, то пиши въ Vévey à l'Hôtel du lac, а если зафонъ-пфордствуешся и тебѣ будетъ не до меня, то пиши въ Штутгартъ въ нашу миссію; тамъ будутъ знать гдѣ меня отыскать. У насъ здѣсь зачалась зима. Горы уже давно въ бѣломъ балахонѣ, но очень красивы, и выдаются такіе дни, что любо смотрѣть и тепло дышать. Надѣюсь, что моя complainte—удостоится чести быть пропѣтой послѣ семейнаго обѣда за фортепіано.

Не у васъ ли еще Трубадуръ Кочубей, или уже отправился въ Россію. Передай своимъ дамамъ отъ жены и отъ меня сердечное привѣтствіе.

Обнимаю тебя по старому. Вяземскій.

Великолѣпный принцъ
Пускаетъ кровь пизомъ
И свою дисентерію,
Какъ обѣщалъ, приноситъ онъ
Въ жертву на алтарь отчизнѣ,
А самъ живехонько укладывается въ постель.

[1]) Русскихъ стиховъ при письмѣ не оказалось.

ВЪ СЫРТОВСКИХЪ ДЕБРЯХЪ.

(Очеркъ изъ прошлаго уральскаго старообрядчества [1]).

I.

Длинной вереницей отлогихъ холмовъ, въ перемежку съ буераками и оврагами, тянется съ востока на юго-западъ отъ горы Юрмы до непроходимыхъ Иргизскихъ лѣсовъ, безжизненный малолѣсистый Общій Сыртъ. Рѣдко, рѣдко кое-гдѣ попадаются на немъ отдѣльныя небольшія рощицы ветелъ, дуба и березъ, заслоняющія своими тощими вѣтвями истоки горныхъ ручейковъ, которые, перебѣгая съ камня на камень, своей журчащей струей, прозрачной, какъ кристалъ, несутся впередъ съ быстротою дикой козы. Тихо, уединенно въ этихъ мѣстахъ, удаленныхъ далеко, на нѣсколько десятковъ, сотенъ верстъ отъ шумнаго людскаго міра. Передъ ними разстилается одна лишь степь безбрежная, дикая и привольная, сливающаяся своей широкой полосой съ темной поверхностью далекаго и бурнаго Каспійскаго моря, гдѣ русскіе и нерусскіе рыболовы съ-испоконъ вѣковъ хищнически уничтожали тюленей, севрюгъ и бѣлугъ.

Вѣками стояла въ дебряхъ Сырта невозмутимая тишина, царствовалъ тамъ медвѣдь въ берлогѣ, да находили себѣ пріютъ русскіе бѣглые люди, искавшіе свободы и легкой наживы, подкарауливая въ оврагахъ страшной глубины проѣзжавшихъ изъ Самары на Яикъ купцовъ за рыбой или съ Яика въ Самару и Сызрань за солью и хлѣбомъ каза-

---

[1]) По документамъ упраздненной канцеляріи бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернаторства.

ковъ. Ни одного поселенія, ни одной казачьей зимовки [1]). Унылая пустыня и полное безлюдье кругомъ.

Но, вотъ, въ 1752 году, въ дикихъ и угрюмыхъ предгорьяхъ этихъ появились какіе-то благочестивые люди, благочестивые потому, что они не промышляли разбоями и грабежомъ, а питались трудами рукъ своихъ, добывая «хлѣбъ свой въ потѣ лица изъ родной кормилицы-землицы». Люди эти были ни кто иные, какъ старецъ Сергій съ тремя своими учениками, бѣжавшими сюда изъ Яицкаго городка отъ гоненій, направленныхъ противъ скрывавшихся на Яикѣ преступниковъ, бѣглыхъ вотчинныхъ крестьянъ и раскольниковъ, смущавшихъ яицкихъ казаковъ къ бѣгству на Кубань и въ Турцію. Это—тотъ самый знаменитый Сергій, который былъ столпомъ и ярымъ проповѣдникомъ нарождавшагося на Яикѣ раскола, подъ благовиднымъ именемъ старообрядчества, такъ уважаемый и любимый казаками, что они вполнѣ вѣрили каждому его учительскому слову и считали его святымъ, ибо, «какъ говорили казаки, онъ такъ былъ угоденъ Богу, что творилъ чудеса» [2]).

Боясь выдать свое присутствіе, бѣглецы сначала скрывались по ущельямъ и оврагамъ сыртовкимъ и продовольствовали себя ягодами, корой древесной и мохомъ. Но когда гроза преслѣдованія высланной для поимки ихъ изъ Уральска воинской команды миновала, они стали показываться на свѣтъ Божій, по одиночкѣ ходили въ ближайшія селенія яицкихъ казаковъ проповѣдывать «слово истинное» и собирали съ нихъ «даянія благи». Съ помощію этихъ ревностныхъ поборниковъ старины, они построили себѣ въ лѣсу землянки, обзавелись немудрымъ хозяйствомъ и начали трудовую жизнь постниковъ и носителей «Слова Божія», т. е. старообрядческаго лже-ученія. Слава о ихъ благочестіи росла съ каждымъ днемъ все больше и больше, привлекая къ нимъ и ревнителей, и покровителей. Явились новые постники, а вліятельные изъ уральцевъ не отказывали нарождающемуся разсаднику старообрядческихъ вѣроученій въ помощи и защитѣ, и нѣкоторые изъ нихъ даже стали заводить въ Сырту зимовки и хутора, чтобы быть всегда на стражѣ «истиннаго благочестія», дабы въ трудную минуту скрыть «великихъ подвижниковъ». И скоро въ безлюдныхъ и дикихъ мѣстахъ гулко застучалъ топоръ, завизжала пила и верстахъ въ 130-ти отъ Яицкаго городка между истоками рр. Бузулука и Чагана, не далеко отъ села Васильевки и образовавшихся

---

[1]) Зимовка—строеніе болѣе или менѣе обширное внѣ селеній. Первоначальное назначеніе ихъ давать пріютъ людямъ, имѣвшимъ надзоръ за стадами на зимнихъ пастбищахъ.

[2]) Донесен. маіора Кузьмина-Короваева генералъ-адъютанту В. А. Перовскому, отъ 11 апрѣля 1853 года.

послѣ того уметовъ [1]) Гниловскаго и Соболева въ малолѣсистой логовинѣ, скрытой отъ глазъ окружающими высотами Общаго Сырта, воздвиглось новое и богатое поселеніе,—старообрядческій скитъ, наименованный въ честь основателя его Сергіевскимъ,—который походилъ скорѣе на какой-нибудь казачій форпостъ [2]), чѣмъ «на домъ уединенія, поста и молитвы»,—такъ въ немъ было всего довольно.

Вскорѣ трудами отца Сергія [3]) въ скитѣ была сооружена небольшая деревянная церковь [4]), что еще больше возвысило значеніе его среди окружныхъ раскольниковъ. Скитъ этотъ былъ первымъ скитомъ всей заволжской стороны, послужившимъ потомъ прототипомъ-образцомъ для организаціи знаменитыхъ иргизскихъ старообрядческихъ монастырей, и считался у уральцовъ какъ бы священнымъ. Сюда фанатики-старовѣры съѣзжались для поста и молитвы иногда изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ обширнаго Приуралья. Въ немъ долгое время (до 1858 г.) сосредоточивалась вся мнимая ученость раскола, разносившагося по всему Заволжью, начиная отъ Илека и Большаго и Малаго Иргизовъ до устьевъ Волги и Урала. И для поддержанія этой своей святыни старообрядцы не жалѣли ни денегъ, ни трудовъ, ни имущества и нерѣдко жертвовали все свое достояніе.

Въ началѣ текущаго столѣтія скитъ уже представлялъ сооруженіе, обнесенное кругомъ «возвышеніемъ» и лѣсомъ [5]). Внутри его, на площади стояла деревянная церковь, построенная на «двѣнадцати» саженяхъ, съ куполомъ и небольшой колоколенкой, увѣнчанными двумя «осьмиконечными» крестами; по коньку крыши были еще такой же формы три креста, но значительно меньшей противъ двухъ первыхъ величины. Внутренность церкви блестѣла убранствомъ и богатствомъ. Она раздѣлялась на три части: алтарь, главный храмъ и притворъ и еще закрытую паперть. Иконостасъ въ ней сверху до низу былъ убранъ богатыми въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ съ самоцвѣтными камнями

---

[1]) Уметъ—хуторъ, лежащій внутри округа, по степнымъ рѣчкамъ.

[2]) Форпостъ, или по-мѣстному фарпостъ—селеніе на берегу рѣки, имѣвшее прежде военное значеніе, какъ крѣпость, теперь станицы.

[3]) Не надо смѣшивать Сергія иргизскаго съ этимъ Сергіемъ уральскимъ. Первый (сынъ московскаго купца Юршева) явился на Иргизъ изъ Вѣтки въ 1771 году, когда послѣдній уже скончался.

[4]) Хотя въ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ точныхъ данныхъ о постройкѣ этой церкви, но надо думать, что она сооружена въ концѣ XVIII столѣтія, такъ какъ позднѣе построенныя раскольниками церкви и часовни по Высочайшему указу 22-го марта 1822 года подлежали уничтоженію, эта же оставалась до 1858 года.

[5]) Описаніе скита составлено по донесеніямъ генералъ-лейтенанта Жемчужникова, отъ 30-го іюня 1830 г. и маіора Кузьмина-Короваева, отъ 11-го апрѣля 1853 года.

образами. Царскія врата завѣшивались шелковой пеленой, и въ алтарѣ, куда ходъ шелъ только чрезъ одну боковую дверь, были и жертвенникъ и престолъ со всѣми необходимыми принадлежностями церковной утвари.

Позади храма были построены отдѣльныя, но тѣсно другъ къ другу придвинутыя маленькія зданія изъ жженаго кирпича, числомъ до 25-ти, гдѣ жили иноки и старцы [1]). Весь фасъ скита со стороны въѣзда (т. е. съ юга) занимали два небольшихъ домика—лазаретъ и келарня, каждый 10 саж. длины и 6 саж. ширины. Въ первомъ были устроены приспособленія для больныхъ; вторая же раздѣлялась на четыре части, изъ коихъ въ трехъ первыхъ помѣщались настоятель скита и скитскіе попы, а четвертая, составлявшая одну большую комнату, съ четырьмя окнами по фасаду и двумя боковыми, служила «трапезной» для монастырской братіи, гдѣ вдоль стѣнъ стояли два четырехсаженной длины стола съ такой же длины четырьмя деревянными скамьями. За этими зданіями тянулись амбары, ледники, въ особомъ помѣщеніи былъ колодезь, хотя вода изъ него добывалась не хорошая и для питья ее привозили изъ р. Бузулука,—и прочія хозяйственныя постройки.

Какъ «славенъ» былъ скитъ этотъ и какъ онъ былъ богатъ, видно изъ того, что въ описываемое время (т. е. лѣтъ черезъ 50—60 послѣ его основанія) у него были свои земли, свои сады, огороды, вѣтряная мельница, и всѣ полевыя работы производились вольно-наемными людьми изъ сосѣднихъ деревень Бузулукскаго уѣзда; сами же иноки почти ничего не дѣлали и жили просто по-барски, въ довольствѣ и добрѣ: неотъемлемой принадлежностью ихъ стола всегда являлись: прекрасный пшеничный хлѣбъ, квасъ хлѣбный, капуста, арбузы, огурцы и рыба въ изобиліи.

Старцы Сергіевскаго скита не особенно утруждали себя постомъ и молитвой. Несмотря на то, что въ скитѣ этомъ былъ введенъ строгій уставъ Ѳеодора Студитскаго,—любимый монастырскій уставъ вообще всѣхъ старообрядцевъ, а самарскихъ и уральскихъ въ особенности,—братія не любила чрезмѣрныхъ строгостей и, если какой-нибудь изъ настоятелей требовалъ неуклоннаго исполненія устава, они тотчасъ же смѣняли такого ретиваго защитника затворнической жизни и выбирали себѣ игуменомъ другаго, какъ это было въ 1848 году, когда на мѣсто суроваго Іеринарха былъ избранъ Израиль, въ мірѣ Яковъ Васильевъ Бредневъ, уральскій казакъ.

Порядокъ «монастырскаго житія» въ скитѣ былъ не слишкомъ для старцевъ обременителенъ. Въ два часа ночи, по звонку (а не по звону) вся братія отправлялась въ церковь къ утрени, которая вмѣстѣ съ ча-

[1]) Въ 1850 году здѣсь было келій уже на 62 челов. братіи.

сами (когда не было «поповъ») или обѣдней (когда въ скитѣ имѣлся бѣглый іерей) продолжались часовъ семь-восемь, т. е. оканчивались какъ разъ тогда, когда наступала обѣденная пора, и почему одинъ изъ иноковъ освобождался отъ церковной службы и въ сосѣдней съ келарней комнатѣ-столовой готовилъ для братіи «скромную» трапезу, которая однако частенько состояла изъ трехъ-четырехъ блюдъ.

Во время обѣда кѣмъ-нибудь изъ грамотныхъ старцевъ (по назначенію игумена) читались изъ Четьи-Минеи житія святыхъ, памятуемыхъ въ этотъ день, и потомъ братія расходилась на отдыхъ до 4 или 5 часовъ вечера, когда также по звону колокольчика всѣ снова собирались въ церковь къ вечернѣ (павечерницѣ по-старообрядчески), продолжавшейся часовъ до 6—7-ми. День вскорѣ послѣ того заканчивался обильнымъ ужиномъ, и братія была свободной до слѣдующаго утра. Лѣтомъ, съ наступленіемъ сумерекъ, а зимой тотчасъ же послѣ «вечерняго трапезованія», монастырь погружался въ безмятежный сонъ. Кругомъ наступала мертвая тишина, не нарушаемая ничѣмъ, даже ночной караульщикъ не ходилъ съ колотушкой вокругъ монастырскихъ стѣнъ дозоромъ. Не запирались на ночь и ворота, и всякій проѣзжій и прохожій могъ безпрепятственно войти подъ гостепріимную кровлю скита.

Такимъ образомъ большую часть дня и ночи иноки проводили въ снѣ и ничегонедѣланіи, пользуясь совершенной свободой въ своихъ дѣйствіяхъ. Нерѣдко «отъ скуки ради для... поддержанія силъ немощныхъ отъ трудовъ бдѣнныхъ» они удалялись въ укромныя мѣстечки и испивали «малую толику»; а иногда посѣщали окрестные выселки и уметы и, вдали отъ глазъ монастырскаго строгаго владыки, пили сколько душѣ было угодно, т. е. до тѣхъ поръ, поко, какъ они выражались сами,—«еле можаху». Имъ жилось здѣсь несравненно лучше, чѣмъ въ «міру», благо, къ тому же недалеко, всего въ 15-ти верстахъ отъ нихъ, находился Гниловскій женскій монастырь, гдѣ почти всѣ дочери богатыхъ уральскихъ казаковъ до замужества обучались грамотѣ, пѣнію и пріемамъ церковнаго богослуженія наравнѣ, надо полагать, съ обученіемъ «всему житейскому на потребу».

Вслѣдствіе такого привольнаго житья и отдаленности монастыря отъ властей, сюда шло много такихъ лицъ, которыя жаждали свободы и легкаго прокормленія.

Сначала, конечно, новые пришельцы, желавшіе посвятить себя служенію Божію «во вѣки вѣковъ», начинали свою карьеру послушниками, а потомъ чрезъ нѣсколько времени, по удостовѣренія всей братіи въ благонамѣренности, такихъ посвящали въ иноки. Надъ новымъ старообрядческимъ «подвижникомъ» читались тогда среди церкви передъ отверстыми царскими вратами соотвѣтствующія сему правила и молитвы «по чину», давали ему другое имя и «облекали его въ оде-

ж д у с в ѣ т л у», которая состояла: 1) изъ длинной суконной рубахи, надѣвавшейся на голое тѣло; 2) синяго сукна пелеринки, обшитой по краямъ краснымъ кантомъ, которая называлась «м а н т і е й»: синій цвѣтъ ея знаменовалъ—«н е б е с н о е п р о и с х о ж д е н і е Х р и с т а», а красный кантъ—«к р о в ь Х р и с т о в у»; 3) суконной же изъ четырехъ кусковъ сшитой камилавки, обложенной кругомъ войлочнымъ «о б р у ч и к о м ъ», какъ воспоминаніе «о ч е т ы р е х ъ е в а н г е л и с т а х ъ с ъ и з о б р а ж е н і е м ъ в ѣ н ц а Х р и с т о в а»; 4) большаго покрова, съ головы до пояса, изъ чернаго сукна съ краснымъ кантомъ, напоминавшаго «и з о б р а ж е н і е о к р о в а в л е н н о й о д е ж д ы Х р и с т о в о й», который по-старообрядчески назывался кокоръ, а поученому к у к о л ь (?), и 5) лѣстовки (четки изъ кожи), какъ «о р у ж і е п р о т и в ъ с о б л а з н о в ъ м і р с к и х ъ».

Облеченные въ такія хламиды, иноки Сергіевскаго скита тѣмъ отличались отъ старцевъ другихъ скитовъ, и когда они шли проповѣдывать «слово истинное» по окрестнымъ селамъ и деревнямъ Бузулукскаго и Самарскаго уѣздовъ и въ Понизовую линію, то ихъ повсюду встрѣчали не только какъ желанныхъ гостей, но какъ какихъ-то высокихъ, святыхъ посланниковъ, угодныхъ Богу. Конечно, они рады были пользоваться такимъ случаемъ, набивали свои карманы и обогащали и безъ того богатую монастырскую казну.

Въ то время, когда въ другихъ уральскихъ скитахъ, какъ, напримѣръ, Гниловскомъ и Садовскомъ (женскіе) или Ананьиномъ и Бударинскомъ (мужескіе) была сравнительно бѣдность и нищета, здѣсь же выписывались изъ Москвы дорогія запрестольныя иконы въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ съ драгоцѣнными камнями. Пожертвованія и «даянія благи» сыпались въ скитскую казну, какъ изъ рога изобилія, такъ что своей доходностью скитъ могъ перещеголять любой изъ древнѣйшихъ православныхъ монастырей въ Россіи. Поэтому сюда, въ это отдаленное уединенное мѣстечко, скрываемое отъ глазъ строгаго правительства мѣстными властями, стекались не ради спасенія души, а исключительно для скорѣйшей наживы, чуть не со всѣхъ сторонъ обширной земли Русской всевозможные пастыри духовные, или, какъ называли ихъ сами старообрядцы, «истовые священницы». Едва успѣвали понажиться и уѣхать одни, какъ на мѣсто ихъ тотчасъ же прибывали другіе, нерѣдко привозя съ собой запасные дары, коими причащали и братію и наѣзжавшихъ говѣльщиковъ. Тутъ можно было видѣть и поповъ австрійскаго посвященія, и бѣгло-поповщинскихъ «истовыхъ» іерарховъ, и бѣжавшихъ изъ православныхъ и единовѣрческихъ церквей и монастырей священниковъ, иноковъ, монаховъ и іеромонаховъ. Для всѣхъ были открыты двери «обители сея». Для всѣхъ былъ радушный пріемъ и обильное угощеніе, только, конечно, до тѣхъ поръ,

пока новоприбывшій попъ умѣетъ держать себя въ границахъ старовѣрскихъ приличій и дѣлится собранными пожитками съ монастырской братіей этого скита, а не то «отцы святіи» изгонятъ его, «яко смердящаго пса» и не будетъ ему почета и уваженія «не изъ внѣ, не индѣ», или другими словами говоря, если бѣглецъ-попъ не сойдется съ Сергіевской братіей и не получитъ разрѣшеніе «попить» по всему войску, мало кто изъ старообрядцевъ приметъ его и признаетъ за «истоваго». Когда же инокамъ Сергіевскаго скита понравится бѣжавшій іерархъ, они за того стоятъ горой и при случаѣ скорѣе сами потерпятъ наказаніе, чѣмъ выдадутъ его кому-нибудь изъ властей.

II.

Лѣтомъ 1830 года стояла нестерпимая жара. По всему Приуралью свирѣпствовала лютая гостья—холера. Только не коснулась она Сыртовскихъ дебрей и тамъ по-прежнему была «тишь да гладь, да Божья благодать». Начиналась страдная пора, и старцы Сергіевскаго скита, занятые заботой объ уборкѣ полей, тихо, безмятежно вели будничную жизнь, не предчувствуя грозившей имъ бѣды, ибо на небѣ не было «великихъ знаменій» и ничто изъ міровыхъ явленій, казалось, не предвѣщало ничего дурнаго. А между тѣмъ съ сѣвера незамѣтно надвигалась туча грозная и страшная.

Въ началѣ этого года, изъ Свіяжской Макарьевской пустыни, вдругъ, скрылся одинъ изъ иноковъ, іеромонахъ Иларій, не разъ уже замѣченный въ несвойственныхъ его сану поступкахъ, за что онъ по рѣшенію Казанской духовной консисторіи и былъ преданъ духовному суду.

И вотъ, чувствуя, должно быть, свою виновность, Иларій, не долго думая, бѣжалъ сначала на Иргизъ и сталъ исправлять требы въ Средне-Никольскомъ монастырѣ, но когда пребываніе его тамъ было узнано, онъ перебѣжалъ въ Сергіевскій скитъ.

Преосвященный архіепископъ казанскій и свіяжскій Филаретъ, получивъ о томъ извѣстіе, обратился по этому поводу къ оренбургскому военному губернатору, графу Сухтелену 2-му, прося его «истребовать бѣглеца и препроводить его для суда надъ нимъ по принадлежности». Графъ не замедлилъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе и предписалъ уральскому войсковому атаману произвести тщательные розыски Иларія, но, увы, поиски бѣжавшаго не привели къ желаемымъ результатамъ, благодаря бездѣйствію мѣстныхъ полицейскихъ властей, которыя, происходя также изъ казаковъ, сами придерживались

старины и, само собою разумѣется, потворствовали своей братіи-раскольникамъ. Тогда поимка Иларія, а вмѣстѣ съ нимъ и скрывавшихся въ горахъ Общаго Сырта бѣглыхъ была поручена начальнику 26-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Жемчужникову 1-му, который за это дѣло взялся болѣе энергично, хотя (какъ увидимъ ниже) также безуспѣшно, вслѣдствіе сплоченности властей съ сектантами.

Для поимки бѣглецовъ была назначена одна рота пѣхоты въ полномъ составѣ, при двухъ «исправныхъ» офицерахъ и подъ начальствомъ адъютанта дивизіи, штабсъ-капитана Вика. Въ полной походной аммуниціи, съ сухарнымъ запасомъ, провіантомъ и прочимъ продовольствіемъ на 15-ть дней, рота выступила изъ г. Уральска 29-го іюля, а 2-го августа была уже у цѣли своего похода.

По дорогѣ, въ 65 верс. отъ Уральска, въ уметѣ Красномъ, близъ котораго также имѣлся небольшой старообрядческій скитъ, штабсъ-капитанъ Викъ распорядился оставить, при прапорщикѣ Кильхинѣ, двухъ унтеръ-офицеровъ и 24 рядовыхъ съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали обыскъ этого скита, 2-го августа въ 3 часа утра, т. е. какъ разъ въ то время, когда онъ, по его разсчетамъ, прибудетъ съ оставшейся полуротой въ Сергіевскій скитъ. Съ другой же частью первой полуроты, для обыска Садовскаго женскаго монастыря, лежащаго въ 25-ти верстахъ отъ скита Сергія, былъ посланъ капитанъ Нѣмчиновъ. Не доходя же верстъ 15-ть до умета Соболева, гдѣ дорога развѣтвлялась на двѣ: влѣво на скитъ Гниловскій (женскій), а вправо на скитъ Сергія, Викъ приказалъ состоявшему при немъ есаулу Севрюгину отправить въ Соболевскій уметъ 15-ть казаковъ и въ Гниловскій 25-ть, дабы поскорѣе до прихода пѣхоты оцѣпить ихъ. Самъ же тѣмъ временемъ продолжалъ путь и, какъ только въ 12 часовъ ночи полурота подошла къ умету Соболева, онъ, не входя въ него, посадилъ 15 рядовыхъ верхами на казачьихъ лошадей, а остальныхъ на подводы изъ-подъ багажа, и немедленно, въ сопровожденіи проводниковъ, двинулся чрезъ скитъ Ананьинъ къ Сергію.

Успѣвъ въ темнотѣ ночи оцѣпить окружающія скитъ высоты цѣпью конныхъ солдатъ, Викъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, то смыкая, то размыкая ряды часовыхъ, чтобы удобнѣе было обозрѣвать скрытыя мѣста, осторожно приблизился къ скиту и, неожиданно явившись туда, объявилъ себя настоятелю. Монахи въ это время, какъ описываетъ самъ Викъ, сильно переполошились, увидя команду и офицера. Онъ потребовалъ отъ настоятеля собрать всѣхъ иноковъ и представить ему ихъ документы, а потомъ приступилъ къ допросу.

Но, увы! въ числѣ представленныхъ девяти монаховъ не было того, кого искали. Иларій давнымъ давно успѣлъ скрыться. Скитъ Сергіевскій былъ заранѣе предувѣдомленъ о надвигавшейся на него грозѣ.

По близости скита по отрогамъ горъ была разбросана масса одиночныхъ хуторовъ, принадлежащихъ большею частію самымъ вліятельнымъ лицамъ Уральскаго войска, стоящимъ у кормила правленія, а между тѣмъ завзятымъ раскольникамъ. Здѣсь были хутора отставнаго войсковаго старшины Акутина, полковницы Донсковой, полковника Буренина и другихъ чиновниковъ изъ высшей уральской аристократіи, которые не только въ войскѣ среди казаковъ, но и среди мѣстнаго начальства пользовались полнѣйшимъ авторитетомъ, не допускавшимъ никакихъ сомнѣній, такъ что бороться съ ними было не всегда удобно и возможно. Но лица эти, придерживаясь старины, всѣми мѣрами старались защищать свои скиты и при малѣйшей для нихъ опасности давали имъ знать.

Передъ розыскомъ Иларія они также были предупреждены, а въ самый день выхода роты изъ Уральска, какъ пишетъ и самъ Викъ, по направленію на скитъ Сергія, ее обогнали два чиновника уральскіе: ассесоръ Пономаревъ и коммиссаръ Набугоровъ, которые, нѣтъ никакого сомнѣнія, ѣхали оповѣстить братію и сестеръ о «страшномъ нашествіи», хотя тщательно о томъ скрывали.

Такимъ образомъ, вмѣсто 20 иноковъ, проживавшихъ въ то время въ скитѣ, ихъ оказалось всего восемь и девятый настоятель. Ни у одного изъ нихъ не было паспорта, кромѣ послѣдняго, и для старовѣровъ въ нихъ не было особенной надобности, чтобы ихъ скрывать. Только объ одномъ 67-лѣтнемъ, убѣленномъ сѣдинами «схимникѣ Виталіи» оставшаяся братія убивалась очень сильно, ибо, по увѣренію всѣхъ, онъ былъ человѣкъ кроткій, богобоязненный, хотя впослѣдствіи и оказался бѣглымъ солдатомъ. Чтобы избавить его отъ наказанія на старости лѣтъ, иноки собрали между собой 160 руб. и чрезъ настоятеля Иринарха хотѣли подкупить Вика, дабы онъ освободилъ его. Однако попытка эта не удалась. Адъютантъ приказалъ солдатамъ арестовать ихъ и препроводилъ потомъ (8-го августа) къ генералу Жемчужникову въ форпостъ Рубежный, куда послѣдній переѣхалъ изъ Уральска наканунѣ этого дня, вслѣдствіе свирѣпствовавшей тамъ холеры.

По произведенному вслѣдъ затѣмъ слѣдствію въ числѣ старцевъ скита оказалось еще двое бѣглыхъ солдатъ: инокъ Киръ, или Кузьма Григорьевъ, и схимникъ Корнилій, въ мірѣ Кузьма Егоровъ Орловъ; трое было казаковъ: Порфирій (Петръ Ивановъ) изъ уроженцевъ Есаульской станицы Донскаго войка, Палладій (Петръ Пьяновъ) — уральскій казакъ и Филаретъ, или Ѳедоръ Козьминъ, илецкій казакъ. Двое притворялись глухими и нѣмыми и сначала ничего не хотѣли отвѣчать, но потомъ одинъ изъ нихъ сознался, что онъ раньше былъ казакомъ Чесноховской станицы Оренбургскаго войска, съ 1811 г. состоялъ на службѣ, въ 1828 г. былъ судимъ за побѣгъ и, по наказаніи шпицрутенами чрезъ

пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ, выключенъ изъ казачьяго сословія и сосланъ рядовымъ въ Кизильскій пѣшій батальонъ (впослѣдствіи 7-й линейный). Пробывъ одну зиму въ батальонѣ, онъ снова бѣжалъ, вновь былъ пойманъ и преданъ военному суду, по конфирмаціи коего опять наказанъ шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ два раза. При отсылкѣ же, по отбытіи наказанія, въ свой батальонъ по тракту на Орскъ изъ редута Харнаго въ 1829 г. опять бѣжалъ и прямо въ Сергіевскій скитъ, гдѣ настоятелемъ схимникомъ Іосифомъ принятъ былъ въ число братіи и поставленъ въ иноки съ именемъ Анатолія.

По доставленіи арестованныхъ иноковъ въ Оренбургъ, ихъ судили и, на основаніи правилъ, высочайше утвержденныхъ 26 марта 1822 г. и 30 октября 1830 г., приговорили на заточеніе въ православные монастыри. Тѣмъ попытка поимки Иларія кончилась, не принеся никакой пользы православію и ничуть не помѣшавъ дальнѣйшему развитію раскола въ Уральскомъ войскѣ. Тамъ по-прежнему, несмотря на данный урокъ, продолжали скрываться и отправлять богослуженія по старообрядческимъ обрядамъ бѣглые попы. Даже въ томъ же 1830 году, по отношенію Аркадія, епископа оренбургскаго и уфимскаго, отъ 24 іюля, розыскивались проживавшіе въ г. Уральскѣ попы Высогорскій и Макаровъ, имѣвшіе «ставленыя» грамоты отъ казанскаго архіепископа. Нѣсколько позднѣе (съ 1835—40 г.) на Уралѣ священнодѣйствовалъ Лазарь Аѳанасьевъ, священникъ села Рязановки, Ставропольскаго уѣзда, Симбирской губерніи, который, захвативъ съ собой грамоту на рукоположеніе въ іереи, 21 февраля 1835 года бѣжалъ отъ своего бѣднаго прихода къ богатымъ уральцамъ, но, къ несчастію, ему не долго тамъ пришлось наживаться. По требованію симбирскаго епископа Анатолія, онъ вскорѣ былъ схваченъ и 22 іюня того же года «за крѣпкимъ карауломъ» высланъ изъ предѣловъ Уральскаго войска «для отчетности въ церковномъ имуществѣ». Однако по дорогѣ ему какимъ-то образомъ удалось бѣжать. Онъ скрылся въ Самарской губерніи, гдѣ, разъѣзжая по селамъ и деревнямъ, «причащалъ взрослыхъ, крестилъ младенцевъ, отпѣвалъ умершихъ и публично совершалъ браки». Проѣздомъ въ январѣ 1840 года чрезъ село Камеликъ, онъ въ однѣ сутки окрестилъ тамъ всѣхъ дѣтей, не бывшихъ крещенными, и тутъ же въ простой избѣ крестьянина Трофима Козьмина повѣнчалъ слободы Порубежки экономическаго крестьянина Григорія Садчикова съ дѣвицей Авдотьей Ильиной [1]).

Потомъ у уральскихъ казаковъ «по́пили» Петръ, Василій (Чернобровинъ), Іосифъ (Самарскій), Ѳедоръ и много другихъ, о дѣятель-

---

[1]) Оренбур. центр. архивъ, дѣло 1835 г. Сличи Самарс. губер. арх. дѣло № 79.

ности которыхъ въ архивныхъ дѣлахъ есть только отрывочныя свѣдѣнія. Съ утвержденія же въ Буковинѣ австрійской лже-іерархіи, различныхъ «кривотолковъ» потекло сюда еще больше, но ученіе этихъ сектантовъ не привилось совсѣмъ почти на Уралѣ. Завзятые ревнители бѣгло-поповщины были далеки отъ взглядовъ и религіозныхъ воззрѣній фанатиковъ Буковинскаго посвященія. Они жили и вѣровали «по старинѣ», какъ ихъ отцы и дѣды, и не любили никакихъ нововведеній въ религіи, не согласныхъ съ уставными правилами. Это потомъ повело къ разногласіямъ уральскихъ начетчиковъ и уставщиковъ съ проповѣдниками австрійской ереси. Въ результатѣ получился полный антагонизмъ среди послѣдователей этихъ двухъ сектъ, который въ концѣ концовъ далъ толчекъ заблудшимся умамъ къ инымъ мыслямъ, къ исканію истиннаго священства, что́ и было отчасти причиной «зачатковъ единовѣрія на Уралѣ» [1]).

III.

Суевѣріе и невѣжество большей части уральскихъ старовѣровъ и ихъ слѣпое повиновеніе наставникамъ и своимъ руководителямъ—вотъ причина, почему уральскіе казаки остались при тѣхъ же формахъ обрядностей и исповѣданія «старой вѣры»—поповщины, какія они унаслѣдовали отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Они, не склоняясь даже на соблазнительныя предложенія бѣлокриницкихъ лже-іерарховъ, желавшихъ сначала обратить къ своему ученію главенствующіе въ войскѣ скиты Сергіевскій и Гниловскій, чтобы чрезъ посредство ихъ прочнѣе привить къ уральцамъ исповѣданіе этой ереси и упрочить свое вліяніе по всему Приуралью и низовому Поволжью, съ какимъ-то особеннымъ подобострастіемъ взирали на стойкость въ дѣлахъ вѣры упрямыхъ уральцевъ. Но такое стремленіе ихъ къ сохраненію прапрадѣдовскихъ завѣтовъ не вредило нашей религіи, а напротивъ для государства и особенно для православной церкви было гораздо лучше видѣть этихъ отщепенцевъ Христова стада въ томъ исповѣданіи, какое было болѣе сродно духу русскаго человѣка и не отвергало таинства и догматовъ православной вѣры, чѣмъ если бы они подпали подъ власть ложной австрійской митрополіи, всецѣло направленной къ поруганію св. церкви, попиранію ея правъ и къ нанесенію вреда политическому строю государства. Стойкость въ этомъ случаѣ уральцевъ послужила

---

[1]) См. подъ этимъ названіемъ мою статью въ «Русской Старинѣ» 1894 г. августъ, стр. 54—83.

еще къ тому, что многіе изъ раскольниковъ другихъ мѣстностей Низовья отказались принять бѣлокриницкое священство потому только, что этого не сдѣлали уральцы и ихъ скиты, давнымъ давно пріобрѣвшіе славу благочестія и «вразумительнаго слова проповѣдыванія» среди окружныхъ раскольниковъ, на многіе и многіе десятки и сотни верстъ.

Когда въ Буковинѣ старообрядческій іерархъ греческій митрополитъ Амвросій сталъ посвящать въ лже-епископы австрійскаго согласія разныхъ проходимцевъ, которые потомъ заполонили всю Россію, уральскіе старовѣры и особенно иноки Сергіевскаго скита сильно возстали противъ «такого соблазна» и открыто порицали и отвергали поповъ и лжеархіереевъ Амвросіевскаго посвященія, такъ какъ соборъ австрійскихъ раскольниковъ для принятія этого самозванца главой своей ереси былъ составленъ не по правиламъ св. отецъ [1]). И поэтому прибывшаго къ нимъ въ іюнѣ 1852 года одного изъ такихъ австрійскихъ лже-іерарховъ иноки Сергіевскаго скита не только не приняли, но и не позволили ему совершать священнодѣйствія въ другихъ мѣстахъ войска.

Лже-іерархъ этотъ былъ знаменитый и извѣстный Москвѣ и всему Поволжью «владыко Софроній», или по просту московскій мѣщанинъ Степанъ Трифоновъ Жировъ, о которомъ давно и много наслышались уральцы, и біографія котораго дѣйствительно не лишена интереса [2]).

Происходя изъ крестьянъ Калужской губерніи, онъ, будучи еще молодымъ, нѣкоторое время, содержалъ въ Москвѣ такъ называемое Калужское подворье; но, должно быть, дѣла его тутъ были не настолько блестящи, что онъ оставилъ это торговое занятіе и подъ именемъ Селиверста опредѣлился «пѣвцомъ» въ старообрядческую церковь, что на Рогожскомъ кладбищѣ. Узнавъ здѣсь всѣ тонкости раскольническихъ священнодѣйствій, мнимый Селиверстъ, въ концѣ 1849 года, покинулъ Москву и отправился въ Буковину, гдѣ отъ находившагося тамъ лжеархіерея Кирилла съ именемъ Софронія принялъ санъ «епископа» и уже архипастыремъ явился въ Москву къ своимъ прежнимъ покровителямъ, которые приняли его съ распростертыми объятіями. Скоро, благодаря своей наружности, онъ втерся въ богатые дома московскихъ раскольниковъ, въ короткое время разбогатѣлъ и записался купцомъ.

Красавецъ собой, средняго роста, вполнѣ русскаго (скорѣе московскаго) могучаго тѣлосложенія, съ густой свѣтлорусой окладистой бородой и голубыми глазами, владыко Софроній, будучи въ это время не

---

[1]) См. мою статью «Къ исторіи русск. раскола» гл. II и III въ «Русс. Стар.» 1894 г., январь, стр. 187—196.

[2]) Болѣе подробное описаніе этого раскольническаго дѣятеля впервые появляется въ печати.

старѣе 45 лѣтъ, обладалъ къ тому же громадной силой воли и энергіей и имѣлъ природный умъ и «начитанность свящ. писанія», почему и произвелъ пріятное впечатлѣніе на московскихъ старообрядцевъ и съумѣлъ поставить себя авторитетомъ въ раскольническомъ мірѣ.

Записавшись въ купцы, онъ, остриженный по-московски въ кружало, съ паспортомъ отъ московскаго купеческаго общества, въ сопровожденіи какого-то монаха, видимо изображавшаго при немъ роль келейника, часто отлучался изъ Москвы въ Ржевъ, Рыбинскъ, Нижній-Новгородъ, Симбирскъ и въ другіе поволжскіе города. Въ 1852 году онъ въ первый разъ посѣтилъ Самару, гдѣ на первыхъ же порахъ рукоположилъ въ попы бузулукскаго купца Василія Михѣева, назвавъ его Виталіемъ, потомъ проѣздомъ на Уралъ завернулъ въ Сергіевскій скитъ, гдѣ былъ однако принятъ довольно сухо; но, несмотря на это, все-таки тайно отъ братіи, успѣлъ уломать 65-ти лѣтняго старца настоятеля ихъ Израиля [1]) и съ именемъ Измаила посвятить его въ іеромонахи, потомъ объѣхалъ все Приуралье, снова заѣзжалъ въ Самару, но рѣдко гдѣ получалъ достойное поклоненіе своему сану отъ мѣстныхъ раскольниковъ и, не добившись такимъ образомъ той цѣли, которую лелѣялъ въ душѣ и для которой его отправили московскіе старовѣры, въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1853 года, побывавъ только нѣсколько дней въ Садовскомъ женскомъ скитѣ подъ именемъ Стефана, не заѣзжая въ Сергіевскій скитъ, направился къ саратовскимъ старообрядцамъ, но, почему-то, также не будучи принятъ тамъ [2]) «достодолжно», съ именемъ Виталія бросился на Донъ, гдѣ зиму 1853—1854 года пробылъ въ Ростовѣ, пользуясь покровительствомъ мѣстнаго купца Павла Щербинина и богатой мѣщанки Домны Солоповой. И послѣ этого случая ни одинъ изъ австрійскихъ лже-іерарховъ не отваживался больше посѣщать уральскихъ казаковъ.

Не успѣлъ еще Софроній выѣхать изъ уральскихъ предѣловъ, а уже въ скитахъ и среди раскольниковъ началось броженіе умовъ. Меньшинство тянуло за австрійскую ересь, большинство было противъ. Къ числу послѣднихъ можно было отнести и Сергіевскій скитъ, хотя и въ немъ открылось «взбаламученное море». Кто знаетъ, чѣмъ бы кончился произведенный Софроніемъ переполохъ, если бы все обстояло благополучно. Но, увы, его энергичныя дѣйствія на этотъ разъ показали обратное явленіе.

До тѣхъ поръ, пока старцы Сергія не знали о переименованіи ихъ игумена Израиля въ іеромонаха Измаила, броженіе все продолжалось, но когда Израиль при первомъ же богослуженіи сталъ вводить обряды

---

[1]) Израиль—въ мірѣ уральскій казакъ Яковъ Васильевъ Бредневъ.

[2]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пріемъ, оказанный Софронію уральцами, повліялъ на пріемъ его въ Саратовѣ.

австрійской ереси, а потомъ сознался въ своемъ санѣ, братія и окрестные раскольники вооружились противъ такого нарушенія прадѣдовскихъ обычаевъ, отрѣшили его отъ должности настоятеля и выбрали на его мѣсто казака Чернова.

Видя, что дѣло приняло непріятный оборотъ, и не желая лишиться доходнаго званія игумена, Израиль поспѣшилъ поскорѣе отречься отъ принятаго имъ отъ Софронія сана и далъ клятву не исполнять требъ по австрійскому обряду. Братія успокоилась, повѣрила его отреченію и снова поставила его своимъ настоятелемъ. Но недолго пришлось Израилю «игуменствовать». Вскорѣ послѣ того случившееся незначительное обстоятельство заставило иноковъ усумниться въ чистотѣ и искренности его клятвъ. Зимой того же года, изъ Самары, гдѣ въ то время проживалъ Софроній, отъ его наперсника, очевидно, того самаго вышепоказаннаго келейника, съ которымъ лже-іерархъ всегда путешествовалъ и съ которымъ пріѣзжалъ на Уралъ, старцами Сергіевскаго скита было получено письмо, которое, до нѣкоторой степени, какъ бы подтверждало, что Израиль совсѣмъ не желаетъ отрекаться отъ сана іеромонаха и находится въ близкихъ сношеніяхъ съ Софроніемъ. Келейникъ писалъ:

«Въ молитвѣ миръ и благословеніе вамъ отецъ Андриянъ, отецъ Іона и отецъ Антоній, а вы австрійскіе [1]) бунтовщики, полноте бунтовать, вы потеряите монастырь, аща потеряете монастырь то будетъ на васъ отеческая клятва, а ты новый игуменъ [2]) полно шумѣть съ Атцомъ Мельхеседекомъ. Отецъ Андріянъ Отецъ Іона и Атецъ Антоній я вамъ совѣтываю къ будущему великому посту здѣлать соборъ, послать въ Бударинъ просить Атца Абраамія, и настоятеля Игнатія [3]) и послать позвать Атца Измаила, отца Пахомія, Прокофія Семеныча, Ивана Семеныча, Федора Чертихина и Красноятовыхъ и съ прочихъ уметовъ казаковъ, аща я нуженъ булу прислать за мной лошадь чемъ соборъ этотъ кончитъ то и свято. Іерихъ (т. е. Иринархъ). Декабря 14 дня 1852 года».

Не трудно послѣ этого догадаться, чего хотѣлъ добиться этотъ приверженецъ Софронія. Ясно, какъ божій день, что бѣлокриницкіе проповѣдники стремились во что бы то ни стало заманить въ свои сѣти уральскихъ старовѣровъ и по этой причинѣ старались повліять на старцевъ Сергіевскаго скита. Но это имъ не удалось. Иноки Сергія не только не

---

[1]) Видимо, выраженіе это было сдѣлано для большаго укола, такъ какъ сами бѣлокриницкіе послѣдователи не называютъ себя «австрійскими».

[2]) Т. е. Черновъ, который съ старцемъ Мельхиседекомъ возставали противъ Измаила.

[3]) Настоятель Бударинскаго скита, что на Уралѣ близъ Бударинскаго форпоста.

собрали никакого собора и не посылали лошади за «Іерихомъ», они рѣшили это дѣло гораздо проще: въ началѣ января 1853 года, т. е. тотчасъ же по полученіи письма, они смѣнили Израиля изъ настоятелей и какъ преступника простымъ монахомъ сослали его на заточеніе въ Бударинскій мужскій скитъ, подъ начало строгаго игумена Игнатія. Тѣмъ попытка австрійскихъ лже-іерарховъ завладѣть уральскими раскольниками кончилась, приведя въ концѣ концовъ къ торжеству св. Православной церкви.

IV.

Сосланный старецъ Израиль однако былъ замѣчательною личностью на Уралѣ. Человѣкъ—начитанный, опытный, «ума здраваго, положительнаго и неглупаго», довольно развитой сравнительно съ другими старцами и разумѣвшій больше другихъ фанатиковъ-раскольниковъ. Благодаря отчасти его вліянію, впослѣдствіи уральцы поняли свои заблужденія и явились ярыми поборниками единовѣрія. Онъ, кажется, все испыталъ на своемъ вѣку, а старообрядческое служеніе «по правиламъ св. отецъ и древнимъ обычаямъ» онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ.

Свою скитальческую жизнь странника, какъ предписываютъ бѣглопоповщинскіе уставы, онъ началъ съ 23-хъ-лѣтняго возраста. Сначала, въ 1810 году, онъ поступилъ въ Сергіевскій скитъ послушникомъ, потомъ съ 1812—1818 г. жилъ въ Иргизскихъ монастыряхъ, укрѣпляясь и научаясь «Слову Божію», а въ 1827 году, по билету Уральской войсковой канцеляріи, ѣздилъ въ Сибирь, въ Староконевскій заводъ, гдѣ выучившись живописи, въ 1830 году возвратился на Уралъ и занялся иконописаніемъ. Но, должно быть, ремесло это было мало прибыльнымъ для него, что въ 1835 году онъ снова ушелъ на Иргизъ и пробылъ тамъ до 1846 года, когда переселился въ Сергіевскій скитъ, гдѣ принялъ званіе инока, а въ 1848 году избранъ настоятелемъ. Несчастное посвященіе его въ іеромонахи испортило «всю его славу».

За время семилѣтняго настоятельствованія своего Израиль (Бредневъ) управлялъ Сергіевскимъ скитомъ довольно разумно, умѣлъ во-время прекратить споры и пререканія между братіей и умѣлъ привлечь къ себѣ окружныхъ раскольниковъ. Съ уходомъ его изъ скита, начались безпорядки. Новый игуменъ Черновъ, слабый «духомъ и плотію», совсѣмъ не могъ управлять ввѣренной ему паствой, и между братіей съ одной стороны и ближайшими раскольниками съ другой—начались раздоры и несогласія, которые привели потомъ къ неожиданнымъ для православія ре-

зультатамъ. Иноки стали расходиться, монастырь началъ падать; не прошло и четырехъ лѣтъ послѣ этого событія, а въ немъ стало все валиться, рушиться, приходить въ упадокъ. Оставшіеся девять человѣкъ дряхлыхъ старцевъ не въ силахъ уже были возстановить прежнее величіе этого столпа и разсадника уральскаго раскола.

Не имѣя возможности гдѣ-либо добыть себѣ поповъ, а «безъ таинствъ и церкви нѣсть спасенія», они, сознавая, наконецъ, всю неправоту и всю суетность своихъ религіозныхъ воззрѣній—различныхъ обычаевъ и обрядовъ, обратились къ подлежащему начальству съ просьбой дать имъ «законное священство [1]) и церковь для совершенія таинствъ», причемъ, подписавшіеся къ прошенію одиннадцать старовѣровъ ставили въ непремѣнное условіе «оставить въ скитѣ всѣ тѣ обычаи, которые не могутъ вредить единству церкви», и отнести содержаніе скита и церковнаго причта, по примѣру Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни Черноморскаго войска, на войсковой счетъ, назвавъ скитъ Сергіевскій—«Пустынью Уральскою».

Но ходатайство это не было разрѣшено старцамъ; а только, какъ мы знаемъ, впослѣдствіи по просьбѣ же ихъ, часовня скитская была принята въ вѣдѣніе Уральскаго единовѣрческаго духовенства и приписана къ Успенской единовѣрческой церкви г. Уральска. Послѣ незначительныхъ поправокъ въ ней и приспособленія для церковнаго богослуженія, она, 18-го сентября 1858 года, въ присутствіи старцевъ скита и громадномъ стеченіи народа, была освящена о. Саввой Севрюгинымъ въ сослуженіи съ прочимъ единовѣрческимъ духовенствомъ. Окрестные раскольники не только не были противъ этого, но съ усердіемъ посѣщали потомъ эту церковь, разсказывая всѣмъ и каждому «о благолѣпіи единовѣрческаго служенія по стариннымъ книгамъ и древнимъ обычаямъ».

— Господь посѣтилъ насъ! Познали мы свѣтъ истинный! — говорили они.

Между тѣмъ сосланный въ Бударинъ Израиль, несмотря на заточеніе его старцами Сергіевскаго скита, былъ признанъ братіей за іеромонаха и съ именемъ Измаила избранъ былъ ими игуменомъ на мѣсто прежняго настоятеля Игнатія. Но на этотъ разъ, хотя старцы этого скита отчасти придерживались «австрійщины», онъ не повелъ ихъ по ложному пути, а съумѣлъ убѣдить принять «законное священство».

Обрядъ освященія тамъ церкви во имя Іоанна Крестителя, 11-го февраля 1859 года, сопровождался еще большею торжественностію, чѣмъ освященіе церкви въ Сергіевскомъ скитѣ. Народу съѣхалось болѣе 2-хъ

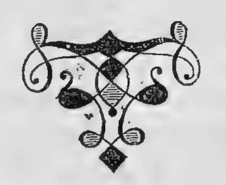
[1]) Описаніе присоединенія къ единовѣрію старцевъ Сергіевскаго скита и другихъ раскольниковъ Уральскаго войска см. въ моей ст. («Зачатки единовѣрія на Уралѣ») «Русс. Стар.» 1894, августъ, стр. 54—83.

тысячъ человѣкъ, и всѣ плакали отъ духовной радости. «Восторгъ былъ всеобщій, и благодарность за дарованную милость безконечная», какъ доносилъ объ этомъ генералу А. Д. Столыпину сотникъ Мартыновъ.

Такимъ образомъ, благодаря незначительному случаю въ судьбѣ Сергіевскаго скита—сначала пріѣздъ Софронія, его нетактичный поступокъ съ Израилемъ и потомъ смѣна послѣдняго очень сильно повліяли на старообрядцевъ, увидѣвшихъ, что расколъ ихъ, ихъ древняя поповщина рушится, являются новые волки, бѣлокриницкіе проповѣдники, чтобы восхитить ихъ.

Но лучше изъ всѣхъ золъ взять меньшее и подчиниться законной и признанной правительствомъ духовной власти—рѣшили они, и церковь православная, такимъ образомъ, имѣла возможность воротить въ лоно свое чуть не половину всѣхъ отпадшихъ сыновъ ея, а это былъ громадный шагъ впередъ. Съ началомъ же просвѣщенія уральскихъ казаковъ и открытія школъ по всѣмъ станицамъ не было уже никакой надобности посылать дѣтей учиться грамотѣ и уму-разуму въ скиты, которые, конечно, послѣ этого неминуемо должны были пасть и пали окончательно. Бывшее гнѣздо уральскаго раскола и разсадникъ старообрядческихъ ученій—Сергіевскій скитъ изъ поборника старины сдѣлался потомъ ярымъ борцомъ истиннаго ученія въ этомъ краѣ.

П. Юдинъ.

Билетъ извозчику въ 1794 году.

От Санктпетербургскаго Оберъ-полиціймейстера
Данъ сей билетъ извощику
для извозничества въ Петербургѣ на 1794 годъ на одной лошади
Петру Абрамову.

1) Съ симъ билетомъ ѣздить тебѣ самому въ саняхъ, одноколкахъ или роспускахъ или въ каретахъ съ заклеймеными хомутами и номеромъ, пришитымъ къ платью на спинѣ.

2) Никому какъ билетомъ, такъ и номеромъ не ссужаться подъ штрафомъ.

3) Имѣть свои упряжки, то-есть: кареты, сани, дрожки и одноколки все настоящею желтою одною краскою выкрашенныя; однимъ словомъ, отнюдь чтобъ кромѣ желтой никакой другой краски въ повозкахъ не было.

4) Зимою и осенью кафтаны и шубы имѣть, какія кто пожелаетъ; но шапки Русскія съ желтымъ суконнымъ вершкомъ, и опушкою черной овчины, а кушаки желтые шерстяные.

5) Лѣтомъ же маія съ 15 сентября по 15 число балахоны имѣть бѣлые холстинные, а шляпы черныя съ перевязкою желтою стамедною противъ данныхъ на съѣзжія образцовъ, и кушаки желтые жъ.

6) Больше двухъ лошадей рядомъ отнюдь не впрягать подъ указнымъ штрафомъ.

7) А ежели потребно за городъ ѣхать, въ такомъ случаѣ припрягать лишнихъ лошадей выѣхавъ за предмѣстіе, а ѣдучи въ городъ на тѣхъ же мѣстахъ лишнихъ отпрягать.

8) Въ городѣ и предмѣстіяхъ ѣздить на взнузданныхъ лошадяхъ малою рысью, а скоро отнюдь не ѣздить.

9) А когда случится подъѣхать къ перекрестку, тогда ѣхать тише и осматриваться во всѣ стороны, чтобъ кому поврежденія не учинить или съ кѣмъ не съѣхаться, по мостамъ чрезъ рѣки каретъ не объѣзжать, а ѣхать порядочно и не скоро.

10) Дворцовыхъ и протчихъ знатныхъ господъ и иностранныхъ министровъ экипажей и марширующей церемоніею воинской команды отнюдь не объѣзжать, и когда оные въ стрѣчу ѣдутъ, остановиться, пока пройдутъ, съ кѣмъ бы ты ни ѣхалъ.

11) Становиться на отведенныхъ отъ полицейскихъ Офицеровъ мѣстахъ, а въ иныхъ мѣстахъ кромѣ отведенныхъ, подъ штрафомъ не становиться.

12) Содержать тѣ мѣста въ чистотѣ.

13) Сверхъ того накрѣпко тебѣ подтверждается, естьли сдѣлается въ той части, гдѣ ты записанъ, пожаръ, то ни мало не мѣшкавъ, гдѣ бъ ты ни былъ, явиться тебѣ при пожарѣ у полицейскихъ Офицеровъ съ роспусками и одноколкою или какъ росписаніе отъ Офицеровъ [1]....

14) Если кого возить порядишься на годъ, или на нѣсколько недѣль, то оной подрядъ записать въ съѣзжей, чтобъ извѣстно было, съ кѣмъ ты ѣздить будешь и за какую цѣну, а безъ того суда тебѣ съ ѣздокомъ дано не будетъ, если денегъ платить не будетъ.

15) Номеръ беречь и всегда имѣть пришитой на спинѣ, еслижъ поиманъ будешь безъ номера, то взятъ будетъ штрафъ.

16) И чтобъ сани были подкованы, и на крышкѣ хомутной кольцо на бляхѣ, дабы слышно было идущимъ.

17) Ежели ты до окончанія года захочешь ѣхать въ домъ свой или извозничать перестанешь на нѣкоторое время, то билетъ и номеръ отдать на съѣзжей, а никому не посужаться: а какъ возвратишься въ семъ же году, то и билетъ получишь тотъ же безденежно.

18) Ежели тебѣ ѣхать съ ѣздоками случится дни на два и на три, или въ отдаленныя мѣста, то отнюдь безъ позволенія на съѣзжей отъ Офицера не ѣздить, и отнюдь никого безпашпортныхъ не вывозить изъ города подъ тяжкимъ штрафомъ.

19) Ежели жъ съ незнакомымъ сѣдокомъ поѣдешь за городъ, то онаго и обратно въ городъ привозить, дабы подъ таковымъ видомъ безпашпортный вывезенъ не былъ.

20) Изъ части въ часть извощикамъ не переходить, не сказавши частнымъ Офицерамъ.

21) На улицахъ становиться карета за каретою, а рядомъ больше двухъ каретъ отнюдь не становиться.

22) Для хожденія пѣшихъ подлѣ домовъ положены большіе камни, то на оныхъ камняхъ отнюдь не становиться, тожъ и подлѣ самыхъ стѣнъ, гдѣ пѣшіе ходятъ, не становиться жъ, дабы тѣмъ не мѣшать ходить пѣшимъ.

23) Съ ѣздоками поступать вѣжливо и отнюдь грубости не чинить.

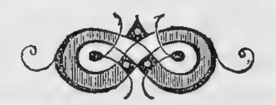

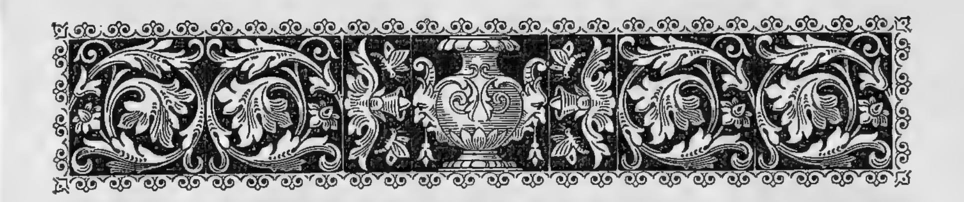
[1]) Здѣсь часть бумаги оторвана.

24) На улицахъ громко не кричать и не свистать.

25) Если сѣдоки, которые тебя наймутъ везти и будутъ кричать или какія дѣлать непристойности, то таковыхъ отъ шуму унимать, ежели жъ не будутъ слушать, то остановясь у первой будки объявить караульнымъ, чтобъ они были взяты; ежели жъ у будки не объявишь и съ таковыми будешь пойманъ, то равно будешь наказанъ.

Со онаго извощика указныя пошлины за одинъ хомутъ два рубля взяты и въ книгу по № 457 записаны. Февраля 10 дня 1794 года.

Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка.

X [1]).

Отозваніе Кейта изъ Петербурга.—Прибытіе графа Букингама.—Донесенія его въ Лондонъ.—Отзывъ его объ Екатеринѣ.—Затруднительное положеніе Екатерины.—Заговоръ Мировича.

Теперь намъ придется проститься съ Кейтомъ. Онъ писалъ на другой день послѣ переворота Георгу Гренвилю, государственному секретарю по иностраннымъ дѣламъ:

«Вы легко можете себѣ представить, какъ я былъ огорченъ этимъ неожиданнымъ переворотомъ, тѣмъ болѣе, что, не говоря о признательности, коей я обязанъ несчастному императору за всѣ его милости и за благоволеніе, какое онъ мнѣ оказывалъ, я полагаю, что этотъ переворотъ окажетъ большое вліяніе на общій ходъ дѣлъ... Вы уже могли замѣтить, что я не имѣю счастья пользоваться благоволеніемъ императрицы; я имѣю особыя причины ни мало въ этомъ не сомнѣваться. Это обязываетъ меня, какъ вѣрнаго слугу короля, заявить вамъ, что, по моему мнѣнію, дѣла его величества могутъ пострадать, проходя чрезъ мои руки».

Два дня спустя, Кейтъ писалъ вторично:

«Я убѣждаюсь все болѣе и болѣе въ томъ, что интересы его величества требуютъ, чтобы посланникомъ при здѣшнемъ дворѣ

---

[1]) См. „Русскую Старину" декабрь 1895 года.

былъ человѣкъ совершенно иной; поэтому я возобновляю свою просьбу отозвать меня отсюда».

Англійскій кабинетъ, вполнѣ понимая причины настойчивой просьбы Кейта, назначилъ ему, при первой возможности, преемника въ лицѣ Джона Гобарта, графа Букингамшайрскаго, котораго мы будемъ звать, по установившемуся обычаю, лордомъ Букингамомъ.

Вновь назначенный англійскій посланникъ, по пріѣздѣ въ Москву, куда въ то время переѣхалъ дворъ для коронаціи императрицы, былъ пораженъ выраженіемъ грусти, запечатлѣннымъ на лицѣ Екатерины. Лордъ Букингамъ писалъ 25-го ноября 1762 г.:

«Императрица сказала мнѣ вчера вечеромъ, бесѣдуя со мною, что она становится, съ нѣкоторыхъ поръ, разсѣянною въ обществѣ, и что она сама не знаетъ, почему это входитъ у нея въ привычку».

Лордъ Букингамъ приписывалъ это настроеніе тревогѣ и заботамъ, которыя могло возбуждать въ императрицѣ все еще продолжавшееся волненіе въ войскахъ, въ особенности въ гвардіи. Онъ писалъ нѣсколько дней спустя, 8-го ноября:

«Сегодня по утру лишены чиновъ и приговорены къ пожизненной ссылкѣ въ одной изъ отдаленнѣйшихъ провинцій имперіи шесть гвардейскихъ офицеровъ, виновныхъ въ томъ, что они довольно свободно выражали свои мысли».

Мнѣніе, которое составилъ себѣ объ Екатеринѣ на первыхъ порахъ лордъ Букингамъ, было во всѣхъ отношеніяхъ благопріятно этой необыкновенной женщинѣ, на которую были обращены въ то время взоры всей Европы. По всему видно было, что онъ былъ ею очарованъ. Онъ писалъ 25-го ноября:

«Судя по моимъ наблюденіямъ, императрица далеко превосходитъ всѣхъ остальныхъ лицъ этой страны своими способностями, образованіемъ и любовью къ труду. Стѣсненная обязательствами, какія она приняла на себя въ послѣднее время, сознавая всю затруднительность своего положенія и боясь опасностей, которыми она была до сихъ поръ, видимо, окружена, она не рѣшается еще дѣйствовать открыто по своей собственной инціативѣ и удалить тѣхъ приближенныхъ, которые, по своимъ душевнымъ свойствамъ и способностямъ, не заслуживаютъ съ ея стороны ничего, кромѣ презрѣнія. Она старается всѣми силами снискать любовь и довѣріе

своихъ подданныхъ. Ежели это ей удастся, то она будетъ пользоваться доставшейся ей властью ко благу и славѣ своей имперіи».

Приблизительно въ то же время, 9-го января 1763 г., де-Бретейль писалъ:

«За исключеніемъ Панина, который обладаетъ скорѣе привычкою къ извѣстному труду, нежели умомъ и знаніемъ, у государыни нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы содѣйствовать ея правительственнымъ видамъ, клонящимся къ возвеличенію страны. Однако, ей приходится выслушивать мнѣнія и даже принимать совѣты тѣхъ старинныхъ русскихъ дворянъ, которые, чувствуя преимущество своего положенія, постоянно надоѣдаютъ ей, добиваясь подтвержденія своихъ правъ и привилегій, то въ видахъ государственной пользы, то въ виду своихъ личныхъ интересовъ. Любопытно наблюдать, какъ, въ дни пріемовъ при дворѣ, императрица дѣлаетъ все возможное, чтобы понравиться своимъ подданнымъ, какъ свободно держится большинство изъ нихъ и съ какою настойчивостью они обращаются къ ней, говоря о своихъ дѣлахъ и излагая ей свои проекты. Что касается меня, то зная характеръ этой государыни и видя, что она принимаетъ все это съ удивительной кротостью и любезностью, я могу себѣ представить, чего это стоитъ ей и до какой степени она должна считать подобный образъ дѣйствій для себя обязательнымъ, чтобы ему подчиняться. На одномъ изъ послѣднихъ пріемовъ, утомясь болѣе обыкновеннаго бесѣдою съ нѣкоторыми личностями, въ особенности съ Бестужевымъ, который былъ пьянѣе вина и съ коимъ она имѣла продолжительный и жаркій разговоръ, хотя она всячески старалась его избѣжать, императрица, прекративъ этотъ разговоръ, подошла ко мнѣ и спросила, видѣлъ ли я когда-нибудь травлю зайца? На мой утвердительный отвѣтъ, она замѣтила: «вы должны признать, что нѣчто подобное происходитъ со мною, такъ какъ меня всюду преслѣдуютъ и загоняютъ, несмотря на все мое стараніе избѣжать разговоровъ, которые не всегда имѣютъ въ основѣ здравый смыслъ и честность убѣжденій. Однако, я стараюсь всѣмъ отвѣчать какъ можно удовлетворительнѣе, а когда я этого не могу сдѣлать, то стараюсь объяснить причину».

Екатерина цѣнила де-Бретейля за его умъ; она охотно бесѣ-

довала съ нимъ, поэтому о ней можно лучше всего судить по депешамъ этого посланника: читатели, вѣроятно, не посѣтуютъ на насъ, ежели мы будемъ часто ссылаться на его слова. 23-го февраля 1763 г. онъ писалъ, сообщая о продолжительной бесѣдѣ своей съ Екатериной:

«Императрица говорила со мною откровенно о своемъ личномъ положеніи и съ хвастовствомъ высказала высокое мнѣніе, какое она составила себѣ о своемъ величіи и могуществѣ. Она повторила разъ тридцать: «такая большая, такая могущественная имперія, какъ моя». Она высказала нѣсколько плановъ, клонящихся къ упорядоченію внутренняго управленія страною, много говорила о своихъ прежнихъ честолюбивыхъ видахъ и о томъ, какъ удачно они осуществились въ настоящее время. По ея словамъ, вступивъ въ Россію, она всегда лелѣяла мысль царствовать въ ней одна. Она прибавила ко всему этому благословеніе свыше и любовь своихъ подданныхъ. Она высказала, что до вступленія на престолъ она не вѣрила въ фанатизмъ, теперь же съ гордостью сто разъ имѣла случай испытать на дѣлѣ его пріятныя и выгодныя для себя послѣдствія. Однако, послѣ столь прекраснаго описанія, императрица сознались, что она не вполнѣ счастлива и что ей приходится управлять людьми, которыхъ нѣтъ возможности удовлетворить, что хотя она всячески заботится о благѣ своихъ подданныхъ, но вѣроятно пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, пока они къ ней привыкнутъ. Словомъ, кичась своею удачею и прелестью своего положенія, государыня дала мнѣ понять, что ея жизнь полна тревоги и что у нея нѣтъ спокойствія духа... У нея кругомъ идетъ голова отъ сознанія, что она императрица; тѣмъ не менѣе она смущена и взволнована. Вы повѣрили бы этому, ежели бы могли видѣть, сколько непріятностей дѣлаютъ ей лица, мало-мальски удостоенныя ея довѣріемъ, и какъ они настроены. Всевозможныя интриги и происки составляютъ для нея постоянный предметъ тревоги, которую усугубляетъ свойственный русскимъ національный характеръ. Ни при какомъ дворѣ не было когда-либо столько партій; ихъ число умножается ежедневно, а императрица обнаруживаетъ въ семъ случаѣ слабость и нерѣшительность—черты, совершенно несвойственныя ея характеру».

Мѣсяцъ спустя, 19-го марта, де-Бретейль писалъ еще:

«Боязнь утратить все то, что ей удалось захватить съ такою смѣлостью, до такой степени проглядываетъ во всѣхъ поступкахъ императрицы, что всякій мало-мальски вліятельный человѣкъ чувствуетъ передъ нею свою силу. Удивительно, до какой степени слаба и нерѣшительна бываетъ эта государыня, слывшая всегда смѣлой и отважной, когда дѣло идетъ о рѣшеніи самаго пустяшнаго вопроса внутренняго управленія, вызывающаго разногласіе среди ея приближенныхъ. Ея высокомѣрный и надменный тонъ чувствуется теперь только въ дѣлахъ внѣшней политики, такъ какъ опасность представляется тутъ не столь личною, къ тому же она надѣется понравиться этимъ своимъ подданнымъ».

Екатерина была въ правѣ тревожиться. Ей было лучше всѣхъ извѣстно, какъ шатко ея положеніе, несмотря на то, что она старалась, какъ писалъ лордъ Букингамъ 3-го февраля 1766 г., «держать себя такъ, какъ-будто она была увѣрена въ совершенной своей безопасности. Она ѣздила ночью, по улицамъ Петербурга, въ открытыхъ саняхъ, съ очень маленькою свитою и даже, отправляясь въ Сенатъ, имѣла только двухъ лакеевъ на запяткахъ». Между тѣмъ ей было извѣстно, что подъ личиною покорности и раболѣпства, которыя вездѣ бросались ей въ глаза, таился заговоръ, который полиція не могла прослѣдить, несмотря на самые дѣятельные розыски. Де-Бретейль писалъ 19-го марта:

«Кое-коего изъ недовольныхъ спѣшатъ отправить въ Сибирь, но всѣхъ туда не сошлешь».

Въ то же время лордъ Букингамъ писалъ въ своей депешѣ отъ 21-го февраля:

«Въ дѣлахъ внутренняго управленія царствуетъ величайшая неурядица. Теперь не замѣтно всеобщей веселости и довольства, которыя воодушевляли всѣхъ и каждаго два мѣсяца тому назадъ; многіе рѣшаются выражать свое неудовольствіе по поводу того, что дѣлается при дворѣ».

Причиною или, лучше сказать, главнымъ поводомъ тайнаго волненія умовъ, которое можно было подмѣтить при дворѣ и въ войскѣ, было явное благоволеніе, коимъ императрица удостоивала Григорія Орлова. Она пожаловала, тотчасъ послѣ переворота, ему и его братьямъ, Алексѣю и Владиміру Орловымъ, графскій титулъ и

назначила его камергеромъ; не проходило мѣсяца, чтобы онъ не былъ осыпанъ ею новыми милостями: денежными подарками, чинами и должностями. Лордъ Букингамъ писалъ:

«Расположеніе императрицы къ гр. Орлову усиливается съ каждымъ днемъ; ежедневно увеличивается и число жалуемыхъ ему отличій, чтò оскорбляетъ многихъ. Все бы еще ничего, ежели бы государыня ограничивалась подарками, подобно тому, какъ она пожаловала ему на дняхъ часы, осыпанные брильянтами, стоимостью приблизительно въ 500 ф. ст., хотя въ этой странѣ мало денегъ, а ихъ тратятъ слишкомъ много».

Родовитое дворянство и сановники возмущались болѣе всего тѣмъ, что исключительнымъ довѣріемъ императрицы пользовался самый недостойный, по ихъ мнѣнію, выскочка. Екатерина отлично понимала, чего именно недоставало ея фавориту, поэтому, въ особенности первое время, она любила преувеличивать заслуги, оказанныя ей Орловымъ и его братьями, коихъ она отличала наравнѣ съ нимъ. Мы видѣли, въ какихъ выраженіяхъ отзывалась о нихъ императрица, въ разсказѣ о переворотѣ, написанномъ ею или отъ ея имени. Эти похвалы умышленно ею преувеличивались; разумѣется, она знала не хуже другихъ, какъ онѣ были далеки отъ истины. Въ помянутомъ документѣ, который, по ея соображеніямъ, долженъ былъ пріобрѣсти самую широкую гласность, она обращалась, такъ сказать, ко всей Европѣ, желая заручиться ея одобреніемъ и предупредить возможность порицанія. Иначе говорила она въ Петербургѣ, гдѣ до извѣстной степени стѣснялась хвалить своего фаворита. Де-Бретейль писалъ въ депешѣ отъ 23-го февраля 1763 г.:

«Императрица говорила со мною также о своихъ приближенныхъ; намекая на Орловыхъ и желая, какъ мнѣ кажется, оправдаться, она сказала: «моя жизнь не особенно пріятна, я знаю, что окружающіе меня люди не достаточно образованы, но я имъ обязана своимъ настоящимъ положеніемъ: это люди честные и смѣлые, и я вполнѣ увѣрена, что они мнѣ не измѣнятъ».

Всѣ были возмущены не столько особымъ благоволеніемъ, которое императрица оказывала Орлову, чтò возбуждало лишь завист придворныхъ, но болѣе или менѣе замѣтными его претензіями.

Орловъ не довольствовался благоволеніемъ къ нему государыни, не довольствовался богатствомъ и почестями, коими она его осыпала, и огромнымъ вліяніемъ, какимъ онъ пользовался при дворѣ: онъ жаждалъ большаго и стремился ни болѣе, ни менѣе, какъ раздѣлить съ нею престолъ. Достойно удивленія, что гордая, высокомѣрная Екатерина была не прочь удовлетворить честолюбіе своего фаворита; трудно было бы повѣрить этому, еслибы это обстоятельство не подтверждалось достовѣрными показаніями современниковъ. При дворѣ образовалась даже небольшая партія, открыто склонявшая государыню къ этому шагу. Болѣе всѣхъ поощрялъ къ этому, по истинѣ безразсудному, поступку ее Бестужевъ. Онъ былъ торжественно возвращенъ изъ ссылки, но получилъ, въ награду за прежнія услуги, только мѣсто въ Совѣтѣ и большую пенсію. Екатерина знала его слишкомъ хорошо, чтобы предоставить ему дѣятельное участіе въ управленіи. Бестужевъ не могъ утѣшиться, что ему не возвратили званіе канцлера, которое носилъ по-прежнему его преемникъ Воронцовъ, и всячески старался поддѣлаться къ фавориту, надѣясь достигнуть при его поддержкѣ своего прежняго положенія. Если вѣрить тому, что писалъ де-Бретейль 18-го мая 1763 г., то Бестужевъ, съ согласія императрицы, уговорилъ нѣсколькихъ епископовъ подать ей прошеніе, въ коемъ они умоляли ее избрать себѣ въ мужья того изъ подданныхъ, кого она сочтетъ наиболѣе достойнымъ этой чести. Екатерина пожелала знать мнѣніе Совѣта, что ей отвѣчать на подобную просьбу. Канцлеръ, Панинъ, Разумовскій и нѣкоторыя другія лица энергично возстали противъ самой мысли о вступленіи императрицы въ бракъ и въ яркихъ краскахъ изобразили ей опасность, которой она подвергла бы себя, снизойдя до союза съ Орловымъ. Между тѣмъ въ Москвѣ, гдѣ находился въ то время дворъ, пронесся слухъ, будто Екатерина намѣревается вступить въ бракъ со своимъ фаворитомъ; тотчасъ вспыхнуло возмущеніе, въ которомъ приняли участіе многіе солдаты гвардейскихъ полковъ. У однихъ было на языкѣ имя Іоанна Антоновича, другіе громко требовали, чтобы имъ показали великаго князя, коего жизни, по ихъ словамъ, угрожала опасность; всѣ проклинали Орлова. Впрочемъ, это возмущеніе оказалось простымъ бунтомъ, затѣяннымъ безъ опредѣленнаго плана и руководителя, поэтому онъ легко былъ по-

*

давленъ. Самыми тщательными розысками не могло быть обнаружено существованіе заговора. Англійскій посланникъ писалъ 25-го августа 1763 г.:

«Лица, замѣшанныя въ послѣднихъ смутахъ, отрицаютъ, что они злоумышляли что-либо противъ особы Ея Величества. Они утверждаютъ, будто единственной ихъ цѣлью было лишить гр. Орлова того особаго благоволенія, коимъ онъ пользовался. При здѣшнемъ дворѣ, гдѣ почти всѣ сановники люди случая, его считаютъ до такой степени случайнымъ человѣкомъ, что всѣ, не исключая его собственной семьи, относятся къ нему враждебно. Болѣе всего озлоблены противъ него тѣ лица, которыя участвовали вмѣстѣ съ нимъ въ послѣднемъ переворотѣ и считаютъ за собою болѣе правъ на признательность».

Успокоившись, Екатерина начала дѣйствовать со своей обычной ловкостью. Многіе солдаты, для возстановленія весьма ослабѣвшей дисциплины, подверглись строгому наказанію, но истинные виновные избѣгли кары. Можетъ быть, императрица опасалась, что ей придется наказать слишкомъ многихъ, притомъ людей наиболѣе высокопоставленныхъ и даже пожалуй наиболѣе къ ней приближенныхъ. Однако, ей нужна была жертва, и весь ея гнѣвъ обрушился на княгиню Дашкову.

Мы видѣли, какъ велико было участіе этой молодой женщины въ совершившемся переворотѣ, по крайней мѣрѣ, ей приписывали въ немъ главную роль. Между тѣмъ она не только менѣе всѣхъ воспользовалась этимъ событіемъ, но утратила даже вскорѣ послѣ того довѣріе и расположеніе государыни, которая, по неизвѣстной причинѣ, стала относиться къ ней съ той поры съ безпощадной ненавистью. Въ разсказѣ Екатерины о переворотѣ отрицается малѣйшее участіе княгини въ событіяхъ, доставившихъ ей престолъ; казалось, что ей хотѣлось убѣдить въ этомъ весь міръ. Де-Бретейль писалъ 13-го сентября 1762 г., нѣсколько дней спустя по возвращеніи своемъ въ Петербургъ:

«Царица велѣла спросить меня, знакомъ ли я съ Вольтеромъ; она желаетъ, чтобы я выяснилъ ему роль, которую играла въ переворотѣ княгиня Дашкова».

Уязвленная до глубины души и озлобленная подобной неспра-

ведливостью, княгиня Дашкова безропотно покорилась своей участи: помирившись съ мужемъ, она уѣхала къ нему въ Москву, гдѣ находилась во время вспыхнувшаго тамъ мятежа. Екатерина заподозрила ее въ участіи въ этомъ возмущеніи; была ли императрица права въ этомъ случаѣ, трудно сказать, но дѣло въ томъ, что, не имѣя положительныхъ доказательствъ виновности княгини, она пожелала быть милосердой къ своему бывшему другу и съ обиднымъ состраданіемъ предложила все простить ей, ежели она откроетъ ей «все то, что говорилось, ежели она что-либо слышала»; такъ писала государыня княгинѣ собственноручно. Беранже, оставшійся повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи за отъѣздомъ де-Бретейля въ Швецію, приводитъ въ депешѣ отъ 15-го іюля 1763 г. отвѣтъ княгини Дашковой; онъ заключался въ слѣдующихъ, немногихъ словахъ:

«Ваше Величество, я ничего не слыхала, но хотя бы и слышала что-нибудь, то, конечно, остереглась бы передать это вамъ. Что вы хотите отъ меня? чтобы я сложила голову на плахѣ? я готова умереть на эшафотѣ».

Екатерина ограничилась высылкою княгини изъ Москвы, гдѣ домъ ея служилъ сборищемъ недовольныхъ, коихъ было немало въ этой древней столицѣ, бывшей всегда центромъ оппозиціи. Лордъ Букингамъ писалъ 28-го іюня:

«Княгиню Дашкову выслали съ ея мужемъ въ Ригу. Высокомѣрное поведеніе этой дамы было одною изъ главныхъ причинъ, лишившихъ ее благоволенія императрицы. Она была слишкомъ горда для того, чтобы смягчить чѣмъ-либо гнѣвъ государыни или переносить спокойно свою опалу; со времени переворота ее подозрѣвали постоянно въ томъ, что она поощряетъ къ дѣйствію тѣхъ, кто относится враждебно къ существующему правительству, и разжигаетъ страсти».

Чтобы покончить съ этимъ обстоятельствомъ, скажемъ, что Екатерина, по настоянію гр. Панина, разрѣшила княгинѣ Дашковой вскорѣ возвратиться въ Петербургъ. Преемникъ лорда Букингама, сэръ Дж. Макартней, писалъ 12-го марта 1765 г.:

«Княгиня Дашкова, жившая здѣсь совершенной затворницею и по кончинѣ своего супруга, рѣшила, наконецъ, оставить столицу и переѣхать на жительство въ Москву. Ей уже давно запрещено

являться ко двору, но передъ отъѣздомъ княгини, быть можетъ навсегда, Ея Величество согласилась принять ее по просьбѣ Панина, котораго считаютъ ея отцомъ и который всегда относится къ ней съ чисто отеческою нѣжностью. Она была принята, какъ и слѣдовало ожидать, очень холодно и высокомѣрно. Видимо, всѣ рады ея отъѣзду. Хотя княгинѣ Дашковой не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, но она была уже замѣшана въ полдюжинѣ заговоровъ. Изъ нихъ первый увѣнчался успѣхомъ; не получивъ награды, какой заслуживали, по ея мнѣнію, оказанныя ею услуги, она пустилась въ другія предпріятія, которыя не удались, за что она и поплатилась, лишившись благоволенія государыни. Эта женщина выдающагося ума, непоколебимаго мужества и дотого смѣлая, что она способна, ради удовлетворенія минутной страсти, на самое рискованное предпріятіе: характеръ весьма опасный въ такой странѣ, какъ Россія, въ особенности, когда онъ является въ соединеніи съ очаровательными манерами и красотою, ибо, несмотря на свойственную русскимъ грубость нрава, женщины, видимо, пользуются въ этой странѣ такою же властью, какъ у самыхъ цивилизованныхъ націй».

Княгиня Дашкова не долго пробыла въ Москвѣ; она возвратилась въ Петербургъ въ 1767 г., имѣла аудіенцію у Екатерины, которая оказала ей на этотъ разъ весьма милостивый пріемъ. Въ 1770 г. княгиня отправилась въ Парижъ и познакомилась тамъ съ Дидеро, который начерталъ самый очаровательный ея портретъ. Изъ Парижа она поѣхала въ Лондонъ, гдѣ, по словамъ Горація Вальполя, всѣмъ очень понравилась и возбудила всеобщій восторгъ.

Какія бы заботы ни волновали Екатерину, она была не прочь отдохнуть отъ нихъ. Лордъ Букингамъ писалъ 25-го августа 1763 г.:

«Жизнь императрицы представляетъ постоянную смѣну самыхъ пустыхъ удовольствій, съ самыми усиленными занятіями дѣлами государственными, не принесшими до сей поры никакихъ осязательныхъ плодовъ, вслѣдствіе того, что ей коварно созидаютъ на этомъ пути всевозможныя препятствія, и планы ея слишкомъ разнообразны. Ея проекты многочисленны и обширны, но совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ средствамъ, коими она располагаетъ».

Такимъ образомъ, жизнь Екатерины, среди занятій и развлеченій, текла не безъ пріятности, но одно непредвидѣнное обстоятель-

ство напомнило ей всю затруднительность ея положенія, въ тотъ моментъ, когда она менѣе всего о томъ думала и, повергнувъ ее въ страшное смятеніе, заставило позабыть честолюбивыя мечты о будущей славѣ, коимъ она предавалась съ такою любовью. Слѣдующая выдержка изъ депеши Беранже, писанной, къ сожалѣнію, гораздо позже того времени, о которомъ идетъ рѣчь, рисуетъ въ нѣсколькихъ словахъ довольно вѣрно тогдашнее состояніе духа Екатерины. Онъ писалъ 9-го апрѣля 1765 г.:

«Малѣйшій зловѣщій признакъ повергаетъ императрицу въ ужасную тревогу. Но она создаетъ себѣ зачастую ни на чемъ не основанныя и совершенно неправдоподобныя опасенія. Успокоить ее и разсѣять призраки, созданные ея воображеніемъ, удается лишь послѣ продолжительныхъ и тщательныхъ розысковъ».

Екатерина имѣла основаніе постоянно опасаться. Подъ ея ногами, казалось, ежеминутно готова была развернуться пропасть. Лѣтомъ 1764 г., когда она объѣзжала свои прибалтійскія провинціи въ сопровожденіи Орлова и нѣкоторыхъ приближенныхъ лицъ обоего пола, ея престолу угрожала опасность вслѣдствіе одного событія, противъ котораго она считала принятыми всевозможныя мѣры предосторожности.

Іоаннъ Антоновичъ, въ моментъ переворота, находился, какъ извѣстно, въ Петербургѣ. Екатерина пожелала его видѣть, а затѣмъ повелѣла отвезти его въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ его держали въ строгомъ заточеніи и подъ постояннымъ присмотромъ, хотя въ общемъ къ нему относились почтительно и окружали его заботами, коихъ заслуживала его судьба. Лордъ Букингамъ писалъ 25-го августа 1763 г.:

«Относительно Іоанна Антоновича мнѣнія расходятся: одни говорятъ, будто онъ впалъ въ совершенный идіотизмъ, другіе утверждаютъ, что ему недостаетъ только образованія и что онъ скрываетъ свои способности».

Имя Іоанна Антоновича произносилось многими во время тѣхъ незначительныхъ смутъ, которыя вспыхивали въ народѣ и въ войскѣ, но, казалось, никто не придавалъ ему серьезнаго значенія, а тѣмъ болѣе никто не думалъ сдѣлать его имя знаменемъ возстанія. Но

въ этомъ отношеніи многіе ошибались; вотъ что писалъ лордъ Букингамъ 20-го іюля 1764 г.:

«Поручикъ Мировичъ, занимавшій караулъ въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ содержался царевичъ Іоаннъ, подкупивъ солдатъ, бывшихъ подъ его командою, отправился къ коменданту крѣпости и настаивалъ на томъ, чтобы принца немедленно освободили; когда же комендантъ отвѣчалъ отказомъ, то онъ приказалъ связать его, а затѣмъ принудилъ смотрителя пороховаго магазина выдать солдатамъ заряды. Шумъ, произведенный этимъ, встревожилъ капитана, бывшаго въ спальнѣ принца, и поручика, находившагося у него въ передней. Между тѣмъ Мировичъ, обратившись еще разъ съ увѣщаніемъ къ своей командѣ, направился къ покоямъ, занимаемымъ Іоанномъ Антоновичемъ, и потребовалъ, съ страшными угрозами въ случаѣ отказа, чтобы къ нимъ вывели императора, какъ онъ его называлъ. Капитанъ и поручикъ, оказавъ нѣкоторое сопротивленіе и убѣдившись въ томъ, что имъ придется уступить силѣ, заявили Мировичу, что, если онъ будетъ настаивать, то подвергнетъ жизнь принца опасности. Мировичъ, не обращая вниманія на предостереженіе, выломалъ двери, что́ поставило ихъ въ печальную необходимость исполнить данное имъ приказаніе... Тогда офицеры передали его трупъ Мировичу и его солдатамъ, сказавъ, что теперь они могутъ дѣлать съ нимъ, что знаютъ. Мировичъ отнесъ тѣло Іоанна Антоновича на гауптвахту, покрылъ его знаменемъ, затѣмъ вмѣстѣ съ солдатами преклонилъ предъ нимъ колѣна и поцѣловалъ ему руку. Наконецъ, снявъ съ себя офицерскіе знаки, шарфъ и саблю, положилъ ихъ возлѣ тѣла усопшаго и, обращаясь къ подоспѣвшему въ то время полковнику Семеновскаго полка Корсакову, сказалъ, указывая на тѣло:. «Поступайте со мною, какъ хотите. Злая судьба разрушила всѣ мои планы. Я не жалуюсь на свою судьбу, но горюю объ участи моихъ бѣдныхъ согражданъ и невинной жертвы моего предпріятія». Послѣ этого онъ перецѣловалъ унтеръ-офицеровъ и вмѣстѣ съ солдатами былъ арестованъ.

Мировичъ былъ офицеръ; его дѣдъ потерялъ все свое состояніе, сражаясь подъ начальствомъ Мазепы. Человѣкъ характера неспокойнаго, преслѣдуемый бѣдностью, Мировичъ не могъ помириться съ мыслію, что его семейство утратило прежнее значеніе, и думалъ

возстановить его, совершивъ то, что рисовалось въ его воображеніи, и, можетъ быть, дѣйствительно, было дѣломъ весьма легкимъ. Слѣдствіе по этому дѣлу производилось со всевозможною строгостію, ибо нельзя было себѣ представить, чтобы человѣкъ отважился на подобное предпріятіе одинъ, не имѣя сообщниковъ. Всѣ розыски были напрасны; сообщниковъ у него не оказалось, и княгиню Дашкову, несмотря на все стараніе судей, не удалось обвинить въ государственной измѣнѣ. Лордъ Букингамъ писалъ 18-го сентября:

«Процессъ Мировича близится къ концу. Онъ держитъ себя съ большимъ благородствомъ и твердостью. Нѣкоторые изъ его судей приписываютъ эту твердость жестокосердію, въ чемъ его и упрекнули на одномъ изъ тайныхъ засѣданій. Онъ отвѣчалъ, что считаетъ себя болѣе не отъ міра сего; ему извѣстно, что его ждетъ позорная смерть, и онъ готовъ встрѣтить ее мужественно и тѣмъ искупить содѣянное имъ преступленіе. Онъ постоянно горюетъ объ участи солдатъ и унтеръ-офицеровъ, которые были возвлечены въ минутное заблужденіе его безразсудствомъ».

21-го сентября Букингамъ писалъ: «Вчера Мировичъ приговоренъ къ колесованію. Императрица смягчила это наказаніе обезглавленіемъ». А 28-го сентября: «Мировичъ держалъ себя послѣднія минуты такъ же, какъ и во все время разбирательства его дѣла, т. е. съ величайшею покорностью судьбѣ».

Это происшествіе чрезвычайно опечалило Екатерину. Обычное, невозмутимое ея спокойствіе было надолго этимъ потрясено. Лордъ Букингамъ писалъ въ депешѣ отъ 11-го сентября:

«Лица, которыя часто видятъ императрицу, замѣчаютъ, что она очень упала духомъ, и полагаютъ, что она смотритъ въ настоящее время на несчастное событіе, случившееся въ Шлиссельбургѣ, гораздо серьезнѣе, нежели въ первый моментъ по полученіи о томъ извѣстія. Ее можно упрекнуть лишь въ томъ, что она не дозволила принцу Брауншвейгскому выѣхать съ семьею изъ Россіи, какъ то было предположено при ея восшествіи на престолъ. Самые благородные совѣтники императрицы одобряли эту мѣру и настаивали на ней, но она была отвергнута большинствомъ.

«Говорятъ, будто нѣкоторые представители высшаго духовенства просили императрицу установить порядокъ престолонаслѣдія,

во избѣжаніе опасныхъ недоразумѣній, какія неизбѣжно должны произойти въ случаѣ кончины великаго князя, и будто она отвѣчала имъ весьма рѣзко, воспретивъ касаться этого вопроса».

Лордъ Букингамъ писалъ 18-го сентября: «Мнѣ передавали что Брауншвейгской семьѣ будетъ разрѣшено, въ настоящее время, выѣхать изъ Россіи и что имъ будетъ назначена пенсія».

Екатерина, по обыкновенію, выслушивала все, что ей говорили, можетъ быть, даже обѣщала что-либо въ этомъ родѣ, но на самомъ дѣлѣ принцъ Брауншвейгскій съ дѣтьми пребывалъ въ заточеніи на берегахъ Сѣверной Двины, гдѣ они вскорѣ были забыты и Екатериной, и тѣми лицами, кои наиболѣе сокрушались объ ихъ участи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Назначеніе псковскаго станціоннаго смотрителя.

(Посланіе въ стихахъ графа Сологуба къ графу И. М. Толстому и отвѣтъ на него).

Проѣзжая въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ на почтовыхъ черезъ Псковъ и разговорившись съ тамошнимъ станціоннымъ смотрителемъ [1]), графъ Сологубъ [2]) узналъ, что хотя онъ почтальонъ и исправляетъ должность смотрителя, но имѣетъ право быть утвержденнымъ въ этой должности, такъ какъ во время Крымской кампаніи онъ былъ смотрителемъ полевой почтовой станціи. Графъ Сологубъ тутъ же написалъ письмо графу И. М. Толстому [3]), прося объ утвержденіи своего протеже въ званіи штатнаго смотрителя. Утвержденіе вскорѣ послѣдовало, о чемъ гр. Сологубъ получилъ увѣдомленіе въ полушутливомъ поэтическомъ посланіи. Оба они и помѣщаются здѣсь.

---

[1]) Къ сожалѣнію, имя этого смотрителя намъ неизвѣстно.

[2]) Графъ Владиміръ Александровичъ Сологубъ родился въ 1814 году и двадцати лѣтъ отъ роду окончилъ курсъ въ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) университетѣ. Поступивъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ былъ отправленъ на югъ Россіи, гдѣ занимался собираніемъ статистическихъ свѣдѣній о южныхъ губерніяхъ. Въ 1837 году графъ Сологубъ написалъ первую повѣсть «Два студента», а въ 1839 году—«Исторію двухъ калошъ». Въ 1845 году появилась его повѣсть «Тарантасъ», встрѣченная весьма сочувственно публикою. Графъ Сологубъ писалъ стихотворенія, драмы, водевили, этнографическіе и путевые очерки. Онъ скончался въ 1882 г. Ред.

[3]) Графъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой, внукъ по матери фельдмаршала свѣтлѣйшаго кн. Кутузова-Смоленскаго, родился въ Москвѣ въ 1806 году и началъ службу въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (въ 1822 г.). Въ 1828 году онъ былъ назначенъ вторымъ секретаремъ нашего посольства въ Лисабонѣ, а въ 1828 году переведенъ въ Парижъ, гдѣ и оставался до іюльской революціи. Въ 1835 году вторично назначенъ въ Парижъ и въ слѣдующемъ году переведенъ въ Лондонъ. Во время путешествія по

1.

Посланіе графа Сологуба Ивану Матвѣевичу Толстому.

Владыко станцій безъ дорогъ!
Дозволь, Зевесъ много-почтовый
Чтобъ сочинитель русскій могъ
Къ тебѣ явиться съ просьбой новой.
Той просьбѣ поводъ вотъ каковъ:
Тебѣ извѣстенъ городъ Псковъ,
Гдѣ ради конницы разгонной
Живетъ смотритель станціонный.
Живетъ онъ тихо, въ службѣ онъ
Исправенъ, вѣжливъ, остороженъ,
И по путямъ со всѣхъ сторонъ
Ведетъ расчеты подороженъ.
Тутъ пища сердцу и уму;
Чего же больше бы ему?
Какого ждать ему блаженства?
Но нѣтъ ни въ чемъ здѣсь совершенства.
Онъ честолюбіемъ томимъ,
Не чуждъ онъ русскаго стремленья:
Вездѣ упорно передъ нимъ
Мелькаетъ призракъ повышенья!
Его смотрителемъ, увы!
Народъ по говору молвы
Совсѣмъ напрасно величаетъ.
Онъ только должность исправляетъ.
Онъ самозванецъ, онъ мечта,
Себѣ онъ видитъ въ томъ безчестье,

Европѣ наслѣдника цесаревича, впослѣдствіи императора Александра II, И. М. Толстой состоялъ при немъ и въ 1844 году назначенъ гофмаршаломъ его двора. Въ 1856 году онъ былъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ и сенаторомъ; въ 1860 году пожалованъ въ гофмейстеры. Въ 1861 г. И. М. былъ отправленъ въ Баденъ-Баденъ съ порученіемъ къ прусскому королю и затѣмъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1863 году онъ былъ назначенъ главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ, а указомъ 7 декабря 1864 года ему повелѣно принять въ свое вѣдѣніе и телеграфное вѣдомство. Такъ составилось (15-го іюня 1865 г.) министерство почтъ и телеграфовъ. Управленіе И. М. Толстаго почтовымъ вѣдомствомъ ознаменовалось пониженіемъ платы за пересылку писемъ, упрощеніемъ формы для разсылки разнаго рода корреспонденціи и введеніемъ почтовыхъ марокъ. Труды по организаціи телеграфно-почтоваго управленія и по облегченію международныхъ почтовыхъ сношеній были оцѣнены императоромъ Александромъ II, и въ 1867 году Иванъ Матвѣевичъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Милость эта была послѣднею, такъ какъ 21 сентября того же года графъ И. М. Толстой скончался, оставивъ по себѣ память дѣятельнаго администратора. Ред.

У всѣхъ товарищей—мѣста,
А у него одно—предмѣстье.
Въ грядущемъ званіи его,
Теперь онъ ровно ничего,
А между тѣмъ томитъ забота
Изъ ничего—возникнуть въ что-то.
Внемли же пламенной мольбѣ,
Даруй скорбящему отраду,
И подчиненнаго судьбѣ
Воздай желанную награду!
Того, царь почты, не забудь,
Что у тебя одинъ лишь путь—
Вѣкъ безъ устанныхъ колебаній—
То свѣтлый путь благодѣяній.
Тебѣ лишь имя подписать,
И будетъ скромный мой проситель
Въ себѣ съ восторгомъ сознавать,
Что настоящій онъ смотритель;
Прославитъ благость онъ твою,
А я случайный гость столицы,
Какъ нѣкогда пѣвецъ Фелицы,—
Настрою лиру вновь свою
И твой поступокъ восхвалю.

Графъ Сологубъ.

2.

Отвѣтъ И. М. Толстаго графу Сологубу.

Въ Россіи денегъ нѣтъ въ запасѣ,
Безъ денегъ нѣтъ въ ней и дорогъ.
На что онѣ? Безъ нихъ ты могъ
Въ «Калошахъ», въ дивномъ «Тарантасѣ»
Во всей Россіи побывать.
Въ какомъ углу тебя не знали?
Съ восторгомъ гдѣ не принимали,
Всѣ не старались прочитать?
За что жъ, поэтъ неблагодарный,
Радушью зломъ ты заплатилъ,
Свой умъ игривый, многодарный,
Въ глухомъ ты Дерптѣ схоронилъ?
Отрадно звучнаго намъ слова
Быть можетъ долго бъ не слыхать,
Когда бъ не вздумалъ ты для Пскова
Стихомъ Смотрителя создать.
Исполнить милое прошенье
Поэта тотчасъ я велѣлъ,
Тотъ заслужилъ ужь повышенье,
Къ кому ты снизойти хотѣлъ.

Ив. Толстой.

Сообщилъ **Николай Богушевскій.**

Воспоминаніе о Михаилѣ Васильевичѣ Милоновѣ.

Въ юношескихъ лѣтахъ,—это было въ первой четверти текущаго столѣтія между 1817 и 1820 гг., судьба свела меня съ человѣкомъ довольно-замѣчательнымъ, а именно: съ извѣстнымъ сатирикомъ М. В. Милоновымъ, о которомъ, къ сожалѣнію, въ памяти ближайшаго потомства почти не осталось ничего кромѣ помѣщенной въ исторической хрестоматіи Галахова статьи и некролога, составленнаго Измайловымъ въ 17 и 18 №№ журнала «Благонамѣренный» за 1821 годъ. Тамъ между прочимъ сказано, что безпорядочный ходъ жизни и внутреннія досады сокрушили здоровье Милонова, и онъ сдѣлался жертвою излишняго служенія Вакху. Мнѣ было тогда около 15 лѣтъ, и я, какъ сирота круглый, жилъ на воспитаніи въ домѣ помѣщика Бехтѣева, Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда, въ селѣ Дубнахъ. Домъ этотъ былъ типомъ нашихъ старинныхъ помѣщичьихъ домовъ, а самъ хозяинъ типомъ нѣкоторыхъ баръ тогдашняго времени, т. е. былъ страшный самодуръ и деспотъ. Общество было самое разнообразное и состояло по преимуществу изъ дармоѣдовъ, отставныхъ подъячихъ, лишившихся мѣстъ, художниковъ безъ дѣла, разныхъ воспитателей и воспитанниковъ, разныхъ приживалокъ и т. п. Всѣмъ имъ хлѣбосолъ-хозяинъ не жалѣлъ куска хлѣба; но зато и обращался съ ними слишкомъ безцеремонно. И вотъ въ такомъ-то обществѣ и при такой обстановкѣ—я встрѣтился съ даровитымъ, но несчастнымъ Милоновымъ. Онъ былъ въ родствѣ съ Бехтѣевымъ и пріѣхалъ къ нему зимой въ гости. Лицо Милонова было умное и чрезвычайно выразительное; ему было тогда около 30 лѣтъ. Онъ былъ свѣтлый блондинъ, волоса у него были курчавые и никогда не причесанные; одѣвался онъ крайне неряшливо, и во всей наружности его видно было полное отсутствіе того, что въ обществѣ у насъ привыкли называть хорошимъ тономъ, а напротивъ, замѣтно было то, что называютъ mauvais genre; но въ глазахъ его видна была свѣтлая мысль,

а на устахъ постоянно мелькала грустно-саркастическая улыбка. Когда же на него находили веселыя минуты, онъ говорилъ увлекательно и съ особеннымъ одушевленіемъ; только въ словахъ его всегда пробивалось то охлажденіе къ свѣту и людямъ, о которомъ говоритъ г. Сомовъ, разбирая стихотвореніе Милонова «Бѣдный поэтъ». Въ немъ уже сильно развилась несчастная страсть излишняго служенія Вакху.

Бехтѣевъ,—какъ я говорилъ выше,—былъ самодуръ и деспотъ, всѣ домашніе его боялись; но однакоже Милонова онъ уважалъ и былъ къ нему снисходителенъ. Въ огромномъ домѣ, гдѣ на всякомъ шагу изящество было перемѣшано съ безвкусіемъ, были двѣ особыя комнаты, всегда запертыя; это былъ такъ-называемый барскій кабинетъ. Здѣсь старикъ Бехтѣевъ занимался дѣлами, и это было хранилищемъ предметовъ самыхъ разнообразныхъ—напримѣръ: рядомъ съ прекрасной электрической машиной и огромнымъ телескопомъ, красовалась закоптѣлая отжигательница, для испытанія крѣпости вина (спиртомѣровъ Гесса тогда еще не было), выкуриваемаго на существовавшемъ въ Дубнахъ вынокуренномъ заводѣ; между картинами самаго клубничнаго содержанія висѣлъ портретъ Стефана Яворскаго, въ архіерейскомъ облаченіи, а подъ нимъ на столѣ стояла массивная бутыль съ настойкой.

Случалось вечеромъ, Милоновъ сядетъ играть съ Бехтѣевымъ въ шахматы (онъ очень любилъ эту игру), и между ними завязывается такого рода разговоръ:

— А что, дядюшка,—пора бы мнѣ поклониться святителю,—ужь скоро 9-ть часовъ.

— Что съ тобой дѣлать; на тебѣ ключъ, да только пожалуйста, братецъ, не слишкомъ усердно поклоняйся.

Милоновъ пойдетъ бывало и, несмотря на запрещеніе, поклонится святителю—весьма усердно.

Однажды вечеромъ, все многочисленное общество села Дубновъ собралось въ залу; Милонова не было. Онъ цѣлый день былъ необыкновенно скученъ и задумчивъ. Вдругъ онъ выходитъ торопливо, волоса больше чѣмъ обыкновенно всклочены, одежда въ безпорядкѣ, а въ глазахъ видно какое-то болѣзненное безпокойство. Онъ подходитъ къ хозяйкѣ, бросается ей въ ноги и взволнованнымъ голосомъ говоритъ:

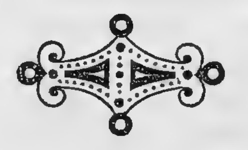
— Добрая тетушка, простите меня, въ чемъ я передъ вами согрѣшилъ;—мнѣ жизнь надоѣла.

Здѣсь онъ заплакалъ, и надо прибавить, что въ этотъ день онъ и святителю даже не поклонялся.

Такая выходка, конечно, всѣхъ поразила; всѣ стали Милонова утѣшать, а между тѣмъ кто-то бросился въ его комнату, чтобы посмотрѣть, не окажется ли тамъ чего-нибудь, чѣмъ бы можно было объяснить такую

сцену, и подъ подушкой у Михаила Васильевича найдена была спрятанная бритва, которою онъ, вѣроятно, задумалъ лишить себя жизни. Разумѣется, послѣ этого случая за нимъ стали пристально наблюдать, а въ скоромъ времени его изъ Дубновъ, не знаю куда, отправили. Черезъ годъ Милонова не стало. Такъ преждевременно угасла разбитая жизнь этого замѣчательнаго человѣка. Память о немъ такъ глубоко врѣзалась мнѣ въ душу, что еслибъ я былъ портретистомъ-художникомъ, то могъ бы написать его портретъ на память, даже теперь, черезъ 40 слишкомъ лѣтъ.

Сообщилъ **Н. Гольцъ-Миллеръ.**

Сношенія Екатерины II съ Неккеромъ и съ Сенакъ-де-Мельяномъ.

Въ 1895 году нѣкто г. Ларивьеръ издалъ въ Парижѣ весьма любопытную для насъ, русскихъ, книгу, составляющую, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, отдѣльную часть предпринятаго имъ труда подъ общимъ заглавіемъ «Catherine la grande d'après sa correspondance» (Екатерина Великая по ея перепискѣ), въ которомъ, на основаніи писемъ императрицы, онъ намѣренъ выяснить отношенія ея къ членамъ царственнаго семейства, къ приближеннымъ ей людямъ и любимцамъ, къ французскимъ философамъ и писателямъ того времени (Даламберу, Дидеро, Вольтеру, Мармонтелю, Бюффону, кн. г-жамъ Жоффренъ, Бьелке, д'Эпинэ), а также къ другимъ лицамъ, какъ-то: королю Густаву III, Фридриху II, Іосифу II, графу Сегюру, принцу де-Линю и Гримму. Трудъ этотъ будетъ состоять по крайней мѣрѣ изъ четырехъ томовъ, изъ которыхъ вышедшій пока первый томъ, подъ заглавіемъ «Catherine II et la révolution française» [1]), выясняетъ отношенія Екатерины II къ французской революціи, а также говоритъ о сношеніяхъ императрицы съ Неккеромъ, Мирабо и Сенакъ-де-Мельяномъ. Главнымъ матеріаломъ при этомъ Ларивьеру служили письма императрицы, помѣщенныя въ различныхъ томахъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», а также различныя письма и бумаги, напечатанныя разновременно въ «Архивѣ князя Воронцова», «Русскомъ Архивѣ», «Русской

---

[1]) Вотъ полное заглавіе книги: Catherine II et la révolution française d'après de nouveaux documents par Larivière avec preface de Alfred Rambaud. Paris, Librairie H. Le Soudier. 1895.

Старинѣ» и пр., равнымъ образомъ бумаги, хранящіяся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Не останавливаемся на отношеніи Екатерины II къ самой революціи; какъ извѣстно, она относилась къ ней враждебно, имѣла намѣреніе принять участіе въ коалиціи для возстановленія монархическаго правленія во Франціи и не задолго до своей кончины, именно въ концѣ 1795 года, приказала Суворову съ отрядомъ въ 60.000 человѣкъ двинуться изъ Польши къ берегамъ Рейна. Вмѣсто того, пользуясь книгой Ларивьера, познакомимъ читателей съ менѣе извѣстными отношеніями Екатерины II къ Неккеру, Мирабо и въ особенности Сенакъ-де-Мельяну.

Въ 1775 году Неккеръ [1]) издалъ сочиненіе «О торговлѣ хлѣбомъ», которое жившій въ то время въ Парижѣ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ доставилъ Екатеринѣ II. Она прочла книгу и поручила Гримму передать автору, что это—прекрасная книга, а самому Гримму прибавила: «Авторъ книги—глубокій мыслитель; книга эта написана не для всѣхъ; только люди извѣстнаго закала поймутъ ее; я включила ее въ число моихъ классическихъ книгъ» (письмо къ Гримму отъ 5-го октября 1775).

Неккеръ скоро занялъ видное мѣсто во Франціи и строго придерживался правила, что человѣкъ, стоящій во главѣ правленія, ничего не долженъ дѣлать ради дружбы. Это ему очень повредило; онъ вооружилъ противъ себя друзей, въ числѣ коихъ былъ и Гриммъ, который не могъ простить Неккеру, что онъ лишилъ госпожу д'Эпинэ незаконно получаемыхъ ею изъ казны 1.500 рублей ежегодно; Гриммъ писалъ даже объ этомъ Екатеринѣ II. «Оставьте Неккера дѣлать его дѣло,—утѣшаетъ Гримма Екатерина въ письмѣ отъ 29-го марта 1781 года,—я полагаю, настанетъ время, когда онъ будетъ заботиться о своихъ друзьяхъ, теперь же онъ заботится о Франціи». Она знала, какъ трудно, находясь у кормила власти, противостоять натиску друзей. Прочтя потомъ извѣстный отчетъ Неккера «О положеніи финансовъ Франціи», она писала Гримму 29-го марта 1781 года, что это—удивительное произведеніе, просила его поблагодарить за него автора и сказать ему, какъ она безконечно высоко ставитъ его способности. При этомъ она добавляла: «Ни-

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ напомнить, что Неккеръ родился въ Женевѣ въ 1732 г. и 18-ти лѣтъ поступилъ сперва въ банкирскую контору въ Парижѣ, а потомъ и самъ открылъ таковую, велъ обширныя операціи и нажилъ значительное состояніе. По увольненіи Тюрго, онъ былъ сдѣланъ директоромъ казначейства въ 1776 году, а потомъ и министромъ финансовъ въ 1777 году. Своими распоряженіями къ возстановленію порядка въ финансахъ онъ возбудилъ неудовольствіе противъ себя и долженъ былъ оставить въ 1781 г. свое мѣсто, но въ 1788 г., послѣ паденія Бріенна, снова былъ призванъ управлять финансами, а въ 1789 г. опять былъ удаленъ. Онъ умеръ въ 1804 году, оставивъ одну дочь, извѣстную госпожу Сталь.

сколько не сомнѣваюсь, что Провидѣніе предназначило его извлечь Францію изъ очень затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ засталъ финансы этого королевства. Но это дѣло—ни дня, ни года; я это знаю по опыту!» Неккеръ однако былъ скоро удаленъ, и 10-го іюля 1781 года Екатерина писала Гримму: «Неккеръ не занимаетъ болѣе мѣста министра; это было прекрасное сновидѣніе для Франціи и большая побѣда для ея враговъ. Характеру этого рѣдкаго человѣка можно удивляться по его двумъ сочиненіямъ».

Отставка Неккера продолжалась семь лѣтъ, въ это время онъ написалъ сочиненіе «О финансовомъ управленіи», которое Гриммъ доставилъ Екатеринѣ въ 1785 году, однако она приняла эту книгу уже довольно холодно. «Финансы Франціи меня не касаются, — пишетъ она Гримму 22-го апрѣля 1785 года;—книга эта не сообщаетъ мнѣ ничего примѣнимаго къ финансамъ Россіи, такъ какъ мнѣ извѣстны всѣ опасности, которыхъ должно въ этомъ отношеніи избѣгать». Естественно поэтому, что Екатерина II не торопится чтеніемъ этого сочиненія; къ 10-му августа она еще не прочла въ немъ и двадцати страницъ; она, по ея словамъ, принималась за книгу два раза, но по многимъ причинамъ должна была отложить чтеніе до другаго времени. Но она обѣщаетъ сообщить Гримму свое мнѣніе о сочиненіи Неккера, когда прочтетъ его. Къ 8-му ноября Екатерина II осилила введеніе, которое произвело на нее хорошее впечатлѣніе, и она поручаетъ Гримму выразить автору полное ея уваженіе. «Видно,—пишетъ она,—что Неккеръ былъ на своемъ мѣстѣ и отправлялъ свою обязанность со всею душою. Мнѣ нравится выраженіе: что я дѣлалъ, то и буду продолжать дѣлать».

Извѣстно, что Людовикъ XVI хотя осуждалъ стремленія Неккера къ преобразованіямъ и нововведеніямъ, тѣмъ не менѣе долженъ былъ его снова призвать къ управленію финансами Франціи. Неккеръ являлся защитникомъ либеральныхъ стремленій, представителемъ новыхъ возрѣній, пользовался народнымъ расположеніемъ и благосклонностію клубовъ всякаго рода. Этого было уже достаточно, чтобы Екатерина II не благоволила къ нему. Къ этому присоединилось еще слѣдующее. Въ 1788 году графъ Сегюръ, находясь въ Петербургѣ, старался сблизить политику Франціи и Россіи. Версальскій дворъ благосклонно относился къ этому, но Неккеръ, въ засѣданіи министровъ, высказался противъ союза Франціи съ Россіею, который и не состоялся, хотя былъ одобренъ также Екатериною II. Это еще болѣе усилило нерасположеніе императрицы къ Неккеру.

Въ іюлѣ 1789 года Неккеръ былъ снова отставленъ; это было знакомъ общественнаго волненія, которое скоро выразилось взятіемъ Бастиліи. Это событіе не могло, конечно, возвратить Неккеру расположеніе Екатерины Великой. 21-го іюля 1790 года она пишетъ Гримму: «Что

касается Неккера, я давно уже съ нимъ разсталась и думаю, что для блага Франціи было бы очень счастливо, еслибъ онъ никогда не вмѣшивался въ ея дѣла». На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Неккеръ окончилъ свое министерское поприще; его репутація погребена подъ развалинами монархіи». Въ слѣдующихъ своихъ письмахъ Гриммъ продолжаетъ нападать на Неккера, и императрица пишетъ ему: «Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе въ отношеніи министровъ-писателей; я имѣю отвращеніе къ нимъ. Я никогда не сочувствовала вашему Неккеру и никогда не буду сочувствовать Герцбергу [1]). Министръ, не обладающій тактомъ, не имѣетъ вѣрнаго, здраваго ума, а слѣдовательно, это—чума, противъ которой необходимо принимать мѣры» (письмо отъ 21-го апрѣля 1791 г.). Въ другомъ письмѣ, отъ 10-го мая 1791 года, говоря о Неккерѣ, она выражается такъ: «Мнѣ также извѣстно, что очень трудно убѣдить въ чемъ-либо человѣка, коль скоро Провидѣніе снабдило его гордостью; тогда всѣ его органы закрыты для всего, что можно ему сказать. Онъ одинъ только видитъ, мыслитъ, соображаетъ, и все, что говорятъ и мыслятъ другіе, является ничѣмъ инымъ, какъ оскорбленіемъ его гордости; гордецъ опьяненъ гордостью: я видѣла подобныхъ лицъ и описываю ихъ съ натуры». Еще позднѣе, именно 14-го апрѣля 1795 года, Екатерина пишетъ Гримму: «Поздравляю васъ, что прервали всякое сношеніе съ гражданиномъ Неккеромъ. Припомните то обращеніе, которое я всегда имѣла къ этому составителю тяжелыхъ фразъ, въ которыхъ на каждой строчкѣ виднѣлось крупнымъ шрифтомъ Я».

Сношенія Екатерины II съ Сенакъ-де-Мельяномъ достойны бо́льшаго вниманія, особенно по высказываемымъ въ нихъ императрицею взглядамъ на составленіе русской исторіи иностранцемъ.

Сынъ перваго врача Людовика XV, Сенакъ жилъ при дворѣ, съ самой юности посвященъ былъ во всѣ интриги и скандалы двора и усвоилъ себѣ распутныя замашки, которыя и сохранилъ на всю жизнь. Онъ былъ постоянный посѣтитель г-жи Помпадуръ, герцога Грамона, сестры министра Шуазеля,—очень близокъ съ маркизою Креки (Créqui) и при ихъ содѣйствіи назначенъ былъ управлять сперва провинціею Они (Aunis), потомъ Провансомъ и наконецъ Гено (Hainaut); впослѣдствіи онъ сдѣланъ былъ генералъ-интендантомъ французской арміи. Кромѣ службы, онъ занимался литературою, съ цѣлью дальнѣйшихъ успѣховъ на служебномъ поприщѣ. Онъ издалъ «Мемуары Анны Гонзаго», принцессы Палатинской, потомъ издавалъ свои «Размышленія о роскоши и богатствѣ», въ которыхъ опровергалъ воззрѣнія Неккера. Это сочиненіе обра-

---

[1]) Герцбергъ, прусскій министръ при Фридрихѣ II, подписалъ миръ въ Губертсбургѣ 1762 г., а въ 1772—и раздѣлъ Польши. Былъ противъ войны съ Франціею въ 1791 году. Былъ также противъ окончательнаго раздѣла Польши.

тило на него вниманіе, но не доставило ему мѣста генералъ-контролера, котораго онъ добивался. При восшествіи на престолъ Людовика XVI, онъ надѣялся, что его пригласятъ въ составъ министерства, но ему предпочли Колонна и Неккера. Другія его сочиненія: «Объ управленіи, нравахъ и положеніи Франціи до революціи съ очеркомъ главныхъ дѣятелей царствованія Людовика XVI», а также «Разсужденія о нравахъ», несмотря на ихъ недостатки, заслуживаютъ вниманія и въ настоящее время, хотя въ нихъ описаны мысли и нравы не эпохи, въ которой онъ жилъ, а только нравы и мысли извѣстнаго круга, въ которомъ Сенакъ вращался. Къ тому же низкая зависть омрачаетъ его сужденія; въ сочиненіяхъ своихъ онъ преслѣдуетъ по преимуществу Неккера и Даламбера, помѣшавшаго ему занять мѣсто въ академіи. Революція прервала его политическую и литературную карьеру; онъ покинулъ Францію и, по примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ, отправился въ 1791 году, сперва въ Аахенъ, потомъ Брауншвейгъ и наконецъ въ Россію, съ намѣреніемъ написать исторію царствованія императрицы Екатерины. Екатерина писала своему повѣренному въ дѣлахъ въ Венеціи Мордвинову, 4-го октября 1790 г. („Сб. Р. Ист. Общ.“, томъ 42, стр. 113 и слѣд.), между прочимъ, слѣдующее:

«Я получила письмо изъ Аахена за подписью Сенакъ-де-Мельянъ, обратившее на себя мое вниманіе. Къ нему приложено оглавленіе «Воспоминаній о жизни маршала герцога Ришелье, служащихъ матеріаломъ для исторіи XVIII вѣка», и еще сказка или нравственный романъ подъ заглавіемъ «Два двоюродныхъ брата», очень милое произведеніе, обнаруживающее въ авторѣ много ума и глубокое знаніе человѣческаго сердца... Онъ, между прочимъ, предлагаетъ мнѣ написать исторію Россіи XVIII вѣка [1]. Чтобъ я могла согласиться на это, я должна быть увѣрена, что лицо, предпринимающее подобный трудъ, отрѣшится отъ предразсудковъ (préjugés), которые усвоила себѣ о Россіи большая часть иностранцевъ, какъ напримѣръ, видѣть въ Россіи все въ черномъ свѣтѣ, не обращая вниманія на происходившее въ то же время въ другихъ странахъ; утверждать, что до Петра I въ Россіи не было ни законовъ, ни управленія, тогда какъ наоборотъ то и другое существовало. Правда, что смуты, послѣдовавшія за смертію Іоанна Васильевича (Грознаго), задержали Россію лѣтъ на 40—50, но до этого времени она шла наравнѣ со всею Европою. Усилія, сдѣланныя Россіею для своего объединенія и освобожденія ея областей отъ татаръ, совершенно еще не выяснены. До нашествія татаръ, великіе князья русскіе имѣли большое значеніе въ дѣлахъ Европы, находились въ родствѣ или въ союзѣ со всѣми царствовавшими домами нашего полушарія, способствовали не разъ поддержанію того или другаго короля или императора, интересы котораго защищали. Что же касается собственно исторіи моего царствованія, то въ отношеніи жизнеописаній государей, написанныхъ

[1]) Слѣдовательно, Сенакъ не былъ вызванъ въ Петербургъ императрицею, какъ говоритъ Сентъ-Бевъ, но лишь предложилъ свои услуги.

при ихъ жизни, я того же мнѣнія, какъ о памятникахъ, сооружаемыхъ имъ послѣ ихъ смерти; не знаешь хорошенько: считать ли это украшеніемъ города, или дѣйствительно заслуженнымъ памятникомъ. Я, конечно, могла бы доставить очень правдивые документы, основанные на фактахъ, но необходимо, чтобы при томъ и другомъ трудѣ авторъ или редакторъ подчинился бы тяжелымъ правиламъ, которымъ неизбѣжно должно слѣдовать, такъ какъ исторія или записки для исторіи Россіи, предпринятыя съ моего одобренія и согласія, не могли бы имѣть никакой другой задачи, какъ только служить для большей славы имперіи, а потомству—примѣромъ для соревнованія и поученія; всякое другое изложеніе исторіи, менѣе достославное, было бы вредно государству, потому что мы живемъ въ такое время, когда необходимо не уменьшать блескъ дѣяній и обстоятельствъ, но скорѣе поддерживать умы и возбуждать ихъ и направлять къ той возвышенности духа, которая ведетъ къ великимъ дѣламъ; конечно и безъ сомнѣнія, ихъ совершитъ не стремленіе къ абсолютному равенству всѣхъ государствъ, которое порождаетъ лишь анархію, обуревающую въ настоящее время Францію. По моимъ свѣдѣніямъ, г. Мельянъ вовсе не проникнутъ воззрѣніями, господствующими теперь во Франціи» и т. д.

Затѣмъ Екатерина II, въ этомъ же письмѣ, поручаетъ Мордвинову познакомиться съ Сенакомъ поближе, вывѣдать его мысли и взгляды на событія и дѣла, узнать, какія могутъ быть въ дѣйствительности его истинныя намѣренія, указать ему всѣ затрудненія писать исторію страны, языка которой онъ не знаетъ вовсе, и обычаи которой, во многомъ различаясь отъ обычаевъ многихъ другихъ странъ, тѣмъ не менѣе въ сущности ни чуть не страннѣе обычаевъ другихъ народовъ, и объяснить, что эта страна однако одна въ состояніи восполнить пробѣлы въ исторіяхъ другихъ странъ и т. д.

Изъ этого письма видно, что Екатерина II, по просьбѣ Сенака, соглашается принять его въ Петербургѣ, по полученіи о немъ обстоятельныхъ свѣдѣній отъ Мордвинова. Исполняя порученіе государыни, Мордвиновъ, по пріѣздѣ Сенака въ Венецію, предъявилъ ему письмо Екатерины II, и Сенакъ самъ написалъ отвѣтъ императрицѣ, дошедшій до нея 13-го декабря 1790 года, а 16-го числа того же мѣсяца она уже отвѣчала, но не Сенаку, а Мордвинову, при чемъ между прочимъ писала: «Не отвѣчаю Сенаку на его письмо, потому что чувствую, что это вовлечетъ меня въ разсужденія о превратно понимаемой исторіи Россіи,—предметѣ обширномъ и, быть можетъ, дорогомъ моему уму. Откладываю это до личной бесѣды съ нимъ самимъ, если онъ будетъ настаивать на своемъ намѣреніи совершить предложенную имъ поѣздку въ Россію». Затѣмъ Екатерина II поручаетъ Мордвинову выдать Сенаку на проѣздъ въ Россію двѣ тысячи червонцевъ и сказать ему, что онъ будетъ вполнѣ свободенъ предаться, по его желанію, занятіямъ по русской исторіи, которая должна быть изложена, какъ она ее понимаетъ или желаетъ, чтобы она была такъ понимаема («Сб. Р. Ист. Общ.», т. 42, стр. 130). Письмомъ отъ 16-го февраля 1791 года Сенакъ

просилъ императрицу сообщить ему, подъ какимъ видомъ желаетъ она, чтобы смотрѣли на его поѣздку въ Россію, чтобы не возбудить любопытства дипломатическаго міра. Екатерина, отвѣчая ему 13-го марта 1791 года, говоритъ, чтобъ онъ поѣздку свою объяснилъ просто любознательностью просвѣщеннаго человѣка и писателя, который вполнѣ по усмотрѣнію своему располагаетъ своимъ досугомъ и желаетъ познакомиться съ императорскою библіотекою, богатою рукописями... «Теперь— продолжаетъ она,—я ничего не буду говорить по поводу исторіи, дорогой для меня, предпочитаю устно поговорить съ вами объ этомъ... Когда вы прибудете въ Петербургъ, я буду немедленно извѣщена объ этомъ, вы же ни къ кому другому не обращайтесь, какъ къ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Безбородко, который отъ моего имени сообщитъ вамъ, когда вы можете ко мнѣ явиться безъ всякихъ церемоній. Я тогда буду въ состояніи поговорить съ вами, и мы легко сойдемся въ отношеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, которые остается еще разрѣшить» (тамъ же, стр. 145).

Дѣйствительно, въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1791 года Сенакъ прибылъ въ Петербургъ, остановился въ гостиницѣ, и графъ Безбородко сообщилъ ему, что дня черезъ два онъ можетъ явиться къ императрицѣ простымъ путешественникомъ въ послѣобѣденное время, на дачѣ. Но представленіе почему-то замедлилось, и Сенакъ воспользовался этимъ, чтобы два раза написать Екатеринѣ II, которая, отвѣчая на его второе письмо, разрѣшала ему на слѣдующей недѣлѣ явиться къ ней и обѣщала на словахъ сообщить ему причины, не позволившія ей принять его ранѣе.

Ларивьеръ предполагаетъ, что это замедленіе произошло потому, что въ это время, вскорѣ по пріѣздѣ графа Эстергази, Екатерина рѣшилась принять сторону эмигрантовъ и братьевъ короля, но не самого Людовика XVI. Она не знала, къ какой партіи принадлежитъ Сенакъ, хотя знала, что онъ роялистъ и противникъ революціи, и хотѣла собрать о немъ свѣдѣнія. Какъ бы то ни было, въ началѣ мая Сенакъ въ первый разъ видѣлъ императрицу [1]), которая письмомъ отъ 16-го мая приглашала его снова къ себѣ. Тѣмъ временемъ Жене, французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ, сообщалъ отъ 11-го мая своему министру Монморену о прибытіи въ Петербургъ Сенака-де-Мельяна и о его намѣреніи пробыть тутъ нѣсколько мѣсяцевъ. «Онъ осыпанъ», писалъ Жене,—«милостями со стороны императрицы, и самая для него драгоцѣнная, конечно, та, что онъ имѣетъ возможность часто къ ней

---

[1]) Храповицкій записалъ подъ 6-мъ мая 1791 г.: «Сенакъ въ городѣ, представленъ въ Эрмитажѣ, а сегодня послѣ обѣда былъ болѣе часу у Ея Величества».

являться. Я полагаю, что этотъ бывшій чиновникъ прибылъ въ Петербургъ единственно съ тѣмъ, чтобы лично узнать поближе императрицу, описать съ натуры эту великую личность и собрать матеріалы для исторіи Россіи». Дня чрезъ два тотъ же Жене сообщалъ Монморену, что Сенакъ имѣлъ нѣсколько разговоровъ съ императрицею о финансовомъ управленіи. «Я предвижу,—говоритъ Жене,—возможность, что этому прежнему интенданту поручатъ здѣсь заняться финансами имперіи. Россіи недостаетъ только нѣкоторой степени совершенства въ этой отрасли управленія, чтобы быть наравнѣ съ первоклассными державами». Шведскій посолъ Штедингъ, напротивъ того, имѣя болѣе точныя свѣдѣнія, писалъ Густаву III: «Я полагаю, что Сенакъ-де-Мельянъ находится здѣсь для редижированія литературныхъ произведеній императрицы». Ларивьеръ при этомъ замѣчаетъ, что проектъ написать исторію Россіи былъ для Сенака предлогомъ, дозволявшимъ ему явиться кандидатомъ на высокую должность; онъ удовольствовался бы должностью губернатора, что́ вскорѣ привело бы его и къ управленію финансами имперіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что при первыхъ своихъ свиданіяхъ съ императрицею Сенакъ намекалъ уже объ этомъ; но несомнѣнно и то, что Екатерина II не думала поручить Сенаку какую-либо должность. Гриммъ спрашиваетъ Екатерину: правда ли, что Сенакъ сдѣлался ея исторіографомъ и получаетъ 5.000 р. жалованья, и какая цѣль его поѣздки. «Очень не пріятно»,—добавляетъ онъ,—«когда на постоянные вопросы принужденъ отвѣчать: «я ничего не знаю». Екатерина 13-го іюня 1791 года успокоивала своего корреспондента словами: «Г. Мельянъ предложилъ мнѣ, что пріѣдетъ сюда какъ писатель, желающій заняться исторіей. До сихъ поръ онъ еще не на службѣ, но это очень пріятный собесѣдникъ. Я полагаю, что въ настоящее время онъ занятъ составленіемъ плана исторіи».

Сенакъ произвелъ на Екатерину II хорошее впечатлѣніе, но оно было не продолжительно; онъ вскорѣ вздумалъ преподнести ей свое новое произведеніе, въ видѣ письма къ пріятельницѣ, въ которомъ сравниваетъ Екатерину II съ храмомъ Св. Петра въ Римѣ, и на двухъ-трехъ страницахъ, безъ всякой игривости и остроты, доводитъ это сравненіе до послѣдней крайности. Екатерина II любила похвалы, но не слѣдовало однако выражать ихъ въ смѣшной формѣ. Она не пожелала однако выразить своего неудовольствія автору [1]) и потому отвѣтила ему 16-го мая 1791 года другимъ, сдѣланнымъ ею самою, описаніемъ своей особы, одинаково остроумнымъ и вѣрнымъ.

---

[1]) Однако, по словамъ Храповицкаго (стр. 362), „приказано 7-го мая переписать Сенаково сочиненіе „Comparaison de St. Pierre de Rome avec Catherine II“.—Зачѣмъ переписывать, если это сочиненіе не нравилось?...

Замѣчательно, что Екатерина вовсе не благодаритъ Сенака за его сочиненіе о соборѣ Святаго Петра въ Римѣ и не поздравляетъ его съ этимъ произведеніемъ, а изъ письма ея къ Гримму отъ 14-го августа 1792 года можно даже заключить, что она не была имъ довольна. «Сенакъ-де-Мельянъ»,—пишетъ Екатерина,—«все желаетъ говорить умныя вещи, но, къ несчастью, это не всегда ему удается... Что же касается его сравненія собора Святаго Петра, то я скажу вмѣстѣ съ оберъ-шталмейстеромъ Нарышкинымъ, что оно не стоитъ десяти копѣекъ».

Впрочемъ, ранѣе этого письма, 22-го мая, Сенакъ былъ приглашенъ къ обѣду у государыни и имѣлъ съ нею еще одну, на сей разъ послѣднюю, бесѣду. Екатерина II усмотрѣла его честолюбивые замыслы и, вовсе не желая удовлетворить ихъ, указала ему программу, которой онъ долженъ держаться при составленіи исторіи Россіи, и дала ясно понять, что ему нѣтъ надобности являться болѣе ко двору. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Ларивьеръ, что преисполненный честолюбія Сенакъ-де-Мельянъ намѣревался на берегахъ Невы достичь первостепенной роли, которой различныя обстоятельства не дозволили ему занять на берегахъ Сены. Имѣвъ всего два или три свиданія съ Екатериною II, онъ успѣлъ просить ее о назначеніи его министромъ финансовъ, а также посланникомъ въ Константинополь. Эти настойчивыя домогательства сдѣлали его непріятнымъ и несноснымъ для Екатерины II, и она старалась удалить его изъ Петербурга. Этому еще содѣйствовала и грузность его ума, страсть учить и наставлять, постоянныя его просьбы всякаго рода и т. д. Но, желая удалить Сенака, Екатерина не хотѣла выразить ему это въ грубой формѣ и писала 8-го іюня: «Я приготовляю вамъ обширный отвѣтъ на ваше письмо отъ вчерашняго дня. Уже пять большихъ листовъ бумаги исписаны кругомъ; вооружитесь терпѣніемъ прочесть эту чепуху (fatras), которая вамъ угрожаетъ. Прощайте, будьте здоровы; мой отвѣтъ будетъ пространенъ во всѣхъ отношеніяхъ» («С. Р. И. Общ.», т. 42, стр. 168).

Черезъ нѣсколько дней въ самомъ дѣлѣ Екатерина II прислала ему свои «Размышленія по поводу проекта исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ», въ которыхъ обращаетъ вниманіе Сенака на многіе предметы, совершенно имъ не затронутые. Особенно замѣчательно, что Екатерина сообщаетъ эти соображенія письменно, избѣгая этимъ личныхъ объясненій съ Сенакомъ, и что она не только не поощряетъ его къ задуманному сочиненію, но, напротивъ того, старается отговорить его отъ этого предпріятія и намекаетъ довольно ясно, что онъ мало знакомъ съ предметомъ и можетъ изложить его только поверхностно. Въ письмѣ отъ 11-го іюня, сопровождавшемъ эти «Размышленія», Екатерина пишетъ между прочимъ: «Вы мнѣ писали изъ Венеціи о желаніи вашемъ заняться исторіею; я согласилась; вы пріѣхали; вамъ не безызвѣстны толки,

которые распространялись по поводу вашего пріѣзда; говорили, что вы имѣете ко мнѣ порученія отъ графа д'Артуа. Я не обращала на эти толки вниманія. При первомъ свиданіи моемъ съ вами здѣсь въ деревнѣ (въ Царскомъ Селѣ) мы говорили о вашемъ положеніи и обязанностяхъ здѣсь; я вамъ сказала и повторяю еще разъ, что прежде всего вы должны посовѣтоваться съ вашимъ здоровьемъ, въ состояніи ли оно переносить здѣшній климатъ, въ особенности въ зимнее время. Кромѣ того, такъ какъ вы имѣете надежды вступить въ управленіе въ вашемъ отечествѣ, я не вижу причины, почему вы хотите покинуть отечество, коль скоро вы имѣете надежду быть полезнымъ у себя дома, между тѣмъ какъ здѣсь вамъ будетъ трудно получить подходящее вамъ мѣсто, такъ какъ вы не знаете языка страны, а въ извѣстные годы почти невозможно его изучить. Мнѣ казалось, что вы со всѣмъ этимъ согласились тогда. Я добавила, что ежели представится случай дать вамъ занятія, я вамъ ихъ предложу. Вы мнѣ на это отвѣтили, что оставляете это предложеніе безъ отвѣта, не зная побудительной его причины. Но я очень просто предложу, если что представится. Необходимо, чтобы что-либо открылось; за неимѣніемъ онаго до настоящаго времени, оно остается невозможнымъ... При второмъ свиданіи въ Царскомъ Селѣ мы пришли подъ конецъ къ заключенію, что вы займетесь планомъ исторіи Россіи и относящимися до этого предмета вопросами; чрезъ нѣсколько дней вы прислали мнѣ при письмѣ то и другое. При этомъ письмѣ вы найдете мои «Размышленія» по этому поводу и мои отвѣты; письмо же самое является отвѣтомъ на ваше письмо, въ которомъ я, къ сожалѣнію, вижу, что вы упоминаете о безпокойствахъ, какія имѣете уже болѣе шести недѣль, даже объ испытываемомъ вами горѣ, предполагая, что вамъ повредили, или что мое мнѣніе о васъ измѣнилось. Могу васъ увѣрить, что то и другое лишено основанія...... Одобряю ваше предположеніе остаться здѣсь до конца лѣта; вы будете имѣть вполнѣ время собрать матеріалы. Вашъ младшій сынъ, если вы его оставите здѣсь, легко можетъ быть помѣщенъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ; я поговорю объ этомъ съ вице-канцлеромъ и говорила уже объ этомъ графу Безбородко. Я вижу, вы намѣреваетесь отправиться въ Швейцарію, посѣтивъ Парижъ по весьма существенной обязанности. Если черезъ шесть мѣсяцевъ я получу вашъ трудъ, то скажу, что вы пишете съ замѣчательною легкостью, такъ какъ я сама употребила бы годы для розысканій по этой части; дотого я люблю древность и въ ней одной почерпаю объясненіе результатовъ вѣковъ послѣдующихъ. У каждаго своя страсть; такова моя; я всегда любила читать то, что никто не читаетъ. Я встрѣтила всего только одного человѣка, имѣющаго подобный вкусъ,—это—фельдмаршалъ князь Потемкинъ. Мнѣ остается только пожелать успѣха вашему предпріятію, по-

слѣ котораго мнѣ будетъ большое удовольствіе васъ снова увидѣть. Въ виду вашего отъѣзда отсюда и отправленія во Францію, мнѣ кажется, по правдѣ сказать, что вамъ не подходило бы нисколько какое-либо орденское украшеніе, такъ какъ оно не въ духѣ вашей новой конституціи, которая допускаетъ только полнѣйшее равенство. Впрочемъ, содержаніе, вами получаемое, будетъ сохранено за вами, доколѣ вы признаете это для себя подходящимъ. Что же касается мѣста посланника при иностранномъ дворѣ, то въ настоящее время нѣтъ ни одного свободнаго; всѣ они заняты. Такъ какъ вашъ старшій сынъ находится во Франціи, то вы будете имѣть время сообразить его наклонности, и быть можетъ, въ это время онъ легко найдетъ то или другое занятіе, смотря по его наклонностямъ. Прощайте, будьте здоровы и будьте увѣрены, что я уважаю ваши таланты».

Въ этомъ письмѣ всего яснѣе раскрывается цѣль пріѣзда Сенака-де-Мельяна въ Россію. Онъ желалъ получить для себя «мѣсто, орденъ и деньги, для старшаго сына мѣсто и для младшаго—также». Исторія Россіи была тутъ только предлогомъ получить, что только можно. Екатерина II это разглядѣла и очень вѣжливымъ письмомъ выпроводила этого француза изъ Россіи.

Сенакъ, вращаясь въ Петербургѣ въ разгульномъ обществѣ, вовсе и не заботился о собираніи необходимыхъ матеріаловъ для задуманной имъ исторіи Россіи. Онъ благодарилъ письменно Екатерину II за сообщенныя ему «Размышленія», предложилъ ей нѣсколько вопросовъ о томъ, какъ должна быть, по ея мнѣнію, изложена исторія ея царствованія, и при этомъ опять просилъ пристроить его старшаго сына. Екатерина II не замедлила ему отвѣтить 16-го іюня 1791 года длиннымъ письмомъ, въ которомъ выразила свои взгляды на исторію. Приводимъ выдержки изъ этого замѣчательнаго письма, помѣщеннаго вполнѣ въ 42-мъ томѣ «Сборника Русскаго Императорскаго Историческаго Общества»:

„Всегда было говорено",—пишетъ императрица,—что можно справедливо судить о человѣкѣ, поставивъ себя на его мѣсто. Слѣдовательно, чтобы писать исторію, историкъ не можетъ пренебрегать ничѣмъ, чтобы войти въ духъ вѣка; иначе трудъ его будетъ страдать во многомъ.

«Всѣ люди являются людьми на землѣ, и всякій вѣкъ имѣетъ свой духъ и свое стремленіе. Нельзя ли также сказать, что во многихъ случаяхъ предшествовавшія царствованія подготовляли событія царствованій послѣдующихъ. Если мои мысли не вполнѣ правильно изложены по-французски, вы мнѣ это извините, коль скоро поймете мои мысли; притомъ же письма мои пишутся не для печати; всякій объясняется приблизительно, какъ умѣетъ. Я также очень желала бы, чтобы исторія никогда не была бы писана въ прославленіе какого-нибудь одного царствованія. Я хорошо знаю, почему одно царствованіе нравилось болѣе или менѣе иноземнымъ народамъ, тогда какъ другое царствованіе предпочиталось соотечественниками. Не впалъ ли

въ эту ошибку президентъ Гено (Hénault) [1]), пожертвовавшій для царствованія Людовика XIV исторіею народа въ теченіе 1200 лѣтъ? Вы знаете, что никто не произноситъ съ бо́льшимъ почтеніемъ, чѣмъ я, имя этого по истинѣ великаго короля; его царствованіе дотого прославило Францію, что этотъ блескъ продолжался до нашихъ дней, и не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ общественное мнѣніе освободилось отъ впечатлѣнія, которое не могло изгладить цѣлое столѣтіе. Что касается моего царствованія, такъ какъ мнѣ должно говорить съ вами и о немъ, то буду настаивать на томъ, что̀ уже высказала вамъ. Я не люблю ни памятниковъ, ни жизнеописаній государей, находящихся еще въ живыхъ. Современники всегда болѣе или менѣе пристрастны въ ту или другую сторону (то-есть за или противъ). Каждый годъ царствованія въ тридцать лѣтъ, изъ которыхъ ни одинъ не составлялъ, такъ сказать, эпохи, не могъ быть таковымъ, не возбудивъ въ томъ или другомъ изъ современниковъ сочувствія или несочувствія; если я имѣла успѣхи, то эти самые успѣхи повредили или поколебали славу или честолюбіе многихъ отдѣльныхъ лицъ. Вѣрно только то, что я никогда ничего не предпринимала, не будучи глубоко убѣждена въ томъ, что дѣлаемое мною сообразно съ благомъ моего государства. Это государство сдѣлало для меня безконечно много; я полагала, что всѣ мои личныя способности, направленныя постоянно ко благу этого государства, къ его благоденствію, къ высшимъ его интересамъ, едва-ли будутъ достаточны, чтобы мнѣ расплатиться съ нимъ. Я старалась дѣлать добро всякому лицу вездѣ, коль скоро это не было противно благу общему. Полагаю, что всякій государь думаетъ также и старается привлечь на свою сторону и справедливость, и разумъ. Остается знать, кто изъ насъ ошибается или не ошибается въ отношеніи того, что̀ называется разумомъ и справедливостью; одно только потомство въ правѣ судить объ этомъ, и при томъ не ранѣе, какъ мы всѣ, сколько насъ ни есть, умремъ. Къ потомству я обращаюсь сама и смѣло могу ему сказать, что̀ нашла и что̀ оставлю. Перечень можетъ быть любопытенъ, но прежде надо заключить миръ, а потомъ увидимъ. Скажутъ, что я имѣла много счастья и нѣсколько большихъ несчастій. Но о счастіи и несчастіи я имѣю, какъ и о многихъ другихъ предметахъ, свое понятіе. То и другое—только стеченіе извѣстнаго количества вѣрныхъ или неправильныхъ мѣропріятій. При этомъ много значитъ хорошо или худо понятое, видѣнное, исполненное. Слѣдовательно исторія живаго человѣка оскорбитъ многія самолюбія, быть можетъ, унизитъ другихъ, чего я бы не желала, и т. д. Покуда я жива, пишите, если хотите, но не издавайте ничего; я въ такомъ случаѣ доставлю вамъ свой перечень и, можетъ быть, сдѣлаю его сама. Я вамъ уже говорила и повторяю, что вы свободны писать, гдѣ вамъ вздумается, и мнѣ очень пріятно то, что̀ вы мнѣ по этому поводу говорите. Я приказала сдѣлать извлеченіе изъ каталоговъ тѣхъ матеріаловъ, которые могутъ быть вамъ полезны. Если вашъ старшій сынъ займется русскимъ языкомъ, онъ можетъ быть вамъ очень полезенъ въ этой работѣ. Я говорила съ вице-канцлеромъ и съ графомъ Безбородко о его поступленіи на службу, и они не преминутъ

---

[1]) Гено (Hénault) родился въ 1685 г., умеръ въ 1770 г., жилъ около 30 лѣтъ при Людовикѣ XIV и зналъ много лицъ этого славнаго царствованія. Онъ оставилъ свои мемуары и краткую исторію Франціи, имѣвшую большой успѣхъ, но не отличавшуюся безпристрастіемъ.

переговорить съ вами объ этомъ, а также о его содержаніи и о домѣ, въ которомъ вы хотите, чтобы онъ жилъ... Когда ваше сантиментальное путешествіе будетъ кончено, льщу себя надеждою, что вы дадите мнѣ прочитать его. Вы хотите, чтобы я разрѣшила вопросъ: почему Карлъ IX, король Франціи, писалъ съ бо́льшимъ изяществомъ, чѣмъ его поэтъ Ронсаръ? Хорошо, я вамъ отвѣчу. Это потому, что дворъ улучшаетъ языкъ, а не писатели. Даже въ Константинополѣ языкъ сераля (который однако не самый просвѣщенный дворъ въ свѣтѣ) самое лучшее изъ турецкихъ нарѣчій, самое изящное, болѣе другихъ смѣшанное съ арабскимъ и персидскимъ, самое учтивое, самое возвышенное, самое цвѣтистое, самое церемонное. Но если бы былъ дворъ, который принялъ бы для себя рыночный языкъ, подражая его оборотамъ и манерамъ, тогда языкъ народа былъ бы потерянъ, и его можно было бы найти лишь въ произведеніяхъ хорошихъ писателей".

Вскорѣ послѣ этого письма, Екатерина II, сообщая Сенаку, 29-го іюня 1791 г. («Сб. Р. И. Общ.», т. 42, стр. 180) объ удачномъ выѣздѣ Людовика XVI и его супруги изъ Парижа, не благополучно однако окончившемся, препроводила ему вмѣстѣ съ тѣмъ выписку изъ бумагъ, находящихся въ Московскомъ архивѣ, изъ которыхъ многія могутъ служить матеріаломъ для исторіи. При этомъ императрица упоминаетъ, что отдала самыя точныя приказанія относительно сына Сенака.

Между тѣмъ французскій повѣренный въ дѣлахъ Жене сообщалъ 17-го іюня Монморену: «Мельянъ недавно получилъ награжденіе въ 1.000 рублей; кромѣ нѣкоторыхъ проектовъ, имъ составленныхъ для улучшенія русскихъ финансовъ, Мельянъ имѣетъ тайный планъ въ отношеніи Франціи, который онъ раскроетъ послѣ заключенія мира (съ Турціею). Онъ часто видитъ императрицу, можетъ безъ всякаго посредника говорить ей, что хочетъ, и положеніе его таково, что русскіе министры серьезно заняты изысканіемъ средствъ, чтобы его удалить». Лишне говорить, что это сообщеніе было вполнѣ невѣрно. Мельянъ въ то время не видалъ уже Екатерины II болѣе двухъ недѣль и не пользовался ея довѣріемъ настолько, чтобы внушать опасеніе русскимъ министрамъ. Екатерина II въ письмахъ своихъ выпроваживаетъ его за границу.

Въ послѣднихъ числахъ іюня 1791 года, Сенакъ сообщилъ Екатеринѣ нѣкоторыя сомнѣнія относительно своей исторіи. Екатерина немедленно отвѣчала ему (см. «Сб. Р. И. Общ.» т. 42, стр. 187), что, конечно, очень затруднительно писать исторію страны, коль скоро не знаешь ея языка, а потому всѣ матеріалы должны быть переведены. Она совѣтуетъ ему уменьшить этотъ предварительный трудъ и сдѣлать выборъ всего лучшаго относительно исторіи Россіи. Она рекомендуетъ ему сочиненія Татищева, Щербатова, русскія лѣтописи и заключаетъ письмо словами: «Всякій иностранецъ, который пишетъ о Россіи, не знаетъ склада древнихъ ея нравовъ и

потому много разъ будетъ ошибаться, если онъ не находится постоянно на стражѣ противъ своихъ собственныхъ предубѣжденій. Я полагаю, что вступительный очеркъ, которымъ предполагаете заняться, будетъ, какъ вы говорите, очень занимателенъ, если будетъ заключать сравненіе различныхъ государствъ по вѣкамъ, но если мнѣ именно предстоитъ руководить васъ во мракѣ древности, то вы будете имѣть очень слабый свѣточъ».

Какъ всѣ честолюбивые люди, Сенакъ-де-Мельянъ былъ настойчивъ въ предложеніи своихъ услугъ. Это видно изъ письма къ нему Екатерины отъ 11-го іюля (тамъ же, стр. 189), въ которомъ она говоритъ: «Вашъ отъѣздъ въ Москву совершенно зависитъ отъ васъ. Благодарю васъ за сдѣланныя мнѣ предложенія вашихъ услугъ; я вамъ уже высказала по этому поводу все, что могла сказать. Хорошая погода у насъ продолжается рѣдко послѣ 15-го августа... Я съ удовольствіемъ встрѣчу любопытный трудъ, который вы предполагаете предпринять. Прощайте, будьте здоровы».

Сенакъ рѣшился наконецъ покинуть Петербургъ. Жене пишетъ Монморену 26-го іюля: «Мельянъ получилъ отъ императрицы пенсію въ 6.000 рублей. Онъ уѣзжаетъ въ Москву съ сыномъ, сдѣланнымъ секретаремъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ; оттуда онъ проѣдетъ въ Варшаву, а потомъ въ Германію. Если ему дано порученіе, какъ я это полагаю, то онъ получитъ инструкціи непосредственно отъ императрицы, и трудно будетъ узнать ихъ содержаніе».

Сенакъ уѣхалъ, не получивъ никакого порученія отъ Екатерины II, но все-таки еще разъ попросилъ себѣ мѣста; теперь онъ желалъ быть скромно библіотекаремъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ, писанныхъ Екатериною II въ августѣ 1791 года. (см. «Сб. Р. И. Общ.» т. 42, стр. 196). «Вы оставляете Россію и просите у меня званіе завѣдывающаго моею библіотекою. Позвольте мнѣ повторить вамъ, что установленное у васъ равенство не совмѣстимо съ какимъ бы то ни было званіемъ; званіе интенданта моей библіотеки я даже не въ состояніи перевести на русскій языкъ. При томъ я имѣю двухъ лицъ, состоящихъ при моей библіотекѣ, которыя такъ счастливы и довольны, что мнѣ не хотѣлось бы ихъ безпокоить; къ тому же они исполняютъ очень большой трудъ, заслуживающій вознагражденія. Единственное званіе, которое казалось бы соотвѣтствующимъ труду, для коего вы, милостивый государь, себя предназначили, было бы пожалуй званіе совѣтника исторіографа, но позвольте мнѣ вамъ сказать, что прежде, нежели дать вамъ это званіе, и прежде, нежели вы могли бы его принять, хорошо было бы посмотрѣть, каковъ-то будетъ этотъ трудъ, и будетъ ли это званіе подходить вамъ у васъ на родинѣ». Нельзя не удивляться тонкой и злой насмѣшкѣ Екатерины II:

она не удерживаетъ Сенака, а между тѣмъ, онъ ей пишетъ изъ Москвы и спрашиваетъ объ источникахъ для своего сочиненія. Екатерина отвѣчаетъ 8-го сентября (стр. 199, того же 42 тома) на оба его письма и говоритъ между прочимъ: «Вы очень хорошо сдѣлаете, если не будете писать съ поспѣшностію то, что въ сущности требуетъ очень много размышленій всякаго рода, особенно со стороны лица, не знающаго языка страны, о которой ему предстоитъ говорить, и которому въ этой странѣ все, что его касается, является совершенною новизною, приводящею его въ изумленіе. Хочу вполнѣ предполагать, что вы не находите въ Россіи подобія Франціи; я также не пожелала бы этого. Не сомнѣваюсь въ вашемъ усердіи, но согласитесь, что при большомъ талантѣ можно встрѣтить затрудненія писать о томъ, о чемъ необходимо собрать запасы основныхъ понятій, что необходимо изучить предметъ, о которомъ предстоитъ писать, а это часто въ состояніи осилить только усидчивый и продолжительный трудъ. Буду ожидать очень терпѣливо того, что вы мнѣ пришлете, такъ какъ я имѣю всегда чѣмъ заняться».

Видя безуспѣшность своихъ просьбъ, Сенакъ де-Мельянъ рѣшился обратиться къ другому лицу, къ Потемкину, и отправился въ армію, чтобы давать совѣты по военно-дипломатической части, какъ выразилась сама Екатерина въ письмѣ къ Гримму, а между тѣмъ послалъ Екатеринѣ стихи свои, внушенные ему древнею столицею. Что дѣлалъ Сенакъ въ арміи—не извѣстно, но въ 1792 году онъ прислалъ Екатеринѣ довольно большую рукопись, которую императрица, несмотря на ея объемъ, прочла, но, не имѣя свободной минуты, какъ она сама признается въ письмѣ Сенаку (см. «Сб. Р. И. Общ.», т. 42, стр. 218), не могла ему отвѣчать по поводу его произведенія. При этомъ Екатерина снова повторяетъ, что не имѣетъ никакого свободнаго мѣста для Сенака, что никогда не думала воспользоваться имъ, какъ представителемъ ея державы или правителемъ губерніи, а полагала, что онъ пріѣхалъ единственно какъ историкъ и литераторъ. Что же касается просьбы его относительно содержанія, то Екатерина, чтобы удовлетворить Сенака, сообщила объ этомъ Румянцову, къ которому и предложила Сенаку обратиться непосредственно.

При письмѣ отъ 23-го іюня 1792 г. изъ Праги Сенакъ послалъ императрицѣ какую-то особую записку о Франціи и о ея спасеніи. Екатерина II отвѣчала ему, что, по ея мнѣнію, для спасенія Франціи остается одно—возстановленіе королевской власти, а для этого имѣется только одно средство—оружіе: «Сто тысячъ солдатъ и военный судъ—вотъ что вамъ необходимо, чтобы не быть вполнѣ уничтоженными. Прощайте, будьте здоровы».

Несмотря на всю нескрываемую холодность со стороны Екатерины,

Сенакъ въ 1794 году, прислалъ ей свое введеніе въ исторію Россіи. Не получая отъ нея отвѣта по этому поводу, онъ просилъ Платона Зубова, въ видѣ особенной милости, сообщить ему о намѣреніи императрицы, и слѣдуетъ ли ему продолжать свой трудъ. Въ то же время Сенакъ послалъ Зубову рукопись своего новаго сочиненія: «Управленіе, нравы и положеніе Франціи», которое онъ хотѣлъ печатать въ Гамбургѣ, куда онъ удалился, и просилъ Зубова принять этотъ трудъ подъ свое покровительство. Отвѣта не было никакого.

Но Сенакъ не могъ писать и не просить. На этотъ разъ онъ проситъ Зубова исходатайствовать ему у императрицы взамѣнъ пенсіи небольшой уголокъ земли, гдѣ вдали отъ бурь онъ могъ бы посвятить ей свои таланты и спокойно окончить дни свои. Если нельзя получить уголка земли, то Сенакъ просилъ дать ему мѣсто при посольствѣ за границею. Кромѣ того, указывая на необходимость собрать матеріалы для своего сочиненія, а также узнать о судьбѣ сына, оставленнаго въ Россіи подъ покровительствомъ императрицы, Сенакъ просилъ исходатайствовать ему дозволеніе на пріѣздъ въ Россію. Екатерина II по докладѣ этого письма отвѣтила: «Онъ забылъ, что здѣшній климатъ ему вреденъ; но если онъ хочетъ увидѣть сына, то послѣдній помоложе, можетъ отправиться въ Гамбургъ». Что касается до введенія въ исторію Россіи, то Екатерина начала читать его, но скоро прекратила его, видя, конечно, что силы автора далеко не соотвѣтствуютъ предпринятому труду.

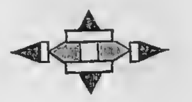
Сенакъ изъ Россіи отправился ко двору принца Генриха прусскаго въ Рейнсбергъ и былъ принятъ очень хорошо. Принцъ Генрихъ былъ отъ него въ восторгѣ, но вскорѣ Сенакъ долженъ былъ покинуть это мѣсто. Екатерина спрашивала о причинѣ того у Генриха, который, благодаря своей обширной перепискѣ, зналъ о всѣхъ придворныхъ интригахъ въ германскихъ княжествахъ. Онъ не замедлилъ сообщить, что въ Рейнсбергѣ проживалъ съ 1791 года эмигрировавшій изъ Франціи извѣстный Буффлеръ [1]) съ дамою своего сердца, графинею Сабранъ; они оба пользовались довѣріемъ принца Генриха. Сенакъ прибывъ поколебалъ это довѣріе, но вскорѣ поссорился съ Буффлеромъ; ему показалось, что принцъ Генрихъ сталъ холодно къ нему относиться, и Сенакъ счелъ за

[1]) Маркизъ Буффлеръ (Boufflers) родился въ 1738 г., умеръ въ 1815 г. въ Парижѣ. Сынъ извѣстной маркизы Буффлеръ, бывшей украшеніемъ двора Станислава, герцога Лотарингскаго, служилъ въ военной службѣ, писалъ стихи, былъ посланъ въ національное собраніе 1789 года и послѣ 10-го августа 1791 года оставилъ со многими другими Францію, получилъ отъ короля прусскаго обширныя земли для поселенія эмигрантовъ и вступилъ въ брака съ г. Сабранъ. Послѣ возвратился во Францію и безъ всякой для себя пользы льстилъ Наполеону I.

лучшее удалиться. Это объясненіе очень позабавило Екатерину, которая и по отъѣздѣ Сенака изъ Россіи неоднократно упоминаетъ о немъ въ письмахъ къ Гримму. Такъ, 14-го августа 1792 года она пишетъ: «Никогда не предлагала ему отъ моего имени чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; онъ предлагалъ себя въ исторіографы, что нельзя было ему воспретить, но я старалась его отвратить отъ этого, постоянно утверждая, что нельзя писать исторію страны, когда не знаешь ея языка и не имѣешь никакого понятія объ ея обычаяхъ». Въ письмѣ отъ 3-го апрѣля 1794 г. Екатерина говоритъ: «Мельянъ прислалъ мнѣ прекрасное вступленіе къ исторіи Россіи, матеріалы для которой онъ искалъ въ библіотекѣ принца Генриха, называющаго его ученымъ.. Я же называю его несвѣдущимъ, потому что это человѣкъ, охотно распинающійся, чтобы написать исторію страны, которой онъ вовсе не знаетъ языка, и на каждой строчкѣ дѣлающій поэтому ошибки. Я же распинаюсь, чтобы сказать ему это со всевозможною учтивостію... Онъ хотѣлъ быть здѣсь министромъ финансовъ, въ которыхъ онъ полагаетъ, что много разумѣетъ, потому что былъ интендантомъ во Франціи; потомъ онъ просилъ мѣсто посланника въ Константинополѣ, потому что любитъ турецкіе диваны и образъ жизни въ Турціи. Я отвѣтила, что могу назначить на это мѣсто только русскаго и притомъ православнаго вѣроисповѣданія. Его сыновья также считаютъ, что все ниже ихъ. Потомъ онъ отправился къ князю Потемкину въ армію, гдѣ давалъ ему совѣты о военныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ князь сильно зѣвалъ», и т. д.

Уѣхавъ изъ Рейнсберга, Сенакъ жилъ въ разныхъ городахъ Германіи, преимущественно въ Дрезденѣ; въ 1794 году застаемъ его въ Гамбургѣ; потомъ онъ сдѣлалъ поѣздку въ Неаполь и переселился окончательно въ Вѣну, гдѣ подружился съ принцемъ де-Линь. Извѣстно, что принцъ былъ долго въ Россіи и пользовался расположеніемъ Екатерины II. Два честолюбца, одинъ — воображавшій себя великимъ полководцемъ, а другой—желавшій быть министромъ финансовъ, оба недовольные судьбою, сдѣлались большими друзьями. Сенакъ вскорѣ обратился къ Бонапарту съ просьбою о вознагражденіи его за понесенныя имъ потери во время революціи. Извѣстно также, что въ 1802 году, на другой день послѣ амнистіи 26-го апрѣля, онъ обратился къ французскому министру полиціи и, указывая, что не подымалъ оружія противъ Франціи, просилъ разрѣшить ему возвратиться въ отечество. Но воззванія къ щедрости и милосердію Наполеона остались тщетными. Забытый и покинутый всѣми, Сенакъ-де-Мельянъ кончилъ жизнь среди своихъ мечтаній въ Вѣнѣ въ 1803 году.

П. Майковъ.

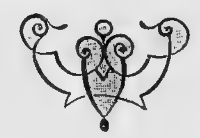
Я. Н. Туруновъ.

Письмо Н. Устрялова Конст. Степ. Сербиновичу.

24-го декабря 1840 г.

Вручитель сего, Яковъ Николаевичъ Туруновъ, есть тотъ самый литераторъ, о которомъ я имѣлъ честь говорить вамъ, милостивый государь, въ департаментѣ. Года за три передъ симъ, онъ преподавалъ съ отличнымъ успѣхомъ русскую словесность и исторію въ Царскосельскомъ лицеѣ, въ Военной академіи, въ Пажескомъ корпусѣ и Инженерномъ училищѣ. Жестокая простуда лишила его слуха, онъ принужденъ былъ отказаться отъ учебныхъ занятій и посвятить себя трудамъ литературнымъ. Вы найдете въ немъ отличнѣйшаго сотрудника по редакціи «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». На первый разъ онъ не проситъ жалованья и желаетъ только, чтобы вы его узнали [1]).

Съ особеннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою.

[1]) Впослѣдствіи Яковъ Николаевичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ газеты «Русскій Инвалидъ» и журнала «Военный Сборникъ». Ред.

Записки Михаила Чайковскаго.

VI [1]).

Поѣздка въ Варшаву. — Царство Польское. — Характеристика общества. — Дивизія польскихъ улановъ.

Въ то время, когда молодежь окрестностей Бердичева старалась развить свой умъ и чувства такъ, чтобы сдѣлаться людьми сабли и пера, стали носиться слухи о намѣреніи императора Николая объявить Турціи войну для освобожденія славянъ-христіанъ.

Несмотря на патріотическое увлеченіе и любовь къ Польшѣ, на воспоминанія о конфедераціяхъ, а наиболѣе на католицизмъ, отдалявшій поляковъ отъ русскихъ и мѣшавшій росту того согласія, сѣмена котораго уже были брошены въ сердца польской молодежи постоянными сношеніями и братствомъ съ русскими офицерами и преувеличенными воспоминаніями о сообществѣ Зеленой книги [2]); несмотря на историческія воспоминанія о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ между Польшею и Турціею, союзѣ, который провозглашали и отстаивали Ржевусскіе—въ виду того, что ихъ предокъ подписался, какъ уполномоченный короля и Рѣчи Посполитой, на договорѣ объ этомъ вѣчномъ союзѣ,—и Потоцкій, владѣлецъ Бѣлолувки, бывшій посолъ Рѣчи Посполитой и короля Станислава въ Стамбулѣ;—общественное мнѣніе, даже поляковъ стараго покроя, признавало эту войну справедливою, логич-

---

[1]) См. «Русскую Старину» декабрь 1895 г.

[2]) Т. е. воспоминаніями о сношеніяхъ декабристовъ съ польскимъ патріотическимъ обществомъ. Ред.

*

ною и необходимою, такъ какъ она должна была вестись за христіанство и за славянъ, которые, будучи оставлены на произволъ турокъ, могли бы поступиться и вѣрою, и народностью.

Шамбеланъ и подканцлеръ изъ Каменца объѣзжали сосѣдей и говорили: «война нужна, и она необходимо должна быть, дабы не наступила давность, что было бы величайшимъ несчастіемъ, и бѣлый царь могъ бы стать чернымъ царемъ. Видите ли, господа, въ правѣ международномъ, какъ и въ правѣ судебномъ, есть давность; если вы не обратитесь съ требованіемъ какой-либо вещи въ теченіе извѣстнаго времени, въ законѣ обозначеннаго, то вы потеряете право даже требовать эту вещь. Его Величество имѣетъ такихъ юристовъ, какихъ нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ,—Нессельроде и князя Адама Чарторыжскаго, принадлежащихъ къ одной школѣ! Нельзя засыпать, чтобы, проснувшись, не застать христіанъ омусульманенными и славянъ отуреченными. Бѣлый царь отвѣчалъ бы за столько душъ предъ Богомъ и предъ людьми; война должна быть, и война не на животъ, а на смерть!»

Подканцлеръ прибавлялъ, что онъ посылаетъ на войну своихъ трехъ сыновей, четвертый—ксендзъ будетъ за нихъ молиться. Этотъ случай выказываетъ настроеніе умовъ дворянъ.

Появился въ то время въ Бердичевѣ молодой капитанъ Милорадовичъ, адъютантъ фельдмаршала Сакена, родомъ сербъ и очень горячій славянинъ; онъ познакомился съ польскою молодежью, пропагандировалъ славянскій крестовый походъ, и поляки, богатая шляхта, стали поступать въ гусары и уланы русской службы. Третій дивизіонъ гусаръ и шестой уланъ наполнились добровольцами изъ сыновей богатыхъ помѣщиковъ русскихъ земель. Молодой Микульскій былъ прикомандированъ къ провіантскому коммиссаріату въ Бессарабіи, съ порученіемъ войти въ сношенія съ запорожцами, живущими на правой сторонѣ Дуная, подъ властію и опекою турецкаго правительства. Микульскій былъ очень хорошо знакомъ съ исторіей казаковъ (я объ этомъ упоминаю потому, что отъ него перваго мы получили обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ вооруженныхъ выходцахъ Запорожскаго войска); онъ такъ добросовѣстно и тщательно отнесся къ своей миссіи, что позднѣе, много лѣтъ спустя, я на мѣстѣ встрѣтилъ все то, что въ то время находилъ въ письмахъ Микульскаго, который всегда поддерживалъ съ нами сношенія.

Я былъ еще слишкомъ молодъ въ то время, чтобы поступить въ военную службу, хотя мнѣ этого очень хотѣлось. Матушка моя, вовсе не желавшая видѣть меня военнымъ, рѣшила послать въ Варшаву для окончанія моего образованія по юридическому факультету. Карлъ Ружицкій, числившійся ремонтеромъ втораго полка польскихъ улановъ, какъ разъ въ это время посылалъ въ полкъ, съ подпоручикомъ Августи-

номъ Сикорскимъ, 19 сѣрыхъ лошадей; почти всѣ эти лошади были изъ нашего табуна. Ружицкій рѣшилъ ѣхать самъ въ Варшаву, чтобы отвезти меня въ университетъ, свести счеты и поговорить съ полковникомъ Дверницкимъ, командиромъ 2-го уланскаго полка, квартировавшаго въ то время въ Красно-Ставѣ.

Іосифъ Дверницкій былъ безъ сомнѣнія какъ на маневрахъ, такъ и на полѣ битвы, однимъ изъ дѣльнѣйшихъ офицеровъ польской кавалеріи. Онъ составилъ уставъ, на польскомъ и русскомъ языкахъ, утвержденный цесаревичемъ великимъ княземъ Константиномъ и ставшій обязательнымъ для русскихъ и польскихъ войскъ. Благодаря этому, Дверницкій былъ въ большой милости у цесаревича и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь расположеніемъ къ нему генераловъ Куруты и Рожницкаго, расположеніемъ, которое онъ умѣлъ снискать своею изысканною вѣжливостью самаго лучшаго пана и подарками, во-время подносимыми, Дверницкій страшно сорилъ своими и казенными деньгами, ставя этимъ полковое хозяйство въ крайне неловкое положеніе: жалованье не уплачивалось, ремонты не пополнялись такъ, какъ это было установлено правилами, въ силу которыхъ слѣдовало въ опредѣленные сроки восьмую часть лошадей въ полку браковать и продавать.

За привилегію сидѣть дома Ружицкій долженъ былъ доставлять лошадей въ кредитъ, т. е. платить за нихъ до разсчета съ полковникомъ. Офицеры или подхорунжіе, которые хотѣли пользоваться отпускомъ и считаться прикомандированными къ ремонту, были обложены такою же контрибуціею;—этимъ способомъ набиралось иногда въ полку до 30 ремонтныхъ лошадей, красивыхъ, породистыхъ, но все-таки это было слишкомъ недостаточное количество. Самая значительная контрибуція падала на нашъ табунъ; но наши лошади пріобрѣли извѣстность, и моя мать была этому очень рада.

Я покидалъ мать и родню съ горькимъ сожалѣніемъ, какъ будто я отправлялся на тотъ свѣтъ; мнѣ приходилось ѣхать за границу, хотя и въ предѣлахъ одного и того же государства, но все-таки за границу. Варшава, не знаю почему, казалась мнѣ такою чуждою, такою не казацкою (?), не нашею, что я предпочелъ бы ѣхать въ старый Кіевъ и даже въ заднѣпровскій Харьковъ, но горю нельзя было помочь: такъ желала моя мать и такъ должно было быть.

Все въ Гальчинцѣ казалось мнѣ столь прекраснымъ, столь очаровательнымъ, что я не могъ вдоволь насмотрѣться на каждый предметъ, а Долетъ такъ ласкался ко мнѣ, какъ бы хотѣлъ сказать: «не уѣзжай, останься съ нами». Старый Игнатій, давній слуга моего отца, носившій меня въ дѣтствѣ на рукахъ, возившій меня въ школу и почти ни на шагъ отъ меня не отступавшій, плакалъ, но постоянно повторялъ: «нужно ѣхать, пани приказываетъ, она знаетъ, что дѣлаетъ». Старый

Янекъ ворчалъ, что меня увозятъ въ то время, когда я только-что сдѣлался настоящимъ псовымъ охотникомъ, а Тончевскій самымъ торжественнымъ образомъ обѣщалъ мнѣ, что не позволитъ, чтобы на гальчинской землѣ охотились на лисицъ и зайцевъ, что поэтому я могу спокойно уѣхать, въ увѣренности, что, по возвращеніи, найду мою охоту въ такомъ же состояніи, какъ я ее оставилъ. Оранскій обѣщалъ мнѣ то же относительно моихъ книгъ и древностей. Я поцѣловалъ мать, она меня и цѣловала, и благословляла, но не уронила ни одной слезы. Сестры плакали, цѣлая толпа собралась провожать меня; признаюсь, мнѣ казалось, что я ѣду если не за море, то по крайней мѣрѣ, за горы и рѣки, «за Дунай», какъ говорится въ пѣснѣ, тогда какъ я ѣхалъ только за Бугъ.

Янъ Омецинскій ѣхалъ съ нами до самаго Кременца. Наши верховыя лошади и нѣсколько борзыхъ собакъ, для подарковъ, были отправлены съ подпоручикомъ Сѣраковскимъ и ремонтомъ прямо въ Усцилугъ, а мы двинулись въ путь въ двухъ экипажахъ, съ связками и чемоданами; бричка съ кухнею, поваромъ и лягавою собакою слѣдовала за нами. Мы проѣзжали черезъ Бердичевъ; весь городъ и евреи казались въ моихъ глазахъ окрашенными столь красивымъ колоритомъ, что мнѣ не хотѣлось покидать ихъ, и въ то мгновеніе я былъ убѣжденъ, что никогда не встрѣчу подобнаго города, гдѣ все достать можно, кромѣ птичьяго молока, какъ принято было говорить про Бердичевъ.

Мы пріѣхали къ обѣду въ Жидовичи; обѣдъ былъ по истинѣ гастрономическій; подавали даже сѣрыхъ дроздовъ, приготовленныхъ по рецепту Саварино, а вино такое, какое пили наши отцы еще предъ королями-саксонцами. Интересный типъ представлялъ тутъ собою старикъ Шлемеръ, чехъ родомъ, допотопный бердичевскій лѣкарь; онъ жилъ въ полумилѣ отъ города и началъ заниматься врачебною практикою еще при саксонцахъ. Ежедневно утромъ, ровно съ восходомъ солнца, садился онъ въ дрожки, запряженныя парою сѣрыхъ въ яблокахъ лошадей; кучеръ въ миндальнаго цвѣта ливреѣ съ блестящими пуговицами, въ круглой лакированной шляпѣ съ павлиньимъ перомъ; камердинеръ въ желтыхъ брюкахъ до колѣнъ, въ коричневомъ фракѣ, въ свѣтло-зеленомъ жилетѣ, въ цилиндрѣ, въ красныхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками. Самъ баринъ лѣтомъ и зимою въ свѣтло-зеленомъ фракѣ, съ перламутровыми пуговицами, въ брючкахъ перловаго цвѣта и въ сапогахъ съ отворотами; на головѣ шапочка въ видѣ каски, козырекъ которой поднимался кверху, какъ вздернутый носъ парижской гризетки; въ дамскихъ перчаткахъ; около него трость съ золотымъ набалдашникомъ въ формѣ головы мопса и ящуровый ящикъ, довольно большой, окованный настоящимъ золотомъ.

Дрожки были свѣтло-желтаго, почти лимоннаго цвѣта, внутри были обиты краснымъ сафьяномъ съ желтыми каймами; около дрожекъ бѣ-

жали двѣ собаки, изъ породы такъ называемыхъ, леопардовыхъ,—по масти похожія на лошадей. Такимъ образомъ онъ объѣзжалъ всѣ улицы города, не останавливаясь, но медленно, какъ говорятъ, шагъ за шагомъ. Евреи подходили, разсказывали болѣзнь, платили по полтиннику, и докторъ вручалъ имъ маленькій флакончикъ съ фіалковымъ масломъ; это было лѣкарство противъ всѣхъ болѣзней, одинаково пригодное при мигрени и при переломѣ ноги; противъ лихорадки, какъ и противъ нарывовъ люди употребляли это средство и, повидимому, излѣчивались, если снова приходили и платили.

Если самъ Шлемеръ посѣщалъ какого-нибудь богатаго паціента или присутствовалъ на съѣздѣ помѣщиковъ,—онъ пользовался правомъ, въ качествѣ помѣщика, вотировать и быть избираемымъ,—тогда камердинеръ вмѣсто его объѣзжалъ Бердичевъ, что́, впрочемъ, давало тѣ же результаты; такъ продолжалось до 1831 г. Панъ Шлемеръ владѣлъ прекрасною деревнею и огромными капиталами, положенными на сохраненіе у ксендзовъ кармелитовъ босыхъ.

У него былъ табунъ чубарыхъ лошадей высокой породы, съ хвостами, напоминавшими хвостъ крысъ, и очень жидкими гривами. Одного изъ этихъ коней ежегодно въ день св. Михаила Шлемеръ дарилъ мнѣ въ память того, что онъ, пріѣхавъ изъ Богеміи, началъ свою карьеру въ качествѣ врача ксендза Тадеуша Чайковскаго, моего дяди, а послѣ его смерти получилъ мѣсто у кіевскаго уніатскаго митрополита Росцишевскаго.

Изъ Бердичева заѣхали мы въ Адамполь къ моей двоюродной сестрѣ Ѳеодосіи Третякъ, которую я чрезвычайно любилъ, такъ какъ она обладала въ высшей степени мужественнымъ духомъ и мягкимъ женскимъ сердцемъ. Она была хорошею матерью и прекрасною хозяйкою, вела богатое хозяйство; была страстной поклонницей извѣстности и славы рода Ястрембцовъ; я былъ Веніаминомъ ея сердца, надеждою, что когда-нибудь исторія заговоритъ обо мнѣ.

Мы посѣтили также Валицу надъ Случью. Здѣсь былъ одинъ очень любопытный феноменъ, о которомъ я упоминалъ уже въ своихъ сочиненіяхъ, но о которомъ считаю нужнымъ и теперь сказать нѣсколько словъ. Феноменомъ этимъ былъ Алоисій Выжиковскій. Онъ принадлежалъ къ очень богатому и извѣстному на Украйнѣ роду; отецъ оставилъ ему состояніе въ нѣсколько милліоновъ; двадцати лѣтъ онъ былъ капитаномъ гвардейскихъ драгуновъ, адъютантомъ фельдмаршала Витгенштейна. Ему предстояла блестящая карьера; на 24 году онъ женился на красавицѣ, какую только можно себѣ представить въ воображеніи, Людвикѣ Грудзинской, и въ самомъ непродолжительномъ времени должно было состояться назначеніе его флигель-адъютантомъ императора Александра I. И все это пошло прахомъ вслѣдствіе его обжор-

ства и лакомства. Онъ потерялъ имѣніе, свихнулъ свою карьеру, вогналъ въ гробъ жену, здоровье которой было разстроено постоянными огорченіями,—и при всемъ этомъ онъ былъ почтеннымъ человѣкомъ и достойнымъ всякаго уваженія помѣщикомъ. Обжорство было его страстью, болѣзнью; ни разсудокъ и совѣты друзей, ни просьбы родныхъ и приказанія врачей, даже страхъ смерти — ничто не могло заставить его отъ него воздержаться. Я разскажу, какъ онъ проводилъ день, чтобы познакомить читателей съ этимъ обжорствомъ. Считаю нужнымъ замѣтить, что у него было три повара, одинъ для мясныхъ блюдъ, другой—для рыбныхъ, третій—для мучныхъ и пирожнаго; кромѣ того у него былъ кондитеръ; всѣ они были настоящими артистами своего дѣла. Зимою или лѣтомъ, за часъ до восхода солнца, вскочивъ съ кровати, надѣвъ туфли и накинувъ халатъ, панъ Алоисій бѣжалъ въ кухню. Здѣсь уже былъ приготовленъ зажареный на вертелѣ каплунъ. Поваръ разрѣзалъ его на части, а Выжиковскій пожиралъ куски, обглодывая даже косточки. Затѣмъ онъ возвращался въ спальню и снова ложился спать. Только-что лучи солнца начинали пробиваться сквозь ставни спальни, онъ во все горло кричалъ: «Людвика, Людвика, пора бы подумать о кофе!». Ему приносили на подносѣ два огромныхъ чайника благовоннаго кофе, такого, какой только въ Польшѣ умѣютъ приготовлять, 12 горшечковъ сливокъ, двѣ свѣже испеченныя горячія еще булки, намазанныя масломъ (каждая изъ этихъ булокъ вѣсила не менѣе $^1/_2$ фунта); а также двѣ фарфоровыя чашки, каждая изъ которыхъ вмѣщала кварту. Все это онъ выливалъ и съѣдалъ, ничего не оставляя. Затѣмъ отправлялся обозрѣвать хозяйство. Обзоръ этотъ состоялъ въ томъ, что, взобравшись на навозную кучу, находившуюся по срединѣ двора, онъ начиналъ свистать, а индюки ему отвѣчали. Вернувшись, кричалъ на своего казака: «Заморока, подавай завтракъ!». Завтракалъ онъ въ 9 часовъ. На завтракъ подавались: окорокъ, гусиный полотокъ, икра, редиска, масло, сыръ, даже варенье, разныхъ сортовъ колбаса, бичосъ или зразы съ кашей, 19 перепелокъ, обложенныхъ саломъ; почти $^2/_3$ всего этого онъ съѣдалъ самъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого. Предъ завтракомъ онъ выпивалъ рюмки двѣ водки, а во время завтрака нѣсколько бутылокъ портеру. Музыка играла,—у него былъ прекрасный оркестръ,—а онъ смотрѣлъ на Случь и дремалъ въ теченіе приблизительно двухъ часовъ. Еще не было часа дня, когда онъ приказывалъ подавать обѣдъ. Обѣдъ былъ обильный, слагавшійся изъ множества отличныхъ блюдъ и разныхъ закусокъ; вино подавалось прекрасное.

До какой степени панъ Алоисій былъ лакомкой, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай. Однажды поваръ приготовилъ мороженое, которое онъ назвалъ камчатскимъ снѣгомъ. Мороженое искрилось и

сверкало, какъ настоящій снѣгъ. Хозяинъ, хотя у него слюнки текли и глаза блестѣли, приглашалъ, однако, гостей брать первыми это лакомство. Послѣднимъ сидѣлъ около Выжиковскаго его шуринъ, Михаилъ Грудзинскій; онъ взялъ немного; хозяинъ упрашивалъ его взять больше; ради шутки панъ Михаилъ взялъ все, что было на блюдѣ. Панъ Алоисій оцѣпенѣлъ, какъ пораженный громомъ; спустя мгновеніе, изъ глазъ у него потекли слезы; всхлипывая, онъ едва могъ произнести: «Этого я тебѣ никогда не забуду!».

Послѣ обѣда онъ отправлялся въ свой кабинетъ для размышленій. Потерявъ сына, которому было годъ или полтора, онъ не похоронилъ его, но положилъ въ стеклянную банку съ уксусомъ и такъ держалъ его въ шкафу, въ которомъ рядомъ лежали груды пирожнаго, конфектъ и другихъ сладостей, и стояли бутылки съ ликерами и десертными винами. Панъ Алоисій открывалъ шкафъ, придвигалъ кресло такъ, чтобы ему можно было смотрѣть на сына и протягивать руку за напитками и сладостями;—и такимъ образомъ онъ размышлялъ, приблизительно, до пятаго часа; затѣмъ вскакивалъ съ кресла и бѣжалъ къ женѣ, со словами: «Людвика, пойдемъ пить кофе». Отправлялись въ бесѣдку, построенную на погребѣ съ водкою, надъ самою Случью. Въ бесѣдкѣ были разставлены столы съ разнаго рода фруктами, пирогами, мазурами и пирожными; свѣжее масло, сыръ, копченая колбаса, паштеты, тающіе во рту, вино во льду и кофе со сливками, на половину замороженное. Музыка играла въ оврагѣ, а панъ Алоисій поѣдалъ и выпивалъ все безъ разбору. Въ семь часовъ былъ полдникъ, а въ восемь уже онъ кричалъ на Замороку: «подавать ужинъ».

Ужинъ былъ еще болѣе обильный, чѣмъ обѣдъ, такъ какъ панъ Алоисій говорилъ, что, если лечь спать проголодавшись, то приснятся цыганы. Всегда подавались пироги и пирожки, которыхъ панъ Алоисій съѣдалъ огромное количество; индюшка съ трюфелями, или куропатка, или тетерка, или заяцъ, или жаркое изъ серны; при этомъ спаржа, цвѣтная капуста и даже картофель; рыба, сладости или пудинги, меренги и другія бакаліи. Въ 9½ часовъ подавали чай. Столы гнулись подъ тяжестью серебряныхъ подносовъ съ самоваромъ, чайниками, сливками, бутылками ямайскаго рому, хлѣбомъ, пирожнымъ, окороками, паштетами, сухарями; ароматъ цвѣтнаго чаю распространялся по комнатамъ. Въ десять часовъ панъ Алоисій шелъ въ спальню. Ему приносили двѣ квартовыя чашки пуншу изъ шампанскаго, съ ромомъ, ванилью и взбитыми яичными желтками. Осушивъ эти кружки, панъ Алоисій заваливался на постель и засыпалъ, какъ мертвый, чтобы слѣдующій день провести точно такимъ же образомъ.

Когда мы посѣтили пана Алоисія, у него отъ четырехмилліоннаго состоянія осталось одно только имѣніе Валицы, стоившее триста тысячъ

польскихъ злотыхъ; здоровье жены его было разстроено отъ огорченія; тетка Шидловская ругала пана Алоисія, а онъ ѣлъ, пилъ и ни о чемъ не думалъ, кромѣ удовольствій. По случаю нашего пріѣзда онъ пригласилъ сосѣдей и устроилъ танцы.

Странный случай произошелъ со мною на этихъ танцахъ; среди гостей была панна Л.; она была чудно хороша собою: синіе глаза, бѣлокурые волосы, личико—кровь съ молокомъ, стройная, какъ статуя богини любви; при томъ ей было 16 лѣтъ. Я пригласилъ ее на мазурку, но она не могла никакъ слѣдовать за мною и объяснила причину: мать связала ей ноги, чтобы отучить ее дѣлать большіе шаги. По моему предложенію, мы отправились въ одну изъ аллей и тамъ я снялъ съ нея путы; смѣялись, какъ дѣти, и были очень довольны другъ другомъ. Мнѣ уже не хотѣлось ѣхать въ Варшаву, но дѣлать было ничего, и я поѣхалъ, думая о распутанной паннѣ.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Усцислугъ, гдѣ насъ ожидалъ поручикъ Сѣраковскій съ 19 ремонтными лошадьми. Въ ту же ночь привели съ другой стороны рѣки, но не черезъ мостъ, а вплавь 81 бѣлую лошадь; тотчасъ же, не теряя времени, уланы выкрасили прибывшихъ лошадей въ темно-сѣрый цвѣтъ. На другой день мы проѣхали черезъ мостъ въ таможню королевства Польскаго, гдѣ ожидалъ насъ директоръ этой таможни, бывшій маіоръ польскаго войска Вержбицкій и маіоръ Рыдловскій, адъютантъ генерала Рожницкаго. Они разсматривали лошадей поочередно, расхваливали породу, а въ особенности темносѣрую масть, доказывавшую молодость и силу; тотчасъ же каждый послалъ отъ себя рапортъ, что изъ Украйны приведено сто лошадей для ремонта втораго полка улановъ, всѣ—темносѣрыя, молодыя и породистыя. Оба эти рапорта были представлены цесаревичу в. к. Константину. Читая ихъ, онъ повторялъ: «Богъ знаетъ, что говорятъ объ этомъ Дверницкомъ, а вотъ онъ доставляетъ сто прекрасныхъ коней; можно ли послѣ этого вѣрить людямъ?»

Такъ плутовалъ Дверницкій, и ему вѣрили.

Наконецъ мы пріѣхали въ Красно-Ставъ, гдѣ стоялъ гарнизономъ второй уланскій полкъ съ полковникомъ Дверницкимъ и бригаднымъ генераломъ княземъ Адамомъ Виртембергскимъ, мать котораго была урожденная княгиня Чарторыжская.

Чтобы не уронить своего генеральскаго достоинства, князь Адамъ Виртембергскій почти по цѣлымъ днямъ сидѣлъ дома одинъ и училъ маленькаго шпица прыгать черезъ палку, а обезьяну ловить орѣхи, которыя бросалъ ей. Баронъ Бильгофъ, первый адъютантъ генерала, тоже нѣмецъ, училъ говорить попугая; другой нѣмецъ, баронъ Гигель, чистилъ ножны своей сабли, а Гемпель, полякъ Ягеллоновой крови, тоже адъютантъ, бренчалъ на гитарѣ, припѣвая:

Горе, горе намъ, мазуры:
Нѣмцы съ насъ сдираютъ шкуры.

Въ квартирѣ было очень тихо, такъ что можно было слышать ходъ часовъ и шаги часоваго у воротъ.

На площади была квартира полковника Дверницкаго; дворъ дома полонъ осѣдланными конями, экипажами, уланами, жидами и собаками различныхъ породъ. Въ передней солдаты и унтеръ-офицеры угощаются сельтерскою водою съ шампанскимъ; въ комнатѣ толпа офицеровъ и штатскихъ: одни на отдѣльныхъ столикахъ играютъ въ карты, другіе— въ бильярдъ; иные налегаютъ больше на шампанское и венгерское, иные—ѣдятъ, курятъ трубки, громко разговариваютъ.

Хорошенькая пани Демболина аккомпанируетъ на роялѣ завитому, расфранченному полковнику съ огромнымъ брюхомъ, который поетъ романсъ; тамъ играетъ музыка, и красавцы уланы, глаза которыхъ привлекаютъ дѣвушекъ, какъ огонь мотыльковъ, веселятся. Проходя среди этой веселящейся толпы, подполковникъ Гавронскій ворчалъ: «Три года ни одинъ офицеръ не получалъ жалованья, а солдаты восемь мѣсяцевъ, половины лошадей въ полку нѣтъ, долговъ множество, чѣмъ все это кончится!»

Метельскій, — которому подъ Смоленскомъ, въ то время когда онъ командовалъ: «впередъ, впередъ, ура!» пуля попала въ ротъ и вылетѣла, пробивъ щеку,—состоявшій въ описываемое время полковымъ квартермистромъ, подслушавъ ворчанье Гавронскаго, подошелъ къ нему: «Подполковникъ, сказалъ онъ, будемъ пользоваться жизнью, пока годы позволяютъ. Сегодня мы здѣсь веселимся, а, Богъ знаетъ, что будетъ завтра. Какъ-нибудь все обойдется».

Въ полкъ поступили двое молодыхъ людей: Людвигъ Піотровскій и Феликсъ Якубовскій. Дверницкій разспрашиваетъ ихъ о родителяхъ, имѣніяхъ, такъ какъ они были изъ Украйны. Первому, который сказалъ, что дѣла по имѣнію отца его пришли въ упадокъ, совѣтовалъ ѣхать къ полковнику Томинскому, записаться въ его полкъ, который носитъ народные мундиры, синіе съ бархатомъ.

Якубовскому же, который разсказывалъ о богатствѣ своего отца, а также о томъ, что пріѣхалъ на четверкѣ сѣрыхъ лошадей и что у него три верховыхъ лошади, тоже сѣрыя, Дверницкій сказалъ: «вамъ будетъ очень идти бѣлый воротникъ, вы останетесь съ нами; черезъ мѣсяцъ мы васъ сдѣлаемъ подхорунжимъ». А затѣмъ, обратившись къ капитану Ольторжевскому, прибавилъ: «осмотрите этихъ лошадей; если хороши, возьмите ихъ въ эскадронъ, а тамъ послѣ сочтемся».

Таковъ былъ полковникъ Дверницкій, безъ сомнѣнія, самый бравый и самый ученый офицеръ польской кавалеріи. Никто не зналъ обстоятельнѣе его службы, обозной и полевой, никто лучше его не умѣлъ обу-

чать солдатъ и руководить ими на маневрахъ, никто быстрѣе и удачнѣе его не умѣлъ примѣнять теорію къ практикѣ. Въ кампанію 1812 года, послѣ генерала Квасневскаго, лучшимъ кавалерійскимъ офицеромъ польскаго войска былъ Дверницкій; въ 1813 г., командуя полкомъ добровольцевъ, онъ нѣсколько разъ обращалъ на себя вниманіе Наполеона и получалъ отличія. По возвращеніи въ Польшу, онъ былъ назначенъ организаторомъ и командиромъ втораго полка улановъ; его очень цѣнилъ и любилъ цесаревичъ в. к. Константинъ, какъ за составленіе устава для кавалеріи на русскомъ и польскомъ языкахъ и за отличное состояніе полка на ученіяхъ, такъ и за воспитанность и учтивость, которыми Дверницкій очаровывалъ всѣхъ окружающихъ цесаревича.

Необыкновенно тучный, Дверницкій вскакивалъ на коня, не касаясь стремянъ, и лихо на немъ скакалъ; мазурку танцовалъ легко; любилъ веселиться и принимать гостей. Почти всѣ офицеры его полка были изъ Украйны, Подоліи и Волыни; многіе изъ нихъ принадлежали къ богатымъ семействамъ, были хорошо воспитаны. Чтобы понравиться полковнику, нанимали учителя танцевъ, и неумѣвшіе танцовать обучались этому искусству; у всѣхъ были ружья, борзыя, гончія и лягавыя; охота была въ модѣ; въ полку былъ прекрасный оркестръ, каждый музыкантъ котораго былъ артистомъ. Помѣщики доставляли провизію для людей, фуражъ для лошадей и хотя едва-ли видѣли когда-нибудь за все это плату, но за то кутили у полковника и охотились съ нимъ. Меня увѣряли, что во второмъ уланскомъ полку никогда не было болѣе 500 лошадей, а должно было ихъ быть 800. Тѣмъ не менѣе на каждомъ парадѣ, смотру, разводѣ и маневрахъ полкъ его являлся при полномъ комплектѣ лошадей; офицеры держали лошадей упряжныхъ, верховыхъ, охотничьихъ, и всегда сѣрыхъ; помѣщики, купцы, даже извозчики доставляли при всякой надобности сѣрыхъ лошадей—всѣ любили Дверницкаго. Полковникъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ эту къ нему любовь. «Если вы желаете, говорилъ онъ, пріобрѣсти расположеніе поляковъ, старайтесь казаться глупѣе, чѣмъ они, чтобы каждый думалъ: я этого осла буду водить, какъ мнѣ вздумается за носъ. Тогда у нихъ не явится даже мысли объ оппозиціи, и можно будетъ пользоваться ими для своихъ выгодъ и вмѣстѣ съ тѣмъ третировать ихъ, какъ пуделей».

И онъ былъ тысячу разъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасно воспитанный, онъ часто разыгрывалъ роль простака, ротозѣя даже, и въ теченіе всей своей жизни заставлялъ поляковъ поступать сообразно своимъ желаніямъ и былъ ими любимъ. Каждый думалъ: пороху не выдумаетъ, но душа-человѣкъ; лучше намъ имѣть человѣка, который пляшетъ подъ нашу дудку, чѣмъ человѣка, который бы насъ заставлялъ плясать, какъ ему хочется.

Дверницкій не былъ демократомъ, скорѣе консерваторомъ, монархистомъ, даже и добрымъ шляхтичемъ, но у него былъ зубъ противъ князя Адама Чарторыжскаго, и потому онъ сталъ въ ряды оппозиціи. Этотъ «зубъ» явился у него по слѣдующему поводу.

Прижатый къ стѣнѣ генераломъ Рожницкимъ за разныя упущенія въ полку, Дверницкій былъ въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи; ему нужно было 100 тысячъ польскихъ злотыхъ, чтобы уладить это дѣло. Онъ обратился къ князю Адаму Чарторыжскому въ Пулавы. Этотъ послѣдній приказалъ отсчитать Дверницкому просимую сумму и получилъ отъ него росписку, съ обозначеніемъ срока уплаты; срокъ прошелъ, а полковникъ, какъ лиса, избѣгалъ встрѣчи съ княземъ Адамомъ. Чарторыжскій, напротивъ, старался встрѣтиться съ нимъ, не для денегъ, конечно, но потому, что умѣлъ оцѣнить такого офицера и хотѣлъ войти съ нимъ въ болѣе близкія отношенія. Въ одинъ прекрасный день онъ поймалъ его въ Варшавѣ, пригласилъ сѣсть въ свой экипажъ и привезъ въ палаццо Чарторыжскихъ; тамъ, наговоривъ ему много любезностей, сказалъ: «чтобы между нами не было никакой преграды, которая заставляетъ васъ, полковникъ, избѣгать меня, уничтожимъ этотъ документъ». Съ этими словами онъ бросилъ росписку Дверницкаго въ пылающій каминъ. Дверницкій ничего не сказалъ, разстался очень вѣжливо, но потомъ, раздумавши, очень обидѣлся, что такъ поступили съ долговымъ обязательствомъ шляхтича; впрочемъ, онъ, сознавался, что все равно никогда не уплатилъ бы этого долга.

Я видѣлъ всѣ четыре полка польскихъ улановъ, собранные подъ Левортовомъ. Въ цѣломъ мірѣ нельзя было встрѣтить болѣе прекрасной и лучше обученной кавалеріи. Я видѣлъ этихъ рыцарей Наполеона, этихъ товарищей Домбровскаго, Квасницкаго, Козетульскаго и другихъ героевъ, распространявшихъ славу польскаго оружія въ разныхъ частяхъ свѣта.

Какъ чудно прекрасенъ былъ первый эскадронъ четвертаго полка улановъ, эскадронъ старцевъ съ бѣлыми усами, украшенныхъ крестами почетнаго легіона и virtuti militari, подъ командою 70-лѣтняго старца, капитана Фишебока; самымъ младшимъ подпоручикомъ въ этомъ эскадронѣ былъ 55-лѣтній ветеранъ Крыжановскій, перешедшій сюда изъ улановъ гвардіи императора Наполеона I-го. Это были богатыри Ваграма и Лейпцига; какъ хороши они были среди этой молодежи-улановъ, съ чуть пробивающимися усиками, съ дѣвически румяными, словно кровь съ молокомъ, лицами!

Хорошо выглядѣли Метельскій, съ прострѣленнымъ лицомъ, Кобылинскій, съ подбитымъ пулею глазомъ, Гавронскій, исколотый пиками, на ряду съ Ковальскимъ, Ольторжевскимъ, на ряду съ отважной молодежью, какъ Людвикъ Піотровскій и многіе другіе, одинъ другаго хра-

брѣе. Въ войскѣ царила такая гармонія, какой нигдѣ никогда не было среди поляковъ; это происходило оттого, что во главѣ ихъ стоялъ цесаревичъ, предъ которымъ дрожали и котораго боялись. Молодежь почитала старшихъ, старики не чувствовали ни недоброжелательства, ни зависти по отношенію къ молодежи; былъ порядокъ и было братство, такъ какъ во главѣ стоялъ вождь не полякъ; были страхъ и послушаніе! Видя это войско въ то время, а потомъ будучи свидѣтелемъ событій 1830 г., я никогда не могъ уяснить себѣ, какимъ образомъ можно было склонить къ бунту войско, во главѣ котораго стоялъ главный начальникъ, котораго такъ боялись и такъ любили. Помню, что въ то время, говорилъ Дверницкій: «войско безспорно прекрасное, но это дѣло рукъ не нашихъ, а цесаревича; такое войско въ Польшѣ было только при Стефанѣ Баторіи, такъ какъ онъ тоже не былъ полякомъ. Когда во главѣ поляковъ стоялъ полякъ, начинались постоянныя междоусобія; этихъ междоусобій не могли устранить даже такіе талантливые полководцы, какъ Замойскій, Жолкевскій, Ходкевичъ и Собѣсскій. Раздоры вели къ тому, что всѣ, бросивъ начатое дѣло, расходились по домамъ, да и какъ же, въ самомъ дѣлѣ, я, полякъ, могу подчиняться поляку, я, шляхтичъ, могу позволить шляхтичу брать меня за вихоръ, если я самъ желаю водить его за носъ?» Гавронскій пытался было возражать ему, указывая на подвиги польскаго войска при Наполеонѣ. Дверницкій улыбнулся и отвѣчалъ: «Наполеонъ не былъ полякомъ; впрочемъ, припоминаешь ли ты дѣло подъ Миромъ. Нашъ Рожницкій, умный и ученый генералъ,—отваги ему не занимать стать,—но онъ полякъ; войска у насъ было въ три раза больше, чѣмъ у русскихъ; было насъ шесть полковъ. Рожницкій отдалъ самыя точныя приказанія, но каждый пошелъ туда, куда хотѣлъ, а не куда идти ему было приказано; Третякъ—вправо, Торновскій—влѣво, Потоцкій выскочилъ впередъ, Дзебровскій остался позади, Пробендовскій не развернулъ фронта, Курнатовскій не выслалъ застрѣльщиковъ; никто не выполнилъ того, что ему было приказано, но каждый поступилъ, какъ хотѣлъ, ибо приказалъ полякъ, а какъ же можно подчиняться поляку? И русскіе страшно насъ исколотили! Наполеонъ сразу понялъ, въ чемъ тутъ секретъ, прислалъ Лятуръ-Мобура, и тотчасъ же все измѣнилось: нашлось и послушаніе, и мужество—десятки сотню били. Не было ли того же съ Домбровскимъ? И побѣдоносный Квяснецкій, и ученый Крупинскій отказывались ему повиноваться, а нѣмцу Шварценбергу служили, какъ пуделя. И ты, подполковникъ, землякъ мой, правда, болѣе умный, чѣмъ я, мало того, что меня за носъ водишь, но еще ворчишь: Дверницкій такой, Дверницкій сякой; а вотъ Гемпель, несмотря на весь его гоноръ, пикнуть не смѣетъ предъ Виртембергомъ, потому что тотъ наполовину нѣмецъ.

Такими поляки всегда были, таковы они и теперь; поэтому-то вполнѣ справедливо нѣмцы называютъ ихъ склявами».

Командиромъ дивизіона улановъ былъ въ то время генералъ Вейсенгофъ, потомокъ рыцарей меченосцевъ, но еще предки котораго совершенно ополячились. Это былъ прекрасный человѣкъ, любившій пирушки и охоту и имѣвшій лисицу, которая дѣлала стойки по дупелямъ, какъ отличнѣйшая лягавая собака. Въ первой бригадѣ генераломъ былъ Сухоржевскій, храбрый солдатъ наполеоновскихъ войнъ, но человѣкъ добродушный, любящій покой домашняго очага, какъ почти каждый человѣкъ рыцарскаго духа; красавица пани Сухоржевская была полной госпожей дома. Генералъ Рожницкій, при каждой ревизіи, замѣтивъ у офицера какую-нибудь неисправность или упущенія, грозился пожаловаться пани Сухоржевской; прекрасная генеральша постоянно мечтала о переходѣ ея мужа въ первую бригаду, гдѣ во второмъ уланскомъ полку было такъ много хорошихъ танцоровъ среди офицеровъ. Но судьбѣ было угодно иначе, на этотъ разъ воля Бога не совпала съ желаніемъ женщины; второю бригадою командовалъ князь Адамъ Виртембергскій.

Первый полкъ — синій, съ амарантомъ и серебромъ, въ амарантовыхъ шапкахъ, на гнѣдыхъ коняхъ, подъ командою полковника Томицкаго, который въ Познани или Берлинѣ заперъ въ бильярдномъ залѣ восемь нѣмцевъ, прусскихъ офицеровъ, позволившихъ себѣ назвать собаку Наполеономъ, и, взявъ кій въ руку, заставилъ ихъ прыгать черезъ окно, какъ пуделей; размахивая надъ каждымъ кіемъ, онъ командовалъ: ein, zwei, drei; при послѣднемъ словѣ ударялъ нѣмца по головѣ, и этотъ выскакивалъ на улицу. Онъ вернулся въ Варшаву, чтобы услыхать изъ устъ цесаревича, что онъ удалецъ, настоящій шляхтичъ и уланъ, и что онъ оказалъ большую услугу славянству и дай Богъ, чтобы онъ и впредь также служилъ ему. Какъ же было не любить такого начальника-вождя! Томицкій и весь его полкъ постоянно провозглашали тосты: «да здравствуетъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, да здравствуетъ главный вождь нашего войска!» И пили въ огромномъ количествѣ все, что ни попадалось.

Второй полкъ улановъ, съ бѣлыми украшеніями, на сѣрыхъ коняхъ, находился подъ командою Іосифа Дверницкаго. Когда этотъ полкъ впервые пришелъ въ Варшаву, Зенковскій напечаталъ въ своемъ мемуарѣ: «пришелъ полкъ амазонокъ, главнокомандующему будетъ кого цѣловать, мужья же предупреждаются, что имъ нечего безпокоиться за своихъ паннъ!» Его посадили подъ арестъ, чтобы онъ лучше присмотрѣлся къ танцующимъ и охотящимся амазонкамъ.

Третій полкъ, съ желтыми украшеніями и шапками, на темногнѣдыхъ коняхъ; командовалъ этимъ полкомъ Корытовскій, поступившій на мѣсто

Модолинскаго, котораго постигла кара за то, что онъ собиралъ изъ казенныхъ денегъ для себя капиталъ; онъ былъ храбрымъ солдатомъ и происходилъ изъ хорошаго рода, но слишкомъ любилъ загонять «экономію», памятуя пословицу, по словамъ которой, стоитъ только побренчать деньгами, чтобы найти людей, готовыхъ на всякія услуги. Но цесаревичъ думалъ иначе. По его мнѣнію, слѣдовало воздать Богу—Божіе, кесареви—кесарево, а солдату то, что ему по закону полагается. Это своеобразное, «экономничаніе» имѣло, однако, мѣсто и при преемникѣ Модолинскаго — Корытовскомъ. Какъ рыба начинаетъ портиться отъ головы, такъ и офицеры этого полка заразились вреднымъ вліяніемъ бывшаго его командира; однако теперь экономія загонялась не такъ грубо, какъ прежде, а болѣе легально, какъ Богъ приказалъ, какъ установилось обычаями.

Четвертый полкъ сапфировый, съ серебромъ, на вороныхъ коняхъ. Козетульскій, герой Самосіеры, организовалъ этотъ полкъ и имъ командовалъ. Красавецъ-уланъ не могъ забыть императрицы Жозефины, королевы Гортензіи, прекрасныхъ парижанокъ, но утѣшалъ себя тѣмъ, что, какъ ни хорошо сложены парижанки, какъ ни красивы монголки, но и польки вѣдь не дурны, и потому, донжуанничалъ напропалую въ Польшѣ, а подполковникъ Рутье велъ полковое хозяйство.

Цесаревичъ, пріѣхавъ навѣстить свой четвертый полкъ, спросилъ Козетульскаго о красивыхъ женщинахъ изъ окрестностей, а Рутье о полковыхъ лошадяхъ; это такъ подѣйствовало на Козетульскаго, что онъ вышелъ въ отставку, и Рутье былъ назначенъ его преемникомъ.

Хозяйство шло въ этомъ полку прекрасно; полкъ дошелъ дотого, что имѣлъ половину, а можетъ быть и больше ремонта отъ своихъ полковыхъ кобылъ и всегда полный комплектъ отличныхъ коней. Послѣ танцевъ Козетульскаго наступило хозяйничанье Рутье, и этотъ полкъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ образцомъ хозяйства въ кавалеріи.

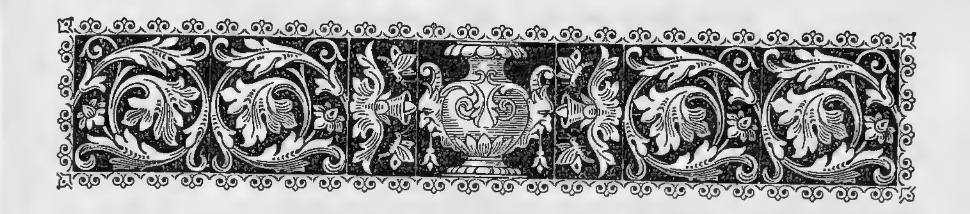
Верховный вождь цесаревичъ Константинъ любилъ своихъ улановъ, и было за что: это была прекрасная и храбрая кавалерія, такъ хорошо обученная, что каждый отдѣльный уланъ могъ бы быть первымъ наѣздникомъ въ циркѣ Франкини, а въ массѣ кавалерія была такъ хороша, что нѣмцы и англичане просто въ отчаяніе приходили, что ихъ германское племя не можетъ поставлять такихъ кавалеристовъ.

Цесаревичъ, потирая руки, такъ говорилъ объ этихъ уланахъ: «первый полкъ пьетъ, второй охотится и танцуетъ, въ третьемъ—загоняютъ экономію, а въ четвертомъ хозяйничаютъ; но если приведетъ Богъ, я съ ними задамъ нѣмцамъ хорошую гонку».

Этотъ учитель и знатокъ войска предвидѣлъ, что славянамъ нужна кавалерія, чтобы обуздать нѣмцевъ и положить конецъ онѣмеченію славянъ.

Перевелъ съ польскаго **Турцевичъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова.

Болѣе 50 лѣтъ прошло со дня кончины В. Г. Теплякова, а въ нашей литературѣ имѣются лишь очень скудныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этого представителя лучшихъ людей первой половины настоящаго столѣтія. Современникъ и другъ Пушкина, Жуковскаго и др. корифеевъ нашей литературы, самъ поэтъ, человѣкъ многосторонне образованный, Тепляковъ сошелъ въ могилу на 38 году жизни, оставивъ по себѣ память лишь немногими стихотвореніями и письмами, которыя частію разбросаны въ разныхъ журналахъ, а частію изданы отдѣльно.

Въ «Истор. Вѣст.» (1887 г. № 7, стр. 1—23) былъ помѣщенъ краткій біографическій очеркъ В. Г. Теплякова, составленный Ѳ. А. Бычковымъ; но онъ далеко не исчерпываетъ того богатаго матеріала, который былъ въ рукахъ автора. Въ настоящее время, благодаря любезному содѣйствію Софьи Алексѣевны и Юліи Алексѣевны Тепляковыхъ, дочерей роднаго брата Виктора Григорьевича Теплякова, мы имѣемъ возможность помѣстить на страницахъ «Русской Старины» весьма интересную переписку ихъ дяди съ разными лицами, болѣе или менѣе извѣстными на поприщѣ литературной и общественной дѣятельности, а также все то, что оставалось скрытымъ до сего времени въ портфеляхъ этого «скитальца», какъ называли его современники [1]).

Викторъ Григорьевичъ [2]) родился въ Тверской губерніи 15-го ав-

---

[1]) Пользуемся случаемъ, чтобы принести нашу искреннюю благодарность Софіи и Юліи Алекс. Тепляковымъ за позволеніе и любезное содѣйствіе къ обнародованію этихъ матеріаловъ. А. Ѳ. Ш.

[2]) О немъ: «Воспоминаніе о В. Г. Тепляковѣ. А. Тепляковъ». «Отеч. Зап.» 1843 г., т. 28 отд. VIII, стр. 74—103.—Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Н. В. Гербеля, изд. 2-е Спб. 1880 г. стр. 326—327.—«Викторъ Григорье-

густа 1804 г.; 10 лѣтъ онъ былъ отданъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ, 16 лѣтъ поступилъ юнкеромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, а въ 1824 г. по болѣзни вышелъ отставку, въ чинѣ поручика. Появившись въ Петербургѣ, онъ познакомился съ нѣкоторыми лицами, причастными къ дѣлу 14-го декабря 1825 г., попалъ по подозрѣнію въ Петропавловскую крѣпость, затѣмъ былъ отправленъ въ Александро-Невскую лавру на покаяніе. Въ концѣ 1826 г. Викторъ Григорьевичъ просилъ государя о переводѣ его, по причинѣ разстроеннаго здоровья, на югъ; просьба была уважена, и Тепляковъ переѣхалъ въ Херсонъ, гдѣ и находился подъ надзоромъ полиціи, пока не былъ назначенъ на службу въ Таганрогскую таможню; но эта служба не удовлетворяла его. На слѣдующій же годъ Викторъ Григорьевичъ былъ опредѣленъ въ штатъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, гр. Воронцова, и состоялъ при немъ чиновникомъ особыхъ порученій до 1835 г.

Оставаясь въ этой должности, Тепляковъ въ 1828 году ѣздилъ на Кавказъ, затѣмъ занялся археологическими розысканіями памятниковъ древности на югѣ Россіи; съ тою же цѣлью въ 1829 г. былъ командированъ въ Болгарію. Результатомъ этой поѣздки были остатки старины, собранные имъ для Одесскаго музея, и рядъ писемъ, изданныхъ потомъ отдѣльною книгою [1]). Въ 1832 г. былъ изданъ первый томъ его стихотвореній [2]). Въ 1834—35 г.г. Тепляковъ путешествовалъ по Востоку: былъ въ Константинополѣ, Малой Азіи и Греціи, затѣмъ вернулся въ Россію. Въ концѣ 1835 г. по дѣламъ службы онъ былъ оставленъ при азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ Въ 1836 г. вышелъ 2-й томъ его стихотвореній [3]), отмѣченный весьма лестнымъ отзывомъ А. С. Пушкина. Въ этомъ же году Тепляковъ по высочайшему повелѣнію былъ причисленъ къ константино-

---

вичъ Тепляковъ. (1804—1842 г.г.)». Біографическій очеркъ. Ѳ. А. Бычковъ. «Истор. Вѣст.» 1887 г., № 7, стр. 1—23. В. Г. Тепляковъ. П. Быковъ «Нива» 1888 г. № 41, стр. 1016—1018.

[1]) Письма изъ Болгаріи. (Писаны во время кампаніи 1829 г. Викторомъ Тепляковымъ). Москва. 1833 г., стр. XVI, 210, V, II и 3 листа рисунк.

[2]) Стихотворенія Виктора Теплякова. М. 1832 г. стр. XII, 196, II. Отзывы о нихъ: «Московскій Телеграфъ» 1832 г., ч. 44. — «Сѣверная Пчела» 1832 г. (статья Сомова). — «Телескопъ» 1832 г., ч. 9, отд. 7, стр. 103—123.— «Poésies» de M-r Victor Tepliakow. L. R...y. «Journal d'Odessa». Mardi 23 (4) août. 1832. № 68, p. 269. Bibliographie.

[3]) Стихотворенія Виктора Теплякова. Томъ второй. Спб. 1836 г. стр. XIII, 194, II. Отзывы о нихъ: Библіотека для чтенія» 1837 г., т. 20, отд. 6, стр. 29—35.—Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду», 1837 г. № 3, стр. 28.—О выходѣ книги «Ѳракійскія элегіи», стихотворенія В. Теплякова. 1836 г. «Современникъ» 1836 г. № 3-й (статья А. С. Пушкина).

польской миссіи; оставаясь на этомъ посту, онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ снова посѣтилъ Грецію, объѣхалъ Египетъ, Сирію, Палестину и вернулся въ Константинополь. Занятія его, какъ результатъ путешествія по Востоку, были представлены министерству. Въ концѣ 1839 г. Викторъ Григорьевичъ писалъ брату [1]): «Я оставляю Константинополь; развалины, чума и варварство мнѣ надоѣли; хочется посмотрѣть на Европу, поближе взглянуть на прославляемую цивилизацію нашего времени»; въ концѣ этого года онъ простился съ Константинополемъ и въ маѣ 1840 г. пустился на Западъ. Въ Европѣ, даже въ центрѣ ея цивилизаціи, въ Парижѣ, Тепляковъ, несмотря на большое знакомство и связи съ замѣчательными людьми того времени [2]), скучалъ, вспоминая о Востокѣ съ грустью. Въ сентябрѣ 1842 г. онъ писалъ брату [3]): «Что мнѣ теперь съ собою дѣлать? Я видѣлъ все, что только есть любопытнаго въ подлунномъ мірѣ, и все это мнѣ надоѣло до невыразимой степени». Къ сожалѣнію, эти слова оказались предсмертною исповѣдью. Вслѣдъ за этимъ письмомъ, братъ Виктора Григорьевича получилъ грустное извѣстіе о его кончинѣ, сообщенное г. Балабинымъ, находившимся при послѣднихъ минутахъ его жизни. Приводимъ письмо это [4]) цѣликомъ: «Съ чувствомъ искренней и дѣйствительной грусти берусь за перо, чтобы исполнить передъ вами то, что я считаю тяжелымъ, но необходимымъ, долгомъ. Ужасное несчастіе поразило ваше семейство. Братъ вашъ, Викторъ, скончался. Онъ испустилъ послѣдній вздохъ въ пятницу 2 (14) октября, пораженный апоплексическимъ ударомъ, слѣдствіемъ котораго былъ полный общій параличъ. Вотъ подробности этой кончины столь же быстрой, какъ и неожиданной. По возвращеніи настоящею осенью въ Парижъ послѣ лѣтняго лѣченія водами Виши, вашъ братъ, здоровье котораго давно уже было не цвѣтущее, болѣе чѣмъ когда-либо жаловался на многочисленныя болѣзни, его удручающія; настроеніе его было грустное и мрачное, и онъ, наконецъ, глубоко возненавидѣлъ эту жизнь въ Парижѣ, которая прежде для него имѣла столько прелести. 10-го октября онъ пришелъ ко мнѣ около

---

[1]) «Воспоминаніе о В. Г. Тепляковѣ. А. Тепляковъ». «Отеч. Зап.» 1843 г. т. 28, отд. VIII, стр. 80.

[2]) «У Ламартина я не былъ, не взирая на его неоднократныя приглашенія: вы знаете, какъ мало симпатизирую я съ этимъ человѣкомъ. Съ Шатобріаномъ и Балланшенъ вижусь у г-жи Рекамье, съ Экштейномъ и Мицкевичемъ познакомился у г-жи Сиркуръ; у г-жи Свѣчиной встрѣчаю множество членовъ обѣихъ камеръ и между прочимъ молодаго и рѣзкаго Монталамбера...» писалъ онъ брату 18-го марта 1841 г. изъ Парижа (см. тамъ же).

[3]) Тамъ же, на стр. 102.

[4]) Тамъ же, на стр. 102—103. Письмо Балабина на французскомъ языкѣ; здѣсь предлагаемъ его въ переводѣ.

пяти часовъ дня; страданіе было написано на его разстроенныхъ чертахъ; онъ едва отдышался и упалъ почти въ изнеможеніи на кресло, которое я поспѣшилъ ему подвинуть. Онъ былъ грустенъ и унылъ; сообщилъ мнѣ, между прочимъ, о своемъ намѣреніи оставить Парижъ, который не имѣлъ болѣе для него прелести, и поѣхать на зиму въ Италію. Скоро впрочемъ, когда онъ пришелъ совершенно въ себя, разговоръ оживился; онъ повеселѣлъ и, наконецъ, оставилъ меня въ такомъ настроеніи, которое, увы! ввело меня въ обманъ на счетъ его дѣйствительнаго недуга, заставляя меня принять его за одинъ изъ этихъ проходящихъ припадковъ мрачной меланхоліи...

«Вообразите же себѣ, каково было мое горестное удивленіе, когда день спустя баронъ Роппъ явился въ канцелярію посольства объявить, что вашъ братъ при смерти. Я тотчасъ же отправился къ больному и засталъ его безъ памяти, совершенно лишеннаго сознанія, безъ движенія, дыханіе затрудненное, все тѣло парализованное. Вотъ, что я тогда узналъ: кажется, въ тотъ же вечеръ, когда онъ приходилъ ко мнѣ, нездоровье вашего брата приняло серьезный характеръ; ночью и на другой день утромъ имъ овладѣло, вѣроятно, страшное волненіе, которое потомъ перешло въ такое раздраженіе, что люди, его окружающіе, съ трудомъ сдерживали его и были принуждены удалить отъ него все, чѣмъ онъ бы могъ себѣ повредить или себя изранить. Тогда, когда больной потерялъ сознаніе, прибѣгли къ медицинской помощи, отъ которой онъ до сихъ поръ настойчиво отказывался. Не теряя минуты, ему пустили кровь, приставили піявки, употребили припарки, нарывной пластырь—все было напрасно; онъ оставался безъ движенія, безъ памяти и, какъ говорятъ доктора, не чувствовалъ никакого страданія. Больной оставался до конца въ состояніи полнѣйшей безчувственности. Агонія его продолжалась всю ночь;—наконецъ, на другой день, 2 (14) октября, онъ испустилъ послѣдній вздохъ въ 8 часовъ утра среди глубокой горести всѣхъ его окружающихъ. Мы потомъ отдали ему послѣдній долгъ, сопровождая печальную колесницу, сначала въ посольскую церковь, потомъ на кладбище Монмартръ, гдѣ тѣло покойнаго получило послѣднія почести и наши грустныя прощанія...»

Послѣ смерти В. Г. Теплякова появилась небольшая статья [1]), со-

---

[1]) «Отеч. Зап.» 1843 г. т. 31.—«Сарай Бурну». Статья эта появилась съ такимъ примѣчаніемъ редакціи: Въ «Воспоминаніи о В. Г. Тепляковѣ» («Отеч. Зап.» 1843 г. іюнь), недавно похищенномъ смертію, упомянуто было объ отысканной въ бумагахъ его полной и одѣланной статьѣ «Сарай Бурну». Теперь, получивъ эту статью отъ брата покойнаго, А. Г. Теплякова, предлагаемъ ее читателямъ». Въ этомъ небольшомъ очеркѣ наблюдательный авторъ описываетъ большой дворецъ турецкихъ султановъ, Сераль (по-турецки—«Са-

ставленная еще въ 1837 г. и представленная имъ для печати; весь же остальной богатый матеріалъ, освѣщающій кочевую и осѣдлую жизнь Виктора Григорьевича, еще не появлялся въ печати.

А. Θ. Шидловскій.

Всеподданнѣйшія письма В. Г. Теплякова.

1.

4 сентября 1826 г. С.-Петербургъ [1].

Всемилостивѣйшій Государь!

Взвѣшивая въ мысляхъ своихъ всю тяжесть заботъ, клонящихся къ благу милліоновъ, ввѣренныхъ святымъ Промысломъ мудрому управленію Вашего Императорскаго Величества, я бы не дерзнулъ утруждать Его всеподданнѣйшею просьбою о себѣ; но крайность моего положенія, близость неизбѣжной гибели и надежда, что судьба каждаго вѣрноподданнаго равна въ сердцѣ правосуднаго Монарха, возбудили во мнѣ смѣлость повергнуться къ стопамъ Вашимъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія, исполняя высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю, принесъ я въ здѣшней лаврѣ съ сокрушеніемъ сердечнымъ искреннее покаяніе свое передъ Всемогущимъ Богомъ въ учиненномъ мною проступкѣ [2], послѣ чего и удо-

---

рай Бурну» т. е. Мысовый дворецъ). Зданіе Сераля было возвигнуто на мѣстѣ дворца византійскихъ императоровъ султаномъ Магометомъ II Завоевателемъ. Въ 1865 г., какъ извѣстно, пожаръ уничтожилъ большую часть старыхъ построекъ.

[1]) Съ черноваго подлинника,

[2]) Весною 1826 г. съ В. Г. Тепляковымъ случилось обстоятельство, которое наложило на него подозрѣніе, какъ на участника въ дѣлѣ декабристовъ; однако прямыхъ уликъ не было; обыскъ, произведенный въ его квартирѣ, лишь доказывалъ принадлежность его къ масонской ложѣ; надо думать, что знакомство Виктора Григорьевича съ нѣкоторыми изъ людей, дѣйствительно причастныхъ къ этому дѣлу, могло служить поводомъ къ подозрѣнію. Говорятъ, что на исповѣди Тепляковъ признался священнику, что не присягнулъ государю; тутъ же онъ былъ взятъ подъ арестъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Заболѣвъ здѣсь, былъ переведенъ въ Александро-Невскую лавру на покаяніе. Родной братъ Виктора Григорьевича, Алексѣй Тепляковъ, въ воспоминаніяхъ о немъ, говоритъ: „... несчастія разнородныя, необходимый результатъ отступленія отъ общей, пробитой дороги, дѣйствительно поразили, при самомъ началѣ поприща, эту пламенную душу, наполнили ядомъ всю жизнь, прежде столь богатую надеждами высокомѣрными, мечтами, можетъ быть, несбыточными...“ („Воспоминаніе о В. Г. Тепляковѣ. А. Тепляковъ“. „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. 28, отд. VIII, стр. 74).

стоился причащенія Св. Таинъ. За симъ, чувствуя усугубленіе долговременной тяжкой болѣзни своей, просилъ я здѣшнее духовное вѣдомство, принявъ во уваженіе, какъ чистосердечіе моего раскаянія, такъ и бѣдственное положеніе моего здоровья, уволить меня отсюда. При семъ представилъ я и свидѣтельство своего медика въ томъ, что болѣзнь моя, требуя по упорности своей, мѣръ болѣе рѣшительныхъ, въ настоящемъ моемъ положеніи лишь только усугубляетъ свою дѣятельность. Духовенство, признавая искренность моего покаянія (что достаточно свидѣтельствуетъ и допущеніе меня до Св. Причастія), объявило, что безъ вѣдома преосвященнаго митрополита освободить меня не можетъ, почему я отправилъ къ нему свои о томъ донесенія. Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ нѣтъ на нихъ никакого отвѣта, вѣроятно потому, что преосвященный владыко, находясь еще здѣсь, говорилъ, что, не видя въ присланномъ къ нему обо мнѣ повелѣніи обозначенія срока моего покаянія, будетъ держать меня до востребованія. Мучимый каждый день болѣе и болѣе тяжестью болѣзни своей, тщетно прибѣгалъ я съ новыми просьбами къ духовенству: оно отвѣчало на нихъ только подтвержденіемъ прежняго; тщетно обращался къ начальству гражданскому, прося отправить меня по крайней мѣрѣ въ какой-либо изъ здѣшнихъ госпиталей для пользованія, отъ истребляющей меня болѣзни: оно отзывалось невозможностію дѣйствовать безъ донесеній духовенства, которое, въ свою очередь, безъ предписаній со стороны гражданской, предпринимать ничего не хочетъ. А потому, лишенный всякой помощи, брошенный на произволъ бѣдственной судьбы своей, вынужденный рѣшительною крайностью своего положенія, я осмѣливаюсь, наконецъ, искать въ священной особѣ Вашего Императорскаго Величества благодѣтельнаго покровительства законовъ. Человѣчество, уважая себя и въ самомъ злодѣѣ, не отказываетъ и его гибнущей жизни въ возможномъ пособіи; я же, дерзая молить Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, о себѣ, повергаю къ свѣтлому престолу Вашего Императорскаго Величества жизнь гражданина, которая, бывъ посвящена Вамъ, всегда горѣла и будетъ горѣть свѣтлымъ рвеніемъ принести себя въ жертву за Васъ и за отечество вездѣ и во всякое время до конца своего. Если проступокъ мой—дѣйствіе единаго безразсудства и вѣтренной неосторожности, омытъ передъ Богомъ тяжелыми слезами чистаго раскаянія съ души моей; если онъ изъявленіемъ безпредѣльной покорности къ священной особѣ Вашего Императорскаго Величества хоть нѣсколько заглаженъ передъ Вами, Государь; если, наконецъ, отъ правдивой строгости законовъ онъ не заслуживаетъ казни смертію, медленною и мучительною, то не попустите погибнуть тому, который желаетъ жить единственно для того, чтобы всѣ силы жизни своей посвятить Вамъ и Отечеству до послѣдняго дня своего.

2.

16 іюня 1827 года. Херсонъ [1]).

Всемилостивѣйшій Государь!

Какъ виноватый сынъ, кающійся предъ справедливо разгнѣваннымъ отцомъ въ слезахъ души сокрушенной, съ сердцемъ, полнымъ теплой вѣры въ горячность и милосердіе родительскія, такъ и я, убитый немилостію Божіею, пораженный гнѣвомъ Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаюсь снова искать спасенія въ благодатной милости, обитающей въ сердцѣ Вашемъ; но на сей разъ—да предстательствуетъ за меня кровь моя передъ свѣтлымъ престоломъ неизреченной благости и правосудія Вашего Императорскаго Величества.

Со святымъ благоговѣніемъ, исполняя высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю, прибылъ я сюда, въ городъ Херсонъ [2]), и, посреди болѣзни своей, въ уединеніи, оплакивалъ вину свою передъ Богомъ и передъ Вами, Государь, какъ вдругъ 6-го числа прошлаго апрѣля мѣсяца бѣжалъ отъ меня человѣкъ мой, похитивъ всѣ деньги, какія только имѣлъ я. Ихъ было 7.900 руб. Принятыми мною мѣрами бѣглецъ пойманъ, но денегъ найдено при немъ только 3.100 руб., а остальные—4.800 руб. отданы подъ сохраненіе, склонявшему его къ воровству, здѣшнему мѣщанину Головкину, который нѣсколько дней запирается во всемъ рѣшительно; но, наконецъ, побѣжденный множествомъ уликъ неопровержимыхъ, признался, что деньги у него, что изъ нихъ истрачено только 500 руб. и, потребовавъ жену свою, при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ сказалъ: можно ль повѣрить обѣщанію, что поступокъ будетъ прощенъ, если я возвращу похищенныя деньги, и потомъ просилъ видѣть частнаго пристава Кантаржу; именно сей послѣдній совершенно безъ моего вѣдома отправился съ преступникомъ для узнанія мѣста, гдѣ покража спрятана, но, возвратясь оттуда, Кантаржу объявилъ, что Головкинъ притворился помѣшаннымъ, прибывъ же назадъ въ полицію, онъ снова пришелъ въ себя, и снова началъ запираться во всемъ, еще упорнѣе прежняго; случай столь необыкновенный не обратилъ, впрочемъ, здѣсь надлежащаго на себя вниманія, и съ тѣхъ поръ о семъ происшествіи болѣе ни слова.

---

[1]) Съ черноваго подлинника.

[2]) Императоръ Николай Павловичъ, принимая въ уваженіе чистосердечное раскаяніе В. Г. Теплякова и его болѣзненное состояніе, Высочайше разрѣшилъ ему поселиться въ болѣе тепломъ климатѣ; въ силу этого, Тепляковъ переѣхалъ въ Херсонъ на жительство, оставаясь по-прежнему подъ надзоромъ полиціи.

Такъ продолжалось до сихъ поръ дѣло сіе, какъ вдругъ 10-го числа текущаго іюня мѣсяца, когда я, раздѣвшись, готовъ уже былъ лечь въ постель, ворвались внезапно въ мою комнату нѣсколько человѣкъ съ лицами, затертыми мѣломъ, съ дубинами, съ ножами въ рукахъ, и въ одно мгновеніе схвативъ меня за горло, повергли на постель и, начавъ давить подушками, спрашивали, гдѣ деньги; въ это время одинъ изъ нихъ, набѣжавъ съ дубиною, нанесъ мнѣ оною нѣсколько ударовъ по ногамъ и ужасно изувѣчилъ ихъ, между тѣмъ, какъ другой, наточа ножъ, уже приближался для совершенія убійства. Тогда разбойникъ, давившій меня, сказалъ: «не рѣжь! быть можетъ, онъ и самъ все откроетъ» и снова спросилъ, гдѣ деньги? но вооруженный ножемъ уже ударилъ меня въ лѣвое колѣно концомъ онаго, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ закричалъ, что нашелъ деньги. Тогда разбойники, закрывъ мнѣ глаза, начали грабить квартиру и, забравъ все, связали какъ меня, такъ и моего человѣка; потушили свѣчу и скрылись. Опомнясь и кое-какъ освободясь отъ веревокъ, далъ я немедленно знать хозяину дома обо всемъ происшедшемъ; а сей послѣдній въ ту же минуту извѣстилъ полицію; но офицеръ оной явился уже два или три часа послѣ увѣдомленія. Такимъ образомъ больной и изувѣченный остался я теперь безъ куска насущнаго хлѣба. Деньги, вещи, платье все погибло, все — все, что только имѣлъ я.

Посреди крайности столь ужасной рѣшился я, повергнувъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, искать благодѣтельной защиты токмо въ священной особѣ Вашей, тѣмъ болѣе, что и здѣсь нахожусь по высочайшей Вашей волѣ—закона, для меня священнѣйшаго. Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, воззрѣть милосерднымъ окомъ на бѣдственную судьбу мою! Въ томъ, что у меня похищено, заключалась большая часть моего состоянія, а потому, чуждый здѣсь всѣмъ, отдаленный отъ родственниковъ, разоренный и изувѣченный, я не имѣю никакихъ средствъ ни къ существованію, ни къ пользованію моей болѣзни. Бѣдственный случай, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ столь ужасно постигшій меня, не новъ, ни необыкновененъ; ни для жизни, ни для имущества здѣсь нѣтъ ни малѣйшей безопасности, и никто не помышляетъ не только объ отвращеніи, но даже объ открытіи ихъ жестокаго злодѣянія[1]). А потому, если безпредѣльною покорностію своею священной волѣ Вашего Императорскаго Величества, если своею ужасною болѣзнію, если тѣми невыразимыми несчастіями, коихъ бремя подавило меня, я еще не успѣлъ примириться съ Богомъ милосерднымъ, не успѣлъ заслужить Ваше отеческое прощеніе, Государь, то, видя въ безпрестанной

---

[1]) Дѣло это было замято, такъ какъ въ числѣ грабителей подозрѣвалось нѣсколько человѣкъ изъ членовъ самой мѣстной полиціи. (В. Г. Тепляковъ. Біографическій очеркъ. Ѳ. Бычковъ. „Истор. Вѣстн.“ 1887 г., № 7, стр. 8).

опасности жизнь свою, осмѣливаюсь всеподданнѣйше Васъ просить о дозволеніи мнѣ переѣхать куда-либо въ другое мѣсто,—куда бы то ни было, лишь бы по крайней мѣрѣ жизнь и собственность были подъ сѣнію безопасности общей. Дерзаю, Всемилостивѣйшій Государь, утруждать всеподданнѣйшею своею просьбою также и о высочайшемъ повелѣніи розыскать и открыть пропавшее, а до тѣхъ поръ всемилостивѣйше даровать мнѣ хотя бы какое-нибудь средство къ существованію и къ необходимому пользованію тяжкой моей болѣзни.

3.

31 іюля, 1827 года [1]).

Всемилостивѣйшій Государь!

Больной, разоренный, еще столь недавно истерзанный судьбою немилосердною—погибну, думалъ я въ глубинѣ души, пораженный хладомъ мрачнаго отчаянія, и вдругъ—столь внезапно исцѣленный, богатый, осчастливленный, оживотворенный святою милостію [2]) Вашего Императорскаго Величества—чѣмъ возблагодарю, чѣмъ могу возблагодарить Васъ, Всемилостивѣйшій Государь,—истинный образецъ благости небесной,—за неизреченное милосердіе Ваше—милосердіе къ тому, который имѣлъ пагубное несчастіе прогнѣвать Васъ.

Государь, до сихъ поръ я оплакивалъ вину свою; но теперь—видитъ Богъ, что сбылось съ душою моею: свѣтомъ небеснымъ просвѣтило ее милосердіе Ваше, истинный отецъ отечества! Если жизнь моя можетъ тысячу кратъ угаснуть за Васъ; если кровь должна смыть пагубный проступокъ безразсудной молодости—удостойте принять ихъ!—и кровь, и жизнь моя, и всѣ способности души къ пользѣ Вашего Императорскаго Величества принадлежатъ Вамъ, благодать родной Россіи, Утѣшитель—Отецъ страждущихъ и злополучныхъ! Да воскреситъ же меня новая милость моего Государя; да даруетъ мнѣ при всемъ истощеніи души, при всей болѣзни, при разореніи, при нищетѣ моей — средства посвятить Вамъ остатокъ силъ своихъ, дабы честною службою загладить прежнюю вину свою и

---

[1]) Съ черноваго подлинника.

[2]) Государь отнесся весьма сочувственно къ бѣдственному положенію Теплякова и не только окончательно простилъ его, но повелѣлъ возвратить чины и разрѣшилъ поступить на государственную службу, наградивъ его еще 2.000 руб. Для разслѣдованія же дѣла о грабежѣ послалъ своего флигель-адъютанта (Тамъ же).

хотя сколько-нибудь заслужить и возблагодарить Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, за настоящую милость Вашу. Желалъ бы на полѣ чести сдѣлаться достойнымъ оной; но пагубная болѣзнь умертвила силы мои— и теперь утрата оныхъ болѣе, нежели когда-нибудь, для меня убыточна. Впрочемъ—съ моимъ сердцемъ, съ сердцемъ столь глубоко проникнутымъ безцѣнными щедротами Вашими, развѣ не вездѣ, развѣ не во всякомъ случаѣ, могу стремиться ко святой пользѣ Вашего Императорскаго Величества? На первый разъ осмѣливаюсь я, Всемилостивѣйшій Государь, всеподданнѣйше Васъ просить объ опредѣленіи меня на службу, хотя при здѣшнемъ генералъ-губернаторѣ [1]): теплый климатъ, который почти только одинъ и поддерживаетъ жизнь мою, даетъ мнѣ надежду на возможность заниматься порученною мнѣ по силамъ и способностямъ моимъ обязанностію. За всѣмъ тѣмъ, гдѣ бы то ни было да укажетъ мнѣ священная польза Ваша во всякомъ мѣстѣ, хотя погибель мою: я готовъ всѣмъ сердцемъ летѣть туда.

4.

26 февраля 1836 г. [2]).

Всемилостивѣйшій Государь!

Проникнутый до глубины сердца тѣмъ животворнымъ благоговѣніемъ, коимъ Вашему Императорскому Величеству угодно было осчастливить плоды моихъ археологическихъ открытій [3]) и наблюденій надъ

---

[1]) Въ этомъ же 1827 г. Тепляковъ былъ опредѣленъ въ штатъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, гр. Воронцова, чиновникомъ особыхъ порученій.

[2]) Съ черноваго подлинника.

[3]) Состоя въ штатѣ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора гр. Воронцова, Тепляковъ былъ посланъ въ Варну и другія мѣста для открытія разныхъ памятниковъ древности предписаніемъ отъ 13 марта 1829 г. за № 5643. Приводимъ его въ подлинникѣ:

«Господину отставному поручику Теплякову.

Начальство здѣшняго края, заботясь объ обогащеніи, учрежденныхъ въ ономъ по Высочайшему соизволенію музеумовъ, признало весьма полезнымъ сдѣлать въ Варнѣ и въ другихъ завоеванныхъ мѣстахъ, разысканія къ открытію разныхъ памятниковъ древности.

По соглашенію моему съ директоромъ музеумовъ ст. сов. Бларамбергомъ, возлагая исполненіе сего порученія на васъ—я предлагаю вамъ обратиться къ нему для полученія нужныхъ свѣдѣній и наставленій къ успѣшнѣйшему выполненію сего порученія.

страной, покоренной въ 1829-мъ году побѣдоносным оружіемъ Вашимъ, рѣшился я продолжать съ одобренія начальства [1]), свои изысканія, и въ семъ намѣреніи, въ видахъ угоднаго Вамъ, Государь, дѣла посѣтилъ въ прошломъ году Константинополь [2]), нѣкоторыя мѣста Малой Азіи

Между тѣмъ съ моей стороны сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) казначею канцеляріи моей предписано выдать вамъ примѣрно тысячу рублей, какъ на издержаніе по возложенному на васъ порученію, такъ и для содержанія вашего, въ употребленіи которой суммы, обязываетесь вы представить мнѣ въ свое время отчетъ.

2) г. капитану здѣшняго порта поручено отъ меня отправить васъ въ Варну моремъ на одномъ изъ зафрахтованныхъ казною купеческихъ судовъ.

и 3) посылаются отъ меня отношенія къ г. генералу-отъ-инфантеріи Роту и г. генералъ-адъютанту Головину объ оказаніи вамъ со стороны военнаго начальства содѣйствія и пособія въ вашемъ порученіи.

Я надѣюсь, что вы употребите все стараніе къ наилучшему выполненію онаго и тѣмъ оправдаете ожиданіе начальства, избравшаго васъ для сего дѣла. Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ гр. Воронцовъ».

По прибытіи въ дѣйствующую армію, В. Г. Тепляковъ получилъ слѣдующее открытое предписаніе за № 2156:

«Предъявителю сего отставному поручику Теплякову, имѣющему порученность отъ г. новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора изыскивать древности въ Булгаріи, предлагаю гг. начальникамъ войскъ 6-го и 7-го пѣхотныхъ корпусовъ, къ коимъ поручикъ Тепляковъ будетъ обращаться на счетъ сего съ просьбами, оказывать ему въ томъ всякое зависящее пособіе, а для осмотра гдѣ нужнымъ признаетъ мѣстъ, въ расположеніи нашихъ войскъ, давать ему конвой, смотря по надобности, изъ казаковъ и пѣхоты, съ тѣмъ, чтобы тѣ пункты, кои не вовсе безопасны, были прежде обозрѣны патрулями и окружаемы, до окончанія г. Тепляковымъ осмотра оныхъ цѣпью пѣхоты. Равномѣрно и по прибытіи его г. Теплякова въ Сизополь поручаю командующему сухопутнымъ отрядомъ г. генералъ-маіору Свободскому оказать ему надлежащее пособіе. Во удостовѣреніе чего свидѣтельствую подписомъ съ приложеніемъ печати. Лагерь при Девно. Апрѣля 23-го дня 1829 г. Начальствующій войсками по правую сторону Дуная генералъ-отъ-инфантеріи Ротъ».

[1]) За отличное исполненіе возложенныхъ на Теплякова порученій онъ удостоился получить высочайшее благоволеніе, изложенное при отзывѣ частной канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора отъ 13 января 1830 г. за № 15. Кромѣ того Викторъ Григорьевичъ въ концѣ того же года получилъ при отношеніи г. дежурнаго генерала главнаго штаба Его Императорскаго Величества, отъ 7-го декабря 1830 г., № 13465, медаль за турецкую войну по случаю нахожденія его въ 1828 и 1829 гг. въ предѣлахъ Турціи. За поднесенное же императору Николаю Павловичу сочиненіе, «Письма изъ Болгаріи», авторъ ихъ, В. Г. Тепляковъ, получилъ высочайшій подарокъ—золотые часы съ цѣпочкою.

[2]) 23-го мая 1834 г. Тепляковъ былъ командированъ съ такимъ предписаніемъ:

«Состоящему въ штатѣ моемъ господину поручику Теплякову.

Частыя кораблекрушенія, коимъ подвергаются купеческія суда, идущія

и классическую часть Греціи [1]). Замѣчательность предметовъ, встрѣченныхъ и объясненныхъ мною въ представленной Вашему Императорскому Величеству чрезъ господина вице-канцлера запискѣ, по части археологіи, этнографіи, топографіи и статистики сихъ мѣстъ, требуя усилій, превышающихъ способы частнаго наблюдателя, внушила мнѣ смѣлость предпринять нарочное путешествіе въ Санктъ-Петербургъ, въ намѣреніи повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества свое ревностное желаніе стремиться къ пользѣ общей на поприщѣ изысканій о странахъ, столь тѣсно связанныхъ съ нами и минувшимъ, и настоящимъ, столь очевидно покорныхъ ниспосланному свыше вліянію нашего Отечества [2]).

Этой мысли были посвящены всѣ мои занятія и все время, которое я имѣлъ несчастіе провести вдали отъ Августѣйшихъ взоровъ Вашего Императорскаго Величества. Извѣстясь нынѣ о высочайшемъ повелѣніи Вашемъ собрать чрезъ военное министерство потребныя обо мнѣ справки, я вновь дерзаю, Государь, преклонить самъ къ подножію священнаго

въ Константинопольскій проливъ, подали мысль о составленіи проекта на счетъ улучшенія воздвигнутыхъ турецкимъ правительствомъ у самаго входа въ Босфоръ со стороны Чернаго моря двухъ маяковъ, кои, какъ отзываются шкипера, не всегда освѣщаются исправно. Полагаютъ также полезнымъ поставить маякъ противъ мыса ложнаго Босфора (Карабурну), гдѣ разбиваются многія суда.

Желая имѣть вѣрное свѣдѣніе: освѣщаются ли постоянно маяки у входа въ Босфоръ, со стороны Чернаго моря находящіеся, а также какимъ образомъ производится сіе освѣщеніе—я поручаю вашему благородію отправиться въ Константинополь, и, по собраніи частнымъ образомъ подробнѣйшихъ по означенному предмету справокъ, представить мнѣ оныя съ вашими замѣчаніями.

Если представится вамъ удобный случай посѣтить Смирну, то вы можете туда поѣхать для собранія свѣдѣній о производящихся тамъ торговыхъ оборотахъ съ Россіею и, удостовѣрившись, въ чемъ именно оные нынѣ заключаются, представить мнѣ таковыя свѣдѣнія по возвращеніи вашемъ въ Одессу. Паспортъ для свободнаго проѣзда въ Константинополь, Смирну и обратно въ Одессу у сего прилагается. Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ гр. Воронцовъ. (Управл. Новорос. и Бессар. генер. губ. отд. Кар. столъ 1. № 8006).

[1]) Объ этомъ путешествіи, совершенномъ въ 1835 году, сохранились въ рукописяхъ его записки, имѣющія весьма цѣнное значеніе для изученія памятниковъ древности.

[2]) Просьба его была исполнена благодаря стараніямъ В. А. Жуковскаго, кн. А. Н. Голицына, Г. С. Попова и др., хотя вице-канцлеръ гр. Нессельроде и былъ сначала противъ этого: Тепляковъ былъ переведенъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ состоящимъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, что̀ и дало ему возможность потомъ продолжать свои изысканія на Востокѣ.

Вашего Престола свою повинную голову, съ чувствомъ того же вѣрноподданническаго самоотверженія, которое одушевляло меня доселѣ въ стремленіи загладить всѣми силами одну минуту своего ребяческаго неблагоразумія. Извѣстный Вамъ, Государь, только по безразсудному порыву своей ранней молодости, я не ропщу на судьбу, вычеркнувшую десять лучшихъ лѣтъ изъ листа моей жизни. То животворное благоволеніе, коимъ Вашему Императорскому Величеству угодно было осчастливить, засвидѣтельствованное не разъ начальствомъ, усердіе моей послѣдующей службы и еще болѣе—теплая вѣра въ безпредѣльность Вашего отеческаго милосердія озаряютъ мою душу отрадной надеждою, что правдивый гнѣвъ Вашъ на неумышленный проступокъ юности перестал, наконецъ, тяготѣть надъ жизнію, сокрушенной десятью годами бѣдъ и раскаянія.

Протекли годы – и умъ и сердце мое измѣнились, и я не разъ благословилъ десницу, указавшую на концѣ стези терновой истинно-спасительную цѣль моей жизни. Въ лѣта зрѣлаго мужества да благословлю же вновь эту державную десницу за дарованіе мнѣ одушевительныхъ способовъ вознаградить, не взирая на крайнюю слабость здоровья, утрату юныхъ силъ моихъ усердіемъ къ благоугодной Вашему Императорскому Величеству и полезной отечественному просвѣщенію службѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пѣснь въ проѣздъ чрезъ Москву 30-го ноября 1825 года, въ день народной присяги государю императору Константину Павловичу [1]).

Что, россіяне, такъ вы уныли,
Гдѣ ваша слава—добрый вашъ царь,—
Съ кѣмъ вы Европы миръ утвердили?
Ахъ! онъ въ могилѣ—тяжкій ударъ!

* * *

Нѣтъ его, льете слезы рѣками
Счастье, съ нимъ ваше, въ мигъ протекло!..
Но успокойтесь—Константинъ съ вами!
Намъ его небо отцомъ нарекло.

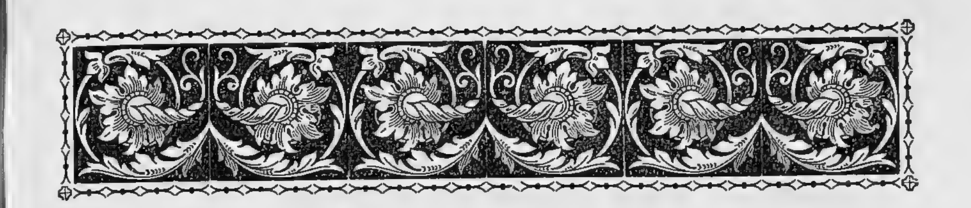
* * *

Мы поклянемся—быть ему вѣрны;
Онъ Александру равенъ душой—
Съ нимъ на сраженьяхъ россы примѣрны:
Братъ Александра царь и герой!!.

В. А. Добровольскій.

[1]) Напечатано на отдѣльномъ листкѣ въ типографіи императорскаго воспитательнаго дома въ С.-Петербургѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА,

ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢКЪ

СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ [1]).

Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ. — Анатомическій театръ и препаровочная. — Профессора Гейманъ и Гивартовскій. — Скупость въ наградахъ въ прежнее время и щедрость въ нынѣшнее.—Столѣтіе университета.—Профессоръ Оверъ и его ассистентъ.—Иноземцевъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Капустинъ, Леонтьевъ и Рулье.

Первая лекція, на которой я присутствовалъ—была изъ ботаники, которую читалъ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ. Это былъ маленькій чопорный старичекъ, говорившій съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Ему, повидимому, должно было быть если не всѣ шестьдесятъ лѣтъ, то по крайней мѣрѣ около того.

Кромѣ лекцій ботаники, на первомъ курсѣ медицинскаго факультета, мы обязаны были еще слушать, вмѣстѣ съ математиками, лекціи: богословія, физики, химіи, минералогіи, зоологіи, астрономіи и нѣмецкой литературы; а безъ математиковъ: энциклопедіи медицины и сравнительной анатоміи. Физику читалъ Иванъ Тимоѳеевичъ Спасскій, тотъ самый историческій человѣкъ, который въ качествѣ врача находился при послѣднихъ минутахъ жизни Пушкина. Маленькій, одноглазый, Спасскій читалъ лекціи, постоянно стоя на возвышеніи каѳедры, причемъ размахивалъ руками, подпрыгивалъ и брызгалъ слюною во всѣ стороны. Читалъ онъ, впрочемъ, очень хорошо, ясно и

---

[1]) См. «Русскую Старину», декабрь 1895 года.

удобопонятно и тутъ же передъ нашими глазами производилъ необходимые опыты, объясняя ихъ не только съ охотою, но даже съ увлеченіемъ.

Суровый, согбенный подъ тяжестью лѣтъ и огромныхъ серебряныхъ очковъ, сухой и холодный, Григорій Ефимовичъ Щуровскій сердито и неохотно пропускалъ сквозь зубы минералогію, но его лекціи посѣщались не многими, и еще того меньше бывало слушателей на лекціяхъ: астрономіи, у профессора Александра Николаевича Драшусова, и нѣмецкой литературы, у лектора Фёлькеля. Всѣ вышеупомянутыя лекціи читались постоянно въ большой залѣ «новаго» университета, въ которой резонансъ такъ великъ, что для того, чтобы слышать хотя что-либо изъ словъ профессора—было необходимо сидѣть непремѣнно въ одномъ изъ первыхъ рядовъ лавокъ; а для этого, то-есть, чтобы успѣть захватить себѣ на нихъ мѣстечко—надо было приходить не позже шести часовъ утра, да и тогда, иной разъ, онѣ бывали уже заняты. Въ этой же залѣ читалъ свои лекціи энциклопедіи медицины великолѣпный Александръ Густавовичъ (или Іосифовичъ, не помню навѣрное) Армфельдтъ. Красавецъ, высокаго роста, съ орлиннымъ профилемъ—Армфельдтъ былъ одѣтъ всегда щегольски и также щегольски говорилъ. Безъ удовольствія нельзя было его слушать и можно было даже заслушаться его умной и красивой рѣчи; но за то записывать его лекціи не было ни малѣйшей возможности, такъ какъ искусство стенографіи въ то время еще не существовало. Онъ, повидимому, и самъ очень хорошо зналъ это и вслѣдствіе этого производилъ свой экзаменъ такъ, какъ не дѣлалъ этого, вѣроятно, ни одинъ профессоръ въ мірѣ. Въ назначенный для его предмета день онъ входилъ въ залу, прямо подходилъ къ сидѣвшимъ на первой скамейкѣ студентамъ и, красиво опершись на пюпитръ, нѣсколько времени съ ними бесѣдовалъ; затѣмъ переходилъ къ другимъ, мѣняя мѣсто, впрочемъ, не болѣе трехъ разъ; а затѣмъ, садился рядомъ съ деканомъ, за экзаменаторскій столъ, бралъ въ руки списокъ и начиналъ проставлять отмѣтки такимъ манеромъ: черезъ одного—5, 4, 5, 4 до конца списка.

Остальныя лекціи, которыя должны были посѣщать медики 1-го курса, читались въ двухъ особыхъ зданіяхъ, находившихся во внутреннемъ дворѣ «стараго» университета: анатомія, сравнительная анатомія и зоологія—въ такъ называемомъ анатомическомъ театрѣ, а химія—въ лабораторіи. Анатомическій театръ, зданіе довольно обширное и на видъ унылое и непривлекательное, внутри состоялъ изъ трехъ особыхъ помѣщеній. Первое, которое предназначалось для чтенія лекцій, и было собственно «театромъ», потому что оно представляло собою обширную комнату, одна изъ стѣнъ которой шла полукругомъ, а вдоль этой стѣны были амфитеатромъ устроены мѣста для студентовъ, спускавшіяся лѣ-

стницею почти отъ верха къ профессорскому столу. Этотъ столъ стоялъ по самой срединѣ, былъ окруженъ скелетами и разными искусственными анатомическими препаратами, а на немъ, во время чтенія, постоянно лежалъ трупъ, препарированный сообразно съ тѣмъ, какой именно отдѣлъ лекціи читался, то-есть: мускулы, нервы и прочее; иногда запахъ этого трупа бывалъ просто невыносимъ. За профессорскимъ столомъ во время лекціи, возвышалась монументальная фигура тучнаго и медленнаго въ движеніяхъ Ивана Матвѣевича Соколова, читавшаго обыкновенно стоя; самымъ невозмутимымъ тономъ онъ описывалъ намъ разные «отростки» и углубленія, musculus'ы, labia majores и minores, и тому подобныя прелести, а при этомъ, спокойнѣйшимъ манеромъ копался въ трупѣ своими пухлыми руками. Входъ въ театръ находился противъ входной двери, а направо отъ нея помѣщалась «препаровочная», также очень обширная зала, вся уставленная, въ два ряда съ проходомъ по срединѣ, большими черными столами съ отверстіями въ срединѣ. Всѣ эти столы предназначались для работъ студентовъ втораго курса, которые были обязаны сами препарировать различныя части труповъ, и на нихъ же, почти ежедневно, производились вскрытія скоропостижно умершихъ, при чемъ постоянно присутствовалъ толстѣйшій, почтеннаго вида полицейскій врачъ, Гульковскій. На этихъ же столахъ приготовлялъ препараты для лекцій скромный и неутомимый труженикъ науки, профессоръ описательной анатоміи Николай Дмитріевичъ Никитинъ. Работа была не особенно легка, а въ особенности въ тотъ періодъ, когда надо было приготовить препаратъ всей нервной системы цѣльнаго трупа, и я помню, что какъ-то однажды, возвращаясь домой часа въ два ночи, чрезъ ворота, выходившія въ Долгоруковскій переулокъ, я увидѣлъ свѣтъ въ окнахъ препаровочной залы и изъ любопытства зашелъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Надъ однимъ изъ столовъ наклонился Николай Дмитріевичъ и при свѣтѣ только одной тусклой свѣчи неустанно препарировалъ уже совсѣмъ позеленѣвшій трупъ; тутъ же находился и его помощникъ Балашевскій, но собственно работалъ одинъ Никитинъ. Я сѣлъ за одинъ изъ свободныхъ столовъ, остававшихся во мракѣ, и съ почтеніемъ долго глядѣлъ на обоихъ тружениковъ, при чемъ не могъ налюбоваться на некрасивое лицо Никитина, озаренное мыслью и энергіею труда. Эта же «препаровочная» по утрамъ представляла собою нѣчто въ родѣ гулянья, или клуба, и постоянно была наполнена студентами, даже и другихъ факультетовъ, приходившими туда изъ любопытства, а на лѣвой половинѣ, отъ входной двери, зданія анатомическаго театра помѣщался кабинетъ сравнительной анатоміи. Этотъ кабинетъ находился въ вѣдѣніи особаго прозектора г. Орловскаго, и входъ въ него студентамъ былъ запрещенъ. Охранителями и хозяевами, или, какъ шутя называли ихъ студенты,

«жрецами» описаннаго храма науки—были двѣ оригинальныя личности, изъ которыхъ одна почтительно именовалась всѣми Максимычемъ, а другая фамильярнѣе—Гришкою. Максимычъ занималъ болѣе почетную должность сторожа, и его главная обязанность состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ постоянно присутствовать въ обширныхъ сѣняхъ театра, гдѣ онъ почти постоянно былъ окруженъ цѣлою толпой студентовъ, въ качествѣ «исторической знаменитости». Знаменитъ онъ былъ тѣмъ, что сопровождалъ именно тѣхъ, впослѣдствіи столь знаменитыхъ, студентовъ, которые еще въ тридцатыхъ годахъ были отправлены Московскимъ университетомъ на казенный счетъ за границу, что̀ тогда дѣлалось еще въ первый разъ; въ числѣ этихъ студентовъ находились Пироговъ и Иноземцевъ. Вотъ эта-то поѣздка и составляла постоянную тему разговоровъ Максимыча со студентами; въ особенности онъ любилъ распространяться о томъ, что между ними находился Пироговъ, и если случалось, что какой-нибудь новичекъ наивно спрашивалъ: «какъ Пироговъ? который?» то для уясненія личности своего знаменитаго питомца, Максимычъ самымъ убѣжденнымъ тономъ говорилъ: «генералъ! генералъ!»

Гришка считался субалтернъ-сторожемъ театра, и въ его завѣдываніи находился подвалъ, въ которомъ сохранялись неоконченные еще препараты, приготовляемые студентами, или прозекторомъ. Наружность Гришки напоминала нѣсколько портреты Сократа, а въ особенности—носъ, очень широкій лобъ и совершенно лысая голова; хотя былъ онъ, по всей вѣроятности, уже порядочно старъ, но опредѣлить его лѣта по внѣшнему виду было нельзя, и въ его рыжеватыхъ бакенбардахъ, равно какъ и въ оставшихся еще на затылкѣ волосахъ не замѣчалось ни одного сѣдаго.

Мнѣ и до настоящаго времени памятно то тяжелое ощущеніе, какое я испыталъ, войдя въ первый разъ въ анатомическій театръ. Удушающій трупный запахъ такъ глубоко запалъ мнѣ въ легкія, что долгое время потомъ я и во снѣ чувствовалъ его. Уже въ это мое первое посѣщеніе лекціи анатоміи я понялъ, что, несмотря ни на какія усилія, никогда не буду въ состояніи учиться медицинѣ.

Кромѣ лекцій анатоміи, въ томъ же театрѣ читались: сравнительная анатомія, профессоромъ Иваномъ Тимоѳеевичемъ Глѣбовымъ, и зоологія, профессоромъ Варнекомъ. Первый изъ нихъ былъ угрюмый, желчный, крайне раздражительный человѣкъ; и въ словахъ его и въ жестахъ ежеминутно высказывалось какое-то нетерпѣніе, и даже лекціи онъ читалъ, какъ будто торопился скорѣе окончить, а его мрачные глаза почти злобно глядѣли изъ-за золотыхъ очковъ. Профессоръ, впрочемъ, онъ былъ замѣчательный и по учености, и по краснорѣчію изложенія, на экзаменѣ былъ строгъ до неприступности.

Профессоръ Варнекъ въ годъ моего поступленія долгое время не начиналъ своихъ лекцій, потому что былъ боленъ. По какой-то неосторожности онъ выбилъ себѣ глазъ и уже почти въ срединѣ года явился на лекціи со вставнымъ стекляннымъ глазомъ, неподвижно глядѣвшимъ въ одну точку. Читалъ онъ свой предметъ довольно подробно и съ большимъ увлеченіемъ, но также скоро оставилъ университетъ.

Химическая лабораторія находилась почти рядомъ съ анатомическимъ театромъ, ближе къ воротамъ Долгоруковскаго переулка, и была въ распоряженіи двухъ профессоровъ: Геймана и Гивартовскаго. Родіонъ Григорьевичъ Гейманъ, или, какъ сторожа его обыкновенно величали: «генералъ», былъ пожилой человѣкъ очень почтеннаго вида; онъ читалъ химію собственно на естественномъ отдѣленіи математическаго факультета, такъ что не имѣлъ ровно никакого отношенія къ студентамъ медицинскаго, которымъ читалъ Гивартовскій. Во время чтенія лекціи онъ безпрестанно бѣгалъ, то подскакивая къ столу, загроможденному разными пузырьками, колбами и ретортами, то торжественно останавливаясь посреди аудиторіи съ раздвинутыми въ стороны руками.

Впослѣдствіи Гивартовскій дослужился до тайнаго совѣтника, но въ то время его чинъ былъ, кажется, очень незначителенъ, а изъ всѣхъ почестей имѣлъ только аннинскій крестикъ, который и болтался постоянно въ петличкѣ его фрака. Вообще, въ то время чины и ордена далеко не такъ щедро сыпались на народныхъ просвѣтителей, какъ въ настоящее время, когда почти каждый учитель гимназіи или инспекторъ какого-нибудь городскаго училища въ уѣздномъ городѣ уже непремѣнно статскій совѣтникъ, а директоры гимназій и реальныхъ училищъ—всѣ дѣйствительные статскіе; кромѣ этого всѣ они увѣшаны крестами на шеѣ, а между профессорами не рѣдокъ и орденъ Бѣлаго орла, о чемъ тогда даже самъ Гивартовскій, вѣроятно, и не мечталъ.

Уже разъ заговоривъ объ орденахъ, я хочу кстати разсказать объ одномъ изъ ощущеній, или впечатлѣній, испытанномъ мною въ то самое время, о которомъ говорю теперь. Ко дню столѣтія Московскаго университета прибыли депутаціи отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ заведеній Россіи и уже заранѣе было извѣстно, что депутатами Академіи наукъ будутъ Плетневъ, Остроградскій и Устряловъ. Эти три имени не только были извѣстны каждому изъ насъ съ самаго ранняго возраста, но что касается меня—я привыкъ съ давнихъ поръ считать ихъ окруженными ореоломъ не только ихъ громкой славы, какъ ученыхъ, но и величія, то-есть различныхъ почестей, и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда увижу ихъ. Я легко узналъ всѣхъ троихъ во время обѣдни въ университетской церкви по академическимъ, синимъ мундирамъ съ красными воротниками и еще легче отличилъ одного отъ

другаго по описаніямъ, которыя случалось слышать прежде. Каково же было мое удивленіе, когда всѣ трое оказались скромно украшенными не болѣе какъ станиславскими лентами.

Я уже не разъ упоминалъ о деканѣ медицинскаго факультета Николаѣ Богдановичѣ Анке. Это былъ пожилой человѣкъ довольно высокаго роста, съ почтеннымъ и кругленькимъ брюшкомъ. Такъ какъ лекціи общей терапіи, профессоромъ которой онъ былъ, начинались только съ третьяго курса, то я и не могъ быть его слушателемъ; но видѣть Анке мнѣ доводилось не рѣдко во время нѣсколькихъ защищеній диссертацій на степень доктора медицины, а также во время единственнаго экзамена, который я держалъ съ перваго курса на второй. На диспутахъ Анке почти никогда самъ не дѣлалъ возраженій докторанту; но присутствуя на нихъ постоянно, въ качествѣ декана, все время просиживалъ какъ-то сонно и повидимому слушалъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Только по окончаніи защиты, онъ лѣниво вставалъ, отправлялся на каѳедру, съ которой только-что сошелъ докторантъ, и произносилъ, какъ по писанному форменную латинскую рѣчь, заканчивавшуюся словами: «ego, decanus, te doctorem medicinae creo!» Почти также равнодушно сидѣлъ онъ и во время экзаменовъ и только поглядывалъ на всѣхъ своими маленькими глазками, да проставлялъ баллы, которые говорилъ ему экзаменующій профессоръ. Впрочемъ, однажды мнѣ довелось видѣть Николая Богдановича въ большой суетѣ, и было это вотъ по какому случаю. Передъ нашимъ экзаменомъ изъ богословія, вдругъ разнеслась вѣсть, что на немъ будетъ присутствовать самъ митрополитъ Филаретъ. По этому случаю было рѣшено выбрать по списку нѣсколько самыхъ благонадежныхъ студентовъ и только ихъ экзаменовать въ присутствіи митрополита, за остальныхъ приняться уже тогда, когда онъ уѣдетъ. Ждали немало, и когда наконецъ архипастырь нашъ подъѣхалъ къ крыльцу, то и попечитель, и весь составъ профессоровъ, и всѣ находившіеся въ то время въ зданіи университета студенты встрѣтили его у самой входной двери, а затѣмъ прошло немало времени, пока онъ терпѣливо благословилъ всѣхъ къ нему подходившихъ и, наконецъ, чрезъ большую залу добрался до той аудиторіи, гдѣ ожидали благонадежные. Двери этой аудиторіи немедленно же наглухо затворили, а мы, не попавшіе въ разрядъ избранниковъ, оставались въ большой залѣ. Прошло не болѣе получаса, когда вдругъ, къ общему нашему изумленію, мы увидѣли, что эта громадная дверь опять отворяется и изъ нея выходитъ маленькая фигурка митрополита, въ полнѣйшемъ одиночествѣ. Постукивая своимъ посохомъ, святитель, какъ тѣнь, прошелъ мимо насъ по направленію къ входной двери залы, и мы такъ были озадачены этимъ, что даже не успѣли вскочить съ мѣстъ и молча смотрѣли, какъ онъ постепенно уда-

лялся. Только уже тогда, когда митрополитъ прошелъ почти всю обширную залу, дверь аудиторіи быстро отворилась, и изъ нея буквально выбѣжалъ, сѣменя толстыми ножками, Николай Богдановичъ, замѣтно взволнованный и почти блѣдный. Онъ пустился догонять митрополита, а еще немного погодя изъ той же двери вышли и всѣ остальные: попечитель, ректоръ, нѣсколько профессоровъ и позади всѣхъ—экзаменаторъ отецъ Терновскій. Всѣ они находились какъ будто въ какомъ-то недоумѣніи, кромѣ одного Терновскаго, который спокойно шелъ своею обычною, важною походкою, и только его гранатовые глаза сверкали какъ-то особенно гнѣвно. Что именно произошло во время этого экзамена—я и до сихъ поръ не могъ узнать навѣрное, но тогда говорили, и то довольно различно и сбивчиво, будто бы на какое-то замѣчаніе, сдѣланное митрополитомъ, не знаю по поводу чего, отецъ Терновскій отвѣчалъ во всеуслышаніе какимъ-то рѣзкимъ возраженіемъ, не особенно приличнымъ для простаго протоіерея передъ такимъ высокимъ въ духовной іерархіи лицомъ; послѣ этого, будто, митрополитъ сейчасъ же и ушелъ.

Деканами другихъ факультетовъ были: историко-филологическаго, или словеснаго, какъ онъ обыкновенно назывался: Степанъ Петровичъ Шевыревъ, о которомъ я уже упоминалъ; юридическаго: профессоръ уголовнаго права Сергѣй Ивановичъ Баршевъ и физико-математическаго: помнится—Николай Ѳедоровичъ Брашманъ. Непривѣтливая, надменная фигура Баршева должна быть хорошо извѣстна не одному поколѣнію московскихъ студентовъ, такъ какъ впослѣдствіи онъ долгое время былъ ректоромъ, сейчасъ же вслѣдъ за Альфонскимъ, а почтенная и симпатичная личность Брашмана еще и до настоящаго времени памятна его слушателямъ-математикамъ, а въ особенности тѣмъ, на кого онъ обращалъ особое вниманіе. Мнѣ много случалось слышать разсказовъ о немъ и хотѣлось бы припомнить возможно болѣе.

Брашманъ былъ маленькій, но кругленькій, еще не старый въ то время человѣкъ; наружность его имѣла нѣкоторое сходство съ наружностью Тьера въ послѣдніе годы его жизни, съ тою развѣ разницею, что Брашманъ не носилъ очковъ. Пріятное его лицо было постоянно какъ будто подернуто задумчивостью и разсѣянностью, а костюмъ хотя простой, но въ немъ никогда нельзя было замѣтить той небрежности, которая бросалась въ глаза въ костюмѣ многихъ профессоровъ. Онъ, какъ говорили, былъ очень разсѣянъ, но только въ дѣлахъ житейскихъ, а во время занятій своею наукою онъ отдавался имъ съ такимъ увлеченіемъ и неутомимостью, что просиживалъ цѣлыя ночи, и въ то время уже не могъ думать ни о чемъ другомъ. Нѣкоторыхъ студентовъ, конечно, тѣхъ, въ комъ замѣчалъ особыя способности и охоту къ математикѣ, онъ любилъ приглашать къ себѣ и занимался съ ними до такой

степени настойчиво и неутомимо, что они уходили отъ него совершенно обезсиленными и выдерживали весьма немногіе.

Свѣтилами медицинскаго факультета въ то время были: Александръ Ивановичъ Оверъ и Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ; оба они были директорами университетскихъ клиникъ, первый терапевтическаго отдѣленія, а второй—хирургическаго. Директоромъ третьяго отдѣленія—акушерскаго—былъ, въ то время еще молодой и очень красивый, профессоръ Кохъ, имѣвшій, какъ было слышно, большой успѣхъ у московскихъ барынь. Оверъ былъ очень изящный господинъ съ манерами большаго барина, очень старательно охранявшій свою красоту, которая, какъ говорили, въ молодости была замѣчательна. Еще и въ то время, взглянувъ на него, никому не могло придти въ голову, что онъ старъ: бакенбарды его, очень изящныя, были черны, какъ смоль, но ходили слухи, что онъ каждый день ихъ красилъ и что подъ красивымъ, также чернымъ, парикомъ уже давно спрятаны только небольшіе клочки сѣдыхъ волосъ. Онъ всегда былъ одѣтъ очень изысканно, а когда являлся куда-либо въ мундирѣ, то на немъ было надѣто не менѣе тридцати крестовъ разныхъ государствъ, которые, какъ цвѣтникъ, пестрѣли различными оттѣнками и на шеѣ, и въ петлицѣ; черезъ плечо у него красиво извивалась персидская, зеленая лента ордена Льва и Солнца. Незадолго до своего выхода въ отставку Оверъ почти совсѣмъ пересталъ читать лекціи и даже посѣщать клиники, и вмѣсто него читалъ ассистентъ. Это все происходило въ то самое время, когда въ университетѣ началъ заводиться обычай или мода (не знаю, какъ лучше выразиться) выражать профессорамъ свое одобреніе или порицаніе аплодисментами или шиканьемъ. Еще очень недавно предъ этимъ, о такомъ способѣ слушанія лекцій не смѣлъ никто даже и подумать, и довольно трудно припомнить ту постепенность, съ которою этотъ обычай возникъ и вкоренился въ нравы слушателей до такой степени, что впослѣдствіи противодѣйствовать ему оказалось чрезвычайно трудно; но нельзя вполнѣ отрицать, что и сами, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, профессора отчасти содѣйствовали этому, конкурируя другъ передъ другомъ тѣми или другими маневрами, разсчитанными на студенческіе аплодисменты. Точно также и Оверъ, прослышавъ, что его замѣститель нерѣдко срываетъ бурные аплодисменты тѣмъ, что въ преподаваніе такой с у х о й науки, какъ терапія, подмѣшиваетъ философію и говоритъ о Бэконѣ и т. п., вдругъ, однажды, явился неожиданно на лекцію самъ. За время своего отсутствія онъ уже успѣлъ не только утратить между студентами свою прежнюю популярность, но даже заслужить названія «невѣжды» и «идіота»»; такъ, что когда онъ вошелъ въ аудиторію, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, и по своему обыкновенію началъ читать не садясь, а полусидя на кончикѣ стола, то между студентами уже явственно приготовлялся

взрывъ свистковъ. Онъ, однако, нисколько этимъ не смутился и когда кончилъ, то вмѣсто шиканья поднялся такой ревъ «браво!», такой ураганъ хлопанья въ ладоши, что ничего подобнаго даже и не снилось искавшимъ популярности. Мало того, вся аудиторія бросилась вслѣдъ за нимъ, и одобренія продолжали сыпаться и на лѣстницѣ, и въ сѣняхъ, гдѣ онъ уже надѣвалъ шубу. По выходѣ въ отставку, Оверъ достигъ почести, до тѣхъ поръ небывалой въ средѣ врачей или профессоровъ: онъ получилъ званіе камергера двора Его Императорскаго Величества.

Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ былъ совершенною противоположностью Овера. Какъ тотъ поражалъ щеголеватостью и вылощенностью всей своей фигуры, такъ, наоборотъ, въ наружности и въ одеждѣ Иноземцева прежде всего бросалась въ глаза какая-то вовсе не намѣренная, а совершенно естественная небрежность. Лицо его было хотя и очень некрасиво, но въ такой степени замѣчательно, что не остановить на немъ вниманія, даже видя въ первый разъ и не зная, кого видишь, было невозможно. Некрасивое, красноватое, обрамленное густыми, коротко остриженными, очень темными волосами, серебрившимися легкою просѣдью, оно, вмѣстѣ съ карими, задумчиво-грустными глазами, глядѣвшими немного исподлобья, было какъ-то такъ озарено мыслью и теплотою души, что неотразимо привлекало, а вмѣстѣ съ высокимъ ростомъ и вообще всею фигурою, производило впечатлѣніе чего-то ц а р с т в е н н а г о, и при томъ, безъ малѣйшей на то претензіи. Точно также безъ всякой претензіи онъ былъ оригиналенъ, и эта оригинальность проявлялась безпрестанно. Я помню, что въ первый разъ видѣлъ его во время защиты какой-то диссертаціи и невольно обратилъ вниманіе на то, что Иноземцевъ, когда очередь дошла до него, вдругъ началъ дѣлать свои возраженія по-русски, тогда какъ всѣ предыдущіе говорили не иначе, какъ по-латыни. Диссертантъ былъ какой-то нѣмчикъ и на возраженія Ѳедора Ивановича продолжалъ отвѣчать на латинскомъ.—«Да отчего вы не хотите говорить мною со по-русски?»—какъ-то весело спросилъ Иноземцевъ и, когда ему объяснили, что тотъ очень плохо знаетъ русскій языкъ, то заговорилъ все-таки не по-латыни, а на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ. Слава Ѳедора Ивановича, какъ врача, была такъ громадна, что на него всѣ больные смотрѣли съ такою почти вѣрою, съ какою смотрятъ на чудотворную икону.

Кромѣ названныхъ, тогдашними профессорами медицинскаго факультета были: Поль, Варвинскій, Басовъ, Топоровъ, толстенькій и совершенно лысый старикашка, Клименковъ, Николаевъ и Полунинъ.

Андрей Ивановичъ Поль былъ высокаго роста старикъ съ головою Сократа и необыкновенно доброю и привѣтливою улыбкою, съ которою обращался ко всѣмъ. Видѣть его мнѣ случалось довольно часто, но одинъ случай у меня запечатлѣлся въ памяти. Поль читалъ свои лекціи въ

Екатерининской больницѣ, которой, вмѣстѣ съ этимъ, онъ былъ директоромъ. Какъ-то одному изъ моихъ товарищей понадобился скелетъ, и ему посовѣтовали обратиться къ сторожу Екатерининской больницы Гансу, занимавшемуся приготовленіемъ и продажею какъ отдѣльныхъ костей, такъ и цѣльныхъ, собранныхъ скелетовъ. Мы отправились втроемъ и довольно долго бродили по обширному двору больницы, пока, наконецъ, отыскали этого Ганса, въ такъ называемой мертвецкой. Гансъ сказалъ, что намъ надо подождать, и мы, довольно долго оставаясь въ его душной комнаткѣ, отъ нечего дѣлать вздумали пройти въ мертвецкую. Это была небольшая комната, вся уставленная иконами съ горѣвшими передъ ними лампадами, а на столѣ въ ней въ то время лежалъ только одинъ трупъ молодой дѣвушки, видимо, только-что умершей потому, что она лежала въ одной сорочкѣ, прикрытая только простынею. Хоть трупъ былъ уже холоденъ, но дѣвушка казалась спящею, даже румянецъ игралъ на ея щекахъ, и я смотрѣлъ на нее съ невольнымъ страхомъ: мнѣ казалось, что вотъ, вотъ она сейчасъ проснется. Когда Гансъ возвратился, то опять мы вошли въ его комнатку и вдругъ въ нее же вошелъ самъ Андрей Ивановичъ, въ шинели и шляпѣ, повидимому, по дорогѣ домой.—«О! та ви зтѣсь, каспата—цѣлій коллегіумъ! tres faciunt collegium!»—ласково сказалъ онъ, а затѣмъ заботливо отозвалъ Ганса въ сторону и что-то шепталъ ему. Увидя же, что мы со вниманіемъ глядимъ на колокольчикъ, привѣшенный надъ кроватью Ганса, началъ объяснять, что бываютъ случаи обмиранія, которые принимаются за настоящую смерть, и что для этого и проводится шнурокъ отъ трупа къ звонку. Вѣроятно, и онъ также сомнѣвался въ смерти дѣвушки.

Оригинальнѣе всѣхъ былъ профессоръ патологіи, Алексѣй Ивановичъ Полунинъ. Онъ былъ оригиналенъ и по наружности, и по манерѣ говорить, и даже по своему голосу. Маленькій, лысый, съ зачесанными впередъ жиденькими висками, въ допотопномъ фракѣ, онъ ходилъ какъ-то особенно: какъ-будто подпрыгивая на каждой ногѣ и вмѣстѣ съ этимъ раскачиваясь въ стороны, и всею своею фигурою напоминалъ семинарію, хотя, кажется, вовсе и не былъ семинаристомъ. Голосъ его былъ похожъ, отчасти, на гусиный, а говорилъ онъ словно упирая на букву «о» и почти къ каждому слову прибавляя частицу «съ», даже во время чтенія лекцій. Полунинъ, впрочемъ, такъ извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своими сочиненіями, что кромѣ его смѣшныхъ сторонъ имѣлъ, вѣроятно, очень много серьезныхъ и замѣчательныхъ; но о нихъ пусть говорятъ уже тѣ, кто его ближе зналъ и у него учился.

Къ числу оригиналовъ принадлежали, несомнѣнно, профессоры: Орнатскій, читавшій энциклопедію законовѣдѣнія и государственное право, Никита Ивановичъ Крыловъ—римское право, Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ — исторію русскаго законодательства, Лешковъ — общественное

право, Зерновъ, Меншиковъ; а отчасти—Осипъ Максимовичъ Бодянскій и Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ. Бодянскій могъ быть принятъ за семинариста, только пока онъ молчалъ, а затѣмъ его своеобразный языкъ какъ-то мгновенно измѣнялъ характеръ всей его фигуры. Мнѣ памятенъ только одинъ, совершенно ничтожный случай, но онъ-то и навелъ меня на сейчасъ высказанную мысль. Какъ-то мнѣ случилось видѣть его выходящимъ, не помню по какому случаю, изъ актовой залы въ довольно тѣсной толпѣ. Въ это время кто-то спросилъ у него:—«вы, Осипъ Максимовичъ, Анну получили—на шею?»—«А вы думали куда? въ объятія, что ли?» Что касается Морошкина, то хотя онъ, если не ошибаюсь, и дѣйствительно происходилъ изъ духовнаго званія, но своею наружностью нисколько не напоминалъ общеизвѣстнаго семинарскаго типа, и фигура его была пріятна и величава; высокій ростъ, открытое чело и умные глаза невольно вселяли уваженіе во всѣхъ, кто его видѣлъ. Мнѣ случалось посѣщать его лекціи и съ наслажденіемъ слушать тотъ живой языкъ, которымъ онъ объяснялъ гражданское право и излагалъ русскіе гражданскіе законы. Никита Ивановичъ Крыловъ читалъ свое римское право на всѣхъ трехъ курсахъ, начиная со втораго. На лекціи онъ никогда не приносилъ съ собою ни замѣтокъ, ни какихъ-либо книгъ, какъ это дѣлали другіе профессора, а просто—входилъ, садился и немедленно же начиналъ читать. Говорилъ онъ довольно красно и, что̀ въ особенности поражало—такъ это то, что онъ излагалъ свою лекцію, съ начала до конца, какъ-то безъ остановокъ, какъ-будто читалъ по книгѣ. Самому мнѣ не случалось быть свидѣтелемъ этого, но разсказывали другіе, что будто бы съ Никитою Ивановичемъ, впрочемъ, не особенно часто случалось то, что, придя на лекцію, онъ по ошибкѣ принималъ второй курсъ за третій, или наоборотъ, и усѣвшись начиналъ читать совсѣмъ не то, что слѣдовало, такъ что студентамъ самимъ приходилось замѣчать ему его ошибку. Тогда онъ мгновенно обрывалъ потокъ своей рѣчи и начиналъ новый. Манера его чтенія также была своеобразна: произнося, напримѣръ, однимъ духомъ длинный періодъ, оканчивающійся, положимъ, такими словами: «подобное явленіе почти невозможно...» онъ вдругъ спускалъ голосъ октавою ниже и опять повторялъ: «почти невозможно!»

Василій Николаевичъ Лешковъ былъ человѣкъ очень вѣжливый и деликатный, и сладенькая улыбка почти никогда не сходила съ его лица. Онъ имѣлъ ту своеобразность, что каждому, хотя одинъ разъ видѣнному имъ человѣку онъ потомъ уже постоянно, при встрѣчахъ на улицѣ, кланялся всегда самъ, не ожидая поклона его; по крайней мѣрѣ такъ было со мною.

Но кто, уже безспорно, былъ оригинальнѣе всѣхъ, такъ это профессоръ исторіи русскаго законодательства, Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ.

Студенты прозвали его «архивною крысой», и, глядя на него, нельзя было не согласиться съ тѣмъ, что прозваніе очень мѣтко: онъ дѣйствительно походилъ на крысу. Роста онъ былъ очень небольшаго, одна нога у него была короче другой, и вслѣдствіе этого болѣе длинная какъ-то всегда тащилась сзади. Взобравшись на каѳедру, онъ опирался головою на руку, локоть которой клалъ на столъ, и до самаго конца лекціи не перемѣнялъ этого положенія; а затѣмъ начиналъ читать до такой степени медленно и монотонно, что подъ звуки его рѣчи было положительно трудно бороться со сномъ, что̀ и было очень замѣтно на лицахъ большинства его слушателей.

Профессорами совершенно инаго типа были въ то время лица, имена которыхъ въ настоящее время уже такъ громки, что ихъ знаетъ почти каждый, но все-таки не мѣшаетъ ихъ назвать. Это были: Грановскій, Кудрявцевъ, Леонтьевъ, Вернадскій, Буслаевъ, Соловьевъ, Капустинъ, Лясковскій и Рулье. Имя перваго изъ всѣхъ названныхъ, впрочемъ, прогремѣло гораздо ранѣе, и въ то время, о которомъ я говорю, слава его скорѣе клонилась къ закату, нежели увеличивалась. Въ то время Тимоѳей Николаевичъ былъ уже человѣкъ пожилой, замѣтно отучнѣвшій и съ довольно значительною лысиною, которая его еще болѣе старила. Свой форменный фракъ, а изрѣдка и мундиръ, оба сильно потертые, онъ носилъ какъ-то уже очень небрежно. Увидя его въ первый разъ, я невольно задалъ себѣ вопросъ: неужели это тотъ поэтическій образъ, который мы привыкли съ дѣтства воображать? Только одинъ разъ, во время обѣдни въ университетской церкви, въ одинъ изъ обыкновенныхъ воскресныхъ дней, случайно обернувшись назадъ, я увидѣлъ Грановскаго, прислонившагося къ стѣнѣ и глубоко задумавшагося. Вмѣсто обычнаго мѣшковатаго форменнаго фрака на немъ былъ изящный черный сюртукъ, лицо было противъ обыкновенія блѣдно и такъ озарено глубокимъ выраженіемъ мысли и грусти, что я долгое время не могъ оторвать отъ него глазъ и только тутъ понялъ, какимъ онъ долженъ былъ быть прежде.

Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ такъ же, какъ и Грановскій, въ то время доживалъ уже послѣдніе годы своей жизни, но, несмотря на постоянно страдальческое выраженіе его лица, все-таки никому и въ голову не приходило, что оба эти украшенія Московскаго университета, эти яркія свѣтила русской мысли и науки, такъ скоро, и почти одновременно, сойдутъ въ могилу. Лицо и вся фигура Кудрявцова также сіяла мыслью и добротою, но, глядя на него, невольно являлась мысль, что на плечахъ этого человѣка лежитъ какой-то тяжелый крестъ, который онъ покорно влачитъ, не имѣя силы стряхнуть. Прекрасно было также, хотя не чертами, а выраженіемъ мысли и благородства, умное лицо, еще тогда молодаго адъюнктъ-профессора Михаила Николаевича

Капустина. Въ то время онъ читалъ международное право, предметъ съ довольно тѣсными рамками, гдѣ еще не имѣла возможности вполнѣ развернуться его глубокая мысль, но вскорѣ потомъ, послѣ смерти Орнатскаго, ему поручена была также каѳедра энциклопедіи законовѣдѣнія, и только тутъ его многочисленные слушатели вполнѣ его поняли и оцѣнили.

Неизгладимо также врѣзывалось въ память умное и выразительное, хотя нѣсколько строгое лицо Павла Михайловича Леонтьева; во всей его фигурѣ, маленькой и горбатой, преобладало выраженіе, которое невольно бросалось въ глаза: казалось, будто въ этомъ человѣкѣ ежеминутно происходитъ побѣда силы мысли и характера надъ прирожденною физическою слабостью и болѣзненностью.

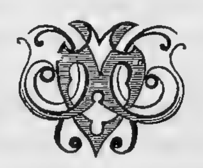
Профессоръ зоологіи, исключительно для математическаго факультета, Рулье (къ сожалѣнію, я не твердо помню его имя и отчество, но если не ошибаюсь—его звали Францемъ Яковлевичемъ) былъ веселый, умный и въ особенности остроумный толстякъ съ круглымъ, краснымъ лицомъ человѣка, любящаго хорошо покушать, и курчавыми, постоянно растрепанными волосами; онъ былъ высокъ ростомъ, но этотъ ростъ нѣсколько скрадывался его полнотою. Лекціи его такъ и сверкали огнями остроумія и веселости, и на нихъ всегда собирались множество постороннихъ слушателей. Не припомню навѣрное, въ которомъ именно году это было, но какъ-то разъ Рулье, возвращаясь ночью изъ англійскаго клуба, переломилъ себѣ ногу и потомъ долгое время ходилъ на костыляхъ и, кажется, такъ и умеръ, не покидая ихъ.

Кромѣ своей профессорской дѣятельности, Рулье былъ занятъ еще и изданіемъ имъ же задуманнаго «Вѣстника естественныхъ наукъ», очень роскошнаго періодическаго изданія, въ родѣ альманаха, украшеннаго превосходными рисунками. Я очень хорошо помню первый нумеръ этого изданія; а въ этомъ нумерѣ, преимущественно, великолѣпное иллюминованное изображеніе льва, работы любителя-ученаго и художника, Н. А. Сѣверцова, а также очень остроумную статью самого Рулье о порядкѣ появленія пѣжинъ на ногахъ у лошадей. Сѣверцовъ рисовалъ своего льва съ оригинала, находившагося въ соединенныхъ двухъ звѣринцахъ Барнабо и Берга, которые помѣщались въ огромнѣйшемъ балаганѣ на Лубянской площади. Я довольно часто бывалъ въ этомъ звѣринцѣ и нерѣдко видѣлъ неизвѣстнаго мнѣ господина въ толстомъ байковомъ пальто и фуражкѣ, въ очкахъ, съ рыжеватою бородою, который тамъ расхаживалъ съ портфёлемъ въ рукахъ. Однажды, когда публики было очень мало, я засталъ его передъ клѣткою льва, передъ маленькимъ столикомъ, на которомъ были разложены его портфёль и принадлежности рисованья; онъ внимательно вглядывался въ движенія льва, нетерпѣливо разгуливавшаго по своей клѣткѣ, и набра-

сывалъ на бумагу эскизы разныхъ его положеній. Не знаю, почему этотъ господинъ всегда казался мнѣ французомъ, а поэтому я, остановясь у его стола, заговорилъ съ нимъ по-французски, и моя увѣренность еще болѣе увеличилась, когда онъ отвѣчалъ съ самымъ изящнымъ выговоромъ. Разговоръ, впрочемъ, былъ очень незначителенъ и кратокъ, потому что я не хотѣлъ ему мѣшать и отошелъ прочь. Только впослѣдствіи, изъ статьи, приложенной къ вышеупомянутому рисунку «Вѣстника естественныхъ наукъ», я узналъ, что это былъ Сѣверцовъ, о которомъ и прежде слыхалъ немало расказовъ въ одномъ знакомомъ мнѣ московскомъ домѣ...

Вернадскій читалъ политическую экономію. Это былъ въ то время очень толстый господинъ (говорили, что впослѣдствіи онъ сильно похудѣлъ), съ здоровымъ краснымъ цвѣтомъ лица, и отъ всей его фигуры такъ и вѣяло умомъ и самостоятельностью. О немъ ходили слухи, что онъ не любилъ давать спуску никакой посредственности вообще, а въ особенности держалъ себя очень самостоятельно въ отношеніи къ начальству. Впрочемъ, профессоромъ онъ оставался не долго и былъ, помнится, назначенъ директоромъ котораго-то изъ департаментовъ министерства финансовъ. Впослѣдствіи его каѳедру долгое время занималъ не менѣе умный и самостоятельный Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бунтъ и побѣгъ на Амуръ „воровскаго полка" М. Сорокина.

(Очеркъ изъ жизни XVII вѣка).

Походы на Амуръ Василія Пояркова (въ 1643 — 44 гг.) и Ероѳея Хабарова (въ 1649—53 гг.) вызвали необычайное движеніе среди русскаго населенія ближайшихъ уѣздовъ Сибири—Якутскаго, Илимскаго и Красноярскаго. Разсказы спутниковъ Пояркова и Хабарова о богатствахъ новооткрытой Даурской земли возбудили всеобщее вниманіе къ ней и стремленіе проникнуть туда. Особенно сильно дѣйствовали разсказы самого Хабарова—«стараго Даурской земли заводчика». Одинъ современный документъ говоритъ [1]), что когда въ 1653 г. Хабаровъ ѣхалъ съ Амура въ Москву, вмѣстѣ съ стольникомъ Дмитріемъ Зиновьевымъ, то Илимскій уѣздъ онъ проѣзжалъ «въ камчатномъ платьѣ нарядяся» и «всякихъ чиновъ людямъ хвалилъ Даурскую землю и подговаривалъ, чтобъ шли въ ту богатую землю всякіе люди», что тамъ «житье богатое» и пр. И «всякихъ чиновъ люди»—служилые, посадскіе, промышленные, крестьяне, «гулящіе люди» и др. жадно бросились на Амуръ, то въ одиночку, то группами, гибли массами еще не доходя до завѣтной цѣли и только рѣдкіе достигали ея, присоединяясь къ находившимся тамъ русскимъ отрядамъ, или образуя вольные—«воровскіе полки».

Въ исторіи этого чисто стихійнаго движенія встрѣчаемся съ однимъ любопытнымъ эпизодомъ — бунтомъ илимскихъ служилыхъ людей, организовавшихъ подъ предводительствомъ «атамана» Михаила Сорокина «воровской полкъ» именно для побѣга на Амуръ. Движеніе Со-

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 519.

рокина въ 1655—56 г.г. охватило почти весь составъ служилыхъ людей Илимскаго острога и вызвало волненіе не въ одномъ Илимскомъ уѣздѣ, но и въ сосѣднихъ. Былъ моментъ, когда правительственная власть висѣла въ Илимскѣ на волоскѣ и легко могла очутиться въ рукахъ «воровскаго казачьяго атамана»... И этой «порухи» не случилось единственно потому, что Сорокинъ съ товарищи поставили задачею своего движенія—достигнуть Амура и тамъ «служить особь, а у государевыхъ воеводъ подъ началомъ не быть» (столбецъ № 519).

Это своеобразное движеніе, не разъ прорывавшееся среди сибирскихъ служилыхъ людей XVII вѣка, почти неизвѣстно въ исторической литературѣ. Извѣстны, правда, два акта, говорящіе о бунтѣ М. Сорокина въ 1655—56 г.г. [1]), но они разсказываютъ объ этомъ событіи очень коротко и глухо, совершенно умалчивая о мотивахъ движенія.

Но подробную картину Сорокинскаго бунта можно нарисовать на основаніи илимскаго «сыскнаго дѣла» 1655—57 г.г., сохранившагося [въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи, въ Сибирскомъ приказѣ въ столбцахъ №№ 471 и 519] [2]). Въ составъ дѣла входятъ «отписки» илимскаго воеводы стольника Богдана Денисовича Оладьина, «грамоты» ему, воеводскіе «сыски» о бунтѣ, челобитныя служилыхъ и др. людей и др. документы. Извлекаю отсюда все существенное, опуская излишнія подробности и повторенія.

1.

Побѣги на Амуръ илимскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей происходили не разъ и до Сорокинскаго движенія. Первая крупная партія—около 300 человѣкъ—побѣжала туда въ 1653 г., подъ начальствомъ служилыхъ людей Прокофья Кислаго и Василья Черкашенина. Ядро партіи составили 27 служилыхъ людей Верхоленскаго острога, которые побѣжали въ Даурскую землю—какъ говоритъ одна грамота якутскимъ воеводамъ—«не хотя нашихъ (государевыхъ) службъ служить». Къ нимъ примкнуло около 10-ти илимскихъ крестьянъ, но главную массу въ этой партіи составляли промышленные и гулящіе люди Илимскаго и Якутскаго уѣздовъ. Пробираясь на Амуръ, партія Кислаго ознаменовала свой путь грабежами и насиліями надъ торговыми людьми, крестьянами проч.

---

1) Доп. Акт. Ист., IV, №№ 10 и 33.

2) Нѣкоторыя свѣдѣнія о «сыскномъ дѣлѣ» см. въ моемъ «Обозрѣніи столбцовъ и книгъ Сибир. приказа», ч. I, стр. 195.

Въ 1654 г. бѣжала партія служилыхъ людей Давида Егорова и Ѳедота Барана съ товарищи. Побѣгъ былъ не изъ удачныхъ: оба предводителя и многіе изъ ихъ спутниковъ пойманы и наказаны. Конечно, это не остановило дальнѣйшихъ побѣговъ, и число ихъ годъ отъ году увеличивалось. Въ 1655 г. илимскій воевода Богданъ Оладьинъ писалъ царю, что «всѣхъ русскихъ людей (бѣглыхъ) въ Даурской землѣ больше 1500 человѣкъ». Эти побѣги стали такимъ обычнымъ дѣломъ въ Илимскѣ, что тотъ же воевода, верстуя въ казачью службу на мѣста бѣглецовъ изъ «гулящихъ и молодшихъ ссыльныхъ людей»—приводилъ ихъ ко кресту «на томъ, что имъ служить государю правдою, безо всякіе хитрости, и не измѣнить—ни въ которые иноземцы и въ Даурскую землю не сбѣжать и безъ отпуску не сойти»...

Но и эта спеціальная присяга не помогала: Даурія неудержимо влекла къ себѣ русскихъ людей... Тотъ же Оладьинъ жаловался царю, что и вновь поверстанные имъ въ службу казаки, забывъ крестное цѣлованье, «бѣгаютъ съ твоихъ государевыхъ службъ въ Даурскую землю, а удержать ихъ отъ даурского побѣгу никоторыми мѣрами не мочно», такъ какъ «уходъ сталъ блиско»: отъ Илимска внизъ по р. Ленѣ и вверхъ р. Олекмою можно въ 8 недѣль пробраться «на Даурскую Амуръ рѣку и Шилку». Отъ Якутска же и того ближе къ Амуру.

Но не одна близость къ Амуру и не одни разсказы о богатствахъ тамошней природы и людей тянули туда русскихъ служилыхъ и промышленныхъ людей. Едва ли не самую крупную роль здѣсь съиграли невѣроятныя тягости порубежной сибирской службы, усугубленныя страшнымъ произволомъ и злоупотребленіями воеводъ и другихъ властей... Отъ этихъ «прелестей» сибирской жизни русскіе люди готовы были бѣжать хоть на край свѣта, мечтая о службѣ «особь»—отдѣльно отъ «государевыхъ воеводъ»...

Илимскъ былъ городъ новый (съ 1649—50 г.г.), построенный первымъ его воеводою Тимоѳеемъ Шушеринымъ и населенный «сведенцами» изъ разныхъ сибирскихъ городовъ. Немногіе изъ нихъ перешли сюда добровольно, большинство же состояло изъ невольныхъ переведенцевъ, которые не могли быть довольны этимъ насильнымъ переводомъ изъ насиженныхъ сравнительно спокойныхъ по службѣ старыхъ сибирскихъ городовъ въ неустроенный и безпокойный порубежный Илимскъ. Сосѣдство немирныхъ «братскихъ» и «мунгальскихъ людей» давало себя знать съ самыхъ первыхъ моментовъ открытія Илимскаго воеводства.

Въ «заручной челобитной» 1655 г. илимскихъ служилыхъ людей читаемъ, что когда челобитчиковъ перевели въ Илимскъ, то ничего имъ не дали—никакой «подмоги» на «дворовое строенье и на селитьбу», такъ что «и по се время» они «дворишками не построилися, потому

что покою себѣ не знаемъ ни днемъ, ни ночью, ни зимою, ни лѣтомъ»... Именно этими «тяжелыми немирными службами» челобитчики и объясняютъ амурскіе побѣги Прокофья Кислаго и др.

Особенно усиленно жалуются челобитчики на тягости «судоваго дѣла» — на обязательную для илимскихъ служилыхъ людей постройку судовъ на устьяхъ р.р. Муки и Куты, гдѣ «для якутской службы (т. е. для отправки хлѣбныхъ каравановъ въ Якутскъ) дѣлаемъ кочи и дощаники и лодьи, и къ себѣ наймуемъ въ плотники въ уставщики промышленныхъ людей, дорогою цѣною—отъ указу даемъ рублевъ по 40 и больши, а сами мы кочей и дощаниковъ дѣлать безъ мастера не умѣемъ»...

Изъ другаго документа узнаёмъ, что въ 1655 г. служилые люди просили освободить ихъ отъ постройки 3 «кочей морскаго ходу» и кочи были построены «кочевыми дѣловцами» за 139 рублей, кои были вычтены изъ «денежныхъ окладовъ» служилыхъ людей. Вообще «судовое дѣло» наносило имъ огромные убытки и вызывало сильное неудовольствіе.

Именно здѣсь—около «судоваго дѣла» и зародился бунтъ Михаила Сорокина.

II.

Весною 1655 г. воевода Оладьинъ отправилъ на службу въ Верхоленскій острогъ отрядъ въ 40 казаковъ, подъ начальствомъ Михаила Сорокина. Отрядъ состоялъ частію изъ служилыхъ «стараго ленскаго наряда», т. е. переведенныхъ изъ Якутска, а частію изъ илимскаго «новаго прибору изъ ссыльныхъ служилыхъ людей». Сорокину было дано спеціальное порученіе завѣдывать на р. Тутурѣ постройкою пяти дощаниковъ.

Сорокинъ прибылъ на Тутуру передъ Пасхою и принялся за порученное дѣло. Не окончивши дощаниковъ, Сорокинъ на Святой недѣлѣ вдругъ «сталъ самъ четвертъ наряжатца» въ Верхоленскій острожекъ. Это удивило «приказнаго человѣка» Тутурской волости, пятидесятника Михаила Козлова, который сталъ удерживать Сорокина: «почто ты, Михайло, самъ четвертъ ѣдешь въ Верхоленье, а дощаники государевы будутъ не сдѣланы?...» — «Я-де ѣду топоровъ дѣлать...» — отвѣчалъ тотъ.

Козловъ отпустилъ Сорокина, но о неожиданномъ его отъѣздѣ увѣдомилъ верхоленскаго приказнаго человѣка, атамана Никифора Качи-

на. Очевидно, у Козлова были какія-то сомнѣнія: до него должны были дойти слухи о замыслахъ Сорокина...

Дѣйствительно, послѣ Егорьева дня Сорокинъ прислалъ на Тутуру казака Клима Донщину, который пріѣхалъ «самъ девятъ» и торопливо сталъ «дощаники государевы конопатить и весла и греби дѣлать». Донщина прямо заявилъ Козлову: «идемъ-де въ Дауры!...» Для Козлова не осталось никакихъ сомнѣній, «что они даурцы...».

Донщина счелъ излишнимъ скрываться въ захолустномъ Тутурскомъ зимовьѣ, когда знамя бунта уже открыто было поднято Сорокинымъ въ такомъ крупномъ пунктѣ, какъ Верхоленскій острогъ. Какъ мы знаемъ, онъ прибылъ туда на Пасху и немедленно довелъ до конца переговоры съ своими единомышленниками. Все у нихъ было рѣшено еще зимою, и теперь они дѣйствовали по хорошо обдуманному плану.

Прежде всего нужно было если не привлечь на свою сторону Н. Качина, то по крайней мѣрѣ обезвредить его. Но первое не удалось: Качинъ рѣшительно отказался на старости лѣтъ превращаться въ «даурца»... Однако, онъ согласился не мѣшать планамъ Сорокина. Впослѣдствіи, во время воеводскаго «сыска», Качинъ увѣрялъ, что когда Сорокинъ съ товарищи свой «скопъ и воровской заводъ и побѣгъ въ Даурскую землю заводили», то онъ Качинъ «про тотъ ихъ воровской злой умыслъ до ихъ побѣгу не слыхалъ и не вѣдалъ, и въ побѣгѣ-де тѣмъ ворамъ ни въ чемъ не норовилъ и не потачилъ»... Узналъ-де онъ о побѣгѣ только 25-го апрѣля, когда Сорокинъ открыто поднялъ знамя бунта, Качину «отъ приказа отказалъ» и подъ угрозою «смертнаго убойства» запретилъ извѣщать воеводу Оладьина. Качинъ увѣрялъ, что бунтовавшіе казаки «обсадили» его въ острожкѣ, вмѣстѣ съ оставшимися вѣрными государю служилыми людьми. Такъ показывали и нѣкоторые свидѣтели, и воевода Оладьинъ писалъ царю, будто бунтовщики «взяли сильно» Качина и «поневолѣ привели ко кресту, чтобъ ему про ихъ воровской заводъ и измѣну ко мнѣ для вѣдома отписокъ не писать и вѣсти не подавать».

Но большинство свидѣтелей говоритъ, что Качинъ «за карауломъ не бывалъ—ходилъ простъ»... Верхоленскій толмачъ Ѳедоръ Степановъ разсказывалъ, что 24-го апрѣля былъ онъ съ Сорокинымъ и его товарищами,—«сидѣли,—пили братчину» у казака Алексѣя Смирнова. Сорокинъ тутъ прямо заявилъ: «идемъ-де мы въ Даурскую землю, а въ сборѣ-де насъ 30 человѣкъ»... Степановъ немедленно передалъ это Качину, а тотъ отвѣтилъ:—«добро-де!.. инде послать на волокъ (т. е. въ Ишимскій острогъ) съ отписками?..»—Однако, никого онъ туда не послалъ въ тотъ день. На другой день, когда начался бунтъ, Сорокинъ распорядился поставить караулы вокругъ острога и по дорогамъ, и никого «изъ острогу и изъ дворовъ не выпущали». Какъ бы ни были

бдительны эти караулы, все же было возможно послать вѣсть воеводѣ, особенно въ первые дни волненій, когда бунтовщики еще не разобрались точно—кто изъ верхоленцевъ сталъ «даурцомъ», и кто остался вѣренъ «государевымъ воеводамъ». Но Качинъ не только не сдѣлалъ ни одной попытки увѣдомить Оладьина о начавшемся бунтѣ, но даже—какъ разсказывалъ тотъ же толмачь Степановъ,—въ день бунта, очень мирно и охотно «медъ ставилъ» Сорокину съ товарищи и послѣ не разъ съ нами «брагу пивали, хлѣбъ-соль водили»... Правда, Качинъ оправдывался такъ:—«Я по неволѣ пою ихъ, что боюся отъ нихъ смертнаго убойства»...

Какъ бы то ни было, но если Качинъ и не былъ явнымъ сторонникомъ Сорокина, то все же онъ не мѣшалъ его планамъ, хотя отлично помнилъ данный воеводою «наказъ»—немедленно извѣщать о всякой «шатости» служилыхъ людей.

III.

Какъ мы знаемъ, бунтъ начался 25-го апрѣля 1655 года. Раннимъ утромъ Михаилъ Сорокинъ и Ѳедоръ Мещеряковъ явились въ часовню св. Николая Чудотворца (церкви въ острогѣ не было) и потребовали у «часовеннаго дьячка» Дмитрія Семенова выдачи «войсковаго знамени» Верхоленскаго острога. Семеновъ не хотѣлъ выдавать, но они «знамя войсковое у меня въ часовнѣ сильно взяли и оставили коня Николѣ въ казну», т. е.—начиная бунтъ, прибѣгли къ покровительству Николая Чудотворца и принесли ему жертву.

Съ знаменемъ въ рукахъ Сорокинъ вышелъ на площадь острога, гдѣ уже выстроилось «съ оружьемъ» его «войско». Устроили «кругъ», принесли крестъ и всѣ подъ знаменемъ другъ-другу «образовались (крестъ цѣловали), что бы имъ умереть вмѣстѣ за единъ человѣкъ»... Всѣ они «крестъ цѣловали на томъ, что-де имъ итти въ Даурскую землю, а атаманомъ быть у нихъ въ воровскомъ полку» Михаилу Сорокину и «есауломъ» Ѳедору Краснояру: «а иново-де атамана и есаула имъ никово не выбирать». Если по государеву указу «будутъ посланы на службу, или на нихъ воровъ [1]) въ Даурскую землю съ Москвы государевы бояре, или окольничій и воеводы, или съ городовъ приказные люди съ ратными людьми,—и имъ-де ворамъ въ Даурской землѣ въ го-

[1]) Эти постановленія Верхоленскаго «круга» привожу со словъ отписки Оладьина, который естественно не могъ иначе величать бунтовщиковъ, какъ «ворами»...

сударевы полки къ государевымъ воеводамъ не выѣзжать и не даватца, и никакихъ службъ государю съ воеводами не служить! А служить-де имъ съ ихъ воровскимъ атаманомъ съ М. Сорокинымъ, да съ ясауломъ съ Ѳ. Краснояромъ въ Даурской земли заодно особь, а у государевыхъ воеводъ подъ началомъ не быть и не даватца—стоять за одно! И на томъ-де они воры атаману воровскому М. Сорокину крестъ цѣловали всѣ».

Нѣкоторые колебавшіеся «даурцы» пробовали остановить движеніе ссылками на долгъ «службы государевой». Но Сорокинъ съ товарищи отвѣчали, «что-де ихъ братья служилые люди въ прошлыхъ годѣхъ» много разъ «изъ службъ бѣгали»—изъ Якутска, Красноярска и Илимска, «а имъ-де за то государева указу и сыску не бывало: то они воры и измѣнники М. Сорокинъ съ товарищи ставятъ себѣ въ похвальбу и въ удачю!»

Это говоритъ воевода Оладьинъ въ своей отпискѣ царю, въ которой не разъ возвращается къ этому предмету и ничѣмъ не опровергаетъ показаній «даурцевъ», что всѣ прежніе побѣги въ Даурію совершенно игнорировались центральнымъ правительствомъ и не вызывали съ его стороны ни «указовъ», ни «сысковъ». Значитъ, это была правда, и Сорокинъ, указывая колебавшимся на это обстоятельство, какъ бы намекалъ, что далекому царю нѣтъ дѣла до нихъ—захолустныхъ людишекъ.

Когда атаманъ и есаулъ были избраны, Сорокинъ «кликнулъ въ кругъ» Качина и объявилъ ему, что «отказываетъ» ему отъ «приказа» въ Верхоленскомъ острогѣ, что ему «до нихъ дѣла нѣтъ ни въ чемъ» и пригрозилъ, чтобы онъ «вѣсти не подавалъ» воеводѣ Оладьину, «а буде вѣсть подашь—и ты на себя не пеняй! посадимъ въ воду!»

Этой угрозы было достаточно, чтобы обезоружить Качина. Но все же ему вполнѣ не довѣряли—слѣдили за нимъ и «изъ острогу безъ своихъ людей не выпущали». Слѣдили и за остальными служилыми людьми, не приставшими къ Сорокину. Противъ нѣкоторыхъ открытыхъ противниковъ были приняты крутыя мѣры: такъ, казаковъ Терентья Пашкова и Игнатья Буракова и промышленнаго человѣка Ивана Галичанина избили, «въ воду посадить хотѣли», ограбили, ружье, порохъ, платье, у Галичанина отняли «судно съ товары и хлѣбными запасы» и всѣхъ троихъ «за приставомъ въ воровскомъ своемъ полку держали».

Сорокинъ постарался привлечь на свою сторону ясачныхъ людей и запретилъ имъ извѣщать воеводу о происходящемъ въ острогѣ. Переговоры съ инородцами не затрудняли Сорокина и Краснояра, такъ какъ они «языкъ братской и тунгусской знаютъ».

Послѣ 25-го апрѣля, Сорокинъ прожилъ въ Верхоленскомъ острогѣ до 11-го мая, занимаясь организаціей своего «воровскаго полка» и приготовленіями къ далекому походу. Кромѣ найденныхъ въ острогѣ

судовъ, 3 струга «приплавили сверхъ Лены рѣки» промышленные люди, остальныя суда заготовлялъ казакъ Донщина на Тутурѣ.

Ядро полка Михаила Григорьева Сорокина составили 25 казаковъ изъ отряда, посланнаго съ нимъ на Тутуру. Позже, какъ увидимъ ниже, къ нему присоединился отрядъ его брата Якова Сорокина, также изъ 25 казаковъ. Такимъ образомъ, считая съ атаманомъ, его братомъ и есауломъ Ѳедоромъ Ивановымъ Краснояромъ — служилыхъ людей собралось 53 человѣка. Любопытно, что между ними почти третья часть носитъ малорусскія фамиліи: Петръ Панко, Андрей Некрасовъ-Хохолъ, Артемъ Муромко, Василій Мотусъ, Иванъ Кудря, Ѳедоръ Панъ, Петръ Кисель и т. д. Очевидно, все это были служилые изъ ссыльной литвы и черкасъ.

Малорусскія фамиліи встрѣчаются и среди 20 илимскихъ пашенныхъ крестьянъ, приставшихъ къ Сорокину: Нечай Воронъ, Калина Черкашенинъ, Данило и Ефимъ Плужные и друг. Нѣкоторые крестьяне бѣжали съ своими семьями. Съ семьей бѣжалъ и «соловаръ» съ Усть-Кутскаго «государева усолья» Терентій Брилинъ. Бѣжали его два «подварка», мельникъ съ «государевой мельницы», 2 «ямскихъ охотника» и друг. полу-служилые люди.

Но главную массу Сорокинскаго полка составили «многіе промышленные люди и воровскіе бродящіе люди». Здѣсь были «покрученики— работные люди» съ торговыхъ судовъ, «всякіе нахожіе люди и воры и зерншики»—по опредѣленію воеводы Оладьина. Всего собралось у М. Сорокина до 300 человѣкъ изъ Илимскаго, Якутскаго и друг. уѣздовъ.

Пробирался къ М. Сорокину изъ Тобольска сынъ его Михаилъ, но дорогою былъ схваченъ и посаженъ Оладьинымъ въ тюрьму.

Нѣкоторые увлечены были въ движеніе насильно, напримѣръ позже Оладьинъ получилъ изъ Киренскаго погоста «явку» торговаго человѣка гостиной сотни Томилы Щепоткина о насильственномъ уводѣ Сорокинымъ его сына Тихона. Прокопій Ѳедоровъ, прикащикъ гостиной сотни Остафья Филатьева, жаловался, что Сорокинъ увелъ у него всѣхъ «покручениковъ», на которыхъ были «кабалы».

Несмотря на такой разнообразный составъ Сорокинскаго полка, общая цѣль соединяла всѣхъ въ крѣпкое и дружное сообщество. Всѣ болѣе важные вопросы рѣшались сообща—въ казачьемъ «кругу». Многіе свидѣтели, сталкивавшіеся съ полкомъ на стоянкахъ или въ походѣ, согласно показываютъ, что видѣли, какъ на «станахъ» бунтовщики «въ кругахъ подъ знамены говорили» о своихъ дѣлахъ. Это отмѣтилъ воевода Оладьинъ въ отпискѣ царю, какъ тамъ же онъ отмѣтилъ и слѣдующее обстоятельство, усугублявшее, по его мнѣнію, вину сорокинцевъ: «вѣдомо мнѣ чинитца», что «воры, забывъ страхъ Божій и крестьянской законъ, въ середу и пятокъ мясо и молоко ѣли».

И воевода Оладьинъ, и другіе илимцы согласно говорятъ, что душою и главою бунта былъ именно Михаилъ Сорокинъ,—служилый человѣкъ «стараго ленскаго наряда», т. е. переведенецъ изъ Якутска. Главными же помощниками его были казаки Өедоръ Краснояръ и Климъ Донщина.

IV.

11-го мая Сорокинъ тронулся изъ Верхоленскаго острога и поплылъ по Ленѣ на Тутуру, гдѣ поджидалъ его Климъ Донщина, окончившій къ тому времени отдѣлку государевыхъ дощаниковъ. Приказный человѣкъ Тутурской волости Мих. Козловъ послалъ казака Ивана Гладкаго къ воеводѣ, съ вѣстью о приходѣ Сорокина съ «большими людьми». Но бунтовщики «изымали» Гладкаго и «посадили въ колоду», а когда прибылъ Сорокинъ—«учели бить батоги» Гладкаго, и потомъ взяли его «съ собою сильно». Козлова же «караулили» все время, пока были на Тутурѣ.

Съ Тутуры Сорокинъ двинулся въ Орленскую волость. По пути туда встрѣтили приказнаго человѣка этой волости Ждана Савина, который хотѣлъ бѣжать, но его «изымали и связали и связана привезли на Орленгу». Онъ не могъ подать вѣсти воеводѣ, такъ какъ мѣстные крестьяне и промышленные люди были «всѣ за карауломъ». Вообще вездѣ на попутныхъ заимкахъ Сорокинъ «захватывалъ людей для вѣстей». Савинъ жаловался потомъ воеводѣ, что бунтовщики «грабежомъ у меня взяли государевы 4 листа бумаги».

Слѣдующимъ довольно продолжительнымъ пунктомъ остановки Сорокина было Усть-Кутское зимовье, гдѣ происходила въ то время «ярманга» (ярмарка) и куда онъ прибылъ 15-го мая. Здѣсь Сорокинъ встрѣтилъ первое и послѣднее сопротивленіе со стороны оставшихся вѣрными государю илимцевъ. На устьѣ р. Куты находился острожекъ, куда, при приближеніи Сорокина, засѣли немногіе служилые люди и часть собравшихся на ярмарку торговыхъ и промышленныхъ людей, подъ предводительствомъ приказнаго человѣка Семена Безпалова и таможенныхъ цѣловальниковъ Семена Норицына и Луки Захарьева. Имъ удалось отсидѣться отъ Сорокина, который «приступалъ» къ острожку, убилъ 2 промышленныхъ людей и 2 ранилъ, но острожка взять не могъ.

За то ярмарка очутилась вполнѣ въ рукахъ Сорокина, за исключеніемъ тѣхъ торговыхъ людей съ ихъ товарами, которые успѣли спрятаться въ острожкѣ. Ярмарка собралась богатая. Одинъ таможенный

сборъ ожидался въ громадныхъ для того времени размѣрахъ—около 1.000 рублей (т. е. болѣе 10.000 р. на наши деньги), да «десятинный соболиный» доходъ въ казну—болѣе 50 «сороковъ» соболей. Всего этого лишилась казна, благодаря Сорокину, который значительную часть торговыхъ людей ограбилъ, а другимъ «торговать не далъ—всѣхъ разогналъ».

Торговые люди пострадали еще болѣе государевой казны. Сорокинъ грабилъ все, что попадалось подъ руку, а особенно необходимые ему хлѣбные запасы, оружіе, порохъ, свинецъ и пр. Напримѣръ, у торговаго человѣка Прокофья Ѳедорова ограбили товаровъ на 2.539 р. 16 алтынъ 4 деньги. Любопытна приложенная имъ къ челобитной «цѣновная роспись» пограбленныхъ у него «животовъ» и товаровъ. Больше всего захватили у него платья и разныхъ матерій: сукна, холста, крашенину, сапоги, зипуны, рубашки, штаны («вязаные», «англинскіе червчатые»—7 штукъ оцѣнены въ 14 рублей), «опояски», «иглы—шпанки» и проч. Понадобилось «ворамъ» еще мыло, свѣчи восковыя, блюда, «деревянныя братины», воскъ, медъ, перецъ, масло коровье (15 пудовъ на 60 р.) и проч. Но всего любопытнѣе, что «воры» захватили у Ѳедорова нѣсколько книгъ: «двѣ Псалтыри Учительныхъ, цѣна 4 рубли» и «Часовникъ, печатная цѣна рубль»...

Въ числѣ ограбленныхъ оказался и якутскій воевода стольникъ Михаилъ Семеновичъ Лодыженской: у пріѣхавшихъ на ярмарку его людей сорокинцы ограбили «всякіе запасы и вино горячее». Слухъ прошелъ, что на ярмарку ждутъ пріѣзда илимскаго воеводы Оладьина. Сорокинцы его «дожидались—хотѣли грабить», но слухъ не оправдался.

Вмѣсто Оладьина 18 мая прибылъ на устье Куты очень лакомый для Сорокина грузъ—«государева оружейная казна», шедшая изъ Тобольска въ Якутскъ, съ подъячимъ Воиномъ Якунинымъ и илимскимъ казакомъ Безчасткою Анощинцовымъ, переходившимъ на службу въ Якутскъ. Съ Безчасткою ѣхала и его семья. На требованіе Сорокина выдать государеву казну Воинъ и Безчастко отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ: «и мы, холопи твои»—писали они въ челобитной къ царю—«не щадя головъ своихъ, говорили тѣмъ воровскимъ казакамъ встрѣчно, съ большими угрозами и уличали» ихъ, что они «государю измѣнили, Верхоленской острогъ выграбя покинули, и измѣня побѣжали въ Даурскую землю». Энергичные защитники государевой казны уговаривали Сорокина не трогать ея и отдать торговымъ людямъ все пограбленное у нихъ. Послѣдняго Сорокинъ не исполнилъ, но оружейной казны, дѣйствительно, не тронулъ и, вѣроятно, потому, что достаточно запасся ею еще въ Верхоленскомъ острогѣ и у торговыхъ людей Усть-Кутской «ярманги».

Но Воину и Безчасткѣ не прошли даромъ ихъ «жестокія уличныя

встрѣчныя слова»: ихъ обоихъ и сына втораго схватили сорокинцы и «били и мучили, и руки и ноги связавъ, переломали и изувѣчили», хотѣли въ воду бросить, но отпустили едва живыми. Кромѣ того, Безчастку еще и «ограбили до-нага». Очевидно, имъ мстили за ихъ «встрѣчныя слова», которыя могли вызвать смущеніе среди колебавшихся сорокинцевъ... За такія же рѣчи мучили многихъ промышленныхъ людей, и отъ тѣхъ пытокъ «многіе померли».

Не дождавшись на устьѣ Куты Оладьина, Сорокинъ «похвалялся разбоемъ идти» въ недалекій оттуда Илимскій острогъ, убить воеводу, а городъ разграбить. Но въ концѣ концовъ Сорокинъ отказался отъ этого плана, торопясь захватить благопріятное время для плаванія въ далекую Даурію. Около 20 мая воровской полкъ Михаила Сорокина оставилъ Усть-Куту и поплылъ внизъ по р. Ленѣ, къ Киренскому погосту.

V.

Только 26 мая илимскій воевода Б. Д. Оладьинъ получилъ первую вѣсть о побѣгѣ М. Сорокина. Это была отписка съ Усть-Кутской «ярманги», отъ таможенныхъ цѣловальниковъ Семена Норицына и Луки Захарьева, о разгромѣ ея и движеніи Сорокина внизъ по Ленѣ. Но изъ Верхоленскаго острога, лежавшаго на разстояніи отъ Илимска болѣе 1.000 в., все еще не было извѣстія отъ Н. Качина. Послѣ оказалось, что Качинъ послалъ воеводѣ отписки съ казакомъ Иваномъ Березовскимъ, на другой день послѣ отплытія Сорокина изъ острога. Но отписки перехватили сорокинцы изъ отряда Якова Сорокина и на устьѣ р. Муки «тѣ отписки вычитали и подрали». Содержаніе отписокъ Качина все-таки дошло до Оладьина, узнавшаго между прочимъ, что «послѣ воровского казачья походу, пришли подъ Верхоленской острожекъ братскіе люди и многіе» и острожекъ «обсадили».

Положеніе воеводы осложнилось, такъ какъ подъ руками у него не было свободныхъ служилыхъ людей и онъ могъ послать въ Верхоленскій острогъ на выручку только ничтожную горсть изъ 6 казаковъ, съ казачьимъ пятидесятникомъ Назаромъ Кистеневымъ. Оставалась, правда, надежда на значительный казачій отрядъ стрѣлецкаго сотника Якова Онцыфорова, отправленный весною въ Енисейскъ, для сопровожденія оттуда въ Илимскъ хлѣбныхъ запасовъ. Но вскорѣ Оладьинъ получилъ извѣстіе, что и этотъ отрядъ измѣнилъ государю и увлекся сорокинскимъ движеніемъ.

Бунтъ въ отрядѣ Онцыфорова произвелъ Яковъ Сорокинъ, братъ

Михаила Сорокина. Яковъ попалъ въ служилые люди Илимскаго острога изъ «московскихъ ссыльныхъ людей». Изъ отряда Онцыфорова присоединилось къ Якову 25 казаковъ. Остальныхъ 13 казаковъ, оставшихся вѣрными государю, сорокинцы ограбили до-чиста, отняли у нихъ оружіе, порохъ, платье и проч.

Къ отряду Якова Сорокина присоединились «холостые пашенные крестьяне» изъ сосѣднихъ заимокъ и «гулящіе люди; всего у него собралось 75 человѣкъ.

Случилось это на устьѣ р. Илима, въ 200 вер. отъ Илимска. Покинувши здѣсь Онцыфорова съ государевыми судами «на пустомъ мѣстѣ», Яковъ Сорокинъ двинулся назадъ, къ Илимску, грабя по дорогѣ крестьянъ и промышленныхъ людей и никого не пропуская съ вѣстью къ воеводѣ.

Дорогою на р. Илимѣ отрядъ Якова Сорокина встрѣтилъ судно съ 6 илимскими казаками, которые везли въ Туруханское зимовье пойманныхъ въ Илимскомъ уѣздѣ «бѣглыхъ аманатовъ» Мангазейскаго уѣзда. Сорокинцы звали этихъ казаковъ съ собою, тѣ отказались и за то были избиты и ограблены—отняли у нихъ пищали, порохъ, свинецъ и проч. Одного казака они все-таки увели съ собою.

Въ половинѣ мая Яковъ Сорокинъ подошелъ къ Илимску.

VI.

Положеніе воеводы Б. Д. Оладьина было отчаянное... У него было въ острогѣ только 10 служилыхъ людей, да и тѣ—«увѣчные и старые». Всѣ остальные были въ различныхъ посылкахъ—по заимкамъ, зимовьямъ и проч. Правда, въ городѣ было еще 70 посадскихъ людей, но оружія у нихъ было очень мало.

Вотъ какъ Оладьинъ разсказываетъ о приходѣ Якова Сорокина: «и пришли они воры разбоемъ на Илимской острогъ, вѣдаючи въ острогѣ безлюдство, нахально для разбою и грабежу, скопомъ и заговоромъ, человѣкъ съ 70 и больши, съ знамены и съ ружьемъ, и похвалялися на меня и на всякихъ илимскихъ жилецкихъ людей разбоемъ, грабежомъ. И меня въ острогѣ съ служилыми и со всякихъ чиновъ людьми о б с а д и л и, къ острогу п р и с т у п а л и и изъ ружья стрѣляли, хотѣли острогъ стѣны роспустить (?) и надъ государевою казною дурно учинить, и меня и осадныхъ всякихъ людей убить и розграбить, и тюрьмы розломать, и тюремныхъ сидѣльцевъ - воровъ и измѣнника Ѳедотка Борана (стараго «даурца») съ товарищи и иноземцевъ аманатовъ роспустить»...

Трое сутокъ продержалъ Я. Сорокинъ Илимскій острогъ въ осадѣ и отступилъ. Нельзя сомнѣваться, что если бы онъ продолжилъ осаду, то въ концѣ концовъ овладѣлъ бы острогомъ. Силы Оладьина были ничтожны и близкой помощи ни откуда онъ не могъ ожидать. Что же заставило Я. Сорокина такъ скоро отступить отъ Илимска? Прямыхъ объясненій этого обстоятельства источники не даютъ. Но есть основанія предполагать, что Яковъ получилъ отъ брата Михаила извѣстіе, что тотъ уже далеко ушелъ по пути въ Даурію: въ это время Мих. Сорокинъ приближался къ Киренскому погосту. Михаилъ замедлялъ свой походъ, поджидая брата. Послѣднему нужно было торопиться на соединеніе съ Михаиломъ, и вотъ почему онъ снялъ осаду Илимска и тронулся къ устью р. Куты.

Дорогою на устьѣ р. Муки Я. Сорокинъ встрѣтилъ промышленныхъ людей, коихъ сорокинцы «били и мучили, и огнемъ жгли, и вымучивали деньги», соболи, платье и пр. Здѣсь же захватили государевы суда и въ нихъ поплыли «на низъ».

Какъ только еще Я. Сорокинъ отошелъ отъ Илимска, Оладьинъ тотчасъ послалъ «окольными дорогами и лѣсами» крестьянина Ивана Данилова на Усть-Кутскую «ярмангу», съ вѣстью о приближеніи туда «воровъ». Воевода предупреждалъ приказнаго человѣка Семена Безпалова съ товарищи и таможенныхъ цѣловальниковъ, чтобы они «уберегли» отъ воровъ таможенную, денежную и соболиную казну и «сѣли бы въ острожкѣ въ осаду».

Даниловъ «ночью воровъ объѣхалъ и прибѣжалъ съ вѣстью» на устье Куты вд-время, такъ что торговые люди (вновь собравшіеся тамъ послѣ разгрома Михаила Сорокина) «до ихъ воровскаго приходу собралися въ острожекъ въ осаду». Всего собралось тамъ 104 человѣка.

25 мая отрядъ Я. Сорокина приблизился къ устью р. Куты и, не доплывши нѣсколько до «ярманги», высадился на берегъ и «горами» дошелъ до острожка. Сорокинъ началъ «приступать» къ острожку, стрѣляя изъ пищалей и луковъ, причемъ у осажденныхъ убиты двое промышленныхъ людей и ранены 1 служилый и 1 промышленный. Не желая терять своихъ людей на рѣшительномъ приступѣ, Сорокинъ приказалъ зажечь острожекъ.

«И осадные люди—писалъ Безпаловъ Оладьину—отъ нихъ воровъ въ острожкѣ въ осадѣ отсидѣтца не могли: вынесли изъ острожку противъ ихъ воровъ икону Нерукотворенной образъ... и говорили осадные люди имъ ворамъ, чтобы они государева острожку съ государевою казною не сожгли и ихъ бы напрасно не побили...»

Яковъ Сорокинъ съ товарищи убѣдились этими рѣчами и не тронули ни служилыхъ людей, ни государевой казны, но за то безцеремонно обошлись съ торговыми людьми—забрали у нихъ запасы обуви, кожъ,

платья и пр. Кромѣ того, захватили 2 дощаника и поплыли внизъ по Ленѣ, на соединеніе съ «воровскимъ полкомъ» Михаила Сорокина. Вскорѣ это соединеніе и состоялось.

VII.

Послѣ присоединенія отряда Як. Сорокина, воровской полкъ Мих. Сорокина ускорилъ свое движеніе въ Даурію, которое нѣсколько замедлилось только въ Усть-Олекминскомъ острожкѣ. Здѣсь Сорокинъ простоялъ 6 дней, поджидая караванъ Воина Якунина съ «государевою оружейною казною», шедшій Леною въ Якутскъ. Какъ мы знаемъ, съ этимъ караваномъ Сорокинъ встрѣтился на Усть-Кутской «ярмангѣ», собрался ограбить казну, но затѣмъ отказался, убѣжденный «встрѣчными рѣчами» Якунина. Позже онъ пожалѣлъ о томъ и поджидалъ Якунина на устьѣ Олекмы. Но Якунина предупредили о томъ, и онъ не трогался въ путь, пока не узналъ, что Сорокину надоѣло ожиданіе и онъ двинулся «Олекмою рѣкою въ Даурскую землю». И государева казна Якунинымъ «сбережена и довезена въ Якутской острогъ — далъ Богъ—здорово».

Когда «воры» совсѣмъ уже ускользнули изъ рукъ Оладьина, онъ сдѣлалъ отчаянную попытку если не поправить дѣло, то хотя съ формальной стороны оправдать себя предъ Москвою и имѣть основаніе отписать туда, что всѣ мѣры были имъ приняты... Воевода послалъ въ погоню за сорокинцами и «для розговору» съ ними илимскаго «городничаго» Богдана Черепанова и «послѣднихъ служилыхъ людей», оставшихся въ Илимскѣ—всего 10 человѣкъ! Черепановъ везъ М. Сорокину «указную память» и долженъ былъ «воровъ розговаривать», чтобы они «изъ побѣгу воротились и въ винахъ своихъ государю добили челомъ», а въ Даурскую землю не ходили «самовольствомъ, скопомъ и заговоромъ», никого впредь не грабили и вернули бы все раньше награбленное у разныхъ лицъ. Если эти «розговоры» не будутъ имѣть успѣха, воевода предписывалъ Черепанову собрать на Ленѣ торговыхъ, промышленныхъ, гулящихъ людей и крестьянъ и съ этими ненадежными силами «воровъ переимать (sic!) и привести въ Илимской острогъ...»

Конечно, воевода не вѣрилъ въ возможность такого чуда и просто искалъ предлога, чтобы въ приличномъ свѣтѣ «отписаться» въ Москву... 4 іюня Черепановъ прислалъ Оладьину отписку, гдѣ говоритъ о полной неудачѣ своей миссіи. Воровъ онъ не догналъ и по-

гони за ними не устроилъ. Встрѣченные имъ на Ленѣ торговые и др. люди «ему Богдану отказали—въ погоню за ворами за разбойники не пошли, а сказали и скаски свои за руками дали, что-де они торговые и промышленные люди грабленые и немногіе, а воры-де люди многіе—итти-де за ворами въ погоню невмочь, оружья—пищалей нѣтъ...»

Они говорили правду, и воевода все это отлично понималъ, и все же у него хватило духу упрекнуть этихъ людей (въ отпискѣ царю), что они «твоего государева указу не послушали — по твоему государеву указу и по Соборной Уложенной книгѣ за тѣми ворами... въ погоню... не пошли...» На этомъ дешевомъ упрекѣ по чужому адресу воевода и успокоился относительно поимки сорокинцевъ, такъ какъ съ своей стороны не могъ дать Черепанову «въ прибавку» ни одного служилаго человѣка.

Но относительно положенія Илимскаго уѣзда Оладьинъ не могъ быть покоенъ: положеніе было очень серьезное... Служилыхъ людей осталось крайне мало, да и тѣ были разбросаны маленькими группами и въ одиночку по разнымъ концамъ уѣзда и въ посылкахъ въ сосѣдніе города («для хлѣбные отдачи въ Якутскомъ отпускѣ» и проч.). Городъ остался почти беззащитнымъ и, случись что-нибудь серьезное—возстаніе инородцевъ, набѣгъ зарубежныхъ «мунгальскихъ людей» и т. п. — Илимску не сдобровать бы. А среди инородцевъ Илимскаго уѣзда уже начиналась «шатость...» Оладьинъ пишетъ царю, что къ нему являются ясачные люди — тунгусы и «извѣщаютъ», что среди ихъ «шатость стала, потому что-де изъ Илимского и изъ Верхоленского остроговъ изъ служебъ служилые люди разбѣжались, а Енисейского-де уѣзду съ Тунгуски рѣки иноземцы тунгусы сбираютца и илимскихъ ясачныхъ тунгусовъ побить и пограбить хотятъ...» Ясачные люди требовали защиты, но какую же защиту могъ оказать имъ Оладьинъ, когда и самъ сидѣлъ въ городѣ беззащитнымъ!

Безпокоило Оладьина и финансовое положеніе уѣзда. Возстаніе Сорокина нанесло значительные убытки государевой казнѣ, особенно по случаю недобора таможенныхъ пошлинъ: пропала для казны пошлина съ громаднаго количества ограбленныхъ Сорокинымъ товаровъ. Торговые люди были напуганы и боялись везти товары изъ Енисейска въ Илимскъ и Якутскъ. Значитъ, и въ будущемъ предвидѣлся таможенный недоборъ. Илимская казна совершенно опустѣла, и оставшіеся вѣрными служилые люди, не получая жалованья, «хотятъ врознь розбрестися...»

Вслѣдствіе шатости инородцевъ и «въ соболиномъ сборѣ многая убыль учинилась»: ясачные люди неохотно вносятъ ясакъ, а побудить ихъ къ уплатѣ некому—некого послать въ ихъ зимовья...

«Государева пашня» не собрана съ полей тѣхъ крестьянъ, которые бѣжали съ Сорокинымъ. Вслѣдствіе увода имъ соловара и мельника—«соли варить некому и мельницу безъ мельника поставили же». Не на чемъ идти въ Енисейскъ за хлѣбомъ, такъ какъ некому суда дѣлать: Сорокинъ «сильно» увелъ съ собою въ Даурію «кочевого уставщика плотника промышленнаго человѣка Кондрашку Деребу, съ братомъ и съ сыномъ». Безъ него служилые люди не съумѣютъ построить судовъ, да и мало ихъ осталось въ Верхоленскомъ острогѣ—всего 10 человѣкъ.

Воевода могъ бы сейчасъ набрать служилыхъ людей изъ оставшихся въ городѣ и уѣздѣ «гулящихъ и всякихъ бродящихъ холостыхъ людей». Но воевода, помня недавніе неудачные примѣры набора служилыхъ изъ другихъ «вольныхъ людей», рѣшительно говоритъ, что верстать ихъ въ службу «ни которыми мѣрами нельзя»: взявъ государево жалованье, они «бѣгаютъ съ государевыхъ службъ въ Даурскую землю» и проч. «А надобно—говоритъ Оладьинъ—прислать въ Илимской острогъ на житье добрыхъ служилыхъ семьянистыхъ людей человѣкъ съ 200 и больши». Иначе «запустѣетъ» Илимскій острогъ...

Воевода выражаетъ даже опасеніе, какъ бы отъ этихъ даурскихъ побѣговъ «твоя государева Сибирская земля пуста не была»: такъ усиленно происходятъ эти побѣги и такую массу народа увлекаетъ невѣдомая Даурія... Оладьинъ вѣритъ Сорокину, который говоритъ, чтоде и во 164-мъ (1656) году на веснѣ и впредь по вся годы многіе люди изо всѣхъ сибирскихъ городовъ пойдутъ въ Даурскую землю»... Воевода не одинъ разъ «о томъ къ тебѣ государю о всемъ писалъ», предупреждая о вредѣ даурскихъ побѣговъ, но о тѣхъ «побѣщикахъ», объ ихъ «воровствѣ» и проч. «государеву указу не бывало третей годъ и по се время»...

Жалуется Оладьинъ и на равнодушіе якутскихъ воеводъ къ даурскому вопросу, хотя въ Якутскѣ должны понимать, что хозяйничанье «воровъ» на р.р. Ленѣ и Олекмѣ «и въ Якутской острогъ проѣздъ запретъ». Рѣка Олекма (т. е. главный путь въ Даурію изъ Илимскаго и Якутскаго уѣз.) отъ Илимска «удалѣла», а къ Якутску «блиска и уѣздомъ вѣдома» оттуда же. Еще въ 1653 г. Оладьинъ предлагалъ якутскимъ воеводамъ стольнику Михаилу Лодыженскому и дьяку Ѳедору Тонкову устроить «заставу» на устьѣ Олекмы и прислать отрядъ «для обереганья» дороги по Олекмѣ въ Даурію, чтобы «не пропущать» туда «воровъ и измѣнниковъ и всякихъ бѣглецовъ». Но якутскіе воеводы не послушали этого совѣта и заставы не устроили.

Послѣ побѣга Сорокина Оладьинъ снова о томъ же писалъ въ Якутскъ и просилъ принять мѣры для поимки Сорокина и непропуска

его «воровскаго полка» въ Даурію. Воевода находитъ, что изъ Якутска это сдѣлать удобнѣе и «есть кого» послать на р. Олекму въ погоню за ворами. Дѣйствительно, въ Якутскѣ было въ это время около 600 служилыхъ людей, но почти всѣ они были разбросаны мелкими отрядами по громадному пространству Якутскаго уѣзда.

Но Оладьинъ идетъ дальше и рекомендуетъ послать въ Даурію особаго воеводу и «многихъ служилыхъ людей, съ нарядомъ и съ ружьемъ», для преслѣдованія бѣглецовъ и для «сыску» объ ихъ побѣгѣ, грабежахъ и проч.

Къ отпискѣ Оладьинъ приложилъ «заручную челобитную» отъ 94 илимскихъ служилыхъ людей—«останцовъ», не послѣдовавшихъ за Сорокинымъ. Во главѣ челобитчиковъ стоятъ стрѣлецкій сотникъ Яковъ Онцыфоровъ, «городничій» Богданъ Черепановъ, 2 подъячихъ, 3 казачьихъ пятидесятника (въ томъ числѣ извѣстный позже походомъ на Амуръ—Никифоръ Романовъ Черниговскій), 7 десятниковъ, затѣмъ—80 рядовыхъ казаковъ. Жалуясь на трудности илимской службы, особенно увеличившіяся послѣ Сорокинскаго бунта, который отнялъ отъ государевой службы болѣе 50 служилыхъ людей и довелъ илимскую казну до такого оскудѣнія, что «и насъ останцовъ жаловать стало нечѣмъ», челобитчики просятъ—освободить ихъ отъ «судоваго дѣла» и отъ посылокъ въ Енисейскъ за хлѣбомъ (что слѣдуетъ возложить на енисейскихъ служилыхъ людей), денежное жалованье присылать изъ Москвы «ежегодъ» въ виду скудости илимской казны, наконецъ—перевести въ Илимскъ на службу людей «семьянистыхъ», а холостыхъ ссыльныхъ людей не присылать, ибо они государевой службѣ не крѣпки.

VIII.

Отправивши въ Москву наскоро составленную, но очень обширную отписку о Сорокинскомъ бунтѣ, воевода Оладьинъ принялся за «сыскъ» о бунтѣ. Сыскъ продолжался въ томъ же 1655 г., какъ въ Илимскѣ, такъ и въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, гдѣ происходило Сорокинское движеніе—въ Тутурской свободѣ, Верхоленскомъ острогѣ, Орленской волости, Усть-Кутскомъ острожкѣ, Киренскомъ погостѣ и др. Лица, заподозрѣнныя въ содѣйствіи Сорокину — атаманъ Никифоръ Качинъ, приказные люди М. Козловъ и Жданъ Савинъ, послѣ допроса отданы «на поруки, съ записьми, до государева указу». Для сыска въ уѣздѣ посланы особые «сыщики» — подъячій Иванъ Левонтьевъ, служилые люди Томило Тарской и др. Большинство «обыскныхъ лю-

дей» отзывалось невѣдѣніемъ о подробностяхъ бунта. Особенно сдержанно отвѣчали сыщикамъ служилые люди, хотя несомнѣнно они знали многое.

Всѣ «сыски» Оладьинъ отправилъ въ Сибирскій приказъ, который откликнулся слишкомъ черезъ годъ—въ сентябрѣ 1656 года, въ грамотахъ уже преемнику Б. Д. Оладьина по Илимскому воеводству «стряпчему» Петру Андреевину Бунакову и якутскимъ воеводамъ М. Лодыженскому и Ѳ. Тонкову [1]). Сибирскій приказъ предписываетъ принять именно тѣ мѣры, кои рекомендовалъ Оладьинъ: поставить заставу на устьѣ р. Олекмы, или выше по рѣкѣ, «гдѣ пригоже», по выбору знающихъ людей. На заставу посылать «по перемѣнамъ» 50 служилыхъ людей—часть изъ Якутска, другую изъ Илимска, и велѣть имъ никого не пропускать въ Даурію «безъ отпуску и безъ проѣзжихъ грамотъ».

Грамота извѣщаетъ воеводу Бунакова, что въ Илимскъ послано изъ разныхъ сибирскихъ городовъ «на житье, добрыхъ служилыхъ людей 100 человѣкъ», съ семьями. Грамота выражаетъ надежду, что сорокинцы будутъ пойманы, и потому предписываетъ: «изъ самыхъ пущихъ воровъ, по сыску выбравъ изъ нихъ человѣкъ 2 или 3, велѣть вершить—повѣсить», чтобы «инымъ неповадно было такъ воровать безъ отпуску въ Дауры бѣгать», торговыхъ и промышленныхъ людей грабить и проч. Остальнымъ же бѣглецамъ «учинить наказаніе» и велѣть по-прежнему жить тамъ, откуда бѣжали.

Но, конечно, бѣглецы не были пойманы, и Олекминская застава не остановила стремившихся въ Даурію.. Побѣги продолжались и послѣ Сорокина.

IX.

Какая же судьба постигла «воровской полкъ» Михаила Сорокина, добрался ли онъ до Дауріи, или раньше разсѣялся въ разныя стороны? Если онъ попалъ въ Даурію, то какъ тамъ устроился: присоединился ли «государевымъ воеводамъ», или держался первоначальныхъ плановъ,—жить «особь» отъ воеводъ?

Что Сорокинъ добрался до Дауріи—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Если бы было иначе—еслибы полкъ Сорокина разсѣялся, не дойдя до Дауріи,

[1]) Обѣ грамоты см. въ столбцѣ № 519. Грамота якутскимъ воеводамъ напечатана въ «Доп. Акт. Ист.», IV, № 33.

по Якутскому и Илимскому уѣздамъ, это было бы замѣчено тогда же на мѣстѣ и дошло бы до насъ въ илимскомъ «сыскномъ дѣлѣ», изъ котораго взяты всѣ предъидущія свѣдѣнія о Сорокинскомъ бунтѣ. Но даже намековъ на это нѣтъ, значитъ, полкъ Сорокина уже въ 1655 г. совершенно вышелъ изъ сферы наблюденія илимскихъ властей, т. е. проникъ въ Даурію.

Но какова была судьба Сорокина въ Дауріи—неизвѣстно. Можетъ быть, дальнѣйшее изученіе документовъ Сибирскаго приказа (отписокъ илимскихъ воеводъ, даурскихъ приказныхъ людей и проч.) раскроетъ судьбу Сорокинскаго воровскаго полка. Пока же приходится ограничиться указаніемъ на слѣдующій фактъ, говорящій, кажется, именно о сорокинцахъ.

Въ іюлѣ 1656 г. приказный человѣкъ Даурской земли Онуфрій Степановъ писалъ между прочимъ якутскому воеводѣ М. С. Лодыженскому [1]), что въ 1655 г. на верховьяхъ Амура «измѣнили Дючерскіе люди» и «государевыхъ служилыхъ людей побили, а сказываютъ: 40 человѣкъ было тѣхъ служилыхъ людей, а плыли-де они сверху великія рѣки Амуру внизъ въ баркѣ» и двухъ стругахъ. Другихъ свѣдѣній Степановъ не могъ собрать: «и про то мнѣ Онофрейку не вѣдомо — какіе тѣ плыли русскіе служилые люди, и откуда, и съ которымъ государевымъ указомъ? и про то подлинно провѣдать не могъ. И по многимъ улусамъ въ юртахъ находилъ многіе казачьи признаки—всякихъ борошней (т. е. имущества), а идучи вверхъ на плесахъ находилъ на берегу барки жжены, изрубленые» инородцами (стр. 82).

Возможно, что это были остатки «воровскаго полка» Михаила Сорокина, двинувшагося изъ Илимскаго уѣзда въ составѣ 300 человѣкъ и постепенно растаявшаго до незначительнаго отряда въ 40 человѣкъ. Инородцы опредѣленно называли эти 40 человѣкъ «служилыми людьми». Мы знаемъ, что въ полку Сорокина было 53 человѣка служилыхъ людей. Естественно, что именно это ядро сорокинцевъ сохранилось лучше остальной массы полка, состоявшей изъ промышленныхъ людей, крестьянъ и др. Послѣдніе не вынесли всѣхъ невзгодъ труднаго пути и частію отстали, частію погибли, и только группа служилыхъ людей добралась почти въ полномъ составѣ до Амура и здѣсь сложила свои кости въ борьбѣ съ мѣстными инородцами.

Такова была судьба почти всѣхъ «воровскихъ» партій, пробиравшихся тайно на Амуръ и не приставашихъ къ отрядамъ «государе-

---

[1]) «Доп. Акт. Ист.», IV, № 31.

выхъ служилыхъ людей» болѣе сильнымъ и лучше организованнымъ. И, несмотря на то, Даурія продолжала привлекать вольныхъ людей во весь короткій періодъ русскаго владычества на Амурѣ въ XVII вѣкѣ и даже послѣ того, какъ оно прекратилось по Нерчинскому договору 1689 года.

Н. Оглоблинъ.

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «**РУССКАЯ СТАРИНА**», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «**РУССКОЙ СТАРИНЫ**» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «**РУССКОЙ СТАРИНЫ**» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается перечень такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, Воробьева, Жмакина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы, 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа каждаго мѣсяца.**

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго,** которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

М. Л. Песковскаго.

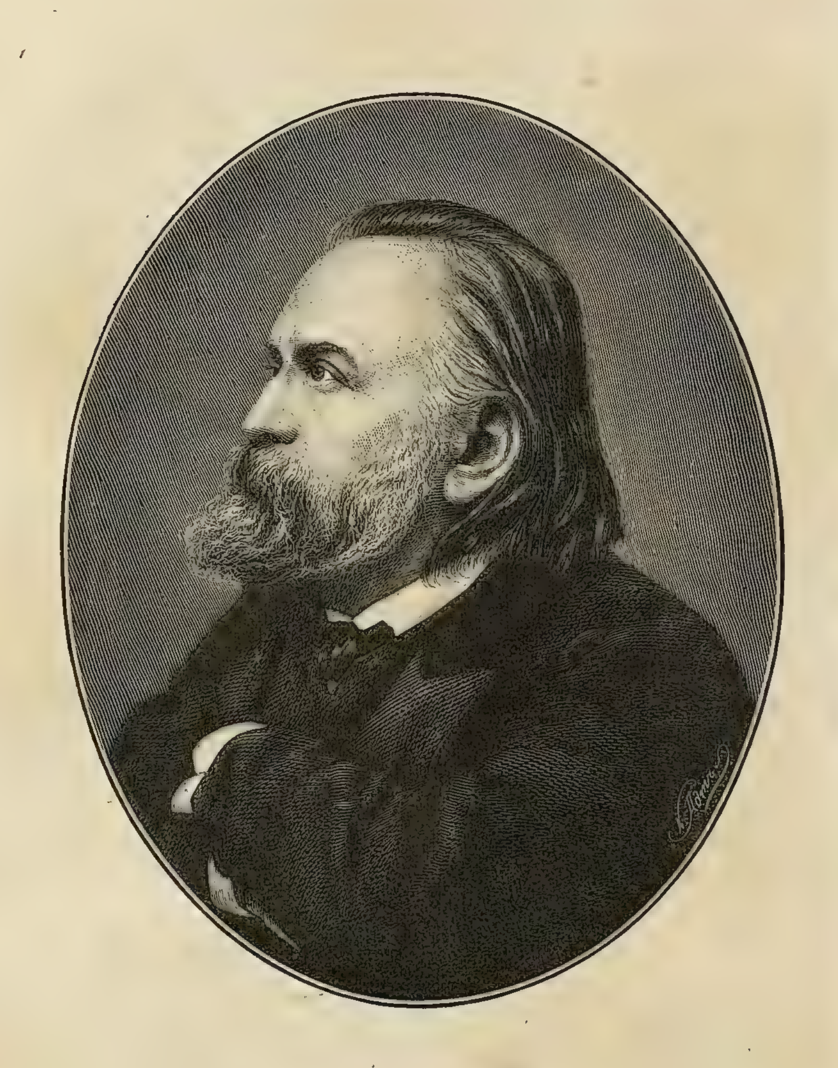
Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ.

== Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, **Фонтанка, 145.** Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. ==

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

Дозв. ценз. Спб. 17 января 1896 г. Тип. Тов. „Общ. Польза". Б. Подьяч., № 39.

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Екатерина Филипповна Татаринова и Александръ Петровичъ Дубовицкій.

VI [1]).

Вліяніе перваго ареста Дубовицкаго на союзъ Татариновой.—Переселеніе ея за Московскую заставу.—Кончина В. Л. Боровиковскаго и ея послѣдствія.—Письмо князя Андроникова архимандриту Фотію.—Доносы Шаповаленко и Цызыревой.—Положеніе генерала Головина.—Выходъ его въ отставку.—Жизнь въ Нарвѣ.—Поступленіе вновь на службу.—Открытіе секты.—Арестъ.—Разсылка по монастырямъ.—Дальнѣйшая судьба сосланныхъ.

Одновременно съ арестованіемъ А. П. Дубовицкаго и Л. М. Гагина въ 1824 году, цырюльникъ л.-гв. Егерскаго полка Сибирцевъ представилъ с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру пакетъ съ бумагами штабъ-лѣкаря того же полка Ѳедора Андреевича Косовича. Опасаясь, что будетъ привлеченъ къ допросу, такъ какъ Дубовицкій нѣкоторое время жилъ у него въ квартирѣ, Косовичъ, не желая, чтобы его бумаги «были преданы посмѣянію» [2]), отдалъ ихъ на нѣсколько дней Сибирцеву, для помѣщенія въ шкапу полковой аптеки. Бумаги состояли изъ писемъ и записокъ Екатерины Филипповны Татари-

[1]) См. «Русскую Старину» январь 1896 г.

[2]) Показаніе Ѳ. Косовича 26 февраля 1824 года.

новой къ разнымъ лицамъ [1]). Письма были переданы императоромъ Александромъ на разсмотрѣніе генералъ-адъютанту Ѳ. П. Уварову, а отъ него перешли въ руки графу Аракчееву, который во всеподданнѣйшемъ докладѣ 25 февраля 1824 г. писалъ: «Изъ всѣхъ писемъ вообще видно слѣдующее: Катерина Филипповна, именуемая матушкою, толкуетъ братьямъ христіанское ученіе по своимъ о томъ понятіямъ и подписывается Катерина во Христѣ сестра».

Спрошенный по поводу этихъ писемъ, Ѳ. А. Косовичъ далъ рядъ показаній о «союзѣ братства», частію приведенныхъ нами выше, частію такихъ, которые будутъ указаны впослѣдствіи; но въ показаніяхъ его не оказывалось ничего преступнаго и говорилось, что Татаринова и ея послѣдователи занимаются исключительно духовными бесѣдами и молитвою. Объ этомъ и даже больше зналъ давно императоръ Александръ, и союзъ Татариновой не казался ему заслуживающимъ преслѣдованія, но противъ союза возстали графъ Аракчеевъ, А. С. Шишковъ и другіе. Они указывали на тотъ огромный вредъ, который нанесенъ православію и государству проповѣдниками разныхъ ученій; они указывали на пастора римско-католическаго исповѣданія Госнера, высланнаго изъ Петербурга. Они говорили, что въ послѣднее время число сектъ въ государствѣ умножается, что какой-то шведскій пасторъ собираетъ также къ себѣ въ домъ слушателей и говоритъ имъ проповѣди; что присылаемые сюда иностранцы миссіонеры или, какъ говорилъ А. С. Шишковъ, «зажигатели», особенно англійскіе, всѣми силами стараются умножить число сектъ въ Россіи и тѣмъ, конечно, нарушить единство церкви и пошатнуть православіе русскаго народа.

«Татаринова,—писалъ А. С. Шишковъ императору Александру [2]),—тоже по-прежнему представляетъ жрицу, между вакханками, и Поповъ, какъ слышу, всякій день у нея бываетъ. Если противъ сихъ сборищъ по домамъ не возьмутся строгія мѣры, то я не знаю, до какой степени они распространятся».

Подобныя слова министра не могли быть оставлены безъ всякаго вниманія, и императоръ Александръ поручилъ оберъ-полицій-

---

[1]) Записка бывшаго оберъ-полиціймейстера Гладкова А. Бенкендорфу 1 мая 1830 года.

[2]) Записки А. С. Шишкова.—Берлинское изд. Т. II, 220, 221.

мейстеру Гладкову произвести, подъ рукою и безъ огласки, слѣдствіе и о результатахъ его донести ему лично, а затѣмъ наблюдать и развѣдывать, но самымъ скрытнымъ образомъ, о лицахъ, посѣщающихъ Татаринову. Гладковъ отобралъ нѣкоторыя бумаги и книги у Татариновой, доложилъ государю о результатахъ своего разслѣдованія, и тѣмъ дѣло кончилось [1]). Но Екатерина Филипповна сочла необходимымъ ограничить еще болѣе свою дѣятельность и выѣхать въ окрестности Петербурга, гдѣ надзоръ полиціи, направленной теперь на преслѣдованіе тайныхъ обществъ, не могъ быть такъ дѣятеленъ.

Въ то время городская черта, со стороны Московской заставы, оканчивалась у Обводнаго канала, за которымъ начиналось вѣдомство уѣздной полиціи. «На мѣстѣ нынѣшняго Дѣвичьяго монастыря былъ густой сосновый боръ, отъ котораго только кое-гдѣ уцѣлѣли деревья, стоящія между могилами монастырскаго кладбища [2]). За этою мѣстностію, влѣво отъ тріумфальныхъ воротъ, еще и по нынѣ уцѣлѣли три деревянныя дачи», которыя принадлежали послѣдователямъ Екатерины Филипповны. Одна изъ нихъ на подобіе барской усадьбы составляла собственность князя Енгалычева, другая была куплена на имя Никиты Өедорова и третья—на имя Ө. Косовича. Послѣдняя принадлежала пастору Колинсу, имѣла огромное и весьма выгодное мѣсто и была пріобрѣтена генераломъ Головинымъ за 34 т. рублей. Употребивъ на покупку и отдѣлку ея деньги жены, Головинъ оцѣнивалъ эту дачу въ 50 т. рублей. Сюда въ началѣ 1825 года и переселилась Татаринова съ своей воспитанницею и слугами. Сюда же пріѣзжали, по временамъ, ея послѣдователи и генералъ Е. А. Головинъ съ супругою.

«Знакомство жены моей съ Татариновою,—писалъ Головинъ [3]),—относится почти къ тому же времени, какъ и мое. Первымъ пово-

---

[1]) По выбытіи Гладкова изъ должности оберъ-полиціймейстера и при отъѣздѣ въ Таганрогъ въ 1825 году императоръ Александръ приказалъ ему не только бумаги о Татариновой, но и по всѣмъ другимъ предметамъ секретнаго развѣдыванія никому не передавать и уничтожить, что̀ и было исполнено (Собственноручное письмо Гладкова Бенкендорфу 27 апрѣля 1830 года).

[2]) О духовномъ союзѣ Татариновой Ю. Толстаго. «Девятнадцатый вѣкъ», кн. II, 225.

[3]) Записка Е. А. Головина о знакомствѣ съ Татариновой.

*

домъ былъ я самъ, ибо она, какъ и всѣ, была очень предубѣждена противъ этого знакомства. Послѣ узнавъ его цѣну, она сама уже не пожелала его оставить, ибо нашла покой и утѣшеніе, несмотря на нѣкоторыя весьма тяжкія пожертвованія, какъ, напримѣръ, разлуку со мною, продолжавшуюся сряду около девяти лѣтъ. Но я долженъ сказать, что эта разлука не только не ослабила между нами узъ супружескихъ, но еще болѣе скрѣпила и утвердила ихъ».

Поводомъ къ такой продолжительной разлукѣ была служебная дѣятельность Е. А. Головина, о которой мы должны сказать нѣсколько словъ.

Въ мартѣ 1825 года произошли большія перемѣны въ управленіи гвардейскимъ корпусомъ: К. И. Бистромъ былъ назначенъ командующимъ всею гвардейскою пѣхотою, а начальниками дивизій — великіе князья Михаилъ и Николай Павловичи; командиромъ л.-гв. Егерскаго полка былъ назначенъ полковникъ Гартунгъ, а генералъ Головинъ предназначался къ командованію армейскою пѣхотною дивизіею. «Главнымъ поводомъ къ такому непріятному для него обороту службы,—говоритъ его біографъ [1]),— были, повидимому, распущенные его недоброжелателями слухи о посѣщеніи имъ Татариновой, бесѣды которой, со времени изданія въ 1822 г. рескрипта о закрытіи всякихъ тайныхъ обществъ, прикрывались нѣкоторою таинственностію и посѣщались съ сознаніемъ, что посѣщенія эти несогласны съ волею правительства».

Не желая однакоже покидать Петербурга, Е. А. Головинъ, по совѣту г. Татариновой, безъ котораго онъ не могъ ничего предпринять и въ которомъ не переставалъ слышать волю Божію, просилъ аудіенціи у императора Александра I [2]). Государь принялъ его ласково и спросилъ, чего онъ желаетъ.

— Ваше Величество!—говорилъ Головинъ.—Единственнаго милосердія прошу—оставить меня на службѣ въ Петербургѣ.

Со всею откровенностью онъ разсказалъ императору свои отношенія къ Татариновой и присовокупилъ, что не утвердился еще на

---

[1]) Ю. Толстой. «Жизнь Е. А. Головина». «Девятнадцатый вѣкъ». Изд. П. И. Бартенева кн. I, 10.

[2]) Записка Головина. См. тоже «Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой». «Рус. Арх.» 1872 г. Т. II, 2344 и 2345.

пути духовномъ и безъ пророческаго слова Духа Утѣшителя существовать не можетъ. Головинъ не скрылъ и тѣхъ насмѣшекъ и поношеній, которыя онъ переноситъ въ обществѣ за свое знакомство съ Татариновою, и чистосердечно сознавался, что надобно было имѣть нѣчто особенное, къ ней влекущее, чтобы рѣшиться переступить порогъ ея жилища.

«Знакомство съ Татариновою,—говорилъ Головинъ,—носило на себѣ печать какого-то позора, а таинственность, подъ которою оно какъ бы укрывалось отъ глазъ правительства, не могла не дать мѣста подозрѣнію и заключеніямъ страннымъ. Въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я находился по службѣ, все это налагало на меня бремя столь тяжкое, что безъ сильнаго, непостижимаго влеченія, я никакъ бы его не поднялъ. Участвуя въ бесѣдахъ у г. Татариновой, я всегда былъ въ страхѣ, какъ бы дѣлалъ что непозволительное; меня тревожила самая уборка нѣкоторыхъ комнатъ въ домѣ, имѣвшихъ сходство съ моленными. Но я подчинялся всему и сносилъ все, находя въ глубинѣ собственнаго сердца убѣжденіе, что тутъ, какъ бы ни казались странными наружныя формы, скрывается тайна Божія, со своими столь благими для меня плодами».

Характеристика отношеній Головина къ Татариновой и его положеніе въ обществѣ вызвали сочувствіе со стороны императора Александра I.

— Уважаю вашу вѣру, Евгеній Александровичъ,—сказалъ государь ободряющимъ голосомъ и обѣщалъ назначить Головина начальникомъ 4-й гвардейской бригады.

Это назначеніе немногимъ улучшило нравственное состояніе Евгенія Александровича: онъ не переставалъ терпѣть униженія отъ высшихъ и товарищей. Враги искали случая очернить его, а бывшіе друзья отступились, считая, что онъ принадлежитъ къ сектѣ смѣшной и презрѣнія достойной. Такое мнѣніе, повидимому, имѣло нѣкоторое основаніе и какъ бы подтверждалось не только разсказами, но и фактами.

Въ ночь съ 5-го на 6-е апрѣля 1825 года скончался, почти скоропостижно, одинъ изъ послѣдователей Татариновой, художникъ Владиміръ Лукичъ Боровиковскій. Въ первое воскресенье послѣ св. Пасхи, 5-го апрѣля, онъ былъ у Екатерины Филипповны съ самой

обѣдни и до вечера. Принимая участіе въ радѣніяхъ, не свойственныхъ ни его лѣтамъ (ему было тогда 67 лѣтъ), ни здоровью, «набравши съ излишествомъ противнаго сердцу его въ желудокъ духа (?)», Боровиковскій, по возвращеніи домой, какъ показывали его ученики, почувствовалъ тоскливость. Лишь только легъ онъ въ постель, какъ возбудились сильнѣйшія судороги, и черезъ полчаса, послѣ жестокихъ страданій, онъ скончался, оставивъ друзьямъ своимъ, кои въ правду его любили за его простосердечное добродушіе, горестную память».

Одинъ изъ такихъ друзей Боровиковскаго, князь Андрониковъ, зная приверженность его къ Татариновой, приверженность, которою въ послѣднее время онъ сталъ тяготиться, рѣшился указать правительству на вредность ученія Екатерины Филипповны.

«Сколько для человѣка, приходящаго въ состарѣніе,—писалъ князь Андрониковъ юрьевскому архимандриту Фотію [1), — ищущаго уединенія, мыслящаго о гробѣ и милостяхъ Господнихъ, чтобы токмо не лишиться оныхъ, трудно бываетъ вступить въ сношеніе съ людьми, вѣдающими свѣтъ и пользующимися въ обществахъ великими довѣріями, столько, или еще болѣе труднѣе, оставлять на совѣсти своей и въ молчаніи такія дѣла, отъ коихъ страдаютъ истинные виды вѣры и самая честь нашей восточной православной христіанской церкви и кои требуютъ нѣкоторыхъ общественныхъ предостереженій».

Фотій извѣстенъ былъ тогда какъ противникъ и обличитель всѣхъ сектъ, бывшихъ въ Россіи, и, пользовался расположеніемъ графа Аракчеева, употреблявшаго священно-архимандрита для своихъ видовъ, сдѣлаться единовластнымъ распорядителемъ судебъ Россіи.

Къ такому человѣку, какимъ былъ тогда Фотій, и обратился кн. Андрониковъ. Онъ писалъ юрьевскому архимандриту, что знаетъ его какъ человѣка, который ищетъ истины, соблюдаетъ правду, хочетъ возвысить православіе церкви, размножить добро, распространить царство Іисуса Христа, опровергнуть и истребить на землѣ всѣ дѣла діавола. Сдѣлавъ такую характеристику, кн. Андрониковъ рѣшился

---

1) Въ письмѣ отъ 28 апрѣля 1825 года

написать ему о такихъ дѣлахъ, кои смущаютъ и тревожатъ души вѣрующихъ и которыя достойны вниманія духовныхъ подвиговъ Фотія. Писалъ это письмо кн. Андрониковъ «не съ тѣмъ, чтобы быть мнѣ какимъ-либо подлымъ и презрѣннымъ доносчикомъ и васъ сдѣлать неосмотрительнымъ наказателемъ, но даже умолять васъ войти въ разсмотрѣніе дѣла сего[1]) съ великою осторожностью и поступить сколь можно благоразумнѣе и сходнѣе съ духомъ кротости, знаменитому вашему сану приличною и законами вѣры отъ васъ требуемою».

«Съ давняго времени,—продолжалъ кн Андрониковъ,—имѣлъ я одного искренняго пріятеля, извѣстнаго быть можетъ вашему преподобію, по произведеннымъ живописнымъ работамъ въ Казанскій соборъ Божія Матери, совѣтника Императорской академіи художествъ, Владиміра Лукича Боровиковскаго. Сей добрый человѣкъ, родившійся въ полтавскомъ Миргородѣ и воспитанный родителями въ страхѣ Божіемъ и прилѣпленный съ дѣтства къ вѣрѣ и церкви Христовой, былъ настоящимъ вѣрующимъ, никогда не отлучался отъ оныя; но, порываемъ будучи о спасеніи души своей сильными мыслями, искалъ онъ духовнаго просвѣщенія въ такихъ обществахъ, гдѣ по мнѣнію его находилъ менѣе суетности и забавы, а болѣе благомыслія и чѣмъ дольше жилъ, тѣмъ, кажется, жаждалъ уже лишнихъ духовныхъ суетностей и не терпѣлъ никакихъ развлеченій, и, наконецъ съ сею нетерпѣливостью, попался онъ въ руки опаснаго руководительства.»

Введенный въ общество Татариновой своимъ землякомъ Урбановичемъ-Пилецкимъ, бывшимъ тогда директоромъ института глухонѣмыхъ, Боровиковскій, по словамъ кн. Андроникова, предался «шаманизму—бѣснованію и круженію (радѣніямъ)» до обмороковъ. Но кн. Андрониковъ не замѣчалъ, чтобы его пріятель, при помощи этихъ бѣснованій, «набрался особеннаго духа» къ лучшему уразумѣнію закона Божія, а напротивъ того сталъ тяготиться своимъ положеніемъ... Преклоняясь предъ Е. Ф. Татариновою за ея скромность и чистую нравственность, называя ее матерью по убѣжденію, В. Л. Боровиковскій былъ недоволенъ лицами, ее окружавшими,

---

1) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

въ особенности Пилецкимъ, говоря, что онъ, вѣрный своей фамиліи, «какъ пилой пилитъ его сердце».

Боровиковскому не нравилось «презрительное мнѣніе» членовъ кружка на счетъ нашей церкви, которую они называли наружною и обряды которой считали мертвою буквою. Человѣкъ мягкій, очень религіозный, но нерѣшительный, Боровиковскій думалъ, не ошибается ли онъ, и, чтобы провѣрить себя, склонялъ князя Андроникова познакомиться съ Татариновою и ея ученіемъ.

— Апостолъ Павелъ,—отвѣчалъ князь,—запрещаетъ женѣ вступать въ должность учительскую, какъ бы хитра она ни была. Это уже одно дѣлаетъ секту вашу ложною и вредною.

По словамъ кн. Андроникова, Боровиковскій, быть можетъ, самъ въ душѣ и сознавалъ это, но его «удерживалъ только одинъ стыдъ показаться противъ хитрой руководительницы невѣрнымъ и отстать отъ ея хитрыхъ убѣжденій; къ обществу же ея онъ не имѣлъ никакого довѣрія» [1]).

Онъ сталъ уклоняться отъ посѣщенія союза и былъ приглашаемъ Татариновою или лично, или черезъ кого-нибудь изъ ея послѣдователей.

«Матушка желаетъ,—писалъ М. Татариновъ Боровиковскому 12 марта 1825 года,—чтобы мы сегодня къ 12 часамъ были у нея для молитвы. Если вамъ можно быть—любезнѣйшій братъ Владиміръ Лукичъ, то пожалуйте. О семъ увѣдомляетъ васъ покорнѣйшій слуга М. Т.».

Не въ силахъ будучи отказаться отъ подобныхъ приглашеній, Боровиковскій не могъ прервать сношеній съ Татариновою до своей кончины. Считая ее рановременною, кн. Андрониковъ находилъ, что ученіе Татариновой сокращаетъ жизнь человѣческую. «Общество ихъ,—писалъ онъ Фотію,—не есть такое училище(?), въ которомъ истинные учители нѣкогда воскрешали падающихъ изъ окна и исцѣляли всѣхъ болящихъ, ихъ ученіе слушающихъ; но, напротивъ, дѣйствуется (руководствуется?) противоположными правилами, не токмо что укорачиваютъ дни человѣческой жизни, но и сводятъ многихъ съ ума, заставляя мучиться и въ сей жизни».

---

[1]) Письмо кн. Андроникова Фотію 28 апрѣля 1825 года.

Кн. Андрониковъ считалъ, что наступило наконецъ время «срыть сіе дупло и предать его покаянію». Фотій раздѣлялъ это мнѣніе болѣе, чѣмъ-кто либо другой, и, передавая полученное имъ письмо графу Аракчееву, подчеркнулъ нѣкоторыя мѣста и написалъ на поляхъ: «чти».

Туча, нависавшая надъ Татариновою и ея послѣдователями, на этотъ разъ не разразилась громомъ: отъѣздъ императора Александра I сначала въ Варшаву, а потомъ въ Таганрогъ и наконецъ тайное покровительство государя спасли Татаринову; но по городу стали распространяться самые нелѣпые слухи, дошедшіе и до великаго князя Николая Павловича, бывшаго въ то время начальникомъ Е. А. Головина. Посѣтивъ однажды послѣдняго, великій князь спросилъ его, знакомъ ли онъ съ Татариновою?

«Я не имѣлъ твердости сознаться, — писалъ Головинъ, — и отвѣчалъ отрицательно; но, вслѣдъ за тѣмъ, укоряемый внутренно, я написалъ письмо, въ которомъ сознавался въ несправедливости отвѣта. Но первое запирательство должно уже было оставить неблагопріятное впечатлѣніе».

Великій князь Николай Павловичъ не скрывалъ своей холодности къ генералу Головину, давалъ чувствовать свое нерасположеніе къ нему, что вмѣстѣ съ ходившими толками и разсказами о духовномъ союзѣ Татариновой чрезвычайно тяготило Евгенія Александровича. Послѣдовавшая вслѣдъ за тѣмъ кончина императора Александра I и вступленіе на престолъ Николая опять на нѣкоторое время улучшили положеніе Головина.

Извѣстно, что 14 декабря 1825 года, въ день возмущенія въ Петербургѣ, полки л.-гв. Егерскій и Финляндскій, которыми командовалъ Головинъ, остались вѣрными своему долгу; самъ онъ, оказавъ большую распорядительность, обратилъ на себя вниманіе молодаго государя и въ числѣ немногихъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ.

«Съ этой эпохи,—говоритъ онъ,—служба моя въ гвардіи сдѣлалась опять благопріятною и, несмотря на продолжавшіяся сношенія мои съ г. Татариновою, о которыхъ я неоднократно уже имѣлъ счастіе говорить съ государемъ императоромъ, — его величество былъ

ко мнѣ милостивъ, равно какъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, что и заграждало уста враждѣ и клеветѣ».

Послѣднія продолжались безпрерывно. Въ февралѣ 1826 года вновь поднялось забытое было дѣло о кончинѣ В. Л. Боровиковскаго. Внукъ его, отставной прапорщикъ Д. Ф. Шаповаленко, письмомъ на высочайшее имя, обратилъ вниманіе правительства на Е. Ф. Татаринову и ея кружокъ. Онъ писалъ, что послѣ кончины дѣда, душеприказчики въ присутствіи его, внука, нашли между бумагами Боровиковскаго собственноручныя его записки, «ежедневно писанныя [1]), утверждающія явственно, что онъ принадлежалъ къ какой-то сектѣ, куда жертвовалъ не только трудами своего художества, но не рѣдко и капиталомъ». Шаповаленко писалъ, что дѣдъ его былъ отвращенъ отъ связи съ родными, и изъ тѣхъ же записокъ видно, что «онъ имѣлъ неограниченную преданность и отличное почтеніе къ начальницѣ того скопища, женщинѣ Катеринѣ Татариновой, открывшей ему свои пустыя пророчества, путеводительствовавшей, купно съ прочими соучастниками, его жизнію и доведшей до того, что онъ согласился, въ нарушеніе вѣры, вторично окреститься и назваться именемъ Ѳетеры, вмѣсто Владиміра [2])».

Донося объ этомъ и видя въ членахъ Татаринскаго кружка фанатиковъ, готовыхъ на все, даже хуже (?) декабристовъ, Шаповаленко просилъ обезпечить его жизнь. «Поелику открытіе дѣла сего,—писалъ онъ,—можетъ составить для меня неминуемо отъ сообщниковъ опасность, то всеподданнѣйше прошу В. И. В. о всемилостивѣйшемъ повелѣніи, дабы я огражденъ былъ спокойствіемъ и законною защитою».

Спустя мѣсяцъ, генералъ Бенкендорфъ получилъ записку отъ

---

[1]) Часть дневника Боровиковскаго напечатана П. И. Бартеневымъ, см. «Девятнадцатый вѣкъ» кн. II. Часть дневника, оставшаяся въ рукописи, не представляетъ особаго интереса.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо Шаповаленко отъ 21 февраля 1826 года. По словамъ его, тотчасъ послѣ смерти Боровиковскаго и въ ту же ночь, явились въ его квартиру Мих. Татариновъ и М. Пилецкій, рылись въ комодахъ и забрали наиболѣе важныя бумаги. Оставшіяся же 13 тетрадей записокъ покойнаго Шаповаленко хотѣлъ взять себѣ, но душеприказчики отняли, при чемъ одинъ изъ нихъ, Филиповъ, обѣщалъ представить ихъ правительству, но не исполнилъ обѣщанія.

Екатерины Цызыревой [1]), въ которой она писала, что одни считаютъ общество Татариновой «принадлежащимъ какой-то сектѣ, относящейся къ религіи; другіе говорятъ, что она узнаетъ прошедшее, предсказываетъ будущее и множество тому подобныхъ суевѣрствъ. Но знающіе короче сію женщину увѣряютъ, что у ней собираются люди, желающіе нарушить спокойствіе въ государствѣ».

«Татариновой,—писала Цызырева,—около 50 лѣтъ; она была красавица и по нынѣ еще многіе находятъ, что она хороша и женщина необыкновеннаго ума. Съ мужемъ своимъ она давно уже разсталась, который относится къ ней очень сухо. Она живетъ давно уже вмѣстѣ съ своимъ деверемъ Татариновымъ. Всѣ принадлежащіе ея сектѣ увѣряютъ, что они только друзья; но кто знаетъ Татаринову и молодаго ея деверя, не вѣрятъ сему. Татариновъ не смѣетъ выдти изъ дома и не только что говорить, но даже взглянуть на какую-нибудь женщину» [2]).

По словамъ Цызыревой, подругами Татариновой были: мадамъ Крюднеръ и ея дочери, полковница Муравьева, княгиня Анна Сергѣевна Голицына, генеральша Хвостова, графиня Десаже, графиня Лаваль, графиня Литта, Колокольцова и другія. «Всѣ сіи достойныя женщины,—прибавляла Цызырева,—давно извѣстны правительству». Изъ мужчинъ, кромѣ намъ извѣстныхъ, она упоминала: попечителя Нарвской части Иванова, адъютанта графа Милорадовича, Пражевскаго и убитаго капитана Батурина. «Другіе принадлежащіе къ сей сектѣ,—говорила Цызырева,—понынѣ употребляютъ всѣ средства остаться неизвѣстными, что кажется, и удалось имъ».

Указывая на таинственность этого кружка, доносительница говорила, что для незнакомыхъ Татариновой ворота ея дома никогда не открываются, а знакомые, оставляя на улицѣ свои экипажи, входятъ къ ней въ калитку и идутъ по двору пѣшкомъ; что

---

[1]) Отъ 27 марта 1826 г.

[2]) Какъ женщина, Цызырева прежде всего обращала вниманіе на сердечныя отношенія Татариновой; но нѣтъ надобности говорить, что все сказанное не справедливо, написано по ложнымъ слухамъ и что М. Татариновъ не жилъ тогда съ Екатериною Филипповною въ одномъ домѣ и почти не видался съ нею.

ея сообщники и послѣдователи всегда вмѣстѣ говѣютъ, но исповѣдуются и причащаются св. таинъ только у одного священника л.-гв. Измайловскаго полка.

Доносы эти не могли оставаться тайною для Е. А. Головина, какъ человѣка, находившагося въ хорошихъ отношеніяхъ съ А. X. Бенкендорфомъ, и онъ поспѣшилъ испросить аудіенцію у императора. Будучи милостиво принятъ, Головинъ старался оправдать Татаринову, указать на несправедливость возводимыхъ на нее обвиненій, познакомить государя съ истинною дѣятельностью Екатерины Филипповны, съ даромъ пророчества, и испросилъ позволеніе изложить послѣднее болѣе подробно на бумагѣ.

«Пользуясь высокомонаршимъ вашимъ позволеніемъ, — писалъ онъ [1],—дерзаю я письменно дополнить то, чего, при дарованной мнѣ аудіенціи, частію не успѣлъ, а частію и не могъ изъяснить на словахъ по природной застѣнчивости.

«Милостивое ко мнѣ вниманіе В. И. В. трогаетъ меня до глубины сердца, исполненнаго признательности за всѣ прежнія ваши ко мнѣ благодѣянія, такъ что я готовъ бы цѣною всего собственнаго моего счастія купить благоденствіе ваше и всего царскаго дома вашего, призывая свидѣтелемъ Бога, что въ строкахъ сихъ нѣтъ ни лести, ни лукавства.

«Имѣвъ счастіе говорить откровенно передъ лицемъ вашимъ, государь, о живомъ познаніи Бога черезъ слово пророческое, о которомъ такъ много и ясно свидѣтельствуется въ св. писаніи, я радуюсь, что исполнилъ долгъ мой, предоставляя Богу утвердить и возвысить дѣло свое, котораго міръ ни понять, ни уважить не можетъ, потому что оно есть камень преткновенія для разума человѣческаго. Кому болѣе всего, государь, извѣстно, какъ мало я искалъ выставлять на видъ обрѣтенное мною сокровище и сколь мало я выигралъ въ общемъ мнѣніи, какъ скоро знакомство мое и связь, на единомъ дружелюбіи и простотѣ христіанской основанныя, сдѣлались извѣстными. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, хотя я спокоенъ монаршимъ вашимъ покровительствомъ, но меня не перестаетъ еще тревожить мысль, что между различными на мой счетъ заключеніями можетъ имѣть мѣсто и такое мнѣніе, что чрезъ новое знакомство мое, прилѣпясь единственно къ богомолью и заботамъ о спасеніи души, я убѣгаю отъ сношенія съ людьми и отъ должностныхъ занятій. Итакъ да позволено мнѣ будетъ, предъ вами, государь, вопреки таковаго мнѣнія сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я утверждаюсь въ вѣрѣ во Христа Спасителя, черезъ вдохновенное слово, че-

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ 2 мая 1826 г. „Русская Старина" 1885 г. № 11, стр. 394.

резъ него же укрѣпляюсь въ вѣрномъ служеніи царю земному и направляюсь къ усерднѣйшему и безкорыстнѣйшему исполненію моихъ обязанностей въ томъ званіи, въ которомъ я поставленъ; ибо сіе же самое мое слово водитъ всѣ мои помышленія и обличаетъ Духомъ сокровенныя чувства моего сердца. Окажите мнѣ милость, государь, и дайте мнѣ случай показать на самомъ дѣлѣ чистосердечную преданность мою къ вамъ, возложеніемъ на меня какого-нибудь порученія, которымъ бы я могъ заслужить монаршее вниманіе В. И. В. Это одно мое желаніе, съ которымъ я испрашивалъ новой аудіенціи.

«Что же касается до дѣла, коего я, въ нынѣшнія времена всеобщаго невѣрія и ложныхъ умствованій, сподобился быть свидѣтелемъ передъ высокою особою вашею, т. е. что Духъ Божій говоритъ устами человѣческими, то Господь, поборникъ истины и самихъ васъ, государь, призывающій къ себѣ могущественною рукою своею, Самъ оправдаетъ его. Могъ ли бы я и осмѣлился бы передъ верховною властью, у которой жизнь моя, такъ сказать, остается въ залогѣ, легкомысленно утверждать то, въ чемъ я точно не убѣжденъ? Но что Богъ избираетъ нерѣдко на дѣло свое орудія, въ глазахъ человѣческихъ самыя ничтожныя, то сіе составляетъ одинъ изъ коренныхъ догматовъ ученія христіанскаго, и если кто увѣруетъ ему искренно, тотъ не есть еще ни фанатикъ, ни обольститель.

«Простите, государь, откровенности и смѣлости моей: у меня, послѣ Бога, одна надежда на великодушіе ваше, передъ которымъ повергаю себя и судьбу мою».

Вѣря безусловно въ пророческое слово и въ даръ пророчества Татариновой, генералъ Головинъ подчинился ей настолько, что безъ ея совѣта не предпринималъ ничего. Когда 7 февраля 1830 года онъ былъ назначенъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, то, несмотря на весь почетъ этого назначенія, Евгеній Александровичъ, по совѣту г-жи Татариновой, отказался отъ этого назначенія.

Горько было для него это рѣшеніе, но онъ повиновался ему. Императоръ, хотя и съ неудовольствіемъ, но согласился уволить Головина отъ новаго назначенія и разрѣшилъ ему быть свободнымъ отъ службы въ теченіе года, съ сохраненіемъ генералъ-адъютантскаго содержанія. Головину не оставалось ничего лучшаго желать, но онъ пожелалъ спросить опять волю Божію, черезъ Татаринову, и ему было сказано, чтобы непремѣнно подалъ въ отставку [1]).

---

[1]) Записка Головина о знакомствѣ съ Татариновою.

— Тутъ-то не помышляя о послѣдствіяхъ, — говорилъ онъ, — или, лучше сказать, предчувствуя ихъ, я счелъ себя обреченнымъ на это новое великое пожертвованіе собственною волею и всѣми наружными выгодами волѣ Царя Небеснаго и написалъ письмо къ А. Х. Бенкендорфу.

«Вслѣдъ за милостивымъ посѣщеніемъ вашего высокопревосходительства—писалъ Головинъ А. Х. Бенкендорфу [1]),—размышляя о моемъ положеніи относительно службы и о состояніи моего здоровья, съ сердцемъ, исполненнымъ еще самыхъ болѣзненныхъ и горькихъ впечатлѣній, оставшихся послѣ Варны, коихъ объяснить я не въ силахъ—одинъ Богъ ихъ вѣдаетъ—я убѣждаюся рѣшительно, что не могу найти успокоенія иначе, какъ оставивъ службу совершенно. И потому прошу васъ, въ доказательство благодѣтельнаго вашего во мнѣ участія, повергнуть къ стопамъ монаршимъ рѣшительную мою просьбу объ увольненіи меня отъ всякой службы и всякаго званія военнаго и гражданскаго; ибо и съ званіемъ генералъ-адъютанта все еще соединяться будутъ обязанности, которыхъ я по болѣзни душевной и разстройству тѣлесному исполнить не въ состояніи.

«Симъ удовлетворится вполнѣ желаніе мое, наградятся прошедшіе труды мои и совершится то, чего ожидать смѣю отъ расположеннаго къ добру сердца вашего».

Добровольный отказъ отъ званія генералъ-адъютанта и заключительныя строки письма, конечно, должны были произвести непріятное впечатлѣніе на императора, и высочайшимъ приказомъ 18 апрѣля Е. А. Головинъ уволенъ отъ службы съ воспрещеніемъ жить въ обѣихъ столицахъ и съ повелѣніемъ выѣхать изъ Петербурга черезъ 8 дней, обозначивъ куда отправится [2]). Избравъ мѣстопребываніемъ своимъ г. Нарву, какъ ближайшій къ Петербургу, Головинъ просилъ продлить ему срокъ отъѣзда еще на восемь дней и опредѣлить въ Инженерное училище старшаго его сына Павла, имѣвшаго 12 лѣтъ отъ роду и приготовлявшагося у инженеръ-полковника Ва-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 14 апрѣля 1830 г.

[2]) Отношеніе управляющаго главнымъ штабомъ гр. Чернышева генералу Бенкендорфу 18 апрѣля 1830 г. № 196.

луева [1]). Повелѣвъ исполнить просьбу объ опредѣленіи сына, императоръ Николай разрѣшилъ Головину, сверхъ назначеннаго срока, пробыть въ Петербургѣ еще три дня [2]).

Подчинившись безусловно рѣшенію государя, Е. А. Головинъ поселился въ Нарвѣ, сознавая, что, послѣ обнаруженнаго имъ упрямства, съ нимъ поступлено было слишкомъ снисходительно. Тамъ онъ жилъ въ уединеніи, занимался преподаваніемъ уроковъ двумъ младшимъ дѣтямъ и изрѣдка переписывался съ Татариновою [3]).

— Не взирая на скуку,—говорилъ онъ,—которую терпѣлъ въ этой, такъ сказать, ссылкѣ, послѣ дѣятельной жизни, къ которой привыкъ въ военной службѣ, я мирился съ моимъ положеніемъ и, въ будущемъ не видя предъ собою ничего, полагалъ, что мірское поприще для меня закрыто [4]); но всего тяжелѣе было для меня то, что я лишенъ былъ пророческаго слова, единственнаго моего утѣшенія.

---

[1]) Докладная записка Головина А. Бенкендорфу 24 апрѣля 1830 г.

[2]) Письмо А. Х. Бенкендорфа Головину 28 апрѣля 1830 г. № 1586

[3]) Впрочемъ, къ нему пріѣзжали въ Нарву по одному разу Ѳ. Косовичъ и П. Ф. Буксгевденъ.

[4]) Въ Нарвѣ Головинъ прожилъ десять мѣсяцевъ, когда послѣдовавшее возстаніе въ Царствѣ Польскомъ дало ему возможность просить о принятіи его вновь на службу. „Это желаніе—писалъ Головинъ,—почти предупреждено было письмомъ отъ Татариновой, которымъ она совѣтовала мнѣ также, по внутреннему внушенію, проситься въ службу и писать прямо къ государю.—Я не замедлилъ исполнить это, написалъ просительное письмо черезъ в. к. Михаила Павловича, въ надеждѣ на милостивое его за меня ходатайство“. Высочайшимъ приказомъ 17 февраля 1831 года, Евгеній Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ 26 пѣхотной дивизіи.

Прибывъ въ Петербургъ, Головинъ, при представленіи въ манежѣ, встрѣтилъ гнѣвный пріемъ государя, вскорѣ потомъ смилостивившагося къ своему прежнему любимцу и пожаловавшаго ему единовременно 5.000 руб. ассигн. Съ этихъ поръ, дальнѣйшая служба Головина была обезпечена. По окончаніи кампаніи, онъ 8 ноября 1831 года вступилъ въ командованіе 1 пѣхотнымъ корпусомъ. Въ январѣ 1834 года Головинъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ, предсѣдательствующимъ въ правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ.—Въ 1836 году онъ исправлялъ должность варшавскаго военнаго губернатора; 30 ноября 1837 г. назначенъ командующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и управляющимъ гражданскою частью на Кавказѣ: 20 марта 1845 г.—рижскимъ военнымъ, лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ генералъ-губернаторомъ, и наконецъ 1 января 1848 г.—членомъ Государственнаго Совѣта. Подробности о его дѣятельности на всѣхъ этихъ постахъ можно найти въ соч. Ю. Толстаго. «Очеркъ жизни и службы Е. А. Головина». „Девятнадцатый вѣкъ“ изданіе П. И. Бартенева, кн. I.

Это лишеніе и нѣсколько суровое рѣшеніе императора относительно Головина обусловливалось тѣмъ, что оно совпало съ донесеніемъ генералъ-маіора Балабина, отъ 11 февраля 1830 года. Въ секретной запискѣ онъ писалъ А. Х. Бенкендорфу, что Татаринова есть какая-то таинственная женщина, проповѣдующая особую философію о братскомъ равенствѣ; что она имѣетъ громадное вліяніе на своихъ послѣдователей и особенно на семейство генерала Головина. По словамъ записки, скрывая истинную цѣль своего ученія о братствѣ, Татаринова, внушеніемъ строгой набожности, старается пріобрѣсти надъ всѣми вліяніе, и многіе изъ ея послѣдователей настолько набожны, что могутъ назваться монахами. Для достиженія прямой своей цѣли, Татаринова стремится къ тому, чтобы всѣ крѣпостные ея кружка были отпущены на волю, а находящимся въ услуженіи проповѣдуются равенство, и съ этою цѣлью ихъ сажаютъ за однимъ столомъ съ собою и даже даютъ мѣста выше, чтобы скорѣе утвердить ихъ въ идеѣ равенства.

«До открытія военныхъ дѣйствій въ Турціи — писалъ Балабинъ, — генералъ Головинъ ѣздилъ къ Татариновой по четвергамъ со всѣмъ семействомъ. По уходѣ же гвардіи въ походъ, супруга Головина переѣхала на жительство къ Татариновой и, уменьшая постепенно кругъ знакомыхъ, отказываетъ даже роднымъ подъ предлогомъ, что до возвращенія супруга она никого принимать не будетъ».

По словамъ записки, Татаринова «въ своей таинственности имѣетъ корыстные виды и, будучи сама бѣдна [1]), выманиваетъ довольно значительныя у генеральши (Головиной) суммы, подъ видомъ употребленія согласно цѣли братскаго равенства, на поддержаніе бѣдныхъ. Въ недавнемъ времени такимъ образомъ слѣдующіе по какому-то случаю изъ казны тысяча рублей отпущены, по довѣренности генеральши, подъ росписку штабъ-лѣкаря Косовича и отданы Татариновой».

Донесеніе Балабина заставило правительство обратить болѣе серьезное вниманіе на кружокъ Татариновой. Основываясь на томъ, что всякія тайныя общества запрещены еще въ 1822 году, А. Х. Бенкендорфъ, 16 апрѣля 1830 г., разослалъ ко всѣмъ послѣдова-

---

[1]) Она получала весьма значительную пенсію.

телямъ [1]) Татариновой и ей самой циркулярную записку слѣдующаго содержанія:

«Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ долгомъ считаетъ увѣдомить, что всѣ существовавшія доселѣ собранія у статской совѣтницы Татариновой совершенно прекращены; всѣ вновь случиться могущія собранія сего рода будутъ сочтены со стороны правительства нарушеніемъ его постановленій и повлекутъ за собою непріятныя послѣдствія».

«Государь императоръ,—писалъ Бенкендорфъ Е. Ф. Татариновой [2])—вслѣдствіе всеподданнѣйшаго моего доклада, а вмѣстѣ и письма вашего, представленнаго Его Величеству княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, Высочайше соизволилъ на оставленіи васъ на настоящемъ мѣстѣ жительства, но съ тѣмъ, чтобы домъ, вами занимаемый, былъ открытъ по примѣру всѣхъ прочихъ обывательскихъ домовъ, какъ полиціи, такъ и всякому мірному гражданину, безъ всякихъ особыхъ исключеній и чтобы всѣ религіозныя въ ономъ собранія были совершенно прекращены. Если же впредь открыты будутъ подобныя собранія, то всѣ участвующіе въ оныхъ неминуемо уже подвергнутся надлежащему по законамъ взысканію».

Это письмо заставило Татаринову замкнуться въ болѣе тѣсномъ кружкѣ истинныхъ послѣдователей, въ числѣ которыхъ былъ и В. М. Поповъ съ тремя дочерьми. Чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе частыми поѣздками къ Екатеринѣ Филипповнѣ, почти всѣ члены кружка переѣхали за Московскую заставу и поселились или въ домѣ, гдѣ жила Татаринова, или по сосѣдству, на дачахъ Ѳедорова и Косовича. Тамъ они оставались безъ преслѣдованія полиціею до конца апрѣля 1837 года, когда крѣпостной человѣкъ В. М. По-

---

[1]) М. С. Пилецкому, В. М. Попову, М. М. Татаринову, П. Буксгевдену, Ѳ. Косовичу, Н. Ѳедорову, Е. А. Головину и Родіонову. Получивъ записку Бенкендорфа, М. Татариновъ писалъ ему 16 мая 1830 года изъ Рязани: „Знавъ бывшія собранія у невѣстки моей Татариновой единственно за христіанскія, имѣвшія цѣлію самую строгую нравственность, основанную на любви къ Богу, я потому несомнѣнно и посѣщалъ оныя, до отставки моей отъ службы въ 1828 году. Но если по намѣреніямъ правительства и сего рода собранія не должны имѣть мѣста, то я, какъ вѣрный подданный государя императора, священнымъ для себя долгомъ чту повиноваться въ самомъ строжайшемъ смыслѣ нынѣшнему распоряженію начальства“.

[2]) Въ письмѣ отъ 23 апрѣля 1830 г. № 1841.

пова, Петръ Александровъ, представленный имъ въ полицію для наказанія за воровство [1]), заявилъ, что у его господина бываютъ тайныя собранія, и онъ жестоко мучитъ одну изъ дочерей своихъ.

Въ то время генералъ Бенкендорфъ былъ тяжко боленъ, и въ 2 часа пополудни 8 мая государь посѣтилъ его для совѣщаній по дѣлу Татариновой. По отъѣздѣ императора, Бенкендорфъ пригласилъ къ себѣ начальника штаба корпуса жандармовъ, генерала Дубельта, оберъ-полиціймейстера Кокошкина и оберъ-прокурора Синода графа Протасова, и поручилъ имъ арестовать всѣхъ членовъ кружка Татариновой. Первоначальныя распоряженія состояли въ томъ, что призваны были человѣкъ 15 жандармовъ съ нѣсколькими офицерами, и часу въ девятомъ вечера имъ приказано было идти по одиночкѣ съ тѣмъ, чтобы къ 10 часамъ приблизиться къ указаннымъ дачамъ съ разныхъ сторонъ. Къ этому времени прибылъ туда же генералъ Дубельтъ и Кокошкинъ и флигель-адъютантъ полковникъ графъ Протасовъ и соединились съ жандармами, которые были такъ разставлены вокругъ дачъ Ѳедорова и Косовича, что никто изъ жившихъ тамъ не могъ скрыться. Ворота дачъ оказались закрытыми, и послѣ нѣкотораго промедленія прибывшіе были впущены. Проходя изъ комнаты въ комнату, генералы оставляли въ каждой изъ нихъ по одному жандарму, и потому въ нѣсколько минутъ всѣ сектанты были раздѣлены между собою и находились подъ надзоромъ [2]).

Посѣтивъ прежде всего тайнаго совѣтника В. М. Попова, нашли его спящимъ. Онъ указалъ прибывшимъ устроенную въ занимаемомъ имъ домѣ особую молельню, состоявшую изъ двухъ комнатъ, внутренность которыхъ имѣла видъ церкви съ образами и огромными церковными подсвѣчниками, но безъ иконостаса и алтаря. Въ одной изъ этихъ комнатъ находился столъ, съ ящиками для храненія церковныхъ свѣчей, а другая была обставлена стульями, между

---

[1]) Воровство осталось недоказаннымъ, и Петръ Александровъ просилъ награды за открытіе секты. Графъ Бенкендорфъ выдалъ ему 100 руб.

[2]) Постоянно живущими на дачахъ лицами были: 1) жена генералъ-лейтенанта Головина, 2) дочь ея Екатерина и сынъ Сергѣй. 3) Тайный совѣтникъ Поповъ, членъ совѣта главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ. 4) Его дочери: Вѣра 18, Любовь 16 и Софія 12 лѣтъ. 5) Статс. сов. Е. Ф. Татаринова. 6) Ея воспитанница Васильева. 7) Ст. совѣт. Пилецкій. 8) Отставной инженеръ-капитанъ Буксгевденъ. 9) Титулярный сов. Ѳедоровъ и его жена. Косовичъ находился въ то время въ Варшавѣ.

которыми стояло одно кресло для старшины ихъ союза, т. е. Татариновой. Жившіе на дачѣ собирались по воскреснымъ днямъ въ молельню на дачѣ Ѳедорова въ 4 часа пополудни и молились безъ всякихъ особыхъ обрядовъ. Въ остальные дни каждое семейство молилось у себя дома. Двѣ дочери Попова старшая и младшая спали въ одной комнатѣ, а меньшая — въ чуланѣ, не имѣвшемъ оконъ и только одну дверь, оказавшуюся запертою на замокъ, ключъ отъ котораго находился у отца. По словамъ дочерей Попова, въ назначенные дни собирались въ молельню всѣ жившіе на дачѣ Ѳедорова и нѣкоторые изъ постороннихъ: отставной гвардіи поручикъ князь Ельпидифоръ Енгалычевъ съ супругою, служившій въ канцеляріи Ея Величества коллежскій ассесоръ Родіоновъ и другіе. Здѣсь происходили радѣнія, пѣсни и пляски. Средняя дочь Попова, Любовь, чувствовала постоянное отвращеніе къ этимъ обрядамъ и навлекла тѣмъ гнѣвъ отца и въ особенности Татариновой, которая приказывала наказывать ее тѣлесно, говоря, что дѣлаетъ это по вдохновенію свыше. Когда Поповъ былъ спрошенъ, гдѣ его средняя дочь, то онъ отвѣчалъ сначала, что у него только двѣ дочери, а потомъ, что средней нѣтъ дома и, наконецъ, что она въ такомъ положеніи, что невозможно посѣтить дѣвицу. Несмотря на то, ему приказано было отпереть замокъ, и несчастная жертва фанатизма найдена лежащею на голомъ полу, въ грязномъ рубищѣ и казалась болѣе остовомъ, чѣмъ живымъ существомъ. На ней видны были слѣды жестокихъ побоевъ, и она сама указала на стѣны комнатъ, забрызганныя ея кровью. Поповъ въ теченіе болѣе года билъ свою дочь палкою по два и по три раза въ день и не рѣдко до крови, читая все это время молитвы; не дозволялъ ей имѣть свиданіе съ сестрами, держалъ въ строгомъ уединеніи, а на ночь запиралъ въ чуланъ. По показанію сестеръ, Любовь была прежде цвѣтущаго здоровья, и истязанія заставили ее чахнуть: на ней остались, такъ сказать, одна кожа и кости. Молодая дѣвушка внушала къ себѣ невольное состраданіе [1]).

Послѣ того былъ осмотрѣнъ домъ, занимаемый Татариновою. Здѣсь всѣ пріемныя комнаты были украшены образами огромной

---

[1]) Протоколъ 8 мая 1837 г. См. также «Историчес. Вѣст.» 1882 г. № 5, стр. 246.

величины, съ такими же подсвѣчниками передъ каждымъ [1]). Въ ея спальной, на маленькомъ столикѣ стояла дароносица, въ которой найденъ кусокъ бѣлаго хлѣба. Объявленную ей высочайшую волю Татаринова приняла съ покорностью, но старалась однакоже доказать правоту своего ученія. Опираясь на то, что зла отъ ея союза никому не было, а добро и помощь другъ другу были ихъ первою обязанностію, Татаринова говорила между прочимъ, что достигаетъ высочайшей степени духовнаго совершенства тѣмъ, что передъ началомъ какого-либо намѣренія она спрашиваетъ письмомъ Христа Спасителя, должно ли исполнить предположенное или отказаться отъ своего намѣренія? Письмо это она клала къ подножію образа Спасителя и утромъ всегда «въ невольныхъ пѣсняхъ» оглашала полученный ею отвѣтъ [2]).

Наибольшій фанатизмъ и особенности были найдены въ домѣ Ѳедорова. У него было двѣ молельни, изъ коихъ одна устроена была какъ самая лучшая церковь: образа, паникадила, плащаница, хоругви—все въ изящномъ видѣ, и сверхъ того оказался рядъ отдѣльныхъ комнатъ, также украшенныхъ разными священными предметами и отдѣланныхъ даже съ нѣкоторою роскошью.

Всѣ члены кружка не употребляли никогда мясной пищи, исключая наемной прислуги, состоявшей изъ 5 человѣкъ мужескаго и 7 женскаго пола.

«Сколько судить можно изъ сдѣланныхъ вопросовъ всѣмъ упомянутымъ лицамъ,—сказано въ протоколѣ,—тайн. совѣт. Поповъ и генералъ-лейтенантша Головина, въ особенности первый, предались ученію Татариновой единственно изъ сильнаго чувства фанатизма. Татаринова же, повидимому, извлекаетъ изъ своего ученія довольно выгодное средство къ существованію. Пилецкій и Буксгевденъ также находятъ въ своемъ религіозномъ обрядѣ возможность жить спокойно и въ довольствѣ, безъ трудовъ. Ѳедорова можно подозрѣвать въ томъ, что, подъ личиною смиренія, онъ скрываетъ свои корыстные виды и основалъ свои доходы на щедрыхъ приношеніяхъ особъ, принадлежащихъ къ союзу Татариновой, ибо послѣ неоднократно сдѣ-

---

[1]) Всѣхъ образовъ оказалось 13, и они оцѣнены были въ 10.000 рублей. См. «Чтенія въ общес. исторіи и древностей», 1868 г. кн. 4, стр. 9.

[2]) Протоколъ 8 мая 1837 г.

данныхъ ему вопросовъ объ источникахъ его избытка онъ не далъ отвѣта удовлетворительнаго».

Всѣ члены кружка были арестованы, каждый въ своей комнатѣ, и по приказанію государя ихъ посѣтили докторъ Арендъ и протоіерей Божановъ [1]). Первый осмотрѣлъ дѣтей В. М. Попова, а послѣдній познакомился съ устройствомъ молельни.

Дочери Попова были истощены до крайности; имъ приказано было давать мясную пищу, и онѣ съ жадностью кидались на нее. Средняя дочь—Любовь—требовала серьезнаго медицинскаго лѣченія.

Самымъ существеннымъ обвиненіемъ Е. Ф. Татариновой и ея послѣдователей послужило отобранное у членовъ кружка и служившее имъ руководствомъ сочиненіе: «О приведеніи всѣхъ христіанскихъ церквей въ первоначальное единство». Авторъ раздѣляетъ церковь на священно-обрядную и внутреннюю—въ сердцѣ созидаемую. Послѣдняя, по его словамъ, образуется изъ отдѣльныхъ тайныхъ обществъ, которыя существовали еще и въ церкви Апостольской, съ самаго начала христіанства. Первоначальная священно-обрядная церковь, по словамъ автора, имѣла связь съ отдѣльными собраніями св. мужей и назидалась отъ нихъ; но съ теченіемъ времени ея пастыри сдѣлались невѣрны Св. Духу, связь прекратилась, и Духъ Святый оставилъ обрядовую церковь и лишилъ даровъ своихъ. Поэтому и грекороссійская церковь, оставаясь при одномъ наружномъ богослуженіи, не можетъ обновить человѣка и привести его въ живое соединеніе съ Богомъ. Касаясь вопроса о таинствахъ, авторъ говоритъ, что таинство причащенія, какъ дѣйствіе обрядное, не приноситъ существенной пользы, и для души необходимо дѣйствительное принятіе въ себя Св. Духа. «По истинѣ не знаю, говоритъ авторъ, что это за вѣра, когда не вѣрятъ пришествію во плоть Св. Духа и явленію его черезъ человѣка». Въ Евангеліи онъ видитъ только одну букву, а въ священно-служителяхъ—людей, прилѣпившихся къ буквенному слову и, подобно фарисеямъ и книжникамъ, опирающихся только на строгомъ исполненіи обрядовъ, но не ищущихъ Бога внутри себя. Отъ того слова жизни нѣтъ въ церкви, и оно осталось только между вѣрующими въ тайнѣ. Вообще

---

[1]) Записка гр. Протасова генералу Дубельту 10 мая 1837 г.

церковь и христіанство находятся теперь во тьмѣ, неустройствѣ и самомъ несчастномъ состояніи. Отпаденіе отъ живаго слова и Духа Христова сдѣлалось всеобщимъ, что̀, между прочимъ, по словамъ автора, доказывается отсутствіемъ людей, говорящихъ по вдохновенію, и вообще тѣхъ чудесныхъ явленій, которыя были въ церкви Апостольской. Явленія эти могутъ оказаться только въ тайныхъ обществахъ, среди душъ, облеченныхъ властію Апостольскою; только ихъ слово можетъ обновить и очистить насъ, и орудіями этого очищенія могутъ быть одинаково какъ мужчины, такъ и женщины. Когда, черезъ сообщеніе съ ними, каждый вѣрующій будетъ находить въ себѣ Духа Святаго, тогда послѣдуетъ соединеніе раздѣляющихся нынѣ церквей въ едино тѣло и въ одну Апостольскую церковь. Тогда настанетъ царство Іисуса Христа, приближеніе котораго почувствовалъ уже императоръ Александръ I, явившійся покровителемъ тайныхъ религіозныхъ обществъ и сектъ.

Секретный раскольничій комитетъ, въ который было передано дѣло Татариновой, нашелъ, что она и ея послѣдователи составили тайный союзъ и установили свой образъ моленія, соединенный съ страстными и неприличными обрядами, противными какъ правиламъ и духу православной церкви, такъ и государственнымъ узаконеніямъ. На этомъ основаніи дальнѣйшее существованіе столь вреднаго общества должно быть прекращено, и члены онаго, какъ нарушители порядка и постановленій, не могутъ быть оставлены безъ употребленія противъ нихъ такихъ мѣръ, которыя бы имъ воспрепятствовали распространять свое заблужденіе. Руководствуясь этимъ, комитетъ считалъ необходимымъ обратить ихъ на путь истины при помощи духовнаго увѣщанія и полагалъ главныхъ сектантовъ разослать по монастырямъ, а остальныхъ отдать подъ надзоръ полиціи [1]). Императоръ Николай I, согласившись съ мнѣніемъ комитета, 11-го мая Высочайше повелѣлъ всѣ находившіяся на дачахъ вещи церковнаго употребленія: дароносицу, хоругви, плащаницу, подсвѣчники и иконы передать въ церкви по распоряженію епархіальнаго начальства; рукописныя тетради поручить разсмотрѣть одному изъ членовъ Синода, а самихъ сектантовъ отправить:

---

[1]) Журналъ комитета отъ 10 мая 1837 г. Арх. Синода д. № 23759.

1) Статскую совѣтницу Екатерину Татаринову и ея воспитанницу Анну Васильеву, давъ имъ приличный экипажъ—въ Кашинскій женскій монастырь тверской епархіи.

2) Уволеннаго отъ службы 11-го мая тайнаго совѣтника Василія Попова—въ Казанскій Зилантовъ монастырь.

3) Статскаго совѣтника Мартына Урбановича-Пилецкаго — въ Суздальскій Спасоефимьевъ монастырь, владимірской епархіи.

4) Титулярнаго совѣтника Никиту Ѳедорова — въ Юрьевскій монастырь, новгородской епархіи, подъ надзоръ извѣстнаго Фотія и съ тѣмъ, чтобы не выпускать его изъ монастыря безъ особаго высочайшаго разрѣшенія.

5) Жену его съ малолѣтнею дочерью—въ Новгородскій Святодуховъ женскій монастырь.

6) Уволеннаго отъ службы въ человѣколюбивомъ обществѣ штабсъ-капитана Буксгевдена—въ Бѣлозерскъ подъ надзоръ полиціи.

7) Отставнаго поручика кн. Енгалычева, какъ ни въ чемъ не изобличеннаго кромѣ посѣщеній Татариновой, оставить въ Петербургѣ подъ надзоромъ полиціи.

8) Противъ коллежскаго ассесора Родіонова государь собственноручно написалъ: «служитъ отлично хорошо, оставить здѣсь, уволивъ изъ канцеляріи жены Моей, съ переводомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и оставить подъ надзоромъ полиціи».

9) Супругу генералъ-лейтенанта Головина Елисавету Павловну съ двумя дочерьми отправить къ мужу, находившемуся тогда въ Варшавѣ предсѣдательствующимъ въ правительственной коммиссіи духовныхъ и внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія царства Польскаго; сына возвратить въ Инженерное училище. При этомъ противъ Е. П. Головиной императоръ собственноручно написалъ: «Ежели нужна помощь денежная, то о семъ предоставить узнать графу Протасову, которому и снабдить ее всѣмъ нужнымъ на дорогу» [1]. Преосвященному Антонію, епископу варшавскому, поручено было, пользуясь каждымъ благопріятнымъ случаемъ, дѣлать духовное назиданіе всему семейству Головина.

10) Дочерямъ В. М. Попова высочайше повелѣно производить

[1]) Ей пожаловано было на путевыя издержки 5000 р.

каждой по тысячѣ рублей въ годъ до замужества. Младшая помѣщена на воспитаніе въ Общество благородныхъ дѣвицъ пансіонеркою Его Величества, а двѣ остальныя переданы на особое попеченіе главной надзирательницы С.-Петербургскаго воспитательнаго дома [1]). Получаемая отцомъ ихъ аренда въ 2.000 р., за исключеніемъ 1.500 руб., назначенныхъ на ежегодное содержаніе самого В. М. Попова въ монастырѣ, обращена на составленіе капитала дочерямъ [2]).

Въ 12 часовъ 13-го мая управлявшій дѣлами учрежденій императрицы Маріи, Григорій Вилламовъ самъ пріѣхалъ на дачу Ѳедорова и взялъ дѣтей В. М. Попова. «Замѣчательно было,—говоритъ современникъ [3]),—прощаніе В. М. Попова съ дочерьми. Каждую благословлялъ онъ образомъ, не показывая ни малѣйшаго чувства и произносилъ самымъ холоднымъ голосомъ: «Ну, я тебя благословляю, буду о тебѣ молиться, помни отца своего». Старшая и меньшая дочери съ такимъ же равнодушіемъ выслушивали его слова и прощались съ нимъ. Но когда обратился онъ къ средней дочери, Любови,—та показала всѣ знаки чрезвычайной растроганности; плакала на взрыдъ, бросилась на грудь отца, цѣловала его руки, упала къ ногамъ и также цѣловала ихъ. Словомъ, она прощалась съ нимъ, какъ только можетъ прощаться дочь съ самымъ любимымъ своимъ отцомъ. В. М. Поповъ стоялъ въ величайшемъ изумленіи: замѣтно было, что въ немъ раскрылось чувство и раскаяніе. Онъ, кажется, жалѣлъ, что не зналъ прежде такой дочери».

О своихъ отношеніяхъ къ дочерямъ и вообще къ семейству Поповъ такъ разсказывалъ зилантовскому архимандриту Гавріилу:— «Я самъ, до 20 лѣтъ воспитанный въ страхѣ Божіемъ и въ страхѣ къ матери,—требовалъ того же и отъ дѣтей моихъ. Трехлѣтняя борьба съ самимъ собою и изнеможеніе отъ усилій побѣдить страсти рѣшили меня вступить въ бракъ, и я избралъ бѣдную дѣвицу въ супружество, надѣясь найти бо̀льшее облегченіе въ прохожденіи обязанностей, а вышло не совсѣмъ по желанію. Сестры жены моей упре-

---

[1]) Письмо Григорія Вилламова гр. Протасову 12 марта 1837 г. Отношеніе гр. Протасова министру финансовъ 12 мая 1837 г. № 882.

[2]) Отношеніе министра внут. дѣлъ гр. Протасову 18 мая 1837 г. № 303.

[3]) Михаилъ Максим. Поповъ, служившій тогда въ III отдѣленіи собственной его величества канцеляріи.

кали ее, что она противъ состоянія мало принимаетъ гостей, мало посѣщаетъ театры и живетъ не по состоянію. Самъ я рѣдко раздѣлялъ съ супругою такія забавы, хотя и употреблялъ всѣ доходы на семейство, такъ что иногда и у меня недоставало платья. Супруга при гостяхъ, на балахъ и въ театрахъ скучала безъ меня, а гости часто видя, что я занимаюсь въ кабинетѣ, въ меньшемъ количествѣ и рѣже ее посѣщали. Тревожимая сестрами, супруга приходила по временамъ со мною браниться и часто уходила, прося со слезами прощенія въ томъ, что она требуетъ отъ меня не основательно, и, признаваясь, что ее разстроили сестры, которыя постоянно обирали простодушную. Однакожь отъ неисполненія такихъ требованій родныхъ я сдѣлался страннымъ въ глазахъ супруги и дѣтей, хотя супруга при кончинѣ во всемъ раскаялась. Не менѣе того дѣти также начали пересмѣхать мои слова и поступки, а средняя дочь въ семъ разстраивала старшую и младшую. Средняя, при моихъ словахъ, даже стала становиться ко мнѣ спиною, и я не щадилъ отеческаго жезла. Но отцу трудно разсказывать о супругѣ и о дѣтяхъ касательно ихъ поступковъ. Да будутъ благословенны дѣти мои, да будетъ съ ними Ангелъ-хранитель, да будетъ благословенъ монархъ, заступившій мѣсто ихъ родителя».

Вообще В. М. Поповъ былъ человѣкъ въ высшей степени странный. Прежде директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія, потомъ членъ совѣта главноначальствующаго надъ почтовымъ вѣдомствомъ, человѣкъ очень близкій къ князю А. Н. Голицыну, онъ былъ склоненъ къ фанатизму, поклонялся всѣмъ ханжамъ-сектантамъ и отъ души вѣрилъ въ ихъ святость. Онъ легко поддавался обману, тратилъ на разныхъ святошей почти всѣ свои деньги и заставлялъ свое семейство терпѣть нужду во многомъ. Когда одинъ изъ такихъ почитаемыхъ имъ святыхъ сталъ соблазнять его жену и та пожаловалась мужу, то В. М. Поповъ назвалъ ее клеветницею такого святаго человѣка. Словомъ, В. М. Поповъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ неглупый человѣкъ, былъ совершенно непонятенъ въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ.

Теперь, «убитый горестію старикъ и отецъ семейства», онъ просилъ графа Протасова исходатайствовать прощеніе у императора, дозволить ему жить съ дѣтьми не въ монастырѣ, а въ городѣ,

и ходить съ ними для моленія въ церковь. «Привыкнувъ,—писалъ Поповъ [1]),—во всю жизнь свою быть въ числѣ вѣрно и усердно служащихъ государю своему, покорнымъ начальству, ревностнымъ исполнителемъ всякой обязанности, и по гражданской жизни и по духовнымъ правиламъ,—меня терзаетъ та мысль, что теперь принимаемъ за ослушника и непокорнаго мечтателя. Всеконечно, поступалъ я, въ отношеніи духовнаго хода по внутреннему въ сердцѣ убѣжденію, что оное ведетъ ко спасенію души, не нарушая ничѣмъ правилъ церкви, кои всегда я чтилъ и уважалъ достодолжно. Но, когда теперь вижу, что сей ходъ возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности вѣры моей и противенъ волѣ государя императора, то я готовъ остаться при единой нашей церкви, къ которой имѣлъ всегда приверженность, которую и по нынѣ предпочитаю всѣмъ прочимъ христіанскимъ церквамъ, по увѣренности въ томъ.

«Со слезами умоляю всемилостивѣйшаго государя преклониться на прощеніе и помилованіе меня и поставить меня въ возможность доживать остатокъ жизни моей въ спокойномъ состояніи, въ коемъ вѣрно отнынѣ никогда не подамъ повода къ подозрѣнію себя и буду благословлять имя помиловавшаго меня монарха и возсылать моленіе о благоденствіи его».

Помилованія не послѣдовало, и, со дня прибытія въ монастырь, В. М. Поповъ отличался примѣрною кротостію, послушаніемъ и преданностію къ религіи. Онъ не пропускалъ ни одной церковной службы, являлся истиннымъ христіаниномъ и съ восхищеніемъ слушалъ чтеніе св. писанія.

— Много духовныхъ статей разныхъ авторовъ переводилъ я самъ,—говорилъ онъ архимандриту Гавріилу,—изъ коихъ нѣкоторыя читалъ покойный императоръ Александръ Павловичъ, но онѣ не напечатаны. Статьи эти, какъ переводъ и упражненіе, служили для моей образованности, а не суть предметы моей вѣры. Я, Татаринова, Головина и еще человѣка съ три собирались вмѣстѣ молиться. Я читалъ имъ переводы (съ славянскаго) изъ Святителя Дмитрія или что-нибудь; они также читали свое, и мы, тѣмъ утѣшаясь, вмѣстѣ молились. Я говѣлъ каждый годъ, а иногда и не

[1]) Въ письмѣ гр. Протасову 12 мая 1837 г. Арх. Синода, д. № 24759.

одинъ разъ. Прежде исповѣдывался у почтамтскаго протоіерея, а послѣдній годъ у чесменскаго священника въ семи верстахъ отъ Петербурга. Пусть говорятъ, что я чуждаюсь церкви—она мать моя, и я всегда старался быть ея сыномъ.

Вскорѣ послѣ водворенія въ монастырѣ В. М. Поповъ такъ велъ себя, что 19 іюня того же года былъ допущенъ къ исповѣди и причащенію св. таинъ. Спустя мѣсяцъ, по словамъ архимандрита Гавріила, «по милости Божіей онъ внезапно сталъ слышать, между тѣмъ какъ прежде былъ не мало глуховатъ съ давняго времени» [1]). Старость и постигшее несчастіе надломили здоровье В. М. Попова; онъ сталъ хворать, постепенно слабѣлъ и, 23 апрѣля 1842 года, въ 9 часовъ вечера, тихо скончался.

Никита Өедоровъ и его жена тотчасъ же раскаялись въ преступленіи и признали свою привязанность къ Татариновой безразсудной. 4-го февраля 1838 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе освободить ихъ изъ монастырей съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы. Поселившись въ Новгородѣ, Өедоровъ въ ноябрѣ 1838 года писалъ графу Протасову, что хотя ему и возвращенъ домъ, принадлежащій женѣ, но не возвращены взятые у него въ Невскую лавру образа, которые стоили ему до 6.000 руб. Секретный раскольничій комитетъ, которому передана была просьба Өедорова, нашелъ, что образа взяты изъ дома Өедорова потому, что у него было собраніе секты, признанной вредною, и образа, написанные «соотвѣтственно съ понятіями секты, служили къ укрѣпленію въ оной и къ поддержанію выдуманныхъ обрядовъ». Не считая возможнымъ возвратить образа и входя въ бѣдное положеніе Өедорова, комитетъ представилъ на усмотрѣніе государя, который и пожаловалъ ему три тысячи рублей [2]).

Спустя три года послѣ высылки изъ Петербурга и именно 22-го марта 1840 года брату Татариновой, Петру Буксгевдену, разрѣшено было избрать себѣ мѣсто жительства, гдѣ пожелаетъ. Онъ избралъ городъ Кашинъ, чтобы быть ближе къ сестрѣ. Болѣе другихъ постра-

---

[1]) Письмо казанск. архіепископа Владиміра графу Протасову 30 августа 1837 г. № 70.

[2]) Журналъ комитета 18 ноября 1838 года.

далъ М. С. Пилецкій, который былъ помѣщенъ въ особой комнатѣ арестантскаго отдѣленія Суздальскаго монастыря.

«Я содержусь здѣсь,—писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи [1]),—въ арестантскомъ отдѣленіи подъ строгимъ надзоромъ, за вооруженною стражею, на арестантской пищѣ, не имѣя свободы посѣщать кого желаю изъ знакомыхъ, которою всѣ они (арестанты) пользуются. Здѣшнее духовенство не могло не найти меня совершено правовѣрнымъ, ибо я люблю и всегда любилъ православную церковь. Я удостоенъ здѣсь причастія св. тайнъ».

Пилецкій просилъ, чтобы письма его, адресуемыя на имя гр. Протасова и отъ него къ нему, не распечатывались монастырскимъ начальствомъ; чтобы онъ могъ получать свѣдѣнія о здоровьѣ Татариновой; чтобы ему разрѣшено было читать «Московскія Вѣдомости»; чтобы ему предоставлена была хотя нѣкоторая свобода и, наконецъ, чтобы его избавили отъ арестантской пищи пожалованіемъ нѣкоторой суммы на содержаніе.

«Испрашиваемыя мною облегченія,—писалъ онъ графу Протасову,—не распространятъ предѣловъ моего заключенія—все я останусь подъ всегдашнимъ бдительнымъ надзоромъ, въ арестантскомъ зданіи, окруженномъ превысокою двойною стѣною съ древними каменными башнями, въ которой только одни ворота, всегда запертыя и охраняемыя карауломъ вооруженныхъ солдатъ; къ каковымъ воротамъ приходятъ изъ постороннихъ людей, къ самой калиткѣ одни просители подаяній; окошки же мои загромождены желѣзною рѣшеткою». На содержаніе М. Пилецкаго высочайше пожалована пенсія по 666 руб. въ годъ [2]), но мѣсто заключенія его не измѣнилось. Въ арестантскомъ отдѣленіи Пилецкій прожилъ четыре года, и здоровье его совершенно разстроилось.—Въ маѣ 1841 года, онъ просилъ, на основаніи манифеста 16 апрѣля, въ день бракосочетанія наслѣдника цесаревича, освободить его отъ заключенія, дать возможность провести на свободѣ остатокъ преклонныхъ лѣтъ и возстановить здоровье, «подвергшееся тяжкимъ припадкамъ отъ

---

[1]) Отъ 6-го октября 1837 года.

[2]) Въ февралѣ 1838 года сверхъ пенсіи пожаловано по 2 руб. въ годъ на столъ.

заключенной жизни» [1]). Государь изъявлялъ на то свое согласіе, но тогда, когда Пилецкій дастъ подписку, что не будетъ распространять ученія Татариновой, съ тѣмъ, что если не исполнитъ слова, то подвергнется строжайшему заключенію навсегда. Пилецкій далъ подписку, что признаетъ «св. соборную и апостольскую церковь единственною вѣрною хранительницею истиннаго ученія Христа», обѣщалъ не распространять и не исполнять обрядовъ секты Татариновой, но для себя,—писалъ онъ,—«буду хранить въ сердцѣ моемъ ясное свидѣтельство, что пророческое слово г. Татариновой есть истинный даръ Св. Духа Утѣшителя [2])».

7-го марта 1842 года онъ былъ освобожденъ съ позволеніемъ жить въ одномъ изъ городовъ Костромской губерніи, подъ секретнымъ надзоромъ духовнаго и гражданскаго начальства. Болѣзненное состояніе лишило Пилецкаго возможности тотчасъ же воспользоваться дарованною свободою, и онъ просилъ монастырское начальство остаться на нѣкоторое время въ монастырѣ. «Я теперь не схожу съ постели,—писалъ онъ графу Протасову [3]),—не могу ходить и ожидаю помощи единственно отъ Господа». Оправившись нѣсколько, М. С. Пилецкій поселился въ г. Костромѣ. Ему далъ квартиру даромъ во флигелѣ своего дома предсѣдатель Костромской гражданской палаты, Протасьевъ, родственникъ А. П. Дубовицкаго, человѣкъ, за свою честность и добродушіе отлично здѣсь уважаемый» [4]). Проживъ въ Костромѣ три года, М. С. Пилецкій просилъ разрѣшить ему жить въ столицахъ и, получивъ такое разрѣшеніе, въ іюнѣ 1846 года переѣхалъ на жительство въ Петербургъ къ своей сестрѣ, генеральшѣ Глуховой [5]).

Спустя два года получила свободу и Е. Ф. Татаринова.

Привезенная въ Кашинскій монастырь 21 мая 1837 года, она помѣщена была въ настоятельскихъ кельяхъ. Монастырь былъ не изъ богатыхъ; казенныхъ келій не имѣлось, и монахини жили въ

---

[1]) Всеподдан. прошеніе Пилецкаго 24 мая 1841 г. № 137 Арх. Синод., д. № 23759.

[2]) Подписка, данная 19 февраля 1842 г.

[3]) Въ письмѣ отъ 7-го апрѣля 1842 г.

[4]) Письмо Виталія, епископа костромскаго, гр. Протасову 22 октяб. 1843 г.

[5]) Письмо Пилецкаго гр. Протасову « » января 1845 г.

собственныхъ, по нѣскольку вмѣстѣ. Нанять келью было не у кого, и средства Татариновой того не дозволяли. Лишенная пенсіи, она просила графа Протасова исходатайствовать ей какую-либо помощь, ибо не имѣла никакихъ средствъ для существованія [1]). Положеніе ея было дѣйствительно крайне затруднительно, если бы на помощь къ ней не пришелъ князь Енгалычевъ, который, подъ предлогомъ продажи мебели и вещей, оставшихся послѣ ареста въ домѣ за Московскою заставой, почти въ теченіе всего заключенія Татариновой высылалъ ей сначала по тысячѣ, а потомъ по 300 и по 250 рублей въ годъ. Деньги эти были единственными матеріальными обезпеченіями какъ самой Татариновой, такъ и ея воспитанницы Анны Васильевой.

Жизнь въ монастырѣ Екатерина Филипповна вела самую строгую, исполняла всѣ церковные и монастырскіе обряды, и занималась чтеніемъ св. книгъ. Пищу употребляла монастырскую, никуда не выходила изъ монастыря и ни съ кѣмъ не переписывалась [2]). Но, въ бесѣдахъ съ игуменьею Назаретою, не соглашалась признать себя сектанткою и отстаивала правильность своего ученія.

Такъ прошелъ годъ. Тяжесть монастырской жизни заставила, однакоже, Татаринову дать, въ октябрѣ 1838 года, подписку, въ которой она сознавала вину свою передъ государемъ и правительствомъ, воспретившимъ всякаго рода секты. «Нынѣ убѣдилась вполнѣ,—писала она [3]),—что православная греко-россійская наша церковь весьма достаточно утѣшаетъ и назидаетъ душу человѣка, въ какомъ бы состояніи онъ ни находился. Благодарю Господа Бога моего, что благодатію Его получила чистыя понятія о святой церкви, въ которую я перешла съ тѣмъ, чтобы угодить Ему. А посему обязуюсь послѣдніе дни мои провождать во всемъ сообразно съ правилами святыя церкви нашея и съ сокрушеннымъ сердцемъ молить Создателя моего о прощеніи грѣховъ моихъ, также и въ общества неблагословенныя церковью и противныя монаршей волѣ никогда не вступать».

Препровождая эту подписку гр. Протасову, архіепископъ твер-

---

[1]) Письмо Татариновой гр. Протасову 10 сентября 1837 г.
[2]) Письмо Григорія, архіеп. тверскаго, гр. Протасову 8 октября 1837 г.
[3]) Обязательство, данное Татариновой 30 октября 1838 г.

ской Григорій находилъ возможнымъ если не освободить Татаринову изъ монастыря, то по крайней мѣрѣ разрѣшить ей имѣть переписку съ родными и знакомыми, переписку полезную для вразумленія тѣхъ, на которыхъ она прежде имѣла столь сильное вліяніе [1]).

Синодъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить ни того, ни другаго, и тогда въ мартѣ 1840 г. Татаринова сама обратилась съ просьбою къ гр. Протасову о помилованіи и разрѣшеніи возвратиться въ Петербургъ, гдѣ можно было бы поправить разстроенное здоровье ея воспитанницы Васильевой [2]). Къ этой просьбѣ присоединилась и другая—генерала Головина, который считалъ долгомъ сердца быть ходатаемъ «за особу, къ которой въ продолженіе 17 лѣтъ питалъ я уваженіе,—говоритъ онъ,—и нынѣ не могу отказаться отъ участія и состраданія къ ея положенію [3]).

Императоръ Николай приказалъ возвратить Головину письмо и замѣтить, что «онъ напрасно вмѣшивается въ дѣла, до него вовсе не касающіяся», а относительно Татариновой оберъ-прокуроръ Синода писалъ архіепископу Григорію [4]), что изъ подписки ея видно только, что она не обнаруживаетъ болѣе своего прежняго сектаторства, но изъ этого нельзя быть увѣреннымъ, что она отвергаетъ то самое ученіе, которое проповѣдывала, какъ высшее и совершеннѣйшее ученіе христіанское; видно только, что она сознаетъ себя виновною болѣе въ политическомъ, чѣмъ въ религіозномъ отношеніи.—«Вслѣдствіе сего,—говорилъ графъ Протасовъ,—и по тому уваженію, что она была главою мнимо-пророческаго собранія, нельзя никакъ ограничиться общими и отчасти даже обоюдными (двусмысленными) выраженіями, какія употреблены ею въ упомянутомъ письменномъ ея обязательствѣ.—Но, для полнаго удостовѣренія въ искренности ея обращенія къ православію, необходимо нужно, чтобы она письменно же, въ ясныхъ и несомнительныхъ выраженіяхъ, изъяснила, что отрекается отъ всѣхъ заблужденій, составлявшихъ ея секту, а именно: будто въ церкви Христовой могутъ и должны существовать подобныя потаенныя общества; будто

---

[1]) Письмо архіеп. Григорія гр. Протасову 31 декабря 1838 г. № 5938.
[2]) Письмо Татариновой гр. Протасову 18 марта 1840 г.
[3]) Письмо Е. А. Головина гр. Протасову 6 апрѣля 1840 г.
[4]) Въ письмѣ отъ 13 іюня 1840 г. № 3370. Арх. Синода, дѣло № 23759.

церковь осталась при одной священно-обрядности и затѣмъ, безъ таковыхъ пророческихъ собраній, не можетъ уже представлять средствъ къ дарованію вѣрнымъ благодати Духа Святаго; будто для спасенія необходимо нужно слышать пророчества отъ людей вдохновенныхъ, а даръ пророческій и восторгъ духовный возбуждать въ себѣ такъ называемымъ радѣніемъ или круженіемъ тѣла; будто, именно въ собраніяхъ секты ея, Татариновой, происходили явленія Св. Духа во плоти и слышалось такъ называемое слово жизни и будто оно важнѣе св. таинствъ, установленныхъ самимъ Спасителемъ и совершаемыхъ церковью, для благодатнаго обновленія вѣрныхъ.— Однимъ словомъ, желательно, чтобы она свободно убѣдилась въ гордости мечты своей и своихъ послѣдователей, увлекшихъ ихъ мнимыми духовными восторгами и тѣмъ удалившей отъ истинной благодати Св. Духа, которая даруется смиреннымъ, чуждымъ всякаго о себѣ мечтанія подвижникамъ креста, и чтобы, затѣмъ, могла добровольно и непринужденно объявить, что она осуждаетъ свою секту, какъ противную истинному ученію Христову, хранимому въ святой православной церкви».

Татаринова отказалась признать свою секту заблужденіемъ потому, что ученіе ея привело къ покаянію и послужило къ утвержденію въ вѣрѣ во Іисуса Христа. Она говорила, что въ первобытной церкви всегда были особыя общества, но не допущены святыми отцами гласно по той причинѣ, что не всѣ «могутъ сего вмѣстить», и это послужило бы соблазномъ для многихъ. Татаринова увѣряла, что и помыслить не можетъ, чтобы православная наша церковь оставалась при одной только священной обрядности; что, при переходѣ ея изъ лютеранства въ православіе, она при мѵропомазаніи ощущала необыкновенную силу Божію, такъ же, какъ и при причащеніи тѣла и крови Іисуса Христа. Признавая, что православная церковь, и безъ ихъ пророческихъ собраній, доставляетъ средство къ дарованію вѣрнымъ Духа Святаго, она тѣмъ не менѣе не отрицала пользы и возможности пророческаго слова.—Даръ пророческій,— говорила она,—возбуждался не круженіемъ тѣла, а вѣрою во Евангеліе и въ пророческое слово, когда они читались или слушались съ любовію къ Спасителю.—Радѣніе же и круженіе тѣла, по словамъ Татариновой, служило имъ къ умерщвленію строптивой при-

роды, которая противится благодатному дѣйствію на внутренняго человѣка.—Она утверждала, что въ ихъ собраніяхъ дѣйствительно происходило явленіе Св. Духа во плоти, т. е. черезъ человѣка слышалось слово жизни тому, кто съ чистымъ сердцемъ желалъ оное слышать.—Слово это обновляло человѣка точно такъ же, какъ и святыя таинства церкви, установленныя самимъ Спасителемъ.

Такой отвѣтъ убѣдилъ тверскаго архіепископа Григорія, что Татаринову далеко нельзя признать раскаявшеюся, и, написавъ самъ пространное возраженіе на всѣ ея доводы, Григорій поручилъ монастырскому священнику вразумлять ее и внушить ей, что въ первобытной христіанской церкви не было никакихъ особенныхъ и тайныхъ обществъ, а если и были, то всѣ еретическія, какъ это видно изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ, глава X ст. 20 и 22 и глава XIV ст. 25 и 35.—Ни древніе пророки, ни апостолы, ни самъ Іисусъ Христосъ никогда и ни по какому случаю не предписывали и не совѣтовали тѣлеснаго круженія или радѣнія, а предписывали самоотверженіе, бдѣніе, постъ и молитву.—Никому не должно,—говорилъ Григорій,—прокладывать своей новой дороги ко спасенію. Господь не далъ намъ такой свободы, а требовалъ, да послѣдуемъ Ему (Іоан. 12, 26); св. Апостолъ говорилъ: держите не то, кто что выдумалъ, но преданія имъ же научитеся или словомъ или посланіемъ нашимъ (2 Сол. 2, 17).

Если бы нововводитель не послушался такого вразумленія, то первобытная церковь поступила бы съ нимъ по словамъ Апостола: повелѣваемъ вамъ отъ имени Господа нашего Іисуса Христа отлучатися отъ всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданію (2 Солун. 3, 6).

Преосвященный Григорій поручалъ внушить Татариновой, что тѣлесное круженіе есть прелесть того, кто съ самаго начала міра всячески старается отвлекать насъ отъ истины и для удобнѣйшаго обольщенія преобразуется въ ангела свѣтла, т. е. діавола (2 Коринѳ. 11, 14; Матѳ. 4, 6, 24). Если бы тѣлесное круженіе могло содѣйствовать благодатному дѣйствію на внутренняго человѣка, то Іисусъ Христосъ, обладающій всѣми сокровищами премудрости и разума, безъ сомнѣнія, указалъ бы на него. Тѣлесное круженіе есть способъ болѣе легкій для побѣжденія природы, противящейся благодатному

дѣйствію на внутренняго человѣка, чѣмъ указанные Спасителемъ самоотверженіе, бдѣніе и постъ. «Всѣ люди, — писалъ Григорій, — взялись бы за него (круженіе) несравненно охотнѣе, чѣмъ за указанные способы и спасали бы свою душу играючи»[1]).

Въ заключеніе своего наставленія Григорій просилъ напомнить Татариновой слова Апостола: женѣ учити не повелѣваю (Тим. 2, 12), жены въ церквахъ да молчатъ (Коринѳ. 14, 34), срамно есть женѣ въ церкви глаголати (Коринѳ. 14, 35).

Внушенія эти не убѣдили Татаринову, и она отвѣчала, что оскорбитъ Духъ Святый, если плоды, какіе она получала отъ своего религіознаго занятія, сочтетъ заблужденіемъ. Она обѣщала только никогда не заводить такого общества, въ какомъ прежде была руководительницею[2]).

По мнѣнію преосвященнаго, Татаринова не скоро придетъ въ сознаніе своего заблужденія потому, что, признавшись въ немъ, она вѣроятно не будетъ имѣть той посторонней помощи для своего содержанія, которое получаетъ теперь.

То или другое, но Татаринова упорствовала въ признаніи себя виновною и съ покорностью исполняла всѣ требованія монастырскаго устава. Такъ прошелъ годъ, когда братъ мужа и весьма близкій ей человѣкъ М. М. Татариновъ[3]) обратился съ просьбою на высочайшее имя помиловать ее и освободить изъ монастырскаго заключенія. Шестилѣтнее заключеніе истощило силы Екатерины Филипповны, шестидесятилѣтній возрастъ и всегдашнее болѣзненное состояніе требовали успокоенія гораздо большаго, чѣмъ то, какое могло доставить монастырское начальство, при всемъ его христіанскомъ состраданіи и снисхожденіи, и въ мартѣ 1843 года Екатерина Филипповна рѣшилась сама обратиться къ милосердію государя.

«Повергаясь къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, — писала она[4]), — всеподданнѣйше прошу въ память заслугъ предковъ

---

[1]) Письмо Григорія графу Протасову 7 ноября 1840 года.

[2]) То же отъ 29 декабря 1841 года.

[3]) Статскій совѣтникъ Мих. Мих. Татариновъ былъ тогда предсѣдателемъ 2-го департамента С.-Петербургской гражданской палаты.

[4]) Въ прошеніи 28 марта 1843 г. Арх. оберъ-прокурора Синода, д. № 54.

и родителей моихъ и изъ состраданія къ претерпѣннымъ мною несчастіямъ, помиловать и освободить меня изъ монастырскаго заключенія.

«Обращаясь къ моимъ мнѣніямъ, могу упомянуть, что я никогда не только не старалась распространять, но скрывала ихъ, какъ свою тайну, и въ продолженіе 20 лѣтъ они сдѣлались только случайно извѣстными не больше, какъ восьми особамъ моихъ близкихъ родныхъ и короткихъ знакомыхъ. Тѣмъ не менѣе, испытавъ позоръ изгнанія и неволи, могу ли хотѣть и искать знакомства теперь, когда покой независимый, въ чаяніи будущей жизни, является предѣломъ всѣхъ земныхъ желаній и необходимости.

«На краю гроба, я поручаю старость свою отеческому состраданію Вашего Величества и въ непрестанныхъ молитвахъ призываю Божіе благословеніе и покровъ небесный на главу царя, на царскій домъ и отечество».

Просьба ея и на этотъ разъ была оставлена безъ исполненія, что̀ и побудило М. М. Татаринова воспользоваться рожденіемъ великаго князя Николая Александровича и вновь просить о прощеніи Екатерины Филипповны.

«Что же касается до того,—писалъ онъ графу Протасову [1]),—что невѣстка моя не измѣняетъ мнѣній своихъ и не скрываетъ ихъ отъ правительства, то этимъ доказывается ея христіанская искренность и уваженіе къ верховной власти. Она могла бы притворно, противъ своего убѣжденія, назвать ихъ ложными, для того, чтобы воспользоваться свободою, но такой поступокъ послужилъ бы только обличителемъ лицемѣрія. Теперь же какъ жизнь ея, такъ и мнѣнія вполнѣ извѣстны правительству, и судьба ея зависитъ единственно отъ состраданія вашего сіятельства и милосердія государя императора».

Доводы эти признавались недостаточными для освобожденія Татариновой. Тогда, въ декабрѣ 1844, года она рѣшилась вновь сама обратиться съ просьбою къ императору. «Въ прискорбіи,—писала Татаринова [2]),—и совершенно разстроенномъ здоровьи,

---

[1]) Въ письмѣ отъ 30 сентября 1843 г.

[2]) Отъ 22 декабря 1844 г.

*

осмѣливаюсь я прибѣгнуть къ вамъ, августѣйшій монархъ, и просить единаго и величайшаго мнѣ милосердія помиловать и освободить меня изъ заключенія монастырскаго, гдѣ я нахожусь съ 1837 года по высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества.

«Чувствуя всю тяжесть наказанія сего, будучи обременена старостію и болѣзнью, я не имѣю иной надежды, какъ на всемогущаго Бога, управляющаго сердцемъ монарха моего, и посему отваживаюсь я въ печали моей повергнуться къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, умоляя, ради Спасителя и Бога нашего, помиловать меня, даровать мнѣ свободу и позволеніе поселиться въ С.-Петербургѣ, гдѣ я могу свободно проживать остальные дни жизни моей».

Государь приказалъ объявить Татариновой, что освобожденіе ея можетъ послѣдовать только въ томъ случаѣ, «если она отвергнетъ прежнія свои заблужденія, на коихъ основана была секта ея» [1]. Для облегченія ея участи было ей разрѣшено видѣться съ братомъ Петромъ Филипповичемъ Буксгевденомъ, давно жившимъ въ Кашинѣ и просившимъ объ этомъ. Благодаря за такое разрѣшеніе, Екатерина Филипповна вновь просила о помилованіи.

«Будучи удручена болѣзнью четыре года,—писала она [2], —я не въ силахъ болѣе выносить заключенія. Никакія медицинскія пособія не могутъ возстановить моего вовсе разрушеннаго здоровья, ибо печаль сердечная и позоръ неволи всегда угнетаютъ меня. Сверхъ того, болѣзнь моя такого рода, что требуетъ особеннаго покоя и попеченія, которыхъ въ монастырскомъ заключеніи имѣть невозможно».

И дѣйствительно, по свидѣтельству игуменьи Назареты, хотя Татаринова и имѣла помѣщеніе въ настоятельскихъ кельяхъ, но занимала всего одну комнату, среди прочихъ келій, длиною въ 8 и шириною въ 5 аршинъ. Комната эта хотя и была непроходная, но не совсѣмъ покойная потому, что для двухъ лицъ, Татариновой и ея воспитанницы, была тѣсна, въ особенности при болѣзненномъ состояніи первой [3].

---

[1]) Записка гр. Протасова 14 марта 1845 г.
[2]) Въ письмѣ гр. Протасову 16 января 1847 г.
[3]) Письмо архіепископа Григорія гр. Протасову 4 января 1847 г.

При такихъ условіяхъ, бывшій шефъ жандармовъ графъ, а впослѣдствіи князь Орловъ выражалъ готовность ходатайствовать о дозволеніи Татариновой жить въ г. Кашинѣ, если она дастъ безусловное письменное обязательство оказывать неизмѣнное повиновеніе православной церкви, не входить ни въ какія неблагословенныя оною общества, не распространять ни явно, ни тайно прежнихъ своихъ мнѣній и не исполнять никакихъ особенныхъ обрядовъ, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія по законамъ [1]).

Екатерина Филипповна дала такую подписку, но съ оговоркою, что не можетъ признать заблужденіемъ свои прежнія религіозныя мнѣнія, которыя, впрочемъ, распространять не будетъ [2]).

Такая подписка была дана Татариновою 19 апрѣля 1847 года, а 11 іюня того же года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе поселиться ей въ г. Кашинѣ, внѣ монастыря, съ учрежденіемъ однакоже надъ нею секретнаго полицейскаго надзора [3]). 15-го іюля Екатерина Филипповна выѣхала изъ монастыря и заняла квартиру въ домѣ учителя Николая Ивановича Освальда [4]). Ровно черезъ годъ, и именно 14 іюля 1848 года, ей было разрѣшено жить въ Москвѣ, безъ права пріѣзда въ Петербургъ. Поселившись вмѣстѣ съ братомъ П. Буксгевденомъ въ Пречистенской части въ д. Кумовой, Екатерина Филипповна прожила въ первопрестольной столицѣ восемь лѣтъ и 13 іюля 1856 года скончалась.

Какъ Татаринова, такъ Дубовицкій и ихъ послѣдователи подвергались при жизни преслѣдованію, посмѣянію и клеветѣ. «Клевета самая утонченная и ядовитая,—писалъ М. Пилецкій [5]),—всегда употреблялась, чтобы погубить людей Божіихъ и погасить въ нихъ дѣйствіе Св. Духа». Смиренный инокъ, священно-архимандритъ Фотій, добровольцы-защитники православія А. Стурдза, гр. Аракчеевъ, А. С. Шишковъ, Цызырева и другіе бросали въ Татаринову и ея послѣдователей кто комокъ грязи, кто ѣдкую насмѣшку. Правы ли

[1]) Письмо гр. Орлова гр. Протасову 27 февраля 1847 г., № 302.
[2]) Подписка Татариновой 19 апрѣля 1847 г.
[3]) Отношеніе гр. Орлова гр. Протасову 21 іюля 1847 г.
[4]) Письмо архіепископа Григорія гр. Протасову 23 іюля 1847 г.
[5]) Графу Протасову 20 августа 1838 г.

они въ своихъ поступкахъ? Люди эти нравственнѣе ли были тѣхъ, на кого клеветали; чище ли и теплѣе было ихъ сердце, человѣколюбивѣе ли были ихъ подвиги и поступки? Большая часть послѣдователей Татариновой были люди высокообразованные, много передумавшіе, много перечувствовавшіе. Всѣ они отличались подвигами человѣколюбія и чистотою воззрѣній. П. Свиньинъ въ описаніи своего путешествія по Сѣверной Америкѣ между прочимъ писалъ [1]:— «квакерская секта совершенно сходна съ нашею сектою Татарино-Никитовскою. При всемъ заблужденіи, наши квакеры честные и благодѣтельные люди». Они стремились къ Богу, въ его горнюю обитель, куда каждый изъ насъ долженъ стремиться, для полноты жизни настоящей и будущей. По ихъ убѣжденію, церковь, т. е. собраніе внутренно вѣрующихъ въ благодать Св. Духа, никогда не была и не будетъ противъ ихъ религіозныхъ стремленій, а противоборниками ихъ могутъ быть только люди съ ихъ будничными интересами.

— Господь сообщаетъ духъ свой черезъ пророческое слово,— говорилъ Пилецкій,—и люди, принявшіе сіе внутреннее сокровище, становятся только лучшими исполнителями своихъ обязанностей, какъ военныхъ, такъ и прочихъ, не теряя нисколько любви и уваженія къ церкви Божіей. Истребятся пьянство и развратъ между монашествующими, между священно-и церковно-служителями и прочими состояніями; усилится трудолюбіе, умножится богатство государства, исчезнутъ ереси и разновѣріе. Вещи останутся неподвижными, только личности будутъ дѣйствовать праведнѣе, совершеннѣе и согласнѣе съ правдою и премудростію.

Въ кружкѣ Татариновой,—писалъ Е. А. Головинъ,—«искали обузданія страстей и власти надъ собственными немощами, не входя въ сужденіе о дѣлахъ міра сего. Изъ числа знакомыхъ Татариновой многіе перешли уже въ вѣчность, и мы были свидѣтелями, можно сказать, блаженной кончины нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ Милорадовича и Григорія Попова. Вообще, никто изъ шедшихъ за предѣлы временной жизни при кончинѣ своей не только не раскаявался, что приведенъ былъ къ знакомству съ нею, но напротивъ радовался этому при вратахъ смерти.

[1]) «Русскій Архивъ» 1864 г., выпуски V и VI, стр. 623.

«Я не только не имѣю причины жалѣть о духовномъ союзѣ моемъ съ Татариновою, слишкомъ тринадцать лѣтъ продолжающемся, но долженъ свидѣтельствовать передъ Богомъ, что она была для меня благодѣтельнѣйшимъ орудіемъ Божескаго Промысла. Убѣжденіе мое въ этомъ отношеніи таково, что я остался бы непоколебимымъ даже и тогда, когда бы она сама стала утверждать, что держала меня въ заблужденіи, и тогда не переставалъ бы вѣрить, что она на мою долю получила вдохновеніе Божественной благодати.

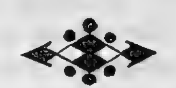
«Если знакомство мое съ Татариновою было съ одной стороны для меня не безъ скорби, потому что заставило жертвовать многими выгодами житейскаго быта, держало въ разлукѣ съ семействомъ, а паче налагало на меня печать какого-то сектаторства и тѣмъ самымъ не могло не навлечь на меня неблагорасположенія государя,—то, съ другой стороны, надѣлило меня силою нравственною, укрѣпило на борьбу съ чудовищемъ собственнаго самолюбія, пріучило не дорожить выше мѣры благами преходящими и съ спокойнымъ сердцемъ проходить мірское мое поприще».

Для Татариновой и ея послѣдователей было ясно то, что для другихъ было непонятно, вызывало недоразумѣніе, а иногда и насмѣшку.

— Объяснять духовныя дѣйствія тому,—отвѣчалъ на это Е. А. Головинъ,—кто ихъ не ощущалъ, вообще столь же трудно, сколько не возможно было бы объяснить свойство горькаго и сладкаго тому, кто никогда не вкушалъ ни того, ни другаго, ибо ни то, ни другое разумною способностью постигнуто быть не можетъ.

Какъ Е. Ф. Татаринова, съ своими послѣдователями, такъ и А. П. Дубовицкій не были преданы суду, а подверглись административнымъ взысканіямъ. Поэтому въ ихъ дѣятельности многое осталось невыясненнымъ и непонятнымъ для большинства. Сектанты заблуждались во многомъ, но нравственныя ихъ побужденія и стремленія къ Богу были чисты и искренни.

Н. Дубровинъ.

Смѣлый отвѣтъ русскаго офицера австрійскому главнокомандующему въ 1849 году.

Въ 1849 году при Виллагошѣ, какъ извѣстно, главнокомандующій венгерскою арміею Гергей сложилъ оружіе передъ русскими войсками, состоявшими подъ командою генерала Ридигера, который, въ уваженіе храбрости венгерской арміи, оставилъ ея офицерамъ оружіе. Слѣдовало увѣдомить объ этомъ событіи австрійскаго главнокомандующаго, но, такъ какъ при штабѣ Ридигера состояло немного офицеровъ, изъ которыхъ большая часть была командирована съ различными порученіями, то, для посылки курьеромъ къ Гейнау, выборъ Ридигера палъ на Кехли—родомъ курляндца, знающаго прекрасно французскій и нѣмецкій языки.

Прибывъ въ главную квартиру австрійской арміи, Кехли немедленно явился къ Гейнау, который, при немъ же, сталъ читать депешу.—По мѣрѣ чтенія депеши лицо его то краснѣло, то блѣднѣло, когда же онъ прочелъ, что венгерскимъ офицерамъ, въ уваженіе ихъ храбрости, оставлено оружіе, лицо его выразило сильнѣйшую злобу, ротъ его конвульсивно искривился, и австрійскій главнокомандующій, забывая, что передъ нимъ стоитъ русскій офицеръ, могущій знать нѣмецкій языкъ, громко и грубо произнесъ: «И этимъ сапожникамъ оставлено оружіе».—Понимая, что фраза Гейнау, какъ укоръ, относится и къ русскимъ, Кехли не замедлилъ отвѣтомъ, сказавъ: «Венгерскіе офицеры вовсе не сапожники, а благородные люди». Отвѣтъ этотъ вывелъ Гейнау окончательно изъ себя: онъ затрясся и надменно спросилъ Кехли: «Что вы разумѣете подъ именемъ благороднаго человѣка». Кехли вспыхнулъ и, желая положить предѣлъ неумѣстной заносчивости австрійскаго главнокомандующаго, смѣло бросилъ ему слѣдующій отвѣтъ: «Подъ именемъ благороднаго человѣка я разумѣю всякаго, кто носитъ оружіе и бьетъ своего врага, а такъ какъ венгерцы постоянно васъ били, то они вполнѣ благородны».

Ушатъ холодной воды, вылитый на голову горячечнаго человѣка, не произвелъ бы такого отрезвляющаго дѣйствія, какое произвелъ отвѣтъ Кехли на Гейнау, который опомнился, удержался отъ дальнѣйшаго

разговора и только сказалъ: «Подобная дерзость, нанесенная австрійскому главнокомандующему, должна быть строго наказана, и я буду просить генерала Ридигера примѣрно взыскать съ васъ за это». Черезъ короткое время отвѣтная дешеша Гейнау и письмо его къ Ридигеру были вручены Кехли, который, не медля, отправился обратно.

Прочитавъ депешу и письмо Гейнау, Ридигеръ потребовалъ къ себѣ Кехли и спросилъ его: «Скажи мнѣ откровенно, какія дерзости ты надѣлалъ Гейнау». Кехли передалъ Ридигеру весь свой разговоръ съ нимъ.

Выслушавъ все, Ридигеръ улыбнулся и сказалъ: «Скажи пожалуйста! какой молодой офицеръ и такъ прекрасно отвѣчалъ Гейнау; когда понадобится, я тебя пошлю опять курьеромъ къ этому Гейнау». Но надобности этой не представилось.

Сообщилъ **А. Варакомскій.**

Псаломъ Павла Сумарокова.

Ужели, Господи вселенной,
Доселѣ намъ покровъ и щитъ;
Свершилъ ты судъ ожесточенный,
И громъ твой въ гибель намъ гремитъ.

* * *

Воззри міровъ сквозь милліоны,
На нашу бѣдну часть земли,
Исчисли вздохи, слезы, стоны,
Моленью нашему внемли.

* * *

Спокойство наше удалилось
Настала горестей чреда,
И солнце радостей затмилось,
Отвсюду ужасъ, страхъ, бѣда.

* * *

Согбенны старцы, вкругъ жилища,
Свершаютъ тщетный, робкій путь.
Тамъ видятъ степи, пепелища
На грудахъ ищутъ—воздохнуть.

* * *

Отцы дѣтей своихъ лишенны
На небо въ скорби вопіютъ,
И дѣвы буйства устрашенны
Себя во нѣжны перси бьютъ.

* * *

Лѣса, пещеры воплевъ полны
Печальны эхи ихъ твердятъ,
Ревутъ изъ нашей крови волны,
И нивы ею днесь тучнятъ.

* * *

Твои, о Боже!—пышны храмы
Вертепомъ стали вранъ, звѣрей,
Потухли всѣ въ нихъ ѳиміамы,
И нѣтъ Твоихъ тамъ алтарей.

* * *

Твои, о Боже! суть мы чада,
Ты былъ отъ вѣка намъ Отецъ,
Въ Тебѣ гнѣвъ, милость и отрада,
Содѣлай бѣдствіямъ конецъ.

Сообщилъ **Ваксель.**

Новгородъ.
Августа 23-го дня
1812-го года.

Какъ понимать басню Крылова „Водолазы“.

Исполнившееся 9-го ноября 1894 года пятидесятилѣтіе со дня смерти Крылова подало поводъ къ появленію нѣсколькихъ новыхъ статей о его жизни и дѣятельности. Одна изъ нихъ, принадлежащая А. П. Нечаеву (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1895 г., № 7), спеціально посвящена вопросу «объ отношеніи Крылова къ наукѣ». Собственно говоря, предметъ статьи г. Нечаева — не новость; вопросъ, имъ разбираемый, поставленъ давно, главнымъ образомъ по поводу басни «Водолазы», и давно вызывалъ различныя сужденія. Но г. Нечаевъ предложилъ новое толкованіе названной басни — и оказался въ противорѣчіи съ господствующимъ мнѣніемъ. Попытка дать новое рѣшеніе старому вопросу не замедлила вызвать возраженіе: А. І. Лященко, въ отвѣтъ г. Нечаеву, напечаталъ брошюру: «Басня И. А. Крылова «Водолазы» (С.-Пб. 1895). Не знаемъ, убѣдитъ ли она того, противъ кого направлена, но возникшій такимъ образомъ споръ любопытенъ не по личнымъ счетамъ между противниками, а по самой своей сущности. Онъ не только любопытенъ, но и важенъ, потому что задача его — выяснить существенныя убѣжденія одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей русской литературы. Ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса и безпристрастное его рѣшеніе можетъ пролить свѣтъ на литературную личность Крылова, писателя, который, не смотря

на свою огромную популярность, и въ свое время казался, и донынѣ остается для многихъ «загадкой». Поэтому сказать еще нѣсколько словъ о баснѣ «Водолазы» не будетъ, кажется, излишнимъ.

Содержаніе «Водолазовъ» на столько общеизвѣстно, что нѣтъ надобности излагать его подробно. Напомнимъ только, что басня состоитъ изъ двухъ частей: въ первой повѣствуется о томъ, какъ по вопросу о пользѣ просвѣщенія нѣкоторый царь желалъ услышать голосъ общественнаго мнѣнія, и какъ представители его разошлись въ своихъ сужденіяхъ; во второй же части басни этотъ вопросъ разрѣшается нѣкоторымъ пустынникомъ, разсказывающимъ царю притчу о трехъ водолазахъ, искателяхъ жемчуга. Разсказъ свой пустынникъ заключаетъ слѣдующимъ нравоученіемъ:

Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,—
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

Полнѣе, чѣмъ въ этихъ стихахъ, мысль Крылова высказывается въ самой притчѣ, въ приключеніяхъ трехъ водолазовъ. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ лѣнивый:

Всегда по берегу скитался;
Онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ къ нему волной,
А съ лѣностью такой
Едва-едва питался.

Другой водолазъ былъ смышленый, усердный и осторожный: онъ,

Трудовъ ни мало не жалѣя
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать по дну—
И жилъ, всечасно богатѣя.

Наконецъ, третій водолазъ былъ человѣкъ безразсудный; томимый жадностью къ сокровищамъ, онъ думалъ такъ:

„Хотя близъ береговъ ласкаться счастьемъ можно,
„Но кажется, какихъ сокровищъ ждать не должно,
„Когда бы удалося мнѣ

„Достать морское дно на самой глубинѣ!
„Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ несчетныхъ:
„Кораллов, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
„Которы стоитъ лишь достать
„И взять".

Плѣненный своими мечтами, безумецъ пустился въ открытое море

И, выбравъ гдѣ чернѣе глубина,

кинулся въ самую пучину, но она поглотила его, и, не достигши дна, онъ поплатился жизнью за свою дерзость.

Вѣрное пониманіе мысли Крылова зависитъ прежде всего отъ правильнаго и отчетливаго толкованія иносказательныхъ образовъ, представленныхъ въ притчѣ пустынника. Такое требованіе естественно вытекаетъ изъ самой сущности басни, какъ извѣстнаго вида поэтическаго произведенія. Но наши критики и историки литературы большею частью пренебрегали этимъ объяснительнымъ пріемомъ и вмѣсто того спѣшили, такъ сказать, къ окончательному приговору, къ оцѣнкѣ басеннаго нравоученія. Отъ того въ ихъ разсужденіяхъ являются недомолвки, противорѣчія и одностороннія заключенія. Такъ, П. А. Плетневъ, въ извѣстной статьѣ о жизни и сочиненіяхъ Крылова (1845 г.), все свое сужденіе о «Водолазахъ» ограничиваетъ замѣчаніемъ, что они «рѣшатъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія» [1]). В. Д. Стоюнинъ, въ своей книгѣ «О преподаваніи русской литературы» (1864 г.), находитъ, что въ этой баснѣ высказывается «странный взглядъ на науку, въ которой баснописецъ видитъ какую-то погибельную глубину, забывая, что наука развиваетъ только истину, а она несетъ лишь свѣтъ и добро» [2]). В. Ѳ. Кеневичъ, въ своихъ прекрасныхъ историческихъ комментаріяхъ къ баснямъ Крылова (1868 г.) отчасти объяснившій съ этой стороны и «Водолазовъ», также не входитъ въ разсмотрѣніе представленныхъ въ этой баснѣ иносказаній и предлагаетъ лишь возраженіе Стоюнину: «Нельзя не согласиться съ почтеннымъ педагогомъ, что наука развиваетъ только истину, а она дѣйствительно приноситъ одно добро. Но намъ кажется, что здѣсь баснописецъ указываетъ на

---

[1]) Сочиненія Плетнева, т. II, стр. 79.
[2]) О преподаваніи русской литературы, стр. 384.

вредныя послѣдствія увлеченія не истинною, а ложною идеей: его водолазъ погибаетъ отъ того, что рѣшился на дѣло противное природѣ человѣка. Мы думаемъ, что Крыловъ здѣсь говоритъ о политическомъ и религіозномъ вольнодумствѣ, какъ «пагубномъ суемудріи и причинѣ народныхъ бѣдствій» [1]). Наконецъ, Н. А. Лавровскій, въ юбилейной рѣчи о Крыловѣ (1868 г.), даетъ о «Водолазахъ» такой отзывъ: «Въ «Водолазахъ» выраженъ замѣчательно вѣрный взглядъ, если только подъ водолазомъ, бросающимся въ черную морскую глубину, чтобы достать ко̀ралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ, разумѣть—какъ и разумѣлъ Крыловъ,— именно дерзкій умъ, пытающійся постичь непостижимое и потому гибнущій въ пучинѣ и увлекающій съ собою другихъ, а не смѣлый и возвышенный порывъ ума, готоваго принести себя въ жертву истинѣ на пользу общую» [2]). Такимъ образомъ, на протяженіи двадцати слишкомъ лѣтъ четыре писателя, имѣвшіе случай говорить о «Водолазахъ», не дали себѣ труда объяснить значеніе иносказанія въ этой баснѣ, или же касались этого предмета только случайно, мимоходомъ, безъ твердой увѣренности въ томъ, что даютъ ему правильное толкованіе.

Болѣе рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ А. Д. Галаховымъ и Я. К. Гротомъ. Первый посвятилъ Крылову обширный очеркъ во второмъ томѣ своей «Исторіи русской словесности», а второй напечаталъ разборъ этой книги, и оба при этомъ случаѣ коснулись «Водолазовъ» [3]). Галаховъ выводитъ свое объясненіе иносказанія въ притчѣ пустынника изъ сопоставленія несчастной судьбы третьяго водолаза съ нравоучительнымъ заключеніемъ басни. «Итакъ», замѣчаетъ Галаховъ, — «Крыловъ не противъ наукъ; онъ только требуетъ ученія умѣреннаго, серединнаго между невѣ-

---

[1]) Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. С.-Пб. 1868, стр. 118 и 119.

[2]) О Крыловѣ и его литературной дѣятельности—Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г., № 2, стр. 446.

[3]) Первый выпускъ II-го тома сочиненія Галахова вышелъ въ свѣтъ въ исходѣ 1867 г., а критическая статья о немъ Грота появилась въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г., № 2; изъ этой статьи замѣчанія о Крыловѣ перепечатаны въ Сборникѣ II-го отдѣленія Имп. Академіи наукъ, т. VI.

жествомъ, происходящимъ отъ лѣности, и глубокимъ пучиннымъ знаніемъ, происходящимъ отъ дерзости ума и ведущимъ, по словамъ пустынника, къ гибели. Съ какой стороны ни судить о притчѣ, она оказывается несостоятельною, построенною на такомъ сравненіи, которое, по французской поговоркѣ, ничего не доказываетъ» [1]).

Разсужденіе Галахова вызвало нѣкоторыя существенныя дополненія и поправки со стороны Грота. Онъ соглашается съ выводомъ Галахова, что «мораль «Водолазовъ» оказывается не вполнѣ состоятельною», но въ то же время замѣчаетъ: «Нравоученіе, вытекающее изъ басни «Водолазы» во вредъ глубины знаній, очевидно, не было цѣлью автора и произошло отъ неудачнаго примѣненія образа пучины къ злоупотребленію наукой. Вѣроятно, Крыловъ разумѣлъ не глубину, а гордость знанія, которая ведетъ къ безвѣрію и къ отрицанію всего, что́ налагаетъ на человѣка спасительныя узы: не даромъ онъ называетъ того, кто ищетъ морскаго дна на самой глубинѣ, безумцемъ и дерзкимъ; замѣтимъ, что его водолазъ выбралъ мѣсто, гдѣ была чернѣе глубина, то-есть, такую область, которая всего болѣе закрыта отъ знанія. Крыловъ былъ, конечно, не такъ простъ, чтобы думать, будто стремленіе къ глубокимъ знаніямъ есть дѣло дерзкаго ума и ведетъ къ погибели. Напротивъ, неутомимаго и ненасытнаго изслѣдователя истины онъ сравниваетъ съ тѣмъ водолазомъ, который

Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать по дну
И жилъ, всечасно богатѣя;

но этотъ водолазъ выбиралъ себѣ глубину по силѣ, то-есть, тѣ сферы мышленія, которыя доступны для человѣческаго разума, не превышаютъ его, словомъ—область вѣдѣнія науки. Подъ бездонною же пучиной Крыловъ разумѣетъ область высшихъ, не умомъ, а вѣрою и совѣстью постигаемыхъ законовъ. Скорѣе всего можно полагать, что къ водолазамъ послѣдняго рода онъ относилъ философовъ, отвергающихъ Откровеніе и рѣшающихъ мышленіемъ самые трудные вопросы метафизики» [2]).

Въ приведенныхъ соображеніяхъ много тонкаго вниманія къ

---

[1]) Исторія русской словесности. Изданіе 2-е. Т. II, стр. 319.
[2]) Сборникъ II-го отдѣленія Имп. Академіи наукъ, т. VI, стр. 279, 281 и 282.

оттѣнкамъ мысли Крылова, и въ этомъ отношеніи замѣчанія Грота имѣютъ большое преимущество предъ слишкомъ категорическими разсужденіями Галахова. Но въ сущности толкованія оба автора сходятся: какъ тотъ, такъ и другой полагаютъ, что море, морская пучина означаютъ въ притчѣ пустынника науку, а водолазы олицетворяютъ собою ученыхъ или, по крайней мѣрѣ, людей, погружающихся въ науку.

Благодаря общеизвѣстности сочиненія Галахова его объясненіе проникло у насъ въ общій обиходъ и безъ критической провѣрки, даже безъ вниманія къ оговоркамъ Грота, повторяется доселѣ въ нашей ученой и учебной литературѣ. Повторяютъ его и авторы новѣйшихъ юбилейныхъ статей о Крыловѣ; такъ, даже въ умной статьѣ г. Н. Аммона «Жизненная правда и теоретическіе взгляды въ басняхъ Крылова» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1895 г., № 8) въ основу разсужденія о «Водолазахъ» положено, очевидно, старое Галаховское толкованіе. Само собою разумѣется, что его же держится и оппонентъ г. Нечаева, г. Лященко. Въ его брошюрѣ (стр. 11 и 12) иносказаніе «Водолазовъ» объяснено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Водолазы — люди, такъ или иначе стремящіеся къ просвѣщенію, ихъ поиски въ морѣ — самое стремленіе къ знанію, жемчугъ—плоды этого стремленія, научныя знанія. Первый водолазъ довольствуется самыми слабыми знаніями, почти не давая (себѣ?) труда искать ихъ самостоятельно; второй, зная, на сколько доступно человѣку знаніе, стремится только къ этому доступному и достигаетъ наилучшихъ результатовъ; третій, не соразмѣрившій силъ человѣка съ стремленіемъ къ знанію, бросается въ пучину его; часто и другихъ онъ «влечетъ съ собою».

Не думаемъ, чтобъ эта перефразировка стараго Галаховскаго объясненія, притомъ не отличающаяся точностью выраженія, много подвигала дѣло. Но самъ авторъ приведенныхъ строкъ очень настаиваетъ на данномъ имъ толкованіи, а толкованіе г. Нечаева прямо объявляетъ излишнимъ, ненужнымъ и даже непозволительнымъ (стр. 7, 12 и 13). Это очень строго и немножко наивно, и именно въ виду возможности такихъ драконовскихъ запрещеній нельзя не порадоваться, что нашелся человѣкъ, рѣшившійся выступить противъ общераспространеннаго мнѣнія. Такимъ смѣльча-

комъ оказался г. Нечаевъ, и каково бы ни было его сужденіе по существу дѣла, проявленная имъ самостоятельность мысли уже сама по себѣ заслуживаетъ сочувствія. Правда, г. Нечаевъ—какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ—опровергаетъ своихъ предшественниковъ съ нѣкоторою излишнею горячностью и неумѣренностью; но для насъ важно лишь то, какъ онъ самъ разсуждаетъ о спорномъ предметѣ.

«Крыловъ», говоритъ г. Нечаевъ,—«сравниваетъ дѣятельность ученаго съ работой водолаза. На сколько различно отношеніе къ своему дѣлу выведенныхъ имъ водолазовъ, на столько же, слѣдовательно, по мнѣнію Крылова, различно и отношеніе ученыхъ къ наукѣ. Не всѣ водолазы искусны въ своемъ ремеслѣ, и не всѣ ученые точно также одинаково искусны въ своихъ пріемахъ. И какъ работа водолазовъ не всегда бываетъ одинаково успѣшною, такъ и труды ученыхъ не всегда приносятъ за собою обильные плоды. Такимъ образомъ, если въ баснѣ Крылова ученые сравниваются съ водолазами, то искусство ученыхъ, или иначе, вся совокупность ихъ научныхъ пріемовъ сравнивается, конечно, не съ моремъ, а съ искусствомъ водолазовъ. Въ результатѣ работъ ученыхъ получается драгоцѣнное знаніе, и это знаніе изображается въ баснѣ подъ видомъ жемчуга, который получается изъ моря. Но что же такое это море? Какъ объяснить этотъ образъ по отношенію къ вопросу о наукѣ и ученыхъ. Прежде всего, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть истолковано въ смыслѣ науки. Въ самомъ дѣлѣ, науку можно понимать или въ смыслѣ того положительнаго знанія, которое создается трудами ученыхъ, и тогда ему въ баснѣ будетъ соотвѣтствовать собранный водолазами жемчугъ,—или же въ смыслѣ тѣхъ свѣдѣній и навыковъ, которыми обладаетъ ученый, и которые даютъ ему возможность съ успѣхомъ вести свое дѣло: такому понятію науки въ баснѣ соотвѣтствуетъ представленіе водолазнаго искусства. Но что же значитъ море? Изъ моря водолазы достаютъ свои богатства; стало быть, въ примѣненіи къ ученымъ оно должно обозначать всю область окружающаго ихъ міра, изъ котораго добываются научныя сокровища». Самое существенное въ этомъ толкованіи есть, по нашему мнѣнію, то, что подъ образомъ моря г. Нечаевъ разумѣетъ не науку (какъ думали прежде), а весь

міръ, вселенную, которую наука стремится извѣдать. Давъ новое значеніе центральному образу иносказанія, г. Нечаевъ совершенно измѣняетъ весь смыслъ притчи.

Г. Лященко осуждаетъ толкованіе г. Нечаева за его сложность и непонятность (стр. 12 и 13). Но объ этомъ послѣднемъ пунктѣ едва ли можно и говорить: вѣроятно, г. Лященко не взялся бы возражать противъ того, что̀ представляется ему непонятнымъ. Что же касается сложности, то чѣмъ же виноватъ толкователь, если ему приходится изъяснять предметъ многосоставный? А таково именно иносказаніе въ баснѣ «Водолазы». Мы видѣли выше примѣры объясненія простые, несложные — и убѣдились въ ихъ несостоятельности и неполнотѣ; самъ г. Лященко, раскрывая иносказанія Крыловской притчи, не позаботился или просто позабылъ объяснить, что̀ подразумѣваетъ онъ въ баснѣ подъ образомъ м о р я. Недомолвки въ другихъ комментаріяхъ еще многочисленнѣе. Г. Нечаевъ тѣмъ и отличается отъ своихъ предшественниковъ, что пристальнѣе ихъ вникъ въ дѣло, осторожно разобрался въ немъ и не оставилъ безъ вниманія ни одной подробности въ притчѣ. Только его объясненіе охватываетъ всѣ составныя части иносказанія. Это внѣшнее, но немаловажное отличіе работы г. Нечаева, безъ сомнѣнія, должно быть признано однимъ изъ ея достоинствъ. Лишь послѣ того, какъ отчетливо опредѣленъ смыслъ всѣхъ иносказательныхъ образовъ, созданныхъ Крыловымъ, и указана ихъ взаимная связь, открывается возможность проникнуть въ ихъ нравоучительное значеніе. Короче сказать, г. Нечаевъ умѣлъ стать на вѣрный путь къ рѣшенію задачи. Другое дѣло — не сбился ли онъ съ этого пути и рѣшилъ ли задачу вполнѣ правильно.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что употребляемыя Крыловымъ выраженія у ч е н ы е, н а у к а, у ч е н ь е г. Нечаевъ принимаетъ въ томъ болѣе тѣсномъ значеніи, какое придано имъ нынѣшнимъ употребленіемъ, то-есть, онъ думаетъ, что и у баснописца подъ словомъ у ч е н ы е слѣдуетъ разумѣть людей, спеціально посвящающихъ свои умственныя силы разработкѣ знаній, подъ словомъ н а у к а — систему ихъ или пріемы изслѣдованія, а подъ словомъ у ч е н ь е — преподаваніе наукъ. Г. Лященко (стр. 7 и 8) совершенно справедливо указалъ, что н а у к а и у ч е н ь е употребляются у Крылова (какъ и въ старыхъ академическихъ словаряхъ) безраз-

лично, въ видѣ синонимовъ. Прибавимъ со своей стороны, что въ первой части басни встрѣчается и третій синонимъ къ этимъ словамъ:

...за просвѣщеньемъ въ слѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.

Думаемъ даже, что словомъ просвѣщеніе всего точнѣе опредѣляется понятіе, которое хочетъ выразить баснописецъ. А если такъ, то очевидно, учеными онъ называетъ не изслѣдователей-спеціалистовъ, не двигателей науки, а просто людей образованныхъ, просвѣщенныхъ свѣтомъ научныхъ знаній. Такъ, впрочемъ, и понималось вообще это слово въ старину.

Далѣе, въ самомъ опредѣленіи науки является у Нечаева какая-то двойственность: такъ называетъ онъ и систему нашихъ познаній, и—въ болѣе тѣсномъ ограниченіи—совокупность научныхъ пріемовъ и навыковъ. Мало того: увлекаясь этимъ послѣднимъ опредѣленіемъ, г. Нечаевъ имъ однимъ пользуется въ своемъ объясненіи Крыловской притчи. Въ особенности это обнаруживается изъ сдѣланной имъ характеристики трехъ водолазовъ. Онъ видитъ въ нихъ трехъ представителей научной дѣятельности. Первый лѣнивъ на размышленіе и не способенъ разобраться въ массѣ научнаго матеріала; не сознавая ни цѣли, ни смысла своей работы, онъ остается безплоднымъ на своемъ поприщѣ. Третій водолазъ — одинъ изъ тѣхъ мечтателей, которые, «обращая все свое вниманіе на плодотворные результаты научныхъ изысканій, совершенно не желаютъ понимать всей строгости научныхъ пріемовъ. Они видятъ только то, что дается наукой, и совсѣмъ не замѣчаютъ, какимъ путемъ все это добывается. Не мудрено поэтому, что дѣло построенія научныхъ знаній представляется для нихъ чрезвычайно простымъ, а драгоцѣнныя сокровища науки кажутся ихъ близорукимъ умамъ такими доступными, что ихъ

Стоитъ лишь достать
И взять.

«... Не распознавъ хорошенько своихъ собственныхъ силъ, не выяснивъ, какъ слѣдуетъ, всей трудности данной задачи и совершенно пренебрегая тѣмъ, что сдѣлано раньше, они сразу хватаются за разрѣшеніе самыхъ сложныхъ вопросовъ, за разгадку самыхъ

темныхъ проблемъ... Понятно, что такого рода труды остаются безплодными, и «безумцы», пожелавшіе раздобыть сокровища науки, но въ то же время съ презрѣніемъ взглянувшіе на строгость ея пріемовъ, безполезно погибаютъ». Въ концѣ концовъ настоящимъ и единственнымъ представителемъ ученой дѣятельности является въ глазахъ г. Нечаева только второй водолазъ: «Не жалѣя трудовъ, онъ старается съ возможно большею пользой примѣнить свое искусство, но при этомъ отлично сознаетъ всѣ тяжести дѣла и «умѣетъ выбирать по силѣ глубину. Понятно, что и труды его всегда увѣнчаны успѣхомъ».

Все это прекрасно. Но не странно ли видѣть тотъ результатъ, къ которому приводитъ разсужденіе г. Нечаева? Иначе говоря, какую задачу ставилъ себѣ и рѣшалъ баснописецъ, когда сочинялъ своихъ «Водолазовъ»? Оказывается, что Крыловъ написалъ эту басню съ цѣлью внушить своимъ читателямъ, какъ выгодно и плодотворно употребленіе правильныхъ пріемовъ въ ученыхъ работахъ. На сколько извѣстно по біографическимъ даннымъ, Крыловъ былъ человѣкъ не великаго образованія, но несомнѣнно, онъ обладалъ очень большимъ умомъ—трезвымъ, яснымъ и проницательнымъ: есть ли вѣроятіе въ томъ, чтобъ онъ взялся за совершенно несвойственную ему роль судьи и цѣнителя научныхъ методовъ? Въ жизни другаго великаго русскаго поэта есть печальный эпизодъ, когда ему вздумалось, безъ необходимой подготовки, вступить на университетскую каѳедру: явленіе, отчасти объясняемое увлекающеюся, страстною натурой Гоголя, въ одинъ прекрасный день вообразившаго себя историкомъ,—всего же болѣе объясняемое тѣми смутными понятіями объ обязанностяхъ ученаго, какія господствовали у насъ въ тридцатыхъ годахъ. Но ничего подобнаго не могло случиться съ Крыловымъ; этотъ осторожный и разумный человѣкъ никогда не позволилъ бы себѣ подать голосъ по столь чуждому для него вопросу, какъ методологія науки. Да еслибъ и мелькнула такая по истинѣ блажная мысль въ его свѣтлой головѣ, онъ по недолгомъ размышленіи отказался бы отъ нея, руководимый вѣрнымъ чутьемъ художника.

Такимъ образомъ одностороннее опредѣленіе науки привело г. Нечаева къ ошибочному выводу относительно нравоучительнаго смысла «Водолазовъ». Но данное имъ толкованіе иносказательныхъ

образовъ въ притчѣ пустынника все-таки кажется намъ вполнѣ удачнымъ,—и мы думаемъ, что на томъ же основаніи можно сдѣлать иное заключеніе о морали этой басни.

Наука есть не только совокупность методовъ изслѣдованія, но и совокупность положительныхъ свѣдѣній, облеченныхъ въ систему. Не нужно обращаться въ ученаго изслѣдователя, чтобъ усвоить себѣ извѣстный запасъ такихъ свѣдѣній; во всякомъ случаѣ, не нужно быть глубоко искушеннымъ въ различныхъ ученыхъ пріемахъ и навыкахъ, чтобы пользоваться этими знаніями. Но тотъ, кто пріобрѣлъ ихъ, кто опредѣлилъ свое міросозерцаніе свѣтомъ науки и кто умѣетъ примѣнять свои знанія въ жизни, тотъ можетъ быть названъ истинно образованнымъ человѣкомъ — «ученымъ», по выраженію Крылова. Такой человѣкъ можетъ знать, до какихъ предѣловъ достигла въ данное время ученая пытливость, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязанъ помнить, что наука безконечна въ своемъ развитіи, и что, слѣдовательно, истина, ею преслѣдуемая, не вполнѣ раскрыта предъ современнымъ разумомъ. Это и есть второй водолазъ Крылова, тотъ, который, погружаясь до морскаго дна для исканья богатыхъ жемчуговъ, выбираетъ себѣ «по силѣ глубину». Бываютъ однако люди, и ихъ не мало,—которые, отвѣдавъ науки или, какъ говоритъ баснописецъ, «ученья», не извлекли никакой пользы изъ пройденной ими школы: такихъ лѣнивцевъ мы узнаемъ въ первомъ изъ водолазовъ притчи. Бываютъ, наконецъ, и такіе люди, которые, схвативъ кое-какіе вершки или отрывки знаній, щеголяютъ ими и, не дѣлая различія между тѣмъ, что̀ уже извѣдано точнымъ наблюденіемъ, и тѣмъ, что̀ еще остается темнымъ для строгой науки, легкомысленно берутся за рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, какіе только могутъ занимать умъ человѣческій. Ихъ рѣчи могутъ соблазнять иные несамостоятельные умы; но въ легкомысліи или «дерзости» этихъ не призванныхъ учителей заключается и начало ихъ конца: рано или поздно они погибаютъ, какъ тотъ третій водолазъ притчи, что̀ бросился, очертя голову, въ самую черную глубину моря и потонулъ въ ней.

Таково—намъ кажется—наиболѣе правильное объясненіе Крыловской притчи. Очевидно, она написана на тему о пользѣ просвѣщенія, и баснописецъ явнымъ образомъ признаетъ его необходимость и важность; онъ съ полнымъ сочувствіемъ говоритъ о людяхъ

образованныхъ, но это не мѣшаетъ ему осуждать какъ лѣнивыхъ къ ученью, такъ и полузнаекъ, возвышающихъ свой голосъ не по праву.

Основанное на томъ же пониманіи иносказательныхъ образовъ притчи, какое мы видѣли у г. Нечаева, наше объясненіе «Водолазовъ», естественно, и въ своихъ выводахъ недалеко отъ его толкованія и, пожалуй, является только поправкой къ сему послѣднему. Но поправка эта представляется намъ существенною и необходимою, такъ какъ шире охватываетъ мысль баснописца и болѣе соотвѣтствуетъ тѣмъ понятіямъ, какія онъ соединялъ со словами наука, ученье, ученые.

Мы могли бы ограничиться настоящими замѣтками, если бы дѣло шло только объ отвлеченномъ пониманіи Крыловской притчи. Но г. Нечаеву сдѣланъ упрекъ, что онъ вовсе не обратилъ вниманія на историческія обстоятельства, среди которыхъ явилась басня о водолазахъ, тогда какъ эти обстоятельства, уже достаточно выясненныя прежними изслѣдователями, вынуждаютъ остаться при прежнемъ ея толкованіи. Эта мысль подробно развита въ брошюрѣ г. Лященка, при чемъ въ подтвержденіе ея приведены и нѣкоторыя фактическія данныя. Такимъ образомъ, и для насъ становится обязательною провѣрка исторической стороны вопроса.

Г. Лященко въ своей брошюрѣ довольно подробно излагаетъ происхожденіе «Водолазовъ». «Лѣто 1813 года, говоритъ онъ,— Крыловъ провелъ на дачѣ А. Н. Оленина. Въ это время послѣдній, какъ директоръ Императорской библіотеки, былъ озабоченъ окончательными приготовленіями къ открытію ея, какъ публичной библіотеки. Уже тогда имъ былъ намѣченъ планъ открытія и выбраны темы рѣчей и сочиненій, которыя должны быть при немъ произнесены. Такихъ темъ было выбрано четыре: изъ нихъ одна была «о пользѣ истиннаго просвѣщенія и пагубныхъ слѣдствіяхъ суемудрія». Тема эта тогда же, то-есть, лѣтомъ, была Оленинымъ предложена Крылову, и результатомъ предложенія явилась басня «Водолазы». Г. Лященко основалъ этотъ разсказъ на данныхъ, сообщенныхъ въ описаніи торжественнаго открытія Императорской Публичной Библіотеки, которое было издано въ 1814 году и содержало въ себѣ между прочимъ письма Оленина къ участникамъ тор-

жества. Дѣйствительно, здѣсь, въ письмѣ къ библіотекарю А. И. Красовскому, отъ 6-го ноября 1813 года, читается: «Четвертымъ (вопросомъ — указаннымъ выше) давно уже занимался вашъ товарищъ И. А. Крыловъ, и вамъ извѣстно, съ какимъ успѣхомъ и сколь пріятно задачу мою разрѣшилъ». Изъ этихъ послѣднихъ словъ г. Лященко и заключилъ, что тема басни была дана Крылову Оленинымъ, то-есть, что первый былъ только исполнителемъ мысли послѣдняго. Но, по нашему мнѣнію, изъ выраженій Оленинскаго письма, не смотря даже на нѣкоторое ихъ двусмысліе, слѣдуетъ сдѣлать иное заключеніе: мысль о пользѣ истиннаго просвѣщенія и вредѣ ложнаго занимала Крылова давно, по всему вѣроятію, безъ внушеній со стороны, и вотъ этотъ вопросъ, рѣшеніе котораго уже назрѣло въ умѣ Крылова, Оленинъ и вздумалъ предложить ему обработать въ видѣ притчи. Такимъ образомъ прекрасная мысль «Водолазовъ» остается за умнымъ Крыловымъ, а находчивому Оленину должна быть приписана лишь счастливая выдумка украсить предположенное публичное собраніе въ Библіотекѣ чтеніемъ вновь сочиненной басни.

Но г. Лященко не только хочетъ убѣдить читателей въ томъ, что мысль «Водолазовъ» была «подсказана» Крылову Оленинымъ, —онъ старается найти и причину, почему въ 1813 году Оленинъ счелъ своею «прямою обязанностью» сдѣлать «нѣкоторое предостереженіе противъ увлеченія суемудренными познаніями». Онъ напоминаетъ, что именно въ 1813 году появился переводъ эстетики Ансильона, въ которой иные усматривали тогда слѣды такого суемудрія, и приводитъ изъ рѣчей Красовскаго и Гнѣдича, произнесенныхъ при открытіи Публичной Библіотеки, нѣсколько фразъ, направленныхъ противъ того же вреднаго образа мыслей. Крыловъ, со своими «Водолазами», ставится г. Лященкомъ въ одинъ рядъ съ этими ораторами, и въ содержаніи этой басни центръ тяжести цѣликомъ переносится къ ея заключительнымъ строкамъ. Наконецъ, самому Оленину приписывается руководящее значеніе во всемъ этомъ охранительномъ движеніи.

Великое шатаніе умовъ въ русскомъ обществѣ послѣ 1812 года не подлежитъ сомнѣнію, и г. Лященко правъ, когда указываетъ, что чтенія, происходившія при открытіи Публичной Библіотеки, имѣютъ

отношеніе къ этому явленію. Но вопросъ въ томъ: вѣрно ли понялъ г. Лященко роль Оленина въ тогдашній моментъ? Въ самомъ дѣлѣ, думалъ ли директоръ Библіотеки только о предостереженіи противъ суемудрія, или же имъ руководила иная мысль, болѣе важная?

Какъ извѣстно, еще съ первыхъ годовъ Александрова царствованія поднялись у насъ толки противъ галломаніи, то-есть, противъ модъ и идей, шедшихъ къ намъ изъ преобразованной революціею Франціи. Послѣ нашествія Наполеона эти толки стали особенно громкими. «Если нынѣ во нравахъ нашихъ примѣчается порча или отступленіе отъ коренныхъ правилъ честности и добродушія», писалъ ненавистникъ французовъ А. С. Шишковъ (въ письмѣ къ Я. І. Бардовскому отъ 11-го мая 1813 года), — «то зараза сія прилипла къ намъ отъ сего обманчиваго народа, котораго нечистая и гнилая внутренность прикрыта блестящею наружностію, уловляющею въ сѣти свои простоту и легкомысліе... Когда мы наружностію своею столько стараемся быть на нихъ похожими, то можетъ ли внутренность наша остаться не поврежденною? Когда ихъ ленточки, косыночки, пряжечки, завязочки такъ много дѣйствуютъ надъ глазами нашими, то что̀ же сдѣлаютъ ихъ языкъ, ихъ книги, ихъ театръ, ихъ учители, ихъ дядьки надъ умами и сердцами молодыхъ людей?» [1]. И въ самомъ дѣлѣ, Шишковъ утверждалъ, что русскіе писатели, искавшіе литературныхъ образцовъ во французской словесности, были виновниками не только «заразы французской», но даже нашествія Наполеона и пожара Москвы, то-есть, измѣнниками своему отечеству [2]. Мысли Шишкова повторялись въ то время многими, и въ томъ числѣ людьми, которые по своимъ нравственнымъ свойствамъ стояли гораздо ниже этого честнаго и неподкупнаго фанатика. При такихъ обстоятельствахъ людямъ иныхъ убѣжденій, даже вовсе не крайнихъ, приходилось очень трудно, и одинъ изъ нихъ, С. С. Уваровъ, года за три предъ тѣмъ назначенный попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, писалъ (въ ноябрѣ 1813 года) извѣстному барону Штейну: «Нѣтъ ничего неблагодарнѣе, или точнѣе говоря, невозможнѣе моихъ здѣшнихъ занятій. Вы знаете, я

---

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлинъ. 1870. Т. II, стр. 326.

[2]) Тамъ же, стр. 327.

не мечтатель, я люблю заниматься службой и привыкъ къ тому почти съ дѣтства. Вамъ извѣстны мои правила, мой образъ мыслей; не смотря на все это, я почти теряю надежду не то чтобы принести пользу, но просто удержаться на томъ пути, который я себѣ намѣтилъ, и съ котораго никогда не сойду, не пожертвовавъ тѣмъ, что мнѣ всего дороже на свѣтѣ, честью, здоровьемъ, убѣжденіями и своимъ достояніемъ. Не думайте, чтобы въ моихъ словахъ было преувеличеніе. Я съ виду спокоенъ и тѣмъ привожу въ изумленіе всѣхъ меня окружающихъ; но въ сердцѣ у меня отчаяніе. Состояніе умовъ теперь таково, что путаница понятій не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, то-есть, огня, который бы не жегъ; другіе, и такихъ всего больше, бросаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа, бредни Ш. (Штиллинга?) и открытія Лейбница; словомъ, это—такой хаосъ воплей, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, крайнихъ преувеличеній, что долго выдерживать такое зрѣлище не возможно. Кидаютъ другъ другу въ лицо выраженіями: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ чужеземныхъ новшествъ, иллюминатъ, философъ, франкмасонъ, фанатикъ и пр. Словомъ, безуміе полное! Ежеминутно подвергаешься опасности или осрамить себя, или стать органомъ всякихъ нелѣпостей, или сдѣлаться палачемъ, служащимъ самымъ дикимъ страстямъ. Вотъ среди какого глубокаго невѣжества приходится работать надъ зданіемъ, которое подрыто въ самомъ основаніи и грозитъ со всѣхъ сторонъ разрушеніемъ. Согласенъ, что это печальное и тяжелое признаніе, но вѣрьте мнѣ—все мною сказанное есть сущая правда» [1]).

Таково было положеніе дѣлъ, когда должно было совершиться открытіе Императорской Библіотеки во всеобщее пользованіе. Оленинъ былъ близокъ съ Шишковымъ, не меньше его отличался патріотизмомъ и даже раздѣлялъ его предубѣжденія противъ французовъ — но лишь до извѣстной степени; онъ, напримѣръ, строго осуждалъ пристрастіе нашего высшаго общества къ французскому языку, но онъ не чуждался ни французскихъ книгъ, ни вообще

[1]) G. H. Pertz. Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein, III, 697—698.

иностранной литературы. Правда, задачи отвлеченнаго мышленія мало занимали его; какъ человѣкъ наивно вѣрующій, онъ сторонился «суемудрыхъ философовъ» (которыхъ впрочемъ и не зналъ), но въ то же время онъ высоко цѣнилъ точныя, положительныя знанія и, конечно, не боялся ихъ распространенія въ русскомъ обществѣ. Притомъ же, говоря объ Оленинѣ, не слѣдуетъ отдѣлять отъ него лицъ, его окружавшихъ: онъ былъ гостепріимный хозяинъ, и въ его домѣ собирались несомнѣнно просвѣщеннѣйшіе люди своего времени, люди, которые были и умнѣе самого Алексѣя Николаевича, и ученѣе, и развитѣе его; общественное значеніе и вліяніе принадлежало не одному Оленину, но именно тому кружку, который онъ умѣлъ соединить вокругъ себя. Судя по происхожденію «Водолазовъ», можно догадываться, что всѣ темы, предложенныя директоромъ Библіотеки для разработки въ чтеніяхъ въ день ея торжественнаго открытія, возникли изъ бесѣдъ этого кружка. Конечно, открытіе общественнаго книгохранилища могло состояться безъ всякихъ подобныхъ рѣчей. Но если Оленинъ призналъ нужнымъ ихъ произнесеніе, то очевидно, онъ желалъ дать гласный, открытый отвѣтъ тѣмъ, кто въ тогдашнее смутное время разглагольствовалъ противъ образованія, кто, быть можетъ, и въ самомъ открытіи Публичной Библіотеки видѣлъ новый опасный шагъ, новый способъ къ развращенію умовъ и нравовъ. Такимъ образомъ, въ этомъ торжествѣ дѣло шло не о предостереженіи противъ суемудрія, а о томъ, чтобы громко провозгласить необходимость просвѣщенія.

Отсюда выясняется и историческое значеніе Крыловскихъ «Водолазовъ». Вся первая половина басни, всѣ эти толки приближенныхъ царя за просвѣщеніе и противъ него живо напоминаютъ тотъ хаосъ петербургскихъ свѣтскихъ споровъ, который такъ ярко изображенъ въ приведенномъ выше письмѣ Уварова. Крыловъ, разумѣется, также былъ свидѣтелемъ этихъ легкомысленныхъ и безплодныхъ пререканій и, какъ очень умный человѣкъ, легко могъ понять всю ихъ тщету; но въ то же время, какъ свой человѣкъ въ домѣ Оленина, онъ имѣлъ случай слышать въ этомъ тѣсномъ кружкѣ болѣе разумныя рѣчи о просвѣщеніи. Эти-то сужденія серьезныхъ людей, настоящихъ представителей образованія, онъ усвоилъ себѣ и ясно, съ мастерскою сжатостью и наглядностью, выразилъ во

второй части своей басни—въ притчѣ о водолазахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, сужденія Оленинскаго кружка были далеки отъ крайностей и отличались осторожностью, но общій смыслъ ихъ, какъ и смыслъ Крыловской басни, клонился къ развитію и процвѣтанію науки.

Такимъ образомъ, объясненіе «Водолазовъ» съ исторической стороны не только не расходится съ предложеннымъ выше отвлеченнымъ толкованіемъ этой басни, но и служитъ къ его подтвержденію.

Академикъ **Л. Майковъ.**

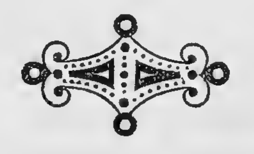

Циркуляръ великаго князя Константина Николаевича по морскому вѣдомству.

26 ноября 1855 г.

Въ одной весьма замѣчательной запискѣ о нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Россіи, при указаніи причинъ, которыя довели насъ до нынѣшняго бѣдственнаго положенія, между прочимъ сказано: «Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды, и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блескъ, внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками, но кто изъ оффиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочіе?».

Прошу ваше превосходительство сообщить эти правдивыя слова всѣмъ лицамъ и мѣстамъ морскаго вѣдомства, отъ которыхъ въ началѣ будущаго года мы ожидаемъ отчетовъ за нынѣшній годъ и повторить имъ, что я требую въ помянутыхъ отчетахъ не похвалы, а истины и въ особенности глубокообдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ, и что тѣ отчеты, въ которыхъ будетъ нужно читать между строками, будутъ возвращены мною съ большою гласностію. Прошу ваше превосходительство разослать всѣмъ вышеупомянутымъ мѣстамъ и лицамъ копіи съ настоящей моей записки.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ
и
ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.
1877—1878 гг.

ГЛАВА XIV [1]).

Продовольственная часть арміи послѣ штурма Плевны. Судьбы Болгарскаго ополченія.

Затрудненія въ продовольствіи войскъ послѣ штурма Плевны 30-го августа.— Новый интендантъ арміи, дѣйств. статс. совѣт. Россицкій.—Необходимость подвоза провіанта и фуража изъ Румыніи.—Недостаточность перевозочныхъ средствъ.—Мѣры, принятыя княземъ Черкаскимъ.—Медленность въ пріемѣ реквизиціоннаго зерна. — Неудовлетворительный успѣхъ такой мѣры. — Два разсказа о М. Д. Скобелевѣ.—Замѣчательныя распоряженія генерала Гурко.— Вспомогательныя мѣры, принятыя гражданскимъ начальствомъ для лучшаго удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ арміи.—Мѣры таможенныя и акцизныя. — Поддержка торговыхъ предпріятій тайн. совѣт. Новосельскаго и купца Морозова.—Общая характеристика дѣйствій князя Черкаскаго по обращенію мѣстныхъ средствъ края на надобности войскъ.—Судьбы болгарскаго ополченія.—Новый начальникъ ополченія, ген.-м. Давыдовъ.

Затрудненія по продовольствію войскъ, главною своею массой скопившихся подъ Плевной, стали быстро увеличиваться послѣ неудачныхъ нашихъ дѣйствій въ концѣ августа 1877 г. Во время боевъ 26—31 чиселъ, войска съѣли свой неприкосновенный запасъ сухарей и никакъ не могли возобновить его, потому что новые подвозы были крайне ничтожны. Вслѣдствіе сильныхъ дождей, быв-

---

[1]) См. «Русскую Старину» 1896 г. январь. Въ декабрѣ 1895 г., послѣ отпечатанія январьской книжки «Русской Старины», была получена мною, изъ

шихъ въ сентябрѣ, дороги сдѣлались труднопроходимыми, транспорты двигались съ крайнею медленностью и къ тому же за сухарными запасами сами должны были ходить къ Систову или Зимницѣ, такъ какъ никакихъ промежуточныхъ складовъ между Дунаемъ и Плевной не существовало.

Необезпеченность войскъ продовольствіемъ была такъ велика, что, по словамъ генерала Тотлебена [1]), войска удовлетворялись продовольствіемъ, такъ сказать, со дня на день и лишались свободы маневрированія потому, что имѣли, обыкновенно, сухарей на одинъ или на два дня, а нѣкоторыя части по два и по три дня вовсе оставались безъ сухарей. Не лучше было снабженіе войскъ печенымъ хлѣбомъ. 3-й корпусъ получалъ хлѣбъ до двухъ разъ въ недѣлю, а 4-й корпусъ отъ одного раза въ недѣлю до одного раза въ двѣ недѣли. Интендантство бралось печь для войскъ хлѣбъ, забирало отъ нихъ хлѣбопековъ, но не въ силахъ было справиться съ этою задачей. Хорошо еще, что мяса было довольно для всѣхъ. Вообще интендантство и товарищество какъ бы стушевались. «На наше интендантство я болѣе не разсчитываю,—писалъ генералъ Тотлебенъ въ своемъ дневникѣ.—Все пустыя лишь обѣщанія» [2]).

Впрочемъ, винить во всемъ одно только интендантство было бы несправедливо. Высшія воинскія власти, несмотря ни на какія оче-

---

Ялты, отъ П. Ѳ. Самарина слѣдующая замѣтка, которая и печатается при первой представившейся къ тому возможности.

«Въ сейчасъ прочитанной мною статьѣ вашей о князѣ Черкаскомъ (въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины») замѣчена мною ошибка, на которую считаю необходимымъ обратить ваше вниманіе. Въ Тырново, на свиданіе съ княземъ Черкаскимъ пріѣзжалъ не Д. Ѳ., а я, П. Ѳ. Самаринъ, я не былъ членомъ главнаго управленія общества Краснаго Креста и пріѣзжалъ въ Тырново не съ указанною вами цѣлью, а для свиданія съ княземъ Черкаскимъ по давнишней нашей съ нимъ дружбѣ и для переговоровъ о поступленіи къ нему на службу; вѣрно то, что я при этомъ свиданіи, по совѣту его петербургскихъ друзей, уговаривалъ князя Черкаскаго отказаться отъ должности главноуполномоченнаго и ограничиться дѣлами гражданскаго управленія. Содержаніе интимнаго разговора, который я съ нимъ имѣлъ, не считаю полезнымъ и нужнымъ оглашать, но во всякомъ случаѣ могу удостовѣрить, что не отъ меня исходило обвиненіе въ томъ, что цѣль его дѣйствій — стремленіе къ власти».

Авт.

[1]) Ген.-ад. Тотлебенъ къ ген.-ад. Непокойчицкому 8-го октября 1877 г. № 187 «Воен. Сбор.» № 1, ст. «Блокада Плевны».

[2]) Н. Шильдеръ, «Инженерный журналъ», 1886 г. № 5.

видности, все еще продолжали на него надѣяться и не принимали никакого участія въ организаціи довольствія изъ мѣстныхъ средствъ. Самыя стихіи были, кажется, противу интендантства, неуспѣшность дѣйствій котораго зависѣла и отъ другихъ, чисто внѣшнихъ, причинъ. Желѣзныя дороги Румыніи были крайне плохо организованы и не находились въ полномъ нашемъ распоряженіи. Съ румынскими властями происходили безпрерывныя пререканія, и дѣло перевозки по желѣзнымъ дорогамъ шло неудовлетворительно. Безпорядочно направленные грузы загромождали дорогу, заклинили ее, почти прекративъ на нѣсколько дней всякое по ней движеніе.

Общее положеніе дѣлъ ухудшилось тѣмъ, что отдѣльныя части войскъ добывали себѣ продовольственные припасы и фуражъ собственными средствами на свой рискъ и страхъ, безъ всякой системы, заботясь лишь о настоящемъ и нисколько не думая о томъ, что придется дѣлать въ то время, когда въ окрестностяхъ все будетъ съѣдено и за всѣмъ необходимымъ придется посылать за добрую сотню верстъ. Установившіеся при этомъ порядки подробно и правдиво описаны генераломъ Куропаткинымъ въ его сочиненіи «Блокада Плевны», а потому я о нихъ и не распространяюсь.

Не произошло перемѣнъ къ лучшему и тогда, когда въ началѣ октября погода поправилась, дороги просохли, и интендантскіе транспорты начали подходить. Въ сочиненіи генерала Куропаткина есть весьма характерный документъ, относящійся именно къ этому времени. Это докладная записка интенданта западнаго отряда, полковника Свѣчина, начальнику штаба отряда, князю Имеретинскому, отъ 5-го октября 1877 г. Полковникъ Свѣчинъ прямо говоритъ: «что съ прибытіемъ интендантскихъ транспортовъ въ настоящее время довольствіе остается въ томъ же неисправномъ положеніи»; войска могутъ быть удовлетворены только на три дня; — «изъ 11-ти транспортовъ, поименованныхъ въ депешѣ интенданта отъ 30-го сентября и направленныхъ къ отряду, — прибыло четыре»; — «полевое интендантское управленіе на четыре депеши и товарищество по продовольствію арміи на три депеши — отвѣтовъ и исполненія не дѣлаютъ какъ бы ихъ не существовало».

Изъ общихъ мѣръ, вызванныхъ тогдашними неустройствами

продовольственной части, можно указать только на одну—замѣну полеваго интенданта арміи, дѣйств. статс. совѣт. Аренса, помощникомъ его, дѣйств. статс. совѣт. Россицкимъ. Однако эта личная перемѣна къ лучшему не повела. Дѣла запутывались все болѣе и болѣе и къ концу октября достигли, кажется, такого разстройства, которое, по общему убѣжденію уже самихъ главныхъ интендантскихъ дѣятелей, грозило весьма печальными послѣдствіями.

Недостаточность средствъ перевозки была въ это время крайняя и по этому поводу, наканунѣ, 30-го ноября, начальникъ полеваго штаба совѣщался съ завѣдывающимъ гражданскими дѣлами. Предметъ совѣщанія, бывшія на немъ сужденія и принятыя рѣшенія видны изъ отзыва князя Черкаскаго генералу Непокойчицкому отъ 20-го октября № 1640. Отзывъ этотъ нигдѣ не былъ обнародованъ и настолько важенъ, что приводится здѣсь цѣликомъ.

«Вслѣдствіе отношенія вашего отъ 30-го октября за № 11558 и предварительнаго съ вашимъ высокопревосходительствомъ словеснаго соглашенія, я вчера же отправилъ губернаторамъ тырновскому и систовскому телеграмму слѣдующаго содержанія:

«По требованію полеваго интенданта Россицкаго, прошу наряжать сколько можно подводъ для возки провіанта, преимущественно изъ селеній, отдаленныхъ отъ дорогъ и менѣе отягощенныхъ повинностію».

«Затѣмъ, я лично передалъ вашему высокопревосходительству для предварительнаго съ вами соглашенія, проектъ циркулярнаго предписанія моего губернаторамъ и окружнымъ начальникамъ о немедленномъ образованіи транспорта изъ могущихъ еще оставаться въ наличности воловъ, сохранившихся послѣ бѣжавшихъ турокъ и которые почему-либо не успѣли еще быть обращены, согласно разрѣшенію его императорскаго высочества главнокомандующаго, на потребности забалканскихъ бѣженцевъ.

«При огромной и ежедневно возрастающей потребности въ реквизиціонныхъ подводахъ для войскъ, для госпиталей, для шоссейныхъ работъ и для возки реквизиціоннаго хлѣба и сѣна, которая одна занимаетъ не менѣе трехъ тысячъ подводъ ежедневно, невозможно, очевидно, разсчитывать на какія-либо несуществующія въ краѣ вольнонаемныя средства и при томъ тѣмъ болѣе, что, по случаю постояннаго обращенія рабочаго скота на подводную повинность, весьма значительная часть полей крестьянскихъ осталась до нынѣ еще незасѣянною и что нынѣ въ краѣ, какъ вамъ извѣстно, уже давно появилась чума на рогатомъ скотѣ.

«Въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ и дѣйствительной потребности въ усиленіи запоздавшей перевозки хлѣба изъ Румыніи, я считаю необходимымъ обратить вниманіе вашего высокопревосходительства еще на другое средство къ вспоможенію вышесказанной потребности, согласное съ тѣмъ, на которое я указывалъ, какъ вамъ извѣстно, еще въ Тырновѣ, при первыхъ захватахъ войсками турецкаго скота, но котораго въ то время полевой интендантъ не принялъ, а именно, образованіе интендантскихъ парковъ изъ того

рабочаго скота, который остается за бѣгствомъ турокъ. Въ настоящее время, по частнымъ свѣдѣніямъ, слышно, между прочимъ, что на дняхъ въ руки отряда генералъ-адъютанта Гурко попался, кромѣ всякаго рогатаго скота, еще транспортъ до тысячи вполнѣ снаряженныхъ подводъ. Штабу обстоятельство это вѣроятно извѣстно въ его истинномъ видѣ [1]). Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что, при возобновляющемся нынѣ движеніи передовыхъ отрядовъ, подобные случаи будутъ встрѣчаться нерѣдко. А потому, не признаете ли ваше высокопревосходительство возможнымъ предписать: во-первыхъ— начальникамъ передовыхъ отрядовъ, чтобы они, обращая на довольствіе войскъ исключительно лишь нерабочій скотъ, попадающійся въ ихъ руки, обращали всѣ турецкія подводы, рабочихъ воловъ и буйволовъ, и телѣги въ распоряженіе интендантскаго вѣдомства, для образованія транспорта, и во-вторыхъ—отрядному интенданту, чтобъ онъ наблюдалъ за приведеніемъ въ исполненіе означенной мѣры.

«Быть можетъ оказалось бы даже возможнымъ всю ту часть интендантскаго транспорта, которая нынѣ присвоивается передовымъ отрядамъ, обратить немедленно въ Систово для желаемой полевымъ интендантомъ перевозки грузовъ изъ Румыніи; передовымъ же отрядамъ предписать теперь же замѣнить эти интендантскіе транспорты турецкими обозами и рабочимъ скотомъ, попавшими или попадающимися имъ въ плѣнъ, а на первое время, въ случаѣ нужды, реквизиціонными подводами съ тамошнихъ жителей, которыхъ средства, повидимому, мало истощались турецкими войсками, если судить по окружностямъ Плевны и Ловчи».

Въ циркулярѣ объ образованіи транспортовъ, разосланномъ для выигранія времени прямо окружнымъ начальникамъ, предлагалось принять слѣдующія мѣры:

1) привести немедленно въ извѣстность весь оставшійся по округамъ отъ бѣжавшаго турецкаго населенія скотъ и сосредоточить его въ окружномъ городѣ.

2) отобрать изъ него воловъ, могущихъ ходить въ упряжкѣ.

3) по числу оказавшихся годныхъ воловъ, взять со всего населенія округа, христіанскаго и преимущественно мусульманскаго, хорошія телѣги реквизиціоннымъ порядкомъ, за цѣну, опредѣленную окружными начальниками и подлежащую утвержденію губернатора.

[1]) Князь Черкаскій намекаетъ на взятіе г. Врацы. 29-го октября объ этомъ событіи была послана въ Петербургъ и напечатана въ газетахъ такая депеша его императорскаго высочества главнокомандующаго: «генералъ Гурко телеграфируетъ мнѣ: спѣшу поздравить ваше высочество—городъ Враца, защищаемый 800 пѣхоты и 300 черкесовъ, 28 октября взятъ отрядомъ генерала Леонова, состоявшимъ изъ полковъ лейбъ-гвардіи: конно-гренадерскаго, драгунскаго и уланскаго, при четырехъ конныхъ орудіяхъ; захваченъ запряженный транспортъ болѣе 1.000 подводъ и большіе склады муки, галетовъ и ячменя. Потеря наша, благодаря внезапности нападенія, незначительна».

4) назначить къ каждой таковой пароволовой подводѣ по одному возчику, преимущественно изъ бѣженцевъ, за опредѣленную такимъ же порядкомъ посуточную плату, и

5) скотъ, негодный для образованія транспорта, либо продать немедленно, либо обратить на нужды болгарскихъ бѣженцевъ.

По сборѣ подводъ въ какомъ бы то количествѣ ни оказалось возможнымъ это сдѣлать, предписывалось всѣ эти подводы, подъ конвоемъ нѣсколькихъ стражаровъ и буде возможно военныхъ чиновъ, немедленно отправлять въ Систово, не ожидая извѣщеній отъ губернаторовъ объ утвержденіи ими цѣнъ на телѣги и суточную плату возчикамъ. Содержаніе транспорта съ передачею его интендантству поступало на счетъ интендантства, а до того времени на каждаго подводчика съ парою воловъ велѣно отпускать по два франка въ сутки.

Вслѣдъ за тѣмъ полевой индендантъ Россицкій прислалъ завѣдующему гражданскими дѣлами слѣдующее собственноручное письмо, «по предмету перевозочныхъ силъ армій», отъ 2-го ноября 1877 г. № 29606, изъ г. Систова:

«Ваше сіятельство, милостивый государь князь Владиміръ Александровичъ.

«Его высокопревосходительство Артуръ Адамовичъ (ген.-ад. Непокойчицкій), какъ вижу изъ письма его, уже передалъ вашему сіятельству, что жалкія наши перевозочныя средства ставятъ продовольствіе арміи въ ужасающее состояніе, въ которомъ я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе убѣждаюсь дотого, что внезапно долженъ былъ выѣхать, бросивъ здѣсь много экстреннаго, въ Бухарестъ, чтобы напрячь послѣднія мои усилія съ средствами Румыніи для сосредоточенія, гдѣ слѣдуетъ, запасовъ, въ размѣрѣ болѣе 100 т. четвертей провіанта и фуража. Его высокопревосходительство утѣшаетъ меня, что ваше сіятельство подадите мнѣ руку помощи и уже предписали губернатору тырновскому и систовскому помочь мнѣ нарядомъ подводъ сколько возможно, вслѣдствіе чего я сношусь съ губернаторами, но доселѣ еще отъ нихъ никакого увѣдомленія не имѣю.

«На васъ, ваше сіятельство, большая часть надежды возлагается мною въ дѣлѣ спасенія арміи отъ недостатка довольствія. Умоляю васъ дать мнѣ въ Систовѣ не менѣе тысячи подводъ, которымъ я за каждый день наряда уплачу по четыре рубля, если нельзя меньше, т. е. то, что плачу каждой вольнонаемной подводѣ, поднимающей 25—30 пудовъ. Подводы эти я пошлю въ Бухарестъ за припасами, и такимъ образомъ заработаютъ онѣ не мало. Еслибы можно было изъ 1.000 болгарскихъ подводъ сформировать, хотя мѣсяца на два, и даже за эту плату, отдѣленіе подвижнаго магазина, то я бы счелъ себя уже счастливымъ.

«Не откажите, ваше сіятельство, нуждѣ арміи и Россіи [1])».

---

[1]) Письмо это получено 8-го ноября, и у меня въ дневникѣ, подъ 9-мъ ноября, списана съ него копія, съ которой оно здѣсь и воспроизводится.

Всѣ эти документы, особенно только-что приведенное письмо полеваго интенданта, чрезвычайно важны и проливаютъ на дѣло самый яркій свѣтъ. Особыхъ комментарій къ нимъ не требовалось. Нужды арміи были высказаны открыто, безъ всякаго маскированія, и на первое время необходимо было привезти изъ Бухареста—не по желѣзной дорогѣ, заваленной другими грузами—а гужемъ, до ста тысячъ четвертей провіанта и фуража.

Въ первый разъ интендантство ставило вопросъ откровенно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывало совершенное незнаніе того, что дѣлалось на самомъ театрѣ войны. За нѣсколько сотъ верстъ оно собиралось везти подъ Плевно провіантъ и фуражъ, а между тѣмъ подъ самымъ Плевно и въ другихъ весьма неотдаленныхъ отъ него пунктахъ имѣлись реквизиціонные запасы пшеницы, ячменя, овса и сѣна. Запасы эти крайне стѣсняли гражданское вѣдомство, которое не могло добиться быстрой ихъ пріемки интендантствомъ и вынуждено было само заниматься перелопачиваніемъ зерна, изъ боязни, чтобы оно не слежалось и не испортилось. Нежеланіе интендантства принимать эти запасы и хлопоты гражданскаго вѣдомства весьма наглядно высказывались въ телеграммѣ систовскаго губернатора завѣдующему гражданскими дѣлами, присланной отъ 1-го ноября, т. е. какъ разъ въ то время, когда и полевой штабъ и полевой интендантъ заявили о своемъ затруднительномъ положеніи. Вотъ, что сообщалъ губернаторъ: «Никополѣ незанятыхъ турецкихъ помѣщеній для ссыпки зерна нѣтъ. Разбирать сельскіе амбары и приспособлять Никополь невозможно, потому, что обойдется крайне дорого и очень медленно. Разрѣшилъ купить мѣшки, буде есть, или приспособить помѣщенія, купивъ матеріалъ и нанявъ рабочихъ. Интендантство отказывается принять хлѣбъ до пріема магазиновъ, предстоитъ придирчивая пріемка магазиновъ; сѣна до сихъ поръ не принимаетъ и на запросы не отвѣчаетъ. Губернаторъ Геровъ». Къ этому надо добавить, что, по утвержденнымъ главнокомандующимъ основаніямъ реквизиціи, устройство магазиновъ—и въ томъ числѣ въ Никополѣ—возложено было на интендантство еще въ сентябрѣ.

Усматривая въ этомъ какое-то странное недоразумѣніе и убѣдившись изъ словъ пріѣзжавшихъ въ Боготъ генераловъ Ско-

белева 2-го и князя Имеретинскаго, что войска подъ Плевной дѣйствительно нуждаются въ продовольствіи и особливо въ фуражѣ, князь Черкаскій началъ убѣждать начальника полеваго штаба въ необходимости отпускать на текущее довольствіе войскамъ, непосредственно по ихъ требованіямъ, провіантъ и фуражъ изъ реквизиціонныхъ запасовъ вообще, т. е. какъ изъ тѣхъ, которые уже приняты интендантствомъ, такъ и изъ хранившихся еще въ сельскихъ магазинахъ. По заявленію интенданта отряда обложенія Плевны, находившагося въ окрестностяхъ Плевны, зерна было достаточно болѣе чѣмъ на одинъ мѣсяцъ для всѣхъ частей отряда. Запасы эти находились въ весьма близкомъ разстояніи отъ Плевно, такъ что войска могли сами, хотя бы и съ нѣкоторыми затрудненіями, перевезти ихъ на свои бивуаки. Но и тутъ возникли недоразумѣнія и совершенно напрасные вопросы: согласится ли на это интендантъ; можно ли расходовать эти запасы, такъ какъ ихъ рѣшено было собрать не на текущее довольствіе. Напрасно заявлялось, что именно настоящая минута и есть та, въ которую слѣдуетъ обратиться къ расходованію заблаговременно приготовленныхъ запасовъ, не останавливая, разумѣется, подвоза изъ Румыніи—но этимъ заявленіямъ не давалось цѣны, и принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ медлили. Наконецъ послѣ семидневныхъ колебаній, отпускъ реквизиціоннаго зерна и сѣна на текущее довольствіе войскъ отряда обложенія Плевны былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и войскамъ предоставлялось право требовать реквизиціонный ячмень и овесъ непосредственно изъ складовъ интендантства и гражданскаго вѣдомства, по указаніямъ отряднаго интенданта. Являлась полная надежда, что наконецъ всѣ препятствія удалены, и войска, въ ожиданіи подвозки запасовъ изъ дальнихъ мѣстъ, получатъ необходимый имъ фуражъ изъ запасовъ гражданскаго вѣдомства. Но распоряженія о немедленномъ пріемѣ войсками отряда обложенія реквизиціоннаго зерна натурою полевымъ штабомъ сдѣлано не было.

Войска въ сущности и не нуждались въ приказѣ о переходѣ на довольствіе натурой потому, что отъ каждаго изъ командировъ корпусовъ или начальниковъ дивизій зависѣло приказать тѣмъ или другимъ полкамъ и батареямъ получить чрезъ отряднаго интенданта на тотъ или другой срокъ натурой, записавъ его въ отчетные листы.

Но ни одинъ изъ частныхъ начальниковъ войскъ, стоявшихъ подъ Плевной, такого простаго и категоричнаго распоряженія не сдѣлалъ.

Если высшія военныя власти арміи нельзя освободить отъ упрековъ въ недостаточности мѣропріятій къ обезпеченію войскъ продовольствіемъ во время войны 1877—1878 г. и въ предоставленіи войскамъ права безсистемно распоряжаться богатыми средствами края, то съ другой стороны необходимо засвидѣтельствовать, что многіе начальники войскъ, не ожидая инициативы свыше, сами энергично брались за дѣло продовольствія ввѣренныхъ имъ частей и вели его съ замѣчательною предусмотрительностью, охраняя, по возможности, тѣ средства, которыя находились подъ рукою, и накопляя запасы для будущаго.

Первый къ тому примѣръ и вполнѣ своевременный, такъ какъ онъ былъ начатъ тотчасъ по переходѣ за Дунай и во всякомъ случаѣ немедленно послѣ второй Плевны—дали казачьи части, при арміи состоявшія. Казачьи полки, при тогдашней организаціи нашихъ войскъ, въ составъ кавалерійскихъ дивизій не входили (кромѣ гвардіи) и подчинялись своему походному атаману, которымъ въ кампанію 1877—1878 г. былъ весьма дѣятельный и талантливый генералъ-лейтенантъ Ѳоминъ. Казаки съиздавна привычны промышлять на войнѣ какъ пищу для себя, такъ и особенно фуражъ для лошадей, которыя у нихъ собственныя, а не казенныя. Казакъ бережетъ свою лошадь болѣе, чѣмъ самого себя, и ухаживаетъ за нею съ трогательною заботливостью. Казачье начальство, имѣя въ этомъ отношеніи тѣ же казачьи инстинкты, всегда особенно думаетъ о мѣрахъ сохранности всей массы казачьихъ лошадей потому, что ремонтовъ для казаковъ не приводятъ, а безлошадный казакъ на что нуженъ? Въ цѣляхъ предупрежденія этого, худоконныхъ казаковъ къ одинаковой службѣ съ доброконными не приставляютъ, а выдѣляютъ ихъ въ особыя команды, которымъ предоставляютъ возможность полнаго отдыха. Такія худоконныя команды были, между прочимъ, размѣщены въ Сѣверной Болгаріи между Горнимъ-Студнемъ и Систовомъ, среди роскошныхъ степей. Когда я, въ концѣ августа, проѣзжалъ по этимъ мѣстамъ, то въ оба пути, рядомъ съ нанятыми болгарами, косившими сѣно на турецкихъ земляхъ, видѣлъ массу казаковъ, заготовлявшихъ сѣно—разумѣется, не для сво-

ихъ лошадей, которыя раскованныя паслись тутъ же. Надо полагать, что посредствомъ худоконныхъ командъ казачьи части имѣли полное обезпеченіе фуражемъ. Интересно, что казаки, поправляя своихъ лошадей и заготовляя сѣно вообще для казачьихъ частей, получали еще и денежную посуточную плату (20 к.) отъ мѣстныхъ губернаторовъ за то, что наблюдали за нанятыми и высылаемыми по наряду на работу болгарами, понуждая ихъ къ добросовѣстной работѣ.

Вторымъ примѣромъ служитъ гвардія. Когда 3-я гвардейская пѣхотная дивизія подошла къ Горнему-Студню и на короткомъ пути отъ Дуная до главной квартиры убѣдилась въ невозможности возлагать какія-либо надежды на полученіе довольствія отъ интендантства или товарищества, то достойный ея начальникъ, генералъ-лейтенантъ Каталей (убитъ потомъ въ Балканахъ), заявилъ въ главной квартирѣ о своемъ намѣреніи немедленно начать сѣнокошеніе солдатами. Сколько помнится, мысль обратить гвардейскихъ солдатъ въ косарей показалась нѣсколько неловкой, но В. В. Каталей не убоялся толковъ и неудовольствій и недалеко отъ главной квартиры у Овчей могилы выставилъ цѣлыя сотни косцовъ—кажется Волынскаго полка—положившихъ начало столь полезному дѣлу.

О цѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ генерала Скобелева 2-го по обезпеченію 16-й пѣх. див. продовольствіемъ на предстоявшій походъ за Балканы, подробно разсказано генераломъ Куропаткинымъ [1]). Но дивизія по своему составу представляетъ не столь крупную часть войскъ, чтобы заботливость и распорядительность ея начальника, весьма замѣтная и полезная для его четырехъ полковъ, оказала особо выдающееся вліяніе на общій ходъ дѣлъ. Поэтому упомянувъ о нихъ, приведемъ изъ сочиненія того же автора («Блокада Плевны» стр. 18—19) крайне интересный разсказъ о мѣрахъ генерала Гурко, командовавшаго въ октябрѣ 1877 г. отрядомъ изъ 65 батальоновъ, 76 эскадроновъ и сотенъ и 252 орудій [2]).

---

[1]) «Блокада Плевны», «Воен. Сбор.» 1887 г. № 1 и «Переходъ чрезъ Балканы генерала Скобелева и бой у дер. Шейново 28 декабря 1877 г.», «Воен. Сбор.» 1889 г. № 6.

[2]) Гвардейскій корпусъ, 3-я гренадерская дивизія, 4 и 9 кавалерійскія дивизіи, казачьи бригады—кавказская и донская.

Въ составъ отряда генерала Гурко входили вновь пришедшія изъ Россіи подкрѣпленія—гренадеры и гвардія. Испытавъ подъ Плевной—гдѣ одинъ изъ бивуаковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи названъ «Голодной горой» — крайній недостатокъ продовольствія и полное отсутствіе сухарей, эти свѣжія войска внесли совершенно новый взглядъ на дѣло обезпеченія себя продовольствіемъ и открыли кромѣ значительнаго сѣнокошенія, о чемъ сказано выше, и дѣятельное хлѣбопеченіе, собирая зерно и перемалывая его на имѣвшихся близъ бивуаковъ мельницахъ. Продолжала свое полезное дѣло гвардія и по переходѣ за Видъ. Съ поступленіемъ гвардіи и гренадеръ въ составъ отряда генерала Гурко, дѣйствія отдѣльныхъ частей были обобщены, и хозяйственныя усилія всѣхъ войскъ отряда умѣло направлены къ взаимной пользѣ. Кавалерія привлечена была къ сбору зерна, фуража и скота на общую потребу. Заготовки запасовъ указано производить въ опредѣленное время и въ указанныхъ мѣстахъ. Словомъ, отрядъ генерала Гурко, по распоряженію своего энергичнаго и строгаго начальника, началъ принимать за Видомъ тѣ именно раціональныя мѣры, которыя тщетно предлагались княземъ В. А. Черкаскимъ на занятой нами территоріи по другую сторону Вида. Рѣкѣ этой суждено было служить границей между двумя мѣстностями: восточной—гдѣ пользованіе средствами страны было хищническое, отчего войска съ каждымъ днемъ становились въ болѣе и болѣе худшее положеніе, и западной—гдѣ введеніе строгаго порядка обезпечивало и правильное довольствіе войскъ, и возможное сохраненіе мѣстныхъ запасовъ на долгое время.

«Въ особенности дѣятельныя мѣры по пользованію мѣстными средствами—читаемъ у генерала Куропаткина—приняты были генераломъ Гурко съ конца октября. Съ этою цѣлью сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

«Такъ какъ въ скоромъ времени можно ожидать наступленія дурной погоды, при которой подвозъ сухарей неминуемо затруднится въ высшей степени, то предписываю войскамъ особенно бережливо расходовать получаемые ими сухари. При усиленной дачѣ мяса, расходъ сухарей долженъ быть очень малъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписываю высылать команды для сбора кукурузы и замѣнять ею часть сухарной дачи. Изъ подвозимыхъ же на интендантскихъ транспортахъ сухарей образовать запасы, которые можно было бы расходовать въ крайнихъ случаяхъ». (Парольное приказаніе 26-го октября 1877 года).

«Коменданту въ Петерницѣ, маіору Мередиху, начальникъ отряда приказалъ озаботиться сборомъ зерноваго хлѣба и скота для войскъ. Зерновый

хлѣбъ свозить для перемола въ ближайшія мельницы и затѣмъ, удержавъ для войскъ Медованскаго отряда третью часть смолотаго хлѣба, остальныя двѣ трети сдавать коменданту въ Чирпково, лейбъ-гвардіи Павловскаго полка капитану Анищенкову. Въ виду того, что для своза изъ дер. Петерницы въ ближайшія мельницы и въ Чирпково хлѣба необходимы подводы, начальникъ отряда приказалъ всѣ взятыя изъ дер. Петерницы подводы отправить обратно въ названную деревню и затѣмъ уже изъ этой деревни подводъ больше не брать». (Парольное приказаніе 29-го октября).

«Приступить немедленно къ устройству въ Радомирцѣ хлѣбопекарныхъ печей для 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій съ ихъ артиллеріею, для гвердейской стрѣлковой бригады и для 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ ея артиллеріею; мѣра эта вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что около Радомирцъ есть много мельницъ и что доставка туда муки изъ Искера гораздо удобнѣе и легче, чѣмъ въ Чирпково. Печи эти должны быть готовы отнюдь не позже вечера 1-го ноября.

«Въ виду приближающейся распутицы можно ожидать, что въ скоромъ времени прекратится всякій подвозъ сухарей изъ Систова. Поэтому еще разъ подтверждается войскамъ, что необходимо копить сухарный запасъ. Вслѣдствіе этого предписывается: чтобы къ вечеру 1-го ноября во всѣхъ частяхъ войскъ гвардіи образовался десятидневный запасъ сухарей. Кормить же людей слѣдуетъ въ это время печенымъ хлѣбомъ, причемъ войскамъ самимъ озаботиться пріобрѣтеніемъ муки у жителей окрестныхъ деревень. Вообще, для облегченія дѣятельности полеваго интендантства, которая при теперешнихъ обстоятельствахъ очень трудна, войска должны сами изыскивать средства для покупки муки и для сбереженія сухарнаго запаса». (Парольное приказаніе 27-го октября 1877 г.).

«На кавалерію западнаго отряда возложено начальникомъ отряда собраніе подводъ и пшеничнаго зерна въ раіонѣ между рѣками Искеромъ и Скитомъ, для чего въ населенные пункты на означенномъ пространствѣ командированы офицеры, которымъ приказано выдавать жителямъ квитанціи въ количествѣ и родѣ забраннаго съ объясненіемъ, добровольно или силою забраны подводы, мука и зерно. Собранные такимъ образомъ продукты и подводы, по сосредоточеніи въ дер. Магалетѣ, интенданту 2-ой гвардейской кавалерійской дивизіи направлять транспортами съ конвоемъ въ дер. Радомирцы въ распоряженіе свиты Его Величества генералъ-маіора Брока; туда же назначенъ интендантскій чиновникъ для принятія муки и зерна и выдачи вознагражденія за поставленныя добровольно: за кило пшеничной муки 5 руб. звонкою монетою и за кило пшеничнаго зерна 3 руб. 50 коп. и за поставленныя подводы—по два франка въ сутки. За забранные же у жителей силою уплачивать въ половинѣ вышеозначенной цѣны, въ наказаніе за сопротивленіе. Всѣмъ болгарамъ при выдачѣ квитанцій за забранное или добровольно поставленное подтверждать, чтобы они, или довѣренные отъ селеній, сопровождали транспортъ съ поставленными продуктами до дер. Радомирцы, гдѣ они и получатъ слѣдуемое вознагражденіе отъ интендантскаго чиновника по удостовѣреніи симъ послѣднимъ дѣйствительности поставленнаго съ выданною офицеромъ квитанціей и суточныя за подводы, которыя по уплатѣ суточныхъ не распускаются, а продолжаютъ подвозить хлѣбные продукты изъ дер. Магалетъ и другихъ пунктовъ впредь до дальнѣйшихъ о семъ распоряженій. Записки, представляемыя болгарами или ихъ повѣренными за взятые продукты или подводы, принимать къ уплатѣ только при удостовѣреніи въ истинности доставки въ дер. Радомирцы». (Приказаніе 1-го ноября)

Какъ ясны, опредѣлительны, цѣлесообразны и внушительны только-что приведенныя распоряженія генерала Гурко! Познакомясь съ ними, нельзя ни минуты сомнѣваться, что они были исполнены въ точности и войсками, и жителями, у которыхъ ничего не берется даромъ, но вдвое платится за то, что они добровольно доставляютъ по первому отъ нихъ требованію. Вотъ именно тѣ мѣры упорядоченія довольствія войскъ мѣстными средствами, о которыхъ такъ усиленно хлопоталъ князь Черкаскій, начиная еще съ Тырнова, т. е. съ іюля 1877 г. Принятіе подобныхъ мѣръ повсемѣстно въ занятыхъ нами частяхъ Болгаріи было совершенно возможно и тѣмъ удобнѣе, что тамъ было правильно организованное гражданское начальство, которому населеніе повиновалось и слѣдовательно и не было надобности въ разсылкѣ въ деревни большаго числа строевыхъ офицеровъ. Ихъ бы замѣнили гражданскія власти: т. е. начальники округовъ всѣ изъ военныхъ офицеровъ, ихъ помощники, мухтары и наконецъ мѣстная полиція, уже созданная нами. Будь подобныя мѣры приняты между Видомъ и Янтрой еще въ августѣ, то войска избѣгли бы многихъ лишеній, а государственная казна сохранила бы многіе милліоны. Нужно ли говорить, что принятіе подобныхъ мѣръ безусловно зависѣло отъ полеваго штаба, а засимъ непринятіе ихъ должно быть вмѣнено въ вину именно ему, полевому штабу.

Другой весьма удачный примѣръ иниціативы войскъ виденъ въ заготовленіи сѣна штабомъ 9-го корпуса. Вотъ что пишетъ интендантъ этого корпуса, полковникъ Свѣчинъ [1]). «Въ концѣ іюля послѣ второй Плевны, когда наступила жара и бездождіе, оставались еще нескошенными луга, которые стали выгорать. Болгары собрали сѣна и зерноваго хлѣба, сколько могли, безразлично—съ своихъ полей и турецкихъ въ раіонѣ 15—20 верстъ отъ Плевны, но всего снять не могли. Дѣйст. статс. совѣт. Кира-Динжанъ [2]) далъ мысль собрать сѣно для войскъ,

---

[1]) «Воен. Сбор.» 1887 г. № 10, стр. 258.

[2]) Дѣйст. ст. сов. Кира-Динжанъ тогда консулъ въ Черновицахъ, а нынѣ (1893 г.) генеральный консулъ въ Барцелонѣ, состоялъ въ распоряженіи гражданскаго начальства и былъ командированъ въ 9-й корпусъ генерала барона Криденера.

но для исполненія сего недоставало ни денегъ, ни рабочихъ, ни права этимъ распоряжаться. Времени терять было нельзя, потому что остатки ячменя и сѣна въ поляхъ и на лугахъ ежедневно безслѣдно пропадали подъ жгучими лучами солнца и хищною работою болгаръ. Корпусный интендантъ доложилъ объ этомъ своему корпусному командиру и съ разрѣшенія генерала барона Криденера получилъ по ассигновкѣ изъ казначейства 800 р. звонкою монетою и, употребивъ ихъ на наемъ рабочихъ, вызванныхъ изъ-подъ Систова и другихъ мѣстъ, въ двухъ-недѣльный срокъ поставилъ близъ сел. Турскій-Трестеникъ (штабъ 9-го армейскаго корпуса) 12 скирдъ сѣна, въ каждой примѣрно отъ 5.000 до 7.000 пудовъ, всего до 75.000 пудовъ, кромѣ собраннаго ячменя въ снопахъ. Перевозка исполнена казенными интендантскими транспортами въ дни ихъ разгрузки. Впослѣдствіи это сѣно, цѣною около одной коп. за пудъ, было расходуемо по особому распоряженію штаба арміи въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ только для главныхъ квартиръ, для конвоя и въ экстренныхъ случаяхъ, когда цѣна сѣна, для отпуска фуражныхъ денегъ, опредѣлена была отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 75 к. за пудъ и за покупкою его нужно было посылать подводы къ Балканамъ или къ берегамъ р. Искера».

Въ этомъ примѣрѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе починъ представителя гражданскаго вѣдомства. Со второй Плевны, т. е. съ половины іюля, почти всѣ войска въ Сѣверной Болгаріи оставались на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и всѣмъ имъ было легко сдѣлать подобныя заготовленія. Примѣръ этотъ также весьма убѣдительно показываетъ, что гражданское вѣдомство и его представители при войскахъ всегда заботились объ интересахъ войскъ и побуждали ихъ пользоваться средствами страны.

Принимая или рѣшительно рекомендуя мѣры, обезпечивавшія продовольствіе арміи, гражданское управленіе не оставляло въ то же время всемѣрно заботиться вообще объ удобствахъ арміи и предоставленіи войскамъ наилегчайшихъ способовъ пріобрѣтенія для себя всего необходимаго.

Такъ запрещенъ былъ вывозъ за границу, чрезъ Дунайскія таможни, хлѣба и овчинъ, и напротивъ допущенъ безпошлинный въ

Болгарію ввозъ соли [1]), строительныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, а также дровъ, хворосту, сучьевъ, кизяку, каменнаго угля и всѣхъ вообще предметовъ отопленія. Въ видахъ возможнаго облегченія нуждъ войскъ и солдата, порядокъ взиманія акциза съ табаку оставленъ прежній, безъ принятія охранительныхъ мѣръ къ прекращенію безбандерольной его продажи [2]).

Съ тою же цѣлью оказано было самое энергичное содѣйствіе предпріятіямъ тайнаго совѣтника Новосельскаго и купца Морозова, образовавшихъ «Московское товарищество временной задунайской торговли». Оба эти лица брались снабжать чиновъ арміи нѣкоторыми наиболѣе необходимыми предметами: чаемъ, сахаромъ, табакомъ, свѣчами, одеждою и пр. Обладая достаточными средствами и руководясь патріотическими побужденіями, господа Новосельскій и Морозовъ заявили желаніе продавать свои товары по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ и имъ, для облегченія ихъ начинаній, предоставлено было: во-первыхъ—право провоза по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ ежедневно, въ видѣ военнаго груза по одному товарному вагону съ грузомъ въ 600 пудовъ и на условіяхъ перевозки военныхъ тяжестей, и во-вторыхъ—освобожденіе отъ взиманія таможенныхъ пошлинъ на границахъ Болгаріи и всякаго рода сборовъ за торговлю въ предѣлахъ этого края [3]).

Къ сожалѣнію, оба эти предпріятія оказались едва-ли не мертворожденными. Московскіе купцы потребовали потомъ правительственной гарантіи или субсидіи. И то и другое было, разумѣется, отклонено.

Надо замѣтить, что за арміей слѣдовала масса еврейскихъ тор-

---

[1]) 7-го сентября взиманіе пошлины на соль было возстановлено для таможенъ Тульчинскаго санджака, въ которомъ, кромѣ нахожденія соляныхъ озеръ, открыты были большіе турецкіе запасы соли до двухъ милліоновъ окъ.

[2]) Замѣчательно, что о безбандерольной продажѣ табаку, какъ о мѣрѣ крайне вредной для финансовъ края и доказывающей бездѣйствіе гражданскихъ властей, въ главной императорской квартирѣ, оффиціально заявилъ ѣздившій на Шипку генералъ-адъютантъ князь Петръ Витгенштейнъ. Объ этомъ упущеніи было сообщено князю Черкаскому, и ему пришлось разъяснить, что это дѣлается въ видахъ удобствъ арміи.

[3]) О предпріятіяхъ гг. Новосельскаго и Морозова было объявлено въ приказаніяхъ по войскамъ арміи: о первомъ 9-го іюня 1877 г. № 48, а о второмъ—12-го ноября 1877 г. № 193.

говцевъ, продававшихъ по высокимъ цѣнамъ всѣ тѣ же припасы. Несмотря на то, что этимъ торговцамъ не было сдѣлано никакихъ льготъ, они вели свои дѣла на славу и наживали громадныя деньги. Товары ихъ, между которыми, кромѣ жизненныхъ запасовъ, можно было найти прекрасныя и самыхъ разнообразныхъ формъ палатки, кровати, ковры, фуфайки, полушубки, перчатки и проч., раскупались быстро, охотно и, по правдѣ сказать, съ большою благодарностью. Цѣны были высоки, но на это не обращали вниманія, потому что суть была въ томъ, чтобы необходимую вещь достать своевременно. Торгуя по мелочамъ, эти предпріимчивые люди нажили изъ грошей большіе капиталы.

Подробно изложивъ мѣропріятія гражданскаго управленія по обезпеченію арміи всѣмъ ей необходимымъ, мнѣ кажется совершенно справедливымъ придти къ тому общему выводу, что князь Вл. Ал. Черкаскій, разъ высказавъ убѣжденіе, что всѣ мѣстныя средства края должны строго сохраняться отъ всякаго расхищенія съ тѣмъ, чтобы ихъ всецѣло употребить на удовлетвореніе потребностей войскъ—постоянно держался этого правила и дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы осуществить его возможно полнѣе и цѣлесообразнѣе.

Приведемъ вкратцѣ факты, характеризующіе его дѣятельность.

1) Съ первыхъ дней своего пребыванія въ Кишиневѣ, куда онъ былъ вызванъ только ко времени объявленія войны, князь Черкаскій, не зная еще ни о проектированныхъ способахъ продовольствія арміи въ Болгаріи, ни о мѣстныхъ запасахъ этого края, но считая необходимымъ предоставить всѣ его средства въ распоряженіе арміи, обратился къ военному начальству съ вопросомъ: потребуется ли и въ какомъ видѣ содѣйствіе будущаго гражданскаго управленія въ Болгаріи къ обезпеченію арміи продовольствіемъ? Отвѣтъ былъ данъ самый категорическій: продовольствіе войскъ обезпечено вполнѣ мѣрами, принятыми военнымъ вѣдомствомъ, и отъ гражданскихъ властей не требуется по этому предмету никакого содѣйствія. Въ подобной помощи не нуждались до такой степени, что даже сочли излишнимъ сообщить гражданскому начальству копію контракта, заключеннаго съ товариществомъ Горвица, Грегера, Когана и К°, несмотря на то, что контрагенты арміи должны были продовольствовать войска, главнымъ образомъ, мѣстными средствами. Подобный отказъ былъ не только отклоненіемъ сдѣланнаго гражданскимъ вѣдомствомъ предложенія о содѣйствіи, но положительнымъ устраненіемъ этого вѣдомства отъ всякаго участія въ дѣлѣ продовольствія арміи.

2) Несмотря на таковой отказъ, князь Черкаскій, обсуждая вопросъ объ уничтоженіи ненавистнаго болгарскому народу взиманія десятины съ про-

изведеній земли, предусмотрительно включилъ въ проектъ главныхъ основаній объявленія главнокомандующаго по дѣламъ казеннаго управленія слѣдующее: «Съ наступающаго 1878 года отмѣняется на всегда взиманіе десятины (ошуръ) съ произведеній земли. Взамѣнъ десятины, съ наступающаго 1878 года, будетъ введена поземельная подать, взимаемая на правильныхъ основаніяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду совершенно исключительныхъ и неотложныхъ потребностей, порождаемыхъ войною, десятина будетъ еще взимаема въ текущемъ 1877 г.: а) деньгами—въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбныя произведенія не будутъ необходимы для продовольствія войскъ и б) натурою—лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произведенія земли будутъ необходимы для продовольствія войска». Объявленіе это было утверждено главнокомандующимъ 5-го іюня 1877 г., т. е. за двѣ недѣли до перехода черезъ Дунай и сообщено полевому штабу для обнародованія посредствомъ военно-полицейскаго управленія, устраиваемаго войсками, по мѣрѣ занятія края.

Взиманіе десятины натурою введено было въ объявленіе главнокомандующаго только условно; отъ военнаго вѣдомства вполнѣ зависѣло воспользоваться ею или нѣтъ; стоило только не указывать мѣстностей, гдѣ произведенія земли необходимы для продовольствія войскъ, и тогда бы десятина всюду, сама собою, на точномъ основаніи обнародованной прокламаціи главнокомандующаго, собиралась бы деньгами. Такого молчаливаго, такъ сказать, способа осуществить свои желанія военныя власти признали недостаточнымъ и, когда 11-го іюля въ г. Тырновѣ утверждена была главнокомандующимъ «инструкція о взиманіи десятиннаго налога съ хлѣбныхъ полей и луговъ въ 1877 г.», то полевой штабъ и интендантъ арміи рѣшительно заявили, что не нуждаются въ сборѣ десятины натурой, почему и пришлось, особымъ циркуляромъ (22 го іюля 1877 г.) поручить губернаторамъ объявить населенію, что оно обязано внести десятину исключительно и повсемѣстно деньгами, къ чему и должно своевременно приготовиться. Этою мѣрою, основанною на положительномъ требованіи военныхъ властей, положено начало безпорядочной продажи мѣстныхъ запасовъ края по самымъ невыгоднымъ для населенія цѣнамъ. Хлѣбные запасы, а въ томъ числѣ и десятина, были расхватаны безъ всякаго порядка и системы, къ явному ущербу для войскъ, скоро начавшихъ нуждаться въ средствахъ продовольствія.

3) Съ цѣлью облегчить войскамъ сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ и властями края, въ распоряженіе корпусныхъ командировъ назначены были чины консульскаго корпуса, знакомые съ мѣстными языками и условіями жизни и управленія. Лица эти, служа посредниками между войсками съ одной стороны и гражданскою администраціей и населеніемъ съ другой, принесли войскамъ немалую пользу, и имена нѣкоторыхъ изъ нихъ пользовались въ войскахъ большими симпатіями (г. Кира-Динжанъ въ 9-мъ корпусѣ).

4) Когда, съ переходомъ черезъ Дунай, всѣ воочію убѣдились, что Сѣверная Болгарія, несмотря на крайнюю забитость и загнанность христіанскаго ея населенія, весьма богата хлѣбомъ, фуражомъ и скотомъ, свободные запасы чего увеличились отъ бѣгства значительнаго числа турокъ, бросившихъ свое имущество, князь Черкаскій снова предложилъ утилизировать эти средства на нужды войскъ: заведя уборку хлѣба съ турецкихъ полей, сѣна съ турецкихъ луговъ и образовавъ изъ брошеннаго турецкаго скота воловые транспорты или просто стада, для обезпеченія войскъ мясомъ. Эти предложенія тоже были отвергнуты, а продукты, все-таки собранные по распоря-

женію гражданскаго начальства съ турецкихъ полей и луговъ, и турецкій скотъ обращены впослѣдствіи на нужды болгарскихъ бѣженцевъ.

5) Въ первый періодъ кампаніи, когда войска, переходя Дунай, быстро шли впередъ, нуждаясь въ пріобрѣтеніи продовольствія во время самаго движенія—ихъ встрѣчали на пути состоявшіе въ гражданскомъ вѣдомствѣ офицеры, на обязанность которыхъ возложено было всемѣрно стараться облегчать войскамъ пріобрѣтеніе продуктовъ какъ покупкою, такъ и, въ случаѣ надобности, реквизиціоннымъ путемъ.

6) По мѣрѣ того, какъ, вслѣдствіе неудачъ подъ Плевной, войска сгруппировались въ три отряда—Плевненскій, Рущукскій и Тырновскій и расположились на мѣстахъ на продолжительныя стоянки, князь Черкаскій энергично настаивалъ на необходимости съ полною точностью опредѣлить порядокъ продовольствія войскъ хлѣбомъ и фуражемъ и предложилъ образованіе запасовъ хлѣба и фуража, взимаемыхъ съ жителей края реквизиціоннымъ путемъ за деньги, подкрѣпивъ мѣстныя средства подвозомъ, чего нужно, изъ Румыніи. Порядка довольствія войскъ мѣстными средствами установлено не было, а собранные реквизиціонные запасы мало послужили на пользу войскъ, потому что обязательный пріемъ ихъ натурою установленъ не былъ, а сами войска, получая непомѣрно высокія справочныя цѣны, уклонялись отъ требованія зерна, предпочитая заготовлять фуражъ собственными средствами.

7) Во время этихъ стоянокъ гражданское начальство добросовѣстно содѣйствовало войскамъ указаніемъ и отводомъ свободныхъ луговъ для сѣнокошенія и постоянно сообщало полевому штабу о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ напримѣръ за р. Видомъ, находились большіе запасы турецкаго правительства и мѣстныхъ жителей.

8) Кромѣ этихъ прямыхъ мѣръ, обезпечивавшихъ довольствіе войскъ, принимаемы были и другія мѣры таможенныя и фискальныя, имѣвшія въ виду исключительно потребности войскъ, какъ-то: запрещеніе вывоза хлѣба и овчинъ, безпошлинный ввозъ соли, непринятіе строгихъ акцизныхъ мѣръ къ увеличенію сбора съ табака, лишь бы продуктъ этотъ могъ быть дешевле пріобрѣтаемъ офицерами и нижними чинами, а также безпошлинный ввозъ строительнаго лѣса и всѣхъ матеріаловъ отопленія.

Послѣ всего этого настоитъ ли необходимость возражать противъ нелѣпаго обвиненія князя Черкаскаго въ томъ, что онъ будто бы сдѣлалъ запрещеніе о продажѣ жителями ихъ запасовъ войскамъ? Говорили, что, вслѣдствіе такого запрещенія, болгары не продавали не только хлѣба и фуража, но и домашней живности. О несуществованіи подобнаго запрещенія было объявлено войскамъ оффиціально, да и по самому своему существу подобное запрещеніе никогда не могло быть принято ни однимъ разумнымъ человѣкомъ, а тѣмъ болѣе княземъ Черкаскимъ, выказавшимъ столько заботъ и горячности ко всемѣрному обращенію мѣстныхъ средствъ края на потребы арміи. Въ этомъ случаѣ его скорѣе было возможно обвинять въ излишней—портившей личныя отношенія и часто потому вредившей дѣлу—настойчивости на принятіи мѣръ, которыя,

по самому своему существу, безусловно обезпечивали войска хлѣбомъ, скотомъ и фуражемъ и, въ то же время, давали способы къ значительному сбереженію казенныхъ денегъ. Во всякомъ случаѣ, нареканія на дѣятельность князя Черкаскаго, затруднявшую, будто бы, войскамъ пріобрѣтать запасы у жителей, были неосновательны.

Судьбы Болгарскаго ополченія. Въ главѣ VII-ой разсказъ о Болгарскомъ ополченіи былъ доведенъ до второй половины іюня 1877 г. По даннымъ отчета полеваго штаба за 1877—1878 г.г., Болгарское ополченіе, состоявшее тогда изъ 1 генерала, 9 штабъ-офицеровъ, 72 оберъ-офицеровъ, 7.125 строевыхъ и 247 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ [1])—распалось на двѣ части. Главная, въ составѣ шести первыхъ дружинъ, сформированныхъ въ Кишиневѣ и Плоэшти (№№ 1—6) подъ командою начальника ополченія генерала Столѣтова, предназначена была для дѣйствія въ полѣ, а выдѣленная изъ общаго состава ополченія сводная бригада (дружины №№ 7—12, въ составѣ 1 штабъ и 37 оберъ-офицеровъ, 991 строевыхъ и 68 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ) подъ командою полковника Корсакова должна была оставаться въ Систовѣ и формироваться до полнаго штатнаго состава.

Первыя шесть дружинъ Болгарскаго ополченія удостоились совершенно неожиданной для нихъ чести. Вмѣстѣ съ отборными русскими войсками, онѣ были назначены въ составъ передоваго отряда генерала Гурко, которому поручено было занять древнюю столицу Болгаріи—Тырновъ и главнѣйшіе балканскіе перевалы Шипку и Хаинкіой.

Описаніе военныхъ операцій, въ которыхъ участвовали болгарскія дружины 1-й серіи, не относится къ предметамъ настоящей статьи; довольно только засвидѣтельствовать, что дружины эти вынесли всѣ тяжести перваго забалканскаго похода, съ мужествомъ дрались противъ турокъ и, съ отступленіемъ передоваго отряда на сѣверную сторону Балканъ, оставлены были на Шипкѣ для охраненія этого важнаго пункта въ горахъ.

---

[1]) Цыфры эти взяты изъ «Отчета полеваго штаба за 1877—1878 годы», изданнаго военно-исторической коммиссіей главнаго штаба въ 1884 г.

Какъ велика потеря убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти, свѣдѣній у меня нѣтъ, но во всякомъ случаѣ боевыя потери были не особенно велики, большая же часть приводимой отчетомъ непомѣрной убыли объясняется повальнымъ дезертирствомъ ополченцевъ. Доходилъ братушка до мѣста своей родины или уставалъ и выбивался изъ силъ, или наконецъ оставался недоволенъ чѣмъ-либо, онъ преспокойно уходилъ, куда хотѣлъ, оставляя ружье, аммуницію, а въ жаркое время и верхнее платье. Такимъ образомъ предсказанія князя Черкаскаго, къ сожалѣнію, вполнѣ оправдались, и отправленныя впередъ дружины совсѣмъ растаяли, хотя впрочемъ обстоятельство это избавило ополченіе отъ позорившей его сволочи, попавшей въ дружины въ первые дни его сформированія.

Стоя на Шипкѣ, на самомъ передовомъ пунктѣ расположенія нашей арміи, Болгарское ополченіе не только не могло исправить свою матеріальную часть, но даже не имѣло возможности дать надлежащій отдыхъ людямъ, ослабѣвшимъ отъ трудовъ и мучной пищи. При частыхъ продолжительныхъ и сырыхъ туманахъ и дождяхъ, обращавшихъ почву въ жидкую грязь, дружины стояли на перевалѣ бивуакомъ, безъ палатокъ. «Большинство людей, доносилъ генералъ Столѣтовъ генералу Радецкому, не имѣетъ вовсе обуви, а многіе изъ нихъ и шинелей, мундировъ и зимнихъ шароваръ». Къ довершенію затрудненій, товарищество Горвицъ и К° увѣдомило начальника ополченія: «что съ 4-го августа не будетъ уже въ состояніи снабжать, даже съ настоящею неисправностью, войска хлѣбомъ по недостатку зерна».

Сводя пять дружинъ съ Шипки внизъ и занявъ болѣе выгодное размѣщеніе въ самомъ сел. Шипка, лежащемъ на южномъ склонѣ, генералъ Столѣтовъ обратился за помощью въ Тырново къ генералу Радецкому и въ Горній Студень къ генералъ-адъютанту Непокойчицкому. Прямаго обращенія къ князю Черкаскому не было, но пріѣзжавшій съ Шипки полковникъ Депрерадовичъ, желавшій въ то время получить одну изъ бригадъ Болгарскаго ополченія — былъ у князя Вл. Ал. и рисовалъ положеніе дружинъ очень темными красками. То же самое подтверждалъ и вполнѣ посторонній человѣкъ—князь Церетелевъ, только-что пріѣхавшій въ Тырново изъ-за Балканъ.

Самъ же генералъ Столѣтовъ описывалъ это положеніе генералу Радецкому въ телеграммѣ отъ 31-го іюля 1877 г. въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ, а именно:

«Въ Тырновъ изъ Габрова. Начальнику 8 армейскаго корпуса. Вынужденъ послать флигель-адъютанта графа Толстаго просить смѣнить ополченіе съ Шипкинскаго перевала ротами Орловскаго полка. До крайности неисправна доставка хлѣба; неимѣніе сухарнаго запаса; почти поголовное отсутствіе обуви; патроны почти всѣ подмочены и врядъ-ли въ настоящее время годны; съ началомъ сырой и холодной погоды многіе отлучаются самовольно искать хлѣба и одежды; впереди изнурительная лихорадка и голодный тифъ. Чтобы спасти ополченіе, необходимо вывести по крайней мѣрѣ въ городъ Габрово, дать отдыхъ, укомплектовать и все исправить. Палатокъ у насъ вовсе нѣтъ. Генералъ-маіоръ Столѣтовъ».

Чтеніе этой телеграммы, присланной Радецкимъ князю Черкаскому и подтвердившей разсказы частныхъ лицъ, произвело на находившіяся въ Тырновѣ гражданскія и военныя власти чрезвычайное впечатлѣніе и тѣмъ болѣе сильное, что изъ телеграммы стало ясно, что дезертируютъ изъ дружинъ не только дурные элементы, отъ которыхъ желательно было освободиться, но и другіе люди, не рѣшавшіеся оставаться въ ополченіи, гдѣ имъ не давали ни крова, ни одежды, ни даже хлѣба. Ясно было, что необходимо принять всевозможныя мѣры къ оказанію дружинамъ помощи. То же самое, вслѣдствіе тѣхъ же разсказовъ и телеграммъ, произошло вѣроятно и въ Горнемъ Студнѣ, потому что 31-го іюня генералъ Непокойчицкій телеграфировалъ князю Черкаскому: «Прошу распоряженія вашего перевезти въ Тырновъ вещи, доставленныя Аксаковымъ для ополченія въ Бухарестъ и высылки Столѣтову триста восемнадцати шинелей. Корсаковъ двинулся уже Тырновъ».

Такъ какъ въ только-что приведенной телеграммѣ начальника упоминается о полковникѣ Корсаковѣ, командирѣ дружинъ 2-й серіи, то совершенно умѣстно разсказать, что было съ ними со времени перехода за Дунай до начала знаменитаго шипкинскаго сидѣнья.

Прибывшіе въ Систовъ (21-го іюня 1877 г.) кадры дружинъ 2-й серіи (№№ 7—12) хотя и образовали такъ названную сводную бригаду, но въ сущности состояли изъ шести не дружинъ, а ротъ. «Оставленный мнѣ кадръ былъ ужасенъ—говоритъ полковникъ Корсаковъ [1])—и далеко не достигалъ 991 строевыхъ и 38 нестроевыхъ». Бригада размѣстилась въ городѣ весьма удобно и занялась обученіемъ болгарскихъ охотниковъ, которыхъ однако являлось очень мало [2]). Несмотря впрочемъ на слабость дружинъ сводной бригады и даже именно въ виду этой слабости, не дававшей полевому штабу никакой возможности присоединить ихъ къ дѣйствующимъ войскамъ—князь Черкаскій снова сталъ просить о разведенія этихъ дружинъ въ разныя мѣста занятаго нами края, какъ для болѣе успѣшнаго ихъ комплектованія, такъ и для поддержки устраивавшагося уже всюду новаго гражданскаго управленія, весьма нуждавшагося въ мѣстной силѣ для охраненія порядка. Особый уходъ за дружинами 2-й серіи князь Черкаскій признавалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что дружины 1-й серіи, посланныя въ огонь, начали уже нести отъ военныхъ дѣйствій и другихъ обстоятельствъ значительныя потери, восполнить которыя только и возможно было людьми, прошедшими черезъ дружины 2-й серіи.

Возобновленное ходатайство князя Черкаскаго совершенно случайно сошлось съ весьма серьезными указаніями, полученными въ полевомъ штабѣ изъ императорской квартиры отъ военнаго министра, заявлявшаго о непорядкахъ въ тылу арміи и крайней необходимости, чтобы военное начальство приняло наконецъ къ устраненію ихъ рѣшительныя мѣры. Тогда-то, въ половинѣ іюля, рѣшено было исполнить требованіе завѣдующаго гражданскими дѣлами и развести болгарскія дружины 2-й серіи въ разныя мѣста для удобнѣйшаго ихъ формированія и оказанія содѣйствія гражданской администраціи. 6-го іюля полковнику Корсакову предложено было:

---

[1]) Письмо отъ 2-го ноября 1888 г.

[2]) По отчетности дѣйствующей арміи, сводная болгарская бригада отдѣльно показывалась только три раза и въ ней было:

къ 1-му	іюля 1877 г.	1	штабъ,	37	об.-оф.	991	стр.	и 68	нестр.	н. ч.
» 15-му	»	»	» 1	»	43	»	1408	»	и 72	» » »
» 1 августа	»	»	» 1	»	43	»	1408	»	и 72	» » »

Слѣдовательно, всего прибавилось 421 чел.

оставя одну дружину въ Систовѣ, остальныя немедленно отправить— одну въ Никополь и по двѣ въ Тырново и Габрово. Самому полковнику Корсакову предписывалось быть при тырновскихъ дружинахъ. О предстоящемъ распредѣленіи дружинъ по краю тогда же были оповѣщены гражданскія власти, которымъ предлагалось принять самыя энергичныя мѣры къ успѣшному ихъ пополненію добровольцами. Какъ только вѣсть объ этомъ разнеслась по Тырнову и его окрестностямъ, тотчасъ же явилось до тысячи человѣкъ, желавшихъ поступить въ дружины, въ томъ числѣ до 300 чел. въ самомъ городѣ. Молодежь эта отовсюду стекалась въ Тырново и весьма часто собиралась у бивуака главной квартиры, съ любопытствомъ смотря на расположенныя тамъ войска.

Занявшись вновь болгарскимъ ополченіемъ, въ полевомъ штабѣ наткнулись на весьма курьезный фактъ. Послѣ полученія 25-го апрѣля телеграммы изъ главнаго штаба (въ С-Петербургѣ) о сформированіи кадровъ для шести дружинъ 2-й серіи, всѣ распоряженія полеваго штаба ограничились только отправленіемъ телеграммы же о высылкѣ кадровъ въ Плоэшти. Болѣе ничего писано не было, и денежныя средства на формированіе новыхъ дружинъ не только не были истребованы, но даже и не опредѣлены. Тотчасъ же вопросъ этотъ былъ возбужденъ, и 11-го іюля 1877 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе произвести для вновь формируемыхъ шести дружинъ Болгарскаго ополченія тѣ же денежные отпуски и въ томъ же размѣрѣ, какъ это было опредѣлено для первыхъ шести дружинъ [1]). Вслѣдъ за симъ 4-го августа, въ приказѣ по войскамъ дѣйствующей арміи объявлено было наконецъ и объ образованіи новыхъ шести дружинъ.

По какой-то случайности письменное предписаніе о размѣщеніи дружинъ въ краѣ до полковника Корсакова не дошло. Узнавъ изъ частныхъ слуховъ, что какое-то распоряженіе по этому дѣлу существуетъ, командиръ сводной бригады послалъ въ Тырново офи-

---

[1]) О денежныхъ отпускахъ для дружинъ 2-й серіи генералъ-адъютантъ Непокойчицкій телеграфировалъ въ Петербургъ начальнику главнаго штаба, который ходатайство это по телеграфу же передалъ въ Бѣлу военному министру, немедленно испросившему высочайшее повелѣніе. В.-Уч. Ар., дѣло № 5772.

*

цера для разъясненія слуховъ. Командированный офицеръ, получивъ въ штабѣ копію съ посланнаго предписанія штаба, привезъ его въ Систово 19-го іюля въ тотъ самый день, когда, послѣ второй неудачи барона Криденера подъ Плевной, въ Систовѣ была сильная паника. Генералъ Рихтеръ, охранявшій мостъ черезъ Дунай, въ виду тревожныхъ свѣдѣній изъ-подъ Плевно, десять дней не разрѣшалъ полковнику Корсакову разводить его дружины и только 29-го іюля изъявилъ на это согласіе. Четыре дружины, назначенныя въ Тырново и Габрово, пошли наконецъ на новыя квартиры, и тутъ только полковникъ Корсаковъ, бездѣятельно проводившій время въ Систовѣ, замѣтилъ, что у него не все обстоитъ благополучно. Изъ сел. Павло онъ сообщилъ полевому штабу [1]), что у него нѣтъ ни одного доктора; что денегъ на хозяйство частей не отпущено, и вновь поступившихъ людей нельзя одѣвать, потому что все обмундированіе на шесть новыхъ дружинъ, доставленное Н. С. Аксаковымъ изъ Москвы въ Бухарестъ, лежало тамъ безъ всякаго распоряженія и даже предназначалось не къ выдачѣ въ новыя дружины, для которыхъ и спито, а къ отправленію на Шипку въ вѣдѣніе генерала Столѣтова. Это послѣднее показаніе, какъ мы видѣли, подтверждалось депешею отъ 31-го іюля генерала Непокойчицкаго, просившаго князя Черкаскаго приказать перевезти все это обмундированіе въ Тырновъ, упуская изъ виду тѣ дружины полковника Корсакова, которыя, оставаясь въ тылу, не получили бы обмундированія на штатное число людей. Первыя двѣ дружины пришли въ Тырново вечеромъ 30-го іюля, другія двѣ—вслѣдъ за тѣмъ.

Итакъ къ началу августа 1877 г. положеніе дружинъ 2-й серіи было почти такъ же печально, какъ и положеніе первыхъ шести.

Неудовлетворительное состояніе кадровыхъ дружинъ, какъ оно ни было велико, во всякомъ случаѣ было дѣломъ домашнимъ, но бѣдственное положеніе боевыхъ дружинъ на Шипкѣ къ 1-му августа 1877 года, засвидѣтельствованное самимъ начальникомъ ополченія, составляло фактъ особо выдающійся. Заявленія генерала Столѣтова «о спасеніи» ополченія были настолько серьезны, что

[1]) Письмо къ ген. Кучевскому, 30-го іюля 1877 г. Дѣло инт. отд. полев. шт. № 61, ч. 1.

на этотъ разъ со всѣхъ сторонъ дружно занялись судьбою дружинъ. И какъ это было кстати! Съ 8-го августа Сулейманъ уже началъ свои атаки, и Болгарское ополченіе, подкрѣпленное къ тому времени чѣмъ было возможно, снова очутилось въ самомъ круговоротѣ военныхъ дѣйствій. Опоздай съ своими заявленіями генералъ Столѣтовъ нѣсколько дней, и дружины его были бы въ самомъ безотрадномъ положеніи, именно къ самымъ грознымъ днямъ сулеймановыхъ атакъ.

Генералъ Непокойчицкій, въ качествѣ корпуснаго командира ополченія, принялъ мѣры быстраго укомплектованія боевыхъ дружинъ и приведенія въ порядокъ ихъ обмундированія. Въ томъ и другомъ отношеніи дѣлу могли помочь исключительно тѣ четыре дружины 2-й серіи, которыя вслѣдствіе настояній гражданскихъ властей были передвинуты къ Тырнову и имѣли въ своемъ составѣ болѣе или менѣе готовыхъ людей и нѣкоторые запасы обмундированія. 4-го августа послѣдовало разрѣшеніе главнокомандующаго «пополнить дружины 1-й очереди людьми изъ дружинъ 2-й очереди, не трогая кадровъ этихъ послѣднихъ и не исчерпывая всего ихъ перемѣннаго состава».

Пришедшему въ Тырново полковнику Корсакову приказано было немедленно отправить на Шипку, къ генералу Столѣтову, возможно большее число вполнѣ обмундированныхъ и снаряженныхъ дружинниковъ, пославъ вмѣстѣ съ ними 318 шинелей и 500 паръ сапоговъ. Несмотря на то, что въ четырехъ прибывшихъ въ Тырновъ и Габрово дружинахъ было всего 830 чел., полковникъ Корсаковъ отправилъ 3-го августа на Шипку 550 нижнихъ чиновъ и всѣ тѣ вещи, которыя были указаны генераломъ Непокойчицкимъ.

Генералъ Радецкій далъ согласіе на спускъ дружинъ въ Габрово для отдыха, но не всѣхъ вдругъ, а только по очереди.

Помогло и гражданское управленіе, приказавъ начальнику Габровскаго округа, капитану Маслову, всемѣрно озаботиться обезпеченіемъ дружинъ продовольствіемъ.

Оказавъ огромную услугу боевымъ дружинамъ выдѣленіемъ для нихъ укомплектованія и обмундированія, кадры полковника Корсакова успѣли весьма существенно помочь и регулярнымъ войскамъ. Когда, вечеромъ 9-го августа, генералъ Радецкій дѣлалъ распоря-

женія о движеніи на слѣдующее утро своего отряда къ Шипкѣ, атакованной арміей Османа-паши, начальникъ 4-й стрѣлковой бригады, генералъ-маіоръ Цвѣцинскій, заявилъ, что стрѣлки кромѣ страшной усталости, которая, разумѣется, въ счетъ не идетъ, весьма нуждаются въ сапогахъ. Мнѣ въ это время случилось быть у генерала Радецкаго. Обратясь ко мнѣ, Өедоръ Өедоровичъ спросилъ: «не поможете ли?» Что я могъ сдѣлать? Болгары сапогъ не носятъ, а надѣваютъ опанки, что-то въ родѣ кожаныхъ туфель-сандалій, къ которымъ наши солдаты совсѣмъ не привыкли. Слѣдовательно, достать въ городѣ готовыхъ сапогъ было нельзя. Но мнѣ пришла счастливая мысль. «Ваше превосходительство, говорю я, сапогъ взять не откуда, но здѣсь есть двѣ кадровыя роты болгарскихъ дружинъ, разуемъ ихъ и отдадимъ сапоги стрѣлкамъ. Сколько бы сапогъ ни оказалось, все будетъ кстати». Мнѣніе мое было принято единогласно, братушекъ сейчасъ же разули, и 178 паръ хорошихъ сапоговъ послали стрѣлкамъ, а я отпустилъ въ дружины двѣ тысячи рублей на немедленное пріобрѣтеніе опанокъ и замѣну ихъ потомъ сапогами.

Передвиженіе пяти [1]) дружинъ 2-й серіи въ Тырново и Габрово дало возможность начальнику ополченія, стоявшему на позиціи всего верстахъ въ 12—14 отъ Габрова, ознакомиться съ этими новыми частями. Осмотръ дружинъ и повѣрка дѣлопроизводства сводной бригады Болгарскаго ополченія обнаружили печальные факты. Дѣлопроизводство велось совершенно своеобразно и было запутано, а результатомъ 4-хъ мѣсячнаго формированія «явились шесть маленькихъ частей, которыхъ вовсе нельзя считать батальонами. Части эти болѣе чѣмъ на половину неодѣты, невооружены, необучены». «Новыя дружины, говоритъ генералъ Столѣтовъ, никуда негодные неуки».

Относя причины этого къ недостатку энергіи лица, которому поручено было формированіе новыхъ дружинъ и заглазности самаго дѣла, происходившаго въ то время, когда дѣйствующая часть ополченія была въ походѣ, генералъ Столѣтовъ признавалъ необходи-

[1]) Дружина, оставленная въ Никополѣ, была въ сентябрѣ передвинута въ Тырновъ.

мымъ пополнить слабыя дружины до штатнаго числа, т. е. до 12 тыс. человѣкъ, для того, чтобы укомплектованное такимъ образомъ ополченіе «составило бы болгарскую дивизію не только по названію».

Проектъ генерала Столѣтова въ главныхъ его частяхъ удостоился одобренія. Приказомъ по войскамъ 3-го октября 1877 г. № 183, вновь сформированныя шесть болгарскихъ дружинъ, съ № 7 по № 12, предписывалось включить въ составъ бригадъ уже существующихъ и затѣмъ бригадамъ ополченія состоять:

1-й бригадѣ изъ дружинъ №№ 1, 2, 7 и 8
2-й » » » №№ 3, 4, 9 и 10
3-й » » » №№ 5, 6, 11 и 12.

Командованіе бригадами новаго состава поручалось: 1-й—полковнику Депрерадовичу; 2-й—флигель-адъютанту полковнику князю Вяземскому и 3-й—флигель-адъютанту полковнику графу Толстому. Бывшій командиръ 1-й бригады, полковникъ Корсаковъ, поступилъ въ распоряженіе главнокомандующаго и вскорѣ назначенъ командиромъ полка внутри имперіи.

Кромѣ того, особымъ предписаніемъ, генералу Столѣтову разрѣшалось свести дружины 2-й серіи въ одно мѣсто, не располагая ихъ однако въ шатрахъ около Габрова, а казарменно въ Габровѣ, Дряновѣ и даже Тырновѣ. «Что касается, наконецъ— говорилось въ томъ же предписаніи—дальнѣйшаго набора для ополченія охотниковъ болгаръ изъ занятыхъ уже нами мѣстностей, то организація этого дѣла вполнѣ предоставляется вашему усмотрѣнію».

Принятіе этихъ мѣръ, вполнѣ нарушавшихъ послѣдовавшее соглашеніе съ гражданскимъ вѣдомствомъ о поддержкѣ его дружинами, было принято безъ предварительнаго совѣщанія съ княземъ Черкаскимъ. Выводъ дружинъ изъ Систова и Тырнова и сосредоточеніе ихъ около Габрова дѣйствительно могли подвинуть обученіе ополченія, но за то совершенно лишали гражданское управленіе поддержки мѣстной военной силы и рѣшительно не обезпечивали въ большей противу прежняго мѣрѣ успѣшность ополченія дружинъ. Гражданское вѣдомство, озабоченное именно въ это время устройствомъ массы болгарскихъ бѣженцевъ, укрывшихся подъ защиту нашихъ войскъ изъ-за Балканъ и съ передовыхъ позицій со

стороны Ловчи и Османъ-Базара, вполнѣ было ознакомлено съ дѣломъ и положительно знало, что на поступленіе въ ополченіе нѣсколькихъ тысячъ охотниковъ, чтобы довести его до 12-ти тысячнаго состава, разсчитывать было немыслимо. Охотники являлись десятками, и всѣхъ желающихъ, гдѣ бы таковые ни оказались, брали въ дружины немедленно [1]). Наконецъ и обученіе дружинъ могло идти успѣшно только при условіи ихъ сосредоточеннаго расположенія. Если, по выраженію начальника ополченія, новыя дружины были «никуда негодные неуки», то объяснялось это, и едва-ли не главнымъ образомъ, тѣмъ, что только въ концѣ іюля 1877 г. стали прибывать ихъ командиры [2]), до того же времени дружины не имѣли начальниковъ и обучались старшими ротными командирами, что не обезпечивало правильности фронтовыхъ занятій съ добровольцами, незнавшими, сверхъ того, русскаго языка.

Вообще князь Черкаскій говорилъ, что усиленное комплектованіе дружинъ не можетъ принести пользы дѣлу до тѣхъ поръ, пока оставлены будутъ тѣ неопредѣленныя начала, на которыхъ производился тогда наборъ охотниковъ. Никто изъ нихъ при поступленіи не былъ обязываемъ обѣщаніемъ прослужить какое-либо опредѣленное время; никто не приводился къ присягѣ. Не стѣсняемые ни долгомъ клятвеннаго обѣщанія, ни обязательнымъ срокомъ службы, дружинники оставляли ополченіе, когда хотѣли, и удержать ихъ на службѣ не было возможности. Въ такомъ положеніи, дружины представлялись какъ бы бездонными бочками; съ одной стороны въ нихъ вливали новобранцевъ, а съ другой держали дверь широко открытою для всѣхъ дружинниковъ, наскучившихъ своею службой. Поэтому завѣдывавшій гражданскими дѣлами настаивалъ на немедленномъ введеніи присяги и обязательнаго срока службы, безъ чего не считалъ полезнымъ производить набора.

Соображенія, высказанныя княземъ Черкаскимъ на совѣщаніяхъ

---

[1]) Исключеніе представляетъ случай одновременнаго поступленія изъ Тульчинскаго санджака 106 охотниковъ въ Систовскую дружину въ началѣ февраля 1878 г. Охотники эти были изъ личнаго состава учрежденныхъ командъ полицейской стражи и вооруженныхъ карауловъ. Обмундированы они были на мѣстныя средства санджака.

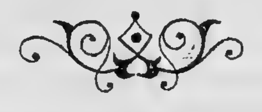
[2]) Письмо полковника Корсакова отъ 31-го іюля 1877 г. изъ Павло, на пути въ Тырново.

о комплектованіи дружинъ, были признаны, на словахъ, справедливыми, ихъ обѣщали исполнить, но исполнили только наполовину. Телеграммою 10-го октября приказано было дружины 2-й серіи, находившіяся въ Систовѣ и Тырновѣ, оставить временно на своихъ мѣстахъ «для карауловъ и полицейской службы». Что же касается до упорядоченія основаній для пополненія состава дружинъ, то это такъ и осталось въ одномъ лишь обѣщаніи. Заботы о военныхъ операціяхъ подъ Плевной отвлекали на себя все вниманіе полеваго штаба, и ему было не до ополченія. Мысли по этому поводу князя Черкаскаго приведены въ исполненіе уже послѣ Санъ-Стефанскаго договора, при первомъ правильномъ наборѣ.

Вскорѣ послѣ перехода нашей арміи за Балканы, въ началѣ 1878 г., болгарское ополченіе было расположено на сѣверномъ склонѣ горъ въ Тырновскомъ, Рущукскомъ и Сливенскомъ санджакахъ, имѣя штабъ-квартиру въ Казанѣ. Тамъ генералъ Столѣтовъ, столько потрудившійся надъ сформированіемъ ополченія и водившій его неоднократно въ огонь, получилъ другое назначеніе и передалъ ополченіе назначенному вмѣсто него генералъ-маіору Давыдову [1]).

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Дальнѣйшій упадокъ ополченія и его возрожденіе описаны въ главѣ XXI.

Два письма вызванныя, событіями 14 декабря 1825 г. [1])

I.

Письмо Петра Капцевича, Евгенію архіепископу тобольскому и сибирскому.

15 января 1826 г., г. Омскъ.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивой Архипастырь!

Сибирь наша молитвами вашими, преосвященнѣйшій владыко, Богу благодареніе, остается покойною. По сіе время не слышу я никакихъ противу-покорныхъ толковъ отъ крамолы и по слабому заключенію моему кажется ихъ не будетъ. Въ Сибирѣ нѣтъ дворянства, а безъ ево нѣтъ общаго мнѣнія,—какъ это при теперешнихъ обстоятельствахъ хорошо. Одно удивленіе между народомъ существуетъ это то, что скорая перемѣна съ императоромъ здѣлалась. Мнѣ бы казалось, что въ семъ разѣ ближе всего внушить и ясно вразумить крестьянъ почтеннымъ священникамъ въ деревняхъ и селахъ, растолковать просто актъ отреченія цесаревича, вразумить ту сильную и святую дружбу между царской фамиліей и протчее и проч. есть мое мнѣніе, которое со всею искренностію къ вамъ Милостивый Архипастырь сообщается. Прошу принять мое совершенное уваженіе и прошу Архипастырскаго благословенія вашего.

II.

Письмо Евгенія, архіепископа тобольскаго и сибирскаго, П. Капцевичу.

24 января 1826 г., г. Тобольскъ.

Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь.

Почтеннѣйшее отношеніе Вашего Высокопревосходительства, чтобы чрезъ священниковъ внушать народу добровольное Великаго Князя Цесаревича отреченіе отъ Престола и царствующее въ Императорской фамиліи согласіе, я имѣлъ честь 21 сего генваря получить, съ сердечнымъ уваженіемъ и готовностію съ моей стороны немедля разослать извлеченія изъ тѣхъ приложеній, кои присланы при Высочайшемъ о восшествіи на престолъ Манифестѣ, какъ объясняющія обстоятельно мирный ходъ дѣла. Но какъ незадолго предъ симъ изъ св. Синода полу-

---

[1]) Помѣщаемые два документа—письмо генералъ-губернатора Западной Сибири, генерала-отъ-инфантеріи П. М. Капцевича къ Евгенію, архіепископу тобольскому и сибирскому, и отвѣтъ на него преосвященнаго, хранящіеся въ архивѣ тобольской духовной консисторіи, интересны въ томъ отношеніи, что представляютъ взглядъ сибирскаго начальства на петербургскія событія 1825 года и рисуютъ тогдашнее состояніе Сибири. Ред.

ченъ мною указъ разослать по всѣмъ церквамъ самые сіи Манифесты и приложенія, кои каждую почту и получаются нами печатные и разсылаются немедля по церквамъ: то уже нахожу себя въ необходимости удержаться отъ какихъ-либо съ моей стороны поясненій или извлеченій, а только присовокупилъ, чтобы священники по симъ документамъ объясняли и внушали недоумѣвающимъ прихожанамъ истинный ходъ сего дѣла.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть и проч.

Сообщилъ **Е. В. Кузнецовъ**.

Современникъ о М. Ю. Лермонтовѣ.

Внезапная смерть М. Ю. Лермонтова, какъ извѣстно, вызвала оживленные толки въ петербургскихъ и московскихъ салонахъ. Большинство этихъ толковъ было не въ пользу нашего знаменитаго поэта. «Онъ (Лермонтовъ),—разсказываетъ близкій его пріятель кн. Васильчиковъ (очевидецъ и участникъ поединка),—былъ, вообще, нелюбимъ въ кругу своихъ знакомыхъ въ гвардіи и въ петербургскихъ салонахъ; при дворѣ его считали вреднымъ, неблагонамѣреннымъ и, притомъ, по фронту, дурнымъ офицеромъ, и когда его убили, то одна высокопоставленная особа изволила выразиться, что «туда ему и дорога». Все петербургское велико-свѣтское общество повторило это надгробное слово надъ храбрымъ офицеромъ и великимъ поэтомъ» [1]. Въ Москвѣ у Лермонтова было также немало недоброжелателей. Одинъ изъ нихъ Алексѣй Андреевичъ Кикинъ, авторъ нижеслѣдующаго письма, по общественному положенію своему, принадлежалъ къ лучшему московскому кругу [2]. Его мнѣніе не безгрѣшное, какъ и другія мнѣнія современниковъ со стороны справедливости приговора, по счастливому выраженію одного комментатора-поэта [3], давно кассированнаго образованной Россіею, представляетъ однако несомнѣнный интересъ, какъ отголосокъ современныхъ воззрѣній, съ которыми всегда приходилось считаться историку. Приводимъ это письмо дословно [4].

---

[1]) «Рус. Архивъ» 1872 г., стр. 205–213.

[2]) Его братъ служилъ статсъ-секретаремъ при императорѣ Александрѣ I и былъ другомъ государя. Самъ А. А. принадлежалъ къ такъ называемой «Грибоѣдовской Москвѣ» и состоялъ въ родствѣ съ лучшими именами русской знати: Трубецкими, Волконскими и проч. (См. родословную Трубецкихъ).

[3]) К. Тр—н—кій. «М. Ю. Лермонтовъ (по поводу пятидесятилѣтія со дня его кончины)» Спб. 1895.

[4]) Оно адресовано дочери А. А. Кикина, Маріи Алексѣевнѣ, по мужу Бабиной. Сыну ея Петру Ивановичу Бабину, доставившему намъ это письмо, позволяемъ себѣ выразить нашу искреннюю признательность.

2 августа 1841 г. Село Воробьево.

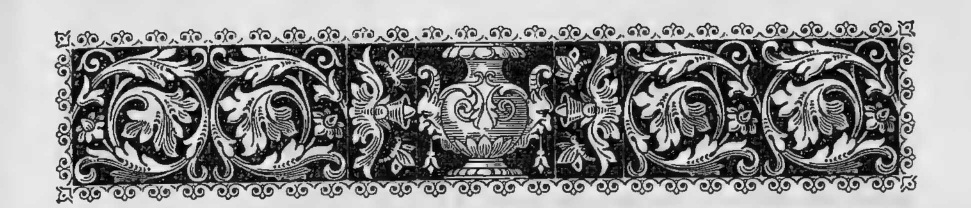
Письмо твое получилъ. Жаль, что не написала котораго Вердеревскаго умерла дочь? Я Василія очень люблю, а у него всего одна. Если же другаго брата, то ему сносно: у него дѣтей много.—Я здоровъ. Скоро сто разъ будетъ, какъ я уже купался.—31-го было рожденіе матери Мартыновой. Нашелъ ее въ большомъ горѣ. Сынъ ея Николай застрѣлилъ м... Лермонтова на дуэли. Какъ мнѣ жаль бѣдной бабки его (Арсеньевой). Всю жизнь ему посвятила и испила отъ него всю чашу горестей до дна. Жалко и Мартынова. Николай давно въ отставкѣ и жилъ тамъ по пустому. Теперь сидитъ въ острогѣ. Лермонтовъ въ послѣднемъ письмѣ къ Мартынову писалъ сюда, что онъ кидалъ вверхъ гривенникъ, загадывалъ куда ему ѣхать. Онъ упалъ рѣшетомъ. Сіе означало въ Пятигорскъ и отъ того тамъ погибъ. Пишетъ: «хочу ѣхать къ истинному моему другу, который болѣе двадцати нашихъ русскихъ зарѣзалъ и теперь смирный!» Довольно этого, чтобы знать каковъ былъ. Онъ былъ трусъ. Хотѣлъ и тутъ отдѣлаться, какъ съ Барантомъ прежде, сказалъ, что у него руки не поднимаются, выстрѣлилъ вверхъ, и тогда они съ Барантомъ поцѣловались и напились шампанскимъ [1]). Сдѣлалъ то же и съ Мартыновымъ, но этотъ несмотря на то убилъ его. Здѣсь умерла внука Павла Петровича Нарышкина. Онъ ее очень любилъ, воспитывалъ, купилъ домъ, далъ 2.500 душъ и лишился своего утѣшенія. Она была Булгарина, лѣтъ около десяти. У насъ гдѣ-то подъ Москвой горитъ вѣрно торфъ, и отъ того другой день солнца не видать и пахнетъ гарью. Василья Сергѣевича Ланскова сынъ въ отчаяніи (такъ говорятъ), что ему измѣнила актриса. Отрѣзалъ себѣ пальцы у рукъ и думаютъ, что умретъ антоновымъ огнемъ. Какъ уменъ мальчикъ! Видно былъ мастеръ владѣть собой. Все отъ того, что нынче терпѣніе называютъ добродѣтелью ословъ, хотя прежніе философы и лучшіе изъ нихъ стоики считали ее первой. Теперь пусть нонишняя просвѣщенная молодежь видитъ, лучше ли Ланскому безъ сего качества. По моему кто такъ мыслитъ, гораздо глупѣе осла. Оселъ полезенъ, а нынѣшняго вѣка мудрецъ всѣмъ вреденъ. Жаль, что у тебя сынъ боленъ. Ты и его залѣчишь. Мы дѣтьми безъ докторовъ росли. Но нашъ вѣкъ былъ глупъ. Лѣчитесь, васъ опытъ не вылѣчитъ. Кто вспомнитъ обо мнѣ, благодари. Я уже никому не надобенъ [2]). Дѣтей цѣлую и благословляю.

Сообщилъ баронъ **Н. В. Дризенъ.**

---

[1]) Напомнимъ это мѣсто въ біографіи Лермонтова: «на слѣдствіи Лермонтовъ показалъ и секундантъ его подтвердилъ, что на дуэли онъ сдѣлалъ свой выстрѣлъ въ сторону,—обстоятельство, которое могло имѣть вліяніе на мѣру взысканія и было справедливо». (Соч. Лермонтова, подъ ред. Ефремова, Спб. 1882 г., т. I).

[2]) Кикинъ писалъ это письмо въ преклонныхъ лѣтахъ.

АРХИМАНДРИТЪ ПЕТРЪ КАМЕНСКІЙ,

начальникъ десятой Россійско-Императорской миссіи въ Пекинѣ.

Въ полночь 17-го мая 1845 года двѣнадцать мѣрныхъ, но унылыхъ ударовъ большаго колокола Городецкаго Ѳеодоровскаго монастыря возвѣстили братіи и обитателямъ древняго града Радилова о мирной кончинѣ служителя Божія. То почилъ архимандритъ Петръ Каменскій—«престарѣлый пастырь юной пекинской церкви», бывшій начальникъ десятой Россійско-Императорской миссіи въ Пекинѣ.

Архимандритъ Петръ Каменскій болѣе полвѣка трудился на благо юной пекинской церкви и не вотще: съ именемъ его связывается расцвѣтъ пекинской миссіи и православнаго христіанства въ Китаѣ. Какъ одинъ изъ выдающихся начальниковъ пекинской миссіи, архимандритъ Петръ Каменскій заслуживаетъ того, чтобы вспомнить о немъ спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ его кончины.

Предлагаемый разсказъ составленъ мною на основаніи подлинныхъ своеручныхъ бумагъ архимандрита Петра и его «дневника» за нѣкоторые годы, съ выдержками, гдѣ нужно, свѣдѣній изъ разныхъ печатныхъ источниковъ, касающихся пекинской миссіи вообще.

I.

Первыя сношенія русскихъ съ китайцами и начало греко-россійской церкви въ Китаѣ.

Наша миссія въ Китаѣ считаетъ свои годы со дня заключенія Нерчинскаго мирнаго трактата 27-го августа 1689 года, по которому плѣ-

ненные въ 1685 году албазинцы, со священникомъ своимъ Димитріемъ, остались въ Пекинѣ, подъ именемъ Русской сотни, и для нихъ Богдыханъ велѣлъ построить церковь; правильно же организованная наша духовная миссія начала свои дѣйствія въ Пекинѣ только со 2-го апрѣля 1715 года [1]).

Въ 1839 году, въ составѣ двѣнадцатой миссіи, подъ начальствомъ архимандрита Поликарпа Тугаринова, отправился въ Китай изъ воспитанниковъ С.-Петербургской духовной академіи іеромонахъ Гурій Карповъ [2]), саратовскій уроженецъ. Тогдашній преосвященный саратовскій, Іаковъ Вечерковъ, въ отеческомъ благорасположеніи къ іеромонаху Гурію, благословивъ его на предлежащій подвигъ благовѣствованія, выразилъ желаніе прочитать гдѣ-нибудь о православной церкви въ Китаѣ. Отвѣчая желанію просвѣщеннаго архипастыря, іеромонахъ Гурій, 14-го августа 1844 года, изъ Пекина сообщилъ по этому предмету преосвященному Іакову слѣдующее:

„Ваше преосвященство, милостивѣйшій архипастырь! Васъ интересуетъ китайская церковь; вы желали бы прочитать гдѣ-нибудь о ней. Трудно; источники, изъ коихъ можно было бы почерпнуть что-нибудь сносное объ этомъ предметѣ, скудны. О католическомъ христіанствѣ въ Китаѣ можно прочитать въ запискахъ католическихъ миссіонеровъ, изданныхъ въ Европѣ подъ названіемъ „Lettres Edifiantes“. О греко-россійскомъ же христіанствѣ въ пекинѣ—прочитать рѣшительно негдѣ, да и самое христіанство грекороссійское въ Пекинѣ—предметъ очень щекотливый: вслухъ говорить о немъ не много радости.

„Вотъ что узналъ я о началѣ его въ Пекинѣ:

„Въ тѣ блаженныя времена, когда русскіе, соблазнясь удачею Ермака, не спросясь нашихъ государей, своего разсудка и вещественныхъ средствъ, задумали покорить Китай,—горсть отважныхъ удальцовъ перешли Амуръ и, поставивъ острогъ, назвали его Албазиномъ. Проживъ нѣсколько лѣтъ довольно спокойно и видя, что ихъ хозяйство на чужой землѣ не обратило на себя большаго вниманія пограничныхъ китайцевъ, они задумали еще болѣе углубиться въ Китай. Но тутъ дѣло получило другой оборотъ: ихъ попросили убраться за границу. Русскіе просили отсрочки, указавъ на посѣянный, но еще не убранный, хлѣбъ; ихъ оставили въ покоѣ. На другой годъ русскіе снова посѣяли хлѣбъ и подъ этимъ предлогомъ снова желали остаться въ Китаѣ. Но китайцы хлѣбъ истребили. Русскіе обидѣлись нарушеніемъ правъ собственности, и вотъ сначала вышла ссора, потомъ драка и, наконецъ, война. Конь-си, въ то время царствовавшій въ Китаѣ императоръ, выслалъ сильное войско съ повелѣніемъ истребить мятежниковъ. Русскіе, услышавъ объ этомъ, отослали своихъ женъ и дѣтей въ Нерчинскъ, а сами, въ числѣ 500 человѣкъ, смѣло ждали непріятеля. Эта неслыханная дерзость увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: большая половина китайскаго войска легла

---

[1]) „Исторія россійской іерархіи“, Амвросія. Ч. II, стр. 446, 447 и 449. Москва, 1810 г.

[2]) „Исторія С.-Петербугской духовной академіи“, Чистовича, стр. 383. Спб., 1857 г. Гурій, впослѣдствіи первый архіепископъ таврическій.

на мѣстѣ, а остальные возвратились съ вѣстью и чудными разсказами о русскихъ, о ихъ необыкновенной храбрости, силѣ; о ихъ заколдованныхъ панцыряхъ и шлемахъ, кои выдерживаютъ самые сильные удары сабли, отбиваютъ пули, даже и ядра. Что прикажете дѣлать съ такими людьми? Конь-си выслалъ свою гвардію, запретивъ ей вступать въ открытый бой, а принудить къ сдачѣ голодомъ и предложить желающимъ службу въ рядахъ китайскаго войска, или удалиться на родину, за границу. Русскимъ не хотѣлось возвратиться на родину, гдѣ ихъ ожидали или кнутъ, или висѣлица; опасались же и вѣроломства китайцевъ. Послѣ многократныхъ усилій пробиться сквозь облегавшую ихъ цѣпь гвардіи, мучимые голодомъ, потерявши большую часть своихъ товарищей въ безполезныхъ схваткахъ и ночныхъ вылазкахъ, они рѣшились сдаться на волю побѣдителей. Какъ русскіе,—плѣнники были христіане. Они принесли съ собою въ Пекинъ образъ Св. Николая; у нихъ былъ и священникъ, старецъ Димитрій. Лишь только пришли они въ Пекинъ, императоръ причислилъ ихъ къ своей гвардіи, подъ именемъ Русской роты, отвелъ имъ квартиры, обезпечилъ имъ содержаніе и назначилъ жалованье: каждому солдату 3 ланы (6 руб. сер.) въ мѣсяцъ, унтеръ-офицеру—4 ланы, офицеру—5 ланъ; далъ имъ и женъ, но къ несчастью для русскихъ, изъ Синъ-бу—изъ смирительнаго дома, гдѣ онѣ содержались за примѣрный развратъ. Русскіе приняли эти милости императора и просили, чтобы имъ построили церковь. Конь-си подарилъ въ сѣверо-восточномъ углу Пекина одну каменную кумирню, которую русскіе передѣлали въ церковь и освятили во имя Софіи Премудрости Божіей. Вотъ начало греко-россійскаго христіанства въ Пекинѣ» [1]).

О первыхъ сношеніяхъ русскихъ съ китайцами и о началѣ греко-россійской церкви въ Пекинѣ историкъ «Россійской іерархіи» говоритъ такъ: «Сношеніе россіянъ съ китайцами началось вскорѣ по присоединеніи сибирскихъ странъ подъ россійскую державу. Россійскіе промышленники, а особливо казаки, переходя изъ степи въ степь для звѣроловныхъ промысловъ, мало-по-малу дошли до рѣки Амура, познакомились здѣсь съ мунгалами, посредствомъ мѣны своихъ мѣховъ на товары китайскіе, и начали даже распространять свои селенія по мунгальской землѣ и по рѣкѣ Амуру; между прочимъ, построили крѣпости Нерчинскъ и Албазинъ, и основали тамъ первыя греко-россійскія церкви. Между тѣмъ, китайскій ханъ, услышавъ о заведеніи россійскихъ селеній въ мунгальскихъ краяхъ и особливо по рѣкѣ Амуру, въ 1684 году требовалъ уничтожить ихъ; но, не получивъ удовлетворенія, послалъ войско и разорилъ оныя. Многіе изъ россіянъ были тамъ побиты; а изъ крѣпости Албазина въ 1685 году, по разореніи всѣхъ крѣпостныхъ зданій и церкви, жители, со священникомъ, отведены въ плѣнъ и поселены, въ пяти верстахъ отъ столичнаго города Пекина, слободою, подъ названіемъ Русской сотни. А хотя въ 1689 году, августа 27-го, и заключенъ былъ, въ Нерчинскѣ, между Россійскою и Китайскою имперіями, мирный трактатъ, но вышеупомянутые плѣнные,

[1]) „Русская Старина“, изд. 1884 г., сент. кн., стр. 655—657.

со священникомъ своимъ Димитріемъ, остались въ Пекинѣ. Для нихъ китайскій ханъ повелѣлъ, при упомянутой слободѣ, построить церковь, въ коей вышеупомянутый же священникъ и совершалъ священнослуженіе около 30-ти лѣтъ [1]). Этотъ плѣненный изъ Албазина священникъ Димитрій, по свидѣтельству директора Кяхтинской таможни, Петра Голяховскаго, «безъ дальнихъ познаній, ведя себя кротко и благочестиво, и обладая христіанскими правилами, многихъ въ Пекинѣ привлекъ къ себѣ китайцевъ, которые охотно принимали отъ него христіанскую вѣру, а въ китайскомъ правительствѣ дотого успѣлъ, что оно обратило благосклонное на него вниманіе [2]).

II.

Начало нашей духовной миссіи въ Пекинѣ и ея организація.

Когда плѣненный албазинскій священникъ Димитрій «весьма уже престарѣлъ»,—прибылъ въ Пекинъ, въ 1713 году, съ купеческимъ караваномъ, сибирскій «купчина» Григорій Осколковъ и по порученію сибирскаго губернатора обратился къ манчжурской коллегіи съ просьбою о дозволеніи присылать въ Пекинъ изъ Россіи священниковъ для исправленія службы Божіей и духовныхъ требъ всякихъ чиновъ людямъ греко-россійскаго исповѣданія, ибо плѣнный албазинскій священникъ Димитрій, въ Русской Сотнѣ находящійся, «весьма уже престарѣлъ».

По ходатайству Осколкова и по докладу манчжурской коллегіи, китайскій богдыханъ согласился на просьбу, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы вмѣстѣ съ россійскимъ священникомъ присылаемъ былъ и докторъ, искусный въ излѣченіи наружныхъ болѣзней. Такой миссіи дозволено было тогда же пріѣхать съ китайскимъ посольствомъ, возвращавшимся въ Пекинъ чрезъ Сибирь отъ калмыцкаго хана.

Когда, въ 1714 году, китайское посольство проѣзжало чрезъ Тобольскъ, то велѣно было съ нимъ отправить въ Пекинъ архимандрита Иларіона Лежайскаго (изъ крестовыхъ іеромонаховъ дома тобольскаго митрополита) и іеромонаха Лаврентія, іеродіакона Филимона, четыре человѣка церковниковъ и трехъ служителей (доктора, по ненахожденію таковаго въ Тобольскѣ, съ ними не отправлено), кои всѣ и прибыли въ Пекинъ 20-го апрѣля 1715 года.

---

[1]) „Истор. Рос. іерархіи“, ч. II, стр. 442, 446 и 447.

[2]) „Замѣчанія о Китаѣ“. Рукоп. Н. И. Вознесенскаго въ библіотекѣ Казанской духовной академіи. „Прав. Собесѣд.“ за 1886 г., августъ, стр. 422.

Эта первая наша духовная миссія принята была въ Пекинѣ съ отмѣнною честью и была въ особенной милости у китайскаго хана. Къ несчастью, архимандритъ Иларіонъ въ концѣ 1719 года скончался. Тогда китайскій трибуналъ отправилъ іеродіакона Филимона съ служителемъ Григоріемъ къ сибирскому губернатору, князю Гагарину, съ слѣдующимъ письмомъ: «Ты прежде просилъ отъ императора (чрезъ Осколкова), чтобъ русскіе, находящіеся въ нашемъ великомъ царствѣ, могли молитвы творить и просить отъ Бога вѣчнаго между обоихъ государствъ мира. И для того съ нашимъ втораго ордена мандариномъ Имьяномъ послалъ ты архимандрита Иларіона, священника Лаврентія, діакона Филимона съ семью русскими, о коихъ приходѣ въ сіе государство какъ скоро доложили мы нашему преудивительному государю, то онъ архимандрита пятой степени, а священника и діакона седьмой степени мандаринства достоинствомъ пожаловалъ; прочихъ же семерыхъ воинами учинилъ; домы и иждивеніе, и кормы, и все потребное имъ далъ, и съ нашими русскими для молитвы въ церкви соединилъ. Въ нынѣшнемъ же году архимандритъ вашъ Иларіонъ, болѣзноvавъ, умре. А какъ отъ времени постановленія границъ Нерчинскимъ трактатомъ между обоими государствами жили мы въ великомъ согласіи; того ради послали мы діакона Филимона и служителя Григорья, которые вамъ объявятъ о смерти онаго архимандрита, Ты же, Гагаринъ, опредѣли: хочете ли сюда прислать архимандрита, или къ вамъ возвратить и остальныхъ здѣсь находящихся, и о семъ къ намъ отвѣтъ пришли».

Между тѣмъ, императоръ Петръ I, до полученія еще извѣстія о смерти архимандрита Иларіона, въ томъ же 1719 году, отправилъ въ Китай, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, гвардейскаго капитана Льва Измайлова, поручивъ ему, между прочимъ, исходатайствовать у китайскаго хана позволеніе имѣть въ Пекинѣ русскаго агента и при его дворѣ построить церковь для пріѣзжающихъ русскихъ и отвести подъ оную земли. По полученіи же извѣстія о смерти архимандрита Иларіона, велѣно Измайлову взять съ собою въ Пекинъ иркутскаго архимандрита Антонія Платковскаго, который съ посломъ и прибылъ въ Пекинъ въ ноябрѣ 1720 года. Посланникъ Измайловъ былъ принятъ богдыханомъ весьма ласково, и ему обѣщано дать мѣсто россійскому агенту въ Пекинѣ и построить для пріѣзжающихъ туда русскихъ купцовъ дворъ и церковь (что́ и исполнено было). По другимъ же вопросамъ соглашеніе предоставлено было будущему съѣзду обоюдныхъ на границѣ пословъ.

Предъ выѣздомъ изъ Пекина посланникъ Измайловъ получилъ отъ русскаго правительства повелѣніе: «архимандрита Антонія Платковскаго обратно вывезти въ Иркутскъ», такъ какъ святѣйшій Синодъ, по сно-

шенію съ Сенатомъ, заблагоразсудилъ вмѣсто архимандрита отправить въ Пекинъ епископа, «дабы въ поспѣшество распространенія греко-россійскаго православія въ Китаѣ, можно было ему изъ самыхъ обращенныхъ китайцевъ же поставить духовенство». Для китайской миссіи избранъ былъ во епископа іеромонахъ Иннокентій Кульчицкій, бывшій прежде префектомъ Московской академіи. 5-го марта 1721 года онъ былъ въ С.-Петербургѣ хиротонисанъ и наименованъ епископомъ переславскимъ, а 19-го апрѣля, того же года, онъ уже отправился въ Пекинъ, но доѣхалъ только до Селенгинска, а въ Пекинъ пропущенъ не былъ китайскими властями, такъ какъ не послѣдовало еще съѣзда пословъ, на которомъ, кромѣ соглашенія по обоюднымъ вопросамъ обѣихъ державъ—россійской и китайской,—могъ бы быть «совѣтъ и договоръ» и о пріемѣ въ Пекинѣ русскаго епископа.

Дѣла наши съ Китаемъ «по вопросамъ» еще не были улажены, когда скончался Петръ I. Императрица Екатерина I, именнымъ указомъ отъ 18-го іюня 1725 года повелѣла: для окончательнаго рѣшенія дѣлъ съ Китайскою имперіею отправить туда полномочнаго чрезвычайнаго посланника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, иллирійскаго графа, Савву Владиславовича - Рагузинскаго; а другимъ указомъ отъ 4-го августа повелѣно было преосвященному Иннокентію, ежели со стороны китайскаго правительства препятствія не будетъ, ѣхать съ симъ посломъ въ Пекинъ.

«Китайскіе министры встрѣтили графа на границѣ, но на требованіе его о пріемѣ преосвященнаго Иннокентія въ Китай отказали вторично, «потому-де,—какъ писалъ Рагузинскій въ иностранную коллегію,—что особа епископа при дворѣ китайскомъ въ великой степени почитается, да къ тому же въ листѣ сибирскаго губернатора въ мунгальскій трибуналъ епископъ Иннокентій названъ духовною особою великимъ господиномъ, а изъ сего китайцы вывели подозрѣніе, будто бы онъ превеликая особа. Министры говорили, что богдыханъ такую превеликую особу никогда принять не повелитъ, ибо у нихъ великій господинъ называется ихъ Кутухта, и имъ другую такую превеликую особу, каковъ Иннокентій, не надобно; но что когда всѣ другія дѣла съ китайскимъ дворомъ окончатся, то, можетъ быть, архимандритъ и священники опять приняты будутъ, но епископъ никогда».

Основываясь на отвѣтѣ китайскихъ министровъ, нашъ посолъ предложилъ иностранной коллегіи такое мнѣніе: «ежели необходимо нужно посылать въ Пекинъ духовную особу, то посылать добраго и ученаго мужа, подъ именемъ архимандрита, и при немъ отъ четырехъ до шести персонъ, снабдивъ его изъ Синода властью епископскою, о которой бы онъ отнюдь не разглашалъ». Мнѣніе это нашимъ правитель-

ствомъ было принято, и посолъ въ этомъ направленіи долженъ былъ дѣйствовать при заключеніи трактата между Россійскою имперіею и Китайскимъ государствомъ.

Когда всѣ переговоры съ Китайскимъ дворомъ были окончены, посолъ нашъ графъ Савва Владиславовичъ заключилъ съ китайскимъ правительствомъ генеральный трактатъ (1728 г.) пятымъ пунктомъ котораго постановлено: «Коенъ или домъ, который нынѣ для россійскихъ въ Пекинѣ обрѣтается (посольскій дворъ), будетъ для россіянъ и впредь пріѣзжающихъ. Оные будутъ жить въ семъ домѣ, при которомъ и церковь сдѣлана вспоможеніемъ вельможей, которые имѣютъ надсмотрѣніе въ дѣлахъ россійскихъ. При церкви будетъ жить лама (архимандритъ) и прибавятся другіе три ламы (два іеромонаха и іеродіаконъ), которые прибудутъ, какъ рѣшено, и при той же церкви поставлены будутъ [1]). Россіянамъ не будетъ запрещено молиться и почитать своего Бога по своему закону. Кромѣ того два церковника и пятеро учениковъ, которые по-русски и по-латыни знаютъ, въ Пекинѣ будутъ обучаться языкамъ, будутъ жить также въ семъ домѣ и всѣмъ имъ, когда прибудутъ, дастся кормъ изъ царскаго иждивенія, а по окончаніи срока, по своей волѣ да возьмутся назадъ».

Согласно этой статьѣ трактата—русское правительство стало отправлять въ Пекинъ чрезъ каждыя семь лѣтъ (до 1805 года, а послѣ черезъ 10 лѣтъ) миссію въ составѣ архимандрита-начальника съ званіемъ старшаго священника, двоихъ іеромонаховъ, іеродіакона и двоихъ церковниковъ, да отъ иностранной коллегіи четырехъ учениковъ-студентовъ для обученія китайскому и манчжурскому языкамъ. При отправленіи, каждой миссіи давалось наставленіе, какъ поступать въ Пекинѣ.

Начальною цѣлію, для которой были посылаемы въ Пекинъ наши духовныя миссіи, было только отправленіе священнослуженія и исправленіе требъ церковныхъ для живущихъ въ Пекинѣ христіанъ грекороссійскаго исповѣданія, но съ шестой миссіи духовнымъ членамъ ея, сверхъ сего, стали вмѣнять болѣе всего проповѣдь слова Божія и рас-

---

[1]) Церковь при посольскомъ дворѣ (Коенѣ) отстроена была только при второмъ начальникѣ миссіи, архимандритѣ Антоніи Платковскомъ, а освящена—во имя Срѣтенія Господня—уже начальникомъ третьей миссіи, архимандритомъ Иларіономъ Трусовымъ; до сего же времени богослуженіе совершалось въ Софійской церкви при Русской сотнѣ, которая въ 1730 году отъ бывшаго въ Пекинѣ чрезвычайнаго землетрясенія развалилась было, но отъ поселянъ Русской сотни вновь перестроена богдыханскимъ иждивеніемъ и освящена тѣмъ же архимандритомъ Иларіономъ во имя св. Николая Чудотворца. Въ послѣднюю перестройку—она освящена въ честь Успенія Богородицы.

пространеніе православнаго христіанства между китайцами, а потому всѣмъ назначаемымъ въ Пекинъ духовнымъ особамъ предписывалось «особенно стараться, по прибытіи въ Пекинъ, изучиться тамошнимъ языкамъ, дабы впредь возложенную на нихъ должность проповѣди могли они отправлять безъ препятствія и съ желаннымъ успѣхомъ».

Іеромонахъ Гурій въ вышеприведенномъ письмѣ его къ преосвященному Іакову о началѣ нашей духовной миссіи въ Пекинѣ и ея организаціи пишетъ такъ: «Когда священникъ Димитрій уже слишкомъ устарѣлъ, сдѣлался неспособнымъ къ исполненію христіанскихъ требъ, даже служенію,—албазинцы—такъ мы называемъ русскихъ христіанъ знамённыхъ—просили императора Конь-си, чтобы онъ у русскаго правительства выпросилъ для нихъ священника. Русское правительство, получивъ такую просьбу изъ Китая, выполненіе оной поручило теперь и въ послѣдующее время иркутскому духовному начальству. Найти охотниковъ было нельзя; хорошіе люди самимъ были нужны: поэтому послали и послѣ долго посылали въ Китай такихъ людей, кои самимъ были въ тягость. Вотъ и начало духовной миссіи въ Пекинѣ. Цѣль ея—не распространеніе христіанства, а только исправленіе христіанскихъ требъ у албазинцевъ. Такъ какъ отправленіе миссіи всегда соединено было съ расходами и немаловажными, то, чтобы имѣть какое-либо вознагражденіе за убытки, русское правительство предложило китайскому: нельзя ли къ числу духовныхъ лицъ, посылаемыхъ къ нимъ по желанію Пекинскаго двора, присовокупить нѣсколько человѣкъ свѣтскихъ учениковъ, съ тѣмъ, чтобы они во время своего пребыванія въ Пекинѣ, изучивши китайскій и манчжурскій языки и возвратившись въ Россію, могли служить переводчиками при взаимныхъ сношеніяхъ. Китайцы согласились, и съ этихъ поръ духовная миссія перешла въ вѣдомство министерства иностранныхъ дѣлъ, получила штатъ и инструкцію. О христіанствѣ въ инструкціи сказано: «Стараться о распространеніи свѣта ученія Христова, всемѣрно избѣгая нескромной ревности, могущей произвести больше вреда, нежели истинной пользы [1]).

III.

Дѣятельность первыхъ девяти миссій.

Пекинская духовная миссія въ первыя сто лѣтъ своего существованія находилась въ плачевномъ состояніи. Отдѣленный и незнаемый

---

[1]) «Русская Старина» за 1884 г., сент., стр. 657.

Китай былъ страшенъ въ глазахъ большинства русскихъ; поэтому добровольцевъ за это время, которые не нуждою, но волею шли бы въ Китай, находилось мало, да и тѣмъ приходилось горько разочаровываться по прибытіи въ Пекинъ; по большей же части посылаемы были туда лица въ составѣ миссіи неволею, которыя, при прощаніи съ родиной и отечествомъ на пути въ невѣдомую страну, нерѣдко обливались горькими слезами. Подневольное миссіонерство для многихъ изъ нихъ было пыткой. Живя среди замкнутыхъ китайцевъ, презиравшихъ европейцевъ, и между дичавшими потомками албазинцевъ,—среди самой неблагопріятной азіатской обстановки, миссіонеры сами часто дичали и впадали въ слабости. Тѣмъ не менѣе и эти начальныя подневольныя миссіи вынесли на себѣ нелегкій подвигъ служенія: онѣ посильно сослужили свою службу церкви и отечеству, и хотя не оставили послѣ себя выдающихся слѣдовъ своей дѣятельности, но и скромная заслуга ихъ должна быть помянута благодарнымъ словомъ историка [1]).

Въ 1809 году возвратилась въ Россію изъ Пекина восьмая миссія. Начальникъ ея, архимандритъ Софроній, предъ свят. Синодомъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, въ оправданіе скромной дѣятельности и малыхъ результатовъ по утвержденію и распространенію православнаго христіанства въ Китаѣ дѣйствовавшихъ доселѣ миссій, выставлялъ препятствіемъ то, что пріѣзжавшіе туда изъ Россіи монашествующіе посылались всегда почти изъ неученыхъ, и при томъ не молодые люди, которые, по причинѣ слабой памяти, были уже не въ состояніи, живя въ Пекинѣ, научиться китайскому языку, и по причинѣ своего непросвѣщенія, подвергались, у считающихъ себя умнѣе всѣхъ на свѣтѣ китайцевъ, презрѣнію и посмѣянію. Послѣдніе считали за великій стыдъ имѣть своими учителями, по ихъ мнѣнію, дикихъ и неученыхъ людей, не знающихъ ни ихъ церемоніальныхъ обычаевъ, ни разговора [2]). Что касается младшихъ членовъ миссій—церковниковъ и учениковъ, то они, по словамъ архимандрита Софронія, не только не уловляли китайцевъ во спасеніе, но сами часто уловлялись китайцами, и, шатаясь пьяными по улицамъ Пекина, губили этимъ и послѣднюю свою репутацію [3]).

Девятая миссія за неисправное поведеніе свое въ Китаѣ и за безпорядки въ самой миссіи въ цѣломъ составѣ своемъ, съ начальникомъ во главѣ — архимандритомъ Іакинѳомъ Бичуринымъ, по возвращеніи ея въ Россію, была предана суду, и святѣйшій Синодъ нашелъ вынужденнымъ бывшаго начальника, архимандрита Іакин-

---

[1]) «Правосл. Собесѣд.» за 1866 г., февр., стр. 166 и слѣд.

[2]) «Странникъ» за 1860 г., май, стр. 184.

[3]) «Правосл. Собесѣд.» за 1886 г., февр., стр. 179.

ѳа, несмотря на его глубокое знаніе китайскаго языка и Китая, лишить священнаго сана и послать на заточеніе въ Валаамскій монастырь, а членамъ миссіи, іеромонахамъ Серафиму и Аркадію, запретить священнослуженіе [1]).

Современникъ девятой миссіи, директоръ Кяхтинской таможни, надворный совѣтникъ Петръ Голяховскій въ секретномъ донесеніи министру финансовъ отъ 22-го мая 1819 года такъ описываетъ какъ поведеніе и дѣятельность девятой миссіи, такъ и прежнихъ: «Однажды,—говоритъ онъ,— и именно въ апрѣлѣ 1817 года, по связи разговора дѣлая развѣдыванія по препорученію здѣшняго (иркутскаго) господина начальника губерніи (Н. И. Трескина) о образѣ жизни архимандрита, находящагося нынѣ въ Пекинѣ (Іакинѳа), и о мнѣніи, въ какомъ по поведенію своему находится онъ у китайскаго правительства и у публики, къ крайнему сожалѣнію и къ стыду нашему, я получилъ отъ г. дзаргучея [2]) весьма невыгодный отзывъ о немъ. Далѣе рѣчь наша склонилась къ прочимъ, принадлежащимъ къ миссіи, и онъ, сдѣлавъ общее замѣчаніе, что когда начальникъ худъ, то не можно ожидать, чтобы подчиненные его были хороши, обратилъ рѣчь свою къ слѣдующему вопросу: для чего люди безъ поведенія посылаются въ Пекинъ?—Сколько мы теряемъ чрезъ неудачный выборъ начальника нашей духовной миссіи въ Пекинѣ во мнѣніи какъ у китайскаго правительства, такъ и у тамошней публики?! Очень жаль, что не всѣ начальники миссіи были съ поведеніемъ въ теченіе столѣтія и не всѣ они имѣли нужныя свѣдѣнія и образованность, посредствомъ коихъ могли бы сблизиться съ китайцами и пользоваться ихъ довѣренностью и ихъ характеромъ. Ежели бы въ теченіе такого времени выборъ ихъ всегда падалъ на человѣка съ лучшимъ поведеніемъ и поступками, означающими его скромность и постоянство; съ правилами осторожности и, однимъ словомъ, благоразумія; съ умѣньемъ обращаться ласково и обязательно; со свойствами мирными и тихими; съ такими свѣдѣніями, умомъ и характеромъ, которые могли бы показать въ немъ уважительное достоинство нашей націи и немаловажную степень просвѣщенія и которые постепенно привязывали бы къ нему просвѣщеннаго и дѣловаго чиновника и купца свѣдущаго, который бы разнаго рода угодливостью и вѣжливостью могъ сладить съ грубостью манчжура, не унижая своего достоинства, и обратить ее себѣ въ пріязнь, а честностью войти въ довѣренность осторожнаго китайца, не вдругъ довѣряющаго себя иноземцу; ежели бы всегда начальники съ

---

[1]) «Правосл. Собесѣд.» за 1886 г., май., стр. 79.

[2]) Джаргуци (по русскому произношенію дзаргучей)—судья. См. «Настольный словарь» Толя, т. II., стр. 33. Спб. 1864 г.

таковыми качествами и образованностью въ продолженіе минувшаго столѣтія посылаемы были въ Пекинъ съ присоединеніемъ къ нимъ іеромонаховъ, іеродіакона, церковника и учениковъ съ подобными свойствами и нѣкоторыми нужными свѣдѣніями,—то въ настоящее время мы видѣли бы себя въ лучшихъ связяхъ китайскаго правительства, и китайцы, судя по нихъ, имѣли бы объ насъ почтительное понятіе, которое, постепенно приближая ихъ къ намъ, утвердило бы дальнѣйшія отношенія ихъ съ нами.

«Въ доказательство—какое дѣйствіе можетъ имѣть надъ китайцами одно хорошее поведеніе и благоразумные поступки нашихъ духовныхъ особъ, я осмѣливаюсь привести въ примѣръ нашего простаго, безъ дальнихъ познаній священника, отведеннаго въ плѣнъ изъ Албазина въ Пекинъ. Онъ, ведя себя кротко и благочестиво и обладая христіанскими правилами, многихъ привлекъ къ себѣ китайцевъ, которые охотно принимали отъ него христіанскую вѣру, а въ китайскомъ правительствѣ дотого успѣлъ, что оно обратило благосклонное на него вниманіе, которымъ и преемникъ его, архимандритъ Иларіонъ, ведшій себя тоже благоразумно, не переставалъ пользоваться, и возвысилъ оное дотого, что отъ богдыхана почтенъ былъ достоинствомъ мандарина 5-го класса, а іеромонахъ и іеродіаконъ, находившіеся при немъ, получили чины 7-го класса. Со смертію же сего архимандрита, послѣдовавшею въ Пекинѣ 1819 года, кончилось и особенное благоволеніе китайскаго правительства; потому что вторая духовная миссія такъ дурно вела себя, что принужденнымъ нашлись начальника ея, архимандрита Антонія, выслать изъ Пекина подъ присмотромъ (за арестомъ) въ Россію. Съ сего времени наши миссіи не могли поправить себя въ добромъ мнѣніи у правительства, но еще болѣе утвердились въ невыгодномъ для него понятіи, потому что послѣдовавшіе за тѣмъ начальники ихъ, исключая архимандрита Гервасія и Амвросія (IV-й и V-й миссіи), были или безъ надлежащей образованности для такого великаго поста, или безъ поведенія, какъ нынѣшній архимандритъ (Іакинѳъ). Такимъ образомъ доброе начало къ ближайшимъ связямъ съ китайцами, положенное благочестіемъ и христіанскими правилами простаго священника и архимандрита Иларіона, совершенно было разрушено въ минувшемъ столѣтіи. И теперь не остается намъ ко благу нашего отечества, какъ постоянно слѣдовать тому, что я высказалъ насчетъ выбора начальника духовной миссіи и тѣхъ, которые будутъ составлять число ея» [1]).

Членъ двѣнадцатой миссіи, іеромонахъ Гурій, о первыхъ девяти миссіяхъ говоритъ, что онѣ не принесли ожидаемой пользы, можетъ быть потому, что штатъ былъ недостаточенъ, а можетъ быть и потому, что члены

---

[1]) «Правосл. Собесѣд.» за 1886 г., авг., стр. 420—423.

миссій набирались въ Иркутскѣ, не обращая вниманія на то: кандидатъ въ члены миссіи имѣетъ ли расположеніе, способность къ языкоученію, даже способенъ ли онъ на что-нибудь; его избирали и посылали въ Китай потому, что никакія исправительныя мѣры попечительнаго начальства не дѣйствовали. Императоръ Александръ I, по представленію о. архимандрита Петра, отправлявшагося начальникомъ десятой миссіи, увеличилъ штатъ, указавъ студентовъ и духовныхъ избирать непремѣнно въ Петербургѣ и изъ высшихъ учебныхъ заведеній, со свидѣтельствомъ объ отличной нравственности и способностяхъ [1]).

IV.

Религіозно-нравственное состояніе православной общины въ Китаѣ и ея численность предъ десятой миссіей.

Христіанство наше въ Пекинѣ можно почесть за чудо, за особенную милость Божію, что не вовсе истребилось,—говоритъ іеромонахъ Гурій. Малое число христіанъ (албазинцевъ), христіанъ больше по имени, рожденію, привычкѣ, нежели убѣжденію, что могли они значить противъ трехъ милліоновъ народонаселенія (Пекина)? Что могли они противупоставить совокупному натиску безчисленныхъ суевѣрій, обычаевъ совершенно разнородныхъ, примѣровъ соблазнительныхъ,—жизни, духу китаизма, совершенно расходящимся съ жизнью и духомъ христіанства? Пища, одежда, помѣщеніе, служба, связи, знакомства—все раскрывало имъ новый міръ, вливало въ нихъ новый духъ, вытѣсняя родное, съ собою принесенное. Меньше было бы странности, если бы у русскихъ, пришедшихъ въ Китай, были священники, словомъ и дѣломъ наставляющіе ихъ вѣрѣ; по крайней мѣрѣ, еслибъ жены ихъ были христіанки. Промыслу не угодно было ниспослать имъ этой милости. Священники ихъ сами требовали наставленія, а жены... изъ Сину. Соображая всѣ обстоятельства, въ какихъ находились албазинцы въ Пекинѣ, не представляется страннымъ то, что къ XIX столѣтію они совершенно окитаились и кромѣ обличья, да какой-то русской отваги въ нихъ ничего не осталось. Праздные, необразованные, лукавые, вѣроломные, больные душою и тѣломъ албазинцы, какъ и ихъ китаянки-жены, не показываютъ готовности принимать и исполнять Евангельское ученіе. Албазинцы въ потомствѣ—это испортившійся виноградный сокъ, изъ котораго не только нельзя сдѣлать вина, но

---

[1]) «Русская Старина» за 1884 г., сент. стр. 658

даже и уксуса. Несмотря на то, христіанство въ Китаѣ существуетъ; правда, оно похоже больше на обстрѣленный корабль—безъ парусовъ, мачтъ и руля, съ пробитыми боками и сильною течью, но, подъ кровомъ Божіимъ, этотъ жалкій корабль въ тихой пристани, на мѣстѣ неглубокомъ» [1]). «Нынѣ (въ 1810 году, спустя два года по прибытіи въ Китай девятой миссіи) въ Пекинѣ,—говоритъ авторъ «Россійской іерархіи»,—весьма мало исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру, и въ самой Русской сотнѣ, изъ 35 человѣкъ мужскаго пола, едва нѣкоторые носятъ имя христіанъ; дѣйствительно же почти всѣ уклонились въ китайское идолопоклонство» [2]). Дурное поведеніе членовъ девятой миссіи, рѣдко совершаемое богослуженіе и при томъ безъ подобающаго благоговѣнія, а съ небреженіемъ, повлекли за собою, по словамъ Голяховскаго, то, что оставшіеся христіане отъ прежнихъ миссій, проповѣдью слова Божія и благочестіемъ взысканные, видя сіе, постепенно отклонялись отъ церкви и обращались къ прежнему идолопоклонству; и даже самое поколѣніе русскихъ, умножившихся отъ взятыхъ въ плѣнъ изъ Албазина, впало въ идолопоклонство, и теперь (въ 1819 году—въ годъ сформированія десятой миссіи), вмѣсто умноженія нашего православія, судя по числу многихъ десятковъ лѣтъ бытности нашей миссіи въ Пекинѣ, остается тамъ нашего исповѣданія христіанъ весьма малое количество» [3]). Къ пріѣзду въ Пекинъ десятой миссіи крещенныхъ албазинцевъ было всего уже только 22 человѣка и четверо крещенныхъ изъ китайцевъ изъ деревни Дун-динь-ял. Во время пребыванія девятой миссіи въ Пекинѣ въ церковь къ службамъ являлось почти одно семейство изъ Русской сотни, именно семейство старшины Алексѣя.

V.

Образованіе десятой миссіи.

Не далѣе какъ черезъ годъ, если только не въ самый годъ прибытія девятой миссіи въ Пекинъ, китайскій министръ иностранныхъ дѣлъ Сунъ приглашалъ уже всѣхъ членовъ миссіи къ себѣ въ палату «для нѣкоторыхъ объясненій». Дѣло въ томъ, что начальникъ миссіи, архимандритъ Іакинѳъ, по взгляду чопорнаго китайскаго чиновнаго люда,

---

[1]) «Русская Старина» за 1884 г., сент., стр. 658—661.
[2]) «Исторія Росс. іерархіи», ч. III, стр. 485.
[3]) «Правосл. Собесѣд.» 1886 г., авг., стр. 424.

велъ себя ниже своего положенія: онъ, не стѣсняясь, ходилъ въ Пекинѣ по базарамъ, гостиницамъ и всякимъ народнымъ собраніямъ, удовлетворяя тѣмъ своей научной любознательности и любви къ наблюденіямъ, но не отвѣчая взгляду китайцевъ на иностранцевъ вообще и на миссіонеровъ въ особенности; помощники же архимандрита Іакинѳа вели себя очень неприлично. Когда эти «нѣкоторыя объясненія» на помощниковъ не подѣйствовали,—пекинская палата внѣшнихъ сношеній пожаловалась на нихъ иркутскому губернатору, Н. И. Трескину, который счелъ нужнымъ дать ходъ этой жалобѣ китайскаго правительства и сообщилъ о ней въ С.-Петербургъ. Между тѣмъ незамедлило попасть въ руки оберъ-прокурора святѣйшаго Синода, князя А. Н. Голицына, чрезъ министра финансовъ Гурьева, извѣстное секретное донесеніе директора Кяхтинской таможни Голяховскаго о поведеніи какъ девятой, такъ и прежнихъ миссій, и о выгодахъ, какія бы можно было пріобрѣсть отъ духовной миссіи, если бы изложенные имъ въ донесеніи предметы были поставлены ей въ непремѣнную обязанность. Въ заключеніи этого донесенія говорилось: «поелику наша духовная миссія посылается отъ лица нашего правительства, то нужно дать ей такое содержаніе, которое бы показывало богатство его (правительства) и чтобъ она, имѣя избытокъ въ своемъ содержаніи, могла для угощенія принимать по достоинству своему китайцевъ, въ коихъ будетъ имѣть надобность для видовъ правительства. Сверхъ того, весьма неизлишне будетъ снабдить ее и отъ времени до времени посылать къ ней вещи, интересующія китайцевъ».

Все это показывало какъ святѣйшему Синоду, такъ и министерству иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдѣніи которыхъ состояла наша пекинская духовная миссія, что практикуемый доселѣ способъ образованія состава миссій, посылаемыхъ въ Китай, крайне неудовлетворителенъ, и что на будущее время необходимо строже относиться къ выбору лицъ, а самую миссію обезпечить въ средствахъ настолько, чтобы все говорило о великомъ государствѣ, правительствомъ котораго она посылается въ Китай.

Когда чрезъ Иркутскъ стали доноситься въ С.-Петербургъ недобрыя вѣсти о составѣ и состояніи девятой пекинской миссіи, и когда наше духовное и свѣтское начальство занялось вопросомъ о лучшей постановкѣ дѣла по организаціи пекинской миссіи,—въ это время въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ состоялъ переводчикомъ китайскаго и манчжурскаго языковъ Павелъ Ивановичъ Каменскій, бывшій прежде того студентомъ въ составѣ восьмой миссіи въ Пекинѣ. Не чуждый тѣхъ вѣстей о пекинской миссіи, какія неслись чрезъ Иркутскъ въ С.-Петербургъ, онъ рѣшился съ одной стороны выступить на защиту пекинскихъ миссіонеровъ, а съ другой—указать: каковъ долженъ быть миссіонеръ въ Китаѣ. Въ 1815 году Каменскій представилъ сибирскому

генералъ-губернатору И. Б. Пестелю «Примѣчанія, клонящіяся къ усовершенствованію состава въ Пекинъ посылаемыхъ миссій». Въ этихъ «Примѣчаніяхъ» онъ говоритъ: «Въ Европѣ миссіонеръ лучшимъ почитается, когда онъ при остротѣ своего разума, нрава будетъ веселаго, обращенія смѣлаго, а вмѣстѣ забавнаго и расторопнаго. Свойства сіи, при поддержаніи ихъ безнужнымъ по крайней мѣрѣ достаткомъ, вездѣ найдутъ себѣ открытыя компаніи, всякія въ мысляхъ свободы, и въ разговорахъ вольности исполненныя. Миссіонеръ въ Европѣ перемѣняетъ только мѣсто, а въ образѣ жизни и обращеніи никакой не восчувствуетъ перемѣны. Напротивъ того для миссіонера, въ Китай посылаемаго, таковыя свойства совершенно пагубны. Ни одна черта изъ оныхъ не сильна отворить двери въ домъ и къ самому средственному гражданину. Теперь сдѣлать можно вопросъ: любящій свѣтское обращеніе, молодой, веселаго характера миссіонеръ, не терпящій, говорю, уединенія, куда обратится? Въ Китаѣ для подобныхъ иностранцевъ свободенъ и открытъ только путь въ пекинскія ярмарки, во всѣ торговые ряды, въ съѣстные, чайные и питейные трактиры, въ разныя гульбища и тому подобныя публичныя мѣста. Новый миссіонеръ, стѣсненный въ способахъ къ невинному, но веселому препровожденію времени, не имѣя лучшихъ средствъ, перемѣняетъ европейское платье на китайское, и по новости своей посѣщаетъ сіи мѣста. Отмѣнный ростъ его, цвѣтъ лица, глазъ, волосъ, поступь и всѣ обороты новаго сего гостя, въ мнѣніи ихъ—яко иностранца,—всегда презираемаго, обращаютъ на него взоры цѣлой публики. Невѣжественная какъ вездѣ, но въ Китаѣ и надменная чернь, толпясь со всѣхъ сторонъ, окружаетъ его не менѣе дерзко, какъ безпорядочно и кичливо о всемъ его вопрошаетъ; отвѣты же его, съ ихъ крайне ограниченными разговорными формами не согласные, пересмѣиваютъ нещадно, даже до оскорбленія. Веселый по природѣ миссіонеръ, не нашедъ прекрасному свойству своему соотвѣтствующаго удовольствія, возвращается оттуда въ унынии и въ мысляхъ своихъ полагаетъ недостатокъ сей замѣнить обращеніемъ съ европейскими миссіонерами; но надобно было ему знать, что европейцы сіи суть монахи, совсѣмъ необыкновеннаго ордена. Они, при многихъ подражанія достойныхъ качествахъ съ россіянами, по ихъ мнѣнію, иновѣрными, обращаются весьма не охотно; а по изгнаніи ихъ ордена изъ россійскихъ столицъ, должно предполагать и большія ихъ холодности, даже до нѣкоторой степени непріязненности. По испытаніи всего того, веселый нашъ миссіонеръ, вопреки своихъ свойствъ, долженъ повергнуть себя въ безмолвное уединеніе. Но природу перемѣнить трудно, и особенно когда она въ теченіе предшествовавшихъ лѣтъ укоренена и привычками».

Одновременно съ «Примѣчаніями», отправленными Пестелю, Павелъ

Ивановичъ писалъ и къ оберъ-прокурору святѣйшаго Синода, князю А. Н. Голицыну, по вопросу «объ усовершенствованіи состава въ Пекинъ посылаемыхъ миссій» между прочимъ слѣдующее: «Китайскій народъ есть народъ ума проницательнаго, свойства хитраго, нрава тихаго. Онъ, по своей системѣ правленія, никакимъ системамъ неподобной, но системѣ древней и цѣлой націею съ великою ревностію единодушно защищаемой, можетъ почесться народомъ довольно просвѣщеннымъ, но ко всему своему до безумія предубѣжденнымъ. По общему національному его духу всякій некитаецъ есть варваръ, презрѣнія достойный, все некитайское не заслуживаетъ вниманія, и все, противъ ихъ системы приводимое въ доказательство, есть ересь, смѣха и наказанія достойная. Въ Китаѣ все ограничено правилами: ни одно движеніе простаго обращенія изъ оныхъ не исключается. Образъ жизни даже между поселянами доведенъ до возможной точки утонченія. Благородная компанія ихъ болѣе походитъ на бесѣду ученую, нежели на какое-либо пиршество. И правила сихъ обыкновеній ни въ какомъ мѣстѣ не ослабляются. Иностранецъ дорого покупаетъ ихъ знакомство. Онъ вступаетъ въ кругъ ихъ общества не иначе, какъ въ новый міръ, и дотолѣ нещадно осмѣивается, пока въ правилахъ обыкновеній не учинится имъ подобнымъ. Жить среди такого народа трудно, а еще труднѣе сдѣлаться его учителемъ [1]). Изъ сихъ немногихъ строкъ видѣть можно, какова должна

---

[1]) Въ черновомъ наброскѣ «о качествѣ китайца» Каменскій говоритъ: «китаецъ, поступая медленно, видъ являетъ постояннѣйшаго. Онъ—разговаривая не скоро,—показываетъ себя глубокомысленнымъ. Въ Китаѣ всякій шагъ и всякое слово на мѣрѣ. Споровъ у нихъ ни о чемъ никогда не бываетъ. Наружное поведеніе ихъ и нравственность плѣнительны. Но къ оскорбленіямъ слишкомъ чувствительны, выходятъ изъ себя до нѣкоей степени неистовства. Мстительность принимается за добродѣтель. Коварность и скрытность составляютъ его мудрость. Откровенность, чистосердечіе и простота суть степени китайской глупости. Китайцы хладнокровны ко многимъ добродѣтелямъ. Ко всему своему привержены до суевѣрія, а отъ иностраннаго всего отвращаются до безумія, и особенно французскаго, легкомысленнаго и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ, вертопрашества. Скорыя движенія европейца въ обращеніи, при первомъ шагѣ, подаютъ китайцу причину сдѣлать слишкомъ невыгодное заключеніе, изъ коего никто его вывести не можетъ. По-европейски—пить и ѣсть свободно, безъ жеманства, у нихъ есть—пить и ѣсть пособачьи. Китаецъ внѣ дома своего играетъ роль прескромнаго, преумѣреннаго и есть чистый лицемѣръ; но въ кругу женъ своихъ и развязенъ, и роскошенъ, и даже пышенъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобъ природные китайцы отъ какихъ-либо иностранцевъ образовались, но всего обыкновеннѣе, что иностранцы образуются отъ китайцевъ. Такъ, мунгалъ, завладѣвъ Китаемъ, впослѣдствіи и самъ—изнѣжившись—переродился въ китайца. Теперь съ манчжуромъ то же послѣдовало. Утонченная хитрость китайца для простосердечныхъ европейцевъ непостижима. Въ Китаѣ всякъ (считается?) въ классѣ уже преступниковъ, кто съ европейцами сведетъ дружбу. Каково же среди таковыхъ жить?!»

быть посылаема туда свита (миссія). Она должна имѣть въ себѣ столько ума и просвѣщенія, чтобъ при всѣхъ ихъ оскорбительныхъ, нерѣдко безумныхъ умствованіяхъ, могла сохранить свое спокойствіе, столько наконецъ терпѣнія, чтобы чрезъ столь продолжительное пребываніе великодушно могла выносить всѣ ихъ неудобовыносимыя озлобленія»[1]).

Этотъ голосъ министерскаго чиновника, знакомаго съ китайцами и положеніемъ нашихъ миссіонеровъ сразу обратилъ вниманіе духовнаго и свѣтскаго начальства. И вотъ, когда наступило время формировать составъ новой десятой миссіи на смѣну девятой—начальствованіе надъ ней было предложено Павлу Ивановичу Каменскому, тогда уже 54-лѣтнему мужу.

Послѣ уронившей себя въ глазахъ какъ китайскаго правительства, такъ и китайцевъ и даже албазинцевъ девятой миссіи, съ ея начальникомъ, необходимо было поставить во главѣ миссіи такого человѣка, который могъ бы твердо держать нелегкое знамя православія и силою своего ума и воли вліять на окружающій его людъ. Такимъ лицомъ вполнѣ отвѣчающимъ требованіямъ труднаго и важнаго поста въ глазахъ начальства, и явился Павелъ Ивановичъ Каменскій. На предложеніе принять начальствованіе надъ десятой миссіей, съ обязательнымъ поступленіемъ въ монашество, Павелъ Ивановичъ отвѣчалъ словами Спасителя: «dicit Christus: nemo ad Me potest venire, nisi Pater, qui misit Me, illum traxerit».

Какъ компетентному лицу, начальство поручило составить Павлу Ивановичу и новую инструкцію въ видахъ скорѣйшаго и лучшаго приведенія въ порядокъ дѣлъ пекинской миссіи. Понимая всю важность и отвѣтственность подобной работы, Павелъ Ивановичъ принялъ во вниманіе прежнія инструкціи, дававшіяся въ руководство прежнымъ миссіямъ, но внесъ и много новыхъ положеній, сообразно съ измѣнившимися задачами миссіи и видами на нее правительства. Инструкція эта оказалась вполнѣ практичной, согласной съ мѣстными условіями жизни въ Китаѣ, съ дѣятельностію нашихъ миссіонеровъ и ихъ пасомыхъ, а потому и выдержала нѣсколько изданій въ послѣдующее время, входя въ существенныхъ частяхъ своихъ въ инструкціи 1839 и 1847 годовъ.

Составленная Каменскимъ инструкція удостоилась высочайшаго утвержденія 4-го августа 1818 года. Существенныя положенія ея состоятъ, во 1-хъ, въ томъ, что жалованье и содержаніе для миссіи было опредѣлено въ гораздо большемъ размѣрѣ противъ прежнихъ окладовъ, а именно въ 16.250 руб. сер. (противъ прежняго оклада въ

---

[1]) Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири, 1819—1822 г.—Вагина, въ 2-хъ томахъ. Спб. 1872 г., т. II, стр. 615—617.

6.500 р.). При этомъ впервые указаны новыя статьи расходовъ, не бывшія прежде. Росписаніе расходовъ было составлено въ такомъ видѣ: 1) архимандриту 2.000 р. с., какъ и прежде, 2) іеромонаху—помощнику начальника и 3) іеромонаху, исправляющему должность казначея, по 650 р., вмѣсто прежнихъ 400 р.; 4) іеродіакону, 5) двоимъ церковникамъ по 500 р., вмѣсто прежнихъ 300 р.; 6) троимъ студентамъ по 500 р., вмѣсто прежнихъ 400 р.; 7) лѣкарю 700 р.; 8) на общій для всѣхъ столъ, отопленіе и освѣщеніе всего подворья и прислугу для всей миссіи 5.000 р.; 9) архимандриту на наемъ служителей и содержаніе двухъ экипажей—одного для него, а другаго для миссіи 1.000 р.; 10) на содержаніе частныхъ учителей манчжурскаго, китайскаго и монгольскаго языковъ и письменныя принадлежности 500 р.; 11) на церковныя потребы 250 р.; 12) на содержаніе и обученіе албазинскихъ мальчиковъ 1.000 р., 13) на постройки и ремонтъ въ монастырѣ и церквахъ 500 р.; 14) на покупку китайскихъ и манчжурскихъ книгъ 500 р.; 15) на подарки учителямъ и другимъ необходимымъ для миссіи лицамъ 500 руб.

Во 2-хъ, годовое жалованье по этой инструкціи должно было обращаться въ пенсію тѣмъ изъ членовъ миссіи, о которыхъ, по возвращеніи въ Россію, будетъ засвидѣтельствовано начальникомъ миссіи, что они по мѣрѣ ихъ силъ трудились надъ выполненіемъ возложенныхъ на нихъ правительствомъ обязанностей. На такую пенсію не имѣли права причетники и іеродіаконъ, если онъ не былъ изъ ученыхъ. Начальнику миссіи, по возвращеніи его въ Россію, обѣщана награда въ видѣ производства во епископа, если онъ окажется достойнымъ этого сана. Іеромонахи съ самаго поступленія въ миссію награждались золотыми наперсными крестами изъ Кабинета Его Величества, а по выѣздѣ изъ Пекина могли быть произведенными въ архимандриты монастырей, въ какихъ святѣйшему Синоду благоугодно будетъ предоставить имъ настоятельство. Свѣтскіе же студенты, со времени поступленія своего въ миссію, должны были награждаться чинами, а по возвращеніи въ отечество, за труды и выполненіе своихъ обязанностей, быть произведенными въ высшіе чины и пожалованы орденами, съ причисленіемъ на службу министерства иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ переводчиковъ.

Въ 3-хъ, новою инструкціею были въ точности опредѣлены предметы занятій для каждаго изъ членовъ миссіи какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, смотря по образованію, полученному имъ въ Россіи. Всѣмъ же вообще членамъ вмѣнено въ обязанность обучаться—духовнымъ преимущественно китайскому языку, а студентамъ, сверхъ того, манчжурскому и монгольскому.

Въ 4-хъ, учрежденъ Совѣтъ миссіи. Предсѣдателемъ Совѣта назначался начальникъ миссіи, членами оба іеромонаха, лѣкарь и одинъ изъ старшихъ студентовъ. Должность секретаря возлагалась также на

одного изъ студентовъ. Къ дѣйствіямъ Совѣта отнесено вообще управленіе дѣлами, касающимися внутренняго и внѣшняго благосостоянія миссіи. Сюда принадлежали: а) надзоръ за поведеніемъ и занятіями членовъ миссіи, б) указаніе мѣръ для поощренія ихъ и средствъ воздержанія отъ предосудительныхъ поступковъ, в) внушеніе осторожнаго и благоразумнаго обращенія съ китайцами, г) бдительный надзоръ за сохраненіемъ въ цѣлости церковнаго и монастырскаго имущества и казны, отпускаемой на содержаніе миссіи, наконецъ, д) попеченіе о поддержаніи православной вѣры между албазинцами и пріобрѣтеніе новыхъ чадъ къ церкви Христовой изъ природныхъ китайцевъ [1]).

6-го мая 1819 года Павелъ Ивановичъ въ Александро-Невской лаврѣ принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Петра отъ рукъ самого митрополита с.-петербургскаго Михаила. Мая 12 монахъ Петръ посвященъ былъ въ іеродіакона, 26—въ іеромонаха, а 30 мая возведенъ въ санъ архимандрита въ Казанскомъ соборѣ, при чемъ ему, какъ начальнику миссіи, пожалована панагія первоклассн аго монастыря и митра, шитая золотомъ по красному бархату, украшенная драгоцѣнными камнями. Іюня 29-го въ день ангела—архимандритъ Петръ былъ всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени и пожалованъ брильянтовымъ наперснымъ крестомъ и пожизненной пенсіей въ 1.000 рублей въ прибавку къ прежде получаемой въ 600 рублей.

Согласно новому штату пекинской миссіи, императоръ Александръ I по представленію архимандрита Петра, указалъ начальнику десятой миссіи избрать при посредствѣ нѣкоторыхъ лицъ въ составъ этой миссіи какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ членовъ непремѣнно въ С.-Петербургѣ изъ с.-петербургскихъ учебныхъ заведеній и при томъ лицъ съ отличною нравственностію и съ такими же способностями. Поэтому, изъ С.-Петербургской духовной академіи поступилъ и произведенъ въ іеромонаха, съ званіемъ помощника или намѣстника начальника миссіи, Веніаминъ Морачевичъ; другой членъ, Даніилъ Сивилловъ, изъ учениковъ философіи Александро-Невской семинаріи, былъ постриженъ въ монашество и посвященъ въ іеромонаха съ званіемъ казначея миссіи. Изъ Невской лавры взятъ былъ послушникъ Веретенниковъ, который, по произведеніи въ іеродіакона, названъ Израилемъ. Изъ Невской же лавры одинъ изъ послушниковъ, Алексѣй Исаковъ Сосницкій поступилъ причетникомъ, а другой—Николай Ивановъ Вознесенскій избранъ изъ учениковъ С.-Петербургскаго Петропавловскаго духовнаго училища. Онъ поступилъ въ миссію старшимъ причетникомъ на правахъ студента. Изъ медико-хирургической академіи, кончившій курсъ лѣкаремъ, въ чинѣ IX класса, Осипъ Михайловичъ Войцеховскій назначенъ

[1]) «Правосл. Собесѣд.» за 1886 г., май, стр. 54–57.

былъ врачемъ миссіи. Изъ той же академіи, въ чинѣ XII класса, поступилъ студентомъ Василій Кирилловичъ Абрамовичъ. Изъ Петербургской же духовной академіи былъ утвержденъ въ званіи студента и въ чинѣ XII класса Кодратъ Григорьевичъ Крымскій. Наконецъ, изъ Петербургскаго педагогическаго института, въ чинѣ XII же класса, Захаръ Ѳеодоровичъ Леонтьевскій занялъ четвертую вакансію студента миссіи. Выборъ всѣхъ членовъ миссіи, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ, и только іеродіаконъ Израиль не выдержалъ своего «термина» въ Пекинѣ и спустя $5^1/_2$ мѣсяцевъ возвратился обратно въ Россію.

VI.

Учебные годы и служба Павла Ивановича Каменскаго (архимандрита Петра) до назначенія его начальникомъ десятой миссіи.

Павелъ Ивановичъ Каменскій родился въ іюнѣ 1765 года въ селѣ Каменкѣ, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи [1]). Родитель

[1]) Въ некрологѣ архимандрита Петра, помѣщенномъ въ № 21 «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1845 годъ, ошибочно годъ рожденія Павла Каменскаго указывается 1773, а отсюда и всѣ дальнѣйшія хронологическія указанія изъ жизни архимандрита Петра, приводимыя въ некрологѣ, оказываются невѣрными. Такъ, тамъ говорится, что Каменскій кончилъ полный курсъ въ Нижегородской семинаріи на 16 году (конечно—это немыслимо, да и въ практикѣ нашихъ семинарій нѣтъ ни одного подобнаго примѣра), тогда какъ онъ кончилъ курсъ 22 лѣтъ; далѣе, въ некрологѣ говорится, что Каменскій въ первый разъ отправился въ Китай въ 1793 году, будучи 20 лѣтъ, а ему было тогда въ дѣйствительности 27 лѣтъ; наконецъ, говорится, что онъ скончался на 73 году, тогда какъ онъ скончался безъ одного мѣсяца 80 лѣтъ. Эта хронологическая неточность некролога произошла отъ того, что авторъ его въ послужномъ спискѣ архимандрита Петра прочиталъ цифру «7» за «1». Но эта хронологическая неточность некролога не такъ важна, какъ важна та ошибочность свѣдѣній объ архимандритѣ Петрѣ, которая со столбцевъ «Современныхъ Извѣстій» (№ 251 за 1884 г.) занесена на страницы «Церковнаго Вѣстника». Въ послѣднемъ (№ 38 за 1884 г.) въ замѣткѣ: «Кому принадлежитъ проектъ учрежденія нашей миссіи въ Китаѣ» говорится: «Архимандритъ Петръ Каменскій по окончаніи курса въ духовной академіи (?) вышелъ изъ духовнаго званія и служилъ при Екатеринѣ II въ свѣтскомъ вѣдомствѣ въ чинѣ коллежскаго асессора (?). Исполняя различныя работы по составленію проектовъ для нашихъ миссій, онъ между прочимъ сочинилъ проектъ миссіи въ Китаѣ, который обратилъ на себя вниманіе высшей церковной іерархіи, поднесенъ былъ императрицѣ (?) и ею утвержденъ. Этотъ проектъ былъ причиной перехода Каменскаго въ монашество, такъ какъ и-

его, священникъ Покровской церкви села Каменки, о. Іоаннъ, имѣлъ въ семействѣ, кромѣ Павла, еще сына Сергѣя (скончался на службѣ протоколистомъ въ Пензѣ 17 сент. 1792 г.) и двухъ дочерей: Мавру и Агапію. По окончаніи въ 1787 году курса наукъ въ Нижегородской духовной семинаріи, которая—за время обученія въ ней Павла Каменскаго—была особенно въ блестящемъ положеніи, благодаря покровительству такихъ просвѣщенныхъ и европейски образованныхъ нижегородскихъ іерарховъ, каковыми были Іоасафъ Заболотскій и Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ [особенно послѣдній] [1], Павелъ Каменскій—съ богатымъ запасомъ богословско-философскаго образованія, съ основательнымъ знаніемъ классическихъ языковъ, особенно латинскаго, на которомъ свободно читалъ, говорилъ и писалъ, а изъ новѣйшихъ—французскаго, съ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній по исторіи, географіи и отчасти нѣмецкаго языка—выступилъ въ жизнь. Просвѣщенное вниманіе европейски образованнаго Дамаскина къ Нижегородской семинаріи и ея воспитанникамъ такъ электризовало послѣднихъ, что они неохотно шли на епархіальную службу, а рвались въ высшія учебныя заведенія и особенно въ Московскій университетъ, такъ что, наконецъ, Дамаскинъ принужденъ былъ своею властію удерживать ихъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ [2]. По примѣру своихъ товарищей и Павелъ Каменскій намѣтилъ для себя рано или поздно поступить въ Московскій университетъ, а потому не искалъ мѣста на епархіальной службѣ, а поступилъ до времени (23 января 1788 г.) въ учителя народнаго учи-

---

кого болѣе не признали достойнымъ привести его въ исполненіе, кромѣ самого автора, и предложили ему отправиться въ Китай начальникомъ миссіи съ посвященіемъ въ архимандриты, на что онъ изъявилъ согласіе. Въ Китаѣ онъ пробылъ 10 лѣтъ (?), изучая всѣ нарѣчія китайскаго языка, учредилъ монастырь (?) и обратилъ многихъ язычниковъ въ христіанскую вѣру. По истеченіи десятилѣтняго срока онъ возвратился въ Россію и былъ настоятелемъ (?) одного изъ монастырей. По прошествіи десяти лѣтъ, когда дѣла миссіи пошли дурно, архимандриту Петру предложили вторично отправиться въ Китай, и онъ поѣхалъ. Исправивъ опущенія, обратилъ еще многихъ въ христіанство, докончилъ изученіе китайскихъ нарѣчій, и по прошествіи вторичныхъ десяти лѣтъ возвратился на родину». Несостоятельность этихъ измышленій, принадлежащихъ досужей фантазіи кн. Баюшева—очевидна. Рожденіе архимандрита Петра въ 1765 году я основываю на слѣдующемъ мѣстѣ его «Дневныхъ Записокъ»: подъ 1-мъ января 1835 года онъ пишетъ: «по возможности разсудка, по сіе время 70 года возраста, во мнѣ остающагося, разсматривалъ я ходъ несчастнѣйшей жизни моей» и проч.

[1]) Истор. нижегор. іерарх., арх. Макарія, стр. 159, 162, 163 и 173. Спб. 1857 года.

[2]) Ibid., стр. 174 и 175.

лища въ городъ Балахну. Въ этой должности онъ оставался не долго: ревностное желаніе обогатить умъ свой познаніями побудило его оставить службу при училищѣ и поступить студентомъ въ Московскій университетъ, гдѣ онъ продолжалъ учиться логикѣ, физикѣ, математикѣ, всеобщей исторіи и естественному праву по 14 ноября 1791 года. Затѣмъ онъ былъ опредѣленъ помощникомъ надзирателя въ С.-Петербургскій воспитательный домъ, гдѣ сверхъ этой должности занимался преподаваніемъ воспитанникамъ ариѳметики и правилъ гражданской жизни. Въ 1793 году отправлялась въ Пекинъ восьмая россійско-духовная миссія подъ начальствомъ архимандрита Софронія Грибовскаго. Каменскій изъявилъ желаніе участвовать въ ней въ качествѣ студента, и 20-го февраля этого года былъ зачисленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ ученикомъ манчжурскаго и китайскаго языковъ, а 31 марта отправился вмѣстѣ съ миссіей въ Пекинъ и находился тамъ до 11 мая 1808 года. При отъѣздѣ въ Пекинъ ему пожаловано было на экипировку 1.000 рублей. Во время пребыванія въ Пекинѣ онъ изучилъ языкъ, нравы и обычаи народовъ, населяющихъ Китай, и былъ употребляемъ пекинскимъ верховнымъ совѣтомъ и трибуналомъ иностранныхъ дѣлъ къ переводамъ съ латинскаго на манчжурскій и китайскій языки бумагъ, присылаемыхъ изъ Европы. Въ это пребываніе свое въ Пекинѣ П. И. Каменскій въ 1795 году положилъ изъ своихъ весьма немногихъ книгъ «основаніе казенной библіотеки при миссіи и лелѣялъ ее какъ нѣжное дитя». По возвращеніи въ Россію въ 1808 году, онъ былъ тогда же опредѣленъ переводчикомъ китайскаго и манчжурскаго языковъ во второй департаментъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Находясь въ этой должности, онъ получилъ чины титулярнаго совѣтника (1812 г. декабря 31) и коллежскаго асессора (1814 г. апрѣля 11). При пожалованіи послѣднимъ чиномъ Каменскій получилъ за свою ревностную службу пожизненный пенсіонъ въ 600 рублей. Въ 1816 году (іюля 10) по именному Высочайшему указу опредѣленъ былъ членомъ комитета императорскаго Человѣколюбиваго общества и попечителемъ Галернаго селенія. Въ 1818 году избранъ былъ комитетомъ россійскаго Библейскаго общества въ директоры онаго. Кромѣ того, Каменскій состоялъ членомъ корреспондентомъ императорской С.-Петербургской академіи наукъ, членомъ Парижскаго королевскаго азіатскаго общества, Копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ и вольнаго общества любителей наукъ и художествъ и имѣлъ медаль за 1812 годъ—въ память отечественной войны. Далѣе, Павлу Ивановичу было предложено начальство надъ десятой миссіей, снаряжаемой въ Китай, и онъ принялъ это предложеніе [1].

[1]) См. послужной списокъ архимандрита Петра Каменскаго, изложенный въ указѣ Нижегородской духовной консисторіи Городецкаго Ѳеодоровскаго

VII.

Сборы, отъѣздъ и пріѣздъ въ Пекинъ десятой миссіи.

По собраніи всѣхъ членовъ миссіи, изъ которыхъ иные ѣздили для свиданія и прощанія съ родными, часть назначенныхъ лицъ изъ ея состава выѣхала изъ С.-Петербурга 6 декабря 1819 года, а начальникъ миссіи съ остальными членами отправился въ путь 28 декабря. Предъ отъѣздомъ въ Китай архимандритъ Петръ былъ на прощальной аудіенціи у императора Александра I и сказалъ, что будетъ просить на предлежащій ему подвигъ у Господа помощи. Государь при этихъ словахъ возвелъ очи и произнесъ псаломски: «Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, и услыша мя отъ горы святыя Своея» и добавилъ: «часто такъ взывалъ я ко Господу, и Той всегда выслушивалъ меня».

Въ Казани члены съѣхались вмѣстѣ, и отсюда миссія уже въ цѣломъ составѣ продолжала путь до Иркутска, куда и прибыла 20 февраля 1820 года. Въ Иркутскѣ сибирскій генералъ-губернаторъ М. М. Сперанскій принялъ миссію весьма радушно и въ знакъ особаго благоволенія къ ней подарилъ ея начальнику — архимандриту Петру, свой переводъ книги Ѳомы Кемпійскаго «Подражаніе Христу» съ латинскимъ подлинникомъ самаго лучшаго изданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ архимандриту Петру подвести китайскій, манчжурскій и россійскій переводы къ лексикону Сань-хэ-бонь-лань, на монгольскомъ языкѣ составленному переводчикомъ при восьмой миссіи монгольскаго языка Василіемъ Новоселовымъ. Изъ Иркутска миссія направилась въ Кяхту и 1-го іюля увидѣла синѣющіе хребты монгольскихъ горъ. Въ Кяхтѣ она пробыла ровно два мѣсяца въ приготовленіяхъ къ дальнѣйшему пути чрезъ Монголію. О предстоящемъ слѣдованіи россійской духовной миссіи чрезъ Монголію въ Пекинъ сибирскій генералъ-гунернаторъ М. М. Сперанскій еще въ маѣ мѣсяцѣ далъ знать правителямъ китайскимъ въ Ургѣ. Приставомъ миссіи былъ назначенъ одинъ изъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, коллежскій ассесоръ, Е. Ѳ. Тимковскій, въ должности обознаго — Е. И. Разгильдѣевъ, переводчикомъ монгольскаго и манчжурскаго языковъ — А. П. Фроловъ, старшиною — А. И. Разгильдѣевъ съ командой изъ 29 сибирскихъ каза-

---

монастыря строителю Варлааму отъ 11 апрѣля 1833 г. за № 2226, обязательно доставленномъ мнѣ теперешнимъ настоятелемъ Ѳеодоровскаго монастыря, о. архимандритомъ Ѳеодосіемъ. Указъ этотъ касается водворенія архимандрита Петра, согласно его желанію и просьбѣ, на покой въ Ѳеодоровскую обитель.

*

ковъ. На переѣздъ миссіи сдѣланы были въ Иркутскѣ 10 крытыхъ повозокъ съ упряжью на три лошади въ каждую. Для доставленія тяжестей отъ Кяхты до Калгана (въ 200 верстахъ отъ Пекина) и обратно, было заготовлено 85 верблюдовъ. Часть ихъ была куплена, а прочіе пожертвованы бурятами. Подъ вьюками вышло за границу 31 августа 1820 г. 64 верблюда, остальные были взяты въ запасъ. Бурятами же добровольно, безъ всякой платы, было выставлено 150 лошадей и дано 28 быковъ на пищу. Сверхъ того, для перевозки ломкихъ вещей, принадлежащихъ членамъ миссіи, было отпущено 6 одноколокъ.

За немногими исключеніями, миссія ѣхала по станціямъ у колодцевъ, на которыхъ останавливалась и восьмая миссія въ 1794 году. По дорогѣ члены миссіи интересовались встрѣчающимися видами, попадавшимися растеніями и жителями. Монголы привѣтствовали русскихъ словомъ: «Здравствуй», и часто осаждали разспросами о Россіи и о нихъ самихъ. На пути приставъ миссіи немало израсходовалъ разнымъ китайскимъ и монгольскимъ вожатымъ, а также провожавшимъ миссію китайцамъ на подарки въ видѣ водки, сукна, табакерокъ, медальоновъ, подносовъ, ложекъ, ножницъ, ножей и вилокъ, шитыхъ казанскихъ сапоговъ, помады, духовъ и т. п. Членамъ миссіи пришлось немало потерпѣть въ пути отъ сырости, холода и другихъ невзгодъ, между которыми особенно былъ тяжелъ падежъ скота. По прибытіи черезъ 2½ мѣсяца въ Калганъ по снѣгу при морозѣ въ 18° Реом., съ сѣвернымъ вѣтромъ, члены миссіи чувствовали примѣтное ослабленіе здоровья и нужду въ тепломъ помѣщеніи. Часть обоза была оставлена приставомъ миссіи у цахарскаго ламы Байнъ-цагана до обратнаго пути.

Перваго декабря въ пекинскомъ предмѣстьѣ новую миссію встрѣтили студенты прежней: Сипаковъ и Зимайловъ. По распоряженію начальника девятой миссіи, архимандрита Іакинѳа, они привезли съ собою 4 лучшихъ китайскихъ телѣги. Въ этихъ телѣгахъ, а приставъ на приведенной также верховой лошади—новая миссія должна была въѣхать въ Пекинъ. Въ двухъ почти верстахъ отъ Пекина, на русскомъ кладбищѣ, встрѣтилъ новую миссію бошко (унтеръ-офицеръ) Ургентай. Поклонившись праху соотечественниковъ, члены новой миссіи вступили наконецъ въ Пекинъ чрезъ одни изъ сѣверныхъ воротъ его (Аль-динь-мынь) и въ церемоніальномъ порядкѣ проѣхали по главной Сипайловой улицѣ. Масса любопытныхъ китайцевъ слѣдовала за русскими. У воротъ русскаго подворья новую миссію встрѣтили іеромонахи прежней миссіи—Серафимъ и Аркадій съ церковникомъ Яфицкимъ, а въ настоятельскихъ покояхъ принялъ гостей самъ начальникъ миссіи, архимандритъ Іакинѳъ, который затѣмъ отлично угостилъ и успокоилъ всѣхъ новоприбывшихъ. Путешественники размѣстились въ разныхъ китайскихъ одноэтажныхъ

домикахъ русскаго подворья со слюдой въ окнахъ, съ простой полуевропейской, полукитайской обстановкой и съ топкой извнѣ, нагрѣвавшей снизу каменный полъ.

На другой день, 2-го декабря, новою миссіею было принесено благодарственное моленіе Господу Богу въ Срѣтенской церкви. Затѣмъ у пріѣзжихъ съ старожилами начался обмѣнъ мыслей, приготовленіе сложныхъ китайскихъ костюмовъ или обмѣнъ ихъ на европейское платье новоприбывшихъ. Послѣ этого начались церемоніальные пріемы китайскихъ чиновниковъ, обмѣнъ подарковъ съ ними, сообщеніе въ китайскую палату внѣшнихъ сношеній оффиціальныхъ бумагъ и полученіе оттуда отвѣтовъ, торжественные выѣзды изъ посольскаго двора для осмотра города, наконецъ визиты къ католическимъ миссіонерамъ и пріемъ ихъ. Обѣ церкви Срѣтенская и Успенская были тщательно освидѣтельствованы. Съ 7 декабря члены новой миссіи занялись на южномъ подворьѣ пріемомъ отъ прежней миссіи церковной утвари и ризницы. 4-го января 1821 года былъ пріемъ іеромонахомъ Веніаминомъ изъ вѣдѣнія прежней миссіи земель и домовъ, принадлежащихъ миссіи. 26 января члены старой миссіи передали въ библіотеку свои книги, которыя не нашли нужнымъ взять съ собою.

10 мая 1821 года члены старой миссіи стали окончательно укладываться въ дорогу. Съ 11 мая начались прощальные пріемы и визиты отъѣзжавшихъ въ Россію. Обѣ миссіи пробыли вмѣстѣ $5^1/_2$ мѣсяцевъ.

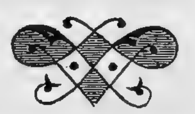
15 мая 1821 года, въ 8 часовъ утра, архимандритъ Петръ съ двумя іеромонахами совершилъ божественную литургію и по окончаніи оной молебствіе о дарованіи добраго пути возвращавшимся въ отечество. Во второмъ часу, послѣ обѣденнаго стола, бывшаго у архимандрита Петра, начали отправляться въ путь. Сперва выступилъ обозъ миссіи на 30 верблюдахъ и 5 телѣгахъ, въ сопровожденіи 5 казаковъ. Спустя часъ послѣ того отправилась и миссія въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхалъ казачій старшина, за нимъ 9 казаковъ по три въ рядъ; потомъ въ носилкахъ начальникъ прежней миссіи, о. Іакинѳъ, также іеромонахи Серафимъ и Аркадій. У каждыхъ носилокъ находился казакъ верхомъ. За ними казачій сотникъ, потомъ приставъ миссіи съ обознымъ, переводчикомъ, студентами Сипаковымъ, Зимайловымъ и церковникомъ Яфицкимъ. Шествіе заключали два казачьихъ урядника. Исключая трехъ духовныхъ особъ, несомыхъ на носилкахъ, всѣ прочіе ѣхали верхомъ, въ парадной одеждѣ. Сзади слѣдовали въ китайскихъ телѣгахъ архимандритъ Петръ и всѣ члены новой миссіи. Любопытные и знакомые изъ китайцевъ и манчжуръ въ большомъ числѣ собрались на русское подворье и провожали русскихъ до Аль-динь-мыньскихъ воротъ, а нѣкоторые даже до русскаго кладбища. День былъ знойный. Пекинская

полиція, по приказанію начальства, полила улицы и провожала ѣхавшихъ отъ квартала до квартала для удержанія черни въ порядкѣ.

У русскаго кладбища, лежащаго въ верстѣ съ небольшимъ отъ Альдинь-мыньскихъ воротъ, немного влѣво отъ большой дороги шествіе остановилось. Здѣсь, на чертѣ между живыми и мертвыми, отъѣзжающіе простились со всѣми членами миссіи, оставшейся въ Пекинѣ. Не для чего говорить о противоположности взаимныхъ чувствованій: одни возвращались въ объятія отечества, послѣ долгаго временнаго отсутствія, другіе заступили ихъ мѣсто съ неизвѣстностію будущаго [1]).

Аполлонъ Можаровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) „Правосл. Собесѣд." за 1886 г., май, стр. 29 и слѣд.

ГУСТАВЪ IV
и
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.

1794—1796 г.г.

(По неизданнымъ документамъ шведскаго королевскаго архива).

Столѣтняя годовщина дня смерти императрицы Екатерины II вызоветъ, вѣроятно, новое движеніе въ исторической литературѣ, посвященной ея имени. Будутъ пересмотрѣны не только обстоятельства, предшествовавшія этому событію, но также и причины, его породившія. Между послѣдними, неудачное сватовство короля шведскаго, Густава-Адольфа IV, съ великою княжною Александрой Павловной будетъ имѣть немаловажное значеніе. «Когда 6-го (17) ноября 1796 года распространилось въ Петербургѣ извѣстіе, что императрица Екатерина II скончалась отъ внезапнаго апоплексическаго удара, то при дворѣ и въ публикѣ разнесся слухъ, что это несчастье, постигшее не только Россію, но и всю Европу, на которую покойная государыня имѣла огромное вліяніе, послѣдовало отъ сильнаго припадка гнѣва и крайняго раздраженія, вызваннаго поведеніемъ короля шведскаго. Было извѣстно, что король Густавъ-Адольфъ, которому не было 18-ти лѣтъ, ожидавшій своего совершеннолѣтія съ страстнымъ нетерпѣніемъ, послѣ долгихъ переговоровъ прибылъ, наконецъ, въ Петербургъ, въ сопровожденіи своего дяди и опекуна, герцога Зюдерманландскаго; что онъ долженъ вступить въ бракъ съ великою княжною Александрою Павловною, дочерью наслѣдника престола, Павла Петровича и внукою императрицы; что даже съ самой помолвки бракъ

этотъ сдѣлался невозможенъ вслѣдствіе запоздалой религіозной разборчивости, появившейся въ умѣ юнаго короля; что императрица слишкомъ живо принимала къ сердцу то, что она совершенно справедливо считала за личное для себя оскорбленіе, и что это живое душевное движеніе развило зародышъ недуга, коему подвергалъ ее ея темпераментъ сангвиническій и нервный» [1]). Конечно, въ этихъ городскихъ слухахъ было много преувеличеннаго.

Обстоятельства, непосредственно предшествовавшія роковой развязкѣ въ жизни Екатерины, были скорѣе въ пользу предполагавшагося сватовства, нежели противъ него. Посольство Клингспорра съ новыми полномочіями для переговоровъ о бракѣ и восторженные отзывы короля шведскаго, по возвращеніи его въ Стокгольмъ, о красотѣ великой княжны Александры Павловны обѣщали, въ концѣ концовъ, благопріятный исходъ сложной дипломатической перепискѣ. Несомнѣнно, однако, что избалованной счастьемъ, рѣдко на своемъ пути встрѣчавшей серьезныя препятствія и еще рѣже уступавшей имъ, Екатеринѣ казались слишкомъ смѣлыми претенціозныя выходки короля-мальчика, сына ея любимца. Наружно она, конечно, мирилась и даже смѣялась надъ ними въ перепискѣ съ Гриммомъ, но въ душѣ у нея должна была кипѣть буря неудовлетворенныхъ желаній, уязвленнаго самолюбія. Россія, со смертью царя-преобразователя, оставалась совершенно изолированною на сѣверо-востокѣ. Съ другой стороны, наши отношенія къ Оттоманской Портѣ, становясь день ото дня все натянутѣе, «приняли характеръ хронической болѣзни», а неурядицы въ Польшѣ предвѣщали каждую минуту «новую бурю». Приходилось думать о будущемъ или, по крайней мѣрѣ, обезпечить себѣ покой у сосѣдей. Можетъ быть, въ виду такихъ соображеній, понимая важность для насъ опорнаго пункта (stand-punct) на сѣверѣ, императрица «предвидѣла отъ родственнаго союза съ Швеціей многія выгоды для Россіи и въ настоящемъ, и въ будущемъ».

I.

Начиная съ 1782 года, подъ наблюденіемъ Екатерины, ростутъ двое ея малолѣтнихъ внуковъ. Вѣроятно, обоимъ судьба равно готовила царскіе вѣнцы въ будущемъ: Александру Павловичу чрезъ законное пре-

[1]) Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ вел. кн. Александрою Павловною („Сб. Рус. И. Об.“, т. IX, 1872, Предисловіе барона Будберга, стр. 295).

столонаслѣдіе, сестрѣ его — помощью счастливаго брака съ могущественнымъ монархомъ Европы. Исторія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какъ оправдалось предначертаніе судьбы въ одномъ случаѣ и сколько интригъ, волненій, тяжелыхъ нравственныхъ мукъ потребовалось для того, чтобы свести на-нѣтъ счастливую судьбу другой. Царственная бабушка нѣжно любила свою маленькую внучку. О характерѣ самой Александры Павловны въ исторіи сохранилось очень мало извѣстій. Рано выступившая на историческую сцену, еще быстрѣе сошедшая съ нея, русская великая княжна походила на нѣжный оранжерейный цвѣтокъ, которому стоило выйти изъ родной теплицы, попробовать двѣ-три перемѣны чуждой ей атмосферы, чтобы сейчасъ же завянуть невинной жертвой наступившей непогоды. Впрочемъ, среди писемъ Екатерины есть нѣсколько чертъ, драгоцѣнныхъ для ея характеристики. Жалуясь, напримѣръ, Гримму на безвкусіе портретовъ знаменитой Виже Лёбренъ, въ то время гостившей въ Петербургѣ, императрица противопоставляетъ имъ несравненные оригиналы двухъ своихъ внучекъ. «Соперница Анджелики [1]),—пишетъ она,—для перваго своего опыта начинаетъ съ портретовъ великихъ княженъ Александры и Елены. У первой—наружность благородная, привлекательная и царственная осанка; вторая—совершенная красавица, съ видомъ святой невинности». Не трудно при этомъ сказать, на чьей сторонѣ лежитъ бо̀льшая симпатія государыни. Въ другомъ мѣстѣ, обсуждая предполагавшуюся задержку въ бракѣ, Екатерина еще опредѣленнѣе выражаетъ свои чувства: «Что касается дѣвицы, то она можетъ терпѣливо ожидать рѣшенія своей судьбы до совершеннолѣтія короля, потому что ей только одиннадцать лѣтъ, и, конечно, она утѣшится, если онъ и ускользнетъ отъ нея; но гораздо хуже будетъ тому, кто выберетъ другую, такъ какъ я смѣло могу сказать, что по красотѣ, талантамъ, любезности трудно найти ей равную, не считая приданаго, которое одно для бѣдной Швеціи можетъ быть предметомъ весьма уважительнымъ, не говоря уже объ упроченіи мира на долгіе годы [2]).

Въ противоположность своей невѣстѣ, высоконареченный женихъ ея, король шведскій, имѣлъ очень сомнительныя достоинства. Простотѣ и кротости Александры Павловны онъ могъ противопоставить высокомѣріе и чванство, веселому нраву—вѣчную меланхолію, скромности—не-

---

[1]) Анджелика Кауффманъ, извѣстная портретистка, родомъ швейцарка (1741—1807).

[2]) Письма къ Гримму, „Сб. Р. И. Об.", т. XXIII, 628, 629 и 630. См. затѣмъ записки императрицы къ вел. кн. Александрѣ Павловнѣ за время своего путешествія по Россіи въ 1787—1789 г. („Русская Старина", 1874, т. IX, стр. 285). Часто въ немногихъ словахъ онѣ выражаютъ особую нѣжность и ласку Екатерины къ своей любимой внучкѣ.

обузданное самомнѣніе. Даже религіозная нетерпимость его, повлекшая за собою столь неожиданныя послѣдствія, едва-ли была плодомъ вполнѣ яснаго религіознаго убѣжденія, а скорѣе каприза и упрямства, простиравшагося въ характерѣ Густава на вещи самыя серьезныя. Но тотъ и другой были молоды, красивы, могли понравиться другъ другу, а главное судьба ихъ, въ смыслѣ брака, была заранѣе предопредѣлена отцомъ жениха и бабушкой невѣсты. Есть извѣстіе, что первые оффиціальные переговоры о бракѣ начаты были еще въ 1792 году. Какъ бы то ни было, но обстоятельства, предшествовавшія этому событію, равно какъ факты ему современные могли скорѣе принудить шведовъ отдалить развязку, нежели способствовать ей различными мѣрами. Послѣ смерти Густава III, отношенія шведскаго кабинета къ Россіи становились день изо дня все хуже. Новое правительство рѣшило круто измѣнить прежнюю политику Швеціи, доселѣ благопріятную Россіи, и стало заигрывать съ французскимъ правительствомъ, противъ котораго, возмущенныя казнью Людовика XVI, европейскія державы составили коалицію, а шведы радовались успѣху революціи, подражая ей до такой степени, что «убійство Густава III не было обсуждено со всею тщательностью и строгостью, какой должно было ожидать», и наконецъ возстановляли противъ Россіи Оттоманскую Порту. Но, если съ одной стороны стокгольмскимъ дипломатамъ было выгодно держаться однажды принятаго направленія, то съ другой трудно было идти по этому пути прямо, открыто, не заметая слѣдовъ. Надлежало, напримѣръ, подумать, что будетъ съ Швеціей, если Россія лишитъ ее пятидесятимилліонной субсидіи, выдававшейся со времени Густава III, или, потерявъ всякое терпѣніе, объявитъ неожиданно войну. Шведы прекрасно понимали, что «объясненія политическія могутъ только компрометтировать ихъ, и что такихъ объясненій слѣдуетъ избѣгать сколь возможно; что если нечего сказать въ удовлетвореніе императрицы, то должно обратиться къ сердцу бабки, и что, выдвигая впередъ проектъ брака короля съ великою княжною Александрою, удастся, быть можетъ, обойти щекотливыя объясненія и такимъ образомъ выиграть время». При такихъ условіяхъ явился въ Петербургъ посолъ герцога Зюдерманландскаго, баронъ Виталль, родомъ еврей. Результаты его миссіи были, однако, совсѣмъ неожиданны для шведскаго правительства. Императрица хотя лично не приняла посла, а поручила Платону Зубову вывѣдать все необходимое, но въ отвѣтѣ своемъ на письмо регента отнеслась снисходительно къ формѣ, которую тотъ придалъ своему предложенію, поручивъ его лицу, не удовлетворявшему важности и деликатности порученія. Въ концѣ письма Екатерина II сочла нужнымъ прибавить еще слѣдующее: «Спѣшу увѣрить ваше королевское высочество въ моемъ соотвѣтствующемъ вашему желаніи видѣть еще болѣе тѣсными тѣ кровныя и дружествен-

ныя связи, которыя существуютъ между нашими домами». Шведы были въ смущеніи. Прямой, честный образъ мыслей императрицы, вѣрившей въ искренность намѣреній шведскаго правительства, не согласовался съ желаніями регента и его совѣтниковъ и принуждалъ ихъ раньше времени сорвать съ себя маску. Графу Штакельбергу было поручено сообщить шведскому кабинету серьезныя представленія. Онъ выполнилъ это предложеніе,—говоритъ историкъ [1]), съ жесткостью, свойственною его характеру и способу вести дѣла. Этимъ онъ лично оскорбилъ регента, который собственноручнымъ письмомъ просилъ императрицу отозвать его. Екатерина II приняла за правило энергически поддерживать своихъ агентовъ и не отзывать ихъ ни по прихоти иностранныхъ кабинетовъ, ни вслѣдствіе мѣстныхъ интригъ. Тѣмъ не менѣе, она сознавала, что графъ Штакельбергъ зашелъ слишкомъ далеко, и что присутствіе его въ Стокгольмѣ представляетъ серьезныя затрудненія. Она согласилась отозвать его, и въ маѣ 1793 года онъ оставилъ Стокгольмъ, не вручивъ даже отзывной грамоты [2]). Но въ то же время она приказала остановить выдачу субсидіи, и когда Стедингъ, шведскій посолъ въ Петербургѣ, протестовалъ противъ этого распоряженія, то ему отвѣтили, что дѣйствія Швеціи въ Константинополѣ слишкомъ явны, чтобы можно было ихъ не замѣтить, и что, сверхъ того, отношенія Стокгольмскаго кабинета къ Французской республикѣ исключаютъ цѣль, для которой назначена субсидія при Густавѣ III [3]). Можно вообразить, какой переполохъ должна была вызвать эта справедливая мѣра въ Стокгольмѣ, гдѣ, впрочемъ, ее должны были предвидѣть. И безъ того натянутыя отношенія Швеціи къ Россіи стали принимать характеръ все болѣе и болѣе вызывающій. Только спокойная сдержанность Екатерины, не желавшей усложнять политическія отношенія, и безъ того запутанныя, внушала ей миролюбивую политику, заставляла императрицу пренебрегать дѣйствіями, явно враждебными Россіи. Въ такомъ положеніи застало европейскіе дворы торжественное бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича съ принцессою Елизаветою Баденскою (9-го октября 1793 года). По этому случаю, и отчасти для сближенія съ Россіей, герцогъ-регентъ послалъ въ Петер-

---

[1]) „Сб. Р. Ист. Об.", т. IX, 204.

[2]) Графа Штакельберга обвиняли впослѣдствіи въ соучастіи въ заговорѣ Армфельда противъ герцога Зюдерманландскаго (см. 1-ое письмо Стединга къ Рейтергольму). Его имя, нужно полагать, попало въ числѣ прочихъ лицъ русскаго посольства, скомпрометтированныхъ въ этомъ дѣлѣ.

[3]) Субсидія, обезпеченная государыней шведскому правительству въ силу трактата, заключеннаго между Россіей и Швеціей въ Дроттнингольмѣ въ 1791 году, была обусловлена дѣйствіями Густава III противъ французской революціи.

бургъ, для поздравленій, графа Стенбока, поручивъ ему вступить, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ переговоры о бракѣ Густава-Адольфа IV съ великою княжною Александрою. Маневръ былъ выбранъ удачно; Екатерина поддалась уловкѣ. Переговоры, начатые успѣшно, не омрачились даже тѣмъ, что Стенбокъ объявилъ себя уполномоченнымъ вести только предварительныя совѣщанія; составленіе же и подписаніе брачнаго контракта лежало, по словамъ его, на баронѣ Рейтергольмѣ, который съ этою цѣлью долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ. Екатерина не любила Рейтергольма; она считала его якобинцемъ, явнымъ противникомъ Россіи и личнымъ врагомъ себѣ. Будущее показало ошибочность этихъ предположеній, но въ данный моментъ выборъ лица, несимпатичнаго императрицѣ, «ясно обнаруживалъ заднія мысли, которыя скрывалъ герцогъ Зюдерманландскій за своими брачными предположеніями». Однако, и въ этомъ Екатерина не измѣнила своей политикѣ (faire bonne mine au mauvais jeu), ограничивъ свое неудовольствіе тѣмъ, что «не изъявила желанія принять лицо, избранное для переговоровъ, не отстраняя, впрочемъ, самые переговоры». Казалось, дѣла Стенбока въ Петербургѣ шли отлично. Два основные пункта: пріѣздъ короля въ Россію съ цѣлью познакомиться съ великою княжною и религіозный вопросъ — были рѣшены сторонами довольно удовлетворительно. Вопросъ вѣры, послужившій впослѣдствіи препятствіемъ для брака, въ данный моментъ не представлялъ, повидимому, никакого серьезнаго затрудненія. Предполагалось, что великая княжна не перемѣнитъ религіи; что она будетъ исповѣдывать ту, въ которой была воспитана, и что это исповѣданіе будетъ безусловно за ней обезпечено. «Этого требовала Екатерина II, и шведскій дворъ, казалось, вполнѣ одобрялъ такой взглядъ». Что касается до пріѣзда Густава въ Петербургъ, то Стенбокъ доказалъ невозможность подобнаго проекта,—король-де шведскій, по основнымъ законамъ страны, не можетъ выѣзжать изъ отечества до совершеннолѣтія, а тѣмъ болѣе посѣщать иностранные дворы. Императрица удовлетворилась этими объясненіями и не настаивала болѣе.

Въ это время произошелъ случай, смутившій на время хорошія отношенія, возстановившіяся было между обоими дворами. Густавъ III, умирая отъ измѣннической пули, оставилъ послѣ себя много приверженцевъ. Послѣдніе не сочувствовали режиму новаго правительства, въ особенности Армфельдъ, личный врагъ герцога-регента. Составленъ былъ заговоръ съ цѣлью удалить герцога отъ регентства. Разсказывали, что душа этого предпріятія, Армфельдъ, не только былъ въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ русскимъ посольствомъ, но старался склонить короля бѣжать изъ Стокгольма и стать подъ защиту Екатерины II; что императрица получала отъ Армфельда письма и даже сама писала ему. Когда заговоръ былъ открытъ, Армфельдъ, предупрежденный во́-время

Густавомъ-Адольфомъ, бѣжалъ въ Неаполь. Неаполитанское правительство на требованіе о выдачѣ преступника отвѣчало отказомъ; но Армфельдъ, не считая пребываніе въ Неаполѣ безопаснымъ, сначала отправился въ Австрію, а потомъ подъ прикрытіемъ благопріятствовавшаго ему принца Кауница и австрійской полиціи, благополучно добрался до Петербурга. Здѣсь его, какъ бывшаго любимца и совѣтника Густава III, ждалъ отличный пріемъ русской императрицы. Екатерина не только поручила Безбородко заботы о его безопасности, но, назначивъ бѣглецу денежное содержаніе, предоставила ему самому выбрать городъ для жительства, кромѣ Петербурга, Финляндіи и балтійскихъ провинцій. Армфельдъ избралъ Калугу. Тѣмъ временемъ въ Швеціи заочно приговорили его къ смертной казни, имя его выставили публично къ позорному столбу, а имущество — конфисковали. Этимъ можетъ быть и закончилась бы вся сложная сторона дѣла, характернаго тѣми особенностями, которыя придаетъ политическимъ процессамъ пристрастіе ихъ судей. Но, отправляясь въ Австрію, баронъ имѣлъ неосторожность передать шкатулку съ компрометтирующими его бумагами лорду Гарвею, англійскому министру во Флоренціи, а отъ него шкатулка, путемъ подкупа секретаря посланника, досталась шведскому агенту. Дѣло разгорѣлось и вызвало большой шумъ въ Стокгольмѣ. Герцогъ Зюдерманландскій, убѣдившись въ неоспоримыхъ доказательствахъ сношеній Армфельда съ Россіей, увидѣлъ въ этомъ «фактическое нарушеніе самыхъ основныхъ началъ международнаго права и отправилъ къ Екатеринѣ письмо, въ коемъ говорилъ, что только изъ желанія пощадить ее онъ не публиковалъ во всеобщее свѣдѣніе тѣ дѣйствія и документы, которые могли бы компрометтировать ее самымъ сильнымъ образомъ». Намекъ былъ ясный и оскорбительный. Кромѣ того, по внушенію Рейтергольма, въ газетахъ появился протоколъ шведскаго государственнаго совѣта отъ 9 апрѣля 1794 г., въ которомъ заявлялось, что Армфельдъ находился въ перепискѣ съ одной иностранной державой и побуждалъ оную послать свой флотъ къ Стокгольму. Этой державой могла быть только Россія [1]). Разгнѣванная тѣмъ и другимъ, Екатерина не могла оставить выходки безъ отвѣта. Она отвѣчала регенту съ нѣкоторою запальчивостью, «что ея могущество позволяетъ ей не прибѣгать къ тайнымъ проискамъ и что если бы она хотѣла ниспровергнуть правительство Швеціи, то можетъ располагать для того достаточными средствами и не вдаваясь въ интриги, въ которыхъ ее стараются обвинить. Аргументъ былъ не убѣдительный, и императрица была слишкомъ умна, чтобы не сознавать это [2]).

[1]) Чумиковъ, «Густавъ IV и вел. кн. Александра Павловна» (составлено по швед. источникамъ) «Рус. Архивъ» 1887 г., т. I, 63.

[2]) «Сб. Р. Ист. Об.» т. IX, 207.

Тѣмъ не менѣе переговоры о бракѣ были временно прерваны. Возобновляются они только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, именно въ августѣ того же года, когда посредствующимъ звеномъ является надолго баронъ Куртъ Стедингъ, шведскій посланникъ при русскомъ дворѣ. Эта личность довольно часто встрѣчается въ русской исторіи описываемой эпохи. Даровитый и честный, столь же храбрый генералъ, какъ искусный дипломатъ, онъ пользовался однако меньшимъ счастьемъ въ водоворотѣ политическихъ комбинацій,—гдѣ искренность является аксесуаромъ, а хитрость возводится въ принципъ,—чѣмъ на полѣ битвы, при грохотѣ пушекъ... Съ Рейтергольмомъ онъ былъ сначала не въ ладахъ, но потомъ тотъ сталъ его первымъ покровителемъ и другомъ. Екатерина въ перепискѣ своей называла его то «фальшивымъ, какъ шведъ» [1]), то—«болтуномъ перваго разбора (bredouilleur de la première force)» [2]), смотря потому, удавались ли ея собственные планы или нѣтъ, но въ общемъ не благоволила къ нему. Настоящая переписка, являющаяся новымъ дополненіемъ ко всему тому, что до сихъ поръ было извѣстно по данному вопросу [3]), извлеченная изъ бумагъ Стокгольмскаго королевскаго архива, представитъ, барона Стединга въ истинномъ свѣтѣ. Однако до ноября 1794 г. мы не встрѣчаемъ вообще донесеній Стединга, и первое письмо его помѣчено только 17 (28) ноября 1794 г.

«По всей вѣроятности вы будете очень удивлены, г. баронъ, пи-

---

[1]) Въ перепискѣ съ Гриммомъ, «Сб. Р. И. Об.» т. XXIII, 653, 654.

[2]) Въ перепискѣ съ бар. Будбергомъ, «Сб. И. Об.» т. IX, 382.

[3]) Литература предмета не особенно велика: прежде всего «Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ великою княжною Александрою Павловною. Извлечено барономъ А. Ф. Будбергомъ изъ семейнаго архива» («Сб. Р. Ист. об.» т. IX). Затѣмъ двѣ отдѣльныя монографіи (къ сожалѣнію обѣ безъ ссылокъ на источники) «Густавъ IV и великая княжна Александра Павловна» («Рус. Архивъ», 1887 г., т. I) Чумикова и «Александра Павловна и политика венгерская» («Древняя и Новая Россія», 1879 г., т. I) Карновича. Совершенно отдѣльно по обширному матеріалу и новымъ архивнымъ даннымъ стоятъ статьи проф. Брикнера («Вѣстн. Европы», 1890 года, т. VIII—XI) «Густавъ IV и Екатерина II». Кромѣ того отдѣльныя свѣдѣнія по настоящему вопросу разбросаны въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: біографія кн. Безбородко, составленная Н. Григоровичемъ (XXVI и XXIX т. т. «Сб. Р. Ист. Общ.»), трудъ Д. Ѳ. Кобеко «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», сочиненіе Кастера «Vie de Catherine II» (1797 г.); Массона, «Mémoires secrets sur la Russie» (первый томъ, 1800 г.), въ статьѣ «Императрица Екатерина II. Историч. матеріалы, хранящіеся въ библіотекѣ дворца города Павловска» («Рус. Старина», 1874 г., т. IX), въ изданіи Германна «Geschichte des russischen Staats» («Ergänzungsland, Gotha», 1866 г.), въ письмахъ: Ростопчина, Завадовскаго, Татищева, Моркова, Роджерсона («Архивъ кн. Воронцова»), Н. П. Панина (въ XVI т. «Сб. Р. Ист. Общ.»), княгини А. А. Голицыной («Истор. Вѣст.» т. XXX), Гримма къ Екатеринѣ II и Екатерины II къ Гримму («Сб. Р. Ист. Общ.» т. XXIII, XLIV и проч.).

салъ онъ Рейтергольму, что послѣ послѣдняго моего письма, которое я имѣлъ честь послать вамъ отъ 18 (29) октября, тѣ важные переговоры, которые его королевское высочество удостоилъ возложить на меня, ни мало не подвинулись впередъ, и что я рѣшительно ничего не могъ сдѣлать для того, чтобы предотвратить эту крайне прискорбную медленность. Вы несомнѣнно рѣшили такъ же, какъ и я, что единственнымъ препятствіемъ, и можетъ быть непреодолимымъ, которое являлось при вступленіи въ бракъ короля съ великой княжной, было то, что въ условіи обязательно требовалась перемѣна религіи со стороны принцессы. Г-нъ Зубовъ сказалъ мнѣ положительно, что императрица весьма желаетъ этого брака. Онъ присовокупилъ, что еслибы покойный король былъ живъ, то бракъ былъ бы уже заключёнъ и опубликованъ. Я возразилъ ему на это,—такъ какъ дѣйствительно это была сущая правда,—что если и существовали переговоры по этому поводу, при жизни покойнаго короля, то для меня они были совершенной тайной, и что я вполнѣ увѣренъ, что если бы Россія вела себя по отношенію къ Швеціи, при покойномъ блаженной памяти королѣ, такъ же, какъ послѣ смерти его величества,—никогда бы этотъ брачный союзъ не былъ заключенъ. Казалось, г. Зубовъ былъ очень удивленъ подобной увѣренностью съ моей стороны. Послѣ нѣсколькихъ восклицаній «какъ? что?», онъ принялся оправдывать поведеніе императрицы, и надо отдать ему справедливость съ большимъ умѣньемъ, тактомъ и краснорѣчіемъ, ссылаясь исключительно на важность момента и обстоятельствъ, и постоянно отзываясь о королевскомъ высочествѣ, какъ и объ его правительствѣ съ достодолжнымъ почтеніемъ. Вслѣдъ затѣмъ я ему напомнилъ о нарушеніи съ ихъ стороны одного весьма важнаго договора: отказъ въ субсидіи; препятствіе, которое намѣревались противупоставить нашему нейтралитету; издержки, на которыя насъ вынудили, ради его защиты... На этомъ г. Зубовъ меня прервалъ, стараясь доказать необходимость войны съ Франціей и большія неудобства, какія проистекали отъ упомянутаго нейтралитета для общаго дѣла. Этотъ избитый терминъ, такъ много разъ непріятно звучавшій въ моихъ ушахъ, далъ мнѣ случай высказать ему съ бо̀льшей откровенностью, нежели сдержанностью, все, что я думалъ по этому поводу и что имѣло такія роковыя послѣдствія для всей Европы. Я высказалъ ему, что подобный образъ дѣйствій пробудилъ честолюбивые замыслы и корыстолюбивую политику различныхъ европейскихъ государствъ и далъ въ руки возставшихъ народовъ осязательное обвиненіе противъ властителей, которые приносили жизнь въ жертву своему честолюбію и вожделѣніямъ; и что сама Россія, несмотря на то, что привыкла къ слѣпому повиновенію своего народа, не избѣгнетъ общей заразы и смутъ, если будетъ продолжать идти по пути прежнихъ заблужденій и ставить всегда силу

и насиліе выше права и справедливости, — примѣръ, который въ глазахъ толпы можетъ быть весьма опаснымъ орудіемъ противъ правительствъ.

«Я присовокупилъ, что твердо надѣюсь, что мое отечество будетъ изъято отъ внутреннихъ смутъ, пока стремленіе къ миру, къ порядку и къ честности будетъ царствовать въ совѣтѣ монарха, который принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ начинаніяхъ его королевскаго высочества въ эти тяжелыя и грозныя времена. Это было сказано потому, что г. Зубовъ далъ мнѣ понять, что наше непрестанное сообщеніе съ Франціей, хотя бы и съ коммерческой цѣлью, можетъ посѣять духъ смуты въ шведскомъ народѣ.

«Разладъ, начинавшій обнаруживаться между коалиціонными (союзными) державами, далъ мнѣ новый аргументъ для нападокъ и на самую коалицію и на принципы, какіе ею руководили,—я спросилъ г. Зубова, не слѣдовало ли преклоняться передъ мудростью нашего правительства, которое не скомпрометтировало себя союзомъ ни съ одной изъ партій, и было ли бы дурной (ошибочной) политикой со стороны Россіи, въ виду новыхъ войнъ, которыя ей предстояло вести,—если бы она не поддерживала союзъ со Швеціей и не укрѣпила его новыми узами?

«Г-нъ Зубовъ, несмотря на то, что онъ казался убѣжденнымъ въ томъ, что Россія была достаточно сильна, чтобъ выдержать всякое нападеніе на нее, увѣрялъ меня въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, что бракъ короля съ великой княжной и прочный миръ со Швеціей были самымъ горячимъ желаніемъ императрицы.

«Для чего же было,—сказалъ я ему,—прерывать начатые переговоры по этому поводу и обнаружить столько нерасположенія въ томъ случаѣ, который давалъ императрицѣ полную возможность доказать весьма легко свою дружбу королю и Швеціи?»—Г-нъ Зубовъ предполагалъ, что переговоры не были прерваны, но только пріостановлены по той причинѣ, что императрицѣ казалось, что процессъ Армфельда въ той формѣ, въ которой онъ былъ веденъ, имѣлъ цѣлью оскорбить Ея Величество и сдѣлать ее ненавистной всей шведской націи; и что, несмотря на выраженное сожалѣніе по этому поводу герцогу-регенту—герцогъ отвѣтилъ раздраженнымъ тономъ. Послѣ этого онъ, г. Зубовъ, былъ однимъ изъ первыхъ просившихъ императрицу прекратить въ данную минуту всякую переписку съ его королевскимъ высочествомъ, чтобы обѣ стороны не могли прійти къ открытой ссорѣ... Но разъ все обошлось благополучно,—возможно было возобновить эти переговоры и, повидимому съ успѣхомъ, такъ какъ недоразумѣнія, происшедшія между обоими дворами, ни въ чемъ не измѣнили чувство дружбы, питаемое Ея Величествомъ къ королю и къ его королевскому высочеству.

«Однако,—сказалъ я ему,—Армфельдъ нашелъ убѣжище въ Россіи,

и всѣ заявленія, дѣлаемыя мною по этому поводу, остались безъ удовлетворенія».

«Г-нъ Зубовъ положительно отрицалъ фактъ и, увѣряя меня, что невозможно напасть на слѣды Армфельда въ Россіи, полагалъ, что это дѣло не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, о которомъ шла рѣчь. Я поддерживалъ противное въ силу того, что король и нація всегда будутъ видѣть въ покровительствѣ, оказываемомъ Армфельду, явное одобреніе его преступнымъ замысламъ. Г-нъ Зубовъ возразилъ, что это было бы крайне несправедливо: совсѣмъ-де не одно и то же покровительствовать преступленію, или отказать изъ чувства состраданія—выдать преступника въ руки правосудія. Онъ присовокупилъ къ этому, что считаетъ недостойнымъ для обоихъ дворовъ и для переговоровъ, которые намъ поручено было вести, примѣшивать столь ничтожный и отвратительный инцидентъ, какъ наказаніе преступника, поставленнаго внѣ возможности вредить и уже подвергнутаго величайшему изъ наказаній, если въ немъ сохранилось чувство стыда—быть предметомъ всеобщаго презрѣнія. Несмотря на все, что онъ говорилъ, я настаивалъ на необходимости имѣть точныя свѣдѣнія на счетъ Армфельда, безъ чего возстановленіе добрыхъ отношеній между обоими дворами было весьма трудно и, слѣдовательно, не могли быть возобновлены и переговоры о бракѣ...

«Г-нъ Зубовъ, чтобъ доказать мнѣ всю неосновательность моихъ требованій, употребилъ весьма странное выраженіе, сказавъ: «но гдѣ же его найти? это все равно, что искать соломинку въ стогѣ сѣна!..»

«Отъ Армфельда разговоръ перешелъ, весьма естественно, на графа Штакельберга. Г-нъ Зубовъ, въ качествѣ друга, защищалъ его чрезвычайно горячо, говоря, что онъ зналъ его слишкомъ хорошо, чтобъ быть увѣреннымъ, что большая часть обвиненій, которыя ему приписывали, были лживы и вымышленны.—Будучи долгое время защитникомъ г. Штакельберга передъ моимъ правительствомъ, сказалъ я ему,—я теперь убѣдился, что это было большой ошибкой съ моей стороны, и что, если г. Штакельбергъ не злоумышлялъ самъ, то онъ могъ однимъ словомъ прекратить всѣ заговоры, объявивъ заговорщикамъ, что онъ ихъ выдастъ и что императрица будетъ возмущена ихъ планами. Такъ какъ онъ не исполнилъ своего служебнаго долга, то я смотрю на г. Штакельберга по меньшей мѣрѣ какъ на покровителя этихъ гнусныхъ предпріятій, и никто другой, какъ онъ, повелъ своихъ мнимыхъ друзей на эшафотъ.

«Г-нъ Зубовъ увѣрялъ, что г. Штакельбергъ неоднократно укрощалъ у насъ порывы бунтовщиковъ, мечтавшихъ произвести переворотъ и, что если онъ былъ скомпрометтированъ злоумышленниками въ процессѣ, то, во всякомъ случаѣ, онъ заслуживалъ болѣе сожалѣнія, чѣмъ порицанія.—Затѣмъ мы перешли къ вопросу о религіи принцессы, и въ этомъ-

то именно и встрѣтилось болѣе всего такого, что не могло привести къ соглашенію. Казалось, г. Зубовъ не могъ придти въ себя отъ неожиданности сдѣланнаго предложенія. Онъ далъ мнѣ понять, что императрица можетъ подумать, что намѣренія нашего двора не особенно искренни относительно брака короля, если онъ ставитъ такія условія, которыя завѣдомо не могутъ быть приняты.—Почему, сказалъ онъ, приходится слышать въ первый разъ о таковомъ препятствіи, когда переговоры о бракѣ велись уже давно? Онъ меня увѣрилъ, что никогда не было примѣра, чтобы русская княжна, при вступленіи въ бракъ съ иностраннымъ принцемъ, перемѣнила свою религію; этого не было даже и тогда, когда Россія не принадлежала къ разряду могущественныхъ державъ. Это невозможно даже и само по себѣ,—такъ какъ греческая религія не допускаетъ ни для кого подобнаго отступленія, тогда какъ въ Швеціи всеобщая религіозная терпимость допускается законами. Онъ зналъ, что духовенство было проводникомъ этого закона, и въ доказательство сослался на общественное мнѣніе, которое было за терпимость. Я, въ свою очередь, ему сообщилъ, что основной и конституціонный законъ въ нашей странѣ предписываетъ, чтобы король былъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, добавивъ при этомъ, что не могу съ положительностью утверждать, распространяется ли этотъ законъ и на королеву.—Несомнѣнно одно, что шведскій народъ будетъ оскорбленъ въ своемъ религіозномъ чувствѣ, если при исполненіи обряда бракосочетанія и коронованія онъ увидитъ чужеземные церковные обряды и чужеземное духовенство. Примѣромъ можетъ служить покойная королева Луиза-Ульрика, воспитанная въ правилахъ протестантской-реформатской религіи и вынужденная до вступленія въ бракъ принять религію лютеранскую, такъ какъ общественное приличіе требуетъ, чтобъ жена исповѣдывала одну религію съ мужемъ.—Наконецъ все, что только я могъ придумать, было мною поставлено на видъ, чтобы доказать г. Зубову, что бракъ великой княжны съ королемъ будетъ неосуществимымъ, если съ ея стороны не послѣдуетъ согласія относительно перемѣны религіи. Я замѣтилъ, что все, что я говорилъ по этому поводу г. Зубову, не производило сильнаго впечатлѣнія на него и что онъ становился все болѣе и болѣе холоднымъ ко мнѣ, по мѣрѣ того, какъ я говорилъ. Въ одномъ, казалось, онъ соглашался со мной, это въ необходимости для королевы сопровождать короля на богослуженіе и во всѣхъ торжественныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, въ чемъ, какъ онъ полагалъ, не представится никакого затрудненія.

«Нашъ разговоръ, длившійся два часа, былъ неоднократно прерываемъ посланными отъ императрицы, требовавшей г. Зубова къ себѣ, но онъ не торопился идти къ ней до тѣхъ поръ, пока послѣдній посланный положилъ конецъ нашему разговору. Этотъ разговоръ не привелъ

ни къ чему, даже я не добился личнаго свиданія съ императрицей, на которомъ, впрочемъ, не хотѣлъ особенно настаивать, видя, какой оборотъ принимаетъ дѣло, хотя г. Зубовъ въ разговорѣ со мной сказалъ,—о чемъ я уже сообщалъ вашему сіятельству,—что это свиданіе мнѣ было уже разрѣшено раньше, при малѣйшей на то необходимости, и могло состояться, когда я этого пожелаю,—предупредивъ Ея Величество о предметѣ бесѣды. Но при обнаружившемся разногласіи во всемъ, что могъ я выиграть (какую пользу извлечь) отъ этого личнаго свиданія? Все то, что я услышалъ отъ г. Зубова, было бы подтверждено самой императрицей въ формѣ безапелляціоннаго приговора, и изъ упрямства она настаивала бы на томъ, что рѣшила заранѣе. Такимъ образомъ всякое возвращеніе къ прошлому сдѣлалось бы невозможнымъ: тогда какъ въ настоящее время дѣло остается въ томъ же положеніи, какъ и прежде.

«Я достаточно высказался, чтобы намѣренія его королевскаго высочества стали понятны, но такъ какъ оффиціальныхъ переговоровъ не начиналось, то я избѣгалъ окончательнаго рѣшенія, предвидя, что оно будетъ неблагопріятно и можетъ повести только къ взаимному раздраженію и враждѣ. Послѣ всего того, что произошло,—на основаніи простой логики, слѣдуетъ предать это дѣло забвенію, тѣмъ болѣе, если оно становится безразличнымъ для счастія короля и для блага государства; но, если, напротивъ, его королевскому высочеству угодно, чтобы оно осуществилось, въ такомъ случаѣ необходимо сойтись въ условіяхъ, безъ чего немыслимо уладить это дѣло; иначе начатые переговоры и порванные дадутъ новый поводъ къ ссорѣ. Г-жа Ливенъ сказала г-ну Ратъ, что она никогда не повѣрила бы тому, что императрица имѣла разговоръ съ г. Зубовымъ о томъ, что она (Ливенъ) передавала Ея Величеству по секрету, отъ моего имени. Императрица, будучи больна въ продолженіе двухъ недѣль, еще болѣе разстроенная приключившимся несчастіемъ съ графомъ Валеріаномъ Зубовымъ и тѣмъ большимъ горемъ, которое это несчастіе причинило ея любимцу, не видѣлась съ нимъ съ тѣхъ поръ и слѣдовательно не говорила о дѣлахъ. Но добрѣйшая г-жа Ливенъ, желающая больше всего на свѣтѣ брака короля съ ея любимой принцессой, приказала мнѣ сказать, что она ни мало не сомнѣвалась въ томъ, что императрица безпрестанно говорила объ этомъ съ г. Зубовымъ. Она намѣревалась ей тогда сказать, что, по всей вѣроятности, я ни передъ кѣмъ не откроюсь въ томъ, что имѣю сказать самой императрицѣ. Она поручила меня уговаривать не терять терпѣнія, вполнѣ надѣясь, что все устроится,—потому что она знаетъ, что императрица принимаетъ чрезвычайно близко къ сердцу этотъ бракъ.—Но вѣдь до сихъ поръ ничто не даетъ повода думать, чтобы надежды осуществились. Г-нъ Зубовъ видимо избѣгаетъ разговора со мной послѣ того длиннаго объясненія, которое мы съ нимъ имѣли; и я не нахожу въ его пріемѣ,

равно какъ и въ пріемѣ императрицы, никакого указанія на то, чтобы мое предложеніе было принято въ благопріятномъ смыслѣ; а въ особенности ничего такого, что̀ бы поощряло возобновить его. На основаніи этого я буду хранить строжайшее молчаніе до тѣхъ поръ, пока его королевское высочество не прикажетъ мнѣ его нарушить, или же пока не представится случай самъ собой, такъ какъ мнѣ кажется непристойнымъ слишкомъ торопиться навязывать свои чувства, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны ихъ какъ будто не замѣчаютъ. Опытъ научилъ меня понимать, что здѣсь ничего нельзя добиться чрезмѣрной предупредительностью, тогда какъ холодностью и отчасти заносчивостью можно скорѣе достигнуть намѣченной цѣли. Вамъ, впрочемъ, извѣстно, г. баронъ, чувство, съ какимъ я отношусь къ этому дѣлу, и моя увѣренность въ томъ, что проектируемый брачный союзъ далъ бы намъ надолго миръ и спокойствіе, безъ чего намъ не придется вкушать этихъ благъ въ такой мѣрѣ, какъ если бы наши надежды осуществились. Великій князь питаетъ большую нѣжность къ своей дочери такъ же, какъ и императрица; всѣ дѣти ихъ, что̀ рѣдко встрѣчается между сильными міра, необыкновенно дружны между собой и нѣжно любятъ другъ друга.

«Еще одно обстоятельство, заслуживающее особеннаго вниманія, то, что роскошь, пышность и чванство, которыя царятъ здѣсь повсюду, даже въ частныхъ домахъ,—нисколько не повліяли на манеру держать себя и на характеръ юныхъ принцевъ и принцессъ,—которые, напротивъ, отличаются большой простотой и скромностью, что̀ всегда заставляло меня смотрѣть на императрицу почти съ благоговѣніемъ какъ на достойнѣйшую въ мірѣ женщину, обладающую рѣдкимъ талантомъ воспитанія дѣтей,—черта выдающаяся въ ея характерѣ. Мудрено, впрочемъ, придумать, что̀ бы ей льстило наиболѣе. Однако, по мнѣнію компетентныхъ людей, великіе князья получили весьма поверхностное образованіе, съ чѣмъ, пожалуй, можно согласиться. Въ этомъ впрочемъ всего менѣе можно винить императрицу. Причину слѣдуетъ искать въ недостаткѣ ученыхъ, которыхъ здѣсь гораздо менѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

«Если его королевскому высочеству будетъ угодно, чтобы я продолжалъ вести переговоры о бракѣ, то не согласитесь ли вы съ тѣмъ, что послѣ происшедшаго между г. Зубовымъ и мною, и послѣ всего высказаннаго этимъ временщикомъ касательно несбыточности предложенныхъ мною условій—было бы болѣе прилично обратиться съ переговорами прямо, безъ всякаго посредничества, къ престарѣлому канцлеру [1])? Разумѣется, такъ или иначе, переговоры должны кончиться, но, мнѣ кажется, что, веденные такимъ образомъ, они выиграютъ въ отношеніи истины. Послѣднюю намъ придется услышать изъ устъ министра,

---

[1]) Графу Остерману.

который, несомнѣнно, будетъ польщенъ столь важнымъ, возложеннымъ на него порученіемъ и, по всей вѣроятности, сдѣлаетъ все зависящее отъ него, къ улаженію этого вопроса. Я долженъ отдать ему справедливость: несмотря на подчиненность свою нѣкоторымъ предразсудкамъ и, подъ часъ, рѣзкость, онъ, безспорно, самый честный человѣкъ во всемъ государственномъ совѣтѣ и наиболѣе расположенный къ Швеціи. Самый большой его недостатокъ тотъ, что онъ не пользуется должнымъ авторитетомъ, что нерѣдко ставитъ иностранныхъ министровъ въ неловкое положеніе, такъ какъ они часто не могутъ обойтись безъ него, и въ то же время не могутъ рѣшать съ нимъ дѣлъ, которыя имъ поручены. Недавно, въ разговорѣ со мной, онъ отзывался весьма добродушно о Швеціи и, обсуждая интересы различныхъ европейскихъ государствъ, пришелъ къ заключенію, что наилучшимъ было бы, если бы Швеція и Россія заключили между собой строгій оборонительный союзъ.

«Я возразилъ ему, что такой договоръ существовалъ, но Россія нашла возможнымъ для себя нарушить нѣкоторыя изъ статей, мало заботясь объ охранѣ нашихъ интересовъ. Старикъ слабо защищался, и, когда въ послѣдующемъ разговорѣ, при перечисленіи столкновеній, которыя у насъ были съ Россіей, я передалъ ему о недовольствѣ, выраженномъ императрицей по поводу перемѣнъ, которыя его королевское высочество, по принятіи регентства, сдѣлалъ въ своемъ министерствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на предубѣжденіе по отношенію къ вашему сіятельству, онъ мнѣ сказалъ, что знаетъ все, что произошло по этому поводу еще во времена графа Стенбока. Но что съ нашей стороны ошибка заключалась въ томъ, что мы невѣрно адресовались (присоединивъ меня къ графу Стенбоку), потому, что если бы мы сообщили ему въ чемъ дѣло—онъ передалъ бы императрицѣ, что это тотъ самый баронъ Рейтергольмъ, котораго онъ давно знаетъ и глубоко уважаетъ, и что Ея Величество вполнѣ повѣрила бы этому, какъ и было ею выражено впослѣдствіи; но что, благодаря недостатку довѣрія къ нему—все дѣло было испорчено.

«Послѣ всего сообщеннаго мною вашему сіятельству, вы можете смѣло сказать, что хотя переговоры, которые на меня возложены, нисколько не подвинулись впередъ, но все же дѣло это ни мало не испорчено; и что если его королевскому высочеству благоугодно будетъ измѣнить нѣкоторыя статьи въ данныхъ мнѣ инструкціяхъ—дѣло устроится непремѣнно. Если же, наоборотъ, предписанныя условія не могутъ быть измѣнены ни въ чемъ, то отъ его королевскаго высочества вполнѣ зависитъ прекратить окончательно это дѣло безъ того, чтобъ не наступило полное охлажденіе и не начались настоящія непріязненныя отношенія между обоими дворами, что неизбѣжно произойдетъ, такъ какъ переговоры велись оффиціально и вдругъ неожиданно были прерваны. Если я безуспѣшно потратилъ время, то можно объяснить это неожиданнымъ

оборотомъ дѣла и необходимостью съ моей стороны выжидать и соблюдать наибольшую деликатность въ этомъ щекотливомъ вопросѣ, и тѣмъ болѣе, что мнѣ было предписано выиграть время, дабы дать остынуть чувству злобы, которое питалъ шведскій народъ къ Россіи» [1]).

II.

Такимъ образомъ вопросъ о бракѣ даже съ новымъ посредникомъ ни мало не подвинулся впередъ. Напротивъ, раздраженный отказомъ императрицы выдать ему Армфельда, герцогъ Зюдерманландскій изыскивалъ новыя средства оскорбить Россію. Случай представился самъ собой. Въ сущности герцогу-регенту было рѣшительно все равно, женится ли его племянникъ на русской великой княжнѣ, или нѣтъ. «Онъ допускалъ этотъ бракъ какъ необходимость, къ которой вынуждаютъ событія, но которому онъ охотно бы воспротивился, еслибы позволили обстоятельства. Быть можетъ даже, зная странный характеръ Густава Адольфа лучше, чѣмъ другіе, онъ не рѣшался усиливать отвѣтственность, которая впослѣдствіи могла бы пасть на него за устройство этого брака. Онъ хотѣлъ обезпечить себя на всякій случай. Зная, что въ вопросѣ о религіи своей внуки императрица не уступитъ ни въ какомъ случаѣ, онъ избралъ именно этотъ вопросъ своимъ дипломатическимъ орудіемъ [2]). Конечно, императрица не уступала. Дѣло осложнилось еще тѣмъ, что при шведскомъ дворѣ были недовольны высокомѣрными поступками русскаго посланника въ Стокгольмѣ, графа Румянцева. «Сначала онъ былъ со всѣми привѣтливъ и не довѣрялся интригамъ г-жи Руденшильдъ (пріятельницы и друга Армфельда), но когда Рейтергольмъ имѣлъ неосторожность опубликовать извѣстный протоколъ, въ которомъ между прочимъ упомянуто и объ его особѣ, то мстительность графа Румянцева не знала предѣловъ. Встрѣтившись однажды съ Румянцевымъ въ королевскомъ саду, Рейтергольмъ поклонился ему; но сей послѣдній отвернулся отъ него съ презрительнымъ видомъ. Такой невѣжливый поступокъ русскаго посланника не могъ не раздражить перваго министра, и онъ поручилъ Стедингу довести о томъ до свѣдѣнія императрицы. Румянцевъ былъ отозванъ, пробывъ при Стокгольмскомъ дворѣ менѣе года [3])».

---

[1]) Svenska Riks-Archivet: Ambassadören Frich. Curt von Stedingks depêcher (1790—1799).

[2]) «Сб. Р. Ист. Об.», т. IX, 209.

[3]) Чумиковъ, «Густавъ IV и вел. кн. Александра Павловна», «Русск. Архивъ», 1887, 64.

При такихъ условіяхъ задуманная герцогомъ Зюдерманландскимъ интрига была даже очень кстати. Полагаясь на завѣщаніе Густава III, которымъ наслѣдникъ его дѣлался совершеннолѣтнимъ 18-ти лѣтъ, а въ бракъ могъ вступить не ранѣе 17-ти лѣтъ, регентъ, подстрекаемый Рейтергольмомъ, сталъ искать для короля невѣсты между принцессами мелкихъ германскихъ державъ. Въ предложеніяхъ, разумѣется, не было недостатка. Маленькіе нѣмецкіе князьки, считавшіе за честь породниться съ шведскимъ королевскимъ домомъ, наперерывъ предлагали свои услуги, но выборъ молодаго короля, или, вѣрнѣе, лицъ, говорившихъ отъ его имени, остановился на Мекленбургъ-Шверинской принцессѣ, 15-ти лѣтней Луизѣ-Шарлоттѣ. Слухи объ этомъ достигли тѣмъ временемъ и невскихъ береговъ.

«Государь,—обращался въ письмѣ отъ 17 (28) января 1795 года къ герцогу-регенту баронъ Стедингъ,—дѣла приняли здѣсь внезапно такой оборотъ, какого я никакъ не ожидалъ. Перемѣной этой мы обязаны одной личности, которую ваше королевское высочество никогда не въ состояніи заподозрить, у которой лукавство и умъ берутъ перевѣсъ надъ честностью, которую эта личность приноситъ въ жертву своимъ корыстолюбивымъ замысламъ. Я долженъ начать съ того, государь, что императрица, не смѣю о томъ умалчивать, крайне возбуждена противъ Швеціи и особенно противъ вашего королевскаго высочества. Такъ какъ мои переговоры съ г. Зубовымъ по поводу брака короля съ великой княжной Александрой не привели ни къ чему, то императрица твердо увѣрилась въ томъ, что ваше королевское высочество задались мыслью отдѣлываться шутками въ самыхъ серьезныхъ дѣлахъ. Она тщательно собрала всѣ слухи, которые ходили на счетъ поѣздки барона Рейтергольма въ Германію, съ цѣлью найдти супругу королю; одновременно называли принцессу Саксонскую, принцессу Мекленбургскую и Прусскую... Она питается мыслью о мщеніи, и враги Швеціи и вашего королевскаго высочества пользуются этимъ обстоятельствомъ и тѣмъ, что въ данную минуту руки императрицы ничѣмъ не связаны для того, чтобы жестоко отмстить за оскорбленія, которыя, какъ ей казалось, были нанесены вашимъ королевскимъ высочествомъ.

«Дѣйствительно, до меня доходятъ со всѣхъ сторонъ самые тревожные слухи, но я считаю неумѣстнымъ сообщать вамъ, государь, о своемъ безпокойствѣ, такъ какъ мнѣ не хотѣлось бы доставить вамъ даже минутное недовольство, или ужь по крайней мѣрѣ не безпокоить изъ-за пустяковъ.

«Я выжидалъ удобнаго случая, обнаруживая вмѣстѣ съ тѣмъ непоколебимую твердость духа; я неусыпно сталъ слѣдить за всѣмъ, дабы ближе узнать намѣренія русскаго правительства. Наконецъ ознакомившись съ господствовавшимъ здѣсь общественнымъ мнѣніемъ и со взгля-

дами нѣкоторыхъ министровъ императрицы (по свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ лицами, посвященными въ государственныя дѣла), я заключилъ, что непріязнь государыни можетъ разразиться только будущей весной. Тогда я счелъ необходимымъ позондировать графа Остермана, предварительно открывъ ему нѣкоторыя тайны, не имѣвшія большаго значенія. Затронувъ его самолюбіе, я выразилъ ему сожалѣніе по поводу размолвки между обоими дворами, которая грозила сдѣлаться постоянной, благодаря поведенію Швеціи по отношенію къ Россіи. Я указалъ ему, что время, назначенное для вступленія въ бракъ короля, приближается и что если мы не воспользуемся этимъ благопріятнымъ моментомъ, чтобы скрѣпить узы обоихъ государствъ, то едва-ли представится когда-нибудь подобный случай. При этомъ я сказалъ ему, что мое намѣреніе было руководиться его совѣтами и его просвѣщеннымъ указаніемъ въ этомъ весьма деликатномъ вопросѣ, и что я прошу его сказать мнѣ откровенно, какъ онъ объ этомъ думаетъ. Вице-канцлеръ, взявши съ меня честное слово въ томъ, что я ни въ чемъ не скомпрометтирую его передъ его дворомъ, равно какъ и передъ моимъ, сказалъ мнѣ тогда, что, говоря откровенно, въ качествѣ друга, онъ совѣтуетъ мнѣ перестать и думать объ этихъ переговорахъ, что дѣло это совершенно невозможно по множеству причинъ, которыя онъ не въ состояніи перечислить всѣ, но достаточно знать, что положительно немыслимо возстановить доброе согласіе между императрицею и вашимъ королевскимъ высочествомъ; что когда король станетъ совершеннолѣтнимъ, тогда будетъ достаточно времени подумать объ этомъ бракѣ, который все равно не могъ бы осуществиться ранѣе по той причинѣ, что принцессѣ было всего только 12 лѣтъ. Такимъ образомъ онъ сказалъ мнѣ больше, чѣмъ я спрашивалъ. «Въ такомъ случаѣ,—возразилъ я ему,—браку этому никогда не бывать, потому что навѣрно короля женятъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ помолвленъ до своего совершеннолѣтія». «Вотъ этого-то, — сказалъ старикъ,—и не должны допустить добрые шведы».

«Это странное выраженіе меня шокировало. «Еслибъ я былъ русскимъ министромъ,—сказалъ я ему,—можетъ быть, я такъ же думалъ, какъ вы, но, будучи шведомъ и посланникомъ короля, я думаю, что повиновеніе законамъ и вѣрность моему государю—мой первый долгъ и такъ же думаютъ всѣ лояльные шведы».

«Однако, если вы припомните духовное завѣщаніе покойнаго короля, то узнаете изъ него срокъ, назначенный для вступленія въ бракъ его королевскаго величества. Онъ согласился со мной въ томъ, что я былъ правъ, и вошелъ въ длинное объясненіе по поводу того, что императрица не имѣла никакого основанія считать себя оскорбленной поведеніемъ вашего королевскаго высочества, которое только соотвѣтствовало инте-

ресамъ короля и Швеціи. Тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ поддерживать своего мнѣнія относительно того, что бракъ, до совершеннолѣтія короля, былъ немыслимъ, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, императрица никогда бы не согласилась на него; равно и онъ считалъ бы недобросовѣстнымъ совѣтовать своей государынѣ заключать подобный бракъ, при видѣ тѣхъ неудобствъ, которыя являются слѣдствіемъ не вполнѣ добровольныхъ браковъ, заключенныхъ ранѣе достиженія совершеннолѣтія и зрѣлой обдуманности. Я боюсь надоѣсть вашему королевскому высочеству, передавая все, что было сказано съ той и съ другой стороны во время этого длиннаго разговора, который закончился взаимнымъ обѣщаніемъ свято хранить его въ тайнѣ и который доказалъ мнѣ, что враги наши не теряли времени, вооружая противъ насъ императрицу.

«Я подумалъ, что и мнѣ не слѣдовало терять времени и рѣшилъ не обращаться къ г. Зубову, который уже достаточно высказался въ этомъ дѣлѣ. Прибывъ ко двору въ прошлый понедѣльникъ, я подошелъ къ г. Маркову и просилъ его узнать отъ г. Зубова, исполнилъ ли онъ взятое имъ на себя порученіе къ императрицѣ, заключавшееся въ томъ, чтобы узнать, одобряетъ ли Ея Величество мое намѣреніе просить короля исходатайствовать у Ея Величества принятіе меня въ число кавалеровъ ордена Серафимовъ? [1]). Марковъ мнѣ отвѣтилъ, что беретъ на себя это порученіе и самъ лично дастъ мнѣ отвѣтъ. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ ко мнѣ третьяго дня утромъ, чтобы передать, что императрица съ удовольствіемъ приняла бы меня, если бы король попросилъ ее объ этомъ,—и изысканно вѣжливо прибавилъ, что мнѣ должно быть хорошо извѣстно, что Ея Величество никогда не измѣняла ко мнѣ своего расположенія и весьма интересовалась всѣмъ, что касалось меня лично.

«Я отвѣтилъ ему на это, что считалъ бы себя безконечно счастливымъ, еслибы личное расположеніе, которымъ удостоиваетъ меня императрица, могло благотворно повлiять на ходъ дѣла, которое мнѣ было поручено изложить передъ Ея Величествомъ, но что съ давнихъ поръ я имѣлъ несчастіе испытать только противное, и тѣмъ обиднѣе каза-

---

[1]) Высшій орденскій знакъ въ Швеціи. По этому поводу въ сентябрѣ 1795 г. Екатерина писала Гримму: «Регентъ-якобинецъ продиктовалъ молодому королю дерзкое письмо, гдѣ онъ перечисляетъ великіе подвиги прошедшей войны, въ которой г. Стедингъ, его посланникъ, будто бы побивалъ насъ и за эти дѣянія онъ ему жалуетъ голубую ленту, прося меня передать ее. Но г. Стедингъ никогда и нигдѣ не разбивалъ насъ, а по завѣщанію короля нельзя давать голубой ленты до совершеннолѣтія, и вся эта исторія изобрѣтена для того, чтобы дать голубую ленту якобинцу Рейтергольму». («Сб. Р. Ист. Об». XXIII, 653, 654).

лось мнѣ это, что дѣло самое простое и ясное было облечено въ самую грубую форму.

«Я началъ съ того, что привелъ въ примѣръ чрезвычайную, ничѣмъ необъяснимую настойчивость императрицы вѣрить тому, что ваше королевское высочество ея личный врагъ; что будто бы вы только и думаете, какъ бы вызвать столкновеніе и увеличить число ихъ враговъ, тогда какъ я неоднократно старался доказать, что все поведеніе вашего королевскаго высочества и даже частныя письма, въ содержаніе которыхъ она удостоила меня посвятить, носило безукоризненный отпечатокъ, и что за все время вашего управленія страной желали жить въ мирѣ и въ добромъ согласіи съ императрицей. Послѣ всего высказаннаго мною, начались длинныя пререканія, которыми я не смѣю утруждать ваше королевское высочество. Взаимныя жалобы заставили насъ обоихъ съ яростью нападать другъ на друга, изощривъ всѣ способы діалектики: я защищалъ и отстаивалъ свои интересы съ жаромъ, который мнѣ придавала увѣренность въ своей правотѣ, а г. Марковъ старался побѣдить меня ловко построенными софизмами... Наконецъ, утомившись, мы оба пришли къ убѣжденію, что необходимо прекратить всѣ споры и раздоры съ общаго согласія. Наилучшимъ средствомъ къ тому, казалось намъ обоимъ, былъ проектируемый бракъ короля съ великой княжной. Все, что произошло по этому поводу, ему было хорошо извѣстно еще со времени графа Стенбока и до моего послѣдняго разговора съ г. Зубовымъ, о коемъ, по его словамъ, онъ еще недавно имѣлъ бесѣду съ императрицей. Мнѣ казалось, что онъ искренно желаетъ осуществленія начатыхъ переговоровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не скрылъ отъ меня, что трудностей предстоитъ немало. Онъ нѣсколько разъ повторилъ: «надо, чтобъ это удалось!» Наконецъ мы съ нимъ разстались; при прощаньи онъ просилъ меня дать ему время обдумать всесторонне то, о чемъ только-что говорилось.

«Съ г. Марковымъ пріятно имѣть дѣло потому, что онъ чрезвычайно уменъ и пользуется большимъ вліяніемъ при дворѣ... и, несмотря на дурную молву и не совсѣмъ лестные отзывы о немъ, когда-то, и съ моей стороны,—я всегда находилъ его крайне любезнымъ, болѣе дѣятельнымъ и менѣе безразсуднымъ, чѣмъ остальные министры императрицы. Онъ никогда не настаиваетъ на чемъ-нибудь и не поддерживаетъ чего-либо изъ пустаго упрямства.

«Разговоръ затѣмъ коснулся Румянцева, которымъ мы были очень недовольны; онъ согласился со мной въ томъ, что этотъ посланникъ велъ себя крайне бестактно, горячился, требовалъ, чтобы позорныя дѣянія, въ которыхъ укорялъ его письменно Армфельдъ, были опубликованы, тогда какъ онъ долженъ былъ бы радоваться, что у него есть доказательство въ рукахъ, для оправданія себя передъ общественнымъ

мнѣніемъ въ томъ, что ему ничего не было извѣстно о существовавшемъ заговорѣ; г. Марковъ увѣрялъ меня, что онъ своевременно сдѣлаетъ ему за это строгій выговоръ.

«Это было вчера вечеромъ. 36 часовъ спустя, послѣ того какъ я видѣлся съ г. Марковымъ у себя, я встрѣтился съ этимъ министромъ въ одномъ домѣ, гдѣ я ужиналъ. Онъ отвелъ меня въ сторону, чтобы сообщить мнѣ о томъ, что онъ передалъ императрицѣ нашъ разговоръ, и Ея Величество поручила мнѣ сказать, что она до сихъ поръ не переставала сердечно желать брака короля съ ея внучкой; что она искренно горевала, когда переговоры, начатые по этому поводу, были прерваны; но когда ваше королевское высочество дали возможность ихъ возобновить, она отнеслась съ полной искренностью къ обсужденію вновь вопроса о бракѣ, и что на этотъ разъ она надѣется, что вы не потребуете отъ нея ничего невозможнаго. Что касается Армфельда, то она можетъ положительно отрицать его пребываніе въ ея владѣніяхъ, ибо, если бы это было такъ, онъ былъ бы вынужденъ скрываться здѣсь подъ чужимъ именемъ, и что ему было запрещено приближаться и къ столицѣ, и ко двору на разстояніе 1.000 верстъ (что́, говоря въ скобкахъ, непреложная истина). Но, предположивъ, что онъ въ Россіи, — императрица совершенно не въ состояніи, — права она въ этомъ или нѣтъ,—давши ему убѣжище, выдать его Швеціи, гдѣ, натурально, ожидало его жестокое наказаніе.

«Если, однако, въ какомъ-либо государствѣ дали убѣжище человѣку, граждански умершему и опозоренному, то весьма понятно, что этимъ набрасывается тѣнь на самое государство, хотя всегда есть средства отъ него отдѣлаться, лишь бы его жизнь была спасена; выдать же его на явную погибель считалось бы подлостью. Г-нъ Марковъ добавилъ, какъ бы отъ себя, что для императрицы безразлично, какая бы это страна ни была, если ваше королевское высочество обѣщаете Ея Величеству не требовать его выдачи и не подвергать его смертной казни. Что касается параграфа о перемѣнѣ религіи великой княжны, то императрица также не была властна въ этомъ вопросѣ; она вынуждена покоряться существующимъ въ странѣ предразсудкамъ и что, слѣдовательно, она не могла подписать требуемаго отъ ея внучки отреченія, но что она будетъ совѣтовать ей согласоваться съ обрядами нашей религіи и публично присутствовать вмѣстѣ съ королемъ на всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ и обрядахъ, которые соблюдаетъ король, оставивъ за собой право исполнять свои религіозные обряды въ строгой замкнутости... Какъ только она сдѣлается королевой Швеціи, власть императрицы надъ ней кончается—и, если тогда она пожелаетъ принять лютеранскую религію, то императрица, конечно, не будетъ въ силахъ ей въ

томъ препятствовать, но дать на то согласіе, въ настоящую минуту, она считаетъ положительно невозможнымъ.

«Ея Величество выразила также желаніе, чтобы между королемъ и его будущей супругой личное знакомство предшествовало браку, что она считаетъ существенно необходимымъ для ихъ взаимнаго счастья; и что если ваше королевское высочество раздѣляете это мнѣніе, въ такомъ случаѣ она предлагаетъ вамъ и его величеству посѣтить великую княжну и императрицу будущей весной. Ея преклонныя лѣта не дозволятъ ей выѣхать навстрѣчу, но, тѣмъ не менѣе, она увѣрена, что свиданіе это будетъ полезно для обоихъ государствъ во многихъ отношеніяхъ; она желала бы переговорить съ вашимъ королевскимъ высочествомъ не только о дѣлахъ семейныхъ, но и политическихъ; она даетъ слово, что ваше королевское высочество встрѣтите при ея дворѣ пріемъ, вполнѣ родственный, достойный вѣрнаго союзника и добраго сосѣда; равно и лица вашей свиты будутъ обласканы Ея Величествомъ; она твердо рѣшилась изгладить все прошлое и проситъ ваше королевское высочество сдѣлать то же самое.

«Впрочемъ, г. Марковъ прибавилъ, что императрица скажетъ мнѣ все это сама лично и что черезъ нѣсколько дней она, незамѣтнымъ образомъ, найдетъ къ этому предлогъ, но что пока я долженъ вполнѣ вѣрить всему, что онъ мнѣ сказалъ, и смѣло могу сообщить о томъ моему двору. Мнѣ кажется, излишне будетъ комментировать шагъ, сдѣланный въ этомъ случаѣ императрицей, а также распространяться о томъ, что было сказано въ этомъ разговорѣ мною и г. Марковымъ.

«Я имѣлъ честь донести вашему королевскому высочеству подлинныя слова императрицы, какъ мнѣ ихъ передалъ этотъ министръ. Если, съ одной стороны, можно изумляться слишкомъ быстрому переходу императрицы отъ противуположныхъ чувствъ къ чувству дружбы къ вашему королевскому высочеству и въ благосклонности къ Швеціи; то, съ другой— эти порывы и переходы, кажется, лежатъ въ самомъ характерѣ ея. Никогда ненависть ея не была, напримѣръ, такъ сильна, какъ къ покойному королю. Она доходила даже до личностей и до такого неприличія, какому рѣдко встрѣчаются подобные примѣры. Эта ненависть еще не потухла и послѣ войны. На первой, данной мнѣ, аудіенціи, она, помнится, говорила со мною о многомъ, но ни слова о королѣ; отвѣтъ ея на мое привѣтствіе былъ весьма лакониченъ. Однако, въ концѣ концовъ, она полюбила его, уже въ силу того, что была чрезвычайно расположена къ императору Іосифу, котораго она называла своимъ рыцаремъ.

«Я былъ свидѣтелемъ многихъ подобныхъ перемѣнъ: и ваше королевское высочество имѣете также немало доказательствъ ея расположенія, какъ до принятія регентства, такъ и въ самомъ началѣ его. Возможно и то, что политическія соображенія вліяютъ на внезапное рѣшеніе импе-

ратрицы въ какомъ-нибудь дѣлѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она безконечно желаетъ видѣть свою любимую внучку королевой Швеціи. Она видитъ, что не можетъ достигнуть этой цѣли безъ содѣйствія вашего королевскаго высочества; и, что всѣ тѣ лица, къ которымъ она раньше обращалась,—дѣйствовали ей во вредъ, или же прямо позорили ее.

«Она прекрасно знаетъ, что времени терять нечего. Еще менѣе она можетъ скрывать отъ себя: успѣхъ французскаго оружія, ослабленіе австрійскаго могущества, маккіавелизмъ Берлинскаго кабинета; и, наконецъ, ея собственное непостоянство—дѣлаютъ необходимымъ или вступить въ тѣсную дружбу со Швеціей, или же поставить ее внѣ возможности вредить до тѣхъ поръ, пока не разразится накипѣвшая злоба и ненависть между соперничествующими державами. Она предпочитаетъ первый исходъ, какъ наиболѣе вѣрный, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться другимъ, если тотъ ей не удастся. Впрочемъ, первый раздавшійся пушечный выстрѣлъ на границахъ Финляндіи убилъ бы ея внучку, какъ королеву Швеціи.

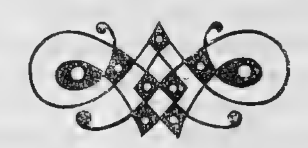
«И такъ, государь, все, кажется, содѣйствуетъ тому, чтобы внушить императрицѣ справедливыя и умѣренныя чувства по отношенію къ Швеціи,—это послужитъ къ вашей славѣ; въ противномъ случаѣ, необходимо упрочить миръ съ этимъ опаснымъ сосѣдомъ на самыхъ солидныхъ основахъ, возведя на тронъ принцессу, которая, въ одинъ прекрасный день, принесетъ, можетъ быть, огромное наслѣдство въ вашу семью.

«Что касается меня, государь, я желаю вамъ мирнаго тріумфа, такого, который разоружилъ бы вашихъ враговъ, побѣдивъ ихъ коварство; отъ васъ зависитъ сдѣлать изъ нихъ своихъ защитниковъ.

«Посылаю г. Стіернвалля, моего стараго адъютанта съ этой депешей, отчасти по причинѣ ея важности, отчасти и потому, что, будучи самъ военнымъ и весьма свѣдущимъ, онъ, послѣ того, что увидитъ собственными глазами по всей русской Финляндіи, можетъ быть, съумѣетъ увѣрить г. канцлера, въ томъ, что свѣдѣнія, доставленныя ему графомъ Лёвенгельмомъ,—ложны».

Баронъ **Н. В. Дризенъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два экспромпта изъ театральной жизни.

I.

Экспромптъ актера П. Григорьева 1-го Е. С. Вахрину [1]), написанный въ 1842 году карандашемъ въ уборной Александрійскаго театра.

Ну, вотъ посланіе готово!
Одинъ пишу къ тебѣ за всѣхъ,
Во время «Смерти Ляпунова»
Но, чуръ не поднимать на смѣхъ!
Поклонъ первѣйшій отъ Мартышки [2]),
Поклонъ Григорьевскій большой,
Поклонъ отъ Славинской вамъ шишки [3])—
Прекрасный трагикъ, но смѣшной!
Онъ и піесы сочиняетъ,
Купцовъ Казанскихъ создаетъ,
Мочалову онъ подражаетъ
И какъ Мочаловъ водку пьетъ.

---

[1]) Ефимъ Степановичъ Вахринъ, уроженецъ г. Шуи, въ сороковыхъ годахъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ и занимался торговлею. Онъ любилъ театръ до страсти и былъ знакомъ почти со всѣми петербургскими актерами, что̀ и свидѣтельствуетъ настоящее посланіе. Ред.

[2]) Е. С. Вахринъ былъ особенно друженъ съ А. Мартыновымъ, что̀ видно изъ писемъ послѣдняго къ Вахрину, напечатанныхъ послѣ смерти Мартынова въ «Сѣверной Пчелѣ» 1860 г., № 248 и № 249. По словамъ И. Лядова, сообщившаго этотъ экспромптъ редакціи, Мартыновъ, въ бытность свою въ Москвѣ, въ сороковыхъ годахъ, говорилъ при московскихъ артистахъ (Ленскомъ, Садовскомъ и др.), что онъ многимъ обязанъ Е. С. Вахрину, особенно въ матеріальномъ отношеніи. Впослѣдствіи дѣла Вахрина разстроились, онъ возвратился въ Шую, гдѣ и жилъ до своей кончины. Ред.

[3]) У Славина отъ природы была подъ глазомъ большая шишка.

Поклонъ отъ Сашеньки Смирнова
Въ лото играетъ онъ до слезъ,
А роли скверно, безтолково,
Все оттого, что пьетъ газёзъ.
Поклонъ Максимова-Алешки!
Онъ нынче ужь за умъ взялся,
Не пьетъ покудова ни крошки,
А чуть было не запился!
Поклонъ вамъ шлетъ и Марковецкій,
Безъ горки онъ ужь пріунылъ,
Не пьетъ и чарочки мертвецкой,
За то онъ палки полюбилъ.
Поклонъ теперь писать я стану
Петра Смирнова—онъ силенъ:
Всечасно лупитъ по стакану
И кончикъ уха щиплетъ онъ.
Теперь поклонъ вамъ отъ Арбуза,
Кто такъ въ роляхъ купцовъ смѣшонъ
И чье огромнѣйшее пузо
Въ питьѣ не вѣдаетъ препонъ.
Поклонъ вамъ также посылаетъ
Андрей Леонтьевичъ Зиминъ [1]).
Послѣ дебюта, онъ играетъ
Въ толпѣ народа не одинъ.
Жена его туда же лѣзетъ,
Ты спросишь: Какъ? зачѣмъ? на что-съ?
Да, бѣдная Гризельдой грезитъ,
Чтобъ всѣмъ купчихамъ сдѣлать носъ.
Поклонъ еще отъ Третьякова,
Козьма по-прежнему того...
Да и поклонъ отъ Куликова
Ужь въ заключеніе всего.

II.

Экспромптъ А. М. Гедеонову, сказанный В. И. Панаевымъ на обѣдѣ 28-го мая 1851 года [2]).

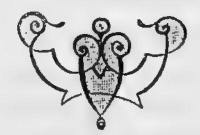
Ты возвысилъ нашу сцену,
Новый блескъ театрамъ далъ,

---

[1]) А. Л. Зиминъ поступилъ на сцену изъ купцовъ-любителей. Страсть его къ актерству была очень сильная.

[2]) Обѣдъ этотъ былъ данъ по случаю 18-ти лѣтняго управленія А. М. Гедеоновымъ театральною дирекціею.

Талію и Мельпомену,
Терпсихору приласкалъ.
Привязалъ къ себѣ артистовъ,
Имъ отцемъ, покровомъ былъ;
Отъ Тальони до статистовъ,
Всѣхъ къ себѣ приворожилъ.
И не годъ, не пять, не десять:
Такъ прошли осьмнадцать лѣтъ;
Пусть поймутъ, разсудятъ, взвѣсятъ,
Шутка это или нѣтъ.
Какъ же намъ за здравье чашу
Въ честь тебя не осушить?
И всѣхъ благъ желанье наше
Отъ души не повторить?

Письма Я. И. Ростовцова къ А. Д. Винтулову [1].

1.

23 сентября 1847 г. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ!

Его высочество изволилъ остаться очень доволенъ, что вы исполнили требованіе или просьбу военнаго губернатора [2]) и отдали въ его

[1]) Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ, впослѣдствіи графъ, былъ въ то время генералъ-лейтенантомъ и начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній, а Александръ Дмитріевичъ Винтуловъ—первымъ директоромъ Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса. Какъ извѣстно, корпусъ этотъ основанъ былъ на пожертвованія дворянства и главнымъ образомъ воронежскаго дворянина генералъ-маіора Николая Дмитріевича Черткова, пожертвовавшаго 1.500.000 рублей ассигнаціями и 1.000 душъ крестьянъ. Генералъ-маіоръ Чертковъ, принося на алтарь отечества свое пожертвованіе, отклонилъ отъ себя честь назвать корпусъ Чертковскимъ, а ходатайствовалъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ о наименованіи Воронежскаго корпуса Михайловскимъ въ честь великаго князя Михаила Павловича, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. «Государь императоръ, всемилостивѣйше назвавъ корпусъ, гдѣ будутъ воспитываться дѣти храбрыхъ и вѣрныхъ донцовъ моимъ именемъ, осчастливилъ меня выше заслугъ моихъ,—говорилъ великій князь Михаилъ Павловичъ въ рескриптѣ своемъ и. д. наказнаго атамана Войска Донскаго генералъ-лейтенанту М. Г. Власову І-му, отъ 18 іюня 1837 г.,—и первѣйшій предметъ стараній и желаній моихъ, какъ главнаго начальника сего корпуса, будетъ тотъ, чтобы всѣ донскіе питомцы его походили доблестями на отцовъ, дѣдовъ и предковъ своихъ».

Первымъ директоромъ новаго корпуса назначенъ былъ герой турецкой войны 1828—1830 г.г., участникъ въ усмиреніи польскаго возстанія 1831 г., георгіевскій кавалеръ, генералъ-маіоръ А. Д. Винтуловъ. Директорство Винтулова,—говоритъ бывшій учитель корпуса М. Ѳ. Де-Пуле,—положило на Воронежскій кадетскій корпусъ вообще, а особенно на преподавателей его, неизгладимую печать. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ образовалась въ корпусѣ цѣлая школа дѣльныхъ людей, принесшихъ пользу не только корпусу, но и всему воронежскому краю. Начальникъ штаба его высочества по управленію военно-учебными заведеніями, Я. И. Ростовцовъ, вошелъ въ самыя близкія отношенія съ Винтуловымъ, котораго и самъ великій князь Михаилъ Павловичъ очень любилъ. «Мы оба, какъ воспитатели и какъ честные люди,—писалъ Ростовцовъ Винтулову,—должны жить дружно». Плодомъ такихъ отношеній и явились нижеслѣдующія письма, весьма цѣнныя для характеристики внутренней жизни корпуса въ первые годы его существованія. С. З.

[2]) Генер.-лейтенанта Николая Андреевича Лангеля.

распоряженіе одного изъ медиковъ; ибо въ годину народнаго бѣдствія, каждый долженъ помогать одинъ другому по мѣрѣ всѣхъ своихъ средствъ. Требованіе г. в. губ. не было слѣдствіемъ его права, а слѣдствіемъ неотложной необходимости, когда всѣ личныя соотношенія измѣняютъ нормальное свое положеніе.

На остальные же вопросы ваши о степени подчиняемости директора корпуса военному губернатору его высочество изволилъ отозваться, что кромѣ обыкновенныхъ условій чинопочитанія, службы и общества, директоръ, во внутреннихъ своихъ дѣйствіяхъ, нисколько г. военному губернатору не подчиненъ—и губернаторъ не есть ни начальникъ, ни инспекторъ корпуса, кромѣ такихъ случаевъ (которыхъ у насъ и быть не можетъ), когда ходъ корпуса угрожалъ бы нарушеніемъ или общаго спокойствія, или общей безопасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ его высочество изволилъ дать вамъ полное полномочіе въ дѣйствіи вашемъ по противодѣйствію холерѣ, о чемъ вы получите оффиціальное мое отношеніе.

Поздно отвѣчаю вамъ оттого, что уѣзжалъ въ Москву — и письмо ваше нашелъ въ Петербургѣ. Засвидѣтельствуйте мое душевное уваженіе почтенной супругѣ вашей и поклонитесь всѣмъ нашимъ. Обнимаю васъ. Искренно васъ уважающій и сердечно преданный вашъ покорнѣйшій слуга І. Ростовцовъ.

2.

4 февраля 1848 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь
Александръ Дмитріевичъ!

Взглядъ вашъ на преподаваніе естественной исторіи очень справедливъ, по крайней мѣрѣ, совершенно одинаковъ съ нашимъ. Вы отнюдь не ошиблись, какъ выражаетесь въ письмѣ вашемъ;—но недостатокъ въ вашемъ корпусѣ происходитъ не отъ самой науки, а отъ учителя; учитель вашъ самъ требуетъ ученья [1]). Прилагаю при семъ копію съ инструкціи, данной мною комитету о составленіи программы; изъ нея вы усмотрите, въ какомъ духѣ, объемѣ и направленіи должна естественная исторія преподаваться.

Мнѣніе ваше о нынѣшнемъ преподаваніи молодыми учителями рус-

---

[1]) Рѣчь идетъ о Н. С. Тарачковѣ, ученикѣ Рулье, сдѣлавшемся впослѣдствіи извѣстнымъ, какъ натуралистъ, изслѣдовавшій Воронежскую губернію въ геологическомъ и ботаническомъ отношеніяхъ.

ской грамматики также совершенно справедливо; раціонально помочь этому не въ нашихъ силахъ, потому что во всей пишущей братіи русской теперь сильное броженіе, но мы требуемъ правилъ Греча и Востокова, основанныхъ на Карамзинѣ, съ нѣкоторыми, однакоже, измѣненіями, вынужденными дальнѣйшимъ ходомъ языка.

Канцелярію мою, какъ вы выразились, вы несправедливо обвиняете, что она забрасываетъ васъ вопросами и замѣчаніями и мѣшаетъ вамъ дѣйствовать. Самъ штабъ отъ контрольныхъ требованій государственнаго контроля крестится гораздо болѣе каждаго кадетскаго корпуса; всѣ вѣдомства и управленія Имперіи отъ него крестятся—и отклонить это не только выше ничтожныхъ силъ моихъ, но даже выше силъ самого великаго князя и всѣхъ министровъ вмѣстѣ взятыхъ.

Вы не знаете ни трехлѣтней борьбы нашей (отъ 1839 до 1842), чтобъ не было надъ заведеніями государственнаго контроля, ни борьбы теперешней совѣта о воен. уч. завед. и его высочества съ контролемъ, чтобы облегчить въ заведеніяхъ отчетность. Какъ же вамъ это и знать! но меня удивляетъ только то, что вы произволу моей канцеляріи приписываете то, что вся служащая Россія относитъ къ требованіямъ государственнаго контроля.

Его высочество соизволилъ, предварительно, на вашъ отпускъ—и я буду ожидать, въ свое время, вашего о семъ рапорта.

Потрудитесь засвидѣтельствовать душевное мое почтеніе достойной супругѣ вашей и примите увѣреніе искренняго уваженія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою І. Ростовцовъ.

3.

10 августа 1848 г.

Не знаю отчего, почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ, вы полагаете, что нѣтъ сомнѣнія, что письма ваши мнѣ наскучаютъ?

Развѣ оттого, что я не всегда отвѣчаю на нихъ собственноручно; ну простите: при всемъ душевномъ моемъ желаніи, я не всегда имѣю на то возможность, за совершеннымъ неимѣніемъ времени. Я получаю въ день отъ 30 до 50-ти собственноручныхъ писемъ; изъ нихъ по крайней мѣрѣ 10 отъ лицъ выше меня поставленныхъ; какая же тутъ возможность, при моихъ прямыхъ письменныхъ занятіяхъ, не быть неучтивымъ?—По неволѣ диктуешь.

Красинскій будетъ къ вамъ назначенъ; Шубинъ будетъ имѣться въ

виду. Что вы отдаете назадъ мальчиковъ дурныхъ и неспособныхъ— вы дѣлаете благое дѣло и пользу не только корпусу и арміи, но и самимъ имъ; дай Богъ, чтобы вы и не мѣняли своей системы, а негодуютъ частно,—что дѣлать, за то благодарность будетъ общая.

О прибавкѣ 4 унт.-офиц. и 90 рядовыхъ—этотъ вопросъ очень важенъ и отъ меня нисколько не зависитъ; таковую прибавку вѣроятно допустятъ и по всѣмъ корпусамъ, но ни одному не дадутъ болѣе, чѣмъ другому, ибо условія всѣхъ одинаковы; а ожидается война, и вслѣдствіе того призывъ безсрочныхъ и усиленный наборъ показываютъ намъ, какъ люди нужны для арміи и какъ государь старается пополнить ея ряды.

При всѣхъ этихъ данныхъ, я очень сомнѣваюсь, чтобы какому-нибудь изъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ прибавили 94 нижнихъ чиновъ сверхъ штата. Впрочемъ, этотъ вопросъ будетъ въ разсмотрѣніи совѣта

Покорнѣйше прошу васъ, искренно мною уважаемый Александръ Дмитріевичъ, поцѣловать ручку у достойнѣйшей супруги вашей, поклонитесь всѣмъ нашимъ, и сослуживцамъ, и дѣтямъ, и вѣрить въ откровенное чувство моего отличнаго къ вамъ уваженія и совершенной преданности. І. Ростовцовъ.

4.

21 февраля 1849 г.

Почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ!

Письмо ваше отъ 14-го февраля было очень мнѣ пріятно; уважая васъ искренно, отъ души, я очень бы утѣшился, если бы всѣ недоумѣнія оканчивались такою же развязкою, а еще лучше, если бы ихъ вовсе и не было.

Безъ личнаго объясненія многое можетъ казаться инымъ, чѣмъ есть; могу ошибаться и, можетъ быть, часто ошибаюсь, но не желать сдѣлать пользы, или входить въ ссору или привязки—этимъ никогда боленъ я не былъ.

Если у васъ будутъ недоумѣнія и впредь, что̀ весьма естественно, то, пожалуйста, почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ, или запишите ихъ на память—для личнаго объясненія, или, если время не терпитъ, то дѣлайте мнѣ вопросы, но только, пожалуйста, не давайте никогда оттѣнка неудовольствія оффиціальнымъ бумагамъ; они идутъ по канцеляріямъ, служатъ пищею болтовни чиновникамъ и писарямъ и, во всякомъ случаѣ, вредятъ, въ ихъ мнѣніи, начальникамъ, т. е. вамъ или мнѣ; вѣдь корпусовъ двадцать; что, если бы всѣ стрѣляли въ меня, какъ

въ мишень; а дѣла мнѣ очень много, кромѣ бюрократическаго—и огорченій много, для пользы тѣхъ же заведеній.

Прошу извиненія, въ свою очередь, если и я огорчилъ васъ, огорчить васъ я не желалъ; если что у меня и вырвалось, то по-неволѣ; сердце переполнилось.

Обнимаю васъ, цѣлую ручки достойной супруги вашей; поклонитесь всѣмъ нашимъ; мы оба, какъ воспитатели и какъ честные люди, должны жить дружно, въ чемъ я и увѣренъ.

Еще разъ обнимаю васъ. Душевно вамъ преданный и много васъ уважающій І. Ростовцовъ.

5.

4 апрѣля 1852 г.

Любезный Александръ Дмитріевичъ!

Честный начальникъ не оскорбляетъ подчиненнаго умышленно.

Честный начальникъ никогда съ подчиненнымъ не церемонится; если онъ имъ недоволенъ, онъ объявляетъ это ему прямо, безъ околичностей и приказываетъ ему: «дѣйствуй такъ».

Если же начальникъ, и особенно начальникъ высоко Богомъ поставленный, полагая, въ высшихъ своихъ видахъ, справедливо или ошибочно, что одинъ изъ двадцати пяти подчиненныхъ ему отдѣльныхъ начальниковъ дѣйствуетъ, въ какомъ-нибудь случаѣ, не по его системѣ и, вмѣсто повелѣнія или даже вмѣсто совѣта, посылаетъ подчиненному, только къ свѣдѣнію, статистическіе выводы, по этому случаю, цѣлаго своего вѣдомства, то это доказываетъ, что начальникъ и подчиненный хотя не сходятся въ своихъ убѣжденіяхъ, но что начальникъ очень подчиненнаго уважаетъ, и ничего ему не приказывая, и ничего, даже, не совѣтуя, благодушно даетъ только уразумѣть: какъ онъ самъ о вопросѣ думаетъ.

Изъ всѣхъ мнѣній гражданскаго общества нѣтъ ничего разнообразнѣе мнѣній о воспитаніи; тутъ каждый, призванный и непризванный,— и судья и законодатель.

Въ этомъ нравственномъ хаосѣ вѣчной борьбы и нескончаемыхъ противурѣчій—рѣшителя споровъ не существуетъ и быть не можетъ, но въ отдѣльномъ воспитательномъ государственномъ учрежденіи этотъ рѣшитель быть долженъ, и онъ у насъ есть. И неужели онъ не имѣетъ права голоса? И неужели онъ не можетъ не только приказывать, не только совѣтовать, но даже выражать свое мнѣніе—если и не для руководства, то хоть для любопытства подчиненнаго?

Было бы очень полезно самимъ директорамъ каждаго заведенія представлять главному начальнику свои о воспитаніи соображенія и даже возраженія; но что было бы, если бы каждый изъ двадцати пяти директоровъ отъ деликатно выраженнаго мнѣнія главнаго своего начальника о пріемахъ воспитанія, мнѣнія съ мнѣніемъ его несогласнаго, намекалъ на свою отставку, считая лично себя оскорбленнымъ? Пользы государственныя утонули бы въ водоворотѣ частныхъ страстей.

Почтенный другъ, вы слишкомъ умны, чтобы считать себя умнѣе всѣхъ, слишкомъ благородны, чтобы считать себя непогрѣшимымъ.

Какъ человѣкъ, глубоко васъ уважающій, какъ честный товарищъ, возвращаю вамъ ваше письмо отъ 14-го марта.

При свиданіи подробно объ этомъ побесѣдуемъ.

Дружески васъ обнимаю. Душевно вамъ преданный

I. Ростовцовъ.

6.

25 января 1853 г. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ!

Душевно радъ, что имѣлъ возможность засвидѣтельствовать передъ его императорскимъ высочествомъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ о трудахъ вашего превосходительства на пользу ввѣреннаго вамъ заведенія. За вниманіе и милостивый отзывъ его высочества вы вполнѣ обязаны самому себѣ и почтеннымъ сослуживцамъ вашимъ.

Ваше превосходительство выразили, какъ мнѣ кажется, желаніе замѣнить теперешняго инспектора классовъ въ Михайловскомъ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ полковникомъ Грушке. Не могу скрыть, любезный Александръ Дмитріевичъ, что такое желаніе меня удивило. Знавъ горячій и слишкомъ раздражительный характеръ полковника Грушке, я ходатайствовалъ объ опредѣленіи его въ небольшое заведеніе, состоящее всего изъ ста дѣтей, въ той мысли, что столь существенный въ воспитателѣ недостатокъ, какова излишняя вспыльчивость, здѣсь не можетъ имѣть много случаевъ обнаружиться. Перевести же полковника Грушке въ корпусъ, гдѣ 400 кадетъ, изъ коихъ болѣе чѣмъ половина уже юноши, а не дѣти, и гдѣ, слѣдовательно, поводы къ неудовольствіямъ должны встрѣчаться гораздо чаще, я нахожу невозможнымъ.

Подумайте объ этомъ сами. Обнимаю васъ. Душевно вамъ преданный

I. Ростовцовъ.

Простите, что не пишу собственноручно; ей-Богу, теперь, не въ силахъ; еще обнимаю васъ.

7.

14 января 1856 г. С.-Петербургъ.

Секретно.

Милостивый государь

Александръ Дмитріевичъ!

При письмѣ отъ 7-го минувшаго декабря ваше превосходительство препроводили ко мнѣ, какъ доказательство неуспѣшнаго хода учебной части во ввѣренномъ вамъ корпусѣ, списокъ 80-ти кадетъ, получившихъ въ теченіе одного дня, и именно 26-го ноября, неудовлетворительные баллы, или замѣченныхъ въ лѣности и невниманіи.

Искренно сожалѣя о такихъ горестныхъ результатахъ постоянныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ вашихъ въ дѣлѣ образованія ввѣреннаго вамъ юношества и вполнѣ раздѣляя то глубокое чувство скорби, которое результаты эти, неминуемо, должны были возбудить въ васъ, я не могу, однако, согласиться съ вами, чтобы виною ихъ было, исключительно, равнодушіе училищныхъ чиновниковъ къ своимъ обязанностямъ и чтобы, при замѣченной вами неуспѣшности учебной части въ Воронежскомъ корпусѣ, строгія тѣлесныя наказанія оставались для корпуснаго начальства единственнымъ средствомъ къ возбужденію въ воспитанникахъ чувства долга и любви къ своему дѣлу.

Въ многолѣтнее наблюденіе мое за военно-учебными заведеніями я имѣлъ случай, не разъ, убѣдиться, что наружная холодность училищныхъ чиновниковъ къ успѣхамъ воспитанниковъ не всегда еще составляетъ доказательство внутренняго равнодушія ихъ къ своему дѣлу; она, весьма часто, проистекаетъ отъ стѣсненія ихъ дѣятельности чрезъ непосредственныя и, можетъ быть, слишкомъ строгія требованія ихъ начальствъ и отъ недостатка къ нимъ довѣрія.

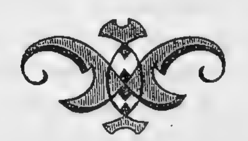
Что же касается до тѣлесныхъ наказаній, то оныя, какъ вашему превосходительству извѣстно, составляютъ во всѣхъ, безъ исключенія, учебныхъ заведеніяхъ высшую и, такъ сказать, послѣднюю мѣру взысканій.

Чѣмъ рѣже прибѣгаютъ къ нимъ, тѣмъ болѣе заключаютъ они въ себѣ важности, и тѣмъ сильнѣе вліяніе ихъ на всю массу воспитанниковъ. При учащеніи же тѣлесныхъ наказаній, они, неминуемо, утрачиваютъ свою относительную важность и содѣлываются въ глазахъ дѣтей взысканіями обыкновенными; начальство лишается чрезъ то послѣдняго, такъ сказать, рычага для своихъ побудительныхъ дѣйствій, почему, отъ привычки къ сильнымъ наказаніямъ, происходитъ въ заведеніяхъ безнаказанность, и заведенію подвигаться впередъ становится трудно.

Откровенно сообщая вашему превосходительству мысли, возбужденныя во мнѣ письмомъ вашимъ, я твердо убѣжденъ, что вы не сочтете ихъ укоромъ вашей педагогической опытности, но примите ихъ, какъ доказательство личнаго моего къ вамъ уваженія и полной увѣренности моей въ томъ, что для просвѣщеннаго ума и благороднаго сердца вашего не доступны разсчеты мелочнаго самолюбія, и что польза ввѣренной вамъ части всегда была и будетъ единственною цѣлью всѣхъ вашихъ усилій.

Примите увѣреніе въ отмѣнномъ моемъ къ вамъ уваженіи и совершенной преданности. І. Ростовцовъ.

Сообщилъ **С. З.**

МАТЕРІАЛЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ПРЕБЫВАНІЮ ВЪ МИТАВѢ

французскаго королевскаго семейства въ 1798 г.

Въ ноябрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1893 годъ нами сообщенъ рядъ писемъ и рескриптовъ императора Павла на имя курляндскаго губернатора Ламсдорфа и въ числѣ послѣднихъ высочайшій рескриптъ отъ 19 декабря 1797 года, въ силу котораго Митавскій дворецъ предоставленъ въ распоряженіе Людовика XVIII и его свиты. Въ мартѣ слѣдующаго 1798 года король прибылъ въ Митаву съ двумя племянниками своими, герцогами Беррійскимъ и Ангулемскимъ [1]), и помѣстился во дворцѣ въ ожиданіи пріѣзда королевы [2]) и дочери покойнаго короля Людовика XVI [3]). Послѣдовавшія по этому поводу распоряженія по устройству въ Митавскомъ дворцѣ помѣщенія для семейства короля видны изъ помѣщаемыхъ ниже документовъ.

I.

Письмо канцлера князя Безбородко къ курляндскому губернатору дѣйств. ст. совѣтнику Ламсдорфу.

28 августа 1798 года.

По случаю ожидаемаго прибытія въ Митаву ея величества королевы французской и принцессы дочери Лудовика XVI-го, Его Импе-

---

[1]) Сыновья брата Людовика XVIII, графа Артуа (впослѣдствіи Карла X).

[2]) Марія-Жозефина-Луиза Савойская, дочь сардинскаго короля Виктора-Амедея III—супруга Людовика XVIII.

[3]) Марія-Луиза-Шарлотта Французская, извѣстная подъ именемъ Madame Royale.

раторское Величество соизволяетъ, чтобы ваше превосходительство учинили нужныя распоряженія къ помѣщенію ихъ въ Митавскомъ дворцѣ, соображая приличіе, подлежащее сану ихъ и наблюдая притомъ, чтобъ не было тутъ никакихъ лишнихъ издержекъ. Сообщая вамъ, милостивый государь мой, о сей высочайшей волѣ, я есмь съ совершеннымъ почтеніемъ, вашего превосходительства покорнымъ слугою.

II.

Письмо Ламсдорфа князю Безбородко.

6 сентября 1798 года.

Почтеннѣйшее предписаніе вашей свѣтлости отъ 28 прошедшаго мѣсяца, со изображеніемъ высочайшаго Е. И. В. соизволенія, чтобъ по случаю ожидаемаго прибытія въ Митаву ея в. королевы французской и принцессы дочери Лудовика XVI-го, учинены были нужныя распоряженія къ помѣщенію ихъ въ Митавскомъ дворцѣ, соображая приличіе, подлежащее сану ихъ и наблюдая притомъ, чтобъ не было тутъ никакихъ излишнихъ издержекъ, я имѣлъ честь получить, и на оное симъ покорнѣйше доношу, что какъ по всевысочайшему Е. И. В. повелѣнію, за помѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ, всѣ прочіе покои Митавскаго дворца заняты е. в. королемъ французскимъ и его свитою, такъ что для распоряженія приличныхъ для ея в. королевы и принцессы аппартаментовъ, нужно будетъ вывесть присутственныя мѣста и изкупить для оныхъ домъ въ городѣ, я долгомъ себѣ поставилъ представить о томъ всеподданнѣйше Е. И. Величеству, а вашу свѣтлость симъ покорнѣйше прошу, подкрѣпляя таковое мое представленіе, не оставить меня наставленіемъ, откуда тѣ вновь распоряжаемые аппартаменты снабжены быть имѣютъ нужною мебелью; и такъ какъ оной въ готовности въ продажѣ здѣсь не имѣется, то не благоугодно ли будетъ приказать оную прислать изъ С.-Петербурга, пока водяная коммуникація оттуда въ Ригу еще открыта.

III.

Всеподданнѣйшій рапортъ курляндскаго губернатора.

6 сентября 1798 года.

По полученному мною отъ канцлера, князя Безбородки письму, во исполненіе всевысочайшаго В. И. В. соизволенія, по случаю ожидае-

маго прибытія въ Митаву ея величества королевы французской и принцессы дочери Лудовика XVI, учинены быть должны нужныя распоряженія къ помѣщенію ихъ въ Митавскомъ дворцѣ, соображая приличіе подлежащее сану ихъ и наблюдая притомъ, чтобъ не было тутъ никакихъ лишнихъ издержекъ. А какъ по всевысочайшему В. И. В. повелѣнію, за помѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ, всѣ прочіе покои Митавскаго дворца заняты е. в. королемъ французскимъ и его свитою; сгорѣлый же флигель онаго дворца къ ожидаемому прибытію за краткостію времени исправленъ быть не можетъ, такъ что для распоряженія приличныхъ для е. в. королевы и принцессы аппартаментовъ, оставляя казенную палату въ нынѣшнемъ ея расположеніи, поелику оная занимаетъ одну часть нижняго этажа, которой съ другими аппартаментами никакой связи не имѣетъ, и въ разсужденіи безопасности денежной казны отъ огня, въ городѣ неудобно помѣщена быть можетъ, нужно будетъ помѣстить губернское правленіе, оберъ-гофгерихтъ и митавскій обергауптманской судъ въ городѣ,—то пріемлю щастіе, всеподданнѣйше представляя о томъ Вашему И. В., испрашивать всевысочайшаго повелѣнія изкупить за сходную цѣну приличный домъ въ городѣ для помѣщенія означенныхъ трехъ присутственныхъ мѣстъ.

IV.

Высочайшій указъ курляндскому губернатору.

13 сентября 1798 года.

Господинъ тайный совѣтникъ Ламбсдорфъ!

Я дозволяю вамъ по поводу скораго прибытія въ Митаву королевы французской и дочери покойнаго короля Лудовика XVI, купить домъ въ городѣ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ, сохраняя по колику возможно пользу казны моей, въ чемъ Я совершенно на васъ полагаюсь. Чтожъ касается до мебелей потребныхъ въ Митавской мой дворецъ Я предоставляю вамъ имѣть сношеніе съ моимъ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Шереметевымъ, который имѣетъ приказаніе отъ меня удовлетворить вашимъ требованіямъ, безъ всякаго однакожъ излишества. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

V.

Всеподданнѣйшій рапортъ курляндскаго губернатора.

27 сентября 1798 года.

Во исполненіе всевысочайшаго В. И. В. повелѣнія отъ 13-го сего мѣсяца о покупкѣ дома въ городѣ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ, симъ всеподданнѣйше донесть щастіе имѣю, что здѣсь въ городѣ сыскались только два продажные каменные дома къ сему предмету совершенно способные: первый домъ колл. ассесора Бернера, за которой требуется восемнадцать тысячъ талеровъ, а второй,—домъ надворнаго совѣтника Браша, которой въ нынѣшнемъ году только совершенно выстроенъ и поправленъ, и за двѣнадцать тысячъ пять сотъ талеровъ казнѣ уступаемъ и къ 1-му числу будущаго ноября мѣсяца очищенъ быть имѣетъ. А какъ во всемъ городѣ не отыскался такой домъ, въ которомъ бы всѣ присутственныя мѣста помѣщены быть могли, то для лучшаго теченія дѣлъ, нужно будетъ помѣстить губернское правленіе и казенную палату въ ново-покупаемомъ домѣ, а прочія присутственныя мѣста оставить въ замкѣ; о чемъ симъ всеподданнѣйше представляя, имѣю ожидать всевысочайшаго В. И. В разрѣшенія.

VI.

Высочайшій указъ на имя госуд. казначея барона Васильева.

13 ноября 1798 года.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей баронъ Васильевъ!

На покупку въ Митавѣ у надворнаго совѣтника Браша каменнаго дома для помѣщенія въ ономъ присутственныхъ мѣстъ повелѣваемъ отпустить двѣнадцать тысячъ пять сотъ талеровъ въ веденіе тамошняго гражданскаго губернатора. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Сообщилъ **К. А. Военскій.**

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехмедъ-Садыкъ-паши).

VII [1]).

Варшавскій университетъ и общество.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ какъ инструкторъ войскъ.—Отношенія цесаревича къ подчиненнымъ.—Хлопицкій, Красинскій, Курнатовскій и другіе генералы.—Характеристика русскихъ войскъ.

Проведя почти цѣлый мѣсяцъ съ бравыми уланами, я понялъ, какая магическая сила влечетъ шляхтича поступить въ ихъ ряды.

Hulani, hulani malowane dzieci
Nie jedna dziewchyna za wami poleci
Nie jedna mężàtca i nie jedna wdowa
Za wami hulani palecić gotowa [2]).

Довольно было взглянуть на эти уланскія куртки и на ихъ шапки съ орлами, чтобы васъ охватило желаніе надѣть ихъ мундиръ и повеселиться вмѣстѣ съ ними. Дверницкій соблазнялъ меня красотою уланскаго мундира, какъ сатана соблазнялъ нашу прародительницу Еву, но Ружицкій постоянно твердилъ, что «нужно сперва окончить университетъ и спросить предварительно разрѣшеніе матери».

Я разстался съ уланами, какъ съ родными, и поѣхалъ далѣе. Унылую картину представляетъ собою мѣстность за Люблиномъ; миновали

---

[1]) См. «Русскую Старину» январь 1896 г.

[2]) Уланы, уланы, красавцы уланы, много красныхъ дѣвицъ улетитъ за вами, многія жены и многія вдовы были бы готовы умчаться за вами.

великорусскія губерніи, и вмѣстѣ съ ними исчезли веселые луга, зеленѣющія нивы, и уже не слышно было веселаго щебетанья птицъ; въ окрестностяхъ Маркушева и Мохначева подъ колесами экипажа все время скрипѣлъ песокъ, въ которомъ вязли наши лошади. Въ корчмахъ было вездѣ несмѣтное количество таракановъ и стоножекъ; у жидовъ ничего нельзя было достать, кромѣ испорченнаго картофеля, а вмѣсто водки—подавали отвратительную сивуху. Мѣстное населеніе было вялое, угрюмое, видно было, что оно выросло на одномъ картофелѣ.

Съ большимъ трудомъ и скукою тащились мы такимъ образомъ два дня до Пулавъ; не хотѣлось даже сѣсть на коня для разнообразія, или побродить въ сторонѣ отъ дороги съ ружьемъ, такъ какъ дичи совсѣмъ не было.

Въ Пулавахъ мы не застали ни князя Адама Чарторыжскаго, ни его родныхъ и даже ни одного изъ Сенкевичей, а также ни Блотницкаго, ни Добровольскаго, нашихъ земляковъ, которыхъ мы разсчитывали тамъ встрѣтить. Днемъ мы бродили по зàмку и по саду, а ночевали на постояломъ дворѣ, ѣли разсольникъ изъ телятины, телятину на жаркое съ жаренымъ картофелемъ и драчену изъ картофельной муки, и запивали это пѣнящимся пивомъ. Нашъ украинскій торговецъ быками сошелъ бы съ ума отъ огорченія, если бы ему подали столько телятины сразу. Только разъ въ годъ, и то въ большой праздникъ, онъ позволяетъ себѣ зарѣзать одного изъ сотни своихъ телятъ, говоря, что каждый теленокъ со временемъ станетъ воломъ, а вола можно продать и во Влодавѣ и въ Ольмюцѣ. Что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай. Здѣсь мы не только ѣли телятъ, но даже видѣли, что коровы были запряжены въ плугъ и пахали.

О Пулавахъ и пулавской Сибиллѣ такъ много писали ученые, что я счелъ бы со своей стороны непростительной дерзостью соревновать съ ними; тѣмъ болѣе, что мое описаніе показалось бы, разумѣется, весьма слабымъ въ сравненіи съ ихъ мастерскими разсказами. Впрочемъ, я вѣдь искалъ въ Пулавахъ только князей Чарторыжскихъ, которыхъ тамъ не оказалось.

Старинные зàмки, зданія и памятники привлекаютъ вниманіе человѣка связанными съ ними воспоминаніями прошлаго, которые охватываютъ его всецѣло; живые люди кажутся ему ничтожными въ сравненіи съ этими памятниками минувшаго, и если бы въ настоящее время эти старинныя зданія были необитаемы, то человѣкъ населилъ бы ихъ въ своемъ воображеніи существами болѣе достойными событій, совершавшихся въ ихъ стѣнахъ. О Пулавахъ этого нельзя было сказать. Князь Адамъ Чарторыжскій былъ гигантъ, какъ по прежнимъ своимъ заслугамъ, такъ и по возлагавшимся на него надеждамъ; безъ него Пулавы были бы мѣстопребываніемъ богатаго рода князей Чарторыжскихъ

и только. Эти польскіе зàмки, сады и памятники прошлаго казались ничтожными въ сравненіи съ этимъ польскимъ магнатомъ. Уроженецъ дикой, но плодородной Украйны, я мечталъ о томъ, съ какимъ почтеніемъ, съ какимъ обожаніемъ явлюсь я къ этому человѣку, которому вся польская молодежь была обязана своимъ просвѣщеніемъ и развитіемъ среди нея національнаго самосознанія. Его образъ наполнялъ мою душу, и сердце мое неудержимо къ нему стремилось. Я не засталъ князя Адама въ Пулавахъ, и онѣ не оставили во мнѣ никакихъ воспоминаній, можетъ быть именно потому, что я не встрѣтилъ тамъ того, кого я хотѣлъ видѣть и о комъ мечталъ.

Мы доѣхали до Варшавы безъ всякихъ приключеній, не видавъ на пути ничего особенно интереснаго; ѣли всюду телятину и попивали пиво. Я читалъ въ газетахъ, что какой-то французъ приготовилъ сто одно блюдо изъ яицъ, англичанинъ—сто два пуддинга, которыми можно было и объѣсться, и напиться, нѣмецъ—сто три блюда исключительно изъ одного картофеля; если бы какой-нибудь полякъ послѣдовалъ ихъ примѣру, то, безъ сомнѣнія, онъ приготовилъ бы сто четыре блюда изъ телятины.

Въ предмѣстьи Варшавы, въ Прагѣ, я уже замѣтилъ варшавянокъ и тотчасъ сказалъ Карлу Ружицкому, что онѣ такія же красивыя и пригожія, какъ и наши кіевскія русалки, но гораздо шикознѣе ихъ; подобныхъ гризетокъ я видѣлъ впослѣдствіи только въ Парижѣ. Въ этомъ отношеніи я всегда былъ совершенно согласенъ съ почтеннымъ генераломъ Генрихомъ Дембинскимъ. Мы оба всегда находили, что жизнь не можетъ быть пріятна безъ этихъ болтливыхъ и веселыхъ созданій, но я отдавалъ предпочтеніе варшавянкамъ, такъ какъ первое впечатлѣніе, произведенное ими на меня, было весьма сильное; къ тому же впечатлѣнія молодости бываютъ наиболѣе живучи; но Дембинскій всегда стоялъ за парижанокъ. Когда Решидъ-паша предложилъ ему должность и окладъ дивизіоннаго генерала, подъ условіемъ, что онъ останется въ Турціи, Дембинскій отвѣтилъ: «Я и остался бы, пожалуй, но здѣсь нѣтъ гризетокъ, какъ въ Парижѣ; поѣду туда доживать на старости лѣтъ послѣдніе дни моей жизни, которая для меня не существуетъ безъ гризетокъ и бульваровъ».

Я былъ такъ заинтересованъ попадавшимися намъ поминутно на встрѣчу варшавянками, что, проѣзжая черезъ мостъ, даже и не вспомнилъ о судьбѣ несчастной Праги.

Мы тотчасъ отправились къ генеральшѣ Вонсовичъ [1]). Будучи на

---

[1]) Пани Вонсовичъ, урожденная Тышкевичъ, въ первомъ бракѣ за Александромъ Потоцкимъ, была племянницей князя Іосифа Понятовскаго; ея мужъ, генералъ Вонсовичъ, былъ шуриномъ моему двоюродному брату, Проту Чайковскому.

Украйнѣ, она познакомилась съ моею матерью и, узнавъ о ея намѣреніи отправить меня въ Варшаву, изъявила желаніе быть моей опекуншей въ этой столицѣ. Я былъ принятъ весьма любезно этою аристократкой, женщиной весьма умной и сердечной, и держалъ себя съ нею развязно и довольно непринужденно; привыкнувъ болѣе къ женскому обществу, нежели къ мужскому, я никогда не рисовался, но держалъ себя естественно, что не составляло мнѣ никакого труда.

Г-жа Вонсовичъ такъ умѣла принять меня и представить присутствовавшимъ, что я сразу почувствовалъ себя вполнѣ свободно и не испытывалъ ни малѣйшаго смущенія. Я встрѣтилъ у моей опекунши кастеляна Юліана Нѣмцевича, генерала Хлопицкаго, который былъ въ статскомъ платьѣ, графа Владислава Замойскаго, въ мундирѣ перваго уланскаго полка, и генерала Вонсовича, одѣтаго франтовато — съ иголочки. Г-жа Вонсовичъ представила меня всѣмъ, какъ родственника мужа; а графу Замойскому сказала, указывая на меня: «Чайковскій, герба Ястрембцовъ, потомокъ по прямой линіи Зборовскихъ, а по матери — казацкихъ гетмановъ». Замойскій оглядѣлъ меня съ головы до ногъ, пожалъ руку и спросилъ, какъ мнѣ понравились уланы; это было само по себѣ пустяшное обстоятельство, но Замойскій запомнилъ его и, много лѣтъ спустя, при встрѣчѣ со мною сказалъ: «вспоминаю слова пани Вонсовичъ; кто знаетъ, не проявится ли у тебя когда-нибудь желаніе отомстить за смерть Самуила, такъ какъ эти Ястрембцы, по преданію, всегда отличались кровожадностью».

Генералъ Вонсовичъ разспрашивалъ меня о родныхъ, а генералъ Хлопицкій—интересовался знать, играютъ ли у насъ въ карты и какая игра болѣе всего принята? и вспоминалъ о князѣ Голицынѣ, мужѣ пани Ходкевичъ, какъ о самомъ завзятомъ игрокѣ. Кастелянъ заговорилъ со мною о народной поэзіи Украйны, это дало мнѣ прекрасный случай блеснуть моими познаніями. Я отлично зналъ украинскій народъ и его поэзію; зналъ много пѣсенъ наизусть. Кастелянъ былъ такъ заинтересованъ разговоромъ со мною, что, посадивъ Карла Ружицкаго играть вмѣсто себя въ вистъ, самъ, съ г-жою Вонсовичъ, бесѣдовалъ со мною не только объ украинской поэзіи, но и объ исторіи Украйны, о казакахъ, о теперешнемъ духѣ народа. Должно быть, я ему понравился, потому что на слѣдующій день, говоря обо мнѣ съ Карломъ Сенкевичемъ, Нѣмцевичъ сказалъ: «этотъ казакъ, можетъ быть, сдѣлаетъ честь и Украйнѣ и Польшѣ». Хотя я имѣлъ аттестатъ зрѣлости, выданный мнѣ Межерѣчской гимназіею и написанный даже на латинскомъ языкѣ, но при поступленіи въ университетъ мнѣ все-таки пришлось держать экзаменъ, который сошелъ у меня отлично, благодаря тому, что кастелянъ Нѣмцевичъ, вѣроятно, по просьбѣ г-жи Вонсовичъ, замолвилъ обо мнѣ слово профессорамъ университета. Кромѣ того, я

окончилъ школу ксендзовъ піаровъ, а ректоромъ университета былъ въ то время ксендзъ піаръ Швейковскій, уроженецъ одной изъ русскихъ губерній, бывшій въ молодости профессоромъ въ Межерѣчьѣ-Корецкомъ. Весьма естественно, что онъ готовъ былъ поддержать меня. Самымъ труднымъ для меня, почти невозможнымъ былъ экзаменъ латинскаго языка; надобно признаться, что кромѣ довольно слабаго знанія склоненій и спряженій и выученной наизусть рѣчи Цицерона противъ Катилины, которую я отвѣчалъ, какъ попугай, я ровно ничего не зналъ. Экзаменаторомъ этой несчастной латыни былъ профессоръ Липинскій изъ Подоліи, старый знакомый нашего семейства. Съ нимъ на экзаменѣ мы долго разговаривали о моихъ родныхъ, о Подоліи, этомъ обильномъ краѣ, съ его хуторами, утопающими въ зелени фруктовыхъ садовъ; говорили также о Цицеронѣ и о Ливіи, Пливіи и Цезарѣ, но исключительно на польскомъ языкѣ, и я получилъ свидѣтельство о прекрасномъ знаніи латыни. Другіе мои экзамены были простыми бесѣдами изъ предметовъ, которые были мнѣ знакомы, можетъ быть, не хуже самихъ экзаменаторовъ. И въ концѣ концовъ я былъ зачисленъ въ число студентовъ юридическаго факультета.

Чрезъ братьевъ Думиныхъ и Поморскихъ, я познакомился съ нѣсколькими студентами университета. Въ то время, среди нихъ особенно выдѣлялись: Сушиньскій, честный и даровитый молодой человѣкъ, весьма трудолюбивый и порядочный, и Іосифъ-Болеславъ Островскій, человѣкъ способный, но крайне заносчивый и неспокойнаго характера; перваго любили, но объ немъ забывали, втораго боялись и предъ нимъ даже заискивали; ни тотъ, ни другой не интересовались политикой, и смѣло можно сказать, что въ Варшавскомъ университетѣ не было въ то время и признаковъ какого-либо политическаго движенія или политической программы, какъ это было въ Виленскомъ и въ Харьковскомъ.

Въ основаніи политической программы Харьковскаго университета лежало прошлое Руси и казачества и стремленіе къ всеславянству. Въ Виленскомъ университетѣ Адамъ Мицкевичъ и его товарищи вели пропаганду, съ цѣлью путемъ сближенія и объединенія Польши и Литвы возсоздать великое и независимое Польское королевство. Варшавскій же университетъ не имѣлъ,—какъ я уже сказалъ,—опредѣленной политической программы и не преслѣдовалъ никакой политической цѣли. Конечно, по духу это былъ польскій университетъ, и это не удивительно, такъ какъ всякое учрежденіе на польской землѣ, носившее слѣды польскаго происхожденія, должно было быть польскимъ или по крайней мѣрѣ называться польскимъ. Но всѣ политическія демонстраціи, бывшія въ томъ университетѣ, представляли собою лишь единичныя явленія и не имѣли никакой организаціи. Манифестаціи на похоронахъ Бѣлинскаго, столкновеніе между Красинскимъ и Любенскимъ—были не болѣе какъ

минутныя вспышки, которыя какъ быстро загорались такъ же быстро потухали, подобно блуждающимъ огонькамъ. Удивительно, что въ то время, какъ въ Виленскомъ университетѣ существовало братство тампліеровъ, общество «Зеленой книги» и другія товарищества, слухъ о которыхъ долженъ былъ доходить до Варшавы, въ тамошнемъ университетѣ не возникло никакого политическаго общества, не было политическихъ вожаковъ и руководителей партій;—этими вожаками могли бы быть двое упомянутыхъ студентовъ, но Сушиньскій вздыхалъ и ничего не говорилъ, а Островскій, ядовитый и злобный, умѣлъ поражать всѣхъ стрѣлами своего остроумія, которое, однако, не имѣло никакой политической подкладки. Все это меня крайне удивило.

Когда я заговаривалъ съ моими новыми товарищами о Руси, о казачествѣ, о Литвѣ, Вильнѣ, Краковѣ, о политическихъ обществахъ, они дремали или совѣтовали мнѣ записаться въ общество ѣдоковъ бифштексовъ у Марега, украинскихъ пироговъ у Рженгаста или парижскихъ обѣдовъ у Александра, или, наконецъ, въ число постоянныхъ посѣтителей какой-то Марыси. Все это говорилось отнюдь не въ шутку, а вполнѣ серьезно, ибо когда они упоминали объ этихъ заведеніяхъ, то лица ихъ озарялись самодовольною улыбкою, и глаза ихъ искрились. Четыре долгихъ мѣсяца посѣщалъ я самымъ аккуратнымъ образомъ лекціи права, прилежно занимался, познакомился довольно хорошо со всѣми профессорами и со многими студентами, но все-таки не могъ понять ихъ духа и ихъ политическихъ стремленій.

Впрочемъ, было одно чувство, замѣтно овладѣвшее всѣми,—это былъ страхъ предъ цесаревичемъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, и не только предъ нимъ, но даже предъ его экипажемъ, который, запряженный четверкою лошадей, мчался по улицамъ Варшавы, со стукомъ не похожимъ на стукъ другихъ экипажей; о великомъ князѣ слагались ежедневно цѣлыя легенды. Насколько военные любили и даже, можно сказать, боготворили цесаревича, настолько студенты и профессора его боялись. Но надобно сказать, что этотъ страхъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія.

За все время моего пребыванія въ Варшавѣ, мнѣ довелось слышать нѣкоторыя разсужденія политическаго свойства только отъ двухъ братьевъ Вороничей, да и тѣ, подражая товарищамъ, говорили въ шутливомъ тонѣ и довольно легкомысленно.

Вороничи принадлежали къ старинному казацкому роду Украйны: прежде они назывались «Воронами»; но послѣ pacta pudenda, по словамъ однихъ, а по другой версіи еще ранѣе, тѣ изъ нихъ, которые остались на правомъ берегу Днѣпра, стали называться Вороничами, а тѣ, которые поселились на лѣвомъ—Воронцами; примасъ Вороничъ зналъ о своемъ происхожденіи; но утромъ, послѣ кофе, онъ объ этомъ не вспо-

миналъ, за то послѣ обѣда, пропустивъ нѣсколько бутылокъ бордо, которое онъ пилъ для поддержанія своего здоровья, у него разыгрывалась казацкая фантазія; когда онъ бывалъ одинъ или со своими приближенными, казаки съ теорбами [1]) пѣли у него и плясали, и первый сановникъ католическаго костела, поднявъ рясу, зачастую пѣлъ пѣсенку Яна Выговскаго противъ іезуитовъ; иногда съ его устъ срывались даже слова: «на погибель не ляхамъ, а нѣмцамъ и жидамъ». Корминскій, усачъ-украинецъ, состоявшій раньше при генералѣ Курнатовскомъ и не долюбливавшій его, охотно вторилъ примасу, такъ какъ Курнатовскій, воспитывавшійся въ Берлинѣ, былъ въ его глазахъ полу-нѣмцемъ по языку и по духу.

Братъ примаса жилъ въ Краковѣ. У него было свое собственное состояніе и, кромѣ того, ему помогалъ братъ. Отъ бездѣлія у него явилась фантазія, чтобы въ его присутствіи ежедневно сѣкли одного нѣмца, въ то время когда онъ пилъ кофе со сливками и съ нѣмецкими булочками. Съ этою цѣлью онъ нанялъ семерыхъ нѣмцевъ и назвалъ ихъ по днямъ недѣли; былъ нѣмецъ понедѣльникъ, нѣмецъ вторникъ и т. д.; каждый изъ нихъ получалъ поочереди свою порцію розогъ, къ великой забавѣ пана Воронича; за малѣйшую провинность нѣмцевъ прогоняли, и на освободившуюся вакансію немедленно являлось проситься нѣсколько новыхъ кандидатовъ. Это очень забавляло пана Воронича, и онъ постоянно говорилъ: «Видите, что это за народъ; за деньги на все готовы, хуже жидовъ».

Политическій индифферентизмъ, царившій въ Варшавскомъ университетѣ, былъ причиною того, что я не сближался со студентами и не принималъ участія въ студенческихъ кутежахъ, которые могли тяжело отразиться на моемъ здоровьѣ и на моемъ карманѣ. Я вращался все время въ кругу высшаго общества, въ которое я былъ введенъ генеральшей Вонсовичъ. Это было общество весьма развитое, безупречное въ полномъ значеніи этого слова; всѣ держали себя въ немъ въ высшей степени просто и обходительно, такъ какъ они принадлежали къ истинной родовитой, а не денежной и чиновной аристократіи, которая всегда отталкиваетъ своей чопорной гордостью и чванствомъ.

Но это избранное варшавское общество было весьма неоживленно и удивительно монотонно. Такія женщины, какъ Розалія Ржевусская и княгиня Ловичъ, не могли оживить его; одна генеральша Вонсовичъ вносила въ него жизнь, была душою этого общества, его руководительницей, и давала ему тонъ.

Самъ цесаревичъ, хотя не любилъ г-жу Вонсовичъ, но признавалъ ея превосходство. Отъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, принадлежавшихъ къ

---

[1]) Музыкальный инструментъ, похожій на лютню.

*

этому обществу, вѣяло такимъ холодомъ, что, находясь среди этихъ цвѣтковъ, изяществомъ и красотою напоминавшихъ весну и лѣто, вы могли подумать, что находитесь въ Сибири, гдѣ-нибудь близъ Камчатки. Я видѣлъ только двухъ женщинъ, на короткое время оживившихъ это общество; это были г-жа Моренгеймъ, позднѣе Муханова, и г-жа Потоцкая (супруга Александра Потоцкаго), впослѣдствіи—Старжинская, обѣ русскія по происхожденію. Всѣ прочія дамы всегда одинаково входили въ салонъ, одинаково кланялись, одинаково говорили и одинаково вставали со своего мѣста и уходили. Въ концѣ-концовъ онѣ могли смертельно наскучить.

Въ Варшавѣ былъ еще другой кружокъ, состоявшій изъ женъ генераловъ, полковниковъ и другихъ военныхъ дамъ, полекъ и русскихъ. Я былъ два раза въ этомъ обществѣ съ генераломъ Вонсовичемъ у генеральши Потоцкой, супруги Станислава Потоцкаго; это общество было весьма оживленное, въ немъ было веселье и даже флиртъ, безъ котораго женское общество напоминаетъ собою букетъ изъ гортензій, піоновъ и камелій, лишенный всякаго запаха. Блестящіе мундиры, палаши и шпоры придавали много прелести этому обществу, въ немъ не было замѣтно натянутости, но всѣ держали себя чрезвычайно прилично и были такъ сдержанны и осторожны въ разговорѣ, что городскія новости и веселыя шутки служили почти единственною его темою. Тѣмъ не менѣе, человѣкъ посторонній находилъ въ этомъ обществѣ больше удовольствія, чѣмъ въ кругу аристократіи, ибо здѣсь, хотя по-своему, но все же веселились.

Я былъ представленъ дѣвицѣ Дуниной, канониссѣ, благодаря которой и бывалъ нѣсколько разъ на вечерахъ сестеръ канониссъ; эти были, по большей части, дѣвицы уже въ лѣтахъ, но нѣкоторыя изъ нихъ были еще въ цвѣтущемъ возрастѣ, а нѣсколько и совсѣмъ юныхъ и довольно красивыхъ. Всѣ одѣвались по послѣдней модѣ, были вѣжливы, гостепріимны, любили веселиться или веселились по привычкѣ, въ силу обычая, а, можетъ быть, и отъ души. Канониссы были вольны, свободны, однако, проклятыя узы брака и имъ улыбались; онѣ были не прочь вкусить этого плода, а можетъ быть, изъ религіознаго чувства, желали исполнить свое земное назначеніе.

На этихъ вечерахъ я встрѣчалъ чаще всего старыхъ холостяковъ изъ чиновниковъ и офицеровъ польскаго войска, уже близкихъ къ пенсіи.

Но у канониссъ бывали и цѣлыя семейства съ дѣвицами, на которыхъ не слишкомъ дружелюбно посматривали хозяйки, видя въ нихъ соперницъ по желанію выйти замужъ. Замѣчательно, что очень многія свѣтскія барышни знакомились у канониссъ съ молодыми людьми, за которыхъ потомъ выходили замужъ, а бѣдныя канониссы такъ и оставались дѣвицами. Поручикъ 4-го уланскаго полка Седлецкій, выража-

ясь по-улански, говорилъ, что монастырь канониссъ похожъ на складъ готоваго платья, но каждый, весьма естественно, предпочитаетъ сдѣлать себѣ платье на заказъ, чѣмъ покупать готовое, сшитое Богъ знаетъ изъ какого матеріала; женившись на канониссѣ, вы пріобрѣтаете жену съ большими претензіями, но съ малымъ приданымъ.

Рѣдко которая канонисса выходитъ замужъ; поляки, какъ истые и ревностные католики, предоставляли имъ прославлять Бога и оставаться христовыми невѣстами. Несмотря на это, у канониссъ бывало очень весело. Это были добрыя и почтенныя женщины, изъ лучшихъ польскихъ семействъ, но я не видѣлъ между ними пылкихъ и восторженныхъ полекъ, о которыхъ я наслышался; всѣ онѣ только и были заняты мыслію о замужествѣ.

Однажды, я былъ введенъ братьями Поморскими въ семейство Крушина, жившаго на Подлясской улицѣ. Старикъ Крушина служилъ въ какомъ-то министерствѣ, а сынъ его былъ адъютантомъ въ военномъ министерствѣ; три красивыя дѣвицы были украшеніемъ этой польской семьи. Въ этотъ день, по случаю именинъ пани Крушина, у нихъ былъ вечеръ съ танцами; собралось много гостей, въ числѣ коихъ немало красивыхъ молодыхъ женщинъ и болѣе почтенныхъ представительницъ польскаго общества. Въ этомъ домѣ царствовало старопольское радушіе и непринужденность; здѣсь, въ первый разъ въ Варшавѣ, и то молоденькія дѣвушки стали разспрашивать меня о жителяхъ нашего края, о нашихъ городахъ, о нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, и когда я разсказалъ имъ, что и у насъ преобладаетъ польская рѣчь, польскія чувства, у нихъ заблестѣли отъ радости на глазахъ слезы. Одушевленныя горячей любовью къ Польшѣ, онѣ были такъ прекрасны, что казались мнѣ святыми, молящимися о своей родинѣ; тутъ я впервые увидѣлъ тѣхъ полекъ, о которыхъ я слышалъ у себя на Украйнѣ и которыхъ, пріѣхавъ въ Варшаву, сталъ считать историческимъ миѳомъ, прекрасною темою для фантастическихъ разсказовъ Ричарда Бервинскаго о волшебствѣ и чарахъ; на сердцѣ у меня стало легко, такъ какъ я убѣдился, что въ Варшавѣ есть настоящія польки, и что здѣсь, какъ и вездѣ на польской землѣ, онѣ и сердцемъ, и духомъ стоятъ выше мущинъ; можетъ быть, благодаря имъ, въ Польшѣ до сихъ поръ не перевелись поляки.

У Крушинскихъ танцовали мазурку, краковяка и даже казачка, съ такимъ увлеченіемъ, какъ у насъ въ Мурованой Махнувкѣ или въ Бердичевѣ.

Моя опекунша очень деликатно предостерегала меня относительно посѣщенія общества, которое могло принадлежать къ революціонной партіи, что доставило бы мнѣ непріятности и хлопоты; хотя она сдѣлала мнѣ это замѣчаніе, но, надо сказать, что когда я сталъ ей раз-

сказывать, какъ тамъ было весело, весело по-польски, г-жа Вонсовичъ слушала мой разсказъ съ улыбкою и даже съ удовольствіемъ, приказывала мнѣ многое повторять, описывать моихъ собесѣдницъ, ихъ наряды. Хотя она принадлежала къ высшему кругу, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была урожденная Тышкевичъ и племянница князя Іосифа Понятовскаго; поэтому прежде всего она была полька, и интересы роднаго края были близки ея сердцу. Въ видѣ наказанія она приказала мнѣ одѣть мальтійскій мундиръ, и мы поѣхали на вечеръ къ пани Розаліи Ржевусской, гдѣ были двѣ дамы, пріѣхавшія изъ Галиціи, графини: Тарновская и Лачковская; мы застали тамъ и кастеляна Нѣмцевича. Разговоръ зашелъ о римско-католическомъ костелѣ и о богослужебныхъ книгахъ. Нѣмцевичъ дремалъ у камина, а меня стали экзаменовать въ религіи, допрашивать объ исповѣди и даже о нуждахъ въ нашемъ краѣ. Я старался вывернуться, какъ умѣлъ, и удовлетворительно отвѣтить на всѣ вопросы, но когда меня стали сбивать съ толку аргументами римскаго піетизма, я отвѣтилъ, что я уніатъ и поэтому не знакомъ съ правилами латинскаго костела. Двѣ пріѣзжія изъ Галиціи дамы чуть не повскакали съ креселъ, и если бы гдѣ-нибудь по близости была святая вода, онѣ навѣрно стали бы меня кропить ею, какъ чорта, со словами: «изыди сатана!» Нашъ споръ разбудилъ кастеляна Нѣмцевича; когда ему передали мои еретическія слова, онъ разъяснилъ на основаніи историческихъ данныхъ, что унія не есть вѣра гайдамаковъ, а старой русской шляхты, и что по уставу базиліанскаго ордена, который во главѣ уніи, въ среду его принимаютъ только родовитыхъ шляхтичей, и что орденъ этотъ—самый аристократическій изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви. Онъ прочелъ краткую лекцію объ уніи и успокоилъ этихъ дамъ насчетъ того, что предъ ними былъ не чортъ и не еретикъ. Все это вызывало улыбку со стороны пани Вонсовичъ. Когда мы уѣзжали, кастелянъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «теперь ты видѣлъ польскихъ піетистокъ; онѣ завербовали бѣдную Іоанну (такъ онѣ называли княгиню Ловичъ). Однако, она могла бы много сдѣлать для Польши и для поляковъ».

Мнѣ довелось встрѣтить въ варшавскихъ салонахъ богобоязненную и въ ничто не вмѣшивающуюся княгиню Ловичъ, на ея лицѣ и въ ея глазахъ отражалось полнѣйшее безучастіе ко всему польскому. Было ли это безучастіе искренно или оно было вызвано необходимостью, чтобы не скомпрометтировать своего высокаго положенія? О, какъ я жалѣлъ въ душѣ цесаревича, человѣка великодушнаго, съ возвышенными стремленіями, что онъ женился на такой полькѣ, и какъ много потеряла отъ этого Польша!

Одною изъ великихъ политическихъ ошибокъ поляковъ былъ этотъ несчастный принципъ невмѣшательства: «я ни во что не вмѣшиваюсь,

я не имѣю права ни во что вмѣшиваться»—говорили они. Это невмѣшательство, вызванное эгоизмомъ или упадкомъ духа, прямо противорѣчитъ чувству долга, безъ котораго не можетъ быть полезнаго и добросовѣстнаго служенія никакому дѣлу: бездѣйствіе, вызываемое мыслью, что все какъ-нибудь само собою устроится, было большимъ недостаткомъ польской политики.

Въ то время въ Варшавѣ стояли гарнизономъ польскіе и русскіе полки. Изъ польскихъ полковъ тутъ были: гвардейскіе гренадеры, конные стрѣлки, любимый цесаревича четвертый линейный полкъ, четвертый уланскій полкъ (уланскіе полки смѣнялись въ Варшавѣ ежегодно) и артиллерія. Изъ русскихъ: Волынскій и Литовскій пѣхотные гвардейскіе полки, подольскіе кирасиры, гродненскіе гусары, гвардейскіе уланы, артиллерія и эскадронъ черноморскихъ казаковъ для конвоя; кромѣ того много чиновъ жандармскаго корпуса и школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Это былъ многочисленный гарнизонъ отборнаго войска; онъ оживлялъ столицу. Постоянные парады на Саксонскомъ плацу, ученья, маневры не давали войску облѣниться. Это войско было такъ прекрасно обучено, что подобнаго ему нельзя было найти въ цѣломъ мірѣ. Кавалерійскій полкъ въ полномъ составѣ галопировалъ сомкнутой колонною, съ цесаревичемъ во главѣ—и ни одинъ солдатъ не выдавался впередъ. Четвертый линейный полкъ продѣлывалъ всякія гимнастическія упражненія и цѣлою массою, и каждый солдатъ въ отдѣльности, а Вислу переплывалъ по всѣмъ правиламъ искусства и колонною, и въ разсыпную. Смѣло можно сказать, что отъ сотворенія міра не было такого организатора и инструктора войска, какимъ заявилъ себя цесаревичъ вел. кн. Константинъ Павловичъ; онъ создалъ нѣчто выдающееся, такъ какъ войско подъ его командою, дѣйствительно, было образцовымъ. Только человѣкъ съ сердцемъ и возвышенною душою могъ снискать такую любовь, особенно со стороны польскаго войска. Русское войско далеко не питало къ нему подобной, доходившей до обожанія, любви, но оно чрезвычайно уважало его и повиновалось ему безпрекословно, несмотря на то, что очень часто русскимъ было горько видѣть предпочтеніе, которое цесаревичъ оказывалъ польскому войску до такой степени, что нѣкоторые называли великаго князя матерью польскаго войска и мачихою—русскаго.

Въ польскихъ полкахъ было развито чувство воинской чести, самолюбіе, рвеніе къ службѣ и гордость, но нельзя сказать, чтобы офицеры отличались свѣтскимъ лоскомъ, напротивъ, люди свѣтскіе, салонные составляли между военными исключеніе; точно такъ же, какъ и люди особенно даровитые и чѣмъ-нибудь выдающіеся хотя бы въ сферѣ своей спеціальности.

Это было прекрасное войско; солдаты были храбры, офицеры пре-

красно знали фронтовую службу и были точными исполнителями распоряженій начальства, но между ними было очень мало людей, способныхъ нести отвѣтственныя должности. Воинскій уставъ всѣ знали наизусть; лучше чѣмъ «отче нашъ» и катихизисъ, но за то никогда не заглядывали въ сочиненія по военной исторіи и по другимъ отраслямъ военнаго дѣла. Подобно фанатикамъ мусульманамъ, которые находятъ, что хорошо только то, что́ есть въ Коранѣ, а чего въ немъ нѣтъ, то заслуживаетъ осужденія, и что слѣдовательно необходимъ одинъ только Коранъ, польскіе офицеры утверждали, что нужно знать лишь то, что есть въ воинскомъ уставѣ, а чего въ немъ нѣтъ—то никуда не годится. Хотя они не жгли другихъ книгъ, но и не читали ихъ. Зная отлично воинскій уставъ, они прекрасно маневрировали на парадахъ и ученіяхъ, за Повонзковской заставой, на Мокотовѣ и Волѣ, но, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, недостатокъ знанія военнаго искусства и военной исторіи долженъ былъ сказаться, и они наврядъ поддержали бы свою военную славу.

Въ русскихъ полкахъ офицерство болѣе предавалось кутежамъ, было болѣе знакомо со свѣтомъ и салонами, имѣло болѣе свѣтскаго лоска, въ немъ было менѣе самомнѣнія, тщеславія и мелочной щепетильности въ вопросахъ военной чести и воинскаго достоинства. У многихъ гусаръ, уланъ или кирасиръ можно было найти русскія, французскія и нѣмецкія сочиненія по военному искусству, географическія карты, планы битвъ,—однимъ словомъ все, что можетъ содѣйствовать умственному развитію офицера.

Между уланами, гусарами и кирасирами я встрѣтилъ старыхъ школьныхъ товарищей и знакомыхъ: Александра Игельстрома, Михаила Пашковскаго, двоихъ Сомовскихъ, двоихъ Подгородецкихъ, Каменскаго и многихъ другихъ; это были дѣльные молодые люди, и изъ нихъ выработывались прекрасные офицеры.

Цесаревичъ изъ принципа старался сблизить полки этихъ двухъ войскъ; средствомъ къ такому сближенію служили: совмѣстная служба, участіе въ маневрахъ и школа подпрапорщиковъ, состоявшая подъ начальствомъ скучнаго педанта—Чорновскаго. Но, съ другой стороны, великій князь мѣшалъ этому сближенію преувеличенными похвалами полякамъ, которыя порождали въ нихъ самомнѣніе, а въ русскихъ возбуждали зависть. Непонятны причины такого образа дѣйствій со стороны командовавшаго войсками цесаревича, этого, при всѣхъ неровностяхъ его характера, во всякомъ случаѣ необыкновеннаго человѣка, который относился непріязненно къ нѣмцамъ и сознавалъ необходимость объединенія славянъ въ однородное великое государство, для чего, разумѣется, было необходимо сближеніе поляковъ съ русскими.

Трудно сказать достовѣрно, въ чемъ заключалась причина того предпочтенія, которое цесаревичъ оказывалъ полякамъ. Не было ли это

слѣдствіемъ любви великаго князя къ дѣлу рукъ своихъ—польскому войску, или на это имѣли вліяніе столкновенія, которыя онъ имѣлъ съ русскими офицерами или, вѣрнѣе, съ нѣмцами,—это остается до сихъ поръ невыясненнымъ. Историки изображаютъ цесаревича человѣкомъ рыцарскихъ чувствъ и образа мысли. Старые служаки проклинали эти чернильныя души, но не могли разобраться во всѣхъ нападкахъ на цесаревича; литературная полемика была имъ не подъ силу, и они не хотѣли заниматься чернильной пачкотней историковъ.

Мнѣ передавали интересный случай съ Орликовскимъ. Онъ воспитывался въ Кременецкомъ лицеѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ то время, когда въ этотъ городъ пріѣхалъ въ отпускъ Северинъ Каменскій; старые товарищи веселились, кутили и позабыли о томъ, что срокъ отпуска уже истекъ; тогда Каменскому посовѣтовали, что если онъ дѣйствительно такъ близокъ къ цесаревичу—какъ онъ похвалялся, то онъ написалъ бы ему письмо, въ которомъ извинился бы за просрочку и объяснилъ, что не возвратился во-время потому, что кутитъ со старымъ товарищемъ. Орликовскій, который хотѣлъ поступить въ польское войско, согласился отвезти письмо и вручить его цесаревичу, съ тѣмъ, чтобы Каменскій рекомендовалъ его и поручилъ благосклонному вниманію. Рѣшеніе, принятое за рюмкою вина, тотчасъ было приведено въ исполненіе. Каменскій тутъ же написалъ письмо, а Орликовскій отвезъ его и вручилъ цесаревичу. Въ то же самое время волынскій губернаторъ арестовалъ Каменскаго, какъ офицера, просрочившаго отпускъ, и подъ конвоемъ препроводилъ его въ Варшаву, такъ что когда цесаревичу подали привезенное Орликовскимъ письмо, то, вмѣстѣ съ симъ, доложили, что жандармы привезли Каменскаго. Цесаревичъ прочелъ письмо, приказалъ привести Каменскаго и спросилъ его: «Скажи на милость, или ты глупъ, или дѣйствительно меня любишь?» Каменскій былъ въ состояніи только отвѣтить: «Люблю, ваше императорское высочество», причемъ въ его словахъ звучало столько правды, что цесаревичъ потрепалъ его по плечу, простилъ просрочку отпуска и перевелъ поручикомъ въ другой полкъ, говоря: «онъ любитъ своего начальника—это заслуга!» Въ Орликовскомъ же великій князь принялъ сердечное участіе, говоря: «его поручилъ мнѣ мой пріятель».

Тотъ, кто имѣлъ такія чувства, не могъ быть человѣкомъ жестокимъ и немилосерднымъ. И тотъ, кто такъ горячо отстаивалъ существованіе Польскаго королевства, какъ онъ на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 г., съ цѣлью создать оплотъ славянства противъ нѣмцевъ, заслуживаетъ названія апостола великой политической идеи.

Изъ числа высшихъ офицеровъ польскаго войска самою большою популярностью пользовался генералъ Хлопицкій. По свойственной полякамъ склонности къ преувеличенію, они видѣли въ немъ польскаго

Наполеона и увѣряли, что онъ далеко превзошелъ своими подвигами генерала Генриха Домбровскаго и совершилъ въ Испаніи такія чудеса храбрости, которыя никому и не снились; покамѣстъ, играя въ вистъ, онъ штудировалъ стратегію, а упражняясь въ «фараонѣ», пріобрѣталъ познанія въ тактикѣ. Этотъ великій мужъ (думали поляки) до поры до времени таитъ въ себѣ свои силы, но настанетъ часъ—и онъ покажетъ себя. Они видѣли въ немъ своего будущаго избавителя и болѣе ничего не хотѣли знать.

Викентій Красинскій старался выказать себя въ мирное время такъ же, какъ и на войнѣ; всѣ считали его хвастуномъ; однако и у него были льстецы и приспѣшники, такъ какъ онъ давалъ хорошіе обѣды, за которые литераторы платили одами, а военные—тостами. Курнатовскій былъ отличнымъ инструкторомъ и администраторомъ, но не имѣлъ сторонниковъ, такъ какъ все дѣлалъ самъ, не нуждался ни въ чьихъ совѣтахъ и не принималъ ихъ ни отъ кого. Богуславскій, Дзенковскій, Шембекъ и другіе были дюжинными генералами, они были на своемъ мѣстѣ, но изъ ряда не выходили. Розенштраухъ и Өедоровичъ—были люди ученые. О Скржинецкомъ, по отзыву цесаревича, говорили, что онъ лучше знаетъ, что дѣлается въ иностранныхъ кабинетахъ и въ дипломатіи, чѣмъ то, что творится у него въ полку; поэтому всѣ его считали большимъ дипломатомъ.

Дверницкаго хвалили, такъ какъ онъ кутилъ, и каждый думалъ, что его легко провести. Такія-то надежды возлагались на Прондзинскаго и Хржановскаго.

Въ русскихъ полкахъ выдѣлялись двое генераловъ: Кнорингъ и Герштенцвейгъ; остальные были посредственностью. За то солдаты были образцовые: стойкіе, какъ гранитъ, въ наступленіи неудержимые, какъ морская волна; сердце радовалось, глядя на нихъ; вѣрно не разъ приходила мысль: вотъ если бы повести ихъ на нѣмцевъ—то-то бы имъ досталось.

Я старательно посѣщалъ университетскія лекціи, что, однако, не мѣшало мнѣ посѣщать и Бѣляны, Мокотовъ, Вильяново, гдѣ въ то время маіоръ Шнайде производилъ строевое пѣшее и конное ученіе сводному эскадрону конныхъ стрѣлковъ. Я присматривался съ большимъ вниманіемъ къ этому эскадрону, и организація его до такой степени запечатлѣлась въ моей памяти, что впослѣдствіи, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда я приступилъ къ организаціи славянскихъ драгунъ Оттоманской порты, эскадронъ Шнайде послужилъ для меня образцомъ. Въ это время я получилъ эстафету, что горячо любимая матушка заболѣла, и что мнѣ необходимо какъ можно скорѣе возвратиться домой, такъ какъ болѣзнь хотя и не угрожаетъ опасностью жизни, но она желаетъ имѣть меня возлѣ себя. Въ ту же ночь я выѣхалъ изъ Варшавы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка.

XI [1]).

Панинъ и отзывы о немъ иностранцевъ.—Его характеръ и значеніе при дворѣ Екатерины.—Панинъ какъ воспитатель Павла Петровича.—Отзывы дипломатическихъ представителей о русскомъ обществѣ.

Хотя послѣ дѣла Мировича власть Екатерины II окончательно упрочилась, хотя ей не угрожала болѣе никакая опасность, все же ей не было суждено наслаждаться безмятежнымъ спокойствіемъ. Ея дворъ представлялъ собою арену небывалыхъ интригъ, о коихъ трудно даже составить себѣ вѣрное понятіе. Надобно обладать слишкомъ искуснымъ перомъ, чтобы нарисовать эту картину въ ея истинномъ свѣтѣ; только эпоха паденія Византійской имперіи можетъ сравниться съ испорченностью русскаго двора въ царствованіе Екатерины Великой. Поэтому намъ придется болѣе чѣмъ когда-либо ограничиться передачею депешъ англійскихъ и французскихъ дипломатическихъ агентовъ. Онѣ однѣ заслуживаютъ довѣрія какъ очевидцы.

Въ первую половину царствованія Екатерины самымъ значительнымъ лицомъ при русскомъ дворѣ послѣ императрицы былъ

---

[1]) См. «Русск. Старину» январь 1896 г.

Григорій Орловъ. Вотъ что говорятъ о немъ англійскіе посланники. Лордъ Букингамъ писалъ 21-го августа 1764 г.:

«Возрастающее благоволеніе къ гр. Орлову возбуждаетъ неудовольствіе, которое можетъ имѣть самыя роковыя послѣдствія. До сихъ поръ онъ не вмѣшивался въ вопросы внѣшней политики, но въ дѣлахъ внутренняго управленія его голосъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Послѣднее время онъ сталъ держать себя съ такимъ высокомѣріемъ, которое не могутъ сносить безъ негодованія всѣ тѣ, кто помнитъ, какимъ путемъ онъ достигъ власти; хотя это негодованіе скрывается, но оно очень велико. Онъ видимо забываетъ, съ какимъ уваженіемъ и съ какою почтительностью онъ долженъ относиться къ государынѣ, и говоритъ съ нею тономъ человѣка, сознающаго всю силу своего вліянія и умѣющаго имъ пользоваться».

28-го сентября 1764 г. Букингамъ писалъ:

«Послѣдніе мѣсяцы императрица часто ссорилась со своимъ фаворитомъ, который иногда публично не оказываетъ ей должнаго уваженія и даже самаго обыкновеннаго вниманія. Изъ всего этого выводятъ заключеніе, что они обвѣнчаны, такъ какъ, если бы положеніе гр. Орлова не было совершенно упрочено подобнаго рода тѣснымъ союзомъ, то онъ не рискнулъ бы до такой степени возбуждать ея неудовольствіе. Но съ другой стороны эти сцены могутъ быть объяснены глупостью юнаго и до крайности тщеславнаго выскочки».

Лордъ Каткартъ совсѣмъ иное писалъ 17-го марта 1769 г.:

«Гр. Орловъ человѣкъ кроткій, вѣжливый, человѣколюбивый, доступный; онъ относится къ государынѣ весьма почтительно. Онъ не получилъ особеннаго образованія, но обладаетъ замѣчательнымъ природнымъ умомъ; въ немъ нѣтъ никакой напыщенности,—недостатокъ, которымъ страдаютъ многіе въ этой странѣ. Послѣдніе годы онъ усиленно старался дополнить свое образованіе и успѣлъ въ этомъ. Имѣвъ случай бесѣдовать съ нимъ однажды, вечеромъ, когда онъ былъ разгоряченъ танцами и выпитою лишнею рюмкою вина, я могу утверждать, что это человѣкъ вполнѣ благородный, искренній, правдивый и преисполненный добрыхъ намѣреній».

Предоставляемъ читателю разобраться въ этихъ противорѣ-

чивыхъ отзывахъ и создать портретъ фаворита по этимъ разнороднымъ чертамъ. Послѣ него самымъ вліятельнымъ лицомъ при дворѣ былъ гр. Никита Панинъ, воспитатель великаго князя, занимавшій сперва должность вице-канцлера, а затѣмъ канцлера. Гр. Панинъ несъ обязанности перваго министра въ теченіе двадцати лѣтъ, т. е. почти до самой своей кончины, и являлся въ этомъ званіи руководителемъ иностранной политики. Ежели судить по результатамъ, то надобно сознаться, что Панинъ безспорно былъ министръ весьма способный. Припомнимъ, что де-Бретейль говорилъ о немъ: «За исключеніемъ Панина, который обладаетъ скорѣе привычкою къ извѣстному труду, нежели умомъ и знаніемъ, у государыни нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы содѣйствовать ея правительственнымъ видамъ, клонящимся къ возвеличенію страны». Англійскіе посланники, за исключеніемъ сэра Джемса Гарриса, отзываются о графѣ Панинѣ благопріятно. Приводимъ ихъ отзывы въ хронологическомъ порядкѣ.

Лордъ Букингамъ писалъ 31-го августа 1764 г.:

«Французскіе и австрійскіе дипломатическіе агенты всѣми силами стараются поколебать вліяніе Панина. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ онъ необходимъ императрицѣ; она не можетъ обойтись безъ него.»

8-го сентября того же года онъ написалъ:

«Панинъ одинъ руководитъ всѣми дѣлами внѣшней политики. Вице-канцлеръ кн. Голицынъ скорѣе мѣшаетъ, нежели бываетъ полезенъ даже въ тѣхъ незначительныхъ дѣлахъ, какія ему поручаются. Панину ввѣренъ также надзоръ за великимъ княземъ: онъ слѣдитъ за его воспитаніемъ, сопровождаетъ его всюду, обѣдаетъ съ нимъ и спитъ въ его комнатѣ. Прибавьте къ этому, что хотя онъ весьма опытенъ въ веденіи дѣлъ, но лѣнивъ отъ природы и никогда не торопится довести дѣло до конца. Онъ не отличается здоровьемъ, любитъ удовольствія и разсѣянную жизнь. Впрочемъ, это человѣкъ вполнѣ достойный и одаренный здравымъ смысломъ».

Преемникъ лорда Букингама, сэръ Джоржъ Макартней писалъ 9-го апрѣля 1765 г.:

«Панинъ, собственно говоря, единственный министръ; онъ руководитъ всѣми государственными дѣлами. Хотя онъ помирился съ

Орловымъ и при дворѣ царствуетъ нынѣ полное согласіе, однако у него много враговъ, которые желаютъ его погибели».

15-го апрѣля 1766 г. онъ писалъ еще:

«Хотя Панинъ облеченъ высшею министерскою властью и всѣ дѣла по-прежнему идутъ чрезъ его руки, но я боюсь, чтобы онъ не утратилъ до извѣстной степени своего вліянія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ воспылалъ страстью къ графинѣ Строгановой, дочери канцлера Воронцова. Эта женщина рѣдкой красоты и замѣчительнаго ума, который развитъ прекраснымъ образованіемъ и путешествіями. Годъ тому назадъ, она разошлась съ мужемъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ увлеченій съ ея стороны, отъ коихъ она не съумѣла воздержаться и которыя мужъ ея не могъ одобрить; такъ какъ онъ хочетъ жениться на княжнѣ Трубецкой, а супруга его жаждетъ получить полную свободу, то оба они энергично добиваются развода: говорятъ, это единственный случай, что они сошлись во взглядахъ, и хотя православная церковь считаетъ бракъ таинствомъ, но я думаю, что они все-таки достигнутъ желаемаго, такъ какъ императрица видимо одобряетъ это. Страсть, охватившая Панина, отличается большою пылкостью, а упомянутая дама и ея родители всячески стараются, чтобы она не охладѣла. Интригою дочери руководитъ сама графиня Воронцова. Вслѣдствіе этой несчастной связи пріостановились всѣ текущія дѣла, и Панинъ теряетъ въ обществѣ, ибо страсть приличная школьнику, въ его лѣта, при его положеніи и опытности, не можетъ найти оправданія. Его враги не преминули воспользоваться случаемъ, чтобы заговорить о томъ, какъ неприлично подобное поведеніе со стороны министра Ея Величества, и какой это дурной примѣръ, тѣмъ болѣе, что онъ въ то же время и воспитатель великаго князя. Надобно замѣтить, что Орловы, повидимому, болѣе, чѣмъ когда-либо, пользуются благоволеніемъ императрицы и, разумѣется, не преминутъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы погубить Панина».

Но любовь его была непродолжительна, ибо два года спустя г. Ширлей писалъ 10-го марта 1768 г.:

«Панинъ женится вскорѣ на графинѣ Шереметевой. Его связь съ графиней Строгановой, такъ много повредившая ему во мнѣніи общемъ, прекратилась».

Еще 22-го іюня 1766 г. сэръ Джоржъ Макартней писалъ сэру А. Митчелю:

«Гр. Панинъ первый, ежели не единственный министръ; императрица совѣтуется съ нимъ обо всемъ и ничего безъ него не рѣшаетъ. Черезъ его руки идутъ всѣ дѣла какъ внутренняго, такъ и внѣшняго управленія. Это человѣкъ безъ сомнѣнія неподкупный; хотя и онъ имѣетъ свои недостатки: онъ гордъ, упрямъ и лѣнивъ, но все-таки, по моему мнѣнію, это самый способный человѣкъ въ Россіи для занимаемой имъ отвѣтственной должности.

«Вице-канцлеръ, кн. Голицынъ, очень вѣжливъ и благовоспитанъ, но не одаренъ природою особенными способностями и вовсе не постарался развить тѣ немногія дарованія, коими она его надѣлила. Онъ не имѣетъ никакого вліянія и, какъ министръ, болѣе способенъ къ представительству, нежели къ роли человѣка, облегченнаго высшимъ довѣріемъ. Императрица необыкновенная женщина; по трудолюбію и познаніямъ она стоитъ несравненно выше всѣхъ подданныхъ. Гр. Орловъ видимо принялъ, послѣднее время, рѣшеніе достойное человѣка гораздо болѣе умнаго, а именно вмѣшиваться какъ можно менѣе въ общественныя дѣла и вовсе не касаться иностранной политики, а спокойно пользоваться своимъ неожиданнымъ счастьемъ и благополучіемъ».

Соперничество фаворита и канцлера было, послѣдніе годы, главнымъ событіемъ, волновавшимъ дворъ. Они старались превзойти другъ друга значеніемъ и вліяніемъ, но Екатерина не дѣлала разницы между своимъ фаворитомъ и своимъ первымъ министромъ; тотъ и другой были ей одинаково нужны; въ сущности имъ было необходимо жить въ ладу, и постоянною заботою Екатерины было мирить ихъ.

Сэръ Дж. Макартней писалъ 27-го ноября 1766 г.:

«Панинъ находится, повидимому, въ наилучшихъ отношеніяхъ къ гр. Орлову; и разумѣется, не желалъ бы видѣть на его мѣстѣ фаворита съ дарованіемъ и достоинствами».

16-го декабря того же года онъ писалъ:

«Фаворитъ находится, повидимому, въ самыхъ прекрасныхъ отношеніяхъ съ Панинымъ; къ тому же онъ сталъ дотого лѣнивъ, что съ этой стороны нельзя опасаться никакихъ перемѣнъ въ упра-

вленіи. Его братъ, гр. Алексѣй Орловъ, имѣетъ болѣе пріятный характеръ и, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умнѣе, то мнѣ кажется, что только совершенная увѣренность въ успѣхѣ могла бы заставить его предпринять что-либо противъ Панина».

Лордъ Каткартъ, рисуя внутренній бытъ двора въ своей депешѣ отъ 17-го марта 1769 г., прекрасно охарактеризовалъ этого министра:

«Императрица обладаетъ живымъ умомъ, большою разсудительностью, такимъ прилежаніемъ къ дѣламъ и такимъ желаніемъ выполнить свои обязанности монархини съ достоинствомъ и пользою для послѣдняго изъ своихъ подданныхъ, что трудно себѣ представить, не видавъ этого собственными глазами. Она употребляетъ въ разныхъ отрасляхъ управленія людей самыхъ разнообразныхъ, и я увѣренъ, что она выбираетъ ихъ, сообразуясь съ ихъ личными способностями и съ тою цѣлью, для какой они ей нужны. Но такъ какъ Ея Величество находитъ полезнымъ пользоваться своимъ свободнымъ временемъ наилучшимъ образомъ для того, чтобы отдохнуть отъ долгихъ часовъ, проведенныхъ въ утомительныхъ занятіяхъ и работѣ, то она не ищетъ развлеченій, дающихъ пищу уму, къ коимъ прибѣгаютъ обыкновенно люди, никогда ничѣмъ серьезнымъ не занятые; она предпочитаетъ, по ея собственнымъ словамъ, тѣ развлеченія и общество тѣхъ лицъ, которыя болѣе всего могутъ развлечь ее. Поэтому ея обычное общество составляютъ по большей части люди молодые и очень веселые или склонные по своему характеру веселиться наравнѣ съ молодежью. Такимъ образомъ у нея образовался своеобразный кружокъ приближенныхъ, о которомъ тотъ, кто знакомъ съ здѣшнимъ дворомъ поверхностно, можетъ составить себѣ весьма превратное понятіе.

«Панинъ, можетъ быть, единственный человѣкъ при здѣшнемъ дворѣ, не имѣющій ни малѣйшаго желанія быть причисленнымъ къ категоріи этихъ любимцевъ; да это и не подходитъ ни къ складу его ума, ни къ привычкамъ. Онъ предпочитаетъ скорѣе быть полезнымъ, нежели пріятнымъ. За то гр. Захаръ Чернышевъ, хотя ровесникъ Панина по лѣтамъ, является зачинщикомъ всѣхъ удовольствій на малыхъ придворныхъ собраніяхъ. Это придаетъ ему еще большее значеніе, и, дѣйствительно, онъ пользуется большимъ влія-

ніемъ, какъ министръ и какъ человѣкъ, съ которымъ можно пріятно провести время; онъ полезенъ и пріятенъ. Вообще, лица, составляющія интимное общество государыни, вовсе не претендуютъ на репутацію дѣловыхъ людей, хотя чрезъ нихъ идутъ многія милости.

«Панинъ во многихъ отношеніяхъ составляетъ исключеніе въ этой странѣ: по уму и по характеру онъ болѣе походитъ на нѣмца».

Гуннингъ, неоднократно занимавшій мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ въ отсутствіе лорда Каткарта, говоритъ въ своей первой депешѣ отъ 3-го іюля 1772 г.:

«Панинъ, по разговору и обхожденію показался мнѣ вполнѣ искреннимъ».

Этого качества не признавалъ за нимъ французскій агентъ де-Корберонъ, который писалъ 9-го апрѣля 1778 г.:

«Графъ Панинъ старѣйшій министръ при здѣшнемъ дворѣ; онъ долженъ знать его хорошо. Безъ сомнѣнія, онъ и знаетъ его какъ нельзя лучше; притомъ его заграничныя путешествія и знакомство съ Россіей могли бы сослужить ему, при его природномъ умѣ, большую службу, какъ матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ выводовъ и сравненій, но гр. Панинъ человѣкъ безхарактерный, какъ большинство лицъ, живущихъ при дворѣ, гдѣ царствуетъ фаворитизмъ, и его вліяніе зачастую оказывается ничтожнымъ. Человѣкъ отъ природы страстный, лѣнивый въ силу привычки и по принципу, онъ поддается своимъ склонностямъ и этимъ вознаграждаетъ себя за недостатокъ вліянія на образъ мыслей императрицы. По манерамъ истый баричъ, весьма мягкій и вѣжливый въ обхожденіи съ иностранцами, коихъ онъ обвораживаетъ своимъ обращеніемъ, онъ не умѣетъ отказывать,—слово «нѣтъ» для него не существуетъ, но онъ рѣдко исполняетъ обѣщанное и хотя по большей части соглашается съ говорящимъ, но возбуждаемыя этимъ надежды почти всегда оказываются ложными. Въ его характерѣ проглядываетъ хитрость, но это не есть обдуманная и опасная хитрость Мазарини, заслуживающая скорѣе названія коварства, это хитрость болѣе неуловимая, заключающаяся въ предупредительности и тысячѣ мелкихъ любезностей, подъ вліяніемъ которыхъ всякій, бесѣдуя съ нимъ о дѣлахъ, забываетъ, что передъ нимъ находится первый министръ императрицы. Такимъ образомъ Панину удается достигнуть того, что

говорящій забываетъ о предметѣ возложеннаго на него порученія и объ осторожности, какую слѣдуетъ соблюдать во время столь обворожительнаго и опаснаго разговора».

Гаррисъ отзывался о немъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ его предмѣстники, пока онъ не сдѣлался врагомъ гр. Панина потому, что ему не удалось втянуть его въ политику англійскаго кабинета. 27-го января 1778 г., вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Гаррисъ писалъ:

«Прекрасный характеръ, огромное тщеславіе и непомѣрная лѣнь—вотъ главныя черты характера графа Панина. Онъ хочетъ, чтобы его считали откровеннымъ и искреннимъ, и, говоря о дѣлахъ, напускаетъ на себя важность, приличную, по его мнѣнію, первому министру величайшей имперіи въ мірѣ. Было бы несправедливо съ моей стороны не прибавить, что это человѣкъ неподкупный и что онъ дѣйствуетъ съ полнѣйшимъ безкорыстіемъ и честностью во всѣхъ дѣлахъ и переговорахъ, которые онъ ведетъ лично. Очевидно, онъ одинъ пользуется довѣріемъ императрицы по всѣмъ вопросамъ внѣшней политики, ибо всѣ прочія лица, коихъ императрица удостоиваетъ своимъ довѣріемъ, вѣдаютъ только дѣлами внутренняго управленія и придворнаго вѣдомства. Можно было бы предположить, что лица, имѣющія свободный доступъ къ особѣ Ея Величества, могутъ вліять на ея намѣренія, пользуясь той особою милостью, какая выпадаетъ на ихъ долю въ извѣстные моменты.

«Но они принадлежатъ къ категоріи лицъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго поползновенія заниматься государственными дѣлами: люди легкомысленные, развратные, они не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ. Слава, которую создала себѣ императрица, ея рѣшительный характеръ, ея способности и удача, замѣняютъ ей искусныхъ государственныхъ людей и опытныхъ генераловъ; надобно полагать, что ея врожденный здравый смыслъ одержитъ верхъ надъ любовью къ удовольствіямъ, которая овладѣваетъ ею все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ она входитъ въ лѣта».

Екатерина очень цѣнила Панина можетъ быть не столько за услуги, которыя онъ оказывалъ ей въ управленіи имперіей, содѣйствуя ея видамъ, клонившимся къ расширенію ея владѣній, сколько за его робкій характеръ, служившій гарантіей относительно глав-

ной опасности, ей угрожавшей. Панину было ввѣрено Петромъ III воспитаніе великаго князя; Екатерина оставила его въ этой важной должности, въ награду за его участіе въ переворотѣ. Положимъ, это была не синекура, но все же эта должность защищала его отъ своенравія государыни и отъ нападковъ враговъ. Увѣренный въ привязанности къ нему великаго князя и въ его довѣріи, Панинъ не боялся превратностей судьбы, которыя угрожали многимъ при дворѣ, снѣдаемомъ интригами, гдѣ все зависѣло отъ прихоти фаворитовъ. Екатерина рано привыкла видѣть въ своемъ сынѣ соперника: это было ясно всѣмъ и каждому. Лордъ Букингамъ писалъ 28-го сентября 1764 г.:

«Хотя поступки императрицы, со времени ея возвращенія изъ Москвы, въ особенности въ послѣднія шесть недѣль, поколебали уваженіе и любовь къ ней многихъ подданныхъ, однако самые злѣйшіе ея враги дотого боятся смутъ и волненій, которыя были бы неизбѣжны во время малолѣтства императора, что въ настоящую минуту нѣтъ ни малѣйшаго повода опасаться переворота. Смерть великаго князя была бы для императрицы роковымъ событіемъ, такъ какъ при господствующемъ въ обществѣ настроеніи никого нельзя было бы убѣдить, что это событіе совершилось естественнымъ путемъ».

Въ этой же депешѣ онъ пишетъ:

«Зрѣло обсудивъ свое положеніе, императрица должна признать, что оно будетъ весьма шатко и ненадежно, по достиженіи ея сыномъ совершеннолѣтія; осторожность должна бы ей внушить мысль добровольно уступить ему мѣсто, когда это будетъ необходимо. Для тѣхъ, кто часто видитъ съ нею великаго князя, очевидно, что она его не любитъ и даже иногда совершенно не заботится о немъ. Несмотря на всю его молодость, это производитъ на него извѣстное впечатлѣніе. Графъ Орловъ чрезвычайно ухаживаетъ за нимъ и, такъ какъ онъ часто прерываетъ его занятія, раздѣляя съ нимъ всѣ удовольствія, свойственныя его возрасту, то его можно, до извѣстной степени, считать любимцемъ великаго князя».

Сэръ Дж. Макартней писалъ 12-го марта 1765 г.:

«Судя по всѣмъ признакамъ, императрица окончательно утвердилась на престолѣ, и я увѣренъ, что она будетъ еще нѣсколько

лѣтъ спокойно пользоваться властью. Но трудно предвидѣть, что можетъ случиться, когда великій князь достигнетъ совершеннолѣтія».

Ширлей, находилъ, напротивъ, что Екатеринѣ нечего бояться. Вотъ, что онъ говорилъ по этому поводу въ депешѣ отъ 31-го іюля 1768 г.:

«Несмотря на то, что всѣ имѣютъ о великомъ князѣ самое лучшее мнѣніе, могу васъ увѣрить, что у него не хватаетъ ни смѣлости, ни рѣшимости. Онъ такъ же слабъ характеромъ, какъ здоровьемъ. Мы видимъ теперь при дворѣ два сорта людей, изъ коихъ одни возвысились въ предшествовавшее царствованіе, а другіе обязаны своимъ повышеніемъ императрицѣ. Въ числѣ первыхъ едва-ли найдется хоть одинъ человѣкъ выдающихся способностей, который не принималъ бы участія въ послѣднемъ переворотѣ; тѣ же, кои были въ сторонѣ, держатъ себя крайне осторожно, стараясь не навлечь на себя никакихъ подозрѣній. Большая часть лицъ, обязанныхъ своимъ повышеніемъ императрицѣ, жили, до восшествія ея на престолъ, въ совершенной безвѣстности и утратили бы все то, что имѣютъ, ежели бы императрица лишилась престола. Кто знаетъ характеръ Панина, тотъ увѣренъ, что онъ не способенъ самъ по себѣ ни на какой смѣлый поступокъ; для этого онъ слишкомъ лѣнивъ и нерѣшителенъ».

Любопытно сопоставить съ этими разнорѣчивыми отзывами англійскихъ дипломатовъ портретъ великаго князя, начертанный однимъ изъ посланниковъ Версальскаго двора. Г-нъ Сабатье писалъ 20-го апрѣля 1770 г.:

«Судя по собраннымъ мною болѣе или менѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, великій князь отъ природы добръ, честенъ, щедръ и добродѣтеленъ; при томъ онъ уменъ, легко схватываетъ и усвоиваетъ предметъ, любитъ обогащать себя познаніями и прекрасно воспользовался уроками своихъ преподавателей. Но его страсти, если не ошибаюсь, будутъ глубоки и сильны. Строгость къ нему Панина, его положеніе при дворѣ и натянутое отношеніе къ матери дотого развили въ немъ притворство, что оно кажется его прирожденнымъ свойствомъ. Горячность его нрава прорывается иногда, несмотря на обычную сдержанность; его считаютъ упорнымъ и стойкимъ въ

убѣжденіяхъ. Онъ проявляетъ нерѣдко истинное благородство души, но можно опасаться, чтобы вслѣдствіе постоянной сдержанности задатки твердаго характера не перешли у него въ упрямство, чтобы на ихъ мѣсто не развилось притворство, скрытая злоба и быть можетъ малодушіе, наконецъ, чтобы благородныя чувства, которыя можно было бы воспитать въ немъ, не были подавлены необходимостью поступать съ юныхъ лѣтъ вѣчно по командѣ, и страхомъ, который постоянно внушаетъ ему мать. Это чувство преобладаетъ въ немъ надъ всѣми другими и послужитъ, разумѣется, основою для дальнѣйшаго развитія какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ его наклонностей.

«Надобно сознаться, что императрица, охотно жертвуя всѣмъ для соблюденія внѣшнихъ приличій, совершенно игнорируетъ ихъ по отношенію къ своему сыну. Она всегда принимаетъ съ нимъ тонъ и осанку императрицы. Онъ, въ свою очередь, является передъ нею преданнымъ и почтительнымъ подданнымъ; государыня оказываетъ сыну, очевидно, вниманіе лишь настолько, какъ того требуетъ приличіе, а ея плохо скрываемое нерасположеніе къ сыну есть слѣдствіе любви, съ какою народъ относится къ нему. Поэтому великій князь держитъ себя въ ея присутствіи, какъ передъ своимъ судьею; въ иномъ обществѣ онъ ведетъ себя вполнѣ свободно и безъ робости. Онъ говоритъ пріятно и старается привлечь тѣхъ, кому приходится имѣть съ нимъ дѣло, самой изысканной вѣжливостью и любезностью. Онъ наблюдаетъ внимательно все, что совершается на его глазахъ, но ему ставятъ въ вину, что онъ любитъ пересуды и не пропускаетъ случая получать обо всемъ самыя подробныя свѣдѣнія. Это является слѣдствіемъ національнаго характера, боязни, необходимости и сознанія своего собственнаго положенія.

«Великій князь чрезвычайно любитъ наряды: онъ имѣетъ успѣхъ у женщинъ и увлекается всѣми требованіями моды, передъ которой такъ благоговѣетъ русская молодежь, несмотря на все стараніе матери пріучить его къ тому, что она называетъ англійскою простотою.

«Мнѣ кажется, что онъ не особенно благоволитъ къ этой націи. Его болѣе влечетъ къ намъ, какъ по врожденной склонности, такъ

и по неопреодолимой антипатіи ко всему тому, чему сочувствуетъ его мать. Онъ говоритъ зачастую съ восторгомъ о Франціи и о французахъ. Онъ желаетъ, чтобы всѣ вещи, предназначенныя для его личнаго употребленія, пріобрѣтались въ Парижѣ; изъ любви къ намъ и къ нашимъ людямъ, онъ не разъ останавливалъ и даже осмѣивалъ тѣхъ, кто критиковалъ насъ въ его присутствіи. Когда гр. Орловъ явился при дворѣ съ остриженными въ кружокъ волосами и примѣру его послѣдовали другіе, то онъ заявилъ, что выгонитъ изъ своего дома перваго, кто вздумаетъ подражать этой нелѣпой модѣ.

«До сихъ поръ ничто не выказываетъ въ немъ любви къ военному дѣлу, которая проявляется обыкновенно въ раннемъ возрастѣ, ежели ей суждено сдѣлаться преобладающей страстью. Онъ такъ мало развитъ физически для своихъ лѣтъ, и природныя его склонности дотого сдержанны, что трудно составить себѣ понятіе о томъ, какимъ бы онъ былъ при иныхъ условіяхъ».

Гуннингъ писалъ 4-го августа 1772 г.:

«Говорятъ, будто великій князь вполнѣ понимаетъ свое положеніе. Онъ способенъ относиться къ окружающему сознательно, но весьма шаткое его положеніе дотого изощрило въ немъ врожденную способность къ притворству, что съ виду онъ относится ко всему равнодушно и какъ будто совершенно поглощенъ самыми легкомысленными и пустяшными забавами. Къ воспитанію его отнеслись съ небрежностью; въ этомъ много виноватъ лѣнивый и легкомысленный характеръ Панина, который, исключая честности и безкорыстія, не обладаетъ ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя было бы желательно видѣть въ его воспитанникѣ».

Касаясь воспитанія великаго князя, де-Корберонъ писалъ 9-го апрѣля 1778 г.:

«Въ числѣ преподавателей великаго князя я вижу Теплова, человѣка весьма ловкаго, прекрасно знакомаго съ исторіей и политикой, но несравненно болѣе низкаго по принципамъ, нежели по своему низменному происхожденію. Панегиристъ Маккіавелли, по опыту знакомый съ преступленіями, онъ внушаетъ вѣроятно своему воспитаннику необходимость той варварской политики, которая порабощаетъ силою оружія людей, предварительно обманутыхъ ея искусствомъ».

Въ депешѣ отъ 4-го августа 1772 г. Гуннингъ писалъ:

«Довѣріе, которое императрица оказываетъ Панину, дѣлаетъ честь ея умѣнью выбирать людей, но есть много данныхъ на то, что оно не основано на уваженіи къ нему и на признаніи его достоинствъ. Противодѣйствіе, оказанное имъ браку, который она хотѣла заключить въ 1763 г. съ Орловымъ, и рѣшительное его заявленіе, что, въ случаѣ упорства съ ея стороны, онъ возведетъ на престолъ великаго князя, до сихъ поръ не забыто и никогда не будетъ забыто ею. Его преданность великому князю, который питаетъ къ нему чисто сыновнюю привязанность и видитъ въ немъ свое спасеніе, также весьма непріятны императрицѣ и Орловымъ».

Изо всѣхъ дѣйствій Екатерины ни одно не надѣлало столько шума, какъ то, что ей заблагоразсудилось созвать собраніе сословныхъ представителей имперіи. По этому поводу сэръ Джорджъ Макартней писалъ 6-го февраля 1767 г.:

«Послѣднее время императрица интересуется, кажется, гораздо менѣе иностранной политикой и обращаетъ, въ настоящее время, все свое вниманіе на дѣла внутренняго управленія. Для разработки и составленія новаго Свода законовъ будутъ созваны представители всѣхъ сословій имперіи. Въ этомъ собраніи примутъ участіе до 1.200 депутатовъ всѣхъ состояній, званій и національностей; тутъ будутъ христіане, язычники и магометане».

Ширлей, оставшійся повѣреннымъ въ дѣлахъ Англіи за отъѣздомъ сэра Дж. Макартнея, писалъ 24-го августа 1767 года:

«Собраніе депутатовъ всецѣло занимаетъ въ настоящее время императрицу: оно интересуетъ ее, повидимому, до такой степени, что она совсѣмъ позабыла всѣ прочія дѣла. Русскіе ни о чемъ иномъ не думаютъ и только говорятъ о собраніи; видя въ своей столицѣ представителей всевозможныхъ національностей, дотого различныхъ по одеждѣ, нравамъ и религіи, каковы самоѣды, казаки, болгары, татары и т. п., коихъ русскіе основательно считаютъ вполнѣ подвластными ихъ имперіи, выводятъ изъ этого заключеніе, что они представляютъ изъ себя въ настоящее время самую умную, самую счастливую и могущественную націю въ мірѣ; напрасно было бы убѣждать ихъ въ томъ, что это собраніе далеко не представляетъ собою противовѣса власти ихъ монархини. Благодаря

этимъ мѣрамъ и еще нѣкоторымъ другимъ, достаточно эффектнымъ, чтобы ослѣпить русскихъ, власть императрицы растетъ съ каждымъ днемъ и доходитъ уже до того, что эта осторожная государыня считаетъ нынѣ себя вполнѣ сильной и самостоятельной. Доказательствомъ сего служитъ то, что депутаты отправились вчера въ полномъ составѣ къ императрицѣ и поднесли ей титулъ Великой, Мудрой и Матери отечества».

Эта политика Екатерины, имѣвшая свои хорошія и свои дурныя стороны, весьма справедливо оцѣнена Ширлеемъ въ его депешѣ отъ 10-го марта 1768 года:

«Императрица, съ самаго вступленія своего на престолъ, постоянно старалась пріобрѣсти любовь своихъ подданныхъ. Въ такомъ государствѣ, какъ Россія, гдѣ монархъ имѣетъ столь обширную власть, самое счастливое, ежели онъ считаетъ для себя выгоднымъ управлять страною кротко и справедливо. Россія испытала уже благіе результаты этой политики, но болѣе въ началѣ нынѣшняго царствованія, нежели въ настоящее время, такъ какъ императрица становится смѣлѣе, по мѣрѣ того какъ она себя чувствуетъ все болѣе и болѣе въ безопасности и власть ея упрочивается. Невозможно быть болѣе дѣятельной, лучше знать характеръ своихъ подданныхъ и болѣе заботиться объ улучшеніи ихъ участи. Государыня чрезвычайно подозрительна и скрытна съ тѣми, кто слѣпо не раздѣляетъ ея взглядовъ. Она довѣряетъ только Орловымъ, считаетъ ихъ интересы своими собственными и старается, чтобы всѣ назначенія какъ по гражданскому, такъ и по военному вѣдомству шли черезъ нихъ. Первое время императрица хотѣла всѣмъ показать, какъ она заботится о счастьѣ своихъ подданныхъ.

«Всѣ начинанія императрицы и блескъ, коимъ отличаются всѣ мѣропріятія этого царствованія, дѣлаясь извѣстными за границею, вызываютъ похвалы Екатеринѣ со стороны французскихъ писателей. Теперь вошло въ моду превозносить русскую императрицу. Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ стали преклоняться передъ нею, ея тщеславіе возросло до такихъ размѣровъ, что она начинаетъ считать себя чѣмъ-то высшимъ въ сравненіи съ прочими людьми, а свое положеніе на престолѣ—вполнѣ упрочившимся. Но желая еще болѣе утвердить свою власть и зная безпокойный характеръ своихъ подданныхъ, она

поставила себѣ цѣлью занимать ихъ какъ можно болѣе дѣлами внѣшней и внутренней политики. Это желаніе побудило ее принять дѣятельное участіе въ дѣлахъ Польши; оно же внушило ей мысль сдѣлаться законодательницею имперіи, къ чему подстрекало ее и свойственное ей тщеславіе. Но, чтобы совершить это безъ малѣйшаго риска, она позаботилась о томъ, чтобы въ коммиссіи, на которую было возложено составленіе новаго свода законовъ, участвовали исключительно лица, готовыя исполнить всѣ ея повелѣнія и громогласно превозносить ея великодушіе, справедливость и умѣренность.

«Съ тою же цѣлью Екатерина обратилась къ Дидеро съ просьбою начертать для нея общій планъ наукъ и основывала академіи, университеты и школы для образованія своего народа. Но когда ея цѣль была достигнута, когда вся ученая Европа наговорилась о ея просвѣтительной дѣятельности, когда парижскіе философы, противопоставляя нетерпимость французскаго правительства либеральнымъ идеямъ русской императрицы, провозгласили, что свѣтъ науки исходитъ отнынѣ съ сѣвера, то Екатерина оставила недостроенными зданія, сооруженіе которыхъ было предпринято съ большими затратами для помѣщенія ея школъ и академій, и занялась другими дѣлами».

Нѣсколько лѣтъ спустя, 9-го апрѣля 1778 г., французскій дипломатическій агентъ де-Корберонъ, депешами коего мы уже пользовались, писалъ:

«Екатерина государыня достойная удивленія; то законодательница, то воительница, она всегда и вездѣ остается женщиной и представляетъ удивительное, необъяснимое сочетаніе отваги и смѣлости, знаній и неспособности, твердости и нерѣшительности; переходя отъ одной крайности къ другой, она представляетъ настоящую загадку для внимательнаго наблюдателя, который хочетъ уловить ее въ истинномъ свѣтѣ. Она человѣколюбива и чувствительна въ личныхъ отношеніяхъ и въ своихъ поступкахъ; быть можетъ, жестоко будетъ сказать, что источникомъ перваго качества является ея самолюбіе, а втораго—свойственная ея полу деликатность и нѣжность характера. Но это невольно приходитъ на умъ, когда пытаешься объяснить побужденія, которыя руководятъ большею частію ея поступковъ, возбуждающихъ такое удивленіе издали. Я наблюдаю ихъ здѣсь, а непосредственное наблюденіе даетъ возможность разглядѣть обрат-

ную сторону медали, ослѣпляющую своимъ блескомъ тѣхъ, кто не можетъ наблюдать ее вблизи».

Далѣе, въ той же депешѣ, де-Корберонъ говоритъ:

«Науки и искусства имѣютъ здѣсь свои академіи, но въ этихъ академіяхъ немного членовъ и того менѣе учениковъ. Впрочемъ, откуда взяться имъ среди націи, гдѣ имѣются только царедворцы, военные и народъ, пребывающій въ рабствѣ, и гдѣ нѣтъ третьяго сословія?»

Въ то время какъ парижскіе философы превозносили мудрость и просвѣщеніе сѣверной Семирамиды, наблюдатели болѣе дальновидные и не желавшіе обманывать себя, а именно аккредитованные при русскомъ дворѣ французскіе и англійскіе дипломатическіе агенты, изображали тогдашнее состояніе Россіи не столь лестными, но за то безъ сомнѣнія болѣе правдивыми красками. Они изображали русскія войска, о которыхъ такъ много говорили въ Европѣ, недовольными, изнуренными болѣзнями и утомленіемъ, полуголодными, плохо одѣтыми и предоставленными въ жертву алчности и корыстолюбію офицеровъ и администраціи; офицеры, по ихъ словамъ, ненавидѣли службу, народъ былъ разоренъ рекрутскими наборами, превосходившими силы населенія; государственная казна находилась въ самомъ критическомъ положеніи; частнаго кредита не существовало; иностранные капиталисты не имѣли къ нему довѣрія; страна была обременена чрезмѣрными налогами; звонкая монета была низкой пробы, и ея было слишкомъ мало въ обращеніи. Если вѣрить этимъ личностямъ, коихъ впрочемъ отнюдь нельзя заподозрить въ искаженіи фактовъ, то высшій классъ общества также не отличался ни образованіемъ, ни воспитаніемъ, ни честностью; ему было свойственно только извѣстное, довольно грубое высокомѣріе, внушавшее страхъ издали, производившее впечатлѣніе силы и величія. Эти пороки русскаго общества были особенно замѣтны въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Особенно рельефно изобразилъ ихъ сэръ Дж. Макартней, писавшій 7-го января 1766 г.:

«Говоря объ этой странѣ, мы примѣняемъ къ ней ту же мѣрку, по какой судимъ о другихъ націяхъ; видя успѣхи, которые Россія сдѣлала, по нашему мнѣнію, въ наукахъ и искусствахъ, мы заклю-

чаемъ изъ этого, что она стоитъ, по развитію, на одномъ уровнѣ съ сосѣдями. Но тотъ, кто потрудится изучить нравы, государственныя учрежденія и политику Россіи, весьма быстро придетъ къ убѣжденію, что это народъ еще совершенно необразованный, что онъ находится еще въ состояніи варварскаго безначалія, и что французскіе парики украшаютъ въ настоящее время тѣ самыя головы, которыя сто лѣтъ тому назадъ были покрыты шапками изъ звѣриныхъ шкуръ».

22-го февраля того же года онъ писалъ:

«Наша ошибка относительно Россіи состоитъ въ томъ, что мы считаемъ ее страной цивилизованной и сообразно этому относимся къ ней. Она отнюдь не заслуживаетъ этого названія и, несмотря на выгодное мнѣніе, составленное о Россіи тѣми, кто ее не знаетъ, я скажу не обинуясь, что также справедливо было бы назвать цивилизованной страной Тибетъ или владѣнія далай-ламы. Въ этой имперіи ни одинъ министръ не знаетъ латинскаго языка; рѣдко можно встрѣтить человѣка сколько-нибудь знакомаго съ литературою. Невѣжество порождаетъ гордость, поэтому васъ не должно удивлять, что всѣ поступки здѣшняго двора запечатлѣны высокомѣріемъ и тщеславіемъ. Было бы одинаково смѣшно цитировать Кларка и Пиллотсона передъ константинопольскимъ диваномъ какъ ссылаться, въ разговорѣ съ русскими министрами, на авторитетъ Гуго Гроціуса или Пуффендорфа».

Тотъ же посланникъ писалъ 25-го марта 1766 года:

«Своеобразенъ способъ русскихъ министровъ вести переговоры; онъ состоитъ, повидимому, въ безцеремонномъ изложеніи ихъ грубыхъ взглядовъ въ видѣ ультиматума, который долженъ быть безусловно принятъ договаривающимися сторонами. Они имѣютъ столь преувеличенное мнѣніе о своемъ могуществѣ и до того убѣждены въ томъ, что имъ нечего бояться со стороны другихъ націй, что воображаютъ, будто этотъ способъ веденія переговоровъ болѣе всего соотвѣтствуетъ ихъ положенію, состоянію ихъ дѣлъ и ихъ собственнымъ интересамъ. Неудивительно, что они преисполнены спѣси, которая сопровождаетъ обыкновенно удачу, если взять во вниманіе, какъ много льстили русскимъ и какъ предупредительно относились къ нимъ самыя могущественныя націи

Европы, если вспомнить, какимъ блистательнымъ успѣхомъ увѣнчались въ послѣдніе годы всѣ ихъ военныя и дипломатическія предпріятія».

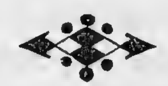
Такъ высказываются, одинъ за другимъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, всѣ посланники Англійскаго кабинета при Петербургскомъ дворѣ. То же говорятъ и посланные Версальскаго кабинета, но такъ какъ они не имѣли въ виду заключенія съ Россіей тѣснаго союза, то ихъ наблюденія касались преимущественно общественнаго быта русскихъ; въ этомъ случаѣ они высказываютъ самыя строгія сужденія. Сабатье писалъ даже въ своей депешѣ отъ 2-го марта 1770 года:

«Большая часть придворныхъ преисполнены самой низменной, безпощадной зависти, преклоняются передъ деньгами и передъ всѣми жалкими атрибутами самаго грубаго, показнаго тщеславія; другихъ страстей они не знаютъ. Дружба, добродѣтель, чистота нравовъ, деликатность, честность,—все это слова, лишенныя здѣсь всякаго смысла. Они преслѣдуютъ только свою собственную пользу и выгоду и поддерживаютъ съ этою цѣлью интересы своихъ патроновъ и ихъ креатуръ».

По словамъ другаго французскаго посланника, такое же нелестное мнѣніе имѣла и Екатерина о своихъ царедворцахъ и приближенныхъ. Дюранъ писалъ 25-го іюля 1773 года:

«Надняхъ, находясь въ кругу двадцати семи особъ, императрица воспользовалась случаемъ сказать имъ: «если васъ послушать, то между вами нѣтъ ни одного, который не заслуживалъ бы висѣлицы»; эти слова даютъ понятіе о враждѣ, существующей между придворными, и о томъ, какого рода обвиненія взводятъ другъ на друга люди, вращающіеся въ придворныхъ сферахъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

(Біографическая замѣтка по поводу истекшаго двадцатипятилѣтія со дня кончины).

Имя Александра Ивановича Герцена, какъ блестящаго публициста, талантливаго писателя и выдающагося по своему разностороннему образованію человѣка, извѣстно какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей. Къ сожалѣнію, внѣшнія условія жизни этого замѣчательнаго писателя до сихъ поръ еще препятствуютъ всесторонней и правильной оцѣнкѣ значенія и размѣровъ его литературной и общественной дѣятельности.

Личность А. И. Герцена до сихъ поръ еще не вполнѣ уяснена, не вполнѣ понята и изучена. А между тѣмъ, для уразумѣнія русской жизни за много и много десятковъ лѣтъ, нельзя указать болѣе центральныхъ фигуръ, какъ А. И. Герценъ, Бѣлинскій, Грановскій. Странная судьба литературной дѣятельности Герцена, конечно, объясняется ненормальными условіями его эмигрантской жизни, и это обстоятельство препятствовало до послѣдняго времени поставить Герцена на подобающее ему мѣсто [1]).

---

[1]) Едва-ли не лучшая статья о Герценѣ принадлежитъ Н. Страхову, который, благодаря общему характеру своей литературной дѣятельности, могъ отнестись съ достаточной свободой къ изученію трудовъ Герцена. Затѣмъ слѣдуетъ указать на статьи Скабичевскаго, книгу Анненкова («Замѣчательное десятилѣтіе»), его «Переписку съ друзьями» Спб. 1891 г.; статьи А. Н. Пыпина Подробная біографія Герцена помѣщена въ нѣмецк. изд. Althaus «Unsere Zeit» (1872 г., VIII, 1). Изъ воспоминаній о Герценѣ на первомъ мѣстѣ отмѣтимъ: Т. П. Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» I—III; «Воспоминанія Свербѣева» («Русскій Архивъ» 1870 г.); въ другихъ историческихъ журналахъ матеріалъ раз-

А. И. Герценъ былъ незаконный сынъ богатаго помѣщика Ивана Алексѣевича Яковлева и вывезенной имъ изъ Германіи нѣмки. Родился онъ 25 марта 1812 года и первые годы жизни прожилъ въ Тверской губерніи въ имѣніи Новосельи. Ивану Алексѣевичу Яковлеву былъ запрещенъ навсегда въѣздъ въ Петербургъ за то, что онъ взялъ во время нашествія французовъ пропускъ изъ Москвы для себя и для своего семейства отъ непріятельскаго начальства, и потому онъ рѣшилъ навсегда устроиться въ Москвѣ.

Жизнь въ домѣ И. А. Яковлева сложилась подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII столѣтія и обычаевъ заграничной жизни, но съ сохраненіемъ всѣхъ привычекъ русскаго барства, воспитаннаго на крѣпостничествѣ. Самъ Иванъ Алексѣевичъ былъ человѣкъ большаго ума, большой наблюдательности, много видѣлъ, слышалъ на своемъ вѣку, былъ когда-то свѣтскимъ человѣкомъ, но впослѣдствіи, рѣдко бывая въ хорошемъ расположеніи духа, капризный, всѣмъ недовольный, придирчивый, насмѣшливый, онъ понемногу отдалилъ отъ себя друзей и знакомыхъ, и жилъ въ полномъ нравственномъ одиночествѣ. Единственной привязанностью его былъ сынъ Саша, но и съ нимъ не удалось установить дружескія сердечныя отношенія. Холодность между сыномъ и отцомъ возросла, когда сынъ узналъ о фальшивомъ положеніи матери и своемъ. Сашѣ Герцену было тогда около 12 лѣтъ. Немного капризный и всѣми избалованный талантливый мальчикъ, по чувству самостоятельности, не хотѣлъ исполнять воли отца и все болѣе и болѣе отдалялся отъ него. Возмутительныя сцены рабовладѣльческаго насилія и деспотизма рано стали возмущать молодаго Герцена, и безсильное негодованіе часто доводило его до обмороковъ.

Воспитаніе Герцена велось обычнымъ въ то время порядкомъ; иначе

бросанъ, но далеко не разработанъ. Отмѣтимъ также «Переписку замѣчательныхъ дѣятелей» («Русская Мысль» съ 1890 г.); письма Герцена въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1895 годъ, его «Переписку» съ Огаревымъ, недавно изданную за границей, а также—имѣющія автобіографическій характеръ: «Былое и думы». Вотъ все главное, что имѣется въ русской литературѣ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Авт.

Къ этому перечню мы должны прибавить «Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой», помѣщенныя въ «Русской Старинѣ» 1894 г., № 9—11; переписку А. Герцена съ А. Витбергомъ («Русская Старина» 1876 г., т. XVII); переписку А. Герцена съ А. Ѳ. Вельтманомъ, Н. П. Огаревымъ, В. И. Кельсіевымъ и біографическія свѣдѣнія о А. И. Герценѣ, сообщенныя А. В. Смирновымъ («Русская Старина» 1889 г., т. LXI); «Гражданская служба А. И. Герцена»—статья А. П. Мосолова («Русская Старина» 1888 г., т. LVII); «Партія Герцена и старообрядцы» («Русскій Вѣстникъ» 1867 г., т. 68, № 3); «Герценисты и раскольники» («Домашняя Бесѣда» 1867 г., № 6), и нѣсколько мелкихъ статей, о которыхъ упоминать не будемъ. Ред.

сказать, о какой бы то ни было правильной системѣ воспитанія, конечно, не могло быть и рѣчи. Онъ былъ почти предоставленъ самому себѣ. Атмосфера дома была тяжела для энергичнаго мальчика; сухое первоначальное ученье отталкивало, но невольное уединеніе, отсутствіе товарищей, развлеченій рано обратили его къ чтенію, которому онъ и предался съ увлеченіемъ. Въ нижнемъ этажѣ дома Яковлевыхъ была сложена библіотека; книги грудами валялись на полу. Сашѣ позволили рыться въ нихъ, сколько онъ хотѣлъ. Первый прочтенный имъ романъ былъ «Лолота и Фанфанъ»; онъ привелъ его въ восторгъ. Усиленное чтеніе романовъ затѣмъ продолжалось; между прочимъ, былъ перечитанъ репертуаръ театра, томовъ въ пятьдесятъ. «Свадьба Фигаро» была читана разъ двадцать. Такое чтеніе вело естественно къ увлеченію театромъ. Благодаря врожденнымъ способностямъ къ языкамъ, Герценъ могъ рано начать свое общее образованіе усиленнымъ чтеніемъ европейскихъ писателей. Отъ французскихъ писателей XVIII вѣка Герценъ перешелъ къ нѣмецкой литературѣ, зачитывался «Страданіями Вертера», драмами Шиллера, Коцебу; эти произведенія настраивали его въ сантиментально-романтическомъ духѣ. Элементы, изъ которыхъ складывалось какъ-то само собою общее образованіе Герцена, были весьма благопріятны для самаго всесторонняго развитія. Усвоивъ изъ писателей XVIII вѣка идеи свободы, мечты о правахъ личности, Герценъ былъ предохраненъ отъ матеріалистической односторонности тѣхъ же писателей высокимъ идеализмомъ поэзіи Шиллера [1]) и впослѣдствіи интересомъ къ нѣмецкой философіи. Съ другой стороны, очень рано началось у Герцена увлеченіе естественными науками, которыя обезпечивали усвоеніе методовъ точнаго знанія.

Подъ вліяніемъ поэзіи Шиллера талантливый мальчикъ проникался свободолюбивыми стремленіями и мечталъ о соотвѣтственной дѣятельности. Такому настроенію много содѣйствовалъ своими уроками Иванъ Евдокимовичъ Протопоповъ, студентъ Московскаго университета медицинскаго факультета, преподававшій Сашѣ русскую грамматику, словесность, исторію, географію и ариѳметику. Встрѣтивъ въ своемъ ученикѣ упорную лѣнь и разсѣянность, онъ оставилъ сухую методу преподаванія по учебникамъ, кинулъ грамматику и перешелъ къ бесѣдамъ по словесности.

Длинноволосый, растрепанный студентъ, ужасно произносившій иностранныя слова, былъ ярымъ романтикомъ. Отбросивъ «пустѣйшую» науку,—риторику, онъ сразу перешелъ къ русскимъ поэтамъ. Съ

---

[1]) Его „Philosophische Briefe“ онъ читалъ вмѣстѣ съ Т. Пассекъ. Съ нею же были прочтены всѣ главныя сочиненія Ж. Ж. Руссо.

увлеченіемъ читались: «Евгеній Онѣгинъ», «Думы» Рылѣева; его «Войнаровскій» возбуждалъ «вольнолюбивыя» мечты. Козловъ въ то время переводилъ Байрона, Жуковскій—Шиллера; комедіей «Горе отъ ума» зачитывалась въ то время вся Москва. Съ увлеченіемъ читался «Московскій Телеграфъ».

И. Е. Протопоповъ тайкомъ приносилъ Герцену и учившейся вмѣстѣ съ нимъ «корчевской кузинѣ» (впослѣдствіи Татьяна Пассекъ) запрещенные стихи: «Ода на свободу», «Кинжалъ» Пушкина, «Думы» Рылѣева и пр. О нихъ же, главнымъ образомъ, шла бесѣда и во время уроковъ. Кромѣ Протопопова большое вліяніе на Герцена имѣлъ другой его наставникъ, эмигрантъ Бушо, ярый якобинецъ, уѣхавшій изъ Франціи, когда тамъ взяли верхъ «развратные и плуты». Подъ вліяніемъ такихъ учителей, Герценъ мечталъ сдѣлаться великимъ борцомъ за свободу, а его юная подруга, восторженная, увлекающаяся кузина пророчила юному фантазеру необыкновенную будущность. Идеаломъ Герцена въ этотъ юношескій періодъ его жизни былъ Карлъ Мооръ, а потомъ Поза. Герценъ грезилъ дружбой, борьбой, страданіями. Въ это время онъ сошелся съ Огаревымъ, въ воспитаніи котораго было много общаго съ Герценомъ [1]).

Изъ другихъ учителей Герцена, приготовлявшихъ его въ университетъ, слѣдуетъ отмѣтить магистра Оболенскаго, человѣка очень ученаго, страстнаго поклонника профессора Павлова, но мало талантливаго. Отъ Оболенскаго Герценъ впервые узналъ о Шеллингѣ. Философское направленіе Герцена опредѣлилось уже въ самыхъ раннихъ его статьяхъ. Такъ, уже въ 1829—1830 годахъ онъ написалъ философскую статью о Шиллеровомъ «Валленштейнѣ». Въ этомъ же юношескомъ возрастѣ Герценъ знакомится съ Гёте, читаетъ его «Wahlverwandschaft», удивляется широтѣ и глубинѣ генія Гёте, но откровенно сознается, что предпочитаетъ Шиллера, чувствуетъ, что не доросъ до Гёте.

Въ университетъ Герценъ поступаетъ на физико-математическій факультетъ, что̀ объясняется увлеченіемъ естественными науками, охватившими въ то время почти все московское общество. Грибоѣдовскій химикъ князь Θеодоръ списанъ былъ съ одного изъ родственниковъ Герцена.

Пребываніе въ университетѣ, несмотря на то, что преподаваніе въ немъ велось очень плохо, было въ высшей степени плодотворно для развитія умственныхъ силъ и нравственной энергіи Герцена. Изъ про-

---

[1]) Учитель гимназіи Волковъ разъяснялъ Огареву вмѣстѣ съ математикой направленіе декабристовъ; учителемъ французскаго языка былъ М. Кюри, воспитатель декабриста Васильчикова.

фессоровъ только немногіе, какъ напр. Каченовскій со своимъ скептицизмомъ или Павловъ, умудрявшійся на лекціяхъ сельскаго хозяйства знакомить слушателей съ Шеллингомъ и Окэномъ,—будили молодую мысль. Большая часть профессоровъ была изъ нѣмцевъ, отличавшихся равнодушіемъ къ студенчеству, «духомъ западнаго квіэтизма, ремесленничества, неумѣреннымъ куреніемъ сигаръ и множествомъ крестовъ, которыхъ никогда не снимали съ себя». Изъ русскихъ профессоровъ слѣдуетъ упомянуть М. П. Погодина, Н. И. Надеждина, С. П. Шевырева. Студенчество однако было настроено довольно бурно; въ университетѣ было много кружковъ, велись горячіе литературные, а подъ часъ и политическіе споры.

О настроеніи молодежи можно судить отчасти по стихотвореніямъ Лермонтова, который учился въ университетѣ одновременно съ Герценомъ. Оба они, какъ извѣстно, были замѣшаны въ знаменитой Маловской исторіи, хотя Герценъ отдѣлался отъ нея сравнительно легко, недѣльнымъ арестомъ въ карцерѣ. Исторія эта случилась непосредственно вслѣдъ за годомъ холеры въ Москвѣ. Въ борьбѣ съ этимъ бѣдствіемъ университетская молодежь приняла дѣятельное и самоотверженное участіе и долго потомъ не могла успокоиться. Возбужденная общественными неурядицами мысль уже не могла заснуть. Молодежь проникается враждою къ застою и общественнымъ несправедливостямъ, зачитывается такими писателями, какъ С. Симонъ, Анфантенъ и др., подъ ихъ вліяніемъ соединяется въ кружки для обсужденія вопросовъ теоретическихъ, для выработки плана будущей борьбы со зломъ. Въ университетѣ того времени уже существовалъ кружокъ съ явно политическимъ направленіемъ, группировавшійся около молодаго семейнаго помѣщика Сунгурова [1]). Рядомъ съ нимъ образуется возлѣ Герцена, Огарева и Вадима Пассека другой кружокъ, куда входили Сатинъ, Носковъ, Сазоновъ, Лахтинъ, А. Н. Савичъ (впослѣдствіи знаменитый математикъ-академикъ). Душою этого кружка и предсѣдателемъ всѣхъ «литературно-фантастическо-политическихъ» преній былъ, конечно, А. И. Герценъ, выдававшійся среди товарищей и своимъ блестящимъ умомъ, и начитанностью, и краснорѣчіемъ. Рядомъ съ этимъ кружкомъ возникаетъ около Станкевича кружокъ съ направленіемъ философскаго идеализма. Кружки были юны, страстны и потому нетерпѣливы, но, не сходясь въ вопросахъ политики и философіи, они всѣ были объединены общимъ враждебнымъ отношеніемъ къ оффиціальному міру лжи и лицемѣрія [2]). Духъ оппозиціи былъ силенъ въ кружкѣ Герцена; его молодые друзья шу-

---

[1]) Въ немъ между прочимъ участвовалъ Ст. Антоновичъ, бывшій впослѣдствіи попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа.

[2]) Изъ дальнихъ лѣтъ, т. I, 433 стр.

мѣли, бурлили, радостно отдаваясь потребности жить со всей энергіей молодости, со всей ея безаботностью, не смущаемой никакими зловѣщими признаками.

Въ іюлѣ 1833 года Герценъ окончилъ университетъ со степенью кандидата, получивъ за сочиненіе «Историческое развитіе Коперниковой системы» серебряную медаль. Золотой ему не дали, потому что профессоръ Перевощиковъ, разбиравшій его сочиненіе, нашелъ въ немъ слишкомъ много философіи и слишкомъ мало формулъ.

Въ 1834 году кружокъ Герцена прекратилъ свое существованіе. Сперва были арестованы Сатинъ и Огаревъ; за ними—Герценъ и другіе члены. А. И. Герценъ былъ высланъ въ Пермь, а оттуда въ Вятку, куда и прибылъ въ концѣ ноября 1835 года; здѣсь онъ познакомился и близко сошелся съ сосланнымъ А. Л. Витбергомъ, знаменитымъ архитекторомъ-мистикомъ. Въ исходѣ 1837 г. за устройство выставки мѣстныхъ произведеній и объясненія, данныя при ея осмотрѣ наслѣднику цесаревичу, Герценъ, по ходатайству Жуковскаго, былъ переведенъ на службу во Владиміръ, въ канцелярію владимірскаго губернатора Куруты, человѣка прекраснаго, позволившаго Герцену отлучиться въ Москву, гдѣ онъ похитилъ свою дальнюю родственницу, жившую у княгини Хованской, и женился на ней. Во Владимірѣ Герценъ провелъ самые счастливые годы своей жизни, усердно работая, много читая. Въ началѣ января 1840 года онъ посѣтилъ Петербургъ и пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ, гдѣ между прочимъ впервые встрѣтился съ Грановскимъ, только-что возвратившимся изъ-за границы, и съ кружкомъ Станкевича. Изъ Москвы Герценъ возвратился въ Петербургъ, поступивъ на службу къ графу Строганову. Здѣсь онъ сошелся близко съ Бѣлинскимъ, съ которымъ велъ горячіе споры по поводу его «Бородинской годовщины» и философскихъ взглядовъ. Вліяніе, оказанное Герценомъ на Бѣлинскаго, было очень велико и вскорѣ отразилось на его критическихъ статьяхъ.

Въ Петербургѣ Герцену не пришлось долго прожить. Случилось, что какой-то будочникъ совершилъ въ городѣ убійство. Герценъ сообщилъ о немъ въ письмѣ къ отцу и хотя весь городъ толковалъ объ убійствѣ, Герценъ былъ высланъ на службу въ Новгородъ. Время пребыванія въ Новгородѣ было самымъ тяжелымъ періодомъ въ жизни Герцена. Только 1-го іюля 1842 года ему позволили выйти въ отставку и переѣхать на жительство въ Москву. Здѣсь онъ немедленно примкнулъ къ кружку Станкевича, принявшему стараго товарища нѣсколько покровительственно. Уже съ 1837 года кружокъ погрузился въ философію Гегеля, увлекался идеей разумности существующаго. Самого Станкевича не было уже въ Россіи, и во главѣ кружка стояли Бакунинъ и Бѣлинскій (переѣхавшій въ 1839 году въ Петербургъ). Односторонне понимая Гегеля, молодая компанія съ чисто-русской прямолинейностью

не останавливалась ни передъ какими крайними выводами,—даже оправданіемъ русской действительности. Герценъ, основательно усвоившій нѣмецкую философію, вывелъ изъ Гегеля заключенія, совершенно обратныя тѣмъ, которыя дѣлались поклонниками идеи о разумности дѣйствительности. Начитанность Герцена и его эрудиція и раньше были очень значительны; теперь, побуждаемый спорами, онъ перечиталъ,—кромѣ Гегеля, — Декарта, Бекона, Якова Бема, Спинозу, Шеллинга, Фихте, Гердера, Шлоссера, Лессинга, Монтескьё, Лукреція, лучшихъ энциклопедистовъ, лучшихъ русскихъ и европейскихъ классиковъ, произведенія Вильмена, Луи Блана, Гизо, Карреля, Прудона и др.

Въ 1843 году Грановскій началъ читать въ университетѣ свой курсъ лекцій; въ обществѣ обнаруживается явственно интересъ къ вопросамъ политическаго и общественнаго характера. Кабе, Прудонъ, Фурье оказываютъ вліяніе на группировку литературныхъ кружковъ того времени. Въ 1844 году происходитъ окончательное раздѣленіе членовъ кружка Станкевича и др. на западниковъ и славянофиловъ. Первые группируются возлѣ Герцена и Огарева, вторые примкнули къ Хомякову, Кирѣевскимъ, Аксаковымъ. Противники однако встрѣчались на вечерахъ у Елагиныхъ и Свербеевыхъ и вели здѣсь горячіе споры. Взаимное уваженіе и много другихъ общихъ условій сближало спорщиковъ. Дѣйствительно, и у тѣхъ и у другихъ было очень много общаго: обѣ группы одинаково исходили изъ принциповъ нѣмецкой философіи, одинаково принадлежали къ одной и той же дворянской средѣ. Между спорящими, по вѣрному замѣчанію Герцена, общимъ было «чувство безграничной обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому складу ума». Противники, «какъ двуликій Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны въ то время, какъ сердце билось одно». Когда въ 1844 году послѣдовалъ полный разрывъ, то недавніе друзья, а теперь принципіальные противники разошлись въ разныя стороны, обнимаясь другъ съ другомъ, «со слезами на глазахъ», съ сохраненіемъ полнаго взаимнаго уваженія. Разрывъ былъ скорѣе естественнымъ слѣдствіемъ отсутствія общаго практическаго дѣла, и потому на этой первой крупной ссорѣ дѣло не кончилось. Молодой энергіи не было выхода, рамки кружковой жизни были слишкомъ узки и стѣснительны. Всѣ рвались къ дѣлу, а между тѣмъ чувствовали себя «лишними людьми». Энергія, не находя выхода на внѣ, должна была уйти во внутрь. И дѣйствительно, очень скоро начинаются внутреннія несогласія въ средѣ западниковъ, ростетъ раздраженіе другъ къ другу. Въ 1846 году Герценъ разошелся съ Грановскимъ, изъ-за вопроса о безсмертіи души возникли недоразумѣнія у него и съ другими пріятелями. Явилась потребность выйти на свѣжій воздухъ. Уже давно просился Герценъ за границу, но его все не пускали. Наконецъ, въ 1847 году вскорѣ послѣ

смерти своего отца, А. И. Герценъ, получивъ большое наслѣдство, уѣзжаетъ за границу,—самъ того не подозрѣвая—навсегда.

Уѣзжалъ Герценъ уже извѣстнымъ писателемъ съ выяснившимися общественными симпатіями и взглядами. Литературная дѣятельность Герцена началась очень рано. Въ 1830 году въ журналѣ «Атеней» (т. II) его имя встрѣчается подъ однимъ переводомъ съ французскаго. Первая статья, подписанная псевдонимомъ Искандера,—о Гофманѣ, напечатана въ 1836 г. въ «Телескопѣ». Къ тому же времени относится «рѣчь, сказанная при открытіи вятской публичной библіотеки» и «Дневникъ» (1842). Во Владимірѣ Герценомъ написаны «Записки одного молодаго человѣка» и «Еще изъ записокъ молодаго человѣка» («Отеч. Зап.» 1840 — 1841; въ этомъ разсказѣ, въ лицѣ Трензинскаго былъ изображенъ Чаадаевъ). Затѣмъ появляются въ «Отеч. Зап.» и «Современ.» статьи: «Дилеттантизмъ въ наукѣ», «Дилеттанты-романтики», «Цехъ ученыхъ», «Буддизмъ въ наукѣ», «Письма объ изученіи природы», въ которыхъ мы находимъ философскій анализъ различныхъ методовъ знанія.

Умственное развитіе Герцена шло необыкновенно быстро, и потому за послѣднія пять лѣтъ пребыванія его въ Россіи имъ написано чрезвычайно много: «По поводу одной драмы», «По разнымъ поводамъ», «Новыя варьяціи на старыя темы», «Изъ записокъ доктора Крупова», «Кто виноватъ», «Сорока-воровка», «Москва и Петербургъ», «Новгородъ и Владиміръ», «Станція Едрово», «Прерванные разговоры». Среди всѣхъ этихъ произведеній, отличающихся блескомъ и глубиною мысли, особенно выдѣляются и по художественности формы и по содержанію — два извѣстныя произведенія Герцена: это повѣсть «Сорока-воровка», въ которой изображено ужасное положеніе «крѣпостной интеллигенціи», и романъ «Кто виноватъ», начавшій собою цѣлую серію романовъ о семьѣ, и посвященный вопросу о свободѣ чувства, положеніи супруговъ въ бракѣ и пр. Главная идея романа та, что люди, основывающіе свое благополучіе исключительно на почвѣ семейнаго счастья и личнаго чувства, чуждые интересовъ общественныхъ и общечеловѣческихъ, не могутъ создать и обезпечить себѣ прочное счастье, оно всегда будетъ зависѣть у нихъ отъ случая.

Оставаясь за границею, Герценъ очень скоро былъ увлеченъ бурнымъ потокомъ текущихъ политическихъ событій. Съ революціоннымъ движеніемъ 1848 года связывались тогда самыя свѣтлыя чаянія лучшаго будущаго. Неудивительно, что и Герценъ увлекся революціей. Но въ парижскомъ переворотѣ, какъ и въ другихъ событіяхъ европейской жизни, онъ принималъ участіе исключительно теоретическое, онъ сблизился съ Прудономъ и другими выдающимися дѣятелями революціи и европейскаго радикализма, издавалъ одно время вмѣстѣ съ Прудономъ газету «Ami du

peuple», былъ друженъ съ Маццини, Гарибальди и друг. Дѣятельнаго участія въ европейскихъ событіяхъ онъ никогда не принималъ.

Ко времени пребыванія Герцена въ Парижѣ относится печальная исторія увлеченія его жены поэтомъ Гервегомъ...

Вынужденный по требованію полиціи оставить Францію, Герценъ переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ и натурализовался; затѣмъ, жилъ нѣкоторое время въ Ниццѣ и около 10 лѣтъ въ Лондонѣ, гдѣ основалъ русскую типографію и съ 1857 года издавалъ «Колоколъ». Въ 1864—67 года послѣдніе листки «Колокола» Герценъ печаталъ въ Женевѣ. 9 (21) января 1870 года онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ въ Парижѣ, куда незадолго передъ тѣмъ пріѣхалъ по семейнымъ дѣламъ.

Изъ произведеній, написанныхъ Герценомъ за границей, особенно важны: письма изъ «Avenue Marigny» (первыя—напечатаны въ «Современникѣ»; всѣ четырнадцать подъ общимъ заглавіемъ «Письма изъ Франціи и Италіи» изд. 1855 г.); эти письма представляютъ замѣчательную характеристику и необыкновенно тонкій и остроумный анализъ событій и настроеній, волновавшихъ Европу въ 1847—1852 гг. Особенно сильное впечатлѣніе и въ Россіи, и въ Европѣ, произвело другое сочиненіе Герцена: «Съ того берега» (первоначально по нѣм. Vom andern Ufer, Гамбургъ 1850 г.; по-франц. Женева, 1870 г.); въ немъ Герценъ выказываетъ полное разочарованіе Западомъ и западной цивилизаціей.

Сомнѣнія въ жизненности Запада бродили и раньше въ головахъ пріятелей Герцена, теперь они отлились въ окончательную форму, какъ результатъ непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью Запада; подъ вліяніемъ этихъ наблюденій, отрицательное отношеніе Герцена къ Западу и западной культурѣ вполнѣ опредѣлилось въ періодъ 1848—1851 годовъ. Изъ произведеній Герцена, напечатанныхъ за границей, слѣдуетъ еще отмѣтить письмо къ Мишле: «Русскій народъ и соціализмъ»— страстную и горячую защиту русскаго народа противъ тѣхъ нападокъ и предубѣжденій, которыя высказалъ Мишле въ одной изъ своихъ статей,—и «Былое и думы»—рядъ воспоминаній, имѣющихъ частью характеръ автобіографическій, но дающихъ цѣлый рядъ высоко-художественныхъ картинъ, ослѣпительно-блестящихъ характеристикъ и наблюденій изъ пережитаго и видѣннаго Герценомъ въ Россіи и за границей.

Что касается общаго характера дѣятельности Герцена, то нельзя не сказать, что внимательное изученіе его произведеній даетъ впечатлѣнія весьма не сходныя съ тѣми, какія распространены въ обществѣ. Онъ долго слылъ какимъ-то революціоннымъ борцомъ, русскимъ Гарибальди.

Въ дѣйствительности Герценъ, уже по натурѣ своей, не былъ пригоденъ къ роли агитатора, народнаго трибуна или революціонера. Это

былъ врежде всего человѣкъ разносторонне-образованный, съ умомъ и созерцательнымъ и склоннымъ къ анализу, съ нѣжной душой и привычками истиннаго джентльмена.

Герценъ не понималъ фанатической нетерпимости и партійной исключительности, и самъ никогда не принадлежалъ ни къ одной партіи. Односторонность «людей дѣла» отталкивала его отъ многихъ революціонныхъ и радикальныхъ дѣятелей Европы, точно такъ же, какъ не могъ онъ мириться и съ Ноздревыми и Собакевичами, попадавшимися, по вѣрному замѣчанію Герцена, очень часто въ русскомъ нигилизмѣ. Его тонкій аналитическій умъ постигъ несовершенства и недостатки формъ западной жизни, къ которой первоначально влекло Герцена изъ непрекраснаго далека русской дѣйствительности 40-хъ годовъ. Но когда Западъ оказался гораздо ниже составленнаго раньше идеала, Герценъ съ рѣдкимъ мужествомъ и послѣдовательностью отказался отъ прежнихъ увлеченій. Эту умственную независимость Герцена, его непредубѣжденность, свѣтлую способность подвергать сомнѣнію и испытанію самыя завѣтныя стремленія и вѣрованія Н. Н. Страховъ—въ общемъ противникъ Герцена,—справедливо называетъ явленіемъ во многихъ отношеніяхъ прекраснымъ и полезнымъ: «дѣйствительная свобода не даромъ считается однимъ изъ необходимыхъ условій правильнаго мышленія». Эта любовь къ истинѣ, свѣтлая непринужденность мысли, прозрачная ясность ума, глубоко вдумчивое отношеніе къ жизни, полное отрицаніе всякаго идолопоклонничества,—въ соединеніи съ большимъ художественнымъ талантомъ, опиравшимся на широкое образованіе, благородный открытый характеръ—всѣ эти черты, вмѣстѣ взятыя, даютъ намъ высокосимпатичный образъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ людей XIX вѣка.

Какъ послѣдовательный гегельянецъ, Герценъ вѣрилъ, что развитіе идетъ ступенями, и каждая новая ступень воплощается въ извѣстномъ народѣ, который и является на время носителемъ прогресса. Гегель показалъ, что такимъ народомъ въ его время были нѣмцы. Раздѣляя со славянофилами вѣру въ грядущую смѣну германскаго періода славянскимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Герценъ, какъ послѣдователь Сенъ-Симона и Фурье, соединялъ эту вѣру въ славянскій фазисъ прогресса съ ученіемъ о предстоящей замѣнѣ господства буржуазіи торжествомъ рабочаго класса, которое должно наступить благодаря русской общинѣ, только что передъ тѣмъ открытой нѣмцемъ Гакстгаузеномъ. Вмѣстѣ съ славянофилами, отчаиваясь въ западной культурѣ, Герценъ полагалъ, что Западъ сгнилъ, что въ его обветшавшія формы не влить уже новой жизни,— Западъ окаменѣлъ въ неподвижныхъ формахъ индивидуализма, онъ утерялъ способность искать правду. Вѣра въ общину, изъ которой, какъ изъ зерна, выростетъ будущее справедливое устройство міра,—

на началахъ коллективизма, вѣра въ живыя силы русской души и вообще русскаго человѣка, — спасали Герцена отъ безнадежнаго взгляда на судьбу человѣчества. Впрочемъ Герценъ не отрицалъ возможности того, что и Россія пройдетъ черезъ стадію буржуазнаго развитія. Это послѣднее мнѣніе Герцена представляетъ особый интересъ именно теперь, когда въ литературѣ идетъ между такъ называемыми народниками и поклонниками экономическаго матерьялизма горячій споръ, отчасти напоминающій споръ западниковъ и славянофиловъ въ 40-хъ годахъ. Какъ тѣ исходили изъ Гегеля, такъ и теперь для обѣихъ группъ, спорящихъ на счетъ судебъ капитализма, исходнымъ пунктомъ является Карлъ Марксъ.

Защищая русское будущее, Герценъ утверждалъ, что въ русской жизни много безобразнаго, дикаго, но зато нѣтъ закоснѣлой, окаменѣвшей въ своихъ формахъ пошлости. Русское племя свѣжее, дѣвственное племя, у котораго есть «чаянье будущаго вѣка»,—неизмѣримый запасъ энергіи, жизненныхъ силъ.

«Мыслящій человѣкъ въ Россіи — самый независимый, самый непредубѣжденный человѣкъ въ свѣтѣ»—вотъ выводъ, который дѣлаетъ Герценъ послѣ многолѣтнихъ странствованій по Европѣ, послѣ знакомства и встрѣчъ со всѣми замѣчательными людьми Запада. По отношенію къ славянству Герценъ былъ убѣжденъ, что славянскій міръ стремится къ единству и такъ какъ централизація противна (по мнѣнію Герцена) славянскому духу, то славянство должно объединиться на принципахъ федераціи.

Относясь свободомысленно ко всѣмъ религіямъ, Герценъ признавалъ, однако, за православіемъ многія преимущества и достоинства по сравненію съ католицизмомъ и протестантствомъ. И по многимъ другимъ вопросамъ Герценъ высказывалъ мнѣнія, часто совсѣмъ противорѣчившія взглядамъ западническимъ. Въ настоящую минуту даже трудно представить себѣ, что онъ относился довольно равнодушно къ различнымъ формамъ правленія. Отличаясь вѣрнымъ и свѣтлымъ пониманіемъ потребностей минуты, Герценъ высказывалъ иногда самыя умѣренныя мнѣнія. Уже А. М. Скабичевскій обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что Герценъ «съ энтузіазмомъ привѣтствовалъ въ «Колоколѣ» начинанія правительства» и въ отвѣтъ на сыпавшіяся на него письма съ требованіями революціонной программы, въ отвѣтъ на обвиненія, что онъ, высказываясь за надѣлъ землей, играетъ въ руку правительству, такъ какъ эта справедливая форма освобожденія привяжетъ народъ къ правительству,—многократно отвѣчалъ, что на знамени новаго движенія въ Россіи стоитъ не конституція, не республика, не муниципальная свобода, не война съ Австріей, а освобожденіе крестьянъ.

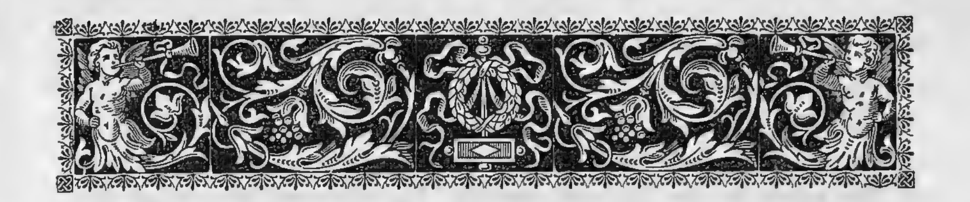
съ землей». Онъ бросилъ все и прилѣпился къ этому жизненному вопросу для Россіи.

Значеніе дѣятельности Герцена въ крестьянскомъ вопросѣ и роль его «Колокола», будившаго Россію, достаточно хорошо извѣстны и вполнѣ выяснены историками этой эпохи (сенат. Семеновъ, В. И. Семевскій, профес. Иванюковъ и др.). «Колоколомъ» зачитывалась буквально вся Россія. Его номера лежали постоянно у всѣхъ членовъ редакціонной коммиссіи...

Заканчиваемъ свою краткую замѣтку пожеланіемъ, чтобы теперь, когда истекло уже четверть вѣка со дня смерти Герцена, имя его, путемъ всесторонняго и спокойнаго изслѣдованія, было поставлено въ надлежащее мѣсто и дѣятельность его оцѣнена по достоинству.

К. И. Арабажинъ.

Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова [1].

Письма П. П. Каверина [2]) В. Г. Теплякову.

1.

30 мая 1823 г. Астрахань.

Смотрѣлъ Сарепту—она въ упадкѣ—братья союза начинаютъ опошливаться и находить, что выгоднѣе работать на себя, чѣмъ на общество. Строгость въ исполненіи обязанностей ослабѣла. Вообще, братство Гернгутеровъ [3]) Сарепты очень отстало отъ братствъ, въ Германіи на-

---

¹) См. «Русскую Старину» январь 1896 г.

²) О Петрѣ Павловичѣ Каверинѣ Пушкинъ вспоминаетъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (I гл., стр. XVII). Кромѣ того, поэтъ написалъ въ 1817 г. къ нему посланіе, «Къ Каверину» и въ томъ же году четырехстишіе: «Къ портрету Каверина». Каверинъ родился въ 1794 г.; началъ службу въ московскомъ ополченіи; будучи въ заграничномъ походѣ, слушалъ лекціи Гёттингенскаго университета; затѣмъ перешелъ въ Ольвіопольскій гусарскій полкъ, гдѣ дослужился до чина штабсъ-ротмистра. 18 августа 1816 года онъ былъ переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ въ одинъ годъ съ переведеннымъ туда же изъ Ахтырскаго гусарскаго полка П. Я. Чаадаевымъ. По словамъ кн. П. А. Вяземскаго (VI, 436), Каверинъ былъ особенно извѣстенъ своими проказами и «скиѳскою жаждою». Пушкинъ извиняется передъ нимъ за шутку, ходившую по рукамъ его лицейскихъ товарищей подъ заглавіемъ «Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ», въ которой онъ упоминаетъ имя Каверина. Въ бытность свою въ Кишиневѣ поэтъ иногда чудилъ и корчилъ изъ себя лихаго гусара, подражая Каверину. («Русск. Арх.», 1866 г., стр. 1183). 17 марта 1819 г. Петръ Павловичъ изъ лейбъ-гусаръ былъ переведенъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ маіоромъ. Здѣсь онъ сошелся съ товарищемъ по полку В. Г. Тепляковымъ и ввелъ его потомъ въ члены одной масонской ложи. Письма Каверина въ подлинникѣ всѣ писаны весьма небрежно и читаются съ большимъ трудомъ.

³) Гернгутъ (Hernhut)—мѣстечко въ Саксоніи, недалеко отъ г. Бауцена, было первымъ мѣстопребываніемъ моравскихъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія.

ходящихся. Чистота въ колоніи удивительная; магазейнъ пустой. Вообще смотрѣть нечего, кромѣ, какъ обыкновенно—братскій, сестринъ и вдовій домы, гдѣ они собираются и работаютъ; братьевъ числомъ всего до 250 душъ, до 500 во всей колоніи. Въ Черномъ Яру имѣлъ удовольствіе получить пароксизмъ лихорадки, взбѣсился, выпилъ бочку順 поншу; лихорадку перервалъ, а сдѣлалась горячка. Въ Енотаевскѣ слегъ уже и, чтобы избѣжать 80 верстъ жестокаго песку подъ Астраханью и покойно лежать, взялъ въ Енотаевскѣ дощенникъ и въ сутки пріѣхалъ сюда (140 верстъ). Дорогой мучился порядочно; здѣсь лѣчился два дня и теперь еще насилу поправляюсь. Золъ, и вы замѣчаете, что пишу нехотя. Нынче правовѣрные празднуютъ Байрамъ. Персіяне и проч. магометане разговѣлись,—всѣ разряжены и благословляютъ своего пророка. Цѣлый мѣсяцъ жестоко они постились. Цѣлый день отъ восхожденія солнца не могли они ни ѣсть, ни пить—до захожденія; ночь позволяетъ пищу вкушать и пить, а съ восходомъ солнца они постятся. Въ теперешніе жары безъ питья—должна быть мука. Много интереснаго здѣсь. Нынче пойду въ пагоду, къ расписнымъ индѣйскимъ рожамъ [1]) смотрѣть, какъ они ухаживаютъ за своими идолами. Послѣзавтра ѣду на море и на рыбную ловлю, и хочется очень въ Саратовъ къ своимъ. Могъ бы, хотѣлъ бы, и есть, что болѣе писать, но болѣзнь и жаръ лѣнятъ меня. Въ тѣни нынче 27° тепла по R. Простите, Викторъ Григорьевичъ.

Hernhuter—начальная орѳографія именно славянскихъ первоучителей. Въ XV в. въ Богеміи возникла религіозная секта, основанная частнымъ человѣкомъ, Петромъ Хельчицкимъ; недовольный ученіемъ католической церкви, онъ началъ проповѣдовать свое «ученіе о справедливости», требуя возвращенія къ первымъ вѣкамъ христіанства. Послѣдователи этого ученія, преслѣдуемые правительствомъ, жили въ пустыняхъ и пещерахъ; строгость ихъ ученія привлекала массу приверженцевъ. Послѣ неудачной для протестантовъ Богемской войны (особенно послѣ Бѣлогорской битвы 1629 г.) послѣдователи «ученія о справедливости» подверглись также гоненію; секта эта была почти уничтожена; только немногіе члены ея нашли убѣжище въ мѣстечкѣ Гернгутѣ, и въ концѣ XVIII в. секта эта подъ покровительствомъ гр. Цинцендорфа образуетъ общину, получившую съ того времени названіе «гернгутеровъ». Въ Россіи послѣдователи этого ученія поселились въ г. Сарептѣ (Саратовской губерніи). Кромѣ безусловно апостольской жизни слѣдуетъ отмѣтить особенность ихъ ученія—безбрачіе и сохраненіе семи таинствъ. (Grand dictionnaire par Larousse. v. 9, p. 232.—«Энциклопедическій словарь». С. 1891. т. 4, стр. 165).

[1]) Индійцы были одними изъ первыхъ переселенцевъ изъ Азіи со времени основанія Астрахани (въ XVI в.); они слились съ татарами, ибо по законамъ родины не могли вывозить съ собою женъ. Въ настоящее время въ Астрахани нѣтъ ни одного индійца.

2.

29 января 1824. С. Колодези.

Насилу дали вѣсть, что вы живы, любезный Викторъ Григорьевичъ, за что благодарю васъ, потому что интересуюсь вашею жизнію. Хотѣлъ бы съ вами очень повидаться, но гдѣ и какъ? Пріѣзжайте въ Калугу изъ Москвы, это 12 часовъ ѣзды, и выпишите меня туда; я, впрочемъ, часто очень тамъ бываю; вы спросите, затѣмъ? — такъ-съ. Грустно существованіе безъ цѣли, безъ пѣсенъ, безъ радостей! Да хоть бы желанія были и тѣ покинули. Напишите, думаете вы служить или въ отставку [1])— или въ гвардію, или въ Гёттингенъ? Простите, будьте здоровы и любите меня.

3.

12 апрѣля 1824. С. Колодези.

Да наградятъ васъ всѣ силы небесныя и земныя, что вспомнили обо мнѣ. Отъ марта 2-го получилъ ваше письмо. Намѣреніе ваше путешествовать, ловить смѣшное и странное, пріятное и полезное—достойно васъ и идетъ къ вашимъ лѣтамъ, способностямъ. Да всегда будетъ вашъ путь устланъ розами! Не знаю, за что вы меня принимаете за романъ m-me Radcliffe [2]), впрочемъ я не могу написать моихъ намѣреній, не по таинству ихъ, но потому что ихъ нѣтъ; мое существованіе кончилось, и я живу, не знаю для чего, ничего не желая, въ туманномъ снѣ воспо-

---

[1]) В. Г. Тепляковъ 10 сентября 1820 г. поступилъ на службу юнкеромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ; 30 января 1822 г. былъ произведенъ въ корнеты; по производствѣ въ поручики 7 мая 1824 г., онъ въ началѣ слѣдующаго года вышелъ въ отставку по болѣзни и отправился въ Петербургъ.

[2]) Radcliffe (Анна Редклифъ)—извѣстная англійская писательница, род. въ Лондонѣ 9 іюня 1764 г, † тамъ же 7 февраля 1823 г. Единственная дочь негоціанта, она получила прекрасное образованіе и 23 лѣтъ вышла замужъ за Вильяма Редклифъ, который получилъ ученую степень въ Оксфордскомъ университетѣ; онъ оставилъ адвокатуру и занялся изданіемъ журнала: «The English Chronicle». Съ этого времени m-me Редклифъ посвятила себя литературѣ. Въ 1808 году она написала романъ «Живой мертвецъ или Неаполитанцы», на который вѣроятно и намекаетъ П. Каверинъ. (Объ Аннѣ Редклифъ см. Larousse. Grand dictionnaire universel. Paris. v. 13, p. 620.— «Исторія русской словесности древней и новой». А. Галахова. Спб. 1868, т. 2, стр. 172—174.—«Вліяніе переводнаго романа и западной цивилизаціи на русское общество XVIII вѣка». Н. Бѣлозерской. «Русс. Стар.» 1895, январь, стр. 125—156).

минаній; счастіе, пріятности меня давно забыли, и я объ нихъ знаю, какъ объ азбукѣ, по которой меня читать учили. Воздухомъ дышу я болѣе въ Калугѣ, потому что Н. Н. [1]) тамъ; въ январѣ родился мнѣ Евгеній, здѣсь у Битюши бываю par convenance, а съ людьми не вожусь, ихъ нѣтъ, да и на чорта ли они.

Пишу еще пока вамъ въ Тверь, а желаю, чтобы вы были въ полку и написали бы о тамошнихъ пріятеляхъ. Будьте здоровы, рвите розы, наслаждайтесь поэзіей во всемъ и, какъ можно позже, познакомьтесь съ прозою жизни.

4.

10 мая 1824. Калуга.

Вы честный человѣкъ, что пишите ко мнѣ; но видите, что и я не шельма—всегда отвѣчаю. Вы просите, какъ вамъ быть, чтобы быть въ Петербургѣ: дождаться сентября и въ отставку, а тамъ куда хотите, а то зачѣмъ набиваться на непріятности. Помните, какъ я всегда свято исполнялъ службу, берите примѣръ, молодой человѣкъ! Ежели это письмо застанетъ васъ въ полку, то, ради Байрона, пишите про товарищей и Дэніару; каковъ Фонтанъ? Простите, спѣшу, пишите туда же. Наталья Николаевна благодаритъ за память и Евгеній также.

5.

15 октября 1824. Калуга.

Письмо ваше отъ 28-го августа получилъ на дняхъ, любезнѣйшій Викторъ Григорьевичъ. Какъ же вы сдѣлали, чтобы не быть на смотру государя, или вы были? Послѣ увѣдомленія вашего о лошади я къ вамъ писалъ, но не имѣлъ отвѣта, а впрочемъ, мнѣ всегда пріятно есть и будетъ знать, какъ и гдѣ вы глотаете воздухъ. Я почти два мѣсяца жилъ 29 верстъ отъ Москвы—теперь здѣсь, куда и адресуйте письма; я вѣрно получу ихъ. Мои здоровы, благодарятъ, а я дѣлаюсь старъ тѣломъ (недавно стукнуло 30 лѣтъ) и боленъ душею по многимъ причинамъ. Да успокоиваютъ васъ Аполлонъ, Музы и любовь.

---

[1]) Вѣроятно Н. Н.—Наталья Николаевна, его жена

6.

4 ноября 1824. Калуга.

Почтенный другъ и лордъ, благодарю за увѣдомленіе про Карацинскаго [1]), а не понимаю брань за коротенькія письма. Что мнѣ писать къ вамъ? Ѣмъ, пью, грущу; а счастье далеко, а иногда блаженствую.

Чѣмъ же вы нездоровы? Съ кѣмъ вы видаетесь, что вы читаете или пишете? Съ послѣднею почтою пишу къ брату въ Софіи въ Лицейскій пансіонъ [2]). Вы незнакомы съ нимъ? познакомьтесь, онъ былъ хорошій малый. На это письмо отвѣтъ прошу въ Козельскъ, а потомъ опять сюда.

7.

4 декабря 1824. Калуга.

За что, любезный Янкель, такія немилости, за что такія брани? лишній, хотя пріятный, трудъ — писать къ вамъ. Я пишу къ вамъ всегда безъ труда, а если мало, то вы знаете, что проза жизни ни во мнѣ, ни въ другихъ меня не занимаетъ. Теперь старому товарищу скажу, что въ моей жизни, въ моей холодной, мертвой жизни расцвѣлъ цвѣтокъ. Я блаженъ, какъ только можетъ подлунное существо быть блаженнымъ, мало сказать—счастливъ. Неужели и это очарованіе жизни продолжится, какъ и первое, только 8 мѣсяцевъ и кончится смертію? неужели я всегда долженъ съ собою носить отпечатокъ несчастія? Нѣтъ! я что-то полонъ надеждъ.

Но довольно; разберите, какъ хотите, писанное. Не завидуйте мнѣ, а радуйтесь; но все въ тиш... [3]) и этотъ листокъ для о д н о г о вас. Читали ли вы Пушкина — «Братья разбойники»? Хорошо очень. Наталья Николаевна и дѣти благодарятъ и кланяются.

---

[1]) Вѣрнѣе Карачинскій.

[2]) Алексѣй Павловичъ Каверинъ былъ воспитанникомъ благороднаго пансіона Императорскаго Царскосельскаго лицея (нынѣ Александровскаго лицея въ г. Петербургѣ); по окончаніи курса наукъ былъ въ 1825 г. выпущенъ въ гвардію; умеръ въ чинѣ подполковника корпуса лѣсничихъ. (Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея на 1885 г. Спб. 1886. Приложенія. стр. 132).

[3]) Это слово находится подъ сюргучною печатью, и окончаніе его не разобрано.

8.

25 января 1825, Калуга.

Въ вашемъ письмѣ отъ 10 января—много поэзіи, мало любезности; но за что всюду браться за таинственность? гдѣ она? зачѣмъ? откуда вы ее отыскиваете? Впрочемъ и теперь, ежели встрѣтитесь съ нашими общими знакомыми, обо мнѣ и о моемъ счастіи или заблужденіи—прошу ни слова; я даже увѣренъ. Чѣмъ ваше тѣло больно? Вы хотѣли ѣхать въ Петербургъ—что же вы въ Твери? Какъ ваша отставка? Что великій Маркграфъ? Но столько вопросовъ вамъ дѣлаю, на которые вы должны отвѣтить, что оканчиваю. Простите.

9.

8 апрѣля 1825, Калуга.

Что вы замолкли, почтенный баронетъ. Забыли меня или думаете, что я уже не дышу воздухомъ; нѣтъ, дышу, живу и наслаждаюсь жизнію. Читалъ вашу отставку, поздравляю и прошу увѣдомить о вашихъ намѣреніяхъ. Адресуйте все сюда. Каковъ Онѣгинъ? Какова въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» «Недовѣрчивость» Крылова [1]) и пѣсня Дельвига:

«На яву и въ сладкомъ снѣ,
Все мечтаетесь вы мнѣ...» и проч. [2]).

Простите. Пишите ко мнѣ и питайте, хотя маленькую любовь ко мнѣ.

---

[1]) Въ альманахѣ: «Сѣверные цвѣты на 1825 годъ, собранные барономъ Дельвигомъ», была помѣщена статья Плетнева: «Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ». Въ этой статьѣ авторъ поясняетъ графинѣ, что и въ нашей литературѣ есть немало поэтическихъ талантовъ, произведенія которыхъ могутъ замѣнить любимаго ею Ламартина. Объяснивъ вначалѣ, что такое поэзія, Плетневъ разбираетъ дальше нѣкоторыя произведенія русскихъ поэтовъ, начиная съ Державина; среди другихъ талантливыхъ писателей онъ останавливается на поэзіи Крылова (Александра), о которомъ говоритъ: «Мы знаемъ только малое число его стихотвореній, написанныхъ передъ симъ года за три. Любители поэзіи съ перваго раза примѣтили въ немъ истинныя чувства, оригинальный слогъ и вѣрный вкусъ. Съ тѣхъ поръ не встрѣчается нигдѣ его стихотвореній...»; далѣе приводится стихотвореніе этого, мало извѣстнаго въ нашей литературѣ, поэта: «Недовѣрчивость», которое, отличаясь благозвучнымъ стихомъ и глубиною чувства, обратило на себя вниманіе Каверина.

[2]) Пѣсня эта, появившаяся впервые въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» 1825 г., впослѣдствіи была положена на музыку Л. С. Даргомыжскимъ, М. А. Яковлевымъ и Литандеромъ.

Письмо В. Г. Теплякова А. Х. Бенкендорфу [1]).

17-го марта 1827 года, Херсонъ [2]).

Пораженный уже около двухъ лѣтъ неизлѣчимою болѣзнью, отдаленный отъ всѣхъ тѣхъ, коихъ заботливость услаждала хотя нѣсколько мои страданія, долго боролся я съ ужаснымъ мучительнымъ недугомъ, съ немилосердною судьбою своею, но всѣ силы души моей наконецъ истощились; долго надѣялся, что Провидѣніе Божіе, сжалясь надъ моими напастями, удостоитъ наконецъ освободить отъ бремени жизни, столь для меня несносной, но смерть не внемлетъ призывамъ моимъ. Одна только болѣзнь, болѣзнь мучительная, невыразимая раздираетъ мое существованіе, и нѣтъ средства помочь ей! Таковая крайность моего положенія была уже готова повергнуть меня въ бездну, изрытую мнѣ моимъ отчаяніемъ; но, можетъ быть, самъ Богъ удержалъ злополучнаго на краю оной, указавъ ему сердце полное той священной дружбы къ человѣчеству, коей небесный пламень оживилъ уже не одного страдальца въ бѣдахъ его; одинъ ли я буду отринутъ имъ?—Вотъ послѣдняя надежда, которая возбудила во мнѣ смѣлость искать спасенія въ благодѣтельномъ покровѣ и великодушіи вашего превосходительства.

Прошлаго 1826 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ была объявлена мнѣ с.-петербургскимъ господиномъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Высочайшая Его Императорскаго Величества воля, касательно назначенія мнѣ мѣста жительства тамъ, гдѣ я сообразно съ своими обстоятельствами пожелаю, а вмѣстѣ съ тѣмъ всемилостивѣйшее соизволеніе на

---

[1]) Гр. Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (р. 1783 г. † 1844 г.) началъ службу въ л.-гв. Семеновскомъ полку; участвовалъ въ войнѣ 1806—1807 гг., состоя дежурнымъ при ген. гр. Толстомъ; былъ охотникомъ въ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ 1809—1811 гг. Во время отечественной войны участвовалъ во многихъ славныхъ бояхъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. Императоръ Николай I, весьма расположенный къ Бенкендорфу, питалъ къ нему особенное довѣріе; 14-го декабря 1825 г. при утреннемъ одѣваніи онъ обратился къ нему со словами: «сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ; но, по крайней мѣрѣ, мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ» Въ 1826 г. Александръ Христофоровичъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ, командующимъ Императорскою главною квартирою и начальникомъ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Во время турецкой войны 1828 г. Бенкендорфъ сопровождалъ государя въ армію; въ 1829 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-отъ-кавалеріи, а въ 1832 г. возведенъ въ графское достоинство. За нѣсколько лѣтъ до его кончины, императоръ Николай I, навѣстивъ Александра Христофоровича во его время болѣзни, сказалъ присутствующимъ: «Въ теченіе одиннадцати лѣтъ онъ ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а примирилъ со многими».

[2]) Съ черноваго подлинника.

необходимость мою отправиться нынѣшнею весною къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ для пользованія моей болѣзни, вслѣдствіе чего и рѣшился я просить о назначеніи мнѣ жительства въ домѣ моихъ родителей, находящемся близъ города Твери; но пользовавшій меня въ С.-Петербургѣ медикъ г-нъ Арендтъ [1]) говоритъ, что излѣченіе моей болѣзни зависитъ какъ отъ дѣйствія минеральныхъ водъ, такъ не менѣе того, отъ употребленія послѣ оныхъ укрѣпляющихъ морскихъ ваннъ—и отъ вліянія теплаго климата, совѣтовалъ поселиться въ какомъ-либо полуденномъ приморскомъ городѣ. Одобривъ намѣреніе мое избрать Одессу, какъ такой городъ, въ которомъ находится все нужное для пользованія моей болѣзни, онъ назначилъ продолжить лѣченіе у находящагося тамъ искуснаго опытнаго врача г-на Малахова, коему обѣщалъ подробно сообщить и медицинскія свои замѣчанія о свойствѣ и различныхъ измѣненіяхъ столь долго пользованной имъ моей болѣзни. Вотъ причина, побудившая меня, оставя и родину, и родственниковъ, просить о позволеніи мнѣ поселиться въ Одессѣ. Но жительство въ оной, не знаю почему, воспрещено мнѣ; а отправленъ я сюда въ Херсонъ, столь извѣстный и нездоровымъ своимъ воздухомъ, и совершенною невозможностію найти то, что послѣднее селеніе можетъ доставить необходимостямъ человѣка больнаго. Нездоровье мое съ каждымъ днемъ ухудшается, а здѣсь нѣтъ и врача, коему бы можно было повѣрить пользованіе болѣзни, едва-едва искуснѣйшими медиками столицы поддержанной.

Между тѣмъ, просилъ я здѣшняго г. гражданскаго губернатора уволить меня съ наступающею весною, вслѣдствіе позволенія Высочайшаго, на Кавказъ, а до тѣхъ поръ въ Одессу для предварительныхъ совѣщаній съ означеннымъ г-мъ Малаховымъ, какъ врачемъ, коему изъ описаній, вѣроятно уже сообщенныхъ г-мъ Арендтомъ, должны быть извѣстны всѣ обстоятельства моей болѣзни; но и въ томъ, и въ другомъ мнѣ отказано. Напрасно говорилъ я, что имѣю для отъѣзда къ минеральнымъ водамъ соизволеніе государя: здѣсь отзываются тѣмъ, что нѣтъ никакого разрѣшенія отъ высшаго начальства для увольненія меня куда-либо отсюда. Ваше превосходительство, именемъ той добродѣтели, коей душа ваша была всегдашнимъ святилищемъ, тою святою жалостію, которую самъ Богъ влилъ въ сердце истинно благородное къ страданіямъ ближняго, заклинаю васъ, не откажите мнѣ въ благодѣтельномъ покровительствѣ вашемъ. Упущеніе нынѣшней весны, назначенной медиками для пользованія минеральными водами моей болѣзни

---

[1]) Николай Ѳедоровичъ Арендтъ—знаменитый хирургъ, былъ лейбъ-медикомъ и потомъ медицинскимъ инспекторомъ учрежденій императрицы Маріи; скончался въ Спб. 14-го окт. 1859 г. на 79-мъ г. отъ роду.

будетъ стоить мнѣ жизни и потому, если безпредѣльною покорностью своею священной волѣ государя, если тѣмъ непоколебимымъ терпѣніемъ, съ коимъ переношу посреди моего злополучія всѣ мученія ужасной моей болѣзни; если всѣмъ симъ я не заслужилъ еще возвращенія мнѣ моей свободы, то да благоволено будетъ, уволивъ меня, по причинѣ той необходимости, которая признана самимъ государемъ, нынѣшнею весною на Кавказъ [1]), назначить по крайней мѣрѣ для жительства

---

[1]) Весною 1828 г. В. Г. Тепляковъ получилъ разрѣшеніе отправиться на Кавказъ, откуда писалъ брату:

20-го іюня 1828 г. Горячія воды.

«Два письма вашихъ—одно отъ 7-го, другое отъ 21-го мая, любезный братъ, Алексѣй Григорьевичъ—я получилъ, о посылкѣ же, въ которой я теперь, какъ нельзя болѣе нуждаюсь, ни слуху, ни духу нѣтъ. Вы вѣрно ожидаете отъ меня различныхъ р о с к а з н е й о Кавказѣ, но не ждите ничего особеннаго. Еслибы мнѣ вздумалось описывать все, что здѣсь вижу, слышу и чувствую, то у меня не достало бы для сего ни бумаги, ни времени, ни терпѣнія; а у васъ сильно бы забилось сердце отъ желанія повѣрить собственными глазами истину моихъ описаній.

Взгляните на этихъ сѣдыхъ великановъ, взгляните на эти горы—ледяные престолы дикой, но разнообразной и неизъяснимо прелестной природы: это—волшебное царство, это—фантастическіе города, области духовъ и сильфовъ! Они вылиты изъ чистаго серебра, усѣяны драгоцѣнными карбункулами! Взгляните на эту снѣговую громаду, на этотъ Эльборусъ двуглавый. Пускай державный Казбекъ явится во всемъ своемъ величіи глазамъ вашимъ. Пускай вашъ взоръ обниметъ эти очаровательныя картины истинно-романтическихъ окрестностей, эти муравчатыя долины, которыя, подобно богатымъ, махровымъ коврамъ, подстилаются подъ стопы горъ Бештовыхъ, унизанныхъ кудрявымъ, какъ ярко-зеленый бисеръ, кустарникомъ и низвергающихъ изъ нѣдръ своихъ шумные кипучіе водопады; подышите этимъ свѣжимъ горнымъ воздухомъ, упейтесь этими ароматами, которыми тысячи благоуханныхъ растеній, неизвѣстныхъ на холодномъ Сѣверѣ, растворяютъ его—и... и прочтите въ умиленіи сердца 1-й стихъ 2-й пѣсни байронова «Лары»!

Возможно ли на этотъ разъ сказать вамъ обо всѣхъ мелочахъ: объ устройствѣ водъ, о порядкѣ жизни на Кавказѣ, о способѣ лѣченія и о прочемъ, о прочемъ? читайте обо всемъ этомъ Нелюбина; онъ довольно вѣренъ и точенъ въ своихъ описаніяхъ; мнѣ же позвольте ограничиться общимъ обзоромъ только того, что касается меня собственно.

Я началъ курсъ моего лѣченія питьемъ кисло-сѣрной и сѣрно-соляной водъ, купаньемъ въ Ермоловскихъ и потомъ въ Александровскихъ ваннахъ. По сіе время я купался уже около шестидесяти разъ. Наружная болѣзнь моя, т. е. опухоль, не весьма уменьшается; но за то, вообще, я себя чувствую или думаю чувствовать гораздо лучше: геморрой сдѣлался, кажется, нѣсколько слабѣе; головѣ стало, какъ будто, полегче. Теперь я въ состояніи сколько-нибудь читать, писать, даже открывать сердце для впечатлѣній. Недавно перешелъ въ Калмыцкія и Сабанѣевскія ванны; послѣ нихъ буду купаться въ кисло-сѣрныхъ и потомъ отправлюсь на желѣзныя воды, отстоящія отсюда на 16 верстъ. Кислыя воды должны окончить лѣченіе—и отъ нихъ медики (которые здѣсь, par perenthèse, какъ и все другое, куда какъ не дешевы),

моего такой городъ, въ коемъ бы я могъ найти хотя то, что медики признали необходимымъ для облегченія страждущей жизни моей; объ

ожидаютъ уничтоженія опухоли и всего хорошаго. Знаетъ одинъ Богъ, какое въ самомъ дѣлѣ послѣдствіе будетъ имѣть путешествіе мое на Кавказъ.

Часто по предписанію эскулаповъ обязанъ я нанимать верховыхъ лошадей для прогулки за колонію нашу. Описывать вамъ ея очаровательныя окрестности, шотландскую колонію, черкескіе аулы (гдѣ я недавно былъ на байрамѣ и удивлялся вѣрности Пушкинскихъ изображеній) — значитъ оскорблять поэзію. Я предоставляю себѣ это удовольствіе на грядущее время. Оно должно быть болѣе достойно и Кавказа, и меня самого, и вашего вниманія.

Жизнь на Кавказѣ, разумѣется, не въ отношеніи къ лѣченію, съ чѣмъ никакая скука сравниться не можетъ, но касательно соединившагося здѣсь прекраснаго общества—золотая жизнь. Изъ числа общихъ знакомыхъ нашихъ я встрѣтилъ:

1-го Архимандрита Товію, моего благодѣтеля.

2-го Мяснова Петра.

3-го Кушкина, бывшаго старшаго адъютанта нашей дивизіи и другихъ.

Но какое вамъ дѣло до этого народа! Скажите, какъ вы думаете, что будетъ со мною, по возвращеніи моемъ съ Кавказа? Мнѣ помнится, что я увѣдомлялъ васъ о своемъ посланіи къ гр. Воронцову. Вы можете себѣ легко вообразить, что я не щадилъ ничего для возвеличенія его сіятельства. Дунаевъ взялся также быть моимъ ходатаемъ—и что же на все это! Вотъ отвѣтъ гр. Воронцова, полученный мною сего 11-го іюня:

«Милостивый государь! На письмо ваше ко мнѣ отъ 30-го апрѣля, увѣдомляю васъ, что въ настоящее время я не могу исполнить желанія вашего, касательно доставленія вамъ мѣста въ моей канцеляріи, за совершенно полнымъ числомъ чиновниковъ, составляющихъ оную. Съ почтеніемъ честь имѣю быть и пр. Графъ М. Воронцовъ, 9-го мая 1828 г. Одесса».

Прошу замѣтить: онъ не можетъ исполнить моего желанія касательно службы по его канцеляріи. Можете ли вы себѣ представить, чтобы я могъ желать оной по чьей бы то ни было канцеляріи? Но какъ ни на есть, какая же надежда остается мнѣ теперь по вашему мнѣнію? Неужели умереть въ Таганрогѣ? Я боюсь напомнить вамъ о той тоскѣ, о той моральной болѣзни, которая должна быть, кажется, понятна хотя нѣсколько образованному человѣку и въ которой вы, не взирая ни на что, столь безжалостно упрекали меня въ Херсонѣ. Скажу только, что, возвратясь въ Таганрогъ, я намѣренъ, если здоровье позволитъ мнѣ и ежели этому не воспротивятся, ѣхать черезъ Херсонъ въ Главную квартиру для испрошенія черезъ графа Дибича занятій, болѣе достойныхъ меня. Въ противномъ случаѣ, ежели болѣзнь или новая неудача не дозволятъ исполнить мнѣ и тутъ мои желанія, то мнѣ хотѣлось бы, такъ какъ уже болѣе нечего дѣлать, поселиться въ Москвѣ и посмотрѣть, не могу ли тамъ заняться чѣмъ-либо. Но какъ сблизиться съ родителями, не отыскавъ пропажи? Что вы объ этомъ думаете, поспѣшите сообщить мнѣ свое о томъ мнѣніе, ибо мнѣ, наконецъ, надобно непремѣнно рѣшиться на что-нибудь. Полно дурачиться: пора за дѣло приняться. Если хотите откровенности, то знайте, что финансы мои въ самомъ горестномъ положеніи. Жить здѣсь гораздо дороже, нежели о томъ разсказываютъ; но за всѣмъ тѣмъ я ни подъ какимъ видомъ не осмѣлюсь просить помощи родительской, ибо это будетъ, безъ шутокъ, значить—снять съ нихъ послѣднюю рубашку. Если вы можете безъ ихъ вѣдома достать сколько-нибудь денегъ, то крайне меня

одной милости прошу я—да облегчать, да усладятъ, хоть сколько-нибудь, горестное мое существованіе! Пользовавшіе меня въ С.-Петербургѣ

обяжете, отославъ ихъ въ Таганрогъ съ тѣмъ, чтобы дождались тамъ моего возвращенія. Нельзя, кажется, думать, чтобы отъ херсонскаго грабежа мнѣ ничего не возвратили; тогда я буду въ состояніи заплатить занятое съ благодарностью. Во всякомъ другомъ случаѣ, я бы ни за что не рѣшился ни на какой заемъ; но подобной нынѣшней надобности никогда не имѣлъ еще. Возвратясь отсюда, надобно ѣхать въ Херсонъ, въ Одессу, можетъ быть—далѣе, а съ чѣмъ—Богъ вѣсть. За всѣмъ тѣмъ, если это подлежитъ хотя малѣйшему затрудненію, то не безпокойтесь; я перебьюсь какъ-нибудь. Всего болѣе—сохрани васъ Богъ говорить о моей надобности родителямъ.

Но, если возможно, я попросилъ бы ихъ о присылкѣ нѣкоторыхъ вещей, какъ-то: 1-е, сюртука на два дра-де-даму; на одинъ синяго, подобно вашему сюртуку цвѣта; на другой—темно-дикаго, темно-свинцоваго, но не сѣраго. Бѣлаго и цвѣтнаго хорошенькихъ узоровъ пике жилета на три или на четыре и что-нибудь на панталоны. 2-е хорошенькаго полосатаго (разумѣется, не пестраго, но чисто-бѣлаго) домашняго канифасу—бѣленаго одну штучку; суроваго, т. е. невыбѣленнаго—также одну штучку. Изъ этого же самаго—выбѣленнаго канифасу—два халата и столько же шароваръ; нѣсколько колпаковъ; нѣсколько хорошенькихъ чулокъ для ношенія съ башмаками, нѣсколько манишекъ и сколько-нибудь фланелевыхъ фуфаекъ, да платковъ носовыхъ. Простите мои безпрестанныя просьбы. Исполните сію послѣднюю, если только ее можно и легко исполнить, и въ такомъ случаѣ отправьте все это въ Таганрогъ съ тѣмъ, чтобы хранилось тамъ до моего прибытія; я же со своей стороны посылаю вамъ на сей же почтѣ слѣдующія вещи:

1) Штучку Мови, персидской шелковой матеріи (à maman).
2) Двѣ пары носковъ персидскихъ (à mon père et à vous).
3) Двѣ шапки черкесскія (à mon frère Eugène et à vous).
4) Одинъ шейный шелковый багдадскій платочекъ (à Natalie).

Возьмите себѣ и раздайте сіи вещи по надписямъ, къ нимъ приложеннымъ. Желалъ бы послать вамъ чего-нибудь поболѣе; но, ей-Богу, купить не на что. Что жъ дѣлать!—чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!

Да что же портреты? что же книги, о присылкѣ коихъ я просилъ васъ? книги-то мнѣ весьма нужны. Потрудитесь скорѣе прислать ихъ, присоединивъ къ нимъ, если вамъ будетъ возможно: Раичевъ переводъ Тасса и поэму «Дивъ и Пери» Подолинскаго. Письма ваши могутъ застать меня здѣсь до 15-го августа непремѣнно. Да, Бога ради, пишите почаще: не забывайте, что можно писать даже въ Америку, не только—на Кавказъ.

Прощайте, желаю вамъ всѣхъ благъ. В. Т.

P. S. Бурокъ хорошихъ нѣтъ; но и самыя дурныя стоятъ не менѣе 50-ти за каждую, да и на чортъ ли эти гадости?

Посылаю вамъ требуемыя стихотворенія.

Графу поклонитесь и поблагодарите за письмо, Храповицкимъ также.

Приписка къ родителямъ.

Покамѣстъ я живъ и начинаю, слава Богу, чувствовать себя лучше вашими святыми молитвами. Желаю вамъ всѣхъ благъ; добраго здоровія и душевныхъ радостей. Посылаю вамъ маленькій гостинецъ; его можно достать только въ здѣшней сторонѣ; прошу милостиво принять его и извинить, что столь мало достоинъ васъ. Простите, милые, дорогіе родители. Вѣрьте душевной любви и истинному почтенію, съ коими пребываетъ къ вамъ весь вашъ В. Т.

*

медики и Арендтъ, и Каменецкій, и приглашенный для совѣщанія профессоръ Нелюбинъ могутъ, если это нужно, удостовѣрить въ тѣхъ мученіяхъ, коихъ они были свидѣтелями, въ особенности же первый, который болѣе полугода меня пользовалъ. Если я молю Провидѣніе о возвращеніи мнѣ моего здоровья, то это единственно для того, чтобы всѣ силы жизни своей посвятить государю и отечеству до конца своего. Ваше превосходительство, удостойте повѣрить, что я оправдаю, вполнѣ оправдаю то благодѣяніе, а до того осмѣливаюсь просить васъ; всей моей жизни будетъ мало, чтобы васъ достойнымъ образомъ возблагодарить за него. Отъ вашего великодушія зависитъ и спасеніе, и погибель моя.

Письма И. П. Шабельскаго [1]) В. Г. Теплякову.

1.

25-го ноября 1828 г., Чугуевъ.

Письмо ваше отъ 13-го ноября, которое я имѣлъ удовольствіе получить 22-го, напомнило мнѣ, что и я не совсѣмъ былъ правъ противъ васъ; но, кто испыталъ самъ попасться въ кругъ родной послѣ семилѣтней разлуки, кто наслаждался счастіемъ семейственной жизни и въ

---

[1]) Иванъ Петровичъ Шабельскій—генералъ-отъ-кавалеріи (род. 1795 г., † 18-го мая 1874 г.), принадлежитъ къ числу выдающихся военныхъ дѣятелей русской арміи. По окончаніи образованія въ институтѣ корпуса путей сообщенія, Шабельскій былъ произведенъ въ прапорщики корпуса инженеровъ путей сообщенія и въ началѣ кампаніи 1812 г. былъ отправленъ въ 1-ю Западную армію, сосредоточенную въ Дрисскомъ лагерѣ; здѣсь онъ былъ прикомандированъ къ отдѣльному корпусу Витгенштейна, участвовалъ въ сраженіяхъ при Клястицѣ и при штурмѣ и взятіи Полоцка, гдѣ подъ картечнымъ огнемъ наводилъ мосты. Кромѣ саперныхъ работъ Шабельскій, по порученію начальника штаба, генерала Довре, производилъ рекогносцировки. За кампанію 1812 г. получивъ чинъ поручика, а за участіе въ штурмѣ Полоцка орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, Иванъ Петровичъ былъ назначенъ въ авангардъ по квартирмейстерской части къ генералу Шепелеву, съ которымъ вступилъ, преслѣдуя отступающаго непріятеля, въ предѣлы Пруссіи; участвовалъ въ сраженіяхъ: подъ Лабіау, при Кёнигсбергѣ, подъ Браунсбергомъ, Эльбингомъ и др. и, имѣя 18 лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ капитаны. Въ 1813 г. капитанъ Шабельскій, состоя при главной квартирѣ, былъ назначенъ адъютантомъ при генералѣ Довре и снова украсилъ свою грудь боевыми отличіями, въ числѣ которыхъ былъ награжденъ прусскимъ орденомъ pour le mérite и переведенъ въ л.-гв. Семе-

нѣдрѣ его испилъ всю чашу истинной прямой любви, тотъ только понимать меня можетъ, что трудно въ такомъ завидномъ положенiи сыскать свободныя минуты для отвлеченныхъ предметовъ!.. Такъ, любезный, добрый Викторъ Григорьевичъ! эти два мѣсяца я упивался жизнью, чувствовалъ что-то неизъяснимое въ душѣ своей и чего перо мое изобразить вамъ не умѣетъ. Не причтите это къ эгоизму; нѣтъ, счастiе мое было такъ велико, что я забывалъ самого себя, слѣдовательно, извинительно, ежели въ такомъ состоянiи допустилъ себя не забыть, но— не вспомнить о людяхъ, къ коимъ питаю расположенiе. Возвратясь къ обязанностямъ своимъ въ Чугуевъ 20 ноября и прикрывъ разнѣженныя чувства свои доспѣхами Марса, я вновь возвращаю себя царю, друзьямъ и добрымъ знакомымъ.

Положенiе ваше жить въ такомъ скучномъ городѣ [1]) и безъ всякихъ занятiй истинно возбуждаетъ соболѣзнованiе; я весьма буду радъ, ежели прилагаемое у сего письмо будетъ въ состоянiи извлечь васъ изъ онаго. Пишите къ нему отъ себя, но со всею откровенностiю; истинное только раскаянiе и желанiе прямо, безъ околичностей, возвратиться на путь правды къ милосердiю престола суть тѣ единственныя средства, коими вы въ состоянiи только искупить свое будущее спокойствiе, а, слѣдовательно, и счастiе! Ежели я долженъ вѣрить расположенiю ко мнѣ вашему по выраженiямъ письма, то позвольте и мнѣ не сомнѣваться, что вы не отринете совѣта моего. Я васъ знаю, благородность мыслей вашихъ испыталъ, добротою сердца восхищался; остаюсь увѣреннымъ, что вы и всѣ свои умственныя дарованiя направите къ хорошему, высокому!—къ такому, наконецъ, чѣмъ можетъ гордиться вѣрный слуга своему царю и отечеству!

Господину Геру со всѣмъ его семействомъ прошу изъявить отъ меня почтенiе и съ тѣмъ вмѣстѣ сказать, что я съ удовольствiемъ беру на себя опредѣлить ихъ юношу и даже прикрыть своимъ эгидомъ; пусть везутъ.

новскiй полкъ. При вступленiи нашихъ войскъ въ предѣлы Францiи капитанъ Шабельскiй участвовалъ во всѣхъ почти главныхъ бояхъ и при взятiи Парижа, за что̀ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени и золотою шпагою «за храбрость». По возвращенiи въ Россiю, Иванъ Петровичъ былъ произведенъ на 22-мъ году отъ рожденiя въ полковники, переведенъ въ кавалерiю и въ 1821 г. назначенъ командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Онъ принималъ участiе въ пораженiи персидскихъ войскъ при г. Елизаветполѣ, за что̀ получилъ орденъ св. Георгiя 4-й степени; за подвиги при крѣпости Абасъ-Абадъ произведенъ въ генералъ-маiоры съ назначенiемъ, по окончанiи войны, командиромъ 1 бр. 2-й уланск. дивизiи; въ то время эта дивизiя, входя въ составъ 1-го резервнаго кавалерiйскаго корпуса, была расположена на югѣ, въ Слободско-Украинской губернiи, въ такъ называемыхъ Чугуевскихъ военныхъ поселенiяхъ. («Рус. Инв.» 1874 г., №№ 110 и 115).

[1]) Т. е. въ Херсонѣ.

На дняхъ получилъ я письмо отъ Марьи Ивановны; она уже въ Москвѣ и, какъ прародительница наша, ликуетъ въ кругу сотни цѣлой своихъ исчадій. Она и о васъ упоминаетъ; право, добрая наша комендантша!

Я надѣюсь, что любезный Викторъ Григорьевичъ, несмотря на строгую мою рецензію, не лишитъ меня пріятныхъ строкъ своихъ, въ ожиданіи коихъ съ душевнымъ расположеніемъ и искреннею преданностію остаюсь всегдашнимъ вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою.

P. S. Точно камердинеръ мой изволилъ забыть брюки (съ позволенія вашего); пожалуйста попросите г-на Гера о пересылкѣ ихъ ко мнѣ.

2.

19-го января 1829 г. Печенѣги.

Вы не можете себѣ представить, сколько я самъ на себя досадовалъ, пробѣгая письмо ваше отъ 11-го декабря; я не могу себѣ простить таковую опрометчивость; не понимаю, откуда вошло мнѣ въ голову, что вамъ запрещенъ выѣздъ.—Я буду не утѣшенъ, ежели (чего Боже сохрани) именно эта статья будетъ побудительной причиной неудовлетворительнаго отвѣта г-на Сакена. Желалъ бы, чтобы вы не посылали письма того къ нему; поспѣшите меня увѣдомить, я пришлю другое и такое, какъ вамъ угодно будетъ. Ради Бога, не подумайте, добрый мой Викторъ Григорьевичъ, чтобы это сдѣлано было съ умысломъ; совѣсть моя навсегда упрекать меня станетъ, ежели вы, хотя и самою блѣднѣйшею тѣнью, подерните сомнѣніемъ добрую и въ самомъ существѣ искреннюю цѣль мою! Не менѣе справедливо также и второе замѣчаніе ваше; оно также не далось мнѣ примѣнить, обдумать вòвремя; изъ всего этого сдѣлалъ я себѣ одно полезное извлеченіе, что нашъ братъ-рубака прежде, нежели приступить къ какому-либо чернильному издѣлію, хорошо сдѣлаетъ, ежели обдумаетъ хорошенько то, что изобразить хочетъ къ благой цѣли, а не марать бумагу съ такою же глупою опрометчивостью, съ какою обыкновенно кидается въ ряды непріятеля на борзомъ конѣ; но конь—не Пегасъ, перо—не сабля!

До тѣхъ поръ я не успокоюсь, пока не получу отъ васъ отвѣта, коимъ бы представился случай исправить свою ошибку. Но ежели за всѣмъ тѣмъ Всевышній благословитъ путь вашъ на Кавказъ, мнѣ весьма пріятно будетъ получать отъ васъ посланія, но не съ отголосками жалобныхъ стоновъ, а съ громкими звуками лирическихъ пѣсней! Да по-

кровительствуетъ вамъ сей новый 1829 годъ; не все же ему подкашивать, иногда и освѣжитъ мановеніемъ своихъ крылышекъ.

Я скоро ѣду въ Петербургъ; не имѣете ли какихъ порученностей? писать и дѣлать — двѣ вещи; въ послѣднемъ не всегда бываю легкомысленъ.

Прощайте; всѣхъ милостей и душевнаго спокойствія желаетъ вамъ истинно васъ уважающій покорный слуга И. Шабельскій.

В. Г. Тепляковъ—И. П. Шабельскому.

февраль 1829 г. [1]).

Милостивый государь
Иванъ Петровичъ!

Спѣшу изъявить вашему превосходительству искреннюю мою благодарность за почтеннѣйшее ваше письмо ко мнѣ отъ 20-го [2]) прошлаго мѣсяца.

Вмѣстѣ съ симъ осмѣливаюсь я препроводить къ вамъ послѣднее свое стихотвореніе: «Кавказъ» [3]). Желаю, чтобы оно понравилось вамъ столько, сколько я самъ недоволенъ имъ. Увы! прихотливая муза не терпитъ ни разсѣянной головы, ни пустаго сердца—неизбѣжныхъ послѣдствій анти-поэтическаго моего положенія. Впрочемъ, мой абрисъ снятъ съ природы; большая часть первыхъ даже красокъ была, сколько мнѣ помнится, положена въ глазахъ вашихъ, передъ пятиглавымъ Бешъ-тау, передъ державнымъ Эльборусомъ, на Кольцѣ, при Окаменѣлостяхъ и проч., и проч. Счастливъ, ежели слабая кисть моя успѣла схватить хотя нѣкоторыя черты дикихъ, по неизъяснимо прелестныхъ картинъ сихъ. За красоту своей копіи я ни подъ какимъ видомъ не отвѣчаю, но за вѣрность рисунка смѣло ручаюсь—и въ этомъ отношеніи вы, конечно, согласитесь со мною.

Великодушное предложеніе вашего превосходительства перемѣнить письмо свое къ генералу Сакену пробуждаетъ громкій отголосокъ глубочайшей признательности въ моемъ сердцѣ. Я еще не отправлялъ перваго, а потому буду считать себя сугубо вамъ обязаннымъ за присылку другаго, написаннаго сообразно съ замѣчаніями, изложенными мною въ предъидущемъ письмѣ моемъ.

---

[1]) Съ черноваго подлинника.

[2]) Въ подлинникѣ вѣроятно ошибочно указано это число вмѣсто 19-го.

[3]) Это стихотвореніе «Кавказъ» было напечатано въ I т. собранія его стихотвореній, стр. 73—77, и посвящено Г. А. Римскому-Корсакову, съ семействомъ котораго В. Г. Тепляковъ путешествовалъ по Кавказу.

Неизъяснимо благодаренъ я вашему превосходительству и за другое предложеніе—похлопотать обо мнѣ въ Петербургѣ;—но что можно тамъ для меня сдѣлать? Или нѣтъ! я обманываюсь: можетъ быть, ваше великодушіе найдетъ какія-нибудь средства избавить мое сердце отъ тяжкаго, отъ мучительнаго бремени, которое.... я говорю о непріятномъ положеніи меньшаго моего брата [1]), принесшаго въ жертву все счастіе, всѣ надежды своей молодости мнѣ и напрасному желанію предохранить меня отъ моего бѣдствія.

Онъ служилъ юнкеромъ гвардіи въ Конноегерскомъ полку. Я не знаю, какой демонъ внушилъ мнѣ мысль заставить его пробыть со мною до той самой минуты, пока судьба постигла меня. Невинный, онъ безропотно перенесъ и раздѣлилъ со мною всѣ удары ея... Его перевели напослѣдокъ въ одинъ изъ полковъ 1-ой уланской дивизіи, и бѣдняжка, съ порядочнымъ воспитаніемъ, съ добрымъ сердцемъ томится уже болѣе двухъ лѣтъ въ этомъ положеніи, не видя конца своему злополучію. Молодой, неопытный, брошенный въ толпу дурнаго, можетъ быть, общества,—кто знаетъ, къ чему горькая безнадежность можетъ, наконецъ, повести его?

Богъ вовсе забудетъ меня, если вся моя жизнь не будетъ безпрестаннымъ стремленіемъ извлечь моего брата изъ бездны, въ которую слѣпая, безпредѣльная приверженность ко мнѣ низвергла его!

Мало на землѣ людей, которыхъ бы я рѣшился просить о чемъ-нибудь; но моя искренность, но это сильное мое прибѣжище къ великодушію вашего превосходительства могутъ вамъ быть вѣрною порукою непоколебимой надежды моей на благодѣтельныя чувства вашей души прекрасной и истинно благородной. Не откажите, если возможно помочь безпомощному;—это святое дѣло: самъ Богъ улыбнется ему!

Не зная обстоятельно ни настоящаго положенія, ни видовъ, ни намѣреній моего брата, я осмѣливаюсь надѣяться, что ваше превосходительство не откажете мнѣ въ новомъ опытѣ благосклоннаго ко мнѣ расположенія, заѣхавъ во время вашего проѣзда черезъ Тверь къ роднымъ моимъ. Ежели они въ этомъ городѣ, то вамъ будетъ весьма легко отыскать домъ ихъ; ежели они на дачѣ [2]), находящейся отъ онаго въ 3 верстахъ, то тысячи пальцевъ въ Твери могутъ указать дорогу къ оной: она не сдѣлаетъ вамъ ни версты разницы; сверхъ того, позвольте увѣ-

---

[1]) Аггея Григорьевича (р. 24 дек. 1808 г.), который 15-ти лѣтъ по подозрѣнію былъ вмѣстѣ съ братомъ Викторомъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость; впослѣдствіи онъ былъ адъютантомъ при ген. Крассовскомъ и, выйдя въ отставку, служилъ по гражданскимъ дѣламъ; умеръ почти 80 лѣтъ.

[2]) Деревня Дороших—имѣніе отца В. Г. Теплякова, которое послѣ смерти послѣдняго перешло ко второму брату Алексѣю Григорьевичу (р. 1805 года 21 сент., † 15 іюня 1872).

рить васъ и въ радушномъ пріемѣ, и въ искренней благодарности за честь вашего посѣщенія, что̀ бы ни было причиной онаго. Я прилагаю на сей конецъ записочку, которую покорнѣйше васъ прошу вручить по надписи.

Другое же письмецо благоволите, если будетъ время, доставить въ Петербургѣ второму моему брату, находящемуся теперь въ сей столицѣ; онъ еще до сихъ поръ не прислалъ мнѣ адресъ свой, но въ Твери родные могутъ означить оный. Потрудитесь также напомнить этому Эмилю о наискорѣйшей присылкѣ письма Мордвинова, ежели онъ имѣлъ безбожіе до сихъ поръ не отправлять его.

Ваше превосходительство изволите безъ сомнѣнія остановиться на нѣкоторое время въ Москвѣ, а потому удостойте познакомиться тамъ, если вамъ будетъ угодно, съ дядею моимъ Свѣчинымъ [1]. Я прилагаю при семъ и къ нему на сей конецъ грамотку. Хотя онъ отъ лѣни тысячу лѣтъ не писалъ ко мнѣ, но этотъ оригиналъ безъ лести любитъ меня; онъ будетъ сердечно радъ и чести познакомиться съ вами, и возможности узнать что-либо пообстоятельнѣе о моемъ положеніи. Сверхъ того, нельзя ли будетъ заставить его написать обо мнѣ что-нибудь къ Закревскому [2], съ коимъ онъ былъ нѣкогда большой пріятель.

Письма И. П. Бларамберга [4]) къ В. Г. Теплякову.

1.

(Въ концѣ марта) 1829 г. Одесса [3]).

Исполняя волю графа Воронцова, прошу васъ прочитать маленькую инструкцію, которую имѣю честь приложить здѣсь; мнѣ поручено вамъ

---

[1]) Роднымъ братомъ Прасковьи Аггеевны Свѣчиной, которая вышла замужъ за Григорія Алексѣевича Теплякова, отца В. Г. Теплякова; отецъ этого многочисленнаго семейства Свѣчиныхъ былъ надв. сов. Аггей Логгиновичъ (род. 1733 г., † 1797).

[2]) Закревскій Арсеній Андреевичъ, графъ (род. 13 сент. 1783 г., † 11 янв. 1865 г. во Флоренціи). Во время походовъ 1813—14 г.г. находился при особѣ императора Александра I. Въ 1828 г. былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, оставаясь въ должности финляндскаго генералъ-губернатора.

[3]) Всѣ письма г. Бларамберга предлагаются въ переводѣ съ французскаго подлинника.

[4]) Иванъ Павловичъ Бларамбергъ (Blaramberg), дѣйствительный статскій совѣтникъ, принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ изыскателей древностей Новороссійскаго края; род. въ 1772 г. во Фландріи, скончался вечеромъ 21 декабря 1831 г. въ Одессѣ. Въ 1786 г. онъ началъ службу въ Гол-

ее передать. Желая лично предложить вамъ нѣкоторыя поясненія, мною приготовленныя, и, считая необходимымъ показать вамъ разныя медали, убѣдительно прошу васъ, если это васъ не слишкомъ разстраиваетъ, будьте такъ добры зайти сегодня утромъ къ вашему, готовому къ услугамъ и преданному Бларамбергу.

Къ письму г. Бларамберга была приложена слѣдующая инструкція:

«По приказанію его сіятельства, гр. Воронцова, имѣю честь сообщить г-ну Теплякову въ формѣ предписанія слѣдующее:

Г-нъ Тепляковъ, по пріѣздѣ своемъ въ Варну, вручивъ письма его сіятельства гр. Воронцова генералу Головину [1]), будетъ такъ добръ спросить у него:

1) Всѣ свѣдѣнія, которыя его превосходительство можетъ сообщить ему устно касательно способа пріобрѣтенія медалей, могущихъ находиться у частныхъ лицъ, какъ въ Варнѣ, такъ и въ Девно, и даже въ Гебеджѣ.

2) Указать ему человѣка смышленаго и знающаго страну, который сопровождалъ бы его въ его экскурсіяхъ по окрестностямъ Варны, а также въ двухъ вышесказанныхъ мѣстностяхъ.

Такъ какъ изысканіе барельфовъ и другихъ обломковъ античнаго мрамора, а главное остатковъ греческихъ или даже латинскихъ надписей, представляетъ не меньшій интересъ, чѣмъ предметы, относящіеся къ нумизматикѣ, г. Тепляковъ, познакомясь съ кѣмъ-нибудь изъ морскихъ офицеровъ, пріобрѣлъ бы болѣе возможности открыть остатки старины, найденные во время послѣдняго похода, въ стѣнахъ крѣпостей и другихъ мѣстахъ, и узнать ихъ употребленіе. Нужно будетъ дѣлать послѣдовательные розыски въ домахъ, церквахъ и хижинахъ жителей съ цѣлью найти для покупки медали и другіе обломки мрамора, задѣланные въ стѣнахъ этихъ построекъ и жилищъ. Что удастся пріобрѣсти, можно будетъ отправить моремъ, остальное копировать елико возможно точно, сообразно съ наставленіемъ, которое я имѣлъ честь передать г. Теплякову устно, касательно точнаго измѣренія промежутковъ между стертыми буквами, какъ это встрѣчается въ античныхъ

ландіи, но черезъ 9 лѣтъ вышелъ въ отставку и прибылъ въ Россію; здѣсь онъ началъ свою дѣятельность юридической карьерой, будучи назначенъ помощникомъ редактора въ коммиссіи по составленію законовъ (1804—1806), а въ 1808 г.—прокуроромъ въ Одессу. Въ Новороссійскомъ краѣ Бларамбергъ, познакомившись съ И. А. Стемпковскимъ и Панаидоромъ Никовуломъ, занялся археологическими изысканіями; сококупные труды этихъ лицъ дали богатый матеріалъ для изученія классическаго міра сѣверныхъ греческихъ и римскихъ колоній. Одно время Бларамбергъ служилъ начальникомъ Одесскаго таможеннаго округа, потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при гр. М. С. Воронцовѣ. Затѣмъ Иванъ Павловичъ былъ назначенъ директоромъ музеевъ древностей, открытыхъ въ 1826 г. въ Одессѣ и Керчи.

О Бларамбергѣ см. «Справочный энцикл. словарь» изд. К. Крайя, т. 2. Спб. 1849 г., стр. 357. «Сѣверная Пчела» 1832 г., № 12. «Записки Одесск. Общ. Исторіи и Древностей», т. 1. Одесса 1844 г., стр. 652. Grand dictionnaire universel du XIX siècle par P. Larousse. Paris. v. II, p. 806).

[1]) Евгеній Александровичъ Головинъ, род. въ 1782 года и скончался въ 1858 году.

надписяхъ. Объ ознакомленіи мѣста, гдѣ находились эти обломки, также должно быть упомянуто въ отчетѣ, который г. Тепляковъ представитъ въ концѣ своей миссіи.

Г-нъ Тепляковъ былъ предупрежденъ, что медали съ латинскими надписями, каковы: серебряные римскіе динаріи и бронзовыя римскія медали императоровъ не стоитъ вообще пріобрѣтать.

Золотыя медали Восточной имперіи могутъ быть куплены самое большое за двойную стоимость ихъ вѣса.

Греческія медали автономныя (médailles autonomes) и императорскія не могутъ быть оцѣнены заочно; но можно платить за бронзовыя медали отъ 2-хъ до 5 руб., а за серебряныя - отъ 5-ти до 10 руб. Медальонъ Одиссосъ, оцѣненный у Міоннэ въ 600 франковъ, можетъ быть купленъ отъ 50 до 75 руб., если владѣлецъ дорожитъ имъ. Если найдется извѣстное количество медалей, которыя не захотѣли бы продать иначе, какъ гуртомъ и, между ними находились бы медали римскія, можно, купивъ ихъ дешево, сдѣлать исключеніе вышесказанному правилу.

Пункты этой инструкціи относятся столько же къ Варнѣ (Odessus), какъ и къ Мангаліи (Callatia) и Кюстенджи (Tomi)—мѣста, гдѣ находится гробница Овидія.

Остальное сообразуясь съ предписаніями и указаніями, данными устно [1]).

2.

14-го апрѣля 1829 г. Одесса.

Христосъ Воскресе! и вотъ я принужденъ, не теряя времени, отвѣчать на ваше любезное письмо прежде, чѣмъ я получилъ интересную посылку, отправленную вами графу Воронцову; она остается на Діонисисѣ [2]), до окончанія праздниковъ. Вслѣдствіе этого моя неизвѣстность продлится еще три дня.

---

[1]) Въ бумагахъ В. Г. Теплякова сохранилось слѣдующее письмо генер. Понсе, писанное на французскомъ языкѣ и адресованное въ Одессу графу Воронцову:

«Сизополь, 20 мая 1829 г. Ваше сіятельство! Великій человѣкъ, Бларамбергъ прислалъ по вашему повелѣнію очень любезнаго господина, который занимается здѣсь экзаменомъ молодыхъ гречанокъ и находитъ очень мало древностей. Я самъ сдѣлался нумизматомъ и плачу дороже его; за что онъ мститъ мнѣ, разломавъ стѣну, въ которой, по его мнѣнію, должны находиться письмена: древнія они, или нѣтъ—это рѣшитъ великій человѣкъ. Имѣю честь быть вашимъ преданнымъ слугою. Poncet».

[2]) Діонизисъ—вѣроятно, названіе парохода. Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (Journal d'Odessa) 1829 г. 20 апр. № 31 и 32, было сообщено слѣдующее на стр. 123: «Въ концѣ минувшаго мѣсяца его сіят. г. новороссійскій генералъ-губернаторъ отправилъ въ Варну и прочія завоеванныя россійскимъ оружіемъ турецкія крѣпости чиновника, для собранія древнихъ монетъ, над-

Въ довершеніи всего, вы говорите, что, вѣроятно, вамъ будетъ невозможно довести розыски ваши до Кюстенджи. Пусть бы дѣло шло только о Мангаліи, но видѣть, что вы пренебрегаете случаемъ открыть гробницу автора «Искусство любить» [1]—это, право, непостижимо, не говоря уже объ Истерѣ и Гирзофѣ, гдѣ было бы чѣмъ себя обезсмертить безъ большаго труда, такъ какъ, направляясь изъ Кюстенджи въ Гирзофъ (Гирсовъ) черезъ Истеръ, вы могли бы вернуться сюда сухимъ путемъ по тому же направленію, по которому слѣдуетъ теперь армія, черезъ Галацъ, а оттуда въ Аккерманъ.

Если эти соображенія не проникнутъ до глубины вашего сердца, мнѣ остается только сожалѣть, что вы были такъ близко къ цѣли, не достигнувъ ея. Я хорошенько не понялъ, окончательно ли вы пріобрѣли 10 медалей, описаніе которыхъ вы мнѣ прислали. Было бы жаль не воспользоваться этимъ случаемъ. Что касается остальныхъ, не видавъ ихъ и не имѣя даже описанія, я ничего не могу сказать.

Еслибы лицо, усердіе и познаніе котораго вы такъ цѣните, захотѣло бы способствовать украшенію Одесскаго музея, подаривъ ему отъ своего имени маленькую часть медалей, имъ собранныхъ, одесскій журналъ поспѣшилъ бы обнародовать этотъ великодушный и патріотическій поступокъ. И гр. Воронцовъ, какъ начальникъ нашего управленія, не приминулъ бы также написать ему благодарственное письмо.

Сейчасъ мнѣ сказали, что одно судно готово отплыть въ Варну; пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы христосоваться съ вами, прося васъ принять увѣреніе въ искреннемъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою.

NB. Вы по ошибкѣ, милостивый государь, увезли маленькую адріанопольскую медаль вмѣсто латинской монеты Восточной Римской имперіи.

писей, мраморовъ и др. остатковъ древности, кои бы могли занять мѣсто въ нашемъ музеѣ. Вслѣдствіе таковаго распоряженія, на дняхъ привезено сюда изъ Варны 9 или 10 кусковъ мрамора съ разными изображеніями и греческими надписями. Мраморы сіи еще не выгружены; но немедленно по полученіи оныхъ мы надѣемся, что извѣстный ученому свѣту директоръ Одесскаго и Керченскаго музеевъ, г. Бларамбергъ сообщитъ объ нихъ что-нибудь любопытное». Въ № 35 въ томъ же «Одесс. Вѣст.» на стр. 137 имѣется описаніе этихъ мраморовъ; въ № 91 стр. 392 Бларамбергъ сообщаетъ объ открытіяхъ Теплякова въ Болгаріи; затѣмъ въ № 95 стр. 416 и № 98 стр. 428 Бларамбергъ пишетъ о полученіи гр. Воронцовымъ изъ Мессемвріи весьма интересной копіи съ древней надписи, присланной В. Г. Тепляковымъ.

[1] «Искусство любить» (Amores, въ 3-хъ кн.)—одно изъ раннихъ произведеній поэтическаго таланта Овидія, относится къ 14 г. до Р. Х.; оно состоитъ изъ элегій, полныхъ восторга и страсти. Подозрѣвали, что подъ именемъ капризной возлюбленной Коринны поэтъ воспѣлъ Юлію, дочь Августа, извѣстную своимъ распутствомъ и дурнымъ поведеніемъ.

Имѣю честь послать вамъ путеводитель, который, Богъ дастъ, обратитъ ваше вниманіе на Истеръ, а потомъ на Гирзофъ. Аминь.

Н. Н. Муравьевъ [1])—В. Г. Теплякову.

27 іюня (1829). Варна.

Наконецъ есть случай писать къ вамъ, но все еще не отправлять шкатулку, ибо мы не рѣшаемся ввѣрить оную купцу, и лучше дождусь, когда пойдутъ отсюда казенные транспорты, хотя это пройдетъ еще цѣлую недѣлю.—Камни и книги [2]) къ вамъ доставить можно, но вещей никакихъ и всѣ они предадутся сожженію; у насъ здѣсь адъ земной, и вы весьма хорошо дѣлаете, что сюда не заѣзжаете, всѣ умираютъ, и мы только ожидаемъ нашей очереди.

Покорнѣйше прошу васъ сказать капитану Бюрно, что я недавно воротился изъ-подъ Шумлы и при возвращеніи получилъ его письмо, вслѣдствіе коего тотчасъ сдѣлалъ поиски объ его людяхъ и лошадяхъ, но нигдѣ не нашелъ и полагаю, что при всеобщемъ нашемъ бѣдствіи, они, конечно, куда-нибудь убрались.

Если вы знакомы съ капитаномъ Сикстелемъ, то буду васъ покорнѣйше просить сказать и ему также, что по письму его я справлялся вездѣ, но ничего не открылъ, о томъ и буду при свободномъ времени ему писать, но теперь некогда, хлопотъ пропасть.

Варна опустѣла, мы всѣ стоимъ лагеремъ около нея и мертвые, и живые.

Я бывалъ въ дѣлахъ, и въ жаркихъ, но подобнаго нашему положенію ничего не видалъ, впрочемъ, держусь своему правилу, что если не назначено умереть отъ чумы, такъ не умру, конечно.

---

[1]) Николай Николаевичъ Муравьевъ (съ 26 августа 1858 г. гр. Муравьевъ-Амурскій) былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей 25 іюня 1827 г. въ лейбъ-гв. Финляндскій полкъ и принялъ участіе на слѣдующій годъ въ турецкой войнѣ; былъ при осадѣ Варны, гдѣ съ первыхъ же шаговъ своей службы удостоился высочайшаго благоволенія «за примѣрное мужество, неустрашимость и отличное усердіе»; былъ адъютантомъ генерала Головина, находился на эскадрѣ контръ-адмирала Кумани, при взятіи Сизиполя, при бомбардированіи Ахіолло; участвовалъ въ отрядѣ ген. Рота въ сраженіи подъ Кулевчею и при взятіи редутовъ подъ Шумлою; находился въ Варнѣ во время чумы.

[2]) Сохранилась въ бумагахъ В. Г. Теплякова записка такого содержанія: «Посылаю все, что обрѣлъ, ибо я самъ былъ подъ Шумлою и недавно пріѣхалъ: 1) шкатулку, 2) мѣшокъ, въ коемъ книги и разныя мелочи, 3) четыре камня, 4) два чубука». Н. Муравьевъ.

Все сіе пишу, какъ отъ себя, такъ и отъ Өедора Ивановича (Орлова), которому также много хлопотъ. Если вы знакомы и увидите Батьянова и графа Гейдена [1]), то скажите имъ, что письмо ихъ я получилъ въ пылу сраженія подъ Шумлой и буду отвѣчать, когда здѣсь чума немного присмирится, а теперь не до того.

Прощайте, почтеннѣйшій Викторъ Григорьевичъ, желаю вамъ больше насъ быть увѣреннымъ въ существованіи. Остаюсь преданный вамъ и готовый къ услугамъ.

(Въ этомъ же письмѣ приписка).

Свидѣтельствуя душевное мое вамъ, почтеннѣйшій Викторъ Григорьевичъ, почтеніе, желаемъ всего болѣе здоровья, которое у насъ на волоскѣ. Все, что пишетъ Николай Николаевичъ, я подтверждаю и покорнѣйше прошу меня извинить за медленное исполненіе вашего препорученія; обстоятельства круты, но если будемъ здравы, получите свое.

Надежда на Бога—увидимся еще въ семъ мірѣ; а до сего не забывайте почитающаго васъ Ө. Орлова.

П. Я. Купреяновъ [2])—В. Г. Теплякову.

28 сентября 1829 г. Лагерь подъ Шумлой.

Милостивый государь Викторъ Григорьевичъ!

Знакомство, которое я имѣлъ честь съ вами сдѣлать въ Праводахъ, позволило мнѣ адресовать изъ Россіи на имя ваше въ Одессу кучера

[1]) Гейденъ (Логгинъ Петровичъ) адмиралъ русскаго флота (1772—1850 г.), графъ, ревельскій военный губернаторъ и главный командиръ Ревельскаго порта; участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ и замѣчательныхъ походахъ русскаго флота; въ 1827 г. съ особою командою изъ 4 кораблей, 4 фрегатовъ и корвета въ соединеніи съ французскою и англійскою эскадрами подъ начальствомъ адмирала Кодрингтнота, участвовалъ въ истребленіи турецко-египетскаго флота при Наваринѣ. Во время турецкой войны (1828—29 гг.) производилъ съ эскадрою блокаду Дарданеллъ и Константинополя.

[2]) Павелъ Яковлевичъ Купреяновъ (род. въ 1789 г., † 23 марта 1874 г.) по окончаніи курса наукъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ вышелъ въ лейбъ-гв. Финляндскій полкъ. Участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828—29 гг. командиромъ 10-й пѣх. бригады въ чинѣ генералъ-маіора. Блистательною обороною Праводы (мѣстечко между Шумлою и Варною) удерживалъ въ теченіе трехъ недѣль 40-тысячную армію визиря, что дало возможность фельдмаршалу гр. Дибичу, бывшему подъ Силистріею, отрѣзать путь великому визирю отъ Шумлы и дать сраженіе подъ Кулевчею. За это геройское дѣло ген. Купреяновъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. («Русск. Инв.» 1874 г. № 79—80. А. С—ъ.—«Русскій Міръ» 1874 г. № 81).

съ тѣмъ, чтобы вы сдѣлали мнѣ большое одолженіе взять трудъ отправить онаго ко мнѣ моремъ въ Варну; но обстоятельства перемѣнились; я завтра самъ отъѣзжаю за болѣзнью въ Россію, въ г. Саратовъ, гдѣ мое имѣніе, и кучеръ мнѣ болѣе не нуженъ, а потому въ случаѣ, если оный явится къ вамъ, покорнѣйше васъ прошу его отправить обратно къ моему брату, въ г. Сумы, т. е. туда же, откуда онъ будетъ отправленъ.

Поздравляю васъ со славнымъ миромъ [1]); кажется, вы, господа писатели, можете потрудиться нѣсколько хорошихъ статей написать въ честь гр. Забалканскаго [2]). Желалъ бы знать, были ли вы въ Сизиполѣ? теперь тамъ Головинъ [3]) военный генералъ-губернаторъ всѣхъ Забалканскихъ портовъ, а ген. Нагель былъ назначенъ на мѣсто его въ Базарчу и Бабадахъ. На дняхъ ген.: Понсетъ, Нагель, Будбергъ, кн. Мадатовъ, Сольданъ и Завадскій кончили свою жизнь отъ болѣзней. Я самъ съ іюля мѣсяца жестоко боленъ; 10 дней тому назадъ, какъ лихорадка меня покинула; слабъ очень, съ трудомъ и привалами вамъ пишу; ходить еще не могу; не знаю, какъ поѣду.

А. Ѳ. Шидловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) Турецкая война кончилась миромъ въ Адріанополѣ 2 (14) сентября 1829 г.

2) Т. е. гр. Дибича, получившаго за турецкую войну званіе ген.-фельдмаршала и титулъ графа Забалканскаго.

3) Евгеній Александровичъ Головинъ, — объ немъ упоминалось выше, — извѣстный мистикъ, былъ впослѣдствіи главнокомандующимъ на Кавказѣ и членомъ Государственнаго Совѣта (о немъ см. «Русскую Старину» 1895 г. № 10—12; 1896 г. № 1—2.—«Девятнадцатый вѣкъ», кн. I).

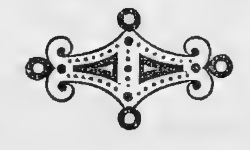
Письмо Платона, митрополита московскаго, къ императору Павлу.

Всепресвѣтлѣйшій и Всемилостивѣйшій
Государь Императоръ!

Съ наступающими праздниками спасительнаго Рождества Господа Нашего и новаго года, всеподданнѣйшее и всеусерднѣйшее Вашему Императорскому Величеству приношу поздравленіе. На кого достойнѣе всѣ предъ Богомъ изліять желанія, какъ не на августѣйшую особу Вашу? Извѣстна мнѣ Ваша вѣра къ явившемуся во плоти для спасенія нашего: извѣстна Ваша привязанность къ святымъ правиламъ Евангелія. Да и есть ли на свѣтѣ драгоцѣннѣе особа для отечества нашего; но и для всего человѣческаго рода? О, Боже, Царю Царей! благочестивѣйшаго монарха нашего умудри, настави на всякій путь истины и правды, и благослови его благословеніемъ земнымъ и небеснымъ о Христѣ Іисусѣ. Съ сими моленіями всегда предстану предъ лице Божіе; пребываю со всеподданническимъ благоговѣніемъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйшій богомолецъ Платонъ, митрополитъ московскій.

Сообщ. **Н. Н. Селифонтовъ.**

1798 г. декабря 20 дня
Троиц. Лавра.

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ концѣ 1895 года.

Супоневъ, А. Н. Сороковая годовщина Севастополя. (Изъ Крымскихъ воспоминаній). — «Русскій Архивъ», 1895, № 11.

Изъ походнаго дневника генерала А. Н. **Нарбута**. (Продолж.).—«Русскій Архивъ», 1895, № 11.

Митропольскій, И. А. Изъ воспоминаній врача. 1865—1875. (Продолженіе). «Русск. Арх.», 1895, № 11.

Мансуровъ, А. Изъ провинціальной жизни прошлаго столѣтія.—«Русскій Архивъ», 1895, № 11.

Мартыновъ, А. А. Надгробная лѣтопись Москвы (оконч.). — «Русскій Арх.», 1895, № 11.

Губастовъ, К. А. Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ. Замѣтка К. А. **Губастова**. — «Русскій Архивъ», 1895, № 11.

Письма Н. И. **Тургенева** къ брату его Александру Ивановичу и къ Жуковскому. — «Русскій Архивъ», 1895, № 11.

Авраамъ Сергѣевичъ **Норовъ**. (Къ столѣтію со дня его рожденія). — «Русск. Арх.», 1895, № 11.

Звѣревъ, С. Е. Николай Дмитріевичъ Чертковъ. Къ пятидесятилѣтію Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго корпуса.—«Русск. Арх.», 1895, № 11.

Юдинъ, П. А. Къ біографіи графа Ланджерона. — «Русск. Арх.», 1895, № 11.

По поводу восьмисотлѣтняго юбилея города Рязани: рѣчь Д. И. **Иловайскаго** въ торж. засѣданіи Рязан. Уч. Арх. Комм. 21 сент. 1895 г., и замѣтка издателя. — «Русск. Арх.», 1895, № 11.

Савеловъ, Л. М. Дополненіе къ отвѣту на вопросъ XVII (объ И. А. Мусинѣ-Пушкинѣ).—«Русск. Арх.», 1895, № 11.

Письма В. А. **Жуковскаго** къ А. И. Тургеневу (1828 — 1833) съ примѣчаніями И. А. **Бычкова**.—«Русск. Арх.», 1895, № 11 и № 12.

Записка о Турціи, поданная графу А. Х. Бенкендорфу въ 1833 году.— «Русск. Арх.», 1895, № 12.

И. С. Аксаковъ и А. О. Смирнова. Письма И. С. Аксакова 1845—1880.— «Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Два письма графа (князя) М. С. Воронцова изъ похода 1806 года.— «Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ князю А. Н. Голицыну (1812).—«Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Письма архимандрита Фотія къ князю А. Н. Голицыну (1824).—«Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Письмо князя А. Н. Голицына къ А. Ѳ. Лабзину. — «Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Къ біографіи Н. М. Карамзина: а) Письмо его первой супруги.—б) Письмо В. А. Жуковскаго, в) Переписка Карамзина съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. г) Письмо Карамзина къ князю А. Н. Голицыну.— «Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Новонайденные 45 стиховъ А. С. Пушкина: Посланіе къ А. И. Тургеневу.—«Русск. Арх.», 1895, № 12.

Объ Аракчеевѣ (изъ частнаго письма, въ началѣ нынѣшняго столѣтія).— «Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Два письма графа Аракчеева къ князю А. Н. Голицыну. — «Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Замѣчательная грамота царя Алексѣя Михайловича вдовѣ голландскаго купца Фанрингена. (Сообщено Н. В.

Шеметовой).—«Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Попандопуло, В. К. По поводу работъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.—«Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Мартыновъ, А. А. Рѣка Неглинная. Пруды Неглиненскіе.—«Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Предстоящее столѣтіе кавалергардовъ.—«Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Семеновъ, Н. П. Сенаторъ. Къ исторіи крестьянства на Руси.—«Русскій Архивъ», 1895, № 12.

Воспоминанія А. В. Эвальда. VIII—X. (Продолж.). — «Истор. Вѣстн.», 1895, № 11.

Мартьяновъ, П. К. Въ переломѣ вѣка. (Отрывки изъ старой записной книжки).—Оконч. — «Истор. Вѣстн.», 1895, № 11.

Кругловъ, А. В. Пестрыя странички (Изъ литературныхъ воспоминаній).—Продолж. «Истор. Вѣстн.», 1895, № 11.

Медвѣдскій, К. П. Современные литературные дѣятели. Викторъ Петровичъ Буренинъ. — «Истор. Вѣстн.», 1895, № 11.

Рындинъ, А. Имамъ Шамиль въ Россіи.—«Истор. Вѣстн.», 1895, № 11.

Воробьевъ, Г. Каѳедральный соборъ въ Плоцкѣ. — «Истор. Вѣстн.», 1895, № 11.

Бородаевская, В. Надежда Васильевна Стасова. (Біографич. очеркъ).—«Историческій Вѣстникъ», 1895, № 11.

Крыловъ, В. А. Памяти Н. А. Бѣлоголоваго. — «Истор. Вѣстн.», 1895, № 11.

Тиховскій, Ю. Мнимая типографія Почаевскаго монастыря. — Оконч. — «Кіев. Старина», 1895, № 9.

Падалка, Левъ. Десятинщики Херсонской губерніи. Историко-статист. очеркъ.—«Кіев. Старина», 1895, № 9.

Воспоминанія священника о. Ѳеодора Кистяковскаго (продолж.).—«Кіев. Старина», 1895, № 9 и № 11.

Л., А. Александръ Ивановичъ Ханенко (некрологъ).—«Кіев. Старина», 1895, № 9.

Прот. П. Орловскій. Протопопъ Іоаннъ Строцкій, какъ поборникъ православія на Украйнѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія. — «Кіев. Старина», 1895, № 11.

Галантъ, И. В. Къ исторіи Уманской рѣзни 1768 г. (Читано въ Историкофил. Общ. при Нѣжинскомъ институтѣ).—«Кіев. Старина», 1895, № 11.

Л., А. Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго. — «Кіев. Старина», 1895, № 11.

Акад. Л. Майковъ. Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ (1826—1830).—«Русск. Обозр.», 1895, № 9.

Проф. Архангельскій, А. С. С. Т. Аксаковъ І. Дѣтство и студенчество (1791—1807).—Окончаніе. — «Русское Обозр.», 1895, № 9.

Князь Ш., Н. В. Опредѣленіе Гилярова-Платонова на свѣтскую службу.—«Русск. Обозр.», 1895, № 9.

С., Лекція о митрополитѣ Филаретѣ (Письмо изъ Лондона) — «Русское Обозр.», 1895, № 9.

Проф. Кашкинъ, Н. Д. Воспоминаніе о П. И. Чайковскомъ. Гл. VI.—«Русск. Обозр.», 1895, № 9 и № 10.

Макъ-Гаханъ, В. Н. Поступательное движеніе православія въ Соед. Штатахъ.—Оконч.—«Русск. Обозр.», 1895, № 9.

Черняевъ, Н. И. О русскомъ самодержавіи.—Оконч. — Русск. Обозр», 1895, № 9

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и обществ. дѣятелей: 1) Письма къ О. А. Новиковой И. С. Аксакова. 2) Листки изъ записной книжки К. А.—«Русск. Обозр.», 1895, № 9.

Новинъ, Н. Памяти графа П. Д. Бутурлина.—«Русск. Обозр», 1895, № 9.

Логика раскола (Письма къ И. С. Аксакову). Письмо IV. Н. П. Гилярова-Платонова. Съ предисловіемъ князя Н. Ш.—«Русск. Обозр.», 1895, № 10.

Фудель, І. И. Поучительная исторія. (Къ школьному вопросу).—«Русское Обозрѣніе», 1895, № 10.

Новицкій, А. П. Памяти Д. А. Ровинскаго.—«Русск. Обозр.», 1895, № 10.

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Библіографія и библіографы въ Россіи. А. А. Ярцева. 2) Листки изъ записной книжки. А. К. — «Русск. Обозр.», 1895, № 10.

Еще о М. Н. Катковѣ: 1) Отъ редакціи. 2) Добровольный отвѣтъ на «Вынужденное объясненіе» Н. М. Павлова. К. Н. Цвѣткова. 3) Въ заключеніе нашей полемики съ г. Цвѣтковымъ. Н. М. Павлова. 4) Послѣднее слово Н. М. Павлову. К. Н. Цвѣткова.—«Русск. Обозр.», 1895, № 10.

Князь Шаховской, Н. В. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и К. С. Аксаковъ. (По статьямъ и письмамъ Гилярова).—«Русск. Обозр.», 1895, № 12.

Муравьевъ, А. Н. Мои воспоминанія. Часть II. (Съ примѣч. А. А. Третьякова).—«Русск. Обозр.», 1895, № 12.

Проф. Кашкинъ, Н. Д. Воспоминанія

о П. И. Чайковскомъ. (Оконч.). — «Русск. Обозр.», 1895, № 12.

Розановъ, В. В. Открытое письмо къ г. Алексѣю Веселовскому.—«Русское Обозр.», 1895, № 12.

Фудель, І. И. Новое выраженіе русской культурной мысли. — «Русское Обозр.», 1895, № 12.

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Письмо къ К. А. Губастову К. Н. **Леонтьева**.— «Русск. Обозр.», 1895, № 12.

Брикнеръ, А. Г. Россія и Данія при императрицѣ Екатеринѣ I. (По документамъ датскаго архива). Оконч.— «Русск. Мысль», 1895, № 9.

Миклашевскій, И. Н. Водное законодательство и право Россіи. Оконч.— «Русская Мысль», 1895, № 9.

Копосовъ, П. П. Г. Барсуковъ о П. Н. Кудрявцевѣ. — «Русская Мысль», 1895, № 9.

Миллеръ, Вс. Ѳ. Русская былина, ея слагатели и исполнители.— «Русская Мысль», 1895, № 9 и № 10.

Кр., Вл. Изъ итоговъ земскаго школьнаго дѣла.—«Русская Мысль», 1895, № 10.

Кизеветтеръ, А. Иванъ Грозный и его оппоненты. — «Русская Мысль», 1895, № 10.

Филипповъ, А. Н. Правительствующая олигархія послѣ Петра Великаго (продолж.).—«Русская Мысль», 1895, № 11.

Дубасовъ. Забытые дипломаты Тамбовскаго края.—«Наблюдатель», 1895. № 9.

Благовидовъ, Ѳ. В. Отношеніе современниковъ и исторіи къ Наказу и Большой Коммиссіи Екатерины II.— «Наблюдатель», 1895, № 10.

Липранди, А. П. Германія въ Россіи (продолж.). — «Наблюдатель», 1895, №№ 9 и 10.

Зерцаловъ, А. Н. О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 7136 года.—«Чт. въ Имп. Общ. И. и Д. Росс.», 1895, кн. 4.

Письма митрополита московскаго Платона къ Высочайшимъ Особамъ.— Съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Д. **Муретова**.—«Чт. въ И. Общ. И. и Д. Росс.», 1895, кн. 4.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. Декабристы въ Западной Сибири. Очеркъ по оффиц. документамъ.—«Чт. въ И. Общ. И. и Д. Росс.», 1895, кн. 4.

Письма А. Н. Шемякина къ О. М. Бодянскому (1859—1875). Съ предисловіемъ Дѣйств. Чл. А. А. **Титова**. — «Чт. въ Имп. Общ. И. и Д. Росс.», 1895, кн. 4.

Рѣчи, произнесенныя Іоанникіемъ Галятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. Сообщ. Чл.-Соревн. В. О. **Эйнгорнъ**. — «Чт. въ И. Общ. И. и Д. Росс.», 1895, кн. 4.

О перемиріи, состоявшемся между Швеціей и Россіей въ 1537 г. Переводъ съ шведскаго оригинала, хранящагося въ архивѣ графовъ Делагарди въ Лёбердѣ. — Дѣйств. Члена А. А. **Чумикова**. — «Чт. въ Имп. Общ. И. и Д. Росс.», 1895, кн. 4.

Коноплевъ, Николай. Святые Вологодскаго края.—Изслѣдованіе. — «Чт. въ И. Общ. И. и Др. Росс.», 1895, кн. 4.

Латышевъ, В. В. О поддѣльныхъ греческихъ надписяхъ изъ Южной Россіи.—«Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», Т. XVIII.

Фонъ-Штернъ, Э. Р. Вновь найденная лекана изъ Керчи съ изображеніемъ Діонисова тіаса. — «Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», Т. XVIII.

Юргевичъ, В. Н. Надписи на ручкахъ и обломкахъ амфоръ и черепицъ, найденныхъ въ Ѳеодосіи въ 1894 г.— «Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», Т. XVIII.

Шкорпило, В. В. Новооткрытое Боспорское надгробіе. — «Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», Т. XVIII.

Списокъ съ статейнаго списка подьячего Василія Аитемирева, посыланнаго въ Крымъ съ предложеніемъ мирныхъ договоровъ. — Сообщено и снабжено предисловіемъ А. И. **Маркевичемъ**.—«Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», Т. XVIII.

Маркевичъ, А. И. Городъ Качибей или Гаджибей — предшественникъ г. Одессы. (Дополнительныя замѣтки къ статьѣ того же названія, напечатан. въ «Зап. Имп. Одесск. Ист. и Древн.», т. XVII). — «Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», т. XVIII.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Крымскія дѣла 1775—1776 г. Московское отдѣленіе общаго архива Главнаго Штаба. — «Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», т. XVIII.

Маркевичъ, А. И. Грамота императора Александра I на пожалованный въ 1819 году орденъ Владиміра 4 степени съ бантомъ 14 класса Москули.— «Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», т. XVIII.

Яковлевъ, В. А. Архимандритъ Антонинъ (некрологъ).—Его же.—Василій Карловичъ Надлеръ (некрологъ).— «Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», т. XVIII.

Маркевичъ, А. И. Василій Ксенофонтовичъ Виноградовъ (некрологъ). — «Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», т. XVIII.

Яковлевъ, В. А. Некрологи: 1) Іосифъ Григорьевичъ Шершеневичъ. 2) Платонъ Осиповичъ Бурачковъ. 3) Францъ Осиповичъ Морандн. — «Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн.», т. XVIII.

Казанскій, В. А. Городище «Чашинъ курганъ». — Археологич. очеркъ. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1894, вып. 4-й.

Харузинъ. Къ исторіи г. Ливны. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1894, вып. 4-й.

Богдановъ, И. А. Краткое описаніе богоугоднаго заведенія въ Орлѣ при церкви Воскресенія Христова. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1894, вып. 4-й.

Пупаревъ, А. Г. Къ біографіи рода Лутовиновыхъ. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1894, вып. 4-й.

Пупаревъ, А. Г. Роспись приданому. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1894, вып. 4-й.

Пупаревъ, А. Г. Двѣ сенаторскія ревизіи Орловской губерніи при губернаторѣ Яковлевѣ. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1894, вып. 4-й.

Кирѣенко, Г. К. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1795 г. (Продолж.). — «Извѣстія Таврич. Учен. Архив. Комм.», 1895, № 22.

Ивановъ, П. А. Изъ дѣлъ Николаевскаго Портоваго Архива. — «Извѣстія Таврич. Учен. Архив. Комм.», 1895, № 22.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Историческій очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія. (Продолж.). — «Извѣстія Таврич. Учен. Архив. Комм.», 1895, № 22.

Сборникъ документовъ по исторіи Крымско-татарскаго землевладѣнія. — «Извѣстія Таврич. Учен. Архив. Комм.», 1895, № 22.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Раскопка кургановъ въ д. Тавкель-Найманъ, Евпаторійскаго уѣзда. — «Извѣстія Таврич. Уч. Архив. Комм.», 1895, № 22.

Давыдовъ, П. В. Письма управляющаго имѣніемъ Саблы Симферопольскаго уѣзда Якова Дахнова, писанныя во время войны 1854—1856 г. — «Извѣстія Таврич. Уч. Арх. Комм.», 1895, № 22.

Некрасова, Е. Юношескіе литературные труды Герцена. (На основаніи не напечатанной части «Переписки»). — «Сѣв. Вѣстн.», 1895, № 9.

Изъ литературы и жизни. — 1) Еще о князѣ В. Вяземскомъ. В. Корсакова. 2) Правдивое слово о князѣ В. В. Вяземскомъ. А. П. Суворовой. 3) Памяти Н. В. Стасовой. — Л. Г. — «Сѣв. Вѣстн.», 1895, № 10.

Записки А. О. Смирновой. (Продолженіе. — «Сѣв. Вѣстн.», 1895, № 10.

Боборыкинъ, П. Англійское вліяніе въ Россіи. — «Сѣв. Вѣстн.», 1895, № 10.

Волынскій, А. Литературныя замѣтки. Валеріанъ Майковъ. — «Сѣверный Вѣстникъ», 1895, № 10.

Переписка Мопассана съ Башкирцевой. Переводъ съ неизданныхъ автографовъ. — «Сѣв. Вѣстн.», 1895, № 11.

Записки А. О. Смирновой. — Изъ записныхъ книжекъ 1825 — 1845 гг. — «Сѣв. Вѣстн.», 1895, № 11.

Волынскій, А. Литературныя замѣтки. Аполлонъ Григорьевъ. — «Сѣверн. Вѣстн.», 1895, № 11.

Кулаковскій, П. А. Павелъ-Іосифъ Шафарикъ. — „Журн. М. Н. Пр.“, 1895, № 6.

П. В. Павловъ (некрологъ). „Журн. М. Н. Пр.“, 1895, № 6.

Леонтовичъ, Ѳ. И. Сословный типъ территоріально - административнаго состава Литовскаго государства и его причины. — „Журн. М. Н. Пр.“, 1895, № 6.

Владиміровъ, П. В. Введеніе въ исторію русской словесности (продолж.). — „Журн. М. Н. Пр.“, 1895, № 6.

Будиловичъ, А. С. Историч. замѣтка о бюджетныхъ отношеніяхъ Импер. Юрьевскаго Университета въ разные періоды его существованія. — „Журн. М. Н. Пр.“, 1895, № 6.

Кондаковъ, Н. П. П. И. Савваитовъ (некрологъ). — „Журн. М. Н. Просв.“, 1895, № 9.

Пѣтуховъ, Е. В. Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. — „Журн. М. Н. Просв.“, 1895, № 9.

Марковскій, М. Антоній Радивиловскій, южно - русскій проповѣдникъ XVII в. (продолж.). — „Унив. Изв.“, 1895, № 9.

Голубовскій, П. В. Исторія Смоленской земли до начала XV в. (продолженіе). — „Унив. Изв.“, 1895, № 4.

Козловскій, И. Сильвестръ Медвѣдевъ (оконч.). — „Унив. Изв.“, 1895, № 5.

Проф Голубовскій, П. В. О началѣ русской письменности. Вступительная лекція. — „Унив. Изв.“, 1895, № 11, Кіевъ.

Рудневъ, Л. И. Духовныя завѣщанія по русскому гражданскому праву въ историческомъ развитіи (продолж.). — „Унив. Извѣстія“, 1895, № 11, Кіевъ.

Смирновъ, А. И. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьбы комедіи его „Горе отъ ума". Актовая рѣчь. — „Варш. Унив. Изв.", 1895, VI.

Александровъ, А. Исторія развитія духовной жизни Черной Горы и князь-поэтъ Николай I. — „Уч. Зап. Имп. Казан. Унив.", 1895, № 8.

Ивановскій, В. Русское Государственное право. (Продолж.). — „Учен. Зап. Казан. Унив.", 1895, № 10.

Проф. **Багалѣй**, Д. И. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета (продолженіе). — „Записки Имп. Харьк. Унив.", 1895, кн. 2.

Лилеевъ, М. И Изъ начальной исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. Историко-критическое изслѣдованіе. (Продолж.). — „Извѣстія Ист.-Фил. Инст. князя Безбородко въ Нѣжинѣ". 1895, т. XIV. Приложеніе

Сорокинъ, П. П. Слѣды Чуди въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. — „Археологическія Извѣстія и Замѣтки", 1895, № 11.

Прохоровичъ, М. Воспоминанія изъ боевой жизни въ войну съ турками 1877 и 1878 г. (съ чертежомъ). — „Военный Сборникъ", 1895, № 9.

Красновъ, П. Донской казачій полкъ сто лѣтъ назадъ. — „Военн. Сборн.", 1895, № 9.

Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры (продолж.). — „Міръ Божій", 1895, № 11.

Гарднеръ, Е. Надежда Васильевна Стасова (некрологъ). — „Міръ Божій", 1895, № 11.

Некрологъ Н. В. Стасовой. — „Новое Слово", 1895, № 1.

Недѣльскій, С. Хозарская миссія святыхъ Кирилла и Меѳодія — „Русск. Бесѣда", 1895, № 8.

Русско-Буковинскія дѣла. (Окончаніе). — „Русск. Бесѣда", 1895, № 8.

Васильевъ, Аѳ. М. А. Качковскій и общество его имени на Галицкой Руси. — „Русск. Бесѣда", 1895, № 8.

Россія и Англія въ началѣ XIX в. — „Вѣстн. Иностран. Литер.", 1895, № 10.

Императоръ Николай I и Іюльская революція. — „Вѣстн. Иностр. Литер.", 1895, № 11.

Въ память объ о. архимандритѣ Павлѣ. — „Братское Слово", 1895, №№ 11, 12, 13 и 14.

Прот. **Горскій**, А. В. Слово въ день празднованія памяти свят. Кирилла и Меѳодія, первоучителей Славянскихъ. (По поводу греко-болгарскаго церковнаго спора). — „Богослов. Вѣстникъ", 1895, № 6.

Писаревскій, Н. Н. Значеніе Стоглаваго собора (1551) въ исторіи русской церкви. — „Богослов. Вѣстн.", 1895, № 6.

Письма проф. А. Ѳ. Лаврова-Платонова (впослѣдствіи высокопр. Алексія, архіеп. литовскаго) къ прот. А. В. Горскому. Съ примѣчаніями Н. А. **Колосова**. — „Богослов. Вѣстн.", 1895, № 6.

Корсунскій, И. Н. Памяти П. А. Мухановой. — „Богослов. Вѣстн.", 1895, № 6.

Кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ (очеркъ его жизни и дѣятельности). — „Богослов. Вѣстникъ", 1895, № 7.

Поспѣловъ, I. Восьмнадцатилѣтнее служеніе въ Лифляндіи. (Разсказъ священника). — „Богословскій Вѣстникъ", 1895, № 7.

Бѣляевъ, А. А. Отзывы современниковъ о церковной россійской исторіи митрополита Платона. — „Богосл. Вѣстн.", 1895, № 7.

Лебедевъ, А. П. Нравственный обликъ, церковно-общественная дѣятельность, нестроенія и злополучія константинопольской патріархіи (отъ конца XVI вѣка до настоящаго времени). — „Богослов. Вѣстн.", 1895, № 9.

Соколовъ, Л. А. Юношескіе годы св. Іоанна Златоуста и приготовленіе его къ пастырскому служенію. — „Богосл. Вѣстн.", 1885, № 9.

Письма проф. А. Ѳ. Лаврова-Платонова (впослѣдствіи высокопр. Алексія, архіеп. литовскаго) къ прот. А. В. Горскому. Съ примѣчаніями Н. А. **Колосова**. — „Богословскій Вѣстникъ". 1895, № 9 и 12.

Соколовъ, Л. А. Юношескіе годы св. Іоанна Златоуста и приготовленіе его къ пастырскому служенію (продолженіе). — „Богослов. Вѣстн.", 1895, № 11.

К., И. Двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности профессоровъ А. П. Лебедева и А. П. Смирнова. — „Богослов. Вѣстн.", 1895, № 11.

Лебедевъ, А. П. Краткій очеркъ хода развитія церковно-исторической науки у насъ въ Россіи. — „Богослов. Вѣстн.", 1895, № 12.

Уманьскій, А. Мицкевичъ и Пушкинъ. По поводу сорокалѣтія со дня смерти Мицкевича. — „Книжки Недѣли", 1895, № 11.

Меньшиковъ, М. О. Поэтъ русскаго возрожденія. По поводу писемъ гр.,

А. Толстого. — „Книжки Недѣли", 1895, № 11.

Древняя Русь въ великіе дни. Древнее новолѣтіе 1-го сентября.—„Душеполезное Чтеніе", 1895, № 9.

Архим. Григорій. Письма и резолюціи Филарета, митрополита московскаго.—Сообщ. арх. Григорій.—„Душеполезное Чтеніе", 1895, № 9 и 10.

П., С. Г. И. Шелеховъ. (По поводу столѣтія со дня его кончины).—„Душеполезное Чтеніе", 1895, № 9.

Письма преосвящ. Ѳеофана-Затворника къ М. Д. — „Душепол. Чтеніе", 1895, № 9.

Поселянинъ, Е. Подвижники послѣдняго времени: Антоній, архіепископъ воронежскій и задонскій. — „Душеполезное Чтеніе", 1895, № 9, № 10 и № 11.

Хитровъ, В. И. Добрый страдалецъ за землю русскую. — „Душеполезное Чтеніе", 1895, № 9 и № 10.

Чупровъ, В. С. Раскатоличеніе западнаго славянства.—„Душеполезное Чтеніе", 1895, № 9.

Письма преосвящ. Ѳеофана-Затворника къ А. Ѳ. М. Сообщилъ К. Е.

— Письма его же къ Е. Ганскау.— „Душеполезное Чтеніе", 1895, № 10.

Избранныя мѣста изъ писемъ оптинскаго старца іеросхимонаха отца Амвросія. Сообщено изъ Оптинской Пустыни Е. В.—„Душеполезное Чтеніе", 1895, № 10 и № 11.

Предреченіе о Царѣ-Миротворцѣ въ Бозѣ почившаго епископа нижегородскаго Іереміи (къ 20 октяб.). — Сообщилъ П. Д. С.

— Двѣ скорби (къ 20 октября) **.

— Отзывъ всего міра о Царѣ мира (къ 20 октября) ***.—„Душеполезное Чтеніе", 1895, № 10.

Къ годовщинѣ дня кончины Государя Императора Александра Александровича.—„Душеполезное Чтеніе", 1895, № 10.

Графъ Толстой, М. В. Хранилище моей памяти. Иліодоръ. Подгурскій.— „Душепол. Чтеніе", 1895, № 10.

Два Филарета о мѣстѣ для Гефсиманскаго скита (къ 19 декабря). — „Душеполезное Чтеніе", 1895, № 11.

Кодратовъ, А. По святымъ обителямъ и богоспасаемымъ градамъ. (Путевыя замѣтки). — „Душеполезное Чтеніе", 1895, № 11.

Письма преосвященнаго Ѳеофана-Затворника къ Н. А. М.

— Письма его же къ разнымъ лицамъ. Сообщилъ К. Е. — „Душеполезное Чтеніе", 1895, № 11.

Г. И. Шелеховъ на Американскихъ островахъ въ Восточномъ океанѣ и дикіе обитатели этихъ острововъ. — „Правосл. Благовѣстникъ", 1895, № 15.

Просвѣтители лопарей Кольскаго полуострова: преподобный Трифонъ и старецъ Ѳеодоритъ. — „Православ. Благовѣстникъ", 1895, № 17.

Свящ. Ѳаворскій, Д. Г. Значеніе вѣропроповѣдничества для Церкви Христовой, и въ частности для православной русской церкви и русскаго народа.—„Правосл. Благовѣстникъ", 1895, № 18.

Стуковъ, Ѳ. Изъ переписки Н. И. Ильминскаго съ миссіонерами Восточной Сибири.—„Правосл. Благовѣстн.", 1895, № 18.

Подъячій-миссіонеръ.—„Православ. Благовѣстникъ", 1895, № 18.

Селивановъ, Н. А. Елена Ивановна Гусева, драматич актриса. Очеркъ.— „Ежегодникъ Имп. Театровъ". Сезонъ 1894 — 1895. Приложенія. Книга 1-я.

Ярцевъ, А. А. Первый памятникъ русскому актеру. Открытіе памятника М. С. Щепкину. Новые матеріалы для біографіи.—„Ежегодникъ Импер. Театровъ". Сезонъ 1894 — 1895. Приложенія. Книга 1-я.

Вейнбергъ, П. И. Изъ моихъ театральныхъ воспоминаній. М. С. Щепкинъ и П. С. Мочаловъ. — „Ежегодникъ Имп. Театровъ". Сезонъ 1894 — 1895. Приложенія. Книга 1-я.

Перетцъ. В. Н. Кукольный театръ на Руси. — Историческій очеркъ. — „Ежегодникъ Имп. Театровъ". Сезонъ 1894 — 1895. Приложенія. Книга 1-я.

Титовъ, Ѳ. И. Сужденія преосв. Ѳеофана, бывшаго епископа владимірскаго, о греко-болгарскомъ вопросѣ и о состояніи правосл. церкви на Востокѣ (съ предисловіемъ).—„Труды Кіев. Дух. Ак.", 1895, № 5.

Титовъ, Ѳ. И. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ (продолж.).— „Труды Кіев. Дух. Акад.", 1895, № 5.

Дмитрій Дмитріевичъ Смышляевъ.— Съ портретомъ его (некрологъ). — „Пермскій край". Сборникъ, изд. Перм. Губ. Ст. Ком., подъ ред. А. А. Дмитріева, т. III, Пермь 1895.

Смышляевъ, Д. Д. Изъ воспоминаній о мартинистѣ О. А. Масловѣ.—„Пермскій край". Сборникъ, изд. Перм. Губ. Ст. Ком. подъ ред. А. Дмитріева, т. III. Пермь 1895.

Теплоуховъ, Ѳ. А. Древности, найденныя въ Чаньвенской пещерѣ, Соликамскаго у. Съ табл. рисунковъ.— „Пермскій край". Сборникъ, изд.

Перм. Губ. Ст. Ком. подъ ред. А. Дмитріева, т. III, Пермь 1895.

Дмитріевъ, А. А. Къ исторіи Сибирскаго вопроса. — „Пермскій край". Сборникъ, изд. Перм. Губ. Ст. Ком. подъ ред. А. Дмитріева, т. III, Пермь 1895.

Вологдинъ, И. В. Матеріалы къ исторіи Пермскаго заповѣднаго имѣнія графовъ Строгановыхъ (продолж.). — „Пермскій край". Сборникъ, изд. Перм. Губ. Ст. Ком. подъ ред. А. Дмитріева, т. III. Пермь 1895.

Дмитріевъ, А. А. Өедотъ Алексѣевичъ Волеговъ. Очеркъ его жизни и переписка. Съ порт. Ө. А. Волегова, родословной табл. и друмя приложеніями. — „Пермскій край". Сборникъ, изд. Перм. Губ. Ст. Ком. подъ ред. А. Дмитріева, т. III. Пермь 1895.

Родословная гг. Строгановыхъ. Составлена Ө. А. Волеговымъ и дополнена А. А. Дмитріевымъ. — „Пермскій край". Сборникъ, изд. Перм. Губ. Ст. Ком. подъ ред. А. Дмитріева, т. III. Пермь 1895.

Вологдинъ, И. В. Жизнь крѣпостныхъ людей гр. Строгановыхъ въ Оханскомъ у. Пермской губ. Бытовые очерки. — „Пермскій край". Сборникъ, изд. Перм. Губ. Ст. Ком. подъ ред. А. Дмитріева, т. III, Пермь, 1895.

Бѣлоусовъ, М. Д. Историческій очеркъ мѣднаго производства на Уралѣ. — „Пермскій край". Сборникъ, издав. Перм. Губ. Ст. Ком. подъ ред. А. Дмитріева, т. III, Пермь 1895.

— Приложеніе къ этой статьѣ: Должность надзирателя горнаго. Наказъ, составленный В. Н. Татищевымъ въ 1736 г.

Теплоуховъ, Ө. А. Древности Пермской чуди изъ серебра и золота и ея торговые пути. Съ табл. рисунковъ. — „Пермскій край". Сборникъ свѣдѣній о Перм. губ., изд. Перм. Губ. Ст. Ком. подъ ред. А. Дмитріева, т. III. Пермь 1895.

Дмитріевъ, А. А. Памяти И. В. Вологдина. — „Пермскій край". Сборникъ, изд. Перм. Губ. Ст. Ком. подъ ред. А. Дмитріева, т. III. Пермь 1895.

Острогорскій, Алекс. Памяти Василія Дмитріевича Сиповскаго. — „Образованіе", 1895, №№ 7 и 8.

Коробка, Н. Иванъ Ивановичъ Бецкій (1704 — 1795). — „Образованіе", 1895, № 9.

Крыжановскій, О. Значеніе духовенства въ исторіи народнаго образованія въ Россіи. (Оконч.). — «Образованіе», 1895, № 7, 8 и 9.

Острогорскій, А. В. Д. Сиповскій (некрологъ). — «Педагогич. Сборникъ», 1895, № 9.

Альбовскій, Е. А. Исторія Харьковскаго Слободскаго казачьяго полка. — «Харьковскій Сборникъ», 1895, вып. 9-й.

Демидовъ, В. А. Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Бѣлгородской епархіи (окончаніе). — «Харьк. Сборникъ», 1895, вып. 9-й.

Прот. **Лащенковъ**, Н. А. Христофоръ — первый епископъ слобоцко-украинскій и харьковскій (окончаніе). — «Харьк. Сборникъ», 1895, вып. 9-й.

Илларіоновъ, Н. С. Историческій очеркъ крестьянскаго суда. — «Харьк. Сборникъ», 1895, вып. 9-й.

Семеновъ, Д. Д. Сочиненія и педагогическія идеи К. Д. Ушинскаго. — «Русск. Школа», 1895, №№ 7 и 8.

Арепьевъ, Н. Ө. Исправительное воспитаніе въ Россіи (оконч.). — «Русск. Школа», 1895, №№ 7 и 8.

Лобановъ, Д. Д. Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію (продолж.). — «Русск. Школа», 1895, №№ 7 и 8.

Коптяевъ, А. Ц. А. Кюи, какъ фортепіанный композиторъ. — «Русск. Музык. Газета». (Ежемѣс. изданіе), 1895, № 9.

В. В. Стасовъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности, какъ музыкальнаго писателя. — «Русская Музык. Газета». (Ежемѣс. изданіе), 1895, № 9.

Дубновъ, С. М. Евреи и реформація въ Польшѣ въ XVI в. (оконч.). — «Восходъ», 1895, № 8.

Историческій очеркъ развитія подводныхъ телеграфныхъ сообщеній Европы съ крайнимъ Востокомъ. (статья А. **Бетхеръ**). — «Почтово-телеграфный журналъ», 1895, № 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

на 1896 годъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКОВОЙ.

Въ **1896** году веденіе и направленіе журнала остается прежнее, такъ какъ всѣ сотрудники наши, участвовавшіе въ минувшіе годы, и вновь приглашенные будутъ принимать дѣятельное участіе въ журналѣ.

Изъ постоянныхъ сотрудниковъ **С. С. Татищевъ** обѣщаетъ намъ свой новый трудъ «Императоръ Павелъ и Первый Консулъ Бонапартъ» и друг., которыми онъ въ настоящее время занятъ, и его «Политич. обозрѣніе» будетъ появляться по-прежнему ежемѣс.; **Д. В. Григоровичемъ** обѣщано его новое произвед.; **Н. И. Гнѣдичемъ**—новая повѣсть; будетъ закончeнъ романъ **Вс. С. Соловьева** «Цвѣты бездны», пріостановившійся за болѣзнію автора, причемъ новымъ подписч. будутъ высланы оттиски первыхъ главъ романа; Вс. С. Соловьевъ также предоставилъ намъ записки своего покойнаго отца, извѣстнаго истор. **С. М. Соловьева**. Кромѣ того, появятся: новый ром. **Дм. И. Стахѣева** «Духа не угашайте»; разск. **И. Н. Мордеръ** «Изъ деревенск. впечатлѣній»; ром. **К. Ө. Орловскаго** «Медовый мѣсяцъ»; ром. **Д. И. Пронскаго** «Свѣтъ жизни»; повѣсть **И. И. Данилова** (автора повѣсти «Въ тихой пристани») «По новому пути»; разсказы (изъ таежн. воспомин.) **Н. В. Латкина**; «Письма деревенск. хозяина» **А. И. Мещерскаго**; «Деревенск. очерки» **Д. Н. Тихѣева**; разск. **И. И. Чеха**; «Восемь лѣтъ въ сѣверо-западн. краѣ», очерки **Н. И. Березина**.

Въ 1896 г. будутъ также продолжаться «Письма о литературѣ» **Н. А. Ачкасова**.

Съ сентябр. книги 1895 г. возстановл. нами отдѣлъ «Современная лѣтопись», получившій такую извѣстн. при М. Н. Катковѣ, гдѣ будутъ помѣщаться постоянно письма, статьи и замѣтки по поводу текущ. событій; причемъ мы обращаемся съ просьбою къ нашимъ читател. сообщать намъ свои замѣч. и краткія письма объ обстоятельств. современ. или объ важн. историческ. документахъ, если у кого они сохранились.

Будутъ помѣщ. письма къ покойн. М. Н. Каткову отъ Ө. М. Достоевскаго, И. А. Гончарова, П. И. Мельникова, И. С. Тургенева и друг.

Редакція и конт. журн. «Русскій Вѣстникъ» помѣщ. въ Товарищ. „Обществ. Польза“ (Б. Подъяч., 39), куда и просятъ обращаться гг. **автор., имѣющ. надобн. до редактора, который приним. по вторник.** отъ 12 до 2 час. **и суббот.** отъ 3 до 5 час. пополудни.

Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ ежемѣсяч. книж. отъ 25 до 30 л. и выход. кажд. 1 числа, стоитъ въ Петерб. и Москвѣ безъ доставки и перес. **15 р. 50 к.**, съ доставк. **16 р.**, съ перес. во всѣ города Россіи **17 р. Допускается** разср. взносовъ **только** чрезъ Главн. Контору журн. „Русскій Вѣстникъ“, Б. Подъяч., д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ **девять** р., а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служащ. за поручит. казнач. со взнос. по **1** р. **50** к. въ мѣс., впредь до уплаты всей подписн. суммы. 3) Для учащихся допуск. уступка и разсрочка платежа: при подп. вносятъ **2** р., а затѣмъ при полученіи кажд. книги уплачив. по **1** р., т. е. всего **14** р. безъ доставки и перес. **За границу** приним. подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщ. Почтов. союза—**18** р. Въ прочія мѣста заграп. подп. приним. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ приним. въ **Конторѣ журн.** „Русскій Вѣстникъ“ и во всѣхъ извѣстн. книжн. магаз. **И городск. и иногородн. просятъ покорн. адресовать прямо въ Конт. журн. „Русскаго Вѣстника“, Спб. Товарищ. „Обществ Польза“, Больш. Подъяч., д. 39.** За своеврем. и аккуратную доставку журнала редакція приним. на себя полную отвѣтств. только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредств. чрезъ Спб. контору «Русскаго Вѣстника», въ Товарищ. „Обществ. Польза“.

Дозв. ценз. Спб. 28 декабря 1895 г. Тип. Тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч., № 39

АРХИМАНДРИТЪ

ПЕТРЪ КАМЕНСКІЙ.

Начальникъ X Россійско-Императорской миссіи въ Пекинѣ.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг.

ГЛАВА XV [1]).

Тяжкіе дни сидѣнья въ Горнемъ Студнѣ и Боготѣ.

6-го сентября 1877 г. главная квартира, послѣ плевненскихъ неудачъ, возвратилась въ Горній Студень. Съ этого числа начинаются тяжкіе дни нашего сидѣнья сперва въ Горнемъ Студнѣ, а потомъ, съ 16-го октября, въ Боготѣ, подъ самой Плевной. Сидѣнье продолжалось по 28-ое ноября—восемьдесятъ четыре дня, навсегда памятныхъ въ жизни тѣхъ, которые провели ихъ въ главной квартирѣ. Полнѣйшее бездѣйствіе и пассивное ожиданіе сдачи Османа-паши убило всякую энергію и заставило если не всѣхъ, то очень многихъ—и между ними даже самыхъ рѣшительныхъ и самостоятельныхъ—опустить руки. Всѣ сдѣлались нервны, сторонились другъ друга, приходили въ раздраженіе отъ малѣйшихъ противорѣчій и, подавленные настоящимъ, боялись заглянуть въ будущее.

Въ мою задачу не входитъ разъясненіе тѣхъ взаимныхъ отношеній, которыя въ это тяжелое время существовали между главною квартирою дѣйствующей арміи, съ одной стороны, и квартирами

---

[1]) См. «Русскую Старину» февраль 1896 г.

императорской и рущукской — съ другой. Мнѣ приходится только въ немногихъ словахъ выяснить вліяніе этого періода времени какъ на положеніе князя Черкаскаго, такъ и на образъ дѣйствій гражданскаго управленія. Говорю объ нихъ раздѣльно потому, что, какъ это видно изъ всего предъидущаго, князь Владиміръ Александровичъ не сливался окончательно съ гражданскимъ управленіемъ и, руководя его дѣйствіями, одновременно рѣзко выдѣлялся своими стремленіями къ участію въ рѣшеніи вопросовъ, лежащихъ внѣ сферы его дѣятельности и имѣвшихъ значеніе государственное.

Общая апатія отозвалась на немъ неблагопріятно. Отдавшись всецѣло чаянію сдачи Плевны, его не хотѣли выслушивать внимательно, а можетъ быть и дали понять, что тяготятся его поученіями. Слѣдствіемъ этого было если не охлажденіе, то замѣтное ослабленіе сношеній съ императорскою главною квартирой, чѣмъ, разумѣется, съумѣли воспользоваться въ полевомъ штабѣ. Всякаго рода несогласія, — какъ изложено выше — возникали чаще и чаще; столкновенія дѣлались серьезнѣе, и взаимное неудовольствіе становилось видимѣе. Немалую роль въ ухудшеніи положенія играла рѣдкая выдержанность и полное безстрастіе начальника штаба. Натыкаясь на нихъ, князь Черкаскій, вслѣдствіе пылкаго своего характера, волновался неимовѣрно, но долженъ былъ скрывать свои порывы и укрощать ихъ внутреннею, дорого стоившею ему работою. Упругость нервовъ, долго выдерживавшая напряженную бурьбу, съ каждымъ днемъ уменьшалась, и князю Черкаскому приходилось дѣйствовать уже не этою упругостью, а самымъ существомъ нервовъ, т. е. окончательно разрушать свой организмъ и сознательно губить свое здоровье. На совѣты близкихъ къ нему людей беречь себя онъ не обращалъ вниманія и жилъ, кромѣ того, въ самыхъ невыгодныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Въ Горнемъ Студнѣ у него была сырая и темная землянка, а въ Боготѣ еще хуже. Приготовленной для него довольно чистой и опрятной избы онъ не хотѣлъ занимать до тѣхъ поръ, пока не устроилъ госпиталя Краснаго Креста, перевязочнаго пункта и не размѣстилъ удобно сестеръ милосердія. Несмотря на начавшіеся морозы, онъ жилъ въ палаткѣ, надѣвая на себя днемъ шубу и теплые сапоги, а ночью даже сибирскую доху. Начались довольно частыя недомоганія, свидѣтельствовавшія объ

уменьшеніи физическихъ силъ и подрывѣ ихъ въ основаніяхъ. Онъ все это упрямо продолжалъ считать пустяками, хотя стоило только посмотрѣть на его лицо, чтобы видѣть, что онъ страдалъ физически не менѣе, чѣмъ нравственно. Конечно, такое состояніе, длившееся мѣсяцами, замѣтно вліяло на его характеръ и отношенія къ окружающимъ. Присущая ему подозрительность, имѣвшая отчасти нѣкоторыя основанія относительно высшихъ сферъ, въ которыхъ ему приходилось вращаться, стала проявляться въ сношеніяхъ со всѣми вообще, увеличивая его личное раздраженіе и возбуждая сказавшееся противъ него неудовольствіе. Какъ ни высоки были цѣли, къ достиженію коихъ онъ стремился, самая форма этихъ стремленій становилась черезчуръ рѣзкою, трудно переносимою. Особенно замѣтною стала въ немъ болѣзненная нетерпимость, съ которою онъ относился къ малѣйшимъ проявленіямъ самостоятельности со стороны его сослуживцевъ. Яркимъ примѣромъ таковой нетерпимости, не проявлявшейся въ немъ въ прежнее время, можетъ служить слѣдующій случай по поводу ассенизаціи Плевны.

Начальникомъ Плевненскаго округа былъ штабсъ-капитанъ л.-гв. Павловскаго полка Владиміровъ [1]), офицеръ весьма усердный, энергичный и способный на собственную иниціативу. Предвидя скорое паденіе Плевны, онъ съ ужасомъ думалъ о томъ антисанитарномъ состояніи города, въ которомъ онъ намъ достанется. Изъ разговоровъ съ вышедшими оттуда болгарами онъ зналъ, что въ Плевнѣ множество домовъ наполнены больными и ранеными, лишенными почти всякаго за ними ухода; мертвые погребались у самыхъ окраинъ города и зарывались неглубоко, даже, можно сказать, и совсѣмъ не зарывались, а только засыпались тонкимъ слоемъ земли. Дворы, улицы, площади города и ближайшія его окрестности сдѣлались мѣстомъ скопленія всѣхъ отбросовъ многочисленныхъ турецкихъ войскъ, отстаивавшихъ Плевну. Положеніе это должно было значительно еще ухудшиться отъ послѣдняго боя, безъ котораго, какъ всѣ думали, Османъ-паша не рѣшится на сдачу. Справедливо разсчитывая, что очистка этихъ по истинѣ Авгіевыхъ конюшень будетъ

[1]) Послѣ войны штабсъ-капитанъ Владиміровъ перешелъ на службу въ дворцовое вѣдомство и умеръ, въ чинѣ полковника, на должности управляющаго Гатчинскимъ дворцомъ.

*

не подъ силу ему одному, въ качествѣ обыкновеннаго окружнаго начальника, и что возложить эту работу на однихъ горожанъ, истощенныхъ турецкими поборами и изнуренныхъ болѣзнями, тоже невозможно — онъ составилъ подробный и хорошо мотивированный рапортъ князю Черкаскому, прося его образовать комитетъ, который бы обсудилъ дѣло и заранѣе выработалъ мѣры для дезинфекціи города и мѣстъ расположенія турецкихъ войскъ. Рапортъ этотъ онъ лично подалъ 17-го ноября самому князю, отъ котораго тотъ и поступилъ въ канцелярію съ помѣтою на немъ рукою князя одного лишь числа полученія, безъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній, хотя обыкновенно, на важныхъ бумагахъ, князь Вл. Ал. всегда дѣлалъ болѣе или менѣе подробныя указанія на счетъ исполненія или просто требовалъ скорѣйшаго доклада. Отсутствіе обычной резолюціи на рапортѣ Владимірова навело было меня на мысль, что князь Черкаскій, пожалуй, отнесется несочувственно къ попыткѣ своего подчиненнаго; но, убѣдясь въ важности и своевременности затронутаго вопроса, я не остановился на инстинктивно появившемся у меня соображеніи. Въ тотъ же день за обѣдомъ у главнокомандующаго (Черкаскій на немъ не былъ) я говорилъ о проектѣ съ нашими старшими врачами Приселковымъ и Обермиллеромъ, выразивъ имъ увѣренность, что князь Черкаскій, безъ сомнѣнія, со свойственной ему энергіей займется осуществленіемъ представленія Владимірова. Оба названные врача весьма заинтересовались моимъ сообщеніемъ, находили мысль объ ассенизаціи Плевны чрезвычайно важною и заранѣе обѣщали помочь гражданскому управленію всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Отъ нихъ же я узналъ, что находившійся тогда въ главной квартирѣ нашъ знаменитый Н. И. Пироговъ участвовалъ въ международныхъ предпріятіяхъ для ассенизированія поля сраженія подъ Седаномъ, а потому несомнѣнно не откажется дать практическія указанія. Могъ особенно быть полезенъ для этого же дѣла и профессоръ Поповъ (Варшавскаго университета?), сколько помню, выписанный въ армію исключительно по дѣламъ ассенизаціи. Я былъ очень доволенъ такимъ разговоромъ и рѣшился на другой же день, 19-го ноября, подробно переговорить съ княземъ Черкаскимъ.

Придя къ нему въ обычное время доклада правителя канцеля-

ріи, я дожидался той минуты, когда Л. Н. Соболевъ передастъ князю рапортъ Владимірова. Увидя знакомую бумагу, я тотчасъ же сказалъ: «Владимірову пришла въ голову очень хорошая мысль; заняться ею слѣдуетъ и именно намъ, гражданскому управленію, такъ какъ послѣ сдачи Плевны войска могутъ быстро уйти и на помощь ихъ, нарядомъ людей, особенно разсчитывать нельзя».

— А я думаю,—сказалъ Черкаскій,—что исправникамъ нечего совать свой носъ туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ; предпишу я ему, чтобы онъ занимался своимъ дѣломъ—очищалъ окрестности отъ падали, чинилъ дороги и мосты, а о дезинфекціи не думалъ, этимъ полагаю и покончить съ полицейскою затѣей.

— Я не такъ посмотрѣлъ на это,—говорю я—и сочтя вопросъ, возбужденный штабсъ-капитаномъ Владиміровымъ, чрезвычайно важнымъ, много говорилъ вчера о порядкѣ его исполненія съ Приселковымъ и Обермиллеромъ. Оба они считаютъ себя обязанными помочь гражданскому вѣдомству всѣмъ, чѣмъ могутъ, а я съ своей стороны даже заявилъ, что вы, князь, безъ сомнѣнія, энергично схватитесь за счастливую мысль, высказанную начальникомъ Плевненскаго округа.

Князь молчалъ, но смотрѣлъ недовольно.

— Такъ, что же, князь, не полагаете ли оффиціально снестись съ Приселковымъ.

— Да, чтобы потомъ на мнѣ поѣхали; нѣтъ, благодарствуйте, я ни въ какія сношенія не войду съ нимъ.

— Но если вы не любите, чтобы на васъ ѣздили, то во всякомъ случаѣ надо помогать другимъ везти возъ.

— Я и самъ сдѣлаю. У меня въ Красномъ Крестѣ есть всѣ средства.

— Какія же могутъ быть въ Красномъ Крестѣ средства, соотвѣтственныя нуждамъ Плевны?

— Но и у Приселкова есть только то, что я ему далъ изъ Краснаго Креста.

— Оттого-то я и говорю о сношеніи, что ни вы, ни онъ въ одиночку ничего не подѣлаете; надо сговориться и сообща обдумать, что именно слѣдуетъ запасти для будущихъ работъ, въ чемъ могутъ состоять эти работы и откуда добыть достаточныя силы и сред-

ства. Здѣсь Н. И. Пироговъ, ассенизировавшій окрестности Седана, онъ поможетъ совѣтомъ. Отказъ вашъ по этому дѣлу поставитъ меня въ самое ложное положеніе, я позволилъ себѣ завѣрить Обермиллера и Приселкова въ вашемъ горячемъ содѣйствіи, а теперь выходитъ, что я говорилъ неправду.

На этомъ разговоръ и кончился. На слѣдующій день Владиміровъ былъ вызванъ въ Боготъ и самимъ Черкаскимъ, въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, приглашенъ заниматься своимъ прямымъ исправничьимъ дѣломъ. Бѣдный молодой человѣкъ разволновался страшно и хотѣлъ тотчасъ же уходить изъ гражданскаго управленія; съ большимъ трудомъ мнѣ удалось его успокоить и уговорить остаться и покойно готовиться къ тѣмъ непомѣрнымъ трудамъ, которые выпадутъ на его долю по сдачѣ Османа-паши. Онъ остался, но, къ сожалѣнію, ненадолго.

Что же касается до ассенизаціи, то черезъ нѣсколько дней послѣ случая съ Владиміровымъ, князь Черкаскій передалъ мнѣ, что подробно говорилъ съ Пироговымъ о Плевнѣ, и тотъ далъ вполнѣ успокоительный отвѣтъ. Самаго лучшаго ассенизатора, по его словамъ, мы имѣли въ холодѣ; при стоявшихъ тогда морозахъ, обѣщавшихъ еще болѣе усилиться въ декабрѣ, до весны можно было не бояться заразы, а тѣмъ временемъ, исподволь, надо будетъ стараться исправить упущенія турокъ: вывести больныхъ, очистить дома и прикрыть временныя кладбища толстымъ слоемъ земли съ большимъ количествомъ извести. Это было принято въ соображеніе, и заблаговременно сдѣлана заготовка извести, назначеніе врачебнаго персонала и указаніе порядка дѣйствій какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ властямъ.

Случай этотъ, выставляя одну изъ непріятныхъ сторонъ характера князя Черкаскаго, свидѣтельствуетъ въ то же время, что онъ никогда не забывалъ лежащихъ на немъ обязанностей и спѣшилъ добросовѣстно принять надлежащія мѣры даже и послѣ того, какъ въ порывѣ прискорбной нетерпимости высказывался противъ ихъ примѣненія. Къ штабсъ-капитану Владимірову онъ относился затѣмъ весьма предупредительно и отзывался о немъ съ особою похвалою. Конечно, было бы гораздо полезнѣе, еслибы онъ былъ воздержнѣе на слова вообще и въ сношеніяхъ съ молодежью въ особенности.

Будучи столь нетерпимъ къ вмѣшательству другихъ лицъ, онъ самъ рѣшительно выступалъ съ своими заявленіями тамъ, гдѣ считалъ это необходимымъ, хотя бы по вопросамъ, прямо до него не касавшимся. Приведу доказательство. Послѣ взятія Горняго Дубняка, всѣ плѣнные тамъ турки были приведены въ Боготъ и расположились около главной квартиры двумя группами; въ одной были офицеры, а въ другой нижніе чины, окруженные нашимъ конвоемъ. Я и князь Черкаскій, случайно бывъ въ той сторонѣ нашей стоянки, подошли къ плѣннымъ. Изнуреніе было на всѣхъ лицахъ, и видъ плѣнныхъ произвелъ на насъ непріятное впечатлѣніе. Подойдя къ офицерамъ, мы полюбопытствовали узнать, нѣтъ ли въ числѣ ихъ иностранцевъ. Оказалось, что было нѣсколько поляковъ. Въ разговорѣ съ ними мы узнали, что плѣнные третій день, съ самой сдачи, не получали никакой пищи и, съѣвъ все, что было кое у кого въ запасѣ, сильно страдали прямо таки отъ голода. Я вынулъ рубль и, давъ его нашему солдатику, попросилъ раздобыться хлѣбомъ. Тотъ вскорѣ принесъ мнѣ два непочатыхъ каравая, доложивъ, что больше хлѣба за рубль достать нельзя. Взявъ хлѣбы, я прошелъ за цѣпь и подалъ ихъ двумъ ближе ко мнѣ стоявшимъ туркамъ. Тѣ чуть не вырвали ихъ, какъ говорится, съ руками, но не забыли благодарить, прикладывая руку къ груди и головѣ. Однако подача хлѣба была замѣчена и, не успѣли еще турки, получившіе караваи, обернуться къ своимъ, какъ на нихъ набросились товарищи, повалили на землю, и хлѣбы стали переходить изъ рукъ въ руки. Въ общей свалкѣ заблистали ножи. Наши солдатики быстро розняли схватившихся турокъ, глядѣвшихъ другъ на друга звѣрскими глазами. Князь Черкаскій, увидя генерала Непокойчицкаго, передалъ ему о видѣнной нами сценѣ и началъ дѣлать упреки въ непредусмотрительности интендантству, говоря, что на третій-то день вполнѣ было возможно начать правильное кормленіе плѣнныхъ. Продолжая разговоръ, онъ замѣтилъ, что это хорошій намъ урокъ и предупрежденіе на будущее — скоро сдастся Плевна, авось-то хотя для плевненскаго гарнизона интендантство не приготовитъ той же печальной участи. Начальникъ штаба былъ весьма недоволенъ начавшимся разговоромъ, отмалчивался и, кажется, не обратилъ на него вниманія, по крайней мѣрѣ для плѣненнаго Плевненскаго отряда ничего

приготовлено не было, и онъ сильно пострадалъ на пути слѣдованія въ Румынію, чему много содѣйствовали какъ усилившіеся морозы, такъ и безучастіе румынскихъ войскъ, конвоировавшихъ турокъ.

При быстромъ выдвиженіи главной квартиры дѣйствующей арміи къ Тырнову, немедленно возникли, на практикѣ, крайнія неудобства отъ полнаго отсутствія почтъ и телеграфовъ на обширномъ пространствѣ между Дунаемъ и Балканами. Турецкая телеграфная сѣть, во-время не охраненная, была приведена въ совершенное разстройство, а почтовыхъ учрежденій въ краѣ не существовало при турецкомъ правительствѣ. Письма между частными лицами внутри края пересылались при помощи оказій, а отчасти австрійскихъ почтъ, служившихъ интересамъ мѣстной торговли, находившейся въ рукахъ австрійцевъ. Само собою разумѣется, что гражданское управленіе, которому еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ запрещалось и думать о прочномъ устройствѣ въ краѣ—ничѣмъ не могло помочь въ подобной бѣдѣ. Не въ лучшемъ положеніи былъ военный отдѣлъ почтъ и телеграфовъ, находившійся на театрѣ войны въ рукахъ симпатичнаго, но малораспорядительнаго инженернаго генерала Шталя. Отдѣлъ этотъ ничего почти не приготовилъ заблаговременно. Между тѣмъ общія нареканія на отсутствіе сообщеній, прекращеніе полученія не только телеграммъ, но и писемъ изъ Россіи—произвели свое дѣйствіе. Въ полевомъ штабѣ забили тревогу, въ отвѣтъ на которую, какъ бы изъ-подъ земли, въ Тырновъ нагрянула масса евреевъ съ предложеніемъ услугъ по устройству почтъ. Наиболѣе замѣтнымъ изъ подрядчиковъ былъ нѣкто Шнеуръ, который обратился съ своими заявленіями и къ князю Черкаскому.

Хотя по закону (ст. 358 Полож. о полев. упр.) на обязанности военнаго отдѣла почтъ и телеграфовъ лежало устройство и поддержка ихъ лишь на военныхъ дорогахъ, а гражданскому управленію важно было связать почтовымъ сообщеніемъ важнѣйшіе мѣстные города между собою и главною квартирою, при которой находился завѣдывавшій гражданскими дѣлами, но въ сущности не было непреодолимыхъ затрудненій къ общей организаціи военныхъ и гражданскихъ почтъ, причемъ онѣ могли или окончательно слиться

другъ съ другомъ и имѣть одно общее управленіе или, существуя отдѣльно, взаимно восполнять другъ друга. Въ этихъ видахъ и завязались въ Тырновѣ переговоры между полевымъ штабомъ и гражданскимъ управленіемъ объ устройствѣ почтоваго дѣла на театрѣ войны. Со стороны полеваго штаба дѣйствовали генералъ Шталь и начальникъ полевыхъ почтъ, бывшій московскій почтдиректоръ Романусъ. Въ самомъ скоромъ времени князь Черкасскій рѣзко прервалъ переговоры съ военными властями.

Отвергая всякое обращеніе къ еврейскому посредничеству и считая, что почтовое дѣло не можетъ хорошо пойти въ рукахъ слабаго начальника, онъ рѣшился учредить отдѣльныя гражданскія почты, чтобы установить прямое почтовое сообщеніе между Дунаемъ и Тырново и вообще главною квартирою арміи, гдѣ бы она ни находилась. При этомъ онъ принималъ на себя категорическое обязательство ежедневно перевозить средствами гражданской почты на этомъ пути всю вообще частную и казенную корреспонденцію, слѣдовавшую изъ имперіи въ главную квартиру и въ попутно лежавшія мѣста и обратно. Снимая такимъ образомъ съ военныхъ почтъ заботы объ устройствѣ главнаго тракта, князь Черкаскій ограничивалъ кругъ ихъ дѣятельности сообщеніями главной квартиры съ армейскими корпусами и отрядами. Такой способъ содѣйствія военному вѣдомству былъ весьма существенъ, но не вполнѣ удовлетворилъ полевой штабъ, потому что на свое осуществленіе требовалъ немалаго времени, такъ что собственно въ горячее время, въ іюлѣ и августѣ, все ложилось на одно полевое управленіе. Военныя власти остались недовольны такими результатами; имъ хотѣлось путемъ гласнаго объявленія о соединеніи съ гражданскимъ вѣдомствомъ, во-первыхъ, раздѣлить съ нимъ отвѣтственность за неустройство этого дѣла, которое въ началѣ кампаніи всецѣло лежало на отвѣтственности полеваго штаба, и, во-вторыхъ—получать отъ гражданскаго вѣдомства болѣе или менѣе значительныя суммы денегъ въ свое распоряженіе для расширенія почтовыхъ операцій. Князь Черкаскій рѣшительно не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности въ дѣлѣ, до него непосредственно не относившемся, и не соглашался на денежныя выдачи безъ возможности контролированія расходовъ. Вообще переговоры о почтовомъ дѣлѣ велись въ періодъ очень

сильныхъ недоразумѣній, существовавшихъ между начальникомъ полеваго штаба и завѣдующимъ гражданскою частью, и способствовали еще большему ихъ обостренію. Князь Черкаскій, по свойственной ему подозрительности, видѣлъ въ этомъ дѣлѣ исключительно только одни подвохи и желаніе обойти его и провести. Къ сожалѣнію, еврейскіе подрядчики назойливо лѣзли къ нему съ доводами въ пользу устройства почтъ общими усиліями и вызывали его на запальчивые отвѣты. Увлекаясь объясненіями, онъ выражался съ прискорбною рѣзкостью и, выходя изъ рамокъ обсуждавшагося вопроса, говорилъ, что не вѣритъ въ правильность дѣйствій какихъ бы то ни было военно-хозяйственныхъ учрежденій и рѣшительно не желаетъ созданіемъ общности денежныхъ интересовъ заражать едва зарождавшіяся гражданскія установленія. Говорилось это почти публично, такъ какъ бесѣды происходили подъ открытымъ небомъ, около палатокъ князя Владиміра Александровича. Во всѣхъ сосѣднихъ палаткахъ все было слышно отъ слова до слова. Разумѣется, рѣзкія выраженія князя Черкаскаго сдѣлались немедленно всѣмъ извѣстными. Почтовое дѣло принесло ему много вреда, давая противникамъ болѣе или менѣе справедливый поводъ говорить о его нетерпимости и неумѣньи ладить съ личностями, приходившими съ нимъ въ соприкосновеніе по службѣ.

Въ основаніе организаціи почтоваго дѣла на первое время, въ періодъ продолжавшейся войны, князь Черкаскій принялъ не мѣстные болгарскіе интересы, почти не существовавшіе въ этомъ случаѣ и совершенно еще не выясненные, а насущныя потребности арміи и гражданскаго управленія, и задумалъ удовлетворить только имъ, предоставя въ то же время возможность и всему населенію пользоваться удобствами пересылки частной корреспонденціи по казенной почтѣ. Эти временныя почтовыя учрежденія князь Черкаскій положилъ образовать: 1-ое) по образцу русскихъ, что устраняло заботы о составленіи разныхъ положеній и инструкцій; 2-е) лошадей и матеріальную часть почтовыхъ станцій содержать подряднымъ способомъ и 3-ье) для управленія почтами въ Болгаріи, а главное для составленія предположеній объ открытіи почтовыхъ трактовъ и учрежденій, выписать изъ имперіи двухъ способныхъ и знающихъ управляющихъ почтовою частью въ русскихъ губер-

ніяхъ; этимъ управляющимъ предположено было поручить и комплектованіе личнаго состава низшихъ почтовыхъ чиновъ.

По рекомендаціи М. Н. Анненкова, собравшаго необходимыя справки въ почтовомъ департаментѣ, для устройства почтъ въ Болгаріи были выписаны управляющіе почтовою частью въ губерніяхъ: Смоленской—Трубачеевъ и Ковенской—Радченко [1]). Оба они были командированы въ распоряженіе гражданскаго управленія при арміи и явились въ Горній Студень 30-го августа. Первый изъ нихъ—подвижной и энергичный—былъ назначенъ и. д. управляющаго почтовыми учрежденіями Болгарскаго края, а второй—состоять при гражданской канцеляріи для разработки вопросовъ по почтовому управленію.

Высказавъ рѣшительное несогласіе на отдачу почтовой гоньбы въ еврейскія руки и зная, что на мѣстѣ дѣйствій никакихъ другихъ подрядчиковъ кромѣ еврейскихъ не находится, князь Черкаскій силою обстоятельствъ вынужденъ былъ организовать это дѣло въ имперіи. Послать туда съ подобнымъ порученіемъ одного изъ выписанныхъ чиновниковъ онъ однако не рѣшался въ виду того, что совершенно ихъ не зналъ. Вести это дѣло лично было уже совсѣмъ невозможно, какъ потому, что пришлось бы дѣйствовать заглазно, такъ и вслѣдствіе совершеннаго его незнакомства съ хозяйственною частью вообще, а съ почтовою гоньбою въ особенности. Опасаясь надѣлать промаховъ, а затѣмъ и заслуженныхъ нареканій, князь Черкаскій придумалъ организовать почтовую гоньбу при условіяхъ, которыя бы, какъ казалось ему, вполнѣ ограждали его отъ прямой отвѣтственности по этой сложной и дорого стоющей операціи. Вспоминая, что въ началѣ кампаніи рослыя и сильныя лошади съ прекрасными крытыми фургонами для гражданской канцеляріи и Краснаго Креста были пріобрѣтены на весьма выгодныхъ условіяхъ у нѣмецкихъ колонистовъ въ окрестностяхъ Одессы, онъ рѣшилъ среди тѣхъ же колонистовъ найти и подрядчиковъ для почтовой гоньбы. За содѣйствіемъ по этому дѣлу онъ обратился къ графу Владиміру Васильевичу Левашову, бывшему тогда одесскимъ гра-

---

[1]) Г-нъ Трубачеевъ состоитъ нынѣ (1895 г.) при почтовомъ департаментѣ, а г. Радченко—Московскимъ почтъ-директоромъ.

доначальникомъ. Графъ Левашовъ охотно согласился не только на посредничество, но и на заключеніе съ колонистами формальнаго контракта въ качествѣ уполномоченнаго для сего особою резолюціею главнокомандующаго отъ 10-го сентября 1877 г. Для представленія графу Левашову надлежащихъ свѣдѣній и объясненій, въ Одессу былъ командированъ г. Трубачеевъ, который и долженъ былъ привести въ Болгарію почтовыхъ лошадей съ соотвѣтственнымъ числомъ ямщиковъ и экипажей.

23-го сентября 1877 г. былъ заключенъ контрактъ съ тремя поселянами-собственниками села Александрогильфъ, Одесскаго уѣзда, срокомъ на шесть мѣсяцевъ, на слѣдующихъ условіяхъ: а) контрагенты обязывались содержать почтовую гоньбу между Зимницей на румынскомъ берегу Дуная, на Систово, Тырновъ до Габрова и по другимъ направленіямъ въ Болгаріи по указанію почтоваго начальства, съ предвареніемъ о переводѣ съ тракта на трактъ за десять дней впередъ; не могли контрагенты отказываться отъ гоньбы и въ томъ случаѣ, если правительство, по своимъ соображеніямъ, найдетъ нужнымъ поставить ихъ въ мѣстахъ, не вполнѣ обезпеченныхъ отъ непріятельскаго нападенія; б) за каждую поставленную пару лошадей съ повозками и со всѣми къ нимъ принадлежностями (брезенты для укрытія почтъ, ручные фонари, колокольчики и проч.) казна уплачивала по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, причемъ прогоны полностію поступали въ казну, в) разстояніе между станціями не должно было превышать 25 верстъ; г) перевозкѣ на законтрактованныхъ лошадяхъ подлежали почты и эстафеты, курьеры, фельдъегеря и лица, слѣдовавшія по казенной или частной надобности; д) скорость ѣзды назначалась: по шоссе—десять верстъ въ часъ, по грунтовымъ дорогамъ — восемь верстъ и по гористымъ— шесть верстъ; курьеровъ, обязанныхъ ѣхать безъ будущихъ и на перекладныхъ, должно было возить двумя верстами скорѣе; е) отпускъ лошадей подъ почты и проѣзжающихъ долженъ былъ производиться по правиламъ, утвержденнымъ для Кавказа и Закавказскаго края; ж) наемъ и содержаніе почтовыхъ станцій, смотрителей или писарей лежалъ на обязанности казны и з) ямщики, лошади и повозки со всѣмъ имуществомъ подлежали доставленію изъ Одессы въ Бухарестъ по желѣзной дорогѣ въ качествѣ военнаго груза на счетъ казны и таковымъ же порядкомъ слѣдовало доставить ихъ въ Одессу по окончаніи контракта.

По этому условію, колонисты выставили 320 лошадей, которыя, съ повозками и всѣмъ необходимымъ имуществомъ, 18-го октября вышли по желѣзной дорогѣ изъ Одессы и послѣ нѣкоторой задержки

въ Яссахъ, въ началѣ ноября прибыли въ Зимницу и были готовы разойтись по станціямъ. Всего открыто 14 почтовыхъ станцій, для которыхъ наняты или отведены гражданскою властью соотвѣтственныя помѣщенія съ измѣреніемъ разстояній въ обѣ стороны до ближайшихъ станцій. Отъ главнаго почтоваго тракта Систово—Бѣла—Габрово, отдѣлялись два боковыхъ—отъ Царевицы на Горній Студень, Булгарени, Порадимъ и Боготъ и другой отъ Тырнова на Ловчу. Такимъ образомъ, имѣя въ Зимницѣ сообщеніе съ Румыніей, гражданскія почты размѣстились по всему занятому краю и соединяли обѣ главныя квартиры со всѣми корпусами и отрядами войскъ, занимавшими крайніе пункты нашего расположенія. Въ то же время ими съ полнымъ удобствомъ могли пользоваться и всѣ гражданскія учрежденія Систовскаго, Рущукскаго и Тырновскаго санджаковъ. Правильный ходъ почтъ начался съ 10-го ноября, нѣсколько поздно, но по независѣвшимъ отъ гражданскаго управленія причинамъ.

Одновременно съ переговорами о наймѣ въ Одессѣ почтовыхъ лошадей, въ гражданской канцеляріи начаты были дѣятельныя работы по организаціи почтоваго дѣла. Общее управленіе почтовою частью учреждено въ Систовѣ и Тырновѣ и почтовое отдѣленіе въ Габрово по штатамъ, утвержденнымъ главнокомандующимъ 25-го сентября, т. е. на другой день по полученіи отъ графа Левашова телеграммы изъ Одессы о подписаніи съ колонистами контракта. Къ тому же времени выписаны были изъ Петербурга разныя книги, инструкціи, 15 тысячъ штемпельныхъ конвертовъ, 6 тысячъ бланковъ для открытыхъ писемъ и 34 тысячи почтовыхъ марокъ. Такъ какъ всѣ чины арміи имѣли право посылать свою корреспонденцію безплатно, то выписанные конверты и марки предназначались для мѣстнаго населенія; ему впервые предлагалась возможность пользоваться правильною почтою.

По утвержденіи штатовъ выписаны были изъ имперіи почтовые чиновники до станціонныхъ смотрителей, пріемщиковъ и сортировщиковъ включительно. Тогда же составлены были потребныя инструкціи и правила. Вообще, все было готово заблаговременно, и открытіе дѣйствій почтовыхъ учрежденій и почтовой гоньбы нѣсколько задержалось невозможностью скорой доставки лошадей по

желѣзнымъ дорогамъ. Наконецъ, какъ сказано выше, почтовая машина пущена въ ходъ 10-го ноября 1877 г.

Румынскія войска, призванныя на правый берегъ Дуная для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ самомъ скоромъ времени ознаменовали себя самою вопіющею распущенностью. Плохо организованныя вообще и особенно въ хозяйственномъ отношеніи, не стѣсняемыя въ своихъ дѣйствіяхъ никакими условіями со стороны нашихъ военныхъ властей, они приняли Болгарію за непріятельскую страну, стали широкимъ образомъ пользоваться ея средствами и буквально жить на ея счетъ. Собственное ихъ начальство, кажется, поощряло и, во всякомъ случаѣ, допускало подобное хозяйничанье, почему безобразія вскорѣ достигли крайнихъ предѣловъ. Жители были отягощены непомѣрными реквизиціями; по выдаваемымъ квитанціямъ уплаты не производилось, да и квитанціи не вездѣ выдавались.

Положеніе дѣлъ въ раіонѣ, занятомъ румынскими войсками, весьма отчетливо описалъ генералъ Столыпинъ въ оффиціальномъ письмѣ къ князю Черкаскому [1]).

«Давно я собирался писать вамъ о безобразіяхъ румынскихъ войскъ и отчасти болгарскихъ войскъ (ополченіе), но откладывалъ, стараясь все улаживать, чтобы не подливать масла въ огонь, теперь же считаю полезнымъ для общаго дѣла довести черезъ васъ до свѣдѣнія его высочества, что если румынскому мародерству не будетъ положенъ конецъ, то можетъ произойти свалка между ими и нашими войсками. Изъ записки, приложенной къ этому письму, вы усмотрите, что мое обвиненіе не голословно, а въ этой запискѣ только изложены факты за послѣдніе десять какихъ-нибудь дней; я приказалъ ихъ выбрать изъ тысячи жалобъ, ко мнѣ поступающихъ. Вы можете мнѣ замѣтить, что это дѣло до меня не касается, а до гражданскаго управленія, но, во 1-хъ, это общее дѣло, а во 2-хъ, жалобы поступаютъ ко мнѣ. Перейду теперь къ дѣлу, прямо меня затрогивающему: по вашему проекту, утвержденному его высочествомъ, я раздалъ оружіе жителямъ Гичены и послалъ туда инструкторами унтеръ-офицера и 3-хъ рядовыхъ изъ болгарской дружины, въ Никополѣ расположенной. Кала-

---

[1]) Копія письма находится въ матеріалахъ Л. Н. Соболева. № 150.

раши при офицерѣ напали на это селеніе, сорвали печать и замки съ хлѣбныхъ запасовъ и увели въ плѣнъ моихъ инструкторовъ, которые и теперь неизвѣстно гдѣ находятся» [1]).

Само собою разумѣется, что письмо генерала Столыпина было доведено до свѣдѣнія полеваго штаба. По горячемъ и продолжительномъ его обсужденіи, военныя наши власти предоставили князю Черкаскому обратиться къ директору дипломатической канцеляріи, для воздѣйствія путемъ дипломатическимъ.

Результатомъ возникшей переписки было, между прочимъ, слѣдующее письмо А. И. Нелидова.

17-го сентября, № 232.

«М. Г., князь Владиміръ Александровичъ! Я имѣлъ честь извѣстить ваше сіятельство, что по увѣдомленію, полученному мною отъ дипломатическаго агента нашего въ Бухарестѣ, господинъ Когольничано, которому были сообщены жалобы гражданскаго управленія Болгаріи на безчинства, производимыя въ краѣ румынскими войсками, отвѣчалъ, что «княжеское правительство не считаетъ себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе этихъ жалобъ, каковое разсмотрѣніе всецѣло принадлежитъ его свѣтлости князю и румынскимъ властямъ, находящимся по ту сторону Дуная». Вмѣстѣ съ тѣмъ румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ, опираясь, по словамъ барона Стуарта, на мнѣніе своихъ товарищей по министерству, положительно опровергаетъ наше право препятствовать румынамъ производить въ Болгаріи реквизиціи и забирать тамошнихъ жителей въ плѣнъ.

---

[1]) Выписываю изъ приложенной къ этому письму записки нѣкоторые факты, замѣчательные по ихъ курьезности и необычайности.

«Въ селеніи Сомовитъ уведено румынскими войсками 170 головъ скота крупнаго, взято 250 килъ ячменя, сѣно все и солома.

«Въ сел. Шемліево—8 головъ скота, 58 повозокъ пшеницы и 60 подводъ соломы.

«Въ сел. Коморово—12 головъ скота, 71 овца, 30 свиней, сѣно все.

«Въ сел. Буковлакъ, Опанецъ и Бivоляръ — до 5.000 овецъ, 280 головъ скота.

«Въ сел. Косеріево—весь скотъ взятъ, разбитъ магазинъ, и вывезено 200 килъ кукурузы.

«Въ сел. Гаврень—930 килъ кукурузы и разбитъ магазинъ.

«Сверхъ того командированныя окружнымъ начальникомъ лица для разслѣдованія поступающихъ жалобъ донесли, что румынскій офицеръ лично собираетъ десятину, а имъ приказалъ убираться.

«Взятыя румынами подводы часто не возвращались владѣльцамъ, а угонялись на тотъ берегъ Дуная въ качествѣ военной добычи».

«Предоставляя себѣ сообщить г. Когольничано взглядъ главной квартиры на сей послѣдній предметъ, я считаю долгомъ возвратить вашему сіятельству документы, которые были приложены къ отношенію вашему [1]).

Получивъ неудовлетворительный отвѣтъ изъ дипломатической канцеляріи и не надѣясь на дальнѣйшую переписку тѣмъ же путемъ, князь Черкаскій рѣшился лично обратиться къ князю Карлу.

— Вотъ, что я написалъ,—сказалъ мнѣ разъ князь Черкаскій и прочиталъ преостроумное, на французскомъ языкѣ, письмо, которымъ надѣялся подвинуть князя Карла на обузданіе его войскъ.

Я не совѣтовалъ отправлять подобнаго письма, во-первыхъ, потому, что едва-ли оно могло подѣйствовать въ желаемомъ смыслѣ, а во-вторыхъ, потому, что князь Карлъ навѣрно передастъ его министерству, и князю Черкаскому едва-ли будетъ пріятно, если отвѣтитъ ему не князь, а Когольничано. Мои возраженія не подѣйствовали; письмо пошло, и отвѣчалъ на него—Когольничано.

Наконецъ насталъ день столь давно ожидаемый—28-го ноября. Плевна была взята, и Османъ-паша сдался намъ со всѣми своими войсками.

Первое посѣщеніе государемъ взятой Плевны было назначено на 29-ое ноября. Понятно, что безусловно всѣ чины полеваго штаба, жившіе въ Боготѣ, не могли не воспользоваться случаемъ участвовать въ этомъ знаменательномъ событіи.

Ровно въ 9 часовъ утра 29-го ноября, я, вмѣстѣ съ А. А. Жемчужинымъ (правитель канцеляріи радомскаго губернатора и начальникъ отдѣленія гражданскаго управленія при арміи), верхомъ выѣхалъ съ занимаемаго мною двора, который былъ самымъ крайнимъ въ Боготѣ, со стороны Плевны. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ деревни нагналъ меня, тоже верхомъ, князь Черкаскій. Изъ обоюдныхъ разспросовъ оказалось, что ни я, ни онъ въ точности не знали, гдѣ будетъ молебенъ, а потому рѣшили ѣхать прямо въ Плевну и, тамъ уже все разузнавъ, направиться куда слѣдуетъ.

Передъ Плевной, мы нагнали коменданта главной квартиры, генерала Штейна, ѣхавшаго съ жандармами занять мѣсто для молебна, на турецкомъ редутѣ № 5.

---

[1]) Документы Л. Н. Соболева, № 150.

Мѣсто прекрасное съ отличными во всѣ стороны видами. Ставъ спиною къ Плевнѣ, у насъ впереди были Гривицкіе редуты, вправо Зеленыя горы и Кришинъ, влѣво глубокій Гривицкій оврагъ. Повернувшись къ Плевнѣ лицомъ, кромѣ города, лежавшаго внизу и раскинувшагося довольно живописно, мы видѣли: влѣво—послѣднія Кришинскія высоты; вправо—Опанецкую гору, грозно высившуюся надъ всею позиціей, а между ними, сперва сѣдловину, а потомъ ровное мѣсто, по которому вдали вилась голубая лента. Это рѣка Видъ, а за нею Горній и Дольній Нетрополь и бивуакъ гренадеръ.

На этомъ мѣстѣ мы и расположились. Скоро тамъ поставили аналой и приготовили все необходимое для служенія молебна. Духовенство и пѣвчіе въ фургонахъ прибыли одновременно съ комендантомъ. Прежде насъ пріѣхалъ только генералъ Левицкій, а вмѣстѣ съ нами подошли и линейные казаки. Вскорѣ прибыли генералы Зотовъ, баронъ Криденеръ и Н. П. Игнатьевъ, а затѣмъ, небольшими группами и по одиночкѣ, появились и другія лица главныхъ квартиръ, наконецъ, въ экипажѣ подъѣхалъ и великій князь, котораго ни я, ни князь Черкаскій не видали наканунѣ потому, что онъ поздно возвратился изъ Плевны. Мы оба немедленно подошли къ коляскѣ, въ которой онъ ѣхалъ съ генераломъ Непокойчицкимъ, и поздравили его съ побѣдой. Главнокомандующій былъ веселъ и доволенъ. Великій князь сейчасъ же началъ отдавать приказанія, какъ расположить подходившія войска. Еще наканунѣ было послано сказать, чтобы къ молебну подошли только ближайшія и менѣе занятыя части войскъ. Направо отъ аналоя, правымъ флангомъ къ Гривицѣ стали казаки-линейцы, лѣвѣе ихъ въ густыхъ колоннахъ—Калужскій и Пензенскій полки, а далѣе уже не въ линію, а подъ прямымъ къ ней угломъ, занялъ мѣсто Эстляндскій пѣхотный полкъ. Солдаты глядѣли молодцами, но бѣглаго на нихъ взгляда было достаточно, чтобы замѣтить, что они сильно пообносились и порядкомъ устали.

Прискакалъ генеральнаго штаба полковникъ Соллогубъ сказать, что государь ѣдетъ. Со стороны Гривицы показалась коляска государя. Музыка заиграла. Раздалось наше «ура!». Коляска поднималась крупною рысью. Государь, стоя во весь ростъ, тоже кричалъ

«ура!» и махалъ фуражкой. Мы начали махать своими. Наконецъ, всѣ мы побѣжали навстрѣчу. Государь остановился, вышелъ изъ экипажа, и растроганный, со слезами на глазахъ, бросился обнимать великаго князя. Я давно, да можетъ быть и никогда не видалъ его такимъ радостнымъ. «Полная побѣда, полная побѣда»,—взволнованнымъ голосомъ говорилъ онъ, широко раскрывая свои объятія главнокомандующему. Они крѣпко цѣловались. Но вотъ государь опустилъ одну руку въ карманъ и, вынувъ оттуда коробку, сталъ торопливо раскрывать ее. Отъ нервнаго возбужденія руки его дрожали, мускулы лица нѣсколько подергивались, коробка не раскрывалась. У великаго князя глаза были влажны; всѣ мы были сильно взволнованы, и многіе изъ насъ не могли сдержать навернувшихся слезъ. Да никто и не думалъ скрывать ихъ, такъ какъ они были не знакомъ слабости, а разрѣшеніемъ глубокаго наболѣвшаго чувства. Генералъ Воейковъ подбѣжалъ къ государю и помогъ раскрыть упрямую коробку. Государь вынулъ изъ нея георгіевскую ленту и началъ надѣвать ее на главнокомандующаго. Братья опять обнялись и сердечно поцѣловались. Лента георгіевская, надѣтая черезъ плечо поверхъ пальто и приколотая къ пальто звѣзда такъ и оставались на великомъ князѣ.

Вслѣдъ за этимъ государь обнялъ Тотлебена, поцѣловалъ Непокойчицкаго и, взявъ за руку великаго князя, направился къ Калужскому полку, который только одинъ подошелъ тогда, другихъ же войскъ еще не было. Поздоровавшись съ полкомъ и поздравя его съ побѣдой, государь, идя вдоль фронта, разспрашивалъ, гдѣ получили Георгія люди, стоявшіе въ передней шеренгѣ. Потомъ государь вошелъ въ середину колонны и прошелъ ее во всю глубину, разговаривалъ со многими солдатами и офицерами, благодаря за ихъ молодецкую удаль и вѣрную службу.

Все описанное произошло столь быстро, что слѣдовавшіе за государевой коляской экипажи съ его свитой еще не всѣ подошли. Когда собрались всѣ, государь сталъ передъ Калужскимъ полкомъ, лицомъ къ Плевнѣ. Къ нему подошелъ генералъ Воейковъ, держа въ рукахъ нѣсколько орденскихъ коробокъ. Двѣ самыя большія изъ нихъ государь подалъ Тотлебену и Непокойчицкому и снова обнялъ ихъ. Въ коробкахъ были звѣзды св. Георгія 2-ой степени.

— Имеретинскій, — позвалъ государь. — Вотъ тебѣ Георгія 3-й степени на шею. Князь Мосальскій—Георгія на шею.

Генералъ Зотовъ и баронъ Криденеръ получили изъ рукъ государя ордена Александра Невскаго съ мечами, а первый и съ брильянтами.

— Горяиновъ (флигель-адъютантъ), отвези эти три Георгія Ганецкому и его начальникамъ дивизій. Скажи имъ, что ихъ старый главнокомандующій благодаритъ ихъ за вѣрную и отличную службу и счастливъ, что они поддержали свою старую гренадерскую славу.

— Левицкій!

Долго никто не выходилъ, и, наконецъ, взволнованный и блѣдный, Левицкій вышелъ изъ заднихъ рядовъ. Государь подалъ ему коробку съ Георгіемъ 4-го класса (въ петлицу) и громко сказалъ: «даю это тебѣ въ воспоминаніе нашего совѣщанія 30-го августа на такъ называемомъ царскомъ валикѣ. Я не забылъ, что ты первый подалъ мнѣніе, которое теперь увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Я не забылъ этого».

Дѣло было въ томъ—передаю со словъ почтеннаго начальника артиллеріи дѣйствовавшей арміи князя Мосальскаго—что 30-го августа главнокомандующій и начальникъ полеваго штаба арміи выразили намѣреніе отойти отъ Плевны. Государь назначилъ совѣтъ на царскомъ валикѣ, куда и пріѣхалъ съ военнымъ министромъ. На совѣтъ собрались: великій князь, Непокойчицкій, Мосальскій, Зотовъ и Левицкій. Поставили стулья, и всѣ сѣли. Великій князь, обращаясь къ государю, сказалъ: «не позволите ли, ваше величество, начальнику артиллеріи доложить сперва, въ какомъ положеніи находится обезпеченіе арміи патронами и снарядами?» Государь согласился. Мосальскій доложилъ, что снабженіе патронами и артиллерійскими зарядами затрудненія не встрѣтитъ, но что, по его мнѣнію, войска, потерявъ лучшихъ людей на приступѣ, сильно разстроены и неспособны вступить въ бой съ успѣхомъ, а потому полагалъ отойти и, подождавъ подкрѣпленій, снова обрушиться на турокъ. Такимъ образомъ первымъ говорилъ не младшій—Левицкій. Когда спросили его, онъ заявилъ, что въ виду особой важности Плевны въ стратегическомъ отношеніи отступать невозможно и слѣдуетъ оставаться подъ ней. Только одинъ Д. А. Милютинъ былъ за него и энерги-

*

чески говорилъ въ томъ же смыслѣ. Государь рѣшился оставаться. Такимъ образомъ намъ удалось взять Плевну. Давая Д. А. Милютину Георгія 2-й степени на императорскомъ редутѣ 28-го ноября, немедленно послѣ полученія радостнаго извѣстія о сдачѣ Османа-паши, со всею его арміей, государь сказалъ ему: «это я тебѣ обязанъ сегодняшнимъ успѣхомъ». Вскорѣ послѣ этого, — пишетъ въ своемъ «Дневникѣ» графъ Соллогубъ [1],—«въ $4^1|_2$ часа, государь, сходя съ бруствера, чтобы садиться въ коляску, снова обратился къ военному министру съ вопросомъ совершенно неожиданнымъ: «Дмитрій Алексѣевичъ, — спросилъ онъ, — разрѣшаешь ли ты мнѣ надѣть на саблю георгіевскій темлякъ, за мое терпѣніе».

Продолжаю разсказъ.

— Дерфельденъ! гдѣ тотъ, кто вторымъ вчера пріѣхалъ ко мнѣ съ радостнымъ извѣстіемъ? Подбѣжалъ молодой лейбъ-уланскій офицеръ. «Назначаю тебя флигель-адъютантомъ». Всѣ мы отъ души порадовались за награжденнаго.

Молебенъ былъ спѣтъ прекрасно. Во время пѣнія «Тебѣ Бога хвалимъ!» государь опять обнялъ великаго князя. Послѣ молебна, государь обошелъ прибывшіе полки Пензенскій и Эстляндскій съ тѣмъ же милостивымъ вниманіемъ къ солдатамъ и офицерамъ.

Сѣвъ на коня, государь поѣхалъ въ Плевну, гдѣ былъ приготовленъ домъ для завтрака и пріема Османа-паши. Вслѣдъ за государемъ всѣ быстро сѣли верхомъ. Мнѣ удалось ѣхать отъ него очень близко. Государь направился въ городъ не прямо по дорогѣ, а полемъ, подъѣзжая ко всѣмъ войскамъ, которыя малыми частями — батальонъ, два орудія и т. д.—подходили къ мѣсту молебна. Всѣхъ ихъ объѣхалъ, благодарилъ за службу, поздравлялъ съ побѣдой. Всѣ были радостно настроены.

Въѣхали въ пустой городъ. Турецкое населеніе, уложивъ цѣнное имущество болѣе чѣмъ на двѣ тысячи запряженныхъ волами подводъ и взявъ свои семьи, вышло изъ города вмѣстѣ съ войсками и вмѣстѣ же съ ними было захвачено за Видомъ, такъ что турокъ мы совсѣмъ не нашли въ городѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ солдатъ-санитаровъ, оставшихся при больныхъ и раненыхъ, о которыхъ, впрочемъ, турецкая администрація мало заботилась. Османъ впо-

[1]) Дневникъ высочайшаго пребыванія за Дунаемъ въ 1877 г., стр. 263.

слѣдствіи говорилъ: «мы очень бѣдны, расходоваться на госпитали разорительно, а отъ судьбы не уйдешь». Болгары собрались около церкви и дома, приготовленнаго для государя. Духовенство, въ полномъ облаченіи съ хоругвями, размѣстилось передъ церковью; звонари очень усердно и серьезно колотили палкой въ доску—здѣсь это нѣсколько вѣковъ замѣняло колокольный звонъ. Болгары всѣ были съ зелеными вѣтвями, но глядѣли какъ-то оторопѣло. Странное совершилось на ихъ глазахъ превращеніе турокъ въ русскихъ. Сколько мѣсяцевъ видѣли они у себя непобѣдимаго Османа, а теперь вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла — русскій царь и его войска. Изъ оконъ и полураскрытыхъ воротъ кое-гдѣ выглядывали болгарки и дѣти.

Городъ грязенъ и плохо отстроенъ, только кое-гдѣ и то въ видѣ исключенія, попадаются хорошіе дома. Отъ бомбардировки пострадалъ онъ чрезвычайно мало, но ночь послѣ побѣга турокъ не прошла для нихъ даромъ. Болгары и румыны порядкомъ пограбили турецкое имущество.

Улицы тѣсны, вымощены ужасно; на каждомъ шагу попадаются огромные камни, около которыхъ надо маневрировать. Моя лошадь очень хорошо и спокойно обходила препятствія.

Домъ, приготовленный для завтрака, не былъ роскошенъ, но выглядѣлъ прилично и убранъ былъ по-европейски. На окнахъ висѣли шторы и занавѣси. Отъ нахлынувшихъ гостей тѣсно было въ немъ до такой степени, что я и нѣкоторые другіе не рѣшились войти въ него и остались во дворѣ верхомъ, не имѣя возможности поручить кому-либо своихъ лошадей. Внимательная прислуга не забыла насъ, и я очень скоро получилъ стаканъ краснаго вина, сыру, колбасы и бѣлаго хлѣба. Голода я не чувствовалъ, но все-таки не отказался отъ холодной закуски, вино же выпилъ съ удовольствіемъ.

Въ этотъ домъ, во время завтрака привезли и Османа. Великій князь видѣлъ его уже наканунѣ вечеромъ, послѣ сдачи. Главнокомандующій, войдя въ домъ, гдѣ на соломѣ сидѣлъ раненый Османъ, черезъ переводчика сказалъ ему: «мы удивляемся храбрости и стойкости турецкихъ войскъ, и я очень доволенъ имѣть такого противника, какъ Османъ». Затѣмъ послѣдовало краткое рукопожатіе, и Османъ, говорятъ, прослезился.

Привезти Османа къ государю вызвался Скобелевъ-отецъ.

Османъ средняго роста, плотный мужчина лѣтъ за 40, съ густою черною бородою. Лицо человѣка восточнаго, симпатичное и умное. Одѣтъ былъ въ новенькій черный однобортный сюртукъ съ золотыми пуговицами и красными контръ-погончиками для эполетъ. Такъ какъ онъ раненъ въ лѣвую ногу, то на ней была туфля и штаны, ниже колѣна, разрѣзаны. Его вели подъ руки: слѣва Хасибъ-бей, а справа корнетъ л.-гв. казачьяго полка князь Дадешкеліани. Поддерживаемый подъ руки, Османъ не шелъ, а подпрыгивалъ на правой ногѣ. При его появленіи, всѣ мы взяли подъ козырекъ и прокричали: «браво, браво, Османъ!». Онъ видимо былъ тронутъ.

Османъ, какъ оказывается, ничего не зналъ ни о занятіи Рахова и Лома, ни объ очищеніи Орханіэ, взятіи Этрополя и проч. Онъ думалъ, что за Видомъ мало нашихъ войскъ и что ему удастся пробиться. Первый его натискъ на Малороссійскій полкъ былъ ужасенъ. Онъ самъ ѣхалъ передъ войсками. Ганецкій говоритъ: «видя неудачу малороссійцевъ, я подъѣхалъ къ Астраханскому полку, объяснилъ ему, что малороссійцы отошли и потеряли 6 орудій (2-й батареи 3-й грен. бригады). Такъ отберите же орудія и выгоньте турокъ».—«Постараемся, ваше превосходительство».—«Не обманите же!» Бурей ударили астраханцы и сломили все, но уже у Копаной могилы.

Въ обратный путь я и князь Черкаскій поѣхали тою же дорогой; по ней же, какъ лучшей, направился и великій князь. Увидя въ сторонѣ отъ дороги толпу солдатъ съ непокрытыми головами, я изъ любопытства поѣхалъ туда съ Жемчужинымъ и пасторомъ Лешемъ, попавшимся по дорогѣ. Оказалось, что священникъ какого-то полка отпѣваетъ нашихъ убитыхъ, со 2-го ноября лежавшихъ непогребенными. Это охотники, вышедшіе отъ Скобелева занимать Зеленыя горы. Всѣ они голые и страшно раздутые. Видъ ихъ напомнилъ мнѣ сине-багрово-желтые трупы утопленниковъ, видѣнныхъ мною въ парижскомъ моргѣ. Но Боже, что за раны, что за мученическія выраженія въ лицѣ. Сложили ихъ рядкомъ, около длинной, только-что вырытой траншеи вмѣсто могилы, и отпѣвали всѣхъ вмѣстѣ. Однако подобрали не всѣхъ; выѣзжая на дорогу полемъ, мы видѣли между бороздами пашни еще нѣсколько труповъ. Раны все ружейныя и штыковыя.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА
ГОСУДАРСТВЕННАГО СЕКРЕТАРЯ
ВАСИЛІЯ РОМАНОВИЧА МАРЧЕНКИ [1]).
1782 — 1838.

I.

Рожденіе и воспитаніе.—Кончина отца.—Служба въ Могилевской губерніи и у бѣлорусскаго генералъ-губернатора.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Служба въ коммиссаріатской экспедиціи и въ канцеляріи военнаго министерства.—Женитьба.—Графъ Аракчеевъ военный министръ.—Эпизоды изъ шведской войны 1809 г.—Служба В. Р. Марченки въ Сибири.—Характеристика гр. Аракчеева и служба въ его канцеляріи.—Отечественная война.

Въ непреложномъ уповании на милосердіе Божіе, никогда не ропталъ я на службу, и въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, когда самое существованіе казалось излишнимъ, я повѣрялъ только дѣянія свои, но, съ совѣстью спокойною, оставался увѣреннымъ, что дни скорби пройдутъ и наступитъ лучшее время: ибо таковъ законъ Превѣчнаго, испытующаго сердца наши, къ несчастію на все готовыя при благополучіи безпрерывномъ. Да бу-

---

[1]) Малороссія дала Петербургу въ прошломъ вѣкѣ нѣсколькихъ замѣтныхъ дѣятелей, послѣднимъ изъ которыхъ былъ авторъ предлагаемой «Записки». Марченки ничѣмъ не выдѣлялись въ Малороссіи, и лишь одинъ изъ родственниковъ В. Р. Марченки подписался въ 1767 году подъ депутатскимъ наказомъ Днѣпровскаго пикинернаго полка: «старшій канцеляристъ Василь Марченко» (Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. XCIII, 50). Въ Россіи, кромѣ статсъ-секретаря императора Александра I, уже въ наши дни, въ литературѣ

детъ правило сіе и вашимъ, любезныя дѣти. Для васъ собственно давно желалъ я оставить описаніе жизни своей, но дѣятельная служба не позволяла заняться до 1822 г. Теперь судьба доставила мнѣ должность легкую, и потому досужное время употребляю на предметъ, мною желанный, и буду дополнять записку сію тѣмъ, что случится со мною съ 1823 г., доколѣ не откажутъ, говоря словами закона, здравый умъ и твердая память.

Я родился въ бѣлорусскомъ Могилевѣ 28 декабря 1782 г. Отецъ мой, избранный генералъ-губернаторомъ [1]) изъ малороссійскихъ гражданскихъ чиновниковъ на службу въ открывшееся, по пріобрѣтеніи отъ Польши бѣлорусскаго края, могилевское намѣстничество, былъ уважаемъ начальствомъ, какъ дѣлецъ и честный человѣкъ и обожаемъ, могу сказать, мѣстнымъ дворянствомъ, которое, даже по смерти его, вспомоществовало семейству нашему, послѣ несчастія, описаннаго ниже. Въ началѣ 1795 г. былъ онъ губернскимъ казенныхъ дѣлъ стряпчимъ, въ чинѣ коллежскаго ассессора; былъ произведенъ и въ надворные совѣтники, но указъ о томъ Сената полученъ по смерти уже его. Онъ былъ напослѣдокъ представленъ отъ генералъ-губернатора Пассека въ губернскіе прокуроры, дабы удержать его отъ перехода въ Волынскую или Уфимскую губернію, куда приглашали его съ лестными обѣщаніями генералъ-губернаторы Тутолминъ [2]) и Вязмитиновъ [3]), знавшіе его лично.

стало извѣстнымъ имя А. Я. Марченки (Кіевская Старина, XXVII, 392). О печатаемой нами «Запискѣ» давно уже упоминалось въ печати (Сборникъ, LXII, 15); нѣкоторые изъ трудовъ В. Р. Марченки, какъ государственнаго секретаря, изданы въ послѣднее время А. А. Половцовымъ (Сборникъ, ХС, 569); но автобіографическая записка его впервые появляется въ свѣтъ. Кромѣ записки, авторъ оставилъ еще два приложенія къ ней: «Событія, въ глазахъ моихъ совершившіяся при вступленіи на престолъ императора Николая I» и «О молоканахъ и духоборцахъ». Мы печатаемъ «Записку» и оба приложенія по копіи, сдѣланной вслѣдъ за кончиною автора, лицомъ ему близкимъ, судя по слѣдующей замѣткѣ: «Копія эта списана съ рукописи, писанной собственною рукою В. Р. Марченки и найденной въ кабинетѣ его, послѣ его смерти. Жизнь его описана въ этой же запискѣ. Прибавить надобно только, что онъ въ послѣдніе дни жизни, уже на смертномъ одрѣ, пожалованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и умеръ 6-го декабря 1841 г. въ 4 часа и 10 минутъ пополудни». Ред.

[1]) Генералъ-губернаторомъ могилевскаго намѣстничества былъ, съ 1782 г., Петръ Богдановичъ Пассекъ, 1736—1804.

[2]) Тимоѳей Ивановичъ, 1740—1809, генералъ-губернаторъ волынскій и подольскій.

[3]) Сергѣй Кузьмичъ, 1748—1819, генералъ-губернаторъ симбирскій и уфимскій; съ 1802 по 1808 г. военный министръ; 19 августа 1818 г. возведенъ въ графское достоинство «за отличную отечеству службу». Авторъ комедіи «Новое семейство», представленной въ 1781 году. О немъ см. «Русск. Старину», XXXII, 661.

Неожиданная кончина отца положила всему конецъ. Онъ занемогъ въ 1795 г., на первой недѣлѣ великаго поста, простудною горячкою [1]) и, дней чрезъ десять доктора объявили болѣзнь опасною. Еще нѣсколько дней, и печальное семейство облеклось, на разсвѣтѣ 21 февраля, въ трауръ.

Съ сей минуты познало оно всѣ несчастія. Домъ нашъ, по пословицѣ, былъ полная чаша: мы ни въ чемъ не знали нужды и, видя ежедневно почти гостей, кромѣ годовыхъ семейныхъ праздниковъ, веселились въ младенчествѣ нашемъ. Нѣсколько уже лѣтъ отецъ пріискивалъ устроенную деревню, душъ 400, не больше, говорилъ, чтобы не войти въ долгъ, и остановился на томъ, что можетъ быть перейдетъ служить въ Волынскую губернію, то тамъ уже и осѣдлость сдѣлать. Письма Сесемана и Петра Савича Марченки [2]) доказывали, что у нихъ были на примѣтѣ такія имѣнія, изъ числа пожалованныхъ, цѣною отъ 27 до 32 т. рубл. Намѣреніе его было гласное; всѣ пріятели знали о томъ и что капиталъ его, въ неизвѣстномъ только количествѣ, сохраняется въ расходномъ сундукѣ губернскаго правленія, гдѣ генералъ-губернаторъ Пассекъ не довѣрялъ никому пересылочныхъ суммъ, и несмотря на стороннюю должность отца, поручилъ ему храненіе сихъ суммъ, простиравшихся иногда за 200 т. рублей въ годъ, контролируя, такъ сказать, симъ образомъ полученіе и выдачу денегъ, чрезъ губернское правленіе переходящихъ. По этому-то случаю и имѣлъ онъ свою шкатулку за его печатью, сохранявшуюся въ большомъ расходномъ сундукѣ, при которомъ стоялъ всегда часовой. Надежда семейства на капиталъ, въ шкатулкѣ сей бывшій, была несомнѣнна: многіе брали у отца деньги въ займы, подъ росписки, и знали, что въ особомъ ящикѣ его собственность, а прочее пространство шкатулки для казенныхъ денегъ служитъ.

Смерть отца такую причинила горесть въ домѣ, что одинъ только я могъ быть при погребеніи. Матушка, сестры, братъ и большая часть людей находились въ горячкѣ; трое служителей вскорѣ умерли. Пріятели отца, входя въ положеніе наше, настаивали, и въ ночь кончины его и послѣ въ теченіе девяти дней, чтобы освидѣтельствовать шкатулку и пересчитать деньги. Они вносили ее на рукахъ въ присутствіе правленія, и всѣ слышали шарканье въ ней бумагъ и звонъ монеты. Но освидѣтельствованіе отлагаемо было до выздоровленія матери моей. Нако-

---

[1]) Странный случай: директоръ таможни Пестовъ, пріятель отца, привезъ изъ Толочина больную жену и остановился въ безпокойномъ трактирѣ, у жида. Отецъ мой, сострадая больной, предложилъ Пестову переѣхать къ нему въ домъ, хотя другіе не совѣтовали ему, по предубѣжденію: не принимать въ домъ пріѣзжаго больнаго. Съ водвореніемъ Пестовыхъ, проявилась у насъ горячка, надѣлавшая столько бѣдъ.

[2]) Родной дядя автора записокъ.

нецъ, чрезъ 10 дней (3-го марта 1795 г.) присланъ изъ правленія чиновникъ, чтобы скорѣе привезти ключикъ отъ шкатулки. Собраны пріятели отца. Я привожу ключъ, и намъ объявляется, что печать съ шкатулки, вѣроятно, по неосторожности расходчика, оторвалась; отпираемъ шкатулку и находимъ въ ней пустоту. Начался процессъ, продолжался 12 лѣтъ, и мы не получили ни копѣйки. Вотъ урокъ вамъ, дѣти! не полагаться на наслѣдство послѣ родителей.

Обо мнѣ, при жизни отца, различныя были предположенія. Еще когда обучался я въ теперешней гимназіи, а по тогдашнему въ главномъ народномъ училищѣ, то записанъ былъ въ какой-то гренадерскій полкъ (помню сіе по аммуниціи и высокой гренадерской шапкѣ, хранившимся въ кладовой), потомъ записанъ былъ въ гражданскую службу; но, для большаго усовершенствованія въ наукахъ, положено было отдать года на три въ Шкловскій дворянскій корпусъ. Только внезапная болѣзнь отца остановила поѣздку въ Шкловъ, а смерть его и похищеніе нашего капитала заставили меня вступить на дѣйствительную службу.

И такъ, въ мартѣ 1795 г. явился я могилевскаго верхняго земскаго суда въ 1-й департаментъ. Прокуроръ потребовалъ, чтобы я занимался и по его части. Хотя сіе трудно было 14-ти лѣтнему мальчику, но впослѣдствіи я былъ благодаренъ ему, ибо собственно по департаменту сему я узнавалъ уголовное только производство; занимаясь же у прокурора, по журналамъ и протоколамъ 2-го департамента верхняго земскаго суда, видѣлъ и утверждалъ въ памяти своей ходъ дѣлъ тяжебныхъ. Кстати сказать здѣсь, что въ тогдашнемъ возрастѣ и сиротствѣ моемъ судьба, на первомъ шагу службы, дала мнѣ учителей. Предсѣдателемъ департамента былъ нѣкто Мурашевичъ, а секретаремъ Хамкинъ, занятые тѣмъ, что могли писать стихи. Можно судить по сему, что слогъ ихъ не былъ подъяческій, и, сверхъ того, предсѣдатель былъ большой педантъ по службѣ. Случалось иногда, что всѣ дѣла кончены, или какое-нибудь дѣло, по обширности, не готово къ докладу: ему все равно—онъ все же въ присутствіи и заставлялъ меня читать законы. Журналъ того засѣданія составлялся такимъ образомъ: «№, число, дѣла докладованы не были (по такой-то причинѣ), а члены занимались чтеніемъ узаконеній». Занятія сіи были для меня учебными лекціями; я радовался, когда предсѣдатель, какъ русскій, объяснялъ членамъ-полякамъ смыслъ закона и позволялъ мнѣ дѣлать вопросы, когда чего я не понималъ. Жалованья получалъ я 60 руб. въ годъ.

Въ началѣ 1796 г., уголовная палата указомъ вытребовала меня изъ верхняго земскаго суда. Я, въ чинѣ коллежскаго регистратора, опредѣленъ былъ повытчикомъ въ палатѣ (теперешніе столоначальники). Удивляюсь, какъ можно было ввѣрить мальчику по 15-му году уголовныя дѣла, для повѣрки, выписки изъ законовъ и для составленія опредѣленія!

Но мнѣ почти оба повытья поручены были, ибо другой, товарищъ мой, былъ пьяница, и сверхъ того я же завѣдывалъ расходомъ. Здѣсь давали мнѣ жалованья 120 рублей.

Въ 1797 г. изъ двухъ губерній, Могилевской и Полоцкой, составилась одна, Бѣлорусская, а губернскимъ городомъ назначенъ Витебскъ. На меня обрушилась и сдача рѣшенныхъ дѣлъ въ архивъ, и доставленіе неоконченныхъ дѣлъ въ Витебскъ. Богъ помогъ исполнить то и другое; но я, сдавъ нерѣшенныя дѣла въ Витебскъ, остался безъ жалованья и не зналъ, гдѣ служить. Мазуринъ, бывшій протоколистъ губернскаго правленія, съ которымъ я жилъ въ клашторѣ, совѣтовалъ уже вступить въ правленіе, какъ пріѣзжаетъ переведенный изъ Крыма въ Бѣлоруссію губернаторъ, тайный совѣтникъ Жегулинъ [1]), и, отбирая въ губернскомъ правленіи писцовъ для своей канцеляріи, назначилъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, и меня въ канцелярію, съ прежнимъ жалованьемъ.

Служба по канцеляріи сей тѣмъ только лестна была для меня, что въ губернаторѣ имѣлъ я человѣка умнаго, честнаго и правдиваго. Онъ полюбилъ меня и всегда бралъ съ собою, когда отправлялся по губерніи; въ 1799 г. онъ вышелъ въ отставку. Пользуясь отъѣздомъ его въ Петербургъ, рѣшился и я искать службы въ столицѣ. Здѣсь очевидна милость Божія ко мнѣ. Безъ денегъ, безъ покровительства, можно ли думать о Петербургѣ? Но мнѣ проѣздъ ничего не стоилъ и, по прибытіи на мѣсто, четыре года имѣлъ я пріютъ у него же, Жегулина; слѣдовательно, на квартиру и на столъ ничего не издерживалъ.

Въ началѣ апрѣля 1799 г. прибылъ я въ Петербургъ, на 17-мъ году возраста и имѣя не болѣе 200 руб. денегъ. Мать снабжала меня пятью стами рублей, но я не принялъ ихъ, ибо у нея оставалось на рукахъ четверо дѣтей [2]). Предположеніе мое было опредѣлиться въ канцелярію генералъ-прокурора, но судьба поступила иначе. Осматривая городъ, пришелъ я въ крѣпость, гдѣ комендантомъ былъ Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ, прежній губернаторъ могилевскій, знавшій и отца моего, и меня. Захожу къ нему безъ всякой цѣли. Старикъ вѣжливо принимаетъ меня, разспрашиваетъ о семействѣ и зачѣмъ я пріѣхалъ. Узнавъ же причину, сказалъ: «не хочешь ли у меня служить?» Я отвѣчалъ поклономъ и съ тѣмъ вышелъ, бывъ приглашенъ отъ него приходить обѣдать. Скоро послѣ того переходъ чрезъ Неву сдѣлался опасенъ, и я, дождав-

---

[1]) Семенъ Семеновичъ, съ 1789 по 1796 годъ, былъ правителемъ Таврической области въ чинѣ генералъ-маіора; при назначеніи губернаторомъ бѣлорусскимъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта; въ тайные совѣтники переименованъ при Александрѣ I.

[2]) Сестра Анна выдана была уже замужъ въ 1798 г. Оставались сестры: Александра, Катерина, Ольга и братъ Петръ, всѣ моложе меня.

шись Святой недѣли, переѣзжаю рѣку, чтобъ поздравить Сергѣя Козьмича съ праздникомъ. Но въ какое пришелъ удивленіе, когда онъ сказалъ мнѣ, что опредѣлилъ меня въ коммиссаріатъ, о которомъ понятія я не имѣлъ. Жегулинъ еще болѣе опечалилъ меня, не хваля сей службы и подозрѣвая, что я искалъ ее, не сказавъ ему. Но дѣлать было нечего; на Ѳоминой недѣлѣ явился я на службу въ коммиссаріатскую военной коллегіи экспедицію, издержавъ на обмундировку послѣднія деньги, и остался безъ гроша.

Умный и знающій дѣло секретарь Михайло Тихоновичъ Тарасовъ скоро познакомилъ меня съ дѣлами коммиссаріата и полюбилъ меня отмѣнно, ибо я работалъ усердно и замѣнялъ ему людей глупыхъ, каковыхъ достаточно было въ экспедиціи стараго завода, изъ солдатъ, дослужившихся до офицерства. Жалованья получалъ я 250 р., а послѣ, по званію протоколиста, 450 р., имѣя при томъ въ виду казенную квартиру, если бы вздумалъ переѣхать въ коммиссаріатъ. Сверхъ жалованья, давалась еще каждый годъ, къ Святой недѣлѣ, казенная обмундировка тонкаго сукна.

Отсель начинаю ощущать нѣкое предопредѣленіе свыше, чтобы таскаться по свѣту 20 лѣтъ и увидѣть его отъ Аландскихъ острововъ до Томска, отъ Астрахани до Лондона, отъ Риги до Парижа и Вѣны, чего и во снѣ не представлялось прежде.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ службы моей въ коммиссаріатѣ, какъ Сергѣй Козьмичъ предлагаетъ мнѣ отправиться въ армію Суворова, въ Италію, говоря, что молодому человѣку полезно увидѣть чужіе края и что другіе издерживаются даже на то. Безспорно, что это такъ, но я, незнающій языковъ, безъ денегъ, какой вояжиръ? При томъ же, не путешествовать мнѣ предлагаютъ, но быть при арміи, слѣдовательно, подвергать себя всѣмъ невзгодамъ и опасностямъ, не бывъ въ военной службѣ. Соображенія сіи и мысль, что въ случаѣ, если я пропаду за границею, матушка не перенесетъ этого горя, заставили меня отказаться.

Судьба, однако, иначе располагала: я отказался въ іюлѣ, въ сентябрѣ Сергѣй Козьмичъ вышелъ въ отставку, въ декабрѣ собирались уже тучи на горизонтѣ коммиссаріатскомъ, а въ январѣ 1800 г. разверзлись. Генералъ-кригсъ-коммиссаръ князь Сибирскій и первый членъ экспедиціи генералъ-лейтенантъ Турчаниновъ посажены въ крѣпость. По всему государству посланы ревизоры, къ нимъ должно было прикомандировать грамотныхъ людей. Нечего дѣлать Тарасову въ такомъ страхѣ: онъ разстается со мною, и я, съ гвардейскимъ полковникомъ Ляпуновымъ, осматриваю коммиссаріатскія депо въ Кременчугѣ, Балтѣ, Тирасполѣ, Береславѣ, крѣпости св. Дмитрія, Екатеринградѣ и Царицынѣ. Проѣхавъ отъ Петербурга чрезъ Бѣлоруссію и Черниговскую губернію въ Балту, видѣлъ я всю прежнюю турецкую границу, едва возникающую

Одессу, Таганрогъ, Черкаскъ, всю Кавказскую линію до Кизляра, степь отъ Кизляра до Астрахани, и потомъ, чрезъ Рязань и Москву, возвратился въ столицу, въ августѣ 1800 г. Поѣздка сія послужила мнѣ въ пользу. Я былъ на всемъ содержаніи то Ляпунова, то, какъ проѣзжій, у мѣстныхъ чиновниковъ въ городахъ; ѣздилъ въ одной съ нимъ коляскѣ, и оттого остались у меня прогоны на двѣ лошади и жалованья за двѣ трети въ экспедиціи.

Къ неописанной радости, нашелъ старика Жегулина я еще въ Петербургѣ, слѣдовательно, столъ и квартира опять мнѣ ничего не стоили. Вскорѣ опредѣленъ былъ надъ коммиссаріатомъ генералъ-интендантъ князь Волконскій [1]), человѣкъ добрый, обласкавшій меня дотого, что я отмѣнилъ намѣреніе оставить коммиссаріатъ, по крайней мѣрѣ, до нѣкотораго времени.

Въ 1802 г. учреждены министерства. Здѣсь жилъ тогда дядя мой, познакомившій меня съ графомъ Васильевымъ, который и предложилъ мнѣ перейти въ окрывавшійся у него департаментъ министерства финансовъ. Но я командированъ былъ между тѣмъ съ генералъ-маіоромъ Ломоносовымъ [2]) въ Воронежъ, для изслѣдованія, отъ чего много дурныхъ суконъ поставлено, и для изысканія средствъ къ поддержанію суконныхъ фабрикъ; а по возвращеніи данъ мнѣ чинъ коллежскаго ассессора, и милость эта крайне затрудняла меня, чтобы не сдѣлаться неблагодарнымъ.

Обдумавъ, наконецъ, что коммиссаріатъ должно же будетъ когда-нибудь оставить, и что въ министерствахъ другая дорога, рѣшился я просить князя Волконскаго, какъ человѣка добраго, чтобы онъ же доставилъ мнѣ мѣсто въ министерствѣ финансовъ, гдѣ, какъ сказано выше, все уже слажено было, и увѣренъ былъ, что онъ это сдѣлаетъ, какъ въ одно утро князь, проходя въ присутствіе, сказалъ мнѣ: «за что жъ ты, милый, меня оставляешь?» Я изумился, отчего узналъ онъ мою тайну, и полагалъ уже, что графъ Васильевъ проговорился; но чрезъ часъ выведенъ былъ изъ недоумѣнія. Тарасовъ, возвратясь изъ присутствія, сказалъ, по словамъ князя, что въ военной коллегіи полученъ указъ, дабы оберъ-секретаря коллегіи Бижеича, члена экспедиціи полковника Покровскаго и меня отправить къ военному министру Вязмитинову, для составленія министерской канцеляріи. Я могъ только поклясться, что ни свѣдѣнія, ни видовъ на сію службу не имѣлъ, и, покоряясь судьбѣ, пошелъ къ министру. Не скрою, однако, что радъ былъ разстаться съ коммиссаріатомъ.

---

[1]) Дмитрій Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, гофмейстеръ; умеръ въ 1853 году.

[2]) Григоріемъ Андреевичемъ, 1767—1810.

На первый разъ опредѣлено мнѣ было жалованья 750 руб., но въ теченіе года я дошелъ уже до 1.500 руб. Сумма весьма достаточная по тогдашнему времени, особенно же потому, что я имѣлъ еще квартиру и столъ у Жегулина. Содержаніе таковое доставило мнѣ способъ всѣмъ обзавестись, помогать матушкѣ и выписать брата къ себѣ изъ Могилева. Первые три года служба моя была сущая каторга. Сергѣй Козьмичъ имѣлъ меня у себя при кабинетѣ. Съ шести часовъ утра до двухъ я не вставалъ со стула; обѣдать долженъ былъ всегда у него, и съ шести часовъ до 12-ти ночи опять оставаться приросшимъ къ стулу. Я не могъ даже пользоваться и тѣмъ временемъ, когда старикъ уѣзжалъ въ театръ—такъ много всегда было дѣла и собственнаго усердія. Многіе предсказывали мнѣ смерть, и я до того отвыкъ отъ воздуха, что рѣдкую зиму не было у меня двухъ горячекъ, а простуда безпрерывная. Довольно также несносно было, что, при множествѣ наградъ въ другихъ министерствахъ и даже по коммиссаріатской и провіантской части, полтора года ничего я не получалъ. Наконецъ, въ половинѣ 1804 г. награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, за отличіе.

Начинаются приготовленія къ войнѣ, учреждается секретная часть и поручается мнѣ. Трудовъ было множество и работать лестно. Въ 1805 г. произведенъ я въ коллежскіе совѣтники и послѣ сдѣланъ экспедиторомъ—награда тѣмъ пріятнѣйшая, что и жалованье мое увеличилось до 2.500 руб. въ годъ.

Съ окончаніемъ Аустерлицкой битвы, новыя начали дѣлаться приготовленія къ войнѣ, какъ я называю Беннигсеновой [1]), и новые представились мнѣ труды. Но я занимался въ департаментѣ и, живя въ домѣ Сергѣя Козьмича, имѣлъ уже, такъ сказать, отдѣльную часть: я не сидѣлъ въ кабинетѣ, меня не развлекали пріѣзжающіе къ министру, и работа казалась не столь тягостною, ибо я самъ располагалъ временемъ.

Служба въ военномъ министерствѣ составляетъ новую въ жизни моей эпоху. Будучи у другаго министра, можетъ статься, я не такъ бы скоро женился. Въ 1804 г. нанята была квартира въ домѣ надворнаго совѣтника Шмита (въ Почтамтской улицѣ, напротивъ дома Безбородко). Меня особенно ласкала хозяйка, молодая, умная, веселая и прекрасная собою женщина. Они люди были богатые, и мнѣ отмѣнно нравилось видѣть хозяйку: вечеромъ, въ брильянтахъ, разряженную, для благороднаго собранія, а по утру идущую въ погребъ, или пріѣзжающую въ каретѣ съ рынка. Русскія барыни не знаютъ сего: имъ надобно или не заниматься вовсе хозяйствомъ или, отказавшись, какъ онѣ называютъ, отъ

---

[1]) Графъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ, 1745—1826. Исторію пріобрѣтенія его записокъ см. «Русск. Стар.» XVI, 387.

свѣта, ходить ежеминутно съ ключами, браниться и кричать. У Шмитовыхъ, напротивъ, чистота въ домѣ и порядокъ были удивительные. Одинъ человѣкъ прислуживалъ 20-ти гостямъ, одѣвалъ хозяина и ѣздилъ за каретою. Прельщаясь такою жизнью, я говаривалъ товарищамъ моимъ, что или я буду имѣть такую жену, какъ Марья Осиповна Шмитъ, или останусь холостымъ. Судьба подслушала, видно, меня и подшутила.

Марья Осиповна начала находить во мнѣ добрыя качества; самая застѣнчивость моя ей нравилась. Я влюбился, она также, и потребовала развода. Право ея состояло въ томъ, что Шмитъ въ малолѣтствѣ принудилъ ее за себя выйти, что она ему падчерица и что въ день свадьбы торжественно объявила ему, что будетъ жить съ нимъ дотолѣ, пока не влюбится въ другаго. Шмитъ, опасаясь, чтобы насиліе его не было открыто, согласился на разводъ, въ 1805 г., зимою, и чрезъ три мѣсяца женился на ключницѣ, жившей у него же въ домѣ. Но мое положеніе было ужасное. Мысль, что я причиною разстройства семейнаго, убивала меня, не взирая на то, что самъ Шмитъ желалъ нашей свадьбы, и что Марья Осиповна рѣшительно говорила, дабы я не бралъ сего происшествія на свой счетъ, такъ какъ уговора у насъ никакого не было и она не нарушила супружеской вѣрности. Въ доводъ того, узнавъ, что въ домѣ Вязмитинова предлагаютъ мнѣ жениться на дочери Малышева, только-что взятой изъ Смольнаго монастыря, Марья Осиповна предложила мнѣ въ подарокъ 20 т. руб., слѣдующіе ей по разводной записи; а сама, съ остальнымъ капиталомъ, намѣрена была уѣхать за границу.

Я открылся во всемъ Сергѣю Козьмичу, испросилъ благословеніе матушки, предложилъ Марьѣ Осиповнѣ руку и сердце, и 8-го іюля 1806 г., въ Вознесенской церкви, поклялись мы предъ алтаремъ въ вѣчной другъ къ другу любви.

Съ сего дня зажилъ я своимъ хозяйствомъ. Ломоносовъ подарилъ мнѣ четверку лошадей, а квартира моя была на бульварѣ, въ домѣ Кутайсова. Труды и съ перемѣною жизни были тѣ же, даже съ опасностію, послѣ исторіи Степанова [въ канцеляріи графа Ливена[1]]; но въ мартѣ 1807 г. отличенъ я былъ Анненскимъ орденомъ, совсѣмъ неожиданно, потому-то и рескриптъ написанъ рукою Сергѣя Козьмича. Полтора года не увидѣли, какъ прошли. Но съ наступленіемъ 1808 г. лишился я почтеннаго начальника и благодѣтеля—Сергѣй Козьмичъ вышелъ въ отставку. Въ пяти-лѣтнюю при немъ службу, получилъ я два чина и орденъ 2-ой Анны. Сверхъ того, по представленію его, назначены были мнѣ и Бижеичу кресты 4-го Владиміра, но когда отъ коми-

---

[1]) Карлъ Андреевичъ, съ 1826 г. князь, 1767—1845, начальникъ военно-походной Е. И. В. канцеляріи.

тета министровъ объявлена высочайшая о томъ воля графу Аракчееву, то онъ не поднесъ указа къ подписанію. Каково?

Отставка Сергѣя Козьмича погрузила весь департаментъ въ крайнее уныніе, ибо на его мѣсто опредѣленъ графъ Аракчеевъ, человѣкъ, не имѣвшій въ публикѣ названія добраго. Мы, то-есть, экспедиторы, согласились посмотрѣть на пріемъ его и, ежели онъ обойдется по обыкновенію своему, оставить службу; на сей конецъ и просьбы объ отставкѣ были за пазухою у директора и трехъ экспедиторовъ.

Посылаемъ узнать экзекутора, когда приметъ новый министръ департаментъ? «Въ 4 часа утра»,—отвѣтъ былъ. И такъ, въ началѣ января, въ жестокій морозъ, при свѣчахъ, представились мы графу Аракчееву. Онъ былъ уже въ полномъ мундирѣ и, къ удивленію, началъ рѣчь, неожиданную нами: «Господа! рекомендую себя; прошу беречь меня, я грамоту мало знаю, за мое воспитаніе заплатилъ батюшка 4 рубли мѣдью; я долго не хотѣлъ брать этого мѣста, но государю угодно было непремѣнно меня опредѣлить. Мнѣ ничего не надобно, а будетъ у насъ дѣло хорошо идти, вамъ вся награда». Потомъ, разспросивъ каждаго, у кого какая часть, приказалъ всѣмъ ѣхать къ должности, а мнѣ остаться.

Будучи взятъ въ кабинетъ, выслушалъ я возможныя вѣжливости и отзывы на счетъ службы при Сергѣѣ Козьмичѣ. Какъ два мѣсяца, предъ отставкою его, всѣ доклады остались неразрѣшенными, и мы не знали, гдѣ они: у государя или Попова [1]), мѣшавшагося, со времени Беннигсеновой войны, во всѣ части, то графъ и приказалъ мнѣ остаться, чтобъ разобрать сіи бумаги, отданныя уже ему государемъ. По докладѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, нужнѣйшихъ, въ то же утро государю, графъ указалъ мнѣ мѣсто въ своемъ домѣ и приказалъ дѣлать по резолюціямъ исполненіе. Въ 5 часовъ вечера, въ другой разъ, возвратился онъ изъ дворца, съ докладами, и отдалъ опять мнѣ до 50 записокъ, да столько же разныхъ приказаній, по которымъ должно было заготовить исполненіе къ утру, и большею частію указы и приказы. Уснувъ не болѣе трехъ часовъ, на другой день увидѣлъ я то же, и сотни бумагъ, принадлежащихъ канцеляріи графа Ливена, отдѣльной отъ министерства, имѣвшей свой штатъ и директора Паглиновскаго [2]). Думая, что графъ незнакомъ еще съ распорядкомъ, я объявилъ ему о томъ; но онъ мгновенно возразилъ, что знать ничего не хочетъ, и чтобы я заготовилъ указъ о причисленіи графа Ливена къ иностранной коллегіи. Проводя такую службу двѣ недѣли, измучилъ я себя и чиновниковъ

---

[1]) Василій Степановичъ, 1743—1822; съ 1819 г. предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ.

[2]) Дмитрій Моисеевичъ, директоръ военно-походной канцеляріи; издалъ нѣсколько повѣстей, переведенныхъ съ нѣмецкаго.

своей экспедиціи, готовъ уже былъ все бросить, чувствуя, что выбиваюсь изъ силъ, какъ вдругъ получаю два предложенія: переѣхать въ домъ къ графу Аракчееву, на житье, и быть директоромъ военно-походной канцеляріи. Благоразуміе воспрещало мнѣ принять и то, и другое: первое потому, что я человѣкъ семейный, а второе потому, что канцелярія была въ совершенномъ разстройствѣ за время императора Павла, и случай какой-нибудь могъ помнить только Паглиновскій, а повѣрки словамъ его дѣлать было не съ чѣмъ. На отзывъ мой, что лучше мнѣ быть хорошимъ экспедиторомъ, чѣмъ дурнымъ директоромъ, графъ, къ удивленію, предложилъ мнѣ занимать оба мѣста. Но я и сіе отклонилъ, опасаясь сдѣлать упущеніе по которой-либо части [1]. И такъ чрезъ три уже недѣли, рѣшился графъ Аракчеевъ взять къ себѣ военно-походную канцелярію.

Не болѣе, какъ чрезъ четыре мѣсяца, въ маѣ 1808 г., пожалованъ мнѣ алмазный крестъ Анны 2-й степени. Послѣдствіе показало, что симъ задобриваемъ я былъ къ сочиненію проекта о запасныхъ рекрутскихъ депо. Сперва о семъ предметѣ былъ простой только разговоръ; но когда графъ Аракчеевъ замѣтилъ, что я одабриваю планъ его, предложилъ мнѣ всѣ сужденія наши записать и привести въ порядокъ. Изъ этого составилась порядочная книга, испестрившаяся, однако, подробностями и прибавленіями. Жаль, что у насъ во всякомъ, можно сказать, случаѣ, нѣтъ терпѣнія. Едва успѣлъ я положить на бумагу первыя мысли, и графъ Аракчеевъ началъ поправлять и прибавлять свое, какъ всякая тетрадка, по мѣрѣ переписки, летѣла въ Эрфуртъ, гдѣ изволилъ находиться государь императоръ, и, въ то же время, другая отдавалась въ печать, такъ что, съ возвращеніемъ послѣдней тетради, книга была уже напечатана и потомъ немедленно приведена въ исполненіе. За сочиненіе сей книги пожаловано мнѣ 1.500 р., а вскорѣ за тѣмъ сдѣлана прибавка къ жалованью 2.000 руб., что составило большое пособіе, ибо въ три года семейство мое умножилось, дороговизна во всемъ сдѣлалась непомѣрною, и я много прожилъ денегъ изъ приданаго Марьи Осиповны.

1809 годъ. По окончаніи первой недѣли великаго поста, графъ Аракчеевъ взялъ меня съ собою въ новую [2]) Финляндію. Причиною поѣздки его была необходимость удостовѣриться, точно ли невозможно перейти Ботническій заливъ по льду, дабы, явясь предъ Стокгольмомъ,

---

[1]) Къ удивленію, узналъ я, въ 1812 уже году, что указъ былъ обо мнѣ подписанъ, и что графъ Аракчеевъ при смѣнѣ своей, показавъ его Паглиновскому, изорвалъ. Это сказывалъ мнѣ самъ Паглиновскій при свидѣтеляхъ.

[2]) Т. е. только-что занятую русскими войсками и позже, но въ томъ же 1809 году, присоединенную къ Россіи по фридрихсгамскому мирному договору.

заставить шведовъ склониться къ миру. Невозможность сію, вопреки желанію государя, доказывалъ командовавшій тогда арміею генералъ Кноррингъ [1]). Осмотрѣвъ внимательно Свеаборгъ, гдѣ предъ тѣмъ былъ взрывъ, графъ Аракчеевъ немедленно отправился въ Або и, объяснившись съ управлявшимъ гражданскою частію бар. Спренгпортеномъ [2]) и корпусными командирами генералъ-лейтенантами Барклаемъ [3]) и княземъ Багратіономъ [4]), положилъ намѣреніе перейти заливъ. Какъ скоро Спренгпортенъ приготовилъ подводы, армія двинулась тремя колоннами. Первая, подъ командою генералъ-лейтенанта графа Каменскаго [5]) пошла за Торнео; вторая, подъ командою генералъ-лейтенанта Барклая, изъ Вазы; третья, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Багратіона, изъ Або. При сей колоннѣ былъ и военный министръ графъ Аракчеевъ; чрезъ сутки пріѣхалъ къ ней и Кноррингъ. Сколь ни затруднителенъ былъ переходъ по льду, но всю опасность увидѣли мы уже на обратномъ пути, когда подулъ съ моря вѣтеръ и ледъ получилъ трещины по сажени. Тутъ узнали мы, что среди жесточайшихъ морозовъ, при вѣтрѣ, исчезаетъ въ нѣсколько часовъ ледъ на Ботническомъ заливѣ, и если бы несчастіе это постигло корпусъ, то ни одинъ человѣкъ не спасся бы; но Богъ былъ милостивъ къ намъ. Въ три дня достигли мы главнѣйшаго изъ острововъ Аландскихъ; послѣ небольшой ошибки, заняты были нашими войсками всѣ острова, и Кульневъ [6]) стремительно, съ легкимъ отрядомъ своимъ, перешелъ на матерой берегъ Швеціи. Три марша, и корпусъ Багратіона могъ быть у шлагбаума Стокгольмскаго, ожидая тамъ подкрѣпленія себѣ отъ Барклая, но шведы не дождались сего событія. Въ главную квартиру явилась депутація (съ заявленіемъ?), что упорству короля положена преграда. Между депутатами я помню одного генералъ-адъютанта [7]), у котораго разрубленная голова связана была обручемъ, и когда онъ горячился во время конференціи, то обручъ сей сдвигалъ. Въ чемъ состояли переговоры (по-французски), мнѣ неизвѣстно; но, по окончаніи оныхъ, тотчасъ отправленъ былъ адъютантъ Чихачевъ въ

---

[1]) Богданъ Өедоровичъ, 1746—1825, генералъ-отъ-инфантеріи, главнокомандующій русскою арміею въ Финляндіи, «русскій генералъ изъ нѣмцевъ», по словамъ Вигеля (III, 50).

[2]) Георгъ-Магнусъ, генералъ-отъ-инфантеріи. См. статью Я. К. Грота въ «Журналѣ мин. нар. просв.» 1885 года и соч. К. Ф. Ордина „Покореніе Финляндіи".

[3]) Барклай-де-Толли, Михаилъ Богдановичъ, 1761—1818, позже графъ и князь.

[4]) Петръ Ивановичъ, 1765—1812.

[5]) Николай Михаиловичъ, 1776—1811; позже генералъ-отъ-инфантеріи, главнокомандующій русскою арміею въ Турціи.

[6]) Яковъ Петровичъ, 1763—1812, герой Отечественной войны.

[7]) Левенгельмъ, раненный въ голову въ русско-шведскую войну 1789 г.

Петербургъ (и получилъ богатый перстень), а на другой день стали приготовляться къ обратному походу, и столь поспѣшно, что дней въ пять собрались войска въ Або къ парадной встрѣчѣ государя. Пріѣздъ Его Величества ознаменованъ былъ производствомъ Багратіона и Барклая въ полные генералы. Мнѣ при семъ случаѣ весьма лестно было слышать отъ министра, что онъ свидѣтельствовалъ предъ государемъ и о моихъ трудахъ, по истинѣ тяжелыхъ, ибо я одинъ, безъ писаря даже, работалъ за весь департаментъ и военно-походную канцелярію и что мнѣ предоставляется избрать себѣ награду. Размысливъ, что для чина статскаго совѣтника я дослуживаю уже срокъ, и что 3-го Владиміра не даютъ коллежскому совѣтнику, я избралъ для себя пенсіонъ и считалъ его вѣрнымъ, потому что никто изъ насъ не помнилъ, чтобы у графа Аракчеева какой-либо указъ вынесенъ былъ неподписаннымъ, или чтобы не было то сдѣлано, что онъ кому обѣщаетъ. Но въ семъ случаѣ еще болѣе я удостовѣрился, что въ свѣтѣ нѣтъ ничего вѣрнаго. Графъ Аракчеевъ, возвратясь отъ государя, сказалъ мнѣ, чтобы «я избралъ другую награду, а пенсіона не даетъ государь для того, что ты оставишь послѣ службу, чему многіе примѣры знаетъ государь».— «И такъ, нѣтъ для меня награды, ваше сіятельство!—отвѣчалъ я—двѣ тысячи руб. не сдѣлаютъ мнѣ состоянія, а прочія, также и перстень, я уже имѣю».

Изъ Або поѣхали въ Борго: тамъ былъ сеймъ. Оттуда въ Свеаборгъ, Тавасгустъ и, чрезъ Выборгъ, пріѣхали въ Петербургъ 1809 г., въ пятницу на страстной недѣлѣ. Я и не думалъ уже о наградѣ, какъ графъ Аракчеевъ приказываетъ мнѣ въ страстную субботу заготовить, у него въ кабинетѣ, по секрету, разные рескрипты, изъявляющіе милость государя, въ томъ числѣ и мнѣ на орденъ 3-го Владиміра. Поправивъ черновыя, велѣлъ онъ мнѣ тутъ же ихъ переписать, несмотря на то, что почеркъ мой никогда не былъ чистъ—и вотъ причина, отчего рескриптъ мой, вопреки всѣхъ правилъ, писанъ моею рукою. Признаюсь, ни малѣйшаго впечатлѣнія не сдѣлала на меня сія награда, по предчувствію ли какому, или потому, что мнѣ было уже 27 лѣтъ отъ роду и я, имѣя двухъ дочерей, Марью и Екатерину, ожидалъ третьей. Еще страннѣе было, когда графъ Аракчеевъ, отдавъ мнѣ по утру рескриптъ, для истребованія отъ Аршеневскаго орденскихъ знаковъ, послѣ вечерняго доклада сказалъ, чтобы я крестъ не надѣвалъ, а сдѣлать прежде справку для государя, кому въ такихъ чинахъ, въ его царствованіе, давались такіе кресты (точныя слова графа Аракчеева). Мнѣ было больно. Я не остановился тотчасъ просить его, чтобы онъ отвезъ бумагу сію, для истребленія; по крайней мѣрѣ, повелѣнную справку сдѣлалъ бы Бижеичъ.

Справка показала, что ни одному коллежскому совѣтнику не жало-

*

валъ еще до того времени государь ордена 3-го Владиміра. На сей справкѣ отмѣчено, что государь ее читалъ 10-го апрѣля 1809 г., и она, вмѣстѣ съ рескриптомъ, двѣ недѣли назадъ подписаннымъ, выслана была отъ графа Аракчеева въ департаментъ.

Въ исходѣ 1809 г. государю угодно было посѣтить Москву. Графъ, отъѣзжая въ Грузино, приказалъ мнѣ быть туда, съ генералъ-маіоромъ Бухмейеромъ [1]), къ 30 ноября.

Три дня проведены въ Твери, у великой княгини Екатерины Павловны и супруга ея, и 6-го декабря прибыли мы въ Москву, гдѣ прожили недѣлю. Поѣздка въ Москву осталась въ памяти у меня (1835 г.) по двумъ случаямъ: частному и государственному.

Случай частный. У графа Аракчеева былъ адъютантъ г. А. Въ борьбѣ съ совершенною бѣдностію, присталъ онъ ко мнѣ, чтобы я упросилъ Аракчеева взять его въ Москву. Рѣшено было ѣхать: мнѣ съ генераломъ Бухмейеромъ въ кибиткѣ, а А. съ фельдъегеремъ на перекладной, и прибыть въ Грузино утромъ 30-го ноября (храмовой праздникъ у крестьянъ). Мы выѣхали изъ Петербурга вечеромъ, но лошади пристали у насъ на половинѣ дороги, и должно было поворотить въ Софію, для перемѣны лошадей. Здѣсь, поправляя подъ собою сѣно въ кибиткѣ, замѣтилъ я, что пьяный камердинеръ Аракчеева забылъ въ кабинетѣ трубку съ картами, необходимыми по случаю бывшей тогда Турецкой войны. Хотѣли послать за нею фельдъегеря съ камердинеромъ, но А. умолилъ дать ему эту коммиссію, увѣряя, что ему крайне нужно поговорить съ отцомъ и что онъ догонитъ насъ ночью. На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ Чудово; ждали часа два и рѣшились уже ѣхать, съ повинною, чтобы поспѣть въ Грузино къ обѣднѣ, какъ является сахаръ нашъ, въ видѣ муміи, но съ трубкою. До обѣда прошло время въ Грузинѣ непримѣтно, въ разговорахъ между съѣхавшимися гостями, которыхъ было человѣкъ 20; но за обѣдомъ едва проглотилъ г. А. ложку супу, какъ упалъ со стула и одеревенѣлъ до такой степени, что ни растиранье, ни кувшины съ горячею водою, ни зеркало, на лицо положенное, не обнаруживали въ немъ жизни. Хотя измученный видъ его, по пріѣздѣ въ Чудово, и остатокъ во фляжкѣ сладкой водки показывали цѣль поѣздки его въ Петербургъ, тѣмъ не менѣе, каково было мое положеніе? Рѣшено послѣ ужина ѣхать въ Москву, и покойника, оставленнаго въ нижнемъ этажѣ при одной свѣчкѣ, отвезти ночью въ Петербургъ.

Въ тишинѣ, въ задумчивости, отпили чай; но часовъ въ 8-мъ вечера входитъ въ гостиную верхняго этажа кавалергардскій офицеръ, и всѣ удивились, узнавъ въ немъ г. А. Онъ ничего не помнилъ и

---

[1]) Ѳедоръ Евстафіевичъ.

увѣрялъ, что спалъ послѣ обѣда; когда же совѣтовали ему возвратиться въ Петербургъ, то заплакалъ, и это убѣдило графа Аракчеева взять его въ Москву, гдѣ и положено начало женитьбы его, впослѣдствіи совершившейся.

Теперь о случаѣ, имѣвшемъ значеніе государственное. На время высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, приказано было отправлять ежедневно изъ Петербурга бумаги съ фельдъегерями, и одинъ день съ флигель-адъютантомъ, другой же съ адъютантомъ гр. Аракчеева (для экономіи въ прогонахъ). Всѣ, привезенныя ими, депеши разбиралъ я, и слѣдующія въ собственныя Его Величества руки отдавалъ привезшему, а прочія распечатывалъ гр. Аракчеевъ. Въ числѣ первыхъ бывали листовые конверты, безъ надписи и съ странною печатью; объ одномъ изъ нихъ сказалъ мнѣ флигель-адъютантъ Маринъ, что получилъ его отъ камердинера Мельникова и что государь изволитъ знать отъ кого. Послѣ чего и не обращалъ уже я вниманія на конверты сего рода; только впослѣдствіи сказалъ объ нихъ гр. Аракчееву, который, съ усмѣшкою, отвѣчалъ: «Мельниковъ важный человѣкъ!»

По возвращеніи въ Петербургъ графа Аракчеева, около 18-го декабря 1809 г., спрашиваетъ онъ у меня, когда пришелъ я съ бумагами: «Что слышно новенькаго?» Не привыкши къ такимъ вопросамъ, я сказалъ, что ожидаютъ въ городѣ какихъ-то перемѣнъ. «Да и мнѣ графъ Румянцевъ сказывалъ, что всѣ новости въ Москвѣ готовились» — былъ отвѣтъ графа. Тутъ показалъ онъ свое малодушіе. При неограниченной власти, какую онъ имѣлъ, ему досадно было, что новости сіи скрыты отъ него. Онъ готовился ѣхать въ Грузино; но государь задержалъ, обѣщая прочесть съ нимъ наказъ Совѣту (Государственному). Хотя, по словамъ его, онъ отзывался, что трудъ будетъ напрасенъ, ибо онъ гражданской части не знаетъ, но примѣтно было желаніе узнать то, что всѣхъ занимало. Одинъ вечеръ, государь хотѣлъ прислать за нимъ; онъ и дожидался. Но докладываютъ, что Сперанскій присланъ отъ государя. Не прошло 10-ти минутъ, какъ графъ, отпустивъ Сперанскаго, спросилъ меня съ дѣлами. Я и не видывалъ еще его въ подобномъ бѣшенствѣ. Не сталъ слушать бумагъ и приказалъ прислать ихъ въ Грузино, куда сейчасъ онъ отъѣзжаетъ. Послѣ разсказывалъ, что Сперанскій привезъ ему одно оглавленіе, дабы на словахъ разсказать существо новой организаціи; но онъ не сталъ ничего слушать и отпустилъ его съ грубостью и послалъ письмо къ государю объ отставкѣ. Тутъ припомнилъ онъ мнѣ безъименные конверты, въ Москву присыланные. Три дня проведено въ безпрестанной пересылкѣ фельдъегерей въ Грузино, но 30-го декабря графъ пріѣхалъ въ столицу. Сей и послѣдующіе дни прошли въ объясненіяхъ, прочитано образованіе Совѣта и (по словамъ графа) на вопросъ государя: «чѣмъ хочешь быть,

министромъ или предсѣдателемъ»? графъ Аракчеевъ отвѣчалъ, что «лучше самъ будетъ дядькою, нежели надъ собою имѣть дядьку». Вечеромъ послѣ сего, 31-го декабря, государь прислалъ въ подарокъ графу пару лошадей, съ санями, что́ крайне его порадовало, ибо едва-ли не первый это случай былъ въ столицѣ.

1810 годъ. 1-го генваря 1810 г., возвратясь изъ дворца, онъ объявилъ, что сдѣланъ предсѣдателемъ военнаго департамента Совѣта и что министръ будетъ другой, почему и отказывается отъ дѣлъ нашихъ. Но какъ ошибся въ перемѣнѣ мѣста!

Около половины января объявленъ военнымъ министромъ Барклай-де-Толли. Съ первой работы удивились мы сему выбору, и по нѣсколькимъ бумагамъ, у гр. Аракчеева явившимся, по которымъ не оставилъ онъ тотчасъ призвать насъ къ себѣ, заключили, что воистину онъ дядькою будетъ Барклая. Однако же, черезъ недѣлю, все перемѣнилось: докладныя записки начали выходить съ резолюціями, рукою государя писанными, и гр. Аракчеевъ, увидѣвъ ошибку свою, началъ ѣздить чаще въ Грузино и проживать тамъ по мѣсяцу.

Хотя Барклай окружился своими людьми и стадомъ лифляндцевъ, но въ департаментѣ не было никакой перемѣны. Въ одинъ лѣтній вечеръ, получаю я записку отъ Пестеля [1]), что нужно ему увидѣться со мною. Я не былъ съ нимъ знакомъ и, наслышавшись о немъ больше дурнаго, нежели хорошаго, не зналъ, что дѣлать; однако же рѣшился поѣхать на другой день. Ласковый пріемъ, лестные отзывы на счетъ службы моей и поведенія были привѣтствіемъ Пестеля; далѣе, что онъ давно хотѣлъ познакомиться со мною и предложить службу съ нимъ, но былъ увѣренъ, что при графѣ Аракчеевѣ успѣть въ томъ нельзя. Теперь же, когда прегражденъ путь къ чину статскаго совѣтника, онъ не обинуется предложить мѣсто, не хочу ли я служить въ Сибири, и предлагаетъ потому только, что ему нужны честные люди. Пріемъ сей подѣйствовалъ на меня, какъ ударъ электрическій; въ минуту родились новыя мысли, и я потребовалъ времени на размышленіе, чтобъ посовѣтоваться съ семьей. Жена моя рѣшилась ѣхать въ Сибирь съ перваго слова, и такъ осталось узнать о кондиціяхъ. Пестель предложилъ мнѣ мѣсто губернатора въ Тобольскѣ, съ чиномъ статскаго совѣтника, я попросилъ къ тому 5.000 на подъемъ и право взять нѣсколькихъ чиновниковъ съ собою. Получивъ обѣщаніе, поѣхалъ посовѣтоваться со старыми своими командирами Вязмитиновымъ и гр. Аракчеевымъ, и принялъ ихъ одобреніе. Разсчетъ мой состоялъ въ томъ, что содержаніе сибирскаго губернатора достаточно для прожитія; пробывъ тамъ пять лѣтъ, пока дѣти

---

[1]) Ивана Борисовича, 1765–1844, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири.

потребуютъ воспитанія, я сохраню тѣмъ приданое Марьи Осиповны, котораго, по дороговизнѣ петербургской, уже я коснулся; наконецъ, что, получа чинъ, открою себѣ дорогу, на будущее время въ Петербургѣ. Вслѣдствіе сего я объявилъ Барклаю о намѣреніи моемъ. Хладнокровіе сего человѣка показало мнѣ, что онъ доволенъ очисткою мѣста; но когда Пестель формально запросилъ его, могу ли я быть уволенъ, то, по докладу отношенія его государю, увидѣлъ, что онъ не понималъ предмета. Съ тѣмъ же хладнокровіемъ спросилъ онъ меня, что государь желаетъ знать: отъ чего перемѣняю я родъ службы? «Отъ того,—отвѣчалъ я,—что здѣсь не могу получить чина, о которомъ не радѣлъ, хотя выслужилъ уже и лѣта». На другой день предложеніе: переименовать меня въ военные совѣтники; «я не могу быть ни провіантскимъ, ни коммиссаріатскимъ». На третій день переименовать въ полковники. «Семейство не позволяетъ мнѣ учиться военной стойкѣ, и все-таки я не буду статскій совѣтникъ», былъ отвѣтъ мой. Въ сихъ переговорахъ, Пестель нашелъ случай однажды, за столомъ у государя, гдѣ былъ и гр. Аракчеевъ, говорить обо мнѣ. Его Величество согласился на опредѣленіе. Тогда отнесся Пестель къ Козодавлеву [1]), и 26-го іюля 1810 г. состоялся обо мнѣ указъ. Только на первомъ же шагѣ я и обманутъ: вмѣсто Тобольска, опредѣлили меня въ Томскъ; вмѣсто 5.000, выдали 3.000 и открылось, что нѣтъ вакансій для чиновниковъ, которыхъ и было только двое у меня въ виду: братъ и Случевскій. Зять Пестеля, фонъ-Бринъ [2]), перешелъ изъ Томска въ Тобольскъ и ему 2.000 дано на проѣздъ. Между опредѣленіемъ симъ, выдержалъ я нервическую желчную горячку, отъ которой едва было не умеръ. За пособіе въ сей болѣзни, обязанъ я всегдашнею благодарностію доктору Гурбандту [3]).

И такъ въ 1810 г. кончилась служба моя по военному министерству, столь же неожиданно, какъ и опредѣленіе въ коммиссаріатъ, который содѣлался послѣ для меня проводникомъ въ департаментъ министерства.

Проведя два года подъ начальствомъ графа Аракчеева, я получилъ въ сіе время чрезъ него два ордена: 2-й Анны съ брильянтами и 3-го Владиміра; но онъ лишилъ меня и Бижеича—4-го Владиміра, пожалованнаго за службу при Вязмитиновѣ, и не далъ чина статскаго совѣтника, зная, что скоро изданъ будетъ извѣстный указъ 1809 г., вслѣдствіе чего и поторопился произвесть Персидскаго [4]) въ коллежскіе ассе-

---

[1]) Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, 1752—1819, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, писатель, членъ Россійской академіи.

[2]) Францъ Абрамовичъ, позже сенаторъ.

[3]) Георгъ, 1764—1832, докторъ медицины, статскій совѣтникъ.

[4]) Алексѣй Ивановичъ, 1770—1842, позже, съ 1818 года, помощникъ статсъ-секретаря собственной Е. И. В. канцеляріи.

соры. Впрочемъ, я разстался съ нимъ (графомъ Аракчеевымъ) хорошо и во время службы не только не имѣлъ никакой непріятности, но ощущалъ особенное къ себѣ уваженіе: раза два назывался онъ обѣдать у меня и былъ доволенъ пріемомъ; нерѣдко подъѣзжалъ къ департаменту, бралъ съ собою кататься предъ обѣдомъ; я у него обѣдалъ часто, что̀ въ тогдашнее время много значило; въ Сибирь прислалъ онъ мнѣ гравированный портретъ свой и велъ со мной переписку пріятную. Но что въ свѣтѣ семъ постоянно? Впослѣдствіи онъ сдѣлался врагомъ моимъ и, Богъ свидѣтель, не знаю иной тому причины, кромѣ замѣченнаго имъ благоволенія ко мнѣ императора Александра І-го.

Въ управленіе военнымъ министерствомъ, гр. Аракчеевъ держался одного правила съ Бонапарте: все гибни, лишь бы мнѣ блестѣть. Самовластіемъ безпредѣльнымъ и строгостію, конечно, сдѣлалъ онъ много хорошаго: возстановилъ дисциплину, сформировалъ, заново можно сказать, армію, разстроенную неудачами 1805 и 1807 годовъ (неисправно и жалованье получавшую); удовлетворилъ справедливыя полковыя претензіи; учредилъ запасы и оставилъ наличныхъ денегъ, какъ помнится, 20 милліоновъ рублей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нанесъ и вредъ государству, отказавшись платить долги и опубликовавъ о томъ въ газетахъ, съ странною отговоркою, что онъ не можетъ дѣлать изъ одного рубля двухъ, подорвалъ симъ болѣе чѣмъ на 15 лѣтъ кредитъ казны и разорилъ многихъ подрядчиковъ; неумѣренное же требованіе денегъ отъ государственнаго казначейства заставило Голубцова [1]) столько выпустить ассигнацій, что серебряный рубль изъ 1 руб. 30 коп. дошелъ въ два года до 4 рублей. Униженіе Голубцова предъ графомъ Аракчеевымъ такъ было велико, что онъ подписалъ актъ, дабы всѣ начеты и взысканія какъ съ чиновниковъ, такъ и съ подрядчиковъ, передавать государственному казначейству, а военному министерству отпускать изъ онаго деньги, тотчасъ по открытіи начета. Съ смѣною графа Аракчеева бѣдный Голубцовъ немедленно отставленъ безъ просьбы, и Аракчеевъ могъ хвастать, что оставляетъ министерство въ блестящемъ видѣ! Такъ и впослѣдствіи затѣялъ онъ военное поселеніе и оставилъ его, чрезъ 9-ть лѣтъ, съ экономическимъ капиталомъ свыше 40 милл. руб. Но какъ составленъ капиталъ сей? Грабежемъ казны! Министерство финансовъ удовлетворяло непомѣрныя смѣты военнаго министерства, заключавшія въ себѣ необъятное число войскъ, давало особо деньги на поселенія и, лишась крестьянъ, въ военныхъ поселянъ обращенныхъ, лишилось дохода въ податяхъ.

Можетъ быть, политика государя, послѣ неудачныхъ битвъ съ фран-

---

[1]) Ѳедоръ Александровичъ, 1758—1829, государственный казначей, сенаторъ.

цузами и при разстройствѣ арміи, заставила избрать министромъ именно гр. Аракчеева, даже смотрѣть сквозь пальцы на дѣянія его, чуждыя чувствамъ добраго Александра; и человѣкъ сей былъ ужасенъ. Г. Фокъ [1]) справедливо изобразилъ его, при пожалованіи графу Аракчееву фамильнаго герба, въ стихѣ:

Девизъ твой говоритъ, что преданъ ты безъ лести;
Скажи же мнѣ кому? коварству, злобѣ, мести!

Вотъ нѣсколько анекдотовъ о графѣ Аракчеевѣ, безъ систематическаго порядка:

По вступленіи въ военное министерство, завелъ онъ конвой: карету его, по очереди, окружали кавалергарды, лейбъ-гусары и проч., съ обнаженными саблями. Потомъ, со всѣхъ полковъ отряжаемы были къ нему ординарцы, какъ къ государю; наконецъ, и одинъ флигель-адъютантъ долженъ былъ являться на дежурство. Первоначально жребій палъ на Ставицкаго [2]), нынѣшняго сенатора, которому показалось это обиднымъ, тѣмъ болѣе, что нарядъ былъ сдѣланъ не по высочайшему повелѣнію. Отдежуривъ, онъ объяснился съ государемъ, по утру; но, по возвращеніи гр. Аракчеева изъ дворца, Ставицкій тотчасъ усланъ въ армію князя Голицына.

Никакого равенства съ собою терпѣть онъ не могъ. Корсаковъ жаловался государю на дерзкія бумаги Аракчеева и получилъ такой собственноручный отвѣтъ, что съ первою почтою прислалъ просьбу объ отставкѣ.

Графъ Буксгевденъ [3]), главнокомандующій финляндскою арміею, отставленъ за то, что партикулярнымъ письмомъ [4]) просилъ съ бо̀льшею внимательностью къ правдѣ дѣлать ему замѣчанія.

Даже великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ отъ него непріятности, до мелочей. Такъ, напр., въ одинъ праздникъ графъ Аракчеевъ никого не принималъ, и адъютантъ записывалъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ книгу, которую на другое утро представлялъ графу. Увидя въ

---

[1]) Михаилъ Максимовичъ, позже директоръ канцеляріи III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, † въ 1831 году. См. „Петербургское общество при восшествіи на престолъ императора Николая по донесеніямъ М. М. Фока“ въ «Русск. Старинѣ», XXXII, 163.

[2]) Максимъ Өедоровичъ, 1778—1841, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ.

[3]) Өедоръ Өедоровичъ, 1750—1811, отличившійся въ роченсальмскомъ бою, комендантъ Варшавы, петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи, возведенный въ 1795 году прусскимъ королемъ въ графское достоинство. См. «Русскую Старину», XXXIX, 585.

[4]) Извѣстное письмо отъ 13 сентября 1809 г., составленіе котораго приписывали Гавердовскому. Богдановичъ, «Имп. Александръ II», 391, 9.

ней, что являлась въ 11-ть часовъ съ поздравленіемъ конная гвардія, съ шефомъ своимъ, онъ отмѣтилъ резолюцію: «Объявить, что военный министръ одинъ, такъ могли бы раньше пріѣхать». Подобныхъ чудесъ много въ адъютантскихъ книгахъ и на подлинныхъ бумагахъ.

Одинъ чиновникъ коммиссаріатскій умеръ въ Финляндіи, на гауптвахтѣ, гдѣ содержался по личному приказанію графа Аракчеева. На рапортѣ о томъ коменданта резолюція: «вѣчная память—однимъ мошенникомъ меньше». На сенатскомъ указѣ о производствѣ чиновниковъ за выслугу лѣтъ резолюція: «Поздравляю; чиновъ прибавилось, да прибавится ли ума и способности?»

Власть его была неимовѣрна: въ крѣпости сажалъ безъ доклада государю. При мнѣ призванъ былъ егерскій шефъ, помнится, полковникъ Жилка, и разруганъ за то, что при полку нашелъ графъ Аракчеевъ множество чухонскихъ подводъ. Объясненія Жилки, что полкъ его новый, что онъ выступилъ съ двумя ротами изъ Сибири, формировалъ его, не останавливаясь, на маршѣ до Нѣмана, а оттуда тотчасъ по прибытіи, обращенъ въ Финляндію, обоза же не могъ онъ строить на походѣ, но заказалъ въ Москвѣ, который, вѣроятно, и готовъ теперь, въ такое привели изступленіе графа Аракчеева, что онъ, не помня себя, закричалъ: «Ты еще разговорился: нѣтъ, братъ, не старая пора; я царю сказалъ, что я за все отвѣчаю и чтобъ онъ въ мелочи не мѣшался; да и покамѣстъ буду отвѣчать, не одну шкуру съ васъ сдеру, ты сгніешь прежде у меня въ крѣпости, чѣмъ царь узнаетъ»—и съ симъ словомъ, обратясь къ адъютанту, графу Апраксину, сказалъ: «Отведи его въ крѣпость, а оттуда ступай въ Измайловскій полкъ, возьми обозъ, и чтобъ полкъ проходилъ чрезъ городъ съ своимъ обозомъ; а Измайловскій полкъ получитъ деньги на счетъ этого командира татарской орды!» Все въ одну ночь и исполнено.

Правившій въ Саратовѣ должность губернатора, Панчулидзевъ, въ указѣ названъ былъ по ошибкѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Покровительствовавшій его товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Козодавлевъ, воспользовался симъ и, подъ предлогомъ, что цари не ошибаются, поднесъ указъ о производствѣ; графъ Аракчеевъ, узнавъ о семъ отъ государя, тотчасъ поднесъ другой указъ, въ замѣну прежняго, съ названіемъ Панчулидзева статскимъ совѣтникомъ, послалъ фельдъегеря въ Саратовъ размѣнять указы и тѣмъ кончилъ недоумѣніе.

По удачномъ переходѣ Ботническаго залива, когда рѣшено возвратиться въ Або, и князь Багратіонъ пришелъ на Аландъ за приказаніемъ, графъ Аракчеевъ встрѣтилъ его поздравленіемъ съ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи; а ко мнѣ обратясь сказалъ: «Вотъ Василій Романовичъ и приказъ заготовитъ къ пріѣзду государя о производствѣ васъ и Барклая, которому можете послать (за 600 верстъ) и поздравить заранѣе».

Въ самомъ дѣлѣ, по пріѣздѣ государя въ Або, тотчасъ приказъ объявленъ, а главнокомандующій Кноррингъ удалился послѣ сего изъ арміи въ деревню.

Врожденному честолюбію и властолюбію гр. Аракчеева много способствовало и баловство. Ростовскому полку велѣно называться его именемъ, потомъ бить барабанъ, когда онъ идетъ или ѣдетъ; подарена царская яхта, содержаніе которой въ Грузино стоило адмиралтейству столько же, какъ бы она за границею находилась. Все это давалось потому, что гр. Аракчеевъ не принималъ ни фельдмаршальскаго сана, ни Андреевскаго ордена. Повторяю: онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ быть равнымъ.

Льстецовъ и сродниковъ жаловалъ онъ и награждалъ; но, прогнѣвавшись, мстилъ имъ наравнѣ съ другими. Полковникъ Тишинъ сердечный былъ другъ его, за языкъ, но по выходѣ графа Аракчеева изъ министерства, проговорился, что «онъ не понялъ образованія совѣта 1810 г., которое подмыло его, какъ крѣпкій дубъ водопольемъ». Это дошло до гр. Аракчеева, и онъ таился два года, но въ 1812 г., взявъ опять силу, такъ наложилъ руку, что нѣсколько представленій кн. Барклая-де-Толли о производствѣ Тишина въ генералъ-маіоры и о наградѣ орденомъ 3-го Георгія остались безъ дѣйствія; послѣ и при отставкѣ даже не дано чина. Генералъ-маіоръ Бухмейеръ, указавшій нѣкогда дорогу Аракчееву въ Гатчино и заплаченный имъ за то впослѣдствіи, былъ друженъ съ нимъ до униженія (осматривая каждое утро конюшни и кухню) и, по окончаніи французской войны, употребленъ по новгородскому военному поселенію. Тогда не было еще ни комитета, ни совѣта, ни штаба по сей части, и все дѣлалось по-домашнему. Но огромность затѣй и издержекъ, и страхъ, что выйдетъ изъ мужиковъ, цѣлыми волостями обученныхъ военному ремеслу, избавленныхъ отъ податей и еще получающихъ отъ казны не только для себя и дѣтей обмундировку, но домà, какъ дачи устроенные, привели Бухмейера въ недоумѣніе: онъ прикинулся, или въ самомъ дѣлѣ началъ бредить о бѣдѣ и отвѣтѣ, и отпущенъ съ большимъ содержаніемъ для излѣченія. Проживъ года три въ Орловской деревнѣ своей и думая, что съ новымъ устройствомъ штаба, комитета и прочаго, разстался онъ навсегда съ военнымъ поселеніемъ и числится по артиллеріи, только-что пріѣхалъ съ женою въ Петербургъ, дня за два до Петергофскаго праздника, какъ гр. Аракчеевъ узнаетъ о томъ и о добромъ здоровьи Бухмейера, и присылаетъ въ обѣдъ, 21 іюля, полиціймейстера Чихачева съ высочайшимъ повелѣніемъ: выслать Бухмейера съ женою въ Чугуевъ (гдѣ было также военное поселеніе), сопроводить до первой станціи и, въ самый праздникъ 22 іюля, отрапортовать объ исполненіи, такъ рано, пока гр. Аракчеевъ еще не пойдетъ во дворецъ.

Барклая возненавидѣлъ онъ съ той поры, какъ, сверхъ ожиданія своего, увидѣлъ его утвердившимся на постѣ министра и пользующимся довѣренностію царя и всею помпою, изобрѣтенною гр. Аракчеевымъ лично для себя. Удаленіе Барклая изъ арміи послѣ Бородинскаго сраженія успокоило духъ ненависти къ нему гр. Аракчеева, и онъ безстыдно разсказывалъ мнѣ, какъ пріѣзжему изъ Сибири, при гостяхъ, за обѣдомъ или за чаемъ, о неспособности Барклая, гордости и вмѣстѣ подчиненности женѣ, жадности къ деньгамъ, такъ что содержаніе его, какъ министра, было въ 80 тыс. и проч. Но неожиданное возстаніе Барклая опять раскрыло характеръ графа Аракчеева. По назначеніи его, на мѣсто Чичагова [1]), главнокомандующимъ той арміи, которая шла осаждать Торунь, онъ пріѣхалъ въ началѣ 1813 г. на почтовыхъ изъ Эстляндія въ Плоцкъ, чтобы представиться государю. Небольшой разоренный этотъ городокъ заваленъ былъ постоемъ, по случаю переправы чрезъ Вислу, и Барклай, на сутки только пріѣхавшій, рѣшился не хлопотать о квартирѣ, а остановившись на почтовомъ дворѣ, пошелъ во дворецъ, гдѣ и приглашенъ былъ къ обѣду. Пользуясь остающимся до того временемъ, старикъ побрелъ явиться къ кн. Кутузову и гр. Аракчееву; но Аракчеевъ, жившій за версту отъ дворца, завидѣвъ въ окно Барклая, идущаго по грязи, пѣшкомъ, не сказался дома. Въ слѣдъ затѣмъ велѣлъ принести изъ придворной кухни три блюда; и я, работавшій съ нимъ утро и вечеръ, приписалъ все это занятіямъ, никакъ не предполагая, чтобы онъ остался обѣдать дома, единственно избѣгая встрѣчи съ Барклаемъ. Старикъ, получивъ приказанія государя и откланявшись, притащился опять вечеромъ къ гр. Аракчееву, но онъ отозвался больнымъ; нечего дѣлать: остался ночевать и въ 7-мъ часу утра явился въ шарфѣ, какъ объяснилось послѣ, съ просьбою доложить государю о назначеніи ему столовыхъ денегъ. Вотъ ужь натѣшился гр. Аракчеевъ: заставилъ ждать въ комнатѣ, гдѣ одинъ лакей чистилъ сапоги, а другой разливалъ чай; потомъ вышелъ въ шлафрокѣ, извиняясь, что, отвыкнувъ отъ визитовъ, особливо такихъ раннихъ, онъ неодѣтъ, да и не очень здоровъ, не попросилъ садиться, а выслушавъ просьбу, отозвался, что это не по его части, ибо онъ секретарь государя, не больше, и пишетъ только то, что ему прикажутъ. Барклай, уѣзжая изъ Плоцка, писалъ, однако, письмо, чтобы доложилъ государю о столовыхъ, и гр. Аракчеевъ, возвратясь съ докладами, сказалъ мнѣ, что назначено 12 тыс. Я заготовилъ рескриптъ министру финансовъ объ ассигнованіи сей суммы серебряною монетою, какъ слѣдовало за границею; но на другой день, получа Аракчеевы доклады и указы, удивился, что въ рескриптѣ слово «серебромъ»

---

[1]) Павла Васильевича, 1762—1849, авторъ «Mémoires inédits de Tchitchagoff». Paris, 1837.

пропущено. Спрашиваю кантониста, при немъ бывшаго, Леонова, и узнаю, что графъ Аракчеевъ приказалъ ему переписать въ такомъ видѣ присланный мною рескриптъ. Мщеніе гнусное! Когда Барклай поступилъ на мѣсто Кутузова, то самъ докладывалъ и получилъ серебромъ; но государь отнесъ это къ ошибкѣ своей канцеляріи.

Оправясь отъ болѣзни, готовился я въ дорогу, дабы успѣть до зимы въ Томскъ. Наконецъ, распродавъ ненужныя вещи и заведясь экипажами, пустились 20-го августа 1810 г. въ дорогу всѣмъ домомъ. Жена, двѣ старшія дочери, третья Лиза двухъ мѣсяцевъ, съ кормилицею и мамка были въ каретѣ; я съ нѣмкою въ коляскѣ; братъ ѣхалъ самъ по себѣ, впереди, для заготовленія лошадей; двѣ женщины въ особой кибиткѣ, да четверо было мужчинъ и сибирскій казакъ. Благодареніе Богу, не взирая на всѣ препятствія отъ осенняго времени, мы достигли Томска, 20-го октября, всѣ здоровыми. Въ пути имѣли отдыхи: однѣ сутки въ Чудовѣ (чтобы съѣздить оттуда проститься съ гр. Аракчеевымъ), двое сутокъ въ Твери (у Юрченки), трое сутокъ въ Москвѣ, однѣ сутки подъ Владиміромъ (за лошадьми), однѣ сутки въ Нижнемъ (за кибиткою), трое сутокъ въ Казани, двое сутокъ на заводѣ Шаховской (для починки коляски), трое сутокъ въ Ревдѣ (у Зеленцовыхъ), и недѣлю на Иртышѣ. Слѣдовательно, не съ большимъ въ мѣсяцъ проѣхали 4.500 верстъ.

Первые мѣсяцы, занявшись со всѣмъ усердіемъ новою службою, не примѣтилъ я скучной жизни въ Томскѣ; но впослѣдствіи сдѣлалась она непріятною и переписка съ генералъ-губернаторомъ становилась горячѣе время отъ времени. Мнѣ крайне было больно замѣчать родъ какого-то подозрѣнія на дѣйствія, гдѣ все вниманіе обращено было со стороны моей, чтобы откупщики не обманывали правительство, и я, отправивъ письмо къ Пестелю, въ такомъ смыслѣ, что его сбиваетъ кто-нибудь, что честному человѣку больно заниматься оправданіями, и что лучше бы ему сдѣлать повѣрку на мѣстѣ всѣмъ тремъ губерніямъ, изъ коихъ по одной только моей никто его не бранитъ, не злословитъ— предупредилъ жену, что не останусь долго въ Сибири, и началъ заранѣе запасаться бричками, вмѣсто бывшихъ прежде кибитокъ, задерживавшихъ меня въ дорогѣ.

Ласковыя письма Пестеля были уже для меня неимовѣрны. Я все держалъ себя на той ногѣ, чтобы, при первой непріятности, бросить службу и чтобы ни съ какой стороны нельзя было сдѣлать ко мнѣ привязки, какъ началась война съ французами, и особенныя попеченія, по должности моей востребовавшіяся, заставили забыть свою личность. Назначенный сборъ рекрутъ остановилъ отъѣздъ мой по губерніи; при-

сутствіе должно было открыться въ сентябрѣ, и я цѣлое лѣто отдѣлывалъ госпитальный садъ, для гулянья, и устроилъ въ немъ огромную бесѣдку, при входѣ въ которую посадилъ два кедра, на тридцати лошадяхъ привезенные. Обязанъ будучи, по должности, дать праздникъ 30-го августа, я назначилъ обѣдъ въ новой бесѣдкѣ и распорядился, чтобы сей садъ, съ рѣшеткою, великолѣпно былъ иллюминованъ, пригласивъ на вечеръ всѣхъ безъ разбора на гулянье; и похвастаюсь, что въ сей вечеръ Томскъ увидѣлъ гуляющихъ татарокъ, бывшихъ до того въ заперти.

Я велѣлъ разбудить себя въ 6 часовъ утра, чтобы похозяйничать, принять чиновниковъ, съѣздить въ церковь и послѣ заняться угощеніемъ цѣлый день и ночь, и, разумѣется, съ сею мыслью заснулъ не скоро и спалъ дурно, какъ начинаютъ уже будить. Смотрю на часы—вижу 5-й, и думаю, что человѣкъ ошибся; но онъ докладываетъ, что курьеръ пріѣхалъ. Выхожу тотчасъ въ кабинетъ и, Боже праведный! какое принесу Тебѣ благодареніе? Хотя курьеръ изъ Тобольска, но онъ смѣнилъ петербургскаго и привезъ указъ, чтобы, сдавъ должность, немедленно слѣдовалъ я въ мѣстопребываніе государя, для особыхъ порученій. На проѣздъ дано мнѣ 5.000 руб. и въ то же время пожалованъ я въ дѣйствительные статскіе совѣтники; а гр. Аракчеевъ объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобы я узнавалъ дорогою о мѣстопребываніи государя и слѣдовалъ туда, сколь можно поспѣшнѣе. Итакъ, опять неожиданная со мною перемѣна, опять покровительство Божіе!

Передъ тѣмъ только доставлены 6.000 руб., взысканные съ Нарышкина [1]), 5.000 руб. еще пожаловано на проѣздъ; можно сказать, что праздникъ нашъ 30-го августа сдѣлался и богаче и веселѣе. Одна лишь жена плакала отъ радости и отъ печали, ибо не могла ѣхать со мною и потому уже, что за наводненіемъ Россіи непріятелемъ не зналъ бы я, гдѣ оставить семейство.

Въ четыре дня, сдавъ должность и отслуживъ молебенъ, пустился я въ дорогу 5-го сентября. Тутъ только увидѣлъ, сколь любимъ я былъ въ губерніи. 200 верстъ провожали меня чиновники, и купечество угощало на двухъ станціяхъ. Наконецъ, 7-го числа, распрощавшись въ Чаусскомъ, благополучно переѣхалъ Обь и Иртышъ, и 14-го сентября пріѣхалъ въ Тобольскъ, сдѣлавъ лишній даже крюкъ, чтобы видѣть сей городъ въ первый и послѣдній разъ.

Отобѣдавъ 15-го числа у губернатора фонъ-Брина, доѣхалъ я, не останавливаясь, до Екатеринбурга и долженъ былъ прожить въ немъ двое сутокъ, въ ожиданіи почты, ибо предыдущая ничего не привезла

---

[1]) Александръ Львовичъ, 1760—1826, оберъ-камергеръ, канцлеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ.

изъ Москвы, и сомнѣніе было, не занята ли уже столица сія непріятелемъ. Какъ и со второю почтою ничего получено не было, то рѣшился я пуститься въ Пермь, чтобы, судя по тамошнимъ вѣстямъ, или продолжать путь на Казань, или ѣхать въ Вологду. Въ Перми заѣхалъ я прямо къ почтмейстеру Красикову, почтенному старику, угощавшему меня въ первомъ пути; но онъ также, бывъ въ недоумѣніи, совѣтовалъ мнѣ остаться на сутки, пока придетъ московская почта. Вечеромъ за чаемъ, привезли Сперанскаго, и я тотчасъ просилъ къ себѣ частнаго пристава [1]), его привезшаго. По секрету сказалъ онъ мнѣ, что Москва со 2-го сентября въ рукахъ непріятеля, и что онъ посланъ графомъ Толстымъ [2]) изъ Нижняго, гдѣ новыя формируютъ силы. По утру, повидавшись съ губернаторомъ Гермесомъ [3]), старикомъ не мудрымъ и трусливымъ, поѣхалъ я прямо въ Казань, въ которой не только не нашелъ квартиры, но и на улицахъ не было мѣста отъ людей, бѣгущихъ отъ непріятеля. Отобѣдавъ у почтдиректора, на вечеръ пустился я въ путь и на первыхъ станціяхъ имѣлъ большія затрудненія отъ Сената и Оружейной палаты, подводами которыхъ и дороги и поля заняты были; но въ ночь на 1-е октября прибылъ въ Чебоксары. День сей памятенъ мнѣ потому, что кузнецъ не брался починить къ утру брички моей, и я просилъ помощи у городничаго Брежинскаго, прекраснаго человѣка, умнаго и давшаго мнѣ идею о внутренней стражѣ, вновь заведенной, послѣ чего не имѣлъ онъ въ распоряженіи своемъ ни души, которую бы послать могъ за кѣмъ-нибудь. Позавтракавъ у него, 1-го октября прибылъ благополучно въ Нижній и остановился у предсѣдателя Юрьева; другой квартиры я здѣсь не нашелъ бы, ибо многія присутственныя мѣста изъ Москвы туда прибыли, равно какъ и арестанты изъ московскаго острога. Здѣсь формировалъ войска князь Лобановъ-Ростовскій и ополченіе—гр. Толстой; тутъ же были и шары, которыми занимался Ростопчинъ. Никогда не забуду я сего пути. Вся дорога отъ Казани до Нижняго уподоблялась петербургскому празднику: ни одного угла не было пустаго и 5 руб. стоило добиться горячей воды для чаю.

По самой дурной дорогѣ добрался я до Костромы и не имѣлъ тутъ лошадей, потому что фельдъегерскій офицеръ (Штосъ, помнится) забиралъ 70 лошадей подъ какого-то мнимаго Шмита, съ швеями, который хотѣлъ воевать на аэростатѣ, въ томъ же обозѣ везомомъ для окончанія въ Ораніенбаумѣ [4]).

---

[1]) Шипулинскаго.

[2]) Сергѣемъ Васильевичемъ, нижегородскимъ вице-губернаторомъ.

[3]) Богданомъ Андреевичемъ, позже сенаторомъ.

[4]) Настоящая фамилія его, скрываемая будто бы отъ Наполеона, была Леппихъ. Въ Ораніенбаумѣ работалъ онъ во дворцѣ, по секрету, и государь

Выпросивъ у Штоса лошадей, чтобы не мѣшалъ мнѣ впереди,—пріѣхалъ я на ночь въ Ярославль, гдѣ все уложено было и лошади стояли въ хомутахъ. Почтмейстеръ, старикъ, напуганный трусъ, не могъ дать мнѣ никакого совѣта. Угощенный чаемъ, въ видѣ откровенности, онъ сказалъ только, что нѣсколько разъ въ день сочиняются у великой княгини Екатерины Павловны бюллетени, что ихъ свободно ходятъ всѣ читать во дворецъ, но не вѣрятъ имъ, ибо все изъ дворца вывезено и для великой княгини стоятъ лошади въ хомутахъ, тогда какъ бюллетени успокоиваютъ каждаго; что приходящіе изъ уѣздовъ безпрестанно говорятъ о появленіи въ ихъ мѣстахъ французовъ, и что, по сегодняшнимъ вѣстямъ, одна непріятельская колонна пошла къ Рыбинску.

Мнѣ двѣ дороги предлежали изъ Ярославля: чрезъ Рыбинскъ и Тихвинъ, по которой девять сутокъ фельдъегеря ѣхали; и другая, вновь проложенная, чрезъ Бѣжецкъ на Вышній-Волочекъ. Не добившись ничего отъ ярославскаго почтмейстера, сѣлъ я въ бричку свою въ 11 часовъ ночи, и, въ упованіи на Бога, ни слова не сказалъ ямщику, по какой дорогѣ ѣхать. Въ теченіе ночи, изломались двѣ оси, и коекакъ утромъ добрался я до деревни. Вхожу въ избу и съ удивленіемъ вижу, что парикмахеръ чешетъ какого-то дюжаго мущину. Попотчивавъ его чаемъ, узнаю, что я на новопроложенной дорогѣ, и что чопорный мой баринъ есть дворянинъ, ускользнувшій отъ ополченія и избравшій себѣ должность станціоннаго смотрителя; похвалился онъ при томъ, что у него 300 душъ... Вѣсти, имъ сообщенныя, состояли въ томъ, что ночью прибѣжала внутренняя стража изъ ближняго города, и что въ Рыбинскѣ непріятель, слѣдовательно, дорога и назадъ мнѣ отрѣзана. День насталъ прекраснѣйшій и рѣшилъ меня пуститься впередъ, ибо, встрѣтясь съ непріятелемъ, надѣялся я уйти на эту же станцію. Встрѣчные на дорогѣ подтвердили, что непріятель точно подходилъ къ городу (кажется, Бѣжецку), но, увидя, что жители не разо-

---

нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ нему изъ Петербурга. Въ исходѣ ноября назначилъ онъ день, въ который прилетитъ въ 7 часовъ вечера въ Таврическій садъ. Послали туда фельдъегеря и адъютанта гр. Аракчеева, Тизенгаузена, чтобы первый тотчасъ скакалъ сюда, коль скоро шаръ поднимется, а послѣдній прилетѣлъ бы вмѣстѣ съ Шмитомъ. Въ ожиданіи фельдъегеря, государь и Аракчеевъ сидѣли одѣты; но въ 8 часовъ пріѣзжаетъ Тизенгаузенъ и доноситъ, что шаръ лопнулъ, прежде, чѣмъ поднялся. Былъ ли Шмитъ неудачный мастеръ, или шарлатанъ (по мнѣнію гр. Аракчеева), я не знаю, только много извелъ денегъ. При отъѣздѣ изъ Петербурга, мы передали его на руки канцлера гр. Румянцова; въ 1814 г. проявился онъ въ главной квартирѣ, около Труа, и исчезъ. Съ той поры не слышалъ я уже ни объ немъ, ни о томъ, куда дѣвался шаръ». О Францѣ Леппихѣ и его воздушномъ шарѣ см. «Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи» выпуски I и II. Ред.

шлись, воротился ночью къ Дмитрову. На другой станціи встрѣтилъ я толпу французовъ, но плѣнныхъ, сопровождаемыхъ бабами, подъ командою Измайловскаго унтеръ-офицера, который увѣдомилъ меня, что на пути моемъ къ Угличу одинъ страхъ, а непріятеля вовсе не было. Прибывъ въ Угличъ, въ полночь, нашелъ я ополченіе Ярославское, со всею строгостью занявшее посты по улицамъ и переправы. Должно отдать всю справедливость тогдашнему распоряженію: мужики, отъ сохи взятые, дворовые люди, унтеръ-офицерами наименованные, только-что на ночь пришли въ городъ, на мостовыхъ и въ полѣ расположились бивуаками и, соблюдая тишину, превѣжливо разспрашивали меня и смотрѣли подорожную. Даже дисциплина замѣчена мною.

Изъ Углича, безъ дальныхъ уже хлопотъ, выбрался я на большую Московскую дорогу, въ Волочекъ, и безпрепятственно прибылъ въ обѣденное время 23-го октября, въ Петербургъ.

Остановясь въ Демутовомъ трактирѣ, тотъ же вечеръ навѣстилъ Случевскаго и Жеванова, а по утру явился съ графу Аракчееву, который объявилъ, чтобы въ воскресенье (дня черезъ два) представился я государю.

Съ самаго пріѣзда моего начали приходить пріятныя вѣсти. Тотъ же самый вечеръ иллюминація возвѣстила взятіе Полоцка, а послѣ извѣстно, какими главными побѣдами ознаменовались послѣдніе мѣсяцы 1812 года.

Представившись государю, удостоился я лестнаго отзыва на счетъ службы моей и разговора о дѣлахъ иркутскихъ; заключеніе же состояло въ томъ: «Я выписалъ тебя въ помощь графу Алексѣю Андреевичу (Аракчееву). Теперь у насъ дѣла много; трудись съ нимъ».

3-го ноября, для умноженія содержанія моего, зачисленъ я въ Государственный Совѣтъ помощникомъ статсъ-секретаря, что̀ прибавило 3.000 р. жалованья. Работы, дѣйствительно, столько было, что ночи лишь оставились мнѣ для отдыха. Въ одинъ день оканчивались вступавшія бумаги; по нѣскольку курьеровъ пріѣзжало изъ арміи и отъѣзжало въ сутки. Бумагъ вступало и по военной части, и по министерствамъ множество, въ томъ числѣ на иностранныхъ языкахъ; а помощниковъ у меня было только два: Танѣевъ [1]) (больше для переводовъ) и Немировскій да три человѣка писцовъ кантонистовъ. Неутомимое усердіе вознаградило, однако, недостатокъ въ людяхъ. Государь также изволилъ множество писать бумагъ собственноручныхъ; черновой указъ, какъ бы измаранъ ни былъ, въ томъ самомъ видѣ, посылаемъ былъ Его Величеству, перемарывался и опять отправляемъ былъ къ подписанію. Отъ

[1]) Александръ Сергѣевичъ, 1785—1866 гг., позже статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта.

сего, тысячи бумагъ во время войны писаны моею рукою, прямо набѣло, чтобы не останавливаться перепискою. Такъ прошло время до 6-го декабря 1812 года, когда, безъ дальнихъ пріуготовленій, изволилъ государь отправиться къ арміи, въ Вильно. 7-го числа ночью отправилась и канцелярія, получившая съ сей минуты названіе Собственной Его Императорскаго Величества. На разсвѣтѣ 12-го декабря прибылъ я въ Вильно. При отъѣздѣ изъ столицы, даны всѣмъ деньги на подъемъ, и я получилъ 3.000 руб. асс.

Мѣста отъ Невеля были всѣ разорены; здѣсь взята была прямая линія къ Вильнѣ; выставлены артиллерійскія лошади, и среди жестокихъ морозовъ, ѣхали мы по трупамъ отъ самаго Полоцка! Не говорю объ ужасахъ, на пути семъ бывшихъ, и что случалось, вмѣсто скамейки, садиться за столъ на мертвыхъ, прикрытыхъ соломою; цѣлыя книги наполнены этою картиною бѣдствія французовъ!

Четырнадцать дней работали мы въ Вильнѣ такъ же, какъ въ Петербургѣ, имѣя прегнусную, холодную квартиру, и такую оттепель, что по колѣно въ водѣ переходить должно было улицу къ графу Аракчееву, а ночью возвращался я всегда по лѣстницѣ, устланной мертвыми французами, которые въ безсиліи обыкновенно искали мѣста подъ воротами, или по лѣстницамъ, чтобы умереть спокойно. Наконецъ, прибылъ изъ Великихъ Лукъ лѣтній обозъ государя, съ флигель-адъютантомъ Альбедилемъ [1]); экипажи получили назначеніе, и на третій день праздника Рождества Христова объявленъ походъ.

Разоренными селеніями дошли мы до Меречи, и канцеляріи досталась квартира въ кляшторѣ, на берегу Нѣмана, гдѣ оставалось двое стариковъ-бернардиновъ, полунагихъ и безъ пищи. Цѣлую ночь не дали мнѣ спать глухіе звуки, похожіе на то, какъ будто что отваливалось отъ строенія; по утру вижу въ огородѣ подъ окнами мертвыя тѣла. Любопытство повело меня по огромной парадной лѣстницѣ во второй этажъ кляштора, и я съ ужасомъ отступилъ, увидя залы, набитые французами мертвыми и полуживыми, грызущими своихъ сосѣдей. На повѣрку вышло, что бернардины выбрасываютъ изъ оконъ тѣхъ, которые кое-какъ выползутъ въ корридоръ и заграждаютъ проходъ. Это были несчастные больные, брошенные безъ призора, безъ пищи, а бернардины наканунѣ только пришли и сами въ кляшторъ. Государь, узнавъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ подать помощь, кому можно. Цѣлый казачій полкъ употребленъ былъ на очистку комнатъ; въ сутки болѣе 300 труповъ вынесено было изъ кляштора и опущены въ Нѣманъ; столько же оставалось неиспустившихъ еще духъ, но сомни-

---

[1]) Барономъ Петромъ Семеновичемъ, 1770—1830 гг.; позже оберъ-гофмейстеръ.

тельно, увидѣлъ ли кто изъ нихъ отеческій кровъ, ибо не помнили они и того даже, какъ давно не ѣли!

Въ Вильнѣ поручено было генералу Эртелю [1]) очистить городъ отъ труповъ и сжечь ихъ. На площади стоитъ огромный костелъ, который нашли заваленнымъ до такой степени, что двери не отворялись, и надобно было изъ оконъ купола выбрасывать тѣла. Послѣ узнали, что госпитальные чиновники, корыстуясь деньгами, положенными по штату на погребеніе, изобрѣли такое средство: скоплять умершую свою братію до весны, чтобы, съ открытіемъ рѣки, пустить ихъ въ море однимъ пріемомъ.

1-го января 1813 г. послѣ молебствія, перейденъ Нѣманъ, а въ первыхъ числахъ января главная квартира расположилась въ Калишѣ. Въ сіе время познакомился я съ походною жизнью и пріучилъ себя къ будущимъ недостаткамъ и неудобствамъ въ пути. Содѣйствіемъ Безроднаго [2]), фельдмаршалъ Кутузовъ поравнялъ содержаніе наше съ интендантскими чиновниками, и отъ сего времени были мы уже съ деньгами.

Мои соображенія о войнѣ 1812 года.

Эпоха отечественной войны описана въ множествѣ книгъ; но справедливость ихъ отношу я единственно къ битвамъ и числу войскъ, а за остальное не держу пари ни рубля. Послѣднее сочиненіе генерала Михайловскаго-Данилевскаго, которому, по высочайшей волѣ, открыты были всѣ архивы, должно быть вѣрнѣе прочихъ; только я, грѣшный, при полномъ уваженіи къ достоинствамъ и уму Александра Ивановича, не полагаюсь на правдивость его, видя, что онъ выставляетъ себя (примѣч. черезъ 20 лѣтъ) какимъ-то близкимъ дѣйствующимъ лицомъ у фельдмаршала Кутузова и императора Александра; и болѣе, что онъ чрезчуръ ужь льститъ нѣкоторымъ вельможамъ, играющимъ теперь важныя роли—отчего и звѣзды получаетъ за книги и о фрейлинствѣ дочерей своихъ говоритъ, какъ объ обстоятельствѣ, зависящемъ отъ него: «сегодня представлю, и фрейлина!» Мнѣ доподлинно извѣстно, что до 1830 г. не былъ онъ фаворитомъ ни князя Петра Михайловича Волконскаго, ни графа Александра Ивановича Чернышева; даже чрезъ меня искалъ у послѣдняго изъ нихъ, чтобы назначили его въ турецкую армію. Отъ чего же съ изданія книжекъ явилась со стороны ихъ такая протекція? А на счетъ 1812—1815 годовъ скажу, что въ 1812 г. вступилъ Михайлов-

[1]) Θедору Θедоровичу, 1768—1825.
[2]) Василія Кирилловича, сенатора.

скій-Данилевскій [1]) въ ополченіе и былъ зачисленъ въ канцелярію главнокомандующаго такъ же, какъ В. А. Жуковскій и другіе милиціонеры, не знавшіе военной службы. Въ одно сраженіе, примкнувъ къ толпѣ, ѣздившей за Коновницынымъ, раненъ въ ладонь пулею [2]), а весною 1813 г. переименованъ изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ армейскій чинъ и послѣ переведенъ въ квартирмейстерскую часть. Въ слѣдъ затѣмъ князь Кутузовъ-Смоленскій скончался. Спрашивается; когда же и отъ чего могъ быть Данилевскій, молодой мальчикъ, близкимъ къ Кутузову, у котораго были Коновницынъ, Толь, Безродный, Фуксъ, Скобелевъ и другіе, каждый по своей части?

Весь 1813-й годъ и до вступленія нашего въ Парижъ Данилевскій былъ въ канцеляріи князя П. М. Волконскаго, которою управлялъ полковникъ Селявинъ; на Вѣнскомъ конгрессѣ и до вторичнаго пріѣзда въ Парижъ (Данилевскій) находился при князѣ Волконскомъ по дворцовой части, завѣдывая расходомъ денегъ и драгоцѣнныхъ вещей; да и въ 1816 году былъ не больше, какъ капитанъ. По этимъ должностямъ и чинамъ можно судить о хвастовствѣ Михайловскаго-Данилевскаго.

Не мое дѣло описывать войну 1812 г., а разскажу, что видѣлъ и слышалъ я, по возвращеніи моемъ изъ Сибири.

Петербургъ нашелъ я въ болѣзненномъ какомъ-то состояніи; лица мрачныя и на улицахъ полная тишина. Иначе и быть не могло: еще не перестало навѣвать пепломъ изъ Москвы, войска въ походѣ, много статскихъ чиновниковъ пошло въ ополченіе, всѣ послы, кромѣ англійскаго, оставили Россію, французская труппа распущена, Большой театръ сгорѣлъ и оставался одинъ только маленькій деревянный. Эрмитажъ, библіотеки, ученые кабинеты и дѣла всѣхъ присутственныхъ мѣстъ вывезены водою на сѣверъ, чѣмъ воспользовались и служащіе, присоединивъ свои ящики къ казеннымъ, такъ что у графа Аракчеева, напр., было въ домѣ не болѣе трехъ ложекъ. Затѣмъ всѣ жили, по пословицѣ, на мази: кто могъ, держалъ хотя пару лошадей, а прочіе имѣли наготовѣ крытыя лодки, которыми запружены были каналы. Закрытіе банка и ломбарда, съ пресѣченіемъ присылки доходовъ изъ деревень, сдѣлало то, что монетный дворъ не успѣвалъ перечеканивать въ монету приносимыхъ сервизовъ. О званыхъ обѣдахъ и помину не было. Грустное

---

[1]) Онъ очутился за границею, съ дѣтьми гр. Заводовскаго. Походъ Наполеона въ 1812 году заставилъ Данилевскаго оставить университетъ и ѣхать въ Россію. Прибывъ въ Петербургъ, опредѣлился въ министерство финансовъ; но вскорѣ послѣ того поступилъ, по сдѣланному правительствомъ воззванію, въ ополченіе.

[2]) Въ одно время раненъ и почтамтскій чиновникъ (теперь дѣйст. стат. совѣт.) Доливо-Добровольскій—доказательство, что и статскіе толпились безъ надобности около Коновницына.

это положеніе дѣлъ, неизвѣстность о будущемъ и самое осеннее время раздирали сердце добраго Александра. Какъ будто убѣгая людей, жилъ онъ до ноября на Каменномъ острову, и графъ Аракчеевъ едва могъ отдѣлываться отъ приглашеній императрицы Маріи Ѳеодоровны къ обѣду, зная, что она станетъ любопытствовать, и ему придется или лгать, или невѣжливо отмалчиваться и пожимать плечами. Не хотѣли даже, чтобы знали о пріѣздѣ курьеровъ изъ арміи, и ихъ направляли отъ шлахбаума по Лиговкѣ во дворъ графа Аракчеева; здѣсь отбирались депеши, а курьеровъ отдавали на руки командиру фельдъегерскаго корпуса Касторскому, жившему въ домѣ, гдѣ теперь выстроенъ штабъ военныхъ поселеній. Тутъ жили они сутки и двое, а иногда отправляемы были и обратно, не видавъ города, чтобъ не болтали. Изъ этого смѣшные бывали анекдоты, а однажды вышелъ и серьезный.

Жена Павла Сергѣевича Ланскаго [1]), страстная мать, имѣла извѣстіе, что сынъ ея, офицеръ гвардіи, посланъ будетъ слѣдующимъ курьеромъ и, разболтавъ радость свою, переселилась сперва въ Ижору, а потомъ въ Померанье. Сынъ не могъ оставаться съ нею на станціи больше того времени, какъ запрягли тройку, и полетѣлъ въ Петербургъ, а она притащилась вечеромъ и, по пути, заѣхала къ женѣ фельдмаршала Кутузова [2]), заявить, что у сына есть письмо къ ней отъ мужа, съ посылкою. Удивилась старуха, не найдя сына дома, прошло и время ужина; она къ Аракчееву: здѣсь отвѣчаютъ, что нѣтъ курьера изъ арміи, на шлахбаумѣ отвѣтъ такой же; бросается въ Ижору и у станціоннаго смотрителя находитъ въ книгѣ, что Ланской проѣхалъ, но ямщикъ не воротился. Новая бѣда! прохлопотала всю ночь; но поутру добилась до того, что сынъ живой высаженъ на дворѣ у Аракчеева. Сама туда же, но отвѣтъ прежній. Она къ Кутузовой и, по дружескомъ совѣщаніи, прокляли Аракчеева. Старуха Кутузова, гордая, умная, отпустивъ Ланскую, ту же минуту принялась за перо и послала къ государю письмо, въ такомъ тонѣ, что она не допускаетъ въ себѣ низкой мысли о подозрѣніи государя на счетъ переписки ея съ мужемъ, но поступокъ съ Ланскою и задержка письма на цѣлыя сутки почти прямо указываютъ на перлюстровку; что это интриги и выслуга гр. Аракчеева и проч. Государь личнымъ только врученіемъ письма и посылки успокоилъ раздраженную бабу. Но съ этого времени, тотчасъ уже по пріѣздѣ курьера, отсылались къ Кутузовой письма. Не прежде, какъ по полученіи донесенія о побѣдѣ подъ Краснымъ, сдѣлалось въ городѣ веселѣе.

О первоначальномъ планѣ войны мнѣ ничего не извѣстно, и въ

---

[1]) Александра Михайловна, рожденная Ханыкова.
[2]) Екатеринѣ Ильиничнѣ, рожденной Бибиковой.

канцеляріи государя никакихъ слѣдовъ этого не было. Безъ сомнѣнія планъ былъ; но думаю не рѣшительный и основанный на томъ собственно, чтобы не оставлять въ тылу у себя Литвы, не открывать военныхъ дѣйствій среди предателей-поляковъ. На Бѣлоруссію полагались видно больше, ибо при мнѣ еще, въ 1810 г., приступало военное министерство къ постройкѣ Динабургской и Бобруйской крѣпостей. Но если въ планѣ было заманивать французовъ еще далѣе, то было бы ближе, кажется, возобновить Могилевскія и Смоленскія укрѣпленія, чѣмъ начинать новыя, требовавшія многихъ лѣтъ и милліоновъ денегъ. Едва-ли не предоставлялось все времени и обстоятельствамъ: отъ этого такое расположеніе войскъ нашихъ по границѣ, что арміи Барклая и Багратіона не могли соединиться прежде, какъ подъ Смоленскомъ, и на ретирадѣ должно было сожигать хлѣбные запасы, чтобы не достались непріятелю.

Въ Вильнѣ слѣдовали праздникъ за праздникомъ, въ ожиданіи Балашова изъ Варшавы, съ (благопріятнымъ, судя по сему) отвѣтомъ Наполеона. Извѣстно, что въ самый разгулъ, на балѣ, данномъ гвардіею, привезъ дипломатическій чиновникъ Вейдемейеръ извѣстіе, что французы переправляются чрезъ Нѣманъ, и съ нимъ поступили, какъ съ вѣстовщикомъ; но на завтра это подтвердилось. Балашовъ не возвращался, и началась ретирада до Дриссы, гдѣ пруссакъ Фулль, принятый въ нашу службу генераломъ, устроилъ укрѣпленный лагерь. Тутъ положено было остановиться. Но когда прибыла армія Барклая, разнесся общій голосъ, что она содѣлается жертвою; тотчасъ приказано увозить орудія и что можно спасти изъ Динабурга, а прочее сжечь (при чемъ отличился артиллерійскій полковникъ Тишинъ, вывезшій мѣдную монету и сжегшій ассигнаціи). Войска стали ретироваться [1]).

Послѣ Бородинскаго сраженія, князь Багратіонъ умеръ отъ раны, а Барклай удалился въ свою деревню, около Дерпта, и Кутузовъ, оставшись одинъ хозяиномъ, сдѣлалъ извѣстный маршъ въ Тарутино, скрывшій его отъ Наполеона, такъ что двѣ недѣли не могъ онъ добиться, гдѣ русская армія.

Въ Петербургѣ, послѣ сожженія Москвы, знали, что французы окружены нашими отрядами, что размножаются партизаны, что непріятелю затруднительно продовольствіе, что наши въ Тарутинскомъ лагерѣ укомплектовываются успѣшно, пользуются всѣмъ въ изобиліи и находятся въ хорошемъ духѣ; но долгое бездѣйствіе опять стало погружать всѣхъ въ уныніе. Графъ Аракчеевъ не скрывалъ отъ меня,

---

[1]) Здѣсь мы опускаемъ нѣсколько строкъ, такъ какъ автору не были извѣстны подробности отступленія нашей арміи, и онъ сообщаетъ невѣрныя свѣдѣнія. Ред.

что государь день ото дня болѣе дѣлается недоволенъ Кутузовымъ, и проговорился, что послалъ его въ армію не по своей волѣ. Слухи, что доступъ къ нему очень труденъ, что большею частію спитъ или сидитъ съ дѣвками, переодѣтыми въ казачье платье, происходили отъ писемъ Беннигсена, вѣрившаго человѣку, при немъ бывшему, флигель-адъютанту князю Сергѣю Голицыну. Когда дѣла приняли хорошій оборотъ, то князь Кутузовъ, свѣдавъ объ ихъ интригахъ, выжилъ обоихъ изъ арміи и послѣ, не знаю уже почему, отправленъ былъ Голицынъ изъ Калиша съ фельдъегеремъ въ Грузію, но по кончинѣ Кутузова возвращенъ. Казачковъ же я самъ видѣлъ впослѣдствіи: они конвоировали старика, дѣлавшаго переходы на парныхъ дрожкахъ, и одинъ изъ нихъ былъ сынъ камердинера его, лѣтъ 16-ти, точно какъ переодѣтая дѣвочка.

Если бы крайность не заставила Наполеона выйти изъ Москвы, то не знаю, что̀ бы предпринялъ Кутузовъ зимою. Въ свое время это было загадкою и для людей высшаго званія. Здѣсь занимались только формированіемъ новыхъ силъ и брали мѣры заслонять Петербургъ. Винцингероде наблюдалъ за непріятелемъ изъ Твери, позади его скоплялись ополченія Ярославское и Тверское, и тянулись около Смоленской границы къ Полоцку, чтобы подкрѣпить, въ случаѣ нужды, Витгенштейна и поставить его въ связь съ Винцингероде. Башкирцамъ дано было направленіе отъ Нижняго на Ярославль, Угличъ и Волочекъ, въ слѣдъ за ополченіемъ. Отъ Новгорода до Волочка набиралъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ ямской конный полкъ, съ которымъ и ротою конной артиллеріи долженъ былъ идти къ Полоцку. Когда бы Наполеонъ бросился на Петербургскую дорогу, то вся эта масса и Витгенштейнъ долженствовали противостать ему, ожидая главнаго дѣйствія арміи Кутузова въ тылу у непріятеля; замѣнить же Витгенштейна на Двинѣ могъ Чичаговъ, шедшій съ свѣжими войсками изъ-за Днѣстра. Планъ сей хорошъ былъ и тѣмъ еще, что, при отступленіи Наполеона въ Литву, та же масса умножила бы корпусъ Витгенштейна, для нанесенія вреда непріятелю на маршѣ чрезъ Бѣлоруссію.

Неизвѣстность о намѣреніяхъ Кутузова и дурныя объ немъ вѣсти едва не довели государя до того, чтобы опять приняться за Барклая. Это заключаю я вотъ изъ чего: въ ноябрѣ поѣхалъ Аракчеевъ на два дня въ Грузино. Въ этотъ промежутокъ получаю я однажды отъ государя, между прочими бумагами, записку, чтобы прислать надежнаго фельдъегеря и бланкъ подорожной. Какъ приказанія подобнаго рода случались и прежде, то я ничего не подозрѣвалъ; но чрезъ нѣсколько дней заѣзжаю сдѣлать нужныя справки въ департаментъ (канцеляріи?) военнаго ми-

нистра и нахожу директора онаго, Бижеича, въ хлопотахъ [1]). Сейчасъ былъ у него адъютантъ Барклая, Киверъ, и просилъ приказать отапливать министерскую квартиру (домъ, гдѣ теперь училище правовѣдѣнія), потому что на дняхъ Барклай пріѣдетъ. По возвращеніи гр. Аракчеева отъ государя, я удивилъ его сею новостью и послѣ узналъ, что требованный отъ меня фельдъегерь точно посыланъ былъ къ Барклаю. Вечеромъ, воротившись изъ дворца, сказалъ мнѣ гр. Аракчеевъ, что государь сконфузился, когда онъ доложилъ о скоромъ прибытіи сюда Барклая; а спустя дня два государь отправился въ армію, чрезъ Полоцкъ и Невель. Нужно ли было избѣжать свиданія, я не знаю, но послѣ сказывалъ мнѣ генералъ-маіоръ Койленскій, что объ отъѣздѣ государя узналъ Барклай передъ Стрѣльною, что онъ думалъ воротиться въ деревню, но потомъ рѣшилъ, что можетъ быть императрица Марія Ѳеодоровна объявитъ ему волю государя и, прибывъ въ столицу, остановился въ трактирѣ, нѣсколько разъ обѣдалъ у императрицы и, не получивъ, съ пріѣхавшимъ изъ Вильно уже фельдъегеремъ, никакого отъ государя приказанія, возвратился въ свою деревню. Беннигсенъ былъ хитрѣе, предвидѣлъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, что государь поспѣшитъ къ побѣдоноснымъ своимъ войскамъ и, удаленный изъ арміи, не поѣхалъ московскою дорогою въ Петербургъ, а пробрался на бѣлорусскую, и государь, встрѣтивъ его, сверхъ ожиданія, въ Порховѣ, долженъ былъ провести съ нимъ на станціи столько минутъ, сколько требовалось на закладку тройки лошадей въ кибитку Его Величества.

Не долго, однако, прожилъ Барклай въ деревнѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ государя въ Вильно Чичаговъ попросилъ увольненія и, при совѣщаніи государя съ Кутузовымъ, сей послѣдній откровенно отвѣчалъ, что противъ Барклая ничего не имѣетъ; но съ Беннигсеномъ служить не можетъ. Вслѣдствіе того Барклай назначенъ, вмѣсто Чичагова, главнокомандующимъ арміею, шедшею осаждать Торунь (по каковому случаю онъ и пріѣзжалъ въ Плоцкъ, гдѣ такъ низко поступилъ съ нимъ Аракчеевъ), а Беннигсенъ оставался въ Петербургѣ и послѣ смерти Кутузова, до той поры, какъ вздумали формировать въ Варшавѣ особую армію изъ приведеннаго графомъ Толстымъ Низоваго ополченія, съ прибавкою регулярныхъ войскъ. Ему ввѣрена была эта армія, и онъ едва поспѣлъ съ нею къ сраженію Лейпцигскому.

Впрочемъ, какъ бы кто ни думалъ о первоначальномъ планѣ войны, въ который, конечно, не входили ни оставленіе Москвы, ни разореніе 5 мил. въ мѣстахъ, занятыхъ непріятелемъ, только, благодареніе Богу,

---

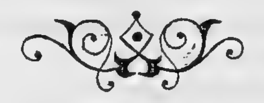
[1]) У него недоставало на расходы канцелярской суммы; жена же Барклая, отъѣзжая въ деревню, забрала всѣ деньги за дрова и свѣчи, слѣдовавшія на квартиру мужа ея, Барклая-де-Толли.

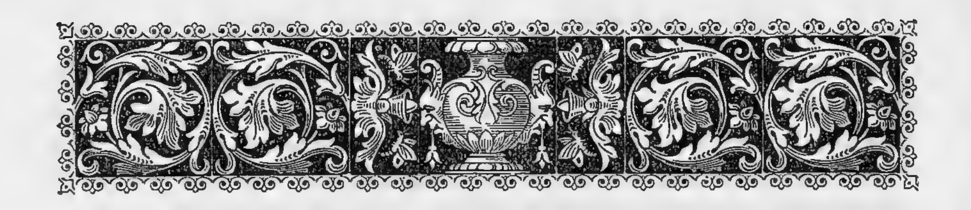
война эта кончилась счастливо для Россіи. Армія французская, ужасная въ іюнѣ 1812 г., не существовала уже въ концѣ декабря.

Мы нашли своихъ въ Вильно хотя оборванными и во время Рождества въ лѣтнихъ панталонахъ, но отдыхающими на лаврахъ, добрыми и веселыми, а казаковъ богатыми дотого, что, для облегченія лошадей, они продавали на рынкѣ мѣшочекъ наполеондоровъ или слитокъ серебра фунтовъ въ 15-ть за сто-рублевую ассигнацію; доставались за 25 руб. ассигнаціями дрожки, въ которыхъ находили, заколоченными, чайный сервизъ серебряный или дюжины двѣ ложекъ и тому подобное. Около Вильно всѣ поля усѣяны были экипажами разныхъ націй, которыхъ никто не бралъ за неимѣніемъ лошадей. Одни лишь жиды обдирали съ нихъ сукно, втулки и другія мелочи. Даже и казаки, при всей ловкости, не принимали въ этомъ никакого участія.

Сообщ. профес. **В. А. Бильбасовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУЛАКІАДА[1].

I.

Шуми, греми не звучна лира
Еще не опытна пѣвца,
Да возвѣщу въ предѣлахъ міра
Кончину пироговъ творца.
Да возвѣщу я плачъ ужасный
Трехъ тафелей всѣхъ поваровъ.
Друзья! ужь Кулаковъ [2]) несчастный
Не суетится средь котловъ,
Ужь—гласъ его не раздается,
Въ обоихъ кухняхъ нашихъ—днесь,
Отъ онаго ужь не мятется
Соборъ команды его весь.
Въ горохѣ ужь перемѣнился
Доселѣ вкусъ пріятный намъ,
Картофель густоты лишился
И льется съ мисокъ по столамъ,
Но, ахъ! наперсника лишенный
Восплакалъ, возрыдалъ Бобровъ [3])...

---

[1]) Поэма эта доставлена въ редакцію какъ написанная К. Ѳ. Рылѣевымъ.—По всей вѣроятности она была однимъ изъ самыхъ раннихъ произведеній поэта. Ред.

[2]) Кулаковъ, помощникъ эконома I-го Кадетскаго корпуса.

[3]) Бобровъ, Андрей Петровичъ, бывшій экономъ I-го Кадетскаго корпуса. О немъ см. „Русскую Стар.“ 1877 г., т. 19, 145; „Древ. и Нов. Россія“ 1880 г. № 2, стр. 406.

Такой потерей огорченный—
Онъ перебилъ всѣхъ поваровъ.
О, Аполлонъ велерѣчивый!
И Кліо съ громкою трубой,
Повѣдай ты масло-любивый,
Какъ кончилъ дни свои герой.
Среди котловъ, на очагѣ,
Возвышенъ возсѣдалъ Бобровъ,
Внизу съ чумичкою въ рукѣ
Стоялъ смиренно Кулаковъ,
Стоялъ—власы его вздымались,
Стоялъ, вздыхалъ—не говоря,
Его лишь взоры устремлялись
На кухню славнаго царя.
Напрасно тщился пёсъ Боброва,
Льстясь его развеселить,
Напрасно повара Косова
Тулаевъ притащилъ смѣшить.
Бобровъ, Бобровъ замысловатый
Успѣха даже не имѣлъ...
И Кулаковъ въ свои палаты
Съ тоскою мрачною пошелъ;
Лишь только съ лѣстницы спустился,
Какъ вдругъ бездыханно онъ палъ,
Увы! онъ жизни сей лишился,—
Тутъ шедшій поваръ закричалъ.
Царя чертогъ весь взволновался,
Коли достигъ къ нему звукъ словъ;
Се вопль по воздуху раздался—
И съ плачемъ прибѣжалъ Бобровъ.
Вослѣдъ пёсъ колченогой
Хромая къ тѣлу прискакалъ:
Бобровъ вопилъ: О Боги! Боги!
А пёсъ визжа къ нему припалъ.
По что меня ты оставляешь,
Несчастный продолжалъ Бобровъ.
Мою ты жизнь тѣмъ отравляешь,
Не буду есть я пироговъ.
Возстань, очнись, о, мой любезный!
По что велишь мнѣ лить токъ слезный—
Возстань, я простираю длань.
Осталось въ тунѣ то моленье,

Трупъ хладный воплю не внималъ;
Скончался тотъ,—о Провидѣнье!
Кто хворостъ масломъ поливалъ,
Скончался тотъ—кого страшились
Сапожня, кухня, погреба;
Скончался тотъ, кому дивились,
Чаны на кухнѣ внѣ себя.
Тсъ! тсъ! или скажи потише
И противъ воли не неси,
А какъ захочешь взлетѣть выше,
То другихъ ты попроси;
А я усталъ, да и довольно
Уже бумаги измаралъ;
Но нѣтъ, ты все несешь невольно,
Чтобъ погребенье описалъ.
Быть такъ я для тебя склонюся,
И погребенье пропою;
Но, ахъ, ретивый, я боюся,
Что сломишь голову свою.

II.

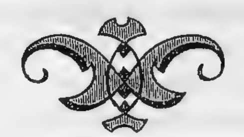
О, Аполлонъ!.. подай мнѣ лиру,
Подай кастильскихъ кубокъ водъ,
Да воспою достойно міру
Къ Смоленску погребальный ходъ—
Впреди предшествовалъ Тулаевъ,
За нимъ шли Зайцевъ, Савиновъ,
Съ рябою харею Миняевъ,
Потомъ Затычкинъ и Смирновъ.
Гласы ихъ въ воздухѣ сливались,
Тряслись всѣ зданія по сторонамъ,
Глубоко въ сердцѣ отзывались—
И смѣхъ и плачъ являя намъ.
Тулаевъ съ Зайцевымъ ревѣли,
Савиновъ теноромъ тянулъ,
Смирновъ, Миняевъ тихо пѣли,
Затычкинъ что есть мочи дулъ;
И Силинъ къ нимъ присоединился

По-козьи, кажется, кричалъ.
Тутъ пёсъ его бѣжалъ, ласкался
И трели съ визгомъ подпускалъ,
За ними зрѣлась колесница,
Везомая двумя коньми,
На нихъ попоны—какъ тряпица,
Влеклись раздраны по земли.
Лакеи же, имѣя факелы въ рукахъ,
Принуждены были изъ уваженья—
Какъ можно меньше дѣлать шагъ.
За колесницею родные
И тьма знакомыхъ шли—
Вблизи же соусы, жаркіе
Какъ будто ордена несли,
На гробѣ же пирогъ за шпагу
Съ чумичкою большой лежалъ—
Что Кулаковъ имѣлъ отвагу,—
На чадной кухнѣ предсѣдалъ.
Потомъ шелъ Краснопѣвцевъ блѣдный
Съ супругой блѣдною своей,
Неся котелъ луженый мѣдный
Какъ бы усопшаго трофей;
Но, муза, стой!—я зрю Боброва:
Власы растрепаны на немъ,
Лицо искажено—сурово,
И слезы катятся ручьемъ;
Онъ рвется, плачетъ, замираетъ—
И жалостный являетъ видъ,
Едва качнется—упадаетъ,
Не можетъ вовсе говорить;
Но наконецъ уста открылись
И прямо, Кулаковъ! къ тебѣ
Слова высоко устремились.
Я стану продолжать себѣ:
Но вотъ и къ кухнѣ подъѣзжаютъ
Въ кафтанахъ новыхъ повара,
Въ кастрюли громко ударяютъ,
Провозгласивъ три-кратъ ура!
Въ такой процессіи—прекрасной
Къ Смоленску тѣло подвезли
И прахъ въ сырой могилѣ—страшной
Героя кухни погребли.

Прости, священна тѣнь героя,
Долгъ мудрыхъ—слабому прощать.
Прости, что, лиру я настроя,
Могъ слабо смерть твою бренчать.
Я знаю то, что не достоинъ
Вѣщать о всѣхъ дѣлахъ твоихъ,
Я не поэтъ,—а просто воинъ
Въ устахъ моихъ не складенъ стихъ.
А ты—о мудрый, знаменитый,
Царь кухни—мрачныхъ погребовъ,
Топленымъ жиромъ весь облитый,
Единственный герой—Бобровъ,
Не озлобися на поэта,
Тебя который воспѣвалъ;
Но знай—у каждаго кадета
На вѣкъ я тѣмъ безсмертенъ сталъ.
Прочтя сіи строки—потомки
Воспомнятъ, мудрый, о тебѣ,
Дѣла твои воспомнятъ громки,—
Воспомнятъ также и о мнѣ!...

К. Рылѣевъ.

Сообщ. М. П. Кудрявцевъ.

НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ ЭПОХЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Миръ вамъ, тѣни далекаго прошлаго!.. Съ полувѣковой дали вдругъ встали вы цѣлою толпою и потянулись сплошною вереницею. Кто разбудилъ васъ, тѣни забытаго прошлаго? Что вызвало васъ изъ мрака забвенія?..

Бываютъ моменты, когда, подъ вліяніемъ безпорядочной сутолоки настоящаго, утомленный духъ какъ бы невольно обращается къ прошлому и ищетъ тамъ подкрѣпленія, словно у своего резерва. И, безспорно, это надежное подкрѣпленіе. Уроки прошлаго, каковы бы они ни были, незамѣнимы, если ими умѣло пользоваться.

Въ настоящее время, напримѣръ, такъ много говорятъ о разностороннемъ упорядоченіи мѣстной жизни во всевозможныхъ отношеніяхъ: въ судебномъ, административномъ, религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ, хозяйственномъ, торгово-промышленномъ и проч. Къ самому «упорядоченію», понятно, можно относиться лишь съ полнымъ сочувствіемъ; но почему же объ этомъ «упорядоченіи» говорится словно о чемъ-то новомъ, небываломъ, будто бы гражданская жизнь у насъ, въ Россіи, только-только еще начинается?..

Этотъ естественный вопросъ самъ собою вызываетъ напряженіе памяти, чтобы заглянуть въ ту именно даль прошлаго, когда, дѣйствительно, впервые зародилась наша гражданская жизнь. Это и есть во вѣки памятная и славная въ исторіи Россіи эпоха освобожденія крестьянъ.

Бываютъ вопросы вѣчные и міровые, которые живутъ и, такъ-сказать, ростутъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ. Сколько ни изучаютъ ихъ,— и все-таки открываются новыя и новыя стороны и черты, подъ влія-

ніемъ болѣе правильнаго освѣщенія современности. Къ числу такихъ именно неумирающихъ вопросовъ принадлежитъ и освобожденіе крестьянъ. Это—безконечно-большой вопросъ, какъ сама народная жизнь, и исчерпать его никогда невозможно.

Въ данномъ случаѣ въ виду имѣется лишь очень скромная частица этого вопроса, которая, можно сказать, сама собою напрашивается подъ перо, въ виду несомнѣнно надвигающагося со всѣхъ сторонъ запроса на «упорядоченіе» всей мѣстной жизни, во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ этомъ случаѣ, наиболѣе благодарное дѣло—историческая справка. Но да будетъ позволено обратиться за нею не къ архивнымъ даннымъ, а непосредственно къ самой минувшей жизни, насколько она свѣжа еще въ памяти пишущаго.

I.

Исторія давно уже произнесла приговоръ надъ крѣпостничествомъ, какъ однимъ изъ видовъ рабства. Но рабство рабству—рознь. И мы думаемъ, что крѣпостничество, напримѣръ въ западной полосѣ имперіи, особенно же въ Сѣверо-Западномъ краѣ, было однимъ изъ тягчайшихъ видовъ рабства въ Россіи. Само по себѣ крѣпостничество отягчалось еще въ названномъ краѣ: борьбою національностей—русской, литовской и польской, а равно—и борьбою религій: православной и католической. Подъ вліяніемъ такой борьбы, самый бѣлорусскій языкъ представлялъ невообразимую смѣсь польскаго и литовскаго съ русскимъ, даже въ составѣ отдѣльныхъ словъ и способѣ произношенія ихъ, не говоря ужъ о построеніи цѣлыхъ фразъ. Эта же борьба, съ другой стороны, привела къ тому, что, при помощи уродливой церковной уніи, православной церкви былъ нанесенъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ большой вредъ.

Вслѣдствіе значительнаго преобладанія тамъ помѣщиковъ-поляковъ, все русское въ краѣ угнеталось, и ему оказывалось явное пренебреженіе. Въ пору крѣпостничества, чисто русскій элементъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ представляли собою: главнымъ образомъ православное духовенство, высланное сюда изъ центральной Россіи для возсоединенія уніатовъ, и отчасти—чиновники, которыхъ присылали для службы въ этотъ край, на извѣстный срокъ или безсрочно. Но даже и эти коренные русскіе люди должны были прятаться, таиться, и со своею русскою рѣчью, и со своими русскими обычаями, если не желали подвергаться непріятностямъ со стороны остальнаго населенія, почти поголовно поляковавшаго, хоть и совершенно безсознательно, какъ бы по инерціи.

Такой порядокъ обусловливался главенствующею ролью польскихъ помѣщиковъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Не принимая сами почти никакого непосредственнаго участія въ управленіи, они, тѣмъ не менѣе, прямо или косвенно, назначали во всѣ мѣстныя учрежденія такихъ чиновниковъ, какихъ желали. Между послѣдними немало было поляковъ изъ мелкой, промотавшейся шляхты, но все же больше было русскихъ (т. е. православныхъ), которые, тѣмъ не менѣе, въ угоду патронировавшимъ имъ полякамъ, старались казаться поляками, чуть ли не болѣе даже самихъ полякокъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ и въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ былъ польскій. На польскомъ же языкѣ, хоть и крайне ломанномъ, коверканномъ, старалось говорить и населеніе какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, въ угоду панамъ. Неумѣвшаго же, или не желавшаго коверкать польскій языкъ вмѣсто своего роднаго русскаго презрительно называли «кацапомъ», «хамомъ».

Даже и православному духовенству, спеціально призванному для поддержанія русскаго престижа въ краѣ, рискованно было открыто руссофильствовать. Стоило, напримѣръ православному священнику навлечь своею ретивостью гнѣвъ польскаго помѣщика или ксендза,—и почти неизбѣженъ былъ переводъ его въ другое мѣсто, по почину если не духовной, то свѣтской власти. Такого рода переводы мотивировались со стороны духовнаго начальства будто бы необходимостью «ладить» съ панами и ксендзами. Какъ далеко заходило это стремленіе «ладить», можно судить между прочимъ потому, что не только губернская администрація, во время своихъ объѣздовъ, обязательно останавливалась всегда у поляковъ-помѣщиковъ, но даже архіереи, производя ревизіи приходовъ, весьма нерѣдко останавливались опять-таки у поляковъ же помѣщиковъ, или даже—у настоятелей католическихъ костеловъ. Легко представить себѣ положеніе православнаго духовенства, которому, по обязанностямъ службы, приходилось являться по начальству въ домъ ненавидѣвшаго и презиравшаго ихъ поляка-помѣщика или ксендза. Немудрено, поэтому, что тѣ изъ лицъ православнаго духовенства, которыя не успѣвали настолько научиться по-польски, чтобы поддерживать при случаѣ разговоръ съ польскими панами и ксендзами,—чувствовали себя какъ бы даже виновными, и въ качествѣ «кацаповъ», безропотно готовы были воспріять якобы заслуженную ими кару, въ видѣ перевода въ другое мѣсто, а то и чего-нибудь похуже...

Эти, не умѣвшіе или не желавшіе «ладить» съ панами и ксендзами, вѣчно находились въ положеніи опальныхъ. То ихъ гоняли съ мѣста на мѣсто, то запрятывали даже и въ монастыри, безъ суда и слѣдствія. Не мудрено, поэтому, что паны и ксендзы въ дѣлахъ православія дозволяли себѣ большія самоуправства. Такъ, напримѣръ, даже послѣ уже

возсоединенія уніатовъ, но еще до освобожденія крестьянъ, довольно не рѣдко ксендзы, по распоряженію помѣщиковъ, крестили дѣтей православныхъ родителей въ католичество, вѣнчали православныхъ же въ костелахъ, записывали ихъ католиками и проч.

Простой народъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, до освобожденія его отъ крѣпостной зависимости, былъ забитъ и униженъ до послѣдней степени. Помимо жестокой тяжести крѣпостнаго ига, которое здѣсь было суровѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, поляки-помѣщики называли всѣхъ, не принадлежащихъ къ шляхетскому или чиновному роду, не иначе, какъ «быдло» (падаль), и «пся кревь» (собачья кровь или отродье), относились ко всему, признаваемому ими чуждымъ себѣ, съ фанатическою ненавистью и звѣрскою жестокостью.

Живя обыкновенно шире своихъ средствъ, поляки-помѣщики выжимали, выколачивали изъ крестьянъ послѣдніе пожитки, доводя народъ до крайней нищеты. Изнуряемый непосильною барщиною, живя впроголодь, сельскій людъ ютился въ большинствѣ случаевъ въ курныхъ избахъ, при самыхъ мизерныхъ размѣрахъ хозяйства. Ветхая избенка, захудалый, измельчавшій домашній скотъ, тощіе поля и луга, бѣдная одежда, обувь и упряжка, убитый, понурый видъ съ оторопѣло-отупѣвшимъ выраженіемъ лица,—такимъ было почти все бѣлорусское крестьянство до освобожденія его. Этому темному, забитому народу, казалось, не было доступно никакого другаго чувства, кромѣ страха. Онъ боялся самыхъ обычныхъ явленій природы, которыхъ не понималъ, приписывая происхожденіе ихъ то добрымъ, то злымъ духамъ, которыхъ и старался умилостивить по-своему. Онъ трепеталъ предъ всѣми властями, не исключая и самыхъ мелкихъ. Опять-таки не понимая ихъ назначенія и смысла въ жизни, народъ всячески старался укрыться отъ нихъ,— надуть, перехитрить, провести властей во всемъ, что касается сельской жизни. Не зная чего держаться, онъ, при встрѣчахъ съ ксендзомъ, старался казаться католикомъ, при встрѣчахъ же съ православнымъ священникомъ — православнымъ. Въ дѣйствительности же, онъ былъ дикаремъ-язычникомъ и твердо вѣрилъ въ своихъ мнимыхъ, добрыхъ и злыхъ духовъ, съ которыми и сводилъ по-своему счеты буквально на каждомъ шагу.

II.

Словно сейчасъ вижу я передъ собою все положеніе и бытъ несчастныхъ крестьянъ Сѣверо-Западнаго края, до мельчайшихъ деталей, въ дореформенную пору. Въ ихъ средѣ прошло мое дѣтство, при совер-

шенно деревенской обстановкѣ. Отецъ мой, какъ коренной русскій, былъ вызванъ изъ Черниговской губерніи въ Сѣверо-Западный край для возсоединенія уніатовъ. Въ Витебской губерніи и уѣздѣ его трудами были возсоединены четыре уніатскихъ прихода: Лужесни, Шалыги, Хрупы и Храповичи. Не трудно представить себѣ, какую борьбу пришлось вести ему съ пятью мѣстными помѣщиками, отличавшимися фанатическою приверженностью къ уніи, т. е. иначе—къ ополяченію. Когда же умеръ отецъ, помѣщики совершенно разорили нашу семью.

Вотъ какъ это произошло.

Мнѣ не было тогда еще полныхъ четырехъ лѣтъ. Какъ теперь помню бурный, холодный, ненастный день; перепадалъ дождь со снѣгомъ. Словомъ, погода—изъ такихъ, по поводу которыхъ говорятъ, что «добрый хозяинъ даже и собаки не выгоняетъ изъ дому». Вдругъ къ нашему дому съ разныхъ сторонъ начали подъѣзжать крестьянскія подводы, запряженныя въ одиночку или парами; въ каждой подводѣ отъ одного до трехъ сѣдоковъ съ топорами, ломами, баграми, лопатами и проч.

Домъ нашъ стоялъ на довольно высокомъ холмѣ, по южному склону котораго разбросался большой фруктовый садъ, а въ противоположную сторону протянулись разныя хозяйственныя постройки. Находясь особнякомъ, не имѣя въ непосредственномъ сосѣдствѣ никакого поселенія, домъ нашъ казался усадьбою, привольно размѣстившеюся на широкомъ, плоскомъ холмѣ. Подводы располагались какъ около дома, такъ и около хозяйственныхъ службъ. Вскорѣ весь дворъ и все пространство вокругъ построекъ сплошь было занято подводами.

Не успѣли въ нашемъ домѣ сообразить, въ чемъ дѣло, какъ началась ломка изгородей, заборовъ, воротъ и проч. Это мѣстные помѣщики, два брата Энке, Николай и Павелъ, прислали особый нарядъ барщины на-чисто снести отцовскую усадьбу,—буквально до послѣдняго бревна и камня, до послѣдняго кустика и деревца. Оба Энке были положительно звѣри, а не люди: безпросыпно-пьяные, невообразимо-распущенные и безпощадно-жестокіе. Они жили отдѣльно другъ отъ друга: одинъ—въ Лужесни, другой—въ Шалыгахъ, и почти постоянно враждовали между собою, безъ всякой даже видимой причины, просто какъ природные психопаты. Въ теченіе около двухъ десятковъ лѣтъ, пока отецъ оставался въ указанной мѣстности, онъ велъ почти безпрерывную тяжбу то съ однимъ, то съ другимъ изъ братьевъ Энке. Поводомъ къ этому служило главнымъ образомъ истязаніе ими крестьянъ, звѣрское обращеніе съ ними, доходившее нерѣдко не только до искалѣченія, но даже и до убійства. Къ этому примѣшивалось еще и вмѣшательство этихъ звѣрей-помѣщиковъ въ дѣла религіи, открытое насиліе надъ крестьянами, переходившими въ православіе, явное преслѣдованіе тѣхъ

изъ нихъ, которые обнаруживали особенное расположеніе и усердіе къ православной церкви.

Какъ ни щедро откупались братья Энке отъ администраціи и суда, но на ихъ долю все же выпадали и кары, если не настолько суровыя, какъ они того заслуживали, то, во всякомъ случаѣ, непріятныя и унизительныя. Безсильные отомстить при жизни отца, они отомстили по смерти его. Домъ, со всѣми хозяйственными службами при немъ, былъ построенъ отцомъ, на собственныя его средства, наемными рабочими изъ мѣстныхъ крестьянъ, которые и лѣсъ вырубали и вывозили, и возводили всѣ постройки. Но земля подъ всею усадьбою была помѣщичья. Она была уступлена въ вѣчное пользованіе церкви, но не была однако закрѣплена за ней окончательно оформленною дарственною записью. Этимъ именно и воспользовались братья Энке, чтобы присвоить себѣ домъ, со всѣми принадлежащими къ нему хозяйственными постройками и садомъ. По этому поводу былъ судъ. Крестьяне, несмотря на угрозы жестокихъ наказаній со стороны помѣщиковъ, подъ присягою показали, что усадьба создана на средства отца, его непосредственными заботами и стараніями, и представляетъ несомнѣнную собственность нашей семьи. Но были, однако, и лжесвидѣтели, показывавшіе, будто бы именно они участвовали въ постройкѣ дома, за счетъ братьевъ Энке и по ихъ порученію. То былъ, старый, дореформенный судъ, не «правый» и не «милостивый»,—и онъ допустилъ явную, вопіющую несправедливость, рѣшивъ дѣло въ пользу братьевъ Энке.

Эти же послѣдніе, желая подкупить судъ въ свою пользу, дали на немъ торжественное, но ложное обѣщаніе, будто бы они не тронутъ нашей семьи, дозволятъ ей безмездно и безпрепятственно продолжать жить въ томъ же домѣ въ теченіе не менѣе трехъ лѣтъ. Конечно, обѣщаніе это осталось словеснымъ, не записаннымъ и не подписаннымъ. А потому, едва рѣшеніе суда объ отобраніи дома успѣло войти въ законную силу, какъ онъ былъ снесенъ до основанія, со всѣми постройками при немъ и садомъ.

Крестьяне плакали, въ ноги кланялись обезумѣвшей отъ горя матери, прося у нея прощенія и, тѣмъ не менѣе, выносили изъ дома мебель, выводили изъ хлѣвовъ и конюшни скотъ, выкатывали изъ сараевъ экипажи, одновременно подвергая всѣ постройки ломкѣ и взваливанію лома на возы. Поистинѣ это была адская картина, среди суровой осенней непогоды, при крикѣ и брани сотенъ людей, грохотѣ топоровъ, ломовъ и багровъ, при воѣ собакъ, ржаніи лошадей и крикѣ разныхъ другихъ домашнихъ животныхъ и птицъ, въ ужасѣ метавшихся въ районѣ разрушенія.

Мнѣ случалось впослѣдствіи быть свидѣтелемъ громадныхъ пожаровъ, бурныхъ наводненій, разрушительныхъ бурь, но я рѣшительно не

помню ничего ужаснѣе картины насильственнаго, грабительскаго разрушенія отцовской усадьбы... Я словно сейчасъ вижу передъ собою, какъ толпа крестьянъ, приступая къ ломкѣ той или другой постройки, предварительно снимаетъ шапки, крестится, а нѣкоторые дѣлаютъ даже и земные поклоны, громко вымаливая при этомъ прощеніе за «злодѣйское дѣло». Особенно громко роптали и заявляли о несправедливости тѣ изъ крестьянъ, которые, въ свое время, были участниками въ постройкѣ. Они требовали новаго суда, обѣщая постоять за правду. Но адское разрушеніе, между тѣмъ, дѣятельно подвигалось впередъ...

Это поистинѣ «злодѣйское дѣло» усугублялось еще необычайною наглостью разнаго рода скупщиковъ. Ихъ понаѣхало въ усадьбу цѣлое полчище. Пользуясь суматохою, каждый тащилъ, что хотѣлъ, платя сколько кому заблагоразсудится, а то и вовсе ничего не платя. Такъ были расхищены не только всѣ домашнія и хозяйственныя принадлежности, запасы хлѣба и продовольствія, корма для скота, но даже домашнія птицы и скотъ, упряжь, экипажи и проч. Это былъ открытый дневной грабежъ совершенно безпомощныхъ людей, произведенный по наущенію полоумныхъ братьевъ Энке, ими же подобранными и подосланными торгашами-прасолами, потерявшими совѣсть и стыдъ.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что братья Энке получили возмездіе за это злодѣйство, хоть нѣсколько и косвеннымъ образомъ. Подъ вліяніемъ слишкомъ ужь дерзкаго и наглаго разгрома нашей усадьбы, озлобленіе и ненависть населенія противъ нихъ начали проявляться даже въ совершенно открытой формѣ, тѣмъ болѣе притомъ разгораясь, чѣмъ болѣе пытались устрашить крестьянъ жестокими карами. Дѣло, наконецъ, приняло настолько угрожающій характеръ, что оба брата Энке, несмотря даже на полицейскую ихъ охрану, вынуждены были прятаться отъ людей, вести совершенно затворническую жизнь—и покончили самоубійствомъ.

Но я невольно ушелъ нѣсколько впередъ, уклонившись отъ цѣли разсказа, къ которому и возвращаюсь теперь.

Къ наступленію ночи того дня, о которомъ идетъ рѣчь, наша семья была буквально на улицѣ, безъ крова, окончательно разоренная и начисто ограбленная. Но обездоленная помѣщичьею злобою и местью, семья была укрыта крестьянскимъ доброжелательствомъ и милосердіемъ, укрыта, несмотря даже на угрозы и гнѣвъ обезумѣвшихъ отъ мести помѣщиковъ. Я никогда не забуду, какимъ радушнымъ, отраднымъ показался мнѣ, послѣ ужаснаго дня, пріютъ въ убогой крестьянской избѣ, въ которую я впервые попалъ въ своей жизни.

Такимъ-то образомъ и потянулось все мое дѣтство, до времени поступленія въ школу, среди крестьянъ, при совершенно деревенской

обстановкѣ. Жизнь крестьянъ какъ бы соприкасалась съ жизнью моей семьи, и я невольно въ деталяхъ наблюдалъ изо дня въ день всѣ ужасы крѣпостнаго права въ самой злѣйшей его формѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я былъ такъ счастливъ, что мнѣ пришлось быть и свидѣтелемъ нарожденія гражданской жизни у этихъ несчастныхъ людей, доведенныхъ до скотскаго отупѣнія и послѣдней степени безнадежности. Мнѣ даже пришлось принимать и нѣкоторое личное участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, въ призывѣ къ гражданской жизни этихъ людей, даже боявшихся думать и въ молитвахъ просить о какомъ бы то ни было улучшеніи.

Этотъ «призывъ»—чрезвычайно свѣтлая и отрадная полоса во всей вообще внутренней нашей жизни; но все величіе и могущество этого поистинѣ безсмертнаго дѣянія въ культурномъ отношеніи положительно нигдѣ не проявлялось такъ характерно и сильно, какъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, именно въ виду разъясненныхъ уже выше, исключительно неблагопріятныхъ условій положенія тамъ сельскаго населенія.

III.

Участіемъ въ дѣятельности по освобожденію крестьянъ я обязанъ бывшему моему школьному учителю, Матвѣю Ивановичу Красавицкому, человѣку замѣчательному во всѣхъ отношеніяхъ. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, я долженъ хоть бѣгло очертить свое школьное время. Эта, такъ сказать, по-рубежная полоса между двумя, несоизмѣримо различными между собою, эпохами представляетъ совершенно специфическую особенность въ Сѣверо-Западномъ краѣ, не зная которой, вовсе даже невозможно будетъ понять всей знаменательности перехода въ этомъ краѣ отъ ужаснѣйшаго крѣпостнаго состоянія къ мирному, благополучному и даже довольно благоустроенному по-реформенному состоянію сельскаго населенія.

Характеризуя въ самыхъ общихъ чертахъ свою школьную пору, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, хоть отчасти введу читателей въ сферу тѣхъ бытовыхъ и общественныхъ условій, при которыхъ совершился въ Сѣверо-Западномъ краѣ великій актъ освобожденія крестьянъ.

Въ виду сиротства, я былъ казеннымъ ученикомъ, учился на казенный счетъ. Какъ сыну священника, мнѣ пришлось учиться въ бурсѣ. Безцвѣтно, безсодержательно прошли годы ученія въ Витебскомъ духовномъ училищѣ. Но все же эта бурса совсѣмъ не походила на «Бурсу» Помяловскаго. Плохо насъ кормили, грязновато держали,

бѣдно одѣвали, слишкомъ скученно помѣщали въ классахъ, спальняхъ и столовой; но даже мы, дѣти, сознавали, что это обусловливается не чьимъ-либо желаніемъ обидѣть, обсчитать насъ, а именно скудостью матеріальныхъ средствъ заведенія. Это мирило насъ со всѣми невзгодами нашего школьнаго существованія: и съ холодомъ, и съ тѣснотою, и съ недостачами въ обуви, бѣльѣ, одеждѣ, учебныхъ пособіяхъ и проч.

Помню, напримѣръ, такой случай. Посѣтилъ бурсу какой-то важный господинъ изъ питерскихъ и съ перваго же шага началъ хаять заведеніе, дѣйствительно не представлявшее ничего хорошаго. Смотритель и инспекторъ, сопровождавшіе его, молча выслушивали замѣчанія. Вотъ, наконецъ, входятъ они въ столовую, гдѣ въ то время обѣдали мы, учащіеся. Посѣтитель подходитъ къ одному изъ сравнительно взрослыхъ уже учениковъ, беретъ у него ложку и пробуетъ супъ.

— Нуу!?—многозначительно обращается посѣтитель къ ученику.— Какъ ты находишь?

— По-моему, ѣсть можно,—увѣренно отвѣтилъ тотъ, хоть супъ былъ особенно плохъ.

— А по-моему, такъ это—помои!—рѣзко отвѣтилъ посѣтитель.

— Что жъ дѣлать, если лучше нельзя?—возразилъ мальчикъ.

— Ты почему же это знаешь?—удивился посѣтитель.

— А старшіе изъ насъ дежурятъ по кухнѣ, и мы знаемъ, что насъ не обижаютъ,—убѣжденно говорилъ школьникъ.—Лучше не изъ чего... Мы очень бѣдны...

Посѣтитель былъ сраженъ этимъ простодушнымъ объясненіемъ, ни слова не сказалъ, повернулся, вышелъ и вскорѣ же уѣхалъ изъ училища.

Преподавателей, какъ на подборъ, можно назвать людьми хорошими, гуманными. Они насъ не обижали, обращались по-людски, но зато совсѣмъ не занимались нами и къ своимъ преподавательско-воспитательнымъ обязанностямъ относились спустя рукава. Мы вполнѣ были предоставлены самимъ себѣ. Учился, строго говоря, только тотъ, кто хотѣлъ, и учились, вообще говоря, другъ около друга, лишь съ нѣкоторою помощью учителей.

Въ общемъ же, насъ не угнетали, не притѣсняли, не старались подогнать подъ одну мѣрку, а предоставляли каждому свободно рости и развиваться, какъ онъ можетъ. Когда я, впослѣдствіи, прочиталъ «Бурсу» Помяловскаго, я не сразу даже повѣрилъ въ возможность существованія такого заведенія. Такъ существенна, во всѣхъ отношеніяхъ, была разница между тѣмъ заведеніемъ, гдѣ я учился, и тѣмъ, которое описано Помяловскимъ. Тѣмъ не менѣе, вполнѣ сознательное отношеніе къ ученію проявилось лишь съ переходомъ въ семинарію, чѣмъ учащіеся прежде и больше всего обязаны были именно М. И.

Красавицкому, какъ даровитѣйшему учителю и замѣчательно хорошему человѣку. Но сначала нѣсколько словъ о семинаріи и семинаристахъ, что̀ не лишено значенія для той эпохи.

Семинарія эта, въ ту по крайней мѣрѣ пору, когда я учился, очень выгодно отличалась отъ всего того, что̀ обыкновенно принято думать и говорить объ этого рода заведеніяхъ. И на этомъ нельзя не остановиться, какъ на характерномъ и поучительномъ явленіи даже въ общей исторіи нашего русскаго школьнаго дѣла.

Года за два до моего поступленія въ семинарію, она была переведена изъ города Полоцка въ городъ Витебскъ, продолжая, однако, называться «Полоцкою», какъ называется и самая епархія. Зданіе семинаріи находится въ самой лучшей части города, на возвышенномъ лѣвомъ берегу Западной Двины, въ мѣстности, бывшей въ ту пору излюбленной для прогулокъ отборной городской публики, по бульвару у семинаріи, откуда открывается роскошный видъ. Часть города на противоположномъ правомъ берегу и прилегающіе къ городу поля, луга и лѣса, на много верстъ,—все это—какъ на ладони съ бульвара, а тѣмъ болѣе—изъ оконъ семинаріи.

Переводъ семинаріи произвелъ замѣтно благопріятное впечатлѣніе въ городѣ. Прежде всего, семинаристы оказались скромными, благовоспитанными, а главное — веселыми людьми. Они хорошо пѣли духовныя и свѣтскія пѣсни, да, кромѣ того, имѣли и недурной оркестръ. Въ свободное отъ занятій время, кромѣ, конечно, великопостныхъ дней, въ семинаріи обязательно происходили пѣніе, музыка и плясъ. Это привлекало всегда къ зданію семинаріи громадныя толпы гуляющихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, городское общество обратило вниманіе на семинаристовъ и какъ на проповѣдниковъ. Въ праздничные дни воспитанники старшаго класса расходились по приходскимъ городскимъ церквамъ для произнесенія проповѣдей или по назначенію семинарскаго начальства, или добровольно. И, надо правду сказать, что проповѣди семинарскихъ юнцовъ въ ту пору, серьезно продуманныя, старательно обработанныя и недурно, по указаніямъ учителей, произнесенныя, не проходили незамечанными въ городѣ. Что же касается проповѣдей, произносимыхъ учащими и учащимися въ своей домашней церкви, то онѣ нерѣдко даже заставляли говорить о себѣ въ мѣстномъ обществѣ. Это обстоятельство, въ связи съ превосходнымъ пѣніемъ, привлекало въ скромную, уютную семинарскую церковь самую избранную губернскую публику, не скупившуюся обыкновенно выражать свои симпатіи семинаріи и семинаристамъ.

Такъ это было не только на первыхъ порахъ послѣ перевода семинаріи въ губернскій городъ, но и во все время ученія моего въ семинаріи, т. е. до 186 года. Въ противность тому, что обыкновенно при-

ходилось и приходится читать и слышать о духовныхъ семинаріяхъ и ихъ питомцахъ, я, на основаніи только того, что лично самъ видѣлъ и пережилъ, считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что мѣстное общество относилось къ семинаристамъ съ большою симпатіею и уваженіемъ; что первенствующую роль играла отнюдь не гимназія, а семинарія, самое зданіе которой, къ слову сказать, совсѣмъ заслоняло собою находившееся по сосѣдству съ нимъ зданіе гимназіи, остававшееся совершенно незамѣтнымъ.

Указанное отношеніе общества оправдывалось и поведеніемъ семинаристовъ. Они, вообще, пользовались большою свободою. Не только по праздникамъ, но и въ будни свободно разгуливали по городу, кому то нужно было, хоть до поздней ночи,—и никогда ни малѣйшихъ недоразумѣній по этому поводу, ни тѣни какихъ-либо претензій и жалобъ со стороны губернской администраціи и полиціи. Для характеристики семинарскихъ нравовъ, можно указать, между прочимъ, на слѣдующій, довольно характерный фактъ. Непосредственно за каменною оградою семинарскаго двора находилось зданіе гимназіи, выходившей окнами верхняго яруса на семинарскій дворъ. Такимъ образомъ, семинарія и гимназія стояли прямо окнами другъ къ другу, будучи отдѣлены лишь обширнымъ семинарскимъ дворомъ. Этотъ дворъ давалъ возможность семинаристамъ развернуться въ играхъ, и тамъ зимою и лѣтомъ происходили оживленнѣйшія игры. Это въ высшей степени интересовало гимназистовъ, которые, обыкновенно, не только биткомъ набивались въ окна гимназіи, но и вплотную облѣпляли каменный заборъ семинарскаго двора. И это рѣшительно никогда не подавало ни малѣйшаго повода къ какой-либо недостойной выходкѣ, оскорбительному замѣчанію или грубому слову, вообще, къ столкновенію.

Такое поведеніе семинаристовъ обусловливалось разумною постановкою всей вообще учебно-воспитательной системы, дѣлавшей это заведеніе безспорно хорошимъ разсадникомъ средняго образованія. Кромѣ того, разсадникъ этотъ оказалъ еще и цѣнную услугу губерніи въ описанную мною пору. Какъ было уже указано выше, ополяченіе всего Сѣверо-Западнаго края, въ томъ числѣ и Витебской губерніи, имѣло повальный характеръ. Во второй, напримѣръ, половинѣ 50-ыхъ годовъ почти во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ былъ безусловно польскій. Я помню, напримѣръ, какъ мой дядя, по матери, и мой старшій братъ, состоявшіе на гражданской службѣ въ разныхъ учрежденіяхъ, вынуждены были начать понемногу подучиваться польскому языку. Это вызывало большое негодованіе съ ихъ стороны, тѣмъ болѣе же со стороны дяди, какъ человѣка, имѣвшаго уже за 50-тъ лѣтъ; тѣмъ не менѣе, оба они считали невозможнымъ не подучиваться по-польски, изъ опасенія не только потерять

занимаемыя ими служебныя мѣста, но и вовсе не найти себѣ никакой казенной службы. Такое насиліе надъ русскими людьми продѣлывалось удивительно ловко и тонко,—въ видѣ дружескихъ совѣтовъ, попрековъ въ шутку, но ни въ какомъ случаѣ не въ формѣ требованій и приказаній. Тѣмъ не менѣе, непослушнымъ къ этимъ, повидимому, мягкимъ «совѣтамъ» и совсѣмъ безобиднымъ «попрекамъ» прямо-таки приходилось бросать службу. Поляки же, съ своей стороны, проявляли, наоборотъ, глубочайшее невѣдѣніе русскаго языка, которое, явно усиливаясь, быстро дошло до полной неспособности поляковъ объясняться по-русски хотя бы даже съ тѣми самыми русскими, съ которыми они раньше вмѣстѣ росли, играли, учились и служили. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со стороны поляковъ все настойчивѣе проявлялось стремленіе къ явному осмѣянію, преслѣдованію и угнетенію рѣшительно всего русскаго, начиная съ рѣчи и пѣсни и кончая костюмомъ, образомъ жизни, религіею и проч.

Семинарія служила серьезнымъ и существеннымъ противовѣсомъ ополяченію. Въ этой роли она особенно замѣтно проявила себя именно послѣ перевода въ Витебскъ, потому что это обстоятельство—какъ будетъ объяснено ниже—послужило ей поводомъ и даже толчкомъ выдвинуться на весьма видное мѣсто. Это учебное заведеніе, совершенно чуждое по духу хоть чего-нибудь, напоминающаго религіозную и племенную вражду и рознь, именно въ силу здравой, цѣлесообразной постановки учебнаго курса, имѣло настолько сильное и раціональное обрусительное вліяніе, что, напримѣръ, дѣти завзятыхъ уніатовъ, въ домахъ которыхъ разговорнымъ языкомъ обязательно былъ только польскій, пройдя черезъ семинарію, становились сознательными, убѣжденными русскими. Несмотря на знаніе многими изъ учащихся польскаго языка и полное отсутствіе запрещенія говорить по-польски, въ стѣнахъ семинаріи, однако, никогда не раздавалось ни одного польскаго слова. Короче говоря, семинарія имѣла явно и благотворно-обрусительное вліяніе чисто воспитательнаго характера—какъ по своему воздѣйствію на мѣстное общество, такъ и еще болѣе потому, что выпускаемое семинаріею духовенство было сознательно русское и православное, не способное уже, подобно его предшественникамъ, колебаться въ ту или другую сторону, подъ вліяніемъ какой-либо случайности.

IV.

Такая опредѣленность и выдержанность въ постановкѣ семинаріи обусловливалась прежде всего тѣмъ, что слишкомъ еще свѣжа была память о Полоцкой іезуитской коллегіи, славившейся по своей учебно-

воспитательной постановкѣ на громадный районъ. Духовная семинарія въ Полоцкѣ возникла, такъ сказать, прямо-таки на развалинахъ этой коллегіи и даже была помѣщена въ зданіяхъ, принадлежавшихъ раньше іезуитамъ. Такимъ образомъ, передъ этимъ вновь возникшимъ учебнымъ заведеніемъ были вполнѣ опредѣленныя задачи, какъ-то: борьба съ католицизмомъ, слишкомъ ужь посягавшимъ на исконныя здѣсь права православія; уничтоженіе вредныхъ послѣдствій уніи; внѣдреніе русской національности въ этомъ исконно-русскомъ краѣ въ сознаніи духовенства, общества, а затѣмъ—и массы населенія. Даже и въ ту пору, когда я учился, указанныя задачи выставлялись на видъ учащимся, съ обращеніемъ еще вниманія ихъ на борьбу съ расколомъ и съ поясненіемъ, что отъ православнаго священника требуется не только хорошее богословское образованіе, но и солидное общее образованіе и развитіе; что, по самому роду своей дѣятельности, онъ, прежде всего, долженъ хорошо владѣть устнымъ словомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — быть человѣкомъ общественнымъ и общительнымъ, всесторонне понимать жизнь и людей.

Именно изъ желанія помочь этому, въ учебный курсъ духовныхъ семинарій были между прочимъ включены, какъ обязательные и слѣдующіе предметы: медицина, сельское хозяйство и еврейскій языкъ. Конечно, въ тѣхъ семинаріяхъ, въ которыхъ не желали или не умѣли работать, названные предметы были слишкомъ ужь тяжелымъ балластомъ; въ другихъ же, наоборотъ, извлекалась несомнѣнная польза и изъ преподаванія этихъ предметовъ, которые вовсе и не отодвигались даже на задній планъ.

Къ указанному общему, опредѣленному въ идейномъ отношеніи направленію описываемаго мною заведенія, въ ту пору, когда я вступилъ въ него (т. е. въ исходѣ 50-ыхъ годовъ), прибавился еще общій высокій духовный подъемъ во всей русской жизни, а тѣмъ болѣе—въ школьномъ дѣлѣ. Это было время, когда идеалъ учителя въ Россіи былъ особенно ясенъ, чистъ и высокъ.

Вотъ предо мною сейчасъ, какъ живая, вся обширнѣйшая панорама почти пятилѣтняго моего пребыванія въ семинаріи. Я придирчиво всматриваюсь въ эти сотни человѣческихъ лицъ и тысячи всевозможныхъ положеній, вдумываюсь въ нихъ, усиленнѣйшимъ образомъ напрягаю свою память и воображеніе, чтобы отыскать что-нибудь мрачное, непріятное... Ради простой добросовѣстности и точности описываемаго, я давно уже роюсь въ этой области моего прошлаго, не часами, а цѣлыми днями перебираю его все вновь и вновь, — но съ полною увѣренностью говорю, что ни въ общемъ распорядкѣ и складѣ семинарской жизни, ни въ ходѣ занятій, ни въ отношеніяхъ къ учащимъ, учащимся и начальствовавшимъ—я не нахожу буквально ничего не-

пріятнаго или отталкивающаго, чего бы можно было стыдиться, или о чемъ бы можно было сожалѣть. Напротивъ, чѣмъ болѣе всматриваюсь я и вдумываюсь въ этотъ ранній періодъ моего прошлаго, тѣмъ болѣе исполняюсь признательности къ этимъ годамъ пробужденія перваго юношескаго сознанія, благословляя вмѣстѣ съ тѣмъ и память моихъ честныхъ, достойныхъ учителей!..

Съ той поры, какъ я вполнѣ сознаъ себя и установился въ своихъ воззрѣніяхъ, я неоднократно испытывалъ потребность публично высказать слово благодарности моей родной семинаріи и людямъ, учившимъ меня—въ отвѣтъ на огульное порицаніе и обвиненіе семинарій и семинаристовъ. Но именно эта огульность и шаблонность обвиненія обезоруживали меня. Очень радъ, что, набрасывая эти строки, я, наконецъ, исполняю давнее нравственное обязательство передъ своимъ прошлымъ и передъ людьми, память которыхъ я искренно чту.

Я видывалъ на своемъ вѣку немало самыхъ разнообразныхъ учебныхъ заведеній, а во многихъ изъ нихъ и самъ преподавалъ; я на практикѣ знакомъ съ самыми разнообразными системами обученія и воспитанія; я издавна знаю обширнѣйшій кругъ лучшихъ русскихъ педагоговъ, — и именно все это, взятое вмѣстѣ, еще болѣе обязываетъ меня къ указанной «признательности»... Впрочемъ, буду подтверждать все фактами.

Я поступилъ въ семинарію 14-ти лѣтъ, т. е. почти въ дѣтскомъ еще возрастѣ, но дѣтство быстро соскочило съ меня. Хотя я былъ по возрасту однимъ изъ самыхъ младшихъ, но это не играло никакой существенной роли. Вообще, я долженъ замѣтить, что о школьномъ деспотизмѣ велико-возрастныхъ надъ малышами я имѣю понятіе почти по наслышкѣ. Даже въ бурсѣ почти вовсе не было угнетенія большими учениками малыхъ, а въ семинаріи и быть уже не могло ничего подобнаго. Тамъ былъ особый, бодрящій духъ, обязывавшій вмѣстѣ съ тѣмъ каждаго и всѣхъ къ порядочности.

Переступивъ порогъ заведенія и проведя тамъ нѣсколько часовъ, учащійся начиналъ чувствовать себя словно дома. Начальства совсѣмъ не видно, и все дѣлается какъ бы само собою. Жизнь сложнаго заведенія управлялась совершенно незамѣтнымъ для посторонняго глаза механизмомъ самоуправленія учащихся, заслуживающимъ вниманія.

Заведеніе раздѣлялось на три класса или отдѣленія, съ двугодичнымъ курсомъ въ каждомъ: низшее, среднее и высшее отдѣленія. Изъ лучшихъ учениковъ высшаго отдѣленія назначали, такъ называемыхъ, «старшихъ», отъ 2 до 4 на классъ, глядя по количеству учащихся. «Старшіе» были отвѣтственны за ввѣренный имъ классъ. Они были вмѣстѣ съ нимъ и въ столовой, и въ спальнѣ, и во время вечернихъ занятій, когда приготовляли уроки. Кромѣ того, одинъ изъ

«старшихъ» назначался дежурнымъ по заведенію на цѣлую недѣлю. Это—большая, почетная, но очень отвѣтственная должность. Недѣльный «старшій» являлся фактическимъ администраторомъ по всему заведенію въ теченіе цѣлой недѣли, не только днемъ, но и въ ночное время. Онъ безъ зова, по мѣрѣ надобности, обращался къ начальству заведенія, слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ установленнаго распредѣленія дня, наблюдалъ за продовольствіемъ учащихся, за порядкомъ, уборкою и чистотою во всемъ заведеніи и проч. Словомъ, это былъ полновластный хозяинъ, дозорецъ и распорядитель, дѣйствовавшій за свой страхъ и рискъ во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, но дававшій, однако, строгій отчетъ во всемъ начальству заведенія. Раздача обуви, бѣлья и одежды, отправленіе купаться или въ баню, прогулки за городъ зимою и лѣтомъ, хожденіе въ церковь свою или какую-либо изъ городскихъ—все это дѣлалось съ вѣдома, по распоряженію «старшаго» и непремѣнно подъ личнымъ его наблюденіемъ.

«Старшій» былъ въ отвѣтѣ передъ начальствомъ рѣшительно за все, не исключая даже доброкачественности продовольствія. Вступая въ дежурство, «старшій» прежде всего долженъ былъ составить росписаніе для продовольствія воспитанниковъ въ теченіе цѣлой недѣли. Экономъ только сообщалъ, сколько именно и какого продукта отпускается на недѣльное продовольствіе; распредѣлить же всю эту массу по днямъ, облечь ее въ форму разнообразныхъ блюдъ для завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ — было уже дѣломъ труда дежурныхъ старшихъ. Имъ даже предоставлялось при этомъ замѣнять одни продукты другими въ соотвѣтствующемъ количествѣ. Это было благоразумно въ томъ отношеніи, что давало возможность, при составленіи недѣльнаго росписанія, сообразоваться съ желаніемъ и вкусомъ продовольствуемыхъ и весьма значительно разнообразить питаніе. Росписаніе, составленное и скрѣпленное «старшимъ», подписывалось ректоромъ заведенія и экономомъ, выставлялось для всеобщаго свѣдѣнія и затѣмъ не могло ужъ подлежать никакому измѣненію. Въ помощь къ недѣльному «старшему», ежедневно назначалось еще по два дежурныхъ для столовой и кухни. На ихъ обязанности лежалъ пріемъ провизіи изъ кладовой эконома, досмотръ за цѣлостью и соотвѣтствующимъ употребленіемъ ея на кухнѣ, а равно—и за подаваніемъ на столъ. И продовольствіе, въ общемъ, было вполнѣ добропорядочное.

Непривычному человѣку можетъ, пожалуй, казаться, что описанный порядокъ долженъ вести въ концѣ концовъ къ безпорядку и безначалію; на дѣлѣ же оказывался безусловный порядокъ, какого только можно желать въ многолюдномъ заведеніи, наполненномъ учащимися самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, отъ 14-ти и старше даже 25-ти лѣтъ. Хотя каждый учащійся былъ какъ бы предоставленъ самому себѣ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ онъ сразу же сознавалъ, что у него есть обязанности въ отношеніи себя и другихъ, что въ заведеніи есть общій порядокъ, за который отвѣтственъ каждый и всѣ. Это чувствовалось само собою, безъ всякихъ инструкцій и правилъ, передавалось новичкамъ полусловами, полунамеками, нерѣдко даже простымъ взглядомъ и мимикой,—и они сразу входили въ общую колею школьной жизни, не внося обыкновенно никакого диссонанса. Въ общемъ же, при полномъ ощущеніи непринужденности каждымъ и всѣми, какъ во время отдыха, такъ и при занятіяхъ, не нарушался порядокъ, въ смыслѣ скромности, благопристойности, благовоспитанности. Весь режимъ заведенія, поддерживая свободное, бодрое, даже веселое настроеніе учащихся, вмѣстѣ съ тѣмъ не давалъ мѣста ничему разгульному, распутному, позорному, безчестному. Эти язвы, столь обычныя въ другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, рѣшительно не прививались у насъ вовсе не потому, чтобы порядки были слишкомъ строги, а именно потому, что ихъ не допускали самые нравы заведенія. Это послѣднее, будучи de jure закрытымъ, de facto держало себя вполнѣ открытымъ—для каждаго даже посторонняго посѣтителя.

Для характеристики нравовъ, не лишне, между прочимъ, отмѣтить слѣдующій фактъ. Семинарская церковь была излюбленнымъ мѣстомъ воспитанницъ мѣстнаго женскаго образцоваго пансіона, такъ-что онѣ нерѣдко даже и говѣли тамъ. Это продолжалось въ теченіе многихъ лѣтъ, не давъ ни малѣйшаго повода къ какому бы то ни было недоразумѣнію. Правда, окончившіе курсъ семинаріи нерѣдко женились на бывшихъ воспитанницахъ образцоваго пансіона; но это обстоятельство дѣлало, конечно, только честь обоимъ заведеніямъ.

Само собою разумѣется, что охарактеризованный режимъ заведенія требовалъ, прежде всего, здравой, содержательной системы обученія, чѣмъ онъ исключительно и могъ держаться. Къ этой именно сторонѣ дѣла мы и обратимся теперь.

V.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ, центромъ, душою всего учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріи былъ Матвѣй Ивановичъ Красавицкій. Въ качествѣ преподавателя русской литературы и словесности, онъ давалъ тонъ и направленіе не только собственно преподавательской дѣятельности, но и всей жизни заведенія. Черезъ его школу прошелъ длинный рядъ поколѣній, и въ ихъ рядахъ вовсе нѣтъ такихъ, которые не

преклонялись бы передъ памятью этого прекраснѣйшаго учителя и замѣчательнаго человѣка.

Это былъ высокій русскій патріотъ самой «чистой воды», даровитый и увлеченный педагогъ, широко-образованный, гуманнѣйшій человѣкъ наилучшаго направленія и образа мыслей. Беззавѣтно преданный учебно-воспитательной дѣятельности, всегда заваленный работою въ этомъ отношеніи, онъ однако не засохъ, не зачерствѣлъ на ней. Какъ натура разносторонне одаренная и поэтическая, онъ обладалъ большимъ пониманіемъ въ музыкѣ и пѣніи, самъ нѣкоторое время управлялъ семинарскимъ пѣвческимъ хоромъ и много способствовалъ образованію въ семинаріи вокальнаго и инструментальнаго хоровъ. Наконецъ, какъ человѣкъ разносторонне свѣдущій и живо интересовавшійся ходомъ и направленіемъ жизни, онъ не оставался пассивнымъ свидѣтелемъ ея, а, пользуясь правомъ церковнаго проповѣдника, смѣло, дѣльно, съ большимъ ораторскимъ талантомъ, выступалъ съ церковной каѳедры честнымъ, безпристрастнымъ истолкователемъ и обличителемъ разнаго рода недостатковъ въ общественной жизни.

Проповѣдническая слава его распространялась на всю губернію. Почти каждая проповѣдь его съ церковной каѳедры вызывала жалобы, замѣчанія и выговоры, но онъ неуклонно шелъ своею дорогою, будучи однако въ положеніи явно опальнаго. Тѣмъ не менѣе именно ему, какъ опытному и прославленному проповѣднику, было поручено говорить съ церковной каѳедры и по поводу такого торжественнаго событія, какъ освященіе зданія семинаріи и открытія ея въ Витебскѣ. И онъ, что называется, превзошелъ самого себя, сказавъ дѣйствительно «соотвѣтствовавшее случаю слово». Въ виду присутствія на торжествѣ губернской администраціи и мѣстной знати, онъ мастерски нарисовалъ правдивую картину угнетенія въ краѣ православія и русской народности и, затѣмъ, набросалъ смѣлую, увлекательную программу задачъ и цѣлей открываемаго заведенія, въ смыслѣ обязательнаго насадителя и распространителя въ краѣ русской гражданственности. Это была «громовая проповѣдь», — какъ её называли тогда. Насколько она поразила всѣхъ безпощадною смѣлостью обличенія, настолько, наоборотъ восхитила и увлекла совсѣмъ новою программою свѣтлаго, симпатичнаго гражданскаго служенія, при содѣйствіи вновь возникшаго учрежденія, на пользу общую.

Этотъ богатырь тѣломъ и душою, съ громовымъ голосомъ, буквально потрясъ до глубины души все присутствовавшее на торжествѣ губернское общество. Въ экстазѣ искренняго патріотическаго увлеченія, онъ плакалъ во время проповѣди; плакали вмѣстѣ съ нимъ и присутствовавшіе.

Мнѣ было тогда около 12-ти лѣтъ; я тоже случайно, по наряду отъ

школы, присутствовалъ на этомъ торжествѣ. Конечно, я пишу теперь объ этомъ не по однимъ только дѣтскимъ своимъ наблюденіямъ, но и по тому еще, что впослѣдствіи пришлось слышать объ этомъ, между прочимъ, и отъ самого М. И. Красавицкаго. Однако, я самъ видѣлъ во время проповѣди слезы на глазахъ архіерея и губернатора. Въ «огородъ» ихъ мужественно былъ брошенъ ораторомъ цѣлый градъ «камней», но даже и это все-таки не помѣшало имъ увлечься прекрасною программою гражданскаго обновленія края, пламенно и художественно начертанной вдохновеннымъ и даровитымъ ораторомъ-патріотомъ.

Такъ смѣло, по личному своему почину намѣтивъ задачу и цѣль новаго разсадника просвѣщенія, М. И. Красавицкій, какъ левъ, ринулся осуществлять ее. Чтобы поддержать и укрѣпить въ мѣстномъ обществѣ брошенную мысль, онъ опять произнесъ одну за другою нѣсколько проповѣдей то въ семинарской церкви, то въ каѳедральномъ соборѣ. Семинаристы же въ свою очередь, по его указаніямъ и руководству, дѣлали то же въ другихъ городскихъ церквахъ. И общество, дѣйствительно, овладѣло новою для него идеею относительно задачъ и цѣлей возникшаго заведенія. Общество поняло и живо почувствовало съ такою прямотою и искренностью брошенный ему упрекъ въ безшабашномъ полякованіи, полномъ забвенія объ интересахъ государственной церкви и русской народности. Испытанное по этому поводу обществомъ раскаяніе и стыдъ какъ нельзя болѣе помогли вновь открывшемуся заведенію благополучно занять такъ умно и кстати указанное ему почетное и симпатичное мѣсто,—что̀ уже разъяснено выше.

Въ виду указаннаго факта, не трудно понять особенно сильное вліяніе М. И. Красавицкаго въ средѣ своего заведенія, тѣмъ болѣе, если принять еще во вниманіе его высокую педагогическую даровитость, горячую любовь къ преподаваемому имъ предмету и превосходное знаніе его. Съ необыкновеннымъ мастерствомъ овладѣвалъ онъ вниманіемъ той разно-возрастной аравы, которая поступала къ нему, съ разною степенью подготовки, но вообще—не развитая, неумѣющая излагать своихъ мыслей ни устно, ни письменно, въ громадномъ же большинствѣ случаевъ—даже и безграмотная. Казалось бы, что о преподаваніи такому сброду словесности и думать нечего; но проходили недѣли, много мѣсяцъ—и арава начинала перерождаться въ молодыхъ людей, пытающихся уже мыслить, интересоваться, спорить...

Вотъ какъ происходила эта перемѣна. Преподаватель на первыхъ порахъ всей грудью налегалъ на диктовки и самостоятельныя работы учениковъ въ классѣ и внѣ класса. Тутъ во всей наготѣ выступали и грамматическія погрѣшности учениковъ, и плохое ихъ развитіе. Умѣлый, необычайно оживленный разборъ этихъ сочиненій въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніи, увлекавшій весь классъ, поневолѣ

развязывалъ языки и самымъ непривычнымъ къ бесѣдѣ юнцамъ, которымъ, хотя бы даже и противъ ихъ собственной воли, приходилось шевелить мозгами, ввиду общности классной работы, живости, новизны ея и интереса. Попутно съ этимъ, исподоволь начиналось и теоретическое преподаванiе словесности, въ видѣ естественнаго перехода къ ней отъ грамматики и разбираемыхъ сочиненiй. Вся эта работа одухотворялась, получала особенное содержанiе и смыслъ при содѣйствiи еще замѣчательно удачнаго выбора для чтенiя въ классѣ произведенiй русскихъ классическихъ писателей, по истинѣ художественнаго ихъ прочтенiя самимъ учителемъ и прекрасныхъ бесѣдъ по поводу прочитаннаго. Это не было обсужденiе произведенiй въ художественномъ ихъ значенiи, а пока—лишь просто бесѣды по поводу прочитаннаго какъ съ цѣлiю уясненiя содержанiя его, такъ и еще болѣе—для прiученiя питомцевъ шевелить мозгами, вдумываться въ самихъ себя и въ окружающую жизнь.

Эта живая работа очень сильно захватывала юныхъ учащихся, и передъ ними постепенно, во всей ясности, обрисовывался величавый нравственный обликъ учителя, съ широкимъ и свѣтлымъ умомъ, честною, благородною и возвышенною душою,—какимъ, дѣйствительно, и былъ М. И. Красавицкiй всегда и во всемъ.

Даже и фигура его отвѣчала этимъ высокимъ душевнымь качествамъ. Это былъ рослый, хорошо сложенный мужчина, съ большою головою на широкихъ плечахъ и роскошною копною темныхъ, волнистыхъ волосъ, непослушныхъ гребню и всегда поэтически растрепанныхъ. Гладко выбритое лицо его, съ сильно выдающимися скулами, большимъ, толстымъ, книзу расширеннымъ носомъ, не имѣло ни одной правильной черты; но громадный лобъ мысомъ, съ сильно развитыми и подвижными надбровными дугами и большими, выразительными глазами, какъ бы пожиравшими васъ, придавали лицу вдохновенный видъ и невольно привлекали къ нему вниманiе. Сильный, звучный голосъ баритоннаго тембра довершалъ общее прiятное впечатлѣнiе. Прибавьте къ этому быструю, бодрую, развалистую походку, всегда бравый видъ, не богатую, но до изящества опрятную одежду,—и вамъ будетъ совершенно понятно, почему этотъ человѣкъ всегда и вездѣ обращалъ на себя вниманiе.

VI.

Главною задачею онъ ставилъ развитiе, мотивируя тѣмъ, что разъ учащiйся началъ развиваться, онъ уже не остановится въ этомъ, имѣя въ заведенiи необходимыя для того средства, а слѣдовательно—поста-

рается разыскать и воспринять всю ту сумму разнаго рода положительныхъ знаній, которая необходима для него. И этотъ взглядъ блистательно оправдывался въ дѣйствительности. Ученики, выдвинувшіеся по предмету Красавицкаго, были вообще лучшими по классу и успѣшно проходили послѣдующіе классы. Могущественнымъ же орудіемъ для развитія было чтеніе, которымъ онъ замѣчательно удачно пользовался. Обыкновенно уже черезъ мѣсяцъ-другой послѣ начала занятій, даже въ младшемъ классѣ почти вовсе не было учениковъ, которые не начали бы читать самостоятельно и не были бы увлечены этимъ. Если же и попадались въ видѣ исключенія такіе, то это были уже отпѣтые неудачники, которые, сами сознавая себя лишними, вскорѣ же и уходили по неспособности.

Важно было не только одно пріохочиваніе къ чтенію и хорошій выборъ его, но еще болѣе то обстоятельство, что чтеніе было направлено къ одновременному ознакомленію учащихся и съ тѣмъ, что есть лучшаго въ нашей литературѣ, и съ періодическою печатью. Несмотря на удовлетворительный составъ семинарской библіотеки, матеріальныя средства ея, однако, не позволяли выписывать все главнѣйшее, что было въ періодической печати. М. И. Красавицкій, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и библіотекаремъ, устраивалъ складчину, съ участіемъ всѣхъ желавшихъ изъ преподавателей и учениковъ. Платилъ, конечно, кто могъ, платили по грошамъ, но въ результатѣ, тѣмъ не менѣе, получалась такая сумма, что оказывалось возможнымъ выписывать буквально все лучшее, что было въ ту пору въ общей русской періодической печати: мѣсячной, недѣльной и ежедневной. Духовные же журналы, представлявшіе тогда немаловажный интересъ, выписывались на средства библіотеки.

Такимъ образомъ, было двѣ библіотеки: одна — такъ называемая «фундаментальная» (казенная) и другая — «своя», т. е. на подписныя суммы. Хоть и не всѣ платили, но пользовались книгами безразлично всѣ, съ одинаковыми даже правами, какія бы то ни были изданія, старыя и новыя. Получалось все это на имя Красавицкаго, и ужъ онъ распредѣлялъ, куда что. На все выдающееся немедленно обращалось вниманіе учащихся, такъ что все, сколько-нибудь замѣчательное, быстро становилось всеобщимъ достояніемъ, посредствомъ чтенія по классамъ во время перемѣнъ и по окончаніи уроковъ. То время было временемъ корифеевъ русской литературы: Тургенева, Гончарова, графа Л. Н. Толстаго, Щедрина, Некрасова, Плещеева, Достоевскаго, Григоровича и друг. свѣтилъ изящной литературы. Почти каждая книжка заключала въ себѣ что-либо выдающееся и читалась нарасхватъ. Въ случаѣ же появленія чего-либо особенно крупнаго, М. И. Красавицкій самъ читалъ или одному только младшему классу, препо-

давателемъ котораго собственно онъ и состоялъ, или всей семинаріи, сзывавшейся для этого торжественнаго случая въ рекреаціонный залъ.

Вся школьная атмосфера напитана была живымъ, разумнымъ, содержательнымъ, вызывавшимъ безпрерывный обмѣнъ мыслей, возбуждавшимъ, оживлявшимъ всѣ духовныя силы учащихся и направлявшимъ ихъ къ разумной дѣятельности. Въ высшей степени было благотворно это въ образовательно-воспитательномъ отношеніи, въ смыслѣ разносторонняго и облагораживающаго развитія юношества, заставляющаго серьезно относиться къ себѣ и другимъ, всматриваться и вдумываться во все окружающее, уясняя себѣ причинность и слѣдствіе.

Прекрасные результаты этого вліянія тѣмъ реальнѣе проявлялись и имѣли тѣмъ болѣе существенное значеніе, что въ указанной духовной работѣ принималъ участіе обширный товарищескій кругъ, и это само собою уже обусловливало оживленную разностороннюю переработку каждаго вопроса; кромѣ того, всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ М. И. Красавицкій—человѣкъ просвѣщенный, опытный, знающій юношескую душу и умѣющій руководить ею, направлять къ добру, правдѣ и самоусовершенствованію.

На чтеніе не было никакого запрета: каждый могъ читать, что угодно. Точно также не было запрета и на обсужденіе прочитаннаго: каждый могъ непринужденно говорить все, что онъ думаетъ, и предлагать какіе угодно вопросы. Эта именно свобода какъ нельзя лучше способствовала трезвому, правильному, естественному усвоенію прочитаннаго. Въ печати той поры встрѣчалось немало крайностей; тѣмъ не менѣе, благодаря умному, авторитетному руководству, происходило усвоеніе только разумнаго и здороваго; все же остальное сознательно отвергалось, иногда даже послѣ долгихъ споровъ и нравственной борьбы, но, тѣмъ не менѣе, отвергалось уже навсегда, какъ несомнѣнно непригодное.

Вліяніе М. И. Красавицкаго распространялось на всю семинарію. Разъ подпавъ подъ это благотворное руководство во время двухлѣтняго пребыванія въ младшемъ классѣ (какъ было сказано уже, весь курсъ семинарскаго ученія былъ тогда шестилѣтній, по два года въ каждомъ классѣ), учащіеся затѣмъ считали уже прямо-таки невозможнымъ для себя оторваться отъ него во все послѣдующее пребываніе въ семинаріи. И у него постоянно бывали безконечныя бесѣды съ воспитанниками старшихъ классовъ, какъ по поводу вновь прочитаннаго, такъ и по поводу ихъ сочиненій и проповѣдей, самаго «произнесенія» ихъ, выбора жизненной дороги и проч.

Въ качествѣ преподавателя и библіотекаря, М. И. Красавицкій значительную часть дня проводилъ въ семинаріи, тѣмъ не менѣе у него почти каждый день ученики бывали и на дому по самымъ разнообраз-

нымъ поводамъ. Кромѣ того, по праздникамъ онъ обязательно приглашалъ къ себѣ по очереди лучшихъ учениковъ всѣхъ классовъ, которыхъ обыкновенно принималъ просто, задушевно, по-домашнему, и очень радушно угощалъ. Обстановка его квартиры, какъ и одежда, отличалась замѣчательною опрятностью и изящною простотою. Квартира его производила особенно пріятное впечатлѣніе уютностью, вкусомъ и разумнымъ комфортомъ. Онъ былъ холостъ, но, повидимому, не тяготился одиночествомъ, всецѣло погруженный въ учебно-воспитательное дѣло, вникая во всѣ мелочи жизни обширнаго учебнаго заведенія и, прямо или косвенно, руководя всѣмъ его ходомъ.

Это былъ человѣкъ идеи, натура цѣльная, непосредственная, отдававшаяся дѣлу беззавѣтно, почему и успѣхъ его дѣла былъ поразителенъ. Я видывалъ на своемъ вѣку немало, можно сказать, даже виртуозовъ педагогическаго искусства, но между ними я не видалъ рѣшительно никого, кто могъ бы идти въ сравненіе съ великимъ и цѣльнымъ педагогомъ-человѣкомъ, гордымъ и сильнымъ своимъ призваніемъ и сознаніемъ важности и отвѣтственности учительскаго поста. И на этомъ скромномъ посту онъ умѣлъ быть настолько великимъ, что стоялъ несравненно даже выше всѣхъ тѣхъ, которые были выдвинуты общественнымъ положеніемъ на первое мѣсто.

VII.

Какъ личность сильная, явно главенствовавшая надъ остальнымъ составомъ преподавателей въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, М. И. Красавицкій, вообще говоря, не видѣлъ съ ихъ стороны ничего, кромѣ зависти однихъ и ненависти другихъ. Дѣйствительно, онъ давалъ себя чувствовать всѣмъ имъ. То развитіе и направленіе, которое онъ такъ властно сообщалъ всей семинарской молодежи, хорошо сознавали и чувствовали и всѣ другіе преподаватели по тѣмъ требованіямъ, которыя, по собственному почину, предъявлялись имъ учащимися. Это невольно заставляло ихъ подтягиваться, работать больше, чѣмъ они того желали бы, относиться къ дѣлу строже, добросовѣстнѣе, чѣмъ можно было бы по общеизвѣстному шаблону казенныхъ учебныхъ заведеній подобнаго рода.

Неудобенъ былъ Красавицкій и для собственно начальствовавшихъ лицъ. Извѣстное дѣло, какъ можетъ быть выгодно прокормленіе хотя бы «одного воробья на казенный счетъ». Значитъ, хозяйничанье въ обширномъ заведеніи, да притомъ все еще продолжавшемъ застраиваться,

обзаводиться, могло бы быть просто «кладомъ», откуда можно было бы вдоволь поживиться весьма и весьма многимъ, дѣлясь между собою, безъ шума и крика, ко всеобщему удовольствію и сладостному прожиганію жизни. Но Красавицкій—тутъ, какъ тутъ. А его, вѣдь, не подкупишь! По мнѣнію хозяйничавшихъ, онъ—«какъ собака на сѣнѣ: ни самъ не беретъ, ни другимъ не даетъ». Да и зорокъ къ тому же: все знаетъ, за всѣмъ услѣдитъ, до всего допытается. Просто, житья нѣтъ любителямъ легкой и безчестной наживы отъ этого человѣка, чуть-что,—подавай ему оправдательные документы, справочныя цѣны, контракты и проч. Въ хозяйственномъ совѣтѣ семинаріи, онъ, какъ полноправный членъ его, былъ просто «нестерпимъ»: въ своихъ письменныхъ «запросахъ», «особыхъ мнѣніяхъ» и «запискахъ» онъ такъ-таки прямо и говорилъ: «прочетъ», «недочетъ», «расхищеніе», «злоупотребленіе» и т. под. Пробовали не обращать на это вниманія, разсчитывая на дружественное содѣйствіе мѣстнаго духовнаго начальства, которое, повидимому, пробовало было прятать такія непріятныя вещи подъ сукно. Но еще того хуже. Почтеннѣйшій М. И. Красавицкій придерется къ случаю да такъ отдѣлаетъ всѣхъ, кого слѣдуетъ, въ публичномъ словѣ, съ церковной каѳедры, что хоть сквозь землю проваливайся: глаза стыдно въ люди показать, потому, что такъ-таки, чуть не въ лицо, и называютъ «мошенниками», «ворами» и «казнокрадами»... А онъ не только публично «отдѣлаетъ», да потомъ еще и напечатаетъ все это въ какомъ-нибудь духовномъ журналѣ, а затѣмъ—и оттиски рѣчи распространитъ, не обходя при этомъ даже и «отдѣланныхъ» имъ лицъ... И ничего не подѣлаешь съ этимъ «неукротимымъ грубіяномъ»,—какъ его называли ненавистники,—потому что, хотя всѣ хорошо понимаютъ на мѣстѣ, о чемъ и о комъ именно идетъ рѣчь, но придраться нельзя: никто не названъ, все выражено иносказательно, въ строго-проповѣдническомъ тонѣ и духѣ, согласно церковнымъ установленіямъ на этотъ предметъ.

Вообще говоря, мѣстное духовное начальство ненавидѣло М. И. Красавицкаго, какъ человѣка неудобнаго, державшаго себя слишкомъ гордо, независимо. Начальство, какъ могло, показывало это ему, и весь подневольный людъ, особенно же сослуживцы Красавицкаго, сторонились его, какъ человѣка, завѣдомо-опальнаго. Такимъ образомъ, онъ, вообще говоря, стоялъ особнякомъ, въ сторонѣ отъ круга своихъ сослуживцевъ, ведшихъ въ большинствѣ замкнутую, поповско-мѣщанскую жизнь. Да Красавицкій и вовсе не подходилъ къ этому кругу ни въ какомъ отношеніи, а тѣмъ болѣе по образу мыслей, привычкамъ, манерамъ и проч.

Чѣмъ больше обнаруживалось, по тому или другому поводу, усиленіе отчужденности его отъ сослуживцевъ, тѣмъ ближе становился онъ къ питомцамъ, какъ бы торопясь цѣликомъ перелить въ нихъ свою чи-

стую, честную, горячую душу, преисполненную возвышенныхъ стремленій и надеждъ—на строго христіанскихъ началахъ, безъ чего-нибудь подобнаго насилію. И молодежь тѣсно сплачивалась около него въ такія минуты, сознавая, какъ дорогъ онъ ей и необходимъ. Вообще, мнѣ не случалось встрѣчать другаго примѣра такого высокаго и полнаго обаянія личности учителя, въ силу одного лишь своего нравственнаго авторитета, при безпощадномъ притомъ отношеніи ко всякимъ недостойнымъ проявленіямъ у своихъ питомцевъ, безъ различія старшаго или младшаго классовъ.

Наконецъ, враждебное отношеніе къ М. И. Красавицкому приняло и слишкомъ ужь опасную для него форму, вслѣдствіе одной его, очень смѣлой проповѣди. Вотъ, какъ это случилось.

То было очень тревожное, неспокойное время. Призракъ освобожденія крестьянъ болѣе и болѣе приближался. Это чувствовалось рѣшительно всѣми, а тѣмъ болѣе — помѣщиками. Такое предчувствіе приводило нѣкоторыхъ изъ нихъ положительно въ изступленное состояніе, по поводу даже малѣйшаго проступка или провинности со стороны крестьянъ самаго невиннаго свойства, въ видѣ, напримѣръ, мнимо-непочтительнаго поклона и т. под. Помѣщикамъ все казалось опаснымъ, зловѣщимъ, угрожающимъ. Желая отогнать этотъ докучливый призракъ, предупредить угрожавшую опасность, они буквально неистовствовали въ наказаніи крестьянъ, разсчитывая и с к о р е н и т ь и самую даже мысль о «волѣ». Это, въ свою очередь, доводило послѣднихъ до крайней степени озлобленія противъ помѣщиковъ, вслѣдствіе чего и происходило немало безпорядковъ. Въ виду такой крайне опасной обостренности отношеній, администрація держала себя по меньшей мѣрѣ несправедливо. Всѣ усилія ея сводились исключительно къ тому, чтобы такъ или иначе замять, затушевать безпорядки; о возстановленіи же справедливости, объ огражденіи поруганныхъ человѣческихъ правъ беззащитныхъ и безпомощныхъ крестьянъ—никому никакой заботы. Особенно неохотно вмѣшивалась администрація по жалобамъ крестьянъ, что́, въ свою очередь, еще больше осложняло и обостряло происходившіе безпорядки.

Толкамъ и пересудамъ въ обществѣ по поводу этихъ безпорядковъ не было конца. Слышался даже и ропотъ. Все это и заставило отозваться М. И. Красавицкаго на эту житейскую злобу съ церковной каѳедры. Въ пятницу на страстной недѣлѣ, въ каѳедральномъ соборѣ, послѣ выноса Плащаницы, онъ сказалъ превосходнѣйшую проповѣдь о «П и л а т а х ъ, у м ы в а ю щ и х ъ р у к и». Здѣсь онъ, со свойственнымъ ему мастерствомъ и страстностью, смѣло и горячо отозвался на тяготы, скорби и страданія простаго люда, призвавъ именемъ Церкви къ строгой отвѣтственности всѣхъ виновниковъ этого и давъ при этомъ достаточно понять, кто же именно эти виновники изъ власть имущихъ.

Здѣсь необходимо сдѣлать оговорку, что Красавицкій не просто пользовался церковною каѳедрою для обличенія, но былъ искреннимъ и увлеченнымъ ораторомъ, говорилъ всегда не иначе, какъ по вдохновенію, и пользовался церковнымъ ораторствомъ для обличительныхъ цѣлей совершенно согласно съ духомъ христіанскаго ученія и правилами православной церкви. Къ проповѣдничеству своему онъ относился чрезвычайно строго. Канунъ онъ проводилъ въ полномъ уединеніи, даже затворничествѣ. На церковную каѳедру выходилъ съ видомъ спокойнымъ, увѣреннымъ, безъ малѣйшихъ признаковъ волненія, но съ лицомъ постника, блѣднымъ, вдохновеннымъ.

Невообразимо сильное впечатлѣніе произвела эта его церковная рѣчь. Однихъ она поразила своею рискованною смѣлостью, другихъ же—сильно испугала. На М. И. Красавицкаго со всѣхъ сторонъ полетѣли доносы, какъ на человѣка, якобы, опаснаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и на семинарію, какъ на заведеніе, будто бы, неблагонадежное и вольнодумное, подъ вліяніемъ, конечно, Красавицкаго же. И вотъ прошелъ слухъ о закрытіи или переводѣ семинаріи, а затѣмъ, совершенно неожиданно, начали являться одинъ за другимъ ревизоры.

VIII.

Въ годичный, примѣрно, промежутокъ времени семинарію посѣтили три знаменитѣйшихъ ревизора: Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, этотъ великій цѣнитель и знатокъ русской народности и православія; литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, сдѣлавшій такъ много для освобожденіи нашей государственной церкви отъ уніи; наконецъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, Василій Николаевичъ Карповъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ философовъ.

Ю. Ѳ. Самаринъ, пріѣзжавшій, повидимому, въ Сѣверо-Западный край главнымъ образомъ для ознакомленія непосредственно на мѣстѣ съ результатами уніи (о чемъ онъ впослѣдствіи и выпустилъ въ свѣтъ трудъ), довольно бѣгло ознакомился съ семинаріею. Онъ обошелъ все заведеніе, побывалъ во всѣхъ классахъ на урокахъ, спрашивая учениковъ по разнымъ предметамъ, очень внимательно осмотрѣлъ библіотеку и, въ общемъ, сильно похвалилъ заведеніе, тутъ же высказавъ удивленіе по поводу возводимыхъ на него обвиненій. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи М. И. Красавицкій объ этой мимолетной ревизіи или обзорѣ заведенія.

Въ томъ же почти состояла и ревизія литовскимъ митрополитомъ

Іосифомъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что, послѣ осмотра заведенія, онъ велѣлъ собрать всѣхъ воспитанниковъ въ рекреаціонный залъ, гдѣ они были разставлены по классамъ. Переспросивъ публично, въ присутствіи тутъ же находившихся преподавателей и начальства, нѣсколькихъ учениковъ изъ разныхъ классовъ, по разнымъ предметамъ, высокопреосвященный обратился къ воспитанникамъ съ прочувствованными отеческими словами объ ихъ обязанностяхъ, какъ питомцевъ церкви. Тутъ онъ, между прочимъ, съ сожалѣніемъ указалъ, что много воспитанниковъ уходитъ по свѣтской части.

Ревизія же В. Н. Карпова, состоявшаяся въ 1861 году, напротивъ, была замѣчательно тщательна и продолжительна. Онъ, нежданно-негаданно, пріѣхалъ въ одинъ весенній день со взрослымъ своимъ сыномъ, поселился прямо въ семинаріи и сразу же началъ нервно какъ-то, съ нѣкоторою даже подозрительностью, вникать во весь складъ и строй жизни заведенія. Старый уже, но бодрый, подвижной человѣкъ, съ холоднымъ взглядомъ и строгимъ выраженіемъ лица, онъ проявлялъ на первыхъ порахъ удивительную прыть по осмотру семинаріи, поминутно появляясь то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, стараясь все доглядѣть, обо всемъ разспросить, притомъ по возможности непосредственно самихъ воспитанниковъ. Классныя и внѣклассныя занятія, время отдыха, приготовленія уроковъ и спанья, пребываніе воспитанниковъ въ церкви, столовой или на прогулкѣ—все это одинаково интересовало его, всюду онъ порывался сопутствовать воспитанникамъ, входя въ безконечные разспросы до самыхъ послѣднихъ мелочей семинарскаго хозяйства и занятій. Несмотря на такое назойливое вторженіе въ интимную жизнь заведенія и несовсѣмъ симпатичную цѣль такого вторженія, невольно бившаго въ глаза послѣ двухъ бывшихъ уже ревизій,—воспитанники ни въ чемъ, однако, не измѣнили своего образа жизни, привычекъ, способовъ развлеченій и занятій, держали себя вполнѣ свободно, непринужденно, какъ бы совершенно игнорируя даже это неожиданное вторженіе въ ихъ жизнь. Въ свободное, напримѣръ, отъ уроковъ время, по обыкновенію, завязывались на дворѣ оживленныя игры въ мячъ, городки, чехарду и т. под. Нѣкоторые располагались въ классахъ: одни—за музыкальными инструментами, другіе—плясали подъ гитару. Любители же тишины и спокойствія разбрелись по укромнымъ уголкамъ семинарскаго двора и зданія и расположились то въ одиночку, то группами или съ чтеніемъ, или въ спокойномъ созерцаніи происходящаго вокругъ «содома», гдѣ все стонетъ и дрожитъ отъ заразительнаго, здороваго, непринужденнаго молодаго веселья. Тѣ же, которые имѣли надобность отлучаться изъ заведенія, свободно уходили и приходили, какъ дѣлалось это ежедневно.

Суровый, недовѣрчивый ревизоръ вскорѣ же, очевидно, понялъ, что

здѣсь нѣтъ казовой стороны, что здѣсь ничего отъ него не скрываютъ,— и его до черствости строгій взглядъ сталъ мягче; его наблюденіе за жизнью заведенія стало спокойнѣе, совершенно утративъ даже слѣды назойливости, подозрительности. Для характеристики, насколько воспитанники, дѣйствительно, чувствовали себя непринужденно, несмотря на присутствіе ревизора, приведу слѣдующій случай.

Нужно замѣтить, что у насъ вообще педантично не преслѣдовалось непремѣнное присутствіе учениковъ въ классѣ, если отсутствовавшій, дѣйствительно, былъ занятъ серьезнымъ дѣломъ и могъ представить уважительныя причины своего отсутствія именно въ данный часъ, по данному предмету. Въ виду такого обычая, на второй же день по пріѣздѣ ревизора, я и одинъ изъ моихъ товарищей по классу ушли съ какого-то урока по такому предмету, повтореніе котораго было совершенно закончено, и мы оба были давно уже и неоднократно спрошены. Между тѣмъ у насъ оставался очень трудный для наступавшаго экзамена предметъ — всеобщая исторія, въ виду слабаго преподаванія которой учащимся приходилось немало самимъ работать. Мы ушли на дворъ, расположились въ заранѣе облюбованномъ тѣнистомъ уголкѣ около забора и усердно занялись на свѣжемъ воздухѣ дѣломъ. Выбранная нами позиція приходилась какъ-разъ противъ оконъ Карпова, который, замѣтивъ насъ, не замедлилъ пожаловать къ намъ. Слѣдомъ за нимъ пришелъ туда же и инспекторъ, добродушнѣйшій старичекъ Н. В. Войцеховскій, человѣкъ очень образованный и хорошо знакомый съ порядками, строемъ и программами преподаванія прежнихъ іезуитскихъ школъ. Въ этомъ человѣкѣ, состарившемся на педагогическомъ поприщѣ, не было ни іоты педантизма, шаблонности.

Со стороны Карпова послѣдовалъ подробный опросъ насъ. Мы совершенно искренно разсказали ему всю правду. Онъ съ недоумѣніемъ, очевидно колеблясь, вопросительно взглянулъ на инспектора, молча, невозмутимо стоявшаго нѣсколько въ сторонѣ, заложивъ по обыкновенію назадъ руки.

— О, да, — спокойно проговорилъ онъ: — имъ несомнѣнно можно вѣрить! Это, конечно же, не манкировка, а сбереженіе времени...

— Ну, занимайтесь себѣ съ Богомъ!—рѣшилъ Карповъ и ушелъ, видимо признавъ законнымъ нашъ поступокъ.

Съ первыхъ же шаговъ ревизіи стало совершенно ясно, кто былъ главнымъ ея виновникомъ, кто вызвалъ ее такъ какъ В. Н. Карповъ, удѣлялъ особенно много вниманія М. И. Красавицкому и какъ учителю, и какъ библіотекарю. Красавицкаго же не только не покидала обычная его бодрость, но онъ казался даже нѣсколько оживленнѣе, возбужденнѣе. Карповъ потребовалъ къ себѣ письменныя сочиненія воспитанниковъ со всѣхъ классовъ; особенное же вниманіе въ этомъ отношеніи

было обращено имъ на младшее отдѣленіе, бывшее фактически классомъ Красавицкаго, въ которомъ я и учился въ ту пору. Отъ насъ потребовали всѣ письменныя упражненія за все время ученія. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, насъ собрали въ классъ, чинно разсадили по мѣстамъ, роздали чистые листы бумаги и приказали приготовить перья. Затѣмъ отъ имени В. Н. Карпова объявили намъ, что мы должны написать сочиненіе на тему: «О пользѣ чтенія книгъ», не только не выходя изъ класса, но даже не сходя съ мѣстъ. Срокъ же намъ былъ данъ двухчасовой. При этомъ М. И. Красавицкаго вовсе не было. Назначенное намъ время мы провели въ образцовомъ порядкѣ, безъ всякаго посторонняго надзора. Въ классѣ не оказалось ни одного, не окончившаго заданной работы. Очевидно было, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ работы были написаны прямо на-бѣло, безъ черновыхъ и съ весьма незначительными поправками. Все это было по достоинству оцѣнено Карповымъ, оставшимся, въ общемъ, очень довольнымъ нашими работами,—о чемъ и было въ тотъ же день объявлено намъ. Съ этого же дня явно измѣнились и отношенія Карпова къ Красавицкому, съ которымъ онъ обращался особенно привѣтливо, даже дружественно, потоварищески.

Такъ кончился «кризисъ ревизіи», какъ выражались тогда мы, школьники. В. Н. Карповъ изъ суроваго ревизора обратился въ мягкаго, добродушнаго старика, очень привѣтливо, внимательно и дружественно относившагося къ воспитанникамъ. Онъ лично провелъ въ семинаріи всѣ переводныя испытанія во всѣхъ классахъ. Во все это время для каждаго даже посторонняго было ясно, что чѣмъ болѣе онъ живетъ въ этомъ заведеніи, чѣмъ болѣе знакомится съ нимъ, тѣмъ болѣе располагается къ нему. Еще задолго до полнаго окончанія имъ ревизіи, по городу пошелъ слухъ, что ревизоръ вполнѣ доволенъ заведеніемъ, всѣми порядками въ немъ, учащими и учащимися,—и толки о переводѣ семинаріи или закрытіи ея совершенно прекратились.

Между Красавицкимъ и Карповымъ установились, можно сказать, прямо-таки близкія отношенія. Какъ мнѣ передавалъ впослѣдствіи Красавицкій, Карповъ настойчиво звалъ его въ Петербургъ, суля ему большую служебную карьеру по духовно-учебной части; но тотъ остался вѣрнымъ своему учительскому призванію. Отъ Красавицкаго же я слыхалъ, что Карповъ привезъ ему изъ Петербурга безусловное запрещеніе проповѣдничества, которое такъ-таки и осталось въ силѣ, несмотря даже на энергическое заступничество Карпова.

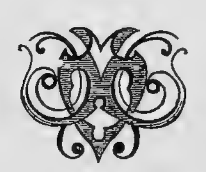
Говоря объ этой ревизіонной передрягѣ, невольнымъ свидѣтелемъ которой мнѣ пришлось быть, съ удовольствіемъ вспоминаю то благородство и достоинство, съ которыми держало себя наше начальство. Оно ни само не подтягивалось, ни насъ не подтягивало ради этого торже-

ственнаго случая; намъ ничего не внушалось по поводу ревизіи; къ намъ не предъявлялось никакихъ требованій; наше продовольствіе оставалось рѣшительно безъ всякихъ измѣненій. Все это, конечно, могло быть только потому, что общій порядокъ въ заведеніи, весь складъ и строй его жизни были вполнѣ удовлетворительны. Даже мы, школьники, сознавали это и гордились такою безбоязненностью, неуязвимостью своего заведенія въ отношеніи ревизій.

В. Н. Карповъ призналъ и подтвердилъ, что эта семинарія не имѣла въ себѣ ничего типично-бурсацкаго и представляла собою довольно своеобразный, удачно-поставленный образчикъ средне-учебнаго заведенія, съ характерно-выраженнымъ свѣтскимъ направленіемъ, но не въ ущербъ, однако, основательности и серьезности спеціально-духовнаго образованія. Да и въ мѣстномъ обществѣ репутація этого заведенія, какъ разсадника просвѣщенія, была настолько почтенна, что, несмотря даже на весьма распространенное поляковаціе, многіе родители предпочитали для домашней подготовки своихъ дѣтей воспитанниковъ семинаріи гимназистамъ.

М. Песковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. В. Калачовъ и его журналъ.

Въ 1857 году членъ археографической коммиссіи (впослѣдствіи сенаторъ и академикъ) Николай Васильевичъ Калачовъ обратился въ Московскій цензурный комитетъ съ просьбою о дозволеніи издаваемый имъ сборникъ подъ заглавіемъ: «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» [1]), обратить съ 1858 г. въ журналъ, подъ названіемъ: «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» и издавать его въ 6-ти книжкахъ въ годъ.

Ходатайство это было сообщено на заключеніе министерства юстиціи, которое, съ своей стороны, потребовало отъ гр. Д. Н. Блудова его отзыва. Не найдя никакого препятствія къ дозволенію Н. В. Калачову обратить его сборникъ въ журналъ, гр. Блудовъ призналъ, что это предпріятіе не только можетъ быть дозволено, но и заслуживаетъ поощренія, присовокупивъ, что, «конечно, читатели, и въ особенности посвящающіе себя изученію права, или примѣненію законовъ въ судебной практикѣ, выиграли бы гораздо болѣе, еслибъ, согласно съ мыслію, которую онъ, гр. Блудовъ, въ свое время и давно уже сообщалъ графу В. Н. Панину, къ составленію и изданію юридическаго журнала было приступлено министерствомъ юстиціи, совокупно со II-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, ибо сіи мѣста, особенно же министерство, по самому свойству производящихся въ немъ дѣлъ, имѣютъ въ виду и даже въ рукахъ своихъ такіе по сей части матеріалы, какихъ не можетъ имѣть частный человѣкъ. Но сіе, по обстоятельствамъ или инымъ причинамъ, какъ кажется, по крайней мѣрѣ нынѣ, не будетъ приведено въ дѣйство, а потому желательно, чтобы хотя частные люди употребляли на то свои усилія и средства. Впрочемъ, если когда-нибудь правительство и предприметъ

[1]) Издавался съ 1850 года.

изданіе юридическаго журнала, то и сего, какъ кажется, не должно считать препятствіемъ частной дѣятельности на томъ же поприщѣ».

Не такъ посмотрѣлъ на это дѣло министръ юстиціи, гр. В. Н. Панинъ, положившій слѣдующую резолюцію на докладѣ департамента юстиціи: «Увѣдомить министра народнаго просвѣщенія, что давно имѣется въ виду изданіе особаго журнала министерства юстиціи или юридическихъ прибавленій къ «Сенатскимъ Вѣдомостямъ»; что частному лицу не удобно разрѣшить общее обозрѣніе въ совокупности распоряженій и предположеній по какой-либо отрасли управленія; что конкуренція, которая неминуемо возникнетъ между правительственнымъ изданіемъ и журналомъ Калачова, сопряжена для обоихъ съ немалыми затрудненіями, и что по сему я на изданіе журнала въ предположенномъ видѣ согласія изъявить не могу». Когда же министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, въ видахъ «устраненія разногласія, возникшаго между гр. Панинымъ и главнымъ управленіемъ цензуры» (согласившимся съ мнѣніемъ гр. Блудова и развившимъ его), сообщилъ, «совершенно частно», проектъ всеподданнѣйшаго доклада по этому дѣлу, то гр. Панинъ даже оскорбился и, препровождая записку въ объясненіе мнѣнія его о неудобствѣ разрѣшенія подобнаго журнала, присовокуплялъ: «по мнѣнію моему, разногласіе мое съ вашимъ высокопревосходительствомъ не могло подлежать обсужденію главнаго управленія цензуры, къ кругу дѣйствій коего, сколько мнѣ извѣстно, не принадлежитъ разрѣшеніе разногласій между министрами и главноуправляющими отдѣльными вѣдомствами».

Въ означенной же запискѣ были выражены слѣдующія мысли: «простое перепечатаніе помѣщаемыхъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ распоряженій и дѣйствій правительственныхъ не будетъ соотвѣтствовать программѣ предполагаемаго г. Калачовымъ изданія, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ указаній подробностей сей программы, сообщенныхъ министерству юстиціи. Изъ сихъ указаній усматривается, что обозрѣнія законодательной и правительственной дѣятельности предполагается помѣщать въ журналы съ цѣлію опредѣленія относительной важности оныхъ для общественнаго развитія, что въ отдѣлъ матеріаловъ войдутъ тѣ оффиціальные акты законодательной и правительственной дѣятельности верховной власти, на важность коихъ будетъ указано въ предыдущемъ отдѣлѣ.

«Такія указанія приводятъ къ заключенію, что, съ изданіемъ предполагаемаго журнала, частное лицо будетъ опредѣлять относительную важность актовъ законодательной и правительственной дѣятельности и при томъ дѣлать такія указанія въ отношеніи оффиціальныхъ актовъ верховной власти. Но подобнаго рода сужденія, право на которыя не

предоставлено ни одному правительственному изданію, никакому частному лицу предоставлены быть не могутъ.

«Помѣщеніе сихъ разсужденій въ частномъ изданіи подвергаетъ оныя произвольнымъ толкамъ каждаго читающаго, предоставляя, по смыслу программы, возможность возбуждать всякаго рода вопросы, тогда какъ возбужденіе подобныхъ вопросовъ въ порядкѣ, установленномъ закономъ, не можемъ послѣдовать иначе, какъ въ надлежащихъ предѣлахъ и съ высшаго на каждый случай разрѣшенія».

«Изъ объясненія сего,—писалъ гр. Панинъ А. С. Норову,—вы изволите усмотрѣть, что возраженія мои имѣютъ основаніемъ охраненіе порядка, установленнаго для приведенія въ общую извѣстность свѣдѣній о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства, съ устраненіемъ всего того, что можетъ служить поводомъ къ произвольнымъ и вреднымъ толкованіямъ. Доселѣ порядокъ сей былъ соблюдаемъ, никакое частное изданіе не опредѣляло относительнаго достоинства современныхъ актовъ правительственной дѣятельности, и легко предвидѣть можно, что вопросы, возбуждаемые такимъ образомъ, постепенно коснутся всѣхъ главныхъ предметовъ управленія».

Тѣмъ не менѣе разрѣшеніе послѣдовало, и журналъ началъ издаваться съ 1858 года.

Сообщилъ **Г. К. Рѣпинскій.**

Мелкіе разсказы Михаила Максимовича Попова.

I.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

Державину за Анакреотическія оды книгопродавецъ далъ 300 руб. Онъ поправилъ на эти деньги бесѣдку въ своемъ саду и былъ чрезвычайно доволенъ. Долго послѣ того онъ хвалился передъ друзьями своими: «вотъ, говорятъ, что поэзія безхлѣбное занятіе, пришло время, что и намъ стали давать деньги». Нынче ему дали бы за эти оды десятки тысячъ рублей.

Оды Державина Екатеринѣ II, писанныя имъ до статсъ-секретарства, надобно различать отъ тѣхъ, которыя онъ писалъ со времени статсъ-секретарства. Въ первыхъ—восторгъ его былъ плодомъ искренняго, душевнаго удивленія къ великой императрицѣ; въ послѣднихъ пышныя похвалы его отзываются работой: тутъ уже нѣтъ невольнаго вдохновенія, а только восклицанія благодарности или долга. Прочтите теперь его оды, и вы согласитесь съ этимъ замѣчаніемъ. Самъ Державинъ сказывалъ А. С. Шишкову, что когда онъ былъ далеко отъ двора, въ то время восторгъ его къ государынѣ доходитъ до обожанія; приблизившись къ ней, онъ мало-по-малу началъ терять это чувство, а наконецъ—оно вовсе простыло [1]).

---

[1]) То же говоритъ и самъ Державинъ въ своихъ запискахъ.

Самъ Державинъ вѣрилъ, что поэты пророки, а современники еще больше вѣрили, что онъ пророкъ. Стихи на рожденіе порфироднаго отрока были приводимы какъ доказательство этому. Даже въ предсмертныхъ слабыхъ стихахъ его, которые писалъ онъ во время отечественной войны, и въ которыхъ доказывалъ, что Наполеонъ антихристъ, искали истины, какъ въ чемъ-то сказанномъ свыше; какъ бы ждали, что пророчество поэта сбудется. Современники Державина были увѣрены въ высокомъ достоинствѣ его таланта и считали его первымъ поэтомъ міра.

II.

Владиславъ Александровичъ Озеровъ.

Вотъ что мнѣ разсказывалъ академикъ В. М. Перевощиковъ, бывшій профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ.

Въ 1812 году, когда война противъ Наполеона начала дѣлаться народною, казанское дворянство съѣхалось въ свой губернскій городъ, для пожертвованій и набора милиціи. Всѣ дворяне, въ томъ числѣ и губернскій предводитель Киселевъ, уже находились въ залѣ собранія, но оно не открывало своихъ дѣйствій. На вопросъ Перевощикова, Киселевъ отвѣчалъ: «Мы ожидаемъ Озерова». Владиславъ Александровичъ былъ въ отставкѣ генералъ-маіоръ и уже знаменитый поэтъ.

Наконецъ вошелъ въ залу Озеровъ. Онъ былъ невысокаго роста, довольно толстъ и въ черномъ фракѣ. Несмотря на изъявленные всѣми знаки уваженія, поэтъ вошелъ неловко и боязливо. Еще боязливѣй, по приглашенію губернскаго предводителя, сѣлъ онъ подлѣ него. Онъ молчалъ почти во все время засѣданія.

По окончаніи собранія, Перевощиковъ старался завести разговоръ съ Озеровымъ и началъ о его сочиненіяхъ, но поэтъ отвѣчалъ робко и несвязно, сказавъ только, что онъ больше ничего не пишетъ. В. М. Перевощиковъ и тогда уже замѣтилъ, что Озеровъ былъ разстроенъ: багровый цвѣтъ лица его показывалъ больше болѣзнен-

ное состояніе, чѣмъ слѣдствіе тучности; въ глазахъ его было какое-то странное выраженіе.

Мѣсяца черезъ два послѣ того, Озеровъ совсѣмъ помѣшался. Въ безумствѣ своемъ, онъ безпрестанно твердилъ о почестяхъ, а чинахъ и богатствѣ, которые будто бы государь ему назначилъ; представлялъ себѣ, что его сдѣлали министромъ, полководцемъ и тому подобное.

Изъ разсказовъ тѣхъ, которые знали Озерова, и изъ самаго рода его сумасшествія видно, что оно помѣшался отъ чрезмѣрнаго самолюбія. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ къ этому присоединилось огорченіе отъ критики А. С. Шишкова, хотя не напечатанной, но ходившей тогда вездѣ по рукамъ и дошедшей до Озерова. Въ этой критикѣ Шишковъ, хотя ученымъ образомъ, но слишкомъ сурово разбиралъ трагедіи Озерова, отдавая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преимущество трагедіямъ Сумарокова. Это должно было подѣйствовать на чувствительнаго поэта, но опять повторимъ, что если такъ жестоко подѣйствовала на него критика, то все-таки отъ его чрезмѣрнаго честолюбія, и вѣроятно она только докончила то, что уже начиналось въ немъ. Отъ критики помѣшался тотъ, который сошелъ бы съ ума и безъ критики.

А. С. Шишковъ, оправдывая себя въ этомъ дѣлѣ, разсказывалъ, что трагедіи Сумарокова, въ первоначальномъ ихъ видѣ, были вовсе не такъ дурны, какими мы читаемъ ихъ. Это произошло оттого, что сперва въ театрѣ поправляли ихъ по вкусу актеровъ и, приноровляя къ сценѣ, а потомъ самъ Александръ Петровичъ, при напечатаніи полнаго собранія сочиненій своихъ, почти всѣ передѣлалъ. Простыя выраженія, слившіяся съ пера его въ минуты перваго труда, онъ замѣнилъ выисканными, неупотребительными выраженіями, наставилъ «мя», «тя», и отодвинулъ языкъ свой еще лѣтъ за пятьдесятъ назадъ! Словомъ сказать, Александръ Петровичъ, желая улучшить свои трагедіи—все испортилъ!

III.

Θедоръ Петровичъ Лубяновскій.

Θедоръ Петровичъ Лубяновскій, сынъ малороссійскаго священника-дворянина, началъ службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, когда директоромъ департамента былъ знаменитый М. М. Сперанскій. Молодой малороссіянинъ скоро прослылъ дѣльцомъ, а издавъ, въ 1803 году, свое «Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи», пріобрѣлъ извѣстность писателя, которая, впрочемъ, въ то время легко пріобрѣталась. Въ литературѣ онъ недалеко пошелъ и по службѣ не сдѣлался государственнымъ человѣкомъ; но онъ человѣкъ бойкій и ловкій въ дѣлахъ. Поддерживаемый дядей своимъ, фельдмаршаломъ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ и сенаторомъ, впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта, Захаромъ Яковлевичемъ Карнѣевымъ, онъ быстро пошелъ по службѣ, особенно съ того времени, когда дядя доставилъ ему мѣсто правителя канцеляріи у принца Георгія Ольденбургскаго.

Этотъ принцъ, супругъ великой княгини Екатерины Павловны, съ 1809 по 1812 годъ, былъ генералъ-губернаторомъ новгородскимъ, тверскимъ и ярославскимъ, и въ то же время управлялъ путями сообщенія въ имперіи. Мѣстопребываніе его было въ Твери. Это обширное управленіе образовало въ рукахъ принца какъ бы особое министерство. Ловкій правитель канцеляріи умѣлъ все захватить въ свои руки, такъ что въ сущности онъ, а не принцъ былъ министромъ. Сначала и великая княгиня къ нему благоволила. Не больше, какъ въ три года, онъ изъ надворныхъ совѣтниковъ достигъ до дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Но счастье Лубяновскаго было непродолжительно. Обстоятельства поставили его въ столкновеніе съ великой княгиней, и самъ онъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ не съумѣлъ иначе дѣйствовать, какъ подъячій.

Надобно сказать, что великая княгиня была избалована привязанностію къ ней императора. Онъ столько любилъ ее, что ни въ чемъ ей не отказывалъ, и не проходило мѣсяца, чтобы онъ не пріѣзжалъ разъ, а иногда и два раза, въ Тверь, повидаться съ сестрою.

Гордая, получившая много родовыхъ свойствъ Екатерины Великой, Екатерина Павловна часто внушала мужу своему дѣйствія, превышающія генералъ-губернаторскую власть. Между прочимъ, она убѣдила его, что на докладныхъ запискахъ, зависѣвшихъ отъ его разрѣшенія, онъ долженъ писать: «Быть по сему».

Лубяновскій, получивъ первую записку, возвращенную отъ принца, съ надписью: «Быть по сему», изумился и тотчасъ побѣжалъ къ его высочеству. Онъ объяснилъ и старался увѣрить, что форма этого разрѣшенія императорская; что министры подписываютъ не иначе, какъ «Согласенъ» или «Исполнить», и что онъ не можетъ дать хода запискѣ. Великая княгиня возстала противъ него.

«Какъ?»—говорила она—«мы развѣ простые министры, мы члены императорской фамиліи, мужъ мой императорское высочество!».

Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ въ Тверь императоръ Александръ Павловичъ. Великая княгиня пожаловалась на правителя канцеляріи. Лубяновскій нашелъ случай объяснить государю въ чемъ было дѣло. Послѣ того принцъ болѣе не писалъ: «Быть по сему». Значитъ, императоръ, какъ и надобно было ожидать, нашелъ виноватымъ не правителя канцеляріи. Съ этого времени великая княгиня начала показывать явное неудовольствіе Лубяновскому.

IV.

Строль.

Строль (Stroel) пріѣхалъ въ Казанскій университетъ въ 1804 году профессоромъ греческой словесности.

Этотъ человѣкъ былъ для всѣхъ тайною. Въ послужномъ спискѣ его, присланномъ изъ Петербурга, было помѣщено только два слова: «Профессоръ Строль». Откуда онъ взялся, гдѣ воспитывался, гдѣ жилъ до пріѣзда въ Казань—никто не зналъ.

Онъ превосходно зналъ греческій и латинскій, а также всѣ главные новые языки, нѣмецкій, французскій, итальянскій, англій-

скій. На каждомъ изъ этихъ языковъ онъ говорилъ какъ на природномъ. Русскаго языка онъ вовсе не разумѣлъ.

По пріѣздѣ въ Казань, Строль былъ лѣтъ 50, роста средняго, не слишкомъ худощавъ, но лицо имѣлъ чрезвычайно блѣдное. Онъ страдалъ одышкою, всегда тяжело дышалъ, а всходя на верхъ въ аудиторію, онъ такъ задыхался, что не скоро могъ начинать лекцію. Онъ не имѣлъ дара быть преподавателемъ, и нельзя сказать, чтобъ лекціи его были занимательны, но все обличало въ немъ глубокія познанія въ наукахъ и особенно въ языкахъ.

Жена его казалась ровесницею ему, или даже немного старше его. Но это была самая почтенная и пріятная старушка. Она одѣвалась по-старинному, въ робронахъ, въ длинныхъ корсетахъ, съ манжетами и кружевами, всегда чисто и опрятно. Словомъ, она была въ родѣ пожилыхъ дамъ, какихъ мы видимъ на картинахъ Ванъ-Дика и другихъ фламандскихъ живописцевъ. Удивительно то, что она, сверхъ новыхъ европейскихъ языковъ, хорошо знала латинскій и свободно читала римскихъ классиковъ.

И мужъ и жена были скромны, тихи и очень привѣтливы. Обращеніе ихъ было всегда ласковое и самое обязательное даже болѣе утонченное, чѣмъ было въ обществахъ начала XIX вѣка—въ родѣ обращенія временъ Людовика XIV. Профессоръ, кромѣ жалованья, ничего не имѣлъ, жилъ не роскошно и уединенно, но чисто и любилъ приглашать къ себѣ на обѣдъ своихъ товарищей и студентовъ.

Никому и никогда Строль не нанесъ ни малѣйшаго огорченія. Тогда въ Казанскомъ университетѣ были неудовольствія и партіи между профессорами русскими и нѣмцами. Строль не приставалъ ни къ которой партіи и не впутывался ни въ какія интриги. Имѣя вѣрный взглядъ на людей и вещи, онъ видѣлъ тѣхъ и другія въ истинномъ видѣ, и всегда могъ бы сказать свое мнѣніе, но въ университетскомъ совѣтѣ, во время споровъ профессоровъ, онъ оставался нѣмъ и публично голоса своего никогда не подавалъ. Только наединѣ онъ высказывалъ нѣкоторымъ мнѣніе свое прямо и рѣзко.

Иногда прохаживаясь по залѣ совѣта съ кѣмъ-либо изъ близкихъ ему товарищей, онъ останавливался передъ портретомъ императора Павла I-го и, сложивъ на грудь руки, говорилъ: «великій

человѣкъ! это былъ у васъ великій государь!» Никому не объяснялъ онъ, что значили эти выраженія, и не былъ ли онъ въ какихъ-либо отношеніяхъ къ покойному императору.

Еще больше онъ хранилъ таинственность о самомъ себѣ. Ни онъ, ни жена его никогда не проговаривались, кто они, гдѣ прежде были и почему не могутъ открыть подробностей своей жизни. Многіе спрашивали объ этомъ Строля—онъ молчалъ. Ни повторенія вопросовъ, ни хитрости, которыми другіе старались навести его на желаемый разговоръ, ничто не удавалось: таинственный профессоръ не прерывалъ своего молчанія. Особенно рвались жены профессоровъ и другія казанскія дамы, которымъ очень хотѣлось разрѣшить загадку, но въ продолженіе почти 10 лѣтъ жизни Строля въ Казани и дамы были въ этомъ не счастливѣе мужей своихъ.

Строль слылъ за нѣмца, но онъ не велъ дружбы съ нѣмцами-профессорами, а больше держался стороны русскихъ. Самая ученость его была не та школьная, которая всегда замѣтна въ профессорѣ, достигшемъ этого званія педагогическимъ путемъ, но была скорѣе ученость хорошо воспитаннаго и образованнаго человѣка.

Догадывались, что Строль долженъ быть родомъ изъ Италіи, а не нѣмецъ, и что онъ, быть можетъ, принадлежалъ къ высшему сословію, нежели въ какое подъ конецъ судьба его бросила.

Старушка—жена Строля, умерла лѣтъ черезъ пять жизни въ Казани, а потомъ еще года черезъ четыре и онъ умеръ, въ 1813 или 1814 году. На груди у него сдѣлались нарывы: эта болѣзнь свела его въ могилу.

Онъ былъ католикъ, но, за нѣсколько недѣль передъ смертію, принялъ православіе, вѣроятно потому, что въ Казани тогда не было католическихъ священниковъ, и онъ не желалъ быть погребеннымъ безъ христіанскихъ обрядовъ.

Послѣ него осталась поэма на итальянскомъ языкѣ, толстая черновая тетрадь его руки. Куда дѣвалась эта тетрадь—неизвѣстно. Кромѣ поэмы не было найдено никакихъ записокъ и ни одной строчки, которая бы объяснила, кто былъ этотъ таинственный человѣкъ. По крайней мѣрѣ въ Казани, и по смерти его, никто не могъ сказать о немъ больше того, что значилось въ его послужномъ спискѣ: онъ былъ профессоръ Строль.

V.

Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ.

Прежде управленіе путями сообщенія и публичными зданіями было самое громкое. Во всѣхъ кругахъ общества разсказывали—то о дерзкомъ обращеніи бывшаго главнаго начальника съ просителями и подчиненными, то объ отрѣшеніи кого-либо отъ службы безъ всякаго законнаго основанія, то о жестокомъ наказаніи воспитанниковъ института, то о самовольномъ и безотчетномъ распоряженіи огромными казенными суммами, то о неудовлетвореніи и обидѣ подрядчиковъ. Нынѣ объ этомъ управленіи ничего не слышно, хотя дѣятельность въ немъ ни мало не ослабла: это самое лучшее доказательство, что дѣла приняли правильное теченіе, и что все совершается безъ выскочекъ на славу и на удачу.

Генералъ-адъютантъ Чевкинъ со всѣми вѣжливъ, всегда спокоенъ, снисходителенъ къ неизбѣжнымъ слабостямъ, признателенъ за услуги, на дѣла и людей смотритъ по-человѣчески. Онъ не могъ не знать, что происходило прежде, и, повидимому, старается не быть ни въ чемъ похожимъ на своего предмѣстника.

Онъ самъ инженеръ, знаетъ строительную часть, тотчасъ видитъ недостатки въ проектахъ или излишества въ смѣтахъ; въ случаѣ сомнѣній, самъ счисляетъ, и все рѣшается имъ, какъ знатокомъ дѣла.

Его называютъ однакоже тяжелымъ, потому, что онъ не скоръ въ рѣшеніяхъ: долго высматриваетъ, дѣйствительно ли нужно испрашиваемое, посылаетъ удостовѣриться и утверждаетъ смѣты только на такія постройки, которыя, по всѣмъ справкамъ, оказываются совершенно необходимыми. Казенными суммами онъ распоряжается съ величайшею осторожностію, и у него расходуются онѣ такъ, что въ каждой издержкѣ онъ всегда можетъ дать самую строгую отчетность. Не думаютъ, чтобы самъ онъ былъ довольно смѣлъ на предпріятія обширныя, но никто не сомнѣвается, что онъ совладаетъ со всякимъ дѣломъ, которое будетъ высочайше поручено ему, и что всѣ дѣйствія его вполнѣ честны и добросовѣстны.

Зная, что испрошеніе дополнительныхъ смѣтъ большею частію

клонится къ излишнимъ передержкамъ и злоупотребленіямъ, онъ рѣшительно не допускаетъ ихъ. Одинъ подрядчикъ, по шоссейнымъ работамъ, отъ неправильно-сдѣланнаго, предварительнаго обозрѣнія мѣстности, ошибся въ цѣнѣ при торгахъ; начавъ работы, просилъ объ утвержденіи дополнительной смѣты. Хотя ошибка подрядчика не подлежала сомнѣнію, но генералъ-адъютантъ Чевкинъ отказалъ въ просьбѣ. Одни осторожность эту находятъ чрезмѣрною и говорятъ, что правительство должно заботиться, чтобы и частныя лица не разорялись; но другіе оправдываютъ ее тѣмъ, что, допустивъ одному снисхожденіе, конца не будетъ дополнительнымъ смѣтамъ и злоупотребленіямъ.

Стараясь, сколько возможно, не допускать злоупотребленій, Чевкинъ не унижаетъ себя до того, чтобы быть слишкомъ и неумолимымъ преслѣдователемъ ихъ. Злоупотребленія по вѣдомству путей сообщенія, быть можетъ, и нынѣ продолжаются. Строже всего онъ наблюдаетъ и требуетъ, чтобъ самыя работы произведены были прочно и хорошо. Только въ такомъ случаѣ, когда худо сдѣлано, онъ не пощадитъ и за всѣ другія неправильныя дѣйствія. Онъ знаетъ, что злоупотребленія по строительной части, въ земляныхъ и многихъ другихъ работахъ едва-ли могутъ быть открыты, и что всѣ изысканія объ этомъ были бы и мелки, и безполезны.

Всѣ понимаютъ Чевкина за строгаго начальника, боятся его, и всѣ однакоже имъ довольны.

Словомъ, Чевкинъ строгъ—благоразумно управляетъ ввѣренною ему частію по законамъ, дѣйствуетъ осторожно и держитъ своихъ подчиненныхъ въ такомъ положеніи, что они боятся его и съ тѣмъ вмѣстѣ довольны имъ.

VI.

В. М. Перевощиковъ.

Въ его характерѣ и поступкахъ есть что-то карамзинское. Не знаю, подражаетъ ли онъ ему, или это слѣдствіе одинаковой организаціи. Послѣднее принимаю тѣмъ больше, что самая наружность

его удивительно похожа на наружность Николая Михайловича (Карамзина).

Онъ всегда правиленъ и, можно сказать, граціозенъ въ своихъ поступкахъ. Кротость и доброта видны въ каждомъ его дѣйствіи. Въ его благосклонности ко всѣмъ, въ его признательности за знаки уваженія къ нему, такъ много милаго, что къ нему невольно питаешь самое нѣжное чувство.

Зная его десятки лѣтъ, такъ часто видаясь съ нимъ, слушая его, я увѣренъ, что на душѣ его не осталось не только низкаго или сомнительнаго дѣла, даже ни одной неблагородной мысли. Въ немъ такъ сильно чувство благопристойнаго и изящнаго, что его поступки и мысли отъ этого не могутъ быть другіе, какъ только благородные и изящные.

Онъ всегда говоритъ о людяхъ только хорошее. Это не значитъ, чтобъ онъ не различалъ вещи или хвалилъ даже дурное: нѣтъ, онъ чувствуетъ недостатки человѣческіе, но въ молчаливомъ огорченіи. Онъ всегда съ удовольствіемъ разсказываетъ о полезномъ дѣлѣ, о благородномъ подвигѣ; но какъ скоро дойдетъ до такого случая, который надобно осудить—онъ тотчасъ прекратитъ или перемѣнитъ разговоръ. Когда другіе ведутъ подобный разговоръ, вы замѣтите только легкую тѣнь неудовольствія на лицѣ его, которая покажетъ вамъ, что онъ знаетъ про эти пороки и сожалѣетъ о нихъ.

Не думайте, что эта кротость распространяется даже на дѣла, требующія голоса или защиты. Нѣтъ, дѣло общее или слава заслуженная—для него не чужіе предметы: они его, и онъ готовъ за нихъ стоять горой. Онъ всегда скажетъ съ твердостію правду передъ какимъ бы то ни было лицомъ. Въ случаѣ важномъ и въ дѣлѣ добра, отъ него можно ожидать поступка сильнаго и рѣшительнаго.

Разъ при мнѣ одинъ молодой человѣкъ, умный и образованный, но по пылкости своей не удержавшійся отъ разговора, котораго самъ не обсудилъ, началъ повторять ходившія тогда мысли молодаго поколѣнія на счетъ «Исторіи» Карамзина и самаго историографа. Надобно было видѣть, какъ вспыхнулъ румянецъ на лицѣ Перевощикова: почтенный академикъ защищалъ славнаго писателя умно, убѣдительно и съ той твердостью, которая явно показала, что онъ не

позволитъ при себѣ говорить неуважительно о добродѣтельномъ человѣкѣ.

Таковъ онъ всегда былъ, въ жизни, въ службѣ: кроткій, благородный и при надобностяхъ твердый человѣкъ. Онъ часто терялъ отъ этого и въ знакомыхъ и по службѣ: за то ни въ жизни, ни въ службѣ его не осталось ни одного дѣла, которымъ бы можно было упрекнуть его. Въ одномъ мѣстѣ привелось ему быть свидѣтелемъ неправды, дѣлаемой людьми столь сильными, что ихъ превозмочь было невозможно—и онъ тотчасъ переѣхалъ въ другой городъ. Тамъ, въ случаѣ лести и покорности, ожидали его чины и ордена, но онъ спѣшилъ унесть съ собой гораздо лучшую вещь—свое доброе имя.

Разсудокъ его прямой и самый близкій къ истинѣ. Онъ видитъ вещи, какъ видятъ ихъ всѣ благонамѣренные и опытные люди, безъ вычуръ и высшихъ взглядовъ, вѣрно и справедливо. Искреннее желаніе общаго блага и спокойствія—вотъ основаніе его мыслей. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которыми твердо и счастливо царство. Если онъ не святой человѣкъ, то—святой гражданинъ. Отъ его разговоровъ становилось тихо на сердцѣ.

День здоровъ и день боленъ—это была вся жизнь его, но сильно боленъ онъ никогда не былъ, подобно всѣмъ людямъ слабаго сложенія, которые за то, что каждый день понемногу больны, никогда не бываютъ очень больны. Всегда немного отставая отъ моды, онъ въ платьѣ чрезвычайно опрятенъ, а шляпу носилъ съ большими полями. Походку имѣетъ онъ важную. Встрѣчаясь съ нимъ, вы скажете: это профессоръ.

VII.

Академикъ Б. С. Якоби.

Якоби, нѣсколько лѣтъ назадъ тому [1]), былъ приглашенъ изъ Кенигсберга въ Дерптскій университетъ, въ профессоры архитектуры. Впрочемъ, эта каѳедра была дана ему потому только, что

[1]) Писано въ 1856 году.

тогда въ Дерптскомъ университетѣ не было другой свободной каѳедры. Съ большею страстію онъ всегда занимался физикой и химіей.

Еще за границей, а потомъ въ Дерптѣ, онъ занимался проектами объ устройствѣ телеграфическихъ сообщеній посредствомъ Вольтова столба. Это было причиною вызова его въ Петербургъ, въ Академію наукъ. Труды его по этой части отчего-то не имѣли успѣха, но онъ сдѣлалъ такія изобрѣтенія, которыя ему не только не поручали, но и самому прежде не приходили въ голову.

Сначала онъ подалъ мысль къ устройству судовъ, плавающихъ посредствомъ Вольтова столба, и небольшое судно, имъ сдѣланное, въ іюлѣ 1839 г. уже ходило по Невѣ, не довольно быстро и сильно, но это начало дѣла, которое со временемъ можетъ усовершенствоваться.

Здѣсь надобно сказать объ одномъ случаѣ, который теперь кажется постороннимъ, но онъ намъ понадобится. Послѣ опытовъ надъ судномъ Якоби, электрохимическое общество давало, въ честь изобрѣтателя, обѣдъ, на который приглашены были всѣ извѣстные ученые люди и другія особы. Незнаю почему-то вице-прозидентъ Академіи художествъ, графъ Ѳ. П. Толстой, не былъ приглашенъ къ обѣду и обидѣлся этимъ.

Теперь будемъ говорить о главномъ изобрѣтеніи Якоби. Дѣлая разные опыты съ Вольтовымъ столбомъ и испытывая силу его надъ мѣдью, онъ держалъ его въ мѣдномъ порошкѣ. Якоби говоритъ, что онъ самъ не знаетъ, какъ попалъ въ этотъ порошокъ грошъ. Но, кажется, онъ боится сказать правду, и, вѣроятно, онъ порошокъ свой дѣлалъ изъ мѣдныхъ денегъ: легче доставать мѣдныя деньги, чѣмъ отыскивать мѣдь въ ломѣ!

Но дѣло въ томъ, что однажды Якоби, къ великому изумленію своему, увидѣлъ въ ящикѣ, на мѣдномъ порошкѣ, новый грошъ, образовавшійся около стараго. Зная, что у него никогда не было столь новаго и блестящаго гроша, онъ не могъ сначала понять, откуда онъ взялся. Разсматривая же внимательнѣй, онъ замѣтилъ, что новый грошъ, при всемъ своемъ совершенномъ сходствѣ съ старымъ, отличенъ какою-то художественною отдѣлкой. Якоби началъ догадываться и, вскруженный мечтами новаго открытія, бро-

силъ въ ящикъ еще нѣсколько старыхъ грошей—и на другой день нашелъ столько же новыхъ грошей!

Якоби при началѣ этихъ открытій былъ столь неостороженъ, что не позаботился исключительно владѣть этой тайной, за открытіе которой могъ бы получить сотни тысячъ! Съ первыхъ попыховъ и желая сдѣлать опыты въ другомъ родѣ, онъ пригласилъ къ себѣ ламповщика Гамбургера и просилъ его достать ему какую-нибудь бронзовую модель. Гамбургеръ, не найдя у себя вещей, сходныхъ съ требованіемъ Якоби, отправился къ графу Ѳ. П. Толстому, извѣстному произведеніями медалей и другихъ рельефныхъ издѣлій. Мы уже сказали, что между графомъ Толстымъ и Якоби началось несогласіе, о которомъ зналъ и Гамбургеръ. Потому онъ отнесся къ нему отъ своего имени и объяснилъ возможность новаго открытія, приписывая это открытіе себѣ. Графъ, понявъ, какая вещь будетъ удобнѣе для опытовъ, далъ какой-то бронзовый рельефъ, который черезъ Гамбургера и перешелъ къ Якоби.

Новый опытъ удался какъ нельзя лучше. Якоби началъ уже совершенствовать и распространять свое изобрѣтеніе. Взявъ алебастровой бюстъ и покрывъ его легкимъ слоемъ воска, онъ черезъ восемь часовъ получилъ бронзовый бюстъ, самой чистой отдѣлки и совершенно вѣрный, въ которомъ сохранилась каждая черта подлинника. Продолжая свои опыты, онъ лучше всего успѣлъ получить бюстъ А. Н. Оленина.

Еще не вполнѣ зная цѣну тайны своей, мучаясь человѣческимъ желаніемъ подѣлиться своими мыслями съ другими и столько же боясь, чтобы за первые гроши свои не попасть въ дѣлатели фальшивой монеты, онъ отправляется съ своими бюстами и другими произведеніями къ Оленину. Удивленный вельможа приходитъ въ восхищеніе и довелъ объ изобрѣтеніи его до свѣдѣнія государя. Его Величество пожелалъ самъ видѣть опыты Якоби, и счастливый открытель имѣлъ другое счастіе—дѣлать опыты въ присутствіи государя, на Пулковской обсерваторіи.

Между тѣмъ противъ Якоби устроивались козни. Мы уже говорили, что вице-президентъ Академіи, графъ Ѳ. П. Толстой, питалъ неудовольствіе къ нему, и что ламповщикъ Гамбургеръ говорилъ ему о новости, какъ о своемъ изобрѣтеніи. Думалъ ли въ са-

момъ дѣлѣ гр. Толстой, что изобрѣтатель Гамбургеръ (и надобно желать, чтобъ это такъ было: потому, что графъ Толстой добрый и благородный человѣкъ), или хотѣлъ онъ отомстить за неприглашеніе къ обѣду—только зять его, молодой литераторъ Каменскій, написалъ статью, въ которой, превознеся громкими похвалами новое открытіе, всю славу приписалъ Гамбургеру и изобрѣтеніе Якоби назвалъ гамбургерротиномъ. Статья эта помѣщена въ октябрьской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» 1839 года.

Если не козни, то ошибка эта не долго оставалась безъ наказанія. Почти вслѣдъ за ней Булгаринъ помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» страшную отповѣдь. Тутъ же помѣщено было письмо самаго Гамбургера, который рѣшительно отклоняетъ отъ себя честь новаго изобрѣтенія, относя славу къ Якоби. Булгаринъ всю статью обратилъ противъ главнаго редактора Библіотеки Сенковскаго, который, говорятъ, принялъ статью Каменскаго, не зная самъ истиннаго изобрѣтателя; но здѣсь можно сказать словами Гамлета: «Чешись тотъ, у кого чешется!» Впрочемъ, Сенковскому подѣломъ! Въ той же книгѣ Библіотеки онъ помѣстилъ статью противъ дагерротипа, въ которой издѣвается и надъ Дагерромъ, и надъ его изобрѣтеніемъ, и надъ всѣми европейцами, и даже надъ солнцемъ. Барону (Брамбеусу), который смѣялся и надъ Кювье, и надъ Шампильономъ, и надъ Вальтеръ-Скоттомъ, и надъ Франклиномъ, и надъ грамматикой, и надъ кометой Белой, не привыкать издѣваться надъ признанными знаменитостями и предметами общаго уваженія. Ему за Якоби досталось даромъ, но пусть онъ сочтетъ это платой за старые грѣхи!

Между тѣмъ ошибка или неблагонамѣренность графа Толстаго и Каменскаго чуть не лишили Якоби славы изобрѣтателя. Даже и теперь кто поручится, что имя его не отнято навсегда отъ его изобрѣтенія, какъ отнято было имя Колумба отъ открытой имъ земли. Быть можетъ, статью изъ «Библіотеки для чтенія» переведутъ въ иностранныхъ журналахъ, и названіе гамбургерротина останется за этимъ открытіемъ, какъ за землей Колумба навсегда осталось имя Америка!

Якоби иностранецъ, но отдавшійся Россіи, и открытія свои дѣлаетъ въ Петербургѣ. Его слава по крайней мѣрѣ частію и наша

слава. Если нельзя сказать, что его изобрѣтенія сдѣланы русскимъ умомъ, то они сдѣланы подъ русскимъ небомъ. А то наши художники-живописцы говорили, что подъ нашимъ холоднымъ небомъ не приходятъ творческія мысли, и надобно ѣхать въ Италію, чтобъ пришли эти мысли. Нѣтъ, и подъ нашимъ небомъ могутъ родиться великія мысли, какъ и подъ всякимъ небомъ.

VIII.

Александръ Сергѣевичъ Норовъ.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Норовъ [1]) любитъ просвѣщеніе, заботится объ успѣхахъ наукъ и искренно желаетъ улучшенія ввѣренной ему части; будучи самъ ученымъ и писателемъ, онъ готовъ покровительствовать и другимъ трудящимся на этомъ поприщѣ.

Но такое направленіе, столько соотвѣтствующее обязанностямъ министра народнаго просвѣщенія, исчезаетъ въ слабости его характера и отъ недостатка въ немъ памяти. Онъ имѣетъ всѣ свойства добрыхъ людей: энергиченъ, быстро увлекается каждою полезною мыслію, приступаетъ къ осуществленію своихъ предположеній и даже исходатайствуетъ высочайшее разрѣшеніе; но потомъ медлитъ, забываетъ, и многое остается безъ исполненія. Таковъ онъ и въ характерѣ: вспыльчивъ и тотчасъ смягчается. Хорошее и худое въ немъ непродолжительны. Сожалѣютъ, что министръ окруженъ людьми, которые не поддерживаютъ въ немъ энергіи и не помогаютъ его памяти. Товарищъ его, князь Вяземскій, извѣстный поэтъ, никогда не былъ трудолюбивымъ. Изъ всѣхъ чиновниковъ министерства дѣятеленъ вице-директоръ департамента, Кисловскій, но и тотъ болѣе канцелярскій служитель, нежели ревнитель просвѣщенія, и бываетъ человѣкомъ недоброжелательнымъ. Онъ и нѣкоторые другіе изъ приверженцевъ министра, если иногда поддерживаютъ въ немъ, то чувства гнѣва, неблаговоленія къ кому-либо,

---

[1]) Писано въ январѣ 1858 г.

а не тѣ благородныя стремленія его, которыя клонятся къ успѣхамъ просвѣщенія.

По выходѣ въ свѣтъ стихотвореній Некрасова, Норову наговорили, что это книга вредная и даже возмутительная. Пригласивъ сочинителя, министръ вспыхнулъ и дѣлалъ ему строгія внушенія. Некрасовъ, объяснивъ направленіе своихъ стихотвореній, доказывалъ, что въ нихъ нѣтъ ничего неблагонамѣреннаго и столько убѣдилъ министра, что тотъ мало по малу утихалъ и наконецъ извинился передъ нимъ. Но на другой день министру внушили, что онъ напрасно извинилъ Некрасова и что сочиненія этого писателя дѣйствительно вредны. Министръ во второй разъ пригласилъ Некрасова, снова накричалъ на него и распорядился запрещеніемъ втораго изданія его книги. Это одинъ изъ примѣровъ, показывающихъ, сколько добръ и слабохарактенъ Норовъ.

Онъ исходатайствовалъ нѣсколько благодѣтельнѣйшихъ высочайшихъ повелѣній; но одни изъ нихъ остаются не вполнѣ исполненными, а по другимъ—не сдѣлано никакихъ распоряженій. Причина этому заключается въ тѣхъ свойствахъ главнаго начальника и его окружающихъ: какъ скоро доходитъ дѣло до составленія подробныхъ плановъ, смѣтъ и изысканія денежныхъ средствъ, то исполненіе начинаетъ медлиться, пріостанавливаться и забываться.

Около двухъ лѣтъ уже, какъ высочайше утверждено предположеніе о заведеніи училищъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Доселѣ только двумъ такимъ училищамъ положено основаніе не по распоряженіямъ министерства народнаго просвѣщенія, а по особымъ случаямъ. Ея Величество государыня императрица Марія Александровна соизволила высочайше повелѣть: на содержаніе въ Нижнемъ Новгородѣ дѣвичьей школы отпускать по 2.071 руб. въ годъ изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній. Еще въ Костромѣ открыто дѣвичье училище, для котораго почетный попечитель гимназіи Григоровъ пожертвовалъ домъ и обязался ежегодно вносить значительную сумму; онъ, сверхъ того, вызвался упрочить навсегда существованіе этого заведенія.

Въ мартѣ 1856-го года послѣдовало другое высочайшее повелѣніе посылать, для окончательнаго образованія, за границу мо-

лодыхъ ученыхъ, которые готовятся занять профессорскія каѳедры. Нѣсколько профессоровъ изъ разныхъ университетовъ отправлены въ путешествіе, для ознакомленія съ разными учеными предметами, но собственно изъ воспитанниковъ еще никто не посланъ.

Между тѣмъ попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, князь Щербатовъ, видя, что здѣшній университетъ не богатъ хорошими профессорами, ходатайствовалъ объ отправленіи за границу трехъ воспитанниковъ, признавая возможнымъ употребить на это сумму, до 4 т. р. сер., отпускаемую на окраску зданій, столовъ и на другіе неважные предметы по университету. Министръ согласился, и князь Щербатовъ предложилъ назначить достойнѣйшихъ. Профессора избрали трехъ воспитанниковъ, совѣтъ университета утвердилъ выборъ, и дѣло считалось рѣшеннымъ. Но когда попечитель доложилъ объ этомъ министру, то послѣдній началъ колебаться, находилъ разныя затрудненія и приказалъ войти съ представленіемъ чрезъ департаментъ. Здѣсь вице-директоръ Кисловскій все опрокинулъ, по той законной причинѣ, что сумму, назначенную на одинъ предметъ, нельзя переносить на другой, не принимая во вниманіе убѣжденій попечителя, что по столь полезному предмету было бы можно исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе. Предпріятіе разстроилось: и студенты, предназначенные въ путешествіе, и профессора, ихъ избравшіе, и совѣтъ университета, одобрившій выборъ, и попечитель—всѣ остались въ уныніи. Князь Щербатовъ однакоже нѣсколько поправилъ это дѣло собственнымъ пожертвованіемъ. Ему, какъ члену ученаго комитета, сверхъ другихъ окладовъ, производится по 1.500 руб. сер. въ годъ. Онъ отказался отъ этихъ денегъ съ тѣмъ, чтобы онѣ употреблены были на заграничное путешествіе одного изъ трехъ избранныхъ воспитанниковъ.

Вообще, князя Щербатова чрезвычайно хвалятъ. По управленію ввѣреннымъ ему округомъ, по цензурѣ и по внимательности къ ученымъ, онъ вездѣ показываетъ ревность на пользу службы и просвѣщенія.

Наконецъ, также около двухъ лѣтъ, министръ народнаго просвѣщенія испрашивалъ и получилъ высочайшее дозволеніе пересмотрѣть цензурный уставъ; но по этому предмету ничего не исполнено, тогда какъ пересмотръ устава и примѣненіе правилъ цензуры

къ современнымъ обстоятельствамъ дѣлается болѣе и болѣе необходимымъ. Въ литературѣ нашей проявилось, запрещавшееся прежде, общественное мнѣніе; писатели начали разсуждать о вопросахъ общественныхъ и государственныхъ, обличать недостатки и злоупотребленія, наводить правительство на улучшеніе тѣхъ предметовъ въ административномъ и судебномъ мірѣ, противъ которыхъ слышится въ народѣ неодобреніе. Какъ эти предметы совершенно новые, то въ нашемъ цензурномъ уставѣ и нѣтъ правилъ, по которымъ слѣдуетъ судить о произведеніяхъ подобнаго рода. Цензоры, не имѣя въ законахъ опоры, дѣйствуютъ въ темнотѣ ощупью, пропускаютъ или запрещаютъ, но по собственному усмотрѣнію, не зная, согласны ли сочиненія съ видами правительства, и боясь за каждое подвергнуться отвѣтственности.

Несмотря на это, министръ народнаго просвѣщенія медлитъ пересмотромъ цензурнаго устава; въ періодическихъ изданіяхъ нашихъ помѣщаются статьи съ сужденіями, не рѣдко слишкомъ смѣлыми, и дѣло дошло до того, что Его Величество на докладѣ объ этомъ его же, министра, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, 1857 года собственноручно написалъ: «Подобныя сужденія, о вопросахъ государственныхъ и общественной нашей жизни, весьма часто несогласныя съ Моими мыслями, возбуждая только напрасно умы, могутъ насъ весьма далеко повести. Вотъ почему возлагаю на вашу обязанность доводить до Моего свѣдѣнія всѣ подобныя статьи, въ которыхъ проявляются стремленія къ нововведеніямъ, дабы Я могъ судить о нихъ и останавливать тѣ, кои сочту вредными. Ту же обязанность возлагаю и на прочихъ гг. министровъ, каждому по своей части, и требую, чтобы они доносили прямо Мнѣ».

IX.

А. М. Княжевичъ и Е. П. Ковалевскій [1]).

Въ мартѣ 1858 г. назначены два новыхъ министра, тайные совѣтники Княжевичъ и Ковалевскій.

[1]) Писано въ январѣ 1859 года.

Первый изъ нихъ почти всю свою службу, начиная отъ низшихъ до высшихъ должностей, проходилъ въ министерствѣ финансовъ. По даровитости, многостороннему образованію и опытности въ дѣлахъ финансовой части, онъ съ давняго времени пользуется обширною извѣстностію, такъ что о немъ знаютъ и имя его произносятъ съ уваженіемъ во всей Россіи. Назначеніемъ его въ министры финансовъ было отгадано общее желаніе, и едва-ли найдется такой, кто бы сказалъ, что Княжевичъ теперь не на своемъ мѣстѣ, или что слѣдовало бы назначить министромъ финансовъ кого-либо другаго. Доселѣ изъ важныхъ распоряженій онъ допустилъ только уничтоженіе 60 т. руб. кредитныхъ билетовъ и объявилъ мысль, что торги на питейные откупа были послѣдніе. Въ первомъ случаѣ имъ вѣрно угадана истинная причина возвышенія цѣнъ на всѣ предметы народнаго потребленія—чрезмѣрное количество обращающихся у насъ денежныхъ билетовъ, и означеннымъ распоряженіемъ съ одной стороны пріостановлено дальнѣйшее возвышеніе цѣнъ, тягостное особенно для бѣднаго класса жителей, а съ другой—предотвращенъ еще большій упадокъ цѣнности денегъ, отъ котораго могли бы произойти важныя общественныя неудобства. Во второмъ случаѣ всѣ обрадованы были даже предположеніемъ измѣнить откупную систему, потому что, сколько ни важна эта статья государственнаго дохода, но она, какъ основанная на порчѣ нравовъ и разслабленіи физическихъ силъ народа, есть грустный доходъ, не соотвѣтствующій достоинству правительства. Съ одобреніемъ замѣчаютъ также, что новый министръ финансовъ старается окружить себя людьми способными и спеціалистами. Такимъ образомъ онъ избралъ директоромъ канцеляріи по кредитной части тайн. сов. Гагемейстера, который и службою и сочиненіями своими доказалъ глубокія познанія въ теоріи финансовой науки. Вообще, предварительною извѣстностію своею, Княжевичъ поставилъ себя въ такое счастливое положеніе, что, съ назначеніемъ его въ министры, всѣ успокоились на счетъ управленія нашими финансами; убѣждены, что онъ не предприметъ никакихъ шаткихъ или обманчивыхъ мѣръ, и не упуститъ случая, когда потребуютъ или дозволятъ обстоятельства, сдѣлать все истинно полезное. Эта увѣренность въ дарованія министра такъ велика, что если онъ, въ продолженіе своего министерства, не

сдѣлаетъ ничего особенно важнаго, то и тогда, кажется, не перестанутъ считать его лучшимъ, послѣ графа Канкрина, министромъ финансовъ.

Тайный совѣтникъ Ковалевскій, при вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, не имѣлъ той выгоды, какъ его сотоварищъ. Дѣла свои онъ всегда велъ тихо, такъ что о немъ ни въ какихъ обществахъ ничего не говорили. И нынѣ, коротко знающіе его на вопросъ о немъ отвѣчаютъ только, что это самый мирный человѣкъ, который со всѣми уживался и никогда ни съ кѣмъ не имѣлъ непріятныхъ столкновеній. Таковъ онъ и въ управленіи министерствомъ. Дѣйствуя по примѣру своихъ предшественниковъ и по высочайшимъ указаніямъ, онъ исполняетъ свои обязанности, придерживаясь во всемъ середины и распоряжается съ тою умѣренностію, которая ни въ комъ не возбуждаетъ ни ропота, ни толковъ.

Быть можетъ по обстоятельствамъ нашего времени и нуженъ именно такой министръ просвѣщенія. Нынѣ столь сильно возбуждено стремленіе къ высшему просвѣщенію и желаніе распространить образованіе на всѣ сословія, а писатели наши до такой степени усвоиваютъ себѣ право общественнаго голоса и суда, что теперь слѣдуетъ болѣе пріостанавливать, нежели поощрять, а если чего недостаетъ въ новомъ министрѣ, то развѣ энергіи и твердости при нѣкоторыхъ случаяхъ удерживать просвѣщеніе въ должныхъ предѣлахъ.

X.

Николай Павловъ,—чиновникъ и писатель.

Въ Москвѣ жительствуетъ, безъ службы, чиновникъ Николай Павловъ. Онъ человѣкъ весьма умный и оборотливый, самъ составилъ себѣ состояніе и сдѣлался еще богаче, женившись на дочери статскаго совѣтника Я—ша.

Сначала Павловъ пользовался любовью тестя, который поручилъ ему въ управленіе все свое имѣніе, около 1.000 душъ кре-

стьянъ. Въ нѣсколько лѣтъ управленія этимъ имѣніемъ, Павловъ прикупилъ новыя деревни, такъ что у Я—ша возросло число крестьянъ до 2.500 душъ. Павловъ устроилъ въ этихъ имѣніяхъ заводы и фабрики, ввелъ улучшенные способы хозяйства и обработыванія земли. Отъ этого доходы Я—ша удвоились или утроились.

Но между тѣмъ, произошло несогласіе въ семействѣ Павлова; домашнія ссоры кончились тѣмъ, что жена оставила мужа и мало-по-малу возстановила и отца противъ него. Я—шъ представилъ жалобу, что зять его разстроилъ имѣніе, доказывая, что хотя имѣніе удвоено, но столько сдѣлано для этого долговъ, что если все продать, то они не будутъ сполна уплачены.

Назначено было слѣдствіе, и произведенъ былъ обыскъ у Павлова. Между другими бумагами нашлись у него рукописи неблаговиднаго содержанія, напримѣръ: письма, нѣсколько вольнодумныя, Мельгунова, копія съ извѣстнаго письма умершаго литератора Бѣлинскаго къ Гоголю, безнравственнаго, противорелигіознаго и дерзкаго содержанія [1]).

За управленіе имѣніемъ тестя осудить Павлова было трудно; но за бумаги выслали его въ Вятку, въ 1850 или 1851 году. Тамъ онъ пробылъ года четыре. По смерти тестя, г. московскій военный генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ простить Павлова, и ему, назадъ тому съ годъ [2]), дозволено возвратиться въ Москву.

Павловъ очень образованный и пріятный въ обращеніи человѣкъ и считается однимъ изъ лучшихъ русскихъ писателей.

Въ сороковыхъ годахъ онъ издалъ «Три повѣсти», а потомъ «Новыя повѣсти». Въ первой книгѣ повѣсть «Ятаганъ» обратила на себя вниманіе правительства. Въ ней описано соперничество полковаго командира съ юнкеромъ. Дѣвица, въ которую они влюбились, разумѣется, предпочла юнкера. Полковой командиръ за это преслѣдовалъ его по службѣ и довелъ до того, что юнкера сначала по суду лишили дворянства и разжаловали въ солдаты, а потомъ прогнали сквозь шпицрутены. Озлобленный молодой человѣкъ ятаганомъ закололь своего начальника.

---

[1]) Это письмо Бѣлинскаго напечатано въ «Полярной Звѣздѣ» Герцена.
[2]) Писано 7-го сентября 1856 года.

Великій князь Михаилъ Павловичъ находилъ, что эта повѣсть есть клевета на военную службу, —и книгу запретили. Въ Бозѣ почившій императоръ Николай I предполагалъ, сверхъ того, подвергнуть взысканію сочинителя книги; но за него предстали ходатаями покойный В. А. Жуковскій и графъ Віельгорскій. Государь не соглашался на милость и между прочимъ спросилъ: кто этотъ сочинитель? Жуковскій отвѣтилъ, что это московскій житель, талантливый и замѣчательный писатель, Николай Павловъ. Императоръ Николай Павловичъ, разсмѣявшись, изволилъ сказать: «Увѣряю васъ, господа, что это не я». Каламбуръ этотъ столько развеселилъ самого государя, что о взысканіи съ сочинителя послѣ того не было и помина.

Въ недавнемъ времени Павловъ напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» разборъ комедіи «Чиновникъ», соч. графа Сологуба.

XI.

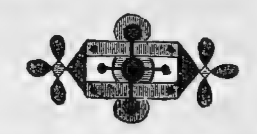
Избраніе мѣста для памятника Крылову.

Вскорѣ по смерти Крылова, одинъ изъ душеприкащиковъ его, Я. И. Ростовцевъ, встрѣтившись съ Н. Кукольникомъ и А. Краевскимъ, пригласилъ ихъ въ тотъ же день на вечеръ.

— Мы поговоримъ,—сказалъ онъ, заикаясь,—и объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ.

Приглашенные пріѣхали и нашли у Ростовцева Греча и еще двухъ, трехъ какихъ-то генераловъ. Хозяинъ, дѣйствительно, разсказывалъ о послѣднихъ дняхъ и часахъ жизни Крылова. Потомъ зашла рѣчь, что было бы хорошо поставить памятникъ знаменитому баснописцу не на одной могилѣ, но и въ Петербургѣ, собравъ для этого деньги посредствомъ подписки, какъ на памятникъ народному писателю. Выбирая мѣсто для памятника, рѣшили, что всего лучше быть ему въ садикѣ, противъ Александринскаго театра. Этотъ садикъ лѣтомъ наполняется дѣтьми; противъ него, въ домѣ Публичной библіотеки, долго жилъ Иванъ Андреевичъ; въ Александринскомъ театрѣ когда-то играли его «Модную лавку» и другія комедіи; въ Анич-

кинъ дворецъ нерѣдко его приглашали на семейные царскіе вечера. Тутъ онъ стоялъ бы на хорошемъ, но все-таки скромномъ мѣстѣ и былъ бы виденъ съ Невскаго проспекта. Положили: такъ тому и быть. Ростовцевъ взялся ходатайствовать черезъ великаго князя Михаила Павловича. Государь на подписку для памятника согласился, но о предназначенномъ мѣстѣ сказалъ: «Близко къ фельдмаршаламъ!» [1]) Послѣ того думали поставить памятникъ на набережной Васильевскаго острова, между университетомъ и академіей наукъ. Тутъ было бы также хорошо и памятникъ былъ бы виденъ съ адмиралтейской стороны. Но государь и это мѣсто нашелъ слишкомъ виднымъ для писателя. Кончилось тѣмъ, что памятникъ въ Лѣтнемъ саду!

[1]) Противъ Казанскаго собора стоятъ памятники Кутузову и Барклаю.

Объявленія въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1786 году, февраль, среда 25-го № 16.

Англія, изъ Лондона. Февраля 3-го. Одинъ забавникъ пересчиталъ въ здѣшнемъ городѣ всѣхъ женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ и хочетъ ежегодно издавать списокъ оныхъ. По его исчисленію (въ справедливости котораго позволяется однакожъ усумниться) находится здѣсь:

Женъ, которыя убѣжали отъ своихъ мужей	1.132
Мужей, которые оставили своихъ женъ.	2.348
Разведенныхъ законно мужей и женъ	4.175
Супруговъ, кои живутъ въ явной между собою враждѣ .	17.345
Супруговъ, кои предъ глазами чужихъ людей живутъ хорошо другъ съ другомъ, а въ самомъ дѣлѣ одинъ другаго терпѣть не могутъ	13.279
Супруговъ, кои равнодушны другъ къ другу	55.246
Такихъ, коихъ посторонніе почитаютъ счастливыми . .	3.175
Такихъ, кои въ сравненіи съ другими благополучны . .	137
Дѣйствительно щастливыхъ паръ	13
	96.840

№ 27. Пятница 3 апрѣля.

Противъ Гостинаго двора въ домѣ г. Шемякина въ книжной лавкѣ подъ № 21, продается книга: «Способъ извѣданный опытомъ превратить вѣтреную и упрямую жену въ постоянную и послушную». 35 к.

№ 36. Среда 6 мая.

Въ 7-ой части 4-го квартала подъ № 35 на Пречистенкѣ, продается самая лучшая Русская Женщина. О цѣнѣ спросить въ семъ домѣ у Гаврилы Кожемякина.

ГУСТАВЪ IV
и
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.
1794—1796 г.г.

(По неизданнымъ документамъ шведскаго королевскаго архива) [1].

III.

Положеніе Стединга день ото дня становилось затруднительнѣе. Несмотря на тревожные слухи, доходившіе до Петербурга, о новыхъ замыслахъ герцога-регента, имъ какъ будто бы не вѣрили. Императрица при всякомъ удобномъ случаѣ подтверждала свое желаніе видѣть внучку на шведскомъ престолѣ, а Стедингъ, дѣйствовавшій въ силу данныхъ ему инструкцій, поддерживалъ это желаніе своими переговорами. Но у регента и его приближенныхъ была с в о я политика, и Стедингъ, въ концѣ концовъ, сталъ какъ будто въ ней сомнѣваться:

«Трудъ, который я испытываю, государь, принуждая себя писать четко и ясно,—доносилъ онъ регенту 24 февраля (7 марта) 1795 г. [2],—и очки, къ коимъ я прибѣгнулъ благодаря сезону, заставляютъ меня пользоваться г. Геннингсомъ, моимъ вторымъ «я», чтобы передать вамъ мое всеподданнѣйшее донесеніе. Я не могу, однако, отказать себѣ въ удовольствіи поздравить ваше королевское высочество съ той благопріятной перемѣной, которая обнаружилась въ (нашихъ) дѣлахъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» февраль 1896 г.
[2]) Très humble Apostille, Court Stedingk till Hertigen Regenten.

За исключеніемъ презрѣнной жизни Армфельда, каковую ваше высочество за нимъ все равно бы сохранили, хотя по собственному съ вашей стороны милосердію, во всемъ остальномъ, мнѣ кажется, дѣла идутъ успѣшно, ежели только проектируемый бракъ составляетъ дѣйствительно ваше желаніе. Простите мнѣ это сомнѣніе, государь. Закрадываясь во мнѣ невольно, оно смущало иногда мои мысли, вызывая каждый разъ съ моей стороны справедливые къ себѣ упреки. Но во власти вашего королевскаго высочества желать и не желать чего-нибудь, и вы, государь, достаточно меня уважаете, чтобы не скрывать отъ моего вниманія истинныя ваши чувства. Я знаю, что по обязанностямъ, намъ присущимъ, мы не болѣе какъ орудіе придворной политики; что нами пользуются поперемѣнно, то въ видѣ пугала (d'épouvantails), то— приманки (de leurres), но дружба, которою ваше королевское высочество мнѣ дѣлаете честь, гарантируетъ меня отъ подобнаго униженія. Я убѣжденъ, и вы, я думаю, также, государь, что въ политикѣ можно быть искреннимъ и честнымъ, и что наибольшаго достигаютъ именно въ этомъ направленіи. Впрочемъ, могло случиться, что ваше королевское высочество иначе взглянули на бракъ, признали его невыгоднымъ для Швеціи. Подобнаго взгляда держатся многіе и, хотя я не раздѣляю его лично, тѣмъ не менѣе я очень далекъ отъ мысли полагать, что онъ безошибоченъ. Но вы, государь, вы не начали бы переговоровъ, если бы не желали брака, не вели бы ихъ послѣдовательно и въ особенности не возобновили ихъ, когда императрицѣ заблагоразсудилось ихъ порвать и когда она вызвала взрывъ негодованія со стороны вашего королевскаго высочества. Вотъ основанія, которыми я старался убѣдить Маркова и въ которыхъ убѣжденъ самъ. Правда, ваше королевское высочество связали съ этимъ бракомъ условія, которыя кажутся не только неисполнимыми, но могутъ помѣшать проекту и въ другой разъ; однако вы сами замѣтили сближеніе, и я не сомнѣваюсь, что Небо благословитъ это предпріятіе на благо и покой Швеціи, для вашего счастья, государь, въ частности. Оно обезоружитъ вашихъ враговъ, сохранитъ благотворное вліяніе ваше въ совѣтѣ короля и въ будущихъ предпріятіяхъ государства.

«Но ежели невидимыя причины препятствуютъ осуществленію проекта, вами самими составленнаго, готовьтесь, государь, не пользоваться ни спокойствіемъ, ни отдыхомъ отъ здѣшней страны. Конечно, не императрицу намъ долго страшиться. Дни ея клонятся къ закату, хотя она совершенно оправилась отъ своей болѣзни и въ настоящую минуту чувствуетъ себя лучше, чѣмъ когда-либо. Но (остаются) великій князь-отецъ и сыновья его, которые всѣ нѣжно любятъ великую княжну Александру, желаютъ этого брака и, надѣясь на него, станутъ врагами Швеціи и вашего королевскаго высочества, въ чемъ, конечно, встрѣ-

тятъ единодушіе своихъ министровъ, всегда расположенныхъ къ мщенію. Необходимо въ такомъ случаѣ оградить себя отъ опасности. Пока, разумѣется, намѣреніе Россіи вторгнуться въ Финляндію въ теченіе зимы и до будущей весны совершенно неисполнимо. Желательно, впрочемъ, чтобы провинція эта, такъ сказать, «точка опоры Швеціи» (boulevard de la Suède) была бы лучше защищена. Я хотѣлъ бы сдѣлать ее похожей на Швейцарію, въ смыслѣ военнаго устройства: такимъ образомъ, запасшись оружіемъ и провіантомъ, заинтересовавъ въ особенности жителей въ ея защитѣ, намъ нечего было бы страшиться многочисленныхъ войскъ русскихъ. Война велась бы заступомъ и пушкой, а вооруженные крестьяне на половину справились бы съ задачей...»

Изъ приведеннаго письма не трудно усмотрѣть, что Стедингъ является довольно смѣлымъ защитникомъ проектированнаго брака короля. Поступалъ ли онъ въ этомъ случаѣ искренно, руководясь личными симпатіями къ невѣстѣ, равно какъ выгодами, которыя представлялъ этотъ союзъ для Швеціи, теперь трудно сказать, еще менѣе выяснить оффиціальной перепиской. Однако въ отвѣтъ на это донесеніе въ Стокгольмѣ продолжали хранить зловѣщее молчаніе. Въ Петербургѣ недоумѣвали; Стедингъ волновался. «Здоровье мое, о которомъ ваше королевское высочество благоволите освѣдомляться,—писалъ онъ, между прочимъ, герцогу-регенту 20 (31-го) марта 1795 г.,—не изъ лучшихъ. Мечъ точитъ ножны (l'epée use le fourreau). Я волнуюсь ежедневно [1]) и близокъ къ 70-ти-лѣтней годовщинѣ. Нужно правду сказать, что ваше королевское высочество льете бальзамъ на мои раны (du baume sur mes plays), объявляя мнѣ, что довольны мною, но какъ желалъ бы я, чтобы довольство это распространилось и на дѣло, порученное моему попеченію, чтó пока, увы, невозможно. Баронъ Рейтергольмъ передастъ вамъ, государь, чтó происходило по поводу послѣднихъ переговоровъ. Императрица гораздо больше любитъ свое тщеславіе (sa gloriole), нежели внучку, какъ ни любезно и ни прекрасно это дитя. Кромѣ того и судя по настроенію, которое въ виду вышеизложеннаго здѣсь, понятно, царствуетъ, я надѣюсь, что мы сохранимъ миръ, и что Богъ поможетъ мнѣ служить къ тому орудіемъ въ рукахъ вашего королевскаго высочества. Нужно, государь, чтобы правленіе ваше прошло цѣльнымъ и совершеннымъ, безъ пятна слезъ или крови на лепесткахъ, которыми исторія его передастся потомству. Это мое душевное желаніе, внушенное искреннею и почтительною привязанностію къ вашему королевскому высочеству, равно какъ чувствами уваженія и благоговѣнія, съ коими пребуду до гроба». Одновременно волновалъ Стединга и нѣкій Штокенстрёмъ (Sto-

[1]) Je fais du mauvais sang—выраженіе въ буквальномъ смыслѣ не переводимое: я порчу себѣ кровь—я волнуюсь.

kenström) — молодой человѣкъ, прибывшій въ Россію съ рекомендательнымъ письмомъ герцога Зюдерманландскаго; онъ былъ принятъ въ Петербургѣ чуть ли не за тайнаго агента шведскаго правительства. Посвящая ему нѣсколько донесеній, не идущихъ прямо къ сути настоящаго разсказа, шведскій посолъ останавливается по пути на характеристикахъ нѣкоторыхъ вельможъ, приближенныхъ къ императрицѣ, съ которыми сталкивался, или о которыхъ сообщалъ различныя свѣдѣнія вернувшійся на родину Штокенстрёмъ. Дѣло въ томъ, что этотъ господинъ, по существу ничтожный хвастунъ и авантюристъ, въ числѣ другихъ небылицъ, смутившихъ покой стокгольмскихъ дипломатовъ, разсказывалъ, между прочимъ, что у императрицы происходятъ между Зубовымъ, Штакельбергомъ, де-Рибасомъ и Ламбертомъ «тайныя совѣщанія». Конечно, это «чистѣйшій вымыселъ», по мнѣнію Стединга. «Никогда императрица не назначаетъ совѣщаній у себя,—говоритъ онъ въ письмѣ 13 (24-го) апрѣля къ Рейтергольму, — она приказываетъ секретарямъ читать себѣ утромъ составленныя ею депеши, принимаетъ за туалетомъ, послѣ чего приходятъ съ докладомъ министры и начальники военныхъ частей. Послѣ обѣда она уже не работаетъ. Г. Зубовъ, который приходитъ и уходитъ отъ нея во всякое время, дѣйствительно имѣетъ въ своей канцеляріи отдѣльныя совѣщанія. Здѣсь, между прочимъ, рѣшается и большинство дѣлъ. У него, конечно, много отношеній къ де-Рибасу, вслѣдствіе чего нерѣдко оба запираются на нѣсколько часовъ отдѣльно для разговоровъ; но, я увѣренъ, что мы не при чемъ въ этихъ продолжительныхъ бесѣдахъ. Г. Рибасъ командиръ черноморской эскадры, директоръ учрежденій морскаго вѣдомства, коммиссій по постройкѣ городовъ и портовъ въ обширныхъ губерніяхъ г. Зубова, не можетъ даромъ тратить время. Къ тому же, будучи наканунѣ отъѣзда, онъ еще жалуется, что не закончилъ и половины своихъ дѣлъ. Обращаясь затѣмъ къ Штакельбергу,—то на самомъ дѣлѣ, онъ частый гость Зубова, но—какъ придворный и собесѣдникъ, не больше: лишенный довѣрія и уваженія, онъ, разумѣется, не играетъ роли совѣтника. Ничтожность его стала еще болѣе полной, съ тѣхъ поръ какъ онъ оскорбилъ г. Маркова неосторожными выраженіями, на что тотъ отвѣчалъ грубою бранью. Въ настоящее время, хотя вражда умѣрилась и внѣшній миръ возстановленъ, однако закваска (le levain) ненависти осталась. Что касается г. Ламберта, то портретъ его я недавно набросалъ вашему превосходительству. Холодный, сухой, дѣятельный и справедливый, правдивый и честный, онъ сумѣлъ заслужить уваженіе императрицы и всѣхъ тѣхъ, кто его знаетъ. Между прочимъ, онъ составилъ прекрасную записку, утверждавшую необходимость нашего нейтралитета, вмѣстѣ съ другими истинами равносильнаго значенія, и эта записка была прочтена г. Зубовымъ. Можетъ быть, поэтому,

отчасти чтобы удалить его отсюда, отчасти, чтобы воспользоваться его услугами, его снабдили въ концѣ концовъ порученіемъ, настоящій смыслъ котораго пока неизвѣстенъ. Меня, впрочемъ, увѣрили, что конечный его пунктъ—Швейцарія; но отправляется ли онъ въ Берлинъ для совѣщаній съ Бишофсвердеромъ [1]), его другомъ, или въ другую часть Германіи, чтобы тайно переговорить о бракѣ великаго князя Константина,—вотъ чего я еще не могу утверждать».

Между тѣмъ политическій горизонтъ все болѣе и болѣе омрачался. Польшу не подѣлили еще, Парижъ трепеталъ отъ охватившей его революціонной горячки, Россія готовилась къ союзу съ Англіей... «Я узналъ, что условія проектированнаго трактата между Англіей и Россіей,—писалъ дальше Стедингъ (отъ того же 13 (24-го) апрѣля)—должны быть приняты, что Россія даетъ 12 строевыхъ судовъ и 6 фрегатовъ на помощь Англіи; что обѣ державы гарантируютъ другъ другу свои владѣнія въ Европѣ, не включая сюда, вѣроятно, новыя пріобрѣтенія въ Польшѣ, которыя, собственно говоря, находятся еще въ періодѣ раздѣла; что, сверхъ того, Россія беретъ на себя охрану Балтійскаго моря. Мы увидимъ при возвращеніи г. Енсли [2]), котораго ждутъ на-дняхъ, если эти условія осуществятся въ дѣйствительности. Послѣдній курьеръ, котораго г. Кобенцель [3]) послалъ своему двору, повезъ формальное обѣщаніе императрицы заплатить императору, по первому его требованію, 120 тысячъ рублей серебромъ, слѣдующихъ ему въ силу союзнаго договора, существующаго между обѣими державами, за три года войны противъ Франціи. Этотъ платежъ былъ оспариваемъ до сихъ поръ какъ императрицей, которая считала, что потратила очень много на эту войну, такъ равно и самимъ императоромъ, который желалъ имѣть войска, условленныя по трактату, вмѣсто равнозначащаго имъ денежнаго вознагражденія. Словомъ, требованіе императора и упрямство императрицы достигли высшихъ предѣловъ. Курьеръ, принятый г. Тауенцинъ [4]), о которомъ я имѣлъ уже честь упоминать въ послѣдней своей депешѣ, привезъ ему приказаніе объявить, кому слѣдуетъ, что его прусское величество ни подъ какимъ видомъ не желаетъ отказаться отъ города Кракова и палатината того же имени.

«Подобная декларація уже три или четыре раза повторяется въ отвѣтъ на всѣ усилія здѣшняго двора заставить его прусское величество уступить краковскій палатинатъ императору (австрійскому). Поэтому новость, сообщенная вашимъ превосходительствомъ въ послѣднихъ депе-

[1]) Фонъ-Бишофсвердеръ, Іоганнъ-Рудольфъ, генералъ и министръ Пруссіи (см. о немъ „Сбор. Импер. Р. Ист. Общ.“ XXIX, 63, 64, 297 и 526).

[2]) Посланникъ Англіи въ Турціи.

[3]) Графъ Кобенцель, посолъ императора Іосифа II въ Россіи.

[4]) Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Пруссіи.

шахъ о перемиріи и мирѣ между Пруссіей и Франціей, явилась какъ нельзя болѣе кстати и какъ ближайшее слѣдствіе названной деклараціи. Но такъ какъ императрица твердо рѣшила, какъ увѣряли меня лица свѣдущія, не уступать королю прусскому Варшавы до тѣхъ поръ, пока онъ не передастъ Кракова императору, то здѣсь уже толковали о близкой войнѣ съ Пруссіей и о союзѣ послѣдней съ Франціей. Какъ вдругъ, курьеръ, котораго графъ Тауенцинъ принялъ вчера въ полдень, привезъ ему извѣстіе о новомъ побоищѣ и революціи въ Парижѣ, которая ниспровергнула партію умѣренныхъ и дала торжество въ руки якобинцамъ. Письма изъ Берлина помѣчены 11-мъ апрѣля. Король пишетъ собственноручно г. Тауенцину, что, въ виду настоящихъ печальныхъ событій, вѣроятность мира улетучилась. Иначе думаетъ русскій кабинетъ, для котораго все происходящее чудеснымъ образомъ соотвѣтствуетъ его политическимъ видамъ. Мнѣ остается лишь увѣдомить ваше превосходительство, что императрица не сочла возможнымъ взять на себя хлопоты по принятію меня кавалеромъ ордена Серафимовъ. Причина тому безъ сомнѣнія неудовольствіе, которое она питаетъ къ намъ; письмо же, написанное ей королемъ, послужило лишь предлогомъ къ этому. Начиная съ адреса и кончая подписью его величества, гдѣ слово «союзникъ» было выпущено, все это письмо, показанное мнѣ вице-канцлеромъ, сдѣлалось предметомъ обсужденій и споровъ весьма непріятнаго свойства, о которыхъ я буду имѣть честь сообщить вашему превосходительству черезъ г. Штерневаля, отъѣзжающаго въ началѣ будущей недѣли. Такъ какъ ничего не предвидится спѣшнаго и такъ какъ настоящее дѣло не представляетъ другаго затрудненія, кромѣ того, что мы предприняли шагъ безполезный, хотя въ то же время неизбѣжный, я счелъ полезнымъ ускорить отъѣздъ названнаго курьера, поручивъ ему отвезти успокоительныя вѣсти барону Клингспорру, чѣмъ задерживать его для разъясненій подробностей, которыя вы, получивъ слишкомъ рано, не догадались бы признать лишь варіантомъ на ту же тему. Впрочемъ, отказъ еще не послѣдовалъ, хотя не замедлитъ явиться. Я разсчитываю, несмотря на это, воспользоваться разрѣшеніемъ его величества надѣть орденъ въ будущій понедѣльникъ, въ день орденскаго праздника. Но пока настоящее письмо дойдетъ по назначенію, король, быть можетъ, уже получитъ отвѣтъ императрицы, предположенный ею на письмо его величества,— отвѣтъ, наполненный, конечно, жалобами по адресу предъидущаго письма, но на который, я увѣренъ, король обратитъ столько вниманія, сколько этотъ отвѣтъ его заслуживаетъ».

Затѣмъ два слѣдующія письма шведскаго посланника не мѣняютъ сущности дѣла ни въ чемъ. Стедингъ по-прежнему остается въ невѣдѣніи того, что творится за двойными сторами шведскаго кабинета, а русское правительство полу-снисходительно, полу-серьезно выслушиваетъ

его безконечныя разсужденія о бракѣ, который обѣими сторонами признается все-таки «невозможнымъ». Но есть нѣчто новое въ этихъ переговорахъ. Россія, которая въ лицѣ своей высокой представительницы прекрасно знаетъ, чего она хочетъ, перешла теперь отъ политики наступательной и завлекающей къ политикѣ выжидательной и наружно даже равнодушной. Вслушайтесь въ послѣдніе разговоры Маркова и Зубова, которые, что бы ни говорилъ Стедингъ о вліяніи окружающей среды на рѣшенія императрицы, являются лишь вѣрными истолкователями ея воли. Развѣ это не политика опытной въ «сердечныхъ бояхъ» кокетки, которая словно говоритъ своему поклоннику: «я знаю, что я тебѣ нравлюсь, знаю, что ты желаешь союза со мной, но ты не хочешь исполнить мои капризы, а я не хочу тебѣ уступать. Впрочемъ, я увѣрена, что мнѣ стоитъ только поманить пальцемъ, и ты будешь у моихъ ногъ»... Конечно, подобный складъ мыслей могъ быть умѣстенъ только при исключительныхъ взглядахъ Екатерины на предметъ обсужденій. «Сосѣдство Швеціи,—писалъ 11 іюня 1795 г. Безбородко кн. Репнину,—намъ нимало не опасно. Флотъ ихъ далеко отъ значущаго состоянія. Данія нимало не расположена на податливость къ ихъ видамъ, а ясно оказываетъ къ намъ наклонность, наипаче же со времени сближенія нашего съ Англіей» [1]). Такимъ образомъ ни страхъ войны, ни преимущества мира не могли служить стимулами для Россіи воевать или дружить со Швеціей.

«Переговоры, мой дорогой генералъ,—писалъ Стедингъ Рейтергольму 22 апрѣля (3 мая) 1795 г.,—о бракѣ короля окончательно не удались. Еще раньше я сомнѣвался въ этомъ, о чемъ своевременно имѣлъ честь докладывать вамъ, а въ настоящее время вполнѣ убѣдился.

«На другой день послѣ полученія эстафеты вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ отъ 23 февраля, я имѣлъ случай видѣться съ г. Марковымъ и сообщить ему, что мною полученъ отвѣтъ на предложенія, которыя императрица поручила ему передать черезъ меня его королевскому высочеству.

«Казалось, онъ очень интересовался узнать отвѣтъ, хотя и предъугадывалъ, что онъ будетъ неблагопріятнымъ. Я употребилъ всевозможное стараніе, чтобы представить въ изысканно-вѣжливыхъ и любезныхъ выраженіяхъ всю невозможность для его величества и для принца-регента принять приглашеніе ея величества императрицы и добавилъ, что во всемъ остальномъ мнѣ приказано держаться прежнихъ инструкцій, въ которыхъ его королевское высочество ничего не можетъ измѣнить ни на одну іоту.

«Г. Марковъ возразилъ, что, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ считать пере-

---

[1]) „Сб. Им. Р. Ист. Общ.“ XXIX, 303.

говоры недѣйствительными и предать ихъ забвенію—и тотчасъ же перемѣнивъ разговоръ, началъ меня спрашивать о дѣлѣ Касстрёма, о которомъ я пишу съ этимъ же самымъ курьеромъ къ г. канцлеру (Grand-Chevalier?) Я сказалъ ему, что уже имѣлъ объясненіе по этому поводу съ графомъ Остерманомъ, и просилъ его доложить императрицѣ все, что я ему сообщилъ относительно переговоровъ о бракѣ,—которые я не могу считать окончательно порванными до тѣхъ поръ, пока ея величество не извѣститъ меня о своемъ рѣшеніи касательно этого дѣла.

«Г. Марковъ старался мнѣ дать понять, что, съ этой минуты, я могу быть вполнѣ увѣреннымъ, что императрица ни за что въ мірѣ не согласится перемѣнить что-либо въ сдѣланныхъ ею недавнихъ предложеніяхъ, не принятыхъ моимъ правительствомъ и, разъ дѣло дошло до того—безцѣльно его и возобновлять.

«Я видѣлъ, что продолжать этотъ разговоръ—совершенно безполезно и что необходимо дать время сгладиться первому впечатлѣнію. Досада г. Маркова была очень замѣтна, хотя онъ всѣми силами старался ее скрыть. Я же, съ своей стороны, считалъ достаточнымъ выразить ему надежду, что онъ скоро поставитъ меня въ извѣстность относительно отвѣта императрицы, который я долженъ представить моему правительству, такъ какъ на него возложено было вести переговоры по этому дѣлу. Прошло нѣсколько дней, а извѣщенія со стороны г. Маркова никакого не послѣдовало; наконецъ, какъ-то вечеромъ, я пригласилъ его къ себѣ ужинать и, замѣтивъ, что онъ избѣгаетъ говорить со мной наединѣ, я отвелъ его въ сторону, дабы узнать, на чемъ рѣшила императрица по этому вопросу. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что императрица оставалась непоколебимой въ своемъ рѣшеніи и что, несмотря на пламенное желаніе съ ея стороны брака короля съ ея внучкой, при всемъ искреннемъ расположеніи къ юному королю,—она видитъ, что слѣдуетъ отказаться отъ этой мечты, такъ какъ условія, поставленныя его королевскимъ высочествомъ, противны чести и чувству деликатности и что она никогда не дастъ согласія на то, чтобъ внучка ея отреклась отъ своей религіи.

«Затѣмъ онъ слегка коснулся дѣла Армфельдта, продолжая настойчиво отрицать, что онъ скрывается въ Россіи, давая при этомъ понять, что еслибы императрица, давши ему убѣжище въ своемъ государствѣ, рѣшилась его выдать — она поступила бы вопреки совѣсти и чести. Наконецъ, сказалъ онъ мнѣ, если условія ваши остаются таковыми, то надо перестать думать и говорить объ этомъ дѣлѣ. Императрица поручила мнѣ также, продолжалъ онъ, сказать лично вамъ, что вы, по ея мнѣнію, вовлекли ее сами въ дѣло переговоровъ и что вы могли бы избавить ее отъ непріятности получить отказъ на приглашеніе. Она полагаетъ, что вы слишкомъ хорошо ее знаете, чтобъ допустить, что она

способна такъ легко мѣнять свои рѣшенія. Когда, послѣ переговоровъ съ г. Зубовымъ, она увидѣла вашу попытку возобновить переговоры со мной, то ей показалось, что его королевское высочество искренно желаетъ сближенія обоихъ дворовъ, и что вы имѣете на то надлежащія инструкціи. Вотъ, что именно и вовлекло ее въ опреметчивость... Но. теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, она убѣдилась, что слѣдуетъ отказаться отъ надежды на осуществленіе этого брака.

«Я отвѣтилъ, что поведеніе моего двора въ этомъ дѣлѣ относительно прямоты и искренности было безупречно, что его королевское высочество столько же желалъ этого брака, какъ и ея величество, что желанія его и воля были выражены въ такой формѣ, въ какой позволяло приличіе, принимая въ соображеніе многочисленныя оскорбленія со стороны Россіи; что инструкціи, данныя мнѣ и никогда неизмѣнявшіяся, служатъ доказательствомъ, что все, что только не противорѣчило прямо законамъ королевства и общественному мнѣнію, иногда бравшему перевѣсъ надъ законами—все допускалось. А что касается меня лично, то я имѣлъ даже вполнѣ основательную причину желать этого брака,—будучи убѣжденъ, что лучшаго выбора, какъ принцесса Александра, соединявшая въ себѣ столько прекрасныхъ качествъ—король не могъ сдѣлать... слѣдовательно, не только по данному мнѣ приказанію, но и по собственной симпатіи я долженъ былъ употребить все стараніе, чтобы переговоры о бракѣ увѣнчались успѣхомъ. Весьма понятно, я былъ вынужденъ обратиться къ г. Зубову, пользовавшемуся сильнымъ вліяніемъ и имѣвшему чуть ли не первый голосъ въ совѣщаніяхъ верховнаго совѣта... Правительство мое не желало оставаться въ неизвѣстности, а отвѣтъ графа Зубова былъ недостаточно ясно выраженъ. Однако я не скрылъ отъ него ни моего мнѣнія, ни того, что для него было важно знать изъ данныхъ мнѣ инструкцій. Послѣ долгаго обсужденія всѣхъ пунктовъ, которые имѣлись передъ глазами, и всѣхъ тѣхъ статей, о которыхъ предстояло вести рѣчь, и благодаря которымъ переговоры не удались,—г. Марковъ мнѣ сказалъ: «что вы хотите, чтобъ мы сдѣлали? Императрицу нельзя передѣлать! Надо, по крайней мѣрѣ, отложить это дѣло на нѣкоторое время. Императрица мнѣ запретила продолжать говорить съ вами по этому поводу. И женихъ и невѣста оба еще очень юны, а великая княжна еще даже не достигла брачнаго возраста. Если этому браку суждено быть—онъ когда-нибудь да состоится... Но, прошу васъ, перестанемъ объ этомъ говорить».

«Вотъ, любезный баронъ, результатъ этихъ переговоровъ, которые, къ несчастію, кончились тѣмъ, что поставили насъ еще въ худшія, чѣмъ прежде, отношенія съ русскимъ дворомъ. Я безконечно сожалѣю о томъ, что переговоры эти казались мнѣ средствомъ къ примиренію, такъ какъ я не съумѣлъ предугадать неожиданно явившихся препятствій. Но болѣе

всего сожалѣю о томъ, что принцесса, которой на роду написано составить счастіе супруга, никогда, по всей вѣроятности, не будетъ подругой жизни нашего юнаго государя. Но долженъ сдѣлать оговорку. Если этотъ брачный союзъ поставилъ бы насъ въ малѣйшую зависимость отъ Россіи—я буду благословлять Небо, что онъ не состоялся. Впрочемъ, я слишкомъ хорошаго мнѣнія о королѣ и о принцессѣ, чтобъ этого бояться. Но съ политической точки зрѣнія я смотрю на эту связь, какъ на единственную, можетъ быть, которая соединяла бы насъ съ этой страной, интересы которой діаметрально противоположны нашимъ. Своей массой она до такой степени давитъ насъ, что, не дѣлая ни малѣйшей уступки въ томъ, что касается нашихъ правъ и нашей независимости,—мы должны, какъ мнѣ кажется, укрѣпиться всѣми способами, какіе предписываетъ мудрая политика. — Сильные правомъ и справедливостью, которая будетъ руководить нашими поступками, мы будемъ во мнѣніи Россіи и другихъ націй имѣть еще больше значенія, если будемъ участвовать такъ или иначе въ великихъ дѣяніяхъ этой страны, не принимая участія въ дѣлаемыхъ ею насиліяхъ и несправедливости. Союзъ Австрійскаго дома съ домомъ Бурбоновъ, которому обязанъ послѣдній своимъ паденіемъ и низведеніемъ въ ничтожество,—нельзя приводить въ примѣръ подобнаго рода связи между домами, которыхъ интересы не одинаковы. Франція была управляема слабыми королями, хотя по своему могуществу она занимала первое мѣсто, и все, что стѣсняло ея дѣятельность, неизбѣжно вліяло на утрату ею уваженія, тогда какъ все, что насъ успокоиваетъ, что обезпечиваетъ намъ покой,—увеличиваетъ въ то же время наши силы и средства и даетъ возможность принимать участіе въ великихъ событіяхъ, отмѣчающихъ эпохи націй, не указывая имъ, или, по крайней мѣрѣ, рѣдко, въ чемъ ихъ счастіе.

«Можетъ быть мнѣ возразятъ на это, что мы были оскорблены Россіей, и оскорбленіе это чувствуемъ и до сихъ поръ. Я съ этимъ согласенъ. Но это оскорбленіе, нанесенное намъ (нашимъ сосѣдомъ), мудростью нашего правительства было обращено ему же во вредъ, выставивъ его на посрамленіе и, если это не исправитъ его, то во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ болѣе осторожнымъ и менѣе опаснымъ. Впрочемъ, мщеніе—оружіе весьма опасное.

«Мы избавлены отъ графа Румянцева, по крайней мѣрѣ до іюля. Средство, которымъ мнѣ удалось этого достигнуть, — было то, что я откровенно высказалъ г. Маркову общее нежеланіе видѣть у себя вновь этого посланника.

«Въ то самое время, когда я велъ съ этимъ министромъ переговоры о бракѣ, я воспользовался удобной минутой, чтобъ высказать ему подобное желаніе и такъ какъ въ то время онъ желалъ сдѣлать все

пріятное нашему двору, то и обѣщалъ задержать отъѣздъ графа, хотя бы на нѣкоторое время.

«На другой день, послѣ того, какъ былъ объ этомъ разговоръ, императрица, на собраніи, у себя, сказала Румянцеву, что до нея дошли слухи, что король нынѣшнимъ лѣтомъ предпринимаетъ путешествіе въ Сканію, и что Румянцевъ хорошо сдѣлаетъ, если отложитъ свой отъѣздъ въ Швецію до возвращенія его величества.

«Г. Румянцевъ счелъ сказанное императрицей за приказъ, но по странному противорѣчію, которое иногда находило на нее, она приказала г. Маркову объявить мнѣ, что положительно не можетъ согласиться на отозваніе своего посланника. Любезность ея-де совершенно истощилась, послѣ того, какъ пришлось отозвать графа Штакельберга, а особенно послѣ того, какъ отъ насъ нельзя было добиться отозванія простаго драгомана изъ Константинополя, не перестававшаго интриговать противъ Россіи и накликать ей враговъ со всѣхъ сторонъ; что повтореніе подобной любезности могло бы быть приписано слабости. Помимо того, императрица изъ чувства справедливости и изъ принципа не отнимаетъ должностей у своихъ министровъ и вообще у своихъ слугъ, безъ того, чтобъ они ни сдѣлали какого-нибудь важнаго проступка, который оправдывалъ бы такое жестокое обращеніе. Г. Марковъ прибавилъ, что едва-ли во всей Россіи найдется подходящій намъ человѣкъ. Онъ припомнилъ, что уже лѣтъ 40, какъ ни одинъ русскій посланникъ въ Швеціи не могъ возбудить довольства своей особой. Къ длинному перечню фамилій онъ присоединилъ и самого себя.

«Я сказалъ ему на это, что виной тому были сами посланники, или тѣ дѣла, о которыхъ имъ приказано было вести переговоры; что первое качество въ посланникѣ должно заключаться въ умѣніи его нравиться тому двору, при которомъ онъ аккредитованъ, и что графъ Румянцевъ нимало не заботится объ этомъ, въ подтвержденіе чего я разсказалъ ему нѣсколько неловкихъ выходокъ со стороны этого посланника...

«Такъ какъ г. Марковъ причислилъ себя къ перечню нелюбимыхъ въ Швеціи министровъ, то по этому поводу мы много шутили, и разговоръ закончился очень весело. Впрочемъ, онъ ничего не сказалъ мнѣ о томъ, что произошло два дня передъ тѣмъ у императрицы съ Румянцевымъ, но я узналъ объ этомъ уже другимъ путемъ.

«Такъ какъ переговоры о бракѣ въ настоящее время не удались, то это отзовется на всѣхъ предстоящихъ дѣлахъ. Къ несчастію, когда затрудненія увеличиваются — мои силы слабѣютъ. Я палъ духомъ отъ стольких безполезныхъ усилій довести начатое дѣло до успѣшныхъ результатовъ. Поставленный часовымъ на самомъ опасномъ, передовомъ посту, я не долженъ бить ни фальшивой тревоги, ни давать

вѣры кажущейся безопасности. Моя бдительность должна быть постоянна и, что всего мучительнѣе, что противно моему характеру—это вѣчныя смуты изъ-за дѣлъ между русскими министрами и мною. Сколько нужно сдержанности и хладнокровія, чтобъ не увеличить раздраженія! Я предпочелъ бы, чтобъ меня били, лишь бы жить съ ними въ мирѣ и въ ладу. Что еще меня, можно сказать, поддерживаетъ на моемъ трудномъ посту—это доброта ко мнѣ короля и его королевскаго высочества, ваша дружба и, безъ сомнѣнія, та ложная идея, раздутая самолюбіемъ, что будто бы приносишь пользу.

«Вотъ, дорогой генералъ, вотъ единственно, что мѣшаетъ мнѣ окончательно впасть въ изнеможеніе, я черезъ-чуръ усталъ и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ, въ вашей дружбѣ и во всѣхъ чувствахъ нѣжной привязанности, которую я питаю къ вамъ на всю жизнь!»

«Какъ давно не бесѣдовалъ я съ вами,—писалъ Стедингъ тому же Рейтергольму $^{9}/_{20}$ іюля 1795 г.,—мой дорогой другъ, и не благодарилъ васъ за ваше милое, привѣтливое письмо отъ 20-го числа, которое доставило мнѣ столько радости и довольства, принеся мнѣ вѣсточку о вашемъ здоровьѣ. Долго не получая отъ васъ извѣстій, зная всю вашу дружбу ко мнѣ, и что вы такъ же быстро пишете письма, какъ другой ихъ читаетъ—я начиналъ сильно безпокоиться. Слава Богу, у меня стало легко на душѣ, и я пишу къ вамъ среди розъ и природы, которая умѣетъ исцѣлять почти всѣ недуги, въ томъ числѣ и мои въ данную минуту. Я нанялъ небольшую дачу, очень близко отъ города, на островѣ (Каменномъ), почти необитаемомъ и покинутомъ высшимъ обществомъ; здѣсь я наслаждаюсь отдыхомъ и тишиной, которой былъ лишенъ долгое время; весь мой домъ состоитъ изъ трехъ-четырехъ слугъ, а постоянное мое общество составляетъ мой другъ Зейнингсъ; луга, деревья, рѣка служатъ моимъ развлеченіемъ. Такимъ образомъ, провелъ я, мой другъ, около трехъ недѣль и, не безъ сожалѣнія признаюсь, долженъ былъ разстаться со своимъ убѣжищемъ, отправившись съ визитомъ къ вице-канцлеру. Онъ принялъ меня превосходно; я былъ въ первый разъ вечеромъ въ этомъ отдаленномъ уголкѣ, хотя прочіе министры ѣздятъ туда почти каждый годъ. Тѣмъ болѣе этому придавали значеніе, я же достигъ своей цѣли—разсѣялъ ходившіе слухи о ненависти и враждѣ, существовавшей, будто бы, между обоими дворами и ихъ министрами. Къ счастію, мы ни слова не говорили о политикѣ, хотя разговоръ не разъ касался Швеціи и вице-канцлеръ неоднократно вспоминалъ о пріятно проведенныхъ имъ тамъ дняхъ [1]); вообще онъ по-

---

[1]) Графъ Остерманъ былъ аккредитованъ при шведскомъ королевскомъ дворѣ въ теченіе 13 лѣтъ: съ 1761 по 1774 гг.

казался мнѣ весьма добродушнымъ въ своей деревенской обстановкѣ; тратитъ онъ много денегъ, чтобы увеличить цѣнность своей земли, дѣлаетъ много для общественной пользы, живя безъ роскоши, бережливо, представляя своимъ образомъ жизни полнѣйшій контрастъ съ времяпрепровожденіемъ русскихъ вельможъ въ ихъ помѣстьяхъ. Его усадьба называется Талоха, она занимаетъ огромное пространство въ шесть шведскихъ льё по берегамъ Ладожскаго озера и четыре-пять льё въ ширину. Я смотрѣлъ на это чудесное озеро съ такимъ же чувствомъ сожалѣнія, съ какимъ смотрятъ на свою прежнюю любовницу, похищенную счастливымъ и ловкимъ соперникомъ. Не будемъ, однако, отчаяваться, мой другъ; въ одинъ прекрасный день оно будетъ снова нашимъ, но для этого намъ необходимо много лѣтъ хорошаго управленія и экономіи, продолжительный миръ, который не изнѣжилъ бы наши нравы и не притупилъ бы нашу храбрость, а для этой страны: смуты, мятежи среди подтачивающихъ ее уже пороковъ, войны, побѣды, азіатская роскошь, сатрапы, рабы и полнѣйшій хаосъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе всего этого. Но, другъ мой,—Финляндія, Финляндія,—вотъ наша точка опоры; наша плотина, которая должна удержать этотъ потокъ. Надо, чтобъ она была твердой и устойчивой; безъ этой страны мы ничто, мы не будемъ имѣть никакого значенія, мы превратимся въ подначальную державу, которая будетъ не въ силахъ поддерживать свою независимость.

«Говорятъ, старуха съ ума сходитъ въ Царскомъ Селѣ, узнавши, что король женится на принцессѣ Мекленбургской; несмотря на это, она старается не показывать виду, что это ей непріятно, но, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, невольно у нея вырвавшимся, очевидно, она ничуть не раскаивается въ томъ, что слѣдовала дурнымъ совѣтамъ и, не взирая на ея прославленную силу воли и твердость—ни одинъ, можетъ быть, изъ монарховъ не находится подъ такимъ вліяніемъ окружающихъ, какъ она. Этотъ недостатокъ съ годами становится сильнѣе, и единственно, чѣмъ она вымещаетъ на тѣхъ, кто злоупотреблялъ ея довѣріемъ,—заставляя ихъ переносить свое дурное расположеніе духа.

«Армфельдъ все еще въ Калугѣ, но его держатъ тамъ въ черномъ тѣлѣ, денегъ отпускаютъ очень мало, вообще всѣ его презираютъ, и онъ покинутъ всѣми, даже своей возлюбленной княгиней Меншиковой, которую перекупилъ одинъ изъ прусскихъ министровъ, что̀ приводитъ его въ самое мрачное настроеніе.

«Еще и разговора не было объ отъѣздѣ Румянцева, да кажется, и онъ самъ не думаетъ объ этомъ, во всякомъ случаѣ я постараюсь, насколько отъ меня зависитъ, поставить разнаго рода препятствія и для этого я, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, началъ, подъ видомъ нескромной болтовни, разсказывать всюду, что его терпѣть не могутъ

*

въ Стокгольмѣ и ни за что не хотятъ, чтобы онъ возвратился на свой постъ. Но при этомъ необходимо было щадить его самолюбіе, доходящее до Геркулесовыхъ столбовъ и, которое, чего добраго, могло бы заставить его поступить какъ разъ вопреки нашему желанію. По всей вѣроятности, желая обезпечить меня дальнѣйшей службой, вы, дорогой другъ мой, высказываете желаніе, чтобъ я не покидалъ своего поста и прибавляете никогда. — Это приводитъ меня въ содроганіе. Неужели вы хотите отдать меня русскимъ въ кабалу навсегда? Это совершенно не входитъ въ мои разсчеты, мнѣ кажется, что въ концѣ концовъ и на моемъ мѣстѣ, и на всякомъ другомъ—становишься никуда негоднымъ. Это я искренно говорю, а особенно, будучи военнымъ. Не пора ли, мой добрый другъ, когда стукнуло пятьдесятъ лѣтъ, подумать объ отставкѣ и о томъ, какъ бы спрятать въ какомъ-нибудь захолустьѣ свою дряхлость и приготовить себѣ ложе для вѣчнаго сна. И ночь и вѣчный сонъ уже недалеки, только не хорошо, если они застанутъ насъ среди лѣса и большой дороги... Въ концѣ концовъ еще просьба, мой добрый другъ, избавьте меня отъ «навсегда» въ чужой странѣ; впрочемъ, я готовъ грести до тѣхъ поръ, пока окончательно не выбьюсь изъ силъ, но всему на свѣтѣ есть предѣлъ! Не подумайте, однако, что я не раздѣляю съ вами сквернаго настроенія, которымъ, воображаютъ, намъ дѣлаютъ честь. Когда нельзя ударить хозяина,—бьютъ его собаку. Эта поговорка, какъ разъ, примѣнима ко мнѣ. Меня называютъ здѣсь льстецомъ, обвиняютъ въ фальши и въ лукавствѣ. Даже въ исторіи переговоровъ о бракѣ, котораго я горячо желалъ всѣмъ сердцемъ, меня подозрѣваютъ дѣйствовавшимъ противъ его осуществленія. Но эти предположенія очень мало меня огорчаютъ; ничто такъ скоро не проходитъ и не забывается, какъ предположеніе, но истина остается вѣчной».

Послѣднее письмо, какъ мы видѣли, помѣчено $^{9}/_{20}$ апрѣля 1795 года. Съ тѣхъ поръ и вплоть до $^{10}/_{21}$ сентября того же года, когда Стедингъ писалъ новое донесеніе въ Стокгольмъ, въ политическомъ мірѣ произошли нѣкоторыя важныя перемѣны. Во 1-хъ, стало совершенно яснымъ, что Густавъ IV женится на Мекленбургской принцессѣ, о чемъ Екатерина II писала Гримму. Во 2-хъ, на постъ русскаго посла въ Стокгольмѣ, оставшійся вакантнымъ съ отозваніемъ графа Румянцева, былъ назначенъ генералъ Будбергъ, личными своими качествами мало соотвѣтствовавшій этому мѣсту. По словамъ его біографа: «онъ никогда не занимался дипломатическими порученіями и совершенно не имѣлъ понятія, какъ слѣдуетъ ихъ вести. Притомъ же ему не было особенно желательно начинать новую дѣятельность въ Стокгольмѣ, гдѣ политическія распри усложнялись личными раздорами — и онъ умолялъ императрицу уволить его. Екатерина II настаивала и такъ какъ ее было трудно отклонить отъ того, на что она

разъ рѣшилась, то онъ долженъ былъ повиноваться» [1]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что императрица не совсѣмъ отчаялась въ успѣхѣ своего предпріятія и, хотя въ Петербургѣ запретила о немъ больше говорить со Стедингомъ, но при отъѣздѣ Будберга въ Стокгольмъ возложила на него особенное порученіе возобновить переговоры о бракѣ великой княжны, разстроивъ предварительно бракъ короля съ принцессою Мекленбургскою.—Наконецъ, въ 3-хъ, былъ посланъ въ Петербургъ шталмейстеръ короля шведскаго, графъ Шверинъ, извѣстить о состоявшейся 1 ноября 1795 г. торжественной помолвкѣ его величества съ названной принцессой. Такимъ посольствомъ герцогъ-регентъ думалъ разсѣять циркулировавшіе повсюду слухи о заявленномъ Густавомъ IV нежеланіи вступить въ бракъ съ выбранной ему невѣстой, сразу ему не понравившейся, и о размолвкѣ, происшедшей по этому поводу между герцогомъ Зюдерманландскимъ и его царственнымъ племянникомъ. При такихъ условіяхъ пришло въ Стокгольмъ на имя Рейтергольма новое донесеніе Стединга отъ $^{10}/_{21}$ ноября 1795 г.

«То, что вы предвидѣли, сбылось,—писалъ онъ.—Императрица пылаетъ негодованіемъ, она внѣ себя отъ гнѣва. Уже болѣе трехъ недѣль, какъ прекратившійся было совсѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ слухъ о бракѣ короля шведскаго съ принцессой Мекленбургской возобновился, и графъ Остерманъ, не дѣлая изъ этого большаго секрета, сказалъ, что по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ бракъ этотъ рѣшенъ окончательно. Несмотря на это, императрица, которой никогда не смѣютъ сказать горькой истины, все еще продолжала лелѣять свою любимую мечту, когда, двѣ недѣли тому назадъ, ей пришлось отъ нея совсѣмъ отказаться. Теперь она съ ума сходитъ отъ припадковъ гнѣва и досады. Она жаловалась лицамъ, пользующимся ея довѣріемъ, что она недостойно обманута. Вѣрнѣе же всего ее обманули ея гордость и тѣ, кого удостоивала она своимъ особымъ довѣріемъ. Она полагаетъ, что возгорится война и вѣчная вражда между обѣими націями; что этотъ обоюдный интересъ обѣихъ державъ, равно и интересъ нашего юнаго монарха были принесены въ жертву ненависти, которую вы, мой дорогой другъ, и его королевское высочество къ ней несправедливо питаете; она говоритъ, что на нашу Финляндію она не имѣетъ никакихъ поползновеній, но что Россія всегда останется Россіей, а намъ придется сильно раскаяться въ одинъ прекрасный день. Но для чего намъ останавливаться на этихъ рѣчахъ. Предоставимъ ей изливать свою желчь и злобу, а сами соберемся съ силами и устроимся такъ, чтобы нечего было бояться. Сожалѣніе по поводу несостоявшагося брака высказывается здѣсь всѣми, и русскими и иностранцами, и всѣ одинаково желаютъ добра юной

[1]) «Сб. Имп. Р. И. Об.» IX, 211.

великой княжнѣ, личико которой подернуто замѣтной грустью. Если она когда-нибудь выйдетъ замужъ, что весьма сомнительно, хотя императрица и говоритъ, что уже есть претенденты (вѣроятно какой-нибудь эрдгерцогъ), то никогда не найдетъ она супруга, подобнаго королю. Ея старая воспитательница, достойнѣйшая г-жа Ливенъ, просто въ отчаяніи.

«При всемъ томъ, что я кажусь раздѣляющимъ сожалѣніе публики,— я не упускаю ни одного случая, чтобъ указать русскому двору всю его неправду къ намъ, даже и въ этомъ дѣлѣ стараясь увѣрить, что отъ самой императрицы зависѣло, чтобъ ея внучка сдѣлалась королевой Швеціи. Кажется, мнѣ удалось ихъ убѣдить въ томъ, и только этому, быть можетъ, я и обязанъ, что со мной обращаются вѣжливо. Будь дѣло иначе, русскіе не поцеремонились бы въ подобномъ случаѣ, и мнѣ пришлось бы перенести немало оскорбленій.

«Министры императрицы, а особенно г. Марковъ держатся относительно меня крайне сдержанно. Они холодны, но очень вѣжливы; также и императрица. Она давно уже перемѣнила тонъ и манеру обращенія со мной, но продолжаетъ воздавать должное посту, который я занимаю. Это почти все, что можно желать при настоящихъ обстоятельствахъ. Самая рана никогда не заживетъ, по крайней мѣрѣ пока императрица жива, но такъ какъ она не безсмертна и все со временемъ сглаживается, то я надѣюсь, что мы какъ-нибудь вывернемся, и всѣ раздоры кончатся безъ столкновенія съ колоссомъ, котораго мы должны избѣгать до послѣдней крайности. Здѣсь замѣчаютъ по поводу брака короля, что единственный разъ во все свое царствованіе императрица потерпѣла неудачу въ ея планахъ. Отбросивъ всякое разсужденіе, этого одного достаточно, чтобы привести ее въ неистовство. Пріѣздъ французскаго посланника въ Стокгольмъ въ другое время надѣлалъ бы шуму, а нынѣ—едва замѣтенъ, и императрица отдала бы намъ всѣхъ посланниковъ на свѣтѣ, лишь бы мы взяли ея внучку.

«Я очень жалѣю, что бѣдному Шверину придется пріѣхать сюда въ такую минуту. Ему придется запастись большой дозой хладнокровія и терпѣнія, но мы будемъ взаимно поддерживать другъ друга и втихомолку утѣшаться отъ непріятностей, которыя намъ придется встрѣтить отъ здѣшней публики».

Но Стедингъ ошибался. Прежде чѣмъ Шверину пріѣхать въ Петербургъ и исполнить возложенное на него порученіе, надлежало еще заручиться согласіемъ императрицы на это. Екатерина же велѣла объявить шведскому посланнику, что если посолъ короля прибудетъ въ Петербургъ, она откажется принять его. Впослѣдствіи она объясняла этотъ поступокъ «женскимъ капризомъ», которымъ всѣ ея «политики»,

особливо вице-канцлеръ, были очень возмущены [1]), но въ данный моментъ не отмѣнила своего распоряженія. Стедингъ былъ въ смущеніи. Всѣ планы его: о мирѣ, кровномъ союзѣ, спокойствіи страны, рушились сами собой. Однако нужно было избѣжать униженія, которымъ могъ подвергнуться въ Россіи Шверинъ, и остановить его на полдорогѣ. Посланный во-время курьеръ засталъ графа выѣзжающимъ изъ Выборга. Предупрежденный о рѣшеніи императрицы, онъ принялъ совѣтъ притвориться больнымъ и велѣлъ незамѣтно отвинтить у своего экипажа гайку. Послѣдовавшее паденіе дало ему предлогъ слечь въ постель и не продолжать дальнѣйшаго путешествія. Тѣмъ временемъ, встревоженный Стедингъ 15 (26) ноября 1795 г. доносилъ Рейтергольму:

«Могу располагать только нѣсколькими минутами, мой добрый другъ, чтобъ написать вамъ нѣсколько словъ, тогда какъ мнѣ хотѣлось бы написать цѣлые томы, чтобъ облегчить сердце отъ щемящей тоски. Бѣдный Шверинъ былъ уже въ Выборгѣ, когда до него дошло мое письмо; такъ какъ я съ нимъ больше не увижусь, то надо было извѣстить его черезъ человѣка, котораго онъ мнѣ прислалъ и которому я поручаю эти строки, чтобы онъ тотчасъ же вернулся...

«Вы, разумѣется, поймете, до какой степени я раздосадованъ, озлобленъ и огорченъ, но волей-неволей всѣ эти чувства приходится побороть въ себѣ, чтобы не произвести вспышки и не вовлечь отечество въ войну, которая можетъ имѣть для него гибельныя послѣдствія, хотя бы даже и въ томъ отношеніи, что мы перестали бы пользоваться драгоцѣнными благами мира. Вотъ, мой достойный другъ, что меня мучаетъ и въ то же время заставляетъ сохранять свое достоинство. Выходка, которую позволила себѣ императрица, сдѣлаетъ ее смѣшной въ глазахъ ея націи и всей Европы, если въ концѣ концовъ станетъ извѣстнымъ что бѣшенство ея происходитъ оттого, что ей не удалось выдать свою внучку за намѣченнаго жениха. Она, можетъ быть, захочетъ смыть свой позоръ кровью, но вѣдь все обнаруженное остается, хотя слѣды мелкихъ страстей, при этомъ вызванныхъ и выставлявшихъ на первый планъ интересы государства,—изглаживаетъ время. Я повторяю, мой другъ, что если мы не будемъ этимъ раздражаться, а ограничимся однимъ смѣхомъ, то будемъ непремѣнно въ выигрышѣ. Вотъ что вы можете дѣлать въ Стокгольмѣ, а я долженъ сердиться, но въ мѣру, и послѣднее имѣетъ смыслъ.

«Какъ я страдаю, это нельзя себѣ вообразить; видно, мнѣ суждено

---

[1]) «Сб. Имп. Р. Ист. Об.» XXIII, 679, 680 (письма Гримму). Императрица не ошибалась. Современники сильно осуждали ее за рѣзкость ея дѣйствій при этомъ случаѣ (см. статью проф. Брикнера «Густавъ IV и Екатерина II», «Вѣстн. Евр.» 1890, VIII, 792.

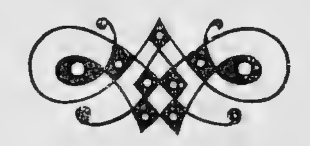
не знать отрады и не имѣть ни минуты покоя въ этой странѣ, политой кровью и слезами шведовъ.

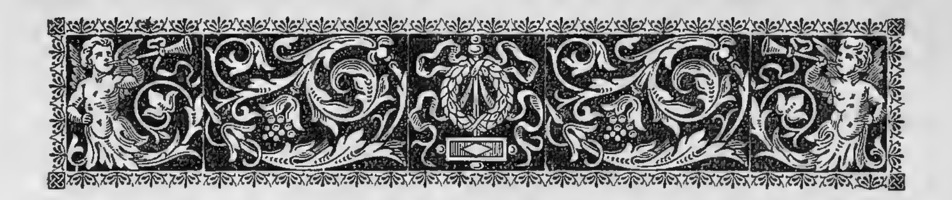
«Прощайте, дорогой мой Рейтергольмъ, письмо къ вамъ нашего юнаго монарха, приложенное къ вашему письму ко мнѣ отъ 2 (13) ноября, нѣсколько разсѣяло мою грусть. Вы заслуживаете вполнѣ все счастье, которое выпадаетъ вамъ на долю; я говорю скорѣе языкомъ разсудка, чѣмъ дружбы, но я счастливъ тѣмъ, что, разговаривая съ вами, мой добрый другъ, оба эти языка сливаются въ одинъ.

«Шверинъ еще не прислалъ мнѣ вашего письма. Онъ пишетъ, что безъ него это письмо не имѣетъ значенія, но я не раздѣляю этого мнѣнія и убѣдительно прошу мнѣ его прислать. Прощайте. Тысячу привѣтствій».

Баронъ **Н. В. Дризенъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРХИМАНДРИТЪ ПЕТРЪ КАМЕНСКІЙ,

начальникъ десятой Россійско-Императорской миссіи въ Пекинѣ.

VIII [1]).

Труды десятой миссіи въ Пекинѣ.

Принявъ миссію отъ о. Іакинѳа въ самомъ плачевномъ состояніи по всѣмъ частямъ, архимандритъ Петръ всецѣло отдался заботамъ о благоустройствѣ ея, вызывая своимъ примѣромъ на дѣятельность и прочихъ членовъ оной. «Архимандритъ Петръ, говоритъ некрологъ, соединялъ въ себѣ качества примѣрнаго житіемъ своимъ монаха, достойнаго служителя алтаря, искренняго политика и ревностно преданнаго своему предмету ученаго; прибывъ въ Пекинъ, устроилъ дѣла миссіи и вскорѣ пріобрѣлъ особенное уваженіе самыхъ значительныхъ лицъ Китайской имперіи. Самые жрецы отъ высшихъ и до низшихъ изъявили почтеніе достойному служителю Іисуса Христа» [2]). «Великій жрецъ Кутухта крайне съ нами въ Пекинѣ подружился, говоритъ самъ архимандритъ Петръ, многократно насъ посѣщалъ... Когда сей великій жрецъ имѣлъ съ нами дружбу, то прочіе разныхъ классовъ многочисленные даламы и кубилкини и того болѣе насъ уважали».

Благоустройство миссіи архимандритъ Петръ началъ съ малаго стада православныхъ албазинцевъ, изъ которыхъ едва немногіе носили тогда имя христіанъ, дѣйствительно же всѣ уклонились въ китайское идолопоклонство. Такое безотрадное положеніе общины албазинцевъ подвигло архимандрита Петра, при первомъ же свиданіи, напом-

---

[1]) См. «Русскую Старину» февраль, 1896 г.
[2]) «Нижегор. Губ. Вѣд.» за 1845 г. № 21, ч. неоф., стр. 237.

нить имъ первоначальное происхожденіе ихъ и ихъ предковъ. По разсказу очевидцевъ, своею проповѣдію въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ, архимандритъ Петръ произвелъ въ сердцахъ ихъ такое дѣйствіе, что всѣ они были растроганы и дали ему рѣшительное обѣщаніе оставить языческое идолопоклонство и воспріять вѣру своихъ предковъ; дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени нѣкоторые изъ нихъ выбросили изъ домовъ своихъ всѣхъ китайскихъ и манчжурскихъ болвановъ и на мѣсто ихъ водрузили св. иконы. Такое доброе настроеніе въ албазинцахъ отъ первой бесѣды съ ними архимандрита Петра онъ продолжалъ поддерживать домашними совѣтами, ласковымъ обращеніемъ и особенно широкою благотворительностію. Такой же системы онъ заставлялъ держаться и іеромонаха Веніамина, который переселился на жительство къ Успенской церкви въ Русской Сотнѣ. Во время о. Іакинѳа и въ пріѣздъ въ Пекинъ новой миссіи въ церковь во время службы приходило почти одно семейство старшины Русской роты Алексѣя, но спустя пять недѣль по пріѣздѣ новой миссіи, благодаря вразумленіямъ архимандрита Петра, въ праздникъ Крещенія Господня, албазинцевъ явилось въ церковь Срѣтенія уже нѣсколько человѣкъ.

До архимандрита Петра, несмотря на столѣтнее существованіе правильно организованной нашей духовной миссіи въ Пекинѣ, никому не приходило на мысль открыть для албазинскихъ дѣтей училище. Видя свою паству окитаившеюся и уклонившеюся въ идолопоклонство, архимандритъ Петръ—въ ряду другихъ мѣръ къ возвращенію отпадшихъ отъ родной религіи и національности—рѣшилъ основать училище, будучи убѣжденъ, что школьное обученіе послужитъ для албазинцевъ важнѣйшимъ пособіемъ къ утвержденію ихъ въ христіанствѣ и постепенному ихъ обрусенію. Училище было открыто въ Русской Сотнѣ при Успенской церкви, и въ него было собрано 10 албазинскихъ дѣтей. Завѣдывать училищемъ сталъ ученый іеромонахъ Веніаминъ. Чтобы пріохотить дѣтей къ занятіямъ въ школѣ, миссія стала выдавать имъ по $1^1/_2$ ланы (3 р.) въ мѣсяцъ. Мѣра подобнаго привлеченія дѣтей въ школу и пріохоченія къ школьнымъ занятіямъ впослѣдствіи оказалась обоюдоострой, хотя несомнѣнно въ началѣ она принесла и существенную пользу. Албазинцы—это испортившійся виноградный сокъ,—изъ котораго, по выраженію іеромонаха Гурія, не только нельзя сдѣлать вина, но даже и уксуса,—нерѣдко злоупотребляли подобными субсидіями, закладывая ихъ, какъ бы собственность, наравнѣ съ прочимъ своимъ добромъ. Былъ случай, когда албазинцы всѣ силой задумали вытребовать у миссіи нѣсколько сотъ ланъ серебра, грозя отпаденіемъ. Начальникъ миссіи отказалъ имъ; тогда они перестали ходить въ церковь и пускать въ школу учениковъ, но потомъ одумались. О судьбѣ этого училища іеромонахъ

Гурій говоритъ: «открыли училище, учениковъ содержали на полномъ казенномъ коштѣ и учили русскому языку, но такъ какъ русскіе требовали прилежанія (?), то училище осталось пустымъ: ни одинъ албазинецъ не хотѣлъ посѣщать его. Послѣ хотѣли-было поучить ихъ хоть китайскому-то языку; та же исторія: миссія кромѣ непріятностей, а правительство—убытковъ ничего не получили. Въ мое время (въ двѣнадцатую миссію) снова открыто было училище; я взялся-было выучить нѣсколькихъ мальчиковъ церковному чтенію и пѣнію. Пока я давалъ деньги, платилъ за то, что они учились у меня, дѣло шло довольно успѣшно: въ два года мальчики привыкли читать и пѣть въ церкви. Мнѣ удалось имъ растолковать и они поняли и разбирали партитуру; но какъ-то нужно было наказать ихъ за неисправность: я лишилъ ихъ обыкновенной праздничной награды, а они постарались вознаградить себя за такой убытокъ и чѣмъ же?—обокрали церковь! Съ этихъ поръ (1843 г.) вотъ уже годъ —училище закрыто и, кажется, на долго, если не на всегда» [1]. Но училище было открыто снова и поддерживается тѣми же подачками, хотя въ меньшемъ размѣрѣ.

Предоставивъ завѣдываніе училищемъ своему помощнику, іеромонаху Веніамину, самъ архимандритъ Петръ занялся взрослыми, стараясь привесть ихъ къ познанію истины. Успѣхъ первой бесѣды съ албазинцами радовалъ его и вмѣстѣ давалъ знать, что албазинцы еще не вовсе потеряны для Православной церкви; стоитъ лишь усугубить попеченіе о нихъ духовное и вещественное. И это сугубое попеченіе архимандрита Петра объ окитаившихся албазинцахъ не явилось тщетнымъ: отпадшіе отъ христіанства албазинцы начали возвращаться въ лоно церкви Христовой, а возросшіе изъ нихъ въ язычествѣ, по оглашеніи, крестились (53 человѣка). И хотя, несмотря на всѣ убѣжденія, свыше 40 человѣкъ изъ албазинцевъ такъ и остались язычниками, но взамѣнъ ихъ архимандритъ Петръ пріобрѣлъ для церкви Христовой изъ природныхъ китайцевъ жителей Пекина и пригородныхъ деревень 16 человѣкъ, и огласилъ крестною проповѣдію Голое—трибунальскаго чиновника, родственника трибунальскаго председателя.

Одновременно съ заботами по возвращенію въ нѣдра церкви Христовой отторгшихся отъ нея албазинцевъ и по просвѣщенію святымъ крещеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кои выросли въ язычествѣ, какъ равно и по распространенію православнаго христіанства среди самыхъ китайцевъ, архимандрита Петра заботили еще тѣ затраты и запущенія въ имущественныхъ дѣлахъ, какія были допущены девятой миссіей въ критическіе для нея годы безденежья. Дѣло въ томъ, что эта мис-

---

[1]) „Русская Старина“ за 1884 г., сент., стр., 658.

сія—вслѣдствіе неполученія ею содержанія въ теченіе болѣе 4-хъ лѣтъ изъ Россіи, вовлеченной въ войны съ Наполеономъ, принуждена была заложить и продать часть церковныхъ земель, вещей и зданій со включеніемъ и колокольни. Архимандритъ Петръ все заложенное и запроданное выкупилъ и только не вернулъ проданныхъ колоколенныхъ часовъ. Далѣе, Успенская церковь при жилищахъ албазинцевъ въ Русской Сотнѣ находилась въ полнѣйшемъ запустѣніи. Въ послѣдніе годы пребыванія въ Пекинѣ девятой миссіи и самое богослуженіе въ ней не совершалось за неимѣніемъ богомольцевъ. Съ переселеніемъ на жительство іеромонаха Веніамина къ Успенской церкви, въ ней богослуженіе было открыто снова, но, благодаря умноженію христіанъ, которые начали посѣщать церковь, она оказалась очень тѣсною, и, не будучи долго поправляема, была ветха и снаружи, и внутри, и требовала капитальной перестройки. Совѣтъ десятой миссіи обратился тогда въ святѣйшій Синодъ, съ просьбою о перестройкѣ Успенской церкви.

Чрезъ три года пребыванія своего въ Пекинѣ въ званіи начальника десятой миссіи, архимандритъ Петръ «въ воздаяніе отличнаго служенія и полезныхъ трудовъ, засвидѣтельствованныхъ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, сопричисленъ былъ 5 декабря 1823 года къ ордену св. Владиміра третьей степени». Препровождая къ архимандриту Петру знаки сего ордена вмѣстѣ съ грамотою и статутомъ, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде 24 декабря 1823 года, писалъ къ о. Петру: «Извѣстное усердіе ваше къ службѣ и попечительность о благоустройствѣ и успѣхахъ ввѣренной вамъ миссіи, подтвержденныя отзывами самого китайскаго начальства, были доведены мною до Высочайшаго свѣдѣнія. Его Императорское Величество въ ознаменованіе всемилостивѣйшаго вниманія къ вашему отличному служенію, высочайше повелѣть соизволилъ въ 5 день сего декабря сопричислить васъ къ ордену св. Равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени. Препровождая къ вамъ, милостивый государь мой, знаки сего ордена, вмѣстѣ съ грамотою и статутомъ, я остаюсь въ той пріятной надеждѣ, что сія Монаршая милость подкрѣпитъ ваши силы къ новымъ трудамъ для оправданія ожиданій правительства успѣхами миссіи, подъ вашимъ начальствомъ находящейся».

Поощренный вниманіемъ начальства и монаршими милостями въ трудахъ своихъ по благоустройству и успѣхамъ миссіи, архимандритъ Петръ ревностно продолжалъ начатое служеніе свое по управленію миссіей. Такъ, въ ожиданіи испрашиваемаго благословенія святѣйшаго Синода на перестройку Успенской церкви, начальникъ миссіи, уловивъ удобное время, заготовлялъ матеріалы для этой перестройки, которая и совершена лѣтомъ 1827 года, по плану, взятому съ Срѣтенской церкви. Аввакумъ Честной (іеромонахъ одиннадцатой миссіи) говоритъ,

что Успенскій храмъ потерпѣлъ нѣсколько переворотовъ, доколѣ не приведенъ въ то состояніе, въ какомъ теперь (1831 г.) находится, благодаря іеромонаху Веніамину, который, въ 10 лѣтъ служенія въ званіи помощника начальника десятой миссіи, только и занимался, что постройками: ломалъ, починивалъ, разрушалъ и созидалъ снова» [1]). Срѣтенская церковь при освидѣтельствованіи ея и осмотрѣ десятой миссіей въ 1821 году оказалась стѣнами крѣпка, но глава и кровля ветхими, требующими замѣны, а внутренность—поновленія. Въ 1826 году архимандритъ Петръ внутренность Срѣтенскаго храма благолѣпно отдѣлалъ, кровлю перекрылъ вновь, а главу сдѣлалъ мѣдную, позолоченную.

28 февраля 1827 года архимандритъ Петръ доносилъ святѣйшему Синоду: «Промысломъ Божіимъ духовная миссія въ Пекинѣ, пребывающая подъ благосклоннымъ Темцинскаго правительства покровительствомъ, находится въ очень хорошемъ положеніи: всѣ и каждый порознь занимаются своими обязанностями съ желаннымъ успѣхомъ. Албазинцы, оставивъ идолослуженіе, почти всѣ съ женами и дѣтьми обращены къ святой предковъ своихъ вѣрѣ. Успенская церковь, при ихъ жилищахъ существующая, по причинѣ умноженія христіанъ, оказалась очень тѣсною, почему Совѣтъ нашъ и прежде имѣлъ счастіе святѣйшему Синоду о перестройкѣ оной докладывать, и въ надеждѣ на сіе благословенія, уловлялъ удобное время, заготовлялъ уже и матеріалы, чтобы въ наступающемъ лѣтѣ сіе совершить, чего самая необходимость требуетъ. Въ Срѣтенскомъ же храмѣ внутренность въ прошломъ годѣ благолѣпно отдѣлана, а сверхъ того и крыша вновь перекрыта, маковица сдѣлана мѣдная, позолоченная. Римское миссіонерство въ Пекинѣ во всемъ Китаѣ уничтожено; великолѣпныя церкви ихъ и всѣ зданія уничтожаются и разрушаются до основанія; христіане по выѣздѣ ихъ опасаются, чтобы не открылось гоненіе [2]). Къ нашей же миссіи время отъ времени здѣшняго правительства усугубляется благоволеніе: всѣ наши нужды и просьбы удовлетворяются благосклонно. Теперь къ прочному укорененію сего много послужитъ, если начальническій помощникъ, въ благоповеденіи дознанный, ученый іеромонахъ Веніаминъ оставленъ будетъ начальникомъ будущей миссіи, на что Совѣтъ, всемиренно испрашивая святѣйшаго Синода благословенія, пребываетъ въ глубочайшемъ благоговѣніи».

---

[1]) „Русскій Архивъ“ за 1884 г. кн. 5-я, стр. 154.

[2]) Правду сказать,—говоритъ по этому поводу въ своихъ „Запискахъ“ архимандритъ Петръ,—римскіе вѣропроповѣдники безъ всякой пощады все китайское и даже всѣ вѣры и съ ихъ церемоніалами, самые церемоніалы, императоромъ выполняемые, и осмѣяли, и унизили до крайности. Что видѣть можно изъ книгъ Шенъ-ши-чу-ноу, Шенъ-дзіоу-цань-ши, Ши-и и прочихъ премногихъ. Гордый китаецъ могъ ли ихъ любить?

Занимаясь своими обязанностями съ желаннымъ успѣхомъ, всѣ члены миссіи, начиная отъ начальника и кончая причетникомъ, трудились и на научномъ поприщѣ. Такъ, архимандритъ Петръ подвелъ китайскій, манчжурскій и русскій переводы къ лексикону Сань-хэ-бань-лань, подобранному по мунгальскому алфавиту; списалъ китайскій синонимическій лексиконъ латинскаго алфавита, перевелъ съ китайскаго на русскій языкъ книгу Ши-и, т. е. «Непреложная Истина»; составилъ два лексикона—одинъ по русскому алфавиту, а другой по мунгальскому. Іеромонахъ Даніилъ перевелъ съ русскаго на китайскій языкъ утреннія молитвы и молитвы, за литургіей читаемыя; приготовлялъ къ изданію китайскую христоматію и дѣлалъ наброски по описанію Пекинскаго Срѣтенскаго монастыря. Студентъ К. Г. Крымскій готовилъ къ печати «Обозрѣніе китайской философіи», а З. О. Леонтьевскій занимался переводомъ на китайскій языкъ «Исторіи государства Россійскаго»—Карамзина. Наконецъ, причетникъ Н. И. Вознесенскій написалъ «Замѣчанія о Китаѣ» [1]) и составилъ Китайско-Манчжурскій лексиконъ.

Въ исполненіе высочайше утвержденной инструкціи, архимандритъ Петръ долгомъ считалъ отыскивать и пріобрѣтать на казенный счетъ полезнѣйшія книги въ Китаѣ для библіотеки азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, а предвидя скорое паденіе римскаго миссіонерства въ Китаѣ, послѣ коего и одной книги получить было бы уже не откуда, онъ, не щадя средствъ, старался собрать, сколько возможность позволяла, священныхъ христіанскихъ книгъ частію переведенныхъ съ европейскихъ на китайскій, манчжурскій и мунгальскій языки, а частію на китайскомъ языкѣ христіанами сочиненныхъ, съ посвященіемъ большей половины изъ нихъ въ Россійско-Императорскую Пекинскую библіотеку, основаніе которой при пекинской миссіи всецѣло принадлежитъ архимандриту Петру. Объ этомъ онъ въ своихъ «Дневныхъ запискахъ» подъ 11 октября 1833 года пишетъ: «я во всю жизнь по истинѣ любилъ читать книгу Подражаніе Христу», но въ изданіяхъ ея на разныхъ языкахъ находится разность. Сперва она попалась мнѣ въ Пекинѣ на латинскомъ и китайскомъ языкахъ; тогда я съ сердечною любовію ее читалъ многократно. Возвратившись въ отечество, я имѣлъ ее на латинскомъ языкѣ, посредственнаго изданія. Когда же я

---

[1]) „Замѣчанія о Китаѣ“ Н. И. Вознесенскаго, причетника десятой пекинской духовной миссіи, въ рукописи хранятся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи. Въ «Замѣчаніяхъ», по словамъ профессора В. В. Миротворцева, находится много дѣльныхъ замѣтокъ по исторіи и этнографіи Китая, а главное—нѣсколько копій съ оффиціальныхъ бумагъ и дневныхъ записей, относящихся къ отправленію, дѣятельности и отношенію членовъ нашихъ миссій къ католическимъ миссіонерамъ. „Правосл. Собесѣд.“ 1886 г., авг., стр. 410, стат. «Къ біографіи о. Іакинѳа Бичурина».

въ 1820 году, будучи уже архимандритомъ, паки ѣхалъ чрезъ Иркутскъ въ Пекинъ, тогда его высокопревосходительство господинъ генералъ-губернаторъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій пожаловалъ мнѣ и свой переводъ и латинскій подлинникъ самаго лучшаго изданія. Но я, любя пекинскую библіотеку, мною заведенную и нѣжно возращенную до возможнаго совершенства, и сей безцѣнный подарокъ подарилъ въ оную. Въ 1795 году я въ Пекинѣ, не нашедши ни одной книги (при миссіи), изъ своихъ весьма немногихъ книгъ положилъ казенной (библіотекѣ) основаніе и лелѣялъ ее, какъ нѣжное дитя. Нынѣ же оная библіотека можетъ равняться съ знатными библіотеками. Во второй терминъ моего пребыванія въ Пекинѣ мною пожертвована въ тамошнюю Россійско-Императорскую библіотеку прекрасная и рѣдкая коллекція христіанскихъ книгъ на китайскомъ, манчжурскомъ и мунгальскомъ языкахъ, въ основаніи коихъ на китайскомъ и манчжурскомъ языкахъ священная библія и мною составленные лексиконы—одинъ по русскому алфавиту, а другой по мунгальскому. Могу сказать святую истину, что коллекція сія безцѣнна, а поелику римское миссіонерство рушилось, прекращено, то болѣе достать негдѣ. Трепещу, чтобы не растеряли; но нужно бы до ветхости чрезъ переписку не допущать».

О жизни и дѣятельности членовъ десятой миссіи въ Пекинѣ, когда она была уже въ отечествѣ, самые недруги ея и клеветники отзывались такъ: «миссіонеры суть люди весьма благонравные, поведеніемъ своимъ сдѣлали честь отечеству; всѣ сохранивъ нравственность и тѣлесное здоровье, пріобрѣли въ Китаѣ важныя знакомства, полезныя для отечества и проч.».

IX.

Смѣна десятой миссіи и заботы ея по пріему одиннадцатой миссіи.

По десятилѣтнемъ пребываніи десятой миссіи въ Китаѣ—изъ Петербурга прилетѣла, по выраженію архимандрита Петра, первая ласточка, обѣщающая весну—возвратъ на родину. Такъ назвалъ архимандритъ Петръ бумагу изъ министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 6 февраля 1830 года о смѣнѣ. Вотъ текстъ этой бумаги:

«Начальнику Россійско-Императорской духовной миссіи въ Пекинѣ высокопреподобному отцу архимандриту Петру.

«По сближеніи срока десятилѣтнему пребыванію вашего высокопреподобія въ Пекинѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отправ-

ляются туда новые члены нашей миссіи на смѣну прежнихъ [1]). Министерство, увѣдомляя васъ о томъ, приглашаетъ васъ возвратиться въ отечество съ подчиненными вашими, заключивъ такимъ образомъ поприще долговременнаго и многотруднаго вашего жительства въ столицѣ Китайскаго государства. Изъ переписки по сему предмету министерства съ Пекинскою палатою внѣшнихъ сношеній должно быть вамъ извѣстно, что по соизволенію Его Императорскаго Величества начальникомъ новыхъ членовъ Пекинской духовной миссіи назначенъ, съ званіемъ старшаго священника [2]), состоявшій въ прежней миссіи іеромонахъ Веніаминъ Морачевичъ, во вниманіе къ усерднымъ его трудамъ на пользу отечества и вашимъ одобрительнымъ о немъ отзывамъ.

«Для легчайшаго распорядка въ передачѣ казеннаго имущества нашей миссіи въ Пекинѣ признано здѣсь удобнѣйшимъ отнынѣ впредь возлагать на обязанности приставовъ разсматривать на мѣстѣ счеты, учебныя и хозяйственныя принадлежности миссіи и, по пріемѣ оныхъ отъ начальника прежней миссіи, сдать все то новому начальнику. Такъ надлежитъ поступить и на сей разъ; относящееся же до церкви вы передадите непосредственно вашему преемнику.

«Министерство весьма заботилось объ избраніи и на сей разъ въ должность пристава миссіи человѣка съ испытанными достоинствами, и поручаетъ его вашему благорасположенію. Имѣя основательныя практическія свѣдѣнія о Китаѣ и о жившихъ тамъ Россійскихъ миссіяхъ, вы не оставите руководствовать его вашими совѣтами къ точнѣйшему исполненію возложенныхъ на него порученій, касающихся отчасти до собранія, такъ сказать, свѣжихъ извѣстій о положеніи государства, главнѣйше же до препровожденія членовъ миссіи отъ Кяхты до Пекина и обратно, до разсмотрѣнія на мѣстѣ и

---

[1]) Въ составѣ отправляемой новой одиннадцатой миссіи были между другими: іеромонахи—Аввакумъ Честной и Ѳеофилактъ Киселевскій, іеродіаконъ Поликарпъ Тугариновъ (всѣ трое изъ С.-Петербургской дух. академіи), лѣкарь Порфирій Кирилловъ, студенты Е. И. Сычевскій и Курляндцевъ. Приставомъ миссіи былъ назначенъ подполковникъ М. В. Ладыженскій. Эту миссію сопровождалъ за границу до города Урги профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ монгольскаго языка А. В. Поповъ, путешествуя по назначенію правительства по Восточной Сибири и по кочевьямъ монголо-бурятъ въ Забайкальскомъ краѣ. («Историческая записка 1-й Казанской гимназіи» —Владимірова, ч. 1, стр. 41. Казань 1867 г.)

[2]) Въ предупрежденіе того, чтобы подозрительные китайцы въ особѣ начальника миссіи снова не увидѣли «великаго господина»—со стороны нашего правительства, было узаконено и впослѣдствіи въ 1805 году Высочайше подтверждено архимандриту миссіи за время его пребыванія въ Пекинѣ именоваться старшимъ священникомъ.

надлежащаго устройства хозяйственной части миссіи, по совѣщанію съ обоими начальниками оной о всѣхъ обстоятельствахъ, могущихъ споспѣшествовать существенному ея благу.

«Согласно съ вашимъ представленіемъ, къ начальнику новой миссіи препровождается нынѣ десять пудовъ серебра на окончательную уплату за недвижимое имѣніе, купленное въ Пекинѣ у португальскихъ монаховъ, а равно на новыя постройки въ Срѣтенскомъ монастырѣ и на расплату по прежнимъ работамъ. Отъ пристава миссіи получите вы серебро на удовлетвореніе жалованьемъ и экипажными деньгами васъ и подчиненныхъ вашихъ съ 1-го сентября 1830 года по 1-е же сентября 1831 года, сообразно прежнему штату, а столовою суммою по новому положенію, Высочайше утвержденному и составляющему въ годъ 3.000 рублей серебромъ, каковая сумма, сообразно съ вашимъ мнѣніемъ, признана достаточною на столъ, отопленіе и освѣщеніе россійскаго посольскаго двора и на прислугу для всей миссіи. Ему же ввѣрите вы книги и другія казенныя вещи для доставленія сюда по принадлежности.

«Вашей попечительности предоставляется, чтобы во время пребыванія въ Пекинѣ прежнихъ членовъ съ новыми, первые сообщили симъ опыты своихъ занятій въ китайскомъ и манчжурскомъ языкахъ, преподавъ имъ словесныя и письменныя наставленія къ успѣшнѣйшему оныхъ изученію и вообще къ прохожденію ихъ обязанностей съ желаемою пользою. Наконецъ, по надлежащемъ водвореніи вашихъ преемниковъ въ Пекинѣ и по наступленіи весны благополучно отправитесь оттуда въ Россію съ находящимися въ вашемъ вѣдѣніи духовными и свѣтскими лицами, въ сопровожденіи пристава до Кяхты, гдѣ выданы будутъ вамъ и подчиненнымъ вашимъ прогонныя деньги для переѣзда въ С.-Петербургъ.

Хотя архимандритъ Петръ и назвалъ эту бумагу ласточкой, обѣщающей весну, но какъ появленіе одной ласточки, по пословицѣ, еще не дѣлаетъ весны, такъ и для нашей миссіи эта весна открылась спустя двадцать одинъ мѣсяцъ со времени прилета первой вѣсти о смѣнѣ.

Десятой миссіи, прежде отъѣзда въ отечество, предстояло еще много хлопотъ относительно встрѣчи преемницы, ея ознакомленія съ обязанностями, возложенными на нее правительствомъ, и проч. и проч.

Оказалось, что новую миссію старой и принять было некуда. Тѣ помѣщенія, въ которыхъ жили члены миссіи, были и малы и ветхи; требовалось ветхія поправить и построить новыя, но мѣста для новыхъ зданій въ распоряженіи миссіи не было. Тогда архимандритъ Петръ вошелъ въ Пекинскую палату, управлявшую иностранными дѣлами, съ прошеніемъ, въ которомъ писалъ: «Жилища въ нашемъ Срѣтенскомъ монастырѣ для духовныхъ лицъ очень обветшали, а при томъ по при-

чинѣ близости къ нашему Собору солнечная теплота никогда въ оныя жилища не досягаетъ; почему монашествующіе не только часто подвергаются болѣзнямъ, но и смерти. Безъ всякаго сомнѣнія очевидная бы была польза, если бы зданіе сіе на нѣсколько саженъ отъ храма отвести на сѣверъ, но мѣсто оказывается узковато. И потому всепокорнѣйше прошу на сей предметъ западно-сѣверный уголъ пожаловать къ нашей обители».

Это прошеніе «Русскаго Даламы» поднесено было на разсмотрѣніе министру Алихадѣ, который благоволилъ сказать, что «если просимое мѣсто свободно, то экспедиція, онымъ мѣстомъ завѣдующая съ смотрителемъ русскаго монастыря, назначивъ день, туда съѣздитъ и по надлежащему обмѣритъ и утвердитъ». Вслѣдствіе сего экспедиторъ, завѣдующій тѣми мѣстами, Сундзей, и смотритель Россійскаго двора Вэнь-Канъ, вмѣстѣ прибывъ на оное мѣсто, измѣрили, и оказалось: отъ юга къ сѣверу въ длину десять саженъ и пять аршинъ, а отъ востока къ западу въ ширину четыре сажени и пять аршинъ. Сей уголъ земли положено по прошенію Россійскаго Даламы къ монастырю присоединить, но болѣе ни въ которую сторону нисколько не захватывать, что возлагается палатою на смотрителя Русскаго двора Вэнь-Кана, дабы онъ и о исполненіи по прошенію Русскаго Даламу извѣстилъ».

Царствованія Дао-Гуана 10-го лѣта 3-й луны 1-го числа россійскій старшій священникъ Петръ писалъ въ иностранный пекинскій трибуналъ: «Высокій Трибуналъ единожды извѣщалъ уже, что изъ Россіи, нашего отечества, сего года прибудетъ новая свита на смѣну старой; сіе обстоятельство потребовало нѣкоторыя строенія починить, а нѣкоторыя и вновь сдѣлать, а потому о начатіи сей стройки Высокій Трибуналъ почтеннѣйше извѣщаю».

Что и какъ было починено и построено вновь—со всею рельефностію изображено Аввакумомъ Честнымъ въ его письмѣ изъ Пекина отъ 12 іюня 1834 года къ товарищу его по академіи, наставнику Архангельской семинаріи. Починкою и постройками завѣдывалъ іеромонахъ Веніаминъ, назначенный въ начальники одиннадцатой миссіи, для пріема которой и предприняты были самыя починки и постройки.

Аввакумъ Честной прибылъ въ Пекинъ съ небольшимъ расположеніемъ къ простудѣ, которая съ 1831 года обратилась въ ревматизмъ. «Вотъ наступилъ іюнь мѣсяцъ,—пишетъ онъ,—а я надѣваю еще теплую фуфайку и шерстяные чулки. До такого состоянія доведенъ я особенно глупымъ устройствомъ комнатъ. Начальникъ (Веніаминъ) до нашего пріѣзда учился надъ ними строиться: вотъ причина, почему онѣ лѣтомъ не защищаютъ отъ жару, а зимой отъ холоду. На южной сторонѣ вмѣсто кирпичной стѣны сдѣлана деревянная рѣшетка и оклеена тонкою бумагой. На языкѣ дураковъ вся эта стѣна называется окномъ.

Входишь въ комнату, какъ въ адъ или сѣни смертныя; не думай ни читать, ни писать—ничего не увидишь, доколѣ глазные зрачки не расширятся какъ у совы и не посоловѣютъ какъ у кошки. Въ нѣкоторыхъ промежуткахъ рѣшетки я вставилъ стекла и избавился отъ тоски, нападавшей на меня отъ вліянія блѣдно-мертваго свѣта, проходящаго сквозь бумагу. Нужно ли и тебѣ, какъ и нашему начальнику, доказывать, что эта бумага зимою нисколько не защищаетъ отъ холода! Я думаю, ты повѣришь и безъ доказательствъ. Отъ недостатка нужной теплоты въ комнатахъ обыкновенно приказываешь сильнѣе нагрѣвать подпольную печь, чтобы не замерзнуть; но эта проклятая печь, какъ на бѣду, сдѣлана близъ того бумажнаго окна, гдѣ нужно постоянно сидѣть и заниматься; ибо въ другихъ мѣстахъ или темно или слишкомъ холодно. Вообрази же теперь, что ты зимою сидишь надъ раскаленною печью, какъ на горячей сковородѣ и при томъ около бумажной стѣны, сквозь которую всѣ восемь китайскихъ вѣтровъ свободно проходятъ и разгуливаютъ по комнатамъ. Ногамъ постоянно жарко, а спинѣ и плечамъ холодно. Какъ теперь прикажешь защищаться отъ простуды» [1].

Но такъ, или иначе—къ пріѣзду новой миссіи старая приготовила помѣщенія. Наконецъ, прибыла и ожидаемая миссія. По обычномъ пріемѣ ея, архимандритъ Петръ «просилъ быть собранію членовъ стараго и новаго совѣтовъ, въ которомъ присутствовать прошенъ былъ и г. приставъ подполковникъ М. В. Ладыженскій». Собраніе открылось рѣчью архимандрита Петра. Онъ говорилъ: «Россійскія миссіи прежде посылались на семь, а нынѣ на десять лѣтъ. Переписка съ Китаемъ производилась на манчжурскомъ языкѣ, который къ изученію удобенъ; о изученіи же китайскаго языка, до сего времени почитавшагося почти ненужнымъ, мало заботились. Но положеніе миссіи и предметы теперь измѣнились, и китайскій языкъ сдѣлался не менѣе нужнымъ, какъ и манчжурскій. Это измѣненіе заставляетъ меня сказать, что для изученія двухъ языковъ, и особенно многотруднѣйшаго китайскаго, недовольно и 20-лѣтняго термина, чтобы быть въ состояніи отвѣчать по всѣмъ предметамъ. Я говорю самую истину на основаніи собственнаго сорокалѣтняго опыта. Въ китайскомъ языкѣ чрезъ всю жизнь до старости одно заучивается, а другое прежнее—чрезъ неповтореніе—забывается; абсолютно сказать, что въ десять лѣтъ и въ одномъ китайскомъ языкѣ вполнѣ успѣть нельзя. Примѣръ тому мои подчиненные, которые при всѣхъ неутомимыхъ трудахъ въ десятилѣтній терминъ желаемаго не получили въ познаніи китайскаго языка, и изъ способнѣйшихъ дѣлаются мало полезными правительству. Во избѣжаніе сего вреда за первый способъ намъ принять должно обдуманный методъ изученія китайскаго

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1884 г., май, стр. 158.

языка, безъ котораго (метода) мы навсегда въ изученіи его останемся безуспѣшными» [1]).

X.

Китайскія проводы и петербургская встрѣча десятой миссіи.

Ровно черезъ семь мѣсяцевъ по прибытіи въ Пекинъ новой миссіи—старая снарядилась къ отъѣзду въ отечество. Начались китайскія проводы.

Прослышавъ о скоромъ отъѣздѣ старой миссіи, албазинцы собрались на «Россійскій дворъ» и просили новаго начальника миссіи о. Веніамина, дабы онъ, для увѣковѣченія памяти, съ стараго начальника миссіи архимандрита Петра Каменскаго, снявъ портретъ, оставилъ Успенской обители въ гостиномъ залѣ, въ который они нерѣдко собираются, что̀ самое въ удовольствіе ихъ и сдѣлано искусною рукою художника Антона Михайловича Легастова.

Предъ самымъ же отъѣздомъ миссіи, албазинцы излили благодарность свою къ ней, въ слѣдующей запискѣ, поданной ими приставу миссіи М. В. Ладыженскому:

«Повергаясь предъ Творцомъ всяческихъ, покровительствующимъ Его Величество государя императора всероссійскаго, а чрезъ него и насъ, мы себя находимъ издавна отъ отечества своего отторгнутыми въ Китай, гдѣ хотя отъ предковъ нашихъ и сохранились у насъ святыя иконы и священныя книги, но мы доселѣ ничего уже понимать не могли, а считаемъ себя отъ природнаго стада заблудшими овцами, потерявшими матерей своихъ. Нынѣ же къ счастью нашему, царствованія Дао-Гуана 1-го лѣта, прибыли сюда священнослужители, архимандритъ Петръ съ прочими, врачъ и студенты, всѣ люди отмѣнныхъ дарованій, учености и добродѣтелей, словомъ, въ полной мѣрѣ мужи мудрые. Они, обративъ на насъ человѣколюбивое состраданіе, паки подняли насъ отпавшихъ отъ святыя вѣры и всемѣрно обрадовали. Они для юношества нашего открыли училище, снабдили хорошими учителями и, человѣколюбиво воспитывая, дѣлаютъ хорошими людьми. Къ описанію всѣхъ ихъ

---

[1]) Интересны для насъ въ данномъ случаѣ два нѣсколько разнорѣчивыхъ сказанія архимандрита Петра о себѣ. Въ письмѣ къ князю А. Н. Голицыну онъ говоритъ: «Китайскій языкъ есть сильный губитель человѣческихъ и дарованій и даже пріобрѣтенныхъ знаній. Я, болѣе сорока лѣтъ имъ занимавшись, убилъ, такъ сказать, и дарованія мои и посильныя знанія, а отнюдь ни въ какой части не усовершился», а въ «Памятной запискѣ» пишетъ: «сорокъ лѣтъ безпрерывно по возможности моей занимался я предметами, до Китайской имперіи относящимися, и важныя политики ихъ мѣста, и силы священныхъ ихъ книгъ учинились мнѣ довольно ясными».

добродѣтелей и благодѣяній, какъ бы мы благодарность нашу ни выражали, но вполнѣ описать не можемъ. И потому, написавъ слабыя строки стиховъ (на мунгальскомъ языкѣ), всесмиренно подносимъ».

Вотъ вольный переводъ стиховъ, сдѣланный архимандритомъ Петромъ, рукою котораго противъ подлинника написано: «усердное, но нескладное сочиненіе». «Мы, албазинцы, здѣсь въ Пекинѣ находимся болѣе ста лѣтъ; въ теченіе таковаго промежутка времени давно святую вѣру потеряли, ибо совершенно оставались, какъ стадо безъ пастыря. Наконецъ, къ счастію нашему, Промысломъ Премилосердаго Бога, чрезъ всемилостивѣйшаго государя императора, помазанника Его изліяна на насъ Высочайшая милость. Премудрые цари, выполняя волю небесъ, всякой твари—дыханіе имѣющей—доставляютъ мирное благосостояніе. Духовные, врачъ и всѣ прочіе члены, миссію составляющіе, пріѣзжая чрезъ великую отдаленность въ Пекинъ, сами занимаясь науками, образуютъ другихъ. Они всѣ суть высокихъ дарованій и добродѣтелей. Мы—по неусыпному ихъ о насъ попеченію—какъ слѣпцы паки выведены на путь спасенія, съ котораго давно уже совратясь, блуждали безъ цѣли. Но нынѣ среди жилищъ нашихъ (въ Русской Сотнѣ) воздвигнутъ благолѣпный храмъ Успенскій [1]) съ премногими знаками къ намъ милостей. Мы, близкіе, пользуясь такими милостями, веселимся и радуемся, то и отдаленные, смотря на сіе, приближаются, и всѣ истиннымъ сердцемъ прилѣпляясь внутренно—смотримъ на сіе съ умиленіемъ. Это есть училище къ святой истинѣ насъ ведущее. Сердоболіе изъявлено къ намъ безконечно. Мы, взысканы будучи толикими благодѣяніями, отъ искреннихъ сердецъ нашихъ, чрезъ строки сіи простыхъ стиховъ свидѣтельствуемъ нашу наичувствительнѣйшую благодарность».

Лично архимандриту Петру, при прощаніи, были вручены глубокоблагодарныя письма отъ новокрещеннаго манчжура, дворянина Терентія Турунчая и албазинца Степана, сына поручика Андрея Григорьевича Савинова.

Терентій Турунчай писалъ: «Письмо сіе да будетъ знакомъ искреннѣйшія и вѣчныя благодарности къ вашему высокопреподобію, яко духовному отцу, отъ недостойнаго сына и послушника Терентія за святыя христіанскія наставленія и отеческое къ вѣрѣ руководство.

«Предъ особою вашего высокопреподобія чистосердечно изливаю мою признательность, что я многогрѣшнѣйшій, при всемъ удостоеніи меня безконечныхъ Божіихъ благодѣяній, нахожусь еще невыполнившимъ сыновняго долга, святою христіанскою вѣрою требуемаго; но время — вопреки сердечныхъ чувствованій—приближается къ скорой съ вами разлукѣ. Покрываюсь стыдомъ, что внутренно по слабости моей ни единаго не явилъ подвига, достойнаго благочестивыхъ вашихъ наставленій, да и внѣшно не имѣю ни одной вещи, которая бы вполнѣ доказала мою къ особѣ вашей сердечную преданность. Однѣ только имѣю обильно льющіяся слезы, истинную моего сердца тоску доказывающія. Причемъ всесовершенно препоручая себя и какъ отцу всего себя посвящая, молю, прошу и надѣюсь еще послѣдней милости—оставить мнѣ въ назиданіе хотя самое краткое, хотя одно словцо, которое я по

---

[1]) «Обитель Успенія,—пишетъ армандритъ Петръ,—при насъ въ 5 кратъ расширена и устроена съ необыкновеннымъ усердіемъ, издержками и пожертвованіями многими пудами серебра, что удивило до безумія китайцевъ, ибо это у нихъ необыкновенно; но мы показали свойство русскихъ».

гробъ мой съ благоговѣніемъ цѣлуя — выполнять буду, и которое будетъ для меня печатію всѣхъ вашихъ душеспасительныхъ наставленій и милостей. Засимъ еще прошу, какъ духовнаго пастыря, не оставить меня во святыхъ вашихъ молитвахъ предъ престоломъ Всевышняго Творца, всяческихъ объ оставленіи моихъ прегрѣшеній и о подкрѣпленіи меня Божественною благодатію, къ хожденію по пути святыхъ заповѣдей, по пути, ведущему въ вѣчныя небесныя селенія, гдѣ бы я съ вами, моимъ пастыремъ, на вѣки соединившись, вѣчно за вами слѣдуя и сожительствуя съ вами, какъ бы едиными усты славилъ Господа. Въ этомъ состоитъ все мое желаніе, вся надежда и все прошеніе.

Вашего высокопреподобія въ землю бьющій челомъ недостойный сынъ манчжуръ Терентій Турунчай.

Албазинецъ Степанъ, сынъ поручика Савинова, писалъ: «Пришло время горестной разстани, и я, недостойный вашъ послушникъ, послѣднѣйшій Стефанъ, повергаясь предъ высокою вашею катедрою, изъявляю искреннѣйшія мои чувствованія благодарности за то, что вы, переходя толикую десятитысячную верстъ отдаленность и чрезъ многіе годы въ чужой землѣ, всякія перенося горести, ничего другаго въ виду не имѣли, какъ только приведеніе насъ къ истинному богослуженію. Нѣтъ изъ насъ никого, кто бы не взысканъ былъ отъ особы вашей безпримѣрными отеческими милостями. Теперь мы послѣднія минуты наслаждаемся лицезрѣніемъ красоты вашей. При таковомъ плачевномъ для насъ зрѣлищѣ разлуки съ вами и самыя каменныя сердца не могутъ не проливать горестнѣйшихъ слезъ. Я, недостойный послушникъ вашъ, не имѣющій ни единой доброй черты, чрезъ сіи однакожъ строки сердечно изъявляю искреннее мое желаніе достигнуть вамъ истиннаго счастія и, наконецъ, восшествія къ престолу небеснаго Царя царей. Ліющіяся мои слезы, омочая черты сіи (подлинникъ на манчжурскомъ языкѣ), не допускаютъ изразить вполнѣ моихъ мыслей. Послѣ пусть напишу не однѣми только слезами, но и кровію.

Вашего высокопреподобія, милостиваго отца и благодѣтеля всенижайшій послушникъ Стефанъ Андреевъ. Пекинъ, 6 іюля 1831 года.

Когда миссія была уже въ пути и слѣдовала по Мунгаліи, ей, на имя лѣкаря О. П. Войцеховскаго, было вручено благожелательное напутственное письмо отъ великаго жреца Фоевой вѣры Кутухты (Кутухта, по вѣрованію фоевцевъ, живой Богъ). Сей великій жрецъ фоевой вѣры [1]),

[1]) Объ основателѣ фоевой вѣры и о нѣкоторыхъ ея положеніяхъ у архимандрита Петра записано слѣдующее: «Основатель фоевой вѣры есть Фое, сынъ владѣтельнаго князя княжества Инду, кой, бывъ женатъ и имѣя сына, изъ дому отца бѣжалъ къ пустынножителямъ въ горы, гдѣ пробывъ 10 лѣтъ — возвратился въ свое княжество тогда, когда отецъ его уже умеръ. Сосѣди, пользуясь междуцарствіемъ, нѣчто изъ владѣнія его присвоили себѣ; но сей наслѣдникъ—возвратившись—не сталъ спорить, а на бумагѣ изъяснилъ имъ, что они на томъ свѣтѣ отдавать будутъ, да уже поздно, а непремѣнно, за такую несправедливость во адѣ мучиться будутъ вѣчно. Насилователи — видя сіе — тотчасъ похищенное или отнятое возвратили. Отъ сего началась оная вѣра. Послѣдователи Фое, постригшись въ монаховъ, не подлежатъ переселенію душъ. Китайскій ученый Чень-дзы, видя, что въ монахи постригается

манчжуръ Кутухта,—говоритъ архимандритъ Петръ,—крайне съ нами въ Пекинѣ подружился, многократно насъ посѣщалъ, неоднократно слушалъ божественную литургію, обѣдалъ у насъ, и мы у него; подружился, кажется, дотого, что не хотѣлъ бы съ русскими разстаться. Почтенный нашъ врачъ О. П. Войцеховскій особенно былъ съ нимъ близокъ: училъ его читать по-русски, толковалъ ему географію и показывалъ на картахъ и глобусахъ, а какъ онъ могъ по-русски читать, то тѣмъ наипаче восхищался, что толкуемое могъ повѣрять по глобусу. Нашъ почтеннѣйшій приставъ миссіи, подполковникъ генеральнаго штаба М. В. Ладыженскій, въ семимѣсячное въ Пекинѣ пребываніе, такую съ нимъ свелъ дружбу, что онъ, Кутухта, особенно приглашалъ его на разныя ихъ торжества и священнослуженія. Онъ къ намъ, русскимъ, былъ въ полной мѣрѣ откровененъ; прилежно читалъ на китайскомъ языкѣ христіанскія книги, Новый Завѣтъ съ краткимъ толкованіемъ и другія книги, коими я его снабжалъ охотно, и онъ чрезъ Войцеховскаго просилъ меня, чтобы я позволилъ ему списать, въ чемъ я охотно удовлетворялъ его просьбѣ. Изъ писемъ его, къ намъ писанныхъ, видно, что онъ въ христіанскомъ ученіи много находитъ сходнаго съ ихъ ученіемъ,—къ имени Божію христіанскому имѣетъ уваженіе,—пространнымъ толкованіемъ на десятословіе и молитву Господню восхищался. Когда сей великій жрецъ имѣлъ съ нами дружбу, то прочіе, разныхъ классовъ многочисленные даламы и кубилкини и того болѣе насъ уважали. Все ихъ духовенство, видя сію дружбу, насъ чрезмѣрно уважало».

Состоя въ такихъ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ къ членамъ старой миссіи, Кутухта, по дѣламъ своей службы, не могъ при всемъ желаніи присутствовать при проводахъ ея изъ Пекина: онъ по духовной обязанности задолго до отъѣзда миссіи выѣхалъ за Великую стѣну, отдѣляющую Китай отъ Мунгаліи; разсчитавъ же по времени, когда миссія должна прослѣдовать по Мунгаліи, онъ удачно «пустилъ», по выраженію архимандрита Петра, вслѣдъ ея, на имя г. Войцеховскаго письмо, исполненное благожеланій путникамъ. Архимандритъ Петръ списалъ копію съ этого письма, «во свидѣтельство потомкамъ о тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, въ какихъ поставила себя десятая миссія въ Пекинѣ даже къ такимъ высокимъ лицамъ, какъ Кутухта». Вотъ текстъ этого письма:

Почтеннѣйшій господинъ Ванъ-лое [1]),
Милостивый государь!

«Отъ времени разлуки съ вами въ Пекинѣ нечувствительно протекло нѣсколько уже мѣсяцевъ. Я не выпускалъ однакожъ васъ изъ мыслей ни во снѣ,

---

безчисленное множество, въ насмѣшку сказалъ: «ежели вся вселенная приметъ фоевскую вѣру, то менѣе нежели во 100 лѣтъ и самого Фое потомство истребится. Фое хочетъ, истребивъ родъ человѣческій, уступить звѣрямъ и прочимъ животнымъ».

[1]) Такъ въ Китаѣ титуловали. Примѣч. архимандрита Петра.

ни на яву. Пожалованныя вами чудныя лѣкарства и нюхательные порошки — табакъ, суть достаточныя напоминанія и доказательство отмѣнной вашей любви ко мнѣ. Я, преисполненъ будучи сердечнаго къ вамъ расположенія, искренно желаю, чтобъ почтенную особу вашу премилосердый Богъ въ продолженіе пути сохранилъ во всякомъ благополучіи, до почтеннѣйшаго вашего отечества, во объятія вашихъ родныхъ, и по божественному Своему промыслу возвысилъ васъ въ достойный чинъ и заслуженныя почести, чего нетерпѣливо слышать желаю.

Я же, всѣмъ сердцемъ почитающій васъ, вашъ преданнѣйшій слуга, 4-ой луны прибылъ въ мѣстечко Чихань-Буласу и, увидя почтеннѣйшаго вашего государства экипажи, чрезмѣрно любовался [1], и, полюбивъ, нашелъ для моихъ въ Мунгалію выѣздовъ весьма удобнымъ и спокойнымъ; но къ сожалѣнію у насъ въ Пекинѣ никакъ не могутъ сдѣлать. Прошу васъ, милостивый государь, по прибытіи въ Кяхту, купить одну коляску цѣною около трехъ фунтовъ серебра, которое можете получить въ Куренѣ-Ургѣ отъ Дзандзабы-Джасанъ-Ламы, правителя дѣлъ Ургинскаго Гелена Кутухты, къ которому для препровожденія ко мнѣ и отошлите въ нынѣшнемъ же году. За симъ высокоблагороднѣйшему господину Дажиню подполковнику М. В. Ладыженскому и архимандриту Петру, а равно и всѣмъ почтеннымъ спутникамъ вашимъ желаю истиннаго благополучія и въ продолженіи пути спокойствія.

Вашъ милостиваго государя, почтеннѣйшаго Ванъ-лоя, Азійской страны Лама Манчжуръ Кутухту—съ любовію нижайше кланяюсь.

Не переставали благожелать и благодарить отъѣхавшую миссію какъ китайцы, такъ и албазинцы и тогда, когда эта миссія была уже въ отечествѣ. Такъ, воспользовавшись отъѣздомъ въ Россію члена новой миссіи г. Курляндцева [2], съ нимъ были посланы письма къ архимандриту Петру,

---

[1]) Тамъ находились русской команды казаки съ обознымъ скотомъ и экипажами. Кутухта, при всей важности высокаго своего сана, ѣздилъ въ русскій станъ, просилъ казацкаго старшину заложить экипажъ и, сѣвъ въ оный, съ удовольствіемъ прогуливался.

[2]) Въ 5-мъ пунктѣ 13-ти прибавныхъ статей трактата между Россіей и Китаемъ сказано: «Россіяне просили, чтобы живущіе въ Пекинѣ ихъ люди чрезъ каждые три мѣсяца посылали письма съ платою доставляющимъ денежныхъ издержекъ и проч. Переписка письмами не есть нужное дѣло. Къ чему таковая черезъ три мѣсяца? и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и то трудно. Сего въ трактатъ не вводить, но дозволить имъ письмами пересылаться при попутьяхъ чрезъ попутчиковъ». По поводу этого пункта архимандритъ Петръ разсказываетъ слѣдующій случай съ нимъ въ Пекинѣ: «На сей статьѣ основываясь, я послалъ въ Кяхту бумаги и нѣкоторыя вещицы съ Мунгальскимъ княземъ Карцагаемъ. Князь, не успѣвъ въ Кяхту доставить, умеръ. Сынъ его, видя иностранный пакетъ и посылку, не рѣшился послать въ Кяхту, но, продержавъ долгое время, наконецъ, объявилъ ургинскому князю Вану. Ванъ, не зная сихъ постановленій, прямо при докладѣ препроводилъ къ государю. Государь, также не знавъ сего пункта трактата, наслалъ о мнѣ въ трибуналъ указъ, чтобы я впередъ спрашивался о такихъ нуждахъ у трибунала. Я, вычитавъ указъ и не сказавъ на сіе ни слова, пошелъ во внутренній мой покой, вынесъ прибавные пункты трактата и указалъ на пятый, чѣмъ и при-

іеромонаху Даніилу и лѣкарю Войцеховскому отъ албазинцевъ, крещеннаго изъ китайцевъ семейства Павла и прозелита Голоя изъ трибунальскихъ чиновниковъ [1]).

стыдилъ и нѣкоторымъ образомъ затруднилъ пекинскій трибуналъ. Подлинно крайне извинялись, а главный министръ Тод-зинъ къ Вану послалъ выговоръ, для чего онъ, не справившись съ дѣлами и мимо трибунала, самъ дерзнулъ доложить Его Величеству». Стѣсненные 5-мъ пунктомъ, наши миссіонеры по необходимости обращались для посылки извѣстій о себѣ въ Кяхту къ посредству торгашей-жидовъ изъ провинціи Шань-си, которые по своимъ коммерческимъ дѣламъ имѣли сношеніе съ Кяхтой. Этотъ пунктъ тяготѣлъ надъ миссіонерами и одиннадцатой миссіи, и Аввакумъ Честной справедливо негодуетъ на о. Веніамина, что онъ не воспользовался трикратнымъ посѣщеніемъ зимою 1834 года Срѣтенскаго подворья главнымъ министромъ Чанъ-Линомъ. Когда министръ съ чрезвычайною простотою и радушіемъ изъявлялъ неудовольствіе на худое содержаніе казеннаго посольскаго дома, съ большимъ участіемъ разспрашивалъ о нашемъ отечествѣ и о занятіяхъ миссіонеровъ, о. Веніаминъ не могъ завести рѣчи даже о главной нашей нуждѣ: чаще имѣть случаи для переписки съ отечествомъ, а о порученіяхъ правительства не ему и толковать; виды правительства и успѣхъ миссіи для него ничто, главное онъ самъ. Если изъ такого важнаго знакомства начальникъ не успѣетъ извлечь для себя выгоды, то на будущее пятилѣтіе едва-ли останется въ Пекинѣ: это будетъ рѣшительнымъ ударомъ для его честолюбія». Что и сбылось. («Русскій Архивъ» 1884 г., май, стр. 156).

[1]) Съ г. Курляндцевымъ же было прислано письмо отъ лѣкарей новой миссіи Порфирія Евдокимовича Кириллова на имя О. П. Войцеховскаго. которое, какъ не имѣющее непосредственнаго отношенія къ темѣ, но въ то же время, не безъинтересное въ цѣлой исторіи нашей миссіи въ Китаѣ, я помѣщаю въ примѣчаніи. «Теперь бы въ волю наговориться съ вами, дражайшій Осипъ Павловичъ. Но я затѣялъ это 30 іюля, а въ это время вы вѣрно выметали изъ горницы вашей въ Пекинѣ всякаго собесѣдника, и вѣрно повѣрьте, что и я лучше бы согласился, чтобы меня выгнали хоть въ болото чѣмъ писать теперь. (Намекъ на чрезмѣрные іюльскіе жары въ Пекинѣ, когда тамъ—запершись—сидятъ нагіе. Замѣтка архим. Петра). Прежде я не могъ приготовиться къ этому, поелику до сего мѣсяца жилъ въ горахъ около двухъ мѣсяцевъ, гдѣ занимался собираніемъ растеній. Мимоходомъ скажу, что главная квартира или ботаническій сѣнникъ мой былъ въ кумирнѣ деревни Ши-Чанъ у подошвы Дзе-тайя, гдѣ я жилъ одинъ, изрѣдка навѣщаемый Даміаномъ, откуда простирался во всѣ страны. Два раза былъ въ Танъ-джа и имѣю тамъ паціента, который адресовался было къ вамъ. При ботаническихъ занятіяхъ занимался и практикою, которою обратилъ къ себѣ народъ изъ отдаленныхъ деревень палестины сей, вылѣчивъ страдавшую одиннадцать лѣтъ удушьемъ дѣвицу и многихъ другихъ. Не въ похвалу свою скажу вамъ, что не только въ Китаѣ, но нигдѣ не думалъ я найти той признательности и уваженія, какія видѣлъ здѣсь. Народъ, кажется, совершенно забылъ, что я иностранецъ. (Въ Китаѣ всякъ въ классѣ уже преступниковъ, кто съ иностранцами сведетъ дружбу. Замѣтка архим. Петра). И довѣренность эта очаровала меня такъ, что я неохотно возвращался въ русское подворье. Къ этому побудили меня отъѣздъ товарища Курляндцева и засуха, отъ которой

Албазинцы писали: «Высокопреподобнѣйшіе отцы Петръ и Даніилъ! Мы всѣ нижайшіе албазинцы, собираясь въ церковь Божію, молимся о здравіи вашемъ. По истинѣ съ крайнею любовію взирая на вашу страну, сердечно опять сюда ожидаемъ. Всѣ ученики училища вами заведеннаго оплакиваютъ въ васъ великую потерю. Еще всенижайше клапяемся его высокоблагородію подполковнику Ладыженскому. Даміанъ. 1832 года 7 луны 27 числа».

Письмо китайца Павла къ тѣмъ же лицамъ: «Повергаясь предъ особами вашего высокопреподобія, я всенижайшій послушникъ Павелъ съ моимъ родителемъ Дометіемъ и со всѣмъ семействомъ свидѣтельствуемъ искреннѣйшую благодарность за великія милости, и сердечно всѣ желаемъ вамъ всякаго счастія. Все мое семейство: добрая моя теща Татіана, нижайшая жена моя Саломія, сестра моя и три сына Антоній, Ѳеодосій и Петръ при семъ воспоминаніи—плача до земли кланяются, и всѣ мы себя на вѣки посвятили къ услугамъ вашимъ. Просимъ всепокорнѣйше засвидѣтельствовать наше нижайшее почтеніе Осипу Павловичу лѣкарю (Войцеховскому), коллежскому ассесору, Захару Ѳеодоровичу (Леонтьевскому), титулярному совѣтнику, Кодрату Григорьевичу (Крымскому), титулярному совѣтнику, Николаю Ивановичу и Алексѣю Исаковичу причетникамъ (Вознесенскому и Сосницкому). 1832 года, 7 луны, 29 числа».

Голое—почтенный человѣкъ, природный китайскій дворянинъ изъ фамилій Голмингъ, служившій въ высокомъ трибуналѣ чиновникъ, родственникъ трибунальскаго предсѣдателя, славнаго вельможи и чрезвычайно по своимъ добродѣтелямъ и вѣрности къ государю извѣстнаго, престарѣлаго Амбаня, писалъ къ архимандриту Петру слѣдующее: «Письмо Голоя или малоумнаго Голминга, которое я всесмиренно пишу для засвидѣтельствованія моего вамъ почитанія, для узнанія о вашемъ здравіи и благополучіи всего почтеннѣйшаго вашего дома.

«Отъ времени разлуки нашей нечувствительно протекъ уже цѣлый годъ. Я не рѣдко воспоминаю о любезномъ вашемъ въ столицѣ нашей Пекинѣ пребываніи и безпрерывныхъ нашихъ пріятныхъ свиданіяхъ, которыми желалъ бы я всегда наслаждаться. Навѣрно можно сказать, что не было ни одного мѣсяца, въ который бы я съ вами не имѣлъ свиданія и пріятной бесѣды. Но увы! Со времени разлуки и доселѣ не имѣю уже счастія наслаждаться лицезрѣніемъ вашимъ. Выражая сію мысль на бумагѣ, невольно вырываются изъ меня глубокіе вздохи. За симъ представилась мнѣ ваша почтенная осанка, вашъ видъ и даже тонъ рѣчи вашей, ваши сужденія, разговоръ, словомъ, все

уже падаютъ предъ солнцемъ жертвы голодной смерти. Появились грабежи. Люди продаютъ себя на гины (т. е. на вѣсъ). Ожидаютъ осенью неминуемаго бунта. Престарѣлому пастырю церкви пекинскія и сотруднику его высокопреподобнѣйшему отцу Даніилу, любезнѣйшему Кодрату Григорьевичу, Захару Ѳеодоровичу, Алексѣю Исаковичу и Николаю Ивановичу свидѣтельствую истинное почтеніе и признательнѣйшую память о нихъ». На копіи съ сего письма рукою архимандрита Петра отмѣчено: «Это письмо отъ члена новой миссіи, а успѣхи и привязанность къ русскимъ снисканы предшествующей миссіей. Когда бывало, чтобы китайцы и манчжуры часто съ русскими друзьями переписывались? А нынѣ даже Кутухта, даже корейскіе большіе чиновники, и христіане и проч. Читайте — какъ пишетъ трибунальскій чиновникъ Голое, какъ всѣ албазинцы, какъ манчжуръ дворянинъ Терентій и др.».

сіе одно за другимъ мысленно въ умѣ перебирая, вдругъ представилось мнѣ, какъ будто я личнымъ наслаждаюсь съ вами свиданіемъ. За симъ непримѣтнымъ образомъ сами собой изъ глазъ покатились слезы. Я унывалъ уже, что не имѣлъ возможности и случая писать къ вамъ и просить о продолженіи вашего ко мнѣ благорасположенія. Наконецъ, къ обрадованію моему, услышалъ я, что одинъ изъ миссіонеровъ г. Курляндцевъ возвращается обратно въ отечество, тотчасъ съ восхищеніемъ принялся за перо. Я душевно и искренно съ моей стороны представляю, что мы, братія, хотя раздѣльно живемъ въ разныхъ государствахъ, но духъ нашъ нераздѣленъ. А потому я всепокорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе, ежели впредь случится попутье, не лишить и меня увѣдомленія о вашемъ вожделѣнномъ для меня благополучіи, о чемъ я съ радостію слышать желаю.

«По отпускѣ сего письма, я и все мое семейство, счастіемъ вашимъ, всѣ благополучны. Не умолчу предъ вами сего, что ходъ моей службы и счастіе довольно благопріятствуютъ. Моя жена, моя дочь, мой сынъ, всѣ, свидѣтельствуя глубокое почтеніе, просятъ о продолженіи вашего благоволенія.

«Я же съ глубокимъ уваженіемъ о всемъ увѣдомивъ пребываю и проч.
Пекинъ. Дао-гуана 12 лѣта 7 луны» [1]).

Отвѣтомъ на письма пекинцевъ, со стороны бывшаго пастыря церкви пекинской—архимандрита Петра, было «Посланіе къ пекинскому христіанству». «Возлюбленніи братія о Господѣ! Со времени моей съ вами разлуки, не было (боюсь солгать), кажется, ни одного дня, въ который бы я, многогрѣшнѣйшій, не вспоминалъ всѣхъ васъ, и особенно во храмѣ Господнѣ, съ приношеніемъ многогрѣшныхъ, но усердныхъ моихъ къ Господу молитвъ о здравіи и спасеніи всѣхъ васъ съ любезными и благословенными семействами вашими. Истину скажу, что я столько васъ всѣхъ люблю, что желалъ бы летѣть къ вамъ на третій терминъ десятилѣтія, ежелибъ только не препятствовала 70-лѣтняя моя старость. Молю васъ любезнѣйшихъ святыя вѣры благочестивыхъ предковъ вашихъ ни подъ какимъ видомъ не оставлять, но хранить оную до послѣдней капли крови. Вѣрующимъ въ Бога вся споспѣшествуется во благое».

Г-нъ Курляндцевъ вмѣстѣ съ благожелательными письмами изъ Пекина привезъ и не совсѣмъ утѣшительныя вѣсти о взаимоотношеніяхъ членовъ новой миссіи къ ея начальнику; но «престарѣлый пастырь» былъ уже о нихъ предваренъ отцомъ Веніаминомъ, который писалъ, между прочимъ, архимандриту Петру отъ 15 марта: «Ради Бога, ради блага юной здѣшней церкви, вашимъ попеченіемъ пріемшей начало, молю васъ забыть и простить все, продлить любовь вашу ко мнѣ недостойному и не забывать меня въ святыхъ своихъ молитвахъ. Новостей, съ отъѣзда вашего изъ Пекина, никакихъ важныхъ не было. Церковь наша, хотя не пріумножилась еще новыми членами, но, благодареніе Господу, не-

---

[1]) На письмѣ Голое имѣется слѣдующая помѣтка и приписка архимандрита Петра: «Получено мною въ отечествѣ 1832 года ноября 24 числа, къ удовольствію и удивленію моему. Сей почтенный человѣкъ по отбытіи моемъ крестился».

смотря на случившіяся ей искушенія, больше даже нежели холодностію и равнодушіемъ новыхъ уготовленныя, все остается цѣлою и въ скорбѣхъ моихъ надѣляетъ меня большимъ утѣшеніемъ. На прошедшей первой недѣлѣ великаго поста, всѣ почти мужчины и женщины говѣли, исповѣдывались и пріобщались святыхъ таинъ. Всю недѣлю сію я жилъ при Успенскомъ храмѣ. При всякомъ воспоминаніи о васъ, признательность и любовь всѣхъ здѣшнихъ христіанъ изрыгаются чувствительнѣйшими знаками. Порученія нѣкоторыхъ изъ нихъ: Павла старшины, Симеона, Косьмы, Филиппа, Даміана, Варнавы, Меланіи, Софіи, Евгеніи, Терентія, Іовина-монгола, кроткаго и паче прочихъ близкаго ко мнѣ Григорія и проч., при случаѣ засвидѣтельствовать вашему высокопреподобію ихъ высокопочитаніе—симъ исполняю. Стараніемъ послѣдняго Баоллъ съ матерью и сестрою къ Пасхѣ будутъ, кажется, приняты чрезъ св. крещеніе къ числу вѣрныхъ. Семейство Терентія-манчжура—тоже. Терентій самъ теперь живетъ при Успенскомъ храмѣ, въ званіи писца и катихизатора весьма не безполезнаго. Крестникъ вашъ Павелъ также до земли вамъ кланяется. Хотя послѣ отъѣзда вашего желательно мнѣ было оставить его при себѣ, но господинъ лѣкарь упросилъ его у меня. Теперь, кажется, они оба другъ другомъ довольны, но оказался тотъ недостатокъ, что Павлу не всегда бываетъ досужно въ церкви пономарить. Епископъ [1]) всегда вспоминаетъ объ васъ съ большою любовію и проситъ меня открыть вамъ, что онъ по смерть свою будетъ считать васъ въ числѣ благодѣтельныхъ друзей своихъ. По поводу недавно возникшаго гоненія на секту Болянъ-дзіоу, князь Дзинъ-Дженъ (второй сынъ великаго князя Сущинъ-вана, намъ знакомаго) опять началъ было и его настоятельнымъ понужденіемъ отправы; но онъ, кажется, избавился отъ сего подачею новой бумаги съ объясненіемъ своей болѣзни и старости. Вэнь-сань (смотритель русскихъ и попечитель по дѣламъ ихъ) по случаю его обыкновеннаго посѣщенія предъ новымъ здѣшнимъ годомъ и объявленнаго ему чрезъ меня отъ васъ поклона, также поручилъ мнѣ непремѣнно свидѣтельствовать отъ себя и вамъ таковый же. Въ расположеніи его къ намъ непримѣтно перемѣны. Онъ даже, кажется, усугубилъ оное, имѣя желаніе получить отъ насъ себѣ и отцу своему (сей сынъ фельдмаршала) портреты; но не могу вамъ не изъявить моего опасенія потерять сіе слишкомъ не ученическимъ поведеніемъ гг. студентовъ и псаломщиковъ: ласковость и скромность все еще у нихъ почи-

---

[1]) Послѣ проскрипціи 1805 года и гоненій въ 1812—1820 годахъ на католическое миссіонерство со стороны китайскаго правительства, въ Пекинѣ оставалось только четыре миссіонера-францисканца: Рибейра, Ферейра, Вильгельмъ и нанкинскій епископъ Піусъ—дряхлый старецъ. О послѣднемъ и идетъ рѣчь въ письмѣ о. Веніамина.

таются униженіемъ, а напоминанія и совѣты объ оныхъ — угнетеніемъ и... ежели бы не даровалъ мнѣ Господь благомыслящаго и терпѣливаго Епифана Ивановича Сычевскаго (студ. 14-го класса), не могу ручаться, жилъ ли бы я доселѣ и могъ ли бы продолжать должность мою. Увидѣлъ я, наконецъ, что не одно предубѣжденіе послужило къ разстройству нынѣшней миссіи; въ ней самой находились расположенные къ тому члены. Но могъ бы я примѣтить прежде и послѣ, что безъ онаго все бы она не дошла до такихъ безпорядковъ, какіе въ ней начали появляться въ самомъ началѣ и послѣ обнаружились. Не честолюбіе мое тутъ оскорблялось или злопамятство безпокоило, но честь и польза отечественныя терпѣли и должны были потерпѣть. Вотъ, что при одиночествѣ моемъ заставило меня не молчать предъ правительствомъ, которое, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, напоминаніемъ своимъ уже облегчило судьбу мою, да и впредь облегчить можетъ [1]). Впрочемъ, въ смиреніи сердца испрашивая прощенія грѣховъ моихъ предъ всѣми оскорбленными мною людьми и Богомъ, по дѣламъ моимъ наказующимъ мя, и повторяя моленіе мое предъ вами о вспомоществованіи мнѣ вашими святыми молитвами, честь имѣю по гробъ моей жизни пребыть вашего высокопреподобія смиреннѣйшимъ послушникомъ и преданнѣйшимъ слугою убогій старшій священникъ Веніаминъ. 3 марта 1832 года.

P. S. Домашнія дѣла наши, кажется, не объяснились къ лучшему. Члены совѣта болѣе начали имѣть ко мнѣ довѣренности, а о. іеродіаконъ Поликарпъ явилъ нѣсколько опытовъ трогательнаго послушанія и даже доброты и простоты. Да помилуетъ насъ Господь своею благодатію молитвами вашими.

«О новостяхъ китайскихъ я посылаю выписку изъ здѣшнихъ газетъ въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Мнѣ бы пріятно было, ежели ваше высокопреподобіе прочитали бы оную; да и для васъ, я думаю, не нелюбопытно знать о случившихся, по вашемъ отбытіи изъ Китая, дѣлахъ и перемѣнахъ. Голое—трибунальскій чиновникъ,

---

[1]) Слич. слѣдующее мѣсто изъ письма Аввакума Честнаго: «Четверо миссіонеровъ вмѣстѣ съ нимъ (Веніаминомъ), засѣдаютъ въ совѣтѣ и часто разрушаютъ ни съ чѣмъ несообразныя его затѣи; а это такъ сильно дѣйствуетъ на его печень и желчь, что онъ, при каждой отпискѣ въ отечество, самыми черными красками мараетъ насъ предъ правительствомъ, выставляя впрочемъ совершенно другіе предлоги къ нашему обвиненію и, такимъ образомъ, за недостаткомъ веревокъ опутываетъ насъ по крайней мѣрѣ паутиною. Безъ особеннаго призыва или высылки, ни одинъ изъ миссіонеровъ не ходитъ къ нему и даже за наказаніе считаютъ встрѣтиться съ нимъ въ монастырѣ или въ саду; для честолюбія его это такой ударъ, который онъ едва переноситъ. Но виноваты ли миссіонеры, когда онъ самъ отвратилъ отъ себя всѣхъ своимъ невѣжествомъ и характеромъ».

Шулое—инспекторъ русскаго училища, Лисаньлое—служащій по кабинету, свидѣтельствуютъ почтеніе.

«Любезному брату, высокопреподобному отцу Даніилу, прошу покорнѣйше сказать мое сердечное почтеніе и благодарность за пріятные отзывы его изъ Кяхты. При встрѣтиться имущемъ будущемъ случаѣ, я непремѣннымъ долгомъ почту изъявить ему сіе особымъ писаніемъ. Веніаминъ. 15 марта» [1]).

Архимандритъ Петръ, по прочтеніи сего письма (17 сентября 1832 г.) начертилъ на немъ слѣдующія строки: «Подлинное письмо 3 марта; слѣдовательно, по написаніи письма послѣдовали уже перемѣны. Правду сказать, письмо сіе весьма многозначительно. Исправи Господи путь ихъ! Я, кончивъ его, смотрю на мотыльковъ около свѣчи. Потомъ представился мнѣ мой юношескій возрастъ. Юность слишкомъ неосновательна. — Три человѣка изъ сей миссіи безъ правильной причины выѣхали».

По прибытіи старой миссіи въ Петербургъ, ее, въ лицѣ ея представителя-начальника, письменно привѣтствовалъ 31 ноября 1831 года директоръ азіатскаго департамента, тайный совѣтникъ и сенаторъ К. К. Родофиникинъ въ слѣдующихъ словахъ: «Ваше высокопреподобіе, милостивѣйшій государь! Поздравляю отъ всего сердца съ благополучнымъ перенесеніемъ бремени, которое на васъ было возложено. Слава Богу!

---

[1]) Вотъ полный текстъ письма о. Веніамина къ архимандриту Петру: «Ваше высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій отецъ архимандритъ Петръ! Недавно, кажется, я наслаждался пріятною бесѣдою вашею, недавно оживляемъ былъ вашимъ присутствіемъ; но между тѣмъ скоротечность времени чинитъ уже новый поворотъ солнцу къ той линіи, съ которой оно зрѣло разлуку нашу, и мы теперь раздѣляемся чрезвычайнымъ пространствомъ. Странная для меня перемѣна, чѣмъ я болѣе думаю о ней—чувствительнѣе становится для меня отдаленность. Вѣрно суждено всему роду человѣческому съ потерею только познавать цѣну добра. Мнѣ же, въ довершеніе горькой участи моей, еще приводится чувствовать свое недостоинство, дѣлающее таковое лишеніе можетъ быть навсегда невозвратнымъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, поздравляю васъ, ваше высокопреподобіе, по благополучномъ совершеніи труднаго поприща съ благополучнымъ возвращеніемъ въ любезное отечество и желаю отъ чистаго сердца тихаго отдохновенія. Ради Бога, ради блага юной здѣшней церкви, вашимъ попеченіемъ пріемшей начало, молю васъ, забывъ и простивъ все, продлить любовь вашу ко мнѣ недостойному и не забывать меня въ святыхъ своихъ молитвахъ, дабы Господь по великой милости своей укрѣпилъ и мою немощь на понесеніе не по силамъ моимъ возложеннаго на меня бремени и сподобилъ радости увидѣть, ежели не земное, по крайней мѣрѣ, небесное отечество. Большаго одолженія прошу я у васъ, но по прежней вашей обильной любви ко мнѣ, не чаю быть отринутымъ. Я же съ моей стороны священнымъ поставляю себѣ правиломъ молить о васъ Господа и прежнія мои опущенія или излишества предъ вами по возможности силъ во всю жизнь мою загладить предъ Нимъ. Новостей... и т. д.

вы въ отечествѣ, посреди своихъ. Всевышній, подкрѣпившій силы ваши на многотрудномъ поприщѣ, продлитъ оныя, дабы подать вамъ возможность воспользоваться и плодами, на которые пріобрѣли полное право отъ признательнаго правительства».

XI.

Признательность правительства членамъ десятой миссіи и судьба ихъ въ отечествѣ.

Начальникъ миссіи, архимандритъ Петръ, въ письмѣ къ епископу пермскому (что послѣ архіепископъ олонецкій) Аркадію, говоритъ о себѣ: «По прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, удостоился я лично высочайшаго благоволенія». Напутствуемый предъ отъѣздомъ въ Китай, въ 1819 году отъ Благословеннаго Александра упованіемъ на Господа, архимандритъ Петръ, по возвращеніи изъ Пекина въ 1831 году, на пути къ царскимъ чертогамъ, узрѣлъ уже предъ императорскимъ дворцомъ, во всемъ благочестивомъ величіи Монферанову колонну, взирая на которую «престарѣлый пастырь юной Пекинской церкви и прослезился, и умилился. Прослезился, ибо Его Величества лишился; умилился, видя увѣковѣченіе въ памятникѣ».

Кромѣ высочайшаго благоволенія, котораго архимандритъ Петръ лично удостоился, при своемъ представленіи, отъ императора Николая, ему 3 мая 1832 г. всемилостивѣйше пожалованъ былъ орденъ св. Анны 1-й степени,— награда, которой доселѣ не удостоивался ни одинъ архимандритъ [1]).

Іеромонахъ Даніилъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и сдѣланъ настоятелемъ Московскаго Златоустовскаго монастыря; съ 1837 года, онъ перешелъ въ Казанскій Предтеченскій монастырь и занялъ, съ званіемъ профессора, каѳедру китайскаго языка при императорскомъ Казанскомъ университетѣ, а съ 1838 по 1841 г. безвозмездно преподавалъ китайскій языкъ и въ 1-й Казанской гимназіи. По предмету своихъ чтеній въ университетѣ и гимназіи, архимандритъ Даніилъ издалъ китайскую хрестоматію и переводъ съ китайскаго на россійскій языкъ философической классической книги Сы-шу—драгоцѣнное зерцало для просвѣщенія ума [2]).

---

[1]) Въ некрологѣ архимандрита Петра сказано: «о. Петръ былъ единственный (тогда въ Россіи) архимандритъ, имѣвшій орденъ св. Анны 1-ой степени».

[2]) Кромѣ того за время служенія архимандрита Даніила въ Казани имъ составлено «Историческое и топографическое описаніе Раифской пустыни въ

Приставъ миссіи М. В. Ладыженскій произведенъ въ полковники; лѣкарь О. П. Войцеховскій сдѣланъ штабъ-лѣкаремъ (послѣ профессоръ Казанскаго университета); Крымскій и Леонтьевскій оставлены въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. На обратномъ пути въ Россію К. Г. Крымскій остановился въ Кяхтѣ и, какъ знавшій китайскій и манчжурскій языки, по просьбѣ кяхтинскаго купечества, занялъ должность переводчика и преподавателя китайскаго языка во вновь открытомъ въ 1831 году кяхтинскомъ училищѣ. Эти должности онъ занималъ свыше 30 лѣтъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1863 году. Леонтьевскаго архимандритъ Петръ рекомендовалъ начальству въ особое вниманіе, какъ трудолюбивѣйшаго чиновника [1]), а причетниковъ миссіи Вознесенскаго и Сосницкаго представилъ особому благоволенію высокопреосвященнѣйшаго митрополита. А. И. Сосницкій послѣ служилъ въ Казанскомъ университетѣ лекторомъ китайскаго языка.

Архимандритъ Петръ за службу свою удостоился трехъ пенсій, первая въ 600 рублей пожалована ему, во время служенія его по иностранному министерству переводчикомъ китайскаго и манчжурскаго языковъ 11 апрѣля 1814 года, вмѣстѣ съ чиномъ коллежскаго ассесора; эту пенсію съ 1819 года предъ отъѣздомъ своимъ въ Китай, въ званіи начальника миссіи, онъ довѣрилъ получать въ Петербургѣ изъ государственнаго казначейства того же министерства и тѣхъ же языковъ переводчику С. В. Липовцеву для содержанія, проживающихъ въ Петербургѣ, четырехъ круглыхъ сиротъ дѣвочекъ Краснощековыхъ. Вторая, въ въ 1.000 рублей, пожалована въ 1819 году, при переводѣ его изъ статской службы въ духовную—въ званіе начальника миссіи; эта пенсія съ того же года по его просьбѣ выдаваема была по половинѣ: 500 рублей изъ Макарьевскаго (Нижегородской губерніи) казначейства, двумъ его сестрамъ Маврѣ и Агаѳьѣ Ивановнамъ, и 500 рублей изъ Пензенскаго

древнѣйшемъ и новомъ ея состояніи». Въ 50-хъ годахъ архимандритъ Даніилъ служилъ въ Сибири настоятелемъ Троицкаго Селенгинскаго монастыря; здѣсь онъ составилъ «Описаніе Байкальскаго Спасо-Преображенскаго монастыря». Въ 70-хъ годахъ мы видимъ архимандрита Даніила на покоѣ въ Ростовскомъ (Ярославской епархіи) Борисоглѣбскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и скончался.

[1]) Отъ 21 іюля 1832 года, архимандритъ Петръ писалъ въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ: «Вѣдомства моего студентъ, титулярный совѣтникъ Леонтьевскій, между прочими, по своей должности занятіями, учинилъ посильный опытъ въ переводѣ исторіи г. Карамзина, который, подая надежду къ продолженію сего труда, сей первый томъ оной чрезъ меня подноситъ для помѣщенія въ библіотеку азіатскаго департамента. При чемъ пріятнымъ долгомъ считаю рекомендовать его, какъ трудолюбивѣйшаго чиновника, дѣйствительно полную о себѣ надежду подающаго».

казначейства его снохѣ, вдовѣ Екатеринѣ Каменской съ сиротами дѣтьми. Третья пенсія, въ 2.000 рублей серебромъ, пожалована ему въ 1832 году по возвращеніи изъ китайской миссіи и расходовалась главнымъ образомъ на благотворенія имъ самимъ.

Отказавшись отъ чести занять епископскую каѳедру въ Астрахани архимандритъ Петръ просилъ уволить его на покой въ Городецкую Ѳеодоровскую обитель Нижегородской епархіи, гдѣ въ то время настоятельствовалъ престарѣлый Амвросій, бывшій учителемъ архимандрита Петра. Но отъ выбора до исполненія желанія протекло около года, когда успѣлъ скончаться и престарѣлый Амвросій, подъ «правила» котораго рвалась душа архимандрита Петра. Архимандриту Петру предлежало еще свести счеты и сдать дѣла по миссіи въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Аполлонъ Можаровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи декабристовъ.

Письмо княгини Е. И. Трубецкой Платону Фотіевичу Митькову.

5 октября 1830 г. Петровскій зав.

Братецъ вашъ получилъ отъ васъ два письма: одно за № 6 отъ 2-го іюня, а другое за № 7 съ деньгами, отъ 7 іюня. Онъ душевно вамъ благодаренъ за дружбу вашу и за все то, что вы для него дѣлаете. Предъ выходомъ изъ Читы, онъ получилъ отъ васъ письмо за № 4, а № 5-й до него не дошелъ: онъ два мѣсяца не имѣлъ отъ васъ извѣстія и много о томъ горевалъ. При вступленіи въ здѣшнюю ужасную тюрьму, онъ былъ боленъ. Сырость, холодъ и недостатокъ воздуха въ комнатахъ сильно дѣйствуютъ на здоровье всѣхъ сидящихъ въ этой тюрьмѣ. Теперь однако, Михаилъ Фотіевичъ начинаетъ немного поправляться. Съ истиннымъ почтеніемъ, остаюсь готовая къ услугамъ

Кн. Трубецкая.

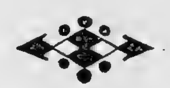
Письмо А. Бенкендорфа Платону Фотіевичу Митькову.

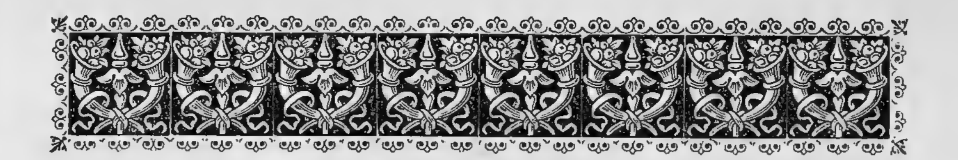
6 декабря 1830 г. № 4730.

Препровождая при семъ письмо отъ Екатерины Ивановны Трубецкой, изъ Петровскаго острога, считаю долгомъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что Его Императорское Величество, получивъ отъ г. коменданта, генералъ-маіора Лепарскаго, рапортъ объ устройствѣ сего острога, по собственному побужденію безпредѣльнаго своего великодушія, Высочайше повелѣть изволилъ, чтобы въ острогѣ сдѣланы были свѣтлыя окна, и проч.

При семъ не могу я не замѣтить, что жены, раздѣляющія по собственному непреодолимому своему желанію участь несчастныхъ своихъ мужей, неумѣреннымъ ропотомъ на случайныя, но необходимыя непріятности, оказываютъ неблагодарность къ Монарху милосердному, сдѣлавшему уже все возможное къ облегченію ихъ жребія и отмѣнившему даже, для ихъ утѣшенія, нѣкоторыя постановленія существующихъ коренныхъ узаконеній.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Бенкендорфъ.

Профессоръ М. Я. Мудровъ, П. Я. Чаадаевъ и Ф. Ф. Вигель.

Письмо М. Я. Мудрова къ П. Я. Чаадаеву.

Милостивый Государь

Петръ Яковлевичъ [1]),

Съ большимъ прискорбіемъ разстаюсь я съ Вашимъ сочиненіемъ. Хотѣлъ было выписочки сдѣлать. Но опасаюсь Васъ моего почтеннѣйшаго благодѣтеля оскорбить долгимъ непослушаніемъ. Но не я виноватъ. Да и не Вы. Виновато сочиненіе. Ибо хорошо, ново, справедливо, поучительно, учо̂но, благочестиво, а благочестіе ко всему полѣзно; такъ говоритъ Божіе Слово, кое люблю всемъ сердцемъ. И Вы помазаніе имате отъ Святаго! Блюдите его. Христосъ съ Вами! Dominus Vobiscum, atque nobiscum! И такъ христіански простите моей медленности. Мои больные и уроки не терпятъ отлагательства! Совѣстно денги взять. Возвращаю при семъ же. Самъ возьму изъ Вашихъ ручекъ, надѣюсь, что или самъ занемогу духомъ и приѣду къ Вамъ лѣчиться или Вы за мною пришлете. Тотчасъ явлюсь.

Vale, bene Vale

препокорнѣйшій слуга

Матѳій Мудровъ.

1830. Jan. 24.

Mosquae.

Письмо это найдено нижеподписавшимся въ Румянцевскомъ музеѣ, въ папкѣ подъ № 1032 (она заключаетъ въ себѣ массу писемъ къ П. Я. Чаадаеву, копію съ его духовнаго завѣщанія, подлинный указъ объ отставкѣ его и пр.), и представляетъ тотъ интересъ, что въ немъ, безъ сомнѣнія, идетъ рѣчь о первомъ философскомъ письмѣ Чаадаева, ко-

---

[1]) Соблюдаемъ въ точности орѳографію подлинника.

*

торое во французскомъ оригиналѣ подписано: Nécropolis (такъ, по словамъ издателя, Чаадаевъ называлъ Москву) 1829, 1-er Decembre.

Извѣстно, сколько шуму надѣлало черезъ шесть лѣтъ печатаніе этого письма и какія печальныя послѣдствія имѣло оно для редактора «Телескопа», для цензора и для самого автора. Съ 1870 г. всѣмъ вѣдомо (см. «Русск. Стар.» 1870 г. I, 162 и слѣд.), что «дѣло» о преслѣдованіи «виновныхъ» возбудилъ своимъ доносомъ [1]) слишкомъ извѣстный Фил. Фил. Вигель (изстари ненавидѣвшій Чаадаева), который это философское письмо называетъ «богомерзкой» статьей, явно изрыгающей «хулы на отечество и вѣру», автора ея именуетъ «извергомъ» и считаетъ несомнѣннымъ его «отступничество отъ вѣры отцевъ своихъ, коего онъ впрочемъ скрывать не старается».

Кто же такой профессоръ Мудровъ, который то же философское письмо называетъ произведеніемъ хорошимъ, новымъ, справедливымъ, поучительнымъ и главное: благочестивымъ, автора же считаетъ не только истиннымъ христіаниномъ, но и имѣющимъ помазаніе отъ Святаго? Можетъ быть, онъ тоже отступникъ «отъ вѣры отцевъ своихъ?» или онъ крайній матеріалистъ, радующійся униженію національнаго исповѣданія и прикрывающій свой атеизмъ грубой ироніей и обманомъ?

Раскрываемъ біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета (1855 г.) и изъ него узнаемъ, что Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ родился въ Вологдѣ 23 марта 1772 г. въ семействѣ священника Дѣвичьяго монастыря, человѣка рѣдкой доброты и учености. Матвѣй Яковлевичъ учился сперва у отца, потомъ въ семинаріи, потомъ въ народномъ училищѣ; въ 1794 г. съ 25 коп. въ карманѣ, полученными отъ отца, онъ отправился въ Москву и въ 1795 г. былъ произведенъ въ званіе студента. «Онъ былъ всегда набоженъ и никогда не пропускалъ божественной службы въ университетской церкви», охотно брался читать шестопсалміе, апостола и часы, что его сблизило съ семействомъ директора университета Тургенева; въ 1798 г. онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе (по медицинѣ), а въ 1800 г. другую—за поведеніе, и тогда же былъ командированъ за границу. По всему видно, что въ то время Матвѣй Яковлевичъ былъ честный и скромный юноша, вовсе не «карьеристъ» по натурѣ, но составившій себѣ карьеру упорнымъ трудомъ и мягкимъ характеромъ. Онъ очень долго работалъ за границей (въ одномъ Парижѣ пробылъ 4 года), вернулся въ Москву въ 1808 г.

[1]) Можетъ быть, были и другія подобныя же «указанія», но нѣтъ сомнѣнія, что митрополитъ Серафимъ не могъ не обратить вниманія на доносъ, подписанный такой значительной особою и написанный съ такимъ паѳосомъ и почти съ угрозою въ случаѣ невниманія къ нему. («Сама святая и соборная апостольская церковь вопіетъ къ вамъ о защитѣ», пишетъ Вигель).

и съ 1809 г. былъ ординарнымъ профессоромъ и директоромъ клиники. Практика у него была огромная, но никто не обвинялъ его въ сребролюбіи; вообще онъ считался очень хорошимъ человѣкомъ, единственнымъ недостаткомъ котораго было нѣкоторое тщеславіе своими работами и званіемъ. Искреннее благочестіе въ самомъ широкомъ смыслѣ отличало его въ продолженіе всей его жизни: онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ преосв. Августиномъ, очень любилъ славянскій языкъ, рукописи и старопечатныя книги, сочинилъ «молитвенное слово», ежедневно утромъ цѣловалъ чашку своего отца, почиталъ всѣхъ своихъ и жениныхъ родственниковъ; доброта его доходила до того, что онъ не позволялъ своимъ домашнимъ бить собакъ и истреблять мышей. Его міровоззрѣніе выражается въ томъ наставленіи, которое давалъ онъ молодымъ медикамъ, отпуская ихъ на службу: «Ступай, душа! Будь скроменъ, не объѣдайся мясищемъ, не пей винища и пивища, не блуди, бѣгай отъ картишекъ, будь покоренъ начальству, люби свое дѣло, свою науку, люби службу государеву, и будешь счастливъ и почтенъ; Galenus dat opes, Justinianus—honores».

Въ томъ же году, когда онъ написалъ Чаадаеву вышеприведенное письмо, онъ въ началѣ сентября отправился на борьбу съ холерой, отъ которой и погибъ въ іюнѣ 1831 г. въ Петербургѣ.

Очевидно, проф. Мудровъ былъ вполнѣ искренній человѣкъ, безусловно православный не на славянофильскій, конечно, а на старинный семинарскій ладъ, во всякомъ случаѣ болѣе «вѣрный сынъ отечества и православной церкви», нежели Фил. Фил. Вигель. Это была то, что называется, уравновѣшенная натура: въ немъ не могло быть и тѣни того нравственнаго раздвоенія, болѣзненнаго недовольства собой и окружающимъ, которое принесли изъ-за границы русскіе офицеры и до котораго дочитались и додумались иные изъ русскихъ дворянъ. Добившись огромнымъ трудомъ извѣстнаго значенія и благосостоянія, онъ не могъ смотрѣть на жизнь и на окружающее его общество съ безотраднымъ пессимизмомъ. Какимъ же образомъ могъ такой человѣкъ расхваливать статью, изрыгающую явныя «хулы на отечество и вѣру?»

Или рѣчь идетъ о другомъ произведеніи Чаадаева, по содержанію и идеямъ вовсе не похожемъ на его знаменитое философское письмо? Но, во-первыхъ, Чаадаевъ былъ человѣкъ съ очень опредѣленными и твердыми убѣжденіями и на разстояніи 2-хъ мѣсяцевъ не могъ написать двухъ «сочиненій», совсѣмъ не сходныхъ; а во-вторыхъ, мы знаемъ, что онъ вообще писалъ мало, своими философскими письмами былъ доволенъ, разсылалъ ихъ въ 1830 и 1831 годахъ своимъ пріятелямъ и такъ же, какъ отъ Мудрова, настойчиво требовалъ ихъ возвращенія [1]).

[1]) См. три письма Чаадаева къ Пушкину, напеч. въ «Русскомъ Арх.» 1881 г. стр. 429 и слѣд. Кстати попытаемся опредѣлить ихъ поводъ и хро-

И такъ читатели этой замѣтки сами должны рѣшить, чье мнѣніе о знаменитомъ философскомъ письмѣ, Мудрова или Вигеля, справедливѣе, а для этого они должны припомнить его содержаніе и отмѣтить въ немъ именно то, что могло понравиться искренно религіозному профессору Мудрову.

Чаадаевъ возстаетъ противъ религіознаго индифферентизма и утверждаетъ, что страданія отъ невполнѣ развитаго религіознаго чувства лучше равнодушія, и что чувство это такой чистый источникъ, изъ котораго не можетъ выдти ничего нечистаго. Это чувство поддерживается выполненіемъ постановленій церкви, а такое упражненіе въ покорности есть настоящее поклоненіе Богу. Это о религіи вообще, а далѣе о религіи христіанской: по убѣжденію Чаадаева, христіанство является не только нравственною системой, выразившеюся въ преходящихъ формахъ человѣческаго ума, но «силою божественною, вѣчною, дѣйствующею на всемъ пространствѣ міра умственнаго». Въ мірѣ христіанскомъ все необходимо должно содѣйствовать и въ самомъ дѣлѣ содѣйствуетъ учрежденію на землѣ совершеннаго порядка; вся новая исторія есть не что иное, какъ исторія христіанства.

Въ этихъ несомнѣнно основныхъ идеяхъ философскаго письма и самъ прозорливый Вигель не могъ, конечно, усмотрѣть ничего хуль-

нологію по отношенію къ письму Пушкина отъ 6 іюля 1831 г. (изд. фонда VII, 274—275). Письмо Чаадаева отъ 17 іюня, повидимому, открываетъ этотъ эпизодъ изъ сношеній, такъ какъ фраза, съ которой Пушкинъ начинаетъ свое письмо (je vous parlerai la langue de l'Europe etc.), служитъ какъ бы отвѣтомъ на слова Чаадаева: Écrivez moi en russe etc. Чаадаевъ въ этомъ письмѣ не особенно безпокоится о судьбѣ своей рукописи и больше интересуется мнѣніемъ Пушкина, которое тотъ ему и сообщаетъ. Но, можетъ быть, письмо Чаадаева дошло до насъ не въ полномъ видѣ: Bloudoff и Bêlizard Пушкина въ немъ не упоминаются. Письмо Чаадаева отъ 7 іюля, очевидно, пошло навстрѣчу письму Пушкина: оно гораздо настойчивѣй требуетъ рукописи и объясняетъ мотивъ: Чаадаевъ надѣется издать ее avec le reste de mes écritures. Эти слова намекаютъ, а содержаніе письма Пушкина дѣлаетъ несомнѣннымъ, что рѣчь идетъ не объ «извѣстномъ философскомъ письмѣ» (изд. фонда, прим.), явившемся впослѣдствіи въ «Телескопѣ», гдѣ нѣтъ ничего ни о Моисеѣ, ни объ Аристотелѣ, ни о Давидѣ, ни о Маркѣ Авреліи и пр., а объ второмъ письмѣ, до сихъ поръ въ Россіи не изданномъ (см. стр. 54 и слѣд. изд. кн. Гагарина). Но Пушкинъ читалъ и первое письмо, какъ это видно и изъ названія Москвы Nécropolis и изъ словъ его непосредственнаго письма 19 окт. 1836 г., гдѣ онъ говоритъ: J'ai été charmé de la relire (изд. фонда, VII, 410). Третье, обширное и очень важное для характеристики Чаадаева, письмо его отъ 18 сентября есть отвѣтъ на письмо Пушкина отъ 6 іюля; слова Чаадаева: Vous voulez causer, disiez vous. Causons, служатъ прямымъ отвѣтомъ на слова Пушкина: Écrivez moi, mon ami, dussiez vous me gronder, да и самая любезная готовность Чаадаева бесѣдовать по душѣ съ своимъ неаккуратнымъ читателемъ вызвана, очевидно, весьма для него лестной библейской цитатой поэта.

наго противъ вѣры отцовъ и «богомерзкаго».—Можно ли удивляться, что проф. Мудровъ призналъ ихъ справедливыми, поучительными и благочестивыми, когда онъ то же самое находилъ у св. отцевъ церкви и въ св. писаніи, которое любилъ онъ «всѣмъ сердцемъ»? Вопросъ можетъ быть только въ томъ, что̀ нашелъ онъ здѣсь новаго и ученаго? Конечно, еслибъ онъ встрѣтилъ тѣ же мысли въ богословскомъ трактатѣ или въ проповѣди, это вовсе не поразило бы его новизною; но во французскомъ «сочиненіи» свѣтскаго барина тѣ же мысли тронули его до глубины души, а изящно-настойчивая убѣдительность ихъ и ссылки на исторію Англіи были въ его глазахъ признаками свѣтской, но серьезной учености. Но рядомъ съ этими общехристіанскими тезисами въ философскомъ письмѣ мы читаемъ безжалостно жестокое осужденіе русскаго общества съ его крайней неустойчивостью, хаотической нравственностью, полной безсистемностью, неумѣлой подражательностью и отсутствіемъ національной физіономіи. Какъ философъ-историкъ, Чаадаевъ объясняетъ эти наши общественные недостатки особенностями нашей исторіи, главнымъ образомъ нашей отторженностью отъ общеевропейской жизни въ средніе вѣка, и не скрываетъ своей горькой зависти къ истинно-цивилизованнымъ народамъ, у которыхъ идеи долга, закона, правды, порядка вошли въ плоть и кровь, къ народамъ, въ семьѣ которыхъ мы доселѣ остаемся совсѣмъ чужими.

Вигелю и другимъ подобнымъ «читателямъ сердецъ» должно было казаться, что благочестивые тезисы автора приклеены къ этому пасквилю только для того, чтобы обмануть цензуру; но Мудровъ и прочіе безпристрастные люди видѣли между тезисами и обличеніемъ связь тѣснѣйшую: въ нашемъ именно обществѣ находитъ Чаадаевъ религіозный индифферентизмъ; именно у насъ безвѣріе продолжаетъ оставаться модою и, разбранивъ насъ на чемъ свѣтъ стоитъ, авторъ съ горячностью рекомендуетъ своимъ несчастнымъ собратьямъ одно средство къ исправленію: «надо стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами».

Послѣдній тезисъ Мудровъ долженъ былъ признать справедливымъ и благочестивымъ; но какъ онъ могъ сочувствовать столь рѣзкому обличенію нашихъ общественныхъ язвъ? Какъ могъ онъ признавать ихъ существованіе въ такой степени и какъ не возмутился онъ тѣмъ, что наша учительница Византія признается растлѣнной и обвиняется за отторженіе отъ благочестиваго запада? Конечно, Мудровъ-отецъ, вологодскій священникъ, при всей своей просвѣщенности, не могъ бы одобрить такихъ взглядовъ; но Мудровъ-сынъ—другое дѣло.

Уже со временъ Котошихина русскіе люди, пожившіе за границей, наклонны къ суровому обличенію отечественныхъ порядковъ и, конечно, не столько изъ злобы къ своему, сколько изъ патріотической зависти

къ чужому—лучшему. Какъ ни различны условія, при которыхъ сложились воззрѣнія Чаадаева и Мудрова, они соприкасаются во многихъ пунктахъ, такъ какъ оба они въ ранней молодости провели по нѣскольку лѣтъ за границей, и провели не даромъ: не прожигали жизнь, а работали и наблюдали. Мудровъ, съ дѣтства религіозно настроенный, попалъ во Францію какъ разъ послѣ конкордата, когда, по словамъ современниковъ (см. напр. автобіографію историка христіанскаго искусства Ріо), религіозные интересы въ массѣ общества временно получили очень высокій подъемъ, къ чему Мудровъ, безъ сомнѣнія, относился съ полнымъ сочувствіемъ. По возвращеніи на родину, проф. Мудровъ началъ практиковать въ барскихъ домахъ въ Москвѣ и встрѣчалъ тамъ или вольнодумцевъ во вкусѣ XVIII вѣка, въ родѣ Болконскаго-отца, или людей равнодушныхъ къ религіи, въ родѣ Андрея Болконскаго и Пьера Безухаго въ молодости, или людей, равнодушныхъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ собственныхъ удовольствій и выгодъ, въ родѣ молодаго Фамусова. Конечно, встрѣчались, и не въ маломъ количествѣ, явленія другаго порядка; но въ родномъ и дорогомъ темная сторона часто поражаетъ сильнѣе, чѣмъ свѣтлая; а что касается до неустойчивости нравственныхъ и семейныхъ основъ въ нашемъ обществѣ (не въ народѣ), то ея не могли отвергать и наиболѣе самодовольные люди. И вотъ среди этого общества нашелся одинъ, умный, образованный и въ то же время вѣрующій человѣкъ, который въ скромной формѣ рукописнаго посланія рѣшился показать самомнительнѣйшимъ изъ своихъ собратьевъ зеркало и тѣмъ направить ихъ на путь истинный. Какъ же могъ проф. Мудровъ не отнестись къ его «сочиненію» съ полной симпатіей?

Нѣтъ сомнѣнія, что Вигель и въ 1830 г. былъ бы до крайности недоволенъ философскимъ письмомъ; но онъ оставилъ бы это недовольство про себя или во всякомъ случаѣ не рѣшился бы высказывать его въ формѣ такого рѣзко-злобнаго доноса: Вигель былъ изъ тѣхъ людей, которые всегда плывутъ по вѣтру. Въ 1836 г. вѣтеръ значительно перемѣнился, и, какъ извѣстно, философское письмо возбудило недовольство многихъ людей, гораздо лучшихъ Вигеля; это недовольство готово было выразиться въ формѣ горячей, пожалуй даже ожесточенной полемики, но доносъ и его послѣдствія замкнули уста всѣмъ порядочнымъ людямъ [1]), а русская интеллигенція, столь жестоко обиженная философскимъ письмомъ, заявила свое сочувствіе его «сумасшедшему» автору въ такой формѣ, что даже болѣзненно-самолюбивый Чаадаевъ остался ею вполнѣ доволенъ. Причиной многолѣтняго паломничества лучшихъ русскихъ людей на Басманную было, конечно, общее убѣжденіе въ

[1]) Извѣстно, что Пушкинъ не послалъ даже частнаго письма Чаадаеву, гдѣ высказывалъ несогласіе съ нѣкоторыми его мнѣніями.

томъ, что Чаадаевъ умный и мыслящій человѣкъ, живущій духовными, идеальными интересами и умѣющій возбуждать ихъ въ другихъ, что онъ «человѣкъ религіозный, либеральный и просвѣщенный въ истинномъ значеніи этихъ словъ» [1]), что если онъ и преувеличивалъ наши недостатки, если и высказывалъ невѣрные взгляды на наше прошлое и настоящее, то руководился онъ не ненавистью, а страстною любовью къ Россіи, и что вообще онъ былъ болѣе «вѣрный сынъ отечества и православной церкви», нежели Филиппъ Филипповичъ Вигель.

Кстати изъ той же папки № 1032 печатаемъ письмо послѣдняго къ Чаадаеву въ 1849 году.

30 ноября 1849 г. С.-Петербургъ.

Милостивый Государь
Петръ Яковлевичъ,

Часу въ девятомъ утра 14 ноября, когда еще былъ я въ постели, принесли мнѣ, неизвѣстно отъ кого, свитокъ бумаги: это былъ первый подарокъ старому, многими уже забытому имяниннику. Развернувъ свитокъ, какъ въ изображеніи, такъ и въ деликатности поступка узналъ я и истиннаго христіанина, кроткаго сердцемъ, незлобиваго и человѣка, высокою своею свѣтскою образованностью, нынѣ уже столь рѣдкою; украшающаго Московское общество. Стихи, которые нашелъ я на оберткѣ, весьма правильны и милы: но чьи они? вѣроятно того же человѣка, которому стоило хорошенько заняться русскимъ языкомъ, чтобы и на немъ показать совершенство слога.

Снисходительность часто возбуждаетъ къ нескромности и отъ того всепокорнѣйше просилъ бы я васъ, если возможно, доставить мнѣ другой экземпляръ портрета вашего. Сіе дѣлаю я въ слѣдствіе желанія изъявленнаго одной придворной дамой, которая прошедшей весной имѣла удовольствіе познакомиться съ вами.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть
Милостивый Государь
Вашъ покорнѣйшій слуга Ф. Вигель.

Этотъ документъ имѣетъ только то значеніе для біографіи Чаадаева—къ характеристикѣ Вигеля онъ ничего не прибавитъ новаго,—что объясняетъ его письмо къ Вигелю, напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы» за 1871 г. (ноябрь, стр. 343) и его же письмо къ Венцелю, напечатанное тамъ же нѣсколько выше (стр. 334). На обоихъ этихъ письмахъ выставленъ 1847 годъ въ видѣ предположенія. Настоящій документъ доказываетъ, что это предположеніе невѣрно и что переписка между Чаадаевымъ и его «стариннымъ недоброжелателемъ» возникла вслѣдствіе чьей-то странной шутки въ 1849 году.

Сообщ. профессоръ **А. И. Кирпичниковъ.**

---

[1]) М. Лонгиновъ «Русск. Вѣстн.» 1862, № 11, стр. 152.

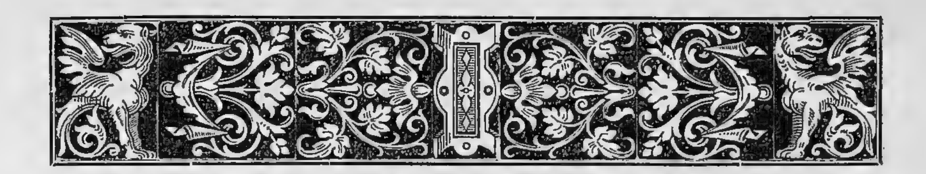
Письмо крестьянина своему помѣщику о дозволенiи жениться.

1807 года.

Бьетъ челомъ Государю милостивцу своему свѣтъ Петру Денисычу крестьянишко его Васька Храмой: волею Божею женишка у меня на прошлый Петровъ день отъ родовъ померла, а послѣ ее осталось четверо ребятъ; и я сирота твой нынѣ не женатъ, а въ чужихъ барщинахъ не даютъ, за выводъ прошаютъ рубли по три за дѣвку; и ты пожалуй меня крестьянишку тваво, есть въ твоемъ Болховскомъ Государевомъ помѣстьѣ въ деревнѣ Кривчее дѣвка Дашка Картавая и ты пожалуй меня Государь мой Петра Денисычъ сироту тваво Ваську Храмова, ослобони меня на той дѣвкѣ жениться. Дазволь. А Фролка Картавый, отецъ ейной дѣвки Дашки землю сваю савсѣмъ пакинулъ, могуты его пахать не стало и онъ Фролка и съ дѣвкою своею хочетъ сказываютъ брести изъ тваво Государева помѣстья прочь куды глаза глядятъ.

Сообщилъ: **кн. А. А. Голицынъ.**

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехмедъ-Садыкъ паши).

VIII [1]).

Кончина моей матери.—Домъ и родня Северина Залѣсскаго.—Другой мой шуринъ Іосифъ Сосницкій. — Болѣзнь и смерть моего дяди, старосты Бахтынскаго.—Фабрики и промыслы Прота Потоцкаго.—Охота въ лѣсахъ. – Кіевъ.— Городская гвардія.—Контракты и водосвятіе.

Я засталъ матушку тяжко больною, однако, она еще приняла меня, сидя въ креслахъ въ залѣ; мы оба плакали, можетъ быть, отъ радости, что намъ еще довелось увидѣться, а можетъ быть отъ горя и смутнаго предчувствія, что мы скоро разстанемся на вѣки. Ночью состояніе больной ухудшилось, и на другой день она уже не могла встать съ постели и не выходила изъ спальни. Это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ; доктора рѣшили, что у нея болѣзнь печени, для излѣченія которой необходимо весною ѣхать на воды. Послѣ трехъ мѣсяцевъ страданій, въ февралѣ мѣсяцѣ, матушка скончалась на моихъ рукахъ.

Собрался семейный совѣтъ, изъ дяди моего по отцу и дядей по матери. Исполняя волю покойной, они занялись формальностями по утвержденію ея завѣщанія, при чемъ я выразилъ желаніе, чтобы сестры получили равныя со мною части въ имѣніи, хотя я имѣлъ по закону право на полученіе трехъ четвертей. Члены семейнаго совѣта скрѣпили это рѣшеніе своими подписями, взявъ съ меня, однако, обѣщаніе, что я по достиженіи совершеннолѣтія признаю этотъ раздѣлъ предъ судомъ.

Имѣніе тотчасъ было оцѣнено, часть моихъ сестеръ выдѣлена, и на мою долю досталось три селенія: Гальчинецъ, Агатовка и Сіомаки, со всѣмъ инвентаремъ и домашней утварью. Изъ гардероба моей матери,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1896 г.

вслѣдствіе горячихъ просьбъ сестеръ, я взялъ шубу изъ чернобурыхъ лисицъ и брильянтовый перстень, принадлежавшіе моей бабкѣ и впослѣдствіи очень мнѣ пригодившіеся.

Я занялся хозяйствомъ, и этотъ трудъ вмѣстѣ съ охотой были моимъ единственнымъ развлеченіемъ; я разлюбилъ шумныя забавы, избѣгалъ многочисленныхъ собраній, но все-таки бывалъ у сосѣдей, даже влюблялся, ибо кто же не влюбляется въ молодости въ прелестныхъ дщерей Евы, которыхъ Богъ создалъ на радость, а иногда и на горе другой половины человѣческаго рода. О женитьбѣ я, конечно, не могъ и думать, такъ какъ я былъ еще совсѣмъ молокососомъ, но былъ сильно влюбленъ въ панну Северину Залѣсскую, изъ Пилипъ, дочь маршалка Залѣсскаго, которая была старше меня нѣсколькими годами, но была очаровательна, какъ русалка, много читала и была энтузіасткой. Мы постоянно разговаривали съ нею о Байронѣ, о Шекспирѣ и Вальтеръ-Скоттѣ. Она видѣла во мнѣ будущаго писателя и украинскаго рыцаря и всегда говорила, что я рожденъ для великихъ дѣлъ. Слушая ее, я однажды такъ расхрабрился, что сказалъ ей, что люблю ее столько же, а можетъ быть и больше, нежели моего «Долото» [1]. У панны Северины было три тетки, старыя дѣвицы-польки, впрочемъ очень почтенныя особы; съ ними сдѣлалась истерика, когда онѣ услыхали такое своеобразное объясненіе въ любви; потомъ онѣ окропили меня — не святою водою, — а какими-то духами. Я стоялъ, однако, упорно на своемъ, утверждая, что сравненіе съ «Долотомъ» есть доказательство самой горячей и искренней любви, потому что съ «Долотомъ» я никогда бы не разстался такъ же, какъ и съ панной Севериной, и никому въ мірѣ не отдалъ бы его такъ же, какъ и панну Северину. Тетушки кричали, что я варваръ, но панна Северина вѣрила въ мою любовь.

Подобный случай былъ въ Парижѣ съ однимъ казацкимъ офицеромъ. Это былъ человѣкъ, получившій прекрасное образованіе, владѣвшій иностранными языками, одинъ изъ лучшихъ наѣздниковъ на Дону; у него былъ прекрасный вороной конь. Офицеръ этотъ влюбился въ одну парижанку, которая не вѣрила его чувству и только насмѣхалась надъ нимъ; въ одинъ прекрасный день онъ объяснился ей въ любви и сказалъ, что если бы ему пришлось выбирать между нею и воронымъ конемъ, кто знаетъ, не пожертвовалъ ли бы онъ конемъ, такъ какъ съ нею онъ и безъ коня могъ бы быть счастливъ, а безъ нея жизнь была бы для него мученьемъ. Парижанка убѣдилась въ искренности его словъ и согласилась быть его женою.

У панны Северины, кромѣ упомянутыхъ трехъ тетокъ, было еще двѣ сестры — Юзефа и Роза. Очень часто въ Пилипахъ гостила графиня

---

[1]) Конь автора записокъ.

Гудовичъ съ тремя дочерями и пани Туркулъ, также съ очень хорошенькими дочерями; она и сама была женщина очень красивая. Домъ Залѣсскихъ былъ очень пріятнымъ домомъ, гдѣ собиралось хорошее общество. Здѣсь много читали, разговаривали, выписывались польскія и иностранныя періодическія изданія, веселились и даже танцовали. Душою этого общества былъ Игнатій Струмилло, котораго звали мѣшкомъ съ новостями, анекдотами и остротами.

Полковникъ Гудовичъ страстно любилъ играть на віолончели, но игралъ такъ невыносимо, что приходилось затыкать уши и убѣгать изъ комнаты; это не мѣшало ему, впрочемъ, въ каждый пріѣздъ свой въ Пилипы угощать насъ концертомъ. На одномъ изъ такихъ концертовъ нѣкоторые изъ слушателей незамѣтно ушли изъ зала, а у другихъ слухъ былъ настолько притупленъ дурною игрою, что они уже ничего не слыхали. Пани Гудовичъ, не жалѣя рукъ, аплодировала мужу; увидавъ возлѣ себя Струмиллу, она спросила его: «какъ вы находите игру мужа?» —«Графиня,—отвѣчалъ Струмилло,—самый лучшій концертъ мужа тотъ, когда жена выражаетъ ему сочувствіе».

Другой разъ Струмилло, помогая паннѣ Наталіи Мантейфель, дочери пани Гудовичъ отъ перваго брака, переводить Вальтеръ-Скотта съ французскаго языка на русскій, въ томъ мѣстѣ, гдѣ значилось: «on étendit nos tentes aux pieds de la montagne», замѣтилъ, что въ романѣ Вальтеръ-Скотта столько же тетокъ, сколько въ Пилипахъ, поэтому онѣ расположились подъ горою, и панна Наталія перевела: «наши тетушки расположились подъ горою». Мы много смѣялись, а потомъ дѣвицы наказали Струмиллу жгутами.

Читая фельдмаршалу Гудовичу въ переводѣ Вальтеръ-Скотта, который ему очень нравился, Струмилло замѣтилъ, что ему непонятно, почему такого прекраснаго писателя назвали Скоттомъ, т. е. скотиною, и фельдмаршалъ, какъ попечитель учебнаго округа, отдалъ приказъ, чтобы впредь никто не смѣлъ называть Вальтера—Скоттомъ, ибо за сіе будетъ строго взыскиваться, и онъ этимъ покажетъ, что онъ самъ скотъ.

Однажды Струмилло подслушалъ, какъ тетушка Юлія и старый Шлемеръ, въ пылу увлеченія, которое они хотѣли увѣнчать бракомъ, бесѣдовали наединѣ: Шлемеръ расхваливалъ жаренаго поросенка съ начинкою, а дѣвица—гуся съ яблоками. Воспользовавшись случаемъ, панъ Игнатій написалъ разсказъ о страстной любви поросенка и гуся и прочелъ его намъ; разсказъ этотъ дотого смутилъ заинтересованныхъ лицъ, что бракъ, уже почти рѣшенный—разстроился. Тетушка Юлія, хотя ей было за сорокъ лѣтъ, вышла впослѣдствіи замужъ за молодаго Малицкаго, а старый Шлемеръ, которому было лѣтъ 75, женился на молодой паннѣ Софіи Омецинской. Всѣ четверо были счастливы признатель-

ны пану Струмиллѣ и угощали его въ благодарность гусемъ съ яблоками и жаренымъ поросенкомъ.

Бывалъ тамъ и Фелиціанъ Мясковскій, владѣлецъ Бабушекъ,—имѣнія, которое онъ получилъ въ наслѣдство отъ своей престарѣлой матери; онъ писалъ о себѣ:

> Ja Felician z Babuszek—i proza i wierszem
> Jestem poetą pierwszem [1]).

Паннѣ Розѣ онъ посвятилъ слѣдующій акростихъ:

> Róźa ma zakalce,
> On ma dlugie palce,
> Żeby wyjąc zakalce,
> A nie klué palce [2]).

Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что начальныя буквы каждаго стиха составляли—слово Роза (Róźa), а когда Струмилло замѣтилъ ему, что не было значка надъ о, слѣдовательно не выходило Róźa, то бѣднякъ такъ былъ опечаленъ, что поѣхалъ за совѣтомъ къ Константиту Піотровскому, котораго называлъ патріархомъ поэтовъ, и въ Пилипы болѣе не возвращался: видно, не получилъ никакого совѣта.

Въ числѣ посѣтителей Пилипъ бывалъ также Викентій Омецинскій, который убилъ впослѣдствіи съ закрытыми глазами Тележинскаго; онъ чувствовалъ такое отвращеніе къ убійству, что, стрѣляя въ своего противника, закрылъ глаза и отвернулся, но это убійство дотого опьянило его, что онъ сталъ съ тѣхъ поръ смѣлымъ и отважнымъ, принялъ участіе въ войнѣ за освобожденіе Греціи, сталъ филэллиномъ, подобно Байрону, и, по возвращеніи на родину, пользовался такою славою героя и удальца, что былъ единогласно выбранъ предводителемъ дворянства Звягельскаго уѣзда. Странное явленіе представлялъ собою Викентій Омецинскій и какъ человѣкъ, и какъ польскій шляхтичъ. Прежде онъ отличался мягкостью своего сердца и такою нервностью, что не могъ взять въ руки ружья, а когда, однажды, случайно увидѣлъ зайца, растерзаннаго борзыми, то приказалъ вывести изъ деревни всѣхъ борзыхъ, какъ самыхъ страшныхъ убійцъ; при видѣ убитой курицы у него дѣлалось сердцебіеніе. Однажды, нѣкто Тележинскій, бывшій офицеръ польскихъ войскъ, человѣкъ самолюбивый и крайне вспыльчивый, нанесъ тяжкое оскорбленіе его старику-отцу и сестрѣ. Омецинскій былъ принужденъ вызвать его на дуэль. Секунданты—Янъ Омецинскій и Анастасій Дунинъ не могли окончить дѣло миромъ. Тележинскій упорно отказывался извиниться. Викентій Омецинскій, который долженъ

---

[1]) Я Фелиціанъ изъ Бабушекъ,—первый поэтъ въ прозѣ и въ стихахъ.

[2]) У розы есть шипы, а у него длинные пальцы, чтобы вынуть шипы и не уколоть пальцевъ.

былъ стрѣлять первый, выстрѣлилъ, зажмуривъ глаза и отвернувшись и такъ несчастливо, что убилъ Тележинскаго наповалъ.

Началось слѣдствіе; Омецинскій былъ приговоренъ за это къ отдачѣ въ солдаты безъ выслуги. Чтобы избѣгнуть наказанія, онъ бѣжалъ въ Грецію, гдѣ вступилъ въ ряды филэллиновъ и сдѣлался такимъ храбрымъ солдатомъ, что, безъ всякой протекціи, единственно во вниманіе къ его храбрости, былъ принятъ во французскую армію и сдѣлался адъютантомъ генерала Шнейдера. Дослужившись до чина капитана и получивъ орденъ почетнаго легіона, онъ былъ помилованъ по ходатайству короля Карла X. Генералъ Шнейдеръ, отзываясь объ Омецинскомъ, говорилъ, что онъ храбръ и честенъ, какъ польскій шляхтичъ, но дикъ и неугомоненъ, какъ греческій паликори.

Справедливо говорятъ, что нельзя судить по виду ни о польскомъ шляхтичѣ, ни объ арабскомъ конѣ; какъ бы они ни казались истомлены, боязливы и безсильны, заслышавъ звукъ трубы и выстрѣлы, они мгновенно становятся храбры, какъ разъяренные львы. Я видѣлъ арабскаго коня, у котораго были прострѣлены три ноги; онъ едва волочился весь разбитый; но, заслышавъ звукъ трубы или увидавъ зайца, преслѣдуемаго борзыми, онъ оживлялся, и никакая человѣческая сила уже не была въ состояніи удержать его; онъ перескакивалъ рвы, заборы, обгонялъ и борзыхъ и зайца, бросался въ овраги, скакалъ по полямъ—и никогда не спотыкался; какое-то бѣшенство овладѣвало имъ, придавало ему силы; въ этомъ случаѣ онъ напоминалъ собою польскаго шляхтича.

Анастасій Дунинъ также долженъ былъ переселиться за границу, а Янъ Омецинскій, слѣдуя совѣту губернскихъ чиновниковъ, выписалъ изъ Овручскаго уѣзда 24 шляхтичей-помѣщиковъ, которые подъ присягой показали, что въ день несчастной дуэли около Ляцка Янъ Омецинскій былъ въ Бердичевѣ; одинъ изъ нихъ, знатокъ въ сукнахъ, показалъ, что онъ выбиралъ въ этотъ день вмѣстѣ съ нимъ у Ривки темнозеленое французское сукно на плащъ, другой—что онъ относилъ къ Мейеру Чудновскому сахаръ и кофе, купленный паномъ Яномъ и т. д. Такимъ образомъ двадцать четыре шляхтича показали подъ присягой, что видѣли его въ день поединка въ Бердичевѣ, а двѣнадцать другихъ шляхтичей показали также подъ присягой, что видѣли его въ Ляцкѣ секундантомъ на дуэли, но такъ какъ 24 въ два раза болѣе 12-ти, и Янъ, не будучи Богомъ и святымъ, не могъ быть одновременно въ двухъ мѣстахъ, то судъ повѣрилъ большему числу свидѣтелей, и панъ Янъ былъ оправданъ. Каждый шляхтичъ-свидѣтель получилъ по сто злотыхъ деньгами, готовый столъ съ отличнымъ виномъ въ дорогѣ и во все время слѣдствія, пару сапогъ изъ московской юфти, шелковый платокъ и пару башмаковъ—въ подарокъ для домашнихъ; Несторъ Баранов-

скій за доставленіе свидѣтелей получилъ осѣдланнаго иноходца, а пани Барановской была прислана красная изъ козьяго пуха персидская матерія. Новицкій, секретарь губернскаго правленія, утверждалъ, что это самый лучшій способъ оправдаться отъ обвиненія и отдѣлаться отъ всякой вины, и что оно согласно съ религіей, съ прогрессомъ и съ духомъ вѣка и даже до извѣстной степени демократично.

Это было блаженное время для шляхты, когда она могла сидѣть спокойно дома, не платя никакихъ податей, не привлекалась ни къ какимъ повинностямъ, пила, ѣла, веселилась и множилась. Каждый помѣщикъ, въ своей деревнѣ, былъ самодержавнымъ царькомъ, каждый арендаторъ—намѣстникомъ царька, со всѣми его правами, а каждый управляющій или экономъ, если онъ только былъ шляхтичемъ,—уподоблялся министру и былъ обязанъ давать отчетъ только владѣльцу имѣнія. Если шляхтичъ не хотѣлъ сидѣть на мѣстѣ и обрости мхомъ, какъ лежачій камень, а желалъ странствовать по-бѣлу свѣту, и тутъ его шляхетство всюду помогало ему; въ принципѣ, власти и законъ были на сторонѣ шляхты, а бумажки и карбованцы пролагали ему путь всюду. Сухая ложка ротъ деретъ,—говоритъ старинная пословица, поэтому, когда у шляхтича были деньги, онъ жилъ припѣваючи, а если онъ ихъ не имѣлъ, то обиралъ жида, холопа и мѣщанина, билъ ихъ кнутомъ и ссылалъ въ ссылку. Если у шляхтича не было состоянія, съ него были взятки гладки; его тѣло было неприкосновенно, для пѣшаго путешествія въ ссылку шляхетскія ноги не были созданы, а въ экипажахъ туда отправляютъ только людей привилегированныхъ. Поэтому шляхтича сажали въ башню, но голодомъ и жаждою его тамъ не морили, предъ нимъ съ высоты открывался прекрасный видъ, онъ пользовался свѣжимъ воздухомъ, отдыхалъ и составлялъ въ умѣ своемъ проекты новыхъ шляхетскихъ предпріятій и продѣлокъ, которыя и приводилъ въ исполненіе, когда его выпускали на свободу. По истинѣ, шляхта должна была себя чувствовать, какъ въ раю, и если она подъ часъ волновалась, то, конечно, не отъ притѣсненій или отъ бѣдственнаго положенія, а отъ слишкомъ привольной жизни и черезъ-чуръ большаго своеволія. Судя по всему, что произошло впослѣдствіи, можно сказать, что еще не родился человѣкъ, который угодилъ бы польскому шляхтичу. Удовлетворить его—это такая же неразрѣшимая проблема, какъ найти квадратуру круга или perpetuum mobile. Кто разрѣшитъ эти три задачи и примѣнитъ ихъ на практикѣ, тотъ можетъ воскликнуть, какъ Архимедъ: «эврика» (я это открылъ), и ему не составитъ уже труда открыть философскій камень, при помощи котораго будутъ дѣлать золото, которое потеряетъ тогда всякую цѣнность, и приготовлять жизненный эликсиръ, благодаря которому жизнь дотого опротивѣетъ людямъ, что самоубійство станетъ обыкновеннымъ явленіемъ и даже необходимостью.

Едва окончился у насъ трауръ по моей матери, какъ получено было извѣстіе, что дядя мой, Каетанъ Чайковскій, староста Бахтынскій и подкоморій Венденскій, тяжко заболѣлъ и лежитъ въ постели въ Ходоровѣ, селѣ Радомысльскаго уѣзда.

Староста былъ бездѣтенъ; девяносто съ лишнимъ лѣтъ прожилъ онъ на свѣтѣ и нажилъ милліоны, заключавшіеся въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ и долговыхъ обязательствахъ. Хотя объ его болѣзни не было объявлено ни въ газетахъ, ни черезъ нарочныхъ, однако всѣ наслѣдники съѣхались въ одинъ день. Никакая колонна самаго дисциплинированнаго войска не выполнила бы такъ блистательно форсированнаго марша, какъ эти наслѣдники трехъ его братьевъ и двухъ сестеръ.

Ходоровъ былъ бѣдной польской деревушкой, расположенной среди болотъ и лѣсовъ; колеса ломались, лошади портили себѣ ноги по дорогѣ туда, но мы все-таки доѣхали во́-время. При желаніи все возможно. Въ домѣ, или вѣрнѣе въ домикѣ о шести комнатахъ, крытомъ дранью, не было ни одного замка, ни одной желѣзной щеколды; все закрывалось на засовы, хотя староста былъ владѣльцемъ рудниковъ; вмѣсто стеколъ въ окнахъ была вставлена пропитанная масломъ бумага или пузыри, хотя у старосты былъ обширный и самый прекрасный на Руси стеклянный заводъ.

Въ домѣ вовсе не было мебели столярной работы; всѣ столы, стулья и скамейки были топорнаго домашняго издѣлія, да и тѣхъ было немного. На стѣнахъ, мучнымъ клеемъ, были прилѣплены картины, изображающія сцены изъ исторіи блуднаго сына; онѣ были безъ рамъ и безъ стеколъ. Подъ этими картинами стояла скамья, гдѣ на сѣнникѣ, даже не покрытомъ простынею, лежалъ панъ-староста; подъ головой у него была подушка отъ стараго казацкаго сѣдла; прикрытъ онъ былъ казацкой буркой, сильно полинявшей отъ времени. Онъ страшно страдалъ, но каждаго изъ насъ узналъ и съ каждымъ поздоровался.

Я привезъ съ собою знаменитаго доктора Клейна, изъ Коростынова, и просилъ дядю, чтобы онъ позволилъ осмотрѣть себя. Сначала онъ не соглашался, говоря, что это повлечетъ за собою большія издержки, но послѣ того, какъ я поручился, что никакихъ издержекъ не будетъ и докторъ удостовѣрилъ, что онъ осмотритъ его, какъ пріятель, а не какъ врачъ и никакого вознагражденія ни отъ него, ни отъ его наслѣдниковъ требовать не будетъ, староста, въ припадкѣ жестокихъ страданій, заговорилъ: «Охъ, если бы кто меня вылѣчилъ, я далъ бы ему»... но тутъ онъ спохватился и, послѣ паузы, добавилъ: «два рубля серебромъ!» и только тогда позволилъ себя осмотрѣть.

Докторъ Клейнъ сказалъ намъ, что на выздоровленіе уже нѣтъ никакой надежды, что гангрена распространилась до живота, и никакая операція не возможна. Послѣ осмотра староста позвалъ своего стараго

слугу Данила и велѣлъ ему сосчитать, сколько насъ всѣхъ. На его отвѣтъ, что тридцать восемь, а докторъ тридцать девятый, староста довольно громкимъ голосомъ сказалъ: «возьми ту черную курицу, которую ты нѣсколько дней тому назадъ поймалъ на потравѣ, зарѣжь ее, свари имъ супъ, да не жалѣй воды! теперь жарко,—не слѣдуетъ объѣдаться».

Никто изъ насъ не былъ смущенъ, но противно было видѣть такую скаредность при такомъ богатствѣ.

Пока староста умиралъ, Симфоріанъ Чайковскій, отставной гусарскій ротмистръ изъ полка Уминскаго, привезшій съ собою прекраснаго повара, отперъ погреба и кладовыя, безъ всякаго протеста со стороны Данилы, перешедшаго совершенно на сторону ротмистра, и нашелъ тамъ головы сахару, пряности, старое вино и все, чего только душа пожелаетъ, сваленнымъ въ кучу. Это были залоги и подарки старостѣ отъ евреевъ, которые занимали у него деньги. Нашлось и столовое бѣлье, и серебро, и хрусталь, и фарфоръ,—однимъ словомъ, какъ въ Бердичевѣ, тутъ было все, кромѣ птичьяго молока. Въ кухнѣ запылалъ огонь, повара и поварята принялись за свое дѣло; въ хлѣбномъ амбарѣ, безъ оконъ, но съ поломъ были накрыты столы. Въ то время, какъ староста угасалъ въ страшныхъ мученіяхъ, а ротмистръ, гордый своимъ успѣхомъ, прохаживался и поглядывалъ на приготовленія, одинъ изъ наслѣдниковъ, нарядившись въ шубу старосты, изъ чернаго медвѣдя, и нахлобучивъ на голову его соболью шапку, медленнымъ шагомъ направился къ амбару. Увидѣвъ его, ротмистръ чуть не умеръ со страха и со словами: «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!» пустился бѣжать и спрятался въ конюшнѣ, — будучи увѣренъ, что староста поднялся со смертнаго одра. Едва отыскали его послѣ смерти старосты, который скончался подъ вечеръ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Признаюсь, мнѣ было противно видѣть все это, хотя я былъ вполнѣ убѣжденъ, что иначе и быть не могло и что такъ бываетъ всегда, когда покойный оставляетъ состояніе и наслѣдниковъ; слезы, обмороки, отчаяніе—въ такомъ случаѣ одна комедія. Настоящая трагедія тамъ, гдѣ покойникъ оставляетъ наслѣдникамъ одно доброе имя. Таковъ свѣтъ, и его не передѣлаешь.

Еще передъ ужиномъ, въ присутствіи приглашенныхъ судьи, подсудка, писаря и нѣсколькихъ сосѣдей, было вскрыто и прочитано завѣщаніе старосты. Завѣщаніе это было такъ же странно, какъ странна была вся жизнь моего дядюшки. Имущество его было раздѣлено на четыре части. Первая изъ нихъ была завѣщана потомкамъ полковника Михаила Чайковскаго, т. е. двумъ его сыновьямъ—Проту и Симфоріану, съ оговоркою, что, такъ какъ послѣдній живетъ, какъ турецкій султанъ, съ одалисками въ гаремѣ, пьетъ не только шампанское, но и самыя дорогія вина и извѣстенъ какъ неисправимый мотъ и расточи-

тель, то онъ не получитъ своей части въ распоряженіе, а будетъ пользоваться только процентами и находиться подъ опекою своего брата Прота, точно такъ же, какъ его дѣти и внуки; и только правнуки Симфоріана, если семейный совѣтъ признаетъ, что они не унаслѣдовали дурныхъ качествъ своего предка, получатъ слѣдуемую имъ часть въ безконтрольное распоряженіе.

Вторую часть староста завѣщалъ потомкамъ Кристофора Чайковскаго, четыремъ сестрамъ и брату, поровну, потому что Эдуардъ Чайковскій занимался игрой на віолончели, а не былъ военнымъ, какъ его отецъ, а віолончелисту довольно-де и пятой части.

Третья часть досталась потомкамъ Станислава Чайковскаго—мнѣ и моимъ тремъ сестрамъ; притомъ мнѣ—три четверти, а сестрамъ четвертая,—въ награду за то, что я допустилъ сестеръ къ равному участію при раздѣлѣ имѣнія, доставшагося отъ родителей, и за то, что я довелъ хозяйственную экономію до неслыханной до сихъ поръ степени совершенства, заставляя даже охотничьихъ собакъ отбывать барщину и доказавъ этимъ лживость словъ Завиши Черниховскаго, утверждавшаго, что еслибы охота была прибыльнымъ дѣломъ, то евреи давно уже взяли бы ее въ аренду.

Дядюшка не любилъ Завиши Черниховскаго, какъ соперника по части накопленія богатства.

Четвертая часть имущества была предназначена потомству двухъ сестеръ старосты, пани Дзвонковской и пани Барановской.

Стоимость имущества, оставленнаго дядею и заключавшагося въ помѣстьяхъ и въ долговыхъ обязательствахъ, превышала 8 милліоновъ. Были процессы чрезвычайно удивительные, какъ напр. съ какимъ-то паномъ Михальскимъ, который жаловался, что староста продалъ ему изъ Чудновскихъ лѣсовъ три тысячи корцевъ [1]) орѣховъ, изъ которыхъ двѣ тысячи корцевъ оказалось свистуновъ (пустыхъ). Курьезнѣе всѣхъ былъ процессъ съ Несторомъ Барановскимъ, который, будучи долженъ старостѣ 300.000, присужденныхъ ко взысканію съ его имѣнія, захватилъ за какую-то претензію въ 12.000 р., купленную у какого-то кредитора старосты, Чудновскій стеклянный заводъ, дававшій 40.000 годоваго дохода, и владѣлъ имъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, да еще подсмѣивался надъ старостой, говоря: «Тогда увидишь свой заводъ, когда у меня выростутъ на ладони волосы!»

Части недвижимаго имущества были тотчасъ выдѣлены, а взысканіе долговъ поручено Проту Чайковскому. Я, какъ сынъ самаго младшаго брата, имѣлъ право выбора части. Я выбралъ Чудновскій стеклянный заводъ, принадлежавшій нѣкогда банкиру Теперу и Проту По-

---

[1]) Корецъ равняется четыремъ четверикамъ и 7,028 гарнцамъ.

*

тоцкому съ селами: Чайковкой, Сенявкой, Крутымъ Потокомъ и Быковкой; тамъ было двѣ тысячи пятьсотъ душъ вольныхъ поселенцевъ, 450 волокъ [1]) лѣса, изъ котораго 300 волокъ было мачтоваго, годнаго для бочарнаго дѣла и даже на постройки цѣлыхъ кораблей... Лѣсъ этотъ былъ на берегу Случи. Стеклянный заводъ былъ самый лучшій и доходный во всемъ Юго-Западномъ краѣ, а издѣлія его были образцовыми. Въ Сѣнявѣ также былъ заводъ, въ Чайковкѣ и Крутомъ Потокѣ—желѣзо-дѣлательные заводы, а въ Быковкѣ—производились всевозможныя деревянныя издѣлія и было 11 волокъ трясины, гдѣ изобиловали лоси Надслучанскаго Полѣсья.

Не теряя времени, я поѣхалъ съ моими гальчинецкими казаками въ мои новыя владѣнія. Тамъ я засталъ Нестора Барановскаго; безъ дальнихъ околичностей я велѣлъ казакамъ выбросить его вещи за окно, а его самого и его людей выпроводить за предѣлы моихъ владѣній, а возному (судебному приставу) велѣлъ выполнить формальности по вводу меня во владѣніе имѣніемъ. Барановскій не оказалъ намъ никакого сопротивленія и только повторялъ: «Такъ таковъ-то ты, сынку, настоящій внучекъ стараго Гленбоцкаго!»

Вечеромъ, того же дня, онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ гости; я принялъ его радушно, по-помѣщичьи. «Вижу,—говорилъ онъ смѣясь,—что ты не бахтынецъ, а забіяка; воронъ ворону глазъ не выклюнетъ, мы съ тобою свояки, не будемъ тягаться, какъ жиды, а будемъ жить въ мирѣ, какъ братья». И съ тѣхъ поръ мы были съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и не вели другъ съ другомъ никакихъ тяжбъ.

На собраніи наслѣдниковъ старосты Бахтынскаго совѣщались, кому поручить управленіе имѣніями до законнаго утвержденія въ правахъ наслѣдства и ввода во владѣніе. Были между наслѣдниками и люди солидные, хорошіе хозяева, но былъ и Симфоріанъ Чайковскій, который уже три раза спустилъ до послѣдняго гроша значительныя состоянія; въ первый разъ его выручило наслѣдство послѣ президента Проскуры, во второй—послѣ генеральши Гирличъ. Теперь, когда онъ пріѣхалъ въ Ходоровъ, у него не было ничего кромѣ четверки лошадей, экипажа и полтинника денегъ, какъ онъ самъ увѣрялъ меня, прибавляя, что онъ разсчитывалъ заѣхать въ Гальчинецъ, и тамъ ожидать смерти старосты. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, сведя счеты съ братомъ Протомъ, онъ отдалъ ему наслѣдственную деревню Минийки и, за уплатой долговъ, получилъ отъ него еще тысячу голландскихъ дукатовъ. Съ этими деньгами онъ отправился въ Радомысль и тамъ, какъ повѣтовый хорунжій, угощалъ дворянство, пока у него не остался въ карманѣ одинъ только полтинникъ, съ которымъ онъ и намѣревался ѣхать въ Гальчинецъ, когда

[1]) Волока равняется 30 моргамъ. т. е. болѣе 20 десятинъ.

до него дошла вѣсть о болѣзни дядюшки; тогда онъ поѣхалъ въ Ходоровъ. Здѣсь онъ устроилъ Лукуловскій пиръ на поминкахъ старосты и этимъ снискалъ расположеніе наслѣдниковъ. Первая Ѳеодосія Третякова предложила, чтобы Симфоріана сдѣлать управляющимъ, такъ какъ, не имѣя ничего, онъ доказалъ свое умѣнье хозяйничать. Сестра ея, Малилла, горячо поддержала это предложеніе; за рюмкою вина, наслѣдники, одинъ за другимъ, стали просить Симфоріана принять на себя управленіе. Одинъ только родной его братъ, Протъ, возставалъ противъ этого, но среди общихъ криковъ: «просимъ! просимъ!» при звонѣ бокаловъ и онъ махнулъ рукой: «Пусть будетъ такъ!»

И панъ Симфоріанъ сдѣлался управителемъ нераздѣленнаго имѣнія. Ему дали Ходоровъ, чтобы было гдѣ ему жить, и мѣстечко Торчинъ, на Волыни, чтобы было откуда получать доходы. Въ два мѣсяца онъ растратилъ доходы, распродалъ движимость, надѣлалъ долговъ и, наконецъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ въ корчмѣ, куда заѣхалъ переночевать.

Этотъ семейный совѣтъ, эта оцѣнка, этотъ выборъ, равно какъ и исходъ всего этого, въ маломъ видѣ былъ изображеніемъ того, что дѣлали поляки въ своихъ дѣлахъ; поэтому и результатъ въ обоихъ случаяхъ былъ одинаковъ.

Я сдѣлался владѣльцемъ многихъ помѣстій, но это было сопряжено на первыхъ порахъ съ значительными издержками; необходимо было серьезно заняться этимъ новымъ родомъ хозяйства. Мой зять Карлъ Ружицкій вышелъ въ отставку и принялъ на себя управленіе фабриками во вновь унаслѣдованныхъ имѣніяхъ, а Гальчинецъ доставлялъ необходимыя деньги и хлѣбъ.

Чудновскій стеклянный заводъ былъ основанъ въ послѣдніе годы правленія королей Саксонской династіи, графомъ Протомъ Потоцкимъ, который, въ компаніи съ банкиромъ Теперомъ, первый изъ поляковъ завелъ заводско-промышленное дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Мастера, рабочіе и рѣзчики для завода были выписаны изъ Чехіи, и стекляный заводъ сразу былъ прекрасно поставленъ. Это товарищество владѣло почти всѣми лѣсами по Тетереву и по верхней Случи, Чудновымъ и Мурованой Махновкою, съ прилегающими селами, что составляло громадную площадь.

Кромѣ главнаго стекляннаго завода, здѣсь были устроены еще меньшіе, возобновлены старинные желѣзоплавильные заводы и заведены лѣсопильни. Край оживился; мѣстныя природныя богатства открывались одно за другимъ; со всѣхъ сторонъ стекались рабочіе съ ихъ семействами. Пустынныя дотолѣ пущи и болота покрывались новыми поселеніями, заводы давали уже огромные доходы, а въ будущемъ край обѣщалъ быть новымъ Эльдорадо или Калифорніей, когда наступили

религіозныя смуты царствованія Станислава-Августа Понятовскаго съ наѣздами, бунтами, возстаніями гайдамаковъ, конфедераціями и раздѣлы Польши. Всѣ эти неурядицы и потрясенія особенно сильно отозвались на Юго-Западной Руси, присоединенной Ягеллонами къ Польшѣ.

Фабричное производство, уже доведенное до высокой степени совершенства, пришло въ упадокъ, и это огромное имѣніе распалось; на мѣстѣ этого фабричнаго округа образовались большія помѣстья, но промышленность захирѣла. Достаточно было проѣхать по мѣстности, гдѣ были расположены заводы Прота Потоцкаго, и припомнить его дѣятельность, чтобы признать, что онъ былъ первымъ, а можетъ быть и единственнымъ полякомъ-предпринимателемъ, дѣйствовавшимъ во имя добра, для обогащенія народа и для блага Польши. Онъ не пускался на такія предпріятія, благодаря которымъ онъ или товарищество могли бы нажить огромныя деньги, эксплоатируя рабочаго и давая ему лишь скудный кусокъ хлѣба, какъ впослѣдствіи вошло въ обыкновеніе между польскими магнатами, которые брали примѣръ съ нѣмцевъ, англичанъ и французовъ; онъ добывалъ богатства изъ земли и возвращалъ ихъ народу, содѣйствуя этимъ развитію промышленности и обогащенію края, и потому хотя о немъ ничего не было писано, но его долго помнили въ народѣ, и старики, и дѣти часто говорили: «такъ велѣлъ дѣлать панъ Протъ Потоцкій».

Карлъ Ружицкій, какъ я узналъ впослѣдствіи, былъ хорошимъ воиномъ, но онъ оказался также и выдающимся хозяиномъ, что̀ доказалъ, управляя моимъ новопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ привелъ стеклянный заводъ въ его прежнее прекрасное состояніе. Вольные поселенцы получили заработокъ, и положеніе ихъ было значительно лучше, чѣмъ положеніе крѣпостныхъ, даже тѣхъ, которые принадлежали добрымъ и справедливымъ помѣщикамъ. Одно сознаніе, что они не принадлежатъ пану, который можетъ продать и распоряжаться ими по своему произволу, придавало имъ чувство собственнаго достоинства и возбуждало стремленіе къ ученію. Я не встрѣчалъ на заводѣ ни одного рабочаго, который бы не умѣлъ читать, писать и считать! Эти вольные поселенцы были какъ бы нарочно заброшены сюда для того, чтобы приготовить пановъ и хлоповъ, помѣщиковъ и крѣпостныхъ, къ перемѣнѣ, которую слѣдовало предвидѣть, которая должна была совершиться. Однимъ словомъ, это была какъ бы приготовительная школа, и наглядное доказательство того, что и безъ крѣпостныхъ, безъ рабовъ, приниженныхъ, какъ безсловныя животныя, можно хозяйничать и получать доходы.

Русское правительство прекрасно поняло это, но помѣщики, жившіе въ самой Польшѣ и въ другихъ краяхъ, никакъ не хотѣли понять этой истины. Демократы кричали, что между панами и хлопами лежитъ

глубокая пропасть, что ее надобно заполнить трупами пановъ, чтобы надѣлить крестьянъ принадлежавшей помѣщикамъ землею, что не достаточно дать имъ свободу и право собственности на словахъ. Аристократы выдумали какой-то чиншъ, на подобіе русскихъ оброковъ, и не хотѣли сдѣлать своихъ крѣпостныхъ вольно-отпущенными, подобно тѣмъ вольнымъ поселянамъ, которые существовали въ краѣ уже столько лѣтъ.

Болѣе пятидесяти лѣтъ шумѣли и кричали поляки, и не пришли ни къ какому результату; когда же русское правительство, руководствуясь государственной необходимостью и чувствомъ справедливости, освободило крѣпостныхъ крестьянъ и приступило къ устройству ихъ быта, поляки закричали: «насъ обманули, мы и сами думали сдѣлать то же!» Почему же вы этого не сдѣлали? Господь по своей милости далъ вамъ болѣе полвѣка, чтобы выполнить этотъ актъ справедливости, чтобы спасти себя и отечество. Въ настоящее время можно смѣло сказать, что поляки ничего не сдѣлали въ этомъ отношеніи и никогда сами ничего бы не предприняли; они были способны только увлекаться призраками, мечтами, которыми не проведешь и ребенка, и только молить Бога и всѣхъ святыхъ, чтобы онъ ниспослалъ хоть бусурманъ, которые покарали бы проклятыхъ хамовъ, захотѣвшихъ вольности и собственности. Объ этомъ ежедневно молились тѣ самые польскіе помѣщики, которые возстали противъ русскаго правительства въ 1863 году.

Я всегда былъ того мнѣнія, что вольные поселенцы были намъ указаніемъ свыше, какъ слѣдовало поступить съ крестьянами, но мы имъ не съумѣли воспользоваться, и за то Господь наказалъ насъ и караетъ по сей часъ.

Во время жаровъ на стеклянныхъ заводахъ работали большею частью по ночамъ, и тогда заводъ казался настоящимъ адомъ.. Разсказываютъ, что іезуитъ Ротанъ, который, до назначенія своего генераломъ ордена іезуитовъ въ Римѣ, проживалъ нѣкоторое время въ Романовѣ, осматривая Чудновскій стеклянный заводъ вмѣстѣ со второй женой сенатора-кардинала графа Илинскаго, рожденной Кракъ, которая была въ то время на покаяніи, сказалъ ей:

«Если бы адъ былъ таковъ, то это было бы еще полбѣды; эти дьяволы имѣютъ видъ добрыхъ чертей. Панъ сенаторъ-кардиналъ могъ бы послать васъ, графиня, на покаяніе сюда; это было бы наилучшее покаяніе и очищеніе отъ грѣховъ». Графиня усмѣхнулась, но не тому, что говорилъ іезуитъ, а вспомнивъ торжество, устроенное въ этихъ же лѣсахъ въ ея честь гусарами 3-й дивизіи. Дѣло было такъ:

Былъ морозъ въ 24 градуса. Мѣсяцъ и звѣзды свѣтили ярко. На прогалинѣ среди сосноваго бору была устроена изъ ледяныхъ плитъ огромная зала, съ кабинетами по бокамъ. Вмѣсто потолка былъ небесный сводъ; полъ и сидѣнья были покрыты драгоцѣнными персидскими

и турецкими коврами. По срединѣ этой огромной залы пылали смолистые сосновые пни; огонь былъ урегулированъ, такъ что было тепло, какъ весною или ранней осенью; канделябры, расположенные въ видѣ огненныхъ звѣздъ, освѣщали залу такъ ярко, что можно было видѣть малѣйшую пылинку на коврѣ. Въ углахъ залы гремѣли четыре гусарскихъ оркестра, игравшихъ одновременно. Генералъ Тыманъ и полковникъ Норвидъ, оба литовцы, дѣти пущи, были хозяевами на этомъ пиршествѣ. Всѣ сосѣди были приглашены. Танцовали, веселились, а подъ конецъ принесенъ былъ серебряный котелъ и приготовленъ пуншъ; онъ былъ выпитъ, и гусарскій праздникъ получилъ названіе гусарскаго пунша. Этотъ праздникъ, какъ я сказалъ, былъ устроенъ въ честь графини Илинской, которая хотя не первой молодости, все же была хороша собою и полна жизни.

На этомъ гусарскомъ праздникѣ я впервые встрѣтился съ Францишкомъ Киркоромъ, въ то время подпоручикомъ 4-го полка польскихъ конныхъ егерей, пріѣхавшимъ на этотъ праздникъ съ подсудкомъ Садовскимъ, своимъ зятемъ, который былъ повѣреннымъ моего дяди, а потомъ моимъ. Мы близко сошлись съ нимъ, хотя онъ былъ старше меня нѣсколькими годами. Никто изъ насъ не предчувствовалъ тогда, что судьба снова сведетъ насъ вмѣстѣ на чужбинѣ. Генрикъ Ржевусскій и Игнатій Струмилло такъ угостились гусарскимъ пуншемъ, что стали пѣть: «еще Польска не згинела», гусары подхватили эту пѣсню, музыка тоже заиграла: «еще Польска не згинела». Подъ звуки этой пѣсни гасли огни и гости разъѣзжались по домамъ...

Славное это было время, какія охоты устраивались, просто сердце радовалось.

Вступленіе во владѣніе новыми имѣніями послужило поводомъ къ поѣздкѣ на контракты, которые происходили въ Кіевѣ ежегодно съ 15 января до 26 февраля. Прежніе Дубенскіе контракты тогда совершенно упали, а кіевскіе славились во всѣхъ славянскихъ земляхъ.

Поѣхали мы туда большою компаніей: я, мой зять Сосницкій, Янъ Омецинскій, Игнатій Струмилло, Северинъ Пильховскій и мой двоюродный братъ Іосифъ Гленбоцкій. Въ нашемъ поѣздѣ было до десяти саней, запряженныхъ четверками; за санями шло нѣсколько верховыхъ лошадей; въ саняхъ были ружья и борзыя собаки, по дорогѣ мы охотились, и довольно успѣшно; на остановкахъ и на ночлегахъ играли въ карты и весело болтали.

Мы спѣшили пріѣхать въ Кіевъ на ночь 5-го января, чтобы присутствовать на освященіи воды на Днѣпрѣ,—водосвятіи.

Чтобы побывать на этомъ торжествѣ, стоило пріѣхать за девять дней до открытія контрактовъ; на этомъ торжествѣ парадировала го-

родская конная милицiя, получившая особыя привилегiи при Болеславѣ Храбромъ, которыя были подтверждены въ 1830 году.

Для всей нашей компанiи мы наняли обширный домъ на Подолѣ; хозяйка переселилась съ дочерьми въ маленькiй домикъ на томъ же дворѣ, а мы расположились въ огромныхъ комнатахъ, меблированныхъ по-старинному.

Въ Крещенье была прекрасная погода; порядочно морозило, солнце свѣтило ярко. Изо всѣхъ кiевскихъ церквей потянулось духовенство съ хоругвями, а кругомъ проруби стояло 8 эскадроновъ городской милицiи; лошади ихъ были въ стальныхъ панцыряхъ, съ султанами изъ страусовыхъ перьевъ на головахъ; всадники были въ пунцовыхъ атлассныхъ жупанахъ, въ свѣтло-зеленыхъ контушахъ съ откидными рукавами, въ бѣлыхъ шапкахъ, съ барашковой опушкой бураго цвѣта, съ перомъ цапли на верху и золотыми украшенiями; вооружены они были старинными гусарскими копьями со значками и обоюдуострыми мечами, тѣми самыми, которые пожаловали имъ оба Болеслава-Великiе, которые были, можетъ быть, единственными славянами между поляками.

Конные музыканты, въ числѣ 72 человѣкъ, играли въ то время, когда митрополитъ кiевскiй, въ сопровожденiи безчисленнаго духовенства, подошелъ къ проруби: «Святый Боже, Святый крѣпкiй, Святый безсмертный»—разносилось въ воздухѣ по всѣмъ славянскимъ странамъ. Митрополитъ освятилъ воду и окропилъ воздухъ, по направленiю всѣхъ славянскихъ земель. Это было славянское urbi et orbi, ибо Кiевъ есть всеславянская столица.

У меня захватило духъ отъ этого зрѣлища. Съ какою бы радостью я утопилъ въ этой Днѣпровской проруби все, что было и могло быть врагомъ славянства. Всей душою желалъ преуспѣянiя славянству и молилъ Господа, чтобы мое желанiе сбылось.

Это было въ 1830 году. У насъ, подъ Бердичевымъ и въ Житомiрѣ, никому не снилось и не грезилось ни о какомъ заговорѣ или возстанiи. Вѣсти, доходившiя къ намъ изъ Варшавы, были дотого преувеличены и казались такъ недостовѣрны и фантастичны, что ихъ однимъ ухомъ слушали, а въ другое выпускали, и никто не придавалъ имъ серьезнаго значенiя. Дѣйствительно, это были скорѣе анекдоты, нежели политическiя извѣстiя. Въ Кiевѣ было совершенно иное дѣло. Здѣсь допускали возможность возстанiя, хлопотали о томъ, чтобы столковаться, прiйти къ соглашенiю; это настроенiе было особенно замѣтно среди кiевскихъ горожанъ. Въ числѣ этихъ горожанъ, получившихъ шляхетскiя права въ силу привилегiй, дарованныхъ имъ двумя Болеславами, были семейства, извѣстныя богатствомъ и значенiемъ; самые богатые изъ нихъ были въ то время Киселевскiе и Балабухи, оба се-

мейства были казацкаго происхожденія; первое—состояло въ родствѣ съ гетманомъ Мазепою; его даже проклинали въ церквахъ вмѣстѣ съ гетманомъ и Войнаровскимъ. Оба рода, въ послѣдніе годы существованія заднѣпровскаго казачества, поселились въ Кіевѣ и занялись приготовленіемъ обыкновеннаго и сухаго варенья, которое славится нынѣ на весь свѣтъ. Эти торговцы сластями нажили милліоны и стали настоящими богачами.

Многіе члены этихъ фамилій служили въ военной службѣ и достигли довольно высокихъ чиновъ. Оба семейства стояли тогда во главѣ кіевскихъ горожанъ, возведенныхъ нѣкогда въ дворянское достоинство, и болѣе всѣхъ чувствовали влеченіе къ польской шляхтѣ.

Изъ польскихъ фамилій жившихъ, въ окрестности Кіева, выдѣлялись тоже двѣ — Росцишевскіе и Залѣсскіе; они находились въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ кіевскими мѣщанами. Другіе поляки, жившіе въ Кіевѣ или наѣзжавшіе въ городъ, и польскіе чиновники, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, сторонились отъ этихъ горожанъ, и смотрѣли на нихъ какъ на нечестивцевъ, раскольниковъ, а не на сыновъ латинской, католической церкви; въ ихъ жилахъ течетъ русская, казацкая кровь, говорили поляки, это какая-то смѣсь съ греками, они сторонники всеславянства, а мы стремимся сблизиться съ Западомъ, съ нѣмцами. Это были все философы, и они дофилософствовались до того, что никакъ не могли сблизиться ни съ русинами-славянами, ни съ мазурами, ни съ жителями Кракова, которые, какъ бы ни было, все же были католики. Замкнувшись въ этотъ заколдованный кругъ, они позабыли, что безъ Литвы и Руси поляки давно бы ассимилировались, слились бы съ нѣмцами и швабами, подобно лужичанамъ и оботритамъ.

Въ то время я зналъ только двухъ людей, которые, преслѣдуя политическія цѣли, старались сблизиться съ кіевскими мѣщанами. То были: Іосифъ Залѣсскій, сынъ Феликса Залѣсскаго и панны Катерлацкой, бывшій уланскій офицеръ въ полку графа Мартина Торновскаго, а потомъ капитанъ конныхъ стрѣлковъ польскихъ войскъ, и Эдмундъ Росцишевскій, сынъ маршалка, служившій подпоручикомъ въ тѣхъ же конныхъ стрѣлкахъ. На свое несчастіе эти почтенные люди избрали повѣреннымъ нѣкоего Голсевскаго, бывшаго гусарскаго офицера полка Тулинскаго, сидѣвшаго въ то время въ Кіевской крѣпости за жестокое обращеніе съ своими крѣпостными. Это былъ исправный и энергичный офицеръ, но, къ сожалѣнію, онъ не былъ ни хорошимъ человѣкомъ, ни хорошимъ полякомъ, какъ оказалось впослѣдствіи.

Среди жителей Кіева царствовало такое оживленіе, какого мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть; горожане кичились своими шляхетскими правами, полученными ими отъ Болеславовъ, и чуть не при каждомъ словѣ повторяли: «мы тоже польскіе шляхтичи». Народъ съ восторгомъ

вспоминалъ времена казачества и гетманства. Городская милиція представляла собою вооруженную народную силу. Сила эта была не велика численностью, но велика своимъ воодушевленіемъ. Но поляки этого не понимали или не хотѣли понять.

На этихъ контрактахъ, которые были очень многолюдны, и на которыхъ заключались сдѣлки на довольно значительныя суммы, помѣщики трехъ русскихъ предднѣпровскихъ губерній (т. е. Кіевской, Подольской и Волынской), старые и молодые, знакомились между собою, сближались тѣснѣе прежняго, но всѣ сторонились какъ отъ помѣщиковъ изъ-за Днѣпровья, которыхъ съѣхалось на контракты очень много, такъ и отъ кіевскихъ мѣщанъ. Съ заднѣпровскими помѣщиками играли въ карты, потому что это были самые извѣстные игроки во всей Россійской имперіи. Генералъ Завадовскій, впослѣдствіи гетманъ Черноморскихъ казаковъ, генералъ Исленевъ изъ Украйны, кавалергардскій ротмистръ Чорба, тоже украинецъ, и ротмистръ Черникъ, черноморецъ, артистъ-художникъ, предводители дворянства, совѣтники, полковники—все это вело игру на тысячи и десятки тысячъ; съ ними водились поляки, какъ напр. полковникъ Денбовскій, въ то время владѣлецъ стараго Константинова и Гончарихи, его зять Витославскій, двое Собанскихъ, Александръ и Исидоръ, полковникъ Млокосевичъ и другіе. Къ нимъ присоединялись и великороссы, и курляндцы, изъ которыхъ первую роль игралъ князь Голицынъ, женатый на Ходкевичъ, происходившей изъ рода Ягеллоновъ; его называли обыкновенно не иначе, какъ «мужъ пани Ходкевичъ». Но это общество собиралось подъ предсѣдательствомъ потомка Ягеллоновъ не для политическихъ дебатовъ, а для игры въ карты; золото текло, какъ вода; картежная игра вошла въ такую моду, что не было дома, гдѣ бы нельзя было застать играющихъ. Едва только кто-нибудь являлся, едва успѣвалъ поздороваться, какъ его усаживали за карты. Не было никакихъ развлеченій, кромѣ картъ, никакихъ разговоровъ, кромѣ разговоровъ о картахъ. Бѣдныя дамы должны были сдѣлаться картежницами, такъ какъ иначе на нихъ вовсе не обращали вниманія.

Въ Кіевѣ былъ базаръ, называвшійся воровскимъ. Базаръ этотъ пользовался искони упрочившеюся за нимъ привилегіей, состоявшей въ томъ, что воръ, укравшій что-либо и успѣвшій перевести или перенести украденную вещь на воровской базаръ, могъ продавать ее совершенно спокойно, а купившій на этомъ базарѣ становился законнымъ владѣльцемъ пріобрѣтеннаго предмета, не опасаясь навлечь на себя какую-либо отвѣтственность. Всѣ улицы, которыя вели на воровской базаръ, были постоянно оцѣплены полицейскими и жандармами; цѣпь была такая густая, что змѣя не могла бы проскользнуть сквозь нее, а между тѣмъ рынокъ былъ всегда полонъ продавцевъ и покупателей; въ

товарахъ тоже не было недостатка. Какъ на всѣхъ рынкахъ, здѣсь было много играющихъ въ рѣшку и даже въ стосъ и все на наличныя деньги. Какъ все это дѣлалось, этого никто не могъ понять, ни оберъ-полицiймейстеръ, ни губернаторъ. Это было извѣстно одному только Богу, ибо онъ все видитъ, все слышитъ и все знаетъ.

Уѣхать съ контрактовъ было гораздо труднѣе, чѣмъ собраться туда, хотя ѣхали домой. То тамъ еще не успѣлъ побывать, то того не успѣлъ купить, а надо было закупить и чаю, и варенья, и всего на цѣлый годъ. Отъѣздъ откладывался со дня на день, а тутъ наступала оттепель и санная дорога могла совсѣмъ испортиться. Прiѣхали мы вмѣстѣ, надо было вмѣстѣ и возвращаться, а между тѣмъ день проходилъ за днемъ—все никакъ не могли собраться. Но Омецинскому пришла однажды счастливая мысль:

— Ѣдемъ въ Брусиловъ!—сказалъ онъ.

— Превосходно! — закричали всѣ,—и маленькая головка у пана Яна, а ума въ ней не оберешься! Да здравствуетъ панъ Янъ! Ѣдемъ въ Брусиловъ!

Начали собираться и выѣзжать одинъ за другимъ. Брусиловъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Мы съ Омецинскимъ остались въ Кiевѣ еще на два дня, а потомъ отправились въ Брусиловъ. Добро бы это былъ Чернобыль, столица Чернобыльскаго округа, гдѣ смѣлая шляхта охраняла польскую границу,—съ одной ногой, обутой въ сапогъ со шпорою, а другой — въ лыковый лапоть, въ знакъ того, что шляхтичи готовы выйти на службу пѣшими и конными, на зовъ короля и Рѣчи Посполитой. Я еще понялъ бы, что это было посѣщенiе священнаго шляхетскаго мѣста, такъ сказать, — шляхетское паломничество; но въ Брусиловѣ такихъ воспоминанiй не было.

Мы застали нашихъ товарищей и еще втрое болѣе иной доброй шляхты въ корчмахъ за столами, на которыхъ стояли четырехъ-гранные штофы съ гольдвассеромъ, сверкавшимъ золотомъ и серебромъ, гданской ратафiей, кальмусовкой, тминной и другими славными водками, приготовляемыми въ Брусиловѣ. Всѣ эти напитки закупали для домашняго обихода на цѣлый годъ, но предварительно пробовали по цѣлымъ недѣлямъ, чтобы разобрать вкусъ и привезти ихъ домой уже испробованныя для угощенiя женъ, дочерей и гостей.

Таковы были воспоминанiя о Брусиловѣ, и потому-то такъ прiятно звучало въ ушахъ: «Въ Брусиловъ, въ Брусиловъ!»

(Продолженiе слѣдуетъ).

Строфы Владиміру Ивановичу Назимову,

читанныя за обѣдомъ, даннымъ ему членами Императорскаго Московскаго университета 6-го февраля 1855 г. [1])

Тебѣ судилъ Всевышній съ нами
Столѣтній праздникъ пировать,
За то, что нашими сердцами
Умѣешь мирно обладать;
За то, что чтишь отцовъ преданья,
Науки любишь красоту,
И цѣнишь высоту познанья,
Но больше сердца чистоту.

По сердцу русскаго солдата,
Ты сердцемъ впрямь христіанинъ:
Ты въ подчиненномъ любишь брата,
Ты съ нами добрый семьянинъ.
Бояринъ ты безъ спѣси барской,
Добру ты посвятилъ свой вѣкъ:
Въ тебѣ сошлись наперсникъ царской
И славный русскій человѣкъ.

Любовью чистой и взаимной
Сіялъ у насъ столѣтній пиръ [2]);
Заботою гостепріимной
Къ намъ приглашенъ ученый міръ.
Любовь нашъ праздникъ озарила,
Она украсила его:

---

[1]) В. И. Назимовъ былъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа.
[2]) Празднованіе столѣтія Императорскаго Московскаго университета.

Въ любви одной живая сила,
Въ ней радость, слава, торжество!

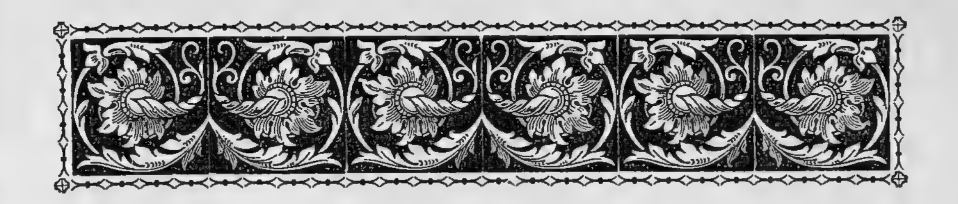
Питатель свѣта величавый,
Столѣтній вождь духовныхъ силъ,
Сіяньемъ дивнымъ новой славы,
Днесь, при тебѣ, украшенъ былъ.
На немъ горитъ разнообразный,
Безсмертный рядъ златыхъ вѣнцовъ:
На тѣхъ вѣнцахъ вѣнецъ алмазный—
Монарха нашего любовь!

Прекрасный праздникъ просвѣщенья
Вершимъ мы пиромъ въ честь твою:
Пролей Господь благословенья
На милую твою семью!
Блаженъ, кого любовь тревожитъ,
Чья жизнь цвѣтетъ въ ея красѣ,
Кто въ жизни счастливъ быть не можетъ
Безъ счастья близкихъ по душѣ.

Прекрасны разумъ, знанье, сила,
Творенья мысли, доблесть дѣлъ;
Но мудрость Божья положила
Величью нашему предѣлъ.
Померкнутъ всѣ земныя славы,
Какъ солнца блескъ на высотахъ;
Но сердце чистое, духъ правый
Горятъ у Бога въ небесахъ.

С. Шевыревъ.

ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА,
ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢКЪ
СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ [1]).

Попечитель Назимовъ.—Защита диссертаціи Гильфердингомъ.—Плѣнные англичане въ Москвѣ.—Ѳеодосій Ѳедоровичъ Веселаго.—Товарищи по квартирѣ.—Ихъ характеристика.

Говоря о современномъ мнѣ начальствѣ Московскаго университета, я еще ничего не сказалъ о двухъ лицахъ, которыя, пожалуй, были самыми значительными, а именно: о попечителѣ, генералъ-адъютантѣ, генералъ-лейтенантѣ Владимірѣ Ивановичѣ Назимовѣ и о замѣнившемъ Шпейера, инспекторѣ студентовъ, майорѣ Ѳеодосіи Ѳедоровичѣ Веселаго. Говоря о нихъ, прежде всего, не только можно, но и должно сказать, что они оба были люди положительно хорошіе.

Генерала Назимова я видѣлъ въ первый разъ еще въ то время, когда былъ въ гимназіи, не припомню уже теперь въ которомъ классѣ. Хорошо намъ было извѣстно, что былъ тамъ прежде попечителемъ Московскаго округа умнѣйшій, образованнѣйшій и гуманнѣйшій графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, котораго любили всѣ; слышали также и то, что онъ долженъ былъ покинуть любимое имъ дѣло по какимъ-то не зависѣвшимъ отъ него причинамъ. Знали и то [2]), что послѣ него долгое время только исправлялъ должность попечителя бывшій при немъ по-

---

[1]) См. «Русскую Старину» январь 1896 года.

[2]) Срав. съ характеристикою графа Строганова, сдѣланною С. М. Соловьевымъ. „Рус. Вѣст." 1896 г. № 2, стр. 7 и 8. Ред.

мощникомъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ, о которомъ намъ, впрочемъ, было извѣстно гораздо менѣе, нежели о его знаменитомъ «Бычкѣ»; а о популярнѣйшемъ и почти легендарномъ Платонѣ Степановичѣ Нахимовѣ (инспекторъ студентовъ до Шпейера) слыхали очень много разсказовъ. Но за все время моего пребыванія въ гимназіи, то-есть съ августа 1848 года по начало мая 1853-го, изъ всего высшаго начальства округа, до пріѣзда Назимова, о которомъ говорится ниже, она удостоилась видѣть въ своихъ стѣнахъ только помощника попечителя, при Голохвастовѣ, князя Щербатова, того самаго, который потомъ былъ попечителемъ Петербургскаго округа и о которомъ говорилось такъ много добраго и хорошаго. Я хорошо помню изящнѣйшую фигуру этого барина съ головы до ногъ, съ симпатичнымъ, задумчивымъ лицомъ, которое такъ и дышало благородствомъ, но онъ только прошелся по классамъ, и почти ни одного слова никто изъ насъ отъ него не слышалъ. Наконецъ помнится въ 1851 году (а можетъ быть и позже) мы узнали, что попечителемъ округа назначенъ генералъ-адъютантъ Назимовъ и что онъ имѣетъ большую силу, потому что очень любимъ наслѣдникомъ престола.

Послѣ поступленія въ университетъ, мнѣ доводилось видѣть его довольно часто: онъ нерѣдко пріѣзжалъ въ наши нумера, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ постоянно бывалъ въ университетской церкви. Обходя нумера, онъ имѣлъ обыкновеніе обращаться къ тѣмъ студентамъ, на которыхъ почему-либо обращалъ вниманіе, постоянно съ одними и тѣми же привѣтствіями, а иной разъ и вопросами, вродѣ, напримѣръ, слѣдующаго: почему это онъ когда поступилъ, то говорилъ дискантомъ, а теперь началъ говорить басомъ? Задавъ этотъ вопросъ, Владиміръ Ивановичъ довольно долгое время, пристально смотрѣлъ на вопрошаемаго, но впослѣдствіи, вѣроятно сообразя, что на подобный вопросъ, сдѣланный начальствомъ, студенту отвѣчать положительно нечего—перестал обращаться прямо къ нему, а только водя по нумерамъ какого-либо важнаго посѣтителя, все-таки, непремѣнно, останавливался, проходя мимо упомянутаго студента. «Вотъ-съ!»—торжественно говорилъ онъ,—«рекомендую! смоленскій дворянинъ! когда былъ въ первомъ курсѣ—говорилъ дискантомъ, а теперь—басомъ!» Должно быть, смоленскіе дворяне въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-либо особо обратили на себя его вниманіе, потому что и меня, съ перваго же раза спрося, дворянинъ ли я и какой губерніи, впослѣдствіи при каждой встрѣчѣ называлъ не иначе, какъ смоленскимъ дворяниномъ.

Наружность генералъ Назимовъ имѣлъ очень суровую: густыя, нахмуренныя брови и огромные рыжіе усы съ просѣдью придавали ему видъ вполнѣ грозный, а голосъ его былъ громкій и по большей части твердый и самоувѣренный. Кто видѣлъ его въ первый разъ, невольно

ощущалъ нѣкоторый трепетъ, но, приглядѣвшись поближе, не трудно было замѣтить, что за этою грозною тучей таится не только добродушіе, но даже застѣнчивость. Не разъ случалось мнѣ видѣть, какъ онъ, бывало, сдѣлаетъ кому-нибудь изъ студентовъ какой-либо, не совсѣмъ ясный вопросъ, да потомъ, видя, что тотъ затрудняется отвѣтомъ, вдругъ покраснѣетъ. Это, конечно, не могло не поражать въ генералъ-адъютантѣ и полновластномъ распорядителѣ судьбами цѣлаго округа; но бывало это не всегда, а иногда, и наоборотъ, манеры, голосъ и слова Владиміра Ивановича поражали уже какою-то увѣренностью, производившею впечатлѣніе нѣсколько странное. Такъ припомню защиту диссертаціи на степень магистра словесности въ то время еще очень молодаго человѣка, а впослѣдствіи знаменитаго ученаго, А. Ѳ. Гильфердинга. Предметомъ диссертаціи было, если только память мнѣ не измѣняетъ, «сродство языка санскритскаго со славянскими», и я не знаю, что именно: интересъ ли къ предмету, или обширное знакомство молодаго ученаго, но только защита ея была настоящимъ событіемъ, и въ актовую залу собралось чуть не полъ-Москвы. Въ первыхъ рядахъ креселъ сидѣло множество дамъ и какихъ-то господъ во фракахъ со звѣздами, а многочисленные ряды стульевъ также были заняты множествомъ слушателей. Студентовъ попробовали было не пускать въ залъ, но мы ворвались черезъ маленькую дверь подъ хорами и цѣлою толпою побѣдоносно стали на возвышеніи, гдѣ стоялъ диссертантъ, почти вплотную за каѳедрою. Диспутъ былъ очень оживленный, и кромѣ оффиціальныхъ оппонентовъ, которыми были профессоры Петровъ, Бодянскій и, кажется, еще Шевыревъ, возраженія дѣлали нѣсколько лицъ изъ публики, въ числѣ которыхъ былъ, сколько помню, и Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Диссертантъ, ловкій и изящный молодой человѣкъ, въ форменномъ фракѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, увѣренно стоялъ передъ каѳедрою и своимъ писклывымъ голоскомъ бойко, остроумно и увѣренно парировалъ нападки, которыя сыпались преимущественно со стороны Петрова и были иногда почти ожесточенны. Диспутъ продолжался нѣсколько часовъ безъ перерыва съ неусыпавшимъ интересомъ, такъ что подъ конецъ диссертантъ почти въ изнеможеніи обратился къ студентамъ и просилъ дать ему стаканъ воды. Наконецъ Степанъ Петровичъ въ качествѣ декана взошелъ на каѳедру и своимъ мелодичнымъ голосомъ, въ которомъ на этотъ разъ звучала какая-то особенно сладкая нота, провозгласилъ Гильфердинга магистромъ «торжественно», какъ онъ прибавилъ въ заключеніе, а затѣмъ чуть не вся зала кинулась къ магистру съ поздравленіями. Всѣ, однако, уступили первое мѣсто попечителю, и онъ, потрясая ученаго за руку, во всеуслышаніе объявилъ: «благодарю, главное за то, что такой сухой предметъ вы сдѣлали такимъ интереснымъ»! Онъ видимо былъ дово-

ленъ тѣмъ, что говорилъ, и даже, повторивъ слова: «сухой предметъ», самодовольно оглянулъ и публику, и студентовъ.

Когда лѣтомъ 1854 года въ Москву привезли нѣсколько плѣнныхъ англичанъ, взятыхъ съ парохода «Тигръ», и помѣстили ихъ въ зданіи университета, то нѣсколько студентовъ завели съ ними пріятельскія отношенія и проводили время довольно весело. Долгое время никто не обращалъ на это никакого вниманія, но потомъ начальство всполошилось, и наконецъ одного изъ этихъ студентовъ потребовали даже къ самому попечителю. «Это вы водите знакомство съ англичанами?»—спросилъ генералъ.— «Да, ваше превосходительство, я съ ними видаюсь иногда въ саду»,—отвѣчалъ студентъ.—«Такъ какъ же это вамъ не стыдно водить дружбу съ врагами отечества?» Студентъ отвѣчалъ, что такъ какъ они теперь плѣнные, то онъ не находитъ возможнымъ считать ихъ врагами.—«Да нѣтъ!»—оживленно заговорилъ Владиміръ Ивановичъ,—«вѣдь вы, молодой человѣкъ, не понимаете, вѣдь это враги отечества». По поводу тѣхъ же плѣнныхъ англичанъ Владиміру Ивановичу еще разъ пришлось высказать себя. Отъ скуки ли, или отъ того, что даваемые имъ на завтракъ бутерброды были дѣйствительно не хороши, они вздумали пошалить: не прикасаясь къ нимъ нѣсколько дней, они прибили ихъ гвоздями къ стѣнѣ, устроивъ какую-то фигуру, и этотъ безмолвный протестъ былъ доведенъ до свѣдѣнія попечителя. Генералъ вознегодовалъ и, одѣвшись въ парадную форму, полетѣлъ въ зданіе университета. Войдя и остановясь у двери, онъ сразу загремѣлъ на самомъ энергичномъ русскомъ языкѣ, бранилъ ихъ неблагодарными и упрекалъ въ томъ, что они ѣдятъ русскій хлѣбъ задаромъ.

Но всего интереснѣе былъ Владиміръ Ивановичъ во время празднованія столѣтняго юбилея университета въ январѣ 1855 года [1]). Онъ былъ хозяиномъ торжества и весь сіяющій, какъ сознаніемъ своей роли, такъ и свѣжею, только-что полученною, александровскою лентою, водилъ многочисленныхъ гостей по всему университету и охотно объяснялъ имъ все то, что показывалъ. Въ лѣвыхъ сѣняхъ главнаго корпуса попечитель остановился. Въ эти сѣни, на время юбилейнаго торжества, была перенесена часть физическаго кабинета, машины разставлены вдоль стѣнъ, а съ потолка, равняющагося вышинѣ всего зданія, былъ спущенъ маятникъ Фуко, служащій для доказательства вращенія земли вокругъ своей оси. Я видѣлъ собственными глазами и слушалъ собственными ушами все то, что происходило въ то время, когда попечитель показывалъ гостямъ машины. Подойдя къ каждой, онъ по большей части говорилъ только: «вотъ!» предоставляя каждому оріентироваться собственными знаніями, но когда довелъ ихъ до маятника Фуко, то торжественно объявилъ, что это—perpetuum mobile. Живо

[1]) См. выше на стр. 637 стихотвореніе С. Шевырева, написанное по поводу того же юбилея. Ред.

памятно мнѣ всеобщее нѣсколько недоумѣвающее молчаніе, конечно, только мгновенное, которымъ была встрѣчена эта рекомендація, и должно быть оно не ускользнуло отъ вниманія самого Владиміра Ивановича, потому что онъ сначала какъ-то подозрительно обвелъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ, а потомъ, уже болѣе увѣренно, добавилъ: «ей-Богу! perpetuum mobile! вотъ посмотрите: все качается». При этомъ онъ и самъ покачалъ пальцемъ.

Далѣе я не слѣдовалъ за всѣми, а отправился въ нумера, куда скоро явился и попечитель, все еще продолжая водить своихъ гостей, но уже число этихъ послѣднихъ было очень не велико. Тутъ, сколько мнѣ помнится, были только: депутаты отъ военной академіи—полковники Карцевъ и Лебедевъ и генералъ-майоръ Милютинъ; англичанинъ лордъ Сеймуръ, молодой человѣкъ съ небольшою бородкою, одѣтый во фракъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, на котораго, впрочемъ, попечитель, по крайней мѣрѣ повидимому, не обращалъ почти никакого вниманія: онъ почему-то болѣе другихъ былъ любезенъ съ полковникомъ Лебедевымъ, который и шелъ впереди другихъ, и говорилъ только почти одинъ.

Въ самомъ началѣ царствованія императора Александра II, Владиміръ Ивановичъ оставилъ Московскій университетъ. Онъ былъ назначенъ виленскимъ, гродненскимъ и ковенскимъ генералъ-губернаторомъ и уѣзжая захватилъ съ собою также и достопочтеннѣйшаго Ивана Абрамовича, который изъ директора первой Московской гимназіи преобразился въ гродненскаго губернатора. Попечителемъ на мѣсто Назимова былъ назначенъ тайный совѣтникъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій, который впослѣдствіи, впрочемъ очень недолго, былъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Совсѣмъ уже другаго рода воспоминанія сохранились въ моей памяти о Ѳеодосіи Ѳедоровичѣ Веселаго. Помнится мнѣ, однако, что Ѳ. Ѳ. Веселаго не пріѣзжалъ довольно долго, и Шпейеръ продолжалъ инспекторствовать надъ нами и жить въ университетѣ, управляя, вмѣстѣ съ этимъ, и своею гимназіею. Наконецъ, намъ было объявлено, что новый инспекторъ пріѣхалъ и что старый будетъ прощаться съ нами въ большой залѣ «новаго университета». Живо и теперь помню, какъ вслѣдъ за шумно ввалившимся «бегемотовымъ внукомъ» скромно вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, тонкій и стройный, въ простенькомъ общеармейскомъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ безъ всякаго шитья или петлицъ, новенькими эполетами и единственнымъ орденомъ—Анною на шеѣ. Густые черные волосы новаго инспектора были коротко острижены и гладенько причесаны, а небольшіе каріе глаза внимательно смотрѣли на все, что передъ ними было; вообще наружность его, съ перваго же раза, производила впечатлѣніе человѣка, привыкшаго мыслить.

*

Само собою разумѣется, что уже не было ничего подобнаго шумнымъ появленіямъ въ нумерахъ его предмѣстника, а все дѣлалось тихо, смирно и спокойно.

Однажды въ нашу комнату дверь тихо отворилась, и вошелъ Ѳеодосій Ѳедоровичъ, совершенно одинъ. Онъ подошелъ прямо ко мнѣ и началъ увѣщевать, чтобы я обратился на путь истины. Говорилъ долго, и въ словахъ его было, конечно, много правды, потому что онъ указывалъ на то, что я вовсе ни желаю трудиться и такъ далѣе, но подъ конецъ онъ вдругъ сказалъ: «послушайте! вѣдь вы идете по слѣдамъ М—го!» Я, конечно, слушалъ его молча, но когда онъ сказалъ эту послѣднюю фразу, то попросилъ позволенія объясниться. Этотъ М—скій былъ также студентъ, даже одной со мною гимназіи, хотя гораздо старше, но уже совершенно отпѣтый пьяница и кромѣ того извѣстный буянъ, а слѣдовательно сравненіе съ нимъ показывало, что Ѳеодосій Ѳедоровичъ имѣетъ обо мнѣ понятіе нѣсколько превратное. Я откровенно высказалъ, что всѣ мои невзгоды происходятъ исключительно отъ того, что я не въ состояніи учиться медицинѣ, объяснилъ причины поступленія на этотъ факультетъ и сказалъ, что занимался бы съ большою охотою, если бы имѣлъ возможность перейти на юридическій. Къ этому я, по неволѣ, долженъ былъ добавить, что въ настоящую минуту даже и этотъ исходъ для меня невозможенъ, потому что я чувствую себя положительно не въ силахъ сказать объ этомъ моему отцу и что, зная его разсчетливость, я вполнѣ увѣренъ, что онъ, послѣ двухъ пропавшихъ даромъ лѣтъ, ни за что на свѣтѣ не согласится содержать меня въ университетѣ еще четыре года. Однимъ словомъ я, сколько умѣлъ, старался объяснить, что нахожусь просто въ положеніи человѣка, ожидающаго «движенія воды». Ѳеодосій Ѳедоровичъ слушалъ меня съ видимымъ вниманіемъ и, когда я кончилъ—спросилъ: «но можетъ быть вы будете въ силахъ содержать себя сами?»—«Къ сожалѣнію—нѣтъ!» отвѣчалъ я откровенно, и онъ ушелъ.

Я уже говорилъ о томъ, что съ начала водворенія нашего въ нумерахъ, насъ всѣхъ, четверыхъ однокашниковъ по гимназіи, помѣстили въ одномъ, шестомъ нумерѣ.

Одинъ изъ моихъ товарищей Николай Изв—овъ воспитывался въ четвертой московской гимназіи, недавно передъ тѣмъ временемъ преобразованной изъ дворянскаго института. Отецъ его былъ маіоръ, старый кавалеристъ, и занималъ должность смотрителя военнаго госпиталя въ нашемъ городѣ. Трудно вообразить себѣ что-либо привлекательнѣе наружности Н. Изв—ва и, хотя въ чертахъ его лица было много женственности, а въ манерахъ и походкѣ прежде всего бросалась въ глаза какая-то изнѣженность, но сложенъ онъ былъ довольно мужественно и былъ хорошимъ гимнастомъ, а въ особенности пловцомъ. Молодыя ба-

рыни очень быстро воспламенялись при видѣ его, а вслѣдствіе этого обстоятельства онъ очень рано позналъ многія тайны амурныхъ похожденій.

Я не могу теперь припомнить, какимъ именно образомъ мы близко сошлись съ нимъ, но почти во все время моего пребыванія въ университетѣ мы были неразлучны.

Другой товарищъ мой по шестому нумеру, а вмѣстѣ и по гимназіи, былъ А. Г—кій, о которомъ уже не разъ приходилось упоминать; личность, въ своемъ родѣ, замѣчательная и которая можетъ служить разительнымъ примѣромъ того, чего можетъ добиться человѣкъ посредствомъ терпѣнія и упорной настойчивости. Онъ былъ младшій по лѣтамъ изъ всего нашего выпуска и въ гимназіи былъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ «Саски» въ отличіе отъ двухъ его младшихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ именовался «Паскою», а другой «Николаскою». Такія наименованія были имъ даны по той причинѣ, что у всѣхъ трехъ былъ одинаковый, какой-то шепелявый выговоръ.

Выше я уже говорилъ, что изъ числа насъ четверыхъ, поступившихъ въ Московскій университетъ, трое нашлись вынужденными поступить на медицинскій факультетъ потому, что не попали въ комплектъ, но «Саска», только одинъ изъ всѣхъ,—попалъ и поступилъ—куда же? на математическій факультетъ, чему всѣ мы тогда немало дивились и немало надъ нимъ, по этому поводу, трунили и даже смѣялись. Въ университетѣ онъ занимался также очень усердно и кромѣ предметовъ своего факультета упорно посѣщалъ еще лекціи англійскаго и итальянскаго языковъ, несмотря на то, что почти не зналъ ни французскаго, ни нѣмецкаго, и постоянно, бывало, расхаживалъ по нумеру, или по коридору, долбя вслухъ англійскія или итальянскія слова. Мало того, онъ учился еще играть на фортепьяно и на скрипкѣ, хотя не имѣлъ даже подобія музыкальныхъ способностей, а для того, чтобы ему никто не мѣшалъ—уходилъ со скрипкой въ дортуары и тамъ, по цѣлымъ часамъ, старательно выпиликивалъ гаммы и упражненія. Такимъ порядкомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на шутки товарищей, онъ преспокойно окончилъ курсъ кандидатомъ, даже не застрявъ два года ни на одномъ курсѣ; а такъ какъ въ годъ его выпуска при корпусахъ были учреждены спеціальные классы и даровано было право поступленія въ нихъ экстернами, то онъ поступилъ въ третій спеціальный классъ перваго Московскаго кадетскаго корпуса и черезъ годъ былъ выпущенъ корнетомъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Прослужа въ полку опредѣленный срокъ, Г—ій поступилъ въ академію генеральнаго штаба и тамъ окончилъ курсъ. Онъ принималъ участіе во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ и нынѣ георгіевскій кавалеръ.

Мнѣ остается еще сказать о третьемъ, а вмѣстѣ и послѣднемъ това-

рищѣ по шестому нумеру. Это былъ Иванъ Ту—въ, старшій изъ двухъ братьевъ, вмѣстѣ со мною окончившихъ курсъ гимназіи. Онъ былъ безспорно даровитѣйшимъ, или, лучше сказать, талантливѣйшимъ изъ всѣхъ насъ и если считать, что на долю каждаго изъ насъ было отпущено хотя по одному таланту, то на его—непремѣнно всѣ десять. Однимъ изъ этихъ талантовъ было, съ ранняго еще дѣтства, замѣчательное умѣнье пріобрѣтать и сохранять расположеніе людей и вообще всѣхъ, каковы бы они ни были, и преимущественно, конечно, тѣхъ, кого онъ считалъ почему-либо для себя нужными. Ровность его характера и постоянная, такъ сказать, безъоблачность расположенія его духа были по истинѣ удивительны, да, кромѣ этого, онъ, кажется, чуть ли не съ самой колыбели, былъ лишенъ возможности испытать на себѣ, что такое то, что̀ люди называютъ несчастьемъ, или неудачею, а также и то—какъ тяжела людская несправедливость. Я началъ его знать съ той поры, когда мнѣ было лѣтъ десять; онъ былъ нѣсколько старше меня и вмѣстѣ со своимъ среднимъ братомъ, а моимъ сверстникомъ, уже учился въ гимназіи. Ихъ было три брата такъ же, какъ и насъ, и были они дѣтьми родителей хотя очень не богатыхъ, но ихъ мать происходила отъ одной изъ значительнѣйшихъ фамилій губерніи и имѣла очень обширное, богатое и вліятельное родство. Когда я поступилъ въ гимназію, то съ обоими братьями сталъ товарищемъ по классу и старшій постоянно считался первымъ ученикомъ. Это первенство не только утвердилось за нимъ въ продолженіе всего курса, но даже въ заключеніе онъ былъ признанъ самымъ лучшимъ во всей гимназіи, и имя его, написанное на выкрашенной красною краскою доскѣ золотыми буквами, было вывѣшено въ сѣняхъ гимназіи, надъ лѣстницею, рядомъ съ часами, по которымъ распредѣлялись наши занятія, даже чуть ли не въ двухъ экземплярахъ, по обѣимъ сторонамъ часовъ. До него это отличіе не оказывалось никому; не дѣлалось этого ни для кого и впослѣдствіи и не знаю навѣрно, виситъ ли эта доска въ настоящее время, но собственными глазами видѣлъ, что она висѣла еще долгое время послѣ уже выхода нашего изъ гимназіи, какъ будто въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ. Все начальство гимназіи, какъ будто по какой-то обязанности, постоянно обращалось съ нимъ какъ съ любимымъ дѣтищемъ: попечитель, графъ Буксгевденъ, почти при каждомъ своемъ посѣщеніи, непремѣнно прижималъ его къ своему сердцу и называлъ Ваничкою; и даже самъ грозный Ѳедотъ смотрѣлъ на него вовсе не такъ строго и сурово, какъ на всѣхъ остальныхъ. Въ университетъ Т—въ былъ принятъ на казенный счетъ и поступилъ такъ же, какъ и я, противъ своего желанія на медицинскій факультетъ. Тѣмъ не менѣе, обстоятельство это, какъ кажется, не имѣло ни малѣйшаго вліянія ни на характеръ его, ни на дальнѣйшую карьеру. Тѣ же его таланты помогали ему и здѣсь. Университетское начальство не менѣе гимна-

зическаго благоволило къ нему, и всѣ субъ-инспекторы, водя по нумерамъ какихъ-либо посѣтителей, какъ будто считали своимъ долгомъ представить его имъ, а когда къ столѣтнему юбилею пріѣзжалъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, то кто-то изъ нихъ, помнится Романовскій, представилъ Т—ва и ему, одного изъ всѣхъ насъ. Я помню, что это было въ университетской церкви во время всенощной и что безногій старичекъ-министръ, помѣстившійся на креслѣ среди насъ, чуть не все время службы держалъ Т—ва за руку. Доказательствомъ особаго благоволенія начальства можетъ служить также и то, что, хотя студентамъ, находившимся на казенномъ содержаніи, ни въ какомъ случаѣ не дозволялось оставаться два года на одномъ и томъ же курсѣ, не теряя права на это содержаніе, но для Т—ва было сдѣлано исключеніе, и онъ, просидѣвъ два года на одномъ, помнится на третьемъ, изъ курсовъ, все-таки окончилъ курсъ въ 1859 году со степенью лѣкаря. Казенные студенты были обязаны за свое образованіе прослужить въ должности врача шесть лѣтъ тамъ, куда ихъ назначитъ правительство, но Т—въ какъ-то отдѣлался отъ этой обязанности, кажется посредствомъ найма за себя другаго, что̀ тогда допускалось, и поступилъ все-таки на должность врача при палатѣ государственныхъ имуществъ въ своей же губерніи. На службѣ онъ, впрочемъ, оставался недолго и отправился за границу, сопровождая какую-то графиню въ качествѣ домашняго врача, а въ послѣднее время занимаетъ должность мироваго судьи.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Неудачный экзаменъ.—Ложь.—Возвращеніе въ Москву.—Кутежи съ плѣнными англичанами.—Кража.—Растрата присланныхъ отцомъ денегъ.—Отчаянное положеніе.—Благодѣтельная тетушка.—Выходъ изъ университета.

Теперь мнѣ приходится начать собственное curriculum vitae за время моего пребыванія въ университетѣ; тутъ-то я и боюсь утомить читателя, но я постараюсь быть возможно краткимъ.

Нерасположеніе мое къ медицинѣ имѣло неизбѣжнымъ послѣдствіемъ то, что я не выдержалъ переходнаго экзамена на второй курсъ. Я рѣшилъ скрыть отъ отца мою неудачу и, если спроситъ, выдержалъ ли я экзаменъ, то солгать, сказавъ, что да; а затѣмъ, подъ какимъ-либо предлогомъ, ѣхать опять въ Москву ранѣе окончанія каникулъ и уже тогда хлопотать о переэкзаменовкѣ. Но во всякомъ случаѣ, цѣль моя, то-есть переходъ на юридическій факультетъ, уже не могла быть достигнута, и придуманное мною средство было только пальятивнымъ. Денегъ, ко-

нечно, мнѣ было прислано какъ разъ, какъ говорится, въ обрѣзъ, а слѣдовательно было необходимо во что бы ни стало отыскать попутчика, съ которымъ я могъ бы доѣхать на половинныхъ издержкахъ до самаго мѣста. Къ счастью, одинъ изъ моихъ земляковъ еще не успѣлъ уѣхать, точно также искалъ попутчика, и мы согласились ѣхать вмѣстѣ.

Выѣхали мы уже въ сумерки, и непривычная ѣзда на томъ орудіи пытки, которое въ то время называлось почтовою телѣгою, сразу произвело на меня свое дѣйствіе. На первой же станціи намъ отказали въ лошадяхъ и объявили, что придется ожидать ихъ неопредѣленное время, такъ какъ ждутъ проѣзда министра народнаго просвѣщенія, а когда онъ проѣдетъ—это еще неизвѣстно. На этой станціи мы просидѣли до вечера слѣдующаго дня и только тогда увидѣли, что на улицѣ, противъ оконъ станціи, остановилось нѣсколько экипажей, запряженныхъ шестериками. Ихъ немедленно же и начали запрягать свѣжими лошадьми. Это ѣхалъ въ свое имѣніе, въ послѣдній разъ въ жизни, графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, въ то время уже не министръ народнаго просвѣщенія, а президентъ академіи наукъ. Тамъ, въ своемъ имѣніи, вскорѣ послѣ этого онъ и умеръ. Весь день я провелъ лежа на диванѣ станціонной комнаты, но все-таки помню, какъ меня возмутила нахальная морда графскаго лакея, явившагося туда для того, чтобы уплатить прогоны; онъ относился къ смотрителю покровительственно, говоря ему «ты», и все время не снималъ шапки. Сама дорога и то, что встрѣчалось по ней, уже не занимало меня, какъ прежде, и такимъ маneромъ мы, наконецъ, добрались до того мѣста, съ котораго начинаютъ быть видны кресты и главы церквей роднаго города. По мѣрѣ того, какъ я подходилъ все ближе и ближе къ нашему дому, совѣсть постепенно пробуждалась и, вмѣстѣ съ этимъ, въ памяти моей воскресала и та невеселая картина, которую я ожидалъ увидѣть дома. Къ моему облегченію я не засталъ отца, который только-что возвратился домой послѣ поѣздки въ Варшаву, куда отвезъ средняго брата, и въ это время былъ въ деревнѣ.

По пріѣздѣ въ деревню я засталъ отца въ благодушномъ настроеніи, что̀ и облегчило мнѣ мою преднамѣренную ложь, чему немало также содѣйствовала увѣренность, что отецъ никогда не узнаетъ о моей лжи: я уѣду ранѣе и успѣю переэкзаменоваться. Но вышло иначе. Около половины іюля я, совершенно неожиданно для меня самого, получилъ чрезъ становаго пристава увѣдомленіе правленія университета о томъ, что если желаю переэкзамeновываться, то долженъ прибыть въ Москву непремѣнно въ самомъ началѣ августа. Это увѣдомленіе меня, что называется, подкосило. Даже становой, вручившій его, заранѣе зналъ его содержаніе (въ чемъ откровенно и признался), несмотря на то, что оно было запечатано; а отецъ, разумѣется, безъ малѣйшей церемоніи,

распечаталъ и уже тогда отдалъ мнѣ. Сначала, онъ даже какъ будто и не понялъ, въ чемъ дѣло—такъ было сильно благодушіе его настроенія; но когда, наконецъ, онъ сообразилъ, что если меня приглашаютъ переэкзаменоваться, то значитъ экзамена я не выдержалъ, и на вопросъ его объ этомъ я отвѣчалъ утвердительно, то вслѣдъ за этимъ начался цѣлый рядъ патетическихъ сценъ. Зная хорошо, что послѣ этихъ сценъ уже долгое время будетъ невозможно приступиться къ отцу съ какими бы то ни было объясненіями, я рѣшился прямо и твердо объявить ему какъ о цѣли, такъ и о причинахъ моей лжи. Я сказалъ, что теперь уже нечего разговаривать о томъ, что сдѣлано, а слѣдуетъ подумать о томъ, что надо дѣлать, а главное о томъ—ѣхать или не ѣхать въ Москву. И странное дѣло! тонъ этотъ замѣтно подѣйствовалъ на отца, что впрочемъ я не одинъ разъ замѣчалъ и впослѣдствіи: онъ какъ-то вдругъ присмирѣлъ, какъ будто успокоился и почти съ прежнимъ благодушіемъ началъ разсуждать о томъ, какъ и что надо дѣлать.

Отправляя меня обратно въ дорогу, отецъ положительно удивилъ меня однимъ своимъ поступкомъ, который я и до сихъ поръ не знаю чему слѣдуетъ приписать. Поступокъ этотъ состоялъ вотъ въ чемъ: разсчитавъ, по своему обыкновенію, математически-точно, сколько мнѣ нужно на проѣздъ до Москвы съ попутчикомъ (который, впрочемъ, уже имѣлся), онъ далъ мнѣ денегъ какъ разъ столько, что по пріѣздѣ у меня не могло оставаться уже ни одной копѣйки; а затѣмъ, совершенно для меня неожиданно, вручилъ мнѣ и тѣ сто рублей, которые слѣдовало внести въ университетъ за первое полугодіе.

Попутчикомъ моимъ былъ тотъ самый семинаристъ Збродовскій, о которомъ я уже упоминалъ. Мы съ нимъ въѣхали въ Москву въ самый разгаръ свирѣпствовавшей холеры. Еще на пути отъ заставы намъ встрѣчалось немало похоронныхъ процессій, чаще всего съ простыми, деревянными гробами.

Порученныя мнѣ отцомъ деньги хранились у меня въ неприкосновенности, но очень меня тяготили по непривычкѣ имѣть ихъ, и я только и помышлялъ о томъ, какъ бы отъ нихъ поскорѣе отдѣлаться. Но для того, чтобы имѣть возможность сдать деньги въ правленіе университета—надо было сначала переэкзаменоваться и знать хотя что-либо вѣрное о томъ, буду ли я переведенъ или нѣтъ, а какъ приступить къ этому—я положительно не зналъ. Я началъ шататься по квартирамъ декана и тѣхъ профессоровъ, которые поставили мнѣ дурныя отмѣтки, съ просьбою исправить ихъ, но безуспѣшно.

Въ описываемое мною время, въ зданіи «стараго университета», въ особой комнатѣ втораго этажа, были помѣщены пятеро плѣнныхъ англичанъ, моряковъ, взятыхъ съ парохода «Тигръ», сѣвшаго на мель на одесскомъ рейдѣ. Въ числѣ этихъ англичанъ, которые жили въ универ-

ситетѣ, находились: три мичмана, одинъ гардемаринъ и одинъ матросъ. Старшій изъ мичмановъ, Фредерикъ Геманъ (или вѣрнѣе: Хэманъ), былъ молодой человѣкъ, лѣтъ девятнадцати, брюнетъ, съ небольшими карими глазами и уже довольно значительными для его возраста бакенбардами, сильный, ловкій и державшій себя очень изящно; онъ былъ первымъ изъ англичанъ, съ которымъ мы свели знакомство. Фредерикъ свободно говорилъ по-французски, и только онъ одинъ, до знакомства съ нами, постоянно прогуливался по университетскому саду, а остальные его товарищи все время сидѣли въ заперти. Фредерику, въ его прогулкахъ, постоянно сопутствовалъ матросъ,—рыжій и краснорожій мужчина лѣтъ подъ сорокъ, носившій синюю куртку толстаго сукна, холстяные штаны и круглую, войлочную шляпу. Другаго мичмана называли Эдуардомъ; но его фигура также не можетъ изгладиться изъ памяти того, кто ее видѣлъ, какъ, напримѣръ, статуя Аполлона Бельведерскаго. Вообразите себѣ юношу лѣтъ семнадцати или восемнадцати, еще безбородаго, роста повыше средняго и съ головою какъ-будто изваянною рѣзцомъ великаго художника, покрытою бѣлокурыми волосами, удивительно изящно расположенными и мягкими, какъ шелкъ. Прибавьте къ этому лицо молодой дѣвушки, ежеминутно вспыхивавшее отъ застѣнчивости и освѣщенное небольшими, но прекрасными свѣтло-карими глазами, и рядъ какихъ-то драгоцѣнныхъ перловъ на мѣстѣ зубовъ. Кожа Эдуарда была мягка и нѣжна, какъ у женщины, а цвѣтъ его лица былъ молочно-матовый; но подъ этою бархатною кожею были ясно видны мускулы, какъ-будто выкованные изъ стали, и онъ свободно игралъ двумя двухъ-пудовыми гирями, держа руки горизонтально. Самъ Байронъ не могъ быть привлекательнѣе этого Эдуарда, конечно, говоря собственно о наружности.

Не могу уже теперь припомнить, какъ именно завелось наше знакомство съ англичанами, но ежедневно, по вечерамъ, я началъ устраивать для нихъ чай и закуску въ университетскомъ саду. Англичане, въ свою очередь, угощали насъ превосходными манильскими сигарами, которыхъ у нихъ былъ сдѣланъ очень большой запасъ, такъ какъ пароходъ «Тигръ» передъ самымъ началомъ крымской войны только-что возвратился изъ кругосвѣтнаго плаванія. Эти сигары были единственнымъ имуществомъ англичанъ, которое было, послѣ плѣна, оставлено въ ихъ распоряженіи, такъ какъ все остальное, даже ихъ мундиры почему-то были отъ нихъ отобраны, и они носили статское платье, сшитое уже въ Россіи.

На наши сношенія съ англичанами начало обращать вниманіе университетское начальство. Но на это, однако, мы обращали весьма мало вниманія, и наши встрѣчи и бесѣды продолжались по-прежнему, пока, наконецъ, не заключились нижеслѣдующею комическою сценою. Въ

одинъ уже очень темный и не особенно теплый вечеръ конца августа вся наша компанія, а также и всѣ англичане, за исключеніемъ одного только больнаго мичмана, собрались по обыкновенію въ саду и выбрали столъ въ самомъ отдаленномъ углу, нарочно для того, чтобы не быть на виду у могущаго появиться начальства, наблюденія котораго надъ нами, въ послѣднее время, замѣтно усилились, такъ что даже сами англичане начали чувствовать опасенія и замѣтно стѣснялись. Но на этотъ разъ пиръ нашъ кончился тѣмъ, что насъ накрылъ субъ-инспекторъ Романовскій, и мы должны были разойтись.

Послѣ этого я видѣлся съ англичанами, то-есть собственно только съ Фредерикомъ, всего одинъ разъ. Когда уже всѣ студенты были въ сборѣ, то мы, конечно, опять перешли въ наше постоянное помѣщеніе, на лѣстницу котораго выходила дверь комнаты англичанъ. Въ это время за ними начали слѣдить уже очень строго: никуда не выпускали и даже не позволяли отворять дверь.

А между тѣмъ, въ университетѣ началась обыденная жизнь... Я внезапно увидѣлъ себя въ слѣдующемъ безвыходномъ положеніи: деньги, которыя даны были мнѣ отцомъ и которыя надо было внести въ университетъ,—промотаны до послѣдней копѣйки, и переэкзаменоваться я не успѣлъ. О томъ, чтобы прямо и откровенно написать отцу, я даже и думать чувствовалъ себя не въ силахъ, и мною овладѣла полнѣйшая апатія: на лекціи ходить я пересталъ вовсе и цѣлые дни проводилъ въ томъ, что лежалъ на диванѣ, читая все, что попадалось въ руки, или безъ всякой цѣли шатался по Москвѣ. Въ одно прекрасное утро въ нумеръ, въ которомъ я жилъ, вошелъ субъ-инспекторъ Романовскій, въ то время, когда я тамъ былъ совершенно одинъ. Онъ долго смотрѣлъ на меня какимъ-то непонятнымъ взглядомъ, а потомъ заговорилъ: «Да что же это, наконецъ, вы дѣлаете? О чемъ вы думаете? Да знаете ли вы, что въ эту минуту въ совѣтѣ университета васъ исключаютъ?» Оказалось, что такъ какъ экзамена я не выдержалъ, то для того, чтобы остаться второй годъ на томъ же курсѣ, мнѣ слѣдовало подать прошеніе въ правленіе университета, чего, разумѣется, я и не подумалъ сдѣлать. «Пойдемте къ Ѳеодосію Ѳедоровичу!»—продолжалъ Романовскій и повелъ меня въ квартиру инспектора. Мы застали достойнѣйшаго Ѳеодосія Ѳедоровича въ его кабинетѣ, за письменнымъ столомъ; онъ былъ углубленъ въ какую-то работу, и когда Романовскій сообщилъ вышеупомянутое извѣстіе, то очень взволновался. Посмотрѣвъ на меня, онъ только укоризненно покачалъ головою и, обратясь къ Романовскому, проговорилъ: «Ну, идите скорѣе туда и скажите, что я прошу этого не дѣлать». Такимъ образомъ, первая туча миновала благополучно, и я былъ оставленъ на томъ же курсѣ, даже безъ моего о томъ прошенія; но я зналъ, что будетъ еще и вторая, и дѣйствительно, чрезъ нѣ-

сколько дней я получилъ приказаніе явиться въ правленіе университета. Когда я вошелъ въ залу присутствія, то засталъ тамъ только одного синдика, и онъ, очень снисходительно, а можетъ быть и прямо безучастно, спросилъ: «Отчего вы не вносите пансіонерскихъ денегъ?» Я отвѣчалъ, что внесу, и онъ, повидимому, остался удовлетвореннымъ и сказалъ, что я могу идти. Въ этомъ неопредѣленномъ для меня положеніи время довольно быстро пролетѣло, и наступили Святки.

Я неожиданно получилъ по почтѣ, отъ отца, сто рублей для внесенія ихъ въ университетъ за вторую половину года. Это обстоятельство, просто, меня ошеломило: держа въ рукахъ полученную въ почтамтѣ сторублевую бумажку, я смотрѣлъ на нее какими-то хищными глазами и какъ-будто сознавалъ, что держу въ рукахъ тотъ «запретный плодъ», который я, по какому-то предопредѣленію свыше, непремѣнно долженъ откусить; а откусивъ уже хотя бы маленькій кусочекъ—съѣсть до послѣдняго сѣмечка. Искусительныя мысли такъ и роились въ моей головѣ: да какой же толкъ,—думалось мнѣ,—вносить деньги за вторую половину, если еще не внесено за первую? Вѣдь все-равно: рано или поздно, отецъ узнаетъ, отъ кого бы то ни было, о прежней растратѣ, и мнѣ уже никакъ не избѣжать его гнѣва или нравоученій; а слѣдовательно: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. Впрочемъ, я довольно долго боролся съ этими мыслями, но... подъ конецъ все-таки имъ поддался и началъ тратить присланныя деньги такъ же, какъ и прежнія.

Въ одно непрекрасное утро, инспекторъ Ѳ. Ѳ. Веселаго призвалъ меня къ себѣ и торжественно объявилъ, чтобы я болѣе не считалъ себя пансіонеромъ и уходилъ изъ нумеровъ, куда мнѣ будетъ угодно. Въ то время у меня еще оставалось нѣсколько денегъ, и, выслушавъ такое категорическое объявленіе, я очень спокойно повернулся, не медля ни минуты, собралъ всѣ мои пожитки и переѣхалъ въ нумеръ гостиницы «Парижъ», и продолжалъ довольно щедро тратить деньги, не помышляя о томъ, что будетъ, когда онѣ выйдутъ. Ежедневно приходило ко мнѣ, съ утра, нѣсколько товарищей, которые по большей части и оставались на весь день. Дѣло было на масляницѣ, и я каждый день угощалъ ихъ блинами и виномъ, за все расплачиваясь наличными деньгами.

Такимъ манеромъ прошла масляная, и наступилъ великій постъ. Деньги мои вышли всѣ, даже и тѣ, которыя, за это время, были добыты посредствомъ залога кое-какихъ вещей. Къ довершенію удовольствія, хозяинъ началъ постепенно стѣснять мой кредитъ, и кончилось тѣмъ, что я почувствовалъ себя вопіющимъ въ нѣкоей пустынѣ, въ которой не имѣлъ возможности обрѣсти даже акридъ и дикаго меду. Во всей Москвѣ у меня былъ только одинъ знакомый и даже родственный домъ, о которомъ я буду говорить ниже, но въ послѣднее время я бывалъ тамъ очень рѣдко, а въ описываемую пору даже и не допускалъ мысли туда

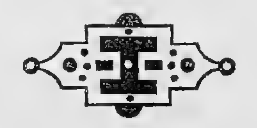
явиться, потому что, кромѣ той неловкости, которую ощущалъ бы каждый въ моемъ положеніи,—я боялся также и неизбѣжныхъ разспросовъ и объясненій. Понятно, что обратиться туда съ какою-либо просьбою, а въ особенности съ просьбою о деньгахъ, я считалъ уже положительно немыслимымъ; а между тѣмъ, мое положеніе часъ отъ часу становилось все болѣе и болѣе безъисходнымъ. Я вполнѣ ясно видѣлъ возможность принести почтеннѣйшему Ѳеодосію Ѳедоровичу мое чистосердечное раскаяніе, убѣдить его въ томъ, что деньги за меня будутъ уплачены во всякомъ случаѣ, а затѣмъ, по-прежнему, водвориться въ нумерахъ; но дѣло въ томъ, что этотъ исходъ былъ сопряженъ съ необходимостью уплатить тотъ долгъ, который наросъ на меня за это время въ гостиницѣ... а откуда же было мнѣ достать денегъ? Подъ конецъ этого безъисходнаго существованія я началъ испытывать ощущеніе, до тѣхъ поръ мнѣ неизвѣстное: я сталъ ощущать ни болѣе, ни менѣе, какъ голодъ, потому что въ гостиницѣ мнѣ окончательно отказали въ дальнѣйшемъ кредитѣ, пока я не уплачу за прежнее. При такихъ условіяхъ я придумалъ слѣдующее: я заходилъ въ университетскіе нумера какъ разъ въ то время, когда зналъ, что столъ къ ужину уже накрытъ, и посидѣвъ, для вида, у кого-нибудь изъ товарищей, улучалъ удобную минуту и захватывалъ въ столовой нѣсколько ломтей чернаго хлѣба, которые и уносилъ съ собою въ гостиницу. Этотъ мой поступокъ (или правильнѣе поступки) я вовсе не считалъ хотя сколько-нибудь предосудительнымъ, а происходило это вслѣдствіе того убѣжденія, что я былъ совершенно незаконно лишенъ права пользоваться тѣмъ, за что рано или поздно будетъ заплачено. Этотъ хлѣбъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, былъ единственнымъ моимъ продовольствіемъ. Несмотря на то, что я всѣми мѣрами старался этого избѣжать, слухъ о моемъ положеніи все-таки дошелъ до того родственнаго дома, о которомъ я говорилъ выше, и въ одно прекрасное утро я получилъ оттуда приглашеніе придти непремѣнно. Я, конечно, пошелъ... но, пошелъ положительно скрѣпя сердце: я не хотѣлъ получать благодѣяній отъ кого бы то ни было, и шелъ съ твердымъ намѣреніемъ скрыть истину въ томъ случаѣ, если меня начнутъ разспрашивать, не думая даже о томъ, что другаго выхода изъ моего положенія я не могъ ожидать ни откуда. Но... оказалось, что скрывать мнѣ было и нечего, и незачѣмъ, потому что и безъ моего сознанія все, что происходило со мною, уже давно было извѣстно. Высокоуважаемая тетушка сама предложила мнѣ денегъ на уплату долга въ гостиницѣ, и до настоящей минуты я храню глубоко въ моемъ сердцѣ память о ней, хотя ея самой уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Когда у меня явилось въ рукахъ средство отдѣлаться отъ угнетавшаго меня долга хозяину гостиницы, то само собою разумѣется, я уже съ болѣе смѣлымъ духомъ отправился къ инспектору универси-

тета. Θеодосій Θедоровичъ Веселаго принялъ меня болѣе нежели радушно, и я свободно объяснилъ ему, что мнѣ дѣваться рѣшительно некуда, а живя въ гостиницѣ я только наживаю все большій и большій долгъ. «Да я и самъ не разъ подумывалъ о томъ, что съ вами дѣлается»,—сказалъ Θеодосій Θедоровичъ,—«вотъ что: напишите вы про все прямо вашему отцу». Тутъ я, уже по неволѣ, хотя мнѣ и сильно этого не хотѣлось, долженъ былъ сознаться въ томъ, что скорѣе соглашусь кинуться въ воду, нежели писать отцу о томъ положеніи, въ какомъ я себя вижу. «Ну! нечего дѣлать!»—продолжалъ инспекторъ,—«приходится уже намъ отъ себя писать къ вашему отцу! переходите въ нумера». Обѣщаніе инспектора написать отцу облегчило мое положеніе, и я, конечно, не заставилъ себя ждать и сейчасъ же поселился въ нумерахъ.

Мѣсяца черезъ два, или даже менѣе, пріѣхалъ въ Москву мой отецъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, котораго онъ везъ опредѣлять въ военную службу; онъ, къ величайшему моему удивленію, отнесся ко всѣмъ моимъ провинностямъ гораздо снисходительнѣе, нежели я ожидалъ, и даже, противъ обыкновенія, нравоученій мнѣ пришлось выслушать не особенно много. Но такъ какъ уже стало вполнѣ ясно, что на медицинскомъ факультетѣ мнѣ оставаться рѣшительно незачѣмъ, то и было рѣшено, что и я также поступлю въ какой-нибудь полкъ.

Въ концѣ марта 1855 года, мы втроемъ отправились по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, и съ этого времени начинается новый періодъ моей жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко въ Астрахани.

По поводу тридцатипятилѣтней годовщины смерти поэта [1]).

Въ февралѣ 1896 года исполнилось ровно тридцать пять лѣтъ со времени смерти Тараса Григорьевича Шевченко. Желая почтить память даровитаго поэта и художника, мы сообщаемъ воспоминанія о немъ И. П. Клопатовскаго [2]).

Въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ Кіевскій университетъ св. Владиміра поручилъ свободному художнику С.-Петербургской академіи художествъ Тарасу Григорьевичу Шевченко прочесть нѣсколько лекцій по теоріи живописи и художествъ. Будучи студентомъ этого университета, Иванъ Петровичъ Клопатовскій слушалъ лекціи Шевченко и былъ знакомъ съ нимъ «только какъ студентъ съ профессоромъ». Тогда же Шевченко состоялъ членомъ правительственной археографической коммиссіи и имѣлъ отъ нея спеціальное порученіе — производить раскопки кургановъ въ Малороссіи. На работы и разъѣзды по дѣламъ этой коммиссіи отпускались въ то время изъ казны довольно крупныя суммы; такъ, напримѣръ, Шевченко—по словамъ г. Клопатовскаго—получилъ въ теченіе одного года не менѣе двѣнадцати тысячъ рублей (ассигнаціями). Членами той же коммиссіи состояли—профессоръ русской исторіи университета св. Владиміра, В. Ѳ. Домбровскій [3]) и профессоръ Лохвицкій, занимавшіеся изслѣдова-

---

[1]) Скончался въ С.-Петербургѣ 26 февраля 1861 года.

[2]) Разсказъ г. Клопатовскаго почти дословно записанъ мною въ маѣ мѣсяцѣ 1892 года. К.

[3]) Домбровскій, Василій Ѳедоровичъ (1819—1845). Энцикл. сл. Брокгауза и Эфрона.

ніемъ древнихъ памятниковъ и раскопками въ самомъ Кіевѣ. Шевченко жилъ тогда очень открыто, раскопками кургановъ занимался мало и неохотно, а проводилъ болѣе время въ компаніи молодежи и въ кружкѣ Костомарова. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, когда г. Колпатовскій окончилъ курсъ университета — Шевченко уже не было въ Кіевѣ.

Въ 1850 году И. П. поселился въ Астрахани, гдѣ получилъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ гимназіи; кромѣ того онъ былъ еще преподавателемъ въ женскомъ институтѣ и школѣ канцелярскихъ служителей, а въ 1892 году, когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ.

Лѣтомъ 1857 года служившій въ Астрахани, а нынѣ уже покойный, докторъ Моравскій сообщилъ Ивану Петровичу, что въ одномъ съ нимъ, Моравскимъ, домѣ, «на чердакѣ» (мезонинѣ) поселился возвратившійся изъ ссылки Шевченко [1]). Домъ, гдѣ остановился Тарасъ Григорьевичъ, по пріѣздѣ изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, находится на канавѣ (Варваціевомъ каналѣ) и нынѣ принадлежитъ Комаровымъ. И. П. поспѣшилъ къ Шевченко и первый изъ астраханской интеллигенціи поздравилъ его съ возвращеніемъ изъ многолѣтней ссылки на пустынномъ Мангишлакскомъ полуостровѣ, которая выражалась службою рядовымъ линейнаго оренбургскаго № 1 баталіона [2]). По словамъ И. П., костюмъ на поэтѣ былъ ниже всякой критики: онъ явился въ Астрахань въ поношенномъ до послѣдней степени солдатскомъ форменномъ платьѣ, рваныхъ сапогахъ; бѣлья у него почти не было, денегъ—ни гроша. По словамъ И. П. Клопатовскаго, Шевченко совершилъ переѣздъ по Каспію изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія до Астрахани не одинъ, а съ попутчикомъ — молодымъ офицеромъ, фамилію котораго И. П. запамятовалъ. Кромѣ г. Клопатовскаго, у Шевченко нашлись въ Астрахани еще знакомые: землякъ его, докторъ Незабутовскій (проживавшій въ 1892 году въ Баку) и мѣстный рыбопромышленникъ, милліонеръ Александръ Алексѣевичъ Сапожниковъ. При содѣйствіи И. П—ча, Шевченко прежде всего экипировался и могъ, не стѣсняясь костюмомъ, посѣщать астраханскихъ пріятелей. Тарасъ Григорьевичъ ежедневно посѣщалъ семейство Клопатовскаго, гдѣ собирался небольшой кружокъ почитателей поэта. Здѣсь были выставлены привезенные поэтомъ изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія пейзажи и картины этнографическаго содер-

[1]) По оффиціальнымъ даннымъ—Шевченко выѣхалъ въ Астрахань изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія на Мингишлакѣ (нынѣ фортъ Александровскій) 1-го авг. 1857 г. «Р. С.» 1891 г., май, стр. 444.

[2]) Т. Г. Шевченко прослужилъ рядовымъ десять лѣтъ и 38 дней, изъ нихъ въ Закаспійскомъ краѣ провелъ 6 лѣтъ и 9 $^1/_2$ мѣс. Тамъ же.

жанія. Эти картины были написаны поэтомъ еще до ссылки въ Закаспійскую область во время Аральской экспедиціи капитанъ-лейтенанта Бутакова, предпринятой съ цѣлію описанія береговъ Аральскаго моря. Шевченко былъ приглашенъ Бутаковымъ принять участіе въ этой экспедиціи въ качествѣ художника. Въ гостепріимномъ домѣ г. Клопатовскаго, Т. Г. Шевченко читалъ стихотворенія, написанныя имъ, контрабандой, такъ какъ поэту по высочайшему повелѣнію было запрещено писать и рисовать въ ссылкѣ. Тетрадь стиховъ была сдѣлана изъ папиросной бумаги, на которой поэтъ нанизывалъ свои вирши до такой степени плотно, что никто, кромѣ его самого, не въ силахъ былъ разобрать его почерка. Во время почти семи-лѣтней ссылки тетрадь эту поэтъ носилъ всегда за голенищемъ сапога.

Алексѣй Александровичъ Сапожниковъ былъ хорошо образованный человѣкъ и пользовался въ Астрахани большимъ авторитетомъ. Въ бытность въ Петербургѣ въ молодыхъ годахъ, онъ познакомился съ Шевченко и, чуть ли, не бралъ у него уроки живописи.

Узнавъ отъ И. П—ча о пріѣздѣ Шевченко и гдѣ находится его квартира, А. А. послалъ за нимъ свой фаэтонъ. Встрѣча этихъ двухъ знакомыхъ, находившихся на столь различныхъ ступеняхъ житейской лѣстницы, по словамъ присутствовавшаго при ней г. Клопатовскаго, была трогательна и поучительна. Сапожниковъ обласкалъ Шевченко и не выпустилъ его изъ своего дома вплоть до отъѣзда поэта въ Нижній Новгородъ. Семейство А. А—ча также приголубило поэта, нѣсколько одичавшаго въ ссылкѣ, и старалось развлечь его различными удовольствіями. Незадолго до отъѣзда Тараса Григорьевича, Ал. Ал. Сапожниковъ устроилъ въ честь его катанье по Волгѣ на своемъ пароходѣ. Для участія въ этой прогулкѣ были приглашены нѣсколько человѣкъ изъ мѣстной интеллигенціи и молодежи именитаго купечества. Этою прогулкою А. А. Сапожниковъ очень тактично воспользовался, чтобъ снабдить Тараса Григорьевича деньгами на дорогу до Петербурга, куда ему былъ выданъ билетъ на безпрепятственный проѣздъ комендантомъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, майоромъ Усковымъ. Стѣсняясь прямо предложить поэту нѣкоторую сумму денегъ, Ал. Ал. уговорилъ его разыграть въ лоттерею картины. Было приготовлено нѣсколько билетовъ, по 50 рублей каждый. Послѣ того какъ лоттерейный листъ подписали рублей на 800—сдѣлали розыгрышъ; картины достались А. А. Сапожникову. Однако, счастливецъ не взялъ ихъ себѣ, а подъ разными благовидными предлогами оставилъ ихъ у поэта. Впослѣдствіи, — по пріѣздѣ въ Петербургъ,—Шевченко представилъ эти картины въ Императорскую академію художествъ. Послѣдняя снова удостоила его за нихъ званія свободнаго художника, котораго онъ былъ лишенъ со времени зачисленія въ военную службу (25 іюня 1847 года).

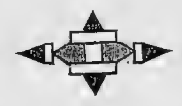
По словамъ И. П. Клопатовскаго, Шевченко выѣхалъ изъ Астрахани въ Нижній на пароходѣ Сапожникова. Показаніе это не сходится съ оффиціальнымъ свѣдѣніемъ, приводимымъ біографомъ поэта Родзевичемъ изъ архивныхъ дѣлъ Ново-Петровскаго укрѣпленія [1]). По этому свѣдѣнію Шевченко выѣхалъ изъ Астрахани 22 августа 1857 года на пароходѣ «Пожарскій», принадлежавшемъ, если не ошибаюсь, только-что возникшему тогда обществу «Кавказъ и Меркурій». Какъ видно также изъ оффиціальныхъ фактовъ того же біографа,—въ Нижній-Новгородъ поэтъ прибылъ 20 сентября; слѣдовательно, отъ Астрахани до Нижняго онъ ѣхалъ 29 дней. Разумѣется,—и при тогдашнихъ условіяхъ плаванія по Волгѣ на весьма тихо, въ сравненіи съ нынѣшними, ходящихъ пассажирскихъ пароходахъ, Шевченко не могъ цѣлый мѣсяцъ путешествовать до Нижняго. Поэтому слѣдуетъ предположить: или поэтъ заѣзжалъ въ какой-нибудь попутный городъ (кажется, Казань), или заявилъ свое прибытіе въ Нижній тамошнимъ властямъ позже, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Что же касается показанія И. П. Клопатовскаго объ отъѣздѣ изъ Астрахани на пароходѣ Сапожникова, то, по всей вѣроятности, владѣлецъ сопровождалъ на немъ поэта до какой-нибудь пристани, выше Астрахани, т. е., такъ сказать, конвоировалъ пароходъ «Пожарскій», и поэтъ могъ плыть до этой пристани на пароходѣ Сапожникова, а затѣмъ пересѣсть на «Пожарскаго» для дальнѣйшаго слѣдованія.

По словамъ И. П. Клопатовскаго, во все время пребыванія въ Астрахани, Шевченко велъ трезвую жизнь, не пилъ водки, былъ довольно сдержанъ въ разговорахъ и не любилъ говорить о своемъ прошломъ. Очевидно, столь продолжительная ссылка не прошла безслѣдно для страдальца и сильно повліяла на его моральное состояніе.

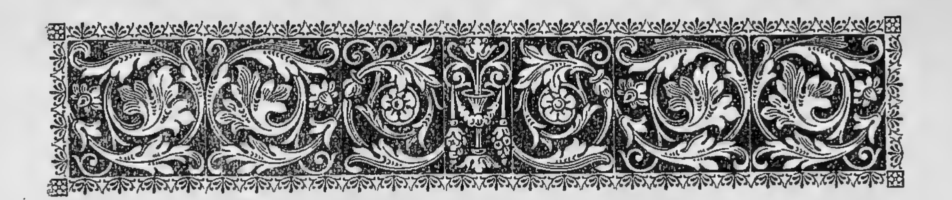
Передъ отъѣздомъ изъ Астрахани Шевченко просилъ И. П. Клопатовскаго и другихъ астраханскихъ друзей написать на память въ его записной книжкѣ по нѣскольку строкъ, что́ охотно было исполнено его почитателями.

Впослѣдствіи, вскорѣ послѣ смерти поэта, текстъ этихъ надписей былъ напечатанъ въ журналѣ Кулиша «Основа» за 1862 годъ.

Василій Кларкъ.

[1]) «Р. С.» 1891 г. май, стр. 446.

Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова [1]

О. М. Сомовъ [2] — В. Г. Теплякову.

1.

3 февраля 1830 г. С.-Петербургъ.

Пріятное знакомство мое съ вами хотя началось прежде обязательнаго вашего письма, но мнѣ казалось, что мы сошлись прочною пріязнью. Вы удивили и порадовали меня и стихами и прозой, еще болѣе послѣднею; ибо у насъ рѣдко, кто соединяетъ даръ владѣть языкомъ разсудительной, холодной прозы. Первое письмо [3] ваше къ Алексѣю Григорье-

---

[1]) См. «Русск. Старину» 1896 г., № 2.

[2]) Орестъ Михайловичъ Сомовъ — одинъ изъ русскихъ литераторовъ, сотрудникъ многихъ журналовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ; онъ скончался 27 мая 1833 г. на 40-мъ году жизни и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Имя Сомова мало извѣстно въ литературѣ, такъ какъ большинство его произведеній разбросано въ альманахахъ, сборникахъ и др. періодическихъ изданіяхъ и подписано псевдонимами: С. О. М., Порфирій Байскій, Житель Васильевскаго острова, Тарановъ Бѣлозеровъ, Господинъ Репродуксинъ, Житель Галерной гавани, Карасевъ, Осетровъ и др. Съ 1825—1831 г. Сомовъ вмѣстѣ съ барономъ Дельвигомъ издавалъ альманахи: „Сѣверные цвѣты“ и „Подснѣжникъ“. Послѣ того, какъ баронъ Дельвигъ отказался отъ редакціи „Литературной газеты“, Орестъ Михайловичъ былъ ея редакторомъ.

[3]) «Письмо русскаго путешественника изъ Варны. Варна 29 марта 1829. В. Тепляковъ». „Литературная газета“ 1830, № 6, стр. 41. Къ этому письму было сдѣлано редакціей «Литературной газеты» такое примѣчаніе: «Сочинитель сего письма, В. Г. Тепляковъ самъ говоритъ въ немъ о цѣли своего путешествія. Отчетъ его о памятникахъ, открытыхъ и пріобрѣтенныхъ въ Болгаріи и Румеліи, напечатанъ былъ особымъ прибавленіемъ къ № 102 «Одесс. Вѣст.» прошлаго года. Изъ сего отчета видно, что г. Тепляковъ от-

вичу (брату) есть приступъ богатый и полный жизни. Я любовался также вашимъ отчетомъ дѣльнымъ и оживленнымъ мыслью и слогомъ. Дорогіе ваши подарки будутъ для насъ подарками въ полномъ смыслѣ. Алексѣй Григорьевичъ взялъ у меня назначенный для васъ экземпляръ «Сѣверныхъ цвѣтовъ», украшенный прелестнымъ вашимъ стихотвореніемъ—«Странники». Пушкинъ очень хвалитъ оное, Дельвигъ [1]) также; et vous conviendrez, que ce sont des juges compétants en pareille manière [2]).

Увѣренъ будучи, что сношенія наши со временемъ превратятся въ чувство прочнѣйшее, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть.

2.

19 февраля 1830 г. С.-Петербургъ.

Принявшій на себя доставленіе этого письма есть добрый мой пріятель, Павелъ Петровичъ Титовъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ молодыхъ оріенталистовъ, отправляющійся черезъ Одессу въ Египетъ. Не имѣя знакомыхъ въ Одессѣ и находясь въ необходимости имѣть сношенія съ издателями «Одесскаго Вѣстника» (въ числѣ коихъ

крылъ слѣдующіе памятники древности: 1) Великолѣпныя Гебеджинскія развалины. 2) Большой анхіальскій саркофагъ. 3) 36 кусковъ мрамора, съ надписями и барельефами. 4) 89 медалей золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ, изъ коихъ болѣе 50-ти — древнія греческія. 5) Двѣ вазы, найденныя въ Сизиполѣ. 6) Двѣ небольшія статуи (бронзовый амуръ и мраморный женскій бюстъ), купленныя въ Анхіалѣ. Сверхъ всего начерчена карта Фаросскаго залива и срисованы виды нѣкоторыхъ мѣстъ, кои г. Тепляковъ посѣщалъ въ своемъ путешествія. Почти всѣ исчисленные здѣсь остатки древностей (разумѣется кромѣ тѣхъ, коихъ нельзя было перевезти) пріобрѣтены г. Тепляковымъ для Одесскаго музея; съ другихъ сняты имъ чертежи.

[1]) Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, — товарищъ Пушкина по Царскосельскому лицею и его другъ; пріятель Баратынскаго и Плетнева — онъ рано сошелъ въ могилу (род. 1798 г. 6-го августа, † 14 января 1831 г.), оставивъ по себѣ память даровитаго поэта, прекраснаго собесѣдника, отличнаго товарища. Его свѣтлый и проницательный умъ цѣнился современниками. Дельвигъ написалъ мало, но имя его всегда останется памятнымъ на страницахъ русской литературы и будетъ повторяться рядомъ съ именемъ его геніальнаго друга, Пушкина. Біографія Дельвига мало разработана. См. о немъ: «Современникъ», 1853, № 2 и 5, 1854, № 1—9, статья В. Гаевскаго.—Баронъ А. А. Дельвигъ. Вал. В. Майковъ. Сочин. А. А. Дельвига. С.-Пет. 1893. стр. III—XX.

[2]) А вы знаете, что эти цѣнители компетентные въ полномъ смыслѣ.

теперь я никого лично не знаю), онъ желалъ познакомиться съ вами, и я, пользуясь благорасположеніемъ вашимъ, покорнѣйше васъ прошу познакомить добраго моего пріятеля съ этими господами.

Братца вашего, Алексѣя Григорьевича видѣлъ на дняхъ. Онъ и семейство его здоровы. Онъ доставилъ мнѣ прекрасный вашъ подарокъ «Литературной газетѣ»: «Четыре времени года» [1]), который будетъ напечатанъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ нашей газеты. Ждемъ отъ васъ дальнѣйшихъ даяній въ стихахъ и прозѣ.

Снова поручая себя въ ваше благорасположеніе, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть.

3.

31 мая 1831 г. С.-Петербургъ.

Давно уже я обязанъ вамъ благодарностью и за ласковый пріемъ П. П. Титова, и за милое пріятное ваше письмо, и за тѣ прекрасные южные цвѣтки [2]), которыми вы украшаете нашу газету. Въ 30-мъ №

---

[1]) Вѣроятно «Четыре времени жизни», стихотвореніе В. Теплякова, появившееся въ «Лит. газ.» 1830 г. № 13.

[2]) Кромѣ упомянутыхъ выше, въ «Лит. газ.», 1830 г. были помѣщены слѣдующія произведенія В. Теплякова: стихи: «Послѣдній вечеръ въ ***» 1824, въ № 21.—«Безнадежность». Одесса 1830. въ № 23.—«Къ мечтательницѣ», № 39.—«Къ Зельмирѣ», Одесса 1830. № 40. Проза: «Письмо II изъ Варны», 4 апр. 1829 г., № 29.

Въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты на 1831 годъ»,—стихи: «Первая Ѳракійская элегія. Отплытіе». — «Современное благополучіе». — «Румелійская пѣсня»; тутъ же былъ приложенъ листокъ нотъ Румелійской пѣсни, положенной на музыку г. Никлевичемъ. Проза: «Письмо III изъ Турціи».

Въ «Одесскомъ альманахѣ на 1831 годъ» были напечатаны стихи: «Надпись къ фонтану».—«Вторая Ѳракійская элегія. Томисъ». — «26 августа 1828 г.».—«Аріадна (Кантата)».—«Щелчекъ».—«Татарская пѣсня». Проза: «Письмо изъ Крыма къ М. И. Л.». Въ этому альманаху были приложены ноты «Татарской пѣсни»; музыка этой послѣдней, сочиненная С. Л. Бороздиной, есть подражаніе напѣву поклонниковъ Магомета, населяющихъ Таврическій полуостровъ. Отзывъ объ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ В. Теплякова, см. «Лит. Газ.», 1831, № 35, въ отдѣлѣ: Библіографія.

Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», 1831, № 7, было помѣщено стихотвореніе: «Станцы генералу К***», съ такимъ замѣчаніемъ редактора: «Въ предъидущемъ № «Одесскаго Вѣстника» мы извѣстили читателей нашихъ о праздникѣ, данномъ 18 числа сего мѣсяца (т. е. января) г.г. чиновниками 3-го пѣхотнаго корпуса г. ген.-лейт. А. И. Красовскому. Между прочимъ, мы упомянули о станцахъ, сочиненныхъ и пропѣтыхъ по сему случаю. В. Г. Тепля-

ея вы найдете объявленіе, предварительно пущенное въ публику о Ѳракійскихъ элегіяхъ: на это уполномочилъ меня братецъ вашъ, Алексѣй Григорьевичъ; и онъ же мнѣ сказалъ, что, по случаю временной его отлучки изъ Петербурга, вы желали бы войти съ кѣмъ-либо изъ здѣшнихъ въ постоянныя сношенія. На сей конецъ смѣло могу вамъ предложить себя въ петербургскіе корреспонденты и увѣрить васъ, что буду въ точности исполнять всѣ ваши порученія. Если опоздаю отвѣтомъ, то, конечно, не болѣе одной почты: нынѣшнюю мою просрочку не ставьте въ счетъ, ибо послѣ Святой недѣли едва успѣлъ я наладить на дѣло разгульную нашу типографію, пьянствовавшую до зѣла на праздникахъ и долго еще послѣ нихъ.

Пушкинъ, князь Вяземскій, баронъ Дельвигъ и Зайцевскій [1]) вамъ кланяются: всѣ они называютъ васъ своимъ знакомцемъ по чувствамъ и таланту. Послѣдній изъ нихъ оставилъ насъ на дняхъ и снова пустился подъ парусами — только не въ Абхазію и не подъ Варну, а въ тихую, добрую и счастливую Германію, къ теплымъ водамъ, для излѣченія, если можно, правой руки своей, заклейменной варнинскимъ штемпелемъ. Братецъ вашъ отправляется отсюда на дняхъ; я обѣдалъ у него на нынѣшней недѣлѣ.

Поручая себя снова въ благосклонное ваше расположеніе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть.

А. И. Казначеевъ [2])—В. Г. Теплякову.

1.

4 ноября 1830 г. Симферополь.

Не сѣтуйте на меня, ради Бога, любезнѣйшій Викторъ Григорьевичъ! я это заслуживаю по многимъ причинамъ: во-первыхъ, отвѣчалъ на

ковъ, извѣстный любителямъ поэзіи многими изящными произведеніями, согласился, по убѣжденію хозяевъ праздника, быть истолкователемъ чувствъ ихъ къ любимому вождю, и въ звучныхъ строфахъ выразилъ сообщенныя ему воспоминанія о бурномъ, незабвенномъ времени, проведенномъ сподвижниками покорителя Силистріи подъ ея стѣнами. Собщаемъ читателямъ нашимъ означенные станцы, въ надеждѣ, что авторъ оныхъ, по расположенію своему къ намъ, не останется симъ недоволенъ».

[1]) Ефимъ Петровичъ Зайцевскій писалъ стихи; будучи морякомъ, участвовалъ въ турецкой войнѣ 1828—1829 гг., потомъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, † въ Неаполѣ въ 1860 г.

[2]) Александръ Ивановичъ Казначеевъ родился 7 ноября 1788 г. Во время Отечественной войны онъ поступилъ 1 іюля 1812 г. въ ряды петербургскаго

все Левшину, думая, что онъ еще въ Одессѣ; вѣроятно, письмо мое пошло вслѣдъ за нимъ; во-вторыхъ, нелегкая кидаетъ меня изъ конца въ конецъ моей губерніи то въ огражденіе отъ холеры, то въ предупрежденіе недостатка народнаго продовольствія, то для ревизованія присутственныхъ мѣстъ. Какъ бывшій военный, вы поймете меня, если скажу вамъ, что въ оборонительномъ положеніи больше хлопотъ и суетъ, нежели въ наступательномъ; въ третьихъ, дорога по Магарачу еще не начертана и слѣдовательно участки еще не опредѣлены, несмотря на всѣ мои настоянія [1]). Послѣднее письмо ваше поставило меня въ боль-

ополченія; 30 авг. 1815 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Павловскій полкъ; состоялъ, числясь въ этомъ полку полковникомъ, дежурнымъ штабъ-офицеромъ главнаго штаба гвардейскаго корпуса; 26 іюля 1823 г. поступилъ правителемъ канцеляріи гр. Воронцова и 17 янв. 1824 г. переименованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ съ оставленіемъ при должности правителя канцеляріи новоросс. ген.-губернатора. Въ это время Казначеевъ познакомился съ Пушкинымъ, который послѣ назначенія гр. Воронцова на мѣсто ген. Инзова, переѣхалъ въ Одессу, какъ состоящій въ штатѣ чиновниковъ новаго ген.-губернатора. Поэтъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ семействомъ своего прямаго начальника, Казначеева, жена котораго Варвара Дмитріевна, рожденная кн. Волконская, была женщиной весьма образованной. Она «была строгаго нрава и держала въ рукахъ не только мужа, но и всѣхъ его подчиненныхъ». (Изъ прошлаго Одессы. Сборникъ статей. Состав. Л. М. Де-Рибасомъ. Одесса 1884, стр. 31). Въ 1829 г. Казначеевъ былъ назначенъ таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ и завѣдующимъ Θеодосійскимъ градоначальствомъ. Въ этому времени относится слѣдующее обстоятельство: къ Казначееву часто поступали жалобы отъ домовладѣльцевъ Θеодосіи на мальчика, который пачкалъ бѣлыя стѣны домовъ углемъ, рисуя на нихъ кораблики. Провѣривъ эти жалобы, А. И. понялъ, что въ этомъ бѣдномъ мальчикѣ, почти брошенномъ на произволъ судьбы, кроется талантъ. Онъ взялъ его сначала къ себѣ на воспитаніе, опредѣлилъ потомъ въ симферопольскую гимназію и сталъ наблюдать за развитіемъ ребенка. Этотъ мальчикъ былъ знаменитый нашъ маринистъ Айвазовскій. (Изъ прошлаго Одессы, стр. 42). Къ тому же времени относится плодотворная дѣятельность Казначеева по части насажденія по южному берегу Крыма виноградныхъ лозъ. Съ 4 дек. 1848 г. Казначеевъ сдѣлался одесскимъ градоначальникомъ, занимая эту должность до 1854 г., когда былъ назначенъ сенаторомъ. Скончался онъ въ глубокой старости въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Интересно узнать, сохранились ли послѣ его смерти какія-либо бумаги, по которымъ можно было бы собрать болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Александра Ивановича.

[1]) Магарачъ—довольно крутая гора, спускающаяся къ морю. До 1830 г. большая часть Магарача лежала въ запустѣніи, представляла дикія скалы, непроходимыя дебри и считалась неспособною къ воздѣлыванію по каменистому грунту. Гр. Воронцовъ исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе разбить землю въ количествѣ 200 десятинъ на участки и раздать ихъ частнымъ лицамъ, подъ условіемъ, чтобы они въ теченіе 4-хъ лѣтъ посадили здѣсь по одному виноградному кусту на сажень. Благодаря такимъ поощри-

шое затрудненіе и вотъ почему: вы иначе не хотите быть въ нашемъ раю, какъ у моря и подлѣ Левшина; но вамъ извѣстно, что приморскіе участки всѣ назначены въ присутствіи графа, и перемѣнить ихъ назначеніе трудно. Со всѣмъ тѣмъ я буду хлопотать во исполненіе вашего желанія, т. е. просить, чтобы кто-нибудь уступилъ вамъ хоть одинъ участокъ. Успѣю или нѣтъ—о всемъ васъ увѣдомлю; пришлите только мнѣ вашъ адресъ по отъѣздѣ изъ Одессы. Если мнѣ удается вамъ сдѣлать угодное, вымолить прибрежный участокъ, надобны будутъ деньги для копки земли и насажденія виноградныхъ лозъ, надобно построить домикъ и нанять сторожа, если не прикащика; на все это потребно на первый разъ не менѣе 5.000 руб. И такъ, если я для васъ сдѣлаю свое дѣло, сдѣлайте свое, т. е. по первому извѣщенію моему присылайте деньги, а если можно—надежнаго человѣка для присмотра за работами и за виноградниками. Мы постараемся насадить въ будущемъ садикѣ вашемъ побольше миртъ, лавровъ и другихъ благородныхъ растеній; искренно васъ любящій А. Казначеевъ.

P. S. Вспыхнувшіе было у насъ признаки холеры, кажется, исчезли, какъ фейерверкъ, прошли, какъ страшный сонъ.

2.

8 декабря 1830 г. Перекопъ.

Письмо ваше, любезнѣйшій Викторъ Григорьевичъ, отъ 26 ноября нашло меня въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, и я, сидя на станціи, спѣшу отвѣчать вамъ, что 500 руб. посланы мною въ пакетѣ на имя Михаила Ивановича Лекса [1]) и при оффиціальной бумагѣ—ради Бога выправьтесь и увѣдомьте, дошло ли мое посланіе съ деньгами до васъ. Въ противномъ случаѣ я обязуюсь прислать вамъ другія деньги съ первою почтою, если прежде посланныя остались гдѣ-нибудь въ карантинѣ. Потрудитесь также послать на почту, нѣтъ ли ихъ тамъ. Не мудрено, что мой регистраторъ послалъ оныя прямо на имя ваше, а мѣстопребываніе ваше почтѣ, быть можетъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, я долженъ отвѣтствовать за потерю. Потеря моя незаплатима только въ томъ, что вы не нашъ помѣщикъ и что улетаете отъ насъ, какъ соловей, за тридевять

тельнымъ мѣрамъ уже въ 1832 г. въ Таврической губерніи считалось 1.219 виноградныхъ садовъ. (См. „Новоросс. Календарь“ 1851 г. Прилож., стр. 258.— „Истор. обозрѣніе 50-ти лѣтней дѣятельности министерства государственныхъ, имуществъ“. Спб. 1888, ч, IV, стр. 304.)

[1]) Въ то время М. И. Лексъ былъ правителемъ канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго ген. губ. гр. Воронцова.

полей. Не моя вина: на берегу подлѣ Левшина участка нѣтъ, а другаго вы не пожелали. Какъ бы то ни было, это не помѣшаетъ мнѣ любить васъ и пріятно помнить. Авось либо когда опять вы къ намъ прилетите попѣть райскую пѣснь въ райской южной сторонѣ Крыма.

Приписка на этомъ письмѣ отъ 19 декабря. Ѳеодосія.

Спасибо, что я задержалъ письмо. По справкѣ оказалось, что регистраторъ мой отправилъ къ вамъ прямо на имя ваше въ Одессу, и теперь вѣрно вы ихъ (т. е. деньги) уже получили. Все-таки мнѣ горько, что васъ не будетъ въ нашемъ краю и раю. Здѣсь такъ мало людей, что нельзя не желать добрыхъ помѣщиковъ и владѣльцевъ для населенія края.

Е. А. Захаржевская [1]) —В. Г. Теплякову.

16 февраля 1831 [2].).

Прежде всего, милостивый государь, хочу выразить вамъ мою признательность за книги, которыя вы были такъ любезны одолжить мнѣ, и завтра непремѣнно пришлю вамъ «Les Martyrs»[3]). Библіотека моя еще не приведена въ порядокъ, и эта книга находится еще въ сундукѣ, изъ котораго распоряжусь ее достать.

Да! милостивый государь, я видѣла замокъ и развалины, о которыхъ вы мнѣ говорили; особенно послѣднія меня такъ поразили, что я даже сдѣлала съ нихъ нѣсколько набросковъ карандашемъ. Повѣрьте, что я съ истиннымъ удовольствіемъ прочту ваши письма изъ Турціи, и мнѣ льститъ чрезвычайно то, что одно изъ нихъ вы мнѣ посвятили. Не принимайте это пожалуйста за банальную фразу; увѣряю васъ, что я принадлежу къ тѣмъ, которыя говорятъ всегда откровенно, что думаютъ. Вотъ почему повторяю вамъ, что я читаю съ наслажденіемъ произве-

---

[1]) Елена Александровна, дочь извѣстнаго при Екатеринѣ генералъ-прокурора гр. Самойлова. Она вышла замужъ за Дмитрія Андреевича Донецъ-Захаржевскаго, бывшаго харьковскимъ вице-губернаторомъ, потомъ екатеринославскимъ губернаторомъ; однако супруги скоро разъѣхались. („Зап. Вигеля". М. 1893, ч. VII, стр., 139). Елена Александровна скончалась 23 авг. 1843 г. и погребена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

[2]) Подлинникъ писанъ на французскомъ языкѣ.

[3]) „Les Martyrs ou Trimphe de la religion crétienne"—эпопея въ прозѣ, написанная Шатобріаномъ. Перев. на русскій яз.: „Мученики, или торжество христіанской вѣры"; пер. съ фран. А. Корнеліусъ. 3 ч. М. 1816 г.

денія, гдѣ умъ и воображеніе составляютъ главную прелесть—таковы ваши.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ искренности моихъ чувствъ и, если вы имѣете нѣсколько свободныхъ минутъ, очень меня обяжете, удѣливъ ихъ мнѣ.

А. Г. Тройницкій [1])—В. Г. Теплякову.

5 іюня 1830 г., Одесса.

Прилагая при семъ № «Лейпцигской Литературной Газеты», въ которомъ, въ статьѣ aus Moskau, найдете вы краткое извѣстіе о ва-

---

[1]) Александръ Григорьевичъ Тройницкій принадлежалъ къ числу видныхъ дѣятелей сначала для Одессы, затѣмъ, какъ занимающій постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Своею разнообразною дѣятельностью и благодаря прекрасному характеру, какъ человѣкъ прямой и весьма честныхъ убѣжденій, А. Г. пользовался расположеніемъ всѣхъ, кто входилъ съ нимъ въ сношенія, начиная отъ товарищей по воспитанію и до людей, занимавшихъ крупное общественное положеніе. Оставшись по смерти отца своего, убитаго въ одной съ первыхъ стычекъ съ французами, во время Отечественной войны, сиротою, Тройницкій поступилъ въ открывшійся незадолго передъ тѣмъ Одесскій благородный пансіонъ, преобразованный въ 1818 году въ Ришельевскій Лицей, гдѣ и окончилъ курсъ наукъ въ 1824 году. Продолжая свое образованіе въ дополнительномъ при Лицеѣ училищѣ Правовѣдѣнія и Политической Экономіи, А. Г. занялся педагогической дѣятельностью, будучи впослѣдствіи инспэкторомъ Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ. Послѣ отъѣзда М. П. Розберга въ Дерптъ, въ 1834 году, Тройницкій принялъ на себя обязанность редактора „Одесскаго Вѣстника", которымъ руководилъ 23 года, оставивъ своимъ преемникамъ завѣтъ честнаго труда и мысли. Затѣмъ А. Г. переѣхалъ, въ 1857 году, въ Петербургъ, гдѣ занималъ съ 1861 г. постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, а въ 1867 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Тройницкій скончался 12-го марта 1871 г. Въ настоящемъ мѣсяцѣ исполняется 25 лѣтъ со дня его кончины, и было бы пріятно собрать письма его къ разнымъ лицамъ для болѣе полнаго біографическаго очерка. (Объ немъ, некрологи: „Одесск. Вѣстн." 1871 г., № 56.—„Всеміри. Иллюстр." 1871 г., т. V, № 120.—„Отчетъ Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1871 г.", Спб., 1872 г. — „Petermann's Mittheilungen aus J. Perthes geograpg. Instit." 1871; „Geographische Necrologie" des Jares 1871. — „Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древн." 1875 г., т. IX. Кромѣ того: „Отъѣздъ А. Г. Тройницкаго изъ Одессы". „Одесск. Вѣстн." 1857 г., № 100. — „Изъ бумагъ А. Г. Тройницкаго". „Русск. Арх." 1894 г., № 4.—„С.-Петербургскія Вѣдомости" 1896 г., № 27.

Письма Тройницкаго къ В. Теплякову любезно доставлены намъ сыномъ покойнаго А. Г. Григоріемъ Александровичемъ Тройницкимъ, которому и приносимъ нашу искреннюю признательность. А. Ѳ. Ш.

шемъ археологическомъ странствованіи [1]), позволяю себѣ присоединить смиренное свое желаніе къ надеждѣ издателей литературныхъ газетъ: лейпцигской и петербургской: das der genannte Reisende möchte gern seine interressanten Beobachtungen zur allgemeinen Kenntniss bringen [2]).

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

В. Г. Тепляковъ—А. Г. Тройницкому.

1.

7 марта 1831 г., Одесса.

Давнымъ-давно, почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ, присылали вы мнѣ № «Лейпцигской Литературной Газеты», въ которомъ находилась повѣсточка о нашей ѳракійской экспедиціи.

Имѣя нынѣ крайнѣйшую нужду въ семъ листочкѣ, я выпросилъ изъ Лицея весь 1830 годъ означенной газеты и нигдѣ не нашелъ того, чѣмъ вы нѣкогда меня одолжали.

Полагая по сей причинѣ, что листокъ сей долженъ находиться у васъ, я убѣдительнѣйше васъ прошу снабдить меня онымъ только на нѣсколько минутъ или, по крайней мѣрѣ, наставить: гдѣ и какимъ образомъ могу я обогатиться симъ нумеромъ. Это, сколько мнѣ кажется, долженъ быть № 80 Leipziger Literatur Zeitung. Наипоспѣшнѣйшимъ исполненіемъ сей покорнѣйшей просьбы вы неизъяснимо обяжете.

---

[1]) Въ „Journal d'Odessa" („Одесскій Вѣстникъ") 1829 г. № 102 и 1830 г. № 19 былъ напечатанъ отчетъ В. Г. Теплякова объ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ Болгаріи и Румеліи: „Mémoire sur divers monuments d'antiquité découverts sur différents points de la Bulgarie et de la Roumélie, présenté à S. E. Mr. le gouverneur-général de la Nouvelle Russie et de la Bessarabie par Mr. V. Tépliakow". Этотъ отчетъ былъ переведенъ многими европейскими журналами и обратилъ на себя особенное вниманіе ученаго Клапрота („Воспоминанія о Тепляковѣ", „Отеч. Зап." 1843 года, т. 28, от. VIII); этотъ знаменитый оріенталистъ сначала былъ адъюнктомъ азіатскихъ языковъ въ Спб. Академіи Наукъ, сопровождалъ нашего посла, гр. Головкина (1805 года) въ Китай, затѣмъ производилъ изслѣдованія объ азіатскихъ народахъ; былъ потомъ въ Парижѣ профессоромъ восточныхъ языковъ. Отзывъ Клапрота объ открытіяхъ Теплякова тѣмъ большее имѣетъ значеніе, что, вообще, при оцѣнкѣ трудовъ другихъ изслѣдователей мнѣніе Клапрота не отличалось безпристрастіемъ.

[2]) То-есть, что вышепоименованный путешественникъ могъ бы свободно довести до всеобщаго свѣдѣнія свои интересныя наблюденія.

2.

30 марта 1831 г., Одесса.

Имѣю честь препроводить при семъ къ вамъ, почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ, два новыхъ стихотворенія, присланныхъ для здѣшняго альманаха. Сдѣлайте дружбу, вручите ихъ цензору и попросите выпустить, какъ возможно поскорѣе, въ особенности Человѣка [1]) Державина; за нимъ остановка въ типографіи. Думаю, что вторая половина альманаха, въ коей находится наша элегія «Сарданапалъ» и проч., расквиталась съ цензурнымъ карантиномъ: если да, то потрудитесь вручить все сіе гонцу моему, чѣмъ до безконечности обяжете.

3.

23 мая 1831 г., Одесса.

Почта ни подъ какимъ видомъ не хочетъ принимать, почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ, здѣшняго альманаха для отправленія во внутреннія губерніи, безъ позволенія цензора. Я напрасно доказывалъ этимъ господамъ, что книга пропущена цензурою; но они не хотятъ ни о чемъ и слышать. Ради всего святаго, потрудитесь выхлопотать отъ г-на Дудровича [2]) всеобщее позволеніе на отправку альманаха. Я далъ слово отправить его съ нынѣшнею почтою и долженъ буду солгать. Все мое упованіе на васъ возлагаю.

4.

19 ноября 1831 г., Одесса.

Нельзя ли, милостивый государь Александръ Григорьевичъ, попросить васъ о доставленіи мнѣ того № Лейпцигской Литературной Газеты, коимъ я уже былъ однажды обязанъ вамъ, и гдѣ упоминается о нашемъ археологическомъ странствіи? Это долженъ быть майскій № 1830 г.—Репе [3]), предпринявшій переводъ нашихъ писемъ на французскій

---

[1]) Ода Державина „Человѣкъ", напечатанная въ „Одесскомъ Альманахѣ" на 1831 г., стр. 153—156, по заявленію издателей, впервые появилась въ этомъ сборникѣ.

[2]) Иванъ Ивановичъ Дудровичъ, профессоръ Ришельевскаго Лицея (1817—1839 г.г.), былъ сначала отдѣльнымъ цензоромъ, а потомъ старшимъ членомъ Одесскаго цензурнаго комитета.

[3]) Кереу былъ одно время редакторомъ французской газеты „Journal d'Odessa".

языкъ [1]), желаетъ имѣть какой-нибудь авторитетъ для ссылки на участіе, принимаемое европейцами въ подобныхъ вещахъ. Вы симъ до безконечности одолжите готоваго къ услугамъ вашимъ.

---

[1]) Впослѣдствіи В. Г. Тепляковъ писалъ къ брату:

16 ноября 1832 г., Одесса.

„Благодарю васъ, любезный братъ Алексѣй Григорьевичъ, за письмо отъ 25-го числа прошлаго мѣсяца и за приложенный при немъ переводъ „Колокола". Изъявите мою искреннюю за оный признательность почтенной и истинно уважаемой мною переводчицѣ. Прочитавъ со всѣмъ должнымъ вниманіемъ драгоцѣнный трудъ ея, я вмѣняю себѣ въ обязанность принести ей прямо отъ себя глубокую за присылку онаго благодарность.

Вы спрашиваете о турецкихъ письмахъ! Гм! Они на мази, на ходу, мой почтеннѣйшій! Плохой успѣхъ стихотвореній и совершенный застой отечественной литературы уничтожали долго, долго всю мою дѣятельность, но наконецъ, какъ бы то ни было, первый томъ конченъ и находится въ рукахъ переписчика. Должно, впрочемъ, полагать, что французскій переводъ нашего странствія выйдетъ гораздо прежде въ Парижѣ, чѣмъ русскій подлинникъ въ Москвѣ или, нѣтъ, въ Петербургѣ. По сему предмету нашъ переводчикъ уже въ перепискѣ съ парижскими книгопродавцами, съ Клапротомъ и, Богъ знаетъ, съ кѣмъ еще—„а дѣва Русская Гаральда презираетъ".

Я уже писалъ вамъ о предполагаемомъ объемѣ 1-го тома. Здѣсь также совѣтуютъ дебютировать 1-мъ. Въ коммерческомъ отношеніи и особенно въ Россіи,—это даже необходимо. Пошлое: qu'en dira-t-on и роковое: qu'en payera-t-on вмѣняютъ намъ даже такое раздѣленіе въ обязанность. Я говорю намъ, а вы, думаю, порядочно поплевываете на наше бѣдное маранье, и я не упрекаю васъ. Обжегшись однажды на проклятыхъ стихотвореніяхъ, что за радость задохнуться отъ угара нашей винигретной прозы? Таковы должны быть объ этой статьѣ ваши мысли, ибо, въ противномъ случаѣ, на вопросъ мой: что дѣлать съ письмами? вы бы отвѣчали: что хочешь, или: прислать ихъ ко мнѣ. Отвѣчали бы прямо, безъ всякихъ излучинъ и, какъ говорится, категорически. Отдаленный отъ Петербурга, что могу я самъ предпринять по сему предмету. Смирдинъ—въ Петербургѣ; изданіе на собственный счетъ—страшно и, кромѣ того, можетъ быть предпринято также въ одномъ Петербургѣ,—что же дѣлать, скажите? Скажите также безъ всякихъ обиняковъ, прислать вамъ рукопись или нѣтъ?

Вы спрашиваете о моихъ намѣреніяхъ,—тѣ же. Если политическій горизонтъ не затмится еще болѣе, если дадутъ паспортъ, если карманный термометръ можетъ подняться до желаемаго градуса, то, безъ сомнѣнія,—въ чужбину весною. Если же Провидѣнію не угодно ни вылѣчить, ни возродить насъ, тогда весною же,—прозябать, умирать въ Москву или въ Питеръ, ибо здѣсь рѣшительно дѣлать нечего. Воронцовъ возвратится завтра изъ Крыма; буду говорить съ нимъ; но о чемъ?—самъ не знаю.

Вы напрасно думаете, что я не принялъ бы полнаго участія въ вашихъ мысляхъ, занятіяхъ, чтеніи. Ваша жизнь въ Дорошихѣ и моя въ Одессѣ,—

А. Ф. Спада [1]—В. Г. Теплякову.

1.

7 апрѣля 1831 г. [2]).

Обращаюсь къ вамъ отъ имени любезной m-lle Морикони [3]) за исполненіемъ вашего обѣщанія; она изволила сдѣлать мнѣ честь и написала сегодня утромъ, освѣдомляясь объ этомъ.

Надѣюсь, милостивый государь, что ваша муза вдохновитъ васъ, и что въ отвѣтъ на эту записку вы будете такъ любезны извѣстить меня о вашемъ намѣреніи отправиться къ ней, чтобы посвятить ее во всѣ красоты русскаго Парнасса; онъ, подъ вашимъ перомъ, конечно, приметъ самую гармоническую и блестящую форму. Имѣю честь быть съ истиннымъ уваженіемъ.

очень мало различествуютъ. Я почти никуда не выхожу, никого не принимаю. На прошлой недѣлѣ хотѣлъ отъ скуки не шутя жениться на прачкѣ Salambier; что же, вѣдь по чести не хуже Дидеротовой Аннеты или Терезіи Ивана Яковлевича Руно! да раздумалъ; чортъ ли въ женитьбѣ! Еслибы вы прочли новую нашу пьеску „Одиночество". Авторъ, если не ошибаюсь, право, жалокъ, глупъ, благочестивъ, — все вмѣстѣ. Элегіи покамѣстъ умерли и Богу вѣсть, когда воскреснутъ. Второй томъ писемъ, если не засну безъ просыпу, надѣюсь кончить къ веснѣ...»

[1]) Анатолій Францискъ Спада (Spada) по однимъ извѣстіямъ происходилъ изъ Ливорно; по другимъ былъ португальскимъ евреемъ, мальчикомъ попалъ во Францію, былъ монахомъ Капуцинскаго ордена, а по уничтоженіи, во время революціи, всѣхъ монастырей, сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ и въ 1801 году явился эмигрантомъ въ Россію, въ качествѣ учителя словесныхъ наукъ. Въ Петербургѣ онъ поступилъ въ домъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Въ 1812 году Спада получилъ званіе почетнаго библіотекаря Императорской Публичной библіотеки, затѣмъ былъ цензоромъ при С.-Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ. По рекомендаціи кн. В. П. Кочубея Спада поступилъ потомъ преподавателемъ французскаго языка и словесности въ Ришельевскій лицей, въ 1827 году. Черезъ два года мы видимъ его въ штатѣ чиновниковъ канцеляріи Одесскаго градоначальства, и затѣмъ на него была возложена должность библіотекаря Одесской Публичной библіотеки. Въ это время онъ продолжалъ заниматься литературой, писалъ французскіе стихи и статьи о драматическомъ искусствѣ. Послѣ Бларамберга Спада принялъ въ свое завѣдываніе Одесскій музей древностей (въ 1833 г.). Будучи его директоромъ и членомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Спада написалъ нѣсколько сочиненій по исторіи и литературѣ. См. „Записки Вигеля". М. 1893 г., ч. VII, стр. 190, 191.—„Записки Одесск. Общ. Исторіи и Древн." т. I, Одесса 1844 г., стр. 591—592, статья Мурзакевича.

[2]) Всѣ письма г-на Спада написаны на французскомъ языкѣ.

[3]) Г-жа Морикони примадонна, любимица одесской публики.

2.

5 января 1833 г.

Весьма благодаренъ вамъ, что вы доставили мнѣ удовольствіе прочитать Мельмота [1]); отсылая вамъ его, спѣшу воспользоваться случаемъ выразить вамъ свою признательность. «Мельмотъ» собственно не романъ, а дьявольская исторія, потому что злой духъ играетъ тамъ первую роль; однако, надо признаться, что тамъ встрѣчаются мысли чрезвычайно вѣрныя, сантиментально-чувствительныя и высоко-нравственныя; но авторъ болѣе всего стремится дѣйствовать на воображеніе читателя, потому, по моему взгляду,—это скорѣе постоянное колдовство, нежели сочиненіе, гдѣ главную роль должна была бы играть одна изъ тѣхъ сильныхъ страстей, которыя потрясаютъ всю жизнь человѣческую.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ искренности моихъ чувствъ и моего уваженія.

3.

26 іюня (8 іюля) 1834 г., Одесса.

Вотъ уже мое пятое посланіе къ вамъ, милостивый государь, а отъ васъ я не имѣю до сихъ поръ ни слова; не знаю даже о прибытіи вашемъ на Ѳракійскій Босфоръ. Предполагаю, что одалиски Великаго Султана такъ очаровали ваше воображеніе, что ихъ прелести не оставляютъ вамъ ни одной свободной минуты. Какъ бы то ни было, милостивый государь, могу вамъ сообщить только одно сколько-нибудь интересное, именно: отъѣздъ въ Петербургъ его сіятельства, гр. Воронцова не только съ каждымъ днемъ подтверждается, но становится, повидимому, совершенно достовѣрнымъ. Несомнѣнно также, что графиня, его супруга, вернется на эти берега въ первыхъ числахъ будущаго августа; что она въ Одессѣ останется очень недолго и что отсюда ея сіятельство отправится въ помѣстье своей матери. Что касается возвращенія къ намъ г-на генералъ-губернатора Новороссійскаго края, все

---

[1]) „Мельмотъ—Скиталецъ“ (Melmoth le vagabond)—романъ извѣстнаго ирландскаго писателя Чарльзъ-Роберта Матюрена (Maturin). [На русскій языкъ переведенъ подъ заглавіемъ: „Мельмотъ скиталецъ“. Сочиненіе Матюрена, автора „Бертрама“, „Альбигойцевъ“ и проч. Перев. съ франц. Н. М., 6 частей. Спб. 1833 г.—„Мельмотъ-скиталецъ“, ром. Чарльза-Роберта Матюрена. Спб. 1894 г., 3 т.

говорятъ, что оно совершится въ половинѣ іюля, значитъ, очень скоро. Мы всѣ здоровы, продолжаемъ прозябать, потому что ничто не является насъ оживить; иностранцевъ почти нѣтъ; итальянская опера, которая должна бы существовать для услажденія жителей этого грустнаго города, не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія. Ухо купцовъ не отзывчиво на сладостные аккорды музыки. Г-нъ и г-жа Репнинскіе поручаютъ мнѣ передать вамъ тысячу привѣтствій. Буду еще имѣть честь написать вамъ по почтѣ въ слѣдующую пятницу; пока, милостивый государь, я весь къ вашимъ услугамъ.

4.

30 іюня (12 іюля) 1834 г., Одесса.

Третьяго дня я получилъ ваше первое посланіе съ великолѣпной датой отъ 10-го сего мѣсяца изъ горделиваго Стамбула; оно во всѣхъ отношеніяхъ доставило мнѣ истинное удовольствіе. Да будетъ всегда хвала Аллаху за его великія милости къ вамъ и пусть самыя соблазнительныя изъ его блестящихъ гурій будутъ вамъ благопріятствовать во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ дневныхъ и ночныхъ. Всѣ ваши подробныя описанія города Константинополя, милостивый государь, чрезвычайно заинтересовали меня, но, къ несчастью, я не могу уѣхать отсюда, чтобы самому взглянуть на всѣ эти чудеса; не могу оставить ни пыльныхъ книгъ моихъ, ни мраморныхъ обломковъ, хранящихся у меня, потому что какъ тѣ, такъ и другіе существенно помогаютъ моему существованію, этому куску хлѣба, который мы такъ мало цѣнимъ въ молодости и который становится столь сладокъ, столь дорогъ, когда физическія силы начинаютъ намъ измѣнять; нѣтъ, милостивый государь, не въ мои годы можно вступать на новое поприще. Чтобы безъ причины отказаться отъ прочнаго благосостоянія, чтобы предпринимать путешествіе на-удачу, вы сами теперь это знаете, насколько русскій человѣкъ это можетъ знать, что, съ цѣлью странствовать по свѣту, нужно имѣть звонкую монету въ своемъ карманѣ, нужно имѣть хорошій кредитъ; вообще необходимо имѣть возможность распоряжаться своею жизнью, чтобы по желанію переноситься съ одного полюса на другой; итакъ, говорю шепотомъ, какъ аббатъ Берни кардиналу Флёри: «я подожду».

Продолжайте ваши прелестные разсказы объ остаткахъ древней Византіи; рисуйте османлисовъ съ той энергіей, которая вамъ такъ

свойственна. Наблюдайте нравы современныхъ мусульманъ, изъ которыхъ хотятъ сдѣлать европейцевъ, не взирая на коранъ, фантастическій и варварскій судебникъ, столь мало гармонирующій съ нашими идеями; работайте, пріобрѣтайте знанія и дайте мнѣ возможность судить о томъ результатѣ, который вы вынесли изъ своего путешествія. Я всегда любилъ Востокъ, эту первобытную страну міра, и вы теперь у его преддверія; изъ этого удивительнаго смѣшенія нравовъ, костюмовъ, обычаевъ, языковъ, физіономій вы сумѣете искусно и остроумно начертать самыя блестящія картины. Этимъ вы, дѣйствительно, окажете большую услугу вашимъ благороднымъ соотечественникамъ, окруженнымъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ массою дурныхъ и глупыхъ романовъ, неважными произведеніями нѣкоторыхъ мнимыхъ ученыхъ, которые, не зная даже элементарныхъ правилъ, роются въ нашихъ старыхъ архивахъ и производятъ длинныя и скучныя сочиненія въ пяти или шести томахъ, къ великому удивленію и часто къ великой скукѣ большинства читателей.

Еще разъ повторяю вамъ, милостивый государь, всѣ единогласно говорятъ, что графъ Воронцовъ отправится въ Петербургъ въ будущемъ августѣ, что онъ будетъ здѣсь, въ Одессѣ, между 15 и 20 іюля. Хотя я передаю и повторяю вамъ это извѣстіе, повидимому, вполнѣ достовѣрное, но все же изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вы нарочно покинули Ѳракійскій Босфоръ съ цѣлью тотчасъ вернуться на эти берега; это, повторяю, не должно служить препятствіемъ вашей поѣздкѣ въ Магнезію, Смирну, Коссъ, Ѳеесъ и другіе города Малой Азіи. Чѣмъ дальше вы предполагаете удалиться отъ нашихъ странъ, тѣмъ болѣе, конечно, вы взвѣсили ваше положеніе и сознали, можете ли разсчитывать на сочувствіе къ подобному путешествію, все съ тою же цѣлью, подъ высокимъ покровительствомъ вышеназваннаго лица. Что касается меня, то я всегда думалъ и продолжаю еще думать, что если вы возвратитесь сюда послѣ продолжительнаго пребыванія въ странахъ, гдѣ вы теперь путешествуете, съ богатыми и основательными знаніями въ изысканіяхъ, на васъ возложенныхъ, не муча себя догадками о цѣли ихъ, то вашъ трудъ могъ бы устранить многія препятствія; онъ позволилъ бы вамъ по справедливости испрашивать и добиться не только совмѣстнаго переѣзда черезъ обширныя пространства отсюда на берега Невы, но, наконецъ, достиженія перваго изъ вашихъ желаній; наоборотъ, если вы вернетесь безъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о данномъ предметѣ, ваше скорое возвращеніе можетъ показаться поступкомъ несвоевременнымъ и мало способнымъ снискать вамъ благоволеніе сильнаго начальника, который неоднократно и торжественно обѣщалъ вамъ свою помощь. Вотъ мое мнѣніе на этотъ счетъ, другаго у меня нѣтъ.

Что касается присутствія двухъ соединенныхъ флотовъ на водахъ Вурли [1]), не думаю, чтобы это было что-либо серьезное, несмотря на паническій страхъ праздныхъ людей Перы и Галаты; было бы, конечно, безумно предпринимать противъ насъ враждебныя дѣйствія; никто не можетъ безнаказанно угрожать намъ, ни принудить насъ измѣнить мнѣніе; мы никому не должны отдавать отчетъ въ нашихъ договорахъ и условіяхъ съ Портою, слѣдовательно, не знаю, почему эти господа могли бы вмѣшаться въ наши сдѣлки съ оттоманами. Пусть они продолжаютъ заниматься промышленностью по-прежнему, торгуютъ съ турецкими купцами сколько имъ угодно, пусть процвѣтаетъ ихъ торговля по всему Востоку, только чтобы они не вредили другимъ. Горе имъ, если они принудятъ Порту идти на сдѣлку; мы приммемъ тогда положеніе, приличное нашему достоинству, и увидимъ, что въ борьбѣ, гдѣ уже теперь все въ нашу пользу, успѣхъ будетъ на сторонѣ русской арміи, а позоръ останется возмутителямъ.

Г-нъ и г-жа Репнинскіе и всѣ ваши другіе хорошіе знакомые поручаютъ мнѣ передать вамъ тысячу привѣтствій. Вашъ слуга, милостивый государь, по словамъ г-на Стоппе, ведетъ себя очень хорошо; онъ сейчасъ извѣстилъ меня, что у него нѣтъ писемъ для меня и что всѣ, имъ полученныя, были переданы въ домъ Штиглица и К°. Пишите мнѣ чаще, а пока примите увѣреніе въ искренности моихъ чувствъ и въ совершенномъ уваженіи.

5.

27 сентября 1834 г. Одесса.

Третьяго дня я имѣлъ честь написать вамъ очень длинное письмо и полагаю, что въ ту минуту, когда вы получите это, первое уже будетъ въ вашихъ рукахъ. Вчера, г. Гагемейстеръ говорилъ, что ея величество государыня императрица пожаловала вамъ перстень [2]), что этотъ по-

---

[1]) Вурла, небольшой коммерческій портъ въ Азіатской Турціи (Анатолія) при заливѣ къ юго-западу отъ г. Смирны.

[2]) Перстень этотъ былъ присланъ съ слѣдующимъ письмомъ Жуковскаго: «Имѣю честь препроводить къ вамъ перстень, всемилостивѣйше пожалованный вамъ ея императорскимъ величествомъ государынею Александрою Ѳеодоровною, и письмо, съ коимъ перстень былъ мнѣ доставленъ отъ секретаря ея величества, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шамбо. Прося васъ покорно меня извѣстить о полученіи, съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть В. Жуковскій». С.-Петербургъ 21 іюля 1834 г.

Шамбо писалъ В. А. Жуковскому:

«Доставленную ко мнѣ вашимъ превосходительствомъ при письмѣ отъ

четный подарокъ былъ присланъ сюда г-жѣ Зонтагъ [1]) и что по вашемъ возвращеніи она вамъ его передастъ. Не знаю, ожидали ли вы этотъ августѣйшій даръ; вѣрно то, что онъ весьма лестенъ и въ то же время доставляетъ удовольствіе. Вы говорите въ письмѣ изъ Смирны отъ 30 августа стараго стиля, что мѣсто, называемое Мелесъ или Забаккана, неизвѣстно никому; однако, по словамъ Страбона, извѣстно, что мѣсто, называемое М е л е с ъ или З а б а к к а н а, было гротомъ по сосѣдству рѣки того же имени, гдѣ, говорятъ, Гомеръ написалъ свои безсмертныя произведенія. Геродотъ, жившій около 400 лѣтъ послѣ пѣвца Ахиллеса, въ жизнеописаніи этого царя эллинской поэзіи говоритъ, что Критеисъ въ концѣ своей беременности отправилась со многими другими, знакомыми ей женами, на праздникъ, справляемый на берегу Мелесъ, и родила тамъ Гомера; онъ появился на свѣтъ не слѣпымъ, какъ думаютъ, но вполнѣ одареннымъ чувствомъ зрѣнія. Мать его, прибавляетъ Геродотъ, дала ему имя Мелесиженъ, по названію рѣки, возлѣ которой онъ родился. Итакъ Гомеръ родился въ Смирнѣ или около Смирны, а не въ Хіосѣ, по словамъ вышеупомянутаго историка, который утверждаетъ, что собралъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи этого знаменитаго отца поэзіи. Критеисъ, его мать, помѣстила его съ ранняго дѣтства къ нѣкоему Ѳеміусу, дававшему уроки философія и музыки за очень маленькое вознагражденіе небогатымъ дѣтямъ Смирны. Критеисъ, бѣдная вдова, безъ всякихъ средствъ, занималась мытьемъ шерсти въ лавкѣ этого Ѳеміуса; то, что отъ него за это получала, уходило на плату за ѣду и обученіе молодаго Гомера. Новѣйшіе ученые могутъ позволять себѣ быть разногласными о мѣстѣ рожденія, происхожденія и первыхъ годахъ Гомера, но Геродотъ, самъ уроженецъ главнаго города Каріи (Галикарнасъ), соотечественникъ, такъ сказать, отца поэзіи, жившій около 500 лѣтъ до нашей эры, современникъ Солона, Софокла, Мильтіада, безъ сомнѣнія способнѣе, чѣмъ кто-либо, разрѣшить этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что портфель вашъ полонъ самыми любопытными историческими свѣдѣніями, потому что Востокъ, эта первобытная страна, неисчерпаемъ; это – страна чудесъ; это—страна

---

27 апрѣля книгу подъ названіемъ: П и с ь м а о Б о л г а р і и я имѣлъ
счастіе всеподаннѣйше представить государынѣ императрицѣ, и ея импера-
торское величество, въ знакъ высочайшаго своего благоволенія за поднесе-
ніе оной, всемилостивѣйше соизволила пожаловать автору б р и л ь я н т о-
в ы й п е р с т е н ь, который я имѣю честь у сего препроводить къ вамъ,
милостивый государь, и покорнѣйше прошу принять трудъ доставить оный
г. Т е п л я к о в у, а меня почтить увѣдомленіемъ о полученіи онаго. Иванъ
Шамбо». 6 іюня 1834 г.

[1]) Анна Петровна Юшкова, родственница и большой другъ В. А. Жуковскаго, была замужемъ за капитаномъ надъ Одесскимъ портомъ, Егоромъ Васильевичемъ Зонтагъ.

первыхъ писателей, первыхъ поэтовъ, первыхъ законодателей; оттуда возникли первыя понятія о всемъ томъ, что воспламеняетъ сердце, что возвышаетъ душу, что придаетъ чувствамъ ту теплоту, ту жизнь, ту силу мысли и понятія, ни съ чѣмъ не сравнимыя. Весьма хотѣлось бы продолжать это интересное разсужденіе, но меня торопятъ, прося кончить какъ можно скорѣе, такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ купеческій корабль отправится къ вашимъ прелестнымъ и заразнымъ берегамъ.

Скажу вамъ только одно, что генералъ-губернаторъ этихъ губерній появится на нѣсколько дней въ нашемъ городѣ 1-го или 2-го будущаго октября и останется у насъ всего 5 или 6 дней съ тѣмъ, чтобы потомъ ѣхать въ Крымъ, гдѣ онъ встрѣтится со своею супругою и своими дѣтьми.

Г-жа Репнинская и всѣ ея домашніе поручаютъ мнѣ передать вамъ множество дружескихъ привѣтовъ.

6.

21 августа (2-го сентября) 1837 г. Одесса.

Изъ вашего любезнаго письма отъ 10 (22) этого мѣсяца узналъ я пріятное извѣстіе, что вы находитесь наконецъ въ стѣнахъ Византіи; вы доставили бы мнѣ истинное удовольствіе, приславъ копію съ вашей записки о реставраціи Аѳинскихъ памятниковъ, я бы ею воспользовался и сохранилъ бы о ней сладостное воспоминаніе; однимъ словомъ, находясь у меня, она была бы оцѣнена по достоинству.

Да, милостивый государь, черезъ десять дней, городъ нашъ будетъ осчастливленъ присутствіемъ нашихъ августѣйшихъ монарховъ [1]), послѣ блестящихъ Вознесенскихъ маневровъ, гдѣ на одномъ мѣстѣ сосредоточатся 50.000 человѣкъ кавалеріи и около 30.000 пѣхоты; половины этого войска было бы достаточно, чтобы совершенно уничтожить имперію Османлисовъ, такъ какъ одряхлѣніе ея очевидно, неоспоримымъ доказательствомъ чего служатъ также первые два тома записокъ маршала Мармона [2]). Что касается насъ, мы обновили [3]) нашу маленькую

---

[1]) По случаю пребыванія ихъ величествъ въ Одессѣ былъ изданъ альбомъ «Воспоминаніе о праздникѣ въ Одессѣ 6-го сент. 1837 г.» съ 4 рис. и планомъ внутренняго расположенія биржевого зала.

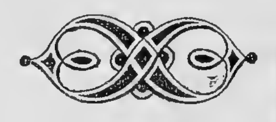
[2]) Marmont. «Voyage en Hongrie, en Transylvanie» etc. Paris 1837. 4 vol. Книга эта переведена: «Мармона, маршала, герцога Рагузскаго. Путешествіе въ Венгрію, Трансильванію, южную Россію по Крыму и берегамъ Азовскаго моря, въ Константинополь, нѣк. части Малой Азіи, Сиріи, въ Палестину и Египетъ. Пер. съ франц. Ксенофонтъ Полевой. 4 ч. М. 1840».

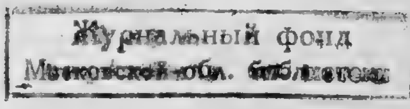
[3]) Праздникъ по случаю посѣщенія императоромъ Одессы былъ устроенъ по подпискѣ городскихъ жителей въ зданіи биржи. Коммиссія, избранная для

столицу Чернаго моря; за то наши каменщики, маляры, слесаря, столяры до сихъ поръ всѣ страшно утомлены и, чтобы ихъ имѣть, нужно заплатить каждому изъ нихъ отъ 10 до 15-ти руб. въ день. У насъ будетъ великолѣпный балъ и два италіанскихъ представленія, и кромѣ того вся Императорская эскадра въ Севастополѣ придетъ маневрировать передъ нашими скромными окнами. Не стану вамъ здѣсь говорить, милостивый государь, объ огромномъ стеченіи иностранцевъ, которые постоянно пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ отсюда въ лагерь и изъ лагеря, который составитъ эпоху въ лѣтописяхъ военныхъ поселеній. Достаточно будетъ вамъ знать, что, начиная съ оттоманскаго посланника при Вѣнскомъ дворѣ до генералъ-адъютанта царствующаго герцога Лукскаго, всѣ придворные прогуливаются у насъ и тратятъ свои деньги въ нашихъ магазинахъ. Вамъ слѣдовало бы навѣстить насъ, воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ, чтобы лично представить г-ну министру иностранныхъ дѣлъ вашу записку о древнихъ памятникахъ Греціи. Разстояніе между нами не такъ велико; касательно разрѣшенія не можетъ быть ни малѣйшаго препятствія; издержки были бы вознаграждены результатомъ. Что вамъ вѣчно дѣлать въ этомъ скучномъ Стамбулѣ, вмѣстилищѣ всѣхъ фанаріотскихъ заблужденій? Ваша записка пробудила бы нашу угасающую любовь къ искусствамъ, и я увѣренъ, что, если бы ее представить такъ, чтобы она была прочитана со вниманіемъ, то еще послѣ нѣкоторыхъ изслѣдованій тѣхъ классическихъ странъ, которыя вы уже два раза посѣтили, вамъ прямо слѣдуетъ быть начальникомъ Петербургскаго музея, а не причисленнымъ къ миссіи, безъ всякой опредѣленной должности. Г-жа Репнинская поручаетъ передать вамъ тысячу любезностей; она для васъ не сдѣлала никакихъ покупокъ. Ваша коляска, милостивый государь, находится въ добромъ здоровьѣ въ сараѣ гр. Эдлингъ.

Сообщилъ **А. Ѳ. Шидловскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

приготовленія торжества, не только обновила все зданіе, но нашла нужнымъ пристроить временную залу для ужина. Все это съ большимъ успѣхомъ было исполнено въ двухмѣсячный срокъ.

Карлъ Андреевичъ Мейеръ.

29-го марта исполнится столѣтіе рожденія нѣкогда хорошо извѣстнаго въ С.-Петербургѣ ботаника Карла Андреевича Мейера. Онъ родился въ Витебскѣ, 29-го марта 1796 года, умеръ въ С.-Петербургѣ въ ночь съ 12 на 13 февраля 1855 года. К. А. слушалъ лекціи въ Дерптскомъ и Кёнигсбергскомъ университетѣ; въ первомъ, по окончаніи курса, удостоенъ званія аптекаря, а во второмъ—степени доктора философскихъ наукъ. Съ 16 января 1826 по февраль 1827 года, Мейеръ путешествовалъ въ составѣ ученой экспедиціи профессора Ледебура на Алтай, а въ 1829 году участвовалъ въ экспедиціи въ Кавказскій край и поднимался на Эльбрусъ. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Мейеръ опредѣленъ былъ (24 іюня 1831 г.) помощникомъ директора Императорскаго Ботаническаго сада, а въ 1832 году перемѣщенъ на ваканцію старшаго помощника. Въ 1839 г. 27 сентября Мейеръ избранъ былъ въ адъюнкты академіи наукъ, въ 1845 г. (2 августа)—въ ординарные академики, а въ 1851 г., 29 декабря, опредѣленъ директоромъ Ботаническаго сада. Мейеръ съ особенною назидательностью умѣлъ представлять богатства растительнаго царства, ввѣренныя его храненію, и ботаническій садъ его времени былъ, сообразно отпускавшимся средствамъ, въ хорошемъ состояніи. Число его сочиненій и статей доходитъ до 50, и большая часть ихъ помѣщена въ изданіяхъ академіи наукъ. Занимался Мейеръ преимущественно систематикою и описаніемъ растеній, и въ этомъ отношеніи русская флора ему много обязана. Такъ, онъ описалъ около 2.000 кавказскихъ растеній, между которыми опредѣлилъ 126 новыхъ видовъ и 8 новыхъ родовъ. Мейеръ окончилъ второе дополненіе «Алтайской Флоры», которую не окончилъ академикъ Бонгаръ, и описалъ въ немъ 331 растеніе съ Зайсанъ-Нора, съ изображеніемъ 18 новыхъ видовъ. Въ цѣломъ рядѣ статей меньшаго объема, Мейеръ описалъ множество новыхъ растеній, вывезенныхъ Александромъ Шренкомъ изъ Зунгаріи — края, оказавшагося весьма богатымъ новыми растеніями. Мейеру мы обязаны опредѣленіемъ растеній, привезенныхъ докторомъ Коленати съ Казбека, а также участіемъ въ обработкѣ растеній, привезенныхъ Миддендорфомъ изъ Восточной Сибири. Его монографіи растеній изъ родовъ Carex, Agrimonia, Rosae cinnamomeae, Cornus, Cirsium и Centaurea, Ephedra, Alynum, Panax, Astragalus, Monolepis и др. превосходны. Онъ же положилъ основаніе сборнику, издававшемуся подъ заглавіемъ «Матеріалы къ ближайшему познанію прозябаемости Россійской Имперіи», которыхъ академія наукъ напечатала одиннадцать выпусковъ.

Сообщилъ **Н. Н. Вакуловскій.**

Поправки.

I.

Редакція получила отъ г. Маріи Спасской письмо слѣдующаго содержанія:

«Въ январьскомъ нумерѣ «Русской Старины» помѣщена статья: «Воспоминанія, мысли и признанія человѣка, доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина», въ которой идетъ рѣчь о профессорахъ Московскаго университета. На первой же страницѣ мнѣ бросилась въ глаза крупная ошибка, о которой я не могу умолчать, какъ дочь того лица, котораго это касается. Авторъ говоритъ, что физика читалась профессоромъ Спасскимъ (Иваномъ Тимоѳеевичемъ) и называетъ его историческимъ человѣкомъ въ томъ смыслѣ, что, онъ какъ врачъ, присутствовалъ при смерти Пушкина.

Позвольте мнѣ заявить, что это большое недоразумѣніе, и возстановить истину.

Мой отецъ—Михаилъ Ѳедоровичъ Спасскій занималъ каѳедру физики въ Московскомъ университетѣ, начиная съ 1839 года (послѣ своего возвращенія изъ-за границы, гдѣ былъ одновременно съ незабвеннымъ Тимоѳеемъ Николаевичемъ Грановскимъ) до начала 1859 года, когда скончался (28-го января). Онъ имѣлъ степень доктора физики и химіи, былъ два раза избираемъ въ деканы физико-математическаго факультета и состоялъ деканомъ до конца своей жизни. На медицинскомъ факультетѣ онъ читалъ только физику, какъ спеціалистъ этого предмета, но не какъ медикъ. Очевидно, что авторъ впалъ въ заблужденіе, смѣшавъ профессора физики Московскаго университета съ профессоромъ медицины въ С.-Петербургскомъ—и потому тѣ достоинства, равно и недостатки, о которыхъ упоминаетъ, не могутъ относиться къ моему отцу, который при томъ же до конца дней своихъ пользовался одинаково обоими своими глазами и никогда не былъ «одноглазымъ».

Все, что я сообщаю, не откажется подтвердить состоявшій адъюнктомъ при моемъ отцѣ и занявшій по смерти его каѳедру физики—Ни-

колай Алексѣевичъ Любимовъ, занимающій въ настоящее время высшій постъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Я вполнѣ увѣрена, что то же самое подтвердятъ и нѣкоторые изъ тѣхъ врачей, которые еще остались въ живыхъ изъ бывшихъ слушателей моего покойнаго отца. Мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться въ обществѣ съ нѣкоторыми докторами, которые продолжаютъ практиковать въ Москвѣ; всѣ они сохранили о моемъ отцѣ самыя свѣтлыя воспоминанія.

Популярность его между слушателями была очень велика, доказательствомъ того служатъ его похороны: студенты несли гробъ его на рукахъ отъ университетской церкви до самаго Лазаревскаго кладбища и весь путь посыпали зеленью и цвѣтами (былъ суровый январь). У меня сохранился некрологъ его, написанный однимъ изъ его сослуживцевъ, гдѣ упомянуты всѣ эти подробности. Въ моихъ же рукахъ и формулярный его списокъ.

Имена большинства профессоровъ, какъ медицинскаго, естественнаго, такъ и юридическаго и словеснаго факультетовъ того времени остались у меня въ памяти; многіе бывали въ домѣ моего отца, и я ребенкомъ ихъ всѣхъ почти видала. Могу также возстановить точное имя профессора Рулье: его звали Карломъ Францевичемъ, а не Францомъ Яковлевичемъ, а профессора Брашмана—Николаемъ Дмитріевичемъ, а не Ѳедоровичемъ.

Очень можетъ быть, что въ вашихъ глазахъ тѣ поправки, которыя я вношу, будутъ малозначащими, но мнѣ, какъ дочери моего покойнаго отца, память котораго я чту съ особымъ благоговѣніемъ, весьма важно, чтобы его личность не была смѣшана съ другимъ лицомъ, быть можетъ тоже весьма достойнымъ, но... во всякомъ случаѣ подобная ошибка непріятна».

Готовая къ услугамъ Марія Спасская.

II.

Въ той же книжкѣ «Русской Старины» въ выноскѣ, на стр. 252, напечатано: «пенсіи пожаловано по 2 руб. въ годъ», слѣдуетъ читать: «пенсіи пожаловано по 2.000 рублей въ годъ».

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ концѣ 1895 года.

Токмаковъ, И. Историко-статистическое и археологич. описаніе церкви во имя преп. Сергія, радонежскаго чудотворца, что въ Пушкаряхъ, въ Москвѣ, и ея прихода. — Москва, 1895.

Письма дьякона Пальмера къ А. С. Хомякову (1845—1853). - Переводъ съ англійскаго.—Москва, 1895.

Императоръ Александръ III.— Спб., 1895.

Веселаго, Ѳ. Ѳ. Матеріалы для исторіи русскаго флота. Часть XV. Спб., 1895.

Серонъ, Анна. Графъ Левъ Толстой. —Перев. съ нѣмец.—Москва, 1895.

Токмаковъ, И. Историко-археологич. описаніе церкви св. Николая Чудотворца, что въ Гнѣздникахъ, близъ Тверской улицы въ Москвѣ.—Москва, 1895.

Василій Ивановичъ Присёлковъ. — Изъ воспоминаній сослуживца. Одесса, 1895.

Дивное событіе 17 октября 1888 года.—Чудесное спасеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Августѣйшимъ Ихъ Семействомъ.—Одесса, 1895.

Подполк. Адариди. Переправы черезъ По въ 1796 г. и черезъ Дунай въ 1809 и 1877 гг.—Спб., 1895.

Чечулинъ, Н. Д. Замѣтки о внѣшней политикѣ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. (Извлечено изъ журнала „М. Н. Пр.", окт. 1895). — Спб., 1895.

Андреевъ, К. А. Василій Григорьевичъ Имшенецкій. Біографич. очеркъ (отд. отт. изъ „Запис. Харьк. Унив." 1895, XIII).—Харьковъ, 1895.

Доронкинъ, Василій. Житіе св. угодника Божія Василія, первосвятителя рязанскаго.—Казань, 1895.

Чаплыгинъ, И. А. Святитель Іоасафъ, епископъ бѣлгородскій. — Спб., 1895.

Ржевусскій, Л. Краткій историческій очеркъ Оршанскаго Кутеенскаго женскаго монастыря.—Орша, 1895.

Добрынкинъ, Н. Воспоминаніе о пребываніи Московскихъ Святынь въ г. Муромѣ въ 1812 г.—Г. г. Владиміръ, 1895.

Отрывки изъ дневника Дмитрія Брянскаго.—Издалъ кн. А. Крапоткинъ. Москва, 1895.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. Декабристы въ Западной Сибири. Очеркъ по оффиціальнымъ документамъ.—Москва, 1895.

Герасимовъ, П. Къ 20-му октября 1895. Святой вѣчнославной памяти Императора - Миротворца Монарха-Праведника Александра III. — Спб. 1895.

Пашкевичъ, М. М. Очеркъ 30-лѣтней дѣятельности Виленскаго Свято-Духовскаго братства.—Вильна, 1895.

Петровъ, Г. И. и Вариковъ, М. Ю. Лодзь. Краткій историко-статистическій очеркъ.—Лодзь, 1895.

Обзоръ Иркутскаго дѣтскаго пріюта за 10-лѣтнее существованіе онаго.—Иркутскъ, 1895.

Іозефовичъ, Ф. По поводу мемуаровъ графа Фейля о кампаніи 1877 — 1878 г. за Дунаемъ. Съ 4-мя картами. — Варшава, 1895.

Ген.-м. Демидовскій, Н. М. Записки о Кавказско-Турецкой войнѣ 1855 — 1856 г.—Кіевъ, 1895.

Памяти Ѳедора Дмитріевича Андреева.—Отд. оттискъ изъ журн. „Наша пища".—Спб., 1895.

Соловьевъ, Е. А. И. А. Гончаровъ. Біографич. очеркъ. (Жизнь замѣчат. людей. Изд. Ф. Павленкова). Спб., 1855.

Токмаковъ. Историко-археологич. и статистич. описаніе церкви Успенія Пресв. Богородицы, что въ Гонча-

рахъ. (Старая и новая Москва, вып. 4-й).—Москва, 1895.

Өедоровъ, Іосифъ. Вѣнокъ на могилу въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III.—Вильна, 1895.

Алферовъ, А. **Грузинскій**, А. **Нелидовъ**, Ф. **Смирновъ**, С. — Десять чтеній по литературѣ. Изданіе А. М. Мамонтова.—Москва, 1895.

Двадцатипятилѣтіе Тамбовскаго Медицинскаго Общества. — Тамбовъ, 1895.

Веревскій, Ф. А. Очеркъ литературной дѣятельности И. А. Крылова. (Рѣчь на актѣ Немировской гимназіи). Немировъ, 1895.

Антоновичъ, В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала.—Оттискъ изъ „Кіев. Слова".—Кіевъ, 1895.

Чернявскій, И. М. Матеріалы по исторіи народнаго образованія въ Екатеринославскомъ Намѣстничествѣ при Екатеринѣ II и Павлѣ I.—Екатеринославъ, 1895.

Статсъ-дама Марія Павловна Леонтьева.—Кіевъ, 1895

Маркевичъ, А. И. Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ Государствѣ въ половинѣ XVII в. –Одесса, 1895.

Бывалькевичъ, М. Б. Веркн. Историч. этюдъ. Оттискъ изъ „Вилен. Вѣстн.".— Вильна, 1895.

Брянцевъ, П. Дм. Состояніе Польши подъ владычествомъ русскихъ императоровъ послѣ паденія ея до 1830 года.—Оттискъ изъ „Виленскаго Календаря" на 1896 г.—Вильна, 1895.

Проф. **Царевскій**, А. А. С. Я. Надсонъ и его поэзія „мысли и печали".— Казань, 1895.

Котовщиковъ, Н. И. Рѣчь, сказанная при открытіи портрета М. А. Хомякова въ госпитальной терапевтич. клиникѣ.—Казань, 1895.

Пѣтуховъ, Е. В. А. С. Грибоѣдовъ.— Рѣчь по случаю 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія поэта.—Кіевъ, 1895.

Краткій очеркъ дѣятельности Оханскаго уѣздн. земства Пермской губ. За 25-лѣтіе его существованія. — Сарапуль, 1895.

Графъ **Шереметевъ**, Сергій. Новый Аөонъ.—Спб., 1895.

Бар. **Шеппингъ** Д. О., Древній Сосенскій станъ Моск. уѣзда. (Изъ „Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс." за 1895, кн. III, т. 174).—Москва, 1895.

Зерцаловъ. Къ матеріаламъ о ворожбѣ въ древней Руси. (Изъ „Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс.", за 1895, кн. III, т. 174).—Москва, 1895.

Жарданія, Ө. Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв. (Изъ „Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс.", за 1895, кн. III, т. 174).—Москва, 1895.

Тонмаковъ, И. Историко-статистич. и археологич. описаніе св. Троицкаго Селенгинскаго мужскаго монастыря Забайкальской области. — Москва, 1895.

Березинъ, А. Краткая записка объ Ильинецкомъ 2-хъ кл. сельскомъ училищѣ Липовецкаго уѣзда Кіевской губерніи.—Немировъ, 1895.

Архангельская, М. В. Препод. Сергій и Троицко-Сергіева Лавра.—Изданіе Общ. распростр. полезныхъ книгъ.— Москва, 1895.

Богаевскій, В. Историч. записка о г. Новочеркасскѣ и его управленіи.— Новочеркасскъ, 1895.

Преосв. **Өеофанъ**, затворникъ Вышенскій.—Москва, 1895.

Игум. **Палладій**. Историко-статистич. описаніе Молчанской Рождество-Богородицкой Печерской мужской общежит. Софроніевой пустыни. — Москва, 1895.

Св. мученица Благовѣрная Княгиня Іульянія (мѣстночтимая). — Москва, 1895.

Свящ. **Невзоровъ**, П. Исторія Сююнбекиной башни, стоящей въ Казанской крѣпости.—Казань, 1895.

Ивановъ, П. А. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV в. — Одесса, 1895.

Корсаковъ, Д. А. Николай Никитичъ Буличъ. Некрологъ. — Казань, 1895.

Кап. **Дубельтъ**. Боевая дѣятельность въ войну 1877—1878 гг. 74-го пѣхотн. Ставропольскаго полка. — Тифлисъ. 1895.

Г—цъ, А. А. Императоръ Всероссійскій Александръ III — Великій Миротворецъ.—Ставрополь, 1895.

Синицынъ, П. А. Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее.—Москва, 1895.

Скворцовъ, Дмитрій. Очерки Тверскаго раскола и сектантства.—Москва, 1895.

М., С. Н. Памяти о. протоіерея Василія Ивановича Романовскаго. — Москва, 1895.

Мухинъ, Н. Кіево-Братскій училищный монастырь. Историко-археологич. очеркъ. (Изъ журн. „Труды Кіев. дух. академіи" за 1895).—Кіевъ, 1895.

Матеріалы для составленія исторіи 42 пѣхотнаго Якутскаго полка.—Кременецъ, 1895.

А. Е. Мерцаловъ. Очерки изъ исторіи Смутнаго времени.—Спб., 1895.

И. А. **Сребницкій.** Очерки изъ исторіи Лицея князя Безбородко. — Нѣжинъ, 1895.

Павловскій, Ф. и **Старковскій,** В. Полтавская битва и ея памятники. Второе изданіе.—Полтава, 1895.

Валаамскій скитъ во имя св. пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна и жизнеописаніе тамошняго подвижника схимонаха о. Іоанна.—Спб., 1895.

Описаніе Красногорскаго Богородицкаго мужскаго общежительнаго монастыря Архангельской губерніи, Пинежскаго уѣзда.—Спб., 1895.

Дмитріевъ, Алек. „Пермская Старина". Сборникъ историч. статей и матеріаловъ. Вып. VI.—Пермь, 1895.

Лебедевъ, Е. М. Спасскій монастырь въ Казани. Историч. описаніе. (Изъ XII и XIII т. „Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этногр."за 1895).—Казань, 1895.

Протоіерей Алексѣй Ивановичъ Баратынскій.—Казань, 1895.

Переписка Филарета, митрополита московскаго съ С. Д. Нечаевымъ. — Спб., 1895.

Сказаніе о жизни, дѣяніяхъ и блаженной кончинѣ Императора Александра III, Великаго Царя Миротворца. — Чтеніе для школъ, народа и войскъ. — Спб., 1895.

Свящ. **Синайскій,** А. Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ.—Спб., 1895.

Арх. **Іеровей.** Брянскій Свѣнскій Успенскій монастырь Орловской епархіи. Изд. второе.—Орелъ, 1895.

Тридцатипятилѣтіе дѣятельности Александра Ивановича Зубчанинова. Спб., 1895.

Тобинъ, А. Призрѣніе бѣдныхъ въ г. Ригѣ. Историческо-статистическій очеркъ.—Рига, 1895.

Частная переписка Григорія Андреевича **Полетики** (1750—1784), съ портретомъ. Изданіе „Кіевской Старины". Редакція и примѣчанія Ал. **Лазаревскаго.**—Кіевъ, 1895.

Сребницкій, И. А. Къ біографіи Георгія Конискаго.—Кіевъ, 1895.

Краткій очеркъ дѣятельности Астраханскаго Благотворительнаго Общества за первое 25-лѣтіе его существованія.—Астрахань, 1895.

Токмаковъ, И. Суздаль, уѣздный городъ Владимірской губерніи за XVII столѣтіе.—Владиміръ, 1895.

Рубинштейнъ, С. Ф. Судьба межеваго дѣла въ губерніяхъ Западнаго края.— Оттискъ изъ „Вилен. Вѣстн.", 1895.

Брянцевъ, П. Дм. Очеркъ паденія Польши. — Оттискъ изъ „Вилен. Календаря" за 1895.—Вильна, 1895.

Виленская святая и чудотворная икона Божіей Матери. Къ 400-лѣтію ея пребыванія въ Вильнѣ. — Вильна, 1895.

Акаемовъ, Н. Ѳ. Куявы. Историко-этногр. очеркъ.—Варшава, 1895.

Перекрестовъ, Н. Краткій очеркъ дѣятельности въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.—Варшава, 1895.

Кирпичниковъ, А. И. Н. В. Гоголь. Біографич. очеркъ. Общедоступная лекція.—Одесса, 1895.

Токмаковъ, И. Историко-статистическое и археологическое описаніе церкви въ честь Вознесенія Господня въ г. Суздалѣ Владимірской губерніи. — Москва, 1895.

Угрѣша. Историческое описаніе Николаевскаго-Угрѣшскаго общежительнаго монастыря. Изданіе пятое. — Москва, 1895.

Александровъ, А. И. Царь-Освободитель, Преобразователь и Просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II.—Открытіе памятника въ Казани 30 авг. 1895 г.—Казань, 1895.

Св. Благовѣрная Вел. Кн. Московская Евдокія, во инокиняхъ преподобная Ефросинія, основательница Москов. Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря. Изд. пятое.—Москва, 1895.

Свящ. **Добровольскій,** М. Краткое описаніе Нижегородскихъ церквей, монастырей и часовенъ. — Нижній-Новгородъ, 1895.

Фиделинъ, И. и **Зыбинъ,** А. Памяти умершаго священника Павла Петровича Колтыпина.—Петроградъ, 1895.

Д., К. П. Воронежское дворянство. — Вып. I. Случайныя замѣтки любителя-генеалога.—Москва, 1895.

Памяти покойнаго протоіерея о. Іакова Димитріевича Брянцева. — Москва, 1895.

Житіе препод. и богон. отца нашего Евѳимія, Суздальскаго чудотворца. 2-е изданіе.—Владиміръ, 1895.

Юзефовичъ, М. В. Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи. Второе изд. Съ біографич. очеркомъ и портретомъ автора.—Кіевъ, 1895.

Рудневъ, Л. О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому гражд. праву въ историческомъ развитіи.—Кіевъ, 1895.

Владимірская женская община, при сельцѣ Филимонкахъ, Московской губерн. Подольск. уѣзд.—Москва, 1859.

*

Листовскій, И. С. Филаретъ, архіепископъ черниговскій. — Черниговъ, 1895.

Краткое извѣстіе о жизни Андрея Павловича Версилова, имъ самимъ написанное и собственною его рукою.—Спб., 1895.

Харузинъ, Н. Н. Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ. — Съ 6-ю таблицами. (Изъ XXIV и XV т. „Этнографическое Обозрѣнія“). — Москва, 1895.

Сорокинъ, П. О распространеніи каменныхъ орудій въ Котельническомъ и Яранскомъ уѣздахъ. — Вятка, 1895.

Силинъ, П. М. Историческое описаніе Валдайскаго Короцкаго во имя святителя Тихона женскаго общежительнаго монастыря Новгородской епархіи.—Новгородъ, 1895.

Исторія построенія Селищенской церкви во имя св. благов. вел. князя Александра Невскаго, въ Новгородской губерніи, Валдайскаго уѣзда. — Спб., 1895.

Житіе, подвиги и чудеса препод. и богоп. отца нашего Сергія.—Редакція В. И. Шемякина. („Приходская Библіотека“).—Москва, 1895.

Житіе преподобныя княжны Евфросиніи Суздальскія. Изданіе второе.— Владиміръ, 1895.

Краткое описаніе Одрино-Николаевскаго монастыря.—Москва, 1895.

П. фонъ-**Винклеръ**. Родословія русскаго дворянства.—Дворяне и графы Путятины. — Дворяне Казнаковы.— Спб., 1895.

Спасовоздвиженскій. Никонъ, патріар. Всероссійскій. Историч. повѣствованіе.—Москва, 1895.

25-лѣтій юбилей служенія престолу и отечеству тайнаго совѣтника Н. А. Сергіевскаго въ должности Попечителя Виленскаго учеб. округа. — Вильна, 1895.

Одесса 1794—1894. Изданіе Городскаго Обществ. Управленія. Вып. II.— Одесса, 1895.

Г., Ю. Памяти Василія Ксенофонтовича Виноградова.— Ѳеодосія, 1895.

Свѣдѣнія о времени распространенія христіанства въ мѣстностяхъ, входящихъ нынѣ въ предѣлы Тверской епархіи. — Перепечатано изъ №№ 14 и 15 „Твер. Епарх. Вѣд.“, 1895.—Тверь, 1895.

Коршенбоймъ, К. Х. Историческій очеркъ Александровской Город. больницы въ Харьковѣ за 25 лѣтъ.—Харьковъ, 1894.

Проф. **Поповъ**, М. А. Профессоръ Дометій Константиновичъ Родзаевскій и его литературная дѣятельность. — Оттискъ изъ журн. „Соврем. Клиника“, 1895.—Харьковъ, 1895.

Силинъ, П. М. Молчальница Вѣра Александровна (изъ журн. „Русскій Паломникъ“).—Спб., 1895.

Бесѣды по русской исторіи. Книга для чтенія въ школѣ и дома. — Спб., 1895.

Силинъ, П. М. Освященіе церковно-приходской школы на берегахъ рѣки Шелони. Перепечатка изъ „Русскаго Паломника“, за 1893, №№ 42 и 43. — Новгородъ, 1895.

Соловьевъ, М. Святая Земля и Имп. Правосл. Палестинское Общество. — Спб., 1895.

Михайловскій, И. Н. Очеркъ жизни и службы Николая Спаѳарія въ Россіи.—Кіевъ, 1895.

Гренъ, А. Н. Краткій очеркъ исторіи Кавказскаго перешейка. Вып. I. Языческій періодъ.—Кіевъ, 1895.

Дитятинъ, И. И. Статьи по исторіи русскаго права.—Спб., 1895.

Ивановъ, К. А. 50-лѣтіе С.-Петербургской Пятой Гимназіи.—Спб., 1895.

Изъ записокъ Царевича **Теймураза**. Взятіе Тифлиса Ага-Магомедъ-ханомъ въ 1795 г. Изданіе К. Бѣгичева. — Тифлисъ, 1895.

Ягодкинъ, Петръ. Бакинская памятка. Краткая исторія 153 пѣхотнаго Бакинскаго полка.—Александрополь, 1895.

Зубковъ, В. И. Петръ Владиміровичъ Дмитріевъ. Незабвенной памяти честнаго общественнаго дѣятеля.—Казань, 1895.

Порозовская, Б. Д. А. Д. Меншиковъ, его жизнь и государственная дѣятельность. (Жизнь замѣч. людей. Біогр. библ. Ф. Павленкова).—Спб., 1895.

Смирновъ, В. Д. Аксаковы, ихъ жизнь и литературная дѣятельность. (Жизнь замѣч. людей. Біографич. библ. Ф. Павленкова).—Спб., 1895.

Курчевичъ-Северукъ, В. М. Выводъ о происхожденіи прозвищъ: Северукъ и Курчевичъ-Северукъ.—Минскъ, 1895.

Проф. **Боголюбовъ**, А. П. Воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III.—Спб., 1895.

Переписка Я. К. **Грота** съ П. А Плетневымъ. Издана подъ ред. К. Я. Грота. Т, I.—Спб. 1896.

Ивановъ, Ив. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. — Изд. журнала „Міръ Божій“.—Спб., 1896.

Верещагинъ, Александръ. У болгаръ за границей 1881—1893 г Воспоминанія и разсказы.—Спб., 1896.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1896 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

II. Портретъ А. И. Герцена. Грав. К. Адтъ.
(При 2-й книгѣ).

III. Портретъ архим. Петра Каменскаго. Грав. К. Адтъ.
(При 3-й книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Исторія русской литературы.

Библіографическіе указатели.

Библіографическій листокъ.

скихъ при Московскомъ университетѣ». Н. И. Кашкадамова (на обертке февральской книги).

4. М. Дьяконовъ. Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Спб. 1895 г. Н. И. Кашкадамова (тамъ же).

5. Biblioteka ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. T XIII. Warszawa. 1895 r. Dyaryusz wojny moskiewskiej 1633 r. Z rękopisu wydal i przedmową zaopatrzyl Alexander Rembowski. Г. А. Воробьева (на оберткѣ мартовской книги).

6. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Выпуски первый и второй. Составилъ В. Зелинскій. Спб. 1895 г. Н. И. Кашкадамова (тамъ же).

7. Очерки тверскаго раскола и сектантства. Составилъ магистръ богословія Дм. И. Скворцовъ. Москва. 1895. Н. И. Кашкадамова. (тамъ же).

Открыта подписка на 1896 годъ

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ ГОРОДѢ КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ. **Обзоръ текущей прессы и журналистики. Ежедневныя политическія телеграммы. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края.** Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе этого отдѣла. **Казанская хроника:** земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. **Судебная хроника. Библіографія. Театръ и музыка,** отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. **Ежедневное обозрѣніе** текущей и международной жизни. **Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство. Торговый отдѣлъ:** корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и внѣшней торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. **Фельетоны и беллетристика.** На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и **общедоступныя статьи научнаго содержанія,** составленныя спеціалистами. Тиражи выигрышей, спр. отдѣлъ, объявленія и проч.

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, А. Н. Барановъ, И. И. Бабушкинъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блиновъ, М. П. Бородинъ, проф. Буддэ, проф. А. В. Васильевъ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркави, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ф. Гусевъ, Б. В. Добрышинъ, П. Добротворскій, С. Я. Елпатьевскій, П. В. Засодимскій, А. П. Ивановъ, В. Е. Ильковъ, И. И. Ивановичъ, А. П. Карасковичъ, Корнгольдъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лаппо, А. Г. Любарскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, проф. Н. А. Миславскій, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Б. П. Онгирскій (Б. Ленскій), Островская, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. И. Слугиновъ, В. Н. Соловьевъ, проф. Н. В. Сорокинъ, В. С. Сѣрова, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, Н. Г. Шебуевъ, проф. А. Е. Штукенбергъ, Е. К. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ. съ доставкой:			Для городскихъ подписчиковъ. безъ доставки:			Для иногородн. подписчик.		
На годъ	7 р.	— к.	На годъ	6 р.	25 к.	На годъ	9 р.	— к.
» полгода	4 »	— »	» полгода	3 »	25 »	» полгода	5 »	— »
» 3 мѣсяца	2 »	25 »	» 3 мѣсяца	1 »	75 »	» 3 мѣсяца	2 »	75 »
» 1 мѣсяцъ	— »	75 »	» 1 мѣсяцъ	— »	60 »	» 1 мѣсяцъ	1 »	— »

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ **3** р., 1 апрѣля **3** р., 1 іюля **3** р., для городскихъ—**2** р., 1 марта **2** р., 1 апрѣля **2** р., 1 іюня **1** р.

Подписка принимается въ главной конторѣ **Волж. Вѣстника** на Покровской ул., д. Пермяковой, а также въ ея отдѣленіяхъ: при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова, (Воскресенская, городской пассажъ), А. А. Дубровина (Гостиный дворъ), К. П. Алексѣева (Гостиный дворъ), а также въ зданіи Биржи у секретаря, въ Симбирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣляевскій пер., д. Руне), въ Вяткѣ—въ книжномъ магазинѣ Тиханова.

Требованіе на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція **Волжскаго Вѣстника.**

Редакторъ **Н. В. Рейнгардтъ.** Издательница **Л. П. Рейнгардтъ.**

3—3

